

ГЛЕН КУК

Х · Р · О · Н · И · К · И

ЧЕРНОГО ОТРЯДА

Звезды
НОВОЙ
ФЭНТЕЗИ

Звезды
НОВОЙ
ФЭНТЕЗИ

ГЛЕН КУК

Х · Р · О · Н · И · К · И

ЧЕРНОГО
ОТРЯДА

• ЧЕРНЫЙ ОТРЯД • ЗАМОК ТЕНЕЙ •
• БЕЛАЯ РОЗА •

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
К 89

Glen Cook
CHRONICLES OF THE BLACK COMPANY:
THE BLACK COMPANY
SHADOWS LINGER
THE WHITE ROSE
Copyright © 2007 by Glen Cook
All rights reserved

Перевод с английского
Андрея Новикова, Даниэля Смушковича, Максима Шведова

Серийное оформление и оформление обложки
Виктории Манацковой

Иллюстрации Владимира Гусакова

© А. В. Новиков, перевод, 2021
© Д. М. Смушкович, перевод, 2021
© М. М. Шведов, перевод, 2021
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-11477-7

ЧЕРНЫЙ ОТРЯД

*Этот роман посвящается
членам Общества научной фантастики Сент-Луиса.
Я люблю вас всех*

Посланник

Одноглазый сказал, что чудес и знамений было предостаточно и если мы неправильно их истолковали, то винить нам следует лишь себя. Все мы крепки задним умом, но Одноглазому в этом нет равных. Это все, наверное, из-за увечья.

Молния, сверкнув посреди ясного неба, поразила Некропольский холм — задела бронзовую табличку, запечатывавшую склеп форва-лак, и вдвое ослабила сдерживающее их заклинание. Выпал каменный град. Закровоточили статуи. Жрецы нескольких храмов сообщили о жертвенных животных, у которых то сердца не было, то печени. Одна почти выпотрошенная жертва даже сбежала — ее так и не поймали. В Развильных бараках, где размещались городские когорты, образ Теуса повернулся кругом. Девять вечеров подряд десять черных стервятников кружили над Бастионом, а потом один из них прогнал орла, обитавшего на верхушке Бумажной башни.

Астрологи отказывались глядеть в небеса, опасаясь за свою жизнь. По улицам бродил безумный предсказатель, возвещающий близкий и неизбежный конец света. А на фасах покинутого орлом Бастиона плющ засох и сменился каким-то ползучим растением, чьи листья теряли черноту лишь при самом ярком солнечном свете.

Но подобное случалось и раньше, из года в год. Задним числом что угодно можно выдать за предвестие, тут большого ума не надо.

И все же события не должны были застать наш Отряд врасплох. Как-никак у нас четыре собственных колдуна, пусть и со скромными способностями. Конечно, столь изощренным искусством, как гадание на овечьих потрохах, наши колдуны не владеют, но художественно они должны охранять нас от таящихся в будущем опасностей.

Впрочем, лучший авгур всегда тот, кто предсказывает будущее по знамениям прошлого. Его успехи зачастую поразительны.

Берилл непрерывно трясло и шатало, он мог в любую минуту рухнуть в пропасть хаоса. Самый великий из Драгоценных городов пребывал во власти дряхлости, упадка и безумия; в нем витали миазмы разложения нравов; здесь все говорило о вырождении. По его ночным улицам могло красться что угодно и кто угодно, и лишь последний глупец удивился бы этому.

Я распахнул настежь все ставни, молясь о ветерке с гавани, пусть даже воняющем тухлой рыбой и нечистотами. Увы, ветра не хватило бы даже колыхнуть паутину. Я вытер вспотевшее лицо и встретил первого пациента недовольной гримасой:

— Опять вошек подхватил, Кудрявый?

Тот слабо ухмыльнулся. Лицо у него было бледным.

— Да нет, Костоправ. Живот болит.

Его макушка напоминала отполированное страусовое яйцо, отсюда и прозвище. Я сверился с расписанием караулов и нарядов. Все нормально, уклоняться Кудрявому вроде не от чего.

— Здорово прихватило, честное слово.

— Гм... — Я уже понял, в чем дело, и напустил на себя профессиональный вид. Несмотря на жару, кожа у Кудрявого была холодная и липкая. — Скажи-ка, ты ел недавно где-нибудь в городе?

На его лысину спикировала муха и принялась разгуливать, словно завоеватель. Он этого даже не заметил.

— Ага. Раза три-четыре.

— Гм... — Я намешал вонючую микстуру, внешне похожую на молоко. — Выпей. До дна.

От первого же глотка он скривился.

— Слышь, Костоправ, я...

Аромат лекарства даже меня пронял.

— Пей, приятель. Двоих я не сумел спасти — слишком поздно отыскал это противоядие. А вот Лодырь его выпил и жив остался.

Об этом уже многие слышали. Кудрявый выпил.

— Выходит, то отравы была? Синие, будь они прокляты, мне чего-то подмешали?

— Успокойся, ничего с тобой не будет. — Мне пришлось вскрыть Косоглазого и Дикого Брюса, чтобы узнать причину их смерти — хитро действующий яд. — Приляг у окна, там попрохладнее будет... если, конечно, этот чертов ветерок когда-нибудь подует. И лежи спокойно, пусть лекарство делает свое дело. — Я уложил его на кушетку. — Расскажи-ка, что ты ел.

Я взял перо и склонился над прищипленной к столу картой города. Лодыря и Дикого Брюса, пока тот был жив, я уже расспросил, а сержант из взвода покойного Косоглазого по моей просьбе выяснил, где бедняга накануне набивал брюхо. Я не сомневался, что яд парням подсыпали в одной из нескольких таверн рядом с Бастионом, куда частенько заглядывали солдаты. Показания Кудрявого совпали со словами его предшественников.

— Есть! Вот теперь эти сволочи попались.

— Какие сволочи?! — вскинулся Кудрявый.

Ему не терпелось самому свести счеты.

— Отдыхай. А я к Капитану схожу.

Я похлопал его по плечу и заглянул в соседнюю комнату. Кроме Кудрявого, никто на утренней поверке не назвался больным.

Выбрав длинную дорогу, я пошел по Треянской стене, что нависала над городской гаванью. На полпути остановился и посмотрел на север. Там, за молом, маяком и Крепостным островом, простиралось Пыточное море. Его тусклые серо-коричневые воды были усеяны разноцветными пятнышками каботажных доу, которые ползли по невидимой паутине морских путей, соединяющих Драгоценные города. Воздух над гаванью был неподвижным, тяжелым и туманным, горизонт не просматривался. Но у самой воды резвился вете-рок — возле острова всегда дует легкий бриз, хотя суши он избегает с таким упорством, словно боится подцепить проказу. Неподалеку кружили чайки, угрюмые и вялые. Нам, людям, наступающий день грозил тем же самым.

Еще одно лето на службе у вечно потного и мрачного берилл-ского синдика, которого мы защищаем от политических соперников и вечно буянящих местных войск. Еще одно лето будем рвать задницы, а наградят нас примерно как Кудрявого. Впрочем, нет, платили нам хорошо, но работа была не в радость, не лежала к ней душа. Нашим ушедшим братьям было бы стыдно за нас, узнай они, как низко мы пали.

Берилл погряз в нищете, но все же это древний и загадочный город. Его история напоминает бездонный колодец, наполненный мутной водой. Я иногда развлекаюсь, шаря в его темных глубинах, и пытаюсь отделить факты от домыслов, легенд и мифов. Это нелегкая задача, потому что ранние историки города писали с оглядкой на тогдашних его властителей.

Для меня самый интересный период — эпоха древнего королевства, почти не отраженная в хрониках. Именно тогда, во времена правления Найама, в город пришли форвалаки, и на целое десятиле-

тие воцарился ужас. В конце концов они были побеждены и замурованы в склепе на Некропольском холме. Отголоски тех страстей сохранились в фольклоре, например в предостережениях, которыми матери увещевают непослушных детей. Сейчас уже никто не помнит, что представляла из себя форвалака.

Я зашагал дальше, понемногу зверея от жары. В своих будках прятались от солнца часовые, обмотав шеи полотенцами.

Ветерок застал меня врасплох. Я повернулся к гавани. Мимо Крепостного острова шел корабль — огромное неуклюжее чудовище, по сравнению с которым доу и фелюки выглядели карликами. В центре пузатого черного паруса выпирал серебряный череп, окаймленный мерцающим серебряным кольцом. Глазницы светились красным, в щербатой пасти вспыхивали огоньки.

— Это еще что за хреновина? — спросил часовой.

— Не знаю, Снежок.

Размер корабля поразил меня даже больше, чем парус. Четырем колдунам нашего Отряда вполне по силам сотворить нечто столь же эффектное, но мне никогда не случалось видеть галеру с пятью рядами весел.

Я вдруг вспомнил о своих обязанностях.

Когда я постучал в дверь Капитана, тот не ответил. Я сам пригласил себя войти и увидел его храпящим на большом деревянном стуле.

— Тревога! — взревел я. — Пожар! Стон взбунтовался! Танцор ломится во врата Рассвета!

Танцор — генерал, когда-то едва не уничтоживший Берилл. Люди до сих пор вздрагивают, услышав его имя.

Капитан даже не приподнял веки и не улыбнулся.

— Ты слишком обнаглел, Костоправ. Когда наконец научишься соблюдать субординацию?

Намек на субординацию означал, что мне полагалось сперва потревожить Лейтенанта. Сон начальства священен, и прерывать его дозволено только в исключительных случаях — например, если синие начали штурм Бастиона.

Я доложил про Кудрявого и показал выявленное место на карте. Капитан снял ноги со стола.

— Похоже, для Добряка есть работенка, — хмуро заключил он.

Черный Отряд не прощает покушений на своих братьев.

Добряк — самый злобный из наших взводных. Он решил, что дюжины человек вполне хватит, но разрешил мне и Молчуну присоединиться. Я могу заштопать раненых, а Молчун пригодится на

тот случай, если синие полезут в бутылку. Молчун задержал нас на добрых полдня, отправившись на «короткую» прогулку в лес.

— Ты чего затеял? — поинтересовался я, когда он вернулся с ветхим мешком за спиной.

Он лишь ухмыльнулся в ответ. Молчун, он и есть Молчун.

Заведение, куда мы направились, называлось «У мола» — уютная таверна, в которой я провел немало вечеров. Добряк послал троих к задней двери и поставил по два человека у каждого из двух окон. Еще двое забрались на крышу. У любого здания в Берилле есть люк на крыше — летом люди предпочитают спать наверху.

Остальные вошли через главный вход.

Добряк, парень невысокий и задиристый, обожает драматические эффекты. Ему только фанфар не хватало.

Вытаращившись на наши щиты и обнаженные клинки, посетители замерли. Сквозь прорези в забралах на них в ответ глядели мрачные лица.

— Верус! — гаркнул Добряк. — А ну тащи сюда свою задницу!

Появился патриарх семейства, владеющего таверной, и бочком, словно шелудивый пес в ожидании пинка, стал приближаться. Посетители загомонили.

— Молчать! — рявкнул Добряк.

Этот коротышка умел реветь не хуже медведя.

— Чем могу помочь, премногоуважаемые? — спросил старик.

— А теперь, синий, води сюда сыновей и внуков.

Заскрипели стулья. Какой-то солдат вонзил в столешницу нож.

— Сиди спокойно, — охладил его Добряк. — Пришел пообедать, вот и лопай. Через час всех отпустим.

— Я ничего не понимаю, господин, — задрожал старик. — Что мы такого сделали?

— Ловко прикидываешься, Верус, — зловеще ухмыльнулся Добряк. — Ты преступник. Отравитель. Тебе предъявляется обвинение в двух убийствах. И еще в двух покушениях на убийство. Магистрат велел применить «наказание раба».

Добряк откровенно наслаждался происходящим. Я никогда не испытывал к нему симпатии. Он так и остался гадким мальчишкой, обрывающим мухам крылышки.

«Наказание раба» — это когда виновного публично распинают и оставляют на растерзание стервятникам. В Берилле только преступников хоронят без кремации — или вообще не хоронят.

Из кухни донесся шум драки. Кто-то попытался выскользнуть через задний ход. Наши парни явно возражали против этого.

Зал таверны словно взорвался, и на нас ринулась размахивающая кинжалами толпа.

Нас оттеснили к выходу. Те, кто был ни в чем не виновен, опасались, что их заметут за компанию. Правосудие в Берилле быстрое и суровое, оно редко предоставляет обвиняемому возможность оправдаться.

Один из наших рухнул — кто-то ухитрился ткнуть его кинжалом. Боец из меня неважный, но я без колебаний занял место павшего. Добряк что-то буркнул — явно про меня и явно что-то ехидное, — но что именно, я не разобрал.

— Я все слышал, и ты раз и навсегда потерял шанс на бессмертие, — отозвался я. — Хрен тебе теперь, а не Анналы.

— Черт! От тебя ничего не ускользнет.

Дюжина горожан уже полегла, на неровном полу растекались лужи крови. За окнами столпились зеваки. Скоро какой-нибудь искатель приключений нападет на нас сзади.

Добряка кольнули кинжалом, и он потерял терпение.

— Молчун!

Молчун уже трудился, но ведь он Молчун, а это означает: никаких звуков и почти никакого гнева.

Посетители таверны отхлынули, хлопая себя по щекам и размахивая руками. Они подпрыгивали, приплясывали, хватались за спины и задницы, орали и жалобно вскрикивали. Некоторые свалились без сознания.

— Что ты сделал? — спросил я Молчуна.

Тот ухмыльнулся, продемонстрировав острые зубы, и провел грязной рукой у меня перед глазами. Я увидел таверну словно в другой перспективе.

В мешке, который Молчун притащил с собой, было осиное гнездо, — если вам здорово не повезет, можете наткнуться на такое в лесах южнее Берилла. Обитателями гнезда оказались смахивающие на шмелей чудовища, которых крестьяне называют лысорожами шершнями. Злобнее тварей у матушки-природы нет. Теперь они быстро обрабатывали толпу в таверне, не трогая наших парней.

— Отличная работа, Молчун, — похвалил Добряк.

Он отвел душу на парочке беспомощных посетителей, после чего погнал уцелевших на улицу. Я склонился над одним раненым из наших, а остальные парни тем временем приканчивали еще дышавших противников. «Экономим синдикку расходы на суд и палача» —

так говорил об этом Добряк. Молчун стоял в сторонке и знай себе ухмылялся. Он тоже не из сентиментальных, но редко участвует в расправах.

Мы и не ожидали, что наберется так много пленных. Колонна растянулась на целый квартал.

— Изрядный улов, — подмигнул Добряк. — Спасибо, Молчун.

Судьба — переменчивая сука. Она привела нас в таверну «У мола» в критический момент. Пошарив по тамошним укромным уголкам, наш колдун выявил схрон под винным погребом, где пряталась целая толпа. Среди прятавшихся были и некоторые из лидеров синих.

Добряк громко разглагольствовал о том, какую щедрую награду заслужил осведомитель. Такого, разумеется, не существовало, и весь этот треп был нужен для того, чтобы наши ручные колдуны не стали главными мишенями для ответного удара. Пусть враг ищет несуществующих доносчиков-шпионов.

— А ну двинулись! — приказал Добряк и, все еще ухмыляясь, обвел взглядом угрюмую толпу. — Или хотите рискнуть своими шкурами?

Никто не шелохнулся. Уверенность Добряка охладила даже самые горячие головы.

Наша колонна растянулась по лабиринту старинных улочек. Пленники брели молча, а я не таясь пялился по сторонам. Мои товарищи равнодушны к прошлому, но я не мог не дивиться — подчас с почтительным трепетом — тому, сколь глубоко уходит в былое история Берилла.

Неожиданно Добряк велел остановиться. Мы вышли к проспекту Синдиков, который начинается у Таможни, тянется через центр и заканчивается возле главных ворот Бастиона. По проспекту двигалась процессия, и, хотя мы подошли к перекрестку первыми, Добряк решил уступить дорогу.

Процессия состояла из сотни вооруженных людей, выглядевших покруче любого отряда в Берилле, за исключением нашего. Во главе ехал кто-то черный на вороном жеребце — такого огромного коня мне еще видеть не доводилось. Всадник был мал ростом, женоподобно худ и затянут в потертую черную кожу. Черный морион полностью скрывал его лицо, а черные перчатки — руки. Оружия я не заметил.

— Будь я проклят!.. — прошептал Добряк.

Я встревожился. Всадник выглядел страшно; нечто первобытное, таившееся в самой глубине моей души, побуждало броситься наутек. Но неистребимое любопытство удерживало на месте. Кто он такой? Не на том ли загадочном корабле приплыл? Что ему здесь нужно?

Взгляд невидимых глаз всадника скользнул по нам равнодушно, словно по стаду овец. Потом незнакомец резко обернулся и уставился на Молчуна.

Тот выдержал взгляд, не показав страха. И все же у меня создалось впечатление, что его каким-то образом унизили.

Процессия проследовала мимо, вышколенная, дисциплинированная. Потрясенный Добряк, все еще не придя в себя, велел пленникам двигаться дальше. Когда мы следом за чужаками вошли в ворота Бастiona, нас разделяло лишь несколько ярдов.

Мы арестовали почти всех самых непримиримых лидеров синих. Когда молва о нашем налете распространилась, те смутьяны, что пошустрее, решили размять мускулы. Из брошенной ими искры разгорелось чудовищное пламя.

Погода, которая никогда не бывает сносной, скверно влияет на способность рассуждать здраво. Толпа в Берилле — воплощенная дикость. Бунты вспыхивают почти без причины. А уж если доходит до крайностей, погибших считают тысячами. Этот бунт оказался одним из самых жестоких.

Половину вины за него следует возложить на армию. Вереница слабых, быстро сменяющих друг друга синдиков сильно расшатала дисциплину, войска стали неуправляемы. Хотя бунтовщикам они обычно очень даже рады, рассматривая приказ подавить бунт как разрешение на грабеж.

Но случилось наихудшее. Несколько когорт из Развильных барачков, прежде чем отправиться наводить порядок, потребовали особой оплаты, причем авансом. Синдик платить отказался.

Когорты взбунтовались.

Взвод Добряка спешно закрепился возле Мусорных врат и сдерживал все три когорты. Почти все наши погибли, но никто не победил. Сам Добряк потерял глаз и палец, был ранен в плечо и бедро, а в его щите, когда подоспела подмога, насчитали более сотни дырок. Взводного принесли ко мне скорее мертвым, чем живым.

Кончилось все тем, что бунтовщики предпочли разбежаться, чем сразиться лицом к лицу с остальным Черным Отрядом.

Такого жестокого мятежа я не помнил. Мы потеряли почти сотню братьев, а ведь всегда считалось, что даже один убитый — это

слишком много. Но мы поквитались за каждого — мостовые Стона были устланы ковром из трупов. Крысы ходили жирные, а с окраин на городские улицы перебрались стаи ворон и стервятников.

Капитан приказал Отряду укрыться в Бастионе.

— Подождем, пока все само заглохнет, — сказал он с отвращением. — Мы хорошо поработали. Контракт не требует от нас самоубийства.

Кто-то пошутил насчет того, что мы сами себе враги. Мол, осталось только на собственные мечи броситься.

— Похоже, синдик именно этого от нас и ждет.

Берилл плохо действовал на нас, но хуже всего пришлось Капитану. Тот винил во всех наших неудачах себя и даже попытался отказать от командования.

Вошедшая во вкус толпа всячески поддерживала творящийся вокруг хаос, оказывая мрачное, тупое, точечное сопротивление и вмешиваясь в любые попытки тушить пожары или предотвращать грабежи. Но, слава богам, она только этим и ограничивалась. Мятельные когорты, пополнившись дезертирами из других отрядов, убивали и грабили без остановки.

На третью ночь, сдуру вызвавшись нести караульную службу, я стоял на Треянской стене. Город был необычайно тих. Не будь я настолько усталым, насторожился бы, но сил хватало лишь на то, чтобы не заснуть.

Ко мне подошел Тамтам:

— Костопправ? Ты-то здесь откуда?

— Это временно.

— Видок у тебя — краше в гроб кладут. Лучше иди отдохни.

— Да ты и сам не очень-то хорошо выглядишь, коротышка.

Он пожал плечами:

— Как Добряк?

— Пока еще не выкарабкался. — Если откровенно, я почти и не надеялся, что он выживет. Я ткнул пальцем в темноту. — Не знаешь, что там происходит?

Издали донесся одинокий вопль — какой-то странный, не похожий на звучавшие недавно. Те были полны боли, ярости и страха, а этот насыщен чем-то жутким, чем-то темным.

Тамтам покашлял и похмыкал, в точности как это делает его брат Одноглазый. Ах, не знаешь? Ну и не знай дальше. Колдуны, одно слово.

— Ходит слушок, что бунтовщики, когда грабили Некропольский холм, сбили печать на склепе форвалак, — проворчал он наконец.

— Да неужели? И что, эти твари вырвались на волю?

— Синдик полагает, что да. Но Капитан как-то не принял известия всерьез.

Я тоже не принял, хотя Тамтам выглядел встревоженным.

— А те парни, что заявились вчера в город, похоже, крутые.

— Неплохо бы их к нам завербовать, — тоскливо произнес Тамтам.

Они с Одноглазым уже давно служили в Отряде и собственными глазами наблюдали его упадок.

— И что их сюда привело?

Тамтам пожал плечами:

— Ступай, Костоправ, отдохни. Не рви задницу. Никому от твоей усталости легче не станет.

И он заковылял прочь, затерявшись в дебрях своих размышлений.

Я озадаченно поднял бровь, отметив, что Тамтам сильно сдал за последнее время, — и вновь принялся наблюдать за пожарами и кострами. В городе было тихо, и это тревожило. Глаза слипались, огни расплывались. Тамтам прав — нужно выспаться.

Из мрака донесся еще один непривычный, полный отчаяния вопль. На сей раз кричавший находился куда ближе.

— Вставай, Костоправ. — Лейтенант растолкал меня, не церемонясь. — Капитан зовет в офицерскую столовку.

Я застонал. Я выругался. Я пригрозил сделать из Лейтенанта инвалида. Он ухмыльнулся, защемили нервный узел в моем локте и стянул меня с постели на пол.

— Да проснулся я, проснулся, — буркнул я, нашаривая сапоги. — В чем дело-то?

Но Лейтенант уже ушел.

— Добряк оклемается? — спросил Капитан.

— Не думаю, но я всякие чудеса видывал.

Офицеры и сержанты уже собрались.

— Вы все хотите знать, что случилось, — начал Капитан. — Позавчерашний гость оказался заморским посланником. Он предложил союз: военные ресурсы северян в обмен на поддержку флота Берилла. На мой взгляд, разумно. Но синдик заупрямился. Он еще не пришел в себя после завоевания Опала. Я посоветовал быть гибче. Если эти северяне — подонки, союз с ними будет меньшим из

нескольких зол. Лучше быть союзником, чем данником. Главный вопрос сейчас немного другой: как действовать, если посланник потребует слишком многого?

— Значит, если синдик прикажет драться с северянами, то нам следует отказаться? — уточнил Леденец.

— Не исключено. Сражение с чародеем может закончиться гибелью всего Отряда.

Бабах! — грохнула распахнутая дверь. В столовую влетел невысокий жилистый смуглый мужчина с огромным носом. Капитан вскочил и щелкнул каблуками:

— Синдик.

Гость шарахнул по столу обоими кулаками сразу:

— Вы приказали своим людям укрыться в Бастионе. Я плачу вам не за то, чтобы вы прятались, как побитые кнутом шавки.

— Но и не за то, чтобы мы добровольно стали мучениками, — ответил Капитан своим обычным «не-зли-дурака» голосом. — Мы телохранители, а не полиция. Поддерживать на улицах порядок — обязанность городских когорт.

Синдик был на грани срыва — измотанный, перепуганный, отчаявшийся. Как и каждый из нас.

— Будьте благоразумны, — посоветовал Капитан. — Берилл уже миновал точку, после которой возврата нет. На улицах хаос, любая попытка восстановить порядок обречена. Сейчас какое лекарство ни пропиши, больному будет только хуже.

Мне его слова понравились. Я уже успел возненавидеть Берилл.

Синдик слегка сжался.

— А как же форвалака? — спросил он. — И этот стервятник с севера, что ждет возле острова?

Полусонный Тамтам встрепенулся:

— Как-как? Возле острова?

— Да. Дождается, когда я к нему приползу на коленях.

— Интересно, — сказал коротышка-колдун и вновь впал в полудрему.

Капитан и синдик ожесточенно заспорили об условиях контракта. Я принес наш экземпляр. Синдик упорно пытался расширить круг наших обязательств всяческими «да, но...». Все было яснее ясного: он хотел, чтобы мы сражались на его стороне, если посланник выдвинет ультиматум.

Эльмо захрапел. Капитан отпустил всех, а сам остался с нашим нанимателем.

Полагаю, семь часов вполне могут сойти за полноценный ночной сон, поэтому я не задушил Тамтама, когда тот меня разбудил. Все же я ворчал и жаловался на судьбу, пока он не пригрозил превратить меня в одного из идиотиков, вымаливающих подаяние у врат Рассвета. Лишь одевшись и вместе с Тамтамом присоединившись к дюжине других братьев, я спохватился, что так и не выяснил, куда мы направляемся.

— Заглянем в один склеп, — пояснил Тамтам.

— Чего? — Иногда по утрам я не очень сообразителен.

— Мы идем на Некропольский холм. Надо осмотреть склеп форвалак.

— Эй-эй, погоди-ка...

— Что, Костоправ, уже в штаны наложил? Я всегда считал, что у тебя кишка тонковата.

— О чем это ты?

— Да не дергайся. Твою драгоценную задницу будут охранять три лучших колдуна. Одноглазый тоже хотел пойти, да только Капитан велел ему присматривать тут за порядком.

— Я про другое спрашиваю. Зачем мы вообще туда лезем?

— Ну, чтобы узнать что-нибудь новенькое. Существуют ли вампиры, к примеру. Может, это просто туфта, запущенная в город с той уродской посуды, что недавно к нам пожаловала.

— А что, ловко... Пожалуй, нам самим стоило до этого додуматься.

Угроза нарваться на форвалаку сделала то, чего не смогла грубая сила: бунтовщики быстренько разбежались по домам.

Тамтам кивнул и погладил маленький барабан, благодаря которому и получил свое прозвище. Я отметил его задумчивость. Тамтам никогда не признает собственных промахов — в этом он даже своему братцу фору даст.

Город был тих, как поле через пару дней после сражения, и, как уже упомянутое поле, он был полон вони, мух, стервятников и мертвецов. Тишину нарушали лишь топот наших сапог и скорбный вой собаки, охраняющей труп хозяина.

— Цена порядка, — пробормотал я и безуспешно попытался отогнать собаку от тела.

— Стоимость хаоса, — возразил Тамтам и стукнул в барабаник. — А это, Костоправ, не одно и то же.

Некропольский холм выше холмов, на которых стоит Бастион. С Верхней Выгородки, где расположились мавзолеи богачей, можно было увидеть корабль северян.

— Затаился и ждет, — сказал Тамтам. — Как синдик и говорил.

— А почему в гавань не заходит? Кто посмел бы его остановить? Тамтам пожал плечами. У остальных тоже никаких гипотез не было.

Наконец мы подошли к знаменитому склепу. С виду он вполне соответствовал тем слухам и легендам, что о нем ходили, — очень и очень старый, определенно битый молнией, весь в шрамах от различных инструментов. Толстая дубовая дверь была взломана, землю на дюжину ярдов вокруг усеивали самых разных размеров щепки.

Гоблин, Тамтам и Молчун соприкоснулись головами. Кто-то пошутил, что так, мол, у них хотя бы один мозг на троих получается. Затем Гоблин и Молчун встали по обе стороны у входа, чуть поодаль, в нескольких шагах, а Тамтам повернулся к склепу лицом. Он потоптался, как бык, готовый броситься в атаку, нашел нужную точку, затем присел, приподняв и разведя руки, словно пародировал какого-нибудь мастера рукопашного боя.

— Может, откроете все-таки дверь, придурки? — прорычал он. — Болваны! Кругом одни болваны! — Бум-бум по барабанчику. — Стоят и ковыряют пальцем в носу.

Двое из наших подошли и навалились на покореженную дверь. Та, слишком перекосившаяся, поддалась совсем ненамного. Тамтам выбил короткую барабанную дробь, испустил душераздирающий вопль и прыгнул в щель. Гоблин тут же подскочил к двери, но внутрь не полез. Молчун тоже скользнул поближе к склепу.

Внутри Тамтам пискнул по-крысиному, зачихал и сразу выбежал обратно со слезящимися глазами, зажимая нос. Его кожа цвета черного дерева стала серой.

— Это не туфта, — гнусаво бросил он, словно подхватил сильнейший насморк.

— Ты это о чем? — спросил я.

Он показал большим пальцем на склеп. Гоблин и Молчун были уже внутри, они тоже чихали.

Я бочком подобрался к двери и заглянул в склеп, но увидел лишь густую пыль в столбе солнечного света возле входа. Тогда я вошел.

Когда глаза привыкли к полумраку, я увидел повсюду кости. Кости в кучках, кости в штабелях, аккуратно рассортированные каким-то безумцем. Необычные это были кости, вроде и похожие на человеческие, но, на мой лекарский взгляд, каких-то очень странных пропорций. Я насчитал чуть больше пятидесяти тел. Давным-давно склеп набили под завязку — телами форвалак, уж это точно, потому что в Берилле лишь злодеев хоронят без кремации.

Но были там и свежие трупы. Прежде чем меня одолел чих, я насчитал семь мертвых солдат со знаками различия одной из мятежных когорт.

Я выволок одного из мертвецов наружу, бросил его, проковылял в сторону несколько шагов и вывернул желудок наизнанку. Когда полегчало, возвратился, чтобы осмотреть добычу.

Мои спутники меня опередили — стояли кружком с зелеными рожами.

— Призрак на такое не способен, — подытожил Гоблин.

Тамтам согласно закивал. Он был потрясен больше всех. «Как-то даже слишком потрясен. Куда больше, чем следовало бы», — подумал я.

Молчун занялся делом и наколдовал ветерок, который ворвался в дверь склепа, покружился и вылетел вместе с облаком пыли и запахом смерти.

— Ты как? — спросил я Тамтама.

Он глянул на мою лекарскую сумку и отмахнулся:

— В порядке. Просто кое-что вспоминал.

— Что именно? — немного выждав, уточнил я.

— Мы с Одноглазым тогда детьми были. Нас только-только продали в ученики Н'Тамо. Из деревни, что на холмах, прибежал вестник и попросил осмотреть покойника. — Он опустился на колени рядом с мертвым солдатом. — Раны были точно такие же.

Мне стало не по себе. Никто из людей так не убивает. Это тело терзали сознательно и расчетливо. Тут поработал какой-то злобный разум — и от этого было еще страшнее.

Я сглотнул, присел рядом и начал осмотр. Молчун и Гоблин вошли в склеп. В сложенных чашечкой ладонях Гоблина перекатывался янтарный шарик света.

— Крови совсем нет, — заметил я.

— Форвалака забирает кровь, — пояснил Тамтам.

Молчун выволок второй труп.

— И органы, когда есть время, — добавил Тамтам.

Второе тело было вскрыто от паха до горла. Сердца и печени в нем не оказалось.

Молчун опять скрылся в склепе. Гоблин вышел, уселся на разбитый могильный камень и покачал головой.

— Ну что? — спросил Тамтам.

— Реальное существо, никаких сомнений. Наш заморский приятель тут ни при чем. — Он показал пальцем на корабль северян, дрейфующий среди рыбацких лодок и каботажных суденышек. —

В склепе было пятьдесят четыре форвалаки. Они сожрали друг друга. Осталась только одна. Последняя.

Тамтам подпрыгнул, как от загрещины.

— Что с тобой? — спросил я.

— Это значит, что осталась самая злобная, коварная, жестокая и безумная из всех.

— Вампиры, — пробормотал я. — В наши-то дни...

— Это не совсем вампир, — уточнил Тамтам. — Это леопард-оборотень. Человек-кошка, днем ходит на двух ногах, а ночью на четырех.

Я слышал о волках-оборотнях и медведях-оборотнях. Крестьяне, жившие в окрестностях моего родного города, рассказывали про них всякие истории. Но о человеке-леопарде они никогда не упоминали. Я сказал об этом Тамтаму.

— Люди-леопарды водятся далеко на юге, в джунглях. — Он взглянул на море. — И в могилу их полагается закапывать живьем.

Молчун притащил еще один труп.

Леопарды-оборотни, пьющие кровь и пожирающие печень. Очень древние, очень темные существа, в которых тысячелетиями копились ненависть и голод. Ходячий ночной кошмар.

— Вы можете справиться с форвалакой?

— Н'Гамо не смог. Я никогда с ним не сравниюсь, а он, схватившись с молодым самцом, потерял руку и ногу. У нас же здесь старая самка — сильная, свирепая и умная. Все вчетвером мы могли бы ей противостоять. Но одолеть — нет...

— Но раз уж вы с Одноглазым все про них знаете...

— Нет. — Тамтама затрясло, он стиснул барабанчик с такой силой, что тот жалобно закрипел. — Мы не сможем.

Хаос отступил. На улицах Берилла воцарилась мертвая тишина, как в захваченном городе. Даже мятежники прятались по щелям и норам — до тех пор, пока голод не выгонял их к городским зернохранилищам.

Синдик все пытался надеть на Капитана узду, да не тут-то было. Молчун, Гоблин и Одноглазый выслеживали освободившееся чудовище, которое пока вело себя как самое обыкновенное животное, то есть утоляло вековой голод. Синдика осаждали всевозможные делегации, требуя защиты.

Лейтенант вновь созвал нас в офицерскую столовку. Капитан сразу взял быка за рога.

— Положение препаршивое, — начал он, расхаживая взад и вперед. — Берилл требует нового синдика. Городские фракции очень просят Черный Отряд не вмешиваться. Подождать в сторонке.

Ну, понятно: чем выше ставки, тем сложнее моральная дилемма.

— Мы не герои, — продолжал Капитан. — Мы закалены в боях и упорны. И всегда стараемся чтить контракт. Но ради проигравших умирать не будем.

Я возразил — выступил таким гласом традиций, протестующим против невысказанного предложения Капитана.

— Костоправ, речь идет о выживании Отряда.

— Но мы взяли золото, Капитан. И речь идет о нашей чести. Вот уже четыре столетия Отряд неукоснительно соблюдает букву заключенного контракта. Взять, к примеру, Книгу Сета, записанную хронистом Кораллом во времена Восстания Хилиархов, когда Отряд служил архонту Кости. Если вспомнить, что в ней говорится...

— Вот ты это и вспоминай.

— Как свободный солдат, я настаиваю на своем праве высказаться, — раздраженно заявил я.

— У него есть такое право, — подтвердил Лейтенант, еще больший приверженец традиций, чем я.

— Ладно, пусть себе болтает. Мы не обязаны его слушать.

Я начал описывать самый мрачный эпизод из истории Отряда... пока вдруг не понял, что спорю сам с собой. И сам я уже наполовину склонился к предательству.

— Эй, Костоправ? Ты закончил?

Я сглотнул:

— Отыщите законную лазейку — и я с вами.

Тамтам насмешливо отбил дробь на барабанчике.

— Не бойсь, Костоправ, Гоблин нас не подведет, — усмехнулся Одноглазый. — Он был законником, пока не прельстился карьерой сутенера.

Гоблин моментально заглотил наживку:

— Это я был законником? Да это твоя мамаша была у законника...

— Довольно! — Капитан ударил по столу. — У нас есть согласие Костоправа. Так что валяйте — ищите оправдание.

Все с облегчением вздохнули, даже Лейтенант. Слово отрядного хрониста было куда весомее, чем хотелось бы мне самому.

— Самый очевидный выход — это если человека, перед которым у нас есть обязательства, вдруг не станет. — Мои слова повисли в воздухе, будто смрад в склепе форвалак. — Мы понесли большие

потери. Кто посмеет нас обвинить, если в Бастион проскользнет убийца?

— Я иногда боюсь тебя, Костоправ. Кто знает, что еще придет тебе в голову... — сказал Тамтам и специально для меня постучал по барабанчику.

— Чья б корова мычала. Так мы сохраним хотя бы видимость чести. Отряд уже терпел поражения, и не сказать, что редко.

— Мне это нравится, — сказал Капитан. — Давайте закончим, пока синдик не появился сюда — разузнать, что происходит. А ты, Тамтам, останься, для тебя есть работенка.

То была ночь воплей. Душная, липкая ночь из тех, что рушат последний тонкий барьер, отделяющий цивилизованного человека от таящегося у него в душе монстра. Вопли доносились из домов, где страх, жара и теснота развевали сдерживающие монстра цепи.

Прохладный ветер с ревом пронесся над заливом, преследуемый массивными грозowymi облаками, на макушках которых поигрывали молнии. Ветер смел вонь Берилла, а ливень промыл улицы. Утром Берилл был совсем другим — тихим, прохладным и чистым.

Когда мы шагали к побережью, на улицах еще поблескивали лужи, а в канавах журчала вода. К полудню воздух вновь станет свинцовым — и влажным пущем прежнего.

Тамтам поджидал нас возле нанятой лодки.

— Сколько ты заработал на этой сделке? — спросил я. — Корыто потонет, не успев добраться до Острова.

— Ни гроша, Костоправ, — с ноткой разочарования ответил Тамтам. Они с братом мелкие жулики и известные деятели черного рынка. — Ни единого. А лодка куда лучше, чем выглядит. Ее хозяин — контрабандист.

— Придется поверить на слово. Тебе лучше знать.

Тем не менее я залез в лодку с осторожностью. Тамтам недобро скривился. Надо было делать вид, будто мы ничего не знаем о жадности братцев.

Мы отправились в море, чтобы заключить сделку. Капитан предоставил Тамтаму полную свободу действий, а нам с лейтенантом было поручено дать ему пинка, если слишком увлечется. Для пущей представительности нас сопровождали Молчун и полдюжины солдат.

Возле Острова нас окликнули с таможенного баркаса, но мы проскочили раньше, чем нам успели перерезать путь. Я присел на корточки и глянул из-под гика. Черный корабль увеличивался на глазах.

— Черт, это ж прям плавающая скала, а не корабль.

— Слишком уж большой, — проворчал Лейтенант. — Такая громадина в бурном море просто развалится.

— Почему? Тебе-то откуда знать? — Даже напуганный, я интересовался всем, что касалось моих братьев по Отряду.

— В молодости плавал юнгой, кое-что узнал о кораблях.

Его тон говорил о нежелательности дальнейших вопросов. Большинство из нас предпочитает не делиться ни с кем воспоминаниями. Чего еще ждать от головорезов, которых удерживают в одном войске насущные заботы и память о том, как они вместе сражались против всего мира.

— Хорошее колдовство что угодно на плаву удержит, — возразил Тамтам.

У него тряслись поджилки, и он отстукивал на барабанчике нервные бессвязные ритмы. Братья-колдуны ненавидели воду.

Час от часу не легче. Таинственный чародей с севера. Корабль, черный, как дно преисподней. Нервы у меня начинали сдавать.

Моряки сбросили нам лестницу. Лейтенант поднялся на палубу. Кажется, корабль произвел на него впечатление.

Я не мореход, но мне судно тоже показалось ухоженным, а экипаж — дисциплинированным.

Младший офицер попросил Тамтама, Молчуна и меня следовать за ним и молча повел нас по трапам и коридорам на корму.

Посланник с севера сидел скрестив ноги меж роскошных подушек, овеваемый легким ветерком, который проникал через открытые иллюминаторы. Этой каюте позавидовал бы любой из восточных властителей. Я разинул рот, Тамтам аж задымился от зависти. Посланник рассмеялся.

Меня потряс его смех — писклявое хихиканье, больше подходящее пятнадцатилетней красотке из таверны, нежели человеку, который могущественнее любого короля.

— Извините, — произнес посланник, изысканным жестом поднося руку к невидимому под черным морионом рту, и добавил: — Садитесь.

У меня глаза невольно расширились от удивления: каждое слово он произносил другим голосом. У него под морионом что, не одна голова, а несколько?

Тамтам судорожно вздохнул. Молчун, будучи Молчуном, просто уселся. Я последовал его примеру и постарался как можно тщательно скрыть испуг и любопытство.

В тот день дипломат из Тамтама был неважный.

— Синдик долго не продержится, — ляпнул он прямо с ходу. — Мы хотим договориться насчет...

Молчун вдавил ему в бедро большой палец ноги.

— И это наш знаменитый король воров? — пробормотал я. — Человек с железными нервами?

Посланник усмехнулся:

— Ты ведь лекарь? Костоправ? Не суди его строго. Он меня знает.

Ледяной страх обвил меня черными щупальцами. Виски стали влажными, но не от жары — в иллюминаторы задувал прохладный бриз, ради которого любой житель Берилла убил бы сейчас даже собственную мать.

— Вам не стоит бояться. Меня послали предложить союз, выгодный как Бериллу, так и моим людям. Я все еще убежден, что договориться можно — хотя и не с нынешним самодержцем. Ваша проблема требует того же решения, что и моя, но вы по рукам и ногам связаны контрактом.

— Он все знает. Нам даже слов тратить не придется, — прохрипел Тамтам и постучал по барабанчику, но на сей раз фетиш не принес ему облегчения.

Он хотел сказать что-то еще, но поперхнулся.

— Синдик уязвим, — заметил посланник. — Даже под вашей охраной.

Наш колдун, похоже, проглотил свой язык, причем в буквальном смысле. Тогда посланник взглянул на меня. Я пожал плечами.

— Допустим, синдик скончается, когда ваш Отряд будет защищать Бастион от толпы.

— Идеальный вариант, — согласился я. — А что будет с нами? В смысле потом?

— Вы отгоняете толпу, после чего обнаруживаете, что синдик мертв. Отряд остается без работы и покидает Берилл.

— И куда же мы пойдем? Как отобьемся от врагов? Городские когорты нас просто так не отпустят.

— Передайте Капитану, что если после кончины синдика я получу письменную просьбу стать посредником между вами и новым правителем, то мои люди сменят вас в Бастионе. А вам нужно будет покинуть Берилл и разбить лагерь на Столпе Скорбей.

Столп Скорбей — дальняя оконечность мелового мыса, пронизанного бесчисленными пещерами. Он наконечником стрелы вонзается в море к востоку от Берилла, на расстоянии дневного перехода. Там стоит маяк, он же сторожевая башня. Это место получило свое название из-за вечных стонов ветра в пещерах.

— Но мы окажемся в смертельной ловушке! Эти мужеложцы перекроют нам дорогу, и очень скоро нам ничего не останется, кроме как сожрать друг друга. Вот они повеселятся-то!

— Я пришлю за вами лодки. Проще простого.

Динь-динь — в моей голове тревожно звякнул колокольчик. Сукин сын втягивает нас в какую-то свою игру.

— А вам-то что за дело до нас?

— Черный Отряд останется без работы. А я предложу контракт. На севере нужны хорошие солдаты.

Динь-динь-динь — колокольчик не умолкал. Посланник хочет забрать нас с собой? Для чего?

Но что-то подсказывало мне: сейчас не лучший момент для расспросов. Я решил сменить тему. От тебя ждут одного, а ты сворачивай совсем в другую сторону.

— Но как быть с форвалакой?

— С той тварью из склепа? — спросил посланник мурлыкающим голосом женщины, предлагающей не стесняться. — У меня и для нее может найтись поручение.

— Вы правда способны с ней справиться?

— Как только она сделает свое дело.

Мне сразу вспомнилась молния, уничтожившая запечатавшее заклинание на табличке, которую тысячу лет никто и ничто не могло повредить. Я был уверен, что это подозрение не отразилось на моем лице, но посланник усмехнулся:

— Может быть, лекарь. А может, и нет. Интересная загадка, верно? Возвращайтесь к своему Капитану. Решение за вами. Но поторопитесь. Ваши враги уже готовы сделать свой ход.

И он жестом отпустил нас.

— Твое дело — доставить сумку! — рявкнул Капитан на Леденца. — А затем притащить свою задницу обратно.

Леденец взял курьерскую сумку и вышел.

— Есть еще желающие поспорить? У вас, сволочей, уже был шанс от меня избавиться. Вы его прошляпили.

Обстановка накалилась. Капитан, получив от посланника предложение о посредничестве в случае смерти синдика, сделал встречное предложение, с которым Леденец и отправился на корабль.

— Ты не ведаешь, что творишь, — пробормотал Тамтам. — Не знаешь, с кем связался.

— Так просвети меня. Не хочешь? Костопправ, что в городе?

Меня посылали в город на разведку.

— Это чума, сомнений нет. Но такой чумы мне еще видеть не доводилось. Должно быть, ее вектор — форвалака.

Капитан недоуменно прищурился.

— Врачебный язык, — пояснил я. — Вектор — это переносчик. Очаги чумы вспыхивают в тех местах, где убивал вампир.

— Тамтам?! — прорычал Капитан. — Ты же все про эту тварь знаешь.

— Да, но про то, что они могут распространять болезни, первый раз слышу. К тому же все, кто входил в склеп, до сих пор здоровы.

— В сущности, не так уж важно, кто переносчик, — продолжал я. — Сама чума гораздо опаснее. Если умерших не сжигать, очень скоро такое начнется...

— В Бастион она пока не проникла, — заметил Капитан. — К тому же от чумы есть и польза — солдаты из гарнизона перестали дезертировать.

— Я заметил, что в Стоне растет напряженность. Там вот-вот опять рванет.

— Как скоро?

— Дня два, от силы три.

Капитан пожевал губу. Кольцо обстоятельств смыкалось все теснее.

— Значит, нужно...

К нам ворвался трибун из местного гарнизона:

— У ворот собралась толпа! С тараном!

— Пошли, — сказал Капитан.

Мы рассеяли толпу за считанные минуты — хватило десятка стрел и пары котлов с кипятком, чтобы горожане убрались, осыпая нас проклятиями и оскорблениями.

Наступила ночь. Я стоял на стене, наблюдая за бродящими по городу пятнышками далеких факелов. Толпа эволюционировала, у нее развилась нервная система. Если появятся еще и мозги, то мы попадем в капкан революции.

Постепенно число факелов уменьшалось. Сегодня ночью взрыва не произойдет. Возможно, завтра — если жара и влажность станут слишком невыносимыми.

Чуть позднее я услышал справа царапанье. Затем постукивание. Потом опять царапанье — еле слышное, но четкое и приближающееся. Меня обуял ужас. Я замер, как горгулья над воротами Бастиона.

Легкий бриз дохнул арктическим холодом.

Через крепостную стену кто-то перелез. Красные глаза. Четыре ноги. Темное, как сама ночь, тело. Черный леопард. Плавность его

движений напоминала о струящейся воде. Он спустился по лестнице во двор и исчез.

Живущей у меня в спинном мозге обезьяне захотелось с визгом вскарабкаться на высокое дерево, чтобы швыряться оттуда дерьмом и гнилыми фруктами. Я метнулся к ближайшей двери, добрался удобным, но точно безопасным путем до комнаты Капитана и без стука вошел.

Командир отдыхал на койке, заложив руки за голову и глядя в потолок. Комнату освещала единственная хилая свечка.

— Форвалака в Бастионе, — выдавил я пискляво, как Гоблин. — Сам видел, как она перебралась через стену.

Капитан что-то буркнул.

— Ты меня слышал?

— Слышал, Костоправ. Уходи. Оставь меня в покое.

— Ага, так точно...

Вот оно что! Он знает; это и его гложет. Я попятился к двери...

Вопль был долгим, громким и безнадежным и оборвался внезапно. Он доносился из апартаментов синдика. Я выхватил меч, выбежал в коридор... и налетел на Леденца. Тот свалился, а я смотрел на него и пытался сообразить: как же это он так быстро вернулся?

— Назад, Костоправ, — приказал Капитан. — Или жить надоело?

Послышались новые вопли. Смерть косила без разбору.

Я затащил Леденца в комнату Капитана, потом мы заперли дверь и перегородили ее брусом. Прислонившись к ней спиной, я стоял с закрытыми глазами и тяжело дышал. Вдруг кто-то зарычал, проходя мимо. А может, мне просто показалось...

— И что теперь? — У Леденца лицо стало совсем белым, а руки тряслись.

Капитан дописал письмо и протянул его Леденцу:

— Все, ступай.

Кто-то замолотил кулаками в дверь.

— Что такое? — рявкнул Капитан.

За толстой дверью глухо забубнил чей-то голос.

— Это Одноглазый, — сказал я.

— Открой ему.

Я распахнул дверь, в нее толпой хлынули Одноглазый, Тамтам, Гоблин, Молчун и еще дюжина других. В комнате стало жарко и тесно.

— Капитан, человек-леопард пробрался в Бастион, — сообщил Тамтам, забыв даже постучать в беспомощно висящий у бедра барабанчик.

Еще один вопль донесся из апартаментов синдика. Мое воображение разыгралось не на шутку.

— Что нам теперь делать? — спросил Одноглазый, морщинистый чернокожий коротышка не выше своего брата, большой любитель эксцентричных шуток.

Он на год старше Тамтама, но в их возрасте один год не в счет, — если верить Анналам, каждому уже перевалило за сотню. Одноглазый был испуган, а Тамтам находился на грани истерики. Гоблин и Молчун тоже выглядели потрясенными.

— Оборотень прикончит нас всех по очереди.

— Его можно убить?

— Он почти неуязвим, Капитан.

— Его можно убить или нет? — повторил Капитан с металлом в голосе.

Он тоже боялся.

— Да, — наконец признал Одноглазый. Держался он чуточку посмелее, чем брат. — Бессмертие — это миф, сказки. Даже этого, с черного корабля, можно прикончить. Но оборотень силен, быстр и хитер. Оружие против него почти бессильно. Заклинания действуют лучше, но ненадолго.

Никогда прежде я не слышал, чтобы он признавался в собственной беспомощности.

— Хватит с нас болтовни, — прорычал Капитан. — Пошли.

Намерения нашего командира обычно трудно предугадать, но сейчас они были очевидны. Наше положение было преотвратительным, редко когда бывало хуже, поэтому его ярость и отчаяние сосредоточились на форвалаке. Тамтам и Одноглазый яростно запротестовали.

— Уверен, вы знаете, что делать, — заявил Капитан. — Думали над этим с того дня, как проведали, что зверюга сбежала. Вот и действуйте.

Еще один вопль.

— Похоже, в Бумажной башне идет резня, — пробормотал я. — Эта тварь убивает там всех подряд.

Мне казалось, даже Молчун сейчас не выдержит и что-нибудь скажет. Но этого не случилось.

— Огниво, собери людей, — приказал Капитан, вооружаясь до зубов. — Перекрой все входы в Бумажную башню. Эльмо, возьми несколько хороших алебардщиков и арбалетчиков. Стрелы смазать ядом.

Быстро пролетели двадцать минут. Я потерял счет крикам ужаса и боли и вообще как-то перестал следить за происходящим; мною

владели только нарастающая тревога и назойливые вопросы: почему форвалака забралась в Бастион? За кем она так упорно охотится? Похоже, ее направляет нечто большее, чем голод.

Посланник намекнул, что форвалака может ему пригодиться. Для чего? Для этого? В своем ли мы уме, если связались с тем, кто способен на такое?

Четыре наших колдуна совместно сотворили нечто защитное, и теперь это нечто с потрескиванием двигалось вперед. Сам воздух рассыпал голубые искры. За потрескивающим нечто шли солдаты с алебардами, их прикрывали арбалетчики. Наконец все мы добрались до обители синдика.

Напряжение резко спало. Нижний зал Бумажной башни выглядел как обычно.

— Оборотень наверху, — подсказал Одноглазый.

Капитан обернулся к проходу позади нас:

— Огниво, бери своих — и вперед.

Капитан собирался осматривать комнату за комнатой, отсекая все входы-выходы и оставляя единственный путь к отступлению. Одноглазый и Тамтам не одобрили его план, заявив, что, если форвалаку загнать в угол, она станет еще опаснее. Нас окружала злоеющая тишина. Вот уже несколько минут не раздавалось ни одного вопля.

Первую жертву мы обнаружили у основания лестницы, ведущей собственно в башню.

— Один из наших, — буркнул я.

Синдик всегда окружал себя кем-нибудь из Отряда.

— Спальные помещения наверху? — Я никогда не бывал в Бумажной башне.

— Один этаж — кухня, — кивнул Капитан, — выше кладовые, два этажа помещений для слуг, затем семья и, наконец, сам синдик. На самом верху, там, где библиотека и канцелярии. Все продумал, чтобы так просто до него не добрались.

— Совсем не похоже на трупы в склепе, — сказал я, осмотрев тело. — Органы на месте, и лужа крови натекла. Форвалака ни на что не польстилась. Почему, Тамтам?

Тот промолчал, Одноглазый тоже. Капитан взгляделся в полумрак над лестницей.

— Всем быть начеку. Алебардщики, двигаться по шагу зараз. Оружие к бою. Арбалетчикам держаться на пять-шесть шагов сзади. Стрелять во все, что движется. Всем остальным обнажить мечи. Одноглазый, гони вперед свое заклинание.

Потрескивание. Осторожный шаг, еще шаг. Запах страха. Дзинь! Кто-то случайно выстрелил из арбалета. Капитан сплюнул и рыкнул, как рассерженный медведь.

Ни черта не видно. Наконец — этаж с помещениями для слуг. Забрызганные кровью стены. Повсюду среди изувеченной мебели валяются тела и куски тел. Парни в Отряде закаленные, но это зрелище потрясло даже самых крепких. Включая меня, а уж я, лекарь, посмотрелся на всякое — чего только не поступает с поля боя.

— Капитан, я за подмогой, — решительно произнес Лейтенант. — Похоже, эта тварь просто так отсюда не уберется.

По его тону было слышно, что никаких возражений он не приемлет. Капитан лишь кивнул.

Зрелище кровавой бойни оказало неожиданное действие. Страх немного ослабел, зато окрепла решимость: зверя необходимо уничтожить во что бы то ни стало.

Наверху прозвучал вопль — словно брошенная нам насмешка, побуждающая идти дальше. Люди, хмуро сощурившись, двинулись вверх по лестнице. Потрескивал воздух — перед нами поднималось защитное заклинание. Тамтам и Одноглазый боролись с одолевающим их ужасом. Начиналась самая настоящая смертельная охота.

Стервятник прогнал орла, гнездившегося на вершине Бумажной башни, что воистину стало знамением конца. Теперь я и гроша не дал бы за жизнь нашего нанимателя.

Мы поднялись на пять этажей. Кровавые следы не оставляли сомнений в том, что форвалака побывала на каждом.

Тамтам взмахнул рукой, давая понять, что хищник где-то рядом. Алебардчики опустились на колено, направив оружие вперед. Арбалетчики прицелились в сумрачные углы. Тамтам выждал полминуты. Он, Одноглазый, Молчун и Гоблин напряженно прислушивались к чему-то, о чем остальной мир мог только догадываться.

— Она ждет, — наконец бросил он. — Будьте осторожны. Увидит малейшую щель — нам конец.

Я задал глупый вопрос, любой ответ на который прозвучал бы запоздало:

— А может, надо было воспользоваться серебром? Ну, там серебряными наконечниками, клинками?

Ответом был недоуменный взгляд Тамтама.

— В тех краях, откуда я родом, — пояснил я, — крестьяне верят, что оборотня убивает серебро.

— Дурь. Форвалаку убивают так же, как и всех. Только двигаться надо быстрее, а удар наносить сильнее, потому что у тебя будет один-единственный шанс.

Чем дольше он говорил, тем менее жутким казалось это существо. Это же как на бродячего льва охотиться. Из-за чего тогда вся суматоха?

И тут я вспомнил об этаже, где жили слуги.

— Всем приготовиться. Просто стойте и ждите, — велел Тамтам. И тихо пояснил: — Мы попробуем разведать, что впереди.

Колдуны сблизили головы. Через некоторое время Тамтам жестом велел идти дальше.

Мы вышли на лестничную площадку и сомкнули ряды, превратившись в дикобраза со стальными иглами. Колдуны послали вперед заклинание. Там в полумраке раздался злобный рев, затем царапанье когтей. Что-то мелькнуло. Щелкнули арбалеты.

Снова рев, почти насмешливый. Колдуны вновь соприкоснулись головами. Этажом ниже у основания лестницы Лейтенант расставлял людей, отрезая форвалаке путь к бегству.

Мы двинулись в темноту. Напряженность нарастала. Ноги спотыкались о тела и предательски скользили на кровавом полу. Солдаты торопливо запирали боковые двери. Отряд медленно забирался все дальше в канцелярию синдика. Арбалетчики дважды стреляли, заметив какое-то движение.

Форвалака взывала всего в двадцати футах от нас.

— Попалась! — то ли выдохнул, то ли простонал Тамтам.

Он имел в виду, что заклинание коснулось форвалаки.

Двадцать футов. Совсем рядом с нами, но я ничего не видел. Что-то опять шевельнулось. Полетели стрелы, вскрикнул человек.

— Проклятье! — ругнулся Капитан. — Здесь еще оставался кто-то живой.

Что-то черное, как само сердце ночи, и быстрое, словно внезапная смерть, мелькнуло над алебардами. «Вот это скорость!» — успел лишь подумать я, а оборотень уже приземлился среди нас. Вопящих солдат расшвыряло в стороны, под ноги стоящим сзади. Чудовище ревели и рычало, работая клыками и когтями настолько резво, что глаз не успевал улавливать движения. Мне вроде бы удалось задеть сгусток тьмы мечом, но тут же мощный удар отшвырнул меня на десяток футов.

Кое-как поднявшись, я прислонился спиной к колонне. Я был уверен, что сейчас умру, что зверюга прикончит нас всех. Только тщеславные глупцы могли вообразить, будто способны с ней справиться. Прошло всего несколько секунд, а шестеро уже мертвы и вдвое больше — ранены. Форвалака же целехонька, даже не устала нисколько. Ни оружие, ни заклинания не причинили ей вреда.

Сбившись в тесную группку, колдуны пытались сотворить новое заклятье. Вокруг Капитана сгрудилась кучка бойцов. Остальные рассеялись, и чудовище молниеносными движениями приканчивало солдат по одному.

Метнулся сгусток серого пламени, на мгновение ярко осветив все помещение и навеки запечатлев на сетчатке моих глаз сцену кровавой резни. Форвалака взвыла, на сей раз от настоящей боли. Очко в пользу колдунов.

Она бросилась в мою сторону. Я в панике рубанул, когда она мелькнула рядом, но промазал. Оборотень развернулся и атаковал колдунов, которые встретили его еще одной порцией пламени. Форвалака завизжала, в унисон заорал кто-то из наших. Тварь умирающей змеей корчилась на полу, ее кололи пиками и мечами, но она сумела подняться и метнулась в сторону лестницы.

— Она идет к вам! — гаркнул Капитан Лейтенанту.

Я обессиленно присел, испытывая невыразимое облегчение. Форвалака ушла... Но не успел мой зад коснуться пола, как меня рывком поднял Одноглазый:

— Пошли, Костоправ. Она ранила Тамтама. Нужна твоя мощь.

Пошатываясь, я поднялся и внезапно заметил глубокую царапину у себя на ноге.

— Надо будет промыть, — пробормотал я. — Когти-то наверняка грязные.

Вид у Тамтама был ужасный: горло разорвано, живот распорот, а мышцы на руках и груди содраны до костей. Как ни поразительно, он был жив, но сделать для него я уже ничего не мог. Ни я, ни любой другой врач. Даже опытный чародей-целитель не спас бы чернокожего коротышку. Но Одноглазый настаивал, чтобы я попробовал, и я пробовал до тех пор, пока Капитан не оттащил меня, чтобы помочь не столь очевидным кандидатам в покойники. Когда я уходил, Одноглазый поносил Капитана на чем свет стоит.

— Мне нужно больше света! — распорядился я.

Капитан тем временем собрал уцелевших и велел им перекрыть вход на этаж.

Когда принесли факелы и вокруг посветлело, картина нашего разгрома стала более очевидной. Мы потеряли каждого десятого. Более того, еще двенадцать братьев, дежуривших в башне, тоже лежали мертвыми, а с ними такое же количество секретарей и советников синдика.

— Кто-нибудь видел синдика? — громко спросил Капитан. — Он должен быть здесь.

Прихватив Эльмо и Огниво, он начал поиски, но у меня не было возможности следить за их ходом — я накладывал повязки и работал иглой, призвав на помощь всех, кого только можно. Когти форвалаки оставляли глубокие раны, которые следовало зашивать осторожно и умело.

Гоблин и Молчун как-то исхитрились успокоить Одноглазого, тот даже взялся мне помогать, правда он едва сознавал, что делает. Видимо, дурман какой наложили.

Едва выдалась минутка, я снова осмотрел Тамтама. Он был все еще жив, сжимал свой барабанчик. Проклятье! Такое упрямство требовало вознаграждения. Но как? Что сделать? У меня попросту не хватало опыта.

— Эй, Капитан! — крикнул Огниво.

Я глянул в его сторону и увидел, что он постукивает мечом по каменному сундуку, какие любили держать дома местные богачи. Этот сундук весил, по моим прикидкам, фунтов пятьсот. Его стенки украшала тонкая резьба, почти вся, однако, содранная. Уж не когтями ли?

Эльмо разбил замок и откинул крышку. Я разглядел дрожащего от страха человечка, он лежал на куче золота и камней и прикрывал голову руками. Эльмо и Капитан обменялись мрачными взглядами.

Меня отвлекло появление Лейтенанта. Он со своими людьми охранял основание лестницы и уже начал тревожиться — затишье длилось слишком долго. То есть форвалака к ним так и не спустилась.

— Общайте башню, — велел ему Капитан. — Возможно, она поднялась наверх.

Над нами было еще несколько этажей.

Когда я в следующий раз посмотрел на сундук, он был опять закрыт. Нашего нанимателя нигде не было видно. На крышке сундука сидел Огниво и чистил под ногтями кинжалом. Я пригляделся к Капитану и Эльмо. Что-то в их поведении показалось мне странным.

Но они ведь не стали бы выполнять за форвалаку ее работу, верно? Конечно не стали бы. Капитан никогда не предаст идеалы Отряда. Или я ошибаюсь?

Выяснять это я не стал.

Обыск башни выявил лишь кровавый след, ведущий наверх, — там форвалака немного отлежалась, набираясь сил. Она была тя-

жело ранена, однако сумела сбежать, спустившись по наружной стене башни.

Кто-то предложил выследить ее и добить, на что Капитан ответил:

— Мы уходим из Берилла. У Отряда больше нет нанимателя. Надо смыться по-тихому, пока город не обратился против нас.

Он отправил Огниво и Эльмо приглаживать за местным гарнизоном, а остальным велел эвакуировать раненых из Бумажной башни.

На несколько минут меня оставили в покое. Я разглядывал большой каменный сундук, так и ел его глазами. Искушение все нарастало, но мне удалось справиться с ним. Я не хотел ничего знать.

Когда возбуждение улеглось, явился Леденец с вестью о том, что посланник высаживает своих солдат на пирсе.

Наши люди уже паковали пожитки и грузили их в фургоны. Одни вполголоса обсуждали случившееся в Бумажной башне, другие ругались из-за того, что приходится сниматься с места. Стоит где-нибудь задержаться, сразу пускаешь корни. Копится всякое барахло, потом обзаводишься женщиной, а потом случается неизбежное — и нужно все бросать. Сегодня в казармах было невесело.

Когда пришли северяне, я стоял у ворот и помогал часовым вертеть кабестан, поднимавший решетку. Особой гордости при этом я не испытывал. Без моего одобрения, возможно, синдик был бы жив. Его бы не предали.

Посланник занял Бастион. Отряд начал эвакуацию. Шел уже третий час ночи, и улицы были пустынные.

Когда мы прошагали две трети пути до врат Рассвета, Капитан приказал остановиться. Сержанты собрали всех способных сражаться, остальных отправили дальше, сопровождать фургоны.

Капитан повел нас на север по проспекту Древней Империи, где императоры Берилла увековечивали себя и свои триумфы. Многие монументы были весьма странные — в честь любимых лошадей, гладиаторов или любовников обоих полов.

Скверные предчувствия зародились у меня еще до того, как мы подошли к Мусорным вратам. Тревога переросла в подозрение, а подозрение расцвело мрачной уверенностью, когда мы вступили на плац. Возле Мусорных врат не было ничего, кроме казарм.

Никаких конкретных целей Капитан не обозначил, но когда Отряд достиг Развилки, каждый уже понимал, зачем мы сюда пришли.

Городские когорты, как всегда, разгильдяйничали. Ворота стояли распахнутыми, единственный часовой дрыхнул. Мы вошли, не встретив никакого сопротивления. Капитан начал раздавать приказы.

В казармах находилось от пяти до шести тысяч солдат. Их офицеры поддерживали минимальную дисциплину, заставляя подчиненных всякий раз сдавать оружие в арсеналы. По традиции бериллские военачальники доверяли солдатам оружие лишь перед сражением.

Три наших взвода вошли в казармы, убивая подряд всех спящих. Оставшийся взвод заблокировал выход у дальнего края лагеря.

Солнце уже поднялось, когда Капитан наконец удовлетворился. Мы вышли из казарм и поспешили вслед за обозом. Каждый из нас вдоволь испил крови.

Разумеется, нас не преследовали, а позднее никто даже не пытался осадить наш лагерь на Столпе Скорбей. Ради этого, собственно, мы и устроили эту бойню. А еще для того, чтобы выпустить накопившуюся за несколько лет ярость.

Мы с Эльмо стояли на краю Столпа и смотрели, как лучи послеполуденного солнца играют на краях грозовой тучи.

Недавно она прошла над лагерем и едва не превратила его в болото, щедро полив прохладными струями, а потом снова умчалась прочь в море. Красивая туча, хоть не богатая красками.

В последнее время Эльмо был молчалив.

— Тебе что-то не дает покоя? — спросил я.

Туча следовала перед столбом солнечных лучей, придавая морской воде оттенок ржавого железа. Интересно, в Берилле стало хоть чуть-чуть прохладнее?

— А то не догадываешься?

— Пожалуй, догадываюсь. — Бумажная башня. Казармы у Развилки. Контракт, который мы предательски разорвали. — Как думаешь, что нас ждет там, на севере?

— Считаешь, черный колдун придет за нами?

— О, еще как придет, Эльмо! Пока что он строит местных шишек — показывает, кто тут хозяин.

Кто бы ни пытался приручить этот безумный город, ему наверняка было нелегко.

— Гм... Глянь туда.

Возле оконечности Столпа среди торчащих из воды скал резало волны небольшое стадо китов. Я попытался скрыть восхищение

и не смог. Эти исполины, танцующие в железном море, были великолепны.

Мы уселись на камни спиной к маяку, и перед нами распростерся прекрасный мир, нетронутый человеком, еще не оскверненный его касанием. Иногда мне думается, что без нас мир был бы куда лучше.

— Там корабль, — произнес Эльмо.

Я разглядел судно, лишь когда парус вспыхнул, поймав солнечные лучи. На волнах заплясал оранжевый треугольник с золотой каймой.

— Каботажник, тонн двадцать.

— Такой большой?

— Для каботажника — да. В открытом море ходят суда и по восьмьдесят тонн.

Время мчалось вперед, переменчивое и надменное. Мы любовались кораблями и китами. Я в сотый раз попытался представить новую землю, вспоминая услышанные от торговцев были и небылицы. Вероятно, нас перевезут через море в Опал. Говорят, Опал — двойник Берилла, только помоложе...

— Этот дурак, похоже, собирается насадить себя на скалы.

Я очнулся. Каботажник шел в опасной близости от берега. Всего за каких-то сто ярдов от скал он свернул чуть в сторону, затем лег на прежний курс.

— А я уж подумал было, намечается развлечение.

— Когда ты, Костоправ, произнесешь что-либо без сарказма, я лягу и помру на месте, — пообещал Эльмо.

— Сарказм не дает мне свихнуться, приятель.

— А это, Костоправ, спорно. Очень спорно.

Я вновь попытался заглянуть в лицо будущему — все лучше, чем смотреть в прошлое. Но будущее отказывалось снять маску.

— А корабль-то к нам плывет, — сказал Эльмо.

— Что? А-а...

Каботажник покачивался на крупной прибрежной зыби, потихоньку продвигаясь вперед. Его нос неторопливо нацеливался на полосу песка возле нашего лагеря.

— Не хочешь сообщить Капитану?

— Да он небось уже знает. На маяке — наблюдатели, приглядывают на всякий случай.

— И то верно.

— Всегда держи ухо востро — и будет тебе счастье.

Гроза откатывалась к западу, заслоняя горизонт и накрывая своей тенью море. Холодное серое море. Мне вдруг стало страшно при мысли, что придется его пересечь.

Каботажник привез весточку от контрабандистов — приятелей Тамтама и Одноглазого. Выслушав новости, Одноглазый помрачнел, но нам ничего не сказал. Он и так последнее время ходил угрюмый, а тут окончательно замкнулся в себе. Даже перестал грызться с Гоблином, что было его второй профессией. Смерть Тамтама нанесла ему жестокий удар, от которого он до сих пор не сумел оправиться.

Капитан тоже постоянно пребывал в отвратительном настроении, немногим лучше, чем у Одноглазого. Он и хотел отправиться в другую страну, и боялся этого. Новый контракт давал шанс возродить Отряд, оставить прошлые грехи позади, однако Капитан догадывался, что за служба нас ожидает. Синдик был изрядным врагом, но о северной империи он, скорее всего, рассказывал правду.

На следующий день после визита контрабандистов подул прохладный северный ветерок. Под вечер окончность мыса окуталась туманом. Вскоре после полуночи из серой пелены вынырнула лодка и пристала к пляжу. К нам прибыл посланник.

Мы собрали вещи и начали избавляться от всех тех, кем обросли в городе. Наши животные и прочее лишнее имущество станут им вознаграждением за верную дружбу. Я провел полный неги и грусти час с женщиной, для которой значил больше, чем догадывался.

В этот час мы не лили слезы, не лгали друг другу. Я оставил ей на память воспоминания и почти все нажитое барахло, а она одарила меня комком в горле и ощущением утраты. Лишь теперь я понял, насколько эта утрата тяжела.

— Костоправ, не распускай нюни, — бормотал я, спускаясь на берег. — Расставаться тебе не впервой. Забудешь ее раньше, чем доберешься до Опала.

На песчаном берегу нас ждали несколько лодок. Когда очередная заполнялась, моряки-северяне сталкивали ее с песка в прибой, гребцы брались за весла, и через несколько секунд она исчезала в тумане. На смену отчалившим лодкам прибывали пустые, каждую вторую загружали отрядным имуществом.

Один из моряков, говорящий на бериллском, сказал мне, что на борту черного корабля места хватает. Посланник оставил своих солдат в Берилле охранять новую марионетку. Синдиком стал очередной красный, дальний родственник человека, которому мы служили.

— Надеюсь, их ждет меньше бед, чем нас, — проворчал я и отошел в сторонку, чтобы предаться мрачным мыслям.

Посланник неспроста заменил своих людей нашим Отрядом. У меня зародилось подозрение, что нас собираются как-то использовать. Похоже, нам предстоит нечто куда более худшее, чем мы даже способны вообразить.

Пока я ждал, неоднократно раздавался далекий вой. Сперва я подумал, что это голосит ветер в пещерах Столпа, но тут же понял, что воздух вокруг тяжел и неподвижен. Когда вой донесся до меня в очередной раз, все сомнения развеялись. Волосы у меня на загривке встали дыбом.

Наконец подошла последняя лодка, в которую должны были уместиться отрядный интендант, Капитан, Лейтенант, Молчун, Гоблин, Одноглазый и я.

— Я никуда не еду, — заявил Одноглазый, когда боцман призывно махнул нам рукой.

— Залезай, — мягко сказал Капитан.

Если этот человек не приказывал, а тихо просил, дела были совсем плохи.

— Я уйду из Отряда. Пойду на юг. Очень давно не был дома, там небось про мои делишки уж и позабыли.

Капитан молча указал пальцем на Лейтенанта, Молчуна, Гоблина и меня, потом ткнул пальцем в лодку.

— Да я вас всех щас в страусов превращу! — взревел Одноглазый.

Молчун зажал ему рот. Мы потащили колдуна к лодке. Тот извивался, точно брошенная в очаг змея.

— Ты останешься с семьей, — вполголоса произнес Капитан.

— На счет «три»! — весело пискнул Гоблин и быстро досчитал до трех.

Дрыгая руками и ногами, чернокожий коротышка взлетел в воздух и шлепнулся в лодку. Тут же над планширом появилась его голова, и в нашу сторону полился поток отборных ругательств, сопровождаемый брызгами слюны. Мы рассмеялись, — похоже, Одноглазый не окончательно скис. Затем, возглавляемые Гоблином, бросились в атаку и прижали пленника к банке.

Моряки оттолкнули лодку от берега. Едва весла опустились в воду, Одноглазый сдался. Видок у него был как у приговоренного к повешению.

Через некоторое время мы разглядели галеру — высокий бесформенный силуэт чуть темнее окутывающего его мрака. Приглушенные туманом голоса моряков, поскрипывание такелажа у слы-

шал задолго до того, как судно показалось на глаза. Лодка ткнулась носом в спущенный трап. Вновь раздался вой.

Одноглазый попытался сигануть за борт. Мы успели его перехватить, и Капитан для верности прижал его задницу каблуком.

— У тебя был шанс нас всех отговорить, — сказал он. — Ты им не воспользовался. Вот и живи теперь с этим.

Одноглазый понуро, как человек, лишившийся последней надежды, полез вслед за Лейтенантом по трапу. Он потерял брата, а теперь вынужден был находиться рядом с его убийцей, не в силах отомстить.

Своих мы отыскиали на главной палубе, среди сваленного в кучи отрядного имущества. Заметив нас, сержанты стали пробираться навстречу.

Появился посланник. Я изумленно вытаращился — впервые видел его стоящим. Он оказался коротышкой. Я даже засомневался, мужчина ли передо мной; судя по некоторым из множества его голосов, он запросто мог оказаться и женщиной.

Посланник тщательно осмотрел нас — как будто в душу каждому заглянул. Один из его помощников попросил Капитана построить Отряд, насколько это возможно на переполненной палубе. Экипаж тем временем перебирался в центральные кубрики, расположенные над открытым трюмом, который тянулся от носа почти до кормы и от верхней палубы до самого нижнего ряда весел. Снизу доносился шум, там возились и гомонили разбуженные моряки.

Посланник двинулся вдоль нашего строя. Он останавливался возле каждого солдата и прикалывал ему на грудь значок с той же эмблемой, что украшала парус корабля. Дело шло медленно, и корабль лег на курс задолго до того, как коротышка управился.

Чем ближе подходил посланник, тем сильнее дрожал Одноглазый. Когда к его груди прикололи значок, колдун едва не потерял сознание. «Чего он так переживает?» — ломал голову я.

Вот подошла и моя очередь; я тоже нервничал, но по крайней мере не до потери пульса. Тонкие, затянутые в перчатку пальцы прикрепили к моей куртке значок; я опустил глаза и увидел изящно выгравированный на черном фоне серебряный череп, заключенный в серебряный круг. Довольно дорогое украшение и жутковатое вдобавок. Не будь Одноглазый напуган до смерти, он бы, наверное, сейчас прикидывал, сколько можно выручить за эту безделушку.

Мне эмблема показалась знакомой, причем я не имел в виду изображение на парусе, которое посчитал за самую обычную показуху и про которое тут же забыл. Но это... Может, я где-то о чем-то таком читал? Или слышал?

— Приветствую тебя на службе у Госпожи, лекарь, — сказал посланник.

Он опять сбил меня с толку, обманул ожидания — на сей раз заговорил мелодичным, переливчатым голосом девушки, мастерицы дурить тех, кто считает себя умней других.

Госпожа? Где же я слышал это слово, произносимое с пафосом, словно титул богини? Какая-то мрачная старинная легенда была связана с ним...

По кораблю пронесся вой, полный ярости, боли и отчаяния. Вздвогнув, я вышел из строя и приблизился к открытому люку в палубе.

Под основанием мачты в большой железной клетке находилась форвалака. Из-за теней могло показаться, что она, бродя по своему узилищу и пробуя каждый прут, слегка меняется. То выглядела женщиной лет тридцати атлетического сложения, то мгновение спустя принимала облик стоящего на задних лапах и дерущего когтями железо черного леопарда. Я сразу вспомнил слова посланника: мол, монстр еще может ему пригодиться.

Я повернулся к коротышке. И вдруг меня осенило. Дьявольский молоток принялся заколачивать ледяные гвозди мне в душу. Теперь понятно, почему Одноглазый не хочет плыть за море. Древнее зло севера...

— А я-то думал, все вы умерли еще лет триста назад.

— Вы, люди, всегда плохо знали свою историю, — рассмеялся в ответ посланник. — Нас не уничтожили, а лишь сковали цепями и похоронили заживо. — В его смехе звучала слегка истерическая нотка. — Да, Костоправ, сковали и похоронили, но потом нашелся дурак, который нас освободил. Этого дурака звали Боманц.

Я присел на корточки возле Одноглазого, уткнувшегося лицом в ладони.

Посланник — этот ужас, называемый в древних легендах Душеловом, дьявол пострашнее дюжины форвалак — разразился безумным смехом.

Моряки заушмылялись. Отменная шутка — завербовать Черный Отряд на службу злу. Великий город захвачен, злодеи подкуплены. Воистину грандиозное надувательство.

— Ну-ка, Костоправ, выкладывай, — велел Капитан, устраиваясь рядом.

И я рассказал ему об эпохе Владычества, о Властелине и его Госпоже, управлявших империей зла, которая не имела равных даже среди царств преисподней. Рассказал о Десяти Взятых, одним из

которых был Душелов, — этих великих колдунов, могущественных, как полубоги, Властелин одолел и заставил служить себе. Поведал о Белой Розе, женщине-генерале, — она свергла Владычество, но уничтожить Властелина, Госпожу и Десятерых ей не хватило сил. Она смогла лишь замуровать их где-то на севере, в заколдованном кургане.

— А теперь, выходит, они вновь на свободе, — заключил я. — Правят своей империей, как встарь. Должно быть, Тамтам и Одноглазый что-то подозревали... А мы поступили к северянам на службу.

— Скорее, нас поймали, — процедил Капитан. — Взяли себе. Как форвалаку.

Тварь завизжала и бросилась на прутья клетки. Над туманной палубой пронесся смех Душелова.

— Взятые Взятыми, — кивнул я. — Пакостное сравнение.

Чем больше старинных легенд всплывало в памяти, тем сильнее меня колотила нервная дрожь.

Капитан вздохнул и уставился в туман, за которым нас ждала новая земля. Одноглазый не сводил ненавидящего взгляда с заточенной в клетку твари. Я попытался увести его, но он вырвался:

— Подожди, Костоправ. Мне нужно это обдумать.

— Обдумать что?

— Тамтама убила другая форвалака. На этой совсем нет шрамов, а мы ведь порядком ее потрепали.

Я медленно повернулся к посланнику. Тот опять рассмеялся, глядя на нас.

Одноглазый так ни о чем и не догадался. А я ничего ему не сказал. Неприятностей у нас и без того хватало.

Ворон

— Плавание доказало мою правоту, — проворчал Одноглазый, — Оторвавшись от высокой оловянной кружки. — Черному Отряду в море делать нечего. Эй, девка! Еще эля!

Колдун помахал кружкой, иначе служанка не поняла бы — он отказался учить языки северян.

— Ты уже надрался, — предостерег я.

— Какая проникаемость! Вы заметили, господа? Костоправ, наш уважаемый знаток духовных и медицинских искусств, соблаговолил заметить мою нетрезвость, — объявил он заплетающимся языком, то и дело рыгая, и обвел слушателей угрюмо-надменным взглядом, который доступен лишь пьяному.

Служанка принесла новый кувшин для него и бутылку для Молчуна, тоже готового принять новую порцию отравы. Он пристрастился к кислому вину из Берилла, которое превосходно соответствовало его характеру. Деньги перешли из рук в руки.

За столом нас было семеро. Мы сидели опустив голову, потому что в заведении было полно моряков, а иностранцев вроде нас всегда быют в первую очередь, когда вспыхивает драка. Если не принимать в расчет Одноглазого, мы предпочитали драться лишь тогда, когда нам за это платят.

В дверь просунулась уродливая физиономия Ростовщика. Он прищурился, глаза-бусинки забегали по сторонам и отыскивали нас.

Ростовщиком он прозван потому, что ссужает нам деньги под немислимые проценты. Слово ему не нравится, но он сам говорит, что любое прозвище лучше имечка, которым его одарили родители-крестьяне: Свекловица.

— Эй! Да это же Сахарный Бурачок! — взревел Одноглазый. — Поди сюда, сладенький. Одноглазый угощает. Он слишком пьян, чтобы найти деньгам лучшее применение.

Одноглазый не соврал. Когда он трезв, вытянуть у него монетку —дохлый номер.

Ростовщик подмигнул и украдкой осмотрелся — есть у него такая привычка.

— Парни, вас зовет Капитан.

Мы переглянулись. Одноглазый притих. Последнее время мы почти не видели Капитана — он постоянно крутился среди шишек имперской армии.

Эльмо и Лейтенант встали из-за стола. Я последовал их примеру и направился к Ростовщику.

Нас остановил вопль хозяина. Служанка тут же бросилась к двери и заслонила выход. Из задней комнаты, сотрясая пол, вышел верзила с тупой рожей. В толстых, что твой окорок, ручищах он держал по жуткой узловатой дубине. Вид у него был почему-то смущенный.

Одноглазый зарычал. Мы поднялись с мест, готовые ко всему, а моряки, почуяв драку, уже прикидывали, на чей стороне биться. Большинство из них выбрало не нас.

— И как это понимать?! — гаркнул я.

— Не обессудьте, господин, — сказала служанка, — но ваши друзья не заплатили за последнюю выпивку. — И метнула в хозяина лукавый взгляд.

— Черта с два они не заплатили! — В этом заведении полагалось рассчитывать, когда приносят заказ.

Я посмотрел на Лейтенанта. Он кивнул. Я перевел взгляд на хозяина и почуял его жадность. Хозяин решил, что мы спяну заплатим дважды.

— Ты, Одноглазый, сам выбрал это воровское логово, — заметил Эльмо, — тебе и вправлять им мозги.

Сказано — сделано. Одноглазый завизжал, как боров на бойне, и...

Из-под нашего стола выскочил четырехрукий комок уродства размером с шимпанзе. Сперва он метнулся к служанке и украсил ее бедро отметинами от клыков, потом вскарабкался на гору мускулов с дубинами. Громила и ахнуть не успел, как из десятка ран полилась кровь.

Миску с фруктами на столе посреди комнаты окутал черный туман. Через секунду он рассеялся, а из посуды, извиваясь, поползли ядовитые змеи.

У хозяина отвисла челюсть, из разинутого рта тотчас посыпались жуки-скарабеи.

Воспользовавшись переполохом, мы спокойно вышли на улицу. Одноглазый вопил и хохотал, пока таверна не осталась в нескольких кварталах позади.

Капитан пялился на нас, а мы стояли перед его столом, опираясь друг на друга. Одноглазый все еще давился смехом, и даже Лейтенанту не удавалось изображать невозмутимость.

— Да они пьяны! — сказал Капитан.

— Пьяны, — согласился Одноглазый. — В стельку, в зюю и в дымину.

Лейтенант несильно стукнул его по почке:

— Садитесь. И попытайтесь вести себя пристойно, пока вы здесь.

«Здесь» означало роскошное заведение на открытом воздухе, на несколько миль выше уровнем, чем наш предыдущий порт приписки. Тут даже у шлюх имелись титулы. Ухищрениями садовников парк был разделен на участки, располагающие к уединению. Тут вам и пруды, и беседки, и мощеные дорожки, и ошеломляющий аромат цветов.

— Чересчур роскошно для нас, — заметил я.

— Что мы здесь делаем? — поинтересовался Лейтенант, пока остальные рассаживались.

Капитан сидел во главе огромного каменного стола — вокруг запросто могли расположиться человек двадцать.

— Мы в гостях. И ведите себя соответственно.

Он поиграл приколотым возле сердца значком, удостоверяющим, что его обладатель находится под защитой Душелова. У всех у нас были такие же значки, но мы редко их носили. Жест Капитана намекал, что следует исправить это упущение.

— В гостях у кого-то из Взятых? — уточнил я, борясь с пивным хмелем.

Подобные события следует упоминать в Анналах.

— Нет, значки тут носят в знак уважения к дому. — Капитан повел рукой.

Все вокруг имели значки, обозначающие принадлежность к тому или иному из Взятых. Несколько эмблем я распознал. Ревун, Крадущийся в Ночи, Зовущая Бурю, Хромой.

— Новый хозяин дома желает вступить в наши ряды.

— Записаться в Черный Отряд? — переспросил Одноглазый. — У него с головой все в порядке?

Последнего рекрута мы приняли несколько лет назад.

Капитан пожал плечами и улыбнулся:

- Однажды такое желание изъявил даже некий шаман.
- И с тех пор об этом жалеет, — буркнул Одноглазый.
- Почему же он до сих пор здесь? — спросил я.

Одноглазый промолчал. Черный Отряд покидают только ногами вперед. Для всех нас он дом родной.

- Что скажешь о хозяине? — поинтересовался Лейтенант.

Капитан закрыл глаза:

- Он необычный. Может стать для нас ценным приобретением. Мне этот парень нравится. Впрочем, судите сами. Вот он.

Капитан указал пальцем на обозревающего сад человека.

На нем была серая одежда, поношенная и залатанная. Невысокий, худощавый и смуглый. Немного моложе тридцати, пожалуй. Красив какой-то мрачной красотой. Не сказать, что располагает к себе внешним видом...

Или я не прав? Со второго взгляда начинаешь замечать нечто разительное. Напряженность, внешнюю невозмутимость, что-то еле уловимое в позе.

Роскошь парка нисколько не смущала этого парня. Проходящие мимо бросали на него взгляд и морщились. Они замечали не человека, а лохмотья — и не скрывали отвращения. Мало того что сюда пропустили нас, так теперь еще и этого голодранца.

К нему уже шел слуга в роскошных одеяниях, намереваясь показать выход из усадьбы, куда бедняк забрел явно по ошибке.

Незнакомец направился к нам, миновав слугу с таким видом, будто того не существовало. В движениях была заметна некоторая скованность и неровность, наводящая на мысль, что он оправляется после недавно полученных ранений.

- Капитан?

- Добрый день. Присаживайтесь.

От группы старших офицеров и стройных молодых женщин отделился тучный штабной генерал, сделал несколько шагов в нашу сторону, замер. Его одолевало искушение поделиться своими предрассудками.

Я узнал его. Лорд Джалена. Выше можно подняться, лишь став одним из Десяти Взятых. Напудренная физиономия генерала налилась кровью. Если Капитан и заметил лорда, то не подал виду.

— Господа, это... Ворон. Он хочет служить вместе с нами. Ворон — не настоящее имя, но это не имеет значения. Вы все тоже в свое время назвались чужими именами. Можете представиться и задать вопросы.

Было в этом Вороне нечто странное. Очевидно, мы были именно его гостями. Манерами он не напоминал нищего бродягу, но выглядел так, словно истоптал немало трудных дорог.

К нашему столу, тяжело дыша, подошел Джалена. Таких свиней я бы с удовольствием подвергал хотя бы половине той муштры, которой они истязают своих солдат. Лорд хмуро посмотрел на Капитана.

— Сударь, — пропыхтел он, — у вас серьезные связи, и мы не оспариваем ваше право находиться здесь, но... парк предназначен для утонченных персон. Ему уже двести лет, и мы не можем допустить...

Капитан снизошел до загадочной улыбки и негромко ответил:

— Я тут всего лишь посетитель, милорд. Если вам не нравится мое общество, жалуйтесь хозяину. — Он указал на Ворона.

Джалена сделал полуоборот направо:

— Сударь... — У него полезли на лоб глаза и округлился рот. — Ты!

У глядевшего на Джалену Ворона ни один мускул не дрогнул на лице, ни одна ресница не шелохнулась. Со щек толстяка сошла краска. Он бросил умоляющий взгляд на своих приятелей, вновь посмотрел на Ворона и повернулся к Капитану. Губы шевелились, но произнести хотя бы слово лорд не смог.

Капитан протянул Ворону руку. Тот взял значок Душелова и нацепил себе на грудь, у сердца.

Джалена еще больше побледнел и попятился.

— Кажется, вы знакомы, — заметил Капитан.

— Он был уверен, что я мертв.

Джалена вернулся к своим, что-то возбужденно сказал и вытянул руку. Побледневшие мужчины посмотрели в нашу сторону. После короткого спора вся компания спешно покинула парк.

Ворон не стал ничего объяснять, лишь спросил:

— Не перейти ли нам к делу?

— А ты не хочешь объяснить, что сейчас произошло? — Голос Капитана был опасно вкрадчив.

— Нет.

— Подумай еще раз. Твое присутствие может навлечь беду на весь Отряд.

— Не навлечет. Это личное дело. И я не потащу за собой мое прошлое.

Капитан обдумал его слова. Он не из тех, кто копается в биографии подчиненных без причины. Сейчас он решил, что причина имеется.

— И как же можно этого избежать? Ведь ты, похоже, чем-то насолил лорду Джалене.

— Не Джалене, а его приятелям. Это старая история. Я все улажу до того, как отправлюсь вместе с вами. Для этого пятерым придется умереть.

Прозвучало интересно. Ах, этот аромат тайны! Темные делишки, месть — то что надо для захватывающего рассказа.

— Меня зовут Костоправ. Почему ты не хочешь поделиться с нами своей историей?

Ворон посмотрел мне в лицо, с явным усилием сохраняя невозмутимость:

— Она личная, очень давняя и позорная. Я не желаю об этом говорить.

— В таком случае я не могу голосовать «за», — сказал Одноглазый.

Двое мужчин и женщина прошли мимо нас по мощеной дорожке и остановились, разглядывая то место, где недавно находилась компания лорда Джалены. Опоздавшие? Вид у них был удивленный, они о чем-то заспорили.

Эльмо поддержал Одноглазого. Такое же решение принял и Лейтенант.

— А ты, Костоправ? — спросил Капитан.

Я проголосовал «за», потому что чуял тайну и не хотел ее упустить. Капитан обратился к Ворону:

— Мне известна часть твоей истории. Поэтому я поддерживаю Одноглазого. Хотелось бы тебя принять, но я должен думать о благе Отряда... Попробуй уладить свои проблемы до нашего ухода.

Опоздавшие направились в нашу сторону — презрительно задирая носы, но все же намереваясь узнать, что произошло с теми, кто их приглашал.

— Сколько у меня времени? — спросил Ворон. — Когда вы уходите?

— Завтра на рассвете.

— Что?! — изумился я.

— Помолчи-ка, — перебил меня Одноглазый, а затем обратился к Капитану: — И в самом деле, как так получилось?

Даже Лейтенант, никогда не обсуждавший приказы, сказал:

— Вроде нам была обещана пара недель отдыха.

Он здесь обзавелся подружкой — впервые на моей памяти. Капитан пожал плечами:

— Мы нужны на севере. Мятежник по имени Загребущий выбил Хромого из крепости в Сделке.

Опоздавшие приблизились к нам, один из мужчин спросил:

— Куда подевалась компания из грота Камелий?

Его голос прозвучал визгливо и немного гнусаво, у меня даже волосы зашевелились на затылке. Незнакомец источал высокомерие и презрение. Я не слышал подобного тона с того дня, как вступил в Отряд. Аристократы Берилла никогда не позволяли себе такого хамства в нашем присутствии.

В Опале еще не знают Черный Отряд, напомнил я себе. Скоро узнают.

Голос поразил Ворона, словно удар молотом по затылку. Он окаменел. На мгновение глаза превратились в лед. Потом уголки губ шевельнула улыбка — такой зловещей мне видеть не случалось.

— Теперь я понял, почему у Джалены вдруг расстроился желудок, — прошептал Капитан.

Мы сидели неподвижно, замороженные смертельной угрозой. Ворон медленно поднялся, одновременно оборачиваясь. Подошедшая троица увидела его лицо.

Визгливый поперхнулся. Стоящий рядом с ним мужчина затрясся. Женщина открыла рот, но не смогла выдать ни слова.

Я так и не понял, как в руке Ворона оказался нож, — все произошло почти мгновенно. Из перерезанного горла визгливого аристократа хлынула кровь. Его приятель рухнул, пораженный сталью в сердце. А Ворон стиснул левой рукой горло женщины.

— Не надо... — прошептала та. — Умоляю...

Она не сопротивлялась. И не ждала пощады.

Ворон надавил, заставив женщину рухнуть на колени. Ее лицо побагровело, опухло от прилива крови, изо рта вывалился язык. Она сжала запястье Ворона, содрогнулась. Тот поднял ее, и впился взглядом в глаза, и смотрел, пока они не закатились. Женщина обмякла, вновь вздрогнула и умерла.

Ворон отдернул руку и уставился на свои трясущиеся пальцы. Его лицо страшно исказилось, тело била нервная дрожь.

— Костоправ! — гаркнул Капитан. — Ты вроде называешь себя лекарем?

— Угу.

Окружающие начали реагировать, люди в парке не сводили с нас глаз. Я проверил пульс визгливого, потом его приятеля. Оба мертвы. Затем повернулся к женщине.

Ворон опустился на колени, взял ее за левую руку. Его глаза блеснули от слез. Он снял золотое обручальное кольцо, сунул себе в карман. Больше ничего не взял, хотя драгоценностей у женщины хватило бы на целое состояние.

Мы встретились взглядами. Его глаза вновь превратились в лед, и я не посмел озвучить свою догадку.

— Не хочу показаться паникером, — проворчал Одноглазый, — но почему мы все еще здесь торчим?

— Прекрасная мысль, — подхватил Эльмо и сразу же воплотил ее в жизнь.

— Пошевеливайся! — рывкнул на меня Капитан и схватил Ворона за руку.

Я пристроился за ними.

— До рассвета улажу все мои дела, — пообещал на ходу Ворон. Капитан на мгновение обернулся.

— Да, — только и бросил он.

Я тоже подумал: «Да».

Но мы уйдем из Опала без Ворона.

В тот вечер Капитан получил несколько писем с оскорблениями и угрозами.

— Эти трое, наверное, были местными шишками, — скупно прокомментировал он.

— Они носили значки Хромого, — добавил я. — Кстати, что тебе известно о Вороне? Кто он такой?

— Человек, не поладивший с Хромым. Его подло обманули и бросили, посчитав убитым.

— А о той женщине он скромно умолчал?

Капитан пожал плечами. Я принял его жест за подтверждение.

— Готов поспорить, что она была его женой. Возможно, предала.

Предательства здесь в порядке вещей. Равно как и заговоры, убийства и неприкрытая борьба за власть. Все прелести упадка. Госпожа в эту мышиную возню не вмешивается. Наверное, предпочитает наблюдать и потешаться.

Мы продвигались на север, к центру империи. С каждым днем местность становилась все более унылой, а жители — все более угрюмыми и неприветливыми. Счастливыми эти земли не назовешь. Даже в такое благодатное время года.

Настал день, когда нам пришлось объезжать самое сердце этого государства — Башню в Чарах, построенную Госпожой после воскрешения. Нас сопровождал эскорт, настороженные кавалеристы не

позволяли приближаться к Башне меньше чем на три мили, но она виднелась над горизонтом даже с такого расстояния — куб из темного камня, массивный, высотой не менее пятисот футов.

Я рассматривал Башню весь день. Как выглядит наша хозяйка? Увижу ли я ее когда-нибудь? Она интриговала меня. В тот же вечер я взял перо и попытался описать ее, но мое воображение вскоре опустилось до романтических фантазий.

На следующий день нас отыскал бледнолицый всадник, скакавший на юг в поисках Черного Отряда. Судя по значку, он служил Хрому. Дозорные привели его к Лейтенанту.

— Вы, бездельники, здесь прохлаждаетесь, а вас ждут под Форсбергом! Кончайте валять дурака — и вперед!

Лейтенант — человек спокойный, привыкший к уважению. Он настолько опешил, что промолчал. Гонец вел себя все агрессивней. Наконец Лейтенант спросил:

— Какое у тебя звание?

— Капрал! Гонец Хромого. Советую поторопиться, приятель. С Хромым шутки плохи.

В нашем Отряде Лейтенант следит за дисциплиной и определяет наказания. Это бремя он сам снял с Капитана. Он справедлив и никогда не перегибает палку.

— Сержант! — рявкнул он, обращаясь к Эльмо. — Ты мне нужен.

Лейтенант был зол. Обычно лишь Капитан называет Эльмо сержантом.

Эльмо, ехавший рядом с Капитаном, пустил коня рысью вдоль нашей колонны. Капитан последовал за ним.

— Какие будут распоряжения? — спросил Эльмо.

Лейтенант остановил Отряд:

— Научите эту деревенщину уважать старших по званию.

— Есть. Масло и Сапожник, выполняйте.

— Двадцати плетей ему хватит.

— Есть двадцать плетей.

— Да вы что себе позволяете? Никакой вонючий наемник не смеет...

— Лейтенант, — оборвал гонца Капитан, — по-моему, он заслужил еще десяток горячих.

— Согласен. Эльмо!

— Есть тридцать плетей, Лейтенант.

Взлетел кулак Эльмо, гонец мешком свалился с седла. Масло и Сапожник подхватили его, подтащили к придорожной изгороди. Затем Сапожник разорвал на спине капрала рубашку.

Эльмо принялся работать ездовой плетью Лейтенанта. Он не особенно усердствовал, потому что не вымещал злобу, а лишь доводил нужную мысль до ума тех, кто считал Черный Отряд чем-то второсортным.

Когда Эльмо закончил, я подошел к гонцу, прихватив сумку:

— Постарайся расслабиться, парень. Я лекарь. Промою тебе спину и забинтую. — Я похлопал его по щеке. — Для северянина ты держался неплохо.

Когда я обработал капралу спину, Эльмо протянул ему новую рубашку, а я, дав несколько медицинских советов, добавил:

— Доложи о себе Капитану так, словно ничего не произошло. — Я показал ему Капитана. — Действуй.

Как выяснилось, наш приятель Ворон успел-таки к нам присоединиться. Теперь он наблюдал за происходящим, сидя на взмыленной и запыленной чалой кобыле.

Гонец прислушался к моему совету.

— Передай Хромому, — ответил Капитан, — что я веду Отряд с той скоростью, с какой он может двигаться. И я не погоню людей вперед, иначе у них не останется сил сражаться.

— Да, Капитан. Я все ему передам, Капитан. — Гонец осторожно забрался в седло.

Он хорошо скрывал свои чувства.

— Хромой тебе за это сердце вырежет, — предостерег Ворон.

— На его неудовольствие мне наплевать, — ответил Капитан. — Я думал, ты присоединишься к нам, прежде чем мы выйдем из Опала.

— Провозился, сводя счеты. Одного вообще в городе не оказалось, другого предупредил лорд Джалена. На поиски ушло бы три дня.

— На поиски того, который удрал из города?

— Я предпочел догнать вас.

Ответ не удовлетворил Капитана, и он зашел с другой стороны:

— Ты не можешь вступить в Отряд, пока у тебя есть интересы на стороне.

— Их больше нет. Главный долг заплачен.

Я догадался, что он имел в виду женщину. Капитан хмуро взглянул на Ворона:

— Ладно. Езжай со взводом Эльмо.

— Спасибо... господин Капитан.

Я удивился. Ворон явно не из тех, кто привык называть других господами.

Поход продолжался: Отряд миновал Вяз, углубился в провинцию Клин, проехал Розы и двинулся дальше на север по Форсбергу. Эта провинция, некогда бывшая королевством, стала полем кровавой схватки.

Город Весло расположен у северных границ Форсберга, а чуть дальше, в лесах, находится Курганье, где Госпожа и ее любовник Властелин были похоронены четыре века назад. Придурковатые колдуны из Весла затеяли магические исследования и пробудили Госпожу и Десять Взятых от темных навязчивых снов. Теперь одолеваемые виной потомки тех чародеев сражаются с Госпожой.

Южный Форсберг встретил нас обманчивым миролюбием. Крестьяне приветствовали Отряд без особого восторга, но деньги брали охотно.

— Для них в диковинку, что солдаты Госпожи платят, — сказал Ворон. — Взятые попросту хватают все, что приглянется.

Капитан хмыкнул. Мы бы и сами так поступали, если бы не получили от Душелова наказ вести себя вежливо. Перед отъездом он щедро наполнил казну Отряда. Капитан не возражал. К чему зря заводить врагов?

Мы ехали уже два месяца, и все выдохлись. За спиной осталась тысяча миль. Капитан решил дать Отряду передышку на границе зоны боев. Возможно, у него появились сомнения насчет службы Госпоже.

Как бы то ни было, зачем гоняться за неприятностями? Особенно если плата не меняется, сражаешься ты или нет.

Капитан завел нас в лес. Пока мы разбивали лагерь, он разговаривал с Вороном. Я наблюдал за ними.

Любопытно. Этих людей начинает что-то связывать. Я не мог понять, что именно, поскольку слишком мало знал о каждом из них. Просто Ворон — новая загадка, а Капитан — старая.

За все годы, проведенные рядом с Капитаном, я почти ничего про него не узнал. Так, намек там, намек здесь, приправленные домыслами.

Капитан родился в одном из Драгоценных городов. Он был профессиональным солдатом. Что-то перевернуло его личную жизнь. Вероятно, женщина. Он наплевал на контракт и чин и стал бродягой, а через некоторое время связался с нашей компанией духовных изгнанников.

У каждого из нас есть прошлое. И сдается, мы окутываем его туманом вовсе не для того, чтобы спрятать, а просто думаем, что выглядим романтичней, многозначительно закатывая глаза и тонко

намекая на прекрасных женщин, с которыми расстались навсегда. Те из нас, чьи истории я сумел выведать, бежали от закона, а не от трагической любви.

Капитан и Ворон, очевидно, нашли друг в друге родственную душу.

Мы выбрали место для лагеря, расставили дозорных и устроились на отдых. Хотя в стране шла война, ни одной из противоборствующих сторон не удалось сразу обнаружить наше прибытие.

Молчун, желая повысить бдительность часовых, пустил в ход свои способности и обнаружил шпионов, сумевших пересечь линию наших пикетов и замаскироваться. Он предупредил Одноглазого, а тот доложил Капитану.

Капитан вызвал меня, Одноглазого, Гоблина и еще несколько солдат, потом разложил карту на пне, до этого служившем карточным столом.

— Где они?

— Двое здесь. Еще двое тут. И один вот в этом месте.

— Пошлите кого-нибудь к часовым с приказом незаметно вернуться в лагерь. Мы отсюда сматываемся — тоже незаметно. Гоблин... Где Гоблин? Передайте Гоблину, чтобы держал свои иллюзии наготове.

Капитан решил ни во что не ввязываться. На мой взгляд, разумное решение.

— Где Ворон? — спросил он через несколько минут.

— Кажется, пошел ловить шпионов, — ответил я.

— Что? Да он сдурел! — Лицо Капитана потемнело. — А тебе что надо?

Гоблин взвизгнул, как придавленная каблуком крыса. У колдуна голосок на диво тонкий, а гнев Капитана сделал его и вовсе похожим на писк птенчика.

— Ты ж меня вызвал.

Капитан ходил по кругу, с силой топая, рыча и хмурясь. Обладая он талантом Гоблина или Одноглазого, из ушей наверняка валил бы дым.

Я подмигнул Гоблину, тот расплылся в улыбке и стал похож на большую жабу. Грозный танец войны в исполнении Капитана был всего лишь предупреждением, чтобы не беспокоили по пустякам. Капитан шуршал картами. Капитан метал свирепые взгляды. Наконец он резко обернулся ко мне:

— Это ты его подговорил?

— Нет. — Я не пытаюсь творить историю Отряда, а лишь записываю ее.

Тут показался Ворон. Он бросил к ногам Капитана труп и продемонстрировал связку жутких трофеев.

— Что за мерзость?

— Большие пальцы. В здешних краях считают, что они приносят удачу.

Капитан аж позеленел.

— А мертвяк для чего?

— Суньте его пятками в костер и немного подержите. Враги не станут терять время на раздумья о том, как мы догадались, что они рядом.

Одноглазый, Гоблин и Молчун окутали Отряд чарами. Мы выскользнули из леса, словно рыба из рук неуклюжего рыбака. Следивший за нами вражеский батальон ничего не заметил. Мы двинулись напрямик на север. Капитан намеревался отыскать Хромого.

Под вечер Одноглазый затянул походную песню. Гоблин протестуяще пискнул. Одноглазый ухмыльнулся и запел громче.

— Он подменил слова! — заверещал Гоблин.

Солдаты заулыбались, предвкушая развлечение. Гоблин и Одноглазый враждуют уже десятки лет. Подзуживать всегда начинает Одноглазый, а Гоблин порой бывает чувствительным, как свежий ожог. Следить за их перепалкой — одно удовольствие.

На сей раз Гоблин не поддался на провокацию и проигнорировал слова Одноглазого. Черный коротышка почувствовал себя оскорбленным и запел еще громче. Мы ожидали фейерверка, а кончилось все скукой. Поняв, что старался зря, Одноглазый надулся.

Чуть позднее Гоблин шепнул мне:

— Держи ушки на макушке, Костоправ. Места незнакомые, всякое может случиться, — и хихикнул.

На бедро кобылы Одноглазого сел овод. Лошадь заржала и взбрыкнула, сонный Одноглазый кувырнулся через хвост. Солдаты давились от смеха. Морщинистый низкорослый колдун поднялся, ругаясь стряхнул с себя пыль ветхой шляпой и в сердцах треснул кобылу кулаком по лбу. Потом он долго приплясывал, стонал и дул на разбитые костяшки пальцев.

В награду от зрителей он получил восторженный рев. Гоблин скромно ухмылялся.

Вскоре Одноглазый задремал вновь. Этому фокусу легко научиться, проехав в седле тьму утомительных миль. К коротышке на плечо уселась птица. Одноглазый фыркнул и замахнулся... Птица улетела, оставив на куртке огромное и вонючее красное пятно. Одноглазый взвыл и принялся швыряться чем попало, а стаскивая с себя куртку, ухитрился ее порвать.

Мы вновь расхохотались. Гоблин выглядел невинным, словно девственница. Одноглазый скалился и ворчал, но все еще не догадывался.

До него начало доходить, в чем дело, когда, въехав на вершину холма, мы увидели группу карликов размером с обезьянку, азартно целующих идола в виде лошадиной задницы. Каждый являл собой миниатюрную копию Одноглазого.

Маленький колдун метнул в Гоблина убийственный взгляд. Тот недоуменно пожал плечами: мол, он тут ни при чем.

— Очко в пользу Гоблина, — рассудил я.

— Берегись, Костоправ, — прорычал Одноглазый. — Иначе будешь целовать меня сюда. — И похлопал себя по заднице.

— После дождичка в четверг.

Да, он более опытный волшебник, чем Гоблин или Молчун, но все же не такой мастак, каким себя выставляет. Если бы он мог выполнить хотя бы половину своих угроз, то стал бы опасен для Взятых. Молчун последовательнее его, а Гоблин более изобретателен.

Теперь Одноглазый несколько ночей не сомкнет глаз, придумывая, как поквитаться с Гоблином. Своеобразная парочка, что ни говори. Для меня загадка, почему они до сих пор не убили друг друга.

Отыскать Хромого оказалось труднее, чем этого пожелать. Мы шли по его следу до леса, где обнаружили заброшенные земляные укрепления и множество убитых мятежников. Из леса спустились в широкую долину, прорезанную искрящимся на солнце ручьем.

— Что за чертовщина? — спросил я Гоблина. — Странно...

Весь луг был усеян широкими черными бугорками. Повсюду лежали тела.

— Одна из причин, по которым боятся Взятых. Смертоносные заклинания. От их жара вспучилась земля.

Я остановился и осмотрел бугорок. Круг словно провели циркулем — его граница была четкой, как нарисованная пером. На почерневшей земле валялись обугленные скелеты. Мечи и наконечники копий казались сделанными из воска и слишком долго пролежав-

шими на солнце. Я заметил, что Одноглазый не в силах оторваться от жуткого зрелища.

— Когда ты сумеешь это повторить, я стану тебя бояться.

— Если я такое сумею, то стану бояться сам себя.

Другой круг оказался точной копией первого. Ворон остановил лошадь рядом со мной.

— Работа Хромого. Я такое уже видел.

Я почуял перемену ветра. Сдается, Ворон сейчас в подходящем настроении.

— Когда это было?

Ворон проигнорировал мой вопрос. Нет, он не вылезет из своей раковины. При встречах даже здоровается не всякий раз, так стоит ли надеяться, что расскажет, кто он такой и кем был?

Хладнокровный человек. Ужасы долины его совсем не тронули.

— Хромой проиграл это сражение, — решил Капитан. — Теперь он бежит.

— Будем и дальше следовать за ним? — спросил Лейтенант.

— Эта страна нам незнакома. Слишком опасно действовать на свой страх и риск.

Мы ехали по следу насилия, в полосе уничтожения. Вокруг вытоптанные поля, сожженные деревни, зарезанные люди, забитый скот, отравленные колодцы. Хромой оставлял за собой только смерть и опустошение.

Нам приказано помочь с обороной Форсберга. Присоединяться к Хромому мы не обязаны. Я вообще не хочу иметь с ним дела. Не хочу даже находиться с ним в одной провинции.

По мере того как следы разрушений становились все более свежими, Ворон выказывал возбуждение и тревогу, погружался в себя, накапливая решимость, и все чаще прибегал к жесткому самоконтролю, за которым нередко скрывал свои чувства.

Размышляя о характерах товарищей, я всегда жалею, что не способен посмотреть им в душу и сорвать покров с того темного и светлого, что ими движет. Но, быстро заглянув в джунгли собственной души, я благодарю небеса, не одарившие меня сим малым талантом. Тот, кто едва выдерживает сражение с самим собой, не имеет права копаться в чужом прошлом.

Пузо, посланный в дозор, торопился обратно, но мы и без него знали, что подобрались близко. Весь горизонт порос высокими косыми столбами дыма. Эта часть Форсберга оказалась равнинной

и восхитительно зеленой, и столбы маслянистого чада выглядели на фоне синего неба святотатственно.

Ветра почти не было. День обещал стать очень жарким.

Пузо остановил коня возле Лейтенанта. Мы с Эльмо прекратили обмениваться бородатыми байками и прислушались. Пузо указал на дым:

— Капитан, в деревне остались люди Хромого.

— Ты с ними разговаривал?

— Нет. Башка решил, что вы этого не одобрили бы. Он ждет на околице.

— Сколько их там?

— Двадцать; может, двадцать пять. Пьяные и злые. Офицер и вообще сволочь, хуже солдат.

Лейтенант обернулся:

— Эй, Эльмо! Сегодня тебе повезло. Возьми десять человек и поезжай с Пузом. Осмотрись в деревне.

— Проклятье! — процедил Эльмо. Он хороший солдат, но жаркая весна сделала его ленивым. — Ладно. Масло, Молчун, Недомежок, Блондин, Козел, Ворон...

Я многозначительно кашлянул.

— Ты свихнулся, Костопправ? Ну хорошо. — Он быстро посчитал на пальцах, назвал еще три имени.

Мы построились рядом с колонной. Эльмо провел быструю проверку, тыча пальцем, — убедился, что каждый не забыл прихватить голову.

— Тронулись.

Мы пришпорили лошадей. Пузо привел нас в рощу, откуда открывался вид на разоренную деревню. Там ждали Башка и Весельчак.

— Какие новости? — спросил Эльмо.

Весельчак, у которого сарказм в крови, ответил:

— Что не тухнет, то горит.

Мы посмотрели на деревню. От увиденного меня едва не вывернуло наизнанку. Заколотый скот, мертвые собаки и кошки, изувеченные трупы детей.

— Нет, только не дети, — пробормотал я, даже не сознавая, что думаю вслух. — Ну почему опять дети?

Эльмо посмотрел на меня как-то странно — не потому, что зрелище тронуло и его, а из-за нехарактерного для меня сочувствия. На своем веку я навидался мертвецов. Но сейчас не стал пояснять, что

для меня существует большая разница между убийством взрослого и ребенка.

— Эльмо, мне нужно туда.

— Не дури, Костоправ. Что ты сможешь сделать?

— Спасти хотя бы одного мальчика...

— Я с ним, — заявил Ворон.

В его руке появился нож. Должно быть, у фокусника обучился этому трюку. Ворон показывает его, когда нервничает или сердится.

— Надеешься запугать двадцать пять человек?

Ворон пожал плечами:

— Эльмо, Костоправ верно сказал. Это необходимо сделать. Есть вещи, которые спускать нельзя.

— Тогда поедет все, — сдался Эльмо. — И молитесь, чтобы они не были пьяны до такой степени, когда своих не отличают от врагов.

Ворон пришпорил лошадь.

Деревня оказалась порядочного размера — до прихода Хромого в ней было две сотни домов. Половина уже сгорела или догорала. На улицах повсюду лежали трупы, к их незрячим глазам липли мухи.

— Тут нет мужчин призывного возраста, — заметил я.

Спешившись, я опустился на колени возле мальчика четырех-пяти лет. Череп был разбит, но ребенок еще дышал. Рядом со мной присел Ворон.

— Я бессилён, — признался я.

— Можешь прекратить его мучения. — В глазах Ворона блеснули слезы. Слезы и гнев. — Такому оправдания не бывает. — Он подошел к трупу, лежащему в тени.

То был парнишка лет семнадцати, в куртке солдата главной армии мятежников, и умер он сражаясь.

— Наверное, приехал в отпуск, — сказал Ворон. — Всю деревню защищал один мальчишка. — Он вынул из мертвых пальцев лук, согнул для пробы. — Хорошее дерево. Пара тысяч таких луков — и можно наголову разгромить армию Хромого. — Он перебросил лук через плечо и прихватил колчан паренька.

Я осмотрел еще двух детей, но их невозможно было спасти. В сгоревшей хижине я заметил старуху, которая попыталась заслонить своим телом младенца. Тщетно.

Ворон источал отвращение.

— Такие твари, как Хромой, — процедил он, — убивая одного врага, создают двух новых.

Я услышал приглушенный плач, ругань и смех где-то впереди.

— Давай посмотрим, что там.

Возле хижины мы наткнулись на четверых мертвых солдат — это поработал парнишка.

— Хорошо стрелял, — заметил Ворон. — Дурак несчастный.

— Дурак?

— У него не хватило ума смыться в самом начале. Может, и остальные не пострадали бы так.

Накал его чувств удивил меня. Какое дело этому человеку до парня, воевавшего не на нашей стороне?

— У мертвых героев не бывает второго шанса, — добавил Ворон.

Ага! Он проводит параллель с событиями из своего таинственного прошлого.

Ругань и плач обернулись сценой, которая показалась бы отвратительной любому, обладающему хоть каплей человечности.

Дюжина солдат стояла кольцом, хохоча над своими грубыми шутками. Я вспомнил, что однажды видел суку, окруженную кобелями, которые не дрались, как обычно, за право к ней пристроиться, а работали по очереди. Наверное, ее замучили бы до смерти, если бы я не вмешался.

Мы с Вороном сели на лошадей, чтобы лучше видеть.

Жертвой солдат оказалась девочка лет девяти. Все ее тело покрывали рубцы от ударов плетью. До смерти перепуганная, она тем не менее не издавала ни звука. Через секунду я понял: это немая.

Война — дело жестокое, и участвуют в ней жестокие люди. Боги знают, что в Черном Отряде не херувимы собрались. Но всему есть предел.

Рядом стоял старик, которого заставляли смотреть. Он-то и ругался, и плакал.

Ворон всадил стрелу в солдата, что собирался залезть на девочку.

— Проклятье! — взревел Эльмо. — Ворон!

Солдаты повернулись к нам. Блеснуло оружие. Ворон выпустил вторую стрелу и свалил бойца, державшего старика. У людей Хромого сразу пропало желание сражаться.

— Блондин, — тихо сказал Эльмо, — беги к нашему командиру и передай, чтобы тащил сюда свою задницу.

Одному из солдат Хромого пришла в голову схожая идея, и он помчался прочь. Ворон не препятствовал. Видно, нисколько не тревожился о том, что Капитан спустит с него шкуру.

— Эй, старик! Иди сюда с девочкой. И накинь на нее что-нибудь.

Я не мог не аплодировать мысленно Ворону, но одновременно проклинал его за глупость.

Мы держались настороже и без приказов Эльмо, так как прекрасно понимали, что крепко вляпались. «Поторопись, Блондин», — подумал я.

Посланник мародеров добежал до своего командира быстрее — тот, пошатываясь, уже приближался к нам. Пузо оказался прав, этот начальник был хуже своих подчиненных.

Старик и девочка вцепились в стремяна Ворона. Приглядевшись к нашим значкам, старик нахмурился. Эльмо послал свою лошадь вперед, сначала указав мне на Ворона. Я кивнул.

Офицер остановился на пути у Эльмо, ословелые глаза пробежались по нашим лицам. Кажется, братья Черного Отряда произвели на него впечатление. Закаленные суровой службой, мы выглядели внушительно.

— Ты! — внезапно пискнул он, увидев Ворона, — в точности как в свое время визгливый в Опале.

А потом развернулся и побежал.

— Стой, Лейн! — загремел Ворон. — Веди себя как мужчина, трусливый ворюга! — И выхватил из колчана стрелу.

Эльмо перерезал ему тетиву.

Лейн остановился, но благодарности не выказал. Он изрыгал проклятия и долго перечислял ужасные пытки, которым нас подвергнет его хозяин.

Я наблюдал за Вороном.

Тот смотрел на Эльмо с холодной яростью. Сержант выдержал его взгляд, даже не моргнув. Он тоже был вылеплен из крутого теста.

Ворон исполнил трюк с ножом, но я постучал острием меча по его лезвию. Он тихо выругался, сверкнул глазами и обуздал норов.

— Не забыл, что твоя прежняя жизнь осталась в прошлом? — спросил Эльмо.

Ворон резко кивнул:

— Это труднее, чем я думал. — У него поникли плечи. — Вали отсюда, Лейн. Ты слишком ничтожен, чтобы тебя убивать.

За спиной послышался стук копыт — к нам ехал Капитан.

Мелкий прихвостень Хромого сразу напыжился и принялся корчиться, словно собирающийся прыгнуть кот. Эльмо взглянул на него поверх вытянутого меча. Офицерик понял намек.

— Мне, конечно, не стоило горячиться, — пробормотал Ворон. — Он всего лишь мальчишка на побегушках.

Я задал Ворону уточняющий вопрос, но получил в ответ лишь притворно-равнодушный взгляд.

— Что за чертовщина тут происходит?! — загремел Капитан.

Эльмо начал докладывать отрывистыми фразами, но его перебил Ворон:

— Этот пьяница — из шакалов Зуада. Я хотел его убить, Эльмо и Костоправ меня остановили.

Зуад? Где я слышал это имя? Оно связано с Хромым. Полковник Зуад. Злодей номер один в армии Хромого. Политический союзник, и прочая, и прочая. Это имя пару раз проскакивало в разговорах Ворона и Капитана. Неужели Зуад — пятая на очереди жертва Ворона? Коли так, в несчастьях Ворона, должно быть, виноват сам Хромой.

Все любопытнее и любопытнее. А также страшнее и страшнее. Хромой не из тех, с кем стоит портить отношения.

— Я требую, чтобы этого человека арестовали! — прокричал офицер Хромого.

Капитан посмотрел ему в глаза.

— Он убил двух моих людей.

Тела лежали у всех на виду. Ворон промолчал. Обычно тихий, Эльмо не выдержал:

— Эти гады насиловали ребенка. Так они себе представляли миротворение.

Капитан пристально смотрел на офицера. Тот покраснел. Даже отъявленный злодей устыдится, если его застукают на месте преступления.

— Костоправ! — рявкнул Капитан.

— Мы нашли только одного мертвого мятежника. Все указывает на то, что безобразия начались раньше, чем парня обнаружили солдаты Лейна.

— Жители деревни — подданные Госпожи? — спросил Капитан у пьяницы. — И находятся под ее защитой?

Его слова можно было бы оспорить в суде, но в данный момент они возымели действие. Офицер не стал оправдываться и признал свою моральную вину.

— Смотреть на тебя противно. — Капитан говорил вкрадчивым, опасным голосом. — Проваливай. И никогда не попадайся, иначе отдам тебя на милость моих друзей.

Пошатываясь, пьяный офицер побрел прочь. Капитан повернулся к Ворону:

— Ты, дурак набитый, хоть понимаешь, что натворил?

— Наверное, лучше вас всех, — устало ответил Ворон. — Но я сделал бы это снова.

— Только сначала подумай, придем ли мы вытаскивать тебя из дерьма. — Капитан сменил тему: — Как собираешься поступить со спасенными, благородный рыцарь?

Задаться этим вопросом Ворон еще не успел. Таинственные события прошлого приучили его жить только сегодняшним днем.

— Они под моей опекой, так, что ли?

Капитан бросил попытки догнать Хромого. Теперь действия Отряда в отрыве от главных сил выглядели меньшим злом.

Последствия сказались четыре дня спустя.

Мы только что завершили наше первое значительное сражение, разгромив отряд мятежников, вдвое превосходящий по численности. Это не составило труда — против нас вышли зеленые новобранцы, к тому же нам помогали колдуны. Мало кому из противников удалось бежать.

Поле боя осталось за нами. Солдаты обирали мертвецов. Эльмо, я, Капитан и несколько других удовлетворенно наблюдали. Одноглазый и Гоблин отмечали победу в своей уникальной манере, заставляя покойников произносить ехидные словечки в адрес соперника своего «кукловода».

Неожиданно Гоблин оцепенел. Его глаза закатились, из горла вырвался вой, становящийся все тоньше и тоньше. Колдун рухнул на землю.

Одноглазый, опередив меня на шаг, принялся похлопывать лежащего по щекам. Его привычная враждебность к Гоблину мгновенно исчезла.

— Освободите мне место! — рявкнул я.

Гоблин очнулся быстро — я успел лишь пощупать его пульс.

— Душелов, — пробормотал он. — Я был с ним в контакте.

В тот момент я несказанно радовался, что не обладаю талантами Гоблина. На мой взгляд, пустить кого-нибудь из Взятых себе в голову куда хуже, чем подвергнуться изнасилованию.

— Капитан! — крикнул я, не отходя от Гоблина. — Душелов.

Капитан тут же подбежал. Вообще-то, он бежит только в бой.

— В чем дело?

Гоблин вздохнул и открыл глаза:

— Он уже ушел. — Кожа Гоблина блестела от пота, волосы слиплись.

Колдун был бледен, его била дрожь.

— Ушел?! — гаркнул Капитан. — Что за чертовщина?

Мы помогли Гоблину усесться поудобнее.

— Хромой не стал разбираться с нами, а отправился напрямик к Госпоже. Его и Душелова разделяет пролитая кровь. Хромой думает, мы пришли, чтобы подкопаться под него. Вот и попробовал поменяться с нами ролями. Но Душелов после Берилла — в фаворе у Госпожи, а Хромой из-за военных неудач — нет. Госпожа приказала ему оставить нас в покое. Душелов не сумел добиться, чтобы Хромого заменили, но все же полагает, что выиграл этот раунд.

Гоблин смолк. Одноглазый дал большую кружку. Гоблин осушил ее единым духом.

— Душелов передает, чтобы мы держались от Хромого подальше. Тот попытается дискредитировать нас или даже натравить мятежников. Он говорит, что нам следует вновь захватить крепость в Сделке. Это собьет с толку и мятежников, и Хромого.

— Если ему требуется нечто эффектное, то почему не прикажет нам захватить сразу Круг Восемнадцати? — пробормотал Эльмо.

Круг Восемнадцати — верховное командование мятежников, восемнадцать колдунов, которые полагают, что у них есть все необходимое, чтобы тягаться с Госпожей и Взатыми. Загребуший, громивший Хромого в Форсберге, принадлежал к Кругу.

У Капитана был задумчивый вид.

— У тебя тоже возникло ощущение, что здесь замешана политика? — спросил он Ворона.

— Наш Отряд — орудие Душелова. Это всем известно. Загадка лишь в том, как он намерен свое орудие использовать.

— Я это понял еще в Опале.

Политика. Империя Госпожи якобы монолитна. Десять Взятых прилагают огромные усилия к сохранению ее целостности. Но еще больше энергии они тратят на грызню между собой, напоминая малышей, дерущихся из-за игрушки или материнского внимания.

— Это все? — буркнул Капитан.

— Все. Он сказал, что будет держать с нами связь.

Так что мы пошли и решили задачу. Глухой ночью захватили крепость в Сделке. Говорят, Загребуший и Хромой обезумели от злости. Полагаю, Душелова эта новость только порадовала.

Одноглазый сбросил карту в кучу.

— Кто-то приbedняется, — пробормотал он.

Гоблин схватил карту из кучи, выложил четырех валетов, сбросил даму и ухмыльнулся. Ежу было ясно, что он намерен играть на понижение и у него не осталось ничего крупнее двойки. Одноглазый шарахнул кулаком по столу и зашипел. С тех пор как мы сели играть, он ни разу не выиграл.

— Успокойтесь, парни, — велел Эльмо, не обращая внимания на сброшенную Гоблином даму. Он взял из колоды, посмотрел на карты, поднеся их к самым глазам, выложил три четверки и сбросил двойку. Потом постучал по столу оставшимися двумя картами, улыбнулся Гоблину и сказал: — Если у тебя не туз, то берегись, пухляк.

Рассол подхватил двойку Эльмо, выложил ее вместе с тремя своими и сбросил тройку. Он сверлил Гоблина взглядом совиных глазок, недвусмысленно намекавшим на неприятности: если тот вздумает идти на понижение, его не спасет даже туз.

Я пожалел, что с нами нет Ворона, — в его присутствии Одноглазый слишком нервничал и не осмеливался мухлевать. Но Ворон сейчас был в «турнепсном патруле» — так мы называли еженедельные поездки в Весло для закупки продовольствия, — а на его стуле сидел Рассол.

Рассол — интендант Отряда, и в «турнепсный патруль» он обычно отправляется сам. Сегодня у него возникли проблемы с желудком, и он выпросил разрешение остаться.

— Похоже, нынче прибедаются все. — Я с отчаянием взгляделся в свои безнадежные карты.

Две семерки, две восьмерки и девятка, которая пойдет с одной из восьмерок, но все равно нет комбинации одной масти. Почти все, что могло бы пригодиться, лежит в куче.

Я потянул. Наконец-то! Еще одна девятка — есть комбинация. Я выложил ее, сбросил семерку и начал молиться. И впрямь сейчас меня могла выручить лишь молитва.

Одноглазый начихал на мою семерку и взял карту из колоды.

— Проклятье!

Он пристроил шестерку к выложенным мною картам и сбросил другую.

— Момент истины, — заявил он Гоблину. — Что, отбивная, собираешься потягаться с Рассолом? Эти форсбергцы, — добавил он, — настоящие психи. Мне такие еще нигде не попадались.

Мы сидели в крепости уже месяц — многовато для нас, но мне тут было хорошо.

— Скоро я настолько к ним привыкну, что они мне даже понравятся, — сказал я. — Если научатся любить меня. — Мы успели отбить четыре контратаки. — Ходи, Гоблин, не тяни вола за яйца. Сам знаешь, что уже ободрал нас с Эльмо.

Рассол поскреб ногтем уголок карты, пристально посмотрел на Гоблина.

— У них тут собрана вся коллекция мифов мятежников, — сказал он. — Пророки и лжепророки, вещие сны, божественные откровения. Даже слух о том, что где-то в здешних краях есть ребенок, родившийся реинкарнацией Белой Розы.

— Если ребенок уже здесь, то почему он до сих пор не прихлопнул нас? — спросил Эльмо.

— Потому что его до сих пор не нашли. Или ее. Говорят, мальчика ищет целая толпа местных.

Гоблин струсил. Он потянул карту, выругался, сбросил короля. Эльмо взял карту из колоды и сбросил другого короля. Рассол взглянул на Гоблина, еле заметно улыбнулся и взял карту, даже не потрудившись на нее посмотреть, затем пристроил пятерку к шестерке, которую Одноглазый уложил рядом с моей комбинацией, а взятую сбросил на кучу.

— Пятерка? — пискнул Гоблин. — Ты держал пятерку? Не могу поверить. У него была пятерка! — Он шлепнул на стол туза. — У него была проклятая пятерка!..

— Полегче, полегче, — предостерег его Эльмо. — Вспомни, ведь это ты всегда уговариваешь Одноглазого не кипятиться.

— Он блефовал! Ну как он сумел одурачить меня проклятой пятеркой?

Рассол, еле заметно улыбаясь, собирал выигрыш. Он был доволен собой — сблефовал классно. Я сам готов был поклясться, что он держал туза.

Одноглазый сгреб карты и кинул их Гоблину:

— Сдавай.

— Ну это уж слишком! Он меня обманул пятеркой, так мне еще и сдавать?!

— Сейчас твоя очередь. Кончай бухтеть, тасуй.

— А от кого ты услышал эту чепуху про реинкарнацию? — спросил я Рассола.

— От Трофея.

Трофеем мы назвали спасенного Вороном старика. Рассол сумел подобрать к замкнувшемуся было в себе деду ключик, и теперь его и девочку уже никто не назвал бы тощими.

Девочке дали имя Душечка. Она очень привязалась к Ворону, повсюду за ним ходила и иногда доводила нас до белого каления. Я был рад, что Ворон поехал в город, — Душечка вряд ли покажется нам на глаза до его возвращения.

Гоблин сдал. Я посмотрел на свои карты. Вот уж точно — что в лоб, что по лбу. Чертовски близко к легендарной «пустышке Эльмо», то есть ни единой пары карт одной масти.

Гоблин взглянул на свои, и глаза у него полезли на лоб. Он шлепнул карты на стол картинками вверх:

— Тонк! Будь я проклят, если не тонк! Пятьдесят!

Он сдал себе пять королевских карт — автоматический выигрыш, требующий от партнеров расчета в двойном размере.

— Он способен выиграть, только когда сам себе сдает, — пробурчал Одноглазый.

— А ты, губошлеп, проигрываешь, даже если сдаешь, — хихикнул Гоблин.

Эльмо начал тасовать заново.

Мы сыграли очередную партию. В паузах Рассол пересказывал нам обрывки истории про реинкарнацию.

Мимо прошла Душечка — круглое веснушчатое лицо печально, глаза пусты. Я попытался представить ее в образе Белой Розы и не смог. Девочка не подходила для такой роли.

На следующем круге сдавал Рассол. Эльмо решил раскрыться, имея восемнадцать, но Одноглазый, взяв себе карту, выиграл с семнадцатью. Я сгреб карты и стал тасовать.

— Ты уж постарайся, Костоправ, — подзуживал Одноглазый. — Кончай дурака валять. Видишь, мне пошел фарт. Сдай-ка тузы и двойки.

Пятнадцать очков и меньше означали автоматический выигрыш, равно как сорок девять и пятьдесят.

— О, извини. Я поймал себя на том, что воспринял предрассудки мятежников всерьез.

— Верно, это прилипчивая чепуха, — подтвердил Рассол. — Рождает элегантную иллюзию надежды.

Я нахмурился, глядя на него. Ответная улыбка казалась немного застенчивой.

— Трудно проиграть, когда знаешь, что судьба на твоей стороне, — продолжал Рассол. — А мятежники это знают. По крайней мере, так говорит Ворон.

С Вороном наш славный старый интендант успел найти общий язык.

— В таком случае нам придется изменить их мысли.

— Не получится. Разгроми их сто раз подряд, а они все будут идти и идти. Именно по этой причине исполнится их пророчество.

— Тогда, — буркнул Эльмо, — нам нужно сделать нечто большее, чем просто разгромить их. Необходимо их унижить.

Под словом «нам» он подразумевал всех, кто воевал на стороне Госпожи.

Я сбросил восьмерку на кучу. Эти бесчисленные кучи — милевые столбы моей жизни.

— Что-то начинает надоедать.

Меня одолевало беспокойство. Хотелось чем-нибудь заняться. Чем угодно.

— За игрой время идет быстрее, — пожал плечами Эльмо.

— Верно, это и есть настоящая жизнь, — поддакнул Гоблин. — Сидишь себе и ждешь. Много ли времени мы вот так просидели за все эти годы?

— Специально не подсчитывал, — буркнул я, — но в карты мы играли чаще, чем занимались другими делами.

— Чу! — воскликнул Эльмо. — Я слышу внутренний голос. Он утверждает, что мои овечки заскучали. Рассол, тащи-ка мишени для стрельбы из лука и...

Его слова утонули в дружномestone.

У Эльмо есть универсальный рецепт против скуки — тяжелые физические упражнения. Если через его дьявольскую полосу препятствий прогнать человека, тот или умрет, или излечится.

Рассол, издав полагающийся в такой ситуации звук, дополнил свой протест словами:

— Мне все равно придется разгружать фургоны. Парни вот-вот вернутся. Эльмо, если хочешь, чтобы бездельники поразмялись, отдай их мне.

Мы с Эльмо переглянулись. Гоблин и Одноглазый встревожились. Как, наши до сих пор не возвратились? Фургоны должны были приехать еще до полудня. Я-то думал, что парни давно отсыплются. Тот, кто побывал в «турнепсном патруле», до конца дня больше не работник.

— Я думал, они уже давно здесь, — сказал Эльмо.

Гоблин махнул рукой в сторону кучи. Его карты мгновение плясали в воздухе. Он давал нам понять, что отпускает всех.

— Проверю, как у них дела.

Карты Одноглазого поползли по столу, сгибаясь и распрямляясь на манер пяденицы.

— Нет, я проверю, карапуз.

— Я первый вызвался, жабий дух.

— А я старше.

— Сделайте это оба, — предложил Эльмо и повернулся ко мне. — Я собираю взвод. Пойди скажи Лейтенанту. — Он бросил карты и направился к конюшне, выкрикивая на ходу имена.

Копыта вздымали пыль, непрерывно выбивали рокочущую дробь. Мы ехали быстро, но осторожно. Одноглазый вынюхивал неприятности, однако колдовать на скаку нелегко.

Все же он почуял врага вовремя. Эльмо торопливо дал команды жестами. Мы разбились на две группы и вломились в высокие придорожные заросли. Оттуда выскочил мятежник — прямо нам в руки. У его глотки не было ни единого шанса.

Через пару минут мы двинулись дальше.

— Надеюсь, никто из местных не задумается, почему мы всегда узнаем об их намерениях, — сказал мне Одноглазый.

— Пусть считают, что среди них наши шпионы.

— Разве может шпион так быстро передать весточку в Сделку? Наше везение становится неправдоподобным. Нужно, чтобы Капитан убедил Душелова вывести нас отсюда, пока мы еще на что-то годимся.

Он верно говорил. Едва раскроется наш секрет, мятежники нейтрализуют колдунов Отряда своими. И тогда конец везению.

Впереди показались стены Весла, и я запоздало испытал сожаление. Если честно, Лейтенант не давал добро на эту вылазку. Ужо Капитан накрутит мне хвост. От его ругани сгорает щетина на подбородке, и я успею состариться, пока не закончатся наложенные на меня взыскания. Прощайте, уличные красотки!

Сам виноват, что погорячился, — ведь я наполовину офицер.

Зато Эльмо и его капралов явно не смущала перспектива делать дальнейшую карьеру в Отряде, будучи уборщиками конюшен. Казалось, ими овладела лишь одна мысль: «Вперед!»

Вперед, ради славы Отряда! Даешь!

Они не были тупицами, просто не боялись ответить за неподчинение.

Когда мы въехали в Весло, идиот Одноглазый даже запел. Песня его собственного сочинения была сумбурна и исполнялась голосом, принципиально не способным выдерживать мелодию, — если эти вопли можно назвать мелодией.

— Заткнись, Одноглазый! — рыкнул Эльмо. — Внимание привлекаешь.

Впрочем, его приказ не имел смысла. Мы слишком очевидно были теми, кем были, и столь же очевидно пребывали в скверном настроении. В город наведася не «турнепсный патруль». У нас чесались кулаки.

Одноглазый довыл песню и начал следующую.

— Заткнись, тебе говорят! — загремел Эльмо. — И займись своей проклятой работой.

Когда мы свернули за угол, копыта лошадей окутал черный туман. Из него высывались влажные носы, втягивали зловонный вечерний воздух и морщились. Следом показались миндалевидные глаза, сверкающие подобно адским лампам.

Шепоток страха сметал зевак с тротуаров.

Они поднимались над туманом все выше и выше — десять, двадцать, сотня фантомов, родившихся в яме со змеями, которую Одногоглазый называет своим разумом. Они потоком хлынули вперед — быстрые, зубастые, гибкие черные существа, бросавшиеся на горожан. Перед ними катилась волна ужаса, и через минуту на улицах остались только мы и призраки.

В Весле я оказался в первый раз. Признаться, тарачился по сторонам, словно деревенский олух, въехавший в город на телеге с тыквами.

— Эй, посмотрите-ка сюда! — воскликнул Эльмо, когда мы свернули на улицу, где обычно останавливался «турнепсный патруль». — Это же старина Миляга!

Я слышал раньше это имя, но не был знаком с его обладателем. Миляга держал конюшню, где всегда останавливался «патруль».

Старик, сидевший возле конской поилки, встал.

— Слышал, как вы едете, — сказал он. — Я сделал все, что смог, Эльмо. Только вот лекаря не удалось для них найти.

— Мы захватили своего.

Хотя Миляга с трудом поспевал за Эльмо, тот не замедлил шагов.

Я принюхался и уловил слабый запах пожара.

Миляга заторопился вперед и свернул за угол. Черные призраки мелькали у него под ногами, словно прибой, разбивающийся о валун на берегу. Мы пошли за стариком и увидели источник дымного запаха.

Кто-то поджег конюшню Миляги, а потом напал на наших парней, когда они оттуда выбегали. В небо все еще поднимались струйки дыма. На улице перед конюшней лежали убитые. Легкораненые, перекрыв улицу, направляли движение в обход.

К нам, хромая, подошел командовавший «турнепсным патрулем» Леденец.

— С кого мне начинать? — спросил я.

— Самые тяжелые лежат вон там. Но лучше начни с Ворона, если он еще жив.

Мое сердце дрогнуло. Ворон? Он казался неуязвимым.

Одноглазый пустил своих питомцев по окрестным улицам. Теперь ни один мятежник не подобрется к нам незаметно. Я пошел следом за Леденцом туда, где лежал Ворон. Тот был без сознания, лицо белое как бумага.

— Он самый тяжелый?

— По-моему, единственный, кто не выживет.

— Ты все сделал правильно. И шины наложил, как я учил. — Я осмотрел Леденца с головы до ног. — Тебе тоже лучше бы лечь.

Я занялся Вороном. Спереди у него было около тридцати ран, некоторые глубокие. Я вдел нитку в иглу.

Быстро проверив выставленные патрули, к нам подошел Эльмо.

— Плох? — спросил он.

— Наверняка не скажешь. В нем полно дырок. Потерял много крови. Передай Одноглазому, пусть сварганит зелье.

Одноглазый варит по своему рецепту супчик из трав и курятины, способный вселить надежду даже в раненого, стоящего одной ногой в могиле. Колдун — мой единственный помощник.

— Леденец, как это произошло? — спросил Эльмо.

— Они подожгли конюшню и напали, когда мы выбежали.

— Я так и понял.

— Грязные убийцы, — пробормотал Миляга.

У меня, однако, сложилось впечатление, что он больше скорбит о сгоревшей конюшне, чем о наших ребятах.

Лицо Эльмо скривилось, словно он куснул неспелую хурму.

— И ни одного погибшего? А Ворон ранен тяжелее всех? В такое трудно поверить.

— Один погибший, — поправил его Леденец. — Старик из той деревни, приятель Ворона.

— Трофей, — рыкнул Эльмо.

Старику не разрешалось выходить из крепости в Сделке — Капитан ему не доверял. Но Эльмо проглядел нарушение приказа.

— Кое-кто пожалеет, что затеял это. — Голос прозвучал совершенно бесстрастно, таким тоном Эльмо мог назвать оптовую цену на ямс.

Я подумал о том, как воспримет новость Рассол, — он очень привязался к Трофею. Душечка будет потрясена, ведь старик приходился ей дедом.

— Им нужен был только Ворон, — сказал Миляга. — Вот почему он так сильно пострадал.

— Трофей заслони собой Ворона, — добавил Леденец. — А это, — он повел рукой вокруг, — из-за того, что мы не остались в стороне.

Эльмо задал вопрос, который меня удивил:

— Почему мятежникам приспичило убить Ворона?

Пузо, слонявшийся рядом и ждавший, когда я обработаю резаную рану на его левом предплечье, ответил:

— То были не мятежники, Эльмо, а вонючий капитанишка из деревушки, где мы подобрали Трофея и Душечку.

Я выругался.

— Костоправ, шей, не отвлекайся, — сказал Эльмо. — Ты уверен, Пузо?

— Конечно уверен. Да ты Весельчака спроси, он тоже видел капитана. На нас напала уличная сволота. Мы ее покروшили в два счета. — Он ткнул пальцем в сторону уцелевшей при пожаре стенки конюшни, где, словно поленья, лежала дюжина тел.

Я смог опознать только Трофея. На остальных была драная местная одежда.

— Я его тоже видел, Эльмо, — подтвердил Леденец. — Но всем заправлял даже не он, а другой хмырь, что держался в тени. Как только мы стали побеждать, он смылся.

Миляга ошивался поблизости, внимательно прислушиваясь и помалкивая, но тут он вмешался в разговор:

— Я знаю, куда они пошли. Есть одно местечко на Унылой улице.

Я переглянулся с Одноглазым, который стряпал свое зелье, доставая из черного мешка то одно, то другое.

— Похоже, Миляга знаком с нашими приятелями, — заметил я.

— Просто достаточно хорошо вас знаю и уверен, что такое вы никому не спустите.

Я посмотрел на Эльмо. Тот уставился на Милягу. Владелец конюшни всегда вызывал у нас некоторые сомнения. Миляга занервничал — у Эльмо, как и у всякого сержанта-ветерана, был хорошо поставлен зловеющий взгляд.

— Одноглазый, — молвил наконец Эльмо, — прогуляйся с нашим приятелем. Пусть он тебе все расскажет.

Одноглазый загипнотизировал Милягу за несколько секунд. Вскоре они уже ходили рядом, болтая, словно закадычные друзья. Я спросил у Леденца:

— А тот человек в тени хромал?

— Нет, это не Хромой. Слишком высок для него.

— Все равно. Нападение произошло с его благословения. Верно, Эльмо?

Тот кивнул.

— Душелов взбесится, если узнает. Чтобы отважиться на такое, нужно получить разрешение с самого верха.

Мне показалось или в самом деле Ворон вздохнул? Я повернулся и увидел, что он едва заметно приподнял веки. Звук повторился. Я приблизил ухо к его губам.

— Зуад... — прошептал он.

Зуад. Печально знаменитый полковник Зуад. Враг, мстить которому Ворон отказался. Особый злодей Хромого. Рыцарский поступок имеет зловещие последствия.

Я назвал это имя Эльмо, но тот вроде и не удивился. Возможно, Капитан поведал историю Ворона командирам взводов.

К нам вернулся Одноглазый.

— Наш друг Миляга играет за чужую команду. — Колдун долго отрабатывал злобную улыбку, и теперь она распугивала мальчишек и собак. — Прикинул, что ты захочешь принять эту новость во внимание.

— Еще бы! — Эльмо выглядел весьма довольным.

Я склонился над очередным раненым. Опять придется зашивать — хватило бы ниток. «Патрулю» досталось крепко.

— Скоро будет готов супчик, Одноглазый?

— Я еще не успел раздобыть курицу.

— Так пошли кого-нибудь, пусть украдет, — проворчал Эльмо.

— Те, кого мы ищем, затаились в борделе на Унылой улице, — сказал Одноглазый. — Их охраняют несколько крутых приятелей.

— Какие планы, Эльмо? — спросил я, уверенный, что он обязательно что-нибудь предпримет.

Назвав имя Зуада, Ворон связал нас обязательством. Я достаточно хорошо его знал, чтобы догадаться: он думал, что умирает, иначе не произнес бы этого слова.

— Надо что-то делать с полковником.

— Если ищешь неприятности, то найдешь. Вспомни, кому он служит.

— Но еще хуже, Костоправ, отпустить безнаказанным того, кто нанес удар Отряду. Даже если это сам Хромой.

— В таком случае ты взваливаешь на свои плечи политику слишком высокого уровня.

Впрочем, я не мог не согласиться с Эльмо. Поражение на поле боя допустимо, но имперская политика — это совсем другое дело. Надо внушить всем, что если нас в нее втянут, то сами же пожалеют. Следует преподать урок и Хромому, и Душелову.

— По-твоему, какие могут быть последствия? — спросил я.

— Будут долго топтать ногами и вопить. Но что они нам сделают? Слушай, Костоправ, это все не твоя забота. Тебе платят, чтобы латал наших парней. — Эльмо задумчиво посмотрел на Милягу. — Думаю, чем меньше останется свидетелей, тем лучше. Не имея на руках доказательств, Хромой не станет поднимать шум. Эй, Одноглазый! Поговори-ка еще со своим ручным мятежником. У меня появилась одна хитрая идея, — глядишь, он сможет нам пригодиться.

Одноглазый налил последнюю миску супа. Щеки тех раненых, кто успел съесть порцию варева, уже порозовели. Эльмо перестал грызть ногти и спросил владельца конюшни, буравя его взглядом:

— Миляга, ты слышал когда-нибудь о полковнике Зуаде?

Старик напрягся и лишнюю секунду промедлил с ответом.

— Вроде бы нет.

— Странно. Думал, ты его знаешь. Это тот самый человек, которого называют левой рукой Хромого. Круг пойдет на что угодно, лишь бы его сцапать. Что скажешь?

— Эльмо, я ничего не знаю о Круге. — Миляга взглянул куда-то поверх крыш. — Намекаешь, что человек, который сидит сейчас на Унылой, и есть Зуад?

— Я этого вовсе не говорил, — усмехнулся Эльмо. — Костоправ, ты что-нибудь такое от меня слышал?

— Конечно нет. С какой стати Зуаду сейчас торчать в Весле, в паршивом борделе? Хромой по уши завяз в неприятностях на востоке, и ему позарез нужна любая помощь.

— Ты понял, Миляга? Но послушай меня. Возможно, я знаю, где Круг может отыскать полковника. Сейчас он для Отряда — враг. С другой стороны, мы для Круга тоже не друзья. Но тут чисто деловое предложение, никакой вражды. Я прикидываю, нельзя ли нам обменять услугу на услугу. Может, кто-нибудь из важных мятежников заглянет в ту дыру на Унылой улице и намекнет владельцам, что едва ли стоит им опасаться тех парней. Понял, куда я клоню? Если Круг заполучит полковника Зуада...

По лицу старика было видно: он сообразил, что загнан в ловушку.

Он был хорошим шпионом, пока мы не имели причин его опасаться. Для нас он был просто стариной Милягой, приветливым владельцем конюшни, которому платили чуточку щедрее, чем полагалось, и о котором говорили не больше и не меньше, чем о прочих, не принадлежащих к Отряду. Он ничего не боялся и не притворялся, просто был самим собой.

— Эльмо, ты меня неправильно понял. Честное слово, я никогда не вмешивался в политику. Мне все едино: что Госпожа, что Белая Роза. Лошадям нужны стойло и корм, кто бы на них ни ездил.

— Тут ты, пожалуй, прав. Извини за подозрительность. — Эльмо подмигнул Одноглазому.

— Те, кого ты ищешь, Эльмо, сейчас в «Амадоре». Советую поскорее туда отправиться, пока никто им не сообщил, что вы в городе. А я, пожалуй, начну наводить здесь порядок.

— Мы не торопимся, Миляга. Но если тебе нужно что-то сделать — валяй.

Миляга посмотрел на нас, потом приблизился на несколько шагов к руинам своей конюшни и вновь обвел нас взглядом. Эльмо равнодушно взирал на него. Одноглазый поднял левую переднюю ногу у своей лошади и проверил копыто. Миляга нырнул в развалины.

— Ты как, Одноглазый? — спросил Эльмо.

— Иду за ним по пятам. На цыпочках.

— Не упускай из виду, — ухмыльнулся Эльмо. — А ты, Косто-прав, все записывай. Я хочу знать, кому он принесет весточку. И кому ее передадут дальше. Мы ему такое сказали — разлетится по городу быстрее звука.

— Зуада можно считать покойником с той минуты, когда Ворон назвал его имя, — сказал я Одноглазому. — Или даже с той давней минуты, когда он сделал Ворону что-то плохое.

Одноглазый хмыкнул и сбросил карту. Леденец сдал. Одноглазый выругался:

— Костоправ, я не могу с ними играть! Жульничают!

По улице галопом примчался Эльмо, остановил коня и спешился.

— Бордель уже окружают. Одноглазый, есть что-нибудь для меня?

Список оказался разочаровывающе коротким. Я протянул его Эльмо. Сержант выругался, плюнул и снова выругался, потом врезал снизу ногой по доскам, которые мы приспособили вместо карточного стола.

— Займитесь делом, лентяи!

Одноглазый едва не вспылil, но сдержался.

— Они не допускают ошибок, Эльмо, и прикрывают свою задницу. Миляга слишком долго якшался с нами, ему не доверяют.

Эльмо закружил вокруг нас, топая сапогами и шумно дыша:

— Ладно. Запасной план номер один. Мы следим за Зуадом. Его хватают и прячут, и это происходит у нас на глазах. Отбиваем его

в тот момент, когда он уже готов расколотся. Валим собравшихся вокруг него мятежников и открываем охоту на тех, кто в списке.

— А ты, я вижу, решил извлечь выгоду из всей этой истории, — заметил я.

— Да, решил. Как Ворон?

— Похоже, выкарабкается. С инфекцией я справился, и Одноглазый говорит, что наш приятель пошел на поправку.

— Гм... Одноглазый, мне нужны имена мятежников. Много имен.

— Да, начальник. — Одноглазый подобострастно отдал честь.

Едва Эльмо отвернулся, рука колдуна изобразила непристойный жест.

— Сдвинь доски, Пузо, — предложил я. — Одноглазый, тебе сдавать.

Тот не обругал меня, не пригрозил превратить в тритона. Он застыл, немой, как смерть.

— Эльмо!

Эльмо встал перед Одноглазым и заглянул ему в зрачки, потом щелкнул пальцами возле носа. Одноглазый не отреагировал.

— Что с ним, Костопправ?

— Думаю, в том борделе что-то происходит.

Не шелохнувшись, колдун простоял минут десять. Потом остекленевшие глаза закрылись, и он обмяк, словно мокрая тряпка.

— В чем дело?! — рявкнул Эльмо.

— Дай ему слегка очухаться! — не выдержал я.

Одноглазый наконец заговорил:

— Мятежники захватили Зуада, но тот успел связаться с Хромым.

— И что?

— Этот подонок спешит на выручку.

Эльмо побледнел:

— Сюда? В Весло?

— Угу.

— Вот дерьмо!

Воистину дерьмо. Хромой слыл самым гнусным из Взятых.

— Думай быстрее, Эльмо. Он проследит цепочку событий и выйдет на нас... Миляга здесь — лишнее звено.

— Одноглазый, отыщи старого пердуна. Блондин, Штиль, Лодырь, есть работенка.

Эльмо объяснил им, что делать. Лодырь ухмыльнулся и погладил свой кинжал. Вот же кровожадная сволочь!

Я не в силах достоверно описать тревогу, вызванную словами Одноглазого. Мы знали Хромого только по рассказам, но эти рассказы неизменно бывали мрачными. Едва ли покровительство Душелова — реальная защита против другого Взятого.

Эльмо толкнул меня в бок:

— Опять на него нашло.

И точно — Одноглазый застыл. Но вскоре он рухнул и забился в судорогах с пеной у рта.

— Держите его! — приказал я. — Эльмо, дай твою дубинку.

На Одноглазого навалились шестеро. Хоть он и коротышка, но заставил их попрыгать.

— Зачем тебе дубинка?

— Вставлю между зубами, чтобы не откусил язык.

Ох и страшно же он голосил! Ничего подобного мне еще не доводилось слышать, а ведь раненные способны на самые дикие звуки — поверить невозможно, что человеческое горло способно их издавать.

Припадок длился лишь несколько секунд, и после очередного неистового рывка Одноглазый затих, не приходя в сознание.

— Что с ним сейчас, Костоправ?

— Не знаю. Может, выбился из сил.

— Угости-ка Одноглазого его собственным супчиком, — предложил кто-то. — Это ему не повредит.

Принесли оловянную чашку, я велел усадить колдуна и с трудом перелил ее содержимое ему в рот. Одноглазый моментально очухался.

— Отравить меня вздумали? Фу! Это что за гадость? Кипяченая жижа из сточной канавы?

— Твое снадобье.

— Ну, что скажешь? — вмешался Эльмо.

Одноглазый сплюнул, схватил ближайший мех с вином, надолго присосался, прополоскал рот и еще раз сплюнул.

— Душелов зашевелился, вот что скажу. Уф! Бедняга Гоблин, представляю, как ему досталось...

Мое сердце стало пропускать каждый третий удар, в желудке появилось гнездо шершней. Сперва Хромой, теперь Душелов.

— И чего надо Душелову? — спросил Эльмо.

Он тоже нервничал, что бывало с ним нечасто.

— Услышал, что Хромой разбушевался, и захотел выяснить, в чем дело. Сперва связался с Гоблином, но тот знал лишь, что мы поехали сюда. Тогда Душелов забрался ко мне в башку.

— И его поразило, сколько там пустого места. Теперь он знает все, что известно тебе?

— Да. — Одноглазого это обстоятельство явно не радовало.

— Ну? — произнес Эльмо, выждав несколько секунд.

— Что «ну»? — Колдун спрятал ухмылку, поднеся ко рту мех с вином.

— Проклятье! Что он сказал-то?

Одноглазый хихикнул:

— Сказал, что в целом одобряет наши действия. Плохо только, что мы себя ведем как быки в период гона. Поэтому нам будет оказана помощь.

— Какая именно? — Эльмо говорил таким тоном, словно знал, что ситуация вышла из-под контроля, только не мог понять, когда именно.

— Он к нам кое-кого послал.

Эльмо расслабился. Я тоже решил, что можно не волноваться, пока сам Душелов держится далеко от нас.

— И скоро этот кое-кто будет здесь? — спросил я.

— Может, скорее, чем нам хотелось бы, — пробормотал Эльмо. — Оставь-ка вино, Одноглазый. Тебе нужно следить за Зуадом.

Колдун что-то проворчал и погрузился в легкий транс, — это означало, что он мысленно где-то шарит. Так он сидел довольно долго.

— Ну, какие новости? — прорычал Эльмо, когда Одноглазый вышел из транса.

Все это время он озирался, словно ждал, что перед ним прямо из воздуха вынырнет Душелов.

— Не дергайся. Зуада спрятали в полуподвале примерно в миле отсюда.

Эльмо не находил себе места, словно мальчик, которому отчаянно хочется писать.

— Да что с тобой? — не выдержал я.

— Скверное предчувствие, Костоправ. Самое обыкновенное скверное предчувствие. — Его бегающие глаза внезапно замерли. — И я прав. Проклятье! Как же я прав!

Он казался высотой с дом и шириной в половину дома. Облаченный в нечто ярко-красное, выцветшее, побитое молью и потрепанное, он перемещался по улице странным образом — то рывками, то медленно. Жесткие седые волосы стояли дыбом. Густой куст всклокоченной и заляпанной грязью бороды почти целиком скры-

вал лицо. Мертвенно-бледная рука, сплошь в печеночных пятнах, сжимала посох такой красоты, что прикосновение владельца как будто оскверняло его. Посох имел форму женской фигуры, чрезвычайно вытянутой в длину, зато безупречной во всех прочих отношениях.

— Говорят, во времена Владычества это была реальная женщина, которая его обманула, — прошептал кто-то.

Если и в самом деле было так, то женщину не стоит винить, — достаточно лучше приглядеться к Меняющему Облик.

Меняющий — самый близкий союзник Душелова среди Взятых. Его ненависть к Хромому гораздо сильнее, чем у нашего патрона.

Подойдя к нам на несколько футов, он остановился. Глаза пылали безумным огнем, заглянуть в них было не просто страшно — невозможно. Мне и сейчас не вспомнить, какого они цвета. Хронологически он был первым королем-волшебником, которого Властелин и его Госпожа соблазнили, подчинили, а потом и поработили.

Одноглазый, весь дрожа, шагнул ему навстречу.

— Я колдун, — сказал он.

— Ловец мне говорил. — Голос Меняющего был слишком низким, раскатистым и громким даже для человека его размеров. — Докладывай.

— Я выследил Зуада. Это все.

Меняющий вновь обвел нас взглядом. Кое-кто побледнел, и великан улыбнулся сквозь заросли на лице.

В отдалении, где улица изгибалась, уже собралась кучка городских зевак. Веслу пока не доводилось видеть никого из великих слуг Госпожи, так что сегодня городу повезло: его осчастливили своим присутствием сразу двое, причем самых чокнутых.

Взгляд Меняющего коснулся меня, и на мгновение я ощутил холодное презрение Взятых. Я был лишь букашкой у него под ногами.

Вскоре он отыскал того, кто был ему нужен. Гигант двинулся вперед. Мы расступились, как расступаются в зоопарке павианы перед вожаком стаи. Меняющий несколько минут разглядывал Ворона, потом пожал огромными плечами и вдруг коснулся торцами своего посоха груди раненого.

Я ахнул. Кожа Ворона сразу порозовела, он перестал потеть. Лицо расслабилось, когда стихла боль. Раны превратились в ярко-красные шрамы, которые за считанные минуты стали белыми, словно зажили давным-давно. Восхищенные и изумленные, мы обступили Ворона тесным кругом.

К нам подбежал вернувшийся Лодырь.

— Эй, Эльмо! Мы все сделали. Что тут такое? — Он взглянул на Меняющего и пискнул, словно пойманная мышь.

Эльмо пришел в себя и стал прежним сержантом:

— Где Блондин и Ступор?

— Избавляются от тела.

— От тела? — переспросил Меняющий.

Эльмо объяснил. Меняющий хмыкнул:

— Этот Миляга станет краеугольным камнем нашего плана. Ты. — Он ткнул в Одноглазого пальцем толщиной с колбасу. — Где эти двое?

Как и можно было предсказать, Одноглазый отыскал их в таверне.

— Ты. — Меняющий указал на Лодыря. — Скажи им, пусть несут тело сюда.

Лодырь аж посерел от возмущения, но все же кивнул, глотнул воздуха и побежал прочь. Никто не спорит со Взятым.

Я пощупал пульс Ворона. Он оказался сильным, и вообще Ворон выглядел совершенно здоровым. Стараясь придать голосу робости, я спросил:

— Вы не могли бы проделать то же и с остальными? Пока мы ждем?

Меняющий посмотрел так, что я уже решил: сейчас у меня свернется кровь. Но он выполнил мою просьбу.

— **Ч**то случилось? Что ты здесь делаешь? — Ворон застыл, глядя на меня, потом все вспомнил и сел. — Зуад... — Он огляделся.

— Ты был в беспамятстве. Тебя, точно гуся, нарезали на куски. Мы уже и не надеялись, что выкарабкаешься.

Он ощупал свои шрамы.

— Что со мной, Костоправ? С такими ранами полагается быть мертвецом.

— Душелов прислал своего приятеля Меняющего. Он тебя и починил.

И не только Ворона, а всех раненых. Трудно бояться парня, который так много сделал для твоих товарищей.

Ворон кое-как поднялся и пошатнулся:

— Миляга, мерзавец! Это он все подстроил. — В его руке появился нож. — Проклятье! Я слаб, как котенок.

Я все еще ломал голову, откуда Миляга так много знал о нападавших.

— Там стоит не Миляга, Ворон. Миляга мертв. Это Меняющий Облик — он учится вести себя как Миляга.

Если честно, Меняющему не требовались никакие тренировки. Он был настолько похож на Милягу, что одурачил бы и его мать.

— Что тут затевается? — поинтересовался Ворон, присаживаясь рядом со мной.

Я рассказал о случившемся.

— Меняющий хочет пробраться к мятежникам, воспользовавшись обликом Миляги вместо верительных грамот.

— Я пойду с ним.

— Ему это может не понравиться.

— А мне плевать. На сей раз Зуаду не уйти. За ним слишком большой долг. — Его лицо смягчилось и стало печальным. — Как Душечка? Она еще не знает про Трофея?

— Наверное, не знает. Из наших никто в Сделку не возвращался. Эльмо решил, что здесь у него руки развязаны. Будет вытворять все, что захочет, пока не вернемся к Капитану. А уж тогда придется держать ответ.

— Ладно. Я не хочу с ним спорить.

— Меняющий — не единственный Взятый в этом городе, — напомнил я. — Он сказал, что чует Хромого.

Ворон пожал плечами. Хромой его не интересовал.

К нам подошел лже-Миляга. Мы встали. Меня немного трясло, но я заметил, что и Ворон чуточку побледнел. Вот и хорошо. Значит, он не всегда холоден как камень.

— Ты пойдешь со мной, — заявил Меняющий Ворону и посмотрел на меня. — И ты. И сержант.

— Они знают Эльмо, — запротестовал я.

Меняющий лишь улыбнулся:

— Вы будете выглядеть как мятежники. Только члены Круга способны заметить подмену, но никого из них в городе нет. Здешние мятежники помешаны на независимости, и мы воспользуемся тем, что они не вызвали подмогу.

Мятежники столь же склонны к политической грызне, что и слуги Госпожи.

Меняющий поманил к себе Одноглазого.

— Как там полковник Зуад?

— Еще не раскололся.

— Он из крутого теста, — заметил скупой на комплименты Ворон.

— Узнал новые имена? — спросил меня Эльмо.

Я вручил длинный список. Сержант остался доволен.

— Пора идти, — решил Меняющий, — пока Хромой не нанес удар.

Одноглазый сообщил нам пароли. Оробевший, убежденный в том, что не гоюсь для подобных приключений, и абсолютно уверенный, что не рискну воспротивиться воле Меняющего, я поплелся за Взятым.

Я так и не понял, когда это произошло, — просто поднял глаза и увидел, что иду с какими-то незнакомцами. И тотчас юркнул за спину Меняющего.

Ворон рассмеялся, и я сообразил. Меняющий накрыл нас своими чарами, и теперь мы похожи на командиров мятежников.

— Кто мы? — спросил я.

Меняющий показал на Ворона:

— Твердец, член Круга и зять Загребущего. Они ненавидят друг дружку, в точности как Душелов и Хромой. Эльмо теперь фельд-майор Риф, начальник штаба у Твердеца. А ты Мотрин Ханин, племянник Твердеца, злобный убийца.

Мы не слышали прежде этих имен, но Меняющий заверил, что присутствие их обладателей ни у кого не вызовет вопросов. Твердец постоянно то уезжает из Форсберга, то возвращается, не давая скупать брату своей жены.

«Ловко придумано, — решил я. — Комар носу не подточит. А как насчет Хромого? Что нам делать, если он заявится?»

Люди в том месте, где держали Зуада, проявили скорее раздражение, нежели любопытство, когда Миляга объявил о приходе Твердеца. На Круг они не очень-то полагались. Вопросов задавать не стали. Очевидно, реальный Твердец отличался злобным, вспыльчивым и непредсказуемым характером.

— Покажите им пленника, — сказал Меняющий.

Один из мятежников многозначительно взглянул на Меняющего — мол, не спеши, Миляга.

Заведение было набито мятежниками. Я будто слышал, как Эльмо обдумывает план атаки.

Через хитро замаскированную дверь нас провели в подвал, а затем еще ниже — в помещение с земляными стенами, потолок в котором поддерживали балки и деревянные столбы. Все здесь казалось воплощением фантазий какого-то демона.

Разумеется, камеры пыток на свете есть, но большинство людей их не видело, поэтому не верит всерьез в их существование. Мне тоже еще не доводилось заглядывать в такие места.

Я рассмотрел пыточные инструменты, перевел взгляд на Зуада, привязанного к огромному креслу зловещей конструкции, и удивился, почему Госпожу все считают такой злодейкой. Эти люди утверждают, что они хорошие, борются за справедливость, свободу и достоинство человеческого духа, но их методы ничуть не лучше, чем у Хромого.

Меняющий что-то шепнул Ворону, тот кивнул. Я задался вопросом, как же мы получим сигнал действовать. Взятый репетировал с нами очень недолго. Мятежники ожидают, что мы поведем себя как Твердец и его головорезы.

Мы уселись и стали наблюдать за допросом. Наше присутствие вдохновило мастеров заплочных дел. Я закрыл глаза. На Ворона и Эльмо зрелище подействовало слабее.

Через несколько минут «Твердец» приказал «майору Рифу» отправиться по какому-то делу. Сути поручения не помню, мне было не до того. Целью этого маневра было вывести Эльмо на улицу, чтобы он с остальными окружил дом.

Операцией командовал Меняющий, а нам полагалось спокойно сидеть и дожидаться его сигнала. Я полагал, что мы сделаем свой ход, когда Эльмо ворвется в заведение и сверху вниз начнет распространяться паника. Ну а пока будем наблюдать за умерщвлением полковника Зуада.

Пленник выглядел не сказать что внушительно, но ведь над ним уже успели потрудиться мучители. Полагаю, любой будет трястись как заяц, если его отдать в лапы палачей.

Мы сидели, словно три истукана. Я мысленно поторапливал Эльмо, потому что привык получать удовольствие от исцеления человеческой плоти, а не от ее разрушения.

Даже Ворон казался не больно-то счастливым. В своих фантазиях он, несомненно, подвергал Зуада самым чудовищным истязаниям, но, когда дело дошло до реальных пыток, в душе Ворона победила присущая ему порядочность. Он предпочитал другой стиль — вонзить нож и на этом покончить с местью.

Пол дрогнул, словно по нему топнули гигантским сапогом. Со стен и потолка посыпалась земля. Воздух замутился от пыли.

— Землетрясение! — заорал кто-то, и все мятежники бросились к лестнице.

Меняющий сидел спокойно и улыбался.

Пол содрогнулся вновь. Я преодолел стадный инстинкт и усидел на месте. Меняющий-то не встревожился, так какой резон дергаться мне?

Он указал на Зуада. Ворон кивнул, встал и подошел к полковнику. Тот был в сознании и все понимал. Толчки его напугали, и он с благодарностью взглянул на Ворона, когда тот начал его освобождать.

Огромная нога снова топнула. Посыпалась земля, в одном из углов рухнула опора, в подвал хлынула земляная пыль. Остальные опоры затрещали и перекошились. Я едва держал себя в руках.

В какой-то момент, пока все вокруг сотрясало, Ворон перестал выглядеть Твердецом, а Меняющий — Милягой. Смотревший на них Зуад сразу догадался. Его лицо окаменело, потом побледнело — Ворона и Меняющего он испугался больше, чем мятежников.

— Да, — сказал Ворон. — Это час расплаты.

Пол вздыбился. Над головой глухо застучали падающие кирпичи. Лампы опрокидывались и гасли. Воздух так загустел от пыли, что дышать стало почти невозможно. А по лестнице обратно в подвал посыпались мятежники, оглядываясь на ходу.

— Хромой здесь, — бросил Меняющий.

Похоже, Взятый ничуть не расстроился. Он встал и повернулся к лестнице. Теперь он снова был Милягой, а Ворон — Твердецом.

В помещение набились мятежники, и я потерял Ворона в толкотне и полумраке. Кто-то запер дверь под потолком, мятежники притихли, словно мыши. Я вроде даже слышал, как колотятся их сердца, — эти люди не сводили глаз с лестницы и гадали, достаточно ли хорошо замаскирован потайной вход в подвал.

Несколько ярдов земли над головой не помешали мне услышать, как в подвале над нами кто-то расхаживает. Др-рр-топ. Др-рр-топ. Так ходит одноногий калека. Теперь и мой взгляд уперся в потайную дверь.

Следующий толчок оказался самым мощным из всех. Дверь рывком распахнулась. Дальняя стена обрушилась. Завопили погребаемые мятежники. Обезумевшее людское стадо беспорядочно металось в поисках несуществующего выхода. Только мы с Меняющим не поддались панике, наблюдая со своего островка спокойствия.

На сей раз погасли все лампы, единственным источником света служила дыра у верхушки лестницы. Там, заслоняя выход, виднелся силуэт, который в тот момент казался зловещим даже в своей неподвижности. Моя кожа покрылась липким потом, тело сотрясала крупная дрожь. Причина страха крылась вовсе не в том, что я так много слышал о Хромом, — он источал нечто такое, что превращало меня в арахнофоба, которому посадили на колено большого волосатого паука.

Я посмотрел на Меняющего. Он все еще сохранял облик Милляги, одного из толпы мятежников. Интересно, нежелание быть узнанным имеет особые причины?

Меняющий проделал что-то руками.

Подвал наполнился ослепительным светом. Я перестал видеть и лишь слышал, так трещат и рушатся потолочные балки. На сей раз я не стал колебаться и составил компанию тем, кто ринулся к лестнице.

Полагаю, Хромой был изумлен больше всех, потому что не ожидал серьезного сопротивления. Трюк Меняющего застал его врасплох. Людской поток смел Взятых раньше, чем он успел хоть как-то защититься.

Мы с Меняющим взойшли по лестнице последними, и я перешагнул через Хромого — невысокого человека в коричневой одежде, который, корчась на полу, вовсе не казался ужасным. Я стал высматривать ведущую вверх лестницу, но Меняющий схватил меня за руку. Освободить ее я не посмел.

— Помоги мне.

Он уперся сапогом в ребра Хромого и покатил его ко входу в нижний подвал.

Снизу доносились стоны и призывы о помощи. Изрядные участки пола вокруг нас проседали и рушились. Больше из опасения, что окажусь в ловушке, если мы не поторопимся, чем из желания досадить Хромому, я пособил столкнуть его в яму.

Меняющий улыбнулся, показал мне поднятые большие пальцы и зашевелил остальными. Все вокруг стало обваливаться еще быстрее. Снова поймав мою руку, он направился к лестнице. Мы выскочили на улицу и очутились посреди величайшего столпотворения в новейшей истории города.

В курятнике хозяйничали лисы. Что-то неразборчиво вопя, повсюду носились люди, окруженные нашими во главе с Эльмо, которые загоняли их обратно и рубили нерасторопных. Мятежники были слишком потрясены, чтобы защищаться.

Полагаю, не будь рядом Меняющего, я бы в этой кутерьме не выжил. Он позаботился о том, чтобы стрелы и мечи отклонялись в сторону. Хоть я и не из трусливых, все же прятался в его тени, пока мы не оказались в безопасности, за шеренгой солдат Отряда.

Мы одержали для Госпожи величайшую победу, которая превзошла даже самые смелые надежды Эльмо. Еще не успела осесть пыль, как в наших руках очутились все мятежники Весла. Меняю-

щий крутился в самой гуще событий и оказывал нам неоценимую помощь. Заодно от души порезвился, круша все вокруг. Он был счастлив, как ребенок, поджигающий усадьбу.

А потом он внезапно исчез, словно и не существовал вовсе. Мы же, от усталости еле передвигая ноги, собрались возле конюшни Миляги. Эльмо провел перекличку. Отозвались все, кроме одного.

— Где Ворон? — спросил Эльмо.

— Похоже, его завалило, когда обрушился дом, — ответил я. — Заодно с Зуадам.

— Насмешка судьбы, — кивнул Одноглазый. — И все же очень жаль, что его больше нет. Он здорово играл в тонк.

— Хромой тоже там? — спросил Эльмо.

— Я помогал его закапывать, — улыбнулся я.

— А Меняющий смысла.

До меня начала доходить двусмысленность ситуации, и я решил проверить, не является ли она лишь плодом моего разыгравшегося воображения. Пока солдаты готовились к возвращению в Сделку, я обратился к Эльмо:

— Знаешь, все, кто видел Меняющего, были с нашей стороны. И мятежники, и Хромой видели многих из нас. Прежде всего тебя, Эльмо. И меня, и Ворона. Вместо Миляги найдут его труп. Тебе не приходила мысль, что любезность Меняющего не имеет никакого отношения к захвату Зуада или уничтожению местной верхушки мятежников? Сдается, нас использовали, потому что им был нужен Хромой. И проделали это очень умело.

Рослый Эльмо любит прикидываться туповатым деревенским парнем, но в сообразительности ему не откажешь. Он не только уловил смысл моих слов, но и немедленно связал их с более широкой картиной политических интриг.

— Взятые грызутся, стало быть. Нужно чесать отсюда во весь дух, пока Хромой не выбрался из подвала. И я говорю не про Весло, а про Форсберг. Душелов поставил нас на доску пешками для первых ходов, а такие пешки долго не живут.

Он задумчиво пожевал губу и снова превратился в сержанта, рывкающего на тех, кто выполняет его команду недостаточно быстро.

Эльмо едва не впал в панику, но все же показал себя солдатом до мозга костей. Наш отход не превратился в бегство, и мы вышли из города, охраняя караван с провизией, которую собрал патруль Леденца.

— Когда вернемся, я свихнусь, — пожаловался мне по дороге Эльмо. — Выйду из крепости и перегрызу дерево или еще что-нибудь устрою.

Через несколько миль он задумчиво добавил:

— Я все пытаюсь решить, кто сообщит Душечке про Трофея. Костоправ, ты только что вызвался добровольцем. Лучше тебя никто с этой задачкой не справится.

Так что всю дорогу мне было о чем размышлять. Проклятый Эльмо!

Великий кавардак в Весле оказался лишь началом. По воде пошли круги. Стали копиться последствия. Судьба — дамочка зловредная.

Пока Хромой выбирался из-под развалин, Загребущий начал крупное наступление. Он не подозревал, что его противника нет на поле боя, но это никак не повлияло на результат. Армия Хромого рассыпалась, и наша победа обернулась пшиком. Банды мятежников с улюлюканьем носились по Веслу, охотясь на агентов Госпожи.

Но мы, благодаря предвидению Душелова, уже двигались на юг, когда рухнул фронт, поэтому нас это не коснулось. Мы присоединились к гарнизону Вяза, имея на счету несколько важных побед, а Хромой с остатками своих войск и репутацией бездаря бежал в провинцию Клин. Он знал, кто подложил ему свинью, но поделать ничего не мог. Его отношения с Госпожой здорово испортились, и он не претендовал на что-то более значительное, чем роль ее верного пса. И пока он не одержит несколько выдающихся побед, ему нельзя даже помышлять о том, как бы рассчитаться с нами или с Душеловом.

Но я не спешил успокаиваться. Эта мразь сумеет что-нибудь придумать, дай только время.

Загребущего успех воодушевил настолько, что он не остановился, захватив весь Форсберг, а пошел дальше на юг. В Вязе мы провели всего лишь неделю, а потом вышли оттуда по приказу Душелова.

Кстати, а огорчило ли произошедшее Капитана? Выказал ли он недовольство тем, что многие подчиненные проявили самостоятельность, превысили свои полномочия или нарушили его инструкции? Скажу одно: внеочередных нарядов хватило бы, чтобы сломать хребет быку. И добавлю, что «ночные бабочки» Вяза сильно разочаровались в Черном Отряде. Я даже вспоминать про это не хочу. Наш Капитан оказался дьявольски изобретателен.

И вот взводы выстроены на плацу, фургоны нагружены и готовы отправиться в путь. Капитан и Лейтенант совещаются с сержантами. Одноглазый и Гоблин затеяли игру, заставляют воевать маленькие призрачные существа. Многие наблюдают за этим сражением и делают ставки на тот или иной поворот фортуны.

— Приближается всадник, — доложил часовой у ворот.

Никто не обратил на него внимания. Весь день приезжали и уезжали посыльные.

Распахнулась створка, Душечка захлопала в ладоши и побежала к воротам.

К нам, такой же потрепанный, как и в день нашей первой встречи, ехал Ворон. Он подхватил Душечку, крепко ее обнял, усадил на коня перед собой и доложил о прибытии Капитану. Я услышал о том, что все долги уплачены и у него больше нет интересов вне Отряда.

Капитан долго смотрел на него, потом кивнул и велел занять место в строю.

Ворон использовал нас в своих целях, но, делая это, обрел новый дом. Мы с радостью приняли его в семью.

А потом выехали, направляясь в Клин, чтобы стать его гарнизоном.

Загребущий

Вокруг Мейстрикта метался, всхлипывал и завывал ветер. Арктические дьяволята хихикали и дули стужей через щели в мою комнату. Мерцал и колебался еле живой огонек. Когда пальцы окоченели, я обхватил ими лампу — какое-никакое, а тепло.

С севера дул резкий ветер, нес колючую белую крупу. За ночь ее навалило целый фут, и это было лишь начало. Чем больше снега, тем хуже путь. Я сочувствовал Эльмо и его отряду — они отправились охотиться на мятежников.

Крепость Мейстрикт. Ключ к обороне Клина. Замерзшая зимой. Раскисшая весной. Раскаленная печь летом. Пророки Белой Розы и главные силы мятежников теперь казались нам лишь досадными мелочами.

Провинция Клин напоминает вытянутый наконечник стрелы, втиснутый между горными грядами и указывающий на юг. На краешке этого наконечника расположен Мейстрикт — бутылочное горло, в котором сходятся ветры и враги. Мы получили приказ удерживать крепость, этот узел обороны Госпожи на севере.

Почему Черный Отряд?

Потому что мы лучшие. Вскоре после потери Форсберга мятежники начали просачиваться через Клин на юг. Хромой попытался их остановить, но не смог, и Госпожа отправила нас расхлебывать заваренную Взятым кашу. Теперь единственный спасительный вариант — отдать врагу еще одну провинцию.

У ворот заревел рог — часовые увидели возвращающийся отряд Эльмо.

Никто не бросился встречать. Неписанный устав Отряда требует от нас внешнего безразличия. Ждешь потерь? Молчи и не подавай виду, что страх сжигает твои внутренности. Люди лишь украдкой

выглядывали наружу, гадая о судьбе ушедших из крепости братьев. Погиб ли кто-нибудь? Или тяжело ранен? Мы знаем друг друга лучше, чем кровная родня. Мы годами сражаемся плечом к плечу. Не всякого назовешь братом, но мы — семья. Единственная, которая у тебя есть.

Часовой замолотил по лебедке, скалывая лед. С протестующим скрипом поднялась воротная решетка. Как историк Отряда, я мог выйти и поприветствовать Эльмо, не нарушая этикета. Обзывая себя дураком, я выбрался во двор и отдался во власть мороза и ветра.

Сквозь метель брела жалкая кучка теней. Лошади еле волочили ноги. Всадники лежали на их обледеневших гривах. Люди и животные жались друг к другу, пытаясь укрыться от когтей ветра. Выдыхаемые белые облачка мгновенно уносило прочь. Будь это созданная художником картина, она бы ввергла в дрожь даже снеговика.

До этой зимы из всего Отряда лишь Ворону доводилось видеть снег. Хорошенькую же службу уготовила нам Госпожа.

Всадники приблизились. Они больше смахивали на беженцев, чем на братьев Черного Отряда. На усах Эльмо позвякивали ледяные бриллианты, почти все лицо пряталось под тряпьем. Остальные, обмотавшись чем попало, превратились в такие тюки, что мне не удалось никого узнать. Лишь Молчун сидел на коне, решительно выпрямившись, и глядел прямо перед собой, презирая безжалостный ветер.

Эльмо кивнул мне, проехав ворота.

— Мы уже начали задумываться, — молвил я.

«Задумчивость» означала тревогу. Устав требовал внешнего безразличия.

— Трудный путь.

— Какие результаты?

— На счету Отряда двадцать три, у мятежников — ноль. Для тебя, Костоправ, работы нет, только Йо-Йо слегка обморозился.

— Прихлопнули Загребущего?

Загребущий с его жутковатыми пророчествами, умелым колдовством и полководческим талантом выставил Хромого на посмешище. Клин едва не перешел в неприятельские руки, прежде чем Госпожа приказала нам взяться за дело. Ее решение волнами землетрясения разбежалось по всей империи. Капитан наемников получил средства и власть, которыми обычно наделяли лишь одного из Десяти!

Лишь возможность нанести удар самому Загребущему вынудила Капитана отправить из крепости патруль, иначе он не выгнал бы людей на мороз.

Эльмо освободил лицо от тряпок и улыбнулся, но промолчал. Какой смысл утруждать язык, если все равно придется повторять рассказ Капитану?

Я пригляделся к Молчуну и не увидел улыбки на вытянутой постной физиономии. Он ответил на мой вопрос легким кивком. Все ясно. Еще одна победа, равная неудаче. Загребущий снова улизнул. Быть может, он и нас вынудит спастись бегством следом за Хромым, этой писклявой мышью, осмелевшей настолько, что бросила вызов коту.

Все же гибель двадцати трех человек из местной верхушки мятежников кое-что да значила. Весьма неплохой результат для одного дня работы. Хромым никогда не добивался такого успеха.

Всех лошадей отвели в конюшню. В большом зале уже несли на стол горячую пищу и подогретое вино. Я остался с Эльмо и Молчуном, надо немного подождать — и услышу их рассказ.

В большом зале Мейстрикта сквозняков было лишь чуть меньше, чем в прочих помещениях. Пока я возился с Йо-Йо, остальные набросились на еду. Насытившись, Эльмо, Молчун, Одноглазый и Кастет уселись вокруг небольшого стола.словно из ниоткуда появились карты. Одноглазый хмуро взглянул на меня:

— Так и собираешься стоять, засунув палец в задницу? Нам нужен лох.

Одноглазый прожил по меньшей мере век. Вулканический темперамент морщинистого чернокожего коротышки упоминается в Анналах на протяжении последнего столетия. Нигде не говорится, когда он вступил в Отряд. Анналы, накопленные за семьдесят лет, были утеряны, когда Отряд не удержал своих позиций в битве при Граде. Одноглазый отказался просветить нас относительно случившегося за эти годы, заявив, что не верит в историю.

Эльмо раздал карты — по пять каждому игроку и еще пять на стол перед пустым стулом.

— Костоправ! — рывкнул Одноглазый. — Ты будешь играть?

— Нет. Рано или поздно Эльмо начнет рассказывать. — Я постукал по зубам кончиком пера.

Одноглазый редко доходил до такого состояния — из ушей повалил дым, изо рта с визгом вылетела летучая мышь.

— Кажется, он чем-то недоволен, — заметил я.

Остальные заулыбались. Подкалывать Одноглазого — любимое развлечение в Отряде.

Одноглазый терпеть не может всяческие вылазки, но еще больше он бесится, когда упускает что-нибудь интересное. Ухмылки Эль-

мо и благожелательные взгляды Молчуна подтвердили, что он пропустил нечто стоящее.

Эльмо перетасовал свои карты, поднес к лицу и осторожно в них заглянул. У Молчуна блестели глаза. Сомнений нет, эта парочка приготовила особый сюрприз.

На стул, который предлагали мне, уселся Ворон. Никто не возражал. Даже Одноглазый не противится, когда Ворон решает что-либо сделать.

Ворон. Этот человек источает могильный холод. Наверное, у него мертва душа. Трудно выдержать без содроганий его взгляд. И все же Душечка любит Ворона. Бледная, хрупкая, эфемерная, она держит руку на его плече, пока он занят картами, и улыбается ему.

В любой игре, где участвует Одноглазый, Ворон — ценный партнер. Одноглазый жульничает. Но если играет Ворон — никогда.

— Она стоит в Башне и смотрит на север, сцепив на груди изящные кисти рук. Легкий ветерок прокрадывается в окно и тербит полуночный шелк волос. На нежных изгибах щек бриллиантами искрятся слезы.

— Йех-ххоо!

— Ух ты!

— Автора! Автора!

— Да чтоб тебе чушка в скатку нагадила, додик!

Эти типы освистали мои фантазии о Госпоже.

Записки, которые я им прочитал, — моя игра с самим собой. Откуда им знать, а вдруг эти выдумки попали в точку? Госпожу видели только Десять Взятых. Кто знает, какая она — уродливая, прекрасная или?..

— Бриллиантами искрятся слезы, говоришь? — повторяет Одноглазый. — Мне это нравится. Полагаешь, она по тебе сохнет, Костоправ?

— Заткни хлебало! Я над твоими развлечениями не насмехаюсь.

Вошел Лейтенант, уселся, обвел нас хмурым взглядом. С недавних пор его любимым занятием стало выражение неодобрения.

Приход Лейтенанта означал, что к нам уже направляется Капитан. Эльмо сложил на груди руки и сосредоточился.

Наступила тишина. В зале, словно по волшебству, стали появляться люди.

— Заприте проклятую дверь! — буркнул Одноглазый. — Если все так и будут вваливаться, я себе задницу отморожу. Давай доиграем, Эльмо.

Капитан вошел в зал, занял свое обычное место.

— Мы вас слушаем, сержант.

Капитан не принадлежит к числу самых колоритных братьев, слишком уж он спокоен. Слишком серьезен.

Эльмо положил карты на стол, выровнял стопку, собрался с мыслями. Иногда его одолевает тяга к четкости и точности.

— Сержант?!

— Капитан, Молчун заметил линию постов южнее фермы. Мы зашли с севера. Атаковали после заката. Они пытались разбежаться. Молчун отвлекал Загребущего, пока мы занимались остальными. Их было тридцать. Мы уложили двадцать три. Часто перекликались и предупреждали друг друга — мол, как бы случайно не прикончить нашего шпиона. Загребущему удалось скрыться.

Мы пошли на обман — хотели, чтобы мятежники поверили, будто в их рядах полно согладатаев. Чем сложнее для противника связь и принятие решений, тем меньше риска для Молчуна, Одноглазого и Гоблина.

Вовремя пущенный слух. Небольшая подтасовка фактов. Намек на подкуп или шантаж. Таково наше лучшее оружие. Мы вступаем в сражение лишь при условии, что противник загнан в мышеловку. По крайней мере, стремимся к этому.

— Вы сразу вернулись в крепость?

— Так точно. Только сперва сожгли ферму и пристройки. Загребущий ловко замел следы.

Капитан уставился на потемневшие от копоти потолочные балки. Тишину нарушал лишь Одноглазый, он похлопывал картами по столу. Капитан опустил взгляд:

— Тогда какого же хрена вы с Молчуном лыбитесь, точно дураки на ярмарке?

— Гордятся тем, что вернулись с пустыми руками, — пробормотал Одноглазый.

Эльмо улыбнулся:

— Ошибаешься.

Молчун запустил лапу под грязную рубаху и вытащил кожаный мешочек, который всегда висит у него на шее. Это колдовской мешочек, он набит всякой экзотической гадостью вроде сушеных ушек летучих мышей или эликсира для вызывания кошмарных снов. На сей раз Молчун извлек сложенную бумажку. Победно взглянув на Одноглазого и Гоблина, он с издевательской медлительностью развернул листок. Даже Капитан не выдержал, встал и подошел к столу.

— Осторожнее! — предупредил Эльмо.

— Да это всего лишь волосы.

Кто-то покачал головой, кто-то хмыкнул, а кто-то усомнился, что Эльмо в своем уме. Но Одноглазый и Гоблин трижды обменялись обалделыми взглядами. Одноглазый от волнения неразборчиво забормотал. Гоблин пискнул пару раз, но что с него взять — он вечно пищит.

— Это его волосы? — произнес наконец Одноглазый. — Точно его?

Эльмо и Молчун излучали самодовольство фартовых конкистадоров.

— Охренеть как точно, — подтвердил Эльмо. — С его собственного кумпола. Старикашка понял, что мы вот-вот схватим его за яйца. Он задал такого стрекача, что шарахнулся башкой о притолоку и оставил клок волос. Я это видел своими глазами, да и Молчун тоже. Уф, и силен же он драпать!

— Парни, ему крышка! — Приплясывая от возбуждения, Гоблин на октаву повысил голос, и без того неотличимый от скрипа ржавой дверной петли. — Считайте, что он уже насажен на мясницкий крюк! На здоровенный такой! А ты что об этом думаешь, жалкий призрак-недомерок? — промяукал он, обращаясь к Одноглазому.

Из ноздрей Одноглазого выскочила стайка крошечных светлячков. Все они оказались справными солдатами и быстро построились в воздухе, образовав светящиеся слова: «Гоблин — педик». Для неграмотных это утверждение дублировалось синхронным жужжанием крылышек.

Но это же неправда. Гоблин — самый что ни на есть гетеросексуал. Просто Одноглазый решил затеять склоку.

Гоблин сделал пасс. Появилась огромная призрачная фигура, напоминающая Душелова, но ростом до потолка. Скрючившись, она наставила на Одноглазого обвиняющий перст. Невесть откуда донесся шепот:

— Это ты развратил мальчишку, педрила...

Одноглазый фыркнул, затряс головой, снова фыркнул. Его глаза остекленели. Гоблин хихикнул, с трудом изобразил серьезную мину, но не выдержал и хихикнул вновь, потом крутанулся — и давай отплясывать перед очагом дикую победную джигу.

Наши менее догадливые братья разворчались. Подумаешь, клок волос. С его помощью можно зачаровать разве что деревенскую шлюху, да и то придется добавить пару серебряных монет.

— Господа! — произнес Капитан.

Он все понял.

Балаган тут же прекратился. Капитан посмотрел на колдунов. Подумал. Прошелся. Кивнул, соглашаясь со своими мыслями. И наконец спросил:

— Одноглазый, этого хватит?

Тот хмыкнул — на удивление басисто для такого малявки.

— Достаточно одного волоса или обрезка ногтя. Капитан, он у нас в руках.

Гоблин все еще изображал пляску сумасшедшего. Молчун ухмылялся. Психи и есть — что тут скажешь?

Капитан снова задумался.

— Мы не можем взяться за это сами, — решил он и двинулся по периметру зала. Его шаги звучали зловеще. — Придется вызвать одного из Взятых.

Одного из Взятых. Естественно. Три наших колдуна — самый ценный ресурс Отряда. Их необходимо беречь. Но...

В зал прокрался холод и превратил нас в статуи.

Вызвать одного из таинственных сподвижников Госпожи?.. Чтобы здесь, среди нас, оказался кто-то из этих мрачных лордов? Ну нет...

— Только не Хромого. У него на нас стояк.

— А у меня поджилки трясутся, как вспомню Меняющего.

— Крадущийся в Ночи еще хуже.

— Да откуда тебе знать? Ты ж его не видел.

— Капитан, мы справимся сами, — заявил Одноглазый.

— И родственнички Загребущего слетятся на тебя, точно мухи на лошадиное яблоко.

— Душелов, — предложил Лейтенант. — Все-таки он для нас вроде покровителя.

Предложение пришлось по душе всем.

— Свяжись с ним, Одноглазый, — велел Капитан. — И приготовься поработать, когда он сюда прибудет.

Одноглазый кивнул и ухмыльнулся. Он был в своей стихии, у него в голове уже зарождались хитроумные и грязные планы.

Вообще-то, эту игру по праву следовало бы поручить Молчуну. Но наш командир выбрал Одноглазого, потому что не мог примириться с нежеланием Молчуна говорить. Это нежелание по каким-то причинам пугало Капитана.

Молчун не протестовал.

Некоторые из наших местных слуг — шпионы. Мы знаем, кто есть кто, благодаря Одноглазому и Гоблину. Одному из слуг, ничего не знавшему про волосы, позволили смыться с фальшивой новостью, будто мы собираемся устроить шпионский штаб в вольном городе Розы.

Когда твои батальоны малы, поневоле учишься коварству.

Каждый правитель обзаводится врагами. Госпожа не исключение. Сыны Белой Розы повсюду... Если выбирать чью-либо сторону, полагаясь на чувства, то присоединяться следует к мятежникам. Они сражаются за все то, что любой назовет благородными целями: свободу, независимость, правду, права... За субъективные иллюзии, за бессмертные лозунги. А мы — приспешники главного злодея. Мы признаем иллюзии и отрицаем материю.

Не существует самопровозглашенных злодеев, зато самопровозглашенных святых — полки и дивизии. А где зло и где добро, в конце концов определяют историки победившей стороны.

Мы чураемся ярлыков. Мы сражаемся за деньги и нечто эфемерное под названием «гордость». Политика, этика и мораль к делу не относятся.

Одноглазый связался с Душеловом. Тот направляется к нам. Гоблин сказал, что прохиндей аж завыл от радости, когда почуял возможность возвыситься за счет Хромого. Взятые дерутся между собой хуже невоспитанных детей.

Осаждавшая нас зима сделала короткую передышку. Наши солдаты и жители Мейстрикта решили очистить от снега крепостные дворы. Один из местных исчез. Одноглазый и Молчун, сидя в главном зале, с довольным видом перебрасывались в картишки. Мятежники узнают именно то, что пожелали им сообщить наши колдуны.

— Что ты затеял? — спросил я.

Эльмо, установив на стене блок и полиспаг, выворачивал из кладки один из амбразурных камней.

— У меня новое хобби, Костоправ. Стану ненадолго скульптором.

— Тогда ничего не говори. Мне на твои хобби начхать.

— Относись к ним как пожелаешь, дело твое. Кстати, я как раз хотел спросить: не съездишь ли вместе с нами за Загребущим? Чтобы потом все правильно записать в Анналы.

- И подпустить словечко о гениальности Одноглазого?
- Хвали тех, кто этого заслужил, Костоправ.
- Тогда Молчун заслуживает целой главы....

Одноглазый плевался, рычал, сыпал проклятиями.

— Сыграть не хочешь? — За столом сидели лишь трое, один из них Ворон.

Тонк гораздо интереснее, если в него играют четверо или пятеро. Я выиграл три партии подряд.

— Тебе что, больше заняться нечем? Пошел бы срезал кому-нибудь бородавку, что ли.

— Ты сам пригласил его играть, — заметил солдат, которого Одноглазый не просил вмешиваться.

— Масло, ты любишь мух?

— Мух?

— Если не заткнешь свою пасть, я превращу тебя в лягушку.

Угроза не произвела на Масло впечатления.

— Да ты и головастика не сумеешь в лягушку превратить.

Я ехидно фыркнул:

— Ты сам напросился, Одноглазый. Когда прибудет Душелов?

— Когда доберется.

Я кивнул. Взятые поступают как хотят и обдeldывают свои дела когда хотят.

— Нынче мы все просто приветливые симпатяги, верно?. Масло, сколько он проиграл?

Тот лишь ухмыльнулся в ответ.

Следующие две партии выиграл Ворон.

Одноглазый поклялся, что сегодня больше не произнесет ни слова. Так что узнать придуманный им план нам не суждено. Может, оно и к лучшему. Если объяснения не прозвучат, их не подслушают шпионы мятежников.

Шесть волосков и блок известняка. Что за чертовщину они затеяли?

Несколько дней Молчун, Гоблин и Одноглазый по очереди трудились в конюшне над каменной глыбой. Время от времени я заходил туда поглазеть на работу. Они меня не гнали, но лишь рычали в ответ на мои вопросы.

Иногда к ним заглядывал Капитан, пожимал плечами и отправлялся к себе. Там он корпел над стратегией весенней кампании, во время которой все, чем располагает империя, будет брошено на мя-

тежников. К нему трудно было войти — вся комната была завалена картами и депешами.

Как только погода позволит, мы нанесем по мятежникам болезненный удар.

Может, это жестоко, но большинство из нас наслаждается тем, что мы делаем, а Капитан — пуще всех. Нынче его любимая игра — мериться умом с Загребущим. Капитан безразличен к мертвецам, горящим деревьям и голодающим детям. Как, впрочем, и Загребущий. Две слепые армии, способные видеть лишь друг друга.

Душелов пришел поздно вечером, когда бушевала метель посвирепее той, в которую угодил со своим отрядом Эльмо. Ветер выл и вопил, наметая в северо-восточном углу крепости сугробы высотой со стену, — снег даже переваливал через нее. Мы тревожились, как бы не замело наглухо запасы дров и сена. Местные сказали, что такой метели никто из них не помнит.

В самый ее разгар объявился Душелов. Буханье его кулака в ворота разбудило весь Мейстрикт. Запели горны, загремели барабаны. Ветер донес охрипшие голоса — часовые не смогли открыть ворота.

Душелов перебрался через стену, вскарабкавшись по сугробу, свалился и утонул в рыхлом снегу. Не очень-то достойное прибытие для одного из Десяти.

Я заторопился в главный зал. Там возле весело пылающего огня уже сидели Одноглазый, Молчун и Гоблин. Вошел Лейтенант, следом за ним Капитан с Эльмо и Вороном.

— Остальные идут спать! — рявкнул Лейтенант.

Вошел Душелов, стянул тяжелый черный плащ, присел на корточки у огня. «Это у него что, показной человеческий жест?» — задумался я.

Худошавое тело Душелова всегда затянато в черную кожу. Он носит скрывающий всю голову черный морион, черные перчатки и черные сапоги. Монотонность его облачения нарушает лишь пара серебряных значков, а единственное цветное пятно — неограниченный рубин на кинжале, который держит мертвой хваткой лапа с пятью когтями, служащая рукоятью.

На груди Душелова заметны небольшие округлые выпуклости. В очертаниях ног и бедер есть нечто женское. Среди Взятых три женщины, но кто они — знает лишь Госпожа. Мы говорим о каждом «он». Какого пола эти колдуньи, не имеет для нас ни малейшего значения.

Душелов утверждает, что он наш друг и защитник. Пусть даже так, но с его появлением в зале повеяло холодком. И этот холодок не имеет ничего общего с погодой. Когда Душелов рядом, содрогаются даже Одноглазый.

А Ворон? Не знаю. Мне кажется, Ворон не способен на какие бы то ни было чувства, если только дело не касается Душечки. Когда-нибудь его каменная маска пойдет трещинами. Надеюсь, я буду рядом и увижу это.

Душелов поворачивается спиной к огню.

— Не правда ли, — произносит он фальцетом, — прекрасная погода для приключения?

Баритон. Потом слышатся странные звуки. Смех. Взятый пошутил.

Никто не смеется. Смеяться нам не полагается. Душелов поворачивается к Одноглазому:

— Рассказывай. — На сей раз тенор, неторопливый и мягкий, слегка приглушенный, словно голос проходит сквозь тонкую стену.

Или, как сказал Эльмо, сквозь могильный холм.

Одноглазый теперь паинька — ни хвастовства, ни клоунады.

— Начнем сначала. Капитан?

— Один из наших осведомителей узнал о собрании главных мятежников. Одноглазый, Гоблин и Молчун проследили за перемещениями известных нам мятежников...

— Так вы позволили им шлаться в свое удовольствие?

— Они привели нас к своим приятелям.

— Разумеется. Одна из слабостей Хромого. Никакого воображения. Когда он видит мятежника, сразу убивает — а заодно и всех, кто подвернется под руку. — Вновь этот злоедающий смех. — Не очень много проку, верно? — Затем еще одна фраза, но на неизвестном мне языке.

Капитан кивнул:

— Эльмо?

Эльмо слово в слово повторил то, что уже рассказывал, и уступил очередь Одноглазому, который набросал схему поимки Загребущего. Я ничего не понял, но Душелов мгновенно ухватил суть и в третий раз рассмеялся.

Я мысленно предположил, что мы собираемся выпустить на волю все самое темное, что есть в человеческой природе.

Одноглазый повел Душелова полюбоваться на свой таинственный камень. Мы придвинулись ближе к огню. Молчун вытащил колоду. Желающих сыграть не нашлось.

Иногда я гадаю, как подручные Взятых не сходят с ума, постоянно пребывая с ними рядом. Душелов еще симпатяга по сравнению с остальными.

Одноглазый и Душелов вернулись, смеясь.

— Два сапога пара, — пробормотал Эльмо.

Он редко высказывает свое мнение вслух.

Душелов вновь подошел к огню.

— Прекрасная работа, господа. Просто отличная. Все сделано с воображением. Это, возможно, поможет выбить их из Клина. Мы отправляемся в Розы, как только улучшится погода. Поедут восемь человек, включая двоих ваших колдунов.

После каждой фразы шла пауза, и следующая фраза произносилась другим голосом. Жуть.

Если верить слухам, это голоса тех людей, чьи души захватил Душелов.

Позволив смелости возобладать над желаниями, я вызвался участвовать в экспедиции. Хотелось увидеть, как Загребуший будет пойман с помощью волос и известняка. Вся яростная мощь Хромого не справилась с этой задачей.

Капитан обдумал мое предложение.

— Хорошо, Костоправ. Поедут Одноглазый и Гоблин. Ты, Эльмо. И выбери еще троих.

— Получается только семь, Капитан.

— Восьмым будет Ворон.

— Ах, Ворон? Ну конечно.

Молчаливый и смертельно опасный Ворон станет вторым «я» Капитана. Связь между этими двумя не поддается пониманию. Спрашивается, почему это волнует старину Костоправа? Может, потому, что недавно Ворон напугал его до полусмерти?

Ворон поймал взгляд Капитана, правая бровь приподнялась. Капитан ответил едва заметным кивком. Ворон шевельнул плечом. В чем смысл этого жеста?

Затевалось нечто необычное. Посвященные в тайну уже наслаждались заранее. И хотя я не мог догадаться, чем все обернется, я был уверен: предстоит увидеть нечто жуткое и гнусное.

Буран стих. Вскоре дорога на Розы стала свободной. Душелова одолел зуд нетерпения. Загребуший получил две недели форы, а нам, чтобы добраться до Роз, требовалась неделя. Оставалось надеяться, что пущенные Одноглазым байки о наших шпионах понизят эффективность действий противника.

Мы выехали еще до рассвета, погрузив каменный блок в фургон. Колдуны почти не изменили его формы, выдолбив лишь углубление размером с большую дыню. Я терялся в догадках относительно его предназначения. Одноглазый и Гоблин хлопотали вокруг камня, словно невесту готовили к свадьбе. На все мои вопросы Одноглазый отвечал широкой улыбкой. Скотина.

Погода оставалась ясной. С юга подули теплые ветры. Нам теперь попадались длинные участки раскисшей дороги. И я сделался свидетелем поразительного явления: Душелов прыгивал в грязь и толкал фургон вместе с нами. Душелов, великий лорд империи.

Розы — столица провинции Клин, свободный город, растущая, многолюдная республика. Госпожа решила, что нет смысла лишать его традиционной автономии. Миру нужны местечки, где человек любых взглядов и убеждений может развеять скуку повседневности.

Так вот. Розы. Город без правителя. Набитый лазутчиками и всяким преступным сбродом. В такой обстановке, утверждал Одноглазый, его план обречен на успех.

Когда мы подъехали к городу, над нами нависли его красные стены, темные в лучах закатного солнца, словно засохшая кровь.

В комнату, которую мы снимали, ввалился Гоблин.

— Я нашел подходящее место, — пискнул он, обращаясь к Одноглазому.

— Хорошо.

Странно. Они уже пару недель не обменивались ни единым бранным словом. Обычно час без их склоки казался нам чудом.

В темном углу Душелов торчал неподвижно, словно тощий черный куст, и негромко спорил сам с собой разными голосами. Он вдруг зашевелился:

— Продолжай.

— Это старая городская площадь. На нее выходит десяток улиц и переулков. Ночью плохо освещена. Нет никакого смысла ходить по ней или ездить после наступления темноты.

— Звучит превосходно, — согласился Одноглазый.

— И не только звучит. Я снял комнату с видом на эту площадь.

— Пошли взглянем, — решил Эльмо.

Долгое пребывание в комнате всем осточертело. Началась суета. Лишь Душелов сохранял невозмутимость. Наверное, он понимал, почему нам не терпится выйти на улицу.

Разумеется, площадь оказалась именно такой, какой ее описал Гоблин.

— Так в чем же дело, в конце концов? — спросил я.

Одноглазый ухмыльнулся.

— Молчальник хренов! — не выдержал я. — В игрушки играет.

— Сегодня ночью? — спросил Гоблин.

Одноглазый кивнул:

— Если черный призрак прикажет.

— У меня кончается терпение, — объявил я. — Что происходит? Вы, клоуны, только и делали, что дулись в карты да любовались, как Ворон вострит свой ножик.

Он занимался этим часами, и от скрежета стали о точильный камень у меня по спине бегали мурашки. Это знамение. Ворон точит нож лишь в том случае, если ожидает, что ситуация станет паршивой.

В ответ Одноглазый по-вороньи каркнул.

Фургон мы выкатили в полночь. Хозяин конюшни обозвал нас полоумными. В ответ Одноглазый одарил его своей знаменитой улыбкой и сел на место кучера. Остальные пошли пешком, окружив фургон.

Наш груз изменился. Кое-что добавилось. Кто-то высек на камне надпись. Наверное, Одноглазый — во время очередной своей таинственной отлучки.

Вместе с камнем в фургоне ехали объемистые кожаные мешки и дощатый стол, достаточно крепкий на вид, чтобы выдержать вес глыбы. Ножки были сделаны из темного полированного дерева с инкрустированными символами из серебра и слоновой кости — очень сложными и таинственными иероглифами.

— Где вы раздобыли стол? — спросил я.

Гоблин пискнул и рассмеялся.

— Но сейчас-то вы мне можете сказать? — прорычал я.

— Ладно-ладно, — смиростивился Одноглазый, гнусно хихикая. — Мы его сделали.

— Для чего?

— Чтобы положить на него камень.

— Вы так ничего и не объяснили.

— Терпение, Костоправ. Всему свое время.

Вот же гад!

Площадь, куда мы прибыли, выглядела странновато — ее окутывал туман, хотя нигде в городе тумана не было.

Одноглазый остановил фургон в центре площади:

— Выволакивайте стол, парни.

— Выволакивайся сам, симулянт! — пискнул Гоблин. — Думаешь, тебе удастся посачковать, пока мы надрываем пуп? — Он обратился за поддержкой к Эльмо: — У этого паршивого инвалида вечно наготове какая-нибудь отмазка.

— А ведь ты прав, — кивнул Эльмо.

Одноглазый принялся возмущаться. Эльмо не выдержал и рывкнул:

— А ну стаскивай свою задницу и ползи сюда!

Одноглазый метнул в Гоблина убийственный взгляд:

— В один прекрасный день, огрызок, я тебя прихлопну. Наложу проклятие импотенции. Как тебе такое понравится?

Его слова не произвели на Гоблина впечатления.

— Я бы давно наложил на тебя проклятие тупости, если бы мог усилить то, что уже сотворила природа.

— Выгружайте же наконец проклятый стол! — гаркнул Эльмо.

— Нервничаешь? — спросил я.

Перепалки колдунов никогда его не раздражали. Он, как и все, считал их развлечением.

— Да. Залезайте с Вороном в фургон и выталкивайте стол.

Стол оказался тяжелее, чем выглядел. Лишь совместными усилиями мы смогли вытащить его из фургона. Притворное кряхтение и ругань Одноглазому не помогли. Я спросил его, как они с Гоблином ухитрились зафиксировать стол в фургон.

— Мы его в фургоне и сделали, болван, — ответил он и принялся покрикивать, требуя переместить стол то на полдьюма в одну сторону, то на полдьюма в другую.

— Оставьте, где стоит, — сказал Душелов. — У нас нет времени на ерунду.

Его раздраженный тон возымел действие: Гоблин и Одноглазый тут же перестали грызться.

Мы уложили камень на стол. Я отошел в сторонку, вытирая с лица пот. Вся моя одежда пропотела насквозь — и это в разгар зимы. Камень излучал тепло.

— Мешки, — бросил Душелов.

Слово было произнесено голосом женщины, с которой я был бы не прочь познакомиться.

Подхватив мешок, я закричал от натуги — он оказался тяжел.

— Эге! Да это же деньги!

Одноглазый захихикал. Я свалил мешок под стол, в кучу других. Там уже лежало целое состояние. Никогда в жизни не видел столько сокровищ разом.

— Разрежьте мешки, — приказал Душелов. — Скорее!

Ворон полоснул ножом. На булыжники посыпались драгоценности. Мы уставились на них, борясь со вспыхнувшей жадностью.

Душелов схватил Гоблина за плечо, взял за руку Одноглазого. Оба колдуна словно съежились. Троица встала лицом к столу с камнем.

— Отгоните фургон, — велел Душелов.

Мне так и не удалось до сих пор прочесть бессмертные слова, высеченные на камне. Я быстро приблизился к столу и пробежал глазами по строчкам:

*Пусть тот, кто пожелает назвать
это богатство своим,
положит голову презренного Загребущего
на сей каменный трон.*

Ага. Ясно сказано. Откровенно. Доходчиво. Как раз в нашем стиле. Ха!

Я шагнул назад, прикидывая, сколько своих кровных вложил в эту операцию Душелов. В грудe серебра виднелись золотые блестики. Один из мешков извергал необработанные драгоценные камни.

— Волосы, — потребовал Душелов.

Одноглазый вытащил прядку волос. Душелов припечатал их пальцем к стенке углубления (как раз размером с голову) в каменном блоке, потом отступил на шаг и взял за руки Гоблина и Одноглазого.

Они начали колдовать.

От сокровищ, стола и камня пошло золотистое сияние.

Можно считать, что наш архивраг уже покойник. Половина мира попытается завладеть такой добычей. Слишком уж она велика, чтобы противиться искушению. Загребущего предадут свои же.

Впрочем, я понимал, что у него есть слабенький, но все же шанс выкрутиться. Загребущий может украсть сокровище сам. Вот только ему придется попытаться. У мятежников нет пророков, способных одолеть магию Взятого.

Колдуны завершили работу.

— Пусть кто-нибудь испытает защиту, — велел Одноглазый.

Ворон кольнул кинжалом ножку стола. Раздался треск. Ворон выругался и, нахмурившись, уставился на лезвие. Эльмо сделал выпад мечом. Трах! Кончик его клинка раскалился добела.

— Превосходно, — произнес Душелов. — Увозите фургон.

Эльмо поручил это солдату. А мы, оставшиеся на площади, перебрались в снятую Одноглазым комнату.

Поначалу столпились у окна, желая увидеть продолжение, но энтузиазм быстро испарился.

Розы лишь на рассвете узнали о судьбе, которую мы уготовили Загребущему. Осторожные, но предприимчивые личности изобретали сотни способов добраться до денег. Прочий люд являлся на площадь просто поглазеть. Некая группа хитрецов расковыряла мостовую, намереваясь сделать подкоп. Их прогнала полиция.

Душелов, поставив у окна стул, ни на секунду не покидал своего наблюдательного пункта. Как-то он сказал мне:

— Придется улучшить охранные чары. Я не предвидел подобной изобретательности.

Удивляясь собственной наглости, я спросил:

— Как выглядит Госпожа?

Я только что дописал очередную порцию своих фантазий.

Душелов медленно обернулся, взглянул на меня:

— Как тот, кто способен жевать сталь.

Его голос был женским и мурлыкающим. Станный ответ.

— Надо позаботиться, чтобы они не пользовались инструментами, — добавил он.

Вот вам и отчет очевидца. Тоже мне, раскатал губу... Мы, смертные, для Взятых всего лишь вещи. Наше любопытство им абсолютно безразлично.

И я укрылся в своем тайном королевстве, населенном воображаемыми Госпожами.

Ночью Душелов усовершенствовал охранные заклинания. Утром на площади лежали трупы.

На третью ночь меня разбудил Одноглазый:

— У нас посетитель.

— Что?

— Он голову принес. — Одноглазый так и сиял.

Спотыкаясь спросонья, я подошел к окну. Возле него уже торчали Гоблин и Ворон. Мы скучковались сбоку — никто не желал находиться рядом с Душеловом.

По площади крался мужчина. В его левой руке болталась отрубленная голова, которую он держал за волосы.

— А я все гадал, как долго придется ждать начала, — произнес я.

— Тихо! — прошипел Душелов. — Он там.

— Кто?

Душелов оказался терпелив. Поразительно терпелив. Другой Взятый мне бы попросту врезал.

— Загребуший. Ни звука, а то услышит.

Я так и не понял, как он узнал Загребущего. Возможно, я и не хотел понимать. Подобные штучки меня пугают.

— В нашем плане предусмотрен его тайный визит, — сказал Гоблин.

Как он ухитряется пицать, когда шепчет?

— Загребуший обязан выяснить, кто ему противостоит. А в таком деле он ни на кого не может положиться. — Толстый коротышка горделиво напыжился.

Капитан называет людскую натуру самым острым мечом Черно-го Отряда. Любопытство и стремление выжить завлекли Загребу-щего в наш дьявольский котел. Но не исключено, что Взятый суме-ет обратить наше же оружие против нас. Возможностей для этого у него немало.

Проходили недели. Загребуший являлся вновь и вновь, — оче-видно, увиденное его удовлетворяло. Душелов запретил нам трогать врага, хоть тот и превратился в легкую добычу.

Пусть наш патрон и заботлив по отношению к нам, но в жесто-кости ему не откажешь. У меня создалось впечатление, что он хочет помучить Загребущего неопределенностью судьбы.

— Город просто помешался на сокровищах, — сообщил Гоблин, радостно приплясывая. — Тебе не мешало бы почаще выходить на улицу, Костоправ. Местные превратили Загребущего в настоя-щую индустрию. — Колдун поманил меня в самый дальний от Душе-лова угол и открыл кошелек. — Глянь, — прошептал он.

Я увидел пару горстей монет, среди них золотые.

— С такой тяжестью ходить тебе перекошенным, — пошутил я.

Ухмылка Гоблина — то еще зрелище.

— За эти деньги я продавал сведения о том, где можно отыскать Загребущего, — прошептал он и украдкой взглянул на Душелова. — Само собой, все высосано из пальца. — Он положил руку мне на плечо — для этого ему пришлось встать на цыпочки. — Ты тоже мо-жешь разбогатеть.

— А я и не знал, что мы здесь с целью набить мошну.

Гоблин нахмурился, и его круглая бледная физиономия сплошь покрылась морщинами.

— Да ты кто такой? Что о себе возомнил?

Душелов обернулся.

— Господин, у нас тут пари, мы малость поспорили, — испуганно прохрипел Гоблин. — Обычное дело.

Я громко рассмеялся:

— Весьма убедительно, коротышка. Но не проще ли тебе повеситься?

Он надулся, но ненадолго. Гоблин неукротим, и его юмор прорывается наружу даже в самых тяжелых ситуациях.

— Это ерунда, Костоправ, — прошептал он. — Видел бы ты, чем занимается Одноглазый. Продает амулеты, которые гарантированно указывают владельцу, что рядом находится мятежник. — Быстрый взгляд на Душелова. — И они работают. В определенном смысле.

Я покивал:

— Хотя бы рассчитается с карточными долгами.

В этом весь Одноглазый. Плохо ему жилось в Мейстрикте, не было возможности заняться привычными махинациями на черном рынке.

— Вам же поручили распространять слухи. Подливать масла в огонь, но не...

— Ш-ш-ш! — Он вновь взглянул на Душелова. — Мы этим и занимаемся. В каждой городской пивнушке. Ей-ей, мельница слухов крутится так, что аж крылья отваливаются. Пойдем, я тебе кое-что покажу.

— Нет.

Душелов становится все более общительным. Глядишь, сумею вызвать его на настоящий разговор.

— Тебе же хуже. Знаю одного букмекера, он принимает ставки: сколько Загребущий еще проходит с головой на плечах. А у тебя есть тайная информация, так что...

— Лучше катись отсюда, пока свою башку не потерял.

Я подошел к окну. Минуту спустя через площадь проковылял Гоблин, даже не взглянув на нашу ловушку.

— Пусть себе тешатся, — сказал Душелов.

— Что, господин? — Моя новая попытка, подхалимская.

— У меня слух острее, чем думают твои приятели.

Я уставился на черный морион, пытаюсь уловить хоть малейший намек на мысли, скрытые под металлом.

— Безобидная возня. — Душелов слегка повернул голову, посмотрел мимо меня. — Подполье парализовано страхом.

— Да, господин.

— Раствор, скрепляющий кирпичи этого дома, ослаб, вскоре он начнет крошиться. Этого не произошло бы, захвати мы Загребущего сразу. Из него сделали бы символ, выставив невинной жертвой. Конечно, мятежников опечалила бы потеря, но они бы продолжили начатое им дело. И еще до начала весенней кампании Круг заменил бы Загребущего кем-нибудь другим.

Я смотрел на площадь. Почему Душелов все это мне говорит? И одним и тем же голосом? Уж не голос ли это самого Душелова?

— Потому что ты думал, будто я вершил жестокости ради жестокости.

Я подпрыгнул:

— Но как вы?..

Душелов издал звук, заменяющий ему смех:

— Нет, я не читал твои мысли. Просто знаю, как размышляют люди. Ведь на то я и Душелов.

Бывает ли Взятым одиноко? Страдают ли они без простых приятельских отношений? Без дружбы?

— Иногда. — На сей раз голос женский, обольщающий.

Я обернулся, но тотчас, испугавшись, снова устоялся на площадь.

Душелов угадал и эту мою опаску. Он перевел разговор на Загребущего:

— Просто его устранение не входило в мои планы. Я хотел, чтобы герой Форсберга дискредитировал сам себя.

Мы даже не догадывались о том, насколько хорошо Душелов знал нашего врага. Загребущий играл в его игру. Он уже совершил две впечатляющие, но тщетные попытки добраться до нашей ловушки. Эти неудачи сильно подорвали его авторитет в глазах сопровождающих. Если верить слухам, в Розах уже сильны проимперские настроения.

— Когда он выставит себя дураком, мы его раздавим. Как назойливого жука.

— Не следует его недооценивать. — Какое нахальство — давать совет Взятому. — Хромой...

— Неудачное сравнение. Я не Хромой. Они с Загребущим очень похожи. Давным-давно... Властелин мог бы сделать его одним из нас.

— А как он выглядит? — Не давай ему замолчать, Костоправ.

От Властелина до Госпожи всего один шаг.

Душелов поднял руку ладонью вперед и медленно согнул пальцы. Меня пробрало холодом. Четко представилось, как эти когти терзают мою душу. Конец разговора.

Позднее я сказал Эльмо:

— Знаешь, сокровища могли бы быть и ненастоящими. Сошло бы что угодно, раз никто не в силах до них добраться.

— Ты не прав, — возразил услышавший меня Душелов. — Загребущий должен знать, что они настоящие.

Наутро до нас дошли вести от Капитана. Несколько мятежников-партизан сложили оружие в ответ на наше предложение об амнистии. Кое-какие их регулярные части, пришедшие на юг вместе с Загребущим, отступили севернее. Смятение добралось и до Круга — его встревожила неудача Загребущего в Розах.

— Но почему? — удивился я. — Ведь ничего, в сущности, не произошло.

— Произошло, — ответил Душелов, как мне показалось, не без самодовольства. — В людских умах. Загребущий, а вместе с ним и Круг выглядят бессильными. Нашему приятелю следовало бы передать командование войсками в Клине другому военачальнику.

— Будь я знаменитым полководцем, вряд ли пошел бы на такое унижение, — заметил я.

— Костоправ! — ахнул изумленный Эльмо.

Что на уме, то и на языке, — это сказано не про меня.

— Эльмо, я серьезно. Можешь представить себе любого полководца — нашего или вражеского — и чтобы он просил другого полководца занять его место?

Черный морион, скрывавший лицо Душелова, повернулся в мою сторону.

— Их вера умирает. Армия, утратив веру, терпит поражение куда более сокрушительное, чем на поле битвы. — Когда Душелов оседлывает какую-то тему, ничто не может его отвлечь.

У меня возникло странное ощущение, что он-то как раз из тех, кто способен уступить командование более опытному.

— Начинается решающий этап. Распускайте слухи в тавернах. Шепчите на улицах. Травите его. Гоните. Давите так, чтобы у него не было времени думать. Пусть он впадет в отчаяние и совершит какую-нибудь глупость.

Я решил, что идея у Душелова правильная. Эта победа будет одержана не на поле боя. Весна уже на носу, но сражения еще не начались. Глаза всех жителей Клина обращены к вольному городу. Все ждут исхода дуэли между Загребущим и защитником Госпожи.

— Теперь уже нет необходимости убивать Загребущего, — продолжал Душелов. — Доверие к себе он утратил полностью. Сейчас

мы уничтожаем моральный дух его присных и всего их движения. — И он возобновил бдение у окна.

— По словам Капитана, Круг велел Загребущему покинуть город, — сказал Эльмо. — Тот отказался.

— Он восстал против собственной революции?

— Он хочет уничтожить нашу ловушку.

Вот и еще одна грань человеческой натуры, работающая на нас. Самонадеянная гордыня.

— Доставай карты. Гоблин и Одноглазый опять принялись грабить вдов и сирот. Пора облегчить их кошельки.

Загребущий остался в полном одиночестве — озлобленный, знающий, что на него охотятся. Исхлестанный пес, бегающий по ночным переулкам. Он никому не может верить. Мне стало его немного жаль.

Он дурак. Только дурак продолжает делать ставки, когда уменьшаются его шансы. А шансы Загребущего уменьшались с каждым часом.

Я ткнул пальцем в темный силуэт возле окна:

— Если прислушаться, смахивает на сборище Братства шептунов.

Ворон взглянул поверх моего плеча, но ничего не сказал. Мы играли на пару в тонк, борясь со скукой и временем.

От окна доносилось бормотание десятка голосов: «Я это чувствую», «Ты ошибаешься», «Оно надвигается с юга», «Надо заканчивать немедленно», «Не сейчас», «Уже пора», «Нужно подождать еще немного», «Мы рискуем удачей, игра может обернуться против нас», «Опасайся гордыни», «Он уже здесь, его опережает вонь, как шакала — смрад из пасти».

— Интересно, ему когда-нибудь удастся переспорить самого себя?

Ворон и на этот раз промолчал. Я и прежде пытался разговаривать его, когда набирался храбрости. Тщетно. С Душеловом и то лучше получалось.

Душелов внезапно поднялся и что-то произнес — гневно и неразборчиво.

— Что случилось?

Я устал от Роз. Меня уже тошнило от этого города. Он пугал меня: гуляя по его улицам в одиночку, можно было расстаться с жизнью.

Один из призрачных голосов был прав. Мы приблизились к черте, за которой выгода от нашей затеи начала уменьшаться. Против воли я уже восхищался Загребушим — он отказывался сдаться или убежать.

— Так что случилось? — повторил я.

— Хромой. Он в Розах.

— Здесь? Почему?

— Почуял крупную добычу. Хочет украсть у нас успех.

— То есть спутать нам карты?

— Это его стиль.

— А не могла бы Госпожа?..

— Мы в Розах. Она очень далеко. К тому же ей все равно, кто прикончит Загребущего.

Политические дразги среди приспешников Госпожи. Как странный мир. Я попросту не понимаю тех, кто не принадлежит к Отряду.

Мы живем простой жизнью. Думать нас не заставляют, это забота Капитана. Мы лишь выполняем приказы. Для большинства из нас Черный Отряд — убежище, спасение от теней прошлого, место, где ты становишься новым человеком.

— Что будем делать? — спросил я.

— Хромого я беру на себя. — Душелов поискал взглядом свое одеяние.

Свалились Гоблин и Одноглазый — настолько пьяные, что могли держаться на ногах, лишь ухватившись друг за друга.

— Вот же гадство! — пискнул Гоблин. — Опять снег пошел. Проклятый снег. А я думал, зима кончилась.

Одноглазый разразился песней — что-то о прелестях зимы. Общий смысл я уловил, но не более, потому что язык у колдуна заплетался, а половину слов он не помнил.

Гоблин плюхнулся в кресло, позабыв про Одноглазого. Тот свалился к его ногам, облевал ему сапоги и попытался допеть песню, потом пробормотал:

— А где все, чтоб им пусто было?

— Да в городе шляются. — Мы с Вороном переглянулись, и я сказал: — Надрались на пару — ты можешь в это поверить?

— А ты куда, старое привидение? — пискнул Гоблин, обращаясь к Душелову.

Тот вышел, не удостоив его ответом.

— Скотина. Эй, Одноглазый, дружище, я прав? Старое привидение — настоящая скотина?

Одноглазый оторвался от пола и огляделся. Вряд ли он что-нибудь увидел своим единственным глазом.

— Пр-равлно. — Он скорчил мне рожу. — Ск'тина. Ст'рая ск'тина. — Что-то показалось ему смешным, и он хихикнул.

Гоблин присоединился к Одноглазому. Поняв, что мы с Вороном не уловили юмора, он изобразил оскорбленное достоинство и произнес:

— Здесь нет наших братьев по духу, старина. В снегу нам и то будет теплее. — Он помог Одноглазому подняться, и они кое-как доковыляли до двери.

— Надеюсь, они не выкинут какой-нибудь номер почище этого. Если затеют склоку, то могут и прикончить друг друга.

— Тонк, — бросил Ворон и раздал карты.

Он вел себя так, словно и в глаза не видел пьяной парочки.

Десять или пятьдесят партий спустя в комнату ворвался один из наших солдат.

— Эльмо не видели? — спросил он.

Я взглянул на него. В волосах тает снег, лицо бледное — не иначе от страха.

— Нет, Крутой. А что случилось?

— Кто-то пырнул Масло ножом. Кажется, то был Загребуший. Я его спугнул.

— Пырнул ножом? Масло мертв? — Я поискал глазами свою сумку.

Раненому я буду нужнее, чем Эльмо.

— Жив. Но сильно порезан. Много крови.

— Почему ты его не привел?

— Я не мог его тащить.

Крутой тоже пьян. Нападение на друга немного отрезвило его, но это ненадолго.

— Ты уверен, что это был Загребуший?

Неужели старый дурак пытается нанести ответный удар?

— Конечно. Пойдем, Костоправ, а то помрет.

— Да, пошли.

— Подождите. — Ворон осматривал свое оружие. — Я тоже иду. — Он взвесил на ладонях два идеально заточенных ножа, выбиравая, затем пожал плечами и заткнул за пояс оба. — Плащ накинь, Костоправ, на улице холодно.

Пока я искал плащ, он быстро выяснил у Крутого, где находится Масло, и велел оставаться в комнате, пока не придет Эльмо.

— Пошли, Костоправ.

Вниз по лестнице. Улица сменяет улицу. У Ворона обманчивая походка. Кажется, шагает неторопливо, но чтобы держаться рядом с ним, нужно пошевеливаться.

Оказалось, что снегопад — еще не самое скверное. Даже там, где горели фонари, видимость составляла не более двадцати футов. Выпало уже шесть дюймов снега — тяжелого и сырого. Но температура понижалась, а ветер усиливался. Опять метель? Проклятье! Неужели мы мало от них пострадали?

Мы отыскиали Масло в четверти квартала от того места, где ему полагалось находиться. Он заполз под какие-то ступеньки. Ума не приложу, как Ворон догадался, где следует искать. Мы перенесли Масло к ближайшему фонарю. Сам он идти не мог, потому что был в отключке. Я фыркнул:

— Мертвецки пьян. Ему грозит только одна опасность — замерзнуть насмерть.

Он был весь перепачкан кровью, но рана оказалась неглубокой: несколько швов — и порядок.

Мы дотащили Масло до нашего жилища. Я раздел его и взялся за иглу, не дожидаясь, когда к нему вернется способность грязно ругаться.

Его приятель успел заснуть. Ворон разбудил Крутого несколькими пинками.

— Что произошло? — спросил Ворон. — Я хочу услышать правду.

Крутой повторил свой рассказ, настаивая на том, что приятеля ранил Загребущий.

Я усомнился в его словах, Ворон тоже. Но когда я кончил орудовать иглой, Ворон сказал:

— Возьми свой меч, Костоправ.

В его глазах появился охотничий блеск. Мне не хотелось вновь выходить на улицу, но еще меньше хотелось спорить с Вороном, когда он в таком настроении. Я отыскал пояс с мечом и щелкнул пряжкой.

Воздух стал холоднее, а ветер сильнее. Снежинки помельчали, зато они больней покусывали щеки. Я брел за Вороном, гадая, куда мы идем и зачем.

Он нашел место, где Масло ударили ножом. Свежий снег еще не успел скрыть следы. Ворон присел на корточки. И что же он там видит? По-моему, в полумраке уже ничего не разглядеть.

— Может, он и не соврал, — произнес наконец Ворон и всмотрелся во мглу переулка, откуда появился нападавший.

— Почему ты знаешь?

Он не ответил.

— Пошли. — Ворон встал.

Я не люблю переулки. Особенно в городах вроде этого, где находит пристанище всякое известное человеку зло и, вероятно, пока еще неизвестное. Но Ворон все шел вперед... Он нуждался в моей помощи... Ворон — мой брат по Черному Отряду... И все же, клянусь, жаркий огонь и теплое вино меня бы устроили куда больше, чем его общество.

Кажется, за весь срок пребывания в городе я провел на его улицах часа три, от силы четыре. Ворон выходил из комнаты еще реже, чем я, однако он явно знал, куда направляется. Он вел меня по улочкам и переулкам, по пустырям и мостам. Через Розы протекают три реки, соединенные паутиной каналов. Мосты относятся к достопримечательностям города.

Но в тот момент достопримечательности меня совершенно не интересовали. Больше всего я желал не свалиться на снег и сохранить под одеждой остатки тепла. Ноги превратились в ледяные глыбы. В сапоги упорно набивался снег, а Ворон не желал останавливаться всякий раз, когда это случалось.

Вперед и вперед. Мили и часы. Никогда не видел столько трущоб и свалок...

— Стоп! — Ворон вытянул руку, преграждая мне путь.

— Что?

— Тихо.

Он прислушался. Я тоже. И не уловил ни звука. Впрочем, я мало что услышал за все время нашей вылазки. В том, что Ворон идет по следу человека, напавшего на Масло, я не сомневался, но как ему это удастся?

Откровенно говоря, никакие поступки Ворона меня не удивляли. Никакие — с того самого дня, когда он на моих глазах задушил жену.

— Он совсем близко. — Ворон взгляделся в мельтешение снежинок. — Как мы раньше шли, так и иди прямо вперед, не прибавляй шагу. Наткнешься на него через пару кварталов.

— Что? А ты куда? — спросил я вслед расплывающейся тени. — Чтоб тебе провалиться!

Я набрал в грудь воздуха, еще раз выругался, обнажил меч и пошел вперед. В голове вертелась лишь одна мысль: как мы станем оправдываться, если прикончим не того, кого следует?

И тут я увидел в полоске света, падающей из двери таверны: высокий поджарый мужчина уныло бредет по снегу и не замечает ничего вокруг. Загребуший? Откуда мне знать? Из нас только Эльмо и Масло участвовали в рейде на ту ферму...

Сумерки сгустились. Лишь двое из тех, кто находится в городе, способны опознать Загребушего. Но Масло ранен, а Эльмо я не видел уже... Где он? Под снежным одеялом в каком-нибудь переулке, холодный, как эта отвратительная ночь?

Мой страх уступил место гневу.

Я сунул меч в ножны и достал кинжал, спрятал его под плащом острием вперед. Шедший впереди не оборачивался.

— Паршивая ночка, старина.

Он что-то буркнул в ответ. Потом, когда я поравнялся и пошел рядом, он посмотрел на меня. Слегка отстранился и вгляделся внимательнее. В его глазах не было страха, он был уверен в себе. Этот старик не из тех, кто бродит по ночам в переулках трущоб, шараясь от собственной тени.

— Что тебе нужно? — Спокойный голос задал мне прямой вопрос.

Старику нечего было опасаться — я был перепуган за двоих.

— Ты ударил ножом моего друга, Загребуший.

Он остановился. Глаза как-то странно блеснули.

— Черный Отряд?

Я кивнул.

Он смотрел на меня, задумчиво шурясь.

— Лекарь. Ты отрядный лекарь по прозвищу Костоправ.

— Рад познакомиться. — Уверен, в моем голосе было больше силы, чем в теле.

«И что же мне теперь делать?» — подумал я.

Загребуший распахнул плащ. В мою сторону метнулся короткий клинок. Я отпрыгнул, распахнул полы плаща, еще раз увернулся и попытался выхватить свой меч.

Загребуший замер. Его глаза встретились с моими. Мне показалось, что они становятся все больше, больше... Я проваливался в два серых колодца... Уголки его рта шевельнулись в улыбке. Он шагнул ко мне, подняв меч...

И внезапно застонал. На его лице отразилось полнейшее недоумение. Я стряхнул его чары, отступил, принял оборонительную стойку.

Загребуший медленно обернулся, вглядываясь в темноту. Из его спины торчал нож. Колдун завел руку за спину и выдернул. С губ

сорвался стон. Загребуший пристально посмотрел на нож и запел, медленно выговаривая слова.

— Шевелись, Костоправ!

Это же заклинание! Вот болван! Я позабыл, с кем имею дело. Мой меч нанес удар.

В то же мгновение из темноты возник Ворон.

Я посмотрел на труп:

— И что теперь?

Ворон опустил на колени, вытащил из-за пояса другой нож — с зубчатым лезвием.

— Кто-то предъявит права на сокровища Душелова.

— Он взбесится.

— Собираешься ему все рассказать?

— Нет. Но что делать с добычей?

Бывали времена, когда Черный Отряд процветал, но богатым он не был никогда. Накопление богатств — не наша цель.

— Какая-то сумма мне пригодится, рассчитаюсь со старыми долгами. А остальное... разделите между собой. Отправьте в Берилл. Поступайте как знаете. Не возвращать же все Взятому.

— Дело твое, — пожал я плечами. — Я лишь надеюсь — Душелов не подумает, что мы перешли ему дорогу.

— Правду знаем только я и ты. Я ему не скажу.

Он смел снег с лица старика. Загребуший быстро остывал.

Потом Ворон пустил в ход нож.

Я врач. Я ампутировал конечности. Я солдат. Я видел залитые кровью поля сражений. И тем не менее меня замутило. Как-то неправильно, когда мертвецу отрезают голову.

Ворон спрятал наш кровавый трофей под плащ. Его не тошнило.

На обратном пути я спросил Ворона:

— Кстати, а почему мы вообще за ним отправились?

Помолчав, Ворон ответил:

— В последнем письме Капитан просил покончить с этим делом, если выпадет такая возможность.

Когда мы подошли к площади, Ворон сказал:

— Иди наверх и узнай, на месте ли Душелов. Если нет, то отыщи самого трезвого из наших и отправь его за фургоном. Потом возвращайся сюда.

— Хорошо. — Я вздохнул и торопливо зашагал к нашему дому.

Что угодно отдам за толику тепла.

Снега выпало уже на фут. Я всерьез боялся отморозить ноги.

— Где тебя носило?! — рявкнул Эльмо, когда я ввалился в комнату. — И где Ворон?

Я огляделся. Душелова нет. Гоблин и Одноглазый вернулись, но такие пьяные, что их сейчас можно приравнять к покойникам. Масло и Крутой оглушительно храпят.

— Как Масло?

— В порядке. Так где ты был?

Я уселся возле огня и стянул сапоги. Ноги посинели и онемели, но все же я их не отморозил. Вскоре кожу начало болезненно покалывать. И вообще, я еле шевелился после бесконечных хождений по снегу. Я рассказал Эльмо обо всем.

— Вы его убили?

— Ворон сказал, что Капитан просил закончить эту историю.

— М-да... Вот уж не думал не гадал, что Ворон пойдет резать Загребущему глотку.

— Где Душелов?

— Еще не возвращался. — Эльмо ухмыльнулся. — Я сам пригону фургон. Никому больше не рассказывай, тут слишком много трепачей. — Он накинул на плечи плащ и торопливо вышел.

Руки и ноги немного отогрелись. Произведя в комнате разведку, я позаимствовал сапоги у Масла — они оказались примерно моего размера, а ему были пока не нужны.

Опять выхожу в ночь. Уже почти утро. Скоро рассвет.

Я ждал от Ворона упреков, но меня постигло разочарование — он лишь посмотрел мне в глаза. Ворон стучал зубами от холода. Помню, я еще подумал, что он все-таки человек, как и мы.

— Пришлось переобуваться. Эльмо отправился за фургоном. Остальные надрались до бесчувствия.

— А Душелов?

— Еще не вернулся.

— Пора сажать это семечко. — Он шагнул в снежную круговерть.

Я торопливо последовал за ним.

На ловушке снег не оседал, и она по-прежнему посверкивала золотом. Талая вода скапливалась лужицами под столом, растекалась ручейками и превращалась в лед.

— Как думаешь, Душелов узнает, если ловушка разрядится? — спросил я.

— Почти наверняка. Да и Гоблин с Одноглазым тоже.

— Эта парочка сейчас не перевернется на другой бок, даже если весь дом сгорит.

— И тем не менее... Шшш! Там кто-то есть. Иди за мной.

Он повел меня куда-то в сторону, в обход площади.

«Ради чего я в это ввязался?» — размышлял я, разгребая ногами снег и держа оружие наготове. Неожиданно я ткнулся в спину Ворона.

— Ты что-то увидел?

Он напряженно вглядывался в темноту:

— Здесь кто-то был. — Ворон принялся, медленно поворачивая голову то вправо, то влево, потом быстро сделал десяток шагов и показал вниз.

Он не ошибся — след был совсем свежим. Тот, кто здесь находился, торопливо ушел. Я посмотрел на следы.

— Ворон, мне это не нравится. — Следы отчетливо показывали, что нежданный гость приволакивал правую ногу. — Хромой.

— Точно не скажешь.

— Кто же еще? Ну и где Эльмо?

Мы вернулись к ловушке. Потянулось томительное ожидание. Ворон расхаживал взад-вперед и что-то бормотал. Никогда не видел его так сильно встревоженным. И он словно воды в рот набрал. За все это время бросил лишь одну фразу:

— Хромой — не Душелов.

И в самом деле. Душелов почти человек. Хромой же из тех подонков, которые наслаждаются, пытая младенцев.

Скрип постромок и визг плохо смазанных колес возвестили о прибытии фургона. Эльмо выкатил его на площадь, подъехал к нам и прыгнул с козел.

— Где тебя носило? — Страх и усталость взвинтили мне нервы.

— Пришлось искать конюха и запрягать лошадей. А в чем дело? Что случилось?

— Здесь бродит Хромой.

— Вот зараза! И что он делает?

— Пока ничего...

— Пошевеливайтесь! — рывкнул Ворон. — Пока Хромой не вернулся.

Он подошел к камню с головой Загребущего в руке. Охранных чар словно и не было. Когда голова оказалась в углублении, золотистое сияние погасло. На голову и камень стали опускаться снежинки.

— Начали, — выдохнул Эльмо. — У нас мало времени.

Я схватил мешок и перенес его в фургон. Предусмотрительный Эльмо застелил пол парусиной, чтобы выпавшие монеты не провалялись в щели между досками.

Ворон велел мне собрать все, что лежало под столом.

— Эльмо, встряхни один мешок и дай его Костоправу.

Сами они грузили мешки, а я ползал на коленях, поднимая раскатившиеся монеты.

— Минута прошла, — объявил Ворон.

Половина мешков уже лежала в фургоне.

— Слишком много рассыпалось, — пожаловался я.

— Если придется, оставим.

— А куда повезем мешки? И где спрячем?

— В сеновале на конюшне, — решил Ворон. — На время. Потом сделаем у фургона фальшивое дно. Две минуты прошли.

— А как быть со следами колес? — спросил Эльмо. — Он может нас по ним найти.

— Да зачем ему это нужно? — засомневался я вслух.

Ворон проигнорировал мои слова и обратился к Эльмо:

— Ты не заметал следы, когда ехал сюда?

— Как-то не подумал.

— Проклятье!

Все мешки перекачевали в фургон. Ворон и Эльмо опустились на корточки, чтобы помочь мне со сбором монет.

— Три минуты, — произнес Ворон и тут же воскликнул: — Ти-хо! — Он прислушался. — Душелов не мог вернуться так скоро, верно? Значит, это опять Хромой. Сматываемся. Эльмо, ты поведешь фургон. Правь к главным улицам, затеряйся среди повозок. Я пойду следом за тобой. А ты, Костоправ, постарайся уничтожить ведущие сюда следы фургона.

— А где Хромой? — спросил Эльмо, тщетно вглядываясь в метель.

Ворон показал:

— Нужно оторваться, или он все отберет. Иди, Костоправ. Эльмо, поезжай.

— Но, пошли! — Эльмо щелкнул поводьями.

Фургон со скрипом покатил.

Я нырнул под стол, набил доверху карманы и побежал прочь от того места, где, по словам Ворона, затаился Хромой.

Не знаю, насколько хорошо мне удалось замести следы фургона. Утром на улицах началось движение, — думаю, от него проку было больше, чем от моих усилий. Конюху я сунул носок, набитый золотом и серебром, — больше, чем он смог бы заработать на конюш-

не за несколько лет, — и спросил, не согласится ли он исчезнуть. Желательно и из города тоже.

— Даже не потрачу лишней минуты, чтобы забрать свое барахло! — Он бросил в угол вилы и вышел.

Я торопливо вернулся в нашу комнату. Все, кроме Масла, еще дрыхли.

— А, Костоправ, — произнес он. — Как раз вовремя.

— Что, рана болит?

— Угу.

— Похмелье замучило?

— И это тоже.

— Сейчас что-нибудь придумаем. Ты давно проснулся?

— Да с час назад.

— Душелов был здесь?

— Нет. Кстати, куда он подевался?

— Не знаю.

— Эй, это же мои сапоги! Чего это тебе вздумалось надевать мои сапоги?

— Успокойся. Вот, выпей.

Он выпил, но не уgomонился:

— Слышь, ты почему надел мои сапоги?

Я снял сапоги и поставил их возле огня, который уже угасал. Масло дышал мне в спину, пока я подбрасывал уголь.

— Швы разойдутся, если ты не уймешься.

Наших можно успокоить только так. Когда даешь медицинский совет, они прислушиваются. Масло снова улегся, но ругать меня не перестал.

Я стянул с себя промокшую одежду и напялил ночную рубашку, что попала на глаза. Интересно, откуда она взялась? Рубашка оказалась коротковатой. Поставив на огонь чайник, я взял свою сумку и подошел к Маслу:

— Дай-ка я тебя осмотрю.

Я очищал кожу вокруг раны, а Масло тихо бранился. И вдруг раздалось: шарк-стук, шарк-стук. Шаги замерли возле нашей двери.

— В чем дело? — спросил Масло, ощутив мой страх.

— Это...

Дверь за моей спиной распахнулась. Я обернулся и увидел, что моя догадка оказалась верна.

Хромой подошел к столу, плюхнулся на стул, обозрел комнату. Его взгляд пронзил меня, и я задумался, помнит ли Взятый, что я сделал с ним в Весле.

— Как раз поставил чайник, — невинно произнес я.

Он посмотрел на мокрые сапоги и плащ, затем на каждого находившегося в комнате. Потом снова на меня.

Крупным Хромого не назовешь. Если встретить на улице, не зная, кто он такой, он не произведет особого впечатления. Подобно Душелову, Хромой был в однотонной одежде — тускло-коричневой, поношенной, грязной. Лицо скрывала потертая кожаная маска, с которой капала вода. Из-под капюшона и маски торчали спутанные пряди волос — черных, припудренных сединой.

Он не произнес ни слова, лишь сидел и пялился на нас. Не зная, что в такой ситуации делать, я закончил обрабатывать рану Масла, затем заварил чай. Разлил в три оловянные кружки, одну дал Маслу, одну поставил перед Хромым, третью взял себе.

И что дальше? Теперь уже не притворишься, будто чем-то занят. И присесть негде, только возле стола... Вот дерьмо!

Хромой стянул маску. Поднес чашку к губам...

И я не смог отвести глаз.

Это было лицо мертвеца или же скверно забальзамированной мумии. Глаза живые и злобные, но прямо под ними — пятно гниющей плоти. В правом углу рта не хватало квадратного дюйма губ, проглядывали обнаженные десны и пожелтевшие зубы.

Хромой хлебнул чаю, посмотрел мне в глаза и улыбнулся. Я едва не обмочился.

Я встал и подошел к окну. На улице немного посветлело и снег падал уже не густо, но мне так и не удалось разглядеть камень.

На лестнице затопали сапоги. Вошли Эльмо и Ворон.

— Эй, Костоправ, как тебе удалось отделаться от...

Эльмо смолк, едва заметил Хромого.

Ворон вопросительно посмотрел на меня. Хромой обернулся. Пока он не мог меня видеть, я успел пожать плечами. Ворон отошел от двери и начал снимать мокрую одежду.

Эльмо сообразил мигом. Он приблизился к огню и разделся:

— О, как здорово избавиться от этой мокрятины! Как дела, Масло?

— Есть свежий чай, — сообщил я.

— Все тело болит, — ответил Масло.

Хромой посматривал на каждого из нас, а заодно на Одноглазого и Гоблина, который уже зашевелился.

— Вот, значит, как. Душелов привел с собой лучших из Черного Отряда. — Голос упал до шепота, но даже шепот Хромого наполнил все помещение. — Где он?

Ворон пропустил его слова мимо ушей. Он переоделся в сухие брюки, присел возле Масла и проверил мою работу:

— Здорово ты его заштопал, Костоправ.

— У меня хватает практики.

Эльмо пожал плечами в ответ на вопрос Хромого. Он допил чай, налил всем еще по чашке и вновь наполнил чайник водой из кувшина. Пока Хромой сверлил взглядом Ворона, Эльмо ткнул Одноглазого сапогом в ребра.

— Эй! — рявкнул Хромой. — Я не забыл, что вы устроили в Опале. И что было в Форсберге.

Ворон уселся, прислонившись спиной к стене, вытащил самого зловещего вида нож и принялся чистить ногти. Он улыбался. Улыбался, глядя на Хромого, и в глазах читалась откровенная насмешка.

Неужели он совсем не знает страха?

— Что вы сделали с деньгами? Они принадлежали не Душелову. Госпожа дала их мне.

Глядя на Ворона, и я набрался смелости:

— Разве вы не должны сейчас быть в Вязе? Госпожа приказала вам покинуть Клин.

Гнев искажил и без того уродливое лицо. На лбу и левой щеке проступил шрам. Наверное, он тянулся вниз до левого соска Хромого. Этот удар ему нанесла сама Белая Роза.

Хромой резко обернулся. И этот проклятый Ворон сказал:

— Достал карты, Эльмо? Стол освободился.

Хромой оскалился. Все крепче пахло грозой.

— Мне нужны эти деньги. Они мои. У вас есть выбор: или соглашаетесь, или нет. И не позавидую вам, если откажетесь.

— Если они тебе нужны, пойд и возьми, — сказал Ворон. — Поймай Загребущего. Отруби ему голову. Положи ее на камень. Для Хромого это не составит труда. Загребущий всего лишь бандит. Разве у него есть шанс против Хромого?

Я подумал, что Взятый сейчас взорвется. Но он выдержал. Слова Ворона на мгновение ошеломили его. Лишь на мгновение.

— Ладно. Значит, вы решили усложнить себе жизнь. — Его улыбка была широкой и жестокой.

Я понимал: гроза вот-вот разразится.

В проеме распахнутой двери возникла тень. Худошащая темная фигура скользнула в комнату, посмотрела на спину Хромого. Я облегченно вздохнул.

Хромой повернулся. Между Взатыми едва не сверкнула молния.

Краем глаза я заметил, что Гоблин сидит, а его пальцы отплясывают в сложном ритме. Одноглазый, уставившись в стену, что-то шепчет в подушку. Ворон изготовил нож для броска. Эльмо вцепился в чайник, чтобы выплеснуть кипяток.

Вокруг меня на расстоянии вытянутой руки не было ничего пригодного в качестве метательного снаряда. Как же внести свой вклад? Записать историю в хроники, если выживу?

Душелов сделал едва заметный жест, обошел Хромого и уселся на свой любимый стул. Вытянул руку, подтащил другой стул и положил на него ноги. Потом взглянул на Хромого:

— На тот случай, если я тебя встречу, она просила передать, что желает тебя видеть. Ей не терпится расспросить о восстании в Вязе. — Обе фразы были произнесены одним голосом, женским и твердым.

Хромой вздрогнул. Одна из его лежащих на столе рук нервно дернулась.

— Восстание? В Вязе?

— Мятежники атаковали дворец и казармы.

Тугая кожа на лице Хромого обрела смертельную бледность. Подергивание руки стало более заметным.

— А еще ей хочется знать, почему ты там не был и не отогнал мятежников.

Хромой выдержал лишь три секунды. За это время его лицо стало еще уродливей, до гротескного. Мне редко доводилось видеть столь откровенный страх. Затем Взятый сорвался со стула и выбежал.

Ворон метнул нож. Тот вонзился в дверную раму, но Хромой этого не заметил.

Душелов рассмеялся. Смех был совсем не такой, как прежде, а звучный, четкий и торжествующий. Душелов встал и подошел к окну.

— Ага. Кто-то получил приз. Когда это произошло?

Эльмо решил закрыть дверь. Ворон попросил его вытащить нож. Я робко приблизился к Душелову, выглянул в окно. Снегопад прекратился, камень был ясно виден. Холодный, утративший свечение и покрытый дюймовым слоем снега.

— Не знаю. — Мне оставалось лишь надеяться, что голос прозвучит искренне. — Снег падал всю ночь, очень густо. Когда я последний раз смотрел в окно — еще до того, как пришел он, — ничего не удалось разглядеть. Может, сходить и посмотреть?

— Не стоит. — Он развернул стул так, чтобы наблюдать за площадью.

Позднее, после того как Душелов принял из рук Эльмо чашку чая и выпил ее — отвернувшись, чтобы скрыть лицо, — он негромко добавил:

— Загребуший уничтожен. Его шваль в панике. И что самое приятное, Хромого опять вывели из себя. Неплохо сработано.

— Это была правда? — спросил я. — Насчет Вяза?

— Каждое слово, — весело подтвердил Душелов. — Остается только гадать, откуда мятежники узнали, что Хромого нет в городе. И как Меняющему удалось моментально унюхать неприятности — он появился в Вязе очень вовремя, чтобы погасить едва вспыхнувший мятеж. — Еще одна пауза. — Не сомневаюсь, что Хромой над этим задумается, когда придет в себя. — И он вновь рассмеялся, на этот раз тихо и мрачно.

Мы с Эльмо занялись завтраком. Обычно стряпней заведовал Масло, так что у нас появился повод нарушить устоявшийся обычай. Через некоторое время Душелов произнес:

— Молитвы вашего Капитана были услышаны.

— Так мы можем отправляться? — уточнил Эльмо.

— А какой смысл вам теперь здесь торчать?

У Одноглазого причины имелись, но мы их проигнорировали.

— После завтрака начнем собираться, — сказал Эльмо.

— Вы что, решили ехать в такую погоду? — изумился Одноглазый.

— Мы нужны Капитану.

Я принес Душелову яичницу. Сам не знаю, почему это сделал. Он редко ест и почти никогда не завтракает. Но он взял тарелку и отвернулся.

Я выглянул в окно. Толпа уже обнаружила перемену. Кто-то смел снег с лица Загребущего. Глаза были открыты, и казалось — он наблюдает. Жуть.

Под столом копошились люди, дрались за оставленные нами монеты. Получившаяся куча-мала смахивала на клубок червей в гниющем трупе.

— Надо бы оказать ему последнюю почесть и похоронить голову, — пробормотал я. — Он был дьявольски сильным противником.

— Для этого у тебя есть Анналы, — ответил Душелов. — Только победитель утруждает себя оказанием почестей поверженному врагу.

К тому времени я уже сидел перед своей тарелкой. Я задумался над смыслом его слов, но в тот момент горячая еда была для меня важнее.

Все, кроме меня и Масла, отправились в конюшню. За мной и раненым солдатом решили прислать фургон. Я дал Маслу кое-какие лекарства, чтобы он легче перенес тряску в пути.

Ребята задерживались. Эльмо решил натянуть матерчатый верх фургона и защитить Масло от снега. Ожидая их возвращения, я раскладывал пасьянс.

— Она очень красива, Костоправ, — неожиданно произнес Душелов. — Юная на вид. Свежая. Ослепительная. Но сердце у нее — камень. Хромой по сравнению с ней попросту щенок. Молись, чтобы никогда не попасться ей на глаза.

Душелов смотрел в окно. Подмывало расспросить его, но я никак не мог придумать хотя бы один вопрос. Проклятье! В тот раз я и в самом деле упустил свой шанс.

Какого цвета ее волосы? Глаза? Как она улыбается? Я ведь о ней ничего не знаю — и это не дает мне покоя.

Душелов встал и запахнул плащ.

— Даже если считать только подложенную Хромому свинью, игра стоила свеч, — сказал он. Возле двери остановился и пронзил меня взглядом. — Ты, Эльмо и Ворон. Выпейте за меня. Слышали?

Потом он ушел.

Через минуту приехал Эльмо. Мы перенесли Масло в фургон и направились к Мейстрикту. Но еще очень долго мои нервы не стоили ни гроша.

Шепот

Тот бой дал нам максимум результатов ценой минимума усилий. Я даже не припомню столь легкой победы и чтобы сражение разыгрывалось полностью по нашим нотам. Для мятежников оно стало серьезной неудачей.

Мы срочно покидали провинцию Клин, где оборона Госпожи рухнула без преувеличения в одночасье. Вместе с нами спасались бегством от пятисот до шестисот солдат регулярной армии — остатки разбитых подразделений. Чтобы выиграть время, Капитан выбрал прямую дорогу на Лорды через Облачный лес, а не более длинную, огибающую лес с юга.

Нас преследовал, отставая на день или два, батальон регулярной армии мятежников. Мы могли бы развернуться и прихлопнуть его, но Капитан решил смыться. Мне понравился ход его мыслей. Сражения под Розами оказались жестокими, погибли тысячи, а к Отряду присоединилось так много беспомощных новичков, что я терял раненых, не успевая оказывать им помощь.

Нам было приказано прибыть в Лорды и поступить в распоряжение Крадущегося в Ночи. Душелов полагал, что Лорды станут целью для следующего удара мятежников. Мы уже очень устали, но ожидали еще нескольких жестоких сражений до прихода морозов, которые замедлят поступь войны.

— Костоправ! Глянь-ка сюда! — К тому месту, где сидели я, Капитан, Молчун и еще несколько наших, мчался Блондин, переброшив через плечо обнаженную женщину.

Ее даже можно было бы назвать привлекательной, не будь она изнасилована до полусмерти.

— Неплохо, Блондин, неплохо, — отозвался я и вновь склонился над рукописью.

Там, откуда прибежал Блондин, все еще слышались вопли и улюлюканье — солдаты пожинали плоды победы.

— Просто варвары, — беззлобно заметил Капитан.

— Иногда нужно спускать их с привязи, — напомнил я. — И лучше здесь, чем в Лордах.

Капитан неохотно согласился. Он с трудом переносил грабежи и насилие, хотя они и неотъемлемы от нашей профессии. Он мне казался тайным романтиком, по крайней мере, когда дело касается женщин. Я попробовал его приободрить:

— Они сами напросились, взяв в руки оружие.

— Сколько все это уже тянется, Костоправ? — мрачно спросил он. — Целую вечность, верно? Ты хоть способен вспомнить то время, когда не был солдатом? Какой смысл в войне? Почему мы вообще здесь? Продолжаем выигрывать бои, но Госпожа проигрывает войну. Почему бы не плюнуть на всю эту бодягу и не отправиться по домам?

Отчасти он был прав. Начиная с Форсберга одно отступление за другим, пусть мы и делали свое дело хорошо. Клин был в полной безопасности, пока на сцену не вышли Меняющий и Хромой.

Во время последнего отступления мы и наткнулись на эту базу мятежников. Похоже, она служила главным учебным и штабным центром в кампании против Крадущегося. К счастью, мы заметили мятежников раньше, чем они нас. Мы окружили лагерь и перед рассветом атаковали. У них было огромное численное превосходство, но сопротивления мы почти не встретили — большинство врагов были зелеными новобранцами. Больше всего нас поразило наличие в лагере полка амазонок.

Конечно, мы слышали о них и раньше. Несколько женских отрядов имелось и на востоке, в окрестностях Ржи, где велись более жестокие бои, чем здесь. После одного из них в Отряде стали относиться к женщинам-воинам с пренебрежением, хотя они сражались лучше своих соотечественников-мужчин.

В нашу сторону поползли облака дыма — солдаты жгли казармы и здание штаба. Капитан пробормотал:

— Костоправ, пойдешь проследи, чтобы эти дурни не подпалили лес.

Я встал, подхватил свою сумку и пошел на шум.

Повсюду валялись тела. Мятежники, должно быть, чувствовали себя в полной безопасности, потому что даже не окружили лагерь частоколом или рвом. Тупицы. Первым делом надо обеспечить обо-

рону, даже если знаешь, что на сто миль вокруг нет ни единого врага. Крышу над головой сооружают потом. Лучше промокнуть, чем лечь в землю.

Пора мне привыкнуть к подобному зрелищу. Я уже давно с Отрядом, и последствия сражений тревожат меня меньше, чем следовало бы: я прикрыл уязвимые места моей морали пластинами брони. Но по сей день мой взгляд избегает самых худших картин.

Ты — тот, кто сменил меня и теперь пишет эти *Анналы*, — уже понял, что у старины Костоправа не хватало смелости записывать всю правду о нашей шайке мерзавцев. Ты знаешь, что они злобны, жестоки и невежественны. Это откровенные варвары, воплощающие в жизнь свои самые свирепые фантазии, и их поведение лишь незначительно смягчается присутствием нескольких достойных людей. Я редко отображаю сию особенность Отряда, потому что эти люди — мои братья, моя семья, а в детстве меня приучили не говорить скверно о родне. Старые уроки забываются трудно.

Ворон смеется, читая мои записи. Он называет их «сиропчиком со специями», грозитя взять *Анналы* в свои руки, чтобы описывать происходящее, каким оно виделось ему.

Суров Ворон. Насмехается надо мной. Но кто это носится по разгромленному лагерю и вмешивается всякий раз, когда у солдат возникает желание развлечься пытками?

Кто возит за собой десятилетнюю девочку на старом смирном муле? Не Костоправ, братья. Не Костоправ. Костоправ не романтик. Душевные порывы закреплены за Капитаном и Вороном.

Естественно, Ворон стал лучшим другом Капитана. Они часенько рядом, словно два валуна, и ведут такие же беседы, какие вели бы два валуна. Их интересует лишь компания друг друга.

Эльмо возглавляет поджигателей — наших братьев не слишком юного возраста, успевших удовлетворить голод по женской плоти. Те, кто еще сильничает повсюду плененных дам, — по большей части наше молодое пополнение.

Под Розами мы славно намяли мятежникам холку, но враг оказался слишком силен. Тогда против нас выступила половина Круга Восемнадцати, а на нашей стороне были лишь Хромой и Меняющийся. Эта парочка потратила куда больше времени на взаимный саботаж, чем на противостояние Кругу. В результате разгром — самое унижающее поражение Госпожи за последние десять лет.

Как правило, Круг сохраняет сплоченность. И мятежники не тратят на междоусобную грызню больше энергии, чем на борьбу с общим врагом.

— Эй, Костоправ! — позвал Одноглазый. — Повеселись с нами!

Он швырнул горящий факел в распахнутую дверь казармы. Здание мгновенно взорвалось, тяжелые дубовые ставни снесло с окон. Язык пламени окутал Одноглазого, он отскочил. Курчавые волосы под полями его дурацкой широкой шляпы затлели. Я повалил Одноглазого на землю и, беспощадно шлепая по голове одолженной у него же шляпой, спас ему шевелюру.

— Ладно-ладно, — проворчал он. — Вовсе ни к чему так усердствовать.

Невольно улыбнувшись, я помог ему подняться:

— Ты цел?

— Слегка обжегся, — признался он, напуская на себя фальшивую величавость, что присуща котам, совершившим какую-нибудь выдающуюся глупость.

Нечто вроде: «Именно это я и собирался сделать давным-давно».

Пожар ревел, взметая с крыши горящую солому.

— Капитан послал меня проследить, чтобы вы, дурни, не устроили лесной пожар, — сообщил я.

Тут из-за угла горящего дома вышел Гоблин, и его широкий рот растянулся в ехидной ухмылке.

Одноглазый завопил:

— Ага, червивые твои мозги! Так это ты подстроил мне пакость!

И с душераздирающим воплем он пустился в пляс. Пламя заревело еще басовитей, у танца огненных языков появился ритм. Вскоре я разглядел фигуру, скачущую в пламени за окном.

Гоблин тоже ее увидел. Его ухмылка исчезла, он сглотнул, смертельно побледнел и сам принялся плясать. Теперь оба колдуна завывали и вопили, полностью игнорируя друг друга.

Конская поилка извергла свое содержимое, она описала в воздухе дугу и обрушилась на пламя. Следом взвилась вода из бочки. Рев пожара поутих.

Одноглазый подскочил к Гоблину — и давай тыкать в него пальцем, мешая сосредоточиться. Тот отмахивался, уклонялся и взвизгивал, не прерывая танца. В пламя выплеснулась новая порция воды.

— Какая парочка!

Я обернулся. Подошедший Эльмо любовался представлением.

— Твоя правда, — согласился я.

Вопящие и дерущиеся, Гоблин и Одноглазый словно пародировали своих собратьев по ремеслу более высокого пошиба. Их враж-

да не годилась в подметки непримиримой ненависти, которую испытывали друг к другу Меняющий и Хромой. Если копнуть поглубже, легко увидеть, что Одноглазый и Гоблин друзья. Среди Взятых же друзей нет.

— Хочу тебе кое-что показать, — произнес Эльмо.

Я знал, что пояснений ждать бесполезно, поэтому кивнул и пошел за ним.

Гоблин и Одноглазый продолжали дуэль. Вроде Гоблин брал верх. Пожар меня больше не беспокоил.

— Ты понимаешь северянские закорючки? — спросил Эльмо.

Он привел меня в штаб мятежников. Там его подчиненные навалили кучу бумаг — явно для растопки очередного пожара.

— Как-нибудь разберусь.

— Может, найдется что-нибудь полезное в этом хламе.

Я наугад вытянул из кучи лист. Это оказалась копия приказа одному из батальонов армии мятежников: тайно проникнуть в Лорды, укрыться в домах сочувствующих горожан и, дождавшись сигнала, напасть на защитников города изнутри. Приказ был подписан именем Шепот, и к нему прилагался список адресов.

— Еще как найдется! — У меня аж дух захватило — одна эта бумага раскрывала полдюжины тайн мятежников и намекала еще на несколько. — Еще как! — повторил я, хватая следующий лист.

Как и первый, то был приказ очередному отряду. Как и первый, он проливал свет на стратегию мятежников.

— Позови Капитана, — велел я Эльмо. — Прихвати Гоблина, Одноглазого, Лейтенанта и всех, кому здесь следует находиться...

Должно быть, вид у меня был зловещий, потому что на лице Эльмо появилось необычно нервное выражение.

— Да что это за чертовщина, Костоправ?

— Вся кухня кампании против Лордов. Полный распорядок сражения. — Но кое-что я приберег напоследок — это покажу только Капитану. — Поторопись, — возможно, дорога каждая минута. И не позволяй никому жечь такие бумаги. Ради всего святого, останови погром. Мы наткнулись на золотую жилу, не дай ей улететь в небо дымом.

Эльмо выбежал, хлопнув дверью. Его крики быстро стихли в отдалении. Хороший сержант. Он не стал тратить время на вопросы. Покряхтывая, я уселся на пол перед грудой бумаг.

Скрипнула дверь, но я даже не поднял головы. Я азартно хватал документы, быстро проглядывал и сортировал, раскладывая на стопки. Краем глаза заметил заляпанные грязью сапоги.

— Ворон, ты можешь это читать?

— Читать? Да.

— Так помоги разобраться.

Ворон уселся напротив меня. Нас разделяла гора бумаг, до того высокая, что мы едва видели друг друга. Возле Ворона расположилась Душечка — так, чтобы ему не мешать, но в то же время находиться под его защитой. В ее глазах еще отражался ужас, пережитый в далекой деревне.

Ворон в некотором роде эталонный образец воина Отряда. Разница между ним и остальными заключается в том, что он во всем чуточку нас превосходит. Возможно, будучи новичком и единственным братом с севера, он символизирует нашу службу Госпоже. Его моральные муки стали нашими моральными муками. Его молчаливый отказ рыдать и бить себя в грудь при неудачах соответствует нашим обычаям. Мы предпочитаем говорить металлическим голосом своего оружия.

Впрочем, достаточно. К чему эти попытки найти смысл в происходящем? Эльмо наткнулся на месторождение золота, а мы с Воронем просеиваем породу, ищем самородки.

К нам ввалились Гоблин и Одноглазый. Никто из них документы читать не мог, и они принялись развлекаться, породив бесформенные тени и заставив их гоняться друг за другом по стенам. Ворон пронзил колдунов злобным взглядом. Когда ты занят делом, бесконечная пикировка и потешная борьба этой парочки здорово раздражают.

Колдуны посмотрели на Ворона, прекратили дурачиться и тихо уселись в углу, словно нашалившие ребятишки. Есть у Ворона такое умение, такая личностная энергия, что заставляет людей более опасных, чем он сам, вздрагивать, как под порывами ледяного ветра.

Капитан пришел вместе с Эльмо и Молчуном. Через распахнутую дверь я разглядел, что вокруг бывшего штаба ошиваются несколько солдат. И как они ухитряются пронюхать, что назревают важные события?

— Так что ты здесь раскопал, Костоправ? — спросил капитан.

Предположив, что по дороге он вытянул из Эльмо все, что тот знал, я обошелся без предисловий.

— Это приказы. — Я похлопал по стопке. — А это донесения. — Я похлопал по другой. — Все их подписала Шепот. Мы сейчас держим морковку в ее личном огороде. — От волнения я даже заговорил фальцетом.

Некоторое время все молчали, лишь Гоблин пискнул пару раз, когда в штаб ввалились Леденец и остальные сержанты. Наконец Капитан уточнил у Ворона:

— Это так?

Ворон кивнул:

— Судя по документам, она периодически наведывалась сюда еще с ранней весны.

Капитан заложил руки за спину и принялся расхаживать — ни дать ни взять старый монах, бредущий на вечернюю молитву.

Шепот — лучший генерал мятежников. Ее упрямый гений сумел удержать восточный фронт, несмотря на все усилия Десяти. Она имеет репутацию самого опасного члена Круга Восемнадцати. Славится тщательностью, с какой планирует все кампании. В войне, которая зачастую напоминает хаотическое брожение вооруженных масс, ее войска выделяются четкой организацией, дисциплиной и ясностью целей.

— Вроде это она командовала армией мятежников под Ржой? — пробормотал Капитан.

Битва за Ржу случилась три года назад. Говорят, сотни квадратных миль вокруг города были полностью разорены и к концу зимы противникам, чтобы выжить, пришлось есть собственных мертвецов.

Я кивнул. Вопрос был риторическим, Капитан всего лишь размышлял вслух.

— И Ржа на несколько лет стала полем боя. Шепот упорно держала фронт, а Госпожа не отказывалась от своих намерений. Но если Шепот прибыла сюда, значит Круг решил сдать Ржу.

— И это означает, что они переключились с восточной стратегии на северную, — добавил я.

Север — слабый фланг Госпожи. Восток уже повержен, а южными морями правят ее союзники. С тех пор как границы империи достигли великих лесов за Форсбергом, она обращала мало внимания на север, и именно там мятежникам удалось добиться наиболее впечатляющих успехов.

— Они уже набрали высокий темп, — заметил Лейтенант, — взяв Форсберг, выбив нас из Клина, захватив Розы и осадив Рожь. Регулярные части мятежников направляются к Висту и Тетке. Их останавливают, но Кругу это наверняка известно. Поэтому он теперь пляшет на другой ноге и движется к Лордам. Если город падет, Круг почти достигнет границ Ветреного края. Осталось пересечь Ветренный край,

подняться по Лестнице Слез, и с вершины перевала противник всего в ста милях увидит Чары.

— Эльмо, — попросил я, не отрываясь от просмотра бумаг, — поширил бы ты вокруг. Она могла кое-что спрятать.

— Пусть этим займутся Одноглазый, Гоблин и Молчун, — предложил Ворон. — У них больше шансов обнаружить тайник.

Капитан одобрил его идею и повернулся к Лейтенанту:

— Всю суету в лагере прекратить. Карп, вы с Леденцом готовьте людей к маршу. Огниво, удвоить посты на периметре.

— Почему? — спросил Леденец.

— Ты ведь не хочешь торчать здесь, когда вернется Шепот? Гоблин, свяжись с Душеловом. Эти новости пойдут наверх. Немедленно.

Гоблин скорчил жуткую рожу, потом уселся в углу и забормотал под нос. Это было тихое, скромное колдовство — поначалу.

— Костоправ! — гаркнул Капитан. — Вы с Вороном, когда закончите, упакуйте документы. Прихватим их с собой.

— Я бы приберег самые ценные для Душелова, — сказал я. — Если мы хотим извлечь из них какую-то пользу, надо действовать, не дожидаясь, когда Шепот узнает о захвате своих бумаг.

— Верно, — согласился Капитан. — Я пришлю фургон. И не теряйте зря времени. — Он вышел.

Мне показалось или в самом деле у него прибавилось седины?

В доносящихся с улицы воплях слышался ужас. Я вытянул онемевшие ноги, встал и подошел к двери. Солдаты сгоняли мятежников на плац. Пленники заметили наше внезапное желание смыться и решили, что им суждено умереть за миг до прихода своих.

Покачивая головой, я вернулся к бумагам. Ворон устремил на меня взгляд, возможно означавший, что он разделяет мою боль. С другой стороны, не исключено, что он осуждал мою слабость. Трудно сказать наверняка, когда имеешь дело с Вороном.

В дверь протиснулся Одноглазый, протопал к нам и бросил на пол охапку вещей, обернутых промасленной тканью. К ней еще липли влажные комочки земли.

— Ты оказался прав. Мы откопали это за ее домиком.

Гоблин издал долгий пронзительный вопль, леденящий душу не слабее свиного крика в полуночном лесу. Одноглазый тут же бросился к нему. В такие моменты я сомневаюсь в искренности их вражды.

— Он в Башне, — простонал Гоблин. — Он с Госпожой. Я вижу ее его глазами... его глазами... его глазами... Мрак! О боже, мрак! Нет!

О боже, нет! — То был крик откровенного ужаса, тут же стихший до шепота: — Око. Я вижу Око. Оно смотрит прямо сквозь меня.

Мы с Вороном обменялись хмурыми взглядами и пожали плечами. Никто из нас не понял, о чем бормочет Гоблин. Теперь он говорил так, словно впал в детство:

— Пусть она прекратит на меня смотреть!.. Не надо!.. Я буду себя хорошо вести. Пусть отведет взгляд...

— Успокойся, — бормотал Одноглазый, стоя на коленях возле Гоблина. — Это не настоящее. Все будет хорошо.

Мы с Вороном снова переглянулись. Ворон повернулся к Душечке и зажестиковался.

— Посылаю ее за Капитаном, — пояснил он.

Душечка неохотно вышла. Ворон взял из кучи очередной лист и стал читать. Этот человек холоден как камень.

Гоблин еще немного поистерил, потом затих, словно умер. Я резко обернулся к нему. Одноглазый поднял руку, показывая, что моя помощь не требуется. Гоблин завершил прием послания.

Колдун расслабился, с лица сошло выражение ужаса, щеки порозовели. Я опустился на колени, пощупал артерию на его шее. Сердце колотилось, но пульс постепенно замедлялся.

— Удивляюсь, как он не умер, — буркнул я. — Ему когда-нибудь уже было так плохо?

— Нет. — Одноглазый выпустил запястье Гоблина. — Впредь не плохо бы найти ему замену.

— А что, разве это прогрессирует? — Мое ремесло чем-то сродни промыслу колдунов.

— Нет. Нужно будет поддерживать его некоторое время, чтобы не сломался. Похоже, он нарвался на Душелова, когда тот находился в Башне. Такое приключение кого послабее свело бы с ума.

— Надо же, бывал у Госпожи! — прошептал я, не в силах скрыть волнение.

Гоблин видел помещения Башни! Он мог даже лицезреть Госпожу! Только Десять Взятых бывают там. Людская молва описывает интерьер Башни в бесчисленных зловещих подробностях. Но все это лишь плоды фантазии, а у меня есть живой свидетель!

— Оставь его в покое, Костоправ, — решительно потребовал Одноглазый. — Он все расскажет, когда придет в себя.

Они посмеиваются над моими грезами и говорят в лицо, что я влюбился в призрака. Возможно, они правы. Иногда мой интерес к Госпоже пугает даже меня, потому что он очень похож на навязчивую идею.

Ненадолго я даже позабыл о своих обязанностях, и Гоблин перестал для меня быть человеком, братом и старым другом, превратившись в источник информации. Устыдившись, я вернулся к документам.

Душечка, сама целеустремленность, привела за руку удивленного Капитана.

— Ага, он установил связь, — догадался Капитан, всматриваясь в Гоблина. — Уже что-нибудь сказал? Нет? Разбуди его, Одноглазый.

Одноглазый было запротестовал, но передумал и легонько потряс Гоблина. Тот не пробуждался — его сон был близок к трансу.

— Досталось ему? — спросил Капитан.

Я все рассказал. Он хмыкнул:

— Сюда уже едет фургон. Пусть один из вас займется упаковкой документов.

Я принялся выпрямлять стопки бумаг.

— Когда я говорил про одного из вас, Костоправ, то имел в виду Ворона. А ты следи за Гоблином и будь готов помочь. Что-то паршиво он выглядит.

Колдун вновь побледнел, его дыхание стало мелким и частым, с хрипами.

— Шлепни его, Одноглазый, — посоветовал я. — Ему, наверное, кажется, что он все еще там.

Оплеуха возымела действие — Гоблин распахнул полные ужаса глаза. Узнав Одноглазого, он вздрогнул, глубоко вдохнул и пропищал:

— И меня заставили вернуться к нему? После всего, что я пережил?

Впрочем, возмущался он фальшиво — в голосе было столько облегчения, хоть режь ножом на кусочки.

— Раз способен ругаться, с ним все в порядке, — решил я.

Капитан присел рядом с колдуном на корточки, но расспрашивать не стал. Гоблин сам заговорит, когда оклемается.

Несколько минут тот приходил в себя, потом сообщил:

— Душелов велел сматываться отсюда, и быстро. Он встретит нас на дороге к Лордам.

— И это все?

Гоблину нечего было добавить, но Капитан все еще надеялся на большее. Если учесть, что пришлось пережить колдуну, то игра явно не стоила свеч.

Я не сводил с Гоблина глаз — искушение было чертовски сильным.

— Потом, Костоправ, — сказал он, встретив мой взгляд. — Мне нужно немного времени, чтобы в голове все улеглось.

Я кивнул:

— Травяной чай пойдет тебе на пользу.

— О нет! В рот больше не возьму крысиную мочу, что варит Одноглазый.

— Это другой чай, по моему рецепту.

Я отмерил порцию смеси сушеных трав на пинту крепкого настоя, отдал заварить Одноглазому, закрыл свою сумку и занялся документами — на улице уже скрипели колеса.

Перетаскивая в фургон первую охапку бумаг, я увидел, что солдаты на плацу закалывают пленных. Капитан решил не рисковать. Он хотел, чтобы нас отделяло от лагеря, когда в нем появится Шепот, максимально возможное расстояние.

Не могу сказать, что я его в чем-то виню. У него и так отвратительная репутация.

До вещей, обернутых промасленной тканью, я добрался, лишь когда мы тронулись в путь. Я уселся рядом с возницей и принялся читать, тщетно пытаясь не замечать свирепой тряски лишенного рессор фургона.

Все, что оказалось в пакетах, я прочел дважды, и мое смятение лишь усугубилось.

Воистину дилемма. Стоит ли рассказать Капитану о моем открытии? А Одноглазому или Ворону? Каждого из них оно наверняка заинтересует. Или приберечь все для Душелова? Нет сомнений, тот предпочел бы именно такой вариант. Но возникает вопрос: укладываются или не укладываются эти сведения в рамки моих обязательств перед Отрядом? Мне требовался советчик.

Я спрыгнул с козел и постоял, пропуская колонну, пока не увидел Молчуна. Он охранял нас, находясь посередине, Одноглазый двигался спереди, а Гоблин — сзади. Каждый из них стоил взвода дозорных.

Молчун зыркнул на меня сверху, с крупного черного коня, на котором он ездил, когда пребывал в паршивом настроении, и нахмурился. Эпитет «злой» подходит для него лучше, чем для остальных наших колдунов, хотя, как и у многих из нас, злой нрав — больше образ, чем реальность.

— Есть проблема, — пояснил я, — и серьезная. А ты самый подходящий советчик. — Я огляделся. — Но это не для чужих ушей.

Молчун кивнул и сделал несколько сложных и плавных пассивов — так быстро, что не уследить. Внезапно я перестал слышать все, что издавало звуки далее пяти футов от меня. Просто поразительно, как много звуков человек не замечает, пока они не исчезнут.

Я рассказал о своем открытии.

Молчуна трудно потрясти — он все на свете видел и слышал. Но в этот раз я сумел удивить его по-настоящему. На мгновение даже показалось, что он сейчас заговорит.

— Сообщить обо всем Душелову?

Энергичный кивок. Прекрасно. Я и не сомневался: новость Отряда не по зубам. Она сама нас слопает, если прибережем ее для себя.

— А как насчет Капитана? Одноглазого? Или кого другого?

На сей раз он отреагировал не столь быстро и решительно, но все же отрицательно мотнул головой. Задав пару вопросов и призвав на помощь интуицию, основанную на жизненном опыте, я понял: Молчун чувствует, что Душелов захочет довести информацию лишь до тех, кому ее следует знать.

— Вот и хорошо, спасибо. — И я легкой рысцой побежал к голове колонны.

По дороге спросил одного из наших:

— Ворона не видел?

— Впереди, с Капитаном.

Как и следовало ожидать. Я побежал дальше.

После краткого размышления я решил подстраховаться, а лучшей страховки, чем Ворон, и представить было нельзя.

— Ты читаешь на каком-нибудь из древних языков? — спросил я его.

С ним было трудно разговаривать: он и Капитан ехали на лошадях, а рядом на муле покачивалась Душечка. Когда я приблизился, мул решил наступить мне на ногу.

— Немного. У меня ведь классическое образование. А почему ты спрашиваешь?

Я счел за лучшее двигаться на несколько шагов впереди.

— Если не образумишься, у нас на обед будет рагу из мула! — заявил я зловредной скотине, на что она издевательски осклабилась, хотите верьте, хотите нет. Я повернулся к Ворону. — Среди документов есть старинные — те, что откопал Одноглазый.

— Коли так, в них нет ничего важного.

Я пожал плечами и, шагая рядом с его лошастью, заговорил, тщательно подбирая слова:

— Разве заранее узнаешь? У Госпожи и Десятерых очень древняя история.

Я с воплем отскочил, развернулся и побежал обратно, прижимая ладонь к плечу, укушенному проклятым мулом. У мерзавца был совершенно невинный вид, зато Душечка хитро улыбалась.

Ее улыбка, пожалуй, стоила моей боли — такая редкость.

Я прошел вдоль колонны назад, и когда поравнялся с Эльмо, тот спросил:

— Что-то случилось, Костоправ?

— А? Да нет.

— У тебя вид испуганный.

А я действительно испугался. Я чуть приподнял крышку ларца — просто из любопытства — и обнаружил, что он наполнен злом. Прочитанное из головы уже не выкинуть.

Когда я позднее увидел Ворона, лицо у него было таким же серым, как у меня. А может, и хуже. Я пошел с ним рядом, и он вкратце пересказал узнанное из документов, которые мне не удалось прочитать.

— Некоторые из них принадлежали магу Боманцу, — сообщил он. — Другие датированы эпохой Владычества. Есть и написанные на теллекурре. Сейчас этим языком пользуются только Взятые.

— Боманц? — переспросил я.

— Тот самый, что разбудил Госпожу. Шепот каким-то образом раздобыла его секретные бумаги.

— Ого!

— Вот именно — ого.

Мы разошлись, и каждый остался наедине со своими страхами.

Душелов появился незаметно. Кроме неизменной кожи, на нем была одежда, чем-то напоминающая нашу. Никто не понял, как он оказался в колонне и сколько времени шагал вместе с нами, — сам я узнал о его присутствии, когда мы вышли из леса. После трех дней напряженного марша, по восемнадцать часов в сутки, я с трудом передвигал ноги и бормотал под нос, что старею. И вдруг мягкий женский голос поинтересовался:

— Как дела, лекарь?

Будь у меня побольше сил, я бы, наверное, с воплем подпрыгнул футов на десять. Но я настолько выдохся, что лишь сделал очередной шаг, как-то ухитрился повернуть голову и апатично пролепетал:

— Объявился наконец?

Волна облегчения накатит позже, а тогда мои мысли шевелились не быстрее, чем ноги. Такое долгое бегство плохо сказывается на вы-

работке адреналина. Мир словно лишается внезапных потрясений и страстей.

Душелов пошел рядом со мной, не обгоняя и время от времени поглядывая в мою сторону. Его лица я рассмотреть не мог, зато ощущал исходившее от Взятых веселье.

Тут нахлынуло облегчение, а следом за ним — изумление собственной наглостью. Меня словно молнией шарахнуло, ведь я ответил Душелову, как любому из наших парней.

— Почему бы нам не взглянуть на эти документы? — Настроение у Душелова было откровенно бодрое.

Я привел его к фургону, мы залезли внутрь. Возница выпучил на нас глаза, но тотчас усталился вперед, дрожа всем телом и пытаясь стать глухим.

Я сразу передал Душелову добытые документы и попробовал улизнуть.

— Останься, — велел он. — Им пока незачем знать. — Ощувив мой страх, он по-девчоночьи хихикнул. — Ты в безопасности, Костоправ. Более того, Госпожа просила поблагодарить тебя от ее имени. — Он вновь рассмеялся. — Она хочет знать все о твоей персоне. Все как есть. Ты тоже завладел ее воображением.

Страх снова шарахнул меня молотом по голове. Никто не хочет привлечь внимание Госпожи. Душелов наслаждался моим замешательством.

— Может быть, она даже пожелает с тобой побеседовать. О, как ты побледнел! Впрочем, никто не заставляет. Ладно, за работу.

Мне еще не доводилось видеть такого быстрого чтения. Он буквально проглотил все тексты — и новые, и старые.

— Ты не смог прочесть их все, — сказал Душелов своим деловым женским голосом.

— Не смог.

— И я тоже. Некоторые способна расшифровать лишь Госпожа.

Странно, подумал я. Я ожидал большего энтузиазма. Захват документов — изрядная удача для Душелова, потому что именно он предусмотрительно нанял на службу Черный Отряд.

— Что тебе удалось понять?

Я рассказал о вражеском плане прорыва через Лорды и о том, что означает присутствие Шепот. Душелов усмехнулся:

— Документы из тайника, Костоправ. Расскажи о них.

Я вспотел. Чем мягче и вкрадчивее говорил Душелов, тем сильнее я чувствовал, что следует его опасаться.

— Старый колдун. Тот, кто пробудил всех вас. Некоторые из бумаг — его.

Проклятье! Еще не договорив, я понял, что надо было держать язык за зубами. В Отряде только Ворон мог опознать бумаги Боманца. Душелов усмехнулся и по-дружески хлопнул меня по плечу:

— Я так и думал, Костоправ. Уверенности не было, но я так и думал. Вряд ли ты удержался бы и не шепнул Ворону.

Я на это ничего не ответил. Что толку отпираться?

— У тебя не было другого способа это выяснить. Ты сказал Ворону, что упомянуто истинное имя Хромого, и ему осталось лишь прочесть все, что представлялось возможным. Верно?

Я и на сей раз промолчал. Душелов прав, хотя мотивы мои были не до конца братскими. Ворон сводит свои счета, но ведь Хромой желает смерти всем нам.

Разумеется, наиболее ревностно охраняемый секрет каждого волшебника — его истинное имя. Любой враг, вооружившись этим знанием, способен поразить Взятую магией в самое сердце или обмануть иллюзией.

— Костоправ, ты можешь лишь догадываться о подлинном значении вашей находки. Впрочем, оно и мне неизвестно. Но последствия вполне предсказуемы — крупнейшая катастрофа для армии мятежников, смятение и разлад среди Десяти. — Он снова похлопал меня по плечу. — Ты сделал меня вторым по могуществу в империи. Госпожа знает все наши истинные имена. Теперь мне известны три других, к тому же я получил обратно свое.

Неудивительно, что он столь разговорчив. Душелов уклонился от стрелы, даже не ведая, что та летит, и вдобавок за здорово живешь получил шанс схватить Хромого за горло. Дошел, так сказать, до конца радуги и наткнулся на горшочек, полный власти.

— Но Шепот...

— Ей придется исчезнуть. — Он произнес это низким и холодным голосом. То был голос убийцы, привыкшего выносить смертные приговоры. — Она должна умереть как можно быстрее. В противном случае мы ничего не достигнем.

— А если она успела кому-нибудь рассказать?

— Не рассказала, уж я-то ее знаю. До того как Госпожа послала меня в Берилл, я сражался с Шепот у Ржи и в Вире. Я преследовал ее среди говорящих менгиров на равнине Страха. Она гений, но гений-одиночка. Если бы Шепот жила в Первую эру, Властелин приблизил бы ее к себе. Она служит Белой Розе, но сердце у нее черное, как ночь в аду.

— Я сказал бы то же самое про весь Круг.

— Да, — рассмеялся Душелов. — Там одни лицемеры, но с Шепот не сравнится никто. Это просто невероятно, Костоправ. Как она ухитрилась раскрыть столько секретов? Как узнала мое имя? Я спрятал его идеально. Честное слово, я ею восхищен. Такой талант! Такая смелость! Удар через Лорды, поход через Ветренный край и подъем на Лестницу Слез. Невероятно! И ведь у нее все могло получиться, если бы не Черный Отряд. И если бы не ты. Чистая случайность... Ты будешь вознагражден, гарантирую. Но хватит об этом. Мне пора заняться делом. Крадущийся нуждается в этих сведениях, а Госпожа должна увидеть бумаги.

— Надеюсь, что вы правы, — проворчал я. — Нельзя без передышки пинать вражьи задницы. Я вымотался. Мы бродим и деремся уже целый год.

— Идиотские слова, Костоправ.

Я ощутил, как нахмурилось лицо под черным морионом. А сколько блуждает и сражается сам Душелов? Вечность.

— Можешь идти, — бросил он. — С тобой и с Вороном я поговорю потом.

Ледяной голос. Я поспешил скрыться с глаз Душелова.

Когда мы добрались до Лордов, там все уже закончилось. Крадущийся двигался быстро и разил сильно. Куда бы мы ни пошли, повсюду натыкались на мятежников, висящих на деревьях или фонарях. Отряд расположился в казармах, ожидая спокойную скучную зиму и весеннее преследование остатков неприятельской армии до дремучих северных лесов.

Ах, как сладка была иллюзия, пока не кончилась.

— Тонк! — воскликнул я, раскрывая пять карт-картинок, доставшихся мне после раздачи. — Ха! Двойной выигрыш, парни. Двойной! Гоните денежки.

Одноглазый, ворча, толкнул ко мне через стол монеты. Ворон усмехнулся. Даже Гоблин изобразил что-то вроде улыбки. Одноглазый с самого утра не выиграл ни единой партии, даже когда мухлевал.

— Спасибо, господа, спасибо. Сдавай, Одноглазый.

— Ну как ты это проделываешь, Костоправ? Как?

— У него рука быстрее глаза, — предположил Эльмо.

— Все дело в честной жизни, Одноглазый. Запомни: жить надо по правде.

В дверь протиснулся хмурый Лейтенант:

— Ворон, Костоправ, вы нужны Капитану. Живо, живо! — Он обвел взглядом несколько столов с картежниками. — Дегенераты.

Одноглазый фыркнул, затем едва заметно улыбнулся. Пожалуй, никто не играл в карты хуже, чем Лейтенант.

Я взглянул на Ворона. Капитан — его приятель, потому простит задержку. Но Ворон пожал плечами и бросил карты на стол. Я рассовал выигрыш по карманам и отправился следом за Вороном в комнату начальства.

Там был Душелов. Мы не видели его после той встречи на опушке леса, и я надеялся, что он слишком занят, чтобы возвращаться к нам. Я посмотрел на Капитана и попытался по выражению его лица угадать наше будущее. Радости на этом лице я не заметил.

А если Капитан не радуется, то и мне веселиться не резон.

— Садитесь.

Нас поджидали два стула. Капитан прошелся по комнате, о чем-то думая, и наконец сообщил:

— Мы получили приказ — прямо из Чар — перебраться в другое место. Вместе со всей бригадой Крадущегося. — Он махнул в сторону Душелова, передавая слово ему.

Тот словно и не заметил, погрузившись в свои мысли. Наконец еле слышно спросил:

— Ты хорошо управляешься с луком, Ворон?

— Средне. Не чемпион.

— Намного лучше, чем средне, — возразил Капитан. — Чертовски хорошо.

— А ты, Костоправ?

— Когда-то стрелял неплохо. Но уже несколько лет не натягивал тетиву.

— Потренируйтесь.

Душелов тоже принялся расхаживать. Комнатка была маленькая, и я все опасался, что они с Капитаном столкнутся. Через минуту Душелов продолжил:

— За это время произошло многое. Мы пытались захватить Шепот в ее лагере, но не вышло. Она почуяла ловушку и улизнала в последний момент. Шепот все еще в тех краях, где-то прячется. Госпожа подтягивает туда войска со всех сторон.

Это объясняло сообщение Капитана. Но не стало понятно, почему я должен вспомнить искусство лучника.

— Насколько нам известно, — продолжал Душелов, — мятежники пока не знают о случившемся. Пока. У Шепот не хватило духу рассказать о своей неудаче. Она гордая женщина. Похоже, хочет сперва нам отомстить.

— Как? — спросил Ворон. — Ей не собрать даже взвода.

— Воспоминаниями. Сведениями из добытых вами бумаг. Вряд ли она знает, что они у нас. Она была вдалеке от своего штаба, когда Хромой невольно сделал нам подарок, а потом укрылась в лесу. И лишь мы четверо, не считая Госпожи, знаем про документы.

Мы с Вороном кивнули. Теперь понятна обеспокоенность Душелова. Когда Шепот узнала его истинное имя, он превратился в ходячую мишень.

— И что же требуется от нас? — с подозрением спросил Ворон.

Он опасался, что Душелов решил, будто мы сами расшифровали имена. Он даже предлагал мне убить Взятого раньше, чем тот убьет нас. Взятые не бессмертны, они уязвимы, но до них чертовски трудно добраться. Я никогда не испытывал даже малейшего желания рискнуть.

— У нас троих будет особая миссия.

Мы с Вороном переглянулись. Что он задумал?

— Капитан, соблаговолите на минуту выйти, — попросил Душелов.

Капитан с явной неохотой подчинился. Впрочем, его неудовольствие и шаркающая походка в подобных ситуациях искусственны. Полагаю, он не догадывается, что мы уже давно его раскусили, и продолжает изображать из себя медведя, надеясь на нужный эффект.

— Я не собираюсь заманить вас в укромное место и там прикончить, — заявил Душелов. — Нет, Ворон, я не думаю, что вы узнали мое истинное имя.

Жуть какая! Я невольно втянул голову в плечи. Ворон шевельнул рукой. В ней возник нож, которым он принялся чистить ногти, хотя они в этом вовсе не нуждались.

— Суть вот в чем: Шепот подкупила Хромого, после того как мы выставили его дураком в истории с Загребущим.

— И это объясняет события в Клине, — выпалил я. — Мы залатали прорехи, но в одночасье все опять развалилось. А в битве под Розами он вообще вел себя мерзко.

— Поражение под Розами — его вина, — согласился Ворон. — Но никто и не подумал о предательстве. Как-никак Хромой — один из Десяти.

— Верно, — подтвердил Душелов. — Его предательство многое объясняет. Но Клин и Розы уже в прошлом, а сейчас нас интересует

будущее. Нужно избавиться от Шепот, не дожидаясь, когда она нанесет нам очередное поражение.

Ворон посмотрел на Душелова, затем на меня и вновь занялся бессмысленным маникюром. Я тоже не поверил Взятому. Мы, смертные, для них всего лишь игрушки и инструменты. Взятый способен выкопать из могилы кости своей бабушки, лишь бы угодить Госпоже.

— В этом наше преимущество перед Шепот, — сказал Душелов. — Она согласилась завтра встретиться с Хромым...

— Откуда такие сведения? — спросил Ворон.

— От Госпожи. Хромой не подозревает, что нам про него все известно, зато знает, что долго он не протянет. Вероятно, попробует договориться с Кругом, чтобы его защитили. Он понимает: если это не удастся, то он покойник. А Госпожа хочет, чтобы Хромой и Шепот умерли вместе, тогда Круг станет подозревать, что именно Шепот продалась Хромому, а не наоборот.

— Ничего не выйдет, — буркнул Ворон.

— Круг в это поверит.

— Значит, мы с Вороном должны прикончить обоих. Стрелами. А как, интересно, мы их найдем?

Уж самого-то Душелова там не будет, что бы он ни говорил. И Шепот, и Хромой ощутят его присутствие задолго до того, как он приблизится на выстрел.

— Скоро Хромой со своими войсками двинется через лес. Не зная, что его подозревают, он не станет прятаться от Ока Госпожи, полагая, что его маневры будут восприняты как поиск Шепот. Госпожа сообщит мне о его местонахождении. Я выведу вас на его след. Когда эти двое встретятся, вы их уложите.

— Ну конечно, — фыркнул Ворон. — Что может быть проще? Как на индюков охотиться.

Он вышел, громко топая, но перед тем метнул нож — тот глубоко вошелся в оконную раму.

Я тоже был не в восторге от такого расклада. Смотрел на Душелова и две-три секунды мысленно спорил с собой, пока страх не побудил меня отправиться вслед за Вороном.

Уходя, я взглянул на Душелова — усталого, с поникшими плечами. Наверное, тяжело жить с подобной репутацией. Всем хочется, чтобы их любили.

Я записывал свою очередную фантазию о Госпоже, а Ворон методично посылал стрелу за стрелой в красную тряпку, приколотую

к соломенному щиту. Сам я, тренируясь незадолго до него, с трудом попадал в щит, не говоря уже о тряпке. Казалось, Ворон просто не способен промахиваться.

На сей раз я размышлял о детстве Госпожи. Когда думаю о каком-нибудь злодее, непременно хочется заглянуть в его детство. Что за ниточки соединяют существо в Чарах с маленькой девочкой, которой когда-то была Госпожа? Возьмем детей. Практически все они сладки и нежны, как взбитый мед с маслом, их любят и берегут. Так откуда же берутся злые взрослые? Проходя через нашу казарму, я все гадал: ну как смеющийся любопытный малыш мог превратиться в Стопаря, Весельчака или Молчуна?

Маленькие девочки вдвое драгоценнее и невиннее мальчиков. Мне не известен ни один народ, который относился бы к ним иначе.

Так откуда же взялась Госпожа? Или Шепот? Я сидел и записывал свои мысли по этому поводу.

Рядом со мной уселся Гоблин и прочитал только что написанное.

— Я с тобой не согласен, — заявил он. — Думаю, она с самого начала приняла сознательное решение стать такой, какова теперь.

Я медленно повернулся к нему, остро ощущая присутствие Душелова, — он стоял в нескольких шагах позади меня, наблюдая за стрельбой Ворона.

— Вообще-то, Гоблин, я сам сомневаюсь, что дело было именно так. Тут все... Словом, сам знаешь. Когда хочешь понять, подбираешь такие мысли, с которыми можешь справиться.

— Мы все так поступаем. В обычной жизни это называется «придумывать оправдания». Истинные мотивы слишком грубы, чтобы их обнажать. К тому времени, когда большинство людей достигает моего возраста, они успевают столь многократно и успешно навести глянец на свои побуждения, что теряют с ними всякую связь.

Мне на колени упала тень, и я поднял голову. Душелов вытянул руку, предлагая взять лук и сменить Ворона. Тот уже выдернул из щита свои стрелы и уступил мне место.

Три мои первые стрелы угодили в красную тряпку.

— Ну что ты на это скажешь? — спросил я, поворачиваясь к Ворону.

Душелов между тем прочитал мои фантазии и поднял голову:

— Нет, Костоправ! Все было совсем не так. Разве ты не знал, что она убила свою сестру-близнеца, когда ей было четырнадцать лет?

По моему хребту пробежались крысы с ледяными коготками. Я повернулся и выпустил стрелу. Она пролетела далеко от мишени.

Я быстро выстрелил еще несколько раз, но лишь распугал в отдалении голубей.

Душелов взял у меня лук.

— У тебя нервы сдают, Костоправ. — Он быстро вогнал три стрелы подряд в круг менее дюйма в поперечнике. — Возьми себя в руки. Там напряжение будет куда сильнее. — Он протянул мне лук. — Весь секрет в сосредоточенности. Считай, что выполняешь хирургическую операцию.

Считать, что выполняю хирургическую операцию? Я ухитрялся вытворять поразительные вещи прямо на поле боя. Все верно. Только тут все иначе.

Старое доброе оправдание. Да, но... тут все иначе.

Я успокоился и сосредоточился настолько, что сумел вогнать оставшиеся в колчане стрелы в щит. Выдернув их, уступил место Ворону.

Гоблин протянул мне бумагу и перо. Я раздраженно скомкал свою писанину.

— Тебе нужно что-нибудь для укрепления нервов? — осведомился он.

— Да. Железные опилки, или чем там питается Ворон. — Мое самоуважение изрядно пошатнулось.

— Попробуй это. — Гоблин протянул мне шестиконечную серебряную звезду на цепочке.

В ее центре была изображена черная голова медузы.

— Амулет?

— Да. Нам кажется, завтра он тебе пригодится.

— Завтра? — А ведь никто не должен быть осведомлен о том, что предстоит нам завтра.

— У нас есть глаза, Костоправ. Это же Отряд. Может, мы не знаем, что произойдет, но догадываемся, если что-то затевается.

— Ну да, правильно. Спасибо, Гоблин.

— Мы изготовили его втроем — Одноглазый, Молчун и я.

— Спасибо. А как же Ворон? — Когда кто-то делает подобные жесты, я чувствую себя спокойнее, сменив тему разговора.

— Ворону амулет не нужен. Он сам себе амулет. Садись. Давай поговорим.

— Я ничего не могу тебе открыть.

— Понимаю. Но я подумал, ты захочешь узнать кое-что про Башню. — Он еще не рассказывал мне о своем визите туда, а я не расспрашивал — пусть решает сам.

— Хорошо, Расскажи. — Я взглянул на Ворона.

Стрела за стрелой вонзались в тряпку.

— Ты разве не собираешься все записать?

— Ах да. — Я приготовил перо и бумагу. То, что я веду и храню Анналы, производит на всех огромное впечатление, ведь в этих хрониках единственная надежда каждого из братьев на бессмертие. — Рад, что не стал с ним спорить.

— С кем спорить?

— Ворон хотел пари: кто из нас стреляет лучше.

Гоблин фыркнул:

— Ты, я вижу, поумнел и больше не попадаешься в ловушки для простаков. Готовь перо. — И он приступил к рассказу.

Колдун мало добавил к слухам, которые я успел собрать здесь и там. Он описал место, куда попал, — большую пустую комнату, мрачную и пыльную. Примерно так я и представлял Башню. Как и любой замок.

— Опиши ее внешность.

Это была самая интригующая часть головоломки. Я успел сотворить себе образ темноволосой, вечно молодой красавицы, чья сексуальная привлекательность оглушает смертных не хуже удара булавы. Душелов говорил, что Госпожа прекрасна, но пока я не располагал мнением независимого наблюдателя.

— Не возьмусь это сделать. Не помню.

— Что значит «не помню»? Как ты можешь не помнить?

— Не кипятись, Костоправ. Я просто не помню. Она стояла передо мной, потом... потом я увидел лишь огромный желтый глаз, который с каждым мгновением увеличивался и смотрел сквозь меня, и обнаруживал любые мои секреты. Вот и все, что я помню. Мне этот глаз до сих пор в кошмарах снится.

Я разочарованно вздохнул:

— Наверное, мне следовало такого ожидать. Знаешь, Госпожа сейчас может пройти мимо нас, но никто и не подумает, что это она.

— Полагаю, именно этого она и желает. Если ее планы рухнут и все вернется на круги своя, как было раньше, пока ты не нашел те бумаги, она просто уйдет. Только Взятые способны ее опознать, а уж с ними она как-нибудь разберется.

Сомневаюсь, что все будет настолько просто. Люди вроде Госпожи не способны видеть себя на второстепенных ролях. Низвергнутые короли все равно поступают как короли.

— Спасибо, Гоблин, что рассказал мне все.

— Не стоит благодарности. Рассказывать-то, по сути, нечего. Просто меня беспокоило, что я так долго откладываю наш разговор.

Ворон успел опустошить колчан и извлечь из мишени стрелы.

— Сходил бы ты да подбросил Одноглазому клопов в скатку или еще чем-нибудь полезным занялся, — посоветовал он Гоблину. — Нам предстоит серьезная работа. — Он явно нервничал из-за моей беспострелковой стрельбы.

Мы вынуждены полагаться друг на друга. Если кто-нибудь из нас промахнется, то не исключено, что мы погибнем раньше, чем успеем выпустить по второй стреле. Но об этом мне совсем не хотелось думать.

Все же такие мысли заставили сосредоточиться, и на сей раз большинство моих стрел угодило в красную тряпку.

Мне было дьявольски трудно выполнить свою обязанность накануне нашего с Вороном путешествия в неизвестность, но Капитан не согласился нарушить трехсотлетнюю традицию. Он также не отреагировал на протесты по поводу возложенной на нас задачи и не захотел поделиться сведениями, которыми, несомненно, располагал. Я прекрасно понимал, чего именно Душелов добивается, но никак не мог сообразить, почему он выбрал меня и Ворона. И то, что его прикрывал Капитан, лишь еще больше все запутывало.

— Хочешь знать почему, Костоправ? — спросил он наконец. — Потому что я тебе приказываю, вот почему. А теперь выматывайся отсюда, иди читать.

Раз в месяц весь Отряд собирается вечером послушать летописца, и тот декламирует отрывки из записей своих предшественников. Подобные чтения позволяют братьям соприкоснуться с нашей историей и традициями, которые тянутся в прошлое на столетия и на тысячи миль.

Я разместил выбранную рукопись на чем-то вроде аналоя и произнес обычное вступление:

— Добрый вам вечер, братья. Сейчас вы услышите отрывки из Анналов Черного Отряда, последнего из Вольных Отрядов Хатовара. Сегодня я буду читать из Книги Кетте, истории Отряда, датированной началом второго века, — истории, которую сохранили для нас летописцы Гуца, Агрипп, Падуб и Солома. В то время Отряд служил Болебогу Чо'нДелора и был тогда еще полностью чернокожим.

Отрывок, о котором речь, принадлежит перу Соломы и посвящен роли Отряда в событиях, связанных с падением Чо'нДелора.

Тут я мысленно отметил, что Отряд служил многим правителям-неудачникам.

Эпоха Чо'нДелора во многом схожа с нашей, хотя тогда, имея в своих рядах более шести тысяч человек, Отряду было легче влиять на собственную судьбу.

Начав читать, я позабыл обо всем. Старина Солома был виртуозом пера. Три часа без передышки я громыхал, точно свихнувшийся пророк, и совершенно зачаровал слушателей. Когда закончил, меня наградили овацией. Я отошел от аналая с ощущением, будто завершил главное дело своей жизни.

Физические и моральные последствия моего спектакля навалились на меня уже в казарме. Поскольку я наполовину офицер, мне полагается собственная комнатуха, и я, пошатываясь, направился напрямик туда.

Меня поджидал Ворон. Он сидел на моей койке и что-то мудрил со стрелой, древко которой было обвито серебряной полоской. Кажется, он что-то вырезал. Не будь я таким уставшим, меня бы это наверняка заинтересовало.

— Ты был на высоте, — сообщил мне Ворон. — Даже меня проняло.

— Да ну?

— Благодаря тебе я понял, что значило в те времена быть солдатом Черного Отряда.

— И что это до сих пор означает для некоторых?

— Да. И даже больше. Твои слова проникли парням в самую душу.

— Да, конечно. А что ты делаешь?

— Готовлю стрелу для Хромого. Вырезаю на ней его истинное имя. Мне его сообщил Душелов.

— А-а, понятно. — Я был настолько вымотан, что решил обойтись без уточнений. — А что ты от меня хочешь?

— Впервые с тех пор, как моя жена и ее любовники попытались убить меня и украсть мои права и титулы, ты заставил меня хоть что-то почувствовать. — Он встал, сощурился и посмотрел вдоль древка стрелы. — Хочу поблагодарить тебя, Костоправ. За то, что я некоторое время вновь ощущал себя человеком.

И он вышел.

Я рухнул на койку и закрыл глаза, вспоминая, как Ворон задушил свою жену, как молча снял с нее обручальное кольцо. Выпалив одну короткую фразу, он раскрылся передо мной больше, чем за все время, прошедшее с нашей первой встречи. Станные дела.

Я заснул, размышляя о том, что он расквитался со всеми, кроме главного источника своих несчастий. Хромой оставался неприкос-

новенным, потому что был одним из слуг Госпожи. До сегодняшнего дня.

Неизвестно, что нас с Вороном ждет завтра. Что ему приснится нынче ночью? Останется ли у него цель в жизни, если Хромой умрет? Нельзя выжить, черпая силы лишь в ненависти. Так попытается ли он остаться в живых среди того, что нам предстоит?

Возможно, именно это он и хотел мне сказать.

Я испугался. Человек, который так думает, слишком порывист, а значит, опасен для окружающих.

Чьи-то пальцы сжали мое плечо.

— Пора, Костоправ. — Меня разбудил сам Капитан.

— Да. Встаю. — В эту ночь я плохо спал.

— Душелов уже готов отправиться в путь.

— Который час? — спросил я, заметив, что еще темно.

— Почти четыре. Душелов хочет уйти до рассвета.

— Понятно.

— Слышь, Костоправ? Будь там поосторожнее. Я хочу, чтобы ты вернулся.

— Конечно, Капитан. Ты же знаешь, я не люблю лезть на рожон. Но все-таки почему именно я и Ворон? — Быть может, сейчас он ответит?

— Душелов сказал, что Госпожа называет это наградой.

— Серьезно? Ничего себе награда... — Я пошарил вокруг, нашел сапоги.

Капитан уже шел к двери.

— Капитан! Спасибо.

— Не за что. — Он знал, что я благодарил за заботу.

Когда я завязывал шнурки на куртке, в дверь просунулась голова Ворона.

— Готов?

— Еще минутка. Холодно на улице?

— Прохладно.

— Плащ прихватить?

— Не помешает. Кольчугу надел? — Он коснулся моей груди.

— Да. — Я облачился в плащ, взял лук и подбросил его на ладони. Ощутил на груди холодок амулета, полученного от Гоблина. Надеюсь, мне поможет эта вещица.

— Я тоже надел, — скупно улыбнулся Ворон.

— Тогда пошли, — улыбнулся я в свою очередь.

Во дворе, где мы накануне тренировались в стрельбе из лука, нас ждал Душелов. На него падал свет из окон отрядной столовой — пе-

кари уже усердно трудились. Замерев в стойке «вольно, по-парадному», Душелов смотрел в сторону Облачного леса и левой рукой прижимал к боку сверток. На нем было лишь обычное кожаное одеяние и морион. В отличие от некоторых Взятых, он редко носил оружие, предпочитая полагаться на свое тавматургическое искусство.

Он разговаривал сам с собой. Зловещие то были речи: «Хочу увидеть, как он падет. Ждал этого четыреста лет». — «Нам не подойти так близко, он почует». — «Тогда откажись от любой магии». — «Ну нет! Слишком рискованно!»

Целый сонм голосов! А ведь у меня мороз по коже, когда хотя бы два из них говорят одновременно..

Я встретился взглядом с Вороном. Тот пожал плечами, его Душелов не пугал. Но Ворон вырос во владениях Госпожи, он видел всех Взятых. Душелов, вероятно, один из наименее диковинных.

Минуты две мы прислушивались, но фразы не становились осмысленнее. Наконец Ворон не выдержал и рыкнул:

— Господин, мы готовы.

Все же он был не вполне уверен в себе, это чувствовалось по голосу.

Сам я словно онемел. Мысли вертелись вокруг лука, стрелы и задачи, которую мне предстояло выполнить. Я вообразил, как натягиваю и отпускаю тетиву, как прослеживаю взглядом полет стрелы, и неосознанно провел пальцами по подарку Гоблина, поймав себя на том, что делаю это уже не первый раз.

Душелов встряхнулся, словно мокрый пес, и как-то подобрался. Он взмахнул рукой, не глядя на нас, бросил: «Пошли!» — и зашагал.

Ворон обернулся и крикнул:

— Душечка, отправляйся, куда я сказал. Сейчас же!

— Да разве она тебя слышит? — удивился я, тоже оглядываясь на девочку, стоящую в полутемном дверном проеме.

— Она — нет. Зато слышит Капитан. Все, уходи! — Он энергично замахал рукой.

Тут же появился Капитан, и Душечка исчезла.

Мы шагали следом за Душеловом. Ворон что-то бормотал под нос — он беспокоился о ребенке.

Душелов шел быстро. Он вывел нас из расположения, затем из города и двинул напрямик через поля, так ни разу не обернувшись. Наш путь завершился на поляне посреди большой рощи, в нескольких полетах стрелы от городских стен. Там, на берегу речушки, лежала деревянная рама высотой в фут, с прибитым сверху ковром раз-

мерами примерно шесть на восемь футов. Душелов что-то произнес, ковер зашевелился и туго натянулся.

— Ворон, сядешь здесь. — Душелов указал на правый из ближайших к нам углов. — А вот твое место, Костоправ, — показал он на левый.

Ворон осторожно поставил ногу на ковер и явно удивился, что вся конструкция не развалилась.

— Садитесь. — Душелов заставил Ворона скрестить ноги и положить оружие рядом, на краю ковра.

Такую же операцию он проделал и со мной. Я опешил, ощутив жесткость ковра, — будто сидишь на крышке стола.

— Только не ерзать и не дергаться, — предупредил Душелов, располагаясь впереди нас и вытягивая ноги вдоль середины ковра. — Если не сохраним равновесие, все свалимся. Понятно?

Я мало что понял, но согласился с Вороном, когда тот сказал «да».

— Готовы?

Ворон снова ответил утвердительно. Полагаю, он-то знал, что нам предстоит, но меня дальнейшее застало врасплох.

Душелов повернул ладони кверху, произнес несколько непонятных слов, потом медленно поднял руки. Я глянул вниз и отшатнулся, ахнув. Земля удалялась.

— Сиди спокойно! — рявкнул Ворон. — Угробить нас хочешь?

До земли было футов шесть. Пока. Я выпрямился и застыл, но успел повернуть голову и заметить шевеление в кустах.

Точно, Душечка. Открыв рот от удивления, я уставился вперед и с такой силой стиснул лук, что едва не выдавил на нем вмятины. Жаль, что не хватило храбрости потрогать амулет.

— Ворон, а ты договорился о Душечке? На случай... сам знаешь.

— Капитан о ней позаботится.

— А вот я позабыл назначить следующего летописца.

— Не будь таким оптимистом, — саркастически бросил он.

Я невольно вздрогнул.

Душелов что-то сделал, и мы заскользили над верхушками деревьев. В ушах зашуршал холодный ветер. Я снова осмелился поглядеть вниз. Мы уже достигли высоты пятого этажа; подъем продолжался.

Звезды над головой сместились — Душелов менял курс. Ветер обрел такую силу, словно мы летели навстречу буре. Я все больше клонился вперед, опасаясь, что меня сдует. Подо мной было лишь

несколько сотен футов пустоты и земля, о которую можно разбиться всмятку. Пальцы, сжимавшие лук, даже заболели.

Зато я кое-что выяснил. Теперь понятно, как Душелову удастся столь быстро оказываться среди нас, хотя он всегда бывает далеко, когда мы с ним связываемся.

Полет проходил в молчании. Душелов был занят делом, подгонял вперед нашего «небесного коня». Ворон погрузился в свои мысли. Я трясся от страха, желудок угрожал вывернуться наизнанку. Про Ворона ничего сказать не могу.

Звезды уже блекли. Горизонт на востоке посветлел, под нами материализовалась земля. Я рискнул посмотреть вниз. Мы летели над Облачным лесом. Стало еще чуть светлее. Душелов что-то буркнул, посмотрел на восток, затем обозрел пространство впереди. Несколько секунд он словно прислушивался, затем кивнул.

Ковер задрал нос — мы набирали высоту. Покачиваясь, земля съеживалась, пока не уподобилась карте. И без того холодный воздух сделался ледяным. Желудок по-прежнему бунтовал.

Далеко слева я заметил черное пятно в лесу, то был захваченный нами лагерь. Тут мы вошли в облако, и Душелов сбросил скорость.

— Немного подрейфуюем, — сказал он. — Мы в тридцати милях южнее Хромого. Он движется прочь от нас, мы быстро догоняем. Когда окажемся на расстоянии, с какого он может меня засечь, начнем спускаться. — Все это было произнесено деловитым женским голосом.

Я было заговорил, но он оборвал:

— Тихо, Костоправ! Не отвлекай меня.

Мы пребывали в облаке, невидимые и сами ничего не видящие, часа два, затем Душелов сказал:

— Пора спускаться. Держитесь покрепче за раму, может слегка поболтать.

Ковер едва не выскользнул из-под меня. Мы полетели вниз, словно брошенный со скалы булыжник. Летучая снасть медленно закружилась — казалось, под нами поворачивается лес, — потом закачалась, словно падающее перышко. Всякий раз, когда ковер крепился, я думал, что свалюсь.

Мне бы помог добрый вопль, но рядом с Вороном и Душеловом вопить не полагается.

Лес неумолимо приближался. Вскоре я уже различал отдельные деревья... когда осмеливался смотреть вниз. Мы все погибнем! Я не сомневался, что мы врежемся в кроны деревьев и, пролетев оставшиеся до земли пятьдесят футов, разобьемся.

Душелов что-то произнес. Я не разобрал слов, вдобавок он обращался не ко мне, а к коври. Раскачивание и вращение постепенно сошли на нет, скорость уменьшилась. Вскоре Душелов опустил ковер ниже верхушек деревьев и направил в своеобразный коридор над рекой. Мы мчались в нескольких футах над водой, и Душелов смеялся, глядя на испуганно разлетающихся птиц.

Он высадил нас в узкой ложине неподалеку от реки.

— Слезайте и разомнитесь, — сказал Душелов.

Когда мы пришли в себя, он нас проинструктировал:

— Хромой в четырех милях к северу. Он уже добрался до места встречи с Шепот. Дальше я не пойду, иначе он меня почует. Отдай-те значки — их он тоже может засечь.

Ворон кивнул, отдал значок, затем надел тетиву на лук, наложил стрелу, попробовал тетиву на упругость. Я повторил его действия, и это меня немного успокоило. Как же здорово вновь оказаться на твердой земле! Я готов был ее целовать.

— Ствол большого дуба, — предложил Ворон, показывая на другой берег реки.

Он выстрелил, его стрела вонзилась в двух дюймах от середины ствола. Я глубоко вдохнул, расслабляясь, и выпустил стрелу, которая попала на дюйм ближе к середине, чем у Ворона.

— Хороший выстрел — ты мог бы выиграть пари, — заметил Ворон и повернулся к Душелову. — Мы готовы.

— Нам нужны более точные указания, — добавил я.

— Идите берегом реки. Здесь много звериных тропок, так что доберетесь без труда. Торопиться нет нужды, Шепот будет на месте через несколько часов.

— Река течет на запад, — заметил я.

— Она делает петлю и возвращается. Идите вдоль нее три мили, затем сверните на запад и двигайтесь напрямик через лес. — Душелов присел, очистил от листьев и веток землю и палочкой нарисовал кроки. — Если наткнетесь на этот поворот, значит вы зашли слишком далеко.

Затем Душелов замер и долгую минуту вслушивался в то, что мог слышать лишь он.

— Госпожа передает, — сообщил он наконец. — Вы поймете, что приблизились, когда увидите рощу огромных хвойных деревьев. Там было святилище народа, вымершего еще до эпохи Владычества. Хромой — в центре той рощи.

— Достаточно ясно, — сказал Ворон.

— Вы будете ждать здесь? — спросил я.

— Не бойся, Костоправ.

Я еще раз глубоко вздохнул:

— Пошли, Ворон.

— Подожди, Костоправ, — остановил меня Душелов и вытащил из своего свертка стрелу. — Воспользуйся ею.

Я нерешительно взглянул на стрелу, но все же положил ее в колчан.

Ворон настоял на том, что пойдет первым. Я не спорил, потому что до службы в Отряде был городским парнишкой. Так и не научился чувствовать себя уютно в лесу, особенно в таком большом, как Облачный. Слишком здесь тихо, слишком одинок среди этих деревьев человек. И так легко заблудиться.

Первые две мили я больше беспокоился о поиске обратного пути, чем о предстоящем нам деле, и потратил немало времени, запоминая ориентиры.

Ворон целый час безмолвствовал. Я и сам напряженно думал, поэтому меня его молчание устраивало.

Он поднял руку. Я остановился.

— Кажется, нам пора сворачивать, — сказал он.

— Угу.

— Давай отдохнем. — Он устроился на огромном древесном корне, прислонившись спиной к стволу. — Уж больно ты сегодня молчалив, Костоправ.

— Да вот, все думаю.

— Ага, — улыбнулся он. — Например, о том, какую награду мы с тобой получили.

— И об этом тоже. — Я вытащил стрелу Душелова. — Видишь?

— Тупой наконечник? — Он провел пальцем. — И мягкий. Что за ерунда?

— Вот именно. Выходит, я не должен ее убивать.

У нас даже не возникал вопрос, кто в кого будет стрелять. Хромой изначально достался Ворону.

— Возможно. Но я не собираюсь подохнуть, пытаюсь взять ее живой.

— Я тоже. Вот что меня волнует, кроме многого другого: в чем истинная причина того, что Госпожа выбрала тебя и меня, почему она хочет взять в плен Шепот?.. А, пропади оно все пропадом. От таких мыслей язва заводится.

— Отдохнул?

— Вполне.

Мы пошли в сторону от реки. Продвигаться стало труднее, но вскоре мы перевалили через невысокий гребень и достигли опушки хвойной рощи. Там почти не было подлеска и сквозь кроны деревьев проникало очень мало солнечного света. Ворон остановился отлить.

— Позднее возможности не будет, — пояснил он.

Он верно говорил. Подобные проблемы возникают очень некстати, когда сидишь в засаде на расстоянии броска камнем от враждебного тебе Взятото.

Меня затрясла нервная дрожь. Ворон положил мне руку на плечо.

— Все будет хорошо, — пообещал он, явно не веря собственным словам.

Его рука тоже слегка дрожала.

Я коснулся под курткой амулета Гоблина. Это помогло.

Ворон вопросительно приподнял бровь, я кивнул. Мы пошли дальше. Я жевал ломтик сушеного мяса, сжигая нервную энергию. Мы снова молчали.

За деревьями показались развалины. Ворон пригляделся к высеченным на камнях символам и пожал плечами. Надписи ему ни о чем не говорили.

Вскоре мы приблизились к огромным деревьям, прадедам тех, среди которых только что шли. Со стволами в два обхвата, они тянулись вверх на сотни футов. Здесь и там копыта солнечного света пронзали высоченные кроны. Крепко пахло смолой. Тишина стояла ошеломляющая. Мы продвигались осторожно, шаг за шагом, чтобы не выдать себя малейшим шумом.

Моя нервозность, достигнув максимума, начала спадать. Слишком поздно убегать, слишком поздно передумывать. Мозг отказался от всех эмоций. Обычно я впадал в такое состояние, когда был вынужден оказывать помощь раненым, а солдаты вокруг еще убивали друг друга.

Ворон дал знак остановиться. Я кивнул, потому что тоже услышал — фыркнула лошадь. Ворон жестом велел мне оставаться на месте, а сам, низко пригнувшись, скользнул влево и исчез за деревом в полусотне футов от меня.

Через минуту он высунулся и поманил. Мы перебрались туда, откуда было хорошо видно поляну.

Поляна оказалась небольшой, футов семьдесят на пятьдесят. В центре виднелась груда крошащихся камней — развалины какой-

то постройки. Хромой сидел рядом со своей лошастью на упавшем камне, прислонившись к другому. Казалось, он спит. На краю поляны валялось исполинское дерево. Упало оно недавно, тление его почти не тронуло.

Ворон коснулся моей руки и указал в сторону. Он решил перебраться в другое место.

Мне вовсе не хотелось двигаться, когда Хромого уже видно. Каждый шаг мог насторожить Взятю. Но Ворон был прав. Солнце садилось перед нами. Если останемся, то вскоре оно будет светить прямо в глаза.

Мы двигались с чрезвычайной осторожностью. Еще бы, одна ошибка — и нам конец. Когда Ворон обернулся, я заметил его вспотевшие виски.

Он остановился, куда-то показал и улыбнулся. Я подполз к нему. Он вновь вытянул руку.

Впереди лежало еще одно дерево. При толщине в четыре фута его ствол подходил нам идеально — достаточно высоко, чтобы спрятаться, и достаточно низко, чтобы без помех стрелять. Мы отыскиали точку, откуда можно было простреливать всю поляну.

Освещение тоже оказалось хорошим — несколько снопов света пробивались сквозь кроны. Воздух был чуть мутным, наверное из-за пыльцы, и лучи виднелись отчетливо. Несколько минут я разглядывал поляну, запоминая все детали, потом уселся за стволом и притворился камнем. Ворон остался наблюдать.

Казалось, прошли недели, пока не начали разворачиваться события.

Ворон похлопал меня по плечу. Я поднял голову. Он показал пальцами: идет человек. Хромой теперь бродил по поляне. Я осторожно приподнялся и выглянул.

Хромой несколько раз обошел кучу камней, припадая на ногу, затем вновь уселся. Подняв сучок, принялся отламывать от него щепки и бросать в невидимую для нас мишень. Истратив сучок, набрал мелких шишек. Просто портрет человека, убивающего время.

Почему Хромой приехал на лошади, ведь при желании он может быстро попасть в нужное место? Наверное, потому, что в этот раз путь был невелик. Я встревожился: как бы на поляну не явились его солдаты.

Хромой опять поднялся и стал бросать шишки через всю поляну в лежащий ствол. Проклятье! Больше всего на свете хотелось прикончить его и поскорее смыться.

Лошадь Хромого вздернула голову и заржала. Мы с Вороном рухнули и вжались в усыпанную иголками землю. Воздух на поляне аж потрескивал от напряжения.

Секунду спустя я услышал хруст иголок под копытами и затаил дыхание. Краем глаза увидел мелькающую среди стволов белую лошадь. Шепот? Заметит ли она нас?

Да или нет? Какому богу молиться?

Да или нет?

Она проехала от нас в пятидесяти футах, не заметив.

Хромой что-то произнес. Шепот ответила мелодичным голосом, который слабо подходил широкой в кости, крепкой и неказистой женщине. По голосу она была семнадцатилетней красавицей, а выглядела лет на сорок пять и как будто успела трижды объехать вокруг земли.

Ворон мягко подтолкнул меня.

Я поднялся медленно, как распускающийся цветок, боясь, что они услышат скрип моих суставов. Мы выглянули из-за ствола. Шепот спешилась и обеими руками взяла за руку Хромого.

Лучшего момента нельзя было и желать. Мы находились в тени, а их освещало солнце. Вокруг них в колонне солнечного света искрилась золотистая пыльца. К тому же, держась за руки, они ограничивали себе подвижность.

Действовать нужно было немедленно. Мы оба это поняли и прицелились. Каждый прижимал к луку запасную стрелу, готовую в любую секунду лечь на тетиву.

— Давай! — выдохнул Ворон.

Пока моя стрела не сорвалась с тетивы, нервы были в полном порядке, но затем меня охватил озноб.

Стрела Ворона вонзилась Хромому под левую руку. Тот взвизгнул, словно крыса под каблуком, и отскочил от женщины.

Моя стрела угодила Шепот в висок. На ней был кожаный шлем, но я не сомневался, что удар свалит ее.

Ворон выпустил вторую стрелу, пока я возился со своей. Передумав, я бросил лук и перепрыгнул через прикрывавшую нас колоду. Мимо просвистела третья стрела Ворона.

Когда я подбежал, Шепот стояла на коленях. Я ударил ее по голове и повернулся к Хромому. Все стрелы Ворона попали в цель, но даже особая стрела Душелова не смогла погубить Взятую — захлебываясь кровью, он хрипел какое-то заклинание. Я врезал ногой и ему.

Тут подоспел Ворон, и я обернулся к женщине.

Эта сука оказалась крутой, оправдывала свою репутацию. Даже оглушенная, все пыталась подняться, вытащить меч и произнести заклинание. Я еще раз ударил ее и отнял меч.

— Забыл взять веревку, — прохрипел я. — У тебя нет веревки, Ворон?

— Нет.

Ворон стоял, глядя на Хромого. У Взятых ветхая кожаная маска сбилась на сторону, он пытался поправить ее, чтобы разглядеть, кто мы такие.

— Проклятье! Как же ее связать?

— Сперва позаботься о том, чтобы заткнуть ей рот. — Ворон поправил Хромого маску и улыбнулся непередаваемо жестокой улыбкой, которая появляется на его лице в тот момент, когда он собирается перерезать горло врагу.

Я выхватил нож и принялся кромсать одежду женщины. Она сопротивлялась, пришлось ударить ее еще несколько раз. Наконец я нарезал достаточно лоскутов, чтобы связать ее и заткнуть рот. Потом подтащил Шепот к куче камней, прислонил и стал наблюдать за Вороном.

Тот сорвал с Хромого маску, обнажив уродливое лицо.

— Что ты делаешь? — спросил я, увидев, как он связывает Взятых.

— Да вот, пришел к выводу, что у меня не хватит таланта довести дело до конца. — Он присел на корточки и похлопал Хромого по щеке. Тот излучал ненависть. — Ты ведь знаешь мою мягкосердечность, Костоправ. Я старая размазня. Я бы просто убил его и на том успокоился. Но он заслужил менее приятную смерть. У Душелова в таких делах опыта побольше. — Ворон недобро засмеялся.

Связанный напрягся. Несмотря на три раны, Хромою, казалось, сохранял силу и даже энергию. На торчащие из тела стрелы он вовсе не обращал внимания. Ворон вновь похлопал его по щеке:

— Привет, старина. Хочу тебя по-дружески предупредить... Ты ведь предупредил меня за час до того, как послал в засаду, подстроенную моей женой Утренней Звездой и ее приятелями? Предупредил? Так вот, опасайся Душелова. Он узнал твое истинное имя. А когда имеешь дело с Душеловом, невозможно предугадать, что он с тобой сотворит.

— Кончай злорадствовать, Ворон, — сказал я. — Лучше следи за ним. Вроде он колдует.

Пальцы Хромого ритмично шевелились.

— И точно! — воскликнул Ворон.

Он схватил меч, который я отобрал у Шепот, и методично отрубил Хромому пальцы на обеих руках.

Ворон уговаривал меня не излагать всю правду в Анналах. Возможно, когда-нибудь он прочитает мои записи и раскается. Но если честно, добряком его в тот день никто бы не назвал.

У меня возникла сходная проблема с Шепот, но я нашел другое решение — отрезал ей волосы и связал пальцы.

Ворон все мучил Хромого, и наконец я не выдержал:

— Послушай, Ворон, и в самом деле хватит. Пора отойти в сторону и просто приглядеть за ними.

Душелов не дал нам конкретных указаний насчет того, как действовать после пленения Шепот, но я предположил: Госпожа сообщит ему о случившемся и он прилетит на поляну. А до его прибытия нам просто нужно держать ситуацию под контролем.

Через полчаса после того, как я отогнал Ворона от Хромого, с неба спустился магический ковер Душелова, коснувшись земли в нескольких футах от пленников. Душелов сошел с ковра, потянулся, взглянул на Шепот.

— Скверный у тебя вид, — вздохнул он, произнеся слова деловым женским голосом. — Но ты и не была никогда красоткой. Да, кстати, мой друг Костоправ нашел зарытые тобой свертки.

Шепот окинула меня с ног до головы жестким и холодным взглядом. Не желая выдерживать его и далее, я отвернулся. Но поправлять Душелова не стал.

Тот посмотрел на Хромого и печально покачал головой:

— Здесь нет ничего личного. Доверие исчерпано до конца. Тобой занялись по ее приказу.

Хромою окаменел.

— Почему ты не убил его? — спросил Душелов Ворона.

Тот сидел на поваленном дереве, держа лук на коленях и глядя в землю.

Ворон промолчал, и я ответил за него:

— Он решил, что вы сумеете придумать что-нибудь получше.

Душелов рассмеялся:

— Я размышлял об этом по дороге, но ничего достойного так и не изобрел. Меняющий уже вызван, и скоро он будет здесь. — Душелов взглянул на Хромого. — А ведь ты влип как последний дурак. К твоим годам нужно было хоть немного набраться ума. — И повернулся к Ворону. — Он был тебе наградой от Госпожи.

— Ценю, — буркнул Ворон.

Я уже успел об этом догадаться. Но ведь и мне должно было кое-что перепасть, а я пока не видел даже намека на исполнение хотя бы одной моей мечты. Душелов опять продемонстрировал фокус с чтением мыслей:

— Полагаю, твоя награда изменилась. Она пока не доставлена. Устраивайся поудобнее, Костоправ, мы еще долго здесь пробудем.

Я подошел к Ворону и сел рядом. Мы молчали. Мне ничего не хотелось говорить, а он блуждал где-то внутри себя. Как я уже сказал, человек не может жить одной лишь ненавистью.

Душелов тщательно проверил путы наших пленников, оттащил раму с ковром в укромное место и уселся на кучу камней.

Меняющий Облик прибыл двадцать минут спустя — огромный, уродливый, грязный и вонючий, как всегда. Он осмотрел пленников с ног до головы, посовещался с Душеловом, с полминуты порывал на Хромого, потом залез на свой летающий ковер и рванул прочь.

— Он тоже спасовал, — пояснил Душелов. — Никто не хочет взять на себя ответственность.

— И кому же Меняющий ее передал? — удивился я.

У Хромого больше не осталось заклятых врагов.

Душелов пожал плечами и снова уселся на камень. Он забормотал десятком голосов, замкнувшись в себе, чуть ли не скукожившись. Пожалуй, мы оба были рады остаться наедине со своими мыслями.

Тянулось время. Пронзавшие листву солнечные лучи, все более пологие, гасли один за другим. Я уже задался вопросом, не прав ли Ворон в своих опасениях: с приходом ночи мы станем легкой добычей, а Взятым, чтобы видеть, солнце не нужно.

Я посмотрел на Ворона. Что сейчас происходит у него в голове? Его лицо было бесстрастным — с таким он играет в карты.

Я спрыгнул с колоды и принялся бродить вокруг, как недавно бродил Хромой. Заняться было решительно нечем. Я метнул шишку в выступ на бревне, за которым мы с Вороном укрывались, и... выступ исчез, провалился! Я бросился было за окровавленным мечом Шепот, но тут сообразил, что именно увидел.

— Ты чего? — спросил Душелов, когда я остановился.

— Кажется, мышцу растянул, — солгал я. — Решил пробежаться, ноги размять, и вот... — Я помассировал правое бедро.

Душелов вроде бы удовлетворился моим объяснением. Я вновь посмотрел на бревно, но ничего не заметил.

Но я знал, что Молчун все еще там. И будет на месте, если потребуется.

Молчун. Но как он мог здесь очутиться? Тем же способом, что и мы все? Или у него в запасе есть трюки, о которых никто не подозревает?

Помяв для вида ногу, я дохромал до Ворона, сел рядом и попытался объяснить жестами, что мы можем рассчитывать на подмогу, если дела пойдут плохо. Но старался я зря — Ворон слишком глубоко ушел в себя.

Наступила ночь. На небе повисла половинка луны, и несколько полосок серебристого света легли на поляну. Душелов все еще сидел на груде камней, а мы с Вороном — на бревне. От долгого пребывания в одной позе у меня заныла спина. Пошаливали нервы. Я устал и проголодался, и попытки одолеть страх были тщетны. С меня на сегодня достаточно! Но не хватало смелости сказать об этом вслух.

Наконец Ворон встряхнулся, оценил ситуацию и спросил:

— Какого дьявола мы здесь торчим?

Душелов тоже проснулся:

— Ждем. Осталось недолго.

— Чего ждем? — решительно спросил я.

Когда меня поддерживает Ворон, я тоже могу стать храбрецом. Душелов посмотрел в мою сторону. Внезапно я услышал подозрительный шорох в зарослях за спиной. Ворон напрягся, готовый действовать.

— Чего ждем? — повторил я, но уже не столь энергично.

— Меня, лекарь. — Дыхание говорящего коснулось моего затылка.

Одним прыжком я преодолел половину разделявшего меня и Душелова расстояния и остановился, лишь схватив меч Шепот. Душелов рассмеялся. Интересно, обратил ли он внимание, что боль в ноге перестала меня беспокоить? Я украдкой взглянул на бревно, за которым сидел Молчун, но ничего не заметил.

Над колодой, которую я столь поспешно покинул, разлился ослепительный свет. Я перестал видеть Ворона, он попросту исчез. Стиснув рукоять меча, я решил наградить Душелова хорошим ударом.

Свет проплыл над стволом рухнувшего гиганта, приблизился и остановился перед Душеловом. Он был настолько ярок, что глаза отказывались долго на него смотреть. Сияние освещало всю поляну.

Душелов опустил на колено. И тут до меня дошло.

Госпожа! Это яростное сияние и есть Госпожа. Мы ждали ее! Я смотрел, пока не заболели глаза, и тоже опустился на колено, протянув к ней на ладонях меч, словно рыцарь, приносящий присягу королю. Госпожа!

Это и есть моя награда — увидеть ее своими глазами? Это нечто, вызвавшее ко мне из самих Чар, каким-то образом заполнило меня целиком, и на одно дурацкое мгновение я влюбился по уши. Но видеть ее я не мог, а мне страстно хотелось узреть ее облик.

Она тоже обладала способностью, столь раздражавшей меня в Душелове.

— Не сейчас, Костоправ, — произнесла она. — Но, думаю, скоро.

Она коснулась моей руки, и пальцы обожгло, словно это было первое сексуальное прикосновение первой моей возлюбленной. Помните этот ослепительный, ошеломляющий и яростный миг восхищения?

— Награда будет позднее. А сейчас тебе позволено наблюдать за обрядом, которого никто не видел уже пятьсот лет. — Она переместилась. — Так неудобно смотреть. Встань.

Я встал и отошел назад. Душелов все еще стоял «вольно, по-парадному», лицом к свету. Его яркость уменьшилась, и теперь я мог смотреть без боли в глазах. Источник сияния, постепенно слабеющего, обогнул каменную грудь и остановился возле пленников. Теперь внутри его я различал женский силуэт.

Госпожа долго смотрела на Хромого, а тот на нее. Его лицо было пустым — он уже перешел грань надежды или отчаяния.

— Долгое время ты верно служил, — сказала Госпожа. — И твое предательство помогло мне больше, чем навредило. Я знаю, что такое милосердие. — Она засветилась ярче с одной стороны, рассеяв тень. Там стоял Ворон, со стрелой на тетиве. — Он твой, Ворон.

Я взглянул на Хромого. На его лице проявились возбуждение и странная надежда. Он, конечно, надеялся не на пощаду, а на простую, быструю и безболезненную смерть.

— Нет, — сказал Ворон.

И ни слова больше. Только недвусмысленный отказ.

— Тем хуже для тебя, Хромой, — негромко сказала Госпожа. Она прогнулась назад и что-то пронзительно выкрикнула, обратив лицо к небу.

Хромой резко дернулся. Из его рта вывалился кляп, путы развязались. Он встал и попытался убежать, бормоча защитное заклинание. Ему удалось сделать шагов пятнадцать, когда с неба обрушилась тысяча огненных змей.

Они заползали ему в рот и нос, вгрызались в глаза и уши. Змеи с легкостью проникали в тело и выбирались через выведенные отверстия на спине, груди и животе. И Хромой вопил, вопил, вопил... Та самая поразительная жизненная энергия, что шутя справилась с ранами от стрел Ворона, не давала ему теперь умереть во время казни.

Мой желудок не удержал в себе остатков вяленого мяса — а другой пищи он не получал за весь день.

Хромой вопил очень долго, но никак не умирал. Наконец Госпожа утомилась и отослала змей прочь. Она окружила тело Хромого полупрозрачным коконом и издала несколько громких звуков. С ночного неба спустилась гигантская светящаяся стрекоза, подхватила Хромого и с гудением унеслась к Чарам.

— Его ждут годы развлечений, — сообщила Госпожа и многозначительно взглянула на Душелова, чтобы наглядный урок пошел на пользу и ему.

Пока длилась экзекуция, Душелов не шевельнул и мускулом. Не сделал он этого и сейчас.

— То, что ты увидишь, Костоправ, — сказала мне Госпожа, — сохранилось лишь в воспоминаниях считанных свидетелей. Даже большинство моих приближенных успели об этом позабыть.

О чем это она?

Госпожа опустила взгляд. Шепот съежилась.

— Нет, ты ошибаешься, — молвила ей Госпожа. — Ты была столь выдающимся врагом, что я решила тебя вознаградить. — Она как-то странно рассмеялась. — Среди Взятых появилась вакансия.

Вот так. Теперь мне понятны и тупая стрела, и все зловещие обстоятельства, ведущие к этому моменту. Госпоже угодно, чтобы Шепот заменила Хромого.

Но когда же она приняла это решение? Хромой попал в немилость уже год назад, он подвергался одному унижению за другим. Неужели она всем этим дирижировала? Похоже на то. Намек здесь, намек там, вовремя пущенный слух, легкий провал в памяти... И Душелов принимал во всем этом участие, используя нас. Возможно, с того самого дня, когда нанял Отряд. И то, что жизненный путь Ворона пересекался с нашим, явно не случайно... Какая же все-таки жестокая, злобная, вероломная и расчетливая сука!

Но про это и так все знают. Она избавилась от собственного мужа. Убила свою сестру, если верить Душелову. Тогда почему я разочарован и удивлен?

Я взглянул на Душелова. Он по-прежнему не шевелился, но по слегка изменившейся позе было видно — он ошеломлен.

— Да, — подтвердила Госпожа, повернувшись к нему. — Вы думали, что лишь Властелин способен Взять? — Негромкий смех. — Но вы ошибались. Передай это тем, кто все еще думает о воскрешении моего мужа.

Душелов слегка шевельнулся. Смысл его движения я не смог уловить, но Госпожа им, кажется, удовлетворилась. Она вновь повернулась к Шепот.

Генерал мятежников была охвачена еще большим ужасом, чем Хромой. Ей предстояло сделаться тем, что она ненавидела сильнее всего, — и она была не в силах ничего изменить.

Госпожа опустила на колени и зашептала.

Я наблюдал за ней, все еще не зная, что происходит. Не мог я также и описать Госпожу лучше, чем это в свое время сделал Гоблин, хоть я и провел рядом с ней всю ночь. Или может быть, несколько ночей. Время приобрело сюрреальность. Куда-то исчезло несколько дней.. Но видеть ее я видел и стал свидетелем ритуала, превратившего нашего опаснейшего врага в одного из Взятых.

Лишь одно я помню предельно четко — огромное желтое Око, то самое, что едва не свело с ума Гоблина.

Возникнув неизвестно откуда, оно заглянуло в меня, Ворона и Шепот.

Взгляд не потряс меня так же сильно, как Гоблина. Возможно, я менее чувствителен. Или попросту невежествен. Но все же ничего хорошего я ожидать не мог. Как уже упоминал, было потеряно несколько дней моей жизни.

Око оказалось не всемогущим, оно почти не затронуло самых свежих воспоминаний. Госпожа так и не узнала, что рядом находился Молчун.

От других событий сохранились лишь обрывки, по большей части наполненные воплями Шепот. Помню момент, когда вся поляна кишела пляшущими чертями, едва не светящимися от накала рвущейся наружу злобы. Все они дрались за право изнасиловать Шепот. Помню, как Шепот умерла и была воскрешена, вновь умерла и опять воскресла, и это повторялось, пока она не свылась со смертью. Потом женщину несколько раз разрывали на куски, а в перерывах между пытками ее разглядывало Око.

Сведя воедино все, что запечатлелось в мозгу, я пришел к выводу, что ее сломили, убили, воскресили и заново собрали, но уже как преданную рабыню. Ведь она клялась Госпоже в своей верности — ее голос просто трепетал от страстного желания угодить.

Я проснулся, когда все давным-давно закончилось, — с кашей в голове, опустошенный и перепуганный. Потребовалось немало времени, чтобы разобраться в ситуации. Вся эта путаница нарочно создана Госпожой. Чего я не вспомню, то и не смогу обратить против нее.

Тоже мне награда!

Госпожи на поляне не было, равно как и Шепот, зато остался Душелов. Он расхаживал взад-вперед, возбужденно бормоча десятком голосов. Едва я уселся, он смолк и настороженно уставился на меня.

Я застонал, хотел подняться, но опрокинулся назад. Тогда я подполз к груде камней и кое-как устроился там. Душелов протянул мне флягу, я неуклюже взял, напился.

— Можешь поесть, как очухаешься, — сказал он.

Его слова разбудили во мне зверский голод. Сколько времени я не ел?

— Что здесь произошло?

— А что ты помнишь?

— Очень немного. Шепот была Взята?

— Она заменила Хромого. Госпожа отправила ее на восточный фронт. Шепот много знает о противнике, это позволит выправить там положение.

Я помотал головой, стряхивая с глаз паутину.

— А я думал, что они перешли на северное стратегическое направление.

— Так и есть. И мы вернемся в Лорды, как только твой друг придет в себя. А ведь я считал, что хорошо знаю Шепот, — поведал он мягким женским голосом. — Узнав о случившемся в лагере, она оповестила Круг, и тот отреагировал быстро. Даже обошлось без привычной грызни, потому что они почуяли запах крови. Смирившись с потерями, отвлекали наше внимание и одновременно перегруппировывали силы. И проделали этот трюк в полной тайне от нас. Теперь армия Твердеца движется на Лорды, а наши войска до сих пор рассеяны по всему лесу. Она расставила для нас ловушку.

Мне не хотелось этого слышать. Целый год одни плохие новости. Ну почему у нас было столько побед, но мы ни разу не закрепили успех?

— Она намеренно пожертвовала собой?

— Нет. Хотела водить нас за собой по лесам, выигрывая время для Круга. Она и не подозревала, что Госпоже все известно про Хромого. Да, я слишком плохо знал Шепот. Со временем наши дела на-

ладятся, но, пока она не исправит положение на востоке, нам придется несладко.

Я попытался встать, но не смог.

— Не торопись, — посоветовал Душелов. — Когда Око смотрит на тебя впервые, это тяжело. Ты как, можешь что-нибудь съесть?

— Давайте-ка сюда вон ту лошадь.

— Лучше не увлекайся поначалу.

— И насколько плохи дела? — Я и сам не совсем понимал, о чем спрашиваю.

Душелов предположил, что меня интересует стратегическая ситуация.

— Армия Твердеца больше любой из тех, с которыми мы встречались в здешних краях. И это лишь одна из группировок, выступивших в поход. Если Крадущийся не успеет первым занять Лорды, то мы потеряем и город, и королевство. Противник получит реальный шанс вообще вытеснить нас с севера. Наши силы в Висте, Тетке, Вине и далее не готовы к крупным сражениям. До сих пор север был второстепенным театром военных действий.

— Но... столько трудов, и все напрасно? Выходит, ситуация еще хуже, чем после потери Роз? Проклятье! Это неправильно! — Я уже устал это повторять.

— Не тревожься, Костоправ. Если Лорды перейдут в руки врага, мы остановим его на Лестнице Слез. И будем сдерживать, пока Шепот не покажет, на что она способна. Мятежники не смогут игнорировать ее бесконечно. Если восток падет, восстанию конец. На востоке вся их сила.

Душелов говорил так, словно старался убедить сам себя. Он уже пережил подобные потрясения в последние дни Владычества.

— А я думал, что мы их уже одолели, — пробормотал я, пряча лицо в ладонях.

Ну зачем только мы покинули Берилл?

Душелов потыкал Ворона пальцем, но тот не шелохнулся.

— Вставай! — раздраженно бросил Душелов. — Меня ждут в Лордах. Как бы в конце концов нам с Крадущимся не пришлось удерживать город вдвоем.

— Почему бы вам не оставить нас здесь, если ситуация настолько критическая?

Душелов что-то буркнул, хмыкнул, но с ответом не спешил. Он еще продолжал представление, когда я догадался, что у этого Взяттого сохранились остатки чести, чувство ответственности перед те-

ми, кто принял его защиту. Впрочем, он этого не признаёт. Никогда не выйдет из образа.

Я задумался о предстоящем полете на ковре. Крепко задумался. Я столь же ленив, как и любой человек, но лететь мне очень не хотелось. Только не сейчас. И не в таком состоянии.

— Я непременно свалюсь. Вам нет смысла здесь задерживаться. Мы еще несколько дней будем приходить в себя. Прогулка даже пойдет нам на пользу. — Я подумал о лесе, и мысль о долгом возвращении сразу перестала нравиться. — Верните нам значки. Тогда сможете нас снова найти и перевезти на ковре, если время позволит.

Душелов недовольно заворчал. Мы стали перебрасываться аргументами. Я налегал на свое паршивое самочувствие и на скверное состояние Ворона.

Душелову не терпелось убраться, и он позволил себя убедить. Он разгрузил ковер — пока я был в отключке, Взятый успел куда-то слетать — и уселся, приготовившись к отправлению.

— Я с вами встречу через несколько дней.

Ковер взмыл куда быстрее, чем в тот раз, когда на нем сидели мы с Вороном, и исчез над кронами деревьев. Я доковылял до груды вещей, оставленной Душеловом.

— Вот сукин сын! — хмыкнул я.

Все его возражения оказались притворством. Душелов привез провизию, наше оружие, оставленное в Лордах, и кое-какие мелочи, которые помогут нам выжить в лесу. Для Взятых он очень даже неплохой начальник.

— Эй, Молчун! Где ты там?

Молчун бесшумно вышел на поляну. Посмотрел на меня, на Ворона, на припасы, но ничего не сказал. Разумеется, он же Молчун. Вид у него был измотанный.

— Мало спал? — спросил я.

Он кивнул.

— Видел, что здесь происходило?

Он снова кивнул.

— Надеюсь, ты помнишь это лучше меня.

Он отрицательно покачал головой. Проклятье! Так это и попадет в Анналы — не ясным до конца.

Странное у нас получилось общение: один говорит, другой трясет башкой. Попробуй узнай что-либо таким способом. Надо будет освоить язык жестов, которому Ворон выучился у Душечки. Молчун у нее второй после Ворона лучший друг, и даже подглядеть их общение будет интересно.

— Давай посмотрим, что мы можем сделать для Ворона, — предложил я.

Ворон имел вид смертельно уставшего человека. Нечего и надеяться, что он проснется в ближайшие часы. Ладно, пусть отсыпается. А я пока расспрошу Молчуна.

Его послал Капитан. Приехал колдун сюда верхом, а в путь отправился еще до того, как нас с Вороном вызвал для разговора Душелов. Он двигался почти без остановок, и днем и ночью, и добрался до поляны лишь незадолго до того, как я его заметил.

Я спросил, как он узнал, куда следует ехать. Спросил, полагая, что Капитан выудил из Душелова достаточно информации, чтобы отправить Молчуна в путь, — это как раз в стиле Капитана. Молчун признался, что знал лишь общее направление, пока мы не появились в этом краю, а затем выследил нас по амулету Гоблина.

Хитрюга Гоблин. Даже словечком не обмолвился. Впрочем, оно и к лучшему. Око вытянуло бы из меня эту информацию.

— И ты думаешь, что и в самом деле смог бы нам помочь, если бы пришлось? — спросил я.

Молчун улыбнулся, пожал плечами, подошел к развалинам и уселся на камень. Для него игра в вопросы закончилась. Во всем Отряде только его не волнует собственный образ в Анналах. Ему совершенно все равно, любят его или ненавидят, где бы он ни находился. Порой я задаюсь вопросами: а заботит ли его вообще, жив он или уже умер? И что держит его в Отряде?

Наконец Ворон проснулся. Мы накормили его и, поймав лошадей Шепот и Хромого, направились в Лорды. Ехали без особого энтузиазма, поскольку знали, что направляемся на поле очередной битвы, к месту встречи будущих покойников.

Нам не удалось приблизиться к Лордам. Армия Твердеца окружила город двойным кольцом. Угрюмая черная туча накрыла его целиком. По краям ее рвали яростные молнии, противодействуя мощи Восемнадцати, — Твердец подступил к городу не в одиночестве.

Видимо, Круг всерьез решил поквитаться за Шепот.

— Я смотрю, Душелов и Крадущийся работают в полную силу, — проговорил Ворон после особенно яростного обмена ударами. — Предлагаю отойти южнее и выждать. Если они оставят город, то мы присоединимся, когда они побегут в Ветренный край. — Его лицо жутко исказилось — ему не понравилась эта перспектива, потому что в Ветреном краю он уже бывал.

Мы отошли на юг и присоединились к солдатам, отбившимся от своих частей. Укрывшись, прождали двенадцать дней. Ворон орга-

низовал некое подобие воинского отряда. Я проводил время с пером в руках и в размышлениях о Шепот, строя догадки о том, в какой степени она может изменить ситуацию на востоке. То немного, что я успел увидеть вокруг Лордов, убедило меня: эта женщина — последняя реальная надежда нашей стороны.

Дошли слухи, что мятежники и в других местах давят на нас почти с такой же силой. Кажется, Госпожа перебросила с востока Висельника и Костоглода, чтобы укрепить оборону. А еще говорят, Меняющий погиб в бою под Рожью.

Я тревожился об Отряде — братья оказались в Лордах до прихода Твердеца.

Никто из наших не умирал, не поведав мне о себе. Как я смогу узнать их истории, находясь в двадцати милях от города? Сколько подробностей будет утеряно, если придется записывать со слов товарищей павших? И сколько братьев погибнет, а их смерть никто даже не заметит?

Но куда чаще я думал о Хромом и Госпоже. И терзался.

Вряд ли я теперь стану сочинять романтические фантазии о нашей нанимательнице. Я был слишком близок к ней. И больше я не влюблен.

Я одержим. Меня преследуют вопли Хромого. Преследует смех Госпожи. Преследует подозрение, что мы прокладываем дорогу чему-то такому, что следует стереть с лица земли. Преследует убеждение, что те, кто стремится уничтожить Госпожу, нисколько не хуже ее. А может, и лучше.

Меня преследует ясное понимание того, что зло в конце всегда торжествует.

Ох, черт! Тревога. Отвратительная черная туча перевалила через холмы и поползла на северо-восток. Все вокруг носятся, хватают оружие и седлают лошадей. А Ворон кричит, чтобы я пошевелился...

Твердец

Воюющий ветер швырял в нас заряды пыли и песка. Мы отступали, шагая спиной вперед, а песчаная буря находила в одежде и броне малейшие щелочки. Пыль и песок, смешиваясь с потом, превращались в вонючую соленую грязь. Горячий и сухой воздух быстро высасывал из нее влагу, и она засыхала комками. Губы у всех потрескались и распухли, язык превратился в заплесневелую деревяшку, царапающую шершавую корку на внутренней стороне щек.

Армия Зовущей Бурю уносила ноги. Мы страдали едва ли не так же, как и мятежники. Видимость сократилась до жалкого десятка ярдов. Я едва различал людей слева и справа и видел лишь двоих из арьергардной цепочки — они тоже шли спиной вперед. Противник был вынужден следовать за нами лицом к ветру, но это слабо утешало.

Внезапно солдаты в соседней цепочке торопливо изготовились к стрельбе. Из пыльной круговерти вынырнули высокие силуэты, вокруг них тенями развевались плащи, хлопающие на ветру, точно крылья огромных птиц. Я тоже сорвал с плеча лук и пустил стрелу, почти уверенный, что ветер отнесет ее в сторону от цели.

Но я ошибся. Всадник взмахнул руками, и его конь, развернувшись, помчался вдогонку за ветром и другими осиротевшими лошадьми.

Враги не давали нам передышки и держались впритык, стараясь перебить по одному, прежде чем мы пересечем Ветренный край и доберемся до Лестницы Слез, где обороняться гораздо легче. Им хотелось, чтобы каждый из нас, мертвый и обобранный, остался лежать под безжалостным солнцем пустыни.

Шаг назад, шаг назад. Невыносимо медленно. Но выбора нет. Если мы повернемся к мятежникам спиной, то они ринутся на нас

лавиной. Надо брать с них плату за каждую попытку приблизиться, надо наводить страх на бесчисленных врагов.

Подарок Зовущей Бурю стал для нас самой надежной защитой. Ветреный край и в лучшие-то времена дик и суров — плоский, бесплодный и сухой. Здесь никто не живет, и песчаные бури тут самое обычное дело. Но никогда еще не видел он такой бури, что ревела час за часом, день за днем, стихая лишь ночью. Она делала Ветренный край адом для любого живого существа, но при этом не давала погибнуть Отряду.

Теперь нас было около трех тысяч, и мы отступали перед смертельной волной, захлестнувшей Лорды. Отказавшись разделить, наше маленькое братство превратилось в ядро, которое стало обрасывать другими беглецами, едва Капитан организовал наш прорыв через линии осаждающих. Мы сделали мозгом и нервами бегущей призрачной армии. Сама Госпожа временно подчинила Капитану всех имперских офицеров. В северной кампании только Черный Отряд смог добиться заметных успехов.

Кто-то вышел сзади из воя и пыли, постучал меня по плечу. Я резко обернулся. Покидать свое место в цепи обороняющихся было еще рано.

По мою душу явился Ворон. Капитан догадался, где можно меня найти.

Вся голова Ворона была обмотана тряпками. Я прищурился, закрыв ладонью глаза. Ворон прокричал что-то вроде «Ея оот ката». Я потряс головой. Он ткнул пальцем куда-то назад, вцепился в меня, подтянул к себе и прокричал в ухо:

— Тебя зовет Капитан.

Я кивнул, отдал Ворону лук и стрелы и, склонившись, двинулся навстречу ветру и песку. Оружия не хватало. Мы собирали стрелы мятежников, прилетевшие из-за бурой пыльной завесы.

Шарк, шарк, шарк. Я шел, опустив голову, скорчившись и почти закрыв глаза, и на макушке рос слой песка. Встречаться с Капитаном не хотелось. Он не скажет ничего такого, что я хотел бы услышать.

Ко мне подкатился большой куст, едва не сбил с ног. Я рассмеялся. С нами идет Меняющий, и мятежники зря выпускают немало стрел, когда куст приблизится к ним. На каждого из нас приходится десять или пятнадцать врагов, но даже такой перевес не ослабит их страха перед Взятым.

Я брел навстречу зубастому ветру, пока не сообразил, что зашел слишком далеко — или потерял направление, а это, по сути, одно

и то же. Уже готов был сдаться, но тут достиг чудесного островка спокойствия. Я по инерции пробежал несколько шагов в этой зоне отсутствия ветра и едва не рухнул. В ушах все еще слышался рев бури — они отказывались поверить в тишину.

Внутри безветренного пространства тесно, колесо к колесу, катились тридцать фургонов; большинство из них перевозило раненых. Фургоны окружала тысяча человек, устало бредущих на юг. Глядя под ноги, они со страхом ждали своей очереди сменить кого-нибудь в арьергардной цепи. Не было слышно ни разговоров, ни смеха. Эти люди видели слишком много поражений, они следовали за Капитаном по той единственной причине, что он давал шанс выжить.

— Костоправ! Сюда! — С правого фланга линии фургонов мне замахал рукой Лейтенант.

Капитан походил на залегшего в спячку медведя, которого разбудили раньше времени. Седые волосы на висках топорщились, кожа на лице обвисла, а глаза утонули в темных глазницах. Он будто пережевывал слова, перед тем как выплюнуть.

— Кажется, я приказывал тебе никуда не отлучаться, — произнес он с бесконечной усталостью.

— Настала моя очередь...

— Костоправ, тебя это не касается. Дай-ка я попробую повторить самыми простыми словами, чтобы понял даже ты. Нас три тысячи. Мы постоянно в боевом соприкосновении с мятежниками. И у нас только один недоделанный шаман и один настоящий врач, чтобы позаботиться обо всех. Половина энергии Одноглазого уходит на то, чтобы сохранять этот островок спокойствия. Вот и получается, что все медицинские заботы ложатся на твои плечи. А следовательно, ты не должен рисковать в арьергардных стычках. Ни под каким предлогом.

Я хмуро смотрел поверх его левого плеча, разглядывал вихри песка вокруг зоны спокойствия.

— До тебя дошло, Костоправ? Я ценю твою преданность Анналам и стремление оказаться в самой гуще событий, но...

Я кивнул, потом обвел взглядом фургоны и их печальный груз. Так много раненых, и так мало я могу для них сделать. Капитану не понять, какую беспомощность я испытываю из-за этого зрелища. Я могу лишь зашивать раны, молиться да облегчать страдания тех, кто уходит в мир иной. Да еще выгружать их, освобождая место для следующих.

Очень многие остались бы в живых, располагай я временем, умелыми помощниками и условиями для нормальных операций. А почему я полез в арберггард? Да потому что там от меня есть какая-никакая польза, там я могу отвечать нашим мучителям ударом на удар.

— Костоправ! — рыкнул Капитан. — Похоже, ты меня не слушаешь.

— Да я все понял. Нахожусь здесь и занимаюсь шитьем.

— Не надо раскисать. — Он дотронулся до моего плеча. — Душелов сказал, что завтра мы доберемся до Лестницы Слез. И тогда сделаем то, чего нам больше всего хочется, — раскровением нос Твердецу.

Твердец стал у мятежников главнокомандующим.

— А он не сказал, как мы собираемся это сделать, если у них такое численное превосходство?

Капитан нахмурился и зашагал по-медвежьи, вперевалку, составляя в уме ободряющий ответ.

Разве способны три тысячи потерпевших поражение, выдохшихся солдат повернуть вспять вкусившую победу орду Твердеца? Да никогда. Даже с поддержкой трех из Десяти Взятых.

— Пожалуй, нет, — фыркнул я.

— Впрочем, это не по твоей части, верно? Душелов ведь не подвергает сомнению правильность твоих хирургических процедур? Тогда с какой стати ты полез в стратегию?

— Неписанный закон всех армий, Капитан, — ухмыльнулся я. — Рядовым дано право сомневаться в ясности рассудка и компетентности своих командиров. Это цемент, не позволяющий армии развалиться.

Низкорослый Капитан на ходу взглянул на меня из-под кустистых бровей:

— Говоришь, не позволяет развалиться? А ты знаешь, что заставляет ее двигаться?

— Что же?

— Такие, как я, кто дает пинка в зад таким, как ты, когда они начинают философствовать. Надеюсь, ты понял намек.

— Вроде понял.

Я отошел, достал из фургона свою медицинскую сумку и принялся за работу. Поступило несколько новых раненых.

Творение Зовущей Бурю продолжало охлаждать пыл мятежников.

Я устало брел вперед, ожидая очередного вызова, когда из песчаных вихрей вынырнул Эльмо. Сержанта я не видел несколько дней. Заметив, что он направляется к Капитану, я тоже подошел поближе.

— ...Обойти нас справа, — говорил Эльмо. — Наверное, пытаются первыми достичь Лестницы. — Увидев меня, он приветственно поднял руку.

Та дрожала, и вообще он едва с ног не падал от усталости. Как и Капитан, он почти не отдыхал с того дня, как мы вошли в Ветреный край.

— Собери роту из резерва, обойди противника с фланга, — распорядился Капитан. — Врежь покрепче и отскочи. Такого они не ожидают, и это их ошеломит. Пусть гадают, что мы задумали.

— Есть. — Сержант повернулся, чтобы уйти.

— Эльмо...

— Да, Капитан.

— Будь поосторожнее. И силы побереги. Нам идти всю ночь.

В глазах смертельно усталого Эльмо читалась мука, но он не стал обсуждать приказ. Хороший солдат. К тому же он, как и я, знал, что эти приказы Капитан не выдумывал по собственной прихоти. Они поступали сверху. Возможно, из самой Башни.

Сгустившаяся тем временем мгла принесла хрупкое перемирие. В темноте все стычки прекращались. Солдаты обеих армий так выматывались за день, что после прихода ночи не испытывали желания сделать лишний шаг.

Но это не значит, что они не тащились дальше — хоть бы и на карачках, касаясь задницей пяток. Высокое начальство выжимало из нас последние капли сил, надеясь добиться тактического преимущества. Занять ночью Лестницу, закрепиться там — и пусть мятежники наступают из вечной бури. Разумно. Но приказ на подобный маневр мог отдать только штабной генерал, сидя в кресле за триста миль от поля боя.

— Ты слышал приказ? — спросил меня Капитан.

— Да. На мой взгляд, дурацкий.

— Я согласен со Взятым, Костоправ. Переход окажется более легким для нас и более трудным для мятежников. Ты понял?

— Да.

— Тогда не путайся под ногами. Полежай в фургон и поспи.

Я побрел прочь, проклиная невезуху, лишившую нас большинства лошадей. Боги! Я уже староват, чтобы преодолевать пешком такие расстояния.

Советом Капитана, хоть он и был разумен, я не воспользовался. Я был слишком взвинчен, чтобы уснуть, а перспектива ночного перехода меня и вовсе потрясла.

Я бродил, разыскивая старых друзей. Солдаты Отряда рассеялись среди прочих, обеспечивая выполнение приказов Капитана. Многих я не видел еще с Лордов и даже не знал, живы ли они вообще.

Мне удалось найти лишь Гоблина, Одноглазого и Молчуна. Сегодня Гоблин и Одноглазый были не общительнее Молчуна, и одно это красноречиво свидетельствовало о нашем моральном духе.

Вся троица еле тащилась, не отрывая глаз от сухой земли и лишь изредка делая пару жестов или бормоча несколько слов, чтобы поддерживать целостность окружающего нас купола спокойствия. Некоторое время я брел рядом с ними, затем попытался растопить лед:

— Привет.

Гоблин что-то буркнул. Одноглазый одарил меня двухсекундным злобным взглядом. Молчун и вовсе не заметил моего присутствия.

— Капитан сказал, что нам предстоит идти всю ночь, — сообщил я, желая, чтобы кто-нибудь разделил мое уныние.

Гоблин спросил взглядом, зачем я бессовестно лгу. Одноглазый пробормотал что-то насчет жаб, в которых надо превращать такую сволочь.

— Сволочь, которую ты собираешься превратить в жабу, зовут Душелов, — с хитрым видом сказал я.

— Пожалуй, я на тебе потренируюсь, Костоправ. — Для доходчивости он добавил злобный взгляд.

Одноглазого тоже не обрадовала перспектива ночного марша, поэтому Гоблин принялся немедленно восхвалять гений человека, которого осенила такая идея. Но его энтузиазм оказался настолько слаб, что Одноглазый не заглотил наживку.

Я попробовал еще раз:

— У вас, ребята, кислый видок, под стать моему настроению.

Мимо. Даже головы никто не повернул.

— Ну, будь по-вашему. — Я тоже понурился, зашаркал и отключил мозги.

Потом за мной пришли: нужно было позаботиться о раненых из отряда Эльмо. Их оказалась дюжина, последняя партия на сегодня. Мятежники тоже выдохлись — нельзя же все время поддерживать в себе готовность победить или погибнуть.

Под пологом бури быстро наступила темнота. Мы занимались обычными делами: оторвались немного от мятежников, выждали, когда стихнет буря, разбили лагерь и развели костры, срубив поблизости все чахлые кусты. Только на сей раз отдых выдался коротким — пока на небе не зажглись звезды. Они уставились на нас, ехидно подмигивая, словно говорили, что пот и кровь пролиты напрасно, что о наших подвигах и свершениях через тысячу лет никто и не вспомнит.

Подобные мысли возникали у каждого. Не осталось ни идеалов, ни жажды славы. Хотелось лишь добрести куда-нибудь, лечь и позабыть о войне.

Но война не забывала про нас. Решив, что мятежники поверили, будто мы разбили лагерь на всю ночь, Капитан приказал двигаться дальше. Колонна фургонов медленно поползла по освещенной лунной пустыне.

Проходили часы, а мы словно стояли на месте. Местность не менялась. Время от времени я оборачивался полюбоваться бурей, которую Зовущая напустила на лагерь мятежников. Темное облако раздирали вспышки молний — с такой яркой стихией противнику еще не приходилось сталкиваться.

Лестница Слез материализовалась из темноты столь медленно, что я лишь через час понял: это именно перевал, а не повисшая над самым горизонтом полоса облаков. Когда равнина сменилась склоном, звезды уже бледнели, а небо на востоке посветлело.

Лестница Слез представляет собой гряду зазубренных скал, без преувеличения непреодолимых, за исключением единственного крутого перевала, из-за которого она и получила свое имя. Предгорье плавно поднимается, пока не упирается в высоченные обрывы из красного песчаника, тянущиеся в обе стороны на сотни миль. В лучах восходящего солнца они напоминают потрепанные временем бастионы крепости какого-нибудь великана.

Колонна втянулась в перегороженный осыпью каньон, а потом стояла, пока для фургонов расчищали путь. Я взобрался на вершину обрыва — понаблюдать за бурей. Она двигалась в нашу сторону.

Успеем ли пройти, пока не догнал Твердец?

Осыпь была свежей, она перекрыла всего четверть мили дороги. За ней начинался путь, по которому ходили караваны, пока война не прервала торговлю.

Я вновь посмотрел на бурю. Твердец держал хороший темп. Должно быть, его гнала вперед злость. Он не намеревался отступать.

Мы убили его шурина, и его двоюродная сестра была Взята тоже не без нашей помощи...

Я уловил движение на западе. В сторону Твердеца плыла целая гряда жуткого вида грозовых туч, они рычали друг на дружку. Завертелась воронка смерча, отделилась от туч и поползла в сторону песчаной бури. Взятая решила не церемониться.

Но Твердец оказался упрямым, он наступал, несмотря ни на что.

— Эй, Костоправ! — крикнул кто-то. — Пошли.

Я посмотрел вниз. Фургоны уже преодолели худший участок оползня. Пора идти.

Из покрова грозовых туч вылетел второй смерч. Мне стало немного жаль солдат Твердеца.

Вскоре после того, как я присоединился к колонне, земля содрогнулась. Утес, на котором я недавно стоял, дрогнул, застонал и обрушился на дорогу лавиной обломков. Еще один подарочек Твердецу.

До новых позиций мы добрались незадолго до заката. Наконец-то пригодная для человека местность! Настоящие деревья. Журчащий ручей. Те, у кого еще оставались силы, начали окапываться или готовить еду, остальные рухнули там, где остановились. Капитан не стал на нас давить. В тот момент лучшим лекарством был самый обыкновенный отдых.

Я заснул мертвым сном. На рассвете меня разбудил Одноглазый.

— Принимайся за работу, — сказал он. — Капитан велит развернуть госпиталь. — Он скривил физиономию, хотя и без того она была похожа на сушеную сливу. — Вроде к нам движется подмога из Чар.

Я застонал, выругался и встал. Каждый мускул одеревенел, каждый сустав ныл.

— Когда мы окажемся в очаге цивилизации, где есть таверны, напомни, чтобы я поднял тост за вечный мир, — пробормотал я. — Знаешь, Одноглазый, я готов подать в отставку.

— А кто из нас не готов? Но ведь ты летописец, Костоправ. Вечно тычешь нас носом в традиции. И прекрасно знаешь, что из Отряда можно уйти только двумя путями: мертвым или ногами вперед. Так что плесни себе водички на морду и принимайся за работу. А у меня есть дела поважнее, чем изображать няньку.

— Умеешь ты с утра развеселить.

— Да я само веселье.

Одноглазый топтался неподалеку, пока я пытался мало-мальски привести себя в порядок.

Лагерь постепенно оживал. Ворча и сквернословя, солдаты ели и смывали с себя пыль пустыни. Некоторые даже переговаривались. Мало-помалу войско восстанавливало силы.

Офицеры и сержанты осматривали склон, искали выгодные для обороны участки. Выходит, именно здесь, по замыслу Взятых, мы должны преградить врагу путь.

Место удачное: часть перевала, которому Лестница обязана названием, представляет собой подъем в тысячу двести футов, откуда открывается вид на лабиринт каньонов. Старинная дорога выписывает на склоне бесчисленные зигзаги, отчего издали смахивает на гигантскую кривобокую лестницу.

Призвав на помощь десяток солдат, мы с Одноглазым начали перемещать раненых в тихую рощу, находившуюся выше по склону и на порядочном удалении от возможного места битвы. Потратили час, устраивая их поудобнее и готовясь к приему новых калек.

— Что это? — вдруг спросил Одноглазый.

Я прислушался. Суeta в лагере стихла.

— Что-то происходит, — предположил я.

— Ты невероятно догадлив, — сообщил Одноглазый. — Наверное, прибыли люди из Чар.

— Пойдем взглянем. — Я вышел из рощи и зашагал вниз по склону, к палатке Капитана.

Вновь прибывших я увидел, едва миновал опушку рощи.

Их было около тысячи: половина — воины из личной гвардии Госпожи, в яркой форме, а остальные, очевидно, обозники. Цепочка фургонов и стадо скота порадовали нас куда больше, чем подкрепление.

— Сегодня вечером будет пир, — крикнул я спускавшемуся следом Одноглазому.

Радостная улыбка на его лице — явление столь же редкое, как и сказочный куриный зуб, и, без сомнения, достойное занесения в Анналы.

Вместе с батальоном гвардейцев к нам прибыл Взятый по имени Висельник, поразительно высокий и тощий. Голова у него была постоянно склонена набок, а шея распухла и посинела от объятий петли. На лице застыло выражение человека, умершего от удушья. Я предположил, что ему трудно говорить.

То был пятый увиденный мною Взятый — после Душелова, Хромого, Меняющего и Шепот. Крадущегося я не встретил, потому что

не был в Лордах, а Зовущую Бурю так и не увидел, хотя она отступала вместе с нами. Висельник отличался от прочих Взятых — те обычно что-нибудь носили, пряча лицо и голову. Все они, за исключением Шепот, провели несколько веков в могиле, и это не пошло на пользу их внешности.

Душелов и Меняющий вышли поприветствовать Висельника. Капитан стоял неподалеку спиной к ним и лицом к командиру гвардейцев. Я приблизился, надеясь подслушать.

Гвардеец был угрюм, потому что оказался под началом у нашего Капитана. Никому из офицеров регулярной армии не нравилось получать приказы от заморского наемника.

Я бочком подобрался поближе к Взатым. И обнаружил, что не могу понять ни слова из их беседы. Они говорили на теллекурре — языке, умершем вместе с Владычеством.

Кто-то легко коснулся моей руки. Вздвогнув, я опустил голову и посмотрел в широко распахнутые карие глаза Душечки, которую не видел уже несколько дней. Девочка быстро шевелила пальцами. Я уже научился разбирать язык жестов и сообразил: она хочет что-то показать.

Душечка привела меня к палатке Ворона, стоявшей недалеко от палатки Капитана, залезла туда и вернулась с деревянной куклой. Игрушка была вырезана с любовью. Не взялся бы угадать, сколько часов Ворон на нее потратил. И как он ухитрился найти такую уйму свободного времени?

Душечка вновь зашевелила пальцами, только медленнее, чтобы мне было легче понять, — я еще не мог назвать себя знатоком подобного способа общения. Она сообщила, что куклу, как я и предположил, сделал Ворон и что теперь он шьет одежду. Девочка считала, что обладает великим сокровищем. И немудрено — если вспомнить деревню, где мы нашли этого ребенка.

Станный поступок для Ворона, всегда мрачного, холодного и молчаливого. Мне-то казалось, что он знает лишь одно применение ножу — самое что ни на есть зловещее.

Мы с Душечкой пообщались несколько минут. Ее мысли были восхитительно прямолинейны и свежи по контрасту с миром, наполненным злобными, лицемерными, непредсказуемыми и вечно интригующими существами.

Мое плечо сжала чья-то рука — одновременно сердито и приветливо.

— Тебя ищет Капитан.

Глаза Ворона блеснули, как осколки обсидиана под молодой лунной. Он притворился, будто не видит куклу. А ведь ему нравится обращаться с другими грубовато, понял я.

— Иду, — сказал я и попрощался с Душечкой на языке жестов.

Мне было в радость учиться у нее, а она получала такое же удовольствие, обучая меня. Должно быть, это наполняло ее ощущением собственной нужности. Капитан даже подумывал о том, чтобы весь Отряд выучил ее пальцевый язык — это стало бы ценным дополнением к нашему традиционному, но довольно скромному набору боевых сигналов.

Когда я прибыл, Капитан метнул в меня мрачный взгляд, но отчитывать не стал.

— Твои новые помощники и разные припасы вон там. Покажи людям, куда идти.

— Есть, Капитан.

Вся ответственность теперь легла на него. Никогда еще он не командовал таким большим войском, не попадал в столь неблагоприятные условия, не получал невыполнимых приказов и не глядел в будущее с полной неуверенностью. С его точки зрения все выглядело так, словно нами решили пожертвовать, лишь бы выиграть время.

Мы, Отряд, идем в бой без особого энтузиазма. Но всяческими хитростями Лестницу Слез не удержать.

Похоже, нам конец.

Никто не споет песню в память о нас. Мы последние из Вольных Отрядов Хатовара. Наши традиции и воспоминания живут только в этих Анналах. Скорбеть о нас можем только мы сами.

С одной стороны — Отряд, с другой — весь мир. Так было, так есть, так будет.

Госпожа прислала мне в помощь двоих опытных военных хирургов, десяток стажеров с различной степенью умения и несколько фургонов, набитых медицинскими припасами. Меня переполняла благодарность: теперь есть шанс спасти от гибели немало раненых.

Я привел помощников в рощу, объяснил свои методы работы и поручил заботиться о пациентах. Убедившись, что полными невеждами этих людей не назовешь, я покинул импровизированный госпиталь.

Меня снедало беспокойство. Нисколько не нравилось происходящее с Отрядом. Слишком много новичков, слишком большая ответ-

ственность. Прежних близких отношений как не бывало. Когда-то я встречался с каждым из наших ежедневно, теперь же вспоминал имена братьев, которых не видел со дня схватки под Лордами. Я даже не знал, в строю ли они, мертвы или попали в плен. Меня безумно угнетало, что некоторые из них потеряны навсегда и им суждено остаться забытыми.

Отряд — это семья. Без нашего братства он ничто. А нынче, когда вокруг столько новых северных лиц, главной силой, сохраняющей Отряд как единое целое, стали отчаянные попытки братьев восстановить семейную теплоту наших отношений. Следы этих усилий отпечатались на каждом лице.

Я пришел на один из сторожевых постов, неподалеку от которого ручей водопадом изливался в каньон. Далеко-далеко внизу, ниже тумана, поблескивал пруд. Из него в сторону Ветреного края бежал тонкий ручеек, начиная путешествие без надежды достичь цели. Я обвел взглядом хаотическое нагромождение песчаниковых башен и куртин. Грозовые тучи, рокоча и посверкивая мечами молний, все еще заполняли небо над пустыней, напоминая о том, что враг совсем рядом.

Твердец приближался, презрев грохочущую магию Зовущей. Я предположил, что столкновение произойдет завтра. Интересно, сильно ли потрепала противника гроза? Наверняка недостаточно, и нам придется туго.

Я заметил крупную фигуру в коричневом, ковыляющую по дороге вниз, к пустыне. Меняющий пошел попрактиковаться в наведении суматохи. Он может проникнуть в лагерь мятежников в облике одного из них, колдовски отравить еду в котлах или подпустить болезнь в питьевую воду. Он обернется тенью во мраке, которой боятся все люди, и будет приканчивать недругов по одному, оставляя после себя истерзанные останки, при виде которых живые исполнятся ужаса. Завидуя ему, я не мог избавиться от отвращения.

Над костром мигали звезды. Он успел прогореть до углей, пока мы, несколько ветеранов, развлекались тонком. Мой выигрыш был скуден.

— Выхожу из игры, пока есть прибыль, — сказал я. — Кто хочет на мое место?

Я размял затекшие ноги, отошел в сторонку, уселся у бревна и посмотрел на небо. Звезды казались веселыми и приветливыми.

Воздух был прохладен, свеж и неподвижен. В лагере все стихло. Убаюкивающе пели кузнечики и ночные птицы. С трудом верилось,

что очень скоро это место превратится в поле боя. Я поерзал, устраиваясь поудобнее, и стал высматривать падающие звездочки, твердо решив насладиться покоем. Не исключено, что больше мне его испытать не доведется.

Костер выплонул искры и затрепал — кто-то все же решил встать и подбросить дров. Разгорелось пламя, повеяло смолистым дымком, на сосредоточенных лицах игроков заплясали тени. Одноглазый сидел насупившись, потому что проигрывал. Лягушачий рот Гоблина был растянут в улыбке, которую он сам не замечал. Лицо Молчуна оставалось бесстрастным — ведь он Молчун. Эльмо напряженно размышлял и, хмурясь, прикидывал свои шансы. Физиономия Весельчака была кислее обычного. Приятно было увидеть его вновь — я боялся, что он погиб под Лордами.

Небо перечеркнул лишь один крошечный метеорит. Я отрешенно закрыл глаза и вслушался в биение собственного сердца. Твердец-идет-Твердец-идет, говорило оно, имитируя поступь приближающихся легионов.

- Тихо нынче, — заметил Ворон, усаживаясь рядом со мной.
- Затишье перед бурей, — отозвался я. — Какую кашу заваривают для нас великие и могучие?
- Много споров. Капитан, Душелов и тот, новый, дают всем наболтаться всласть. Пусть облегчат душу. Кто выигрывает?
- Гоблин.
- А Одноглазый не сдаст втихаря из-под колоды?
- Пока что мы его не застукали на мухлеже.
- Я все слышал, Ворон, — прорычал Одноглазый. — Когда-нибудь я тебя...

— Знаю-знаю. Раз — и я стану королем лягушек. Костоправ, ты не забирался наверх после наступления темноты?

- Нет. А зачем?
- На востоке появилось нечто необычное. Похоже на комету. У меня екнуло сердце. Я быстро подсчитал в уме.
- Пожалуй, ты прав. Ей уже пора возвращаться.

Я встал, Ворон тоже, и мы вместе зашагали вверх по склону.

Каждое важное событие в саге о Госпоже и ее муже имело предвестника в облике кометы. Бесчисленные пророки мятежников предсказывали, что власть Госпожи падет, когда комета появится в небе. Но самые опасные пророчества говорили о ребенке, который станет реинкарнацией Белой Розы. Круг тратил и до сих пор тратит немало сил, пытаясь отыскать это дитя.

Ворон привел меня на уступ, откуда были видны звезды, низко висящие над восточным горизонтом. И точно, по небу перемещалось нечто похожее на наконечник стрелы. Я долго смотрел, потом заметил:

— Кажется, острое указывает на Чары.

— Вот и мне так кажется. — Ворон немного помолчал. — Я не очень высокого мнения о пророчествах, Костоправ. Слишком уж они смахивают на предрассудки. Но эта комета мне не нравится.

— Подобные пророчества ты слышал всю жизнь. Я бы удивился, если бы они не коснулись твоего воображения.

Он хмыкнул, не удовлетворившись моим ответом:

— Висельник привез новости с востока. Шепот взяла Ржу.

— Хорошие новости, просто прекрасные. — Я приправил слова сарказмом.

— Она взяла Ржу и окружила армию Балабола. У нас появилась возможность к лету вернуть весь восток.

Мы стояли лицом к каньону. Несколько отрядов из авангарда Твердеца уже подошли к началу извилистой дороги, что вела на перевал. Зовущая Бурю перестала колошматить противника грозами и молниями — нужно было подготовиться к отражению штурма.

— Получается, что вся ответственность ложится на нас, — прошептал я. — Мы обязаны остановить противника здесь, или все обрушится, когда к нам проберутся через черный ход.

— Возможно. Но даже в случае нашей неудачи не сбрасывай со счетов Госпожу. Мятажники еще не сталкивались лицом к лицу с ней. Каждая миля на пути к Башне усугубит их страх. Их ждет неминуемое поражение, если только они не отыщут ребенка, упоминаемого в пророчествах.

Мы смотрели на комету. Она была еще очень и очень далека, едва различима. И скроется не скоро, и до ее исчезновения прогремит немало великих сражений.

— Наверное, не стоило показывать мне комету, — поморщился я. — Теперь эта жуть будет сниться.

Лицо Ворона озарилось улыбкой, что бывало крайне редко.

— Пусть лучше тебе приснится наша победа, — сказал он.

— Мы заняли оборону высоко в горах, — приступил я к изложению вымышленного сна. — Твердецу пришлось гнать солдат по длинной извилистой дороге, одолевая подъем в тысячу двести футов. И они, взобравшись сюда, стали для нас легкой добычей.

— Ври, да не завирайся, Костоправ. Я иду спать. Удачи тебе завтра.

— И тебе того же, — пожелал я.

Завтра Ворон окажется в самой гуще событий. Капитан поручил ему командовать батальоном ветеранов регулярной армии. Они будут держать фланг, сметая врага с дороги стрелами.

Мне все же приснился сон, но совершенно неожиданный. В нем явилось колышущееся золотое существо. Оно зависло надо мной, светясь, подобно скоплению далеких звезд. Я не понял, сплю или нет, но остался неудовлетворен в любом из вариантов. Все же рискну назвать видение сном, потому что это наиболее подходящее слово. Не хочется думать, что Госпожа проявила ко мне повышенный интерес.

Во всем виноват я сам. Все фантазии о Госпоже оказались семенами, упавшими на плодородную почву моего воображения. И в самонадеянности этим снам не откажешь. Госпожа прислала свой призрачный дух, чтобы успокоить глупого, измотанного войной и оробевшего солдата? Во имя небес, почему?

Так вот, это сияние воспарило надо мной и стало произносить успокаивающие слова, чуточку приправленные весельем: «Не бойся, Верный мой. Лестница Слез вовсе не ключ к империи. Пусть даже ее захватят — не беда. Моему Верному нечего опасаться. А Лестница — лишь путевой столб на дороге, ведущей мятежников к гибели».

Было сказано немало других загадочных фраз, причем весьма интимных. Это были отражения моих безумнейших фантазий. А в конце — на мгновение — из золотого сияния выглянуло лицо. Столь прекрасного женского лица я никогда в жизни не видел, хотя и не могу сейчас его вспомнить.

На следующее утро, за хлопотами в госпитале, я рассказал об этом сне Одноглазому.

— У тебя слишком богатое воображение, — буркнул он, пожимая плечами.

Одноглазый был очень занят — ему не терпелось выполнить все поручения и убраться. Любую работу он на дух не выносит.

Закончив свои дела, я побрел в главный лагерь. Голова была тяжелой, настроение паршивым. Сухой и прохладный горный воздух бодрил куда меньше, чем хотелось бы.

Настроение у солдат было таким же дрянным, как и у меня. Внизу на склоне перемещались подразделения Твердеца.

Победа в бою отчасти рождается из глубокой уверенности в том, что она неизбежна, какой бы скверной ни казалась ситуация. Эту

уверенность Отряд сохранял в любых передерягах. Мы непременно находили способ пустить мятежникам кровь, даже когда армии Госпожи отступали. Но теперь наша убежденность дала трещину.

Форсберг, Розы, Лорды и еще десяток не столь тяжелых поражений. Поражение — обратная сторона победы. Нас преследовал тайный страх: несмотря на очевидные преимущества позиции на перевале, несмотря на поддержку Взятых, что-нибудь обязательно пойдет наперекосы.

Возможно, командование само создавало такое настроение — или Капитан, или даже Душелов. Не исключено также, что боевой дух падал сам собой, как это уже было однажды.

Рядом со мной по склону спускался Одноглазый — унылый, мрачный, ворчащий под нос и ищущий драки, на худой конец — скандала. Тут ему и подвернулся Гоблин.

Этот соня только что выполз из-под одеяла, раздобыл тазик с водой и приступил к водным процедурам — он у нас педантичный старый хрыч. Одноглазый не упустил возможности выместить свое гадкое настроение. Он тут же забормотал незнакомые мне слова и причудливо задергался, изображая нечто вроде смеси балетного танца с воинственной пляской дикарей.

И вода в тазике у Гоблина изменилась.

Мой нос учуял эту перемену с расстояния аж в двадцать футов. Тазик был заполнен чем-то зловеще-коричневым, на поверхности плавали тошнотворные зеленые комки. Страшно даже глядеть, не то что притрагиваться.

Гоблин, сохраняя величавость и достоинство, встал и обернулся. Несколько секунд он смотрел в глаза злорадно ухмыляющемуся Одноглазому, затем отвесил поклон. Когда он выпрямился, его лицо украшала широченная лягушачья улыбка. Распахнув пасть, Гоблин испустил жуткий душераздирающий вопль, от которого содрогнулась земля.

Колдуны сорвались с цепи, и горе тому дураку, что встанет между ними.

Одноглазого кольцом окружили какие-то тени и тут же, извиваясь, расползлись во все стороны тысячей рассерженных змей. Заплясали призраки, что лезли из-под камней, прыгали с деревьев и выныривали из кустов.

Призраки попискивали, повизгивали, хихикали и преследовали порожденных Одноглазым змей.

Ростом они были около двух футов и здорово смахивали на Одноглазого, только с куда более уродливыми физиономиями и с зад-

ницами, как у самок бабуинов в брачный сезон. Только не спрашивайте, что эти твари вытворяли с пойманными змеями, — все равно не скажу.

Ошарашенный Одноглазый аж подпрыгнул. Он ругался, визжал и пускал пену изо рта. У нас, ветеранов Отряда, и прежде наблюдавших за этими битвами мартовских котов, не возникало и сомнения в том, что Гоблин заранее все подстроил и лишь ждал момента, когда Одноглазый нарушит перемирие.

Впрочем, это оказался тот редкий случай, когда у Одноглазого был наготове и второй залп.

Змеи исчезли, а из кустов, из-под камней и с деревьев, извергнувших отпрысков Гоблина, теперь повалили гигантские глянцеви-то-зеленые навозные жуки. Они набросились на гоблиновских тварей и, перекатывая, словно комки навоза, принялись сбрасывать их с утеса.

Стоит ли говорить, что шум и суматоха привлекли целую толпу зрителей. Ветераны, давно полюбившие эту бесконечную дуэль, хохотали от души. Наше веселье передавалось и новичкам, едва до них доходило, что волшебники не взбесились по-настоящему.

Краснозадые призраки Гоблина пускали корни, не желая, чтобы с ними обращались как с навозом. Вскоре они превратились в гигантские хищные растения со слюнявыми пастями, весьма уместные в качестве обитателей привидевшихся в кошмарном сне джунглей. По всему склону захрустело и зачавкало — растительные челюсти перемалывали панцири жуков. Помните, как у вас по спине бегали мурашки, когда вы давили крупного таракана? Теперь это мерзкое чувство, только тысячекратно усиленное наглядной демонстрацией упомянутого процесса, разом охватило всех зрителей, заставляя их непроизвольно вздрагивать. На мгновение даже Одноглазый оцепенел от страха.

Я огляделся. Присоединившийся к зрителям Капитан довольно улыбался, наблюдая за схваткой, и эта улыбка была драгоценностью более редкой, чем яйцо птицы рух. Зато у его спутников, армейских и гвардейских офицеров, вид был совершенно ошарашенный.

Кто-то по-приятельски присоседился ко мне. Я скосил глаза и увидел, что стою плечом к плечу с Душеловом. Вернее, локтем к плечу — Взятый не отличался высоким ростом.

— Забавно, да? — спросил он одним из тысячи своих голосов.

Я нервно кивнул.

Одноглазый содрогнулся всем телом, вновь высоко подпрыгнул, завыл и шлепнулся на землю, суча руками и ногами, словно эпилептик.

Уцелевшие жуки сбились в две копошащиеся кучи, откуда доносилось сердитое клацанье мандибул и сухое шуршание хитиновых панцирей. Из каждой кучи потянулись толстые жгуты бурого дыма, они гнулись и переплетались, пока не превратились в занавес, заслонивший насекомых. Потом дым сжался в упругие шары, и те стали подскакивать, всякий раз поднимаясь все выше. В очередном прыжке они зависли, медленно дрейфуя по ветру, и выпустили отростки, вскоре превратившиеся в корявые пальцы.

Перед нашими глазами образовались в воздухе узловатые клешни Одноглазого, только увеличенные в сотню раз. Эти руки сразу принялись выпалывать посаженный Гоблином сад монстров, вырывая растения с корнями и завязывая стебли изящными и сложными морскими узлами. Результатом сего рукоделия стал все удлиняющийся плетеный канат.

— А они талантливее, чем выглядят, — заметил Душелов. — Жаль только этот талант тратится на всякие глупости.

— Ну не знаю, — пожал я плечами.

Представление подбодрило нас. Ощутив смелость, что придавала мне сил в тяжелый час, я добавил:

— Такое волшебство люди могут оценить, чего не скажешь о жестокой и навязчивой магии Взятых.

Черный морион Душелова на несколько секунд повернулся в мою сторону, и даже померещилось пламя, вспыхнувшее за узкими прорезями для глаз. Но потом я услышал девчоночий смех:

— Ты прав. Мы сами переполнены тем страхом, тоской и унынием, что нагоняем на чужие армии. Эмоциональная палитра нашей жизни блекнет быстро.

Как странно, подумал я. Рядом со мной стоит Взятый с трещиной в броне. Душелов отодвинул один из занавесов, скрывающих свою сущность.

Живущий во мне летописец сразу почуял запах тайны — но не успел придумать наводящий вопрос.

Душелов опередил меня, словно прочитав мысли:

— У тебя сегодня ночью были гости?

Азарт летописца как рукой сняло.

— Я видел странный сон. О Госпоже.

Душелов хохотнул глубоким рокоchущим басом. Эта постоянная смена голосов способна устроить даже самых стойких. У меня воз-

никло желание защищаться. Да и дружелюбие Взятого тоже тревожило.

— Я думаю, она благосклонна к тебе, Костоправ. Какая-то мелкая черта твоего характера завладела ее воображением, равно как и твое воображение — в плену у нее. И что же она тебе сказала?

Внутренний голос предупредил насчет осторожности. Душелов задавал вопросы непринужденным и сочувствующим тоном, но все же в них ощущалась некая напряженность, а значит, они были не столь уж и безобидны.

— Так, просто ободрила, — ответил я. — Дескать, Лестница Слез не настолько важное звено в ее планах. Но то был всего лишь сон.

— Конечно. — Похоже, Душелов удовлетворился моим ответом. — Только сон. — Но произнесены эти слова были женским голосом, которым Душелов пользовался лишь в самые серьезные моменты.

Вокруг меня охали и ахали. Я повернулся взглянуть, как идет состязание.

Кусачие растения Гоблина превратились в гигантскую воинственную медузу. Бурые руки дергались, стиснутые ее щупальцами, и тщетно пытались освободиться. А над краем обрыва, наблюдая, парило огромное розовое лицо, окаймленное рыжими космами. Один глаз был полуприкрыт из-за синевато-багрового шрама. Я нахмурился, сбитый с толку.

— Кто это?

Я знал, что ни Гоблин, ни Одноглазый не создавали эту физиономию. Неужели в игру вступил Молчун — просто чтобы показать, на что он способен?

Душелов весьма правдоподобно изобразил крик умирающей птицы.

— Твердец! — сказал он, после чего резко повернулся к Капитану и взревел: — К оружию! Они идут.

Через несколько секунд солдаты уже мчались на свои позиции. О схватке между Гоблином и Одноглазым теперь напоминали только клочья тумана, медленно дрейфующие к злобной физиономии Твердеца. Там, где они достигали цели, как будто вскакивал очередной отвратительный прыщ.

«Неплохой щелчок по его репутации, — подумал я, — только не вздумайте, парни, задрать нос. Он не в игрушки играет».

Словно раскаты далекого грома, от стен каньонов отразились звуки горнов и барабанов, — это противник отреагировал на нашу суматоху.

Мятежники весь день пощипывали оборону Отряда, но было ясно, что это не всерьез, они лишь тычут на пробу палкой в осиное гнездо. Твердец прекрасно понимал, сколь трудная это задача — штурмовать Лестницу. Напрашивалось предположение, что у него припасен для нас неприятный сюрприз.

Но вообще-то, мелкие стычки подняли наш боевой дух. Солдаты поверили, что есть шанс выстоять.

Хотя между звездами плыла комета, а внизу светилась целая галактика лагерных костров, ночь избавила меня от ощущения, что Лестница — сердце этой войны. Я сидел на скальном выступе лицом к вражескому лагерю, подперев коленями подбородок, и обдумывал свежие новости, пришедшие с востока. Шепот уже осадила Стужу, разгромив перед этим армию Балабола и нанеся поражение Мошке и Тихушнику среди говорящих менгиров равнины Страха. Кажется, на востоке мятежники получили катастрофу похуже, чем мы на севере.

Но здесь ситуация могла ухудшиться. Мошка, Тихушник и Копуша присоединились к Твердецу. Были внизу и другие члены Круга Восемнадцати, пока еще не опознанные. Враги почуяли запах крови.

Я никогда не видел северного сияния, хотя знал, что мы могли бы полюбоваться им в Весле и Сделке, если бы удержали эти города до зимы. Если верить услышанному, только это нежное и причудливое свечение может сравниться с тем, что сейчас обретает форму над каньонами, в то время как огоньки вражеских костров постепенно блекнут. Очень длинные и узкие знамена, сотканые из зыбкого света, извиваясь и мерцая, потянулись к звездам. Они покачивались, словно водоросли в слабом течении, и переливались мягкими оттенками розового, зеленого, желтого и голубого. На ум пришло древнее название: Пастельные войны.

Давным-давно Отряд принимал участие в Пастельных войнах. Ну-ка, что говорится в Анналах об этих конфликтах? Всего не вспомнить, но и то, что всплыло из глубин памяти, пугает не на шутку.

Я сразу заторопился к палаткам офицеров. Нашел Душелова и поделился соображениями. Он поблагодарил меня за заботу, но добавил, что осведомлен и о Пастельных войнах, и о волшебстве мятежников, породившем это свечение. Нам не о чем тревожиться. Подобную атаку предвидели, и Висельник здесь как раз для того, чтобы она не причинила урона.

— Сядь где-нибудь и посмотри, Костоправ. Гоблин с Одноглазым уже отработали свое представление, теперь настала очередь Десяти.

Душелов излучал уверенность — одновременно сильную и зловещую, — поэтому я предположил, что мятежники угодили в ловушку, подготовленную Взатыми. Я последовал его совету и пошел назад, на свой одиночный наблюдательный пост.

Путь лежал через лагерь, встревоженный необычным зрелищем. То здесь, то там по толпе солдат пробегал шепоток страха, усиливаясь и затихая, подобно рокоту далекого прибоя.

Разноцветные полосы уплотнились, но двигались они теперь хаотичными рывками, — очевидно, на их творца оказывалось воздействие с нашей стороны. Наверное, Душелов прав и все завершится эффектным представлением для войск.

Дно каньона больше не подмигивало мне огоньками костров — оно превратилось в море мрака, поглощающего даже сияние полос. Но если для глаз работы больше не было, то для ушей хватало с избытком — акустика в каньоне была замечательная.

Твердец пошел в наступление — такой мощный топот и бряцание металла могла порождать только вся его армия.

И уверенности у этого колдуна и его приближенных тоже хватало.

Светло-зеленое светящееся знамя, лениво колыхаясь, взмыло в ночь, как подхваченный ветром лоскут. Набирая высоту, полотнище бледнело, и наконец оно рассыпалось в небе умирающими искрами.

Но кто уничтожил его? Твердец или Висельник? К добру это исчезновение или к худу?

Я наблюдал за явлениями, о природе и назначении которых судить было почти невозможно. Это очень походило на дуэль опытейших фехтовальщиков — не уследить за всеми нюансами, если ты сам не знаток. По сравнению с этой схваткой дуэль Гоблина и Одноглазого смахивала на драку двух варваров с дубинами.

Мало-помалу разноцветное свечение угасало. Все-таки это заслуга Висельника. Оторвавшиеся от земли полосы не причинили нам никакого вреда.

Зато внизу приблизился источник шума.

Куда подевалась Зовущая Бурю? Мы уже довольно давно ничего о ней не слышали. Сейчас просто идеальный момент, чтобы угостить Твердеца скверной погодой.

Душелов, кажется, тоже принялся за дело. За все время, что мы служим Госпоже, нам еще ни разу не довелось увидеть, как он творит нечто по-настоящему впечатляющее. Неужели он менее могуч, чем утверждает его репутация? Или же просто приберегал силы для крайних ситуаций, которые лишь он мог предвидеть?

Внизу началось нечто новое. Стены каньона где пятнами, а где полосами засветились тускло-красным, поначалу едва заметно. Краснота понемногу разгоралась, становилась все ярче, и, лишь когда некоторые места начали размягчаться и плавиться, я, стоя на обрыве, ощутил поток горячего воздуха.

— Боги великие! — потрясенно пробормотал я.

Эта невероятная сила подтвердила все мои догадки о могуществе Взятых.

Расплавленный камень потек, образуя каверны в вертикальных стенах. Рушились скалы, дробясь на куски. Снизу донеслись крики — обреченные увидели свою неминуемую смерть. Солдаты Твердеца гибли от жара и каменных обломков.

Нет сомнений, они угодили в ведьмин котел. Но что-то меня все же насторожило. Уж слишком мало криков для такой крупной армии.

Кое-где скалы до того раскалились, что вспыхнули. Каньон яростно дохнул жгучим воздухом. В вое ветра потонул грохот валунов. Стало вполне светло, и я разглядел поднимающиеся по дороге на перевал отряды мятежников.

Что-то их маловато, подумал я.

Взгляд привлекла одинокая фигура на краю другого уступа. Кто-то из Взятых, но его не опознать при столь переменчивом и тусклом освещении. Он кивал, наблюдая за муками врагов.

Свечение расплавленных скал, обвалы и пламя распространялись дальше, пока всю панораму не расцветили красные полосы и не испещрили kloчочущие озера лавы.

В щеку ударила капля. Удивившись, я задрал голову и получил новый смачный шлепок, на этот раз по носу.

Звезды исчезли. Надо мной так низко, что можно коснуться рукой, двигалось рыхлое брюхо грозовой тучи, причудливо расцветенное адскими огнями каньона.

Ливень задел меня лишь краешком, но едва не свалил с ног. Чуть дальше он был просто бешеным.

На расплавленные скалы хлынула вода. Я едва не оглох от рева пара. Разноцветный, он ураганом хлестнул в небо. Я помчался прочь от обрыва, чудом не угодив в раскаленные клубы.

«Бедные мятежники, — подумал я. — Сварились, как раки...»

Был ли я разочарован Взатыми, считал ли, что они скупы на впечатляющие чудеса? Возможно — но лишь до этой минуты. Осознав, с каким ледяным спокойствием, с какой безжалостной расчетливо-

стью готовилась расправа над войском Твердеца, я с трудом удержал ужин в желудке.

Меня донимали угрызения совести, знакомые каждому наемнику, но мало кому понятные за пределами нашей профессии. Моя работа — побеждать врагов нанимателя. Побеждать, как правило, любым доступным способом. И небо свидетель тому, что Отряд послужил нескольким жестокосердным злодеям. Но в том, что произошло сейчас, было нечто неправильное. Наверное, позже мы все это ощутим. Возможно, чувство вины порождалось невольной солидарностью с такими же солдатами, которые умирали, не имея возможности защищаться.

Все-таки у бойцов Черного Отряда есть представление о чести.

Стихли рев ливня и шипение пара. Я вернулся на обрыв. В каньоне было темно, а несколько светлых пятнышек не в счет. Я поискал Взятого, которого видел недавно, но ушел и он.

Когда ветер унес последние облака, небо украсилось крошечной ироничной улыбкой — это показалась комета. Ее хвост отчетливо изгибался. Над зазубренным горизонтом осторожно приподнялась луна, опасливо обозревая изувеченный ландшафт.

В лагере запели горны, в жестяных голосах отчетливо звучала паника. Им вторил приглушенный расстоянием шум сражения, быстро набирающего силу. Судя по звукам, схватка была жестокой и беспорядочной. Я направился в рощу к госпиталю, не сомневаясь, что вскоре появится работа. Сам не знаю почему, но особой тревоги или волнения я не испытывал.

Мимо целеустремленно промчались посыльные. Капитан хорошо вымуштровал присоединившихся к нам солдат из разбитых подразделений, приучил их к дисциплине.

Что-то с шелестом пронеслось над головой. Темный прямоугольник летел в лунном свете, постепенно опускаясь к месту сражения. Душелов на летающем ковре.

Вокруг него образовался кокон из яркого фиолетового света. Ковер резко дернулся, скользнул на десяток ярдов в сторону. Свет побледнел, сжался в точку над головой Душелова и исчез, оставив мне мелькающие в глазах крапины. Я пожал плечами и снова зашагал вверх по склону.

Первые раненые уже ковыляли к госпиталю. У меня полегчало на душе — эта картина говорила об эффективности и стойкости командиров, сохраняющих хладнокровие в разгар схватки. Капитан без преувеличения творил чудеса.

Я услышал топот — несколько рот шли куда-то в темноте, — и это подтвердило мое подозрение. Недавняя атака — не просто неудачная вылазка тех, кто редко осмеливался действовать по ночам. Ночная тьма всецело принадлежит Госпоже. Каким-то образом нас сумели обойти с фланга.

— Наконец-то ты осчастливил меня своим присутствием! — рывкнул Одноглазый. — Топай в хирургию. Я уже велел зажечь там лампы.

Я вымыл руки и пошел к хирургам. Врачи Госпожи вместе со мной героически принялись за дело, и впервые за все время, что мы ей служим, я почувствовал, что смогу оказать раненым реальную помощь.

Но они все поступали и поступали. Сражение разгоралось, и вскоре стало очевидным, что атака мятежников в каньоне была лишь отвлекающим маневром. Эффектная драма, разыгранная Взатыми, оказалась почти бесполезной.

Рассвет уже окрасил небо, когда я, подняв голову, увидел рядом Душелова. Он выглядел так, словно его поджарили на медленном огне, а затем обваляли в чем-то синеватом, зеленоватом и тошнотворном. От него пахло дымом.

— Грузи раненых в фургоны, Костоправ, — приказал он деловым женским голосом. — Капитан уже выслал тебе десяток помощников.

Весь транспорт, включая пришедшие с юга фургоны, стоял на площадке выше моего госпиталя под открытым небом. Я посмотрел в ту сторону. Высокий и тощий тип с кривой шеей командовал возницами, разворачивающими фургоны.

— Что, продули сражение? — поинтересовался я. — Вас застали врасплох?

— Мы достигли большинства поставленных целей, — ответил Душелов, проигнорировав мою последнюю фразу. — Лишь одна задача не выполнена. — На сей раз он выбрал низкий и медлительный голос человека, привыкшего произносить речи. — Еще рано судить, в чью пользу закончится битва. Вашему Капитану удалось превратить этот сброд в серьезную силу. Но ты все же увози раненых. Малейшая неудача — и госпиталь достанется врагу.

Несколько фургонов, поскрипывая, катились в нашу сторону. Я пожал плечами, передал помощникам распоряжение Взятого и склонился над очередным человеком, которому требовалась моя помощь. Работая, я спросил Душелова:

— Раз исход сражения еще не ясен, то почему вы не там, почему не громите мятежников?

— Костоправ, я выполняю приказ Госпожи. Копуша и Мошка погибли. Тихушник очень тяжело ранен — Меняющему удалось выполнить задуманный трюк. Нам остается только одно — приканчивать мятежных генералов одного за другим.

Меня охватило замешательство, а противоречивые мысли, как я их ни сдерживал, сумели добраться до языка:

— Но почему мы не пытаемся разгромить противника здесь?.. Ведь кампания на севере оказалась для Круга тяжелой.

Сперва Загребущий, затем Шепот. Теперь Копуша и Мошка.

— На очереди Тихушник и Твердец. Да, они били нас раз за разом, но каждая победа обходилась им очень дорого.

Мой собеседник посмотрел вниз — по склону к нам поднимался небольшой отряд с Вороном во главе. Потом Душелов взглянул на стоянку фургонов. Висельник уже не жестикулировал. Судя по его напряженной позе, он к чему-то прислушивался.

— Шепот пробила брешь в стенах Стужи, — сообщил Душелов. — Крадущийся заключил сделку с лукавыми менгирами на равнине Страха, он приближается к пригородам Стука. Безликий сейчас на равнине Страха, движется к Амбарам. Говорят, вчера ночью в Эйде покончил с собой Пакет, чтобы не попасть в плен к Костоглоду. Все не так плохо, как кажется, Костоправ.

«Как бы не так, — подумал я. — Это все на востоке, а мы тут, на севере. С какой стати мне радоваться победам, одержанным у черта на куличках? Нас давят здесь, и если мятежники прорвутся к Чарам, то уже ничто из случившегося на востоке не будет иметь значения».

Ворон остановил свой отряд и подошел ко мне:

— Что нужно делать?

Конечно же, их прислал Капитан, а значит, дан приказ отступить. Капитан не станет играть в игры Взятю.

— Грузите всех, кого мы обработали. — Я указал на фургоны, уже выстроенные в аккуратную линию возницями. — Пусть с каждым фургоном отправится десяток ходячих. Мы с Одноглазым и остальными хирургами останемся здесь, будем резать и шить дальше.

Мне не понравилось выражение глаз Ворона. Он смотрел на Душелова. Я тоже повернулся к Взятю.

— Я ему еще не сказал, — произнес Душелов.

— О чем не сказал?

Я понял: мне не понравится то, что я сейчас услышу. От этих двоих веяло тревогой, а так пахнут только самые скверные новости.

Ворон улыбнулся — натянуто, безрадостно.

— Костоправ, нам с тобой снова поручают особое дело.

— Что? Нет! Больше никогда! — Меня все еще бросало в дрожь при воспоминании о том, как я помогал справиться с Хромым и Шепот.

— У тебя есть практический опыт, — заметил Душелов.

Я вновь затряс головой.

— Я обязан пойти, Костоправ, и ты тоже! — рявкнул Ворон. — К тому же ты наверняка захочешь занести в Анналы, как собственными руками уничтожил больше членов Круга, чем любой из Взятых.

— Чушь! За кого вы меня принимаете? Я не охотник за головами, а простой лекарь. Анналы и сражения — обстоятельства побочные и случайные.

— И этого человека Капитану пришлось вытаскивать из драки, когда мы шли через Ветреный край, — сказал Ворон.

Глаза у него были прищурены, на щеках поигрывали желваки. Он тоже не хотел идти и вымещал свое недовольство, подзуживая меня.

— Упираться бессмысленно, Костоправ, — добавил Душелов детским голосом. — Тебя выбрала Госпожа. — Он добавил, пытаясь смягчить мое разочарование: — Она щедро вознаграждает тех, кто угождает ей. А к тебе Госпожа благосклонна.

Я проклял себя за прежний романтизм. Тот Костоправ, что прибыл на север и по уши увяз в фантазиях о таинственной Госпоже, был совсем другим человеком — абсолютно невежественным сопляком.

Вот-вот. Иногда приходится лгать самому себе, лишь бы остаться в живых.

— На этот раз мы будем не одни, Костоправ, — подбодрил меня Душелов. — Нам помогут Висельник, Меняющий и Зовущая Бурю.

— Выходит, нужна целая команда, чтобы пришить одного бандита? — кисло заметил я.

Конечно же, Душелов не заглотил приманку.

— Ковер там, — указал он. — Берите свое оружие и идите.

И ушел.

Я сорвал злость на ни в чем не повинных помощниках. Наконец, когда Одноглазый уже был готов взбелениться, Ворон негромко произнес:

— Не будь козлом, Костоправ. Раз нам поручили это сделать, пойдем и сделаем.

Я извинился перед всеми и направился к поджидающему нас Душелову.

— Залезайте, — указал он на ковер.

Мы с Вороном уселись, как в прошлый раз. Взятый вручил нам по куску веревки:

— Не обещаю увеселительной прогулки. Привяжитесь покрепче, не хочу, чтобы вы свалились. И держите наготове нож, чтобы быстро разрезать веревки, когда прилетим.

Если честно, перспектива нового полета обрадовала меня, потому что воспоминания о предыдущем наполняли душу радостью и очарованием. В небесах, где царят орлы и дует прохладный ветер, я испытал восхитительное чувство свободы.

Даже Душелов привязался. Скверный знак.

— Готовы?

Не дожидаясь нашего ответа, он забормотал. Ковер мягко покачулся и вспарил — легкий, словно перышко на ветру.

Мы поднялись над верхушками деревьев. Рама, на которую был натянут ковер, резко поддала мне снизу. Желудок провалился к пяткам, в ушах засвистел ветер. Шляпу сдуло, я не успел ее поймать. Ковер опасно накренился, и я, невольно разинув рот, уставился на быстро удаляющуюся землю. В меня вцепился Ворон. Не будь мы оба привязаны, лететь бы нам сейчас кувырком вниз.

Мы промчались над каньонами, похожими сверху на безумный лабиринт. Мятажники напоминали армию муравьев на марше.

Я оглядел небосвод — с высоты зрелище оказалось восхитительным. Орлов не увидел, только стервятников. Ковер пронесся сквозь одну из стай, рассеяв ее.

Откуда-то поднялся второй ковер, пролетел рядом, затем лег на параллельный курс в отдалении, превратившись в точку. На нем я увидел Висельника и двух тяжеловооруженных имперских солдат.

— А где Зовущая? — спросил я.

Душелов вытянул руку. Я напряг глаза и рассмотрел в голубом небе над пустыней еще одну точку.

Мы летели так долго, что я уже засомневался: а произойдет ли вообще что-нибудь? Наблюдать за мятажниками мне вскоре опротивело. Они добились слишком больших успехов.

— Приготовиться, — бросил через плечо Душелов.

Я вцепился в веревки, ожидая нового испытания нервов на прочность.

— Держись!

Внезапно рама подо мной словно провалилась. Мы камнем полетели вниз, вниз, вниз... Свист раздираемого воздуха превратился в вой. Земля вращалась, дергалась и неслась навстречу. Далекие пятнышки — Висельник и Зовущая — не отставали и постепенно увеличивались. Мы двигались с трех сторон к одной точке.

Мы снизились до перевала, где наши братья напряженно бились, преградив путь многочисленным врагам. Потом опустились еще ниже, но уже полого — и понеслись, отчаянно лавируя, между изъеденными ветром башнями из песчаника. До некоторых из них я смог бы при желании даже дотронуться.

Впереди показался небольшой луг. Ковер резко сбросил скорость, затем повис.

— Он здесь, — прошептал Душелов.

Мы скользнули вперед еще на пару ярдов и чуть-чуть приподнялись, чтобы выглянуть из-за столба песчаника.

Некогда зеленый луг был весь перепахан сапогами и копытами. Мы увидели десяток фургонов и возниц возле них. Душелов негромко выругался.

Из промежутка между каменными столбами левее нас что-то вылетело. Бабах! Полыхнуло, каньон содрогнулся от грохота, фонтаном брызнули ошметки дерна. Люди закричали, забегали, стали хвататься за оружие.

В воздухе снова что-то мелькнуло, но уже с другой стороны. Не знаю, что предпринял Висельник, но мятежники задыхались, хватались за горло.

Один из них, очень крупный мужчина, сумел стряхнуть магическое наваждение и, спотыкаясь, направился к огромной черной лошади, привязанной к шесту в дальнем конце луга. Душелов быстро послал ковер вперед. Рама ударилась о землю.

— Слезайте! — рявкнул он и выхватил меч.

Мы с Вороном перерезали веревки, слезли с ковра и на ослабевших с непривычки ногах последовали за Душеловом. Тот набросился на задыхающихся фургонщиков и принялся рубить направо и налево. Мы тоже внесли свой вклад в эту бойню, хотя и с меньшим энтузиазмом.

— А какого дьявола вы тут торчали?! — рычал Душелов на свои жертвы. — Я рассчитывал застать его одного.

Два других ковра опустились ближе к убегающему человеку. Взятые и их помощники погнались за ним на подгибающихся после

долгого сидения ногах. Мужчина вскочил на лошадь и рассек удерживающую ее веревку резким ударом меча. Я смотрел на него не отрываясь — вот уж не ожидал, что Твердец окажется таким страшной. Его физиономия была ничуть не менее уродливой, чем та, что появилась во время драчки Гоблина с Одноглазым.

— Вперед! — гаркнул Душелов, зарубив последнего фургонщика, и бросился к Твердецу.

Мы бежали следом, и я недоумевал, почему у меня не хватило благоразумия остаться на месте.

Генерал мятежников уже не убегал. Свалив одного из имперцев, который опередил всех нас, он расхохотался и проревел что-то непонятное. Воздух затрепал, наполнившись концентрированной магией.

Вокруг Взятых вспыхнул фиолетовый свет, даже более яркий, чем тот, что окутал ночью Душелова. Все трое застыли. Мощное оказалось колдовство — усилия Взятых целиком ушли на сопротивление. Тем временем Твердец обратил свое внимание на нас.

Второй имперский солдат подобрался к нему вплотную. Огромный меч Твердеца обрушился на него, точно молот. Солдат прикрылся клинком, но не удержался на ногах. Твердец пришпорил лошадь, чтобы его растоптать, но та аккуратно переступила через лежащего солдата. Генерал бросил взгляд на Взятых, смачно обругал неторопливое животное и плашмя шлепнул его мечом.

Но лошадь и после этого не пожелала двигаться быстрее. Твердец яростно врезал ей по шее и взвыл — рука словно приклеилась к гриве. Крик ярости сменился криком отчаяния. Он попытался заколоть лошадь, но не смог даже порезать ей шкуру, и тогда метнул оружие во Взятых. Окутывающее их фиолетовое свечение уже начало бледнеть.

Ворона отделяли от Твердеца всего два шага, а я отставал от товарища на три. Столь же близко, но с другой стороны, находились солдаты, прилетевшие с Зовущей.

Ворон взмахнул мечом и нанес сильный режущий удар снизу вверх. Кончик клинка чиркнул по животу Твердеца и... отскочил. Кольчуга? Огромный кулак с размаху припечатался к виску Ворона. Тот зашатался, отступил на шаг и мешком осел на землю.

Не задумываясь, я рубанул Твердеца по руке. Мы оба завопили, когда сталь рассекла кость и брызнул красный фонтан.

Я склонился над Вороном, но тут же обернулся. Солдаты Зовущей крошили Твердеца в капусту. Его рот был распахнут, иссечен-

ное шрамами лицо искажено — он упрямо игнорировал боль, одновременно пытаясь спастись при помощи магии. Взятые пока выбыли из игры, и его противниками стали три обычных человека. Но сейчас все это не имело значения.

Мой взгляд неудержимо притягивала лошадь Твердеца. Животное таяло... Нет, не таяло. Оно менялось.

Я хихикнул. Великий генерал мятежников сидел на спине Меняющего.

Мой смех превратился в безумный хохот.

Этот недолгий припадок не позволил мне поучаствовать в добивании Твердеца. Два солдата Зовущей разрубили его на куски, пока Меняющий не давал ему вырваться. Твердец испустил дух намного раньше, чем мне удалось успокоиться.

Висельник тоже пропустил развлечение. Ему было не до того, потому что из его черепа торчал брошенный Твердецом меч. К умирающему уже направлялись Душелов и Зовущая.

Меняющий к тому времени завершил превращение в огромное, лоснящееся, вонючее, жирное и голое существо, которое, хотя и стояло на задних ногах, почему-то меньше напоминало человека, чем недавно изображаемое Взятым животное. Он пнул останки Твердеца и радостно квакнул, словно его смертельный трюк был лучшей шуткой века.

И тут он заметил Висельника. Жирная туша содрогнулась, и Меняющий заторопился к другим Взатым, с пеной у рта изрыгая что-то неразборчивое.

Висельник вырвал меч из своего черепа и попытался заговорить, но безуспешно. Зовущая и Душелов даже пальцем не шевельнули, чтобы ему помочь.

Я опустил на колени и проверил у Ворона пульс, потом взглянул на Зовущую. Какая же она крошечная — не выше ребенка. И как в такой маленькой оболочке уместится столько злобы?

Меняющий побрел по лужайке, на его поникших плечах под слоем жира гневно бутрились мускулы. Подойдя вплотную к Душелову и Зовущей, остановился и обшарил их лица напряженным взглядом. Не было произнесено ни единого слова, но судьба Висельника, кажется, была решена. Меняющий хотел ему помочь. Остальные — нет.

Загадка. Меняющий — союзник Душелова. В чем причина этого внезапного конфликта? Откуда это смелое пренебрежение гневом Госпожи? Она не обрадуется, если Висельник умрет.

Когда я коснулся артерии на шее Ворона, пульс был неровным, но постепенно наполнялся. Я облегченно вздохнул.

Солдаты Зовущей подошли к Взятым, поглядывая на широченную спину Меняющего.

Душелов и Зовущая переглянулись. Женщина кивнула. Душелов завертелся волчком. Прорези на его маске вспыхнули красным цветом лавы.

И внезапно Душелов исчез. Там, где он только что находился, появилось облако мрака высотой десять футов и шириной двенадцать, черное, как нутро угольного мешка, и плотнее самого густого тумана. Облако метнулось вперед проворней гадюки. Послышался удивленный мышинный писк, и наступила зловещая долгая тишина. После рева и лязга она показалась мне смертельно многозначительной.

Я яростно потряс Ворона, но он не очнулся.

Меняющий и Зовущая стояли возле Висельника, пристально глядя на меня. Хотелось завопить, убежать, зарыться в землю. Я внезапно стал волшебником, способным прочитать их мысли. Я слишком много знал.

Я застыл от ужаса.

Угольно-черное облако исчезло так же быстро, как и возникло. Душелов стоял между солдатами. Оба падали с величественной неторопливостью срубленной вековой сосны.

Я принялся лупить Ворона. Он застонал, приподнял веки, и я заметил расширенные зрачки. Сотрясение. Проклятье!

Душелов взглянул на своих единомышленников и сообщников, потом медленно повернулся ко мне.

Трое Взятых приблизились. За их спинами умирал Висельник, причем делал это весьма шумно. Но я его не слышал. Я встал на непослушные ноги и посмотрел в лицо своей судьбе.

«Мне не положено так по-дурацки погибнуть, — подумал я. — Это неправильно...»

Все трое стояли и смотрели на меня.

А я смотрел на них. Ничего другого мне не оставалось.

Костоправ, ты храбрец. У тебя, по крайней мере, хватило духу взглянуть смерти в глаза.

— Ты ведь ничего не видел, верно? — негромко спросил Душелов.

У меня по хребту пробежались холодные ящерицы. Это был голос одного из мертвых солдат, рубивших Твердеца.

Я покачал головой.

— Ты был слишком занят, сражаясь с Твердецом, а потом занимался Вороном.

Я слабо кивнул. Колени превратились в студень, иначе я рванул бы прочь без оглядки, хоть это и было бы несусветной глупостью.

— Уложи Ворона на ковер Зовущей, — велел Душелов.

Ругая и упрашивая, я помог Ворону встать и добраться до ковра. Он совершенно не понимал, где находится и что делает, но не прятался от меня.

Я встревожился. На Вороне не было видно ран, но вел он себя очень странно.

— Отвезите его сразу в мой госпиталь, — сказал я Зовущей.

Я не осмелился посмотреть Взятой в глаза и не смог придать словам нужную твердость, поэтому они прозвучали как мольба.

Душелов поманил меня к своему ковра. Я поплелся с энтузиазмом барана, приближающегося к мяснику. Откуда мне знать, вдруг он играет со мной. Если упаду с ковра, это избавит Взятого от малейших сомнений в моем умении держать язык за зубами.

Он подошел к ковра вслед за мной, бросил на него свой окровавленный меч и уселся. Ковер поднялся и медленно полетел к Лестнице.

Я оглянулся на неподвижно лежащие внизу тела, снедаемый стыдом. Вышло так несправедливо... но разве от меня что-нибудь зависело?

Нечто золотистое, напоминающее светлую туманность в полном небе, шевельнулось в тени, отбрасываемой одной из каменных башен.

У меня едва не остановилось сердце.

Капитан заманил обезглавленную и деморализованную армию мятежников в ловушку. Началась мясорубка, и лишь малая численность и крайняя измотанность Отряда не позволила сбросить противника с перевала. Расположенность Взятых тоже не стала для нас подспорьем. Один свежий батальон или магический трюк принес бы нам в тот день победу.

Я ухаживал за Вороном по пути на юг, уложив его в последний фургон. Он будет приходить в себя еще несколько дней. Само собой, на меня легли заботы и о Душечке, но я не жаловался — один ее вид прекрасно разгонял госку очередного отступления.

Быть может, именно этим она вознаграждала Ворона за его великодушие.

— Это наш последний отход, — пообещал Капитан.

От него-то не услышишь слова «отступление», но ведь он не штабная крыса, у которой хватает наглости говорить про «наступление в обратном направлении» или «перегруппировку в тылу». Правда, Капитан не упомянул и того факта, что любой следующий отход произойдет уже после конца войны. Дата падения Чар станет датой смерти империи Госпожи. И она же, по всей вероятности, станет финальной датой в Анналах, подведя черту под историей Отряда.

«Покойся в мире, последнее из солдатских братств. Ты было для меня домом и семьей».

Теперь до нас дошли новости, которые высокое начальство придерживало, пока мы сражались на Лестнице Слез. Несколько армий мятежников наступают с севера, продвигаясь чуть западнее нашего маршрута. Перечень захваченных городов оказался удручающе длинным даже со скидкой на допущенные гонцами преувеличения. Потерпевшие поражение солдаты всегда чрезмерно восхваляют силу противника, это убаюкивает их самолюбие, заподозрившее собственную ущербность.

Шагая рядом с Эльмо вниз по длинному и пологому южному склону перевала, в сторону плодородных земель севернее Чар, я сказал:

— Если когда-нибудь увидишь, что поблизости нет Взятых, попробуй намекнуть Капитану, что было бы очень мудро понемногу разделить понятия «Отряд» и «Душелов».

Он посмотрел как-то странно. С недавних пор многие старые товарищи поглядывали на меня именно так. После смерти Твердеца я стал раздражителен, мрачен и неразговорчив. Впрочем, я и в лучшие времена не считался душой веселой компании. А сейчас на сердце скребли кошки. Я даже отказал себе в привычном удовольствии, почти перестал вести Анналы из боязни, что Душелов каким-то образом узнает о написанном.

— И вообще, было бы лучше, если бы столь тесной связи никогда и не было, — добавил я.

— Но что же там произошло?

Все в Отряде знали только голые факты: Твердец убит, Висельник тоже, из солдат уцелели только я и Ворон. Но каждого мучила неутолимая жажда подробностей.

— Я ничего не могу рассказать. Но все же передай ему мои слова. Когда рядом не будет Взятых.

Эльмо поразмыслил и сделал правильный вывод:

* — Хорошо, Костоправ, скажу. Побереги себя.

Обязательно поберегу. Если позволит судьба.

В тот же день мы получили известия о новых победах на востоке. Опорные пункты мятежников уничтожались один за другим, их как перышки сметала продвигающаяся имперская армия.

И в этот же день мы узнали, что все четыре северные и западные армии мятежников остановились для отдыха и пополнения. Они готовились к наступлению на Чары, и уже ничто не стояло между ними и Башней. Ничто, кроме Черного Отряда и прибившихся к нему солдат, успевших познать горечь поражений.

По небу ползла крупная комета — зловещий символ всех наших неудач.

Конец был близок.

А пока мы отступали, и уже близилась последняя встреча с судьбой.

Я должен описать еще одно событие, связанное со смертью Твердеца. Когда мы находились в трех днях пути к северу от Башни, я увидел сон наподобие того, что измучил меня на вершине перевала. И золотистое существо из сна, который мог быть вовсе и не сном, пообещало: «Моему Верному нечего опасаться». Мне вновь позволили на мгновение увидеть лицо столь прекрасное, что захватывало дух. Потом оно исчезло, и вернулся страх — такой же сильный, как и прежде.

Проходили дни. Оставались за спиной мили. Над горизонтом показалась уродливая громада Башни. А на ночном небе все ярче разгоралась комета.

Госпожа

Земля постепенно становилась серебристо-зеленой. Рассвет разбрасывал по окольцованному стенами городу алые перья. Золотые искорки усеивали укрепления в тех местах, где солнце касалось росы. Туман стекался в низины. Протрубили утреннюю смену часовых.

Лейтенант козырьком приставил к глазам ладонь и прищурился. Хмыкнув с отвращением, он взглянул на Одноглазого. Чернокожий коротышка кивнул.

— Пора, Гоблин, — бросил Лейтенант через плечо.

В лесу зашевелились люди. Гоблин опустил на колени рядом со мной и выглянул из кустов. Он и еще четверо переоделись бедными горожанками и обмотали головы платками. Каждый держал деревянный шест с подвешенным к концу глиняным кувшином, спрятав оружие под одеждой.

— Идите, ворота открыты, — сказал Лейтенант.

Пятеро зашагали вниз по склону холма, держась опушки леса.

— Будь я проклят, но как же здорово вновь заняться такими штучками! — сказал я.

Лейтенант улыбнулся. С того дня как мы покинули Берилл, он улыбался очень редко.

Пять ряженных, укрываясь в тени, продвигались к ручью возле ведущей в город дороги. Несколько городских женщин шли туда же набрать воды.

К воротам мы рассчитывали подобраться без особых хлопот. Город был переполнен чужаками, беглецами и маркитантами мятежников, небольшой гарнизон службу нес спустя рукава. У мятежников не было причин ждать от Госпожи удара так далеко от Чар. Городок не имел никакого военного значения.

Кроме одного. В нем находились двое из Восемнадцати, посвященные в стратегические тайны мятежников.

Три дня мы таились в этих лесах и наблюдали. Перо и Бывалый, недавно ставшие членами Круга, проводили здесь медовый месяц, после чего должны были отправиться на юг и присоединиться к наступающим на Чары.

Трое суток без костров и горячей пищи. Три холодные ночевки. И все же наше настроение было бодрым — пожалуй, впервые за несколько лет.

— Сдапаем их тепленькими, — выразил я вслух свою надежду.

Лейтенант подал знак. Несколько человек отправились следом за фальшивыми старухами.

— Кто бы ни придумал этот план, он знал, что делает, — заметил Одноглазый.

Он тоже был возбужден. Как и мы все. У нас появился шанс сделать то, что нам лучше всего удастся. Пятьдесят дней мы занимались грубым физическим трудом, подготавливая Чары к нападению мятежников, и пятьдесят ночей мучились бессонницей, представляя будущую битву.

Еще пять человек направились к ручью.

— Из ворот выходит группа женщин, — сообщил Одноглазый.

Напряжение нарастало.

Женщины гуськом направились к ручью. Это паломничество так и будет продолжаться весь день, если мы не вмешаемся. Внутри городских стен нет источника воды.

У меня в желудке внезапно потяжелело — наши лазутчики уже поднимались по склону к воротам.

— Всем быть наготове, — приказал Лейтенант.

— Разомните мышцы, — посоветовал я.

Физические упражнения помогают рассеять нервную энергию.

Сколько бы лет ты ни тянул солдатскую лямку, близость битвы всякий раз порождает страх. Эту заразу не подхватить почти невозможно. Одноглазый, прежде чем отправиться на дело, обязательно внушает себе, что судьба вычеркнула его имя из своего списка.

Лазутчики поздоровались с горожанками писклявыми голосами. К воротам они подошли без приключений — маскарад сработал. Стражником оказался башмачник из городской милиции, деловито вгонявший бронзовые гвозди в подошву сапога. Его алебарда стояла в нескольких футах у стены.

Вскоре из ворот вышел Гоблин и хлопнул над головой в ладоши. Звук разнесся по всей округе. Не удовлетворившись, Гоблин развел

руки на уровне плеч ладонями вверх, и над его головой вспыхнула радуга.

— Вечно он выпендривается, — пробурчал Одноглазый.

Гоблин сплясал джигу.

Мы выскочили из леса и бросились вперед. Женщины у ручья с визгом разбежались. «На стадо овец напали волки», — подумал я. Мы мчались во весь дух. Заплечный мешок колотил меня по почкам. Ярдов через двести я перешел на шаг, опираясь на собственный лук. Меня обогнали парни помоложе.

Когда я добрался до ворот, сил не хватило бы и на щелбан старухе. На мое счастье, все старухи успели разбежаться. Наши люди пронеслись через весь город, не встретив сопротивления.

Те, кому предстояло захватить Бывалого и Перо, поспешили к крошечной городской цитадели. Ее охраняли не лучше, чем ворота. Мы с Лейтенантом вошли следом за Одноглазым, Молчуном и Гоблином.

На нижних этажах никто не преградил нам путь. К нашему изумлению, новобранцы все еще посапывали в своих покоях на верхнем этаже. Охранников у двери Одноглазый спугнул какой-то жуткой иллюзией, а Гоблин и Молчун вышибли дверь любовного гнездышка.

Мы ворвались внутрь. Даже сонные, ошарашенные и перепуганные, молодожены оказались не лыком шиты. Они успели наставить нам синяков, пока не утихомирились со связанными руками и кляпами во рту.

— Приказано доставить вас живыми, — сообщил им Лейтенант. — Но это не означает, что нам запретили вас трогать. Ведите себя спокойно, выполняйте распоряжения — и останетесь целыми и невредимыми.

Я даже ожидал, что он оскалит зубы, подкрутит кончики усов и разразится зловещим хохотом. Лейтенант и так прикидывался, поддерживая злодейскую репутацию, которую создали Отряду мятежники.

Но Бывалый и Перо наверняка постараются доставить нам максимум неприятностей. Они прекрасно понимают: Госпожа послала нас не для того, чтобы пригласить их на чашку чая.

И вот мы на полпути к своим. Лежим на вершине холма, разглядываем вражеский лагерь.

— Большой, — сказал я. — Тысяч двадцать пять, а то и тридцать.

Это был один из шести лагерей, поставленных по дуге к северо-западу от Чар.

— Если они так и будут протирать штаны, им крышка, — заметил Лейтенант.

Мятежникам следовало бы атаковать сразу после сражения на Лестнице Слез. Но потеря Твердеца, Тихушника, Мошки и Копуши вызвала грызню среди офицеров, рвущихся в большие начальники. Наступление мятежников застопорилось.

Госпожа восстановила равновесие сил. Теперь ее отряды вели разведку боем, вырезали фуражиров, казнили коллаборационистов, уточняли расположение вражеских позиций и уничтожали все, что могло пригодиться противнику. И мятежники, имея огромный численный перевес, постепенно переходили к обороне. Каждый новый день, проведенный в лагере, психологически их изнурял.

Два месяца назад наш боевой дух опустился ниже змеиной задницы, но теперь он поднимался все выше и выше. Если нам удастся вернуться, он и вовсе воспарит в небеса. Наша вылазка станет ошеломляющим ударом по мятежникам.

Если нам удастся вернуться.

Мы неподвижно лежали на крутом известняковом склоне, покрытом лишайником и палой листвой. Журчащий внизу ручей посмеивался над нашими затруднениями. Тени голых деревьев прикрывали нас узорчатой паутиной, а простенькие заклинания Одноглазого со товарищи довершали маскировку.

Моих ноздрей коснулся запах человеческого страха и лошадиного пота. Сверху, с дороги, донеслись голоса вражеских кавалеристов. Я не знал их языка, но они о чем-то спорили.

Дорога, усыпанная листьями и веточками, казалась неохраняемой. Усталость взяла верх над осторожностью, мы решили пройтись и за очередным поворотом вдруг увидели патруль мятежников на лугу в долине, куда тек ручей, что журчал сейчас у нас за спиной.

Мятежники проклинали наше исчезновение. Несколько солдат спешили, чтобы помочиться с обрыва.

И тут задергалась Перо.

«Проклятье! — мысленно завопил я. — Проклятье! Так я и знал!»

Мятежники насторожились и выстроились цепочкой вдоль обрыва.

Я ударил женщину в висок. Одноглазый врезал ей с другой стороны. Быстро соображающий Молчун опутал ее магическими путами, проворно изобразив пальцами перед грудью нечто вроде переплетающихся щупалец.

Зашуршал безлистный куст. Толстый старый барсук вперевалочку спустился по склону, перебрался через ручей и исчез среди тесно стоящих на другом берегу тополей.

Мятежники с руганью швырнули ему вслед несколько камней, те стучали, отскакивая от лежащих в ручье валунов. Солдаты топ-

гались на дороге, убеждая друг друга, что мы не могли уйти далеко пешком. Логика способна превозмочь любые усилия наших колдунов.

Меня одолел худший из страхов — тот, от которого подгибаются колени, трясутся руки и слабеет прямая кишка. Страх упорно нарастал, отыскивая многочисленные лазейки в моей душе. А вера в приметы упорно твердила, что нам слишком долго везло.

Что толку в недавнем подъеме боевого духа? Со страхом не поспоришь, а он обнажил истину: все это лишь иллюзия. Под ее налетом скрывалось пораженчество, спустившееся вместе с нами с Лестницы Слез. Моя война закончилась, и я ее проиграл. Хотелось лишь одного — бежать.

Бывалый тоже решил было доставить нам неприятности, но, наравшись на мой яростный взгляд, затих.

Ветерок завертел сухие листья. Он охладил выступивший на теле пот, и страх немного ослабел.

Патрульные забрались в седла и, все еще досадливо бранясь, поехали назад. Я наблюдал за ними, когда они появились в том месте, где дорога сворачивала на восток от каньона. Поверх добротных кольчуг эти люди носили ярко-красные плащи, их шлемы и оружие оказались превосходного качества. Мятежники явно богатели — начинали они с дубинами и топорами, как грабители с большой дороги.

— А ведь мы могли бы их прикончить, — произнес кто-то.

— Болван! — фыркнул Лейтенант. — Сейчас они даже не поняли, кого увидели. А если бы мы полезли в драку, они бы сообразили вмиг.

И верно, ни к чему, чтобы мятежники устроили прочесывание так близко от своего лагеря. Здесь попросту нет места для маневра.

Солдат, сморозивший глупость, был одним из тех, кто прибил к Отряду во время долгого отступления.

— Послушай, брат, если хочешь остаться с нами, то заруби себе кое-что на носу. Сражаться надо лишь тогда, когда нет другого выхода. Сам знаешь, в драке может достаться и кому-то из нас.

Солдат что-то буркнул.

— Так, патруля не видно, — сказал Лейтенант. — Пошли.

Он сориентировался и повел нас в направлении щербатых гор, видневшихся за лугом. Я застонал: опять топать по склонам и камням.

Каждый мой мускул протестующе ныл. Я настолько выдохся, что готов был в любой момент рухнуть. Все-таки человек рождается не для того, чтобы с рассвета до заката тащить на спине шестьдесят фунтов клади.

— А ты тогда быстро сообразил, — сделал я комплимент Молчуну.

Он пожал плечами и промолчал. Как всегда.

— Возвращаются! — крикнул кто-то сзади.

Мы распростерлись на боку поросшего травой холма. Далеко на юге из горизонта торчала Башня. Этот базальтовый куб выглядел устрашающе даже с расстояния десять миль и никак не вписывался в ландшафт. Отчего-то хотелось видеть вокруг него бесплодную пустыню или, в лучшем случае, местность, скованную вечной зимой. А на самом деле Башню окружал зеленый пасторальный простор, на южных склонах покатых холмов виднелись небольшие фермы. Между холмами петляли глубокие медлительные реки, окаймленные деревьями.

Ближе к Башне эта идиллия нарушалась, но и там местность была далеко не так мрачна, как расписывали пропагандисты мятежников. Никакой серы и голой, изъеденной оврагами равнины, равно как и отвратительных и злобных существ, рыщущих над россыпями человеческих костей, там не было. Не клубились, не громыхали в небе черные тучи.

— Патрулей не видно, — сказал Лейтенант. — Костоправ, Одноглазый — займитесь делом.

Я надел на лук тетиву. Гоблин принес три заранее приготовленные стрелы, каждая с мягким голубым пузырем вместо наконечника. Одноглазый насыпал в один из пузырей серого порошка и передал стрелу мне. Я прицелился в солнце и выстрелил.

Над долиной вспыхнул и повис голубой огонь — такой яркий, что глаза отказывались смотреть, — следом второй и третий. Пламенные шары выстроились аккуратной колонной, скорее дрейфую вниз, чем падая.

— Теперь будем ждать, — пискнул Гоблин и плюхнулся в высокую траву.

И надеяться, что друзья опередят врагов.

Любой оказавшийся поблизости мятежник наверняка захочет узнать, кто здесь сигналиит. Но не позвать на помощь было нельзя. Нам не удалось бы перебраться за вражеские кордоны незамеченными.

— Всем лечь! — рявкнул Лейтенант. — Третий взвод, в дозор.

Солдаты заворчали, утверждая, что сейчас очередь другого взвода, но этим протесты и ограничились. Все пребывали в прекрасном настроении — разве мы не сбили со следа тех безмозглых кавалеристов? Что может остановить нас теперь?

Я приспособил свой мешок вместо подушки и стал любоваться кучевыми облаками, что могучими легионами дрейфовали в небе. День был чудесен, воздух свеж и чист, как весной.

Мой взгляд коснулся Башни, и настроение сразу испортилось. Теперь события понесутся вскачь. Захват Пера и Бывалого подтолкнет мятежников к действиям. Эти двое выдадут все их секреты, — когда Госпожа задает вопросы, отмолчаться или солгать невозможно.

Я услышал шорох, повернул голову и увидел перед носом змею с человеческим лицом. Едва не заорал, но вовремя узнал дурацкую ухмылку.

Одноглазый. Это его уродливая рожа в миниатюре, только с двумя глазами и без широкополой шляпы. Змея хихикнула, подмигнула и поползла через мою грудь.

— Опять... — пробормотал я и сел, чтобы было лучше видно.

Трава громко зашелестела. Поодаль показалась голова Гоблина с идиотской ухмылкой на физиономии. Из высокой травы выскочили зверьки размером с кролика и шмыгнули мимо меня, сжимая в окровавленных зубах кусочки змеи. Самодельные мангусты, догадался я.

Гоблин вновь предугадал, что затеет Одноглазый.

Тот испустил вопль и, отчаянно бранясь, высоко подпрыгнул. Шляпа закружилась волчком, из ноздрей повалил дым. Когда Одноглазый заорал, изо рта с ревом исторглось пламя.

Гоблин подпрыгивал и дурачился — ни дать ни взять людоед, которого вот-вот угостят человечиной. Большими пальцами он выписывал круги. В воздухе замерцали бледно-оранжевые кольца, которые он щелчком направил в сторону Одноглазого. Кольца нанизались на черного коротышку и стали сжиматься. Гоблин зарывал по-тюленьи.

Одноглазый завершал и уничтожил кольца, потом изобразил метательные движения. В Гоблина полетела цепочка коричневых шаров. Они взорвались облаком бабочек, которые залепили Гоблину глаза. Тот отпрянул, укрылся в траве, словно мышь, спасающаяся от совы, отполз в сторону и вскочил, выпустив ответное заклинание.

Воздух наполнился цветами. У каждого цветка имелся рот с длинными клыками, как у моржа, чтобы нанизывать на них бабочек, и резцами, чтобы сосредоточенно их пережевывать. Гоблин так хохотал, что свалился в траву.

В ответ Одноглазый в буквальном смысле изрыгнул ругательства: из его рта вылетело длиннущее небесно-голубое полотнище, на

котором серебряными буквами было написано его мнение о Гоблине.

— А ну прикрывайте балаган! — раздраженно громыхнул Лейтенант. — Нечего привлекать к нам внимание.

— Слишком поздно, Лейтенант, — заметил кто-то. — Посмотри-ка вон туда.

В нашу сторону направлялись солдаты в красной форме с вышитыми на плащах эмблемами Белой Розы. Мы рухнули в траву, как суслик в свою норку.

Впрочем, суслики из нас получились разговорчивые. Большинство отводило душу, придумывая для Одноглазого жуткие варианты его ближайшего будущего, а меньшинство заодно проклинало и Гоблина за предательский фейерверк.

Запел горн. Мятажники развернулись для атаки на наш холм.

Раздался протяжный свист. Над вершиной холма пронеслась тень, воздушным потоком срывая и расшвыривая траву.

— Взятый, — пробормотал я и, высунув на мгновение голову, увидел несущийся над долиной ковер.

Душелов? Поди разбери с такого расстояния. Это может быть любой из Взятых.

Ковер спикировал навстречу потоку стрел и окутался молочно-белым облаком, которое тут же вытянулось хвостом. На мгновение ковер уподобился комете. Облако разделилось на клочки, напоминающие обрывки ткани. Несколько таких лоскутков, подхваченных ветром, поплыли в нашу сторону.

Я взглянул вверх. Над горизонтом божественным серпом висела комета. Она уже так долго торчит на небе, что мы перестали обращать внимание. Интересно, а мятежники тоже к ней теперь равнодушны? Ведь для них это важнейшее предвестие грядущей победы.

Послышался вопль. Ковер успел пролететь над атакующей линией мятежников и теперь дрейфовал на высоте, чуть превышающей дальность полета стрелы. Белые лоскуты расплзлись на едва заметные нити, а вопили вражеские солдаты, которых они коснулись. На месте контакта мгновенно возникала уродливая зеленая рана.

А некоторые нити целеустремленно двигались в нашу сторону. Это не укрылось от Лейтенанта.

— Ну-ка, парни, сменим позицию на всякий случай.

Он определил направление ветра и показал, куда нужно переместиться. Теперь нитям, чтобы добраться до нас, придется лететь перпендикулярно ветру.

Мы торопливо отмахали ярдов триста, но нити, извиваясь, упрямо ползли в нашу сторону. Сомнений не осталось. Взятый пристально наблюдал с ковра за нитями, позабыв о мятежниках.

— Эта сволочь хочет нас прикончить! — вскричал я.

Ужас превратил мои ноги в студень. Но кому из Взятых и зачем понадобилось, чтобы мы стали жертвами несчастного случая?

И если это действительно Душелов... Но ведь он наш начальник, наш патрон. Он не станет...

Неожиданно ковер так резко набрал скорость, что его владелец едва не опрокинулся на спину. Рванувшись в сторону ближайшего леса, Взятый скрылся с глаз. Смертоносные нити, предоставленные сами себе, медленно опустились и исчезли в траве.

— Что за дьявольщина!

— Святой ад!

Я резко обернулся. В нашу сторону двигалась огромная, все расползающаяся тень — снижался гигантский ковер. По краям торчали головы — лежавшие на нем люди смотрели вниз. Мы замерли, ошестинившись оружием.

— Это Ревун, — сказал я.

Мою догадку тут же подтвердил вой, словно волк бросал луне вызов. Ковер приземлился.

— Залезайте, болваны! Пошевеливайтесь.

Я рассмеялся. Сведенные страхом мышцы медленно расслаблялись. За нами явился Капитан. Он встревоженным медведем приплясывал на краю ковра, на котором прибыло еще нескольких братьев. Я забросил на ковер мешок и ухватился за протянутую руку, чтобы забраться следом. Ворон.

— На сей раз вы успели в последний момент.

— Я бы на твоём месте предпочёл обойтись собственными силами.

— Почему? — спросил я.

— Капитан тебе всё скажет.

Последний из наших уже лез наверх. Капитан угрюмо взглянул на Перо и Бывалого и занялся нами, равномерно распределяя новичков по всей площади ковра. У дальнего края скорчившись сидел кто-то ростом с ребенка, закутанный в несколько слоёв полупрозрачной ткани цвета индиго. И завывал время от времени.

Я содрогнулся:

— Ты о чём говоришь?

— Капитан объяснит, — повторил Ворон.

— Конечно. Как Душечка?

— У нее все хорошо.

Да, Ворон у нас просто кладезь красноречия. Рядом со мной уселся Капитан.

— Скверные новости, Костоправ.

— Да ну? — Я отыскал в себе остатки сарказма. — Выкладывай начистоту. Переживу.

— Крепкий парень, — хмыкнул Ворон.

— Ты прав, я такой. Ем гвозди на завтрак и голыми руками рываю диких кошек.

Капитан покачал головой:

— Побереги свои шуточки. Тебя желает видеть Госпожа.

Мой желудок провалился до земли, то есть на пару сотен футов.

— Проклятье! — прошептал я.

— Вот-вот.

— Но что я такого сделал?

— Тебе лучше знать.

Мои мысли заматались, словно мыши при появлении кота. Через несколько секунд я стал мокрым от пота.

— Не спеши отчаиваться, — посоветовал Ворон. — Она была почти вежливой.

— То была просьба, — кивнул Капитан.

— Ну конечно.

— Будь у нее на тебя зуб, ты бы попросту исчез, — попробовал утешить меня Ворон.

Ему это не удалось.

— Уж больно много романтических фантазий ты про нее написал, — подколот Капитан. — Теперь и она в тебя влюбилась.

Вот поганцы, они никогда этого не забудут. А ведь последнюю фантазию я сочинил несколько месяцев назад.

— И что же ей от меня нужно?

— Она не сказала.

Почти весь оставшийся путь они молчали, просто сидели рядом и старались подбодрить меня традиционной отрядной солидарностью. Впрочем, когда мы подлетали к нашему лагерю, Капитан собобщил:

— Она велела увеличить Отряд до тысячи человек. Мы можем принять добровольцев из числа солдат, которые прибились к нам на севере.

— Хорошая новость, очень хорошая.

Это и в самом деле был повод для торжества. Наши ряды увеличатся впервые за два века. Очень многие из давших клятву Взятому

переприсягнут Отряду. Мы в фаворе, и еще каком! К тому же мы в качестве наемников имеем больше свободы действий, чем регулярные войска Госпожи.

Впрочем, я не мог порадоваться вместе с братьями. Какая тут радость, когда тебя ждет Госпожа.

Ковер приземлился. Его тотчас окружили наши — всем не терпелось узнать, как мы справились с делом. В обе стороны густо посыпались брехня и шутливые угрозы.

— Ты, Костоправ, оставайся на ковре, — велел Капитан. — Гоблин, Молчун и Одноглазый — тоже. Доставите товар заказчику. — Он показал на пленников.

Когда прилетевшие слезли с ковра, из толпы встречающих вприпрыжку выбежала Душечка. Ворон прикрикнул на нее, но девочка, разумеется, его не услышала. Она вскарабкалась на ковер, не выпуская из рук вырезанной Вороном куклы. Теперь на кукле красовалась одежда, поражающая тонкостью отделки. Душечка вручила мне игрушку и проворно заработала пальцами.

Ворон вновь на нее рявкнул. Я попытался остановить девочку, но она увлеченно рассказывала мне о чудесном кукольном наряде. Кое-кто мог бы принять ее за умственно отсталую, раз в таком возрасте она играет в куклы. На самом же деле Душечка была поразительно умна и прекрасно знала, для чего забирается на ковер. Ей хотелось прокатиться, а тут такая возможность.

— Послушай, милочка, — сказал я одновременно жестами и вслух, — тебе надо слезть. Мы сейчас...

Ревун поднял ковер в воздух, и Ворон яростно завопил. Одноглазый, Гоблин и Молчун дружно уставились на Взятого. Ревун вновь завыл. Ковер поднимался все выше.

— Сядь, — сказал я Душечке.

Она устроилась неподалеку от Пера. Про куклу успела позабыть и теперь захотела узнать о наших приключениях.

Я стал рассказывать — это помогло мне отвлечься. Душечка больше смотрела на проплывающую внизу местность, чем на мои пальцы, но тем не менее ничего не упустила и, когда я закончил, с какой-то взрослой жалостью взглянула на Перо и Бывалого. Моя предстоящая встреча с Госпожой несколько ее не встревожила, но все же она меня ободряюще обняла.

Ковер Ревуна медленно отплывал от вершины Башни. Я вяло помахал своим на прощанье. Душечка послала мне воздушный поцелуй. Гоблин постучал себя по груди. Я коснулся амулета, который он дал мне в Лордах. Слабое утешение.

Имперские гвардейцы привязали Перо и Бывалого к носилкам.

— А что делать мне? — спросил я дрогнувшим голосом.

— Тебе следует ждать здесь, — ответил мне капитан.

Его гвардейцы удалились, а он остался и попробовал завязать разговор, но у меня не было настроения болтать о пустяках.

Я подошел к краю площадки на вершине Башни и стал разглядывать гигантскую стройку, в которой участвовали армии Госпожи. Сюда свезли огромное количество базальтового бута. Камням на месте придавали нужную форму, затем складывали из них стены и сплавляли, превращая в гигантский каменный куб. Всевозможный щебень, поврежденные при формовании блоки и прочие отходы хаотично разбросали вокруг Башни, создав защитный пояс в милю шириной и куда более эффективный, чем любой ров.

На севере, однако, участок в форме отрезанного от круглого пирога ломтя оставили свободным от камней, это был единственный наземный подход к Башне. В этом клине войска Госпожи готовились отразить нападение мятежников.

Никто из тех, что копошился сейчас внизу, не верил, что его труд повлияет на исход сражения. В небе висела комета. Но все работали, потому что это подавляло страх.

Углубленный сектор повышался к двум краям, соприкасаясь с каменной мешаниной. Его внешняя дуга была защищена бревенчатым палисадом. Внутри располагались наши лагеря, дальше был прорыт ров глубиной и шириной тридцать футов, на сто ярдов ближе к Башне — второй такой же ров, а еще на сто ярдов ближе — третий. Его еще копали. Вынутую землю переносили к Башне и высыпали за бревенчатым частоколом высотой двенадцать футов, перегородившим сектор от края до края. С этого возвышения баллисты будут швырять снаряды во врага, атакующего нашу пехоту.

Еще на сотню ярдов ближе к Башне соорудили второй такой же частокол, обеспечив дополнительную пару саженей высоты для баллист. Госпожа намеревалась разделить свои силы на три армии, по одной на каждом ярусе, тем самым навязав мятежникам три последовательные битвы вместо одной.

И наконец, в полусотне ярдов от второго частокола росла земляная пирамида. Ее склоны поднимались под углом тридцать пять градусов, а высота уже достигла семидесяти футов.

Вся увиденная мной картина отличалась навязчивой аккуратностью. Равнина перед Башней, со срезанными кое-где буграми высотой несколько футов и заполненными ямами, была плоска, точно столешница, и засеяна травой. Наши животные, подбедая траву, сде-

дали эту территорию похожей на тщательно подстриженную лужайку. Повсюду тянулись вымощенные каменными плитами дорожки, и горе тому, кто сошел бы с такого пути без приказа.

На среднем ярусе я увидел лучников, которые пристреливали местность от яруса до ближайшего рва. Тем временем офицеры перемещали подставки со стрелами в наиболее удобное для лучников положение.

Ярусом выше гвардейцы копошились вокруг баллист, определяя секторы обстрела и прикидывая выживаемость, а заодно рассчитывая точность стрельбы по отдаленным целям. Возле каждого орудия стояли повозки с боеприпасами.

Так же как трава и мощеные дорожки, все эти приготовления выдавали маниакальное стремление к порядку.

А на нижнем ярусе работяги начали для чего-то разрушать короткие участки стены. Странное занятие.

Я почувствовал приближение ковра и обернулся. Ковер сел на крышу, с него неуклюже сошли четыре долго просидевших в неудобной позе солдата с обветрившимися в полете лицами. Прибывших сразу увел капрал.

Наши восточные армии продвигались к Башне, надеясь успеть до начала вражеского штурма и прекрасно понимая, что эта задача практически невыполнима. Взятые день и ночь не слезали с ковров, перевоза к Башне живую силу.

Снизу слышались крики. Я повернулся, выбросил вперед руку. Трах! Удар отшвырнул меня на несколько футов, я завертелся волчком. Капитан-гвардеец что-то прокричал. Я упал лицом вниз. Ко мне побежали вопящие солдаты.

Я перекатился на спину, попытался сесть и поскользнулся в луже крови. Это моя кровь! Она хлестала из раны на внутренней стороне левого предплечья. Я уставился на рану с тупым изумлением. Что за дьявольщина?

— Ложись! — приказал капитан. — Я кому сказал! — Он уложил меня чуть ли не насильно. — А теперь быстро говори, что нужно сделать.

— Жгут, — прохрипел я. — Перетяни чем-нибудь руку, останови кровь.

Капитан сорвал с себя пояс. Быстро сообразил. Прекрасный получится жгут. Я попытался сесть, чтобы советовать гвардейцу по ходу дела.

— Не давайте ему подниматься, — велел капитан стоявшим рядом солдатам. — Фостер, что там произошло?

— С верхнего уступа свалилось оружие и выстрелило на лету. Внизу сейчас носятся, как перепуганные куры.

— Это произошло не случайно, — пробормотал я. — Кто-то хотел меня убить. — Уже теряя сознание, я смог вспомнить лишь извивающиеся на ветру белые нити. — Почему?

— Скажи, и мы оба будем это знать, дружище. Эй, вы! Тащите сюда носилки. — Капитан потуже затянул ремень. — Все обойдется, приятель. Через минуту тобой займется лекарь.

— Повреждена артерия, — сказал я. — Тяжелый случай.

В ушах зашумело. Мир медленно вращался и холодел. Шок. Сколько крови я потерял? Капитан действовал достаточно быстро. Времени хватает. И если лекарь не окажется мясником...

Капитан схватил за руку капрала:

— Иди и выясни внизу, что там произошло. И запомни: мне нужен ясный ответ, а не чушь.

Подоспели носилки. Меня подняли, уложили, и я отключился.

Очнулся я в палатке хирурга, который оказался не только врачом, но и волшебником.

— Сам бы лучше не сработал, — похвалил я, когда он закончил.

— Болит?

— Нет.

— Вскоре заболит очень сильно.

— Знаю. — Сколько раз я сам произносил эти же слова?

Вошел гвардейский капитан:

— Как дела?

— Готово, — сообщил хирург и добавил, повернувшись ко мне: — Никакой работы. Никакого напряжения. Никакого секса. Короче, сам знаешь.

— Знаю. Перевязь?

Он кивнул:

— И еще на несколько дней привяжем руку к туловищу.

Капитан едва сдерживал нетерпение.

— Выяснили, что случилось? — спросил я.

— Не совсем. Расчет баллисты так ничего и не смог объяснить. Оружие непонятным образом сорвалось. Похоже, ты везучий. — Он вспомнил мои слова о том, что кто-то пытался меня убить.

— Похоже, — согласился я и коснулся амулета Гоблина.

— Не хочется этого делать, — сказал капитан, — но все-таки я должен проводить тебя к Госпоже.

Накатил страх.

— Зачем я ей понадобился?

— Ты это знаешь лучше меня.

— Ничего я не знаю. — Имелось слабое подозрение, но я его гнал.

Башен оказалось две, одна внутри другой. Во внешней Башне, в административном сердце империи, расположились чиновники Госпожи. Внутренняя, столь же страшная для них, как и вся постройка для нас, пребывающих вне ее, занимала примерно треть общего объема. У нее имелся только один вход, доступный еще меньшему числу людей.

Когда мы подошли ко входу, он был открыт. Я не увидел охранников. Полагаю, в них не было особой необходимости. Наверное, я испугался бы сильнее, если бы не слабость после операции.

— Я подожду здесь, — сказал капитан.

Он помог мне сесть в кресло на колесах и подтолкнул его к дверному проему. Я пересек порог Башни с зажмуренными глазами и колотящимся сердцем.

Дверь за моей спиной гулко захлопнулась. Кресло катилось долго, несколько раз повернув. Для меня осталось тайной, кто им управлял, потому что я не желал открывать глаз. Наконец оно остановилось. Я ждал. Ничего не происходило. Наконец любопытство победило, и я заморгал.

Она стоит в Башне и смотрит на север. Изящные руки сложены на груди. Легкий ветерок задувает в окно и теребит полуночный шелк ее волос. На нежных щеках бриллиантами искрятся слезинки.

Это же мои собственные слова, написанные больше года назад! Я увидел сцену из своей фантазии, точную до мельчайших деталей. Деталей, которые я придумал, но не записал. Словно этот воображаемый эпизод был целиком выхвачен из моей головы и оживлен.

Разумеется, я ни на секунду не поверил своим глазам. Я находился в недрах Башни, а в этом мрачном сооружении не было ни единого окна.

Госпожа обернулась. И я увидел то, что видит в своих мечтах каждый мужчина. Совершенство. Ей не нужно было говорить, чтобы я узнал, какой у нее голос, ритм речи, паузы между фразами. Ей не нужно было двигаться — я и так знал, какие у нее движения, как она ходит, как подносит руку к горлу, смеясь. Я знал все это с подросткового возраста.

За несколько секунд я понял, что в былые времена подразумевали рассказчики, говоря о ее сногшибательной внешности. От нее веяло таким жаром женственности, что под его напором наверняка шатался и сам Властелин.

Да, она ошеломила меня, но не сдула, словно пушинку. Половина моего «я» исходила любовным томлением, но другая помнила о годах, проведенных рядом с Гоблином и Одноглазым. Там, где замешано волшебство, надо быть постоянно начеку.

Да, смотрится здорово, но что там, под сахарной глазурью?

Она изучала меня так же тщательно, как и я ее.

— Мы снова встретились, — произнесла наконец Госпожа тем самым голосом, какой я ожидал услышать.

Впрочем, в нем имелось еще кое-что — юмор.

— Верно, — хрипло отозвался я.

— Ты боишься?

— Конечно боюсь. — Пожалуй, лишь дурак стал бы это отрицать.

— Ты ранен. — Она подплыла ближе.

Я кивнул, сердце забилося чаще.

— Я не подвергла бы тебя такому испытанию, не будь ситуация столь серьезной.

Я вновь кивнул, слишком потрясенный, чтобы говорить, и на смерть перепуганный. И это Госпожа, воплощение тьмы, ожившая Тень! Паучиха, сидящая в центре черной паутины, полубогиня зла! Что могло произойти настолько важное, что она теперь обращает внимание на чувства таких, как я?

И опять зародилось подозрение, в котором я не желал себе признаваться. Не так уж часто мне выпадал шанс столь близко пообщаться со столь важной персоной.

— Кто-то пытался тебя убить. Кто?

— Не знаю.

Взятый на ковре... Белые нити...

— Почему?

— Не знаю.

— Знаешь. Даже если сам думаешь, что не знаешь.

Идеальный голос — но опасно острый тон.

Я пришел сюда, ожидая худшего, но Госпожа застала меня врасплох, продемонстрировав ожившую мечту, и моя защита пала.

Загудел воздух, вокруг Госпожи образовалось лимонно-желтое сияние. Она приблизилась и растаяла — вся, кроме лица. Это лицо в желтом ореоле увеличилось, стало огромным, надвинулось. Мир заполнила желтизна. Я видел только глаз...

Око! Я вспомнил Око в Облачном лесу, попытался закрыть лицо рукой, но не смог даже шевельнуться. Кажется, я завопил. Проклятье, я знаю, что вопил!

Она задавала вопросы, которых я не слышал. В моей голове вращались ответы, мысли радужными масляными пятнами расплывались по неподвижной, хрустально чистой воде сознания.

У меня не осталось секретов. Никаких. Ни единой мысли я не смог бы теперь спрятать.

Ужас корчился во мне перепуганными змеями. Да, я писал те дурацкие фантазии, но ведь были и сомнения, и что-то даже страшило. А это воплощение черного зла способно уничтожить меня даже за тайные помыслы...

Нет, неправильно. Она чувствует себя в безопасности, потому что сама злобность является для нее источником силы. Ей не нужно подавлять вопросы, сомнения и страхи простых смертных и мстить за них. Наши представления о совести и морали ей кажутся смехотворными.

Эта встреча не стала повтором той, что была в лесу. Воспоминаний я не утратил. Просто я не слышал вопросов Госпожи, но их можно было угадать по моим ответам о контактах со Взатыми.

Она за кем-то охотилась, и это я заподозрил еще на Лестнице Слез. Я угодил в такой капкан, что страшнее и не представишь: одной его зубастой челюстью был кто-то из Взятых, а другой — Госпожа.

Мрак. И пробуждение.

Она стоит в Башне и смотрит на север... На нежной щеке искрится слезинка-бриллиант.

Какая-то частичка прежнего Костоправа сумела не поддаться страху.

— В этот момент я вошел сюда.

Она взглянула на меня, улыбнулась. Приблизилась, коснулась пальцами, нежнее которых нет ни у одной женщины в мире.

Все страхи сгинули.

И мрак сомкнулся вновь.

Когда я очнулся в том же кресле на колесах, мимо проплывали стены коридоров. Кресло катил знакомый гвардейский капитан.

— Как самочувствие? — поинтересовался он.

Я прислушался к ощущениям.

— Вполне сносно. Куда ты меня везешь?

— К выходу. Она велела тебя выпустить.

Вот даже как? Гм... Ощупал рану: уже зажила. Покачал головой: такого со мной еще не бывало.

Я задержался на том месте, где сорвалась баллиста. Смотреть здесь было не на что, а спрашивать некого. Я спустился на средний ярус и подошел к работавшим там землекопам. Им было приказано

сделать квадратную в плане полость двенадцать футов шириной и восемнадцать глубиной. Они понятия не имели, для чего она потребовалась.

Я обвел взглядом частокол. По всей его протяженности копали дюжину таких ям.

Когда я, прихрамывая от усталости, вошел в наш лагерь, на меня устремились любопытные взгляды. Естественно, на языке у братьев вертятся вопросы, которых сейчас не зададут. И хотя мне сочувствуют, никто этого не выразит.

Одна лишь Душечка не пожелала играть в нашу традиционную игру. Она подскочила, сжала мне руку, широко улыбнулась. Детские пальцы заплесали. Она задавала мне те самые вопросы, которые мужчинам не позволяет задавать самолюбие.

— Не торопись, — попросил я ее.

Я все еще недостаточно быстро улавливал изображаемые девочкой знаки, однако ее радость говорила сама за себя. Но внезапно кто-то встал между нами. Я поднял голову. Ворон.

— Тебя ждет Капитан. — Держался он холодно.

— Догадываюсь.

Я знаками попрощался с Душечкой и побрел к штабной палатке. Торопиться нет нужды, теперь никто из смертных не сможет меня запугать.

Я обернулся. Ворон стоял, с видом собственника опустив руку на плечо девочки. Вид у него был удивленный.

Капитан повел себя нетрадиционно и даже избавил меня от своего привычного ворчания. Кроме нас двоих, в палатке находился лишь Одноглазый, и его тоже интересовало только дело.

— У нас неприятности? — сразу спросил Капитан.

— Ты о чем?

— О происшествии на холмах. Это ведь не было случайностью? Тебя вызывает Госпожа, и через полчаса кто-то из Взятых слетает с катушек. Затем то чудесное исцеление в Башне. Объяснений ни у кого нет.

— Логика требует связи, — заметил Одноглазый.

— Вчера до нас дошло известие о том, что Костоправ умирает, — добавил Капитан. — Сегодня ты здоров. Колдовство?

— Вчера? — Время вновь бесследно исчезло. Я откинул полог палатки и посмотрел на Башню. — Еще одна ночь в холме эльфов.

— Так это был несчастный случай? — не унимался Одноглазый.

— Это не было случайностью, — ответил я, вспомнив, что так думала Госпожа.

— Все сходится, Капитан.

— Ночью кто-то пытался зарезать Ворона, — сказал Капитан. — Но Душечка не позволила.

— Ворон? Душечка?

— Что-то ее разбудило. Она огрела убийцу по голове деревянной куклой. Кто бы это ни был, он смылся.

— Паршиво.

— Точно подмечено, — кивнул Одноглазый. — Почему Ворон дрыхнул, а глухая девочка проснулась? Да Ворон запросто расслышит, как комар ногой шевельнет. Тут попахивает колдовством. Причем убогим. Душечка не должна была проснуться.

— Ворон. Ты. Взятый, — развил его мысль Капитан. — Госпожа. Покушения. Вызов в Башню. У тебя есть ответ. Выкладывай.

Мое нежелание отвечать оказалось красноречивым.

— Ты сказал Эльмо, что нам следует отстраниться от Душелова. С какой стати? Он хорошо с нами обращается. Что произошло, когда вы прикончили Твердеца? Расскажи, и пропадет всякий смысл тебя убивать.

Хороший аргумент. Только мне хотелось убедиться в этом, прежде чем откровенничать.

— Я полагаю, что готовится заговор против Госпожи. Возможно, в него вовлечены Душелов и Зовущая. — Я подробно описал гибель Твердеца и захват Шепот. — Меняющий был серьезно встревожен, когда они позволили Висельнику умереть. Вряд ли Хромой участвовал в каких-либо заговорах. Его подставили, и им весьма умело манипулировали. Как и Госпожой. Не исключено, что Хромой и Висельник были на ее стороне.

— А ты уверен, что Душелов в этом замешан? — задумчиво спросил Одноглазый.

— Я ни в чем не уверен. Впрочем, ничему теперь не удивлюсь. Я еще в Берилле считал, что он нас использует.

— Несомненно, — кивнул Капитан. — Я попросил Одноглазого изготовить для тебя амулет, который предупредит, если кто-либо из Взятых окажется слишком близко. Но вряд ли тебя снова потревожат. Приближаются мятежники, и это теперь для всех первоочередная забота.

Цепочка логических заключений внезапно завершилась. Вывод был ясен как белый день. Все нужные сведения имелись у меня уже давно, требовался лишь толчок, чтобы фрагменты сложились в картину.

— Кажется, я понял причину. Дело в том, что Госпожа — узурпатор.

— И кто-то из людей в масках хочет поступить с ней так же, как она поступила со своим муженьком?

— Нет. Они хотят вернуть Властелина.

— Что?

— Он все еще в могиле где-то на севере. А Госпожа попросту не дала ему ожить, когда Боманц открыл для нее путь к воскрешению. Думаю, Властелин поддерживает связь с теми из Взятых, кто остался ему верен. Боманц ведь доказал, что связь с погребенными в Курганье возможна. Не исключено, что Властелин направляет и кое-кого из членов Круга. Твердец был таким же крутым злодеем, как и любой из Взятых.

Одноглазый помолчал, затем пророчески изрек:

— Сражение будет проиграно. Госпожа потеряет трон. Верные ей Взятые полягут, как и верные ей войска. Но вместе с ними погибнут и наиболее склонные к идеализму мятежники, и это, в сущности, станет поражением Белой Розы.

Я кивнул:

— Комета на небе, но мятежники так и не нашли этого таинственного ребенка.

— Верно. Не исключено, что ты попал в самую точку, предположив, что Властелин влияет на Круг.

— А когда наступит хаос и уцелевшие затеют грызню из-за объедков, тут и вылезет дьявол, — добавил я.

— И где же наше место в этой схеме? — спросил Капитан.

— Вопрос должен звучать иначе, — возразил я. — Как нам вырваться из этой схемы?

Летающие ковры вились вокруг Башни, словно мухи вокруг трупа. Армии Шепот, Ревуна, Безымянного, Костоглода и Луногрыза находились на расстоянии от восьми до двенадцати переходов. Солдат с востока перебрасывали по воздуху.

Через ворота в палисаде непрерывно выходили и возвращались отряды, которым было поручено не давать врагу покоя. Мятежники переместили свои лагеря, и теперь от Башни их отделяло всего пять миль. Выделенная из Отряда и усиленная Гоблином, Одноглазым и Молчуном группа тоже совершила ночную вылазку, но подобные действия казались бессмысленными. Из-за подавляющего численного превосходства противника быстрые удары небольших отрядов просто не могли оказать заметного эффекта. Я никак не мог понять, зачем Госпоже понадобилось терзать мятежников.

Строительство оборонительных сооружений закончено. Препятствия подготовлены. Ловушки размещены. Осталось только ждать.

Прошло шесть дней после нашего возвращения с Пером и Бывалым. Я ожидал, что их похищение побудит мятежников нанести удар, но те по-прежнему не торопились. Одноглазый полагал, что они до последней минуты не утратят надежды найти свою Белую Розу.

Осталось лишь бросить жребий. Трое Взятых, каждый из которых возглавит армию, будут оборонять по ярусу. Ходят слухи, что Госпожа берется лично командовать войсками на пирамиде.

Никому не хотелось оказаться на передней линии. Как бы ни обернулись события, этим войскам достанется больше всех. Поэтому и решили бросать жребий.

Ни на Ворона, ни на меня больше покушений не было. Наш недоброжелатель избрал другую тактику. В любом случае покушаться на меня поздно — я уже встретился с Госпожой.

Настроение войск вновь изменилось. Отряды, возвращающиеся с вылазок, выглядели все более потрепанными и отчаявшимися. Вновь придвинулись вражеские лагеря.

В штабе Отряда побывал нарочный, после чего Капитан собрал офицеров.

— Началось. Госпожа созвала Взятых и велела тянуть жребий. — На лице Капитана было странное выражение, но удивление там преобладало. — Мы получили особый приказ от самой Госпожи.

Шепот, бормотание, недовольное ворчание. Все шокированы. Тяжелую работу Госпожа всегда взваливает на нас. Чутье мне предвещало, что нами укрепят передовую линию, по которой ударят отборные войска мятежников.

— Нам приказано снять лагерь и переместиться на пирамиду.

Посыпались десятки вопросов.

— Мы станем ее телохранителями, — пояснил Капитан.

— Гвардейцам это не понравится, — сказал я.

Они и так нас недолюбливали, потому что им пришлось выполнять приказы Капитана на Лестнице Слез.

— Что, Костоправ, боишься, что они станут с ней спорить? Господа, начальство приказало идти, значит мы идем. Если желаете это обсудить — пожалуйста, только во время работы, когда будете сворачивать лагерь. И чтобы солдаты не слышали.

Для солдат новость звучала сладкой музыкой. Мы не просто оказываемся в стороне от самой жестокой драки, но и получаем возможность отступить в Башню.

Неужели я настолько уверен в нашем неуспехе? Отражает ли мой негативизм общее настроение? И действительно ли армия, в которой я служу, потерпела поражение еще до первого удара?

Комета висела в небе.

Разглядывая ее, когда мы перебирались на пирамиду заодно со скотом, который перегоняли в Башню, я понял, почему медлят мятежники. Разумеется, они надеялись в последнюю минуту найти Белую Розу. И еще ждали, когда максимально приблизится комета — зрелище будет наиболее эффектным.

Я хмыкнул.

— Что? — спросил Ворон.

Он шел рядом и нес на спине тюк со своими пожитками и сверток с вещами Душечки.

— Мятежники не разыскивали своего магического ребенка. Не все вышло так, как они планировали.

Ворон посмотрел на меня как-то странно, чуть ли не с подозрением.

— Пока не разыскивали, — бросил он. — Пока.

Сзади послышался звон металла — вражеские кавалеристы метали дротики в часовых на палисаде. Это была лишь проба сил. Ворон даже не обернулся.

На пирамиде оказалось тесновато, зато с нее открывался великолепный вид.

— Надеюсь, мы не застрянем здесь надолго, — сказал я и пояснил: — Чертовски неудобно будет обрабатывать раненых.

Мятежники последний раз переместили свои лагеря, и те, всего в полумиле от палисада, соединились. Вдоль частокола непрерывно завязывались мелкие стычки. Бóльшая часть наших войск расположилась на ярусах.

Первый ярус заполнили солдаты, служившие на севере и усиленные бывшими гарнизонами городов, захваченных врагом, — девять тысяч человек, разделенных на три дивизии. Центральной командовала Зовущая Бурю. Если бы здесь распоряжался я, то послал бы ее на пирамиду вызывать циклоны.

Дивизии на флангах взяли под свое начало Луногрыз и Костоглод — двое Взятых, которых я ни разу не видел.

Второй ярус достался шести тысячам солдат, также разделенным на три дивизии. Большинство составляли лучники из восточных армий, крепкие парни, не столь зараженные неуверенностью, как войска нижнего яруса. Ими, слева направо, командовали Безликий, он же Безымянный, Ревун и Крадущийся в Ночи. Для лучников натащили бесчисленные ящики со стрелами. Хотел бы я знать заранее, как эти бойцы справятся, если враг прорвет первую линию.

По всему третьему ярусу были расставлены гвардейцы с баллистами и иными метательными машинами. На левом фланге готови-

лась к обороне Шепот с пятнадцатью сотнями ветеранов из ее восточной армии, а на правом — Меняющий с тысячью воинов, успевших повоевать на западе и юге.

В центре у подножия пирамиды Душелов командовал гвардейцами и союзниками из Драгоценных городов — две с половиной тысячи.

А на пирамиде, с развевающимися знаменами и штандартами, встала тысяча воинов Черного Отряда, держа оружие наготове.

Вот так. Примерно двадцать одна тысяча человек против более чем вдесятеро превосходящего противника. Конечно, численность — не всегда решающий фактор. В Анналах описано немало случаев, когда Отряд побеждал, сражаясь в меньшинстве. Но не при таком соотношении. К тому же ситуация была слишком статичной — не имелось возможности для маневра или отступления, а о наступлении мы не могли и мечтать.

Мятежники взялись за дело всерьез. Защитники палисада поспешно отошли, разобрав по дороге мосты через все три рва. Враги не стали их преследовать, а вместо этого принялись разбирать частокол на бревна.

— Похоже, они методичностью не уступят Госпоже, — сказал я Эльмо.

— Угу. Из бревен сделают мосты и перейдут рвы.

Он ошибся, но мы не сразу это поняли.

— Семь дней до подхода восточных армий, — пробормотал я поздним вечером, глядя на черную громаду Башни.

За весь день Госпожа так и не показалась.

— Дней девять или десять, если считать трезво, — возразил Эльмо. — Они ведь захотят подойти все сразу.

— Верно. Об этом я не подумал.

Мы поужинали сушеной пищей и улеглись спать на землю. Утром проснулись от завываний вражеских горнов.

Куда бы я ни бросил взгляд, он натыкался на вражеские отряды. Линия щитов-мантилетов двинулась вперед. Они были сделаны из бревен, выкорчеванных из нашего частокола; получилась стена на всю ширину нашей обороны. Заработали тяжелые баллисты, они швыряли камни и огненные шары, но ущерб нанесли незначительный.

Саперы мятежников начали наводить мосты через первый ров, пользуясь принесенными бревнами. Быками служили толстенные балки длиной пятьдесят футов, которым были нипочем снаряды баллист. Укладывать их можно было только с помощью лебедек, служив-

ших плохой защитой для строителей. Дальнобойные баллисты гвардейцев заставили противника заплатить за мосты дорогую цену.

Там, где прежде стоял палисад, чужие инженеры руководили сборкой башен на колесах, из которых должны были стрелять лучники, и передвижных рамп, облегчавших подъем на первый ярус. Плотники сколачивали лестницы. Артиллерии не было заметно. Я предположил, что противник намерен преодолеть рвы и задавить нас числом.

Лейтенант хорошо разбирался в осадном искусстве, и я подошел к нему:

— Как они собираются перетащить сюда рампы и башни?

— Очень просто — заполнят рвы.

Он оказался прав. Едва поперек первого рва улеглись мосты, по ним двинулись мантилеты, а дальше показались телеги с землей и камнями. Наши всыпали от души, и немало трупов возниц и животных отправилось в ров.

Саперы тем временем добрались до второго рва и начали собирать лебедки. Строителей никто не охранял. Зовущая отправила лучников к третьему, ближнему рву, а гвардейцы выпустили град снарядов из баллист. Противник понес тяжелые потери, но его командование просто заменило поредевшие отряды свежими.

В час пополудни мятежники начали переброску мантилетов через второй ров. Крытые и некрытые телеги сновали по мостам через первый, подвозя землю и камни.

Приблизившись к третьему рву, авангард мятежников попал под ураганный обстрел. Лучники со второго яруса пускали стрелы высоко вверх, и те падали на вражеских солдат почти вертикально. Баллисты, сменив прицел, разносили мантилеты на зубочистки. Но наступление продолжалось. На фланге Луногрыза мятежникам удалось уложить поперек рва опорные балки для моста.

Луногрыз послал в контратаку отряд пикинеров. Перемахнув через ров, они ударили с такой яростью, что отогнали вражеский авангард до второго рва. Пикинеры уничтожили все машины и снова бросились в атаку. Тогда вражеское командование выставило против них сильный отряд тяжелой пехоты. Наши отступили, уничтожив по дороге мосты через второй ров.

Мятежники с непоколебимым упорством восстановили мосты и подошли к последнему рву. Теперь строителей защищали солдаты. Лучшие стрелки Зовущей отошли.

Стрелы со второго яруса сыпались непрерывно, как снежинки в метель. Они нанесли впечатляющий урон. Мятежники потоком

вливались в этот ведьмин котел. Навстречу им текла река раненых. Перед последним рвом неприятельский авангард уже почти не высовывался из-за оставшихся мантелетов, молясь лишь о том, чтобы баллисты не разбили щиты в щепки.

Так завершился первый день. Солнце садилось, покрывая длинными тенями залитое кровью поле боя. По моим подсчетам, мятежники потеряли десять тысяч человек, а мы по-настоящему даже не начали сражаться.

В течение всего дня ни Взятые, ни Круг не прибегали к своим магическим силам. Госпожа не выходила из Башни.

На день меньше осталось ждать армии с востока.

Взаимное насилие завершилось на закате. Мы поели. Мятежники выслали новую смену для работы у рвов. Вновь прибывшие принялись за дело со рвением, которое их предшественники успели утратить. Стратегия была очевидной. Враг будет изматывать нас, меняя побывавшие в деле войска на свежие.

С наступлением темноты настало время Взятых. Хватит им сидеть сложа руки.

Сперва я мало что мог разглядеть, поэтому не возьмусь с уверенностью сказать, кто именно и что делал. Впрочем, подозреваю, что Меняющийся под чужой личиной проник на вражескую территорию.

По небу, заслоняя звезды, поползли грозовые тучи. Над землей несясь холодный ветер, крепчая, завывая все громче. Вместе с ним примчались целые орды тварей с кожистыми крыльями, летающих змей длиной с человеческую руку. Их шипение перекрыло рокот грозы. Гремел гром, копыта молний вонзались во вражеские сооружения. Ослепительные вспышки озарили и другое: по полям каменных обломков шагали великаны, швыряя валуны с той же легкостью, с какой ребенок бросает мячик. Вот гигант выломал из моста опорную балку и принялся орудовать ею как дубиной, разбивая осадные башни и рампы. Насколько я смог разглядеть в неверном свете молний, великаны сами были каменные — собранные из кусков базальта монстры, уродливые подражания человеческой фигуре.

Земля затряслась, на равнине засветились желчно-зеленые пятна. Среди врагов поползли десятифутовые светящиеся оранжевые черви. Небеса разверзлись и обрушили на мятежников дождь и пылающую серу.

Ночь продолжала извергать все новых чудовищ. Жабы-убийцы. Ядовитые насекомые. Где-то все ярче разгорались очаги лавы — мы уже видели такое на Лестнице Слез. И все это обрушилось на мятежников за считанные минуты. Когда Круг начал противодействие,

эффект волшебства снизился, но на нейтрализацию некоторых чар ушло несколько часов. Сами члены Круга атаковать не осмелились — Взятые были слишком сильны.

К полуночи наступила тишина. Противник потерял все, чего добился за день, кроме частично заполненного дальнего рва. Гроза сменилась ровным дождем. Он заставлял мятежников страдать, не нанося им урона. Я улегся спать среди братьев, радуясь тому, что наш клочок мира остался сухим.

Рассвет. Первый взгляд на дело рук Взятых. Повсюду смерть. Жутко изуродованные трупы. Мятежники убрали их до полудня, потом возобновили наступление на рвы.

Капитан получил послание из Башни и собрал нас.

— Мне сообщили, что ночью мы потеряли Меняющего. — Он многозначительно взглянул на меня. — Обстоятельства его гибели неясны. Нам приказано быть начеку. Это означает работу для тебя, Одноглазый, и для вас, Молчун и Гоблин. Если заметите что-либо подозрительное, сразу сообщайте в Башню. Понятно?

Колдуны кивнули.

Меняющий убит. Кому-то пришлось изрядно потрудиться.

— У мятежников есть серьезные потери? — спросил я.

— Борода, Веревочник, Тамараск. Но их смогут заменить, а Меняющего — нет.

Поползли слухи. Членов Круга прикончил похожий на пантеру зверь — настолько сильный и быстрый, что даже магические способности жертв не стали ему помехой. Вместе с тремя генералами погибло несколько десятков вражеских функционеров.

В Отраде шепотом вспоминали похожего зверя из Берилла. Душелов взял форвалаку на свой корабль. Неужели натравил ее на мятежников?

Сомнительно. Атака была проведена в стиле Меняющего. Он любил тайком пробраться во вражеский лагерь, а потом...

Одноглазый бродил, глубоко погрузившись в свои мысли; он ничего не замечал вокруг и постоянно на что-нибудь натыкался. Вдруг колдун остановился и шарахнул кулаком по большому окороку, висевшему возле недавно установленной кухонной палатки.

Он все понял. Догадался, как Душелов запустил форвалаку в Бастион, где та убила синдика и все его окружение, и в результате получил власть над городом через синдика-марионетку, не тратя и без того истощенные ресурсы Госпожи. Если мне не изменяет память, Душелов и Меняющий были тогда приятелями...

Одноглазый сообразил, кто убил его брата, — но слишком поздно, чтобы отомстить.

Несколько раз в тот день он, проходя мимо кухни, лупил ни в чем не повинный окорок.

Днем я подошел к Ворону и Душечке. Они наблюдали за сражением. Я взглянул на бывшую дивизию Меняющего. Его штандарт сменился другим.

— Ворон, это флаг Джалены?

— Да, — бросил Ворон и сплюнул.

— Меняющий был неплохим парнем. Для Взятых.

— Все они неплохие. Для Взятых. Пока не станешь у них на пути. — Он снова плюнул и посмотрел на Башню. — Что там происходит, Костопправ?

— Ты о чем?

После нашего возвращения Ворон сделался вежливым, как прежде.

— Для чего весь этот спектакль? Почему она решила завершить именно так?

Я не был уверен, что понял смысл вопроса.

— Не знаю. Она мне не докладывала.

— Нет? — Лицо Ворона исказилось. Неужели он мне не верит? — Было бы неплохо узнать, — добавил он, пожав плечами.

— Несомненно.

Я посмотрел на Душечку. Очередная атака пробудила в ней удивительный интерес. Она засыпала Ворона потоком вопросов, причем непростых. Такие вопросы были бы вполне уместны для генерала-стажера, принца или еще кого-нибудь, предполагающего, что со временем ему придется командовать войсками.

— Может, ее лучше отвести в более безопасное место? — спросил я.

— Куда? — раздраженно бросил Ворон. — Для нее самое безопасное место — рядом со мной.

Он говорил жестким голосом и щурился, с подозрением глядя на меня. Немного испугавшись, я оставил эту тему.

Неужели он ревнует из-за того, что я подружился с Душечкой? Все-таки Ворон — очень странная личность. В нем все загаочно.

Уже исчезли немалые участки дальнего рва. Средний ров местами был засыпан, а земля утрамбована. Мятажники переместили уцелевшие башни и ramпы до предела дальности стрельбы наших баллист. Строились новые башни. Повсюду виднелись мантилеты, за которыми укрывались солдаты.

Несмотря на безжалостный обстрел, мятежники перекинули мосты через ближний ров. Контратаки отбрасывали врагов раз за ра-

зом, но они снова шли на приступ. В третьем часу пополудни был достроен восьмой мост.

По переправам хлынул могучий поток пехоты. Навстречу густым роем понеслись стрелы. Противник бессистемно испытывал прочность нашей передовой линии. Солдаты, похожие издаലെка на крупинки града, бросались на стену копий, щитов и мечей. Росли груды трупов. Лучники били метко, они едва не заполнили убитыми и ранеными рвы под мостами. Но мятежники не отступались.

Я узнал несколько знамен, которые видел под Розами и Лордами. В бой шли элитные части.

Пройдя по мостам, они перестроились и двинулись вперед четкими шеренгами, давя на наш центр. За их спинами готовилась вторая линия атакующих — еще более многочисленная и широкая фаланга. Когда построение завершилось, офицеры переместили вторую линию на несколько ярдов вперед. Солдаты укрылись за щитами.

Авангард противника выдвинул вперед мантилеты и сформировал из них нечто вроде палисада. Их тут же взялись обрабатывать самые мощные баллисты. Колонны телег подвозили ко второму рву землю и камни и сгружали в нескольких местах.

Хотя на передний край наше начальство выставило наименее надежных солдат — подозреваю, что результаты жеребьевки были подтасованы, — они все же отбили атаку лучшего войска мятежников. Успех подарил нам лишь краткую передышку — в атаку пошла вторая фаланга врага.

Наш фронт дрогнул. Его бы наверняка прорвали, имея солдаты путь для отступления, — удирать с поля боя они уже привыкли. Но сейчас за спиной у них высился частокол, а через него не перепрыгнешь.

Отхлынула и вторая волна. Луногрыз перешел на своем фланге в контратаку и отбросил вражескую пехоту. Он уничтожил большую часть мантилетов и едва не захватил мосты. Его агрессивность произвела на меня сильное впечатление.

Близился вечер. Госпожа не показывалась. Наверное, она не сомневалась, что мы выстоим. Враг начал третью атаку, решив задавить нас числом, и ему это едва не удалось. Кое-где мятежники добрались до частокола и попытались его разрушить. И все же наши бойцы выдержали. Нескончаемый дождь стрел погасил решимость противника.

Враги отступили. За мантилетами укрылись свежие части. Наступило вынужденное перемирие. На поле боя хозяйничал авангард мятежников.

— Шесть дней, — сказал я себе. — Вряд ли мы столько продержимся.

Завтра наша передовая линия не выстоит. Орды врага начнут штурм второго яруса. Наши лучники имеют боевую ценность, пока ведут стрельбу, но вряд ли они покажут себя хорошо в рукопашной. Более того, связанные ближним боем, они уже не смогут наносить урон штурмующим отрядам. И тогда вражеские стрелки перебьют наших с башен.

На вершине пирамиды, неподалеку от края, мы выкопали узкую канаву — сходится на роль отхожего места. Капитан застал меня в самый неподходящий момент.

— Костоправ, ты нужен на нижнем ярусе. Прихвати Одноглазого и своих помощников.

— Зачем?

— Ты ведь лекарь, не забыл еще?

— Ах да.

Мне стало обидно за собственную глупость. Следовало бы помнить, что я не могу все время быть наблюдателем.

Весь Отряд тоже спустился — ему поставили новые задачи.

Идти вниз оказалось нетрудно, хотя по временным рампам туда и обратно двигались потоки людей. Солдаты с верхнего яруса и пирамиды подносили лучникам стрелы (Госпожа, наверное, копила их десятилетиями), а назад тащили убитых и раненых.

— Прекрасная возможность смести нас всех, — сказал я Одноглазому. — Нужно лишь захватить ramпы.

— Они слишком заняты тем же, чем и мы.

Мы прошли в нескольких шагах от Душелова, я приветственно поднял руку. После короткой паузы тот повторил мой жест. Мне показалось, что Взятый чего-то боится.

Мы спускались все ниже и ниже, пока не очутились на позиции Зовущей.

Здесь был настоящий ад. После битвы любое место напоминает ад, но такого мне еще видеть не доводилось. Повсюду валялись раненые — многие из них были мятежниками, а у наших солдат не хватало сил их прикончить. Даже пришедшие сверху солдаты лишь отпихивали мертвых и полуживых врагов в сторону, собирая тела своих. Всего в сорока футах мятежники, на которых никто не обращал внимания, точно так же собирали своих и игнорировали наших.

— Помню, в Анналах было описано что-то похожее, — сказал я Одноглазому. — Битва у Рвани вроде.

— У Рвани не было столько крови.

На это я мог лишь буркнуть что-то неразборчивое. Одноглазый видел ту битву. Он в Отряде давным-давно.

Я нашел офицера и спросил, где нам развернуть госпиталь. Тот ответил, что больше всего пользы мы принесем у Костоглода.

На пути к Костоглоду мы, чувствуя себя весьма беспокойно, прошли рядом с Зовущей. Амулет Одноглазого обжег мне запястье.

— Твоя подружка? — ехидно поинтересовался колдун.

— Что?

— Она на тебя так смотрела...

Я вздрогнул. Белые нити. Взятый на летающем ковре. Это могла быть и Зовущая.

Костоглод оказался настоящим великаном, крупнее даже Меняющего, — восемь футов роста и шестьсот фунтов железных безжалостных мышц. Он был настолько силен, что выглядел уродливо до жути. Его рот напоминал крокодилю пасть, и не исключено, что когда-то этот Взятый пожирал своих врагов. В нескольких древних легендах он даже носил имя Костолом из-за огромной физической мощи.

Когда я разглядывал Взятого, подошел один из его офицеров и велел нам отправиться на правый фланг, где накал сражения был настолько слаб, что туда еще не посылали лекарей.

Мы разыскали командира батальона.

— Располагайтесь прямо здесь, — сказал он. — Раненых вам принесут.

Вид у этого человека был унылый. Кто-то из его солдат сказал:

— Еще утром он командовал ротой. Сегодня крепко досталось командному составу.

Когда велика убыль офицеров, это означает лишь одно: они шли в атаку перед строем, поддерживая боевой дух в своих подчиненных.

Мы с Одноглазым приступили к работе.

— А я думал, у вас сегодня был легкий день, — сказал он солдату.

— Смотря что считать легким, — мрачно ответил тот и хмуро посмотрел на нас: мол, нашлись герои, весь день на пирамиде околачивались.

Зашивать раны при свете факелов — еще то удовольствие. На пару с Одноглазым мы обработали несколько сот раненых. Делая перерывы, чтобы прогнать боль из немеющих от усталости рук и плеч, я всякий раз с тревогой поглядывал на небо. Сегодня запросто может свихнуться еще кто-нибудь из Взятых.

К нам подошел Костоглод, обнаженный до пояса и без маски, похожий на борца-переростка. Он молча стоял, а мы пытались не обращаться на него внимания. Взятый буравил нас пороссячими глазками.

Мы с Одноглазым работали с одним раненым, каждый со своей стороны. Внезапно колдун замер и вскинул голову, словно встревоженный конь. Широко раскрытые глаза забегали.

— Что такое? — спросил я.

— Не знаю... Странно. На секунду мне показалось... Так, ничего.

Работая, я поглядывал на Одноглазого. Он испугался, причем очень сильно, и это нельзя было объяснить присутствием Взятых. Словно что-то угрожало лично ему. Я посмотрел на Костоглода, тот тоже наблюдал за Одноглазым.

Через некоторое время, когда каждый из нас хлопотал над своим пациентом, Одноглазый вновь встрепенулся. Я поднял голову. За спиной колдуна примерно на уровне пояса стоящего человека светились глаза. По моей спине пробежал холодок.

Все сильнее нервничая, Одноглазый вглядывался в темноту. Закончив работу, он вытер руки и шагнул к Костоглоду.

Я услышал рев. В круг света возле меня метнулась черная тень.

— Форвалака! — успел ахнуть я, бросаясь навзничь.

Зверь пронесся надо мной, разорвав когтем кожаную куртку.

Едва форвалака коснулась около меня земли, ее схватил Костоглод. Одноглазый напустил чары, ослепившие и меня, и форвалаку, и всех находившихся поблизости. Я слышал, как ревет зверь — теперь уже не от ярости, а от боли. Зрение вернулось. Костоглод держал форвалаку мертвой хваткой, правой рукой сдавливая ей горло, а левой с хрустом кроша ребра. Зверь отчаянно рубил когтями воздух. Силы в нем хватило бы, пожалуй, на дюжину настоящих леопардов, но в руках у Костоглода он оказался беспомощным. Взятый захохотал и оторвал у форвалаки зубами кусок левого плеча.

Одноглазый, пошатываясь, подошел ко мне.

— Жаль, что этого парня не было с нами в Берилле, — произнес я дрогнувшим голосом.

Одноглазого трясло от ужаса, мою шутку он не оценил. Честно говоря, мне тоже было не до смеха. Сугубо рефлекторный сарказм. Юмор висельника.

Ночь наполнилась воем горнов. Солдаты побежали на свои места. Бряцанье оружия заглушило хрип задыхающейся форвалаки.

— Пора отсюда сматываться, — заявил Одноглазый, хватая меня за руку.

Я не мог сдвинуться с места, зачарованный зрелищем схватки. Леопард-оборотень пытался сменить облик, у него появились смутные женские черты.

— Да идем же! — Одноглазый смачно выругался. — Или еще не понял, что эта гнусная тварь явилась сюда по твою душу? Ей велели тебя прикончить! Уходим, пока она не вырвалась.

Несмотря на огромную силу и ярость Костоглода, зверь не утратил своей энергии. Взятый истерзал ему зубами все левое плечо.

Одноглазый был прав. Мятежники на противоположной стороне рва что-то затевали, в любой момент могла начаться драка. Вот и вторая причина смазать пятки. Я схватил свою сумку и рванул прочь.

Возвращаясь, мы прошли мимо Зовущей и Душелова. Я поддался дурацкой бравате и насмешливо отдал каждому честь. Наверняка кто-то из них был инициатором нападения. Ни один мне не ответил.

Реакция на пережитое взялась за меня лишь на вершине пирамиды, когда я оказался среди своих и задался вопросом, чем все это могло закончиться. Я трясся, да так сильно, что Одноглазому пришлось напоить меня каким-то отварчиком. После этого я отключился.

Кто-то навестил меня во сне. Теперь уже старый друг. Золотое сияние и прекрасное лицо. И вновь: «Моему Верному нечего опасаться».

Когда действие снотворного закончилось, на востоке уже брезжил свет. Страх отпустил, но уверенность так и не вернулась. Меня трижды пытались убить. И тот, кто столь горячо желает избавиться от моей персоны, рано или поздно найдет способ это сделать. Что бы ни говорила Госпожа.

Рядом немедленно возник Одноглазый.

— Оклемался?

— Да, все нормально.

— Ты пропустил целое представление.

Я вопросительно приподнял бровь.

— Когда ты вырубился, Круг и Взятые решили порезвиться — аж ключья летели. Только что угомонились. Костоглоду и Зовущей хана, — похоже, они уколошили друг дружку. Идем, покажу тебе кое-что.

Ворча, я последовал за ним:

— А мятежников много наколошматили?

— По-разному говорят, но вообще много. Как минимум четверем из Круга крышка.

Он остановился на краю пирамиды и драматически вытянул руку.

— Ну и что?

— Ослеп, что ли? Или я одним глазом вижу лучше, чем ты двумя?

— Ты хоть намекни.

— Видишь распятие?

— Ага. — Узнав, что нужно высматривать, я теперь без труда обнаружил крест, врытый неподалеку от командного пункта Зовущей. — Ну вижу. И что?

— Там твоя приятельница форвалака.

— Моя?

— Ну не моя же. — На лице Одноглазого мелькнуло злобное торжество. — Это конец долгой истории, Костоправ. Не самый плохой конец. Кто бы ни прикончил Тамтама, я дожил до расправы над его убийцей.

— Ты прав.

Слева от нас Ворон и Душечка наблюдали за перемещениями мятежников. Пальцы у них так и мелькали, но эта парочка стояла слишком далеко, и я почти ничего из их разговора не понял. Такое чувство, будто подслушиваешь разговор на языке, с которым знаком лишь поверхностно. Сплошная абракадабра.

— В последнее время Ворон сам не свой.

— Ты о чем? — спросил Одноглазый.

— Он не желает общаться ни с кем, кроме Душечки. Даже перестал болтаться возле Капитана. И ни разу не сыграл в карты с того дня, когда мы привезли Перо и Бывалого. Кривится, если хочешь сделать что-нибудь приятное для девчонки. Может, в наше отсутствие что-то случилось?

Одноглазый пожал плечами:

— Вспомни, Костоправ: ведь и я был с вами. Никто мне ни о чем таком не говорил. Но сейчас я тебя послушал... И в самом деле он как-то странно себя ведет. — Колдун усмехнулся. — Странно для Ворона.

Я решил понаблюдать, как мятежники готовятся к атаке. Их воодушевление куда-то пропало, а вместе с ним и организованность. Тем не менее, несмотря на полученную ночью трепку, они успели полностью засыпать два дальних рва. Ближний ров пока был частично перекрыт в полудюжине мест.

На втором и третьем ярусе число наших солдат заметно уменьшилось. Я спросил об этом у Одноглазого.

— Госпожа приказала переместить на первый ярус часть людей. Это в основном солдаты с верхнего.

Выходит, больше половины дивизии Душелова. На его позициях осталось совсем мало бойцов.

— Как думаешь, прорвутся сегодня мятежники?

— Если будут лезть так же упрямо, как и вчера, — ответил Одноглазый. — Но посмотри сам: у них пропал задор. Они поняли, что играючи нас не взять. Мы заставили их призадуматься — и вспомнить про старую каргу из Башни. Ведь она еще не выходила. Возможно, это их и тревожит.

Сам я полагал, что вялость противника объясняется скорее потерями среди членов Круга, чем гнетущим солдат беспокойством. Нарушено управление армией мятежников. Любое войско остановится, если не будет знать, кто им командует.

Тем не менее через четыре часа после рассвета они вновь отправились умирать за свое дело. Наша передовая линия укрепилась — Ревун и Безликий сменили Зовущую и Костоглода, оставив Крадущегося защищать второй ярус.

Сражение приобрело четкую схему. Очередная волна накатывалась, попадала под град стрел, пересекала ров по мостам, укрывалась под мантилетами, потом делилась, усиливая тех, кто ломал нашу передовую линию. Неприятельские войска двигались непрерывным потоком. Тысячи падали, еще не добравшись до нас. Многие из тех, кому это удавалось, сражались совсем недолго и поворачивали вспять, иногда помогая раненым товарищам, а чаще попросту уходя от греха подальше. Своих офицеров эти солдаты уже не слушали.

Получив подкрепление, наша передовая линия отбивалась упорно и продержалась дольше, чем я ожидал. Все же непрерывный нажим противника и накопившаяся усталость сделали свое дело. Появились бреши. Неприятельские солдаты добрались до частокола. Взятый отвечал контратаками, но большинству из них не хватило решительности. Здесь и там менее стойкие бойцы пытались сбежать на верхний ярус, но Крадущийся перекрыл им путь, распределив по краю яруса несколько взводов с приказом сбрасывать трусов обратно. Это благотворно сказалось на сопротивлении противнику.

Но все же мятежники почуяли победу, у них прибавилось энтузиазма.

Видневшиеся в отдалении ramпы и башни двинулись вперед. Перемещались они с черепашьей скоростью, по несколько ярдов в минуту. Одна башня рухнула, когда ее переправляли через дальний ров, где плохо утрамбовали насыпанную землю. Падая, громадина раздавила ramпу и несколько десятков человек. Остальные осадные

приспособления продвигались. Гвардейцы нацелили на них самые мощные орудия и стали забрасывать противника огненными шарами.

Запылала башня, за ней вторая. Остановилась охваченная огнем рампа, но другие, неумолимо приближаясь, достигли второго рва.

Теперь в дело вступили легкие баллисты, обрушив град снарядов на тысячи солдат, толкавших башни и рампы.

А у ближайшего рва всюду трудились саперы, засыпая ров и утрамбовывая землю. Ежесекундно кто-то падал, получив стрелу. Я смотрел с невольным восхищением — это оказались храбрейшие из врагов.

Звезда мятежников восходила. Слабая поначалу атака становилась ожесточенной. Наша передовая линия теперь представляла собой группы солдат, сражающихся из последних сил в окружении. Люди, которых Крадущийся распределил на краю яруса с задачей возвращать прибегающих снизу, теперь сбрасывали чересчур смелых мятежников, что норовили перебраться через частокол. В одном месте врагам удалось выломать из него несколько бревен, и теперь они пытались прокопать в земляной стене проход.

День лишь недавно перевалил за середину, и мятежники располагали еще несколькими часами светлого времени. Мне стало страшновато.

Подошел Одноглазый, которого я не видел после начала вражеского приступа.

— Есть новость из Башни, — сказал он. — Ночью Круг потерял шестерых. И это означает, что их осталось не более восьми. А из тех, кто был в Круге, когда мы прибыли на север, уже, вероятно, никого нет.

— Неудивительно, что они начали так вяло.

Одноглазый оглядел поле битвы:

— Кажется, наши дела не очень хороши?

— Паршивые дела.

— Наверное, поэтому она и выходит.

Я обернулся.

— Да-да, — сказал Одноглазый. — Она уже идет, собственной персоной.

Холодно, холодно, холодно. И непонятно почему.

Тут я услышал крик Капитана, ему вторили Лейтенант, Леденец, Эльмо, Ворон и другие, не разберешь кто — и все приказывали строиться. Значит, хватит бить баклуши. Я поспешил к нашему госпиталю — несколькими палаткам, поставленным у заднего склона пира-

миды и, к сожалению, с подветренной стороны относительно отхо-
жего места.

— Проведем быструю инспекцию, — бросил я Одноглазому. —
Все должно быть готово.

Появилась Госпожа верхом на коне, поднялась по рампе, начина-
ющей возле выхода из Башни. Скакуна выбрала явно не из про-
стых — огромного и резвого, лоснящегося, прямо идеал лошадиного
совершенства в глазах художника. Одета она была стильно — крас-
ная и золотая парча, белые шарфы, золотые и серебряные украше-
ния, а для контраста несколько черных вещей — и весьма напоми-
нала богатую горожанку, какую можно увидеть на улицах Опала.
Черные как смоль волосы выбивались длинными прядями из-под
элегантной треугольной шляпки — белой, с кружевами и плюмажем
из белых же страусиных перьев. На вид она казалась не старше
двадцати лет. Там, где проезжала Госпожа, возникал островок тиши-
ны. Мужчины смотрели ей вслед разинув рот. И никто не проявлял
даже малейшего страха.

Спутники Госпожи куда лучше соответствовали привычному
для нас образу. Среднего роста, затянутые в черное и с черными вуа-
лями на лицах, верхом на черных лошадях со сбруей из черной ко-
жи, — так народ и представлял себе Взятых. Один из них держал
длинное черное копьё с наконечником из вороненой стали, другой —
большой серебряный горн.

Проезжая мимо, Госпожа удостоила меня приветливой улыбкой.
Ее глаза искрились юмором и казались зовущими...

— Она все еще любит тебя, — подначил Одноглазый.

Я содрогнулся:

— Это меня и пугает.

Госпожа направилась через наши ряды прямо к Капитану, пого-
ворила с ним полминуты. На его лице, когда он беседовал с этим
воплощением зла, не отражалось никаких эмоций. Надевая метафо-
рическую железную маску командира, Капитан становится невоз-
мутим.

Ко мне торопливо подошел Эльмо.

— Как поживаешь, старина? — спросил я, потому что не видел
его несколько дней.

— Она тебя зовет.

Это было так неожиданно, что новый вопрос застрял у меня
в горле.

— Да знаю я, что ты хочешь сказать, — добавил Эльмо. — Хоро-
шего понемногу. Но что от тебя зависит? Раздобудь лошадь.

— Лошадь? Зачем? И где?

— Я лишь передал ее слова, Костоправ. Не спрашивай меня. Сам знаешь — помани черта...

От заднего угла пирамиды отошел молодой солдат в форме армии Ревуна, ведя в поводу несколько лошадей. Эльмо перехватил его и после короткого разговора поманил меня. Я нерешительно подошел.

— Выбирай.

Я выбрал гнедую кобылу с хорошими формами и явно послушную. Приятно оказаться в седле после долгого перерыва.

— Пожелай удачи, Эльмо. — Я хотел произнести эти слова небрежно, а получилось пискляво.

— Сам виноват, — ухмыльнулся Эльмо и бросил мне вслед: — Авось отучишься сочинять дурацкие фантазии.

— Да хватит уже.

Двигаясь вперед, я задумался, насколько велико воздействие искусства на реальную жизнь. А не мог ли я и в самом деле привлечь своими опусами внимание Госпожи?

Когда я подъехал, она не обернулась, лишь шевельнула рукой. Всадник справа от нее принял в сторону, освобождая мне место. Я понял намек и остановился, сосредоточившись на панораме битвы и не глядя на Госпожу. От нее исходило веселье.

За считанные минуты ситуация ухудшилась. Мятежники захватили несколько плацдармов на втором ярусе. На первом ярусе наши части были разбиты, и Ревун, смягчившись, разрешил своим людям помогать уцелевшим солдатам с нижнего яруса перебираться через частокол. Войска Шепот на третьем ярусе впервые пустили в ход луки.

Осадные ramпы почти достигли ближайшего рва, но башни остановились раньше. Более половины из них вышли из строя, а в оставшиеся набились лучники, но они находились еще далеко, их стрелы не причиняли вреда. Спасибо небесам хотя бы за эти маленькие подарки.

Взятые на нижнем ярусе воспользовались своими магическими силами, но сами подвергались такой опасности, что не могли применять их эффективно.

— Летописец, я хочу, чтобы ты все это увидел, — сказала Госпожа.

— Что увидел? — переспросил я и тут же мысленно обругал себя за тупость.

— То, что произойдет. Хочу, чтобы эти события описывались верно хотя бы в одном источнике.

Я взглянул на нее украдкой, заметил легкую дразнящую улыбку и перенес внимание на бой. Она заставила меня пассивно наблюдать за яростным концом света, и это было страшнее перспективы погибнуть. Я слишком стар, чтобы сгорать от похотливой страсти, словно пятнадцатилетний юнец.

Госпожа шелкнула пальцами.

Всадник справа от нее откинул с лица вуаль и поднес к губам серебряный горн. Перо! Мой взгляд невольно обратился к Госпоже. Она подмигнула.

Перо и Бывалый стали Взатыми, как перед этим Шепот. Их колдовская мощь теперь в полном распоряжении Госпожи.

Я быстро обдумал эту новость. Все новые пленники... Взятые гибнут, их место занимают другие...

Горн сладостно запел — словно ангел созывал небожителей. Звук был негромким, но его услышал каждый, как будто горнист находился совсем рядом. Сражение мгновенно прекратилось, все взгляды устремились к пирамиде.

Госпожа вновь шелкнула пальцами. Другой седок (полагаю, то был Бывалый) высоко поднял копьё и направил наконечник вниз.

Передний частокол взорвался в дюжине мест. Трубный рев растерзал тишину. Еще не увидев ринувшихся вперед животных, я узнал их по голосу и рассмеялся.

— Слоны! — Я не видел боевых слонов с того года, когда вступил в Отряд. — Где вы их раздобыли?

У Госпожи блеснули глаза, но она промолчала.

Ответ был очевиден — их привезли из-за моря. Подарок союзников из Драгоценных городов. Но как она ухитрилась незаметно доставить животных сюда и надежно укрыть?

Да, это воистину тайна. Прелестный сюрприз для мятежников, которые уже не сомневаются в победе. В этих краях никто прежде не видел боевых слонов и уж тем более не представлял, как с ними сражаться.

Серые толстокожие исполины врезались в толпу мятежников. Погонщики от души развлекались, бросая животных вперед и назад, сотнями давая солдат и вгоня остальных в панику. Слоны столкнули мантилеты в ров, перешли его по мостам и принялись за башни, опрокидывая их одну за другой.

Зверей было двадцать четыре, и действовали они парами. Их, как и погонщиков, защищала броня, но время от времени копьё или

стрела находили щель и сбрасывали человека или наносили слону достаточно серьезную рану, чтобы его разъярить. Лишившийся наездника гигант терял интерес к драке, зато раненый впадал в бешенство и наносил даже больше ущерба, чем те его собратья, которых направляли погонщики.

Госпожа вновь подала знак. Бывалый поднес к губам горн. Солдаты внизу опустили ramпы, по которым мы прежде отправляли вниз припасы и поднимали раненых. Войска с третьего яруса, за исключением гвардейцев, сошли по ramпам, построились и бросились в атаку. Вроде и безумие при таком соотношении сил, но если учесть царящий внизу хаос, то боевой дух сейчас важнее численности.

Левый фланг возглавила Шепот, Душелов командовал в центре, а старый толстый лорд Джалена — на правом фланге. Загремели барабаны. Атакующая волна покатила вперед. Она бы катилась и быстрее, но не так-то просто прикончить тысячи охваченных паникой мятежников. Те уже давно убежали бы, если бы не боялись попасть под ноги слонам, загородившим дорогу к лагерю. Почти никто из врагов не сопротивлялся.

Вот уже мятежники отброшены до первого рва. Луногрыз, Ревун и Безликий построили своих уцелевших солдат, потом руганью и угрозами заставили их двинуться вперед, приказав сжечь все, что противник успел соорудить.

Вот атакующие добрались до второго рва, обходят брошенные башни и перелезают через ramпы, движутся дальше по кровавым следам слонов. Вот вспыхивают башни — их жгут подоспевшие солдаты с первого яруса. Атакующие приближаются к дальнему рву. Все поле боя устлано мертвыми врагами. Такого побоища мне никогда не случалось видеть.

Круг, или то, что от него осталось, наконец оправился и попытался воздействовать на слонов магией. С несколькими ему удалось совладать, но Взятые вскоре нейтрализовали усилия чужих чародеев. Теперь все зависело от людей.

Как бывало и раньше, мятежники остановили наше наступление благодаря численному превосходству. Один за другим падали слоны. Живая стена перед линией атакующих становилась все плотнее. У нас не было резервов, а из вражеского лагеря потоком шли свежие части — без особого желания сражаться, но достаточно сильные, чтобы остановить и потеснить наши войска. Отход стал необходимостью.

По команде Госпожи Бывалый дал сигнал отступить.

— Очень хорошо, — бормотал я. — Правда великолепно.

Наши измотанные солдаты возвращались на позиции и падали от изнеможения. До темноты оставалось совсем немного времени. Мы продержались еще один день.

— Но что теперь? Эти дураки не уймутся, пока на небе видна комета. А мы уже выпустили последнюю стрелу.

Госпожа улыбнулась:

— Запиши все, что ты видел, летописец.

И уехала вместе со свитой.

— И что мне теперь делать с этой лошадкой? — буркнул я.

Ночью магия сражалась с магией, но я пропустил это зрелище. Не знаю, какая сторона понесла больший урон. Мы потеряли Луногрыза, Безликого и Крадущегося. Из этих троих только Крадущийся погиб из-за действий противника, другие стали жертвами вражды между Взатыми.

Не прошло и часа после заката, как явился нарочный. Накормив помощников, я готовил свою команду к спуску — внизу ждали раненые. За мной снова явился Эльмо.

— В Башню, Костоправ. Тебя зовет подружка. Прихвати лук.

Человек способен бояться лишь до какого-то предела, даже если это страх перед Госпожой. Я вздохнул и спросил:

— Лук-то зачем?

Эльмо пожал плечами.

— И стрелы тоже?

— Про стрелы я ничего не слышал. Глупость какая-то.

— Ты, наверное, прав. Одноглазый, остаешься за меня.

Мне подарили драгоценную передышку. По крайней мере, сегодня я не буду всю ночь ампутировать конечности, зашивать раны и ободрять юношей, которые не протянут и недели. Служба у Взатого дает больше шансов выжить солдату, получившему тяжелую рану, но гангрена и перитонит все равно собирают причитающуюся им дань.

Вниз по длинной рампе к темному входу. Башня, омытая серебристым светом кометы, нависла надо мной мифическим чудовищем. Неужели Круг просчитался? Слишком долго выжидал? И комета, которая уже удаляется и бледнеет, перестала для него быть благоприятным знамением?

Близки ли восточные армии? Нет, недостаточно. Но наша стратегия, кажется, не основана на глухой обороне. Иначе мы просто вошли бы в Башню и заперлись там. Или нет?

Я замялся, не желая пересекать порог, — естественная нерешительность. Коснулся амулета, который давным-давно мне вручил Гоб-

лин, потом нового амулета Одноглазого. Не очень-то они меня подбодрили. Я взглянул на пирамиду и заметил на вершине смутный силуэт. Капитан? Я поднял руку. Человек на пирамиде помахал в ответ. На душе полегчало, я повернулся.

Вход в Башню выглядел как черная пасть, но, сделав шаг вперед, я очутился в широком освещенном коридоре. Здесь воняло лошаадьми и коровами — их давно загнали внутрь.

Меня ждал солдат.

— Ты Костоправ?

Я кивнул.

— Следуй за мной.

Это был не гвардеец, а молодой пехотинец из армии Ревуна, и выглядел он смущенно. По дороге мне встретились и другие люди в такой же форме. Подумать только, пока остальные Взятые воевали с Кругом и друг с другом, Ревун ночи напролет перевозил на ковре солдат. Никто из них не выходил на поле боя.

Сколько же их здесь? Какие еще сюрпризы скрывает Башня?

Я вошел во внутреннюю Башню через знакомый портал. Солдат передал меня капитану гвардейцев и тихим дрожащим голосом пожелал удачи. Я поблагодарил его, и мой голос тоже дрогнул.

Госпожа была серьезна. По крайней мере внешне. Я тоже отказался разыгрывать роль сексуально озабоченного подростка. Она сразу приступила к делу.

Усадив меня перед столом из темного дерева, на котором лежал мой лук, она сказала:

— У меня проблема.

Я молча взглянул на нее.

— Среди солдат бродят самые дикие слухи, да? О том, что происходит между Взятыми?

— Это уже не похоже на предательство Хромого, — кивнул я. — Взятые убивают друг друга. Никто не хочет угодить под перекрестный огонь.

— Мой муж не мертв, и ты это знаешь. За всем, что происходит, стоит он. Он пробуждается. Это происходит очень медленно, но он достаточно ожил, чтобы связаться кое с кем из Круга. Достаточно, чтобы коснуться женщин среди Взятых. Ради него они пойдут на что угодно. Суки! Я слежу за ними, насколько это в моих силах, но я не всемогуща. Им кое-что удастся. Эта битва... Она совсем не то, чем кажется. Вняв моему мужу, члены Круга привели сюда армию мятежников. Болваны! Они рассчитывали использовать его, хотели свергнуть меня и захватить власть. Никого из них больше нет, все

мертвы, но война, начатая ими, продолжается. Я сражаюсь не с Белой Розой, летописец, — хотя моя победа над Кругом станет и победой над этим недоразумением. Я сражаюсь со старым поработителем, с Властелином. И если проиграю, то потеряю весь мир.

Хитроумная особа. Она не стала разыгрывать роль перепуганной девушки, а обратилась ко мне как равная к равному и тем самым приобрела мою симпатию. Она знала, что о Властелине мне известно ровно столько, сколько любому из ныне живущих простых людей. Знала, что я должен бояться его гораздо больше, чем ее. Кто боится женщину больше, чем мужчину?

— Я поняла тебя, летописец. Я открыла твою душу и заглянула внутрь. Ты сражаешься за меня потому, что твой Отряд взял на себя обязательства, которые будет соблюдать до самого горького конца, поскольку некоторые командиры считают, что честь отряда была запятнана в Берилле. Но большинство из вас уверено, что служит злу.

Зло относительно, летописец. На него нельзя повесить табличку. Его нельзя пощупать или разрубить мечом. Зло зависит от того, где стоишь ты сам, негодуя указывая на него пальцем. Сейчас ты воюешь с Властелином, потому что дал клятву. Сейчас он для тебя — зло.

Она на мгновение смолкла — наверное, хотела услышать мой ответ. Я промолчал. Госпожа облекла в форму мою собственную философию.

— Летописец, это зло троекратно пыталось тебя убить. Дважды — опасаясь твоих знаний, а в третий раз — боясь твоего будущего.

— Будущего? — встрепенулся я.

— Иногда Взятые способны заглянуть в будущее. Возможно, кто-то предвидел наш разговор.

Госпожа ошеломила меня. Я сидел перед ней дурак дураком.

Она вышла из комнаты и быстро вернулась с колчаном, высыпала стрелы на стол. Они были черные и тяжелые, с серебряными наконечниками, а древки покрыты едва различимыми письменами. Пока я их разглядывал, она заменила мой лук другим, схожим по весу и силе натяжения, но несравнимо роскошнее. Слишком великолепная вещь, чтобы пользоваться ею как оружием.

— Носи с собой, — приказала она. — Всегда.

— Он мне понадобится?

— Не исключено. Завтра все так или иначе закончится. Мятежникам крепко досталось, но тем не менее они сохранили огромные людские резервы. Моя стратегия может не привести к победе. Если я проиграю, выиграет муж. Не мятежники, не Белая Роза, а Властелин — жуткий зверь, которому не лежит спокойно в могиле...

Избегая ее взгляда, я посмотрел на лук и задался вопросом, каких слов она от меня ждет. Для чего мне вручено это смертоносное оружие и смогу ли я его применить, когда настанет время?

Она угадала мои мысли.

— В нужный момент ты поймешь все сам. И поступишь, как сочтешь необходимым.

Я поднял взгляд и нахмурился, желая... Даже зная, кто она по сути своей, но все-таки желая... Наверное, мои глупые братья правы.

Она улыбнулась, протянула безупречную руку, сжала мои пальцы...

И я съехал с катушек. Никак иначе не объяснить. Ничего больше не помню. Мой разум на мгновение затуманился, а когда пелена сошла, Госпожа все еще держала меня за руку.

— Пора идти, солдат, — сказала она, улыбаясь. — И отдохни как следует.

Я поднялся, словно зомби, и зашаркал к двери. Меня не покидало смутное подозрение, что я пропустил нечто крайне важное. Но я не обернулся и не задал вопрос. Не смог.

Я вышел из Башни и сразу понял, что опять потерял несколько часов. Звезды на небе переместились, комета висела низко над горизонтом. Отдохнуть как следует? Времени на отдых почти не осталось.

Было тихо и прохладно, стрекотали цикады. Цикады! Просто не верится. Я посмотрел на оружие, которое мне дала Госпожа. Когда я успел надеть тетиву? Почему стрела уже наготове? Я вообще не помню, чтобы брал лук и стрелы со стола... На какое-то жуткое мгновение почудилось, будто я схожу с ума. Стрекот цикад привел меня в чувство.

Я задрал голову, глянул на пирамиду. С ее вершины на меня кто-то смотрел. Я поднял руку, человек на пирамиде тоже. Судя по движениям, Эльмо. Старина Эльмо.

До рассвета осталась пара часов. Но я еще успею вздремнуть, если не буду зря тратить время.

Двинувшись вверх по рампе, я ощутил нечто странное, а на середине подъема догадался: это же амулет Одноглазого обжигает мне запястье...

Взятый! Опасность!

Из-за выступа на грани пирамиды выскользнуло облачко мрака, растянулось корабельным парусом и двинулось в мою сторону. Я отреагировал единственным доступным способом — пустил стрелу.

Она пронзила плоское черное пятно, и тут же послышался долгий вой, наполненный скорее удивлением, чем яростью, скорее до-

садой, чем болью. Пятно съежилось, кто-то человекообразный покати́лся вниз. Я наблюдал за его падением, но стрелять больше не собирался, хотя на тетиве уже лежала новая стрела. Преодолевая страх, я зашагал по рампе.

— Что случилось? — спросил Эльмо, когда я поднялся наверх.

— Не знаю, — ответил я. — Честное слово, я совершенно не понимаю, что происходит нынче ночью.

Эльмо посмотрел на меня ободряюще: мол, все хорошо, что хорошо кончается.

— А ты здорово устал. Передохни.

— Да, отдых мне не помешает, — согласился я. — Передай Капитану, что, по словам Госпожи, завтрашний день — решающий. Победа или поражение.

Капитану эта новость ничем не поможет, но я решил, что ему следует быть в курсе.

— Хорошо. С тобой в Башне что-то делали?

— Не знаю... Вроде нет.

Хотя Эльмо сам посоветовал мне отдохнуть, ему явно хотелось поговорить. Я мягко отстранил его, зашел в госпитальную палатку и свернулся там в уголке — ни дать ни взять раненый зверь забился в свою нору. Я прикоснулся к чему-то исключительно важному — но вот к чему? Нужно время, чтобы прийти в себя. Вероятно, больше времени, чем осталось до рассвета.

Разбудить меня послали Гоблина. Я просыпался в обычном своем утреннем настроении, то есть угрожая кровавой местью тому глупцу, кто посмел потревожить мой сон. Впрочем, мой сегодняшний сон этого заслуживал — в нем я проделывал отвратительные вещи с двумя девочками не старше двенадцати лет, причем им нравилось. Какая все-таки гадость гнездится у нас в голове.

Но все же не хотелось вставать. Моя постель была горяча, словно поджаренный ломтик хлеба.

— Что, Костоправ, на грубость нарываешься? — пригрозил Гоблин. — Скоро зайвится твоя подружка. Капитан хочет, чтобы ты вместе со всеми встречал ее наверху.

— Да, конечно. — Я схватил сапоги, отодвинул полог палатки. — А который час? — зарычал я. — Похоже, день уже в разгаре.

— Так и есть. Эльмо решил, что тебе нужно выспаться. Сказал, у Костоправа была тяжелая ночь.

Раздраженно ворча, я торопливо оделся, натянул сапоги. Хотел умыться, но Гоблин не дал.

— Иди облачись по-боевому. Мятажники уже выступили.

Я услышал отдаленный рокот. До сих пор противник не пользовался барабанами. Я спросил у Гоблина, тот пожал плечами. Он был бледен. Должно быть, слышал слова, которые я передал Капитану. Победа или поражение. Сегодня.

— Мятажники избрали новый совет, — сообщил Гоблин.

Торопливо и сбивчиво, как говорят испуганные люди, он рассказал о ночной стычке между Взатыми и о нанесенном мятежникам уроне. Ничего радостного я не узнал. Гоблин помог нацепить все мои доспехи. Со времен сражений под Лордами я обходился кольчужной рубашкой. Прихватив оружие Госпожи, я вышел из палатки в великолепнейшее утро.

— Отличный денек для смерти, — заметил я.

— Угу.

— Скоро ли Госпожа пожелует?

К ее прибытию Капитан наверняка расставит нас по боевым постам. Ему нравится создавать впечатление порядка и эффективности.

— Когда захочет, тогда и придет. Нам лишь сообщили, что она тут будет.

— Гм. — Я обвел взглядом вершину пирамиды. Братья занимались своими делами, готовясь к сражению. Никто особо не спешил. — Пойду поброжу вокруг.

Гоблин не стал возражать, но поплелся за мной. Его мертвенно-бледное лицо озабоченно хмурилось, глаза непрерывно шныряли из стороны в сторону, не упуская ни одной мелочи. По наклону его плеч и осторожности движений я догадался, что он готов в любой момент выпустить заклинание. Гоблин буквально наступал на пятки, и я не сразу сообразил, что он меня охраняет.

Я был одновременно обрадован и встревожен. Обрадован, потому что обо мне заботились и меня берегли, а встревожен, потому что ситуация складывалась прескверная. Я взглянул на свои руки. Сам не помню, когда успел изготовить к бою лук. Выходит, часть моего сознания тоже максимально настороже.

Все поглядывали на оружие, но никто не задавал вопросов. Я подзревал, что в Отряде гуляли всяческие слухи обо мне. Странно, что товарищи не приперли меня к стенке и не потребовали объяснений.

Недостигаемые для наших снарядов, мятежники методично накапливали силы. Кто бы ни возглавлял их теперь, ему удалось восстановить дисциплину. А кроме того, за ночь они изготовили целый арсенал осадных снастей.

Наши войска очистили нижний уровень. Там осталось лишь распятие, на котором корчилась форвалака...

Получившая столько ран да вдобавок прибитая к кресту, она все еще была жива!

Командование перетасовало наши силы. Лучников подняли на третий ярус, где полностью распоряжалась Шепот. Союзники, уцелевшие солдаты с первого уровня, люди Душелова и прочие расположились на втором. Душелов держал центр, лорд Джалена — правый фланг, а Ревун — левый. Попытались восстановить частокол, но он так и остался с прорехами — это будет слабое препятствие для противника.

К нам подошел Одноглазый:

— Слышали последнюю новость, парни?

Я вопросительно приподнял бровь.

— Мятажники утверждают, будто нашли свою Белую Розу.

— Сомневаюсь, — возразил я, поразмыслив.

— И правильно делаешь. Из Башни передали, что она фальшивая. Это просто уловка, чтобы поднять настроение у солдат.

— Так я и полагал. Удивляюсь, почему они не додумались до этого трюка раньше.

— Помянешь черта... — пискнул Гоблин и вытянул руку.

Я вгляделся, но далеко не сразу заметил мягкое свечение, движущееся в нашу сторону по проходу между вражескими дивизиями. Оно окружало маленькую всадницу на крупной белой лошади. Девочка держала красное знамя с изображением белой розы.

— Не смогли даже обставить все как следует, — бросил Одноглазый. — Видишь мужика на гнедом? Вот он и создает это сияние.

Однако все внутри меня сжалось от страха — а вдруг девочка и впрямь настоящая Белая Роза? Я посмотрел на свои руки, гадая, не подразумевала ли Госпожа, что ребенок тоже должен стать мишенью для моих стрел. Но нет, у меня не возникло желания послать стрелу в том направлении. Да она не пролетела бы и половины разделившего нас расстояния.

У дальнего края пирамиды я увидел Ворона и Душечку, оживленно переговаривающихся при помощи пальцев. Я направился к ним.

Ворон заметил меня и Гоблина, когда нас разделял десяток шагов. Он взглянул на мой лук, его лицо окаменело. В руке появился нож, которым он принялся чистить ногти.

От удивления я даже споткнулся. Я прекрасно знал этот трюк с ножом, но Ворон прибегал к нему только в напряженные моменты. Почему он выхватил нож при моем появлении? Я же не враг.

Я сунул лук и стрелу под левую мышку и поздоровался с Душечкой. Та одарила меня широкой улыбкой и быстро обняла. Она-то уж точно ничего не имела против старины Костоправа. Девочка попросила разрешения взглянуть на лук. Я позволил, но оружие не выпустил. Не смог.

Ворон не находил себе места, словно сидел на горячей сковородке.

— Да что с тобой, в конце концов? — не выдержал я. — Так сто- рожишься, будто мы все зачумленные.

Поведение Ворона причиняло мне боль. Мы ведь с ним побывали в кое-каких переделках, и он не имел права так поступать.

Ворон хмуро поджал губы. Он ковырял ножом под ногтями с таким ожесточением, что вот-вот мог пораниться.

— И в чем же дело?

— Не дави на меня, Костоправ.

Правой рукой я погладил по спине Душечку. Пальцы левой сомкнулись на луке, костяшки приобрели цвет старого льда. Я был готов ударить Ворона. Не будь у него кинжала, у меня был бы шанс начистить ему морду. Он, конечно, парень крутой, но и я за долгие годы кое-чему научился.

Душечка, казалось, не замечала возникшего напряжения.

Гоблин встал между нами и посмотрел в лицо Ворону. Поза у колдуна была такая же воинственная, как и у меня.

— С тобой что-то не так, Ворон, — сказал Гоблин. — Думаю, всем станет лучше, если мы это обсудим вместе с Капитаном.

Ворон испугался. До него наконец дошло, что он создает себе врагов. Гоблина невероятно трудно вывести из себя. В смысле, вывести по-настоящему. Когда он бесится из-за проделок Одноглазого, это нельзя принимать за чистую монету.

В глазах у Ворона что-то потухло. Он показал на мой лук и процедил:

— У Госпожи появился угодник.

Я больше огорчился, чем рассердился.

— Ты не прав. Но даже если и прав, что с того?

Ворон принялся нервно расхаживать. Его взгляд часто скользил по прильнувшей ко мне Душечке. Он хотел, чтобы она отошла от меня, но не требовал этого — боялся ее обидеть.

— Сперва к Душелову подлизывался, теперь к Госпоже. Что ты делаешь, Костоправ? Кого предаешь?

— Что ты сказал?! — Лишь присутствие Душечки помешало мне наброситься на него.

— Довольно! — рявкнул Гоблин. Его голос был тверд, ни намека на писклявость. — Я употребляю свою власть. Мы идем к Капитану. Пора поговорить начистоту. Иначе будем голосовать за твое исключение из Отряда, Ворон. Костоправ совершенно прав. В последнее время ты себя ведешь по-свински. Нам это ни к чему, и так хватает неприятностей. — Он ткнул пальцем в сторону мятежников.

Те ответили звуками горнов.

Разговор с Капитаном откладывался.

Не оставалось сомнений, что у мятежников появился толковый командующий. Вражеские дивизии медленно наступали плотным строем «черепаха», принимая большую часть наших стрел на сомкнутые щиты. Новая тактика противника не смутила Шепот, она приказала гвардейцам обстреливать подразделения поочередно всеми орудиями, а лучникам ждать, пока тяжелые снаряды не проделают бреши в панцире из щитов. Эффективно, но недостаточно.

Осадные башни и рампы с грохотом катились вперед, толкающие их солдаты не жалели усилий. Гвардейцы старались как могли, но сумели растрепать лишь несколько черепашьих панцирей. Шепот была вынуждена выбирать между двумя целями. Она приказала обрушить снаряды баллист на пехоту.

На сей раз башни подобрались ближе, и вражеские лучники смогли обстреливать наших. Но и наши стрелы долетали до башен, а лучники Госпожи били точнее.

Враг пересек ближайший ров, выдерживая массированный обстрел с двух ярусов, и, лишь добравшись до частокола, нарушил строй и устремился к ослабленным участкам заграждения, но серьезного успеха не добился. Тогда мятежники предприняли атаку по всему фронту. Медленно подползали рампы. Вперед устремилась пехота с лестницами.

Взятые не остались в долгу и обрушили на врага все, чем располагали. Колдуны противника тоже не сидели сложа руки; несмотря на понесенные потери, они нейтрализовали почти все усилия наших. Шепот в этой борьбе чародеев не участвовала, ей было не до того.

Из Башни появилась Госпожа с сопровождающими. Меня опять вызвали к ней. Я забрался на лошадь, положив на колени лук, и примкнул к свите нашей военачальницы.

Враг непрерывно давил. Время от времени я поглядывал на Госпожу, но она так и оставалась ледяной королевой с совершенно бесстрастным лицом.

Мятежники захватывали плацдарм за плацдармом. Немалые участки частокола уже были разрушены, и там орудовали люди с лопатами, сооружая земляные пандусы. Деревянные ramпы были еще в пути; я видел, что они приблизятся не скоро.

Единственный островок спокойствия сохранялся возле распятой форвалаки — атакующие обходили ее на порядочном расстоянии.

Войска лорда Джалены дрогнули. Угрозу крушения обороны можно было почувствовать еще до того, как солдаты начали оглядываться на частокол за спиной.

Госпожа подала знак. Бывалый прищпорил лошадь и спустился к подножию пирамиды. Он проехал за спинами солдат Шепот, свернул, пересек их ряды, остановился на краю яруса за дивизией Джалены и поднял копье. Оно сверкнуло. Не знаю почему, но войска Джалены воспрянули, сомкнули ряды и начали теснить противника.

Госпожа махнула рукой влево. Перо отчаянным галопом пустила коня вниз по склону. Затрубил серебряный горн, заглушая рев вражеских труб. Проехав через шеренги на третьем ярусе, она заставила коня спрыгнуть со стены. Такой трюк стоил бы жизни любому коню, но этот скакун, тяжело приземлившись, восстановил равновесие, взвился на дыбы и торжествующе заржал, когда Перо снова поднесла к губам горн. Войска на левом фланге тоже взбодрились и двинулись на мятежников.

Маленькая фигурка цвета индиго перебралась через стену и побежала назад, огибая основание пирамиды. Она не останавливалась до самой Башни. Ревун. Я удивленно нахмурился. Его что, сменили?

Главным очагом битвы стал наш центр. Душелов прилагал отчаянные усилия для сохранения боевой линии.

Я услышал шум, обернулся и увидел сбоку от Госпожи Капитана на коне. Глянул на вершину пирамиды — туда успели привести немалое число лошадей. Посмотрел поверх узкого крутого склона пирамиды на небольшую площадку третьего яруса, и сердце дрогнуло. Неужели Госпожа задумала кавалерийскую атаку?

Конечно, Перо и Бывалый здорово помогли, но этого оказалось недостаточно. Они усиливали сопротивление лишь до того момента, когда мятежники подтянули ramпы.

Второй ярус пал. Это случилось не так скоро, как я ожидал, но все же случилось. Спаслось не более тысячи наших солдат. Я посмотрел на Госпожу. Она сохраняла абсолютно равнодушный вид, однако я чувствовал ее удовлетворенность.

Шепот осыпала наступающих снизу врагов градом стрел. Баллисты гвардейцев били в упор.

На пирамиду напозла тень. Я задрал голову. В сторону врага дрейфовал ковер Ревуна. По краям ковра на корточках сидели люди, сбрасывая шары размером с голову. Они падали в толпу мятежников, не причиняя видимого вреда. Ковер медленно перемещался в сторону вражеского лагеря, усеивая землю под собой этими бесполезными предметами.

Врагу понадобился час, чтобы установить перед третьим ярусом деревянные ramпы, и еще час, чтобы накопить достаточно сил для атаки. Шепот, Перо, Бывалый и Душелов уничтожали мятежников без всякой жалости. Подходящие части были вынуждены карабкаться по трупам своих товарищей, чтобы добраться до вершины частокола.

Ревун уже сбрасывал свои шары над лагерем мятежников. Вряд ли там кто-то остался — все сейчас толпились внизу, на узком участке атаки, ожидая своей очереди вступить в бой.

Самозванная Белая Роза сидела на коне неподалеку от второго рва, окруженная новым советом мятежников. Члены Круга ждали неподвижно, словно замороженные, и начинали действовать лишь в том случае, если кто-либо из Взятых прибегал к магии. Впрочем, Ревуну чужие колдуны не мешали — очевидно, не могли ничего противопоставить.

Я посмотрел на Капитана, который, конечно же, появился неспроста. Он выстраивал всадников параллельно нижней кромке грани пирамиды. Все-таки будет атака, конница ринется вниз по склону! Какой идиотизм!

«Моему Верному нечего опасаться», — прозвучал голос внутри меня. Я повернулся к Госпоже, она ответила холодным царственным взглядом. Я вновь обратил взгляд на битву.

Исход битвы станет ясен очень скоро. Наши солдаты откладывали луки, оставляли тяжелые орудия и сбивались в единый отряд.

Вражеская орда на равнине пришла в движение. Но оно мне показалось вялым, нерешительным. А ведь у противника появился серьезный шанс на победу. Сейчас можно броситься на нас всем скопом, опрокинуть и с ревом ворваться в Башню, чьи ворота еще открыты...

Ковер Ревуна, раздирая воздух, неся к нам от лагеря мятежников, двигаясь раз в десять быстрее, чем самая резвая лошадь. Не в силах отвести глаза, я смотрел, как большой прямоугольник мчится над нашими головами. На мгновение он заслонил комету, потом развернулся к Башне. Снизу донесся странный вой, не похожий ни на один из криков Ревуна, что мне доводилось слышать. Ковер вдруг

нырнул, попытался сбросить скорость и врезался в Башню несколькими футами ниже вершины.

— Боже мой! — ахнул я.

Ковер смялся в гармошку, и с пятисотфутовой высоты горохом посыпались люди. Должно быть, Ревун умер или потерял сознание. Оставшийся без управления ковер закувыркался вниз.

Я повернул голову к Госпоже, которая тоже наблюдала за происходящим. На ее лице не дрогнул ни один мускул. Очень тихо, так что услышал лишь я, она произнесла:

— У тебя мой лук.

Я вздрогнул. За секунду перед моим внутренним взором промчались сотня образов, сменяя друг друга настолько быстро, что распознать какой-либо оказалось невозможно. Мне почудилось, что я натягиваю лук...

Госпожа была разгневана. И гнев был настолько велик, что меня бросило в дрожь от одной мысли об этом, хоть я и знал, что он направлен не на меня.

О причине ее возмущения не приходилось гадать. Ревуна погубили не действия врагов. Лишь один Взятый мог быть причастен к этой трагедии. Душелов. Наш бывший патрон. Тот, кто использовал нас в своих многочисленных планах.

Госпожа что-то пробормотала. Не уверен, что расслышал ее слова в точности, но прозвучали они примерно так: «А ведь она мне обязана всем».

— Мы тут ни при чем, — прошептал я.

— Вперед. — Госпожа дала лошади шенкеля, и та перемахнула через край пирамиды.

Напоследок бросив отчаянный взгляд на Капитана, я поскакал за ней.

Госпожа мчалась вниз по склону со скоростью, не уступавшей недавнему отчаянному броску Пера. Мой конь, похоже, твердо решил не отставать.

Мы стремительно приближались к толпе вопящих людей. Ее центром был большой фонтан белых как известь нитей — они взметнулись вверх и разнеслись по ветру, накрыв и мятежников, и наших солдат. Госпожа не свернула.

Тот, к кому она стремилась, уже спасался бегством. Друзья и враги шарахались с его пути — Душелова окружала аура смерти. Он подбежал к Бывалому, сшиб его с коня, вскочил в седло, одним прыжком перемахнул на второй ярус, пронесся через толпу врагов, спустился на равнину и погнал во весь опор.

Госпожа повторила весь путь по его следам, ее черные волосы развевались в бешеной скачке. Я мчался вдогонку — не мог поступить иначе, хоть и умирал от страха. Когда копыта наших коней загрели по равнине, Душелов опережал нас на триста ярдов. Госпожа прищипорила скакуна. Я сделал так же, уверенный, что моя или ее лошадь, а может и обе, вот-вот споткнутся о какой-нибудь обломок или труп, но они, как и конь Душелова, мчались уверенно, точно на ипподроме.

Душелов направился прямо к вражескому лагерю и пересек его. Мы повторили действия беглеца. На открытой местности за лагерьем стали его нагонять. Кони нам, всем троим, достались неугомиемые, словно машины. На каждой миле мы с Госпожой выигрывали пятьдесят ярдов. Одной рукой я сжимал лук, другой отчаянно держался за повод. Я никогда не был религиозен, но в тот момент испытывал сильное желание помолиться.

Она, моя Госпожа, была неотвратима как смерть. Я не завидовал Душелову.

Тот мчался по дороге, петлявшей по одной из долин западнее Чар. Вот уже рядом холм, где я отдыхал и едва не угодил под белые нити. Я вспомнил, что совсем недавно мы промчались через целый фонтан этих нитей, но они нас даже не коснулись.

Но что же произошло на поле битвы? Являлись ли эти события частью плана, цель которого — отдать наших солдат на расправу мятежникам? Ближе к концу мне стало ясно, что стратегия Госпожи включает в себя максимальное разрушение и уничтожение всего и вся. Что она желает увидеть лишь жалкую кучку уцелевших и с нашей, и с другой стороны.

Госпожа устроила генеральную уборку в своем доме. И теперь у нее остался последний серьезный враг среди Взятых — Душелов. Тот из великих чародеев, кто в моих глазах выглядел почти хорошим. Тот, кто минимум один раз спас мне жизнь — на Лестнице Слез, когда Зовущая намеревалась убить меня и Ворона. Тот единственный из Взятых, кто разговаривал со мной как с человеком, кто хоть изредка отвечал на вопросы о событиях далекого прошлого, утоляя мое ненасытное любопытство...

Так какого же дьявола я нахожусь здесь, зачем участвую в адской скачке вместе с Госпожой, почему охочусь за тем, кто способен прихлопнуть меня как муху?

Душелов обогнул холм и исчез. Когда мы повторили его маневр, Госпожа ненадолго остановилась, медленно огляделась, потом направила свою лошадь в сторону леса, подступавшего к самой дороге.

Достигнув первых деревьев, натянула повод. Мой конь стал рядом с ней.

Госпожа вдруг кинулась прочь с седла. Я не задумываясь сделал то же самое. Когда поднялся на ноги, ее лошадь падала, а моя, мертвая, еще стояла на негнущихся ногах. У каждой на горле виднелось черное пятно ожога размером с кулак.

Госпожа вытянула руку, показывая направление, и шагнула вперед. Пригнувшись и наложив стрелу на тетиву, я последовал за ней, ступая осторожно и беззвучно, по-лисьи скользя между кустами.

Остановившись, Госпожа присела и снова указала — туда, где мелькали, быстро сменяли друг друга силуэты. Через две секунды это прекратилось, и я увидел фигуру футак в пятидесяти от нас — кто-то, стоя на коленях спиной к нам, что-то быстро делал.

Вопросы морали, одолевавшие меня во время скачки, тотчас забылись. Это существо несколько раз пыталось меня убить. Я еще не осознал до конца, что делаю, а стрела уже взвилась в воздух.

Она с глухим звуком вошла в голову, подстреленный повалился ничком. Я на миг задержал дыхание, потом медленно выдохнул. Так просто...

Госпожа торопливо сделала три шага вперед, нахмурилась. Справа послышался шорох — кто-то несясь сквозь кусты. Госпожа развернулась и помчалась обратно, на бегу ударив меня по руке.

Через несколько секунд мы выбежали на дорогу. Я уже держал наготове новую стрелу. Женская рука поднялась, указывая... Из-за деревьев ярдах в пятидесяти от нас выскользнул прямоугольный предмет. Сидящий на нем человек сделал в нашу сторону метательное движение. Я пошатнулся, получив удар непонятно чего. Будто густая паутина упала на глаза. Но все же разглядел, как рука Госпожи сделала сложный жест. Паутина исчезла, я воспрянул. Госпожа вновь вытянула руку, а ковер, набирая высоту, стал удаляться.

Я натянул тетиву и пустил стрелу, даже не надеясь, что она поразит движущуюся мишень на таком расстоянии.

Она действительно не попала, но лишь потому, что ковер резко дернулся вниз и в сторону. Стрела просвистела в нескольких дюймах от головы наездника.

Госпожа делала новые пассы. Послышалось жужжание — его издавала неизвестно откуда возникшая гигантская стрекоза вроде той, что я видел в Облачном лесу. Стрекоза спикировала, ударила. Ковер завертелся, накренился, смялся. Наездник с криком отчаяния полетел вниз. Едва человек коснулся земли, я выпустил стрелу. Он дернулся и затих. Мы подбежали.

Госпожа сдернула с жертвы черный морион. И принялась сыпать проклятиями. Ругалась она негромко и размеренно. Не хуже старшего сержанта.

— Что такое? — спросил я наконец.

Человек был, несомненно, мертв.

— Это не она. — Госпожа резко обернулась к лесу, ее лицо на несколько секунд стало отрешенным. Потом взглянула на летающий ковер. Качнула головой в сторону леса. — Сходи посмотри, не женщина ли там лежит. И поищи ее лошадь.

Повернувшись к коври Душелова, она стала делать призывные движения.

Я пошел к лесу, в голове теснились мысли. Выходит, Душелов женщина? И к тому же изобретательная. Заранее все здесь подготвила, зная, что ее будет преследовать Госпожа.

Страх нарастал, пока я медленно и тихо пробирался через лес. Душелов играла со всеми, и даже Госпожа не предвидела такой изощренности. Но что дальше? На мою жизнь было уже столько покушений... Не настал ли подходящий момент, чтобы избавиться от угрозы, которую я представляю?

Впрочем, так ничего и не произошло. Если не считать того, что я, подкравшись к труп, снял черный морион и увидел лицо симпатичного юноши. Меня захлестнул страх, гнев и отчаяние, и я пнул мертвеца. Проклятая подсадная утка!

Вскоре приступ истерики прошел. Я разыскал лагерь, где прятались двойники. Они уже давно сидели в лесу и могли просидеть еще долго — запасов хватило бы на месяц.

Мое внимание привлек большой сверток. Я разрезал стягивающие его веревки и заглянул внутрь. Бумаги. Огромная кipa, фунтов на восемьдесят. Меня охватило любопытство.

Я торопливо огляделся, не заметил ничего подозрительного и порылся в бумагах. И мгновенно понял, что у меня в руках. Часть того, что мы откопали в Облачном лесу.

Но как эти бумаги оказались здесь? Я думал, что Душелов передала их Госпоже. Тьфу ты! Интрига на интриге сидит и интригой погоняет. Возможно, кое-какие документы она передала. А себе оставила те, что, по ее мнению, могли бы пригодиться позднее. Должно быть, наступая Душелов на пятки, мы не дали ей шанса прихватить сверток...

Не исключено, что Взятая еще вернется. Я вновь огляделся, боясь со страхом.

Ничто не шелохнулось.

Так где же он?

«Она, — напомнил я себе. — О Душелове следует говорить „она“».

Обходя окрестности лагеря в поисках следов бегства Взятый, я обнаружил ведущие в лес отпечатки копыт. Вскоре они вывели меня на узкую тропку. Я присел и всмотрелся в лесной полог, где в солнечных лучах порхали золотистые мотыльки. Очень не хотелось идти дальше по этой тропе.

«Возвращайся, — прозвучало в голове. — Возвращайся».

Госпожа. Радуюсь, что не придется выслеживать Душелов в одиночку, я вернулся.

— Там лежит мужчина, — сказал я, подходя к Госпоже.

— Так я и думала. — Она придерживала висящий в двух футах над землей ковер. — Залезай.

Я сглотнул, но подчинился. Проще из воды забраться в лодку. Пару раз едва не свалился. Когда Госпожа уселась рядом, я сказал:

— Он... Она в лесу, поехала по тропинке.

— В каком направлении?

— На юг.

Ковер быстро набрал высоту. Мертвые лошади превратились в пятнышки. Мы скользили над лесом. Мой желудок вел себя так, будто накануне вечером я влил в него несколько галлонов вина.

Некоторое время Госпожа тихо ругалась, потом сказала погромче:

— Сука! Она нас всех водила за нос. Даже моего мужа.

Я промолчал, потому что спорил сам с собой насчет бумаг: должен ли о них рассказать? Госпожа наверняка заинтересуется. Но меня они тоже интересуют, и если упомяну о них сейчас, то лишусь возможности с ними разобраться.

— Но я наконец-то разгадала ее замысел. Избавиться от остальных Взятых, притворившись, будто участвует в их заговоре. Затем пришел бы мой черед. А Властелин... Она попросту оставила бы его в могиле. Заполучив в свои руки всю власть, сумела бы от него отделаться. Без посторонней помощи он вырваться не может. — Госпожа скорее размышляла вслух, чем обращалась ко мне. — Я же упустила из виду доказательство. Или проигнорировала их. А они все время были у меня под носом. Вот же коварная стерва! Сожгу мерзавку!

Я едва не потерял то небольшое, что содержалось в желудке. Ковер камнем падал в долину, казавшуюся бездонной, хотя окаймляющие ее холмы не превышали двухсот футов.

— Стрелу, — бросила Госпожа, замедлив наш полет.

Я забыл подготовить следующую.

Мы продвинулись в долине примерно на милю, затем поднялись вдоль склона и зависли возле большого обнажения осадочных пород. Там провели некоторое время, касаясь скалы краем ковра. Дул студеный ветер, у меня онемели руки. Мы улетели далеко от Башни, и в этой местности еще правила зима. Я непрестанно дрожал.

— Держись, — прозвучало вдруг скупое предупреждение.

Ковер рванулся вперед. В четверти мили по курсу я увидел человека, прильнувшего к шее коня. Госпожа резко снизила ковер, и теперь мы летели всего в двух футах над землей.

Скакавшая во весь опор Душелов заметила нас и, словно защищаясь, вскинула руку. Мы двигались совсем рядом, и я выпустил стрелу.

Передний край ковра резко взметнулся вверх — Госпожа попыталась подняться выше всадника и коня, но не успела. Сокрушительный удар, громкий треск рамы. Нас завертело. Я отчаянно цеплялся за ковер, пока вокруг играли в чехарду земля и небо. Потом ощутил второй удар — мы врезались в землю — и покатился кувырком, слетев с ковра.

Через секунду я уже стоял на ногах и, шатаясь, накладывал новую стрелу. Конь лежал со сломанной ногой, а оглушенная Душелов стояла рядом на четвереньках. Из ее бока торчало оперенное древко.

Я выстрелил, потом еще дважды, вспомнив о поразительной живучести Хромого в Облачном лесу, когда Ворон свалил его стрелой с вырезанным на ней истинным именем Взятых. Потом, все еще не избавившись от страха, я вырвал из ножен меч и бросился вперед. До сих пор не могу понять, как я ухитрился не потерять меч, пережив все, что произошло с начала погони. Подбежав к Душелов, я перехватил рукоять двумя руками, широко размахнулся и с силой обрушил лезвие. Никогда еще я не наносил столь трусливого и яростного удара. Голова покатилась прочь, прикрывающий лицо морион откинулся, и на меня обвиняюще взглянули глаза с женского лица. И это лицо почти не отличалось от лица той, с кем я прибыл сюда.

Губы Душелов пытались произнести какие-то слова. Я оцепенел, не в силах понять, что все это означает. Жизнь покинула мою жертву прежде, чем я уловил послание, которое она пыталась до меня донести.

Потом я буду снова и снова вспоминать этот момент, тщась разобрать смысл в шевелении умирающих губ.

Хромая, подошла Госпожа. Привычка заставила меня повернуться, опуститься на колено...

— Сломала ногу, — бросила она. — Ничего, это подождет. — Она мелко и часто дышала, и на мгновение мне показалось, что причиной тому боль. Потом я увидел, как она смотрит на голову. Госпожа захихикала.

Я взглянул на лицо, столь напоминающее лицо Госпожи, и перевел взгляд обратно. Она оперлась на мое плечо. Я осторожно поднялся, обнял ее за талию.

— Никогда не любила эту суку, — пробормотала она. — Даже в детстве...

Госпожа бросила на меня подозрительный взгляд и смолкла. С лица сошло воодушевление, она вновь превратилась в ледяную королеву.

Если и оставалась во мне искра зловещей любви к этой женщине, в чем меня обвиняли братья, то сейчас она угасла. Я понял вдруг, что стремились уничтожить мятежники — вернее, те из них, которые были истинными приверженцами Белой Розы, а не марионетками монстра, некогда породившего эту женщину, но теперь желавшего погубить ее и свергнуть мир в новую, еще более страшную катастрофу. Клянусь, я был бы счастлив уложить голову Госпожи рядом с головой ее сестры.

Уже во второй раз, если верить Душелов, она подняла руку на свою же кровь. Убита вторая сестра. Это существо не заслуживает любви и преданности.

Предел везения, сил и способности сопротивляться есть у каждого. У меня не хватило смелости поддаться порыву. Быть может, позднее... Капитан совершил ошибку, согласившись служить Душелов. Достанет ли моего авторитета, чтобы положить этому конец? Согласится ли Капитан увести Черный Отряд на том основании, что со смертью нанимателя наши обязательства утратили силу?

Едва ли. Это запросто может вылиться в кровавое сражение. Особенно если Капитан, как я подозреваю, помог синдикату Берилла отправиться на тот свет. Случится нам пережить битву — и непосредственная опасность полного уничтожения больше не будет угрожать Отряду. Нет, идея насчет новой измены не ляжет начальству на душу. Будет сочтена худшим из двух зол в предстоящем моральном конфликте.

А существует ли еще Отряд? Сражение при Чарах не могло закончиться по той единственной причине, что мы с Госпожой решили отлучиться с его поля. Кто знает, что там произошло, пока мы гонялись за предательницей?

Я посмотрел на солнце и с удивлением обнаружил, что миновало чуть больше часа.

Госпожа тоже вспомнила про Чары.

— На ковер, лекарь. Нам пора возвращаться.

Я помог ей залезть на искалеченный ковер Душелов. Он наполовину развалился, но Госпожа все же надеялась долететь. Я усадил ее поудобнее, подобрал лук и расположился перед ней. Госпожа зашептала. Треща и скрипя, ковер поднялся. Сидеть на нем было весьма неудобно.

Пока мы огибали место гибели Душелов, я, закрыв глаза, спорил с собой и пытался привести чувства и мысли в порядок. Я не мог поверить в зло как в реальную силу, для меня оно существовало лишь как философская абстракция. Но мне довелось увидеть достаточно, чтобы эта убежденность дала трещину. Даже если Госпожа не само воплощение зла, то она настолько близка к этому, что разница почти незаметна.

Ковер кое-как продвигался к Башне. Открыв глаза, я увидел торчащий над горизонтом черный силуэт. Он постепенно увеличивался. Мне не хотелось возвращаться.

Мы с черепашкой скоростью летели в сотне футов над каменистой местностью к западу от Чар. Госпожа была вынуждена максимально сосредоточиться, чтобы удерживать ковер в воздухе. Я с ужасом представлял, как он пикирует на скалы или теряет последние силы над армией мятежников. Перегнувшись через край, я разглядывал негостеприимный рельеф, пытался выбрать место для экстренной посадки.

Поэтому и заметил движение.

Мы преодолели три четверти заваленной камнями полосы, и тут я увидел ребенка. Прикрыв глаза ладонью, на нас смотрела Душечка. Из-за камня вынырнула рука и затащила ее в укрытие.

Я скосил глаза на Госпожу. Она ничего не заметила — была слишком занята управлением.

Что же происходит? Неужели мятежники загнали Отряд в скалы? Тогда почему я больше никого не вижу?

Напрягая силы, Госпожа постепенно набирала высоту. Под нами уже простиралось поле битвы, напоминающее по форме ломоть круглого пирога.

Это было кошмарное зрелище. Земля устлана телами десятков тысяч мятежников. Большинство подразделений пало на месте, сохранив строй. Ярусы завалены мертвыми солдатами обеих армий. На вершине пирамиды криво торчит флаг Белой Розы. Нигде ни

единой живой души. И гробовая тишина вокруг, лишь шепчет холодный северный ветер.

Госпожа на мгновение утратила контроль над ковром. Мы ухнули вниз, и она остановила падение лишь в нескольких футах от земли.

Ни единого движения, лишь колышутся на ветру знамена. Куда ни глянь — картины, как будто рожденные воображением свихнувшегося художника. Верхний слой мятежников выглядел так, словно люди умерли в жутких муках. Количество павших не поддавалось подсчету.

Мы поднялись над пирамидой. По ней в сторону Башни тоже прокатилась смерть. Ворота остались распахнутыми, в их тени валялись мятежники.

Все-таки противнику удалось пробиться внутрь.

На вершине пирамиды лежало лишь несколько тел — все враги. Мои товарищи, должно быть, укрылись в Башне.

И в лабиринте ее коридоров, наверное, еще продолжается сражение. Здание огромно, его нельзя захватить быстро. Я прислушался, но ничего не услышал.

До вершины Башни было триста футов, но мы не могли подняться так высоко. Там появилась фигура, призывно махнула рукой. Человек был невысок и одет в коричневое. Я ахнул, вспомнив, что лишь один из Взятых предпочитал этот цвет. Фигурка перемещалась, прихрамывая и продолжая махать нам. Ковер стал набирать высоту. До вершины двести футов... сто... Я обернулся и вновь обвел взглядом панораму смерти. Четверть миллиона мертвецов? Голова пошла кругом. Цифра оказалась настолько велика, что разум не желал ее воспринимать. Даже в самых страшных битвах эпохи Владычества смерть не собирала такой огромный урожай...

Я посмотрел на Госпожу. Это она учинила резню. Быть ей теперь царицей мира — если побоище в Башне завершится в ее пользу. Кто посмеет выступить против такой чудовищной силы?

Перед моими глазами лежат убитые — цвет мужского населения целого континента...

Из ворот Башни вышли несколько мятежников, заметили нас и схватились за луки. Лишь две или три стрелы взлетели на высоту ковра. Солдаты прекратили тратить боеприпасы — сообразили, что мы сами идем к ним в руки.

Пятьдесят футов. Двадцать пять. Даже при поддержке Хромого Госпожа выбивалась из сил. Я трясся на ветру, который угрожал шарахнуть ковер о Башню. Вспомнилось жуткое падение Ревуна. Мы сейчас на той же высоте, откуда он полетел вниз.

Бросив еще один взгляд в долину, я увидел форвалаку. Бестия обвисла на кресте, но я знал, что она жива.

К Хромому подбежали солдаты — кто с веревкой, кто с копьём или жердью. Скорость нашего продвижения неуклонно падала. Точно в кошмарном сне — вроде и рукой подать до спасения, а все равно не успеваешь. Мне на колени свалилась веревка.

— Обвяжи ее! — крикнул сверху сержант-гвардеец.

— Слышь, козел, а как насчет меня?

Боясь опрокинуть ковер, я медленно, со скоростью улитки, переместился к Госпоже. Возникло искушение завязать фальшивый узел, чтобы он распустился под тяжестью, — Госпожа больше не вызвала у меня симпатий. Мир без нее станет лучше. Душелов была опаснейшей интриганкой, ее амбиции стоили жизни сотням людей. Она заслужила свою судьбу. Но насколько же больше заслуживает смерти ее сестра, преждевременно отправившая по дороге теней неслетные тысячи?

Упала вторая веревка, я привязался. Мы находились в пяти футах от верхушки, не в силах подняться выше. Солдаты потянули, ковер накренился. Сверху спустили шесты, я ухватился за один из них.

Ковер рухнул.

Я было решил, что все, вот она, моя гибель. Но тут меня потащили вверх.

Нам сообщили, что на нижних этажах Башни идет ожесточенное сражение. Хромой, сделав вид, будто меня не заметил, торопливо отправился вниз. А я распростерся на верхней площадке Башни, невыразимо счастливый оттого, что остался жив. Я даже вздремнул. Проснулся в обществе северного ветра и бледной кометы, висящей над горизонтом, и решил спуститься, чтобы лично оценить эндишпиль великой партии Госпожи.

Она победила. Из ворвавшихся в Башню мятежников уцелел едва ли не один на сотню, да и те давно сбежали.

Сброшенные Ревуном шары вызвали эпидемию. Она достигла критической стадии вскоре после того, как мы с Госпожой пустились в погоню за Душелов. Вражеские колдуны не сумели вовремя распознать опасность, отсюда и бесконечные ряды мертвецов.

Тем не менее у многих мятежников оказался частичный или полный иммунитет, и не всем нашим удалось избежать инфекции. Противник овладел верхним ярусом.

План Госпожи предполагал контрудар Черного Отряда. Реабилитированный Хромой должен был поддержать ее, вызвав с этой це-

лью из Башни солдат. Но Госпожи на месте не оказалось, Шепот не посмела начать контратаку на свой страх и риск и приказала войскам отступить в Башню.

Та была начинена смертельными ловушками, которыми управляли не только доставленные с востока солдаты Ревуна, но и бывшие раненные, принесенные сюда ночью и вылеченные магией Госпожи.

Все завершилось задолго до того, как я добрался до своих товарищей по бесконечным извилистым коридорам. Было нелегко напасть на их след. Мне в конце концов объяснили, что Черный Отряд вышел из Башни, получив приказ выставить линию пикетов там, где прежде тянулся палисад.

Полночь давно миновала, когда я спустился ниже первого яруса. Я зверски устал. Хотелось мира, покоя, ну, может, гарнизонной службы в каком-нибудь городке... В голове с трудом ворочались мысли. Мне предстояло кое-что сделать: выдержать несколько споров и убедить Капитана. Он не захочет предательски нарушить еще один контракт. Есть люди мертвые физически, а есть неживые морально. Мои товарищи принадлежат ко второй категории. Они меня не поймут. Эльмо, Ворон, Одноглазый, Гоблин — все поведут себя так, словно я говорю на иностранном языке. Но вправе ли я их осуждать? Это мои братья, мои друзья, моя семья, и в таком контексте они поступают нравственно. Тяжесть решения лежит на моих плечах. Я должен убедить их в том, что существуют и более весомые обязательства.

Я ехал по чавкающим лужам крови, заставляя коня перешагивать через мертвецов, и вел в поводу лошадей, прихваченных на колющие Госпожи. Сам не мог взять в толк, зачем они понадобились, — наверное, было предчувствие, что пригодятся. Скакуна, на котором ездил Перо, я выбрал по той причине, что не хотелось идти пешком.

Я остановился взглянуть на комету. Она совсем побледнела.

— Что, в этот раз не вышло? — спросил я ее. И добавил с натужным смехом: — Признаться, не очень-то я и разочарован.

А с чего бы мне очаровываться? Окажись комета и впрямь предвестницей звездного часа мятежников, я был бы уже мертв.

По пути к нашему лагерю я еще дважды останавливался. В первый раз — когда добрался до остатков нижнего частокола и услышал тихие проклятия. Повернув на это бормотание, я обнаружил Одноглазого, сидящего перед распятой форвалакой. Он говорил речитативом на языке, которого я не знал, и настолько погрузился

в это занятие, что не заметил моего появления. Через минуту я удалился; он и этого не услышал.

Одноглазый мстил за смерть своего брата Тамтама. Зная его, я не сомневался, что удовольствие будет растянуто на несколько дней.

Потом я задержался в том месте, где фальшивая Белая Роза наблюдала за сражением. Там она и осталась, совсем юная и безнадежно мертвая. Приятель-колдун, пытаясь спасти девочку от насланной Ревуном болезни, лишь усугубил ее мучения.

— Вот и конец всему.

Я обернулся, посмотрел на Башню, затем на комету. Госпожа победила...

Победила ли? Чего она, в сущности, добилась? Подавления мятежа? Но он был орудием ее мужа, еще большего зла. Именно Властелин потерпел здесь поражение, пусть даже об этом известно только ему, ей и мне. А идеалы мятежников прошли через очистительный огонь, в котором они только закалились. И следующее поколение...

Я не религиозен. Не могу представить себе божество, которое хоть на секунду взволнуют жалкие потуги и желания копошащихся под ногами людишек. Рассуждая логически, существам такого высокого порядка на это попросту наплевать. Но как знать, может, существует некая сила, порожденная объединенными подсознательными устремлениями многих разумов и тяготеющая к добру. Почему нельзя допустить, что в целокупности эта сила гораздо больше, чем сумма частей? Что она, будучи порождением разума, не связана оковами времени? Что она, способная видеть все и всюду, передвигает фигуры на доске таким образом, что событие, сегодня выглядящее победой, — всего лишь камень, заложенный в фундамент завтрашнего поражения?

Наверное, это крайняя усталость сыграла шутку с моим сознанием. Я вдруг словно увидел картину будущего: как триумф Госпожи гибкой змеей кусает себя за хвост и при следующем прохождении кометы смертельный яд добирается до мозга. Я увидел истинную Белую Розу, шагающую к Башне со своим флагом, и ее защитников столь же ясно, как если бы сам находился в тот день рядом с ней...

Я пошатнулся в седле, изумленный и охваченный ужасом. Ведь если это настоящее знамение, то я буду там. И стало быть, я знаю Белую Розу. Дружу с ней уже целый год. А что не догадывался, так в этом виноват ее физический недостаток...

Я погнал лошадей к лагерю. К тому времени, когда меня окликнул часовой, я мобилизовал достаточно цинизма, чтобы позабыть о видении. Просто денек выдался не из легких.

Люди вроде меня не становятся предтечами. Тем более предтечами своих врагов.

И вот наконец знакомая физиономия.

— Боже, ну и видок у тебя! — поразился Эльмо. — Ты не ранен?

Я смог лишь отрицательно качнуть головой. Он стащил меня с лошади, куда-то уложил, и последнее, что я помню, — это сны. Как и предшествующие видения, они были обрывочны и бессвязны, и не удавалось вырваться из них в явь. Надо ли добавлять, что они мне совершенно не понравились?

Впрочем, разум человека умеет сопротивляться. Я наконец пробудился и через считанные секунды выбросил сны из головы.

Розы

Бурный спор затянулся на два часа. Капитан был непоколебим и не воспринимал моих аргументов, ни юридических, ни моральных. К нам присоединялись братья, заходившие к Капитану по делу, и к тому времени, когда я окончательно вышел из себя, в дискуссии участвовало почти все командование Отряда: Лейтенант, Гоблин, Эльмо, Леденец и несколько офицеров, завербовавшихся уже в Чарах. Поддержку, правда мизерную, я получил с неожиданной стороны. Ко мне примкнул Молчун, а затем и два новых офицера.

Кончилось тем, что я выскочил из комнаты и хлопнул дверью. За мной последовали Молчун и Гоблин. Понятно, почему сам я кипел от гнева, но реакция этих братьев меня удивила. Мятежники разгромлены, и теперь мало что способно подтолкнуть Отряд к отступничеству. Солдаты довольны, как свинья, стоящая по брюхо в жратве, и рассуждения о том, что хорошо и что плохо, кажутся им глупыми и неуместными. Да и в другое время кого волнуют подобные вопросы?

Спорили мы на следующий день после битвы. Было еще довольно рано, я плохо выспался, но меня переполняла злая энергия. Я быстрыми шагами мерил лагерь, стремясь выплеснуть ее в ходьбе.

Гоблин дождался, когда я немного успокоюсь, и преградил мне путь. Неподалеку, поглядывая на нас, стоял Молчун.

- Можем поговорить? — спросил Гоблин.
- Я уже все сказал. Никто не захотел слушать.
- Ты слишком упирал на логику. Давай присядем.

Он подвел меня к куче барахла, сваленного неподалеку от костра. Кто-то из наших готовил еду, кто-то играл в тонк. Обычная ла-

герная жизнь. На меня украдкой поглядывали и пожимали плечами с таким видом, будто тревожились за мой рассудок.

Наверное, если бы год назад кто-либо из них поступил так же, как нынче старина Костоправ, то и я сейчас испытывал бы некоторую неловкость и беспокойство о здоровье товарища.

Меня раздражала твердолобость братьев, но нельзя же копить в себе злость. Тем более что они, послав ко мне Гоблина, показали, что хотят меня понять.

Рядом лениво шлепали картами игроки. Поначалу они сидели тихие и угрюмые, но потом оживились, стали обмениваться былями и небылицами о минувшей битве.

— Так что вчера произошло, Костоправ? — спросил Гоблин.

— Я уже рассказывал.

— Может, повторишь? — мягко попросил он. — Чутьочку подробнее.

Все понятно. Он предположил, что длительное пребывание вблизи Госпожи сказалось на моем рассудке, и решил подвергнуть меня легкой психической терапии. Колдун верно угадал — пребывание сказалось. И еще как! Оно мне открыло глаза, и я постарался довести этот факт до Гоблина. Восстановил в памяти события того дня и прибег к умению выражать мысли, которое развил за многие годы работы с Анналами. Я надеялся убедить Гоблина в том, что моя позиция рациональна и моральна, а позиция всех остальных — нет.

— Видел, что он сделал в Весле, когда один из тех парней попытался зайти Капитану со спины?

Картежники болтали о Вороне. Я как-то совсем про него позабыл. Я насторожил уши и выслушал несколько баек о его свирепом героизме. Если им верить, то Ворон минимум по разу спас жизнь каждому бойцу Отряда.

— А где он сейчас? — спросил кто-то.

Многие пожали плечами. Кто-то предположил:

— Погиб небось. Капитан отправил команду, чтобы собрать наших мертвецов. Может, завтра увидим, как его хоронят.

— А что с его девчонкой?

— Найди Ворона — найдешь и ее, — фыркнул Эльмо.

— Кстати о девчонке. Видели, что случилось, когда мятежники накрыли второй взвод какими-то оглушающими чарами? Жуткое было зрелище. Все кругом валятся, как трава под косой, а ей хоть бы хны — знай глазенками удивленно хлопает да трясет Ворона за пле-

чо. Тот очухался, вскочил и попер на врага. И так она весь взвод перетрясла да разбудила. Словно ее магия не берет.

— Может, потому что глухая? — предположил кто-то. — Вот и не слышала заклинаний.

— Поди теперь узнай, так оно или нет. Жалко, если не уберелась. Я уж привык, что она под ногами вертится.

— Да и Ворона жалко. Кто теперь помешает Одноглазому мухлевать?

Игроки рассмеялись. Я посмотрел на Молчуна, который прислушивался к моему разговору с Гоблином, и покачал головой, Молчун удивленно приподнял бровь.

— *Они не мертвы*, — сообщил я ему пальцевым языком Душечки. Он тоже ее любил.

Молчун встал, зашел Гоблину за спину и приглашающе дернул головой. Захотел поговорить со мной наедине. Я отделался от Гоблина и двинул следом за Молчуном.

Рассказал ему, что видел Душечку, когда возвращался вместе с Госпожой к Башне, и что Ворон, скорее всего, дезертировал, воспользовавшись единственной дорогой, за которой не наблюдали. Молчун нахмурился и пожелал узнать, что сподвигло на это нашего приятеля.

— Почему я знаю? Ты же помнишь, каким он был последнее время. — Про свои видения и сны я упоминать не стал, они теперь казались фантастическими. — Может, мы ему осточертели.

Молчун улыбнулся, давая понять, что не верит ни единому моему слову. Он изобразил на пальцах:

— *Причина должна быть серьезной. Что тебе известно?*

Он был уверен, что я знаю о Вороне и Душечке больше, чем любой брат Отряда. Ведь я постоянно охочусь за подробностями чьей-нибудь личной жизни, чтобы занести их в Анналы.

— Мне известно ровно столько же, сколько и тебе. Чаще всего он общался с Капитаном и Рассолом.

Молчун задумался секунд на десять, пошевелил пальцами:

— *Оседлай двух лошадей. Нет, лучше четырех. Возьми еды на несколько дней. А я пока расспрошу кое-кого.*

Я понял, что возражать бесполезно.

Впрочем, меня вполне устраивало его решение. Еще разговаривая с Гоблином, я подумал о поисках Ворона, но отказался от этого намерения, потому что не видел способа напасть на его след.

Я отправился к пикету, где Эльмо ночью оставил моих лошадей. Как раз четырех. Мелькнула мысль о существовании некой высшей силы, направляющей нас.

Я попросил двух солдат оседлать лошадей, а сам сходил к Рассолу и выклянчил у него еды. Это было нелегко, он требовал личного разрешения Капитана. В конце концов мы заключили сделку: я пообещал особо упомянуть его в Анналах.

Когда я заканчивал торг с Рассолом, подошел Молчун. Мы навьючили припасы, и я спросил:

— Узнал что-нибудь?

Он устало вздохнул:

— *Только одно: Капитану что-то известно, но говорить об этом он не желает. Кажется, это больше касается Душечки, чем Ворона.*

Я раздраженно крикнул. Одно к одному... Неужели Капитан пришел к тому же выводу, что и я? И это не помешало ему спорить со мной сегодня? Гм... Вот хитрюга...

— *Я думаю, Ворон уехал без разрешения Капитана, но с его благословением. Ты не расспрашивал Рассола?* — прожестикнул Молчун.

— Думал, ты сам это сделаешь.

Молчун покачал головой — ему не хватило времени.

— *Тогда сходи к нему сейчас. Мне еще надо уладить кое-какие мелочи.*

Я зашел в госпитальную палатку, обвешался своим оружием и откопал подарок, прибереженный на день рождения Душечки. Потом отыскал Эльмо и сказал, что желаю получить часть доставшихся нам в Розах денег.

— Сколько?

— Сколько смогу унести.

Он пристально посмотрел на меня, но решил не задавать вопросов. Мы зашли в его палатку и тихо отсчитали деньги. Остальные даже не подозревали об их существовании — те, кто охотился в Розах на Загребущего, надежно хранили тайну. Правда, кое-кто все же удивлялся, как это Одноглазый ухитряется отдавать карточные долги, не выигрывая и не имея времени для любимых махинаций на черном рынке.

Эльмо вышел из палатки вслед за мной. Когда мы разыскали Молчуна, тот уже сидел в седле, а остальные лошади были снаряжены.

— Конная прогулка? — спросил Эльмо.

— Угу.

Я прикрепил к седлу лук, который мне дала Госпожа, и уселся верхом.

Эльмо, прищурившись, взгляделся в наши лица.

— Удачи вам, — бросил он, повернулся и ушел.

Я взглянул на Молчуна. Тот зашевелил пальцами:

— *Рассол тоже утверждает, что ему ничего не известно. Но все-таки проболтался, что до начала вчерашнего сражения выдал Ворону дополнительные пайки. Он что-то знает, это точно.*

Дьявол бы вас всех побрал! Создавалось впечатление, что каждый внес свою лепту в общую кучу слухов и предположений. Следуя за Молчуном, я воспроизвел в уме картину утреннего спора — и обнаружились подозрительные детали. Гоблин и Эльмо тоже о чем-то догадывались.

Иного пути, как через лагерь мятежников, у нас не было. Жаль. Я предпочел бы объехать его стороной. Там клубились густые облака мух — и вонь была им под стать. Когда мы с Госпожой пересекали этот лагерь, он казался чистым. Просто трупы не попались на глаза. В стане погибли и раненые, и обозный сброд — Ревун и на них сбросил шары.

Коней я выбрал удачно. Кроме лошади Пера, прихватил еще трех, той же неутомимой породы. Молчун сразу погнал во весь опор, и было не до разговоров. Лишь когда мы пересекли заваленную камнями полосу, он натянул повод и дал мне знак осмотреться. Хотел узнать, в каком направлении двигался ковер, когда мы с Госпожой приближались к Башне.

Я сказал, что вроде это было на милю к югу отсюда. Молчун передал мне поводья запасных лошадей и медленно поехал вдоль валунов, ощупывая взглядом землю. Я почти не утруждал себя поиском следов — мне не тягаться в этом деле с Молчуном.

Впрочем, тот след я бы заметил легко. Молчун поднял руку, потом указал на землю. Беглецы покинули каменную полосу примерно в том месте, где мы с Госпожой пересекли ее границу, двигаясь в противоположном направлении.

— Хотели выиграть время, а не скрыть свои следы? — предположил я.

Молчун кивнул и посмотрел на запад. Потом с помощью пальцев задал вопрос о дорогах.

Главный тракт, тянувшийся с юга на север, проходил в трех милях западнее Башни; когда-то мы ехали по нему в Форсберг. По идее,

им-то и должны были в первую очередь воспользоваться беглецы. Даже в это время суток там достаточно оживленное движение, мужчине с девочкой легко затеряться среди путников.

Но что проглядит обычный человек, того не упустит Молчун. Он был уверен, что сумеет отыскать следы даже на дороге.

— Не забывай, это его страна, — сказал я. — Он знает ее гораздо лучше, чем мы.

Молчун рассеянно кивнул — его данное обстоятельство беспокоило мало. Я взглянул на солнце. У нас осталось около двух часов светлого времени. Хотел бы я знать, на сколько часов беглецы нас опередили.

Вскоре мы выбрались на дорогу. Молчун быстро осмотрел следы, проехал несколько ярдов на юг и удовлетворенно кивнул. Потом поманил меня и прищипорил лошадь.

Мы погоняли не знающих усталости животных час за часом, до заката и после, всю ночь и все утро, направляясь в сторону моря, пока беглецы не остались далеко позади. Привалы были короткими и редкими. У меня ныло все тело — я еще не успел оправиться от пережитых вместе с Госпожой приключений.

Остановились там, где дорога огибала подножие лесистого холма. Молчун указал на пропелшину, которая могла послужить удобным наблюдательным пунктом. Я кивнул. Мы свернули с дороги и поднялись на холм.

Позабывшись о лошадях, я обессиленно рухнул на землю.

— Староват я для такого, — пробормотал я и мгновенно уснул.

Молчун разбудил меня уже в потемках.

— Приближаются? — спросил я.

Он отрицательно покачал головой и пояснил, что ждет их не раньше завтрашнего утра. Но мне следует поглядывать на дорогу — на тот случай, если Ворон путешествует и по ночам.

Я уселся в бледном свете кометы, завернулся в одеяло и провел несколько часов, дрожа на зимнем ветру, наедине с мыслями, от которых с радостью бы избавился. Я так и не увидел никого за всю ночь, лишь косуля вышла из леса и пересекла дорогу, надеясь пожить на фермерских полях.

Молчун сменил меня за несколько часов до рассвета. О счастье! Теперь можно лечь, чтобы дрожать и думать, о чем не хочется. Но все же через некоторое время я уснул. Было уже светло, когда Молчун сжал мне плечо.

— Идут?

Он кивнул.

Я поднялся, потер глаза и уставился на дорогу. И точно, с юга приближаются две фигурки, одна повыше другой. Но на таком расстоянии не различить лиц, это могут быть посторонние люди. Мы торопливо упаковали вещи, навьючили лошадей и спустились с холма. Молчун решил дожидаться путников на дороге за поворотом, а мне велел спрятаться впереди. Просто на всякий случай. Когда имеешь дело с Вороном, надо быть готовым к любым сюрпризам.

Молчун ушел. Я ждал, все еще стуча зубами и чувствуя себя очень одиноко. Путники одолели небольшой подъем. Да, это Ворон и Душечка. Шагали они быстро, но Ворон не выказывал настороженности, он был уверен, что их никто не преследует. Они прошли мимо меня. Я выждал минуту, вышел из леса и направился за ними, огибая подножие холма.

Молчун сидел на лошади посреди дороги, слегка подавшись вперед, — тощий, мрачный, зловещий. Ворон остановился, не дойдя полусотни футов, выхватил нож. Душечку он заслонил собой.

Девочка заметила меня, улыбнулась и помахала рукой. Несмотря на тревогу, я улыбнулся ей в ответ.

Ворон резко обернулся и оскалился. Гнев, а возможно, даже ярость затуманила его глаза. Я остановился на безопасном расстоянии.

Несколько минут все стояли неподвижно. Никто не желал заговорить первым. Я взглянул на Молчуна. Тот пожал плечами — он поставленную перед собой задачу выполнил.

Меня сюда привело любопытство. Частично я его удовлетворил. Ворон и Душечка живы. Остался только один вопрос: почему они убегают?

К моему изумлению, разговор начал Ворон. А я-то верил, что он способен переупрямить даже камень.

— Что ты здесь делаешь, Костоправ?

— Тебя ищут.

— Почему?

— Из любопытства. И еще мы с Молчуном волновались за Душечку.

Ворон нахмурился. Он ожидал услышать от нас другое.

— Сам видишь, она жива и здорова.

— Вижу. А как насчет тебя?

— Разве я похож на больного?

Я посмотрел на Молчуна. Ему пока нечего было сказать.

— Как знать, Ворон, как знать.

— О чем ты, черт подери? — огрызнулся он.

— Посуди сам. Парень замкнулся от своих друзей. Обращается с ними как с дерьмом. Потом дезертирует. Вот друзьям и захотелось выяснить, что произошло с парнем.

— Капитан знает, что вы здесь?

Я снова взглянул на Молчуна. Тот кивнул.

— Знает. Не желаешь ли объясниться, старина? Мы все — я, Молчун, Капитан, Рассол, Эльмо, Гоблин — в недоумении...

— Не пытайся меня остановить, Костоправ.

— Ну почему ты вечно лезешь в драку? Кто тут говорил, что хочет тебя остановить? Если бы тебя хотели остановить, мы бы сейчас не разговаривали здесь. Ты бы даже от Башни не отошел.

Ворон вздрогнул.

— Рассол и Капитан поняли, что ты задумал, и позволили уйти. Но кое-кому из нас... захотелось узнать причину. Вообще-то, мы сами догадываемся, и если это правильная догадка, то я не прочь благословить тебя. И Молчун тоже. Да пожалуй, все, кто не стал тебя удерживать.

Ворон нахмурился. Он понимал, что я намекаю, но не понимал на что. Мешало ему то, что он не был ветераном Отряда.

— Хорошо, скажу иначе. Мы с Молчуном догадались, что ты решил обставить все так, будто вы с Душечкой погибли. Ладно, будь по-твоему, коли считаешь это необходимым. Но подумай, каково нам. Ведь Черный Отряд — это братство. Для нас ты член семьи, сбежавший из родного дома. И хотя мы желаем тебе только хорошего, нам все-таки больно. Мы за тебя голосовали, когда ты просился в Отряд. Вместе с тобой прошли через ад. А теперь ты попросту наплевал на нас. Кому такое понравится?

Я видел, что мои слова западают ему в душу.

— Иногда, — произнес Ворон, — происходит нечто настолько важное, что нельзя рассказать даже лучшим друзьям. Иначе все они могут погибнуть.

— И ты решил, что возникла именно такая ситуация. Эй! Успокойся!

Молчун спешился и заговорил с Душечкой на языке пальцев. Будто не замечая возникшей между ее друзьями напряженности, девочка рассказывала о том, что они с Вороном сделали и куда направляются.

— Так ты считаешь, что поступил очень умно? — спросил я. — Вспомнил Опал? Тогда послушай, тебе следует это знать. Во-первых,

Госпожа победила. Полагаю, ты уже и сам догадался. Увидел, что она одерживает верх, иначе не смазал бы пятки. Теперь вторая новость, более важная. Вернулся Хромой. Госпожа его не прикончила. Наоборот, подлатала, и у нее появился верный помощник.

Ворон побледнел. Впервые я видел его по-настоящему испуганным. Но боялся он не за свою шкуру. Себя этот парень давно считал ходячим мертвецом, человеком, которому нечего терять. Но теперь у него есть Душечка, и он обязан выжить.

— Вот-вот. Хромой. Мы с Молчуном много думали об этом. — На самом деле довод родился у меня секунду назад, но ведь аргумент проще принять, если веришь, что он подкреплён серьезными размышлениями. — Полагаем, рано или поздно Госпожа обо всем догадается. И тогда она сделает свой ход: пошлет по следу Хромого. Он начнет поиски с твоих родных краев, рассчитывая на то, что ты обратился за помощью к старым друзьям. Там есть люди, которые могут спрятать тебя от Хромого?

Ворон вздохнул. Как будто у него внутри что-то надломилось. Он убрал нож.

— Таков был мой план. Думал, переплывем через море и спрячемся в Берилле.

— Формально Берилл не вассал, а союзник Госпожи, но ее слово там закон. Нужно убраться в такую глушь, где про нее даже не слышали.

— Куда?

— Тебе виднее. Я-то родился далеко от этих мест.

Внешне Ворон был теперь вполне спокоен, и я рискнул спешиться. Он настороженно зыркнул на меня, потом расслабился.

— Ладно, в принципе все ясно. Молчун?

Тот кивком дал понять, что у него тоже больше нет вопросов к нашему беглому брату, и продолжил разговор с Душечкой. Я достал из постели-скатки мешок с деньгами и бросил Ворону.

— Ты забыл свою долю добычи из Роз. — Я подвел к нему запасных лошадей. — Верхом вы доберетесь быстрее.

Ворон боролся с собой, хотел поблагодарить меня, но не мог пробиться через внутренний барьер, который сам же и возвел.

— Тогда мы, наверное, поедem в...

— Не говори. На меня уже дважды смотрело Око. Госпожа прониклась идеей запечатлеть свои деяния для потомков. Она не намерена приукрашивать, желает, чтобы все было записано достоверно. Ей известно, что история имеет нехорошее свойство переписывать сама себя. И в биографы она выбрала мою скромную персону.

— Брось все, Костоправ. Поехали с нами. И ты, Молчун, тоже.

Ночь была очень долгой, меня никто не отвлекал, и я много размышлял о своем будущем.

— Не могу, Ворон. Капитан вынужден остаться, пусть ему это и не по душе. И Отряд продолжит службу. Я частица Отряда. Я слишком стар, чтобы убегать из дома. Мы с тобой будем сражаться за общее дело, но я внесу свою долю, оставаясь в семье.

— Да ладно тебе, Костоправ. Банда наемников-головорезов...

— А ну прекрати!

Это прозвучало резко, чем мне хотелось, и Ворон умолк.

— Помнишь тот вечер в Лордах, перед тем как мы отправились на охоту за Шепот? — спросил я. — Когда я читал отрывки из Анналов? Что ты тогда мне сказал?

Он ответил не сразу.

— Да, помню. Благодаря тебе я понял, что значит быть солдатом Черного Отряда. Ну, может, и не понял, но уж точно почувствовал.

— Спасибо. — Я вынул из скатки второй сверток — для Душечки. — Поговори с Молчуном, ладно? Хочу поздравить ее с днем рождения.

Он посмотрел мне в глаза, потом кивнул. Я отвернулся, пряча слезы. А потом, восхитив девочку жалким подарком и сказав ей прощальные слова, я отошел на обочину и позволил себе быстро и тихо всплакнуть. Молчун и Ворон притворились слепцами.

Я буду скучать по Душечке. И до конца своих дней тревожиться за нее. За милую, славную и всегда счастливую девчушку. То, что случилось с ней в деревне, осталось далеко в прошлом. А впереди ее ждет самый страшный враг, какого только можно вообразить. Никто из нас не желает ей такой участи.

Я вытер слезы и отвел Ворона в сторонку:

— Не знаю твоих планов и не хочу знать. Но на всякий случай запомни. Когда мы с Госпожой охотились на Душелов, я узнал, что она припрятала часть бумаг, что мы нашли в лагере Шепот. Она так и не отдала их Госпоже. И Госпожа не знает об их существовании. — Я объяснил Ворону, где лежат документы. — Через пару дней буду там проезжать. Если бумаги никуда не делись, попробую в них что-нибудь найти.

Лицо Ворона оставалось невозмутимым, но он явно думал о том, что, если я еще раз побываю перед Оком, мне не избежать смертной казни. Вслух он этого не произнес.

— Спасибо, Костоправ. Если окажусь в тех местах, загляну в бумаги сам.

— Конечно. Молчун, ты готов ехать?

Молчун кивнул.

— *Подойди ко мне, Душечка.* — Я крепко обнял ее и долго не мог разжать руки. — *Слушайся Ворона.*

Я расстегнул застежку амулета, полученного от Одноглазого, надел его девочке на запястье и сказал Ворону:

— Он даст ей знать, если вблизи появится враждебно настроенный Взятый. Не спрашивай меня, как амулет работает, но поверь: он надежен. Удачи.

— И вам удачи.

Все еще ошарашенный, Ворон смотрел, как мы забираемся на лошадей. Нерешительно поднял руку, уронил ее.

— Поехали домой, — сказал я Молчуну.

И мы поехали. Не оглядываясь назад.

Этой встречи никогда не было. Ведь Ворон и девочка-сирота погибли у ворот Чар, верно?

Мы возвращались в Отряд. К службе. К парадным летам. К Анналам. К бесконечному ужасу.

Через тридцать семь лет комета вернется. Конечно же, нельзя верить моим видениям. Такой долгий срок мне не прожить.

Но что, если?..

ЗАМОК ТЕНЕЙ

*Посвящается Дэвиду Г. Хартвеллу,
без которого не было бы ни «Империи Ужаса»,
ни «Меченосца», ни «Ловцов звезд»*

Можжевельник

Все люди рождаются обреченными — так говорят мудрые. Всех своей грудью вскармливает Смерть.

Перед этой молчаливой царицей мрака склонится каждый. Достаточно ей вздеть перст — и закружится, падая наземь, перо. Никто не разберет слов ее песни. Добрый умирает молодым, злой — процветает. Она повелевает всеми властителями хаоса. Ее дыхание оставливает сердца.

Мы нашли город, давным-давно созданный для поклонения ей и одряхлевший настолько, что память о его предназначении успела стереться. Зловещее величие его богини померкло, она забыта всеми, кроме тех, на кого пала ее тень. Но теперь, похоже, дни Можжевельника сочтены. Явился призрак из далекого прошлого, он просачивается в настоящее сквозь стены выросшего над городом замка. И потому Черный Отряд отправился туда, в этот чужой город, в неведомый край, лежащий за пределами империи Госпожи...

Правда, все началось гораздо раньше. Тогда мы были еще очень далеко. И только двое наших старых друзей и горстка людей, с которыми мы познакомимся позже, уже встретились с Тенью лицом к лицу.

Клеймо. Обочина дороги

Из бурьяна высунулись маленькие головы — ни дать ни взять сурки выглядывают из своих норок. Дети наблюдали за приближающимися солдатами.

— Их, должно быть, целая тысяча, — прошептал мальчик.

Колонна тянулась и тянулась. Пыль, которую подняли солдаты, сносило в сторону, она заползала на дальний холм. Скрип и бряцание доспехов с каждой минутой звучали все громче.

День выдался жарким. Дети вспотели. Так хотелось окунуться в речку, которая протекала поблизости! Но ребят послали наблюдать за дорогой. По слухам, Госпожа решила подавить возрождающееся повстанческое движение в провинции Клеймо.

А это идет ее армия. Она все ближе. Угрюмые, суровые люди. Ветераны. Судя по возрасту, шесть лет назад они принимали участие в разгроме восстания. Та битва унесла четверть миллиона человеческих жизней, в том числе и жизнь отца двух наблюдающих за колонной ребяташек.

— Это они! — выдохнул мальчик. В голосе звучал благоговейный страх, который почти граничил с восхищением. — Черный Отряд!

Девочка не так хорошо знала врага.

— С чего ты взял?

Мальчик указал на медведеподобного здоровяка, восседающего на громадной чалой лошади. Его волосы были тронуты сединой. Уверенная и даже грубоватая манера держаться показывала, что он привык командовать.

— Его зовут Капитаном. А маленький, черный, что рядом с ним, должно быть, Одноглазый. Видишь его шляпу? Такие бывают только у колдунов. Двое, которые сзади, наверное, Эльмо и Лейтенант.

— А с ними есть кто-нибудь из Взятых? — Девочка приподнялась, чтобы лучше видеть. — Где эти знаменитые волшебники?

Она была младше мальчика. Тот в свои десять лет уже считал себя солдатом Белой Розы.

Он дернул сестру, заставляя пригнуться:

— Дура! Хочешь, чтобы тебя заметили?

— Ну заметят — и что?

Мальчик усмехнулся. Она верила своему дяде Бугаю, а тот говорил, что братья Черного Отряда не трогают детей. Мальчик презирал дядю. Считал его трусом.

Все, кто присягнул Белой Розе, — трусы. Они только прикидываются, будто воюют с Госпожой. Подстеречь одинокого гонца и напасть из засады — самое большее, на что они способны. А врагу в чем в чем, а уж в мужестве не откажешь.

Ребятишки выполнили поставленную задачу, увидели все, что нужно было увидеть. Мальчик взял девочку за руку:

— Пошли.

Пригибаясь, они побежали через заросли бурьяна к росшим вдоль берега речки деревьям.

У них на пути легла тень. Они подняли глаза и обмерли. Сверху на детей смотрели трое всадников. У мальчика аж челюсть отпала от изумления. Никто из чужих не мог проскользнуть сюда незамеченным.

— Гоблин!

Сидевший посередке коротышка с жабьей физиономией ухмыльнулся:

— К твоим услугам, дружок.

Мальчик был в ужасе, но все же сохранил способность соображать.

— Бежим! — закричал он.

Хоть один из них должен добраться до своих. Но как тут убежишь!..

Гоблин очертил в воздухе круг. С пальцев слетело бледно-розовое пламя. Он сделал бросательное движение. Ударившись о невидимую преграду, мальчик упал. Он бился, как муха в паутине, но высвободиться не мог. Сестра хныкала в дюжине футов от него.

— Берите мальцов, — велел Гоблин спутникам. — Они должны рассказать нам занятную историю.

Можжевельник. «Железная лилия»

«**Ж**елезная лилия» стоит на Цветочной улице, в самом сердце Котурна. Во всем Можжевельнике нет трущоб хуже этих. Здесь у каждого на языке привкус смерти, а человеческая жизнь ценится меньше, чем возможность хотя бы часок провести в тепле или сносно пообедать. Фасад «Лилии» осел и скосился вправо, цепляясь за соседний дом, — точно так же завсегдатаи этой таверны, упившись в доску, цепляются за приятелей. Задняя стена накренилась в противоположную сторону, а бока выставили напоказ серые пятна гнили, изъевшей, как проказа, голую древесину постройки. Окна «Лилии» забиты обломками досок, щели заткнуты тряпьем, а крыша зияет провалами; в них свистит и подвывает, наводя тоску, студеный ветер, когда он дует с Бедовых гор. Там, в этих горах, даже в летние дни серебряными жилами поблескивают ледники.

Ветер с моря ненамного лучше. Он приносит сырость и стужу, что гложут кости. Он же пригоняет и ледяные глыбы. По гавани кружат стаи льдин.

Косматые лапы гор тянутся обочь Портовой реки в сторону моря, складывая ладони ковшиком, в котором уместились город и гавань. Город раскинулся по берегам реки, так и норовя вскарабкаться по склонам.

Чем состоятельней житель Можжевельника, тем выше он селится. Когда обитатель Котурна поднимает глаза, оторвавшись от повседневной нищеты, над собой он видит дома богачей. Тех, кто, задрав нос, надменно взирает на трущобы.

Еще выше, венчая гребни, стоят два замка.

С южной стороны — Черепица, родовое гнездо герцогов Можжевельника. Там царит ужасающая разруха и запустение. Впрочем, как и в большинстве здешних строений.

Ниже Черепицы находится главная городская святыня, Выгородка. А под ней лежат Катакомбы. Там ждут Дня перехода полсотни поколений горожан. Их охраняют могильные сторожа.

На северном берегу стоит недостроенная крепость, которую называют просто Черным замком. Гротесковая, чуждая человеку архитектура. Со стен ухмыляются невообразимые монстры, а на башнях застыли в корчах гигантские змеи. В покоем на обсидиан камне, из которого сложены стены, не просматривается ни одного стыка. Замок непрерывно растет.

Жители Можжевельника просто игнорируют само присутствие замка, так же как и его постоянное расширение. Никто не рвется узнать, что там происходит. В непрекращающейся борьбе за выживание у людей нет времени, чтобы поднять взор так высоко.

Клеймо. Засада

Я вытянул из колоды семерку, посмотрел свои карты, сбросил тройку на кучу. Мой туз остался в полном одиночестве.

— Понятно, — пробормотал слева от меня Ростовщик. — Опустился на самое дно.

Я с любопытством посмотрел на него:

— С чего ты взял?

Он вытянул, ругнулся, сбросил.

— А вот не надо делать такую рожу, Костоправ. Как у пациента, которого к тебе принесли давно остывшим. Даже зенки мертвые.

Леденец вытянул, обронил нехорошее слово, сбросил пятерку.

— Он прав, лекарь. Когда ты такой непроницаемый, тебя видно насквозь. Ходи, Масло.

Масло посмотрел на свои карты, потом на колоду. Посмотрел так, как будто решил вырвать себе победу прямо из зубастой пасти поражения. Он вытянул:

— Вот же зараза!

Он сбросил взятую королевскую карту.

Я показал своего туза и сгреб выигрыш.

Пока Масло собирал карты, Леденец таращился куда-то мне за спину. Его взгляд был суров и холоден.

— Что такое? — спросил я.

— Хозяин осмелел. Прикидывает, как бы улизнуть и предупредить своих.

Я обернулся, мои товарищи тоже. Один за другим хозяин таверны и ее посетители опустили глаза и притихли. Все, кроме высокого смуглого человека, который сидел в тени у камина. Он подмигнул и поднял кружку, приветствуя нас. Я нахмурился. В ответ он только улыбнулся.

Масло сдал.

— Сто девяносто третья, — сказал я.

Леденец поморщился.

— А не пошел бы ты, Костопправ? — проговорил он беззлобно.

Да, я считал партии. Они лучше всяких часов отмеряют нашу жизнь в братстве под названием Черный Отряд. После битвы при Чарах я сыграл больше десяти тысяч партий. И только богам известно, сколько их было до того, как я начал считать.

— Думаешь, нас раскусили? — спросил Ростовщик.

Он уже нервничал. Слишком долго пришлось ждать.

— А как они могли? — Леденец с особой осторожностью сортировал свои карты.

Ясное дело, у него что-то серьезное. А у меня? Двадцать одно. Похоже, продую, но и ему не дам выиграть.

— Двадцать одно.

— Ты сукин сын! — скороговоркой выпалил Масло.

Если б я не открылся, он на следующем ходу выложил бы комбинацию и остался с одной картинкой. А так, из-за этой картинки, — двадцать два. Леденец показал три девятки, туза и тройку. Усмехаясь, я снова сгреб денежки.

— Выиграешь еще раз — мы твои рукава проверим, — проворчал Ростовщик.

Я собрал карты и принялся тасовать.

Скрипнула задняя дверь. Все застыли, глядя в сторону кухни. В проеме двигались какие-то фигуры.

— Ловкач! Где ты, черт возьми?

Хозяин таверны с ужасом посмотрел на Леденца. Тот показал ему кулак.

— Да здесь я, Бугай, — откликнулся Ловкач.

— Играем, — прошептал Леденец.

Я начал сдавать.

Из кухни появился человек лет сорока. За ним вошли еще несколько. У всех пятнистая зеленая одежда и лук через плечо.

— Они наверняка поймали детей, — сказал Бугай. — Не понимаю как... — Он уловил что-то в глазах Ловкача. — В чем дело?

Мы здорово застрашали хозяина, поэтому он не решился нас выдать.

Уставившись в свои карты, я медленно вытащил пружинную трубку. Все последовали моему примеру. Ростовщик сбросил карту, которую взял из колоды, — двойку. Обычно он норовит играть на понижение. Сейчас его игра выдавала нервозность.

Леденец положил карту на кучу и открыл туза, двойку и тройку одной масти. Сбросил он восьмерку.

— Говорил тебе, не надо было мальцов посылать, — заныл один из спутников Бугая, как будто хотел оживить давний спор.

— Да мало ли что ты говорил, — прорычал Бугай. — Ловкач, я объявил общий сбор. Придется нам рассеяться.

— Может, не стоит пороть горячку? — сказал другой человек в зеленом. — Это ж дети, мало ли где могли застрять.

— Не надо себя обманывать. Ищейки Госпожи наверняка взяли наш след.

— Я говорил, не надо было нападать... — снова завел свою песенку нытик, но внезапно умолк, слишком поздно заметив присутствие незнакомцев и неестественное поведение посетителей.

Бугай схватился за меч.

Их было девять, считая Ловкача и участвующих в заговоре клиентов. Леденец опрокинул карточный стол. Мы нажали на спуск. Четыре отравленные стрелы промелькнула в воздухе. Потом мы взяли за мечи.

Драка не продлилась и минуты.

— Все целы? — спросил Леденец.

— Зацепило, — отозвался Масло.

Я его осмотрел — ничего серьезного.

— Возвращайся за стойку, приятель, — бросил Леденец оставшемуся в живых Ловкачу. — Остальным навести здесь порядок. Ростовщик, присмотри за ними. При малейшей попытке к бегству убивай.

— А куда девать трупы?

— В колодец.

Я поставил карточный стол, сел и развернул лист бумаги. На нем была изображена структура командования мятежников в Клейме. Я обвел слово «Бугай». Это имя находилось на среднем уровне.

— Ловкач, — позвал я, — иди сюда.

Хозяин заведения приблизился неохотно, как собака, ожидающая пинка.

— Расслабься, с тобой ничего не случится. Конечно, при условии, что ты поможешь нам. Расскажи-ка, кто были эти люди.

Он повел себя предсказуемо — замялся, забормотал невнятицу.

— Только имена, — сказал я.

Ловкач морщил лоб и пялился на список. Ну надо же, хозяин таверны — и не умеет читать.

— Друг мой, в колодце тебе будет тесновато. Там уже плавают целая толпа.

Он судорожно сглотнул, огляделся. Я посмотрел на человека, сидевшего у камина. Во время стычки он даже не шелохнулся. И теперь сохранял безразличный вид.

Ловкач назвал имена.

Некоторые уже были в моем списке. Те, кого я не знал, наверное, простая пехота. Мы уже хорошо изучили Клеймо.

На улицу выволокли последний труп. Я сунул Ловкачу золотую монету, он выпучил глаза. Посетители буравили его недобрыми взорами.

— Это за услуги, — ухмыльнулся я.

Ловкач побелел. Монета была для него поцелуем смерти. Вожаки мятежников решат, что он помог устроить засаду.

— Приятель, — прошептал я, — хочешь выбраться отсюда живым?

Ловкач посмотрел на меня со страхом и ненавистью.

— Да кто вы, черт побери?! — раздался его хриплый шепот.

— Черный Отряд, Ловкач. Черный Отряд.

Не знаю, как ему удалось, но он побледнел еще больше.

Можжевельник. Маррон Шед

Безветренный серый холодный день был пропитан угрюмым туманом. Все разговоры в «Железной лилии» состояли из односложных междометий, произносимых перед еле теплящимся каминном.

Опустилась, скрыла все вокруг завеса мелкого дождя. По убогой грязной улице брели, уныло сутулясь, бесплотные серо-коричневые тени. День был из тех, что выходят уже вполне зрелыми из чрева отчаяния.

Маррон Шед занимался в «Лилии» протиркой кувшинов и кружек. Он называл это поддержанием чистоты. Его дрянными глиняными кружками никто не пользовался, потому что никто не покупал дешевого кислого вина. Никто не мог себе позволить такую роскошь.

«Лилия» стояла на южной стороне Цветочной улицы. Между стойкой Шеда и входной дверью — сумрачный общий зал протяженностью футов двадцать. Крошечные столики, каждый со своим выводком шатких табуреток, выстроены опасным лабиринтом — берегись, клиент, вошедший сюда с яркого солнечного света. Полдюжины грубо отесанных опорных столбов создавали дополнительные препятствия. Рослый человек вполне мог шарахнуться головой о потолочную балку. Рассохшиеся кривые половицы страшно скрипели, и пролитая жидкость обязательно сбегала под уклон.

Стены были украшены купленными в незапамятные времена безделушками и вещами, забытыми посетителями. Все это совершенно не интересовало воришек. Хозяин был слишком ленив, чтобы стирать с барахла пыль или хотя бы убрать его с глаз долой.

Общий зал буквой «Г» огибал стойку, и там, в конце ее, был камин и лучшие столики. А за камином, в ярде от двери на кухню, в самой

густой тени, начиналась лестница, ведущая на верхние этажи. к спальным комнатам.

В этот темный лабиринт осторожно вошел маленький юркий человек. Он нес охапку хвороста.

— Шед, можно?

— Черт, а почему нет, Аса? Мы оба не останемся внакладе.

В камине дотлевали угли, обращаясь в серую золу. Аса засеменял к теплу. Люди с мрачным видом расступились. Аса уселся возле матери Шеда. Старая Джун была слепа, поэтому не могла узнать его. Он положил хворост перед собой и принялся ворошить угли.

— В порту все по-прежнему? — спросил Шед.

— Никто не причалил, никто не отчалил, — покачал головой Аса. — Там работа только для пяти человек — разгружать телеги. Драка за эти места.

Шед кивнул. Аса не боец. И нет у него тяги к честному труду.

— Душечка, порцию Асе, — велел Шед, сопроводив слова жестами.

Юная служанка схватила шербатую кружку и понесла к огню.

Шеду не нравился Аса — проныра, жулик, лжец и халявщик, да добавок нытик и трус. Такой за медный герш родную сестру продаст. Но Шеду не чуждо было милосердие, особенно если оно приносило ему кое-какую пользу. Коротышка — один из тех бездомных, которым Шед позволял спать на полу в общем зале, когда они добывали дров для камина. Денег от этого не прибавлялось, но Джун страдала артритом, ей требовалось тепло.

Найти зимой дармовое топливо в Можжевельнике труднее, чем работу. Шеда забавляло упорное нежелание Асы иметь честный заработок.

Потрескивание огня в очаге прогнало мертвую тишину, отступила и стужа. Встав за спиной матери, Шед сбросил с плеч грязную рогожу и протянул руки к теплу. Заныли пальцы. Только теперь он понял, что промерз до костей. Зима будет долгой и суровой.

— Аса, ты что, узнал, где можно всегда раздобыть дров?

Шеду дрова были не по карману. Их привозили в порт на баржах с самых верховьев реки, и стоили они невероятно. Вот раньше, во времена его молодости...

— Нет. — Аса пристально смотрел на колышущиеся языки пламени.

В «Лилии» запахло смолистым дымом. Шед забеспокоился: если опять всю зиму топить хвойными сучьями, дымоход окончательно забьется. А там недалеко и до пожара.

Что-то должно произойти, необходимы перемены. Надо как-то выкручиваться. Он уже на грани разорения. Проклятые долги.

— Шед?

Он посмотрел в зал, на своего единственного клиента, который платил живые деньги.

— Что, Ворон?

— Будь добр, налей еще.

Шед поискал глазами Душечку. Та куда-то отошла. Он тихо выругался. Да и не имело смысла кричать. Девочка была глухой, с ней приходилось объясняться знаками. Глухота — ценное качество, решил Шед, когда Ворон предложил взять ее на работу. В «Лилии» посетители часто делятся секретами; возможно, клиентов прибавится, если они будут уверены, что их не подслушивают.

Шед закивал и схватил кружку. Он недолюбливал Ворона. Отчасти из-за того, что Ворон, как и Аса, не считал честность добродетелью, но в отличие от Асы преуспевал. У Ворона не было никаких видимых источников существования, однако деньги водились всегда. Другая причина заключалась в том, что он был моложе, здоровее и круче всех постоянных клиентов «Лилии». Этот человек слишком сильно отличался от окружающих. «Лилия» стояла в нижней части Котурна, почти на берегу. Здесь слонялись все городские пьянчуги, затасканные проститутки, наркоманы, бродяги и доходяги. Человеческий мусор кружился в последнем водовороте, прежде чем сгнить во мгле.

Иногда Шед терзал страх. Может быть, его драгоценная «Лилия» не более чем конечная остановка на его собственном жизненном пути?

Ворон — чужак. Он мог бы себе позволить и лучшую жизнь. Шед жалел, что у него недостает смелости выпрыгнуть этого типа вон. Сидя за столиком в углу, Ворон снова и снова заставлял его обливаться холодным потом. Во всякого входящего эти неподвижные глаза вгоняли железные стрелы подозрения. Ворон бесконечно чистил ногти острым как бритва ножом и произносил холодным тоном, без всякого выражения, предостерегающие слова, когда кто-нибудь пытался затащить Душечку наверх...

В высшей степени странно. Без явных причин он защищает девочку, как родную невинную дочь. Для чего же тогда держат таких сучек в тавернах?

Шед вздрогнул и прогнал эти мысли прочь. Ворон ему нужен. Ему нужен любой постоялец, способный платить. Это ведь настоящее чудо, что до сих пор удавалось выживать. Молитвы спасают, не иначе.

Он подал вино. Ворон бросил ему на ладонь три монеты. Среди них была и серебряная лева.

— Чего изволите?

— Принеси хороших дров, Шед. Если б я хотел замерзнуть до смерти, остался бы на улице.

— Хорошо, сударь.

Шед подошел к двери, выглянул наружу. Дровяной склад Латама всего в квартале.

Морось перешла в град. Топкая улица покрылась ледяной коркой.

— Похоже, еще до темноты пойдет снег, — проговорил Шед, не обращаясь ни к кому конкретно.

— Туда или сюда, — рыкнул Ворон. — Не выпускай тепло.

Шед выскользнул наружу. Он надеялся вернуться с дровами, прежде чем от холода разноятся все кости.

В стене града показались силуэты. Один из них был просто огромным. Люди, обмотав шеи тряпками, чтобы ледяная крупа не попала за шиворот, упорно продвигались вперед. Шед шмыгнул обратно в «Лилию».

— Выйду через заднюю дверь. — Он знаками повторил это девушке. — *Душечка, ты меня не видела с самого утра.*

— *Карр?* — спросила знаками та.

— *Карр,* — ответил Шед.

Он метнулся на кухню, сорвал с крюка и натянул на себя ветхий плащ. Дверной засов удалось сдвинуть только со второй попытки.

Шед окунулся в холод, и там его встретила злая ухмылка. В носшибанул вонючий дух изо рта, в котором отсутствовало три зуба. Грязный палец уперся в грудь.

— Куда собрался, Шед?

— Здорово, Рыжий. Да я к Латаму, за дровами.

— Нет, врешь.

Палец толкнул. Не устояв на месте, Шед спиной вперед вбежал в общий зал.

— Кружку вина? — обливаясь холодным потом, спросил он.

— Вот это правильно, Шед. Хвалю за гостеприимство. Три кружки.

— Три? — пискнул Шед.

— Будто не знаешь, что сюда идет Карр?

— Не знал, — солгал Шед.

Щербатая улыбка дала понять, что Рыжего провести не удастся.

Клеймо. Заваруха

Как бы ты ни старался, хоть из кожи вон вылезь, всегда что-нибудь получается не так. Это закон. И если ты не идиот, то всегда его учиываешь.

В наши сети угодило два с половиной десятка мятежников — Бугай оказал нам большую услугу, решив собрать в одном месте все здешнее командование. Как выяснилось, кому-то все же удалось улизнуть из таверны Ловкача.

Оглядываясь на прошлое, трудно кого-то винить. Каждый из нас делал свое дело. Но нельзя постоянно сохранять предельную бдительность. Человек, который исчез, должно быть, долго и тщательно обдумывал свой побег. И мы несколько часов не замечали его отсутствия.

Обнаружил это Леденец. В самом конце партии он бросил карты на стол.

— У нас недостача, парни, — сказал он. — Пропал один из этих свинячих фермеров. Тот шибздик, что и сам похож на поросенка.

— Точно, — проворчал я, краем глаза взглянув на стол, за которым должен был сидеть упомянутый мужичонка. — Проклятье! Надо было считать их по головам после каждого похода к колодцу.

Ростовщик, сидевший к нам спиной за соседним столом, услышал эти слова, но не обернулся. Он дождался новой партии, после чего неспешно приблизился к стойке и попросил кувшин пива. Пока он отвлекал местных своей болтовней, я быстро двигал пальцами.

— *Стоит подготовиться к нападению*, — сказал я на языке жестов. — *Они знают, кто мы. Я проболтался.*

Мы крепко насолили мятежникам, и они были не прочь поквитаться. Черный Отряд прослыл на весь свет успешным истребителем бунтовщиков; где бы мы ни появлялись, очаг этой заразы вско-

ре исчезал. Хотя мы и не такие злодеи, как нас малюют, слухи о нашем приближении сеют в народе ужас. И часто мятежники просто ложатся на дно, бросая свои запланированные операции.

Но сейчас нас четверо, и мы далеко от товарищей, которые, наверное, и не подозревают, что нам грозит опасность. Конечно, враги попробуют с нами разделаться. Вопрос в том, насколько решительно.

У нас, разумеется, есть карты в рукавах. Мы никогда не играем честно, если это возможно. Кредо Черного Отряда — максимальная эффективность при минимальном риске.

Высокий смуглый человек поднялся, вышел из тени и направился к лестнице, ведущей к спальным комнатам.

— Присмотри за ним, Масло, — буркнул Леденец.

Масло поспешил вдогонку. В сравнении с молчаливым незнакомцем он выглядел совсем мелким. Местные с удивлением наблюдали за происходящим.

— *Что дальше?* — знаками спросил Ростовщик.

— Ждем, — вслух сказал Леденец. — *Делаем то, за чем нас сюда послали,* — добавил он на языке жестов.

— Роль живца не самая приятная. — Ростовщик нервно смотрел на лестницу. — Помоги-ка Маслу с раскладом, — предложил он.

Я посмотрел на Леденца. Тот кивнул:

— Почему бы и нет? Скажем, семнадцать будет в самый раз.

Обычно Масло играет на понижение, когда у него на руках меньше двадцати. При семнадцати он наверняка так и сделает, к гадалке не ходи.

Я прикинул в голове расклад и ухмыльнулся. Дадим ему семнадцать очков, и у нас останется достаточно мелких карт, чтобы он гарантированно продул.

— Давайте сюда картишки. — Я быстренько организовал жульническую комбинацию. — Вот так.

Теперь у всех у нас, кроме Масла, были карты не старше пятерки.

— Отлично, — усмехнулся Леденец.

Масло не возвращался.

— Схожу наверх, проверю, — сказал Ростовщик.

— Давай, — кивнул Леденец.

Он пошел за пивом. Я тем временем рассматривал местных. Похоже, у них рождались опасные мысли. Задержав взгляд на одном, я предостерегающе покачал головой.

Минутой позже пришли Ростовщик с Маслом. Они следовали за смуглым человеком, который вернулся к себе в тень. Мои товарищи облегченно вздохнули и уселись за стол.

— Кто сдавал? — спросил Масло.
 — Леденец, — ответил я. — Твой ход.
 — Семнадцать. — Он пошел на понижение.
 — Хи-хи-хи! — откликнулся я. — Ты в прогаре. Пятнадцать.
 — Вы оба в прогаре, — сказал Ростовщик. — Четырнадцать.
 — Четырнадцать, — подхватил эстафету Леденец. — Тебе крышка, Масло.

Несколько секунд Масло сидел будто оцепенев. Наконец до него дошло.

— Ах вы, сволочи! Подстроили! Если надеетесь, что я отдам деньги...

— Расслабься, сынок, — ухмыльнулся Леденец. — Это шутка. Вообще-то, была твоя очередь сдавать.

Карты снова легли по кругу. На улице уже стемнело. Новые мятежники не появлялись. Местные все заметнее выказывали беспокойство. Некоторые волновались за свои семьи, не хотели слишком поздно вернуться домой. Как и в других городах и весях, в Клейме обывателей заботит только собственное благополучие. И плевать, кто ими правит — Госпожа или Белая Роза.

Те немногие, кто сочувствовал восстанию, с тревогой ждали атаки мятежников. Боялись попасть под раздачу.

Мы притворялись, будто ничего не замечаем.

— *Кто из них может быть опасен?* — знаками спросил Леденец.

Посоветовавшись, мы определили троих, способных доставить нам неприятности. Леденец и Масло привязали их к стульям.

Этим мы дали всем остальным понять, что знаем об угрозе и готовы ее встретить. Не ищем неприятностей, но и спуску не дадим.

Карательный отряд выжидал до полуночи. Эти мятежники вели себя осторожнее, чем те, с которыми мы разобрались раньше. Может, виной тому наша репутация?

Вопя, они ринулись в таверну. Мы разрядили пружинные трубки и взялись за мечи, отступая в угол, противоположный тому, где находился камин. Высокий человек равнодушно наблюдал.

Врагов была целая толпа. Намного больше, чем мы ожидали. Они продолжали ломиться внутрь, заполняя зал, налетая друг на друга, карабкаясь по трупам товарищей.

— Западня, — выдохнул я. — Их тут добрая сотня.

— Ага, — подтвердил Леденец. — Неприятно.

Он пнул очередного противника в пах и, когда тот согнулся по полам, рубанул мечом.

Уже все помещение, от стены до стены, заполнено мятежниками. И судя по шуму, доносящемуся снаружи, на улице такая же толпа. Кому-то очень не хочется, чтобы нам удалось уйти.

Но мало ли кому чего не хочется...

У меня раздулись ноздри. Появился какой-то новый запах, едва уловимый; его заглушала вонь пота и страха.

— Закрыться! — завопил я и выхватил из поясной сумки ком сырой шерсти, который смердел хуже, чем раздавленный скунс.

Мои товарищи последовали примеру.

Вот закричал человек, потом другой. Вопли слились в адский хор. Наши враги метались в панике, хватались за нос или горло. Они падали друг на друга, образуя корчащиеся груды. Передо мной мелькали искаженные мукой лица. Я был достаточно предусмотрителен, чтобы не отрывать ком от носа и рта.

Из тени вышел длинный, тощий человек и без единого слова стал добывать головорезов четырнадцатидюймовым серебристым клинком. Он пожалел лишь мирных посетителей, кого мы не привязали к стульям.

— *Можно дышать без опаски*, — знаками сообщил он.

— Смотри за дверью, — велел мне Леденец, знавший, что я испытываю отвращение к таким бойням. — Масло, на тебе кухня. А мы с Ростовщиком поможем Молчуну.

Мятежники, толпившиеся снаружи, метали в нас стрелы через дверной проем. Затем они попробовали поджечь таверну. Ловкач едва не спятил от возмущения. Молчун, один из трех колдунов Черного Отряда, посланный в Клеймо неделей раньше, воспользовался колдовством и загасил пламя. Вzbешенные враги приготовились к осаде.

— Наверное, со всей провинции людей собрали, — сказал я.

Леденец пожал плечами. Они с Ростовщиком сооружали баррикады из трупов.

— У них наверняка лагерь неподалеку.

Мы немало разузнали о мятежниках Клейма. Обычно, прежде чем нас посылать, Госпожа тщательно готовит операцию. Но нас не предупредили, что противник способен собрать такие большие силы в столь короткий срок.

Мы пока успешно держали оборону, и тем не менее мне было боязно. На улице гудела огромная толпа; должно быть, подходили все новые отряды. Конечно, Молчун — серьезный аргумент, но все-таки не решающий.

— Ты отправил птицу? — спросил я, полагая, что именно за этим он и поднимался вверх.

Молчун кивнул. Это успокоило, но лишь самую малость.

Ситуация изменилась. Снаружи стало тише. В дверной проем влетали стрелы. Саму дверь снесли при первой атаке. Трупы, наваленные у входа, задержат врагов ненадолго.

— Сейчас пойдут на приступ, — сказал я Леденцу.

— Пускай. — Он отправился на кухню к Маслу.

Ростовщик присоединился ко мне. Молчун, воплощенная сосредоточенность и грозность, встал в центре зала.

Снаружи раздался рев.

— Идут!

Напор на вход с помощью Молчуна мы сдержали. Однако особо шустрые мятежники взялись ломать ставни. Потом Леденец с Маслом были вынуждены отступить из кухни. Леденец прикончил самого рьяного из атакующих и отскочил, чтобы прореветь:

— Молчун! Где они, черт побери?!

Тот пожал плечами. Похоже, его почти не пугала перспектива отдать здесь концы. Он наслал чары на человека, который пытался влезть в окно.

В ночи взревели трубы.

— Ха! — вскрикнул я. — А вот и наши!

Мышеловка захлопнулась.

Оставался только один вопрос: успеет ли Отряд подойти до того, как враги нас прикончат?

Трещали ставни, все больше окон превращалось в лазейки. Молчун не мог держать их все под обстрелом.

— К лестнице! — выкрикнул Леденец. — Отходим наверх!

Мы кинулись к лестнице. Молчун напустил туману — ядовитого, но не убойного, как в прошлый раз. Серьезные боевые чары требовали времени на подготовку.

Защищать лестницу было значительно проще, чем всю таверну. Даже двое, имея за спиной Молчуна, могли продержаться сколько угодно.

Мятежники тоже поняли это. И подожгли дом. Очагов возгорания было слишком много — Молчун не успевал справиться со всеми.

Можжевельник. Карр

Входная дверь распахнулась. Через нее в «Лилию» ввалились двое, энергично потопали, стряхнули с одежды лед. Шед подскочил к ним, чтобы помочь. Тот, что побольше, грубо оттолкнул его. А тот, что поменьше, пересек комнату, пинком отогнал Асу от камина и, протянув к огню руки, опустил на короточки. Прочие гости сидели, уставившись на языки пламени, ничего вокруг не видя и не слыша.

За исключением Ворона, заметил Шед. Тот выглядел заинтересованным и не выказывал ни малейшего беспокойства.

Когда Карр наконец обернулся, Шед покрылся холодным потом.

— Ты и вчера не заглянул, Шед. Я скучал по тебе.

— Я не смог, Карр. Не с чем было к тебе идти. Посмотри в денежный ящик. Ты же знаешь, я заплачу. Ведь всегда платил. Мне нужно еще немного времени.

— Ты и на прошлой неделе опоздал, Шед. Я терпелив. Мне известно, что у тебя проблемы. Но ведь ты опоздал и за неделю до этого. И раньше тоже. Портишь мне репутацию. Знаю, что не кривишь душой, когда обещаешь расплатиться. Но о чем подумают люди? А ну как другие решат, что и им можно опаздывать? Или даже возомнят, что вообще не нужно платить?

— Карр, я не могу. Загляни в ящик. Как только дела чуток наладятся...

Карр сделал жест. Рыжий зашел за стойку.

— Дела нынче у всех не ахти, Шед. У меня тоже проблемы. И я с ними не справлюсь, если ты не поможешь. — Карр неторопливо двинулся по залу, рассматривая мебель.

Нетрудно было догадаться, что у него на уме. Хочет забрать «Лилию». Добивается, чтобы Шед залез в долги и отказался от таверны.

Рыжий вручил денежный ящик Карру. Тот скорчил гримасу.

— И впрямь дела плохи. — Он махнул рукой.

Здоровяк Граф схватил Шеду сзади за локти. Таверщик был уже почти в обмороке. Карр зло усмехнулся:

— Обшмойной его, Рыжий. Может, он кое-что припрятал? — Карр опустошил ящик. — В счет долга, Шед.

Рыжий обнаружил серебряную леву, которую дал Ворон. Карр укоризненно покачал головой:

— Ах, Шед, Шед, ты обманул меня.

— Это не мое! — заверещал Шед, чьи локти Граф больно прижал друг к другу. — Это Ворона! Он хотел, чтобы я купил дров. Поэтому я и шел к Латаму.

Карр внимательно смотрел на таверщика. Бандит знал, что тот говорит правду. У Шеду не хватило бы духу соврать.

А Шеду и впрямь было страшно. Карр очень опасен; возможно, придется отдать «Лилию» в уплату за жизнь. И что дальше? Шед окажется на улице, без герша в кармане, со старухой на руках.

Мать Шеду обругала Карра. Никто не обратил на это внимания, даже сам Шед. Она была безобидна. Душечка стояла в двери, ведущей на кухню, прикрыв рот рукой. В глазах у нее была мольба. И смотрела она не на Карра с Шедом, а на Ворона.

— Что бы ему сломать для начала, Карр? — спросил Рыжий.

Шед съезжился. Рыжий наслаждался своей работой.

— Не нужно с нами хитрить, Шед. Не нужно врать Карру.

Громила нанес страшный удар. Шед задохнулся и повалился вперед. Граф не дал ему упасть. Рыжий врезал снова.

— А ведь он правду сказал, — зазвучал тихий холодный голос. — Я послал его за дровами.

Карр с Рыжим поменяли позиции. Граф не ослаблял хватки.

— Ты кто? — вызывающе спросил Карр.

— Ворон. Оставьте его.

Карр с Рыжим переглянулись.

— Мне кажется, — сказал Рыжий, — что тебе не стоит так разговаривать с господином Карром.

Ворон поднял взгляд. У Рыжего моментально напряглись плечи, он принял боевую стойку. Затем, играя на публику, шагнул вперед и нанес удар открытой ладонью.

Ворон поймал его руку и вывернул. Рыжий упал на колени и, скрежеща зубами, взвыл.

— Дурацкий поступок, — сказал Ворон.

— Кто не дурак, тот дурака не валяет, — проговорил изумленный Карр. — Отпусти его, пока цел.

Ворон улыбнулся, впервые на памяти Шеда.

— Это тоже не слишком умно.

Раздался треск, Рыжий завопил.

— Граф! — выкрикнул Карр.

Тот отшвырнул Шеда в сторону. Он был в два раза крупнее Рыжего, силен и ловок. И умом его природа не обидела. Никто не мог противостоять Графу.

В руке Ворона возник девятидюймовый, зловещего вида кинжал. Граф остановился так резко, будто невидимая веревка стянула ему ноги, и не удержал равновесия. Он рухнул на стол Ворона, а затем скатился на пол.

— О черт! — простонал Шед.

Сейчас тут кого-то прикончат, и Карр этого так не оставит. Подобные эксцессы вредят бизнесу.

Но как только Граф поднялся, Карр приказал ему помочь Рыжему. Судя по тону, вожак был настроен на переговоры.

Граф покорно подошел к напарнику, который отполз в сторону, нянча поврежденное запястье.

— Похоже, нас здесь не совсем правильно поняли, — сказал Карр. — Поэтому выскажусь проще. У тебя, Шед, еще неделя. Не больше и не меньше.

— Но...

— Никаких «но», Шед. Уговор есть уговор. Прикончи кого-нибудь, ограбь. Или продай этот сарай. Но деньги чтоб были.

Объяснять, что будет в противном случае, не требовалось.

«Все обойдется, — успокаивал себя Шед. — Он не тронет меня, я слишком хороший клиент».

Но как, черт возьми, разобраться со всем этим? Распродать имущество и убраться из «Лилии»? Не вариант. Ведь зима на носу. Пожилая женщина не выживет на улице.

Незванные гости задержались у порога, и в «Лилию» ворвался холодный ветер. Карр стоял и зло тарасился на Ворона. А тот даже не удостоил его ответным взглядом.

— Вина, Шед, — сказал Ворон. — Я свое пролил.

Несмотря на боль, Шед рванулся с места. Он не мог удержаться, чтобы не повилять хвостом перед Вороном.

— Спасибо, Ворон! Но ты не должен был вмешиваться. Теперь Карр тебя убьет.

Ворон лишь плечами пожал:

— Сходи все-таки за дровами, пока еще кто-нибудь не позарился на мои денежки.

Шед посмотрел на дверь. Очень не хотелось выходить, снаружи могли стеречь громилы. Он снова взглянул на Ворона. Тот чистил ногти своим жутким ножом.

— Чего ждешь? Топай.

Теперь уже шел снег. Коварные грязевые лужи прятались под тонким белым покровом.

Все-таки почему Ворон вмешался? Из-за своих денег? Возможно. Но ведь умные люди в присутствии Карра ведут себя смирно. Этот подонок способен перерезать глотку за один лишь нехороший взгляд.

Ворон здесь появился недавно. Может, он еще ничего не знает о Карре?

Но ему придется узнать. И урок будет горьким. Отныне его жизнь не стоит и пары гершей.

У Ворона, похоже, денег куры не клюют. Но не таскает же этот парень на себе все свое состояние? Наверное, часть прячет в комнате наверху. Может, там достаточно, чтобы откупиться от Карра? Который будет благодарен, если Шед вдобавок пособит ему разделаться с Вороном?

— Ну-ка, посмотрим на твои денежки, — сказал Латам, когда Шед пришел за дровами.

Тавернщик достал серебряную леву.

— Ого! Кто на этот раз скопытился?

Шед покраснел. Прошлой зимой в «Лилии» умерла старая проститутка. Прежде чем отдать покойницу могильным сторожам, Шед порылся в ее вещах. До весны его мама жила в тепле. И об этом узнал весь Котурн, потому что Шед сдуру проболтался Асе.

По традиции сторожа брали себе все, что обнаруживалось при покойнике. Вырученные деньги, а еще пожертвования, шли на содержание и сторожей, и Катакомб.

— Никто не умер. Меня послал жилец.

— Ха! В тот день, когда у тебя появится щедрый жилец... — Латам пожал плечами. — А впрочем, какое мне дело? Монета настоящая, даже проверять не надо. Бери дровишки. Заходи почаще — с деньгами, конечно.

Шатаясь под тяжестью груза, Шед плелся обратно в «Лилию». У него горело лицо, ныли ребра. Латам даже не попытался скрыть презрение.

Вернувшись в таверну и подбросив в огонь хорошие дубовые поленья, Шед поставил на стол две кружки с вином и уселся напротив Ворона:

— За счет заведения.

Ворон зыркнул на него, глотнул вина и передвинул кружку точно на середину стола:

— Чего хочешь?

— Еще раз поблагодарить тебя.

— Благодарить не за что.

— Ну, тогда предупредить. Зря недооцениваешь Карра.

Явился Латам с охапкой дров, ворча, что не смог выкатить на улицу фургон. Ему придется долго таскаться туда и обратно.

— Отвали, Шед.

А когда покрасневший от унижения таверщик поднялся из-за стола, Ворон буркнул:

— Подожди. Считаешь, что ты мне должен? Тогда я при случае попрошу об ответной услуге — и ты не откажешь. Идет?

— Конечно, Ворон. Все, что угодно. Только скажи.

— Ступай, сядь у огня.

Шед втиснулся между Асой и матерью, разделив их мрачное молчание. Ну и жуткий же тип этот Ворон, прямо дрожь пробирает.

А человек, который вызывал у окружающих такие чувства, в это время оживленно обменивался с глухой юной разносчицей знаками, которые заменяли им слова.

Клеймо. После драки

Я выпустил из руки меч, и он воткнулся в пол таверны. В изнеможении я и сам опустился на пол, кашляя от дыма. Кое-как дотянулся до перевернутого стола, оперся. Опасность миновала, но тело запоздало отреагировало на нее. Я был уверен, что на сей раз не выберусь живым из переделки. Если бы мы не заставили мятежников потушить пожар...

Подошел Эльмо, сел рядом, положил руку мне на плечи:

— Ранен, Костоправ? Найти Одноглазого?

— Не ранен, просто выдохся. Ох и давно же мне не было так страшно! Даже успел с жизнью попрощаться.

Он зацепил ногой валяющийся стул, поставил его и усадил меня. Старина Эльмо был моим лучшим другом. Жилистый, крепкий, он не привык унывать. Сейчас его левый рукав был пропитан кровью. Я попытался встать.

— Сиди, — приказал он. — Карман справится.

Карману, моему ученику, было двадцать три года. Черный Отряд состарился, по крайней мере его ядро, люди моего поколения. Эльмо уже за пятьдесят. Капитан с Лейтенантом как раз стоят на полувековом рубеже. Эх, где мои сорок лет?

— Всех накрыли?

— Почти. — Эльмо уселся на другой стул. — На улизнувших охотятся Одноглазый с Молчуном и Гоблином, — сказал он будничным тоном. — Половина мятежников провинции — с первого захода. Неплохо.

— Мы слишком стары для таких проделок.

Солдаты уже заводили пленных в таверну, выбирая тех, кто мог знать что-нибудь полезное.

— Пусть салаги с ними разбираются.

— Они не справятся без нас. — Взгляд Эльмо был устремлен в пустоту, слух ловил отголоски прожитых лет.

— Что-то не так?

Он покачал головой и заговорил, как бы споря сам с собой:

— Чем мы занимаемся, Костоправ? Когда-нибудь придет конец всему этому?

Я не ответил. Он не стал продолжать. Эльмо вообще мало говорит, в особенности о своих чувствах.

— Ты к чему клонишь? — подтолкнул его я.

— Мы в колее. Охотимся за бунтовщиками. Выполняем заказ и сразу беремся за следующий. Помнишь, как мы в Берилле служили синдику, как ловили инакомыслящих? И до Берилла... Тридцать шесть лет кряду одно и то же. И я никогда не был уверен, что поступаю правильно. А сейчас и вовсе...

Это как раз в его духе — лет восемь держать сомнения при себе и только теперь ими поделиться.

— Сейчас мы не в силах ничего изменить. Госпожа нас по головке не погладит, если заявим, что согласны делать только это и это, а вот это — уволь...

У Госпожи нам служилось не сказать что худо. Хотя Черному Отряду всегда доставались самые тяжелые задачи, мы не занимались грязной работой, ее выполняли регулярные войска. Само собой, иногда приходилось наносить упреждающие удары. Изредка и только в силу военной необходимости мы совершали массовые расправы. Но никогда не участвовали в чудовищных преступлениях. Да Капитан и не допустил бы этого.

— Костоправ, дело вовсе не в морали. Какая может быть мораль на войне? Кто сильнее, тот и нравственней. Нет, просто я устал.

— Больше не тянет на приключения?

— Уже много лет назад приключения кончились и началась рутинка. И я ей занимаюсь по той единственной причине, что больше ничего не умею.

— Кое-что у тебя получается неплохо.

Эти слова, конечно, не утешили Эльмо, но других я не подобрал.

Валкой медвежьей походкой вошел Капитан. Холодным взглядом оценил нанесенный кабаку ущерб, затем приблизился к нам.

— Сколько пленных, Костоправ?

— Еще не считали. Думаю, взяли почти всю верхушку.

Он кивнул:

— Ты ранен?

— Вымотался. И морально, и физически. Такого страха натерпелся...

Капитан поднял опрокинутый стол, подтянул стул и водрузил на него ящик с картами. К нему присоединился Лейтенант. Немного погодя Леденец притащил Ловкача. Каким-то чудом хозяину таверны удалось выжить.

— Костоправ, у нашего приятеля есть для тебя кое-что.

Я развернул свою бумажку и записал имена, которые назвал Ловкач.

Командиры Отряда погнали пленных на работу — надо было выкопать могилы. Я лениво размышлял, догадываются ли эти люди, что готовят места вечного упокоения для самих себя. Мы не отпустим вражеского солдата, если нет твердой уверенности, что он будет верно служить Госпоже.

Ловкача мы освободили. Придумали легенду, как он ухитрился спастись, и уничтожили всех, кто мог его разоблачить. Леденец даже проявил благородство и убрал из его колодца трупы.

Вместе с Молчуном вернулись Гоблин и Одноглазый, двое наших низкорослых колдунов. Они устроили перебранку. Обмен колкостями — их обычное состояние. Так продолжается уже несколько десятилетий, и причина ссоры — тайна для меня. Капитан недовольно посмотрел на них:

— Сердце или Фолиант?

Сердце и Фолиант — единственные приличные города в Клейме. В Сердце правит король, наш союзник. Госпожа посадила своего человека на трон два года тому назад, когда Шепот убила его предшественника. В народе он не очень-то популярен. По моему мнению, впрочем так и не высказанному, Госпоже следовало бы избавиться от этого прохвоста, пока он не успел навредить.

Гоблин растопил камин — на рассвете в этом краю слишком уж холодно. Колдун опустился на колени и протянул к огню руки, чтобы согреть пальцы.

Одноглазый покрутился за стойкой и обнаружил чудом уцелевшую кружку с пивом. Выпил одним духом, вытер рот и подмигнул мне.

— А вот и они, — пробормотал я.

— Кто? — оглянулся Капитан.

— Одноглазый с Гоблином.

— А-а. — Он вернулся к работе, не поднимая больше глаз.

В языках пламени перед жабьей физиономией Гоблина нарисовалось лицо. Он не заметил, потому что жмурился от блаженства, поджаривая пальцы. Я посмотрел на Одноглазого. Его единственный глаз тоже был закрыт, физиономия совсем сморщилась, просто складка на складке в тени широкополой шляпы. Очертания лица в огне стали более четкими.

— Э! — На секунду я даже испугался.

Это было похоже на лицо Госпожи. Вернее, на то лицо, которое было у нее при нашей встрече. Тогда, в разгаре битвы при Чарах, Госпожа вызвала меня, чтобы порыться в моем уме и выудить подозрения и догадки насчет заговора среди Десяти Взятых.

Мороз по коже. Я живу с этим страхом уже много лет. Если ей вздумается расспросить меня еще разок, Черный Отряд останется без главного лекаря и летописца. Тайны, что я храню, невероятно опасны, — чтобы они так и остались тайнами, Госпожа целые королевства сотрет с лица земли.

Огненная физиономия выстрелила длинным и тонким, как у саламандры, языком. Гоблин пискнул и подпрыгнул, схватившись за нос, на котором вздулся волдырь.

Одноглазый выпил еще кружку пива и опять занялся своей жертвой. Гоблин зарывал, потер нос и принял прежнюю позу. Одноглазый отвернулся, но так, чтобы видеть Гоблина краем глаза. Он терпеливо ждал, зная, что приятель вскоре начнет клевать носом.

Эта игра началась в незапамятные времена. Когда я вступил в Отряд, оба колдуна уже были здесь. Одноглазый, тот и вовсе успел прослужить целый век. Он действительно очень стар, но подвижностью не уступит человеку моего возраста.

А может, он даже ловчее. С недавних пор я все сильнее ощущаю бремя прожитых лет. Слишком часто задумываюсь о том, что потерял. Я могу смеяться над крестьянами и горожанами, всю свою жизнь проведшими на клочке земли, в то время как сам пересек мир из конца в конец и повидал все его чудеса. Но когда я уйду, после меня не останется ни ребенка, носящего мое имя, ни жены, которая оплакала бы меня. Никто не вспомнит Костоправа, не поставит скромный обелиск над его сырой могилой. И пусть я свидетель и участник великих событий — я не оставлю после себя ничего вечного, за исключением Анналов.

Какое возмутительное тщеславие — писать собственную эпитафию, маскируя ее под историю Отряда!

Похоже, у меня развивается болезненная мнительность. Нельзя ей поддаваться.

Одноглазый сложил на стойке руки чашечкой, ладонями вниз. Он что-то пробормотал и раздвинул кисти. Появился отвратительный паук — величиной с кулак, да еще с пушистым беличьим хвостом. Никто не скажет, что у Одноглазого нет чувства юмора. Паук с черной физиономией Одноглазого, но без повязки на глазу, спрыгнул на пол, подскочил ко мне и криво улыбнулся. Затем он юркнул в сторону Гоблина.

Главная задача любого колдовства, даже вполне честного, — пустить противника по ложному следу. Как, например, в случае с этим пышнохвостым пауком.

Гоблин не дремал. Он лишь притворялся. Когда паук приблизился, коротышка выхватил из огня головню и ударил. Паук увернулся. Гоблин мслотил своим оружием, но все тщетно. Мишень металась по полу, хихикая голосом Одноглазого.

В огне опять появилось лицо. Язык стрельнул в Гоблина, у того на заднице задымились штаны.

— Во дает! — восхитился я.

— Чего? — спросил Капитан, не отрывая глаз от карты.

Они с Лейтенантом спорили, какой город сделать базой для операций — Сердце или Фолиант.

Народ уже прослышал о поединке, потянулись желающие взглянуть на очередной раунд.

— Похоже, Одноглазый выиграет, — предположил я.

— Серьезно? — на секунду заинтересовался наш старый медведь. Одноглазый уже много лет не мог превзойти Гоблина.

Из жабьего рта коротышки исторгся дикий вой. Гоблин схватился за ягодицы и запрыгал на месте.

— Ты, змееныш! — завопил он. — Задущу гада! Сердце вырву и сожру! Я... Я...

Удивительно. Не просто удивительно — поразительно. Гоблин никогда не теряет самообладания. Напротив, в таких поединках он обретает ледяное спокойствие. И тогда изощренный ум противника вынужден придумывать что-то новенькое.

Если Гоблину удастся взять себя в руки, Одноглазый решает, что проиграл.

— Успокойте их, пока не поздно, — распорядился Капитан.

Мы с Эльмо вклинились между враждующими сторонами. Угрозы Гоблина были вполне серьезными. Одноглазый застал его в плохом настроении. На моей памяти это случилось впервые.

— Уймись, — сказал я Одноглазому.

Он подчинился, тоже почувствовав, что пахнет неприятностями.

Несколько человек заворчали. Они успели сделать большие ставки. Обычно на Одноглазого никто не ставил и медяка. Всегда было ясно, что победит Гоблин, но на этот раз он выглядел совсем жалко.

А Гоблин и не думал успокаиваться. Не хотел он играть и свою обычную роль. Подобрал валявшийся меч, коротышка попер на Одноглазого.

Я не удержался от улыбки. Этот зазубренный меч огромен, а Гоблин так мал и зол — просто карикатура на воина. Кровожадная карикатура.

Эльмо не смог совладать с ним. Я позвал на помощь. Кто-то догадался плеснуть Гоблину на спину воды. Он развернулся, выругался и забормotal убийственное заклинание.

Дело принимало совсем плохой оборот. На Гоблина набросилась дюжина солдат, его снова окатили водой. Это несколько убавило пыл коротышки. Когда мы отобрали меч у колдуна, тот уже выглядел сконфуженным. Смотрел на всех вызывающе, но без злобы.

Я отвел его к огню и усадил.

— Какая муха тебя укусила?

Боковым зрением я видел Капитана. Одноглазый стоял перед ним, понуриw голову, — получал суровую нахлобучку.

— Не знаю, Костоправ. — Гоблин обмяк, глядя на языки пламени. — Как-то вдруг все обрыдло донельзя. И эта засада сегодняшняя... Все одно и то же. Новые провинции, а в них новые мятежники. Они размножаются, как навозные мухи в коровьей лепешке. Я уже стар, но до сих пор ничего не сделал, чтобы мир стал хоть немного лучше. Да если на то пошло, каждый из нас постарался его изгадить. — Он покачал головой. — Нет, неправильно. Не это я хочу сказать, вот только слов подобрать не могу.

— М-да, похоже на эпидемию.

— Что?

— Ничего, просто мысли вслух.

Эльмо, я, Гоблин. Не слишком ли много людей в последнее время задумалось о смысле жизни? Что-то неладно в Черном Отряде. Были у меня кое-какие подозрения, но не было желания их анализировать. Слишком уж тоскливое это занятие.

— Нам нужна хорошая встряска, — сказал я. — После Чар мы ничем серьезным не занимались.

И пусть это лишь наполовину правда, переделки, заставляющие сосредоточиться только на выживании, годятся для лечения симптомов, но не болезни. Как врач, я не видел в этом смысла. Что толку загонять болезнь вглубь? Необходимо ее выявить и искоренить.

— Что нам нужно, так это вера. — Треск поленьев в камине почти заглушал шепот Гоблина. — Хоть во что-нибудь.

— Ага, — согласился я. — И это тоже.

С улицы донеслись отчаянные вопли пленников, которые наконец поняли, для кого копают могилы.

Можжевельник. Плата за смерть

День проходил за днем, и Шед все сильнее донимал страх. Позарез нужны были деньги. Карр уже распустил слух, что Шеду предстоит послужить для других примером.

Замысел бандита был ясен: запугать тавернщика, чтобы отписал ему «Лилию». Не бог весть какое шикарное заведение, но, черт побери, не слишком ли жирный кусок для громил? Карр выручит за него в несколько раз больше, чем заплатит сам. Или превратит таверну в бордель. А Маррон Шед вместе с матерью окажется на улице и подойдет под жуткий злорадный вой зимних ветров.

«Прикончи кого-нибудь, — сказал Карр. — Ограбь».

Шед был уже готов и на то и на другое. Чтобы сохранить «Лилию» и защитить мать, он бы пошел на все.

Эх, были бы у него приличные клиенты! Но в таверне давно никто не селится, кроме попрошаек и жуликов. Да и те приходят на одну ночь. И пока он не приведет «Лилию» в порядок, не видать ему состоятельных гостей. А без денег с этой задачей не справиться.

В дверь ворвался Аса. Бледный от страха, он подбежал к стойке.

— Не нашел хворосту? — спросил Шед.

Коротышка покачал головой и бросил на стойку пару гершей:

— Налей.

Шед сложил монеты в ящик. Не спросил, откуда они, — у денег родословной не бывает. Он наполнил кружку, Аса нетерпеливо протянул руку.

— Э нет, — сказал тавернщик. — Сначала расскажешь.

— Шед, ты чего? Я же заплатил.

— Заплатил. А заказ получишь, когда я узнаю, почему ты так трясешься.

— Где Ворон?

— Наверху, дрыхнет.

Ворона в зале не было всю ночь.

— Ну дай же мне выпить, Шед, — сделал еще одну слабую попытку дрожащий Аса.

— Говори.

— Ладно. На меня насели Карр с Рыжим. Спрашивали о Вороне.

Вот теперь ясно, откуда у Асы деньги. Он пытается продать Ворона.

— Дальше.

— Ну, просто хотят узнать о нем побольше.

— Что именно их интересует?

— Выходит ли он когда-нибудь отсюда.

— Зачем им это?

Аса замялся. Шед отодвинул кружку подальше.

— Ну хорошо, хорошо. Карр посылал двоих следить за ним. Те пропали. Как в воду канули. Карр в бешенстве.

Шед отдал Асе вино. Тот одним глотком осушил кружку.

Тавернщик покосился на лестницу. Его передернуло при мысли, что он недооценивал Ворона.

— А что Карр сказал обо мне?

— Не помешала бы вторая кружечка.

— Будет. Выкладывай.

— Да ты не нужен мне больше, Шед. У меня появились хорошие связи. Могу теперь в любой момент перейти под крылышко Карра.

Шед крикнул и превратил лицо в непроницаемую маску.

— Твоя взяла. — Он налил вино.

— Карр хочет отнять у тебя дело, Шед. Чего бы это ни стоило. Он решил, что ты заодно с Вороном. — Зловещая улыбочка. — Только ему невдомек, откуда у тебя столько наглости, чтобы брыкаться.

— Нет у меня никакой наглости, Аса. И с Вороном ничего общего. Ты это знаешь.

Аса наслаждался моментом.

— Я так и пытался объяснить Карру. Но он даже слушать не захотел.

— Допивай и выметайся.

— Шед? — В голос Асы моментально вернулась обычная плаксивая нотка.

— Ты не глухой. Вон отсюда. Топай к новым друзьям. Посмотрим, надолго ли ты им понадобился.

— Шед!..

— Они тебя вышвырнут, Аса. Будешь мерзнуть на улице вместе со мной и моей мамой. Проваливай, кровосос.

Аса допил вино и выскользнул, втянув голову в плечи. Он чувствовал, что Шед прав. Дружба с Карром будет хрупкой и недолговечной.

Шед попытался предупредить Ворона. Тот пропустил слова мимо ушей.

Таверник протирал кружки, наблюдая, как Ворон болтает с Душечкой на молчаливом языке знаков, и ломал голову: кого бы ограбить в верхней части города? В утренние часы он обычно разглядывал Душечку и раздумывал, как бы к ней подступиться. Но дикий ужас перед улицей, который не отпускал его в последние дни, заглушал похотливые мысли.

Сверху донесся крик, — похоже, визжит свинья, которой полоснули ножом по горлу.

— Мама!

Шед взлетел по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки.

Мать стояла в дверях большой спальни. Она задышалась.

— Мама? Что случилось?

— Там человек! Мертвый!

У Шеда подпрыгнуло сердце. Он ринулся в комнату. На правой нижней койке лежал старик.

На ночь здесь расположились четыре постояльца. По шесть гершей с носа. Комната шести футов в ширину и двенадцати в длину, с двадцатью четырьмя нарами, установленными в шесть ярусов. Когда все они были заняты, Шед брал по два герша за возможность спать на полу, привалившись спиной к веревке, которая пересекала комнату посередине.

Шед дотронулся до старика. Холодный. Значит, уже несколько часов, как отошел.

— Кто он? — спросила старая Джун.

— Не знаю.

Шед пошарил в его лохмотьях. Четыре герша, железное кольцо.

— Проклятье! — Он не мог забрать найденное — могильные сторожа, не обнаружив ничего ценного на теле, заподозрят неладное. — Сглазили нас, что ли? Четвертый мертвяк за год.

— Что поделать, сынок. Все наши клиенты уже одной ногой в Катакомбах.

Шед сплюнул:

— Пошлю-ка я за сторожами.

— Он так долго этого ждал, — произнес чей-то голос, — что может и еще немного полежать.

Шед резко обернулся. За спиной его матери стояли Ворон с Душечкой.

— Чего?

— Он может решить твои проблемы, — сказал Ворон.

В ту же секунду пальцы Душечки замелькали в воздухе, да так быстро, что Шед не смог разобрать и одного знака из двадцати. Похоже, она убеждала Ворона не делать чего-то. Тот не обращал внимания.

— Шед! — предостерегающе воскликнула Джун.

— Не беспокойся, мама. Я с этим разберусь. Займись своими делами.

Джун была слепой, но, когда здоровье позволяло, она старалась выполнять работу горничной, то есть выносить нечистоты и вытряхивать блох и вшей из постелей. Если же хворь приковывала ее к кровати, Шед звал своего кузена Дурня, такого же никчемного, как Аса, и вдобавок обремененного семьей. Тавернщик нанимал Дурня исключительно из жалости к его жене и детям.

Шед спустился в зал, Ворон, все еще споря с Душечкой, последовал за ним. Тавернщику вдруг подумалось, что наверняка Ворон с ней спит. Не пользоваться таким справным женским телом — это же вопиющее расточительство.

Как может мертвец с четырьмя гершами в кармане спасти Шеда от Карра? Ответ: законным путем — никак.

Ворон уселся на любимую табуретку и рассыпал по столу пригоршню мелочи.

— Вина. И себе возьми кружку.

Шед отправил монеты в ящик. Как же мало там денег! И как же он устал трястись над каждым гершем! Тавернщик уныло вздохнул. Он обречен. Пусть даже долг будет каким-то чудесным образом погашен, это все равно ничего не изменит.

Он поставил кружку перед Вороном и уселся. Шед чувствовал себя дряхлым стариком. Как же он изнурен и опустошен...

— Объясни, — сказал он Ворону.

— Кто этот доходяга? Откуда взялся?

Шед пожал плечами:

— Обычный человек, решивший провести ночь в тепле. Таких в Котурне полно.

— Годится. — Это было произнесено таким тоном, что Шеда пробрал озноб.

- Ты предлагаешь то, о чем я подумал?
- А о чем ты подумал?
- Гм... Какой прок от трупa? Если даже могильные сторожа ничего с ними не делают, просто складывают в Катакомбах?..
- Предположим, есть покупатель.
- Я так и понял.
- И?
- Ну и что делать-то? — Голос Шеда был едва слышен.

У тавернщика просто не укладывалось в голове столь отвратительное преступление. Даже самый последний из городских мертвецов почитается больше, чем любой живой человек. Покойник свят. Выгородка — сердце Можжевельника.

— Очень просто. Ночью перетащи мертвяка к задней двери. Это ты можешь сделать?

Шед слабо кивнул.

— Хорошо. Допивай вино.

Шед допил залпом, затем взял другую кружку и стал тщательно ее протирать. Это просто дурной сон наяву. Сейчас он закончится...

Труп казался почти невесомым, но Шед слишком много выпил, поэтому еле спустился по лестнице. Ступая с чрезмерной осторожностью, он пересек общий зал. Люди сгрудились вокруг камина; в красном сиянии догорающих углей они казались чертями возле адской топки.

Когда Шед вносил старика на кухню, у того нога задела и опрокинула горшок. Тавернщик в ужасе застыл. Тишина. Сердце постепенно успокоилось. Он еще раз напомнил себе, что делает это ради матери: она не должна замерзнуть на улице.

Шед толкнул коленом дверь. В тот же миг она двинулась на него, отворилась внутрь. На пороге возник темный силуэт.

— Поторапливайся, — раздался шепот.

Темный схватил старика за ноги и помог затащить в фургон.

— Что теперь? — прохрипел Шед, тяжело дыша.

Он был в ужасе.

— Иди спать. Утром получишь долю.

Из груди Шеда вырвался то ли стон, то ли всхлип.

— Сколько? — задыхаясь, спросил он.

— Треть.

— Только треть?

— Весь риск на мне. А тебе уже нечего бояться.

— Ладно. Но все-таки что по деньгам?

— Цены меняются.

Ворон отвернулся. Шед затворил дверь и обессиленно привалился к ней, смежив веки. Что он натворил?

Тавернщик подбросил в огонь дров и лег в постель. Рядом храпела мать. Догадалась ли она? Может, и нет. Могильные сторожа часто дожидаются ночи. Шед скажет матери, что она все проспала.

Сон не шел. Кто еще может знать о трупе? Если поползет слух, Шеду заподозрят в небывалом, даже немислимом преступлении.

А что, если Ворон попадется? Заставят ли инквизиторы его говорить? У Вола в лапах запоет даже камень.

Все утро Шед наблюдал за матерью. Старуха произносила лишь односложные слова, то есть вела себя как обычно. Ворон появился сразу после полудня.

— Чай и миску каши, Шед.

Расплачиваясь, он положил на стойку деньги. Не обычные медяки.

У Шеду глаза полезли на лоб. Перед ним поблескивали серебряные левы. Десять! За одного мертвого старика! И это треть от вырученного? Наверняка Ворон и раньше этим занимался. Должно быть, он сказочно богат. Взмокли ладони. Прикинув, на какие преступления он сам готов пойти ради таких денег, тавернщик едва не взвыл.

— Шед, — мягко сказал Ворон, получив чай и овсянку, — даже не думай.

— О чем?

— Не думай о том, о чем ты сейчас думаешь. Иначе сам окажешься в этой телеге.

Душечка мрачно смотрела на них из кухни. Перехватив ее взгляд, Ворон как будто смутился на мгновение.

Шед прокрался в гостиницу, где обосновался Карр со своей шайкой. Снаружи она имела такой же убогий вид, как и «Лилия». Стараясь не обращать внимания на Асу, тавернщик искал Графа. Надеялся, что громила не станет мучить его ради собственного удовольствия.

— Граф, мне нужно встретиться с Карром.

Граф приоткрыл карие коровьи глаза:

— Зачем?

— Я принес деньги. В счет долга.

Граф тяжело поднялся:

— Ладно, жди здесь.

— Где ты взял деньги, Шед? — спросил Аса, когда Граф ушел.

— А сам ты где их берешь?

Коротышка не ответил.

— Невежливо об этом спрашивать. Займись своими делами и оставь меня в покое.

— Шед, я думал, мы друзья.

— Я пытался с тобой дружить, Аса. Даже ночевать позволял в моем доме. Но ты связался с Карром...

По лицу Асы пробежала тень.

— Прости меня, Шед. Ты ведь знаешь, я плоховато соображаю. Иногда делаю глупости.

Шед фыркнул. Итак, Аса все-таки пришел к неизбежному заключению. Как только Карр разберется с Вороном, он вышвырнет коротышку на помойку.

Шеда все время подмывало предать Ворона. Тот наверняка запрятал целое состояние. Но Шед боялся тысячи вещей. И на первом месте в этом списке стоял сам Ворон.

— Я знаю, как в Выгородке добыть валежник. — Лицо Асы светилось трогательной мольбой. — Правда, это почти сплошь сосна, но она тоже горит.

— Выгородка?

— Вполне законно, Шед. Выгородку регулярно чистят.

Тавернщик скривился от возмущения.

— Поверь, это более законно, чем рыться в чужих...

Шед сдержал гнев. Ему еще пригодится союзник во вражеском лагере.

— Ладно, Аса. Дрова — это те же деньги. Без родословной.

— Спасибо, дружище, — подобострастно улыбнулся Аса.

— Шед! — позвал Граф.

Тавернщика трясло, когда он пересекал комнату.

Ничего не выйдет. Карр не станет слушать. Просто швырнет деньги Шеду в лицо.

— Граф сказал, ты хочешь кое-что отдать, — проговорил Карр.

— Угу.

Казалось, логово Карра выломано из какого-нибудь особняка, стоящего высоко над долиной. Шед был ошеломлен окружающей роскошью.

— Кончай паяльаться, говори по делу. И учти: не стоит совать мне горсть медяков в придачу к обещаниям. Ты уже нашел себе теплую подворотню для зимовки? Твои выплаты — это жалкие крохи, Шед.

— На сей раз, господин Карр, не крохи. Я готов отдать больше половины долга.

Карр удивленно поднял брови:

— Интересно.

Шед положил перед ним девять серебряных лев.

— Очень интересно. — Карр вперил в Шеду пронзительный взгляд.

— Тут больше половины, считая с процентами, — запинаясь, проговорил таверщик. — Я надеюсь, этого достаточно, чтобы обсудить отсрочку...

— Цыц!

Шед умолк.

— Думаешь, я все забыл?

— Это не по моей вине случилось, господин Карр. Я не хотел, чтобы он... Вы даже не представляете, что за человек этот Ворон.

— Заткнись. — Карр разглядывал монеты. — Пожалуй, можно уладить наше дельце. Я знаю, Ворон тогда встрял не по твоему принуждению. Не стал бы он слушаться такого слабака.

Шед уткнулся взглядом в пол, не в силах отрицать свою трусость.

— Ладно, Шед. Ты мой постоянный клиент. Вернемся к постоянному расписанию. — Карр опять посмотрел на деньги. — У тебя три недели.

— Спасибо, господин Карр. Вы даже не представляете, как много для меня это значит...

— Заткнись. Я точно знаю, что это значит. Проваливай. И живо собирай остаток. Это твоя последняя отсрочка.

— Да, господин. — Шед попятился.

Граф открыл дверь.

— Шед! — сказал вдогонку Карр. — Мне может что-нибудь понадобиться. Услуга за услугу. Дошло?

— Да, господин.

— Все, топай.

Шед ушел. Чувство облегчения сменилось отчаянием. Карр требует от него помощи в расправе над Вороном. Ковыляя к дому, таверщик едва не плакал. Час от часу не легче. Ему не выбраться из западни.

Клеймо. Поворот

Фолиант — типичный город из тех, где мы в последнее время несли гарнизонную службу. Маленький, грязный и скучный. Все удивлялись: почему так беспокоится Госпожа? Что проку от этих отдаленных провинций? Для чего добивается, чтобы они преклонили колени? Единственно для того, чтобы потешить самолюбие? Здесь абсолютно нечего взять, кроме власти над жителями. Но даже они относятся к своей стране с явным презрением.

Присутствие Черного Отряда напрягло все ресурсы этой территории. Буквально через неделю Капитан заговорил о том, чтобы перебраться в Сердце и разместить в деревнях мелкие гарнизоны. Наши патрули редко натывались на мятежников, даже когда помогали охотиться колдуны. Операция в таверне у Ловкача потребовала сосредоточения всех наших сил, но очаг заразы мы уничтожили.

Шпионы Госпожи передали нам, что те немногие мятежники, которым удалось улизнуть, перебрались в Барабан, еще более мрачное королевство к северо-востоку отсюда. Я предположил, что Барабан будет нашей следующей целью.

Однажды, внося записи в Анналы, я решил прикинуть расстояние, которое мы покрыли, продвигаясь на восток. Правда пугала: Фолиант — в двух тысячах миль от Чар! Далеко за той границей, что была у империи шесть лет назад. Кровавые завоевательные походы Взятой по имени Шепот передвинули дугу границы вплотную к здешней кромке равнины Страха. Я вспомнил вольные города-государства, которые стояли на этом забытом рубеже. Стужа и Стук, Амбары и Ржа; засевшие в них мятежники несколько лет успешно отражали атаки Госпожи. Все эти города были громадными и грозными. Таких мы больше не видели. Я до сих пор содрогаюсь, вспоминая равнину Страха.

Мы пересекали ее под защитой Шепот и Пера, двух Взятых, зловещих подмастерьев Госпожи; их сила на несколько порядков превосходила возможности наших трех жалких колдунов. Но магической мощи Взятых вместе с регулярной армией Госпожи оказалось недостаточно, чтобы выбраться без потерь из этих суровых, враждебных краев. На равнине Страх не применимы нормальные человеческие знания, потому что ни один закон, действующий в обычной реальности, не имеет там силы. Камни говорят, а киты летают. В пустыне растут кораллы. Деревья совершают пешие прогулки. А самое удивительное на этой земле — ее обитатели...

Но все это уже давно закончилось. Воспоминания — просто неотвязные кошмары из прошлого. Вопли Пумы и Шустрого разносятся по лабиринту времени и достигают моего слуха. Снова и снова я не могу ничего сделать для спасения товарищей.

— Что с тобой? — спросил Эльмо, вытаскивая из-под моей руки карту и покачивая головой. — Как будто привидение увидел.

— Просто вспомнил равнину Страх.

— А-а... Да уж, такое не забудешь. Ничего, не падай духом. Глотни пивка. — Он хлопнул меня по спине. — Эй, Кегля! Где тебя черти носили? — Эльмо ринулся в погоню за самым нерадивым солдатом Черного Отряда.

Минутой позже подошел Одноглазый, сильно удивив меня.

— Как Гоблин? — тихо спросил он.

После инцидента в таверне Ловкача они не общались. Одноглазый уставился на карту:

— Пустые холмы? Интересное название.

— Их называют еще Полыми холмами... Гоблин в порядке. Почему бы тебе не навестить его?

— С чего бы вдруг? Он ведет себя как последняя свинья. Шутки не понимает...

— Твои шутки стали грубоватыми, Одноглазый.

— Ну да, пожалуй. Я это... Пойдем со мной.

— Нужно к чтению подготовиться.

Капитан потребовал, чтобы раз в месяц я вдохновлял солдат, читая им вслух отрывки из Анналов, рассказывая, откуда взялся Черный Отряд, напоминая о подвигах и судьбах наших товарищей по оружию.

Когда-то это значило очень много. Черный Отряд. Последний из Вольных Отрядов Хатовара. Братство. Крепкий кулак. Сильные духом. Горстка бойцов против всего мира. И горе тому, кто встанет у нас на пути!

Но загадочная гнетущая атмосфера, что так сильно подействовала на Гоблина и вселила тоску в Эльмо, взялась теперь и за остальных. Все трещало по швам.

Надо выбрать хорошие отрывки. О том, как Отряд сражался в безвыходных ситуациях и выжил только благодаря верности своим традициям. За четыре века таких эпизодов накопилось предостаточно.

Мне требовался фрагмент, написанный вдохновенным летописцем. Слова, зажигающие сердца, — вроде тех, что говорит потенциальным рекрутам вербовщик Белой Розы. А может, сразу подобрать несколько отрывков, чтобы читать несколько вечеров подряд?

— Чушь, — проворчал Одноглазый. — Ты знаешь эту писанину наизусть. Вечно сидишь, уткнувшись в книжку. А еще проще самому придумать все, что нужно. Никто не догадается.

— А если и догадается, то не придерется ко мне. Всем наплевать. Печально, старина. Ладно, пойдем проведем Гоблина.

Быть может, мне нужно внимательнее перечитать Анналы. Быть может, я лечу только симптомы. На мой взгляд, Анналы определенно обладают какими-то мистическими свойствами. Вероятно, я смогу диагностировать болезнь, если научусь читать между строк, если взгляну глубже в самого себя.

Гоблин с Молчуном играли в ножички без помощи рук. Вот что я могу сказать насчет нашей троицы чародеев: таланты у них не ахти какие великие, зато отточены до бритвенной остроты. Гоблин вел по очкам. Сегодня он был в хорошем настроении, даже кивнул Одноглазому. Чем не шанс закупорить бутылку пробкой? Лишь бы только Одноглазый не сморозил какую-нибудь глупость.

К моему изумлению, он даже извинился. Знаками Молчун предложил мне оставить забияк наедине, пусть попробуют заключить мир с глазу на глаз. Гонору у каждого из них в избытке.

Мы вышли. Как и всякий раз, когда никто не мог подглядеть нашего обмена жестами, посудачили о былых делах. Молчун тоже знал тайну, ради которой Госпожа была готова уничтожать целые народы.

Сначала кое-что подозревали еще полдюжины людей, но потом все забылось. А мы помним и никогда не забудем. Эти полдюжины, если Госпоже придет в голову допросить их, дадут ей лишь серьезные сомнения. Мы с Молчуном — нет. Мы отлично понимаем, кто для Госпожи самый серьезный враг, и за шесть лет ни разу не попытались ее убедить, что этот враг существует не только в воображении мятежников.

Мятежники суеверны. Они обожают пророков и пророчества, а особенно посулы грядущих великих побед. Одно из таких предсказаний сослужило им худую службу в Чарах, тогда они попали

в ловушку и чудом избежали полного уничтожения. Впоследствии мятежники убедили себя, что стали жертвой подосланных неприятелем лжепророков. Тот, кто способен поверить в такое, поверит и в совершенно невозможное.

Забавно, что они обманывают себя с помощью правды. Наверное, кроме людей, принадлежавших к ближайшему окружению Госпожи, лишь я один тогда знал, что мятежников ведут прямо в лапы смерти. Только зря они мнят, что этот враг, направляющий их, — Госпожа. Настоящий поводыр куда более страшен.

Это Властелин, бывший супруг Госпожи, которого она предала и заживо похоронила. Он жив по сей день. Его могила находится в Великом лесу, к северу от далекого города, который называется Весло. Из нее он сумел дотянуться до высшего командования мятежников, повлиять на мозг этих людей, подчинить их своей воле в надежде свергнуть Госпожу и обеспечить себе воскрешение. Он проиграл, хоть ему и помогали несколько изначальных Взятых.

Если бы он знал о моем существовании, в списке его врагов я был бы не на последнем месте. Властелин и сейчас лежит в своей могиле, планирует новые атаки. А может, размышляет, как отомстить мне, ведь я помог уничтожить Взятых, помогавшего ему... Жутко все это. Покровительство Госпожи — слабое утешение. Все ее черное зло — лишь слабая тень в сравнении с крошечной тьмой Властелина. По крайней мере, так говорят легенды. Иногда я удивляюсь: если это правда, почему Госпожа все еще ходит по земле, а он в могиле не может найти себе покоя.

С тех пор как я узнал об этой могиле, мне удалось найти в малоизвестных летописях немало сведений. И каждый раз, когда я открывал что-то новое, меня охватывал настоящий страх. Эпоха, когда Властелин безраздельно правил миром, пахнет адской серой. Лишь каким-то чудом Белой Розе удалось его повергнуть. Очень жаль, что она не смогла уничтожить Властелина полностью. Впрочем, так же как и его подручных, включая Госпожу. Сегодняшний мир был бы не таким мерзким.

Я часто задаюсь вопросом, когда же кончится этот медовый месяц. До сих пор Госпожа была не так уж и грозна. Чует мое сердце, однажды она даст волю ужасу, который поселился в ее теле. И тьма хлынет наружу, чтобы возродить ад прошлых эпох.

Еще я думаю о злодеяниях, вершившихся при Владычестве. Если в летописях о них сказано мало, то это лишь потому, что история всегда переписывается в интересах победителя.

В комнате Гоблина раздался вопль. Мы с Молчуном переглянулись и ринулись внутрь.

Я всерьез ожидал увидеть, что один из колдунов лежит в луже крови. А те опять меня удивили: Гоблин бился в припадке, а Одноглазый из всех сил пытался его удержать, чтобы ненароком не поранился.

— Кто-то связался с ним, — задыхаясь от натуги, сообщил Одноглазый. — Помоги мне! Это серьезно!

Я аж челюсть уронил. Никто не связывался с нами напрямую после отчаянного бегства, когда мятежники наступали на Чары. Это случилось несколько лет назад, с того времени Госпожа и Взятые предпочитали командовать через посыльных.

Как обычно, припадок продлился лишь несколько секунд. Затем Гоблин расслабился и захныкал. Через минуту-другую он придет в себя и расскажет. Мы трое переглядывались. Такое выражение лиц бывает у игроков в карты. Только в душе у каждого игрока — страх.

— Надо доложить Капитану, — сказал я.

— Ага, — ответил Одноглазый и не двинулся с места.

Молчун тоже не шелохнулся.

Понятно — доверили это дело мне.

Капитан был занят тем, что получается у него лучше всего, — храпел, закинув ноги на стол. Я разбудил его и все рассказал.

Он тяжело вздохнул:

— Найди Лейтенанта.

И пошел к ящикам с картами. Я задал пару вопросов и, не получив ответа, понял намек и вышел вон.

В провинции назрел кризис? Ожидал ли Капитан чего-нибудь в этом роде? Но как Чары могли узнать раньше нас?

Впрочем, глупо беспокоиться прежде, чем я выслушаю Гоблина.

Лейтенант выглядел не более удивленным, чем Капитан.

— Что-то назревает? — спросил я.

— Возможно. Гонец доставил депешу, когда вы с Леденцом уже отбыли в Клеймо. Там сообщалось, что мы можем понадобится на западе. Похоже, так оно и вышло.

— На западе? В самом деле?

— Ага. — Сколько же мрачного сарказма он вложил в это слово!

Идиотство. Если принять Чары за границу между востоком и западом, то Клеймо находится в двух с лишним тысячах миль к востоку от нее. В лучшем случае три месяца пути. И местность, через которую нужно пройти, далеко не подарок. Кое-где просто не существует дорог. Шесть месяцев, прикинул я. И то чересчур оптимистичная цифра.

Но не слишком ли часто я впадаю в панику раньше времени? Нужно немного подождать, и все прояснится.

Случилось то, чего не предвидели даже Капитан с Лейтенантом.

Мы с нетерпением ждали, когда очухается и заговорит Гоблин. Капитан прикидывал маршрут в Стужу. Он был недоволен, ворчал, что в любом случае придется тащиться через равнину Страха.

Гоблин кашлянул, прочищая горло. Напряжение росло. Колдун не поднимал глаз. Значит, новости не порадуют.

— Нас вызывают, — пискнул он. — Это Госпожа. Похоже, она встревожена. Сначала — в Стужу. Там нас встретит кто-нибудь из Взятых и поведет в Кургань.

Все нахмурились и озадаченно переглянулись.

— А, черт! — буркнул я. — Паршивые дела.

— Что такое, Костоправ? — спросил Капитан.

Они не знали тайны. Их не интересовала история.

— Это там, где похоронен Властелин. Там, где все они были похоронены. В лесу, к северу от Весла.

Мы уже побывали в Весле семь лет назад. Не самый дружелюбный город.

— Весло! — воскликнул Капитан. — Весло! Это же две с половиной тысячи миль!

— Добавь еще пару сотен — до Курганья.

Он вперился в карту.

— Здорово. Просто великолепно. Значит, не только равнина Страха, но и Пустые холмы с Ветреным краем в придачу. Отменное развлечение. Полагаю, нам надлежит там быть на следующей неделе?

— Непохоже, что Госпожа торопится, — покачал головой Гоблин. — Просто обеспокоена и хочет, чтобы мы двигались туда.

— Она что-нибудь объяснила?

Гоблин лишь усмехнулся: а когда она снисходила до объяснений?

— Вот так просто, — проворчал Капитан. — Нежданно-негаданно. Ноги в руки — и дуйте через полмира. Обожаю такие приказы.

Он велел Лейтенанту готовить Отряд к выступлению.

Новости не радовали, от них веяло безумием, но в изложении Капитана они звучали еще хуже. Он начал приготовления в ту же минуту, как получил депешу. Все бросить и двинуть дальше нетрудно. Проблема только в том, что ни у кого нет желания это делать.

На западе, конечно, торчать гораздо приятнее, чем здесь, в этой гибельной, беспросветной дыре. Но все же не настолько, чтобы кто-нибудь захотел топтать так далеко.

Разве у Госпожи нет других войск, расположенных поближе?

Мы жертвы собственной репутации. Там, где положение становится наиболее угрожающим, Госпоже нужен Черный Отряд. Она знает, что лучше нас работу не сделает никто.

Проклятье! И еще десять раз проклятье!

Можжевельник. Ночная работа

Шед отдал Карру девять лев из десяти. На оставшуюся монету купил дрова и пополнил запасы вина и пива. Кредиторы мигом почуяли, что у него завелись денежки.

Но эта небольшая поправка в делах не принесла Шеду облегчения. В следующий раз, чтобы заплатить Карру, пришлось брать в долг у процентщика по имени Гилберт.

Шед поймал себя на мысли, что неплохо бы еще кому-нибудь поскорей отдать концы. Десяток лев позволил бы тавернщику протянуть зиму.

А она выдалась суровой, эта зима. В гавани все замерло. Не было работы в Котурне. Только Аса радовал время от времени. Всякий раз, когда выбирался из гостиницы Карра, он приносил дров, пытаясь купить дружбу Шеда.

Вот и сейчас явился не с пустыми руками.

— Будь начеку, — доверительно сказал Аса, приблизившись к тавернщику. — Карр узнал, что ты занял у Гилберта.

Шед побледнел.

— У него целая очередь покупателей на «Лилию». Они уже девочек набирают.

Шед кивнул. В это время года содержатели притонов нанимают отчаявшихся женщин. А летом, когда моряки уйдут в плавание, женщины уже будут не нужны.

— Вот же подонок! Заставил меня поверить, что еще есть время. Я должен был догадаться, что он решил прибрать к рукам и мои деньги, и «Лилию». Сволочь!

— Ну, я предупредил.

— Да, спасибо, Аса.

Безжалостно, неумолимо надвигался день платежа. Гилберт от-
казал Шеду в займе. Зато кредиторы помельче осаждали «Лилию».
Наверняка это Карр их натравил.

С кружкой вина Шед подошел к Ворону:

— Можно присесть?

По губам Ворона скользнула улыбка.

— Заведение твое, присаживайся где хочешь. С каких это пор ты
такой дружелюбный?

— Нервничаю я, — солгал Шед, в присутствии Ворона испыты-
вавший только угрызения совести. — Из-за долгов.

Ворон все прекрасно понял.

— И считаешь, что я способен тебе помочь?

— Да, — простонал Шед.

Ворон тихо рассмеялся — как показалось тавернщику, с ноткой
торжества.

— Почему бы и нет. Сегодня?

В голове у Шеда возникла картина, как могильные сторожа уво-
зят его мать на своей телеге. Он подавил возникшее чувство отвра-
щения к себе.

— Ага.

— Ладно. Но теперь ты помощник, а не партнер.

Шед сглотнул, затем кивнул.

— Уложишь старушку в постель, потом спустишься вниз. Понял?

— Да, — прошептал Шед.

— Хорошо. А сейчас отойди. Ты меня раздражаешь.

— Хорошо, господин.

Шед отошел. И до конца дня он не смел никому взглянуть в глаза.

Резкий ветер завывал в долине Портовой реки, хлестал снежными
хлопьями. Шед ехал, скукожившись от холода; фургон казался
полой глыбой льда. Погода неуклонно портилась.

— Почему сейчас? — проворчал тавернщик.

— Самое лучшее время, — процедил Ворон сквозь зубы. —
Никто нас не заметит.

Он свернул на улицу Судовых Поставщиков, от которой отходи-
ло множество узких переулков.

— Охотничьи угодья что надо. В такую погоду доходяги распол-
заются по переулкам и мрут как мухи.

Шеда передернуло. Он слишком стар для подобных приключе-
ний. Но на что только не пойдешь, чтобы самому не загнуться под
забором в такую вот поганую ночь.

Ворон остановил фургон:

— Загляни в этот проход.

Едва Шед встал на ноги, в них вспыхнула боль. Это радует: значит, еще не отморозил.

В переулке было темно. Он искал, полагаясь скорее на интуицию, чем на зрение. Нашел тело, лежавшее под каким-то навесом, но оно вдруг зашевелилось и забормотало. Шед убежал.

Когда он оказался у фургона, Ворон как раз грузил добычу. Таверщик отвел глаза. Мальчику не было и двенадцати. Ворон прикрыл его соломой.

— Один есть. Ночка в самый раз — улов будет хорош.

Шед задушил в себе протест и уселся на свое место. Он думал о матери. Ей не придется проводить такие ночи на улице.

В соседнем переулке он нашел свой первый труп. Обессиленный старик лег, да так и не смог подняться. Превозмогая душевную боль, Шед потащил его к повозке.

— Да, хорошая ночь, — огляделся Ворон. — Никакой конкуренции. Могильные сторожа в такую погоду носа не высунут. — Ворон секунду помолчал. — Авось наберем целую гору мертвяков, — добавил он тихим, мягким голосом.

Они двинулись к берегу, и там каждый нашел еще по труп.

— Тебе-то зачем этим заниматься? — спросил Шед.

— Предстоит дальний путь, нужны деньги. А это способ их заработать быстро и без особого риска.

Шед подумал, что они рискуют гораздо сильнее, чем кажется Ворону. Их на куски разорвут, если поймают с поличным.

— Ты ведь не местный, не из Можжевельника?

— С юга. Матрос с потерпевшего крушение корабля.

Шед не поверил. У Ворона был совершенно другой акцент, хотя и не сильный. Но таверщику не хватило духа назвать этого человека лжецом и потребовать, чтобы сказал правду.

Разговор продолжался урывками, о прошлом Ворона и его истинных мотивах Шеду не удалось узнать ничего.

— Сходи туда, Шед, — указал Ворон. — А я осмотрюсь здесь. И хватит на сегодня.

Шед кивнул. Как же ему хотелось, чтобы эта ночь поскорее закончилась! С огромным стыдом он понял, что уже относится к трупам как к товару. Он злился на доходяг за то, что умирали в чертовски неподходящих местах.

Он услышал тихий оклик и обернулся. Ворон нашел мертвеца. Фургон набит до отказа.

Шед вернулся бегом. Ворон уже сидел на козлах, ждал. Таверщик суетливо вскарабкался на свое место, прикрыл лицо от ветра. Ворон хлестнул мулов, и повозка медленно покатила.

Они были уже на полпути к мосту через Портовую реку, когда Шед услышал стон.

— Что?

Одно из тел зашевелилось.

— А, черт! Ворон!..

— Да он все равно очочурится.

Шед сгорбился, глядя на северный берег. Хотелось спорить, драться. Что угодно делать, лишь бы не участвовать в этом кошунстве.

Через час он снова поднял взгляд и не узнал местности. Вдоль дороги на приличном расстоянии друг от друга стояло несколько больших домов. Их окна были темны.

— Где мы?

— Скоро доберемся. За полчаса, если дорога не слишком скользкая.

Шед представил, как фургон съезжает в канаву. Что тогда? Бросить все и убежать, надеясь, что их не выследят? Угрызения совести сменились страхом.

И тут он понял, где они находятся. Выше по склону, кроме проклятого Черного замка, ничего нет.

— Ворон...

— Ну?

— Ты правишь к Черному замку.

— А ты думал, куда мы едем?

— Там кто-нибудь живет?

— Да. Что тебя смущает?

Ворон — иноземец, ему не понять, как местные относятся к Черному замку. Люди, которые подходили слишком близко, просто исчезали. В Можжевельнике предпочитают делать вид, что этого места вообще не существует.

Заикаясь, Шед объяснил, чего он боится.

— Только показываешь свое невежество.

Шед посмотрел на силуэт замка, который проступил сквозь снежную пелену. Здесь, в горах, снегопад немного ослабел, но ветер стал еще злее.

— Тогда давай скорей покончим с этим, — уступил таверщик.

Глаз уже различал стены, шпили, башни. Нигде не горели огни. Ворон остановил повозку, слез и гулко постучал в ворота тяжелой

колотушкой. Сгорбившись на сиденье, Шед надеялся, что пришельцам никто не ответит.

Но ворота открылись тотчас же. Ворон вернулся на козлы:

— Вперед, мулы.

— Мы же не поедem внутрь?

— Почему?

— Да нельзя же! Никак нельзя!

— Замолчи, Шед. Если хочешь получить деньги, поможешь разгружать.

Шед чуть не взвыл от отчаяния. Они так не договаривались.

Ворон проехал через ворота, повернул направо и остановился под широкой аркой. Единственный фонарь боролся с тьмой, напиравшей со всех сторон. Возница спрыгнул. С напряженными до крайности нервами Шед последовал за ним. Они разгрузили фургон, свалив покойников на каменные плиты.

— Полезай обратно и держи язык за зубами, — велел Ворон.

Одно из тел пошевелилось. Шед застонал. Ворон больно ущипнул его за ногу:

— Заткнись.

Длинный и тощий незнакомец был одет в просторные черные штаны и длинную рубаху с капюшоном. Он осмотрел тела и вроде остался доволен. Затем обернулся к Ворону. На мгновение показалось равнодушное, оливковокожее, лоснящееся лицо, состоящее из острых углов и теней, с парой мягко светящихся глаз.

— Тридцать, тридцать, сорок, тридцать, семьдесят, — бубнил тощий.

— Тридцать, тридцать, пятьдесят, тридцать, — говорил Ворон. — Сто...

— Сорок. Восемьдесят.

— Сорок пять. Десяносто.

— Сорок. Десяносто.

— Договорились.

Они торговались! Насчет стариков вопросов не возникало, а за мальчишку этот жердяй наотрез отказался платить. Зато умирающего счел ценным товаром.

Шед смотрел, как длинный передает монеты. Да это же целое состояние! Двести двадцать кусков серебра! С такими деньгами можно оставить «Лилию» и устроиться на новом месте. Даже вообще обратиться из Котурна.

Ворон ссыпал монеты в карман плаща. Шеду он отдал пять.

— И все?

— По-моему, неплохо за одну ночь.

На самом деле эти деньги можно было получить только за месяц упорного труда, но все-таки пять монет из...

— В прошлый раз мы были партнерами, — напомнил Ворон, залезая на козлы. — Может, и еще будем. Но сегодня ты наемный работник. Дошло? — В его голосе появилась жесткость.

Шед кивнул, испугавшись.

Ворон хлестнул вожжами, фургон тронулся с места. Шед осознал, что успел здорово промерзнуть, — под аркой было не теплее, чем на открытом месте. Он содрогнулся, увидев, с каким голодом в глазах наблюдает за ними длинный.

В темной глянцевиной, без всяких зазоров стене образовалось большое отверстие — в сторону бесшумно скользнул блок.

— О боже!

Стена оказалась полой, и в этой полости виднелись кости, целые тела и части тел, подвешенные так, что казалось, будто они плывут во мгле. Повернув к воротам, Ворон заметил, что таверщик тарашится на него.

— Что здесь происходит?

— Не знаю, Шед, и знать не хочу. Платят хорошо, а больше меня ничто не интересует. Дорога предстоит дальняя, мне нужны деньги.

Курганье

В Стуже Черный Отряд встретил Взятый по прозвищу Хромой. Мы провели в походе сто сорок шесть дней. Все они были длинными, однообразными и тяжелыми. И люди и животные шли скорее по привычке, нежели по собственной воле. Наша армия пребывала в хорошем состоянии, она могла покрывать от пятидесяти до ста миль за сутки, но когда это продолжается месяц за месяцем, да еще по невероятно дрянным дорогам... Разумный командир не допускает слишком изнурительных многодневных переходов. Он знает, что усталость имеет свойство накапливаться, рано или поздно у людей начисто иссякнет запас сил.

Если взглянуть на пересеченные нами земли, прямо жуть берет. Между Фолиантом и Стужей есть и горы, где мы бывали счастливы, если удавалось пройти за день пять миль, и пустыни, где мы блуждали в поисках воды, и реки, переправа через которые на подручных средствах отнимала несколько дней. Нам еще повезло, что по дороге к Стуже Отряд потерял лишь двоих бойцов.

Капитан светился от гордости за великолепно проделанную работу, пока его не вызвал комендант крепости.

Вернувшись, Капитан собрал всех офицеров и сержантов.

— Плохие новости, — сказал он. — Госпожа посылает Хромого, чтобы провел нас через равнину Страха. Будем охранять караван.

Мы ответили угрюмым молчанием. Черный Отряд не ладил с Хромым. Нас разделяла пролитая кровь.

— Когда выступаем? — спросил Эльмо.

Нам нужен был отдых. Никто его нам не обещал, и вообще казалось, что Госпожу и Взятых абсолютно не волнуют солдатские нужды, но все же...

— Срок еще не назначен, но не стоит расслабляться. Хромой может появиться уже завтра.

Конечно. На своем ковре Взятый куда угодно доберется за считанные дни.

— Будем надеяться, что его задержат другие дела, — пробормотал я.

Не хотелось встречаться с Хромым. Когда-то Отряд обошелся с ним не очень хорошо. До Чар мы тесно сотрудничали с Взятой по имени Душелов. Та использовала нас втемную, чтобы опорочить Хромого. У них была давняя взаимная неприязнь, к тому же Душелов тайно работала на Властелина. Ей даже удалось вовлечь в свою паутину Госпожу. Она едва не прикончила Хромого, лишь в последний момент простила, и он участвовал в заключительном сражении.

Давным-давно, когда устанавливалось Владычество, за века до возникновения империи Госпожи, Властелин одолел своих главных соперников и подчинил их себе. Эти чудовища прославились как Десять Взятых. Под знаменем Белой Розы весь мир восстал против злодеяний Властелина, и в конце концов эти Десять были погребены вместе с ним. Погребены — но не умерщвлены. Уничтожить хотя бы одного из них Белой Розе было не по силам.

За несколько веков мирной жизни народы отвыкли сражаться со злом. Один любопытный колдун попробовал связаться с Госпожой. Та ухитрилась подчинить его волю и освободиться. Десять восстали из могилы вместе с Госпожой. За одно поколение они создали новую империю зла. И вот уже два поколения воюют с мятежниками, чьи пророки предсказали возрождение Белой Розы, которая должна повести их к окончательной победе.

Временами казалось, что мятежники действительно победят. Наши войска обращались в бегство, покидая целые провинции. Взятые враждовали и уничтожали друг друга. Погибло девять из Десяти. Госпоже удалось Взять троих мятежных вождей, так она частично восполнила свои потери. Это были Перо, Бывалый и Шепот — наверное, лучший полководец со времен Белой Розы. Перед тем как Госпожа заставила Шепот служить себе, та доставила нам кучу неприятностей.

Чужие пророки, вообще-то, говорили правду, они допустили лишь одну ошибку. Ожидали, что в последнюю битву их поведет переплотившаяся Белая Роза. Найти ее вовремя мятежникам не удалось.

Она действительно существовала, но находилась в наших рядах, не подозревая, кем является на самом деле.

Зато узнал я. Жизнь человека, обладающего таким знанием, не стоит и дохлой рыбы. Если подвергнусь допросу у Госпожи, мне конец.

— Костоправ! — рявкнул Капитан. — Проснись!

Все головы повернулись в мою сторону. Люди удивлялись: разве можно дрыхнуть, когда Капитан говорит такие вещи?

— Что?

— Ты не слышал меня?

— Нет, Капитан.

Он зарычал своим медвежьим рыком:

— Тогда слушай. Готовься полетать на ковре, когда Взятый будет здесь. Тебе разрешается захватить пятьдесят фунтов груза.

Ковер? Взятый? Какого черта?!

Я огляделся. Кое-кто скалил зубы, глядя на меня. А кое-кто и жалел. Лететь на ковре?

— Зачем?

— Госпожа хочет, — терпеливо начал объяснять Капитан, — чтобы мы послали десять человек в помощь Шепот и Перу, которые сейчас в Курганье. Что там надо делать, я не знаю. Ты среди тех, кого выбрала Госпожа.

Приступ страха.

— Почему я?

Когда-то я уже был ее любимцем. И это стоило мне многих седых волос.

— Может быть, она все еще тебя любит. Столько лет спустя.

— Капитан...

— Она так хочет, Костоправ.

— Ну ладно. Я, конечно, не могу с этим спорить. А кто еще?

— Если не будешь спать, все узнаешь. Но об этом позже. Сейчас у нас другие дела.

Шепот прибыла в Стужу еще до Хромого. И вот я уже взваливаю тюк на ее летучий ковер. Пятьдесят фунтов. Остальное я доверил стеречь Молчуну с Одноглазым.

Ковер называли ковром только в силу традиции. На самом деле это был всего лишь кусок грубой ткани, натянутый на деревянную раму высотой в фут. Моими спутниками оказались Эльмо, которому поручили командовать нами, и Кегля. Вообще-то, Кегля — записной лентяй, но он здорово орудует мечом.

Свое барахло и еще сотню фунтов вещей, принадлежащих людям, которые присоединятся к нам позже, мы уложили в центре. Эльмо с Кеглей расселись по задним углам и привязались дрожащими руками. Мое место было впереди слева. Шепот села справа. Нагрузились мы тяжело. Шепот пообещала, что полетим на большой высоте и быстро. Там будет холодно.

Я трясся не меньше Эльмо с Кеглей, хоть и летал уже на ковре. Мне нравился вид, который открывался с высоты, но в то же время я страшился чувства свободного падения, которое всегда сопутствует такому полету. А еще побаивался равнины Страха, над которой носятся диковинные свирепые твари.

— Все сходили до ветра? — осведомилась Шепот. — Путешествие будет долгим. — Она умолчала о том, что можно опорожниться от страха прямо там, наверху, как это уже делали некоторые.

Ее голос был спокойным и мелодичным, как у женщин, которые сняты мужчинам утром перед побудкой. Но внешность совершенно не соответствовала голосу. Подобный облик мог принадлежать только старому суровому бойцу, каковым она и являлась.

Она внимательно посмотрела на меня, видимо припомнив нашу предыдущую встречу в Облачном лесу.

Мы с Вороном залегли в засаде близ того места, где она должна была встретиться с Хромым, чтобы увести его к мятежникам. Капкан сработал. Ворон разобрался с Хромым, а моей целью была Шепот. Потом, чтобы закончить дело, прибыли Душелов и Госпожа. Шепот стала первым Взятым со времен Властелина.

Она подмигнула.

Ткань хлопнула меня по заду. Мы понеслись вверх.

Путешествие через равнину Страха по воздуху дает огромный выигрыш во времени, но все равно это ужасное испытание. Летучие киты рыскали во всех направлениях, преграждая нам дорогу, а мы виляли, уворачиваясь от них. В гонке они нам проигрывали, но с их спин срывались бирюзового цвета скатовидные твари, неуклюже расправляли крылья, ловя восходящие потоки, поднимались над нами, а потом пикировали, как орлы на добычу. Тварям не нравилось наше присутствие в их владениях. Убежать от них по горизонтали мы не могли, но зато гораздо быстрее набирали высоту. Однако подняться туда, где нет китов, — задача непростая. Там слишком высоко и воздух такой разреженный, что человеку тяжело дышать. А кит способен одолеть еще целую милю вертикального подъема, служа летающим плотом для бирюзовых скатов.

Были и другие крылатые существа, поменьше размером и не такие опасные, но совершенно несносные. Шепот отражала атаки, пуская в ход свою хитрость и колдовство. В эти мгновения она оставляла ковер без управления, мы просто падали, пока ей не удавалось отогнать тварей. Я вынес пытку, даже не стравив съеденного на завтрак, но чего мне это стоило! Я не расспрашивал Эльмо и Кеглю о самочувствии, предположив, что они не захотят терять свое достоинство.

Шепот никогда не нападала первой. Это главное правило выживания на равнине Страха. Не бей первым. Иначе это будет уже не поединок — на тебя набросятся все монстры в округе.

Прорвавшись через равнину без потерь, мы весь остаток дня гнали вперед. Опустилась ночь. Мы повернули на север. Похолодало. Шепот сбросила высоту и скорость. Утро застало нас над Форсбергом, где начиналась наша служба Госпоже. Мы с Эльмо вытянули шеи, заглядывая вниз через край ковра.

— Это Сделка, — прокричал я, вытянув руку.

Когда-то мы стояли в этой крепости.

Через некоторое время Эльмо указал в другую сторону. Там было Весло — город, в котором мы сыграли с мятежниками дьявольскую шутку и заодно заслужили ненависть Хромого.

Шепот летела так низко, что удавалось рассмотреть лица людей на улицах. Город выглядел не более дружелюбно, чем восемь лет назад.

Затем под нами поплыли верхушки девственного и древнего Великого леса, где Белая Роза собирала свою армию, чтобы двинуться на Властелина.

Около полудня Шепот полностью сбросила скорость, и мы поплыли вниз. Под нами виднелось широкое пятно земли, когда-то расчищенной от зарослей. Несколько холмов в его центре наводили на мысль о творении рук человеческих, хотя курганы были уже едва различимы.

Шепот приземлилась на улице города, почти полностью превратившегося в руины. Я предположил, что здесь стояла гарнизоном Вечная Стража — с задачей предотвращать любые посягательства на Курганье. И это войско делало свое дело, пока общая апатия и равнодушие не охватили и его.

Те, кто мечтал о возвращении Властелина, триста семьдесят лет кряду пытались проникнуть в Курганье. Проникнуть-то им удалось, но все равно они не получили желаемого. Вернулась Госпожа со Взатыми, а Властелин остался в заточении.

А потом Госпожа старательно подавила движение, которое ее освободило. Награда нашла героев, хе-хе.

Из дома, который еще сохранил вид человеческого жилья, вышла группа людей. Прислушавшись к их разговору с Шепот, я понял несколько слов.

— Помнишь Форсберг? — обратился я к Эльмо, пытаюсь вернуть чувствительность одеревеневшим мышцам.

— Будет то же самое. Не осмотришь Кеглю? У него неважный вид.

Ничего опасного с ним не случилось, просто ошалел от страха. Не сразу удалось его убедить, что мы уже на земле.

Местные, потомки солдат Вечной Стражи, проводили нас на квартиры. Город потихоньку восстанавливался, он ждал свежей крови, и мы были ее первыми каплями.

Следующим рейсом, спустя три дня, Шепот доставила Гоблина и двоих наших лучших солдат. Они сказали, что Отряд выступил из Стужи. Я спросил, не точит ли Хромой на нас зуб.

— Я не заметил ничего такого, — сказал Гоблин, — но это еще ничего не значит.

Вот уж точно.

Еще через три дня прибыли последние трое. Шепот поселилась в нашей казарме. Мы выполняли роль ее личной охраны, а заодно и полиции. Нам было поручено следить, чтобы вокруг Курганя не слонялись посторонние.

Появилась Перо со своими телохранителями. Вместе с батальоном нанятых в Весле рабочих прибыли специалисты, чтобы исследовать захоронение. Рабочие расчищали подступы к Курганю, там было полно всякого мусора. Кроме того, требовалось вырубить кустарник. Но прогулка по кладбищу без соответствующей защиты означала медленную и мучительную смерть. Заклятия, наложенные Белой Розой, не потеряли своей силы с воскрешением Госпожи, а та добавила еще и свои.

Наверное, Госпожа просто панически боялась, что Властелину удастся вырваться отсюда.

Прибыл Взятый по имени Бывалый. Он тоже привел солдат. Бывалый установил посты в лесу вокруг Курганя. Взятые по очереди совершали облеты территории. Мы, нижестоящие, следили друг за другом не менее бдительно, чем за происходящим в мире.

Надвигалось что-то серьезное. Никто об этом не говорил, но было ясно и так. Госпожа определенно ждала попытки освобождения Властелина.

На досуге я перечитывал документацию Отряда, особенно записи из того периода, когда здесь жил Боманц. Сорок лет он провел в городском гарнизоне, выдавая себя за искателя древностей, прежде чем попробовал вступить в контакт с Госпожой и нечаянно освободил ее.

Эта личность заинтересовала меня не на шутку. Но в документах удавалось находить лишь ничтожные сведения о Боманце, да и те опасно было брать на веру.

Один раз — перед тем как Шепот была Взята — я очень недолго держал в руках его бумаги. И отдал нашему тогдашнему патрону Душелов, с тем чтобы та передала их Госпоже. Душелов решила оставить бумаги себе, но в ходе битвы за Чары, когда мы с Госпожой погнались за этой предательницей, они снова оказались у меня в руках. Я предпочел умолчать о находке. Никому не сказал, кроме моего друга Ворона. Того Ворона, что дезертировал ради спасения девочки, которая, по его мнению, была инкарнацией Белой Розы. Когда мне удалось вернуться к тайнику с бумагами, их там не оказалось. Наверное, забрал Ворон.

Я часто размышляю о том, что же с ним случилось. Он изъявил желание убежать как можно дальше, чтобы никто их с Душечкой не нашел. Ворона не интересовала политика, он просто хотел защитить дитя, которое любил. И ради этого был готов на все. Наверное, подумал, что однажды эти бумаги могут послужить страховым полисом.

В здании штаба Вечной Стражи висела дюжина пейзажей, vyplненных в разные времена солдатами гарнизона. Большинство изображало курганы. В те времена они были величественны.

Весь комплекс состоял из центрального Великого кургана, в котором был погребен Властелин вместе с Госпожой, и пяти холмов поменьше, расположенных вокруг в виде звезды. Их опоясывал глубокий ров с водой. В курганах поменьше были заключены Взятые. Каждый холм стерегли идола и колдовские заклатья. А вокруг Великого кургана возвели еще несколько поясов защиты. Последний представлял собой дракона, обвинившегося вокруг холма и держащего во рту свой хвост.

Более поздняя картина, написанная свидетелем событий, рассказывала, как в ночь освобождения Госпожи дракон изрыгал ужасное пламя, сжигая все вокруг. Там был изображен и Боманц, бросающийся в огонь.

Им манипулировали и те, кто желал возвращения Властелина, и сторонники Госпожи. Боманц попал меж двух огней; все, что он натворил, было заранее обдуманно и просчитано.

Документы говорят, что его жене удалось выжить. По ее словам, муж пошел в Курганье, чтобы предотвратить катастрофу. Тогда ей никто не поверил. Женщина утверждала, что Боманц знал истинное имя Госпожи и хотел расправиться с ней, прежде чем она вырвется из могилы.

Молчун, Одноглазый и Гоблин скажут вам: любой колдун больше всего боится, что будет раскрыто его истинное имя. Жена Боман-

да говорила, что имя Госпожи было в бумагах ее мужа. Эти бумаги исчезли в ту же ночь, а через несколько десятилетий их обнаружил я. Возможно, их прихватил Ворон. Как-никак это единственный рычаг, способный опрокинуть всю империю.

Но вернемся к Курганью. Когда-то это был впечатляющий ансамбль: холмы обложены известняком, ров широк и полон голубой воды. Окрестности ухожены — ни дать ни взять парк. Но померк страх перед Властелином, и постройки пришли в упадок. Поздний рисунок, одного времени с Боманцем, показывает, как зарос и одичал парк, как разрушилась облицовка, а ров превратился в болото. Нынче его и вовсе нет, даже следы искать бесполезно. Известняк исчез под кустарником, лестницы и курганы теперь просто неровности почвы. Та часть Великого кургана, где лежит Властелин, сохранилась неплохо, хотя тоже сильно заросла. Несколько идолов, не подпускающих к усыпальнице друзей Властелина, еще стоят, но время почти стерло их черты.

Сейчас граница Курганья отмечена столбиками с красными флажками. Их установили, когда Госпожа объявила, что пришет сюда исследовательскую экспедицию. Самим стражникам, прожившим здесь всю жизнь, не нужны никакие вешки.

Я провел в Курганье полтора месяца, и это было сплошное удовольствие. Как мог, удовлетворял свое любопытство. Обнаружил, что Перо и Шепот вполне доступны для общения. Со старыми Взятыми дело обстояло по-другому. Командир стражников, носивший звание «надсмотрщик», не преминул похвастать послужным списком своей команды, таким же длинным, как и у Черного Отряда. Осушив уйму пивных кружек, мы поведали друг другу немало историй, правдивых и не очень.

На пятой неделе кто-то из ученых раскопал нечто стоящее. Нам, холопам, естественно, и не подумали рассказать о находке. Но Взятые переполошились. Шепот вновь взялась за доставку солдат Черного Отряда. Вместе с подкреплением прибыли и новости, всякие ужасы о равнине Страха и Пустых холмах. Сейчас Отряд уже в Лордах, в каких-то пятистах милях от Курганья.

В конце шестой недели нас собрала Шепот.

— Госпожа велит мне перебраться на запад и хочет, чтобы я захватила кое-кого из вас, — объявила она. — Двадцать пять человек. Эльмо, ты главный. Летим еще мы с Пером, несколько исследователей и пара переводчиков. Да, Костоправ, ты тоже в списке. Ведь Госпожа не откажет своему любимому историку?

Волна страха. Я не хотел, чтобы Госпожа снова мной заинтересовалась.

— Куда именно нас перебрасывают? — спросил Эльмо.

Этот сукин сын — профессионал до мозга костей. Ни единой жалобы.

— Город называется Можжевельник. Это за границей империи, далеко на северо-западе. Там может быть прохладно, надо подготовиться как следует. Дело как-то связано с Курганьем.

Можжевельник? Никогда не слышал. Остальным тоже было незнакомо это название. Даже надсмотрщику. Я порылся в его картах и нашел одну, где было изображено западное побережье. Можжевельник действительно оказался на севере, почти на границе вечных льдов. Большой город. Удивительно, как вообще можно существовать в такой стуже.

Я спросил об этом Шепот. Та, похоже, кое-что знала о Можжевельнике. Ответила, что дело в морском течении, несущем тепло далеко на север. Она сказала также, что, если верить Перу, которая там побывала, это весьма и весьма странный город.

Перед самым нашим отбытием мне удалось встретиться с Пером и задать пару вопросов. Но она не смогла рассказать ничего существенного, кроме того, что Можжевельник — владение герцога Цимерлана и что он год назад, аккурат перед тем, как из Чар с гонцом ушла депеша к Капитану, обратился к Госпоже за помощью в решении своих местных проблем. Кто-то обращается к Госпоже в то время, когда весь мир старается держаться от нее подальше... Это говорит о том, что наступают интересные времена. Впору задуматься о связи нашей новой миссии с возней вокруг Курганья.

Плохо, что Можжевельник так далеко. Хотя лучше быть подальше от Капитана, когда он узнает, что после отдыха в Весле ему тоже предстоит двинуться на север.

Вполне вероятно, что и на таком расстоянии я услышу его яростный рев.

Можжевельник. Выгородка

Которую неделю подряд Шед не мог нормально спать по ночам. Ему снились черные стеклянные стены и покойник, оказавшийся живым. Уже дважды Ворон приглашал Шеду на ночную охоту, и тот дважды отказывался. Ворон не давил, хотя оба знали: более настойчивым просьбам тавернщик неизбежно уступил бы. Шед молился только о том, чтобы Ворон наконец разбогател и исчез. Он был постоянным раздражителем совести.

Черт, почему Карр никак не может с ним разобраться?!

Тавернщик недоумевал, отчего Ворону абсолютно на все наплевать, в том числе и на Карра. Ведь он же не дурак, не слабоумный. А другой вариант, что он просто не боится, не имел никакого смысла. Не имел — для Маррона Шеду.

Аса все еще прислуживал Карру, но регулярно навещал «Лилию», принося каждый раз охапку дров. А иногда пригонял и целую телегу с хворостом.

— Зачем тебе это нужно? — наконец не выдержал Шед.

— Хочу обеспечить себе кредит, — объяснил Аса. — Не понравился я чем-то парням Карра.

— А кому ты вообще понравился, Аса?

— Они могут устроить какую-нибудь гадость...

— Ищешь местечко, чтобы спрятаться? А вот скажи-ка, что ты делаешь для Карра? Почему он с тобой цацкается?

Аса мычал и мямлил. Шед надавил. Такую мокрицу даже он мог запугать.

— Я слежу за Вороном, Шед. И докладываю, чем тот занимается.

Шед фыркнул. Карр поручил эту задачу Асе, потому что коротышкой можно без сожаления пожертвовать. Двое из шайки уже пропали. Шед догадывался, куда они подевались.

Внезапно подступил леденящий страх. Только представить, что Аса все рассказал о ночных приключениях Ворона... А если он и Шед там видел?

Невозможно. Аса не удержал бы язык за зубами. Всю жизнь только и делает, что ищет поживы.

— Аса, в последнее время ты тратишь много денег. Откуда берешь?

Коротышка побледнел. Он огляделся, откашливаясь и сморкаясь.

— Дрова, Шед. Продаю дрова.

— Врешь, Аса. Так откуда?

— Раньше ты таких вопросов не задавал.

— То раньше. А теперь мне до зарезу нужны деньги. Я должен Карру. Уже почти развязался с ним, а он принялся выкупать у других мои мелкие долги. Чертов Гилберт!.. Нужно много и сразу, чтобы потом снова не занимать.

Черный замок. Двести двадцать серебряных монет. Как же хочется наброситься на Ворона! А тот лишь улыбается, будто читая мысли тавернщика.

— Где деньги взял, Аса?

— А где ты взял деньги, чтобы заплатить Карру? А? Люди удивляются. Ты не мог столько заработать за такой короткий срок, Шед. Для тебя это совершенно непосильная задача. Ответь на мой вопрос, а я отвечу на твой..

Шед надолго умолк. Аса торжествующе смотрел на него.

— Ты, змееныш! Убирайся, пока не пристукнул!

Аса выскочил за дверь. Перед тем как закрыть ее, оглянулся. Физиономия сморщилась в озадаченной мине.

Проклятье, подумал Шед. Аса начал что-то подозревать. Тавернщик машинально взялся протирать тряпкой липкую кружку.

— В чем дело? — раздался позади голос.

Шед резко обернулся и увидел у стойки Ворона. Судя по выражению лица, тот не был расположен шутить. Тавернщик вкратце пересказал разговор с Асой.

— Стало быть, Карр никак не успокоится.

— Ты не знаешь его, иначе не задавал бы подобных вопросов. Здесь так, Ворон: или ты, или он.

— А по-твоему, должен быть он, да?

Тавернщик сглотнул.

— Хочу тебе кое-что предложить, Шед. Последи за своим дружкой, когда он пойдет за дровами.

Ворон вернулся за привычный столик. Сев спиной к Шеду, чтобы тот не видел его рук, завел разговор жестами с Душечкой. По то-

му, как девушка держала плечи, Шед понял, что предложение Ворона ей не нравится.

Через десять минут он вышел из «Лилии». Каждый вечер на несколько часов Ворон куда-то уходил. Шед подозревал, что он разбирается с соглядатаями Карра.

Опершись о дверной косяк, Душечка смотрела на улицу. Шед наблюдал за ней, взглядом скользил вверх-вниз по фигуре. «Бабенка Ворона, — подумал таверщик. — Держатся друг за дружку. Нет, не рискну».

Но до чего же хороша — ладная, высокая, длинноногая. В соку... Дурак! Попасться еще и в эту ловушку... Нет уж, проблем и без того хватает.

— Думаю, сегодня самое время, — сказал Ворон, когда Шед подал ему завтрак.

— А? Для чего?

— Для прогулки наверх. Понаблюдаем за нашим приятелем Асой.

— О нет! Я не могу. Здесь некого оставить.

Душечка нагнулась, что-то подняла с пола. Глаза Шед широко раскрылись, сердце екнуло. Надо что-то делать. Сходить к девкам, что ли? Не нарываться же...

Но денег на проституток тоже не было.

— Душечка одна не справится.

— Раньше тебя подменял твой кузен Дурень.

Выведенный из душевного равновесия, Шед с трудом придумывал оправдания. Да и Душечка сильно отвлекала его. Ей бы носить что-нибудь, что меньше обтягивает попку.

— Ммм... Он не может работать с Душечкой. Не понимает жестов.

Ворон слегка нахмурился:

— Дай ей выходной. Позови девчонку, которая присматривала за твоей халупой, когда Душечка болела.

Лиза, подумал Шед. Еще один лакомый кусочек.

— Эту шельму я зову, только когда сам могу за ней присмотреть. Нельзя ей доверять, мигом обчистит...

— Шед!

— Чего?

— Приведи сюда Дурня и Лизу. А потом отправляйся следить за Асой. Я позабочусь, чтобы не вынесли фамильное серебро.

— Но...

Ворон хлопнул ладонью по столу:

— Пошевеливайся!

Светлый, прозрачный день был не по-зимнему теплым. Возле логова Карра Шед взял след Асы.

Коротышка нанял фургон. Таверщик поразился: зимой хозяева конюшен требуют огромный залог. У забитой и сожранной гужевой скотины нет родословной. То, что Асе доверили повозку, кажется чудом.

Аса двинул напрямик к Выгородке. Низко опустив голову, Шед крадучись последовал за ним. На улице хватало народу, и таверщик был уверен, что коротышка не узнает его, даже если обернется.

Повозку Аса оставил в ничейном леске, возле дорожки, которая тянулась вдоль стены, опоясывавшей Выгородку. Лесок этот был одним из множества мест, где жители Можжевельника вершили весенние и осенние обряды упокоения умерших. С дорожки телега была не видна.

Присев на корточки в тени куста, Шед следил, как Аса пробирается к стене. Должен же кто-то расчищать эти заросли, подумал таверщик. Они придают стене такой неопрятный вид. Да и саму ее надо ремонтировать.

Подобравшись ближе, он заметил пролом, через который можно было пробраться на четвереньках. Когда Шед выполз на другую сторону, Аса уже пересекал открытую поляну; дальше начинался сосновый лес. Коротышка торопливо карабкался по склону.

По другую сторону стены тоже шла полоса кустарника. В зарослях, тут и там, валялись связки хвороста. Коротышка развернулся еще шире, чем подозревал Шед. Общение с бандой Карра переменило Асу. Подельники явно запугивали его.

Аса дошел до сосен. Пыхтя, Шед двинулся следом. Впереди раздавались такие звуки, будто корова ломилась через кусты.

Вся территория Выгородки пришла в упадок. В детские годы Шеда тут был настоящий парк — уютное местечко для покойников, ожидающих отправки в свой последний приют. А сейчас куда ни глянь — убожество, как и в любом уголке Можжевельника.

Шед двинулся на шум. Что там с таким треском делает Аса?

Коротышка обрубал с упавших деревьев ветви, складывал в аккуратные кучки. Шед не мог даже вообразить этого задохлика за подобным занятием. Вот что творит с человеком страх.

Еще через час Шед был готов пойти назад. Он замерз, его мучил голод. Полдня пропало впустую. Ничем особо интересным Аса не занимается.

Но тавернщик собрался с духом. Надо как-то оправдать потраченное время. Да и вечно раздраженный Ворон ждет отчета.

Аса трудился не покладая рук. Он то рубил, то таскал дрова вниз, к фургону. Шед диву давался.

Ругая себя, он продолжал сидеть и наблюдать. Ничего ведь не произойдет.

Но вдруг Аса весь подобрался. Он припрятал инструменты и воровато огляделся вокруг. Вот, подумал Шед, началось.

Аса двинулся вверх по склону, тавернщик — за ним. На каждый шаг одеревеневшие мышцы Шеда отвечали протестом. Так, среди удлиняющихся теней, Аса прошел около мили. Шед чуть не потерял след, но звонкие щелчки вывели его на правильный путь.

Коротышка высекал из кремня искры, согнувшись над факелами, которые принес завернутыми в промасленную ткань. Факел затлел, разгорелся. Через секунду Аса перелез через камни и исчез.

Выждав минуту, Шед последовал дальше. Он скользнул к валу, у которого видел Асу в последний раз. За камнем тавернщик разглядел трещину в скале — такую узкую, что едва может протиснуться человек.

— Боже! — прошептал Шед. — Он нашел проход в Катакомбы. Он грабит мертвых.

— Я сразу повернул назад, — тихо сказал Шед Ворону, которого забавляло его смятение. — Знал, что Аса дурак, но и подумать не мог, что он решится на такое святотатство.

Ворон усмехнулся:

— Тебе противно?

— Нет. А с чего бы? Он не украл ни одного трупа. — Шед был готов наброситься на Ворона с кулаками: этот тип еще хуже, чем Аса.

— И хорошо наваривается?

— Не так, как ты. Сторожа забирают все, кроме урн перехода.

Вместе с каждым трупом в Катакомбы отправляют небольшую закупоренную урну. Содержащая несколько монет и снабженная цепочкой, она надевается на шею. Когда придет День перехода, Лодочник потребует плату за перевоз в рай.

— Все эти души останутся неприкаянными, — пробормотал Шед. Он объяснил почему. Ворон выглядел озадаченным.

— Как может человек, имеющий хоть каплю мозгов, верить в такую чушь? Труп есть труп. Спокойнее, Шед. Отвечай на вопросы. Сколько всего тел в Катакомбах?

— Кто его знает... Их туда складывают... черт, да тысячу лет уже. Их там может быть миллион.

— Небось лежат как дрова в поленницах.

Шед уже думал об этом. Катакомбы огромны, но за тысячу лет мертвецов из города размером с Можжевельник должно было накопиться столько... Таверщик посмотрел на Ворона. Черт бы его побрал.

— Это дела Асы. Давай не будем...

— Почему не будем?

— Слишком опасно.

— Твой приятель вроде пока не пострадал.

— То-то и оно, что пока. Если станет жадничать, его прибьют.

Там, внизу, охранители. Чудовища.

— Расскажи-ка о них.

— Не могу.

— Не можешь или не хочешь?

— Не могу. Говорят, они там есть. Этого вполне достаточно...

— Понятно. — Ворон поднялся. — Надо бы разведать. Не болтай ни с кем об этом. Особенно с Асой.

— Ну, это само собой.

Испугавшись, Аса может натворить невесть каких глупостей.

Поползли слухи, будто Карр посылал за Вороном двоих лучших людей из своей банды, а те исчезли. После этого пропало еще трое. самого Карра изрядно потрепал кто-то неизвестный. Спаса главарь только благодаря невероятной силе Графа. А Графу, похоже, не выкарабкаться.

Шед боялся. От Карра нельзя ждать каких-то разумных, обдуманных действий. Таверщик попросил Ворона покинуть «Лилию». Тот с презрением посмотрел на него.

— Слушай, — сказал Шед, — я не хочу, чтобы он тебя здесь убил.

— Плохо для твоего дела?

— И для здоровья, возможно, тоже. Теперь Карр просто обязан тебя прикончить. Если он этого не сделает, его перестанут бояться.

— Он так и не понял? Воистину город безнадежных дураков!

В таверну ворвался Аса:

— Шед, мне нужно с тобой поговорить. — Он трясся от страха. — Карр решил, что я его сдал Ворону! Он хочет расправиться со мной! Ты должен спрятать меня, Шед.

— Черта с два!

Ловушка вот-вот захлопнется. Теперь под его крышей уже двое врагов Карра. Шеда бросило в озноб. Его наверняка убьют, а мать вышвырнут на улицу.

— Шед, я всю зиму снабжал тебя дровами. И прикрывал от Карра.

— Да, конечно. Поэтому я тоже должен умереть?

— Ты мой должник, Шед! Я никому не рассказывал, что ты по ночам уходишь с Вороном. Наверное, Карру было бы интересно об этом узнать, а?

Шед схватил Асу за руки и рванул на себя, повалив на стойку. За спиной коротышки возник Ворон.

Таверщик увидел нож. Ворон приставил его к спине Асы и тихо скомандовал:

— Пойдем-ка в мою комнату.

Аса побледнел. Шед кое-как изобразил улыбку.

— Вот-вот. — Он отпустил коротышку и достал из-под стойки глиняную бутыл. — Я хочу поговорить с тобой, Аса. — Еще он взял три кружки.

Шед поднялся наверх последним, чувствуя на себе невидящий взгляд матери. Что она услышала? О чем догадывается? В последнее время у них натянутые отношения. Позорные дела, которыми занимается Шед, воздвигли между ними стену. Он сознавал, что больше не заслуживает материнского расположения.

Таверщик пытался успокоить свою совесть: «Я делаю это для мамы!»

На верхнем этаже были сняты все двери, кроме той, что вела в комнату Ворона. Хозяин придержал ее, пропуская Асу и Шеду.

— Садись, — велел он Асе, кивнув на койку.

Аса сел. Казалось, от страха он сейчас наложит в штаны.

Комната Ворона имела такой же аскетический вид, как и ее обитель. Ни единого намека на богатство.

— Я вложил все деньги, Шед, — сказал Ворон, зловеще улыбаясь, — в морские перевозки. Разливай вино. — Он принялся чистить ножом ногти.

Аса осушил свою кружку еще до того, как Шед успел налить себе и Ворону.

— Плесни ему еще, — сказал Ворон, отхлебывая. — Шед, какого черта ты поил меня прокисшей кошачьей мочой, когда у тебя есть прекрасное вино?

— Я его даю, только если попросят. Оно стоит дороже.

— С этого момента я пью только его.

Почесывая себя по щеке лезвием, Ворон посмотрел Асе в глаза.

Нет, Ворон не станет экономить. Трупный бизнес — прибыльное дело. Вложил деньги? В перевозки? Станным тоном все это сказано. Вопрос, куда подевались деньги, возможно, не менее интересен, чем вопрос, откуда они появлялись.

— Ты угрожал моему другу, — сказал Ворон. — Ой, Шед, извини, я неверно выразился. Партнеру. Партнерам не обязательно дружить. Недомерок, что ты можешь сказать в свое оправдание?

Шеда передернуло. Проклятый Ворон! Вон как все закрутил — Аса моментально разнесет сплетню по округе. Мерзавец пожирает тебя не торопясь, как мышь — головку сыра.

— Честное слово, господин Ворон, я не имел в виду ничего такого. Просто испугался. Карр возмнил, что я пляшу под вашу дудку. Мне надо спрятаться, а Шед побоялся пустить меня. Я лишь пытался заставить его...

— Заткнись. Шед, я думал, это твой приятель.

— Я просто оказывал ему кое-какие услуги. Из жалости.

— Ты укроешь его от непогоды, но не от врагов. Шед, меня удивляет твоя трусость. Может быть, я совершил ошибку. Я собирался сделать тебя полноправным партнером. Хотел со временем передать все дело. Думал, оказываю услугу хорошему человеку. А ты не человек, просто слизняк. Даже спорить с этим не станешь, потому что трясешься от страха. — Он резко обернулся. — Говори, шибздик. Что ты знаешь о Карре? И что ты знаешь об Выгородке?

Аса побелел. Он упирался, пока Ворон не пригрозил, что позовет могильных сторожей.

У Шеда дрожали колени. Они прямо-таки стучали друг о дружку. Рукоять его ножа для разделки мяса была скользкой от пота. Тавернщик не смог бы пустить его в ход, но Аса был так перепуган, что не понимал этого. Он только пискнул на лошадей, и фургон покатился. Ворон ехал следом на своей повозке. Шед взглянул на другую сторону долины. Над горизонтом, отбрасывая на Можжевельник зловещую тень, навис Черный замок.

Зачем он там? Откуда взялся? Шед отогнал эти мысли. Лучше не обращать внимания.

Как же его угораздило впутаться в такую переделку? Шед опасался худшего. У Ворона не было чувства меры.

Оставив фургоны в лесочке, они проникли в Выгородку. Ворон осмотрел кучи дров, собранные Асой.

— Тащите вязанки к фугонам, укладывайте поплотнее.

— Ты не можешь забрать мои дрова! — возмутился Аса.

— Заткнись. — Ворон протолкнул охапку сучьев через пролом в стене. — Сначала ты, Шед. Мелкий, если сбежишь, найду и прикончу.

Они перетасили уже дюжину охапок, когда Аса приблизился к тавернщику.

— Шед, за нами следит один из бандитов Карра, — прошептал он.

Ворона эта новость не сильно огорчила.

— Сейчас вы пойдете в лес и притащите дрова, которые там лежат.

Аса опять возмутился. Ворон свирепо посмотрел на коротышку, и тот поплелся наверх.

— Откуда Ворон знает? — обернулся коротышка к Шеду. — Он никогда не ходил за мной. Я в этом уверен.

Шед пожал плечами:

— Может, колдун? Он всегда угадывает, о чем я думаю.

Когда они вернулись, Ворона не было. Шед посмотрел вокруг.

— Пойдем за следующей партией, — нервно произнес он.

Вернувшись, они увидели Ворона. Тот ждал.

— Кладите эти дрова в фургон Асы.

— Наглядный урок, — указал Шед на повозку.

Из загруженного в нее хвороста сочилась кровь. Стекая по доскам, она капала на землю.

— Понял, что он за человек? — спросил тавернщик.

— Теперь наверх, — скомандовал Ворон, когда Шед и Аса подошли к нему. — Веди, шпендрик. Только прихвати свой инструмент и факелы.

Все опасения Шед вспыхнули с новой силой, когда он наблюдал, как Ворон сооружает носилки. Но нет же! Даже Ворон не может пасть так низко!

Или может?

Они стояли, глядя в черную пасть подземелья.

— Ты первый, Аса, — сказал Ворон.

Тот неохотно двинулся вниз.

— Шед, ты следующий.

— Имей совесть, Ворон...

— Шевелись!

Шед пошел. Ворон спустился вслед за ним.

В Катакомбах стоял трупный запах, хотя и послабее, чем ожидал Шед. Сквозняк шевелил пламя.

— Стой! — приказал Ворон и выхватил факел у Асы. Осмотрев провал, через который они пролезли, кивнул и вернул факел. — Вперед.

Узкий проход начал расширяться и наконец перешел в довольно большую пещеру. Дойдя до ее середины, Аса остановился. Шед тоже замер. Вокруг были кости. Кости на полу, кости на пристенных стеллажах, кости, свисающие с крючьев. Кости, беспорядочно сваленные в кучи, этакie огромные и жуткие муравейники. Скелеты в истлевших погребальных одеждах. Черепа, глядящие с деревянных колышков, вмурованных в дальнюю стену. В свете факела взгляд пустых глазниц казался особенно зловещим. На каждый колышек была накинута цепочка с урной перехода.

Здесь были и мумии, но совсем немного. Только богатые могли себе позволить мумификацию. А в Катакомбах богатство не значило ничего — состоятельных хоронили вместе с нищими.

— Это очень древнее место, — добровольно вызвался объяснять Аса. — Могильные сторожа не ходят сюда, разве что нужно прибрать отвалившиеся кости. Таким образом они и заполнили эту пещеру, просто отгребая кости с дороги.

— Давай посмотрим, — решил Ворон.

Аса оказался прав. Пещера сужалась, потолок становился ниже. Проход был забит костями. Шед заметил, что здесь нет ни черепов, ни урн.

— Ты заблуждаешься насчет сторожей, Шед, — хохотнул Ворон. — Не так уж и сильно они любят своих мертвяков.

— Пещеры, которые можно увидеть во время весенних и осенних обрядов, совсем иначе выглядят, — признал Шед.

— Не думаю, что за старыми помещениями кто-нибудь присматривает, — сказал Аса.

— Пойдем назад, — предложил Ворон.

На обратном пути он рассуждал:

— Мы все так закончим. Богатые и бедные, сильные и слабые. — Он пнул ногой мумию. — Но богатые сохраняются получше. Аса, а что там, в другом проходе?

— Я забирался туда от силы на сто футов. То же самое.

Аса пытался вскрыть урну перехода.

Ворон заворчал, взял урну, откупорил ее и вытряхнул на ладонь несколько монет.

— Гм... Каков, по-твоему, их возраст, Аса?

— У денег не бывает родословной, — сказал Шед.

— Когда меня спрашивают насчет них, я отвечаю, что откопал старинный клад, — добавил Аса.

- Понятно. Веди.
- Дальше я не ходил, — заявил Аса.
- Толай-толай.

Они все брели и брели. Теперь уже и на Ворона действовала гнетущая атмосфера подземелья.

- Хватит, пошли наверх.

Они выбрались на поверхность.

— Возьмем инструменты, — распорядился Ворон. — Черт, я считывал на большее.

Вскоре они вернулись с лопатой и веревками.

— Шед, рой здесь яму. Аса, хватай конец веревки. Когда я крикну, будешь тянуть.

Ворон спустился в Катакомбы.

Аса стоял как вкопанный, держа в руках веревку. Таверщик работал лопатой. Через некоторое время Аса заволновался:

- Шед, что он делает?

— А то не знаешь? Я думал, ты давно разнюхал, чем он занимается.

— Я только говорил Карру, что знаю. Не мог же я следить за Вороном ночи напролет!

Шед поморщился и бросил лопату земли. Он мог бы и догадаться, как работает Аса. По большей части где-нибудь спит. Слежка чередовалась со сбором дров и ограблением могил.

У Шед отлегло от сердца. Асе неизвестно, чем они с Вороном занимались.

Но скоро он узнает.

Таверщик как бы глянул на себя со стороны — и не испытал особого отвращения. Проклятье! Он уже привык к преступлениям. Ворон перекраивает его по собственной мерке.

Внизу раздался крик Ворона. Аса налег на веревку.

- Шед, пособи! Мне одному не справиться.

Бросив лопату, Шед присоединился к коротышке. Улов в точности отвечал ожиданиям таверщика. Из темноты, как некий призрак далекого и мрачного прошлого, выползла мумия. Шед отвел взгляд.

- Бери его за ноги, Аса.

- Боже мой, Шед! — запричитал тот. — Боже мой! Что мы делаем?!

— Потихе ты! Выполняй, что тебе велят, так будет лучше. Бери за ноги.

Они оттащили тело в кусты, к яме, выкопанной Шедом. Из мешка, привязанного к мумии, выкатилась урна перехода. Внутри их было еще две дюжины. Так, яма нужна, чтобы зарыть пустые сосуды. Почему Ворон не набил карманы внизу?

— Надо валить отсюда, Шед, — занял Аса.

— Берись за веревку.

Работают они, конечно, не за просто так. Две дюжины урн с каждой мумии — это куча денег.

— Шед...

— Куда ты собрался бежать, Аса?

День ясный и теплый не по сезону. Но все равно это зима. Из Можжевельника не выбраться.

— Он найдет тебя. Держи веревку. Ты уже влип, нравится тебе это или нет. — Шед снова принялся копать.

Ворон послал наверх шесть мумий, и с каждой — кучу урн. Затем вылез обратно. Он посмотрел в пепельно-серое лицо Асы, потом оглядел Шеда, который не скрывал недовольства.

— Твоя очередь, Шед.

Тавернщик сглотнул, открыл было рот, но подавил протест и двинулся к расщелине. Он был на волосок от бунта.

— Пошевеливайся, партнер. У нас не так много времени.

Маррон Шед спустился в царство мертвых.

Ему казалось, что он провел в Катакомбах уже целую вечность, оцепенело отбирая трупы, складывая в мешок урны, подтаскивая свою жуткую добычу к веревке. Разум не воспринимал происходящего. Это просто сон, обычный ночной кошмар. Шед даже не сразу понял, когда Ворон позвал его наверх.

Он выкабался в сгущающиеся сумерки.

— Этого хватит? Можно идти?

— Нет, — ответил Ворон. — Мы подняли только шестнадцать. По моим прикидкам, на две телеги поместится тридцать.

— А-а... Ну ладно...

— Теперь ты наверху, — распорядился Ворон. — А мы с Асой внизу.

И Шед тянул. В серебристом свете неполной луны мертвецы, казалось, смотрели обвиняюще. Тавернщик, подавив отвращение, складывал трупы в кучу, потом опустошал урны.

Его подмывало взять деньги и убежать. Останавливала скорее жадность, чем страх перед Вороном. В этот раз они партнеры. Тридцать трупов по тридцать лев каждый — это девятьсот лев.

Даже малая часть этой суммы — богатство, о котором он и не мечтал.

Что это? Нет, не приказ Ворона опять тянуть веревку. Больше похоже на вопль... Шед чуть не обратился в бегство. Какое-то мгновение он просто разрывался на части. В чувство его привел рев

Ворона. От холодной надменности этого человека не осталось и следа.

Шед метнулся к расщелине. Тяжелый он... Кряхтя, Шед тянул изо всех сил. Ворон выбрался наверх: одежда порвана, на щеке багровая отметина, лезвие ножа в крови. Он развернулся, схватился за веревку.

— Тяни! — заорал он. — Тяни, черт!

Через секунду показался Аса, обвязанный веревкой.

— Что произошло? Боже, что случилось?

Аса тяжело дышал. И больше он был ни на что не способен.

— На нас кто-то набросился. И прежде чем я его убил, он успел порвать Асу.

— Охранитель. Я тебя предупреждал. Возьми факел, посмотрим, что с Асой.

Но Ворон не двинулся с места. Он только с хрипом втягивал морозный воздух. Шед зажег факел.

Раны оказались не такими уж страшными. Крови вытекло много, и Аса был в шоке, но не умирал.

— Надо убираться отсюда, Ворон, пока не явились сторожа.

Ворон уже пришел в себя.

— Больше там никого нет, а мы все равно уже здесь. Так давай сделаем все как надо.

— А что с Асой?

— Не знаю. Продолжаем работать.

— Ворон, я устал.

— Ты еще не так устанешь. Надо привести здесь все в порядок.

Они перетаскивали трупы к фургонам, отнесли инструменты, затем взялись за Асу.

— Что делать с ним? — спросил Шед, когда они пропихивали носилки через пролом в стене.

Ворон посмотрел на него как на дурака:

— А ты как думаешь?

— Но...

— Теперь это нетрудно, правильно?

— Нетрудно...

Однако это было не так. Аса, конечно, не бог весть что, но Шед давно знал этого человека. Они не питали взаимных симпатий, но иногда помогали друг другу.

— Нет, Ворон. Он может выкарабкаться. Был бы я уверен, что сдохнет, тогда да. Нет трупа, нет и вопросов. Но я не могу убить Асу.

— М-да. Вижу, ты осмелел наконец. Но как иначе мы заставим его молчать? Болтовня этого шибздика может стоять кое-кому перерезанной глотки.

— Об этом я позабочусь.

— Как скажешь, партнер. Глотка — личное имущество.

До Черного замка они добрались уже глубокой ночью. Первым въехал Ворон, Шед — сразу за ним. Остановились под той же аркой, что и раньше. Да и процедура была прежняя. После того как разгрузились, высокий и тощий обитатель замка пошел вдоль ряда трупов.

— Десять... Десять... Тридцать. Десять... Десять...

Ворон яростно спорил. Больше десяти предлагали только за бандитов, что следили за Вороном у Выгородки, и за Асу, который остался в фургоне.

Длинный повернулся к Ворону:

— Они слишком давно умерли, поэтому почти ничего не стоят. Если цена не устраивает, увози их.

— Хорошо-хорошо, договорились.

Длинный отсчитал монеты. Шесть из каждых десяти Ворон положил себе в карман, остальные отдал Шеду. Затем повернулся к длинному:

— Этот человек — мой партнер. Он может приехать один.

Длинный слегка наклонил голову, вынул что-то из-под одежды и протянул Шеду. Это был серебряный кулон — две сплетенные змеи.

— Твоя охранная грамота, — объяснил Ворон. — Если придешь один, она должна быть при тебе.

Под его пристальным взглядом Шед спрятал кулон в карман, уже набитый серебром.

Таверщик принялся торопливо считать. Его доля — сто двенадцать лев. Чтобы скопить такую сумму, понадобилось бы самое меньшее лет пять. Он богат! Черт побери, он сказочно богат! Теперь можно себе позволить все, что душе угодно. Никаких долгов! Карру не удастся медленно его задушить! Можно больше не экономить на еде, можно привести в порядок «Лилию». Найти место, где матери будет обеспечен хороший уход.

Женщины! Все женщины, которых Шед пожелает!

Разворачивая фургон, он заметил в стене блок, которого вроде в прошлый раз не было. А на поверхности блока — лицо.

Это было лицо человека, которого они с Вороном привезли еще живым. Глаза смотрели прямо на Шеду.

Можжевельник. Черепица

Шепот доставила нас в полуразрушенный замок под названием Черепица. Он возвышался над всем Можжевельником, а Выгородка находилась непосредственно под ним. В течение всей следующей недели мы ни разу не общались с хозяевами. Язык, на котором они говорили, был совершенно не похож на наш. Затем мы имели счастье познакомиться с головорезом по имени Вол, худо-бедно болтавшим на языке Драгоценных городов.

Вол был кем-то вроде «смотрящего» от местной религии, которую я совершенно не понимал. На первый взгляд это похоже на культ мертвых. Но если приглядеться, можно заметить, что усопшим здесь не поклоняются, а скорее почитают их. И фанатично берегут, складывая в одном месте, для воскрешения, которое должно случиться через сотни или тысячи лет. На этом почитании выстроена жизнь всего Можжевельника, за исключением Котурна. У его обитателей есть гораздо более насущные проблемы, чем забота о покойниках.

Я сразу же невзлюбил Вола. Человек откровенно жестокий, он всегда был готов применить силу. Блюститель порядка, который все вопросы решает с помощью дубинки. Когда Госпожа захватит Можжевельник, он выживет. Ее военным губернаторам нужны такие мерзавцы.

Я ожидал, что захват этих земель произойдет сразу после прибытия Капитана. Пока он сюда добирается, мы выполним свою задачу — досконально изучим город. Как только поступит команда из Чар, дело будет сделано. И я не замечал ничего, что говорило бы о способности людей герцога воспрепятствовать нам.

Как только Перо и Шепот доставили сюда всех наших людей, включая переводчиков, Вол, герцог собственной персоной и Харга-

дон (главный могильный сторож, ведающий Катакомбами, куда складывали мертвецов) вывели нас на северную стену Черепицы, на самый лютый холод. Герцог вытянул руку:

— Видите крепость? Это из-за нее я послал за помощью.

Я посмотрел и содрогнулся. Было в этой крепости что-то такое, от чего мурашки побежали по телу.

— Мы ее называем Черным замком, — сказал он. — Этот замок стоит уже который век. — И тут герцог выдал такое, что мы все обалдели: — А началось все с черного камешка, который лежал рядом с мертвецом. Человек, нашедший камень, попытался его забрать — и умер. А камень принялся расти. С тех пор он так и растет. Наши предки как только не пытались разрушить камень — ничего не вышло. Всяк, кто дотрагивался до него, умирал. Ради сохранения своего рассудка люди решили просто не обращать на это диво внимания.

Прикрывая глаза от солнца, я разглядывал замок. Ничего необычного, за исключением того, что он совершенно черный и его вид вызывает жуткую оторопь.

— На протяжении веков он почти не рос, — продолжал герцог. — Но прошло всего несколько поколений с тех пор, как он перестал быть просто камнем. — Его лицо приняло измученное выражение. — Говорят, в нем кто-то живет.

Я улыбнулся. А чего он ожидал? Крепости существуют, чтобы кого-нибудь защищать, независимо от того, строят их или они растут сами.

Харгадон подтвердил рассказ правителя. На своем посту он уже очень давно, успел освоить напыщенный стиль поведения, надлежащий официальному лицу.

— В последние годы замок растет дьявольски быстро. Сторожевой департамент озабочен бродящими в Котурне слухами. Хотя они слишком дикие, чтобы быть правдой. Говорят, те, кто живет в замке, скупают мертвецов. Достоверны эти слухи или нет — о том в департаменте непрерывно ведутся жаркие споры. Однако нельзя не признать, что из Котурна теперь поступает мало трупов. Десять лет назад наши уличные патрули собирали больше. Времена нынче суровые, бездомных прибавилось, значит и умирать должно больше людей. Под открытым небом долго не протянешь...

Ну и лапочка этот Харгадон! Будто фабрикант жалуется на снижение прибыли.

— А еще говорят, — продолжал он, — что вскоре замку уже не потребуются трупы. Но можно ли доверять всем этим слухам — я судить не возьмусь.

Мне понравилось, что он честно поведал об истинном положении вещей.

— Население замка, — сказал он, — может достаточно вырасти в числе, чтобы добиться своей цели.

— Так ты подозреваешь, что кто-то из горожан продает замку трупы? — спросил Эльмо. — Тогда почему не сцапаешь преступников и не заставишь говорить?

Настало время инквизитору вступить в разговор.

— Потому что нам до них не добраться. — Судя по тону, Вол жалел, что ему не дают действовать, как он считает правильным. — Мы говорим о Котурне, а это другой мир. Если ты сам не оттуда, тебе не удастся ничего выяснить.

Шепот с Пером стояли немного в стороне, рассматривая Черный замок. Лица у них были мрачные.

Герцог желал кое-что получить, ничего за это не заплатив. Ему надоело постоянно тревожиться из-за Черного замка. Он заявил, что мы должны избавить его от тревог. И проделать это так, как он скажет. В частности, герцог потребовал, чтобы мы носу не казали из Черепицы. Его и Харгадона люди будут нашими глазами, ушами и руками. Иначе станет известно о нашем присутствии, и тогда могут возникнуть осложнения.

После разгрома при Чарах в Можжевельнике осело несколько беглых мятежников. О Госпоже здесь знали, но не принимали ее в расчет. Герцог опасался, что беженцы доставят ему неприятности, если заподозрят вговоре с Госпожой.

Он в каком-то смысле был идеальным правителем. Все, чего хотел от своих подданных, — это чтобы его оставили в покое. За что платил той же монетой. Таким образом, некоторое время мы пребывали в стороне, пока Шепот не разонравилось качество поставляемой нам информации.

Ее фильтровали, и она становилась совершенно бесполезной. Шепот приперла герцога к стенке и заявила, что отныне ее люди тоже будут выходить в город.

Первые несколько минут он достойно защищался. Но она пригрозила, что покинет Можжевельник вместе со своей командой, бросив герцога на произвол судьбы. Чистый блеф. Тайна Черного замка до крайности заинтриговала Шепот и Перо. Вооруженная армия не сдвинула бы их с места.

Герцог сдался, и Шепот надела на могильных сторожей. Вол упорно не желал расставаться со своими привилегиями. Не знаю, как Взятая в конце концов его уломала. Сам он никогда не откровенничал об этом.

Его спутником по увеселительным прогулкам в город я стал главным образом потому, что быстро выучил язык. Внизу никто не обращал на меня внимания.

Зато обращали внимание на Вола. Он был сущим пугалом. Завидев его, люди переходили на другую сторону улицы. Похоже, у этого типа здесь сложилась плохая репутация.

Вскоре до нас дошли новости, чудесным образом объяснившие, почему герцог и могильные сторожа чинили нам препятствия.

— Слыхал? — спросил Эльмо. — Кто-то вломился в их драгоценные Катакомбы. Вол аж дымится, а его начальник мочится кипятком.

Я попытался сообразить, о чем речь, и не смог. Эльмо чересчур немногословен.

— Чуть подробнее, пожалуйста.

— Зимой беднякам разрешают залезать в Выгородку и собирать хворост. А сейчас туда забрался кто-то слишком жадный и взял не только дрова.

— Я все равно не до конца понимаю.

Эльмо обожает, когда его упраскивают.

— Ладно-ладно. Трое или четверо жуликов обнаружили лаз в Катакомбы и стащили все урны перехода, которые подвернулись под руку. Вынесли их наверх, опустошили и закопали. Еще они выволокли целую гору мумий. Я отродясь не слышал столько нытья и ругани. Ты бы лучше придержал свою затею побродить по этим пещерам.

Как-то я вскользь упомянул, что не прочь наведаться в Катакомбы. Очень уж странно выглядели обычаи этого края, хотелось разобраться с ними. И по возможности без сопровождения.

— Так, говоришь, власти нервничают?

— Не то слово. Вол рвет и мечет. Не позавидую тем парням, когда он их сцапает.

— Да? Надо бы заняться этим делом.

Вол был здесь, в Черепице. Он пытался скоординировать свои действия с работой беспомощной тайной стражи Герцога.

Эти ребята — просто клоуны. В городе они практически знаменитости. И ни у одного не хватает духа спуститься в Котурн, где происходят действительно интересные события.

В каждом большом городе есть свой Котурн. Меняются только названия. Это такая гнилая дыра, что блюстители порядка осмеливаются влезать туда исключительно группами. Законы здесь исполняются разве что случайно. А правосудие в основном осуществля-

ется самозваными магистратами, чья власть держится на ими же завербованных головорезах. Поэтому суд здесь скор, суров и беспощаден. Договориться с ним можно только путем подкупа.

Я поймал Вола.

— Пока не выясним, что там с Катакомбами, я везде хожу с тобой, — заявил я.

Он нахмурился, обвисшие щеки побагровели.

— Приказ, — соврал я, изобразив смущение.

— Да ну? Ладно, пошли.

— А куда ты собрался?

— В Котурн. Такое дерьмо могло вылезти только оттуда. Я буду рад любой ниточке.

При всех его недостатках он был смельчаком, всегда готовым лезть к черту в пекло.

Мне хотелось посмотреть на Котурн, а Вол, с его зловещей репутацией, был самым лучшим гидом, какого можно себе представить в подобной ситуации. По слухам, он ходил туда часто и без всяких помех.

— Идем? — спросил я.

— Идем.

Он вывел меня наружу, на холод. Было у Вола несколько своеобразных привычек, — например, он никогда не ездил верхом. И как человек, привыкший ходить, он задал хороший темп.

— А что мы, собственно, будем искать? — спросил я, шагая рядом с ним под гору.

— Старые монеты. Той пещере, которую грабнули, несколько сотен лет. Если узнаем, что в последние дни кто-то сорил старыми деньгами, то выйдем на след прохвостов.

— Не знаю, как здесь, — хмуро заметил я, — но в других местах деньги копят из поколения в поколение. А потом находится одна паршивая овца, и все моментально вылетает в трубу. Несколько старых монет могут ничего не значить.

— Мы ищем целую гору денег, а не пару медяков. В пещере бывало трое или четверо. Если нам повезет, один из них окажется дураком.

Вол хорошо разбирался в такой человеческой черте, как глупость. Может, потому, что на него самого хватало простоты?

— Мы неплохо развлечемся, — пообещал он, вероятно полагая, что я тоже не прочь поиздеваться над людьми. Другого этот тип и представить себе не мог. — Тот, кто нам нужен, побежит, как только узнает, чем я интересуюсь.

— А мы догоним?

— Нет. Просто не дадим ему остановиться. Возможно, он нас куда-нибудь приведет. Я знаю кое-кого из тамошних главарей, они за просто могли устроить ограбление Катакомб. Если кто-нибудь из них действительно к этому причастен, я получу его яйца на блюде.

Вол распалился — ни дать ни взять борец за чистоту нравов. У него что, личные счеты с бандюгами из этой грязной дыры? Сей вопрос я произнес вслух.

— Да, я сам оттуда. Крутой пацан, которому посчастливилось выбиться в могильные сторожа. Моему папаше повезло меньше. Он заплатил громилам, чтобы защищали его от других банд, а те палец о палец не ударили. Тогда он заявил, что не собирается больше платить неизвестно за что. Ему перерезали горло. Я был среди сторожей, которые забирали труп. А бандиты болтались вокруг, смеялись и отпускали шуточки.

— Разобрался с ними потом? — спросил я, зная ответ.

— Ага. Они все тоже в Катакомбах. — Он бросил взгляд на Черный замок, полускрытый сползающим с дальних гор туманом. — Если бы я верил во все эти сплетни о замке, я бы, наверное... Нет, не стал бы.

Я тоже так подумал. Вол своего рода фанатик. Он бы никогда не нарушил законов профессии, которая позволила ему вырваться из Котурна, если бы только этого не потребовал служебный долг.

— Начнем с гавани, — сказал он. — И будем двигаться наверх. Таверна за таверной, бордель за борделем. Может, нападем на след.

Едва сдерживая гнев, он хлопнул кулаком о ладонь. А злости в нем накопилось много. Когда-нибудь Вол просто взорвется.

Начали мы резво. Я посетил столько таверн, зловонных кабаков и публичных домов, сколько не видел за последнюю дюжину лет. И в каждом из этих притонов при появлении Вола наступала мертвая тишина, которая сменялась обещаниями полной поддержки и сотрудничества.

Но, кроме обещаний, мы пока ничего не получили. Не обнаружили старых денег, за исключением нескольких монет, ходивших здесь уже слишком давно, чтобы принадлежать к той горе награбленного. Вол не сдавался.

— Что-нибудь всплывет, — пообещал он. — Времена нынче голодные. Немного терпения. — Он задумался. — Пожалуй, стоило бы прислать сюда кого-нибудь из ваших. Их тут не знают, и вид у них достаточно суровый. Должны справиться.

— Они справятся.

Представив себе команду из Эльмо, Гоблина, Ростовщика, Кегли и еще нескольких братьев, я улыбнулся. Сюда бы еще Ворона. Через полгода мы бы управляли всем Котурном.

Надо бы поговорить насчет этого с Шепот. Если мы хотим выяснить, что происходит, необходимо взять Котурн под контроль. Можно отправить на разведку Одноглазого. Этот маленький колдун — прирожденный бандит.

Впрочем, не самая удачная идея. С тех пор как мы пересекли Пыточное море, я не видел ни одной черномазой физиономии.

— Что-нибудь придумал? — спросил Вол, когда мы подходили к таверне с вывеской «Железная лилия». — А то у тебя уже башка дымится.

— Может, и придумал. Но это на тот случай, если все окажется сложнее, чем мы ожидали.

«Железная лилия» была похожа на все подобные заведения. Даже проигрывала им. Парень, который хозяйничал там, съезжился от страха. Он ничего не слышал и не видел, но клятвенно пообещал немедленно позвать Вола, если кто-нибудь из его посетителей засветит хотя бы паршивый герш, отчеканенный до прихода к власти теперешнего герцога.

У меня вяли уши. Хотелось поскорее убраться. Я боялся, что сарай рухнет еще до того, как хозяин закончит вылизывать Вола задницу.

— У меня идея, — сказал Вол, когда мы вышли. — Местные ростовщики.

Через секунду я понял, откуда такая мысль. Этот парень в таверне жаловался на свои долги. Человек, попавший в лапы к ростовщику, готов на все, лишь бы выкрутиться.

— Это территория Карра, он из самых опасных. Давай заглянем.

Отчаянная голова. Вол так уверен в своей силе и авторитете, что рискует нырнуть в омут к чертям, которые не моргнув глазом любому перережут глотку. Я притворился, что и мне такое приключение нипочем, но на самом деле здорово струхнул. У этого подонка Карра целая армия громил, и у них чешутся кулаки.

Очень скоро мы поняли, почему они чешутся. Нашего героя пару дней назад кто-то сильно помял. Он лежал пластом, весь замотанный бинтами.

— Клиенты стали слишком резвыми, Карр? — ухмыльнулся Вол. — Или кто-то из твоих мальчиков решил продвинуться по службе?

Карр с каменным лицом смотрел на нас.

— Могу чем-то помочь, инквизитор?

— Вряд ли. Ты ведь, кровопийца, все равно совершь, даже если спасти твою душу может только правда.

— На лесь я не падок. Чего надо, паразит?

Крепкий орешек этот Карр. Выбился из той же среды, что и Вол, но посвятил себя менее достойной профессии. Я решил, что между ними нет особой разницы. Один ростовщик, другой святоша...

— Я ищу кое-кого.

— Да неужели?

— У него куча старинных денег. Монеты времен Каджиана.

— А я его знаю?

— Предположим, он кому-то должен, — пожал плечами Вол.

— У денег родословной не бывает.

— Самая популярная поговорка в Котурне, — бросил мне Вол и опять повернулся к Карру. — У этих родословная есть. Скажем так, они знатнее других. Все очень серьезно, Карр. Это не для показухи и не для галочки. Мы обязательно докопаемся до правды. И всякий, кто покрывает подонка, вместе с ним и подохнет. Помни это, — сказал Вол.

На секунду его слова произвели впечатление. Уж точно Карр понял то, что ему пытались внушить. Затем на физиономию бандитского вожака вернулось каменное выражение.

— Не то дерево обнюхиваешь, ищейка.

— Я сказал — ты услышал.

— А что натворил этот тип?

— Кое-кого огорчил, кого огорчать нельзя.

Карр поднял брови. Он выглядел озадаченным. Похоже, и впрямь не представлял, о ком из его знакомых Вол мог быть такого высокого мнения.

— И кого же?

— Не твое дело. Твое дело — намотать на ус, что теперь нельзя хapaть старые деньги, не интересуясь источником их поступления и не оповещая меня. Я понятно выражаюсь?

— Все сказал, инквизитор?

— Ну да.

— Коли так, не свалить бы вам, а?

Мы ушли. Я не знал правил игры и поэтому не мог определить победителя. Прикинул, что вышла боевая ничья.

— А он капнул бы нам, если бы с ним расплатились старыми деньгами? — спросил я, когда мы уже порядком отошли.

— Нет. По крайней мере, пока не сунул бы в аферу собственное рыло. Но он точно не видел этих монет.

Интересно, почему Вол так решил? Но спрашивать я не стал. Он лучше знает здешний люд.

— По-моему, ему что-то известно. У него пару раз глаза блеснули.

— Может, известно, а может, и нет. Пусть понервничает.

— Если бы ты ему объяснил...

— Еще чего! Ни одна душа не должна знать. Даже слухов допустить нельзя. Если жители решат, что мы не можем защитить их мертвую родню или их самих, когда они откинутся, здесь развернется ад. — Он рубанул рукой воздух.

Мы пошли дальше.

— И тогда Можжевельнику точно хана, — заговорил он снова через полквартала. — Вот почему мы обязаны переловить мародеров. Даже не для того, чтобы наказать, а для того, чтобы заткнуть им рот.

— Понятно.

Мы намеревались продолжить обход кабаков и заглянуть к процентщику по имени Гилберт, когда дойдем до его территории.

— Ого!

Вол остановился как вкопанный:

— Что такое?

Я потряс головой:

— Ничего. Я будто призрака увидел... У парня походка как у моего старого знакомого.

— Может, это он и есть?

— Нет. Очень давняя и мрачная история. Тот парень умер. Просто я только что о нем вспоминал, вот и померещилось.

— Мы успеем посетить еще полдюжины заведений, потом надо будет топтать наверх. Неохота застрять тут на ночь.

Я недоуменно посмотрел на него.

— Ну, чего вытарасился? После захода солнца здесь небезопасно.

Вол хихикнул и одарил меня одной из своих редких улыбок, причем совершенно искренней. Ненадолго он мне даже понравился.

Можжевельник. Смерть бандита

Шед долго и яростно спорил с матерью. Та не обвиняла сына напрямую, но было ясно, что она подозревает его в чудовищных преступлениях.

Таверщик с Вороном по очереди ухаживали за Асой.

Потом настало время идти к Карру. Шеду очень этого не хотелось, он боялся, что Карр не будет делать различий между ним, Вороном и Асой. Но если не пойдет Шед, то Карр явится сам. А главарь шайки сейчас жаждет крови...

Дрожа, таверщик ковылял по промерзшей улице. На землю лениво опускались крупные хлопья снега.

Один из людей Карра доложил о приходе посетителя. Графа тот не заметил, но молва говорила, что громила выздоравливает. Чертовски глупо было бы вот так умереть, подумал Шед.

— А, Шед, — раздался голос Карра из глубины огромного кресла. — Как поживаешь?

Такая приветливость изрядно насторожила Шеду.

— Да вот, все мерзну. А у тебя как дела?

— Нормально. — Карр потрогал свои повязки. — Мне еще повезло. Пришел платить?

— А сколько я вообще должен? Ты скупаешь мои долги, мне не уследить.

— Ты можешь рассчитаться? — Глаза Карра сузились.

— Не знаю. У меня есть десять лев.

— Этого достаточно, — театрально вздохнул Карр. — Не думал, что ты найдешь такие деньги. Ладно. Кое-что отдашь, кое-что останется. С тебя восемь с мелочью.

Шед отсчитал девять монет, Карр вернул сдачу.

— Нынешней зимой у тебя неплохо идут дела, Шед.

— Да, неплохо.

— Видел Асу? — Голос Карра посуровел.

— В последние три дня нет. А что?

— Да ничего. В расчете, Шед. Но помнишь, мы договаривались об услуге? Ворон. Он мне нужен.

— Карр, я не хочу вмешиваться в твои дела, но этого типа лучше оставить в покое. Он сумасшедший. И очень опасный. Ему человека прикончить так же легко, как сказать «привет». Не сочти за неуважение, но тебя он считает просто шутком.

— И я с ним пошучу, Шед. — Кривясь, Карр вылез из кресла и схватился за рану. — Еще как пошучу.

— Может быть, в следующий раз он тебе не даст уйти.

На лице Карра промелькнул страх.

— Шед, сейчас так: или он, или я. Если не убью его, мои дела пойдут прахом.

— А каковы будут твои дела, если он убьет тебя?

Опять страх.

— У меня нет выбора. Будь готов, Шед, ты мне понадобишься. Уже скоро.

Шед помотал головой и ретировался.

Надо убраться из Котурна, подумал он. Теперь уже можно это себе позволить. Но куда податься? В границах Можжевельника от Карра нигде не спрячешься. И вообще бегство не прельщает. «Лилия» все равно что родной дом.

Значит, надо выстоять. Кто-то обязательно умрет — или Ворон, или Карр. Но сам Шед обязательно выкрутится.

Шед колебался. Он ненавидел Карра. Бандит из года в год унижал его, постоянно держал в должниках, отнимал последний кусок хлеба. С другой стороны, из-за Ворона его имя могут связать с Черным замком и совершенными в Выгородке преступлениями.

Могильные сторожа вышли на охоту, они ищут тех, кто расплачивается старинными деньгами. Следствие ведется негласно, но по действиям Вола легко было угадать, насколько серьезно отнеслась к случившемуся власть предержащая. Шеда чуть удар не хватил, когда в «Лилию» ввалился Вол.

Что стало с погребальными деньгами? Шед их вообще не видел. Наверное, они все еще у Ворона. А таверщик с Вороном теперь партнеры...

— Что сказал Карр? — спросил Ворон, когда Шед наконец добрался до «Лилии».

— Хочет, чтобы я помог тебя убить.

— Я так и думал. Шед, это очень кстати. Пора отправить Карра наверх. Кого ты выбираешь, партнер? Его или меня?

— Я... Мм...

— Если смотреть вперед, то тебе лучше избавиться от Карра. Он все равно найдет способ завладеть «Лилией».

Это правда, подумал Шед.

— Хорошо. Что будем делать?

— Завтра ты пойдешь и поделишься с ним своими подозрениями. Мол, похоже, что Ворон продает трупы. И что Аса был партнером Ворона, но тот его прикончил. Ты очень расстроен, ведь Аса был тебе другом. Все это достаточно близко к действительности, чтобы спутать Карру карты... Что не так?

Кругом ловушки. Ворон прав, Карр не заподозрит обмана. Но таверщик надеялся, что ему не придется лично участвовать в расправе. Если затея Ворона провалится, то Маррона Шеда найдут в канаве с перерезанным горлом.

— Ничего.

— Хорошо. Послезавтра ночью я уйду. Ты побежишь и скажешь об этом Карру. Я дам его людям ложный след. Карр тоже пожелает принять участие в охоте. И попадет в засаду.

— Тебе такое не в диковинку, да?

— Это не важно. Важно, что Карр придет. Он ведь дурак.

Шед сглотнул:

— Этот план не слишком полезен для моих нервов.

— Твои нервы — не моя проблема. Ты их растрепал, тебе и лечить.

Карр клюнул на уловку. Он пришел в восторг, услышав, что Ворон оказался отъявленным негодяем.

— Если бы я не хотел разделаться с ним собственноручно, просто настучал бы могильным сторожам. Ты правильно поступил, Шед. Я должен был раньше заподозрить Асу. Он никогда не приносил вестей, заслуживающих внимания.

— Но кому нужно покупать трупы? — заскулил Шед.

— Не забивай такими вопросами свою уродливую башку, — усмехнулся Карр. — Когда Ворон снова отправится на прогулку, дашь мне знать. Будет ему маленький сюрприз.

Как и было задумано, в следующий раз Шед доложил Карру. И испытал самое большое в жизни огорчение. Карр потребовал, чтобы таверщик пошел с бандитами.

— Какой от меня толк? Даже оружия не имею. А он суший зверь. Вам его не одолеть без драки.

— А я на легкую победу и не рассчитываю. Ты пойдешь с нами на всякий случай.

— На всякий случай?

— Если там ловушка, мы рассчитаемся сразу. Чтобы не ловить тебя потом.

Шед вздрогнул и снова заныл:

— Карр, я тебя когда-нибудь обманывал? Хоть раз сделал что-нибудь не так?

— Ты всегда поступал как трус, а трусам я не доверяю. Тебя могли запугать. А тут еще эти деньги. Сдается мне, что ты в доле с Вороном.

Шед pokrылся холодным потом. Карр надел шубу.

— Пойдем, Шед. Будь рядом. Попытаешься отойти — убью.

Шед затрясся. Ему конец! Их с Вороном затея не стоит паршивого герша. Зря он пошел на такой риск, мечтая отделаться от Карра. Сколько себя помнил Шед, у него никогда ничего не получалось.

Он вывалился на улицу, понимая, что искать путь к спасению бесполезно. На щеках мерзли слезы.

Если он побежит, Карр все поймет. Если не побежит, Карр убьет его, как только Ворон выскочит из засады. А что будет с мамой?

Он обязан что-нибудь предпринять. Собрать волю в кулак, решиться, действовать. Он не подчинится судьбе и не отдастся на волю случая. А иначе еще до рассвета окажется в Катакомбах или в Черном замке.

Шед солгал Карру насчет оружия. В левом рукаве он держал большой нож для разделки мяса. Взял его с собой из чистой бравады. Карр даже не обыскал тавернщика. Старина Шед вооружен? Ха! Ерунда, быть того не может. Он бы только сам себя поранил.

Старина Шед все-таки ходит иногда вооруженным, но не кричит об этом на всех углах. С ножом оно как-то спокойнее. Можно говорить себе, что в случае чего ты пустишь оружие в ход, и даже верить в эту ложь. Но когда припрет, все будет зависеть только от судьбы.

А судьба понеслась вскачь... Если он сам не натянет поводья, никто ее не остановит.

И как же это сделать?

Подручных Карра забавлял его ужас. Их шестеро... Уже семеро... Восемь. Вернулись те, кто следил за Вороном. Есть ли хоть малейшая надежда выкрутиться? У самого Ворона ни единого шанса.

«Ты мертвец, — снова и снова шептал внутренний голос. — Мертвец, мертвец».

— Он едет по улице Судовых Поставщиков, — тихо сказала приблизившаяся тень. — Суется во все переулки.

— Что там можно найти ночью, да еще зимой? — спросил Карр. — Доходяги уже все перемерли.

— Почему я знаю? — содрогнувшись, ответил Шед.

Он потер бок левой рукой. Присутствие ножа помогало слабо.

Нервное напряжение достигло своего предела и пошло на спад. Тавернщиком овладело тупое равнодушие. Лишь страх перед неизвестностью заставлял искать несуществующий выход.

Опять кто-то вынырнул из темноты и доложил, что до повозки Ворона осталась сотня футов. Сам Ворон исчез в переулке десять минут назад и еще не выходил.

— Он что, заметил тебя? — прорычал Карр.

— Не думаю. Но все может быть.

— Шед, — обернулся Карр, — он бы бросил свою телегу?

— Да откуда мне знать? — пропищал Шед. — Может, он что-то нашел.

— Давай-ка посмотрим.

Они двинулись в один из бесчисленных проулков, отходящих от улицы Судовых Поставщиков. Слегка наклонив голову, Карр устоял в темноту.

— Тишина, как в Катакомбах. Проверь-ка там, Люк.

— Хозяин...

— Спокойно, Люк. Старина Шед пойдет сразу за тобой. Да, Шед?

— Карр...

— Шевелись!

Тавернщик шагнул вперед. Люк ступал как можно тише, стерегся. Бандит выставил перед собой нож. Шед попробовал что-то сказать.

— Заткнись! — бросил Люк. — У тебя есть оружие?

— Нет, — соврал тавернщик.

Он украдкой оглянулся назад. Их здесь только двое.

Они дошли до тупика и не увидели Ворона.

— А, чтоб его! — выругался Люк. — Куда же он подевался?

— Не знаю. Давай выясним.

Возможно, у Шеда появился шанс на спасение.

— Ага, — сказал Люк. — Он забрался по этой водосточной трубе.

Шед весь сжался. В горле застрял ком.

— Можно попробовать, — прохрипел он. — Авось догоним.

— Ну-ну, — хмыкнул Люк и полез наверх.

Шед даже не понял, как все произошло. Мясницкий нож сам оказался у него в руке. Рука рванулась вперед. Люк выгнулся назад, рухнул на землю. Шед прыгнул на него, зажал ему рот ладонью. Через минуту все было кончено. Шед отступил, не в силах поверить в содеянное.

— Что там у вас происходит? — донесся голос Карра.

— Ничего не нашли! — прокричал в ответ Шед.

Он подтащил Люка к стене, забросал мусором и снегом и побежал к водосточной трубе.

Приближение Карра заставило его совершить чудо. Он кряхтел, корчился, напрягал мышцы — и залез на крышу. Вернее, на пологий карниз шириной два фута. Далее следовали двенадцать футов ската, который шел под углом сорок пять градусов, и на самом верху крыша была плоской. Тяжело дыша, Шед лег на крутой скат. Он все еще не мог поверить, что убил человека. Услышав голоса, двинулся вдоль крыши.

— Они пропали, Карр, — проворчал кто-то. — Ворона нет, Люка с Шедом тоже.

— Вот же гад! Так и знал, что обманет.

— Тогда почему с ним пошел Люк?

— Да не знаю я! Не стойте на месте, чтоб вас! Осмотрите все вокруг. Они же как-то выбрались отсюда.

— Эй, глядите! Кто-то забрался по водосточной трубе. Может, они погнались за Вороном?

— Полежай туда, выясни. Люк! Шед!

— Сюда, — тихо позвал новый голос.

Шед застыл. Что за черт? Ворон? Наверняка Ворон.

Таверщик медленно делал шаг за шагом, внушая себе, что за спиной нет тридцати пяти футов пустоты. Он дошел до угла. Там можно было вскарабкаться на плоский верх крыши.

— Сюда, Шед. Он попался.

— Да полезайте же, сволочи! — бушевал Карр.

Неподвижно лежа на обледевшей крыше, Шед увидел, как на карнизе появились две тени. Скрип железа и яростные ругательства предвещали появление третьего.

— Лодыжку вывихнул, — пожаловался бандит.

— Ступай, — прорывал Карр. — А мы найдем другой путь наверх.

«Беги, пока есть возможность, — подумал Шед. — Забейся в нору и жди, когда все это закончится».

Но он не смог убежать. Вместо этого соскользнул на карниз и пополз за людьми Карра.

Кто-то ахнул, зашкрябал по крыше, пытаясь зацепиться, сорвался и улетел в темноту между домами. Заорал Карр, ему не ответили.

Шед взобрался на самый верх. Горизонтальный участок крыши был усажен дымовыми трубами.

— Ворон? — тихо позвал таверщик. — Это я, Шед.

Он потрогал нож в рукаве, все еще не в силах осознать, что осмелился пустить его в ход.

Рядом возникла тень. Шед уселся, обхватил колени руками.

— Что теперь? — спросил он.

— Какого черта ты тут делаешь?

— Карр потащил меня с собой. В случае засады я должен был умереть первым. — И он все рассказал.

— Ну надо же! Ведь не струсил.

— Он загнал меня в угол. Что будем делать?

— Наши шансы растут. Дай подумать.

С улицы Судовых Поставщиков опять прилетел крик Карра.

— Сюда! — откликнулся Ворон. — Мы его догоняем! — Он снова повернулся к Шеду. — Не знаю, долго ли еще удастся его дурачить. Я хотел расправиться с бандитами по одному. Не рассчитывал, что Карр приведет целую армию.

— У меня нервы на пределе, — сказал Шед.

Помимо прочего, его до умопомрачения пугала высота.

— Держись, мы еще не скоро отсюда выберемся. — И Ворон снова перешел на крик: — Окружайте его! — Затем опять шепотом: — Идем, Шед.

Таверщик не поспевал за Вороном. Он был не так ловок.

Из темноты выступил силуэт. Шед взвизгнул.

— Это ты, Шед? — удивленно спросил подручный Карра.

Сердце забилося вдвое быстрее.

— Да. Видел Ворона?

— Нет. А где Люк?

— Что значит — где Люк? Он шел прямо на тебя. Как вы могли разойтись? Смотри. — Шед показал на беспорядочные следы на снегу.

— Да не видел я его. И не наезжай на меня, будто ты Карр. А то живо задницу на уши нахлобучу.

— Ладно-ладно, успокойся. Мне страшно, и я хочу, чтобы все поскорее закончилось. Люк сорвался. Вон там, позади тебя. Может, на льду поскользнулся. Так что будь осторожнее.

— Я слышал его крик. Хотя это было похоже на голос Молоки. Точно, Молока. Вот же гадство! Ворон может пришить нас здесь поодиночке. Надо собраться внизу и придумать, как с ним справиться.

— Ага. И сделать это надо сегодня. Я не хочу, чтобы завтра он начал за мной охотиться. — Шед поразился — как просто ему далась ложь! Он мысленно обругал бандита, не желавшего повернуться к нему спиной. — У тебя есть еще ножик?

— Тебе? Ножик? Не дури. Идем. Держись рядом, Шед, я в случае чего прикрою.

— Хорошо. Смотри, следы ведут туда. Давай проверим.

Бандит повернулся, чтобы рассмотреть оставленные Вороном следы. Шед выдернул из рукава нож и нанес сильный удар. Раненый завопил, скорчился. Лезвие сломалось, Шед едва не сорвался с крыши. А его жертва кувырнулась в проем между домами. Закричали люди Карра, не понимая, в чем дело. Похоже, они все уже были наверху.

Когда Шеда перестало колотить, он двинулся дальше, пытаясь вспомнить расположение соседних зданий. Он хотел спуститься и направиться к дому. Ворон и сам способен закончить это безумие.

На следующей крыше Шед налетел на Карра.

— Карр! — заскулил он. — Ради бога, отпусти меня! Он нас всех убьет!

— Тебя убью я, Шед. Это была ловушка?

— Нет, Карр! — Что же теперь делать? Ножа больше нет. Притворяться. Нить и притворяться. — Карр, тебе надо уходить отсюда. Он уже прикончил Люка, Молоку и кого-то еще. Он бы и меня пришил, если бы не свалился, когда расправился с Люком. А потом Ворон снова меня нашел, застукал, когда я разговаривал с одним из твоих парней вон там. Они сцепились, и один из них полетел вниз. Я не знаю кто, но вряд ли это был Ворон. Нам лучше спуститься, потому что здесь темно и не отличить своего от чужого. Надо быть осторожнее. Я бы мог его прикончить в этот раз, только у меня не было оружия и мы думали, что это приближается кто-то из наших. У Ворона нет таких проблем. Любой, кого он встретит, для него враг. Ему не нужно осторожничать...

— Шед, заткнись!

Карр уже почти поверил тавернищику. Шед заговорил немного громче — в надежде, что Ворон услышит и придет.

Над крышами разлетелся крик.

— Это Тескус! — зарычал Карр. — Четвертый, да?

— Только те, о ком мы знаем, — замотал головой Шед. — Может, уже остались мы двое. Карр, надо сматываться, пока Ворон нас не прикончил.

— Может быть, ты и прав, Шед. Наверное, не стоило нам сюда забираться. Пошли.

Шед плелся за Карром, не переставая болтать:

— Это Люк придумал. Хотел выслужиться перед тобой. Мы видели Ворона на водосточной трубе, а он нас — нет. Поэтому Люк и сказал: давай-ка достанем его, а старина Карр потом...

— Заткнись, Шед. Ради всех святых, замолкни. От твоего голоса блевать тянет.

— Да, господин Карр. Только я не могу. Мне так страшно...

— Если ты этого не сделаешь, я сам тебя заткну. И от страха перед Вороном навсегда избавлю.

Шед замолчал, сообразив, что не стоит перегибать палку.

Вскоре Карр остановился:

— Мы устроим засаду. Он ведь вернется за фургоном?

— Наверное, вернется, господин Карр. Но от меня-то какой прок? У меня нет оружия, а если бы и было, я не умею им пользоваться.

— Замолкни! Ты прав, Шед, боец из тебя никакой. Но все равно пригодишься. Заговоришь с ним, отвлечешь, собьешь с толку. А я нападу сзади.

— Карр...

— Молчи!

Карр свесился с карниза, держась за него обеими руками, а ногами нащупывая прочную опору для ног. Шед наклонился вперед. До земли три этажа.

Он ударил Карра по пальцам. Тот зарычал, взмахнул рукой, пытаясь опять ухватиться за карниз, завопил и упал с глухим стуком. Шед видел, как бандит подергался в судорогах и замер.

«Я опять это сделал. — Его трясло. — Нельзя здесь оставаться. Люди Карра могут меня найти».

Он спустился с карниза и полез вниз по стене здания, больше боясь встречи с бандой, чем падения с высоты.

Карр еще дышал. Он был даже в сознании, но не мог двигаться.

— Ты был прав, Карр, это ловушка. Зря ты так на меня насел. Заставил ненавидеть тебя больше, чем бояться.

Шед осмотрелся. Было еще не так поздно, как ему казалось. Беготня по крышам продолжалась недолго. А где Ворон-то?

«Надо тут прибраться». Шед схватил Карра, потащил к повозке. Тот вскрикнул. Шед испугался, что кто-нибудь решит выяснить, в чем дело. Но ничего не случилось. Это же Котурн.

Бандит завопил опять, когда Шед взваливал его на телегу.

— Удобно, Карр?

Следующим был Люк. Потом Шед пошел искать остальные тела. Нашел еще три. Ворона среди них не оказалось.

— Если не появится через полчаса, — пробормотал Шед, — пошлю его к черту и сам отвезу их наверх.

Через некоторое время он забормотал опять:

— Что с тобой происходит, Маррон Шед? Что взбрело тебе в голову? Ну стал ты меньше трусить. Ну и что? Ведь это не сделало тебя Вороном.

Кто-то приближался. Шед схватил трофейный кинжал и укрылся в тени.

Это был Ворон. Он швырнул в фургон мертвеца.

— Что за черт?

— Я их подобрал, — объяснил Шед.

— Кто это?

— Карр и его люди.

— Я думал, он убежал и мне придется все начинать сначала. Что тут произошло?

Шед рассказал. Ворон в изумлении потряс головой:

— Ты?

— Сдается мне, человека можно запугивать только до определенного предела.

— Правильно. Но я никогда не думал, что ты это поймешь. Ты меня поразил, Шед. И немного расстроил. Я сам хотел разобраться с Карром.

— Да вон он, еще шевелится. У него вроде хребет сломан. Убей, если хочешь.

— Живой он дороже стоит.

Шед кивнул. Бедный Карр.

— А где остальные, Ворон?

— Один на крыше. Второй, похоже, смылся.

— Черт! Это значит, что еще ничего не закончилось.

— Мы его достанем.

— Но сначала он соберет дружок и вся шайка повиснет у нас на хвосте.

— Думаешь, бандиты захотят рисковать своей жизнью, чтобы отомстить за Карра? Никогда. Они, скорее, передерутся из-за его наследства. Подожди здесь, я притащу последнего.

— Побыстрее, — сказал Шед.

Он выжил. Но теперь доставшийся на его долю ужас брал свое. Шед впадал в истерику.

Замок они покинули, когда заря уже испятнала промежутки между Бедовыми горами розовыми и фиолетовыми мазками.

— Почему он кричит? — спросил Шед.

Тот долгоязыый при виде Карра довольно рассмеялся и заплатил сто двадцать лев. И теперь вопли главаря банды были слышны даже здесь.

— Не знаю. Шед, не оглядывайся, это не твое дело. — Через секунду Ворон добавил: — Я рад, что все закончилось.

— Закончилось? Что ты имеешь в виду?

— Это был последний раз. — Ворон похлопал себя по карману. — Мне уже хватит.

— Мне тоже. У меня нет долгов, я могу отремонтировать «Лилию», обеспечить достойный уход матери. Останется и на следующую зиму, независимо от того, как пойдут дела. Я хочу забыть о существовании этого замка.

— Не думаю, Шед, что тебе это удастся. Если хочешь избавиться от замка, поплыли со мной. Иначе он будет притягивать всякий раз, когда тебе срочно понадобятся деньги.

— Я не могу уплыть. Нужно смотреть за мамой.

— Как хочешь. Я тебя предупредил. — Ворон на секунду задумался. — А что с Асой? Он способен доставить неприятности. Могильные сторожа не уймутся, пока не найдут кого-нибудь из тех, кто ограбил Катакомбы. Он слабоват, может расколоться.

— С Асой я все улажу.

— Надеюсь, Шед. Надеюсь.

В Котурне только и разговоров было, что об исчезновении Карра. Шед прикидывался дурачком: мол, знать ничего не знаю, хотя некоторые слухи утверждали обратное. Его не раскусили. Старина Шед слишком труслив, чтобы иметь отношение к такому событию. А единственный человек, который знал о тавернщике совсем другое, не разоблачил его.

Тяжелее всего было предстать перед матерью. Старая Джун ничего не сказала, но ее невидящий взгляд обвинял. Под этим взглядом Шед чувствовал себя злодеем, варваром. Она отвергала сына. Пропасть между ними стала непреодолимой.

Можжевельник. Неприятный сюрприз

В следующий раз, когда Вол собрался в Котурн, он сам меня позвал. Может быть, по той простой причине, что ему было скучно ходить в одиночку. Другьями среди местных он так и не обзавелся.

— Что такое? — спросил я, когда он втиснулся в мою крохотную комнатку, которая одновременно служила амбулаторией.

— Хватай свой плащ. Пора опять в Котурн.

Его рвение передалось и мне, но только по той причине, что я смертельно устал от скуки, сидя в Черепице. Я пожалел своих товарищей. Они еще ни разу отсюда не выбирались.

Так что мы вышли из Черепицы и направились вниз, мимо Выгородки.

— Отчего такой переполох? — спросил я.

— Да какой там переполох... Может, к нам это и не относится. Помнишь того нахального ростовщика?

— Сплошь перевязанного?

— Да, Карра. Так вот, он исчез. Вместе с половиной своих громил. Только его и видели. Похоже, обломал об кого-то зубы.

Я нахмурился. Случай не казался особо замечательным. Бандиты часто исчезают и появляются снова.

— Вот здесь. — Вол показал на кусты, росшие вдоль стены Выгородки. — Тут наши друзья пролезли внутрь. — Затем он ткнул пальцем в небольшую группу деревьев. — Фургоны поставили там. Есть свидетель, говорит, что они были набиты дровами. Пойдем покажу.

Он залез в кусты и опустился на четвереньки. Я последовал за ним, тихо ворча. Мне было жарко. Прохладный северный ветер не помогал.

Изнутри Выгородка была запущена еще сильнее, чем снаружи. Вол показал десятки вязанок хвороста, найденных в кустах недалеко от пролома:

— Э, да у них здесь солидные заготовки. Я полагаю, хворост понадобился, чтобы прикрыть трупы. Его собирали вон там, наверху. — Он показал на деревья, стоящие над нами выше по холму.

Еще дальше, за деревьями, виднелся наш замок, Черепица. Ну прямо картина: величественное сооружение на фоне бегущих облаков. А на самом деле гряда серого камня, готовая развалиться при слабейшем землетрясении.

Я осмотрел заготовленный хворост. Подручные Вола вытащили из кустов вязанки и сложили в один штабель, что было не слишком полезно для дальнейшего расследования. На мой взгляд, здесь работали на протяжении нескольких недель. Это было видно по торцам чурок: одни гораздо свежее других. Я указал на это Волу.

— Сам заметил. И понимаю так: шайка добывала здесь дрова постоянно и случайно нашла вход в Катакомбы. Вот тогда-то и проснулась жадность в дровосеках.

— Гм... — Я рассматривал кучу хвороста. — Думаешь, на продажу добывали?

— Мы точно знаем, что нет. Никто не торговал дровами из Выгородки. Скорее всего, семья или группа соседей сами пользовались топливом.

— Ты проверил конюшни? Те, где сдают телеги внаем?

— Думаешь, люди совсем дураки? Нанять телегу для набега на Катакомбы?

Я пожал плечами:

— Разве мы не рассчитываем на то, что один из них окажется дураком?

— Ты прав, — согласился Вол. — Надо проверить. Но есть проблема: кроме меня, никто не рискует ходить по Котурну. Надеюсь, нам повезет в каком-нибудь другом месте. Если не повезет, я распрошу владельцев телег, когда немного освобожусь.

— Я осматриваю место, где они пролезли в Катакомбы?

Сначала он хотел просто запретить, но, подумав, снизошел до объяснения:

— Это дело небыстрое — на полчаса, не меньше. Лучше пойдем по горячим следам: может, разнюхаем что-нибудь об этом Карре.

— Ну, тогда в другой раз, — пожал я плечами.

Мы добрались до территории Карра и приступили к поиску. У Вола сохранились кое-какие связи еще с детства. В безопасной

обстановке, задобренные несколькими гершами, люди соглашались кое-что рассказать. Мне не позволяли при этом присутствовать, и я убивал время, потягивая пиво в таверне. Там местные алкаши, получая от меня монетку, усердно виляли хвостом, а без монетки шарахались как от чумного. Некоторые интересовались моей особой, и я не возражал, если меня принимали за инквизитора.

Вол пришел за мной в таверну.

— Похвастаться нечем — слухи противоречивы. Кто-то утверждает, что Карра уколошили его собственные люди, кто-то — что это поработали конкуренты. Главарь грубовато вел себя с соседями.

Вол взял кружку вина за счет заведения, чего я прежде за ним не замечал. Я объяснил это рассеянностью.

— Один момент надо проверить. Карр был одержим желанием поквитаться с неким иноземцем, который публично выставил его дураком... Кое-кто считает, что этот самый иноземец и пришел Карра. — Он вынул список и стал его вдумчиво читать. — Похоже, мы и здесь ничего интересного не узнаем. В ночь исчезновения Карра все слышали суету и вопли, но ни единого свидетеля, конечно, нет. — Вол усмехнулся. — Те, кто слышал крики, говорят, что это была настоящая битва на крышах. Поэтому я склоняюсь к версии дворцового переворота.

— А что это у тебя в руках?

— Список тех, кто мог таскать дрова из Выгородки. Не исключено, что они встречались там друг с другом. Сравню их рассказы, вдруг да обнаружится что-нибудь любопытное?

Вол махнул, чтобы принесли еще вина. На этот раз он отдал деньги. За предыдущую кружку тоже заплатил, хотя хозяин заведения явно хотел простить ему должок. Похоже, жители Можжевельника привыкли отдавать могильным сторожам все, чего бы те ни пожелали. Вол обладал какой-никакой деликатностью, по крайней мере в том, что касалось населения Котурна. Он не усложнял без необходимости жизнь людям, у которых она и без того не сахар. В такие моменты я не мог не испытывать некоторой симпатии к нему.

— Ты не будешь разматывать версию Карра?

— Конечно не буду. В исчезновении тел нет ничего необычного. Скорее всего, через пару дней эти люди всплывут на той стороне реки. Или займутся местью, если не подошли. — Вол ткнул пальцем в одно из имен. — Парень околачивается в тех же местах. Надо бы поболтать с этим Вороном, пока мы здесь.

Я почувствовал, как кровь отхлынула от лица.

— С кем?

Вол посмотрел на меня с недоумением. Я заставил себя расслабиться, сделать вид, будто вопрос вырвался случайно. Брови собеседника опустились.

— С иноземцем по имени Ворон. Этот тип мог враждовать с Карром. Он живет там же, где и человек из моего списка. Надо задать ему пару вопросов.

— Ворон. Необычное имя. А что ты о нем знаешь?

— Только то, что он пришлый и от него можно ждать неприятностей. Он здесь уже два года. Типичный кочевник. Связался с компанией Жерла.

Жерло был одним из беглых мятежников, обосновавшихся в Можжевельнике.

— Хочу тебя попросить об услуге. Маловероятно, но этот человек может оказаться тем самым привидением, о котором я тебе недавно говорил. Притворись, что ни о чем не подозреваешь и никогда не слышал его имени. Просто узнай, как Ворон выглядит. И выясни, один он здесь или с кем-нибудь.

Вол нахмурился. Услышанное ему не понравилось.

— Это важно?

— Это может быть важным.

— Ладно. Тебя с этим парнем что-то связывает?

— Если он окажется тем, кого я знал и кого считал мертвым. У нас с ним были кое-какие дела.

— Личные? — улыбнулся Вол.

Я кивнул. Теперь я держал себя в руках. Все очень серьезно. Если это наш Ворон, надо действовать очень осторожно. Нельзя допустить, чтобы он оказался втянут в операцию Черного Отряда. Черт бы его побрал! Он слишком много знает; он может подвести под допрос половину офицеров и сержантов. Для них это будет означать смерть.

Я рассудил, что Вол лучше воспримет мои слова, если сохраню загадочный вид. Как будто Ворон — мой старый враг. Человек, которого очень хочется повстречать на узкой дорожке. Но только для того, чтобы свести личные счета.

— Дошло, — сказал он.

Вол посмотрел на меня как-то по-новому, словно был рад обнаружить, что я не слишком сильно от него отличаюсь.

На самом деле так и есть, черт возьми! Но мне нравится изображать из себя нечто особенное.

— Возвращаюсь в Черепицу, — сказал я. — Надо поговорить с нашими.

— Дорогу найдешь?

— Угу. Дай знать, если что-нибудь выяснишь.

— Договорились.

Мы разошлись в разные стороны. Я двинул в гору со всей быстротой, на какую только были способны сорокалетние ноги.

Прибыв, затащил Эльмо и Гоблина туда, где нас никто не мог подслушать.

— Похоже, у нас сложности, друзья.

— А поподробнее?

Гоблину не терпелось узнать. С той самой секунды, когда я растормошил его, он изнывал от любопытства.

— Внизу орудует некто Ворон. На днях мы там были с Волом, и один человек издали показался мне очень похожим на нашего приятеля. Но я тогда не придал этому значения.

Через секунду они уже нервничали не меньше моего.

— Ты уверен, что это он? — спросил Эльмо.

— Пока нет. Я рванул оттуда, едва услышал имя. Волу намекнул, что это давний враг, которого мне страсть как хочется пырнуть ножом. Вол порасспрашивает жителей, добудет описание Ворона. Узнаем, с ним ли Душечка. Может быть, у меня приступ белой горячки, но на всякий случай я решил поставить вас в известность.

— А если и впрямь он? — спросил Эльмо. — Что будем делать в этом случае?

— Не знаю. Могут быть большие неприятности. Если Шепот каким-то образом прознает о Вороне — скажем, в связи с тем, что он ошибается с беглыми мятежниками... Ну, в общем, вы поняли.

— Вроде Молчун намекал, что Ворон хотел убежать в такую даль, где его ввек никто не сыщет, — задумчиво произнес Гоблин.

— Возможно, он решил, что забрался достаточно далеко. Черт побери, здесь на самом деле почти край света.

Это и было одной из причин моего беспокойства. По логике именно в таком месте Ворону следовало лечь на дно. Дальше ему не забраться, если только он не освоил науку хождения по воде.

— Прежде чем паниковать, не мешает самим разобраться, — рассудил Эльмо. — Проверим, на самом ли деле это Ворон, а потом решим, как с ним быть. Надо послать в Котурн наших ребят.

— Как раз об этом я и думал. Я уже предложил Шепот план действий. Давайте скажем, что пора работать по этому плану, и у нас появятся люди для слежки за Вороном.

— Кто будет следить? — спросил Эльмо. — Ворон узнает любого, кто с ним знаком.

— А как насчет людей, примкнувших к Отряду в Чарах? Например, Ростовщика? Ворон едва ли помнит всех новичков, слишком уж много их было. А им для прикрытия дадим Гоблина. Посадим там, где его не будет видно, но чтобы он мог держать руку на пульсе.

— Твое мнение, Гоблин? — спросил Эльмо.

Тот нервно улыбнулся:

— Всяко мне пора чем-то заняться. Я уже на стенку лезу. Здешний народ просто невыносим.

— Скучаешь по Одноглазому? — хихикнул Эльмо.

— Немножко.

— Договорились, — сказал я. — Вам понадобится проводник. На эту роль гожусь только я. Не хочу, чтобы Вол слишком глубоко засунул нос в наши дела, но внизу меня считают одним из его помощников. Так что держитесь от меня подальше. И постарайтесь ничем не выдать, кто вы есть на самом деле. Сделайте физиономии попроще.

Эльмо встал.

— Я позову Кеглю с Ростовщиком, ты отведешь их вниз и покажешь место. Кто-нибудь один потом вернется за остальными.

Так все и пошло. Гоблин с шестью братьями сняли жилье поближе от норы Карра. Начальству я дал понять, что место выбрано случайно.

Я ждал.

Можжевельник. Подготовка к отплытию

Шед застал Асу, когда тот пытался улизнуть.

— Это что еще такое?

— Мне надо исчезнуть, Шед. Я здесь с ума сойду.

— А ты не хочешь кое-что узнать? Тебя ищут инквизиторы. На днях приходил сам Вол, интересовался твоей особой.

Шед слегка передергивал, Вол никем конкретно не интересовался. Но визит наверняка имел отношение к Катакомбам. Вол с напарником появлялись в Котурне почти каждый день и расспрашивали, расспрашивали, расспрашивали. Шеду не хотелось, чтобы Аса нарвался на Вола. Коротышка запаникует и наверняка расколется. Тогда Шед и глазом не успеет моргнуть, как окажется в пекле.

— Аса, если тебя поймают, нам всем конец.

— Почему?

— Ты расплачивался старыми монетами. А ищут тех, кто пускает их в оборот.

— Проклятый Ворон!

— Что такое?

— Он дал мне погребальные деньги. В качестве моей доли. Я богат. А теперь ты заявляешь, что я не могу потратить ни единого медяка.

— Он, наверное, решил, что ты догадаешься придержать денежки, пока не улягутся страсти. Кстати, скоро его здесь не будет.

— А куда он денется?

— Уплывет, как только откроется гавань.

— Куда?

— Куда-то на юг. Он не соблаговолил уточнить.

— А мне что делать? Опять побираться? Черт возьми, Шед, так не пойдет.

— Но есть ведь и хорошие стороны. Теперь никто не жаждет тебя убить.

— Да? Теперь за мной охотится Вол. Может, с Карром я и договорился бы, с Волом — никогда. Так не пойдет! Всю жизнь...

Шед не слушал. Эта песенка звучала слишком часто.

— Что же мне делать, Шед?

— Не знаю. Наверное, надо спрятаться. — В голове забрезжила мысль. — Почему бы на время не убраться из Можжевельника?

— В этом что-то есть. Ведь деньги можно свободно тратить в других местах. Правильно?

— Не знаю. Я никогда не путешествовал.

— Как только здесь объявится Ворон, устрой нам разговор.

— Аса...

— Да ладно, Шед, чего ты? За спрос не бьют в нос. Самое страшное, что может сделать Ворон, — это ответить «нет».

— Как хочешь, Аса. Но жаль будет, если ты отсюда свалишь.

— Еще бы не жаль.

Когда таверщик переступил через порог, Аса окликнул:

— Секунду, Шед.

— Что?

— Гм... Трудновато такое говорить... Я ведь так и не поблагодарил тебя.

— За что?

— Ну, ты же спас мне жизнь. Это ведь ты вытащил меня оттуда?

Шед пожал плечами, кивнул:

— Ничего особенного, Аса.

— Да нет же, Шед. Такое не забывается. Я в большом долгу перед тобой.

Спустившись по лестнице, Шед растерялся еще больше. Он увидел в зале Ворона. Быстро шевеля пальцами, тот беседовал с Душечкой. Опять спорят. Они наверняка любовники. Черт бы их всех побрал! Шед дождался, когда Ворон его заметит.

— Тебя хочет видеть Аса. Похоже, надеется смыться вместе с тобой.

— А ведь это разрешило бы все твои проблемы, — засмеялся Ворон.

Шед не отрицал, что ему было бы гораздо спокойнее, если бы Аса исчез из Можжевельника.

— И как тебе эта идея? — спросил Шед.

— Вообще-то, неплохая. Аса, конечно, не бог весть что, но мне нужны люди. К тому же, если он здесь не останется, мне легче будет замести следы.

— Ну и забирай! Благословляю!

Ворон пошел вверх по лестнице.

— Подожди! — Шед колебался, не зная, имеет ли какой-нибудь вес принесенная им новость. Но все же решил выложить. — В Котурн зачастил Вол. С ним напарник.

— И?

— Возможно, он разузнал больше, чем хотелось бы нам. Во-первых, он искал Асу. Во-вторых, спрашивал о тебе.

Лицо Ворона ничего не выражало.

— Обо мне? Это как?

— Между нами. У моего кузена Дурня есть жена, ее зовут Сал. А ее брат женат на одной из двоюродных сестер Вола. Короче, у Вола здесь есть свои люди. Остались с тех времен, когда он еще не был могильным сторожем. Иногда он им помогает, а они взамен рассказывают то, что его интересует...

— Понятно. Говори по делу.

— Вол спрашивал о тебе. Кто ты, откуда, с кем дружишь и тому подобное.

— Зачем?

В ответ Шед мог лишь пожать плечами.

— Хорошо, спасибо. Я разберусь.

Можжевельник. Дымовая завеса

Гоблин стоял на другом краю улицы, опершись о стену, и напряженно смотрел в мою сторону. Я нахмурился: какого черта он тут делает? Его может узнать Вол, который сразу поймет, что мы ведем двойную игру.

Ясно, Гоблин хочет мне что-то сказать.

Вол направился к двери очередного из бесчисленных притонов.

— Я отойду — надо поговорить кое с кем насчет лошади, — сказал я.

— Валяй. — Он зашел внутрь.

Я юркнул в переулок. Тут же ко мне приблизился Гоблин.

— В чем дело? — спросил я.

— А дело в том, Костоправ, что это он, Ворон. Наш Ворон. И не только он здесь, но и Душечка. Она работает разносчицей в таверне «Железная лилия».

— Вот дерьмо! — пробормотал я.

— Ворон живет там же. Они делают вид, что едва знакомы. Но Ворон присматривает за ней.

— Черт! Я так и знал. Что теперь делать?

— Согнуться в три погибели, чмокнуть себя в задницу и сказать ей «до свиданья». Ворон, будь он проклят, наверняка увяз в здешней торговле мертвяками. Все, что нам удалось выяснить, говорит именно за это.

— Как же вам удалось, если Вол не смог ничего разнюхать?

— У меня есть средства, которых нет у Вола.

Я кивнул. Иногда и впрямь полезно иметь под рукой колдуна. А иногда и нет, если колдун — одна из тех сучек, что засели в Черепице.

— Давай побыстрее, — сказал я. — А то он заинтересуется, почему меня так долго нет.

— У Ворона есть фургон с упряжкой. Держит его на другом конце города, а пользуется как правило по ночам.

Я кивнул. Мы уже выяснили, что торговцы трупами промышляют в темное время суток.

— Но! — сказал он. — И тебя это «но» приведет в восторг, Косто-прав. Однажды он брал фургон днем. Это было недавно и, по странному совпадению, как раз в день ограбления Катакомб.

— Твою же мать!

— Я осмотрел тот фургон, Костоправ. В нем засохшая кровь. Впрочем, и свежей хватает. Я бы сказал, она пролита в день исчезновения того ростовщика и его парней.

— Черт, ну и влипши! Давай-ка сматывайся отсюда. Мне еще надо придумать, что напелсти Волю.

— Увидимся.

— Ага.

В тот момент я уже готов был бросить все. Меня переполняло отчаяние. Ох уж этот Ворон, проклятый дурак! Я точно знал, чем он промышляет. Ему понадобились большие деньги, и он занялся ограблением могил и продажей трупов. Совесть не доставит ему неприятностей. В тех краях, где он родился и вырос, подобным вещам не придают никакого значения. И к тому же у него веская причина: Душечка.

Избавиться от Вола я не мог. Хотелось бежать к Эльмо, но вместо этого я был вынужден слоняться по городу и опрашивать людей.

Я посмотрел на север, туда, где возвышался Черный замок, и подумал, что эту крепость построил Ворон.

Нельзя так раскисать, сказал я себе. Еще ничего не доказано...

Нет, все ясно. Того, что мы узнали, достаточно. Мои хозяева не станут ждать официального подтверждения или неопровержимых улик.

Для Эльмо это тоже стало ударом.

— Можно убить его. Тогда не будет никакого риска, что он проболтается.

— Эльмо, ты спятил!

— Да я не всерьез. Но знаешь, ситуация может сложиться так...

— Может. — В определенной ситуации любой из нас решит прикончить Ворона или по крайней мере попытаться. Этот сукин сын невероятно крут, равного ему я, пожалуй, не встречал. — Но не проще ли найти его и посоветовать, чтобы убрался из Можжевельника к чертовой матери?

Эльмо раздраженно зыркнул на меня:

— А, так ты не заметил! Сейчас единственный способ выбраться из Можжевельника — тот самый, которым мы сюда забрались. Гавань замерзла, на перевалах снега по уши. Думаешь, можно уговорить Шепот вывезти на ковре местного жителя?

— Жителей. Гоблин сказал, что Душечка все еще с Вороном.

Эльмо задумался. Я хотел сказать кое-что еще, но сержант махнул рукой, требуя тишины. Я подождал.

— А как поступит Ворон, если заметит тебя? — наконец спросил он. — Если он якшается с бандой Жерла?

Я поцокал языком:

— Да, об этом я не подумал. Надо кое-что выяснить.

Я отыскал Вола.

— У тебя или у герцога есть свой человек в шайке Жерла?

Вола этот вопрос явно озадачил.

— Предположим. А что?

— Надо бы с ним побеседовать. Возможно, есть шанс решить все наши проблемы.

Вол внимательно на меня посмотрел. Он и впрямь был гораздо сообразительнее, чем выглядел.

— Ладно. Но не думай, что им многое известно. Если они не прогоняют наших парней, то это по одной-единственной причине: мы не доставляем особого беспокойства. Люди Жерла просто собираются вместе и вспоминают былые дела. Ни о какой борьбе они не помышляют.

— Все равно надо проверить. Не исключено, что они не так уж невинны.

— Дай мне полчаса.

Я дал. И через полчаса мы уже сидели в компании двух тайных агентов. По очереди задавали вопросы, преследуя каждый свою цель.

Никто из агентов не знал Ворона. По крайней мере, не знал под этим именем. Уже легче. Но что-то было не так, и Вол это немедленно почувствовал. Он не переставал расспрашивать, пока не добыл кое-какие полезные сведения.

— Пойду к начальнице с новостями, — заявил я. — Ей будет интересно.

Я придумал тактический ход. И рассчитывал на поддержку Вола.

— Переговорю с Харгадоном, — сказал он. — Вот уж не думал, что тут могут быть замешаны иностранцы. Политика, чтоб ее! Долж-

но быть, поэтому и деньги нигде не всплывали. Может, эти же люди и мертвыми торгуют.

— Мятажникам наверняка нужны деньги, — заметил я.

По настоянию Шепот мы выдвинулись следующим вечером. Возражениями герцога пренебрегли, но начальник могильных сторожей одобрил нашу затею. Герцог по-прежнему не хотел, чтобы нас видели в городе, а сторожам было все равно. Они всего лишь надеялись спасти свою репутацию.

Всгушающихся сумерках крадучись приблизился Эльмо.

— Готовы? — прошипел он.

Я оглянулся на мою четверку:

— Готовы.

На операцию вышли все братья Отряда, находившиеся в Можжевелике. Нас сопровождали тайные агенты герцога и дюжина людей Вола — все, кроме одного заболевшего. Хотя я и считал совершенно излишним присутствие последних, все же поразился, насколько мала эта команда.

Эльмо трижды промычал по-коровьи.

Мятажники устроили регулярное сборище. Подумав о том, какой сюрприз их ожидает, я не удержался от смешка. Эти глупцы возомнили, что полторы тысячи миль и семь лет надежно защищают их от Госпожи.

Через минуту все было кончено. Даже ни одного раненого. Они просто уставились на нас, безвольно опустив руки. Все же нашелся сообразительный.

— Черный Отряд! — простонал он. — В Можжевелике!

— Все. Это конец. Она победила, — сказал второй.

По их виду, однако, нельзя было сказать, что это сильно их расстроило. Некоторые даже испытали облегчение.

Мы вывели их так тихо, что вряд ли соседи заметили нашу возню. Самая спокойная операция на моей памяти. Пленных доставили в Черепицу, и Шепот с Пером принялись за работу.

А мне оставалось только надеяться, что никто из этих мятежников не знает лишнего. Я пошел ва-банк, будучи уверен, что Ворон не мог им рассказать, кто такая Душечка на самом деле. А если все-таки рассказал? Тогда получится, что вместо дымовой завесы я устроил пожар.

От Шепот ничего не слышно. Это позволяет предположить, что я выиграл.

Можжевельник. Страх

Ворон проскользнул в дверь «Лилии». Шед поднял глаза, и на его лице отразилось сильнейшее изумление. Тяжело дыша, Ворон оперся о дверной косяк. У него был такой вид, как будто он только что повидался со смертью. Таверщик отбросил тряпку, схватил глиняную бутылку и устремился к Ворону:

— Что случилось?

Ворон оглянулся на Душечку, та обслуживала одинокого посетителя. Он помотал головой, несколько раз глубоко вздохнул и содрогнулся.

Ворон напуган! Силы небесные, он просто в ужасе! Шеда это ошеломило. Что же могло довести Ворона до такого состояния? Ведь его не страшит даже Черный замок.

— Ворон, идем присядем.

Шед взял его за руку. Ворон безвольно последовал за ним. Таверщик поймал взгляд Душечки и знаками попросил две кружки и еще одну бутылку.

Стоило девушке взглянуть на Ворона, как она тут же забыла про своего клиента. Через пару секунд кружки и бутылка были на столе, а пальцы Душечки мелькали перед лицом Ворона.

Тот ее будто не замечал.

— Ворон! — сказал Шед свистящим шепотом. — Да очнись же, твою мамашу! Что случилось?

Взгляд наконец приобрел осмысленное выражение. Ворон посмотрел на Шеда, на Душечку, на вино. Залпом осушил кружку, с грохотом опустил ее на стол. Душечка налила еще.

Посетитель, которого она бросила, начал выражать недовольство.

— Возьми сам, — сказал ему Шед.

Клиент не переставал надоедать.

— Тогда иди к черту! — рявкнул Шед. — Ворон, говори же. Мы что, влипли?

— Гм... Не мы, Шед. Я. — Он опять встряхнулся, как собака, вышедшая из воды, и повернулся к Душечке.

Ворон заговорил с нею знаками. В основном Шед понял.

Ворон приказал ей собираться. Им снова нужно пускаться в бега. Душечка захотела узнать почему.

— *Потому, что они нас нашли*, — сказал Ворон.

— *Кто?* — спросила Душечка.

— *Солдаты из Черного Отряда. Они здесь, в Можжевельнике.*

Похоже, Душечка не особенно расстроилась. Она просто не поверила.

«Черный Отряд? — подумал Шед. — Что еще за дьявольщина?»

— *Они здесь*, — настаивал Ворон. — *Я явился на собрание, но, к счастью, опоздал. Пришел, когда ловушка уже захлопнулась. Там были люди герцога, могильные сторожа и наши из Отряда. Я видел Костопрыва, Эльмо и Гоблина, слышал, как они называли друг друга по имени и как упоминали Шепот и Перо. Отряд в Можжевельнике, и Взятые с ними. Надо уходить.*

Шед понятия не имел, что все это значит. Кто эти люди, о которых говорит Ворон? Почему он так напуган?

— А как ты, собственно, собираешься бежать? — спросил он. — Тебе не выбраться из города. Гавань все еще подо льдом.

Ворон посмотрел на него, как поп на еретика.

— Не пори горячку, Ворон. Подумай трезво. Я не знаю, что за чертовщина здесь происходит, но одно могу сказать. Ты сейчас похож скорее на Маррона Шеда, чем на Ворона. Только старина Шед умеет так паниковать, иль забыл?

Ворон выдавил кривую улыбку.

— Ты прав. Да, Ворон всегда работает головой. — Он невесело рассмеялся. — Спасибо, Шед.

— Что случилось?

— Скажем так: ко мне в гости наведальсь прошлое, а я такой встречи уже не ждал. Вот что, расскажи о напарнике, который, по твоим словам, недавно сопровождал Вола. По слухам, Вол всегда ходит один.

Шед описал того человека, хотя и плохо его запомнил. Все его внимание тогда было сосредоточено на Воле. Душечка встала так, чтобы ей был виден рот Шеда. Потом губами изобразила какое-то слово.

— Костопрыв, — кивнул Ворон.

Имя прозвучало зловеще, Шед вздрогнул:

— Он что, наемный убийца?

Ворон тихо рассмеялся:

— Нет. Вообще-то, он лекарь, хоть и не больно-то ученый. У него есть и другие таланты. Например, достаточно хитер, чтобы, разыскивая меня, прятаться в тени Вола. Кто обратит внимание на помощника? Всех слишком волнует этот чертов инквизитор.

Душечка что-то показывала знаками. Слишком быстро для Шеда, но можно догадаться, что она упрекает Ворона: дескать, Косто-прав не стал бы охотиться на друга и их пути пересеклись случайно.

— Вовсе не случайно, — возражал Ворон и вслух и знаками. — Если они не ловят меня, что тогда делают в Можжевельнике? И зачем здесь двое Взятых?

Снова Душечка отвечала слишком быстро, чтобы Шед мог понять все. Похоже, она говорила, что если бы некая Госпожа добралась до этого лекаря или до человека по кличке Молчун, то Косто-права здесь не было бы.

Ворон смотрел на девушку добрых пятнадцать секунд, не издав ни единого звука. Затем опять осушил кружку.

— Ты права, — наконец произнес он. — Абсолютно права. Если бы они охотились за мной, то давно бы уже сцапали. И тебя заодно. Нами занялись бы сами Взятые. Да, все-таки совпадение... Совпадение или нет, а лучшие псы Госпожи — в Можжевельнике. И они что-то ищут. Что? Зачем?

Теперь это был прежний Ворон. Хладнокровный, суровый и умный.

— *Черный замок*, — сказала Душечка.

Благодушие Шеда моментально испарилось. Ворон несколько секунд смотрел на девушку, потом зыркнул в том направлении, где стоял Черный замок, и вернул взгляд на Душечку:

— *Почему?*

Душечка пожала плечами и ответила, что в Можжевельнике больше нет ничего, что могло бы заинтересовать Госпожу.

Ворон задумался еще на несколько минут. Затем повернулся к тавернщику:

— Шед, я сделал тебя богатым? Я прикрыл твою задницу от неприятностей?

— Конечно, Ворон.

— Сейчас твоя очередь протянуть руку помощи. В Можжевельнике появились мои враги, и не простые, а очень сильные. Они спухались со сторожами и герцогом. И эти люди здесь, вероятно, из-за Черного замка. Если обнаружат меня, мне придется очень туго.

Маррон Шед больше не страдал от голода. Он мог спать в тепле, под крышей. Его мать была в безопасности. У него не осталось никаких долгов, и ему не грозила непосредственная опасность. Все это благодаря человеку, сидящему напротив. Правда, благодаря этому же человеку Шед испытывал дикие угрызения совести, но это он мог простить.

— Говори. Я сделаю, что смогу.

— Ты будешь работать и на себя. Если им нужен замок, тогда ты, я и Аса — все мы сделали большую ошибку, забравшись в Катакомбы. Но об этом не думай. Мне нужно, чтобы ты выяснил все, что сможешь, о происходящем в Черепице. Если понадобятся деньги на подкуп, я дам.

— Хорошо, — озадаченно сказал Шед. — А чуть поподробней нельзя ли?

— Нельзя, я сам пока слишком мало знаю. Душечка, собирайся. Нам надо исчезнуть.

Впервые Шед запротестовал:

— Эй! Ты что делаешь? Как я здесь управлюсь без нее?

— Возьми ту девушку, Лизу. И кузена. Меня не волнует, как ты выкрутишься. Нам тут оставаться нельзя.

Шед обиженно нахмурился.

— Душечка им нужна больше, чем я, — сказал Ворон.

— Она же просто ребенок.

— Шед!

— Слушаюсь, господин. Как я с вами свяжусь, господин?

— Никак. Я сам с тобой свяжусь. Душечка, идем. Там, наверху, Взятые.

— Кто эти Взятые? — спросил Шед.

— Если ты веришь в каких-нибудь богов, Шед, молись им, чтобы никогда не узнать ответа на этот вопрос. Истово молись.

Когда Душечка спустилась по лестнице со своими скудными пожитками, Ворон добавил:

— Ты вот что, подумай, не стоит ли убраться из Можжевельника вместе со мной. Скоро здесь заварится крутая каша, все к этому идет.

— Я должен заботиться о матери.

— Все равно обдумай мой совет. Я знаю, о чем говорю. Сам когда-то работал на этих людей.

Можжевельник. Дурной разговор

Ворон испарился. Даже Гоблину не удалось обнаружить его следы. Перо и Шепот работали с пленниками, пока не выжали из них все до последней капли. Но про наших старых друзей не узнали ничего. Я пришел к выводу, что Ворон, общаясь с мятежниками, пользовался вымышленным именем.

Почему он тогда не назвался этим именем в Котурне? Глупость? Гордость? Насколько я помню, гордости у Ворона было в избытке.

Впрочем, Ворон — тоже не настоящее имя. Как и Костоправ. Но в ту пору, когда он служил вместе с нами, мы знали его под этим прозвищем. И никто из нас, за исключением, может быть, Капитана, не ведал его подлинного имени. Мне известно, что очень давно он был состоятельным человеком в Опале. Они с Хромым стали смертельными врагами, когда тот с помощью жены Ворона и ее любовников лишил его всех прав и титулов. Это я тоже знал. Но понятия не имел, кем был Ворон до того, как стал солдатом Черного Отряда.

Я не рискнул рассказать Капитану о том, что мы обнаружили в Можжевельнике. В свое время наш начальник очень благоволил Ворону, они были как братья. Похоже, Капитан сильно расстроился, когда Ворон дезертировал. И он расстроится еще сильнее, узнав о том, что его друг вытворяет здесь.

Шепот вызвала нас, чтобы сообщить о результатах расследования.

— Нам рано праздновать победу, судари, — сурово сказала она. — Среди допрошенных мятежников, может, только парочка — не полные дилетанты. Желание драться мы из них выбили еще в Чарах. Но нам посчастливилось выяснить, что Черный замок в самом деле скупает трупы. Его обитатели платят даже за полуживых людей. Двое наших пленников сами занимались этим. Зарабатывали деньги для своего движения.

Идея торговать трупами, конечно, показалась мне омерзительной, но не особенно страшной. Скорее, она была странной: зачем обитателям Черного замка понадобились мертвецы?

— Пленные непричастны к ограблению Катакомб, — продолжала Шепот. — И они едва ли представляют для нас какой-то интерес. Отдадим их могильным сторожам, пусть делают с ними, что хотят. А вы, судари, сейчас снова пойдете в город и продолжите поиски.

— Простите, сударыня? — не понял Эльмо.

— Где-то в Можжевельнике есть человек, который поставляет в Черный замок трупы. Кто бы он ни был, найдите его. Он нужен Госпоже.

Это Ворон, подумал я. Без вариантов. И да, необходимо разыскать этого сукиного сына. Чтобы вышвырнуть его из города. Или умертвить.

Пожалуй, следует прояснить кое-что насчет Черного Отряда. Для нас это и мать, и отец, и братья с сестрами. Мы люди, у которых нет ничего, кроме этой семьи. А Ворон, будучи схваченным, семью погубит. И в прямом, и в переносном смысле. За то, что мы в свое время не выдали Ворона, Госпожа сотрет нас в порошок и развеет его по ветру.

— Может, было бы лучше, — обратился я к Шепот, — кабы мы знали, с чем имеем дело. Трудно выполнять работу качественно, если тебе не объяснили суть этой работы. В чем наша цель? Я не спорю, замок выглядит чудовищно, но нам-то какая разница?

Вроде мои слова заставили Шепот задуматься. Несколько секунд она смотрела куда-то сквозь нас. Решила доложить начальству, вошла в контакт с Госпожой.

— Черный замок связан с Курганьем, — сказала она, вернувшись к нам.

А вот это уже интересно.

— Что-что? — прохрипел я.

— Черный замок — это лазейка, через которую хочет сбежать Властелин. Когда сооружение вырастет до определенного размера и обстоятельства сложатся удобным образом, твари, живущие там, слуги, преданные ему душой и телом, вытащат своего хозяина из Большого Кургана. И доставят сюда.

Несколько человек недоверчиво фыркнули. Услышанное и впрямь казалось невероятным, не сравнить со всеми ужасами и чарами, которые мы наблюдали собственными глазами.

— Он предвидел поражение от Белой Розы, — сказала Шепот, — но не предвидел измену Госпожи. Еще перед крахом Владычества ее

муж начал готовить свое возвращение. Он послал верного слугу, и тот принес сюда семя замка. Но что-то пошло не по плану. Властелин не намеревался пролежать в могиле столь долгий срок. Может быть, не знал, что жители Можжевельника так заботятся о сохранности своих покойников. И чего они хотят этим добиться? Ждут, что придет корабль и отвезет их всех в рай?

— Грубо говоря, да, — ответил я. — Я занимаюсь этим вопросом, но пока все похоже на собачий бред. Ладно, а что дальше? Властелин выскочит здесь и набросится на нас?

— Нет, если сумеем его остановить. Но может оказаться и так, что мы прибыли слишком поздно. Этот человек важен; если немедленно его не возьмем, то и впрямь опоздаем. Врата уже почти готовы открыться.

Я посмотрел на Эльмо, он — на меня. «О боже! — подумал я. — Если бы только Ворон знал, что творит... По-прежнему я не мог злиться на него. Он занимается этим ради Душечки. Причем не может знать, что работает на Властелина. На такое он бы все-таки не пошел. Придумал бы другой выход... И на черта ему столько денег?

Мы обязаны его разыскать. Только так. Чем бы отныне ни занимались, наша главная задача — спасти Отряд. А для этого необходимо найти и предупредить Ворона».

Я взглянул на Эльмо и понял, что он со мной согласен. С этого момента мы боремся за спасение нашей семьи.

Ворон почуял неладное. Гоблин обшарил все улицы и переулки, заглянул под каждый камень в Котурне; он практически жил в «Лилии». Но покамест ни черта не нашел. Время между тем убегало. Погода угрожала потеплеть. Мы все больше нервничали.

Можжевельник

Ворон отбыл вскоре после того, как освободился ото льда внешний фарватер. Шед спустился на берег попрощаться и только теперь понял, зачем Ворону понадобились большие деньги. Тот построил и снабдил экипажем целый корабль. Совершенно новый, да какой огромный — Шед отродясь не видел подобных.

— Интересно, сколько мертвяков ему пришлось для этого собрать? — пробормотал он.

До возвращения в «Лилию» таверщик так и не избавился от оторопи. Налив себе вина, Шед устался в пустоту.

— Этот Ворон мне просто приснился, — бормотал он. — Хорошо, что его больше нет. Асы тоже нет. Может быть, теперь все встанет на свои места.

Шед купил дом недалеко от Выгородки. Там он поселил мать, приставив к ней трех слуг. Какое огромное облегчение — избавиться от ее злого невидящего взгляда.

В «Лилии» каждый день бывали посетители. Дела шли неплохо. Ожила гавань, работы там хватало для всех.

Шед не умел обращаться с крупными деньгами. Любое искушение сразу захватывало его целиком. Он покупал одежду, о которой и не мечтал, посещал заведения для богатых, платил за услуги красивым женщинам.

Эти услуги стоят неимоверно, когда ты изображаешь принадлежность к сливкам общества.

В один прекрасный день Шед открыл свой тайник и увидел, что он пуст. Куда ушли все деньги? Ремонт «Лилии» еще не закончен, рабочим не уплачено. Шед должен и людям, ухаживающим за его матерью. Проклятье! Он что, вернулся туда, откуда начал?

Хотя... кое-что все-таки есть в заглавнике. Шед прогромыхал вниз по ступеням, к стойке, открыл денежный ящик и облегченно вздохнул. Он потратил только то, что хранил наверху.

Но все равно что-то не так. Денег в ящике явно не хватает...

— Эй, Дурень!

Кузен посмотрел на него, сглотнул и рванулся к двери. Ошарашенный, Шед выбежал на крыльцо и увидел, как Дурень исчез в переулке. И тут до тавернщика дошло. Точно обухом по голове!

— Черт бы тебя побрал! — взвыл он. — Проклятый вор!

Шед вернулся, чтобы оценить ущерб.

Спустя час он велел рабочим закругляться. Оставив вместо себя новую разносчицу, Лизу, пошел опрашивать поставщиков.

Дурень здорово его облапошил. Он брал товары в кредит, а денежки прикарманивал. Того, что не спер кузен, Шеду едва хватит, чтобы расплатиться с долгами.

Шед раздал все, что было. Когда вернулся в «Лилию», осталась только пара медяков.

Он принялся за подсчеты. По крайней мере, Дурень не продал того, что закуплено в кредит. Запасов в «Лилии» хватает.

Но как быть с матерью?

За дом заплачено, это плюс. Но старушке, чтобы выжить, необходима прислуга. А на прислугу денег нет. Но и возвращать мать в «Лилию» не хочется. Можно продать всю одежду. Он потратил на нее целое состояние, а носить не смеет. Шед прикинул: да, вырученных за одежду денег матери хватит до лета.

Больше никаких нарядов, никаких баб. И перестройку «Лилии» довести до конца... Может, Дурень еще не все украденное спустил.

Найти вора не составило труда. Пару дней тот где-то прятался, а потом вернулся домой, к семье. Он надеялся, что Шед примирится с потерей. Но Дурень не знал, что имеет дело с новым Шедом.

Пинком распахнув дверь, Шед ворвался в тесное жилище кузена.

— Дурень!

Тот пискнул. Его дети, жена, мать — все сразу завопили как оглашенные. Шед не обращал на них внимания.

— Дурень, ты все вернешь! Все до последнего медяка!

Жена Дурня втиснулась между мужчинами:

— Успокойся, Шед. В чем дело?

— Дурень!

Тот совсем забился в угол.

— С дороги, Сал. Он спер почти сотню лев. — Шед схватил кузена и потащил его к выходу. — Ты мне все отдашь.

— Шед...

Таверщик толкнул Дурня, тот оступился и кубарем покатился по лестнице. Шед догнал и пинками спустил еще на один марш.

— Шед, ради всего святого!..

— Где деньги, Дурень? Мне нужны мои деньги!

— У меня их нет! Я все потратил. Честное слово! Малышам нужна одежда. Нам нужна пища. Я не мог удержаться, Шед. У тебя так много всего... Мы же родня, Шед. Ты должен маленько помогать родственникам...

Шед выпихнул Дурня на улицу, ударил ногой в пах, потом выпрямил его и обшарил карманы.

— Где они, Дурень? Ты не мог промотать сразу так много. И твои дети ходят в лохмотьях. Проклятье, я платил достаточно, чтобы ты решил эту проблему. Только потому платил, что ты мой родственник. Мне нужны деньги, которые ты украл!

Все больше распаляясь, Шед волок кузена к «Лилии».

Дурень ныл и изворачивался, не желая рассказывать правду. Шед прикинул, что родственничек стянул явно больше пятидесяти лев, которых вполне хватило бы, чтобы завершить ремонт «Лилии». Это уже далеко не мелкое жульничество. На Дурня посыпался град яростных ударов.

Шед загнал кузена на задний двор, подальше от любопытных глаз.

— Вот теперь, Дурень, мы поговорим по-плохому.

— Шед, умоляю...

— Ты обокрал меня, да еще врешь! Я бы мог простить, если бы ты это сделал для своей семьи. Но деньги потрачены совсем на другое. Говори, куда они ушли! А если не ушли, отдавай! — И Шед от души врезал Дурню.

Боль в руке немного охладила пыл таверщика. Но тут Дурень раскололся:

— Я все проиграл. Знаю, что поступил как болван. Но я был уверен, что вот-вот выиграю. Меня обманули. Убедили, что непременно сорву большой куш. А когда я продулся, единственным выходом было украсть деньги. Иначе бы меня прикончили. Я занял у Гилберта, когда рассказал ему, что у тебя дела пошли в гору...

— Проиграл? Занял у Гилберта? — бормотал Шед.

Гилберт забрался на территорию Карра. Он был ничем не лучше предшественника.

— Ну как можно быть таким идиотом?! — Шедом снова завладела ярость.

Он выхватил кусок доски из кучи деревянного мусора, оставленного на растопку, и с размаху треснул Дурня. Потом ударил снова. Кузен осел на землю, повалился на бок. Он даже не пытался защититься от ударов.

Шед застыл. Ярость мгновенно улетучилась. Избитый не шевелился.

— Дурень? Дурень? Эй, скажи что-нибудь.

Дурень не отвечал.

Внутри у Шеда все сжалось. Он сунул доску обратно в кучу.

— Надо занести дрова внутрь, пока не растащили. — Он потряс кузена за плечо. — Ну же, Дурень! Я не буду больше бить.

Дурень не шевелился.

— О черт! — пробормотал Шед. — Я его пришиб...

Теперь все кончено. Что же делать? Нельзя сказать, что Котурн мог похвастаться приверженностью к законам, но там, где они действовали, суд был скор и суров. Шеда наверняка повесят.

Он огляделся в поисках свидетелей. Никого не видно. Мозг работал сразу в сотне направлений. Выход есть. Если нет тела, нет и доказательств содеянного. Но в одиночку Шед на ту гору не поедет ни за что.

Он торопливо перетащил Дурня к куче мусора и спрятал.

Нужен кулон, чтобы пройти в Черный замок. Где он? Шед ворвался в «Лилию», пронесся по лестнице наверх, нашел кулон и еще раз осмотрел. Точно, сплетенные змеи. Поразительно тонкая работа. Глаза — крохотные драгоценные камушки. В свете полуденного солнца они угрожающе посверкивают.

Он сунул кулон в карман.

«Шед, возьми себя в руки. Запаникуешь — и ты мертвец».

Когда Сал хватится мужа? Через неделю, вряд ли раньше. Куча времени.

Ворон оставил тавернщику свою повозку. Но Шед и не думал платить за нее хозяину конюшни. Может, тот уже продал ее? Если да, то Шед влип.

Он опустошил все денежные ящики и оставил вместо себя Лизу.

Хозяин конюшни ничего не продал, но мулы отощали. Шед отругал его.

— Я что же, должен кормить их за свой счет?

Шед побранился еще немного и отдал то, что задолжал.

— Накорми их, — сказал он. — И к десяти часам запряги.

Весь остаток дня таверщик провел в мучениях. Боялся, что случайно обнаружат Дурня. Но служители закона не явились по душу

Шеда. Вскоре после наступления темноты он тайком выбрался из «Лилии» и направился к конюшне.

Весь путь на гору он проделал, то содрогаясь от ужаса, то прикидывая, сколько получит за кузена. И почему можно сбыть повозку вместе с мулами. Он только теперь вспомнил, что они тоже стоят денег.

Надо помочь семье Дурня. Шед просто обязан так поступить. Это будет очень порядочный жест...

А еще новые иждивенцы на его шею...

И вот перед тавернщиком черные ворота. Замок со всеми своими чудовищными украшениями был просто ужасен, но вроде со времени последнего визита эта громадина нисколько не выросла. Шед постучал, подражая Ворону. Душа ушла в пятки. Левой рукой он судорожно сжимал кулон.

Чего они так долго? Шед снова замолотил кулаком. Одним рывком открылись ворота, испугав до полусмерти. Шед бегом вернулся к повозке, хлестнул мулов.

Въехал он точно так же, как это делал Ворон, не глядя по сторонам, полностью сосредоточившись на управлении упряжкой. Остановился на том же месте, слез и вытащил Дурня.

Несколько минут никого не было. Шед разнервничался еще больше, ругая себя за трусость: надо было приехать вооруженным. Где гарантия, что на него не набросятся? Разве спасет дурацкий кулон?

Какое-то движение. Шед затаил дыхание.

Фигура, выступившая из темноты, была низкой и широкой. От нее прямо-таки шла волна презрения к ничтожному человеку. Незнакомец даже не взглянул на Шеда, зато подверг труп скрупулезному осмотру. Ни дать ни взять мелкий чиновник наслаждается мгновением абсолютной власти над беспомощным просителем. Но Шед знал, как вести себя с такими людьми. Терпеть и ни в коем случае не злиться. Он стоял неподвижно, ожидая решения.

Наконец обитатель замка бросил к ногам Дурня двадцать пять серебряных монет.

Тавернщик скривился, но собрал деньги. Усевшись на повозку, он развернул ее к воротам. И только теперь осмелился высказать свое недовольство.

— За первосортный труп — двадцать пять? Когда приеду снова, дашь нормальную цену, иначе это будет последний раз. Н-но! — Он выехал за ворота, пораженный собственной наглостью.

Возвращаясь, таверщик пел. Чувствовал он себя превосходно и, если не считать затухающих угрызений совести, пребывал в гармонии с окружающим миром. Да и в чем каяться-то? Подонок получил свое.

А Шед на свободе и в безопасности. У него не осталось долгов, а теперь даже запас денег имеет.

Он подогнал фургон к конюшне, разбудил хозяина и заплатил за четыре месяца вперед.

— Заботься о мулах как следует, — потребовал Шед.

Чиновник из магистрата появился на следующий день. Он задавал вопросы насчет исчезновения Дурня. Сал все доложила о скандале.

— Да, — согласился Шед, — я ему показал, где раки зимуют, но что с ним стало потом, не знаю. Он просто смотался. Я бы тоже убежал, если бы тот, кому напакостил, был в таком бешенстве, как я вчера.

— А по какому поводу была драка?

Шед играл роль человека, не желающего никому доставлять неприятностей.

— Кузен работал на меня, — с притворной неохотой признался он, — и украл деньги. Якобы взял ссуду, чтобы оплатить игорные долги. Поговорите с моими поставщиками, они расскажут, что это за ссуда. Мне он говорил, что расплачивается с ними наличными.

— О какой сумме речь?

— Не могу сказать точно, — ответил Шед. — Что-то порядка пятидесяти лев. Это больше, чем я зарабатываю за все лето.

Чиновник, задававший вопросы, присвистнул.

— Не могу обвинять вас за то, что вышли из себя, — сказал он.

— Ага. Я бы простил растрату, если бы он хотел помочь своей семье, у него семеро по лавкам. Но просадить в карты... Ей-богу, я не на шутку рассердился. Ведь сам в долги залез, чтобы привести таверну в порядок. Занял большие деньги под большие проценты. А теперь я вряд ли дотяну до весны, и все потому, что этому подонку приспичило поиграть. Вернется — я, наверное, опять задам ему трепку.

Представление было разыграно на славу, Шеду поверили.

— Хотите подать официальную жалобу?

Шед изобразил смущение.

— Он мой родственник. Кузен.

— Я бы и своему папаше хребет сломал, если бы он учинил такое.

— Хорошо, я подам жалобу. Но не вешайте его сразу, когда поймаете. Может, он возьмется отработать или расплатиться как-нибудь. Черт, да наверняка у него еще что-то осталось. Конечно, Дурень соврал, что проиграл все деньги. Он вообще много врет. — Шед покачал головой. — Он здесь поденно работает еще с тех пор, как заведение принадлежало моему отцу. Я и представить себе не мог, что он выкинет такой номер.

— Знаете, как это бывает... Слишком глубоко залезаешь в долги — и стервятники берут тебя за жабры. И ты уже готов на все ради спасения своей задницы. Для вас это сюрприз, а мы такое наблюдаем каждый день.

Шед кивнул. Он прекрасно знал, о чем говорит собеседник.

— **П**ойду проветрюсь, — сказал он Лизе, когда чиновник ушел. Хотелось напоследок развлечься, прежде чем вплотную заняться делами в «Лилии».

И Шед взял самую красивую и умелую женщину, какую только смог отыскать. Цена была немалой, но шлюха стоила этих денег, до последнего паршивого медяка. В «Лилию» Шед вернулся, мечтая жить так всегда. Эта женщина снилась ему ночью.

Лиза разбудила его рано.
— Тут человек, он хочет вас видеть.

— Кто?

— Не назвался.

Ругаясь, Шед слез с кровати. Он даже не пытался прикрыть наготу. Не однажды намекал он Лизе, что помимо обязанностей по хозяйству она могла бы взять на себя и еще кое-какие. Но та упорно не желала идти навстречу. Ничего, он что-нибудь придумает... Все же надо быть осторожнее. Он просто помешался на сексе. Кто-нибудь может этим воспользоваться.

Тавернщик спустился вниз. Лиза показала на гостя. К числу знакомых тот не принадлежал.

— Ты хотел меня видеть?

— Где тут можно поговорить без свидетелей?

Тяжелый случай. Но ведь Шед никому не должен и врагов у него нет.

— В чем дело?

— Давай потолкуем о твоём кузене. О том, что исчез он совсем не так, как думают люди.

У Шеда душа ушла в пятки. Но он постарался ничем не выдать ужаса.

— Я не понимаю.

— Думаешь, никто не видел, что произошло?

— Пойдем на кухню.

Из кухни незнакомец выглянул назад.

— Какой-нибудь любитель сплетен может подслушать, — пояснил он.

Затем он подробно описал Шеду, как все было.

— И кто тебе рассказал эту байку?

— Я сам видел.

— Во сне или по накурке?

— А ты держись лучше, чем я ожидал. Вот что я тебе скажу, дружище. Моя память — хитрая штука. Кое-что я могу забыть насовсем. В зависимости от того, как со мной обращаются.

— А-а, теперь начинает доходить. Деньги за молчание.

— Правильно рассуждаешь.

Мысли Шеда метались, как перепуганные мыши. Такой вариант ему просто не по карману. Необходимо найти другой выход. Но сейчас он не может ничего предпринять, слишком ошарашен. Нужно время, чтобы собраться с мыслями.

— Сколько?

— Лева в неделю обеспечит полнейшую амнезию.

Шед выпучил глаза, изо рта вырвалось что-то нечленораздельное. Но он проглотил протест.

Вымогатель пожал плечами: мол, что он может поделать?

— У меня тоже есть проблемы, я на мели. Так что лева в неделю — или можешь испытать судьбу.

Шеду вдруг подумалось о Черном замке. Что-то низменное заставило его уцепиться за эту идею, вернуть ее назад и рассмотреть со всех сторон. Мысль об убийстве больше его не смущала.

Но не сейчас и не здесь.

— Как с тобой расплатиться?

— Просто дай леву, — ухмыльнулся незнакомец.

Шед принес на кухню денежный ящик.

— Тебе придется взять медью, у меня нет серебра.

Ухмылка стала еще шире, вымогатель явно был доволен. Почему?

— Лиза, у меня к тебе дело, — сказал Шед, когда незнакомец скрылся за дверью. — Я заплачу. Ступай за этим типом, узнай, куда он пошел. — Он дал пять гершей. — Еще пять получишь, когда вернешься. Конечно, если твой рассказ будет чего-нибудь стоить.

Взмахнув юбками, Лиза выскользнула из «Лилии».

— Он долго бродил по округе, — докладывала девушка, — как будто убивал время. Потом пошел по улице Парусных Мас-теров к тому одноглазому процентщику.

— Гилберту?

— Да, к нему.

— Спасибо, — задумчиво проговорил Шед. — Это проливает свет.

— Стоит пяти гершей?

— Да, конечно. Хорошая девочка.

Расплачиваясь, он сделал Лизе очередное нескромное предложение.

— Ну, еще не до такой степени я нуждаюсь в деньгах, господин Шед.

Он вернулся на кухню и принялся готовить ужин. Значит, за вымогателем стоит Гилберт. Процентщик хочет, чтобы Шед залез в долги? Почему?

«Лилия». Какая еще может быть причина? Ремонт превратил заведение в лакомый кусок.

Итак, Гилберт начал кампанию по захвату «Лилии». Надо бороться. Но на этот раз Шеду никто не пособит, рассчитывать можно только на себя.

Через три дня Шед пошел к знакомому, жившему в нижней части Котурна. За вознаграждение ему назвали имя. Таверщик посетил обладателя этого имени и заплатил две серебряные монеты.

Вернувшись в «Лилию», он попросил Лизу сообщить самым лучшим клиентам, что Гилберт, угрожая и распуская лживые слухи, пытается выгнать Шеда. Он хотел, чтобы у магистрата заранее возникли подозрения насчет процентщика.

Утром того дня, когда снова нужно было платить, Шед подошел к Лизе:

— Меня весь день не будет. Если кто-нибудь явится по мою душу, скажи, чтобы приходил после ужина.

— А тому типу, за которым я следила, что передать?

— Вот это самое и передай.

Сначала Шед просто шатался, убивая время. С каждым часом он все сильнее нервничал. Если что-нибудь пойдет не так, Гилберт совсем разъярится... Но ведь он не решится на крайние меры? Это подорвет его репутацию. Шеду защищают слухи, им же и распущенные. Люди будут обходить Гилберта стороной, если он раздавит тавернщика.

Шед нашел женщину. Она стоила чересчур дорого, но помогла ему забыться. К заходу солнца он вернулся в «Лилию».

— Приходил? — спросил таверщик Лизу.

— Еще вернется. По-моему, этот человек разозлился. Непохоже, господин Шед, что он будет вежлив.

— Так и должно быть. Меня он найдет на заднем дворе, у кучи дров.

Шед бросил взгляд на посетителя, который был в «Лилии» впервые. Тот кивнул и вышел через переднюю дверь.

Таверщик рубил дрова при свете фонаря. Снова и снова он вглядывался в темноту, но ничего не замечал. Шед молился о том, чтобы все прошло как задумано.

Из кухонной двери выскочил вымогатель:

— Хочешь надуть меня, Шед? Знаешь, чем кончаются такие шутки?

— Надуть? Ты о чем? Я же перед тобой.

— Днем тебя не было в таверне, а теперь твоя девчонка попыталась меня выгнать. Я уже хотел ее вздуть, но она наконец сказала, где ты.

Весьма изобретательно. Шед с тревогой подумал, о многом ли догадывается Лиза.

— Давай без истерик. Тебе нужны деньги, а мне — чтобы твоя мерзкая рожа здесь не появлялась. На этом и закончим.

Вымогатель явно растерялся.

— Хамишь? А мне говорили, в Котурне ты первый трус.

— Кто говорил? Значит, за тобой кто-то стоит? Это он тебя подослал?

Вымогатель понял свою ошибку, его глаза сузились.

Шед достал пригоршню меди. Он долго отсчитывал монеты, потом отложил несколько штук, снова пересчитал.

— Давай руки.

Вымогатель протянул соединенные ладони.

Шед не думал, что это окажется так просто. Он отбросил монеты и схватил человека за запястья.

— Эй! Какого черта?

Рука зажала ему рот. За его спиной появилось лицо: рот перекошен от натуги. Шантажист поднялся на цыпочки, выгнулся назад. От страха и боли его глаза распахнулись, потом закатились. Он повалился ничком.

— Отлично, — сказал Шед. — А теперь мотай отсюда.

Удаляющиеся шаги вскоре затихли в темноте.

Шед оттащил покойника в тень, забросал обломками досок, затем опустился на колени и собрал монеты. Две найти не удалось.

— Что вы делаете, господин Шед?

Он подпрыгнул:

— Это ты что здесь делаешь?!

— Пришла посмотреть, все ли у вас в порядке.

— Да, все нормально. Мы тут поспорили, он выбил у меня из рук несколько монет. Не могу их отыскать.

— Помочь?

— Давай за стойку, девочка. Или нас обворуют подчистую.

— Как скажете. — Она скрылась внутри.

Через несколько минут Шед решил прекратить поиски. Завтра деньги найдутся.

Он весь извелся, ожидая, когда настанет время закрывать заведение. Лиза слишком добросовестная, не ровен час пойдет искать монеты и наткнется на тело. Он не хотел брать на совесть еще и ее исчезновение.

Спустя две минуты после закрытия он вышел через заднюю дверь и направился к конюшне.

Сегодня опять дежурил длинный. Он заплатил Шеду тридцать монет.

— Почему ты так редко приходишь? — спросил обитатель замка, когда Шед развернул телегу.

— Я не так опытен, как мой партнер.

— Что с ним стало? Мы скучаем.

— Его нет в городе.

Шед готов был поклясться, что слышал, как эта тварь хихикала, когда он выезжал за ворота.

Можжевельник. Сплошная беготня

Прошло много времени, но все оставалось по-старому. Взятым это не нравилось. Эльмо тоже. Он затащил меня к себе в комнату.

— Куда, черт возьми, подевался Ворон?

— Не знаю, — ответил я.

Как будто его одного так волновал этот вопрос. Мне было страшно и с каждым днем становилось все страшнее.

— Я должен узнать. И поскорее.

— Слушай, старик, Гоблин делает все возможное, только что не пытается людей, стараясь выйти на след. Ворон исчез с концами. Как-то исхитрился нас обмануть.

— Как-то — это как? Не соблаговолишь ли уточнить? Мы здесь уже полжизни провели, такое ощущение. А внизу еще никто не заметил нашего присутствия. Чем Ворон от них отличается?

— Тем, что мы его ищем. И кто-то из нас попался ему на глаза.

— Это всего лишь догадки, а я хочу точно знать, что произошло. Ты сейчас попрыгнешь вниз и подпалишь Гоблину задницу. Понял?

— Как прикажете, начальник.

Хоть он и командовал нашей группой, практически я был выше по званию. Но сейчас не хотелось заострять внимание на субординации. Слишком напряженная обстановка.

Черепицу лихорадило, и я крайне слабо понимал происходящее. Взятые изучали Черный замок, но не считали нужным посвящать меня в свои успехи и неудачи. Я был просто одним из мальчиков на побегушках, приносящих информацию из города. Позволил ли внешний осмотр замка прийти к каким-то выводам — это оставалось для меня тайной. Да и проводился ли он, этот внешний осмотр? Взятые могли и соврать, побоявшись своим присутствием насторожить Властелина.

Один из наших нашел меня у Эльмо.

— К Шепот, Костоправ.

Я аж подпрыгнул. Тому виной моя нечистая совесть.

— Зачем? — Я не виделся с ней уже несколько недель.

— Придется тебе самому это выяснить. Она ничего не сказала. —

Решив, что я попал в немилость, он прямо-таки сиял — солдату в радость, когда офицеру мылят холку.

Потянув время, сколько смог, я все-таки был вынужден предстать перед Шепот. Меня встретил ее свирепый взгляд.

— Вы, господа, так ни черта и не нашли. Чем изволите заниматься? Землю носом роете? А может, груши околачиваете? Не слышу ответа.

— Я...

— Тебе известно, что Черный замок перестал расти, после того как мы взяли шайку Жерла? Нет? Почему? Это ты должен сообщать мне о таких вещах.

— Никто из пленных не имеет отношения к...

— Я в курсе. Как и о том, что никто из них не знает поставщика трупов в замок. Но этот поставщик должен знать их. Он затаился. С тех пор в замок было доставлено только два тела. Последнее — нынче ночью. Почему ты об этом не пронюхал? Зачем тебе люди в Котурне? Непохоже, чтобы от них был хоть малейший прок.

Ну и настроеньице у нее.

— А что, у нас кончается время? — спросил я. — Насколько я понимаю, из-за нескольких мертвецов серьезные неприятности нам не угрожают.

— Надеюсь, время еще есть. Но мы достигли той точки, когда один труп, брошенный на огромную кучу, может все изменить.

Я закусил нижнюю губу — когда получаешь выволочку, надо держать соответствующую мину.

— Госпожа требует результата, — пояснила Шепот. — Она очень нервничает и желает, чтобы мы наконец зашевелились.

Ну понятно. Дерьмо катится сверху вниз, уж таков закон природы. Он справедлив и для армии: мне полагается, выйдя отсюда, отыгаться на первом встречном, кто ниже меня по званию.

— Одна из наших проблем такова: мы не имеем понятия о том, что здесь происходит. И если вы говорите, что знаете про замок, как он растет и все прочее, то почему бы вам просто не разнести его вдребезги? Не превратить во что-нибудь? Вроде крынки с виноградным вареньем?

— Это не так просто.

Это всегда непросто. Я не мастер угадывать политические последствия. Да и какой из меня политик?

— Наверное, скоро здесь появится весь ваш Отряд. Город надо брать в ежовые рукавицы, а для герцога и его профанов это непосильная задача.

Я стоял с выражением ожидания на лице. Иногда это заставляет собеседника сказать больше, чем он собирался.

— Город взорвется, когда узнает правду, если его сейчас же не обуздать. Как думаешь, почему могильным сторожам так хочется потушить скандал с осквернением Катакомб? Несколько тысяч горожан отправили своих родственников в этот чудовищный склеп, и если станет известно, что дорогие им души потеряны, мы получим разъяренную толпу.

— Понятно.

Хотя на самом деле я понимал крайне мало. Но крайне мало — лучше, чем вообще ничего.

— Будем действовать по-другому, — решительно проговорила Шепот. — Я руковожу вашим расследованием, решаю, что вам надо делать и чего не надо. А ты ежедневно докладываешь мне. Это ясно?

— Да, сударыня.

Яснее некуда. Теперь будет очень трудно предотвратить ее встречу с Вороном.

— В первую очередь потрудись установить наблюдение за замком. Если это ничего не даст, я пошлю туда Перо. Понял?

— Да, сударыня.

Интересно, подозревает ли Шепот, насколько разные у нас с ней цели?

— Можешь идти. Жду тебя завтра. С хорошими новостями.

— Да, сударыня.

Кипя от злости, я пошел прямо к Эльмо. Это он должен был встретиться с ней, а не я. По той простой причине, что у меня своих дел по горло.

Я уже почти пересказал ему разговор с Шепот, когда пришел посыльный от Вола. Тот хотел меня увидеть немедленно.

Вол стал еще одной проблемой. Я подозревал, что на самом деле он гораздо сообразительнее, чем выглядел. И почти наверняка он догадывался, что наши истинные цели очень сильно отличаются от заявленных.

В штабе тайной полиции у него была комнатуха. Я втиснулся туда.

— Тебе чего?

— Есть небольшая подвижка по делу Катакомб. Мы хорошо поработали ногами, и вот результат.

— Дальше? — Я был изрядно на взводе, и он вопросительно приподнял бровь.

— Только что побывал на ковре у начальства, — пояснил я с минимально допустимым намеком на извиняющийся тон. — Что у тебя?

— Имя.

Я ждал. Как и Эльмо, Вол любил, чтобы его поупрашивали. Но у меня не было настроения играть в такие игры.

— Я не забыл твоих слов насчет аренды повозок. Всплыло имя Аса. Человек с таким именем, вероятно, лазал в пролом, что я тебе показывал. Человек с таким именем истратил несколько старых монет, но еще до ограбления Катакомб. Наконец, человек с таким именем работал на Карра, перед тем как тот исчез вместе со своей бандой. Куда бы я ни сунулся, везде слышу про этого Асу.

— Он как-то связан с Черным замком?

— Вряд ли он чем-нибудь заправляет. Но должен что-то знать.

Я напряг память. Вол уже упоминал однажды это имя, оно принадлежало человеку, ошивавшемуся там же, где и Ворон. Может быть, между ними и есть связь. Похоже, мне придется найти Асу до того, как это сделает кто-либо другой.

— Я иду вниз, в город, — сказал я. — Прямое распоряжение ее превосходительства. Возьму Гоблина, и мы разыщем парня.

Вол нахмурился. Ему очень не понравилось, что мы направили своих людей в город, не посоветовавшись с ним.

— Ладно. Но больше со мной мухлевать не надо, понял? Мы преследуем разные цели, но это не причина подставлять друг друга.

— Ты прав. Просто мы привыкли все делать по-своему. Увидимся, когда вернусь.

— Весьма обяжешь.

Вол посмотрел на меня так, что я понял: он мне больше не доверяет. Если и доверял раньше. Я ушел, размышляя о том, что Отряд сильно увяз в дерьме и я вместе с ним. Кругом одни проблемы. Мы как жонглер, который набрал слишком много булав. Только у нас не безобидные цирковые палки, а кинжалы с отравленными лезвиями.

Побродив по улицам, я пошел к Гоблину и поведал ему о новых затруднениях. Нельзя сказать, что новость доставила ему больше радости, чем Эльмо или мне.

Можжевельник. Допрос

Проблем с вымогателями у Шеда больше не возникало. Правда, кто-то все-таки рассказал в магистрате, что Дурня убил таверщик, но там не поверили. Или просто чиновникам было наплевать.

Потом в «Лилию» вдруг заявился напарник Вола. Шед чуть не уронил на пол дорогую посудину. Он уже было поверил, что беда миновала. Людей, что-то знавших, раз-два и обчелся, и они уже очень далеко. Обуздав нервы и мучительное чувство вины, Шед подошел к столу, за которым сидел нежеланный гость.

— Чем мы можем вам служить, достопочтенный господин?

— Принеси отменной снеди и лучшего вина, уважаемый хозяин.

— Сударь? — удивленно посмотрел на него Шед.

— Я заплачу. В Котурне никто не раздает еду бесплатно.

— Что правда, то правда, сударь.

— Похоже, хозяин, твои дела идут неплохо, — огляделся инквизитор, когда таверщик вернулся с кувшином.

Шед фыркнул:

— Мы едва сводим концы с концами, достопочтенный господин. По краю пропасти ходим, ей-богу. Неделя без прибыли — и хоть по миру иди. Каждую зиму я вынужден занимать деньги у одного ростовщика, чтобы заплатить другому. Впрочем, нынешнее лето удачное, я нашел хорошего компаньона и сумел привести заведение в порядок, сделать его чуть более привлекательным. Наверное, это мой последний вздох перед тем, как я вылечу в трубу. — И он строил самую кислую мину.

Инквизитор кивнул:

— Оставь бутылку, пусть наше братство немного поспешествует твоему процветанию.

— Я отдам ее по оптовой цене, достопочтенный господин.

— Не валяй дурака, возьми с меня как с обычного посетителя.

В уме Шед задрал цену на двадцать процентов. Он был рад избавиться от бутылки — после отъезда Ворона никак не удавалось продать это вино.

— Бери кружку и присоединяйся, — предложил инквизитор, когда Шед принес блюда.

Нервы у тавернщика натянулись, как тетива лука. Что-то не так. Этот тип явился неспроста.

— Как пожелаете, достопочтенный господин.

Шед подошел к столику, прихватив свою персональную кружку. Та была покрыта пылью. В последнее время Шед не увлекался вином — боялся распустить язык.

— Присаживайся. И убери с лица угрюмое выражение. Ты же ничего плохого не совершил, верно? Я даже имени твоего не знаю.

— Шед, достопочтенный господин. Маррон Шед. «Железная лилия» уже три поколения принадлежит моей семье.

— Восхитительно. Заведение с традициями. В наше время ими не очень-то дорожат.

— Как скажете, достопочтенный господин.

— И впрямь наша репутация бежит впереди нас. Ты успокоишься, наконец?

— Что я могу для вас сделать, достопочтенный господин?

— Я ищу некоего Асу. Слышал, он часто здесь бывал.

— Да, сударь, раньше, — подтвердил Шед. — Я хорошо его знал. Никудышный, ленивый человечек. Ненавидел честный труд. Я бы и медяка за него не дал. Хотя, несмотря ни на что, мы приятельствовали. Он был даже по-своему благороден. Зимой я позволял ему ночевать здесь, потому что в трудные времена он приносил дров для камина.

Инквизитор кивнул. Шед решил рассказать почти всю правду. Все равно он ничем не повредит Асе — тот теперь недосыгаем для могильных сторожей.

— А тебе известно, где он брал дрова?

Шед изобразил сугубое смущение.

— В Выгородке, достопочтенный господин. Принимая эти дрова, я спорил со своей совестью. Ничего противозаконного — но все равно предосудительно.

Инквизитор улыбнулся и опять кивнул.

— Совесть есть нет причин, Маррон Шед, закон не запрещает собирать хворост. Выгородка не должна выглядеть слишком запущенной.

— Тогда почему вы ищете Асу?

— Насколько я понял, он работал на некоего Карра.

— Да, было дело. Аса возомнил себя королем Котурна, когда Карр взял его к себе. Ходил задрав нос и хвастался напрапалую. Но недолго.

— Я слышал, что недолго. Вот именно конец этой истории и интересует меня.

— Господин?

— Карр исчез, а заодно и кое-кто из его подручных. Пропал и Аса, примерно в то же время. И случилось это вскоре после того, как кто-то забрался в Катакомбы и похитил несколько тысяч урн перехода.

Шед напустил на себя удивление и ужас:

— Это сделали Карр с Асой?

— Возможно. Аса, после того как затеял собирать в Выгородке хворост, начал тратить старые деньги. Мы полагаем, он мелкая сошка. Возможно, каждый раз парень прихватывал несколько урн, а потом об этом узнал Карр и решил поставить дело на широкую ногу. Тогда-то и случился у них разлад. Это если допустить, что у Асы была хоть капля совести.

— Возможно, сударь. Хоть и не принято возражать гостю, но я все же скажу. Есть один человек, его зовут Ворон. Карр захотел убить Ворона и нанял Асу следить за ним. Мне об этом сам Аса сказал. Карр решил, что помощник плохо работает. Мой приятель вечно портачил. По крайней мере, никогда не старался сделать что-нибудь хорошо. Впрочем, это не опровергает вашу версию, Аса мог сказать неправду. Тот еще был враль.

— А какие отношения у Асы с Вороном?

— Никаких.

— А где Ворон сейчас?

— Он покинул Можжевельник, как только в гавани растаял лед.

Инквизитор казался одновременно и озадаченным и довольным.

— И что же стало с Карром?

— Никто не знает, достопочтенный господин. Это величайшая загадка Котурна. Просто исчез однажды — точно корова языком слизнула. Слухи ходят самые разные.

— Может, он тоже убрался из Можжевельника?

— Может быть. Некоторые в этом убеждены. Но Карр все равно никому бы не сказал о своих намерениях. Люди из его шайки тоже ничего не знают.

— Или скрывают правду. Не мог ли он добыть в Катакомбах столько денег, что имело бы смысл свалить отсюда?

Шеда озадачил этот вопрос. В нем крылась ловушка.

— Сударь, не понимаю, о чем вы.

— Гм... Шед, ограблены тысячи мертвецов. Многие из них попали в Катакомбы еще в те времена, когда богачи были очень щедры. Мы допускаем, что там могло лежать золото.

У Шеда перехватило дыхание. Он не видел никакого золота. Инквизитор лжет. Зачем? Опять ловушка?

— Это самое большое ограбление в истории Котурна. И нам хочется задать Асе пару вопросов.

— Могу себе представить. — Шед закусил губу, напряженно думая. — Господин, я не возьмусь гадать, что стало с Карром. Но мне кажется, что Аса сел на судно и уплыл на юг.

Он пустился в длинный рассказ о том, как Аса, порвав с Карром, явился в «Лилию» и попросил убежища. Однажды он ушел и вернулся весь израненный. Некоторое время прятался наверху, а потом исчез. Шед сказал, что видел его только издали, в порту, в тот день, когда первые корабли отправлялись на юг.

— Я так и не подошел к нему поговорить, но выглядел он так, будто собрался в дорогу. При нем была пара тюков.

— Что за судно, помнишь?

— Господин?

— Как называется корабль, на который он сел?

— Вообще-то, я видел его только на берегу, сударь. Просто решил, что он уплывет. Может, Аса все еще здесь околачивается. Хотя вряд ли, иначе он непременно зашел бы ко мне. Всегда приходил, когда у него случались неприятности. У него ведь и сейчас неприятности, я угадал?

— Возможно. Слишком мало сведений, чтобы делать выводы. В одном я уверен: Аса участвовал в ограблении. А ты Карра в порту не видел?

— Нет, сударь. Там было полно народу. Когда отчаливают первые корабли, непременно собирается толпа зевак. У нас это вроде праздника.

Поверил ли собеседник? Черт возьми, он просто обязан поверить! Инквизитор не из тех, от кого можно избавиться, отвезя его труп в Черный замок.

Инквизитор устало покачал головой:

— Я боялся услышать от тебя что-нибудь вроде этого. Проклятье! Ты не оставил мне выбора.

Шед сжался, сердце почти остановилось, в голове замелькали безумные идеи. Шарахнуть инквизитора по башке, схватить свои деньги и дать деру...

— Я ненавижу путешествовать, Шед. Но похоже, Волю или мне придется последовать за этими людьми. Как ты думаешь, кому из нас достанется эта работенка?

Нахлынуло облегчение.

— Гнаться за ними, достопочтенный господин? Но ведь на юге не признают за братством могильных сторожей права...

— Считаешь, это будет нелегко? Варвары совершенно нас не понимают. — Инквизитор налил себе вина и надолго уткнулся взглядом в кружку. — Благодарю тебя, Маррон Шед, — наконец сказал он. — Ты здорово нам помог.

Шед надеялся, что это не так. Он поднялся:

— Что-нибудь еще, достопочтенный господин?

— Пожелай мне удачи.

— Конечно, сударь. Я буду молиться за успех вашего расследования.

Инквизитор кивнул, поблагодарил и снова ушел в себя.

Он оставил хорошие чаевые. Но Шеду, когда он складывал деньги в карман, было нерадостно. У инквизиторов репутация отъявленных упрямец. Чего доброго, они все-таки доберутся до Асы.

Можжевельник. Танец Теней

— Похоже, я ловко обтяпал дельце, — сказал я Гоблину.
— Надо было видеть этого Шеда, — хихикнул Ростовщик. — Цыпленок, потный как свинья и лживый как собака. Скотоферма в одной тушке.

— Лгал ли он? — задумчиво проговорил я. — Шед не сказал ничего противоречащего тому, что знаем мы.

— Что ты из него вытянул? — спросил Гоблин.

— А по-моему, он врет, — настаивал Ростовщик. — По крайней мере, не рассказывает всего, что ему известно. Он в этом как-то замешан.

— Тогда продолжай приглядывать за «Лилией». Следи за каждым его шагом.

— Так что тебе удалось узнать? — допытывался Гоблин.

Вошел Эльмо:

— Ну как?

— Великолепно, — сказал я. — Я выяснил, что стало с Вороном.

— Что?! — воскликнули они с Гоблином в один голос.

— Он покинул город. На корабле. Едва открылась гавань.

— Душечка тоже? — спросил Гоблин.

— А ты видел ее здесь? Конечно, она не рассталась с Вороном. Бьюсь об заклад, что и Аса смотался вместе с ними, — пробормотал Ростовщик. — Старый хрыч Шед сказал, что оба свалили в первый же день навигации.

— Возможно. — Я был горд собой оттого, что заставил таверницу расколоться. — Такое впечатление, что Шед теперь единственная ниточка, ведущая к Ворону. Только он знает, куда подевались беглецы. Не будет Шеда — и никто ничего не расскажет ни Волу, ни Взайтым.

Эльмо нахмурился. Это предложение было скорее в его стиле, чем в моем. Он решил, что я говорю вполне серьезно.

— Не знаю. Слишком просто. Но вообще-то, мы уже мозолим глаза жителям Котурна. Я прав?

Гоблин кивнул:

— Мы прикидываемся матросами, отставшими от корабля, но люди сопоставляют все, что замечают, и пытаются понять, кто мы такие. Если Шеда постигнет внезапная кончина, у Вола непременно появятся разные мыслишки насчет нас. А если подозрения возникнут у него, то рано или поздно они достигнут Взятых. Я считаю, надо попрiderжать крайние меры для крайних обстоятельств.

Ростовщик был полностью с этим согласен.

— Шеду есть что скрывать, я нутром чую. Костоправ рассказал ему про ограбление Катакомб, а тот и ухом не повел. Другой бы на его месте завопил от ужаса и побежал разносить слух.

— Кегля еще присматривает за ним? — спросил я.

— С Лопухом и Щекоткой по очереди. Шеду не улизнуть незамеченным.

— Хорошо, продолжайте в том же духе, но не переусердствуйте. Все, что нам нужно, — это держать его подальше от Вола и Взятых. — Я снова погрузился в раздумья.

— Ну? — наконец спросил Эльмо.

— Когда я разговаривал с Шедом, у меня появилась идея. С Волом мы рискуем больше всего, правильно? И нам известно, что он бульдог — если ухватится, то уже не отпустит. А он сейчас взял след Асы. Так почему бы не вдолбить ему, что он должен отправиться за беглецом на юг?

— Не знаю, — просипел Эльмо. — Он ведь может и найти беглеца.

— Но зачем ему нужен Аса? Только чтобы допросить касательно ограбления Катакомб. А какое содействие будет оказано Волу там, на юге? Думаю, что никакого. По слухам, в городах южнее на побережье считают, что Можжевельник — это просто дурная шутка. И вообще, нам бы только выиграть время. А если Вол доберется до Асы, то, скорее всего, он доберется и до Ворона. А тот вряд ли хочет, чтобы его вернули в Можжевельник, он ведь уверен, что Взятым нужна Душечка. Будет драчка, и я, пожалуй, поставлю на Ворона. Понимаете, к чему я клоню? Он выведет из игры единственного обладателя опасных для нас сведений, на время или навсегда. Ну а если Вола пощастливится прикончить Ворона, тот не сможет ничего рассказать.

— А как ты собираешься убедить Вола? — спросил Эльмо. — Это глупо, Костоправ. Он не помчится за тридевять земель сломя голову из-за мелкого подозрения.

— Помчится. Вспомните: когда мы только прибыли сюда, все время приходилось ему переводить. Как думаете, где он выучил

языки Драгоценных городов? Я его спрашивал. Он провел там три года, гоняясь за таким же плюгавым жуликом, как и Аса.

— Этот бардак день ото дня все хуже, — сказал Гоблин. — Мы уже столько лжи наворотили — сам черт в ней ногу сломит. Сдается, прикрывать себе задницу до прибытия Капитана — это теперь самая главная задача для нас.

У меня частенько возникало чувство, что мы лишь усугубляем и без того тяжелую ситуацию, но я не видел другого выхода, кроме как гнуть свою линию. То есть вынюхивать и надеяться.

— Наилучший вариант, — проворчал Эльмо, — это прикончить всех, кто знает хоть самую малость, а после броситься на собственные мечи.

— Звучит чересчур радикально, — заметил Гоблин. — Но если ты решишь стать первым, я пойду сразу за тобой.

— Мне нужно на доклад к Шепот, — сказал я. — У вас найдется какая-нибудь блестящая идея, чтобы я явился не с пустыми руками?

Ни у кого не нашлось. Я отправился, страшась этой встречи. Наверняка всякий раз, когда я предстал пред очи Шепот, в моих собственных очах четко читалась вина. Я злился на Эльмо, потому что ему не приходилось терпеть ежедневные гневные нападки Взятой.

С Волом все получилось как нельзя проще. Я не успел закончить свою дурацкую байку, а он уже засобирался в путь. Ему очень хотелось сцапать Асу.

Интересно, знает ли Вол что-нибудь такое, чего не знаем мы? Или ему и впрямь не дает покоя эта история с оскверненными Катакомбами?

С Шепот было сложнее.

— Хочу, чтобы ты послал кого-нибудь вместе с ним, — потребовала она.

На это нужно было что-то ответить, вот я и выложил ей почти всю правду. Мне казалось, что шансы выследить Асу и Ворона практически равны нулю, но... Шепот заинтересовалась моим рассказом. Возможно, она знала больше, чем говорила. Как-никак сама из Взятых.

Эльмо собрал трех человек, присовокупил к ним Кеглю и наказал ему пырнуть Вола ножом, как только покажется, что в этом назрела необходимость.

Я уже говорил, что Капитан и Черный Отряд находились в Бедовых горах, в сотне миль от Можжевельника. На пути у них лежали трудные перевалы, и я с нетерпением ждал прибытия наших. Когда здесь появится Старик, нам с Эльмо станет полегче.

— Поторопитесь, — пробормотал я и вернулся к нагромождению уловок и запутыванию следов.

Можжевельник. Любовники

Маррон Шед влюбился. Причем самым наихудшим образом — в женщину намного моложе его. Такую роскошную содержанку, со столь взыскательными вкусами, он просто не мог себе позволить.

Он пустился во все тяжкие, обезумел, как олень в пору гона. Наплевав на последствия, проматывал последнюю наличность, словно она появлялась из неисчерпаемого денежного ящика. Тайники опустели. Через две недели после того, как он встретил Сью, пришлось идти к Гилберту, процентщику. Потом еще один заем, и еще. За месяц Шед увяз в долгах, каких не бывало зимой.

Но его ничто не заботило. Женщина сделала его счастливым, и это оправдывало все. Отметая любые неприятные обстоятельства, Шед все больше погружался в дремучую глупость и бессознательную уверенность, что деньги больше никогда не станут причиной неприятностей.

Однажды утром в «Лилию» зашла Сал, жена Дурня. Вид у нее был угрюмый и немного пристыженный.

— Маррон, — сказала она, — мы можем поговорить?

— В чем дело?

— Ты собирался помочь нам с жильем и вещами.

— Да, а что такое?

— Не хочу показаться неблагодарной, и, конечно, у меня нет никакого права рассчитывать на твою помощь, но хозяин угрожает выкинуть нас на улицу, потому что мы уже две недели не платим. И не заработать никак — сейчас нет заказов на шитье.

— За жилье не заплачено? Но я виделся с ним совсем недавно...

Какое там недавно! Шед забыл. И о семье Дурня, и о своей матери тоже. Через несколько дней надо будет заплатить ее прислуге. Не говоря уже о Лизе.

— О боже! — ахнул он. — Прости, Сал, я запамятовал. Не беспокойся, все сделаю.

— Шед, ты добр к нам. Хотя и ничем не обязан. Мне больно смотреть, как ты погружаешься в пучину.

— В какую пучину?

— Эта женщина хочет тебя разорить.

Он был слишком озадачен, чтобы рассердиться.

— Сью? Разорить? Зачем?

— Брось ее. Будет лучше, если ты сделаешь это сейчас. Все вокруг видят, чего она добивается.

— А чего она добивается? — уныло спросил Шед.

— Не бери в голову, я и так уже наговорила лишнего. Если мы можем чем-нибудь тебе помочь, только скажи.

— Хорошо, скажу, — пообещал он.

Шед поднялся по лестнице, открыл тайник и обнаружил, что он совершенно пуст.

Ни внизу, ни наверху ни единого герша. Что происходит?

— Лиза, где все деньги?

— Я их спрятала.

— Что?

— Убрала подальше. Если будете продолжать в том же духе, то скоро потеряете заведение. Когда понадобятся деньги на разумные расходы, скажите, я выдам.

Шед выпучил глаза. Он задыхался.

— Черт возьми! Да кем ты, соплячка, себя возомнила?

— Эта соплячка не даст вам опуститься на дно. Эта соплячка не позволит подосланной Гилбертом бабе обвести вас вокруг пальца.

— Подосланной? Гилбертом?

— Да. А вам и невдомек?

— Убирайся! — бросил Шед. — Ты здесь больше не работаешь.

Лиза пожала плечами:

— Как скажете.

— Где деньги?

— Где надо. Приходите за ними, когда возьметесь за ум.

Шед закатил скандал. Посетители аплодировали, подзуживали его. Он угрожал, он завывал — все без толку. Ничто не помогало. Лиза оставалась непреклонной.

— Не лезь в мои личные дела! — бушевал он.

— Сначала докажите, что баба не имеет отношения к Гилберту. Тогда я беспрекословно отдам деньги и уйду.

— И докажу!

— А что, если я права?

— Никаких «если»! Я ее знаю! Я ей верю!

— Да вы просто не чувствуете вони. Вы ослеплены. Что, если я права?

Шед был не в состоянии даже допустить такую возможность.

— Да плевать!

— Ладно. Предлагаю пари. Если окажется, что правда на моей стороне, я буду управлять «Лилией». А вы не мешаете мне вытаскивать нас из долгов.

Шед лишь помотал головой и выбежал за порог.

Он ничем не рискует. Девчонка врет.

Что она затеяла? Ведет себя так, будто сделалась совладельцем «Лилии». Как его мать после смерти отца, пока не лишилась зрения. Обращается с ним, словно он не вдесятеро опытней ее.

Полчаса Шед бродил по улицам. Когда раздражение немного улеглось, он обнаружил, что находится возле Дома парусных мастеров. Ноги сами донесли его куда надо. Теперь зайти к Гилберту и одолжить денег, чтобы провести ночь со Сью. Лиза, эта мелкая сучка, может прятать его левы, но она не мешает ему получить заем у Гилберта.

Через полквартала за Шеда взялись угрызения совести. От него зависит слишком много людей. Нельзя еще больше ухудшать свое финансовое состояние.

— Будь проклята эта девка!.. — пробормотал он. — И ее клеветнические речи... Что теперь, мне подозревать всех подряд?

Опершись о стену дома, Шед боролся с собой. То в нем побеждала похоть, то чувство ответственности снова брало верх. Он жить не может без Сью... Не нужны никакие деньги, если она действительно его любит...

— Что? — произнес Шед вслух.

Он посмотрел снова. Да, глаза не обманывали. Это была Сью, и она заходила к Гилберту.

Внутри у него что-то оборвалось.

— Нет! Она не могла... Должно же быть какое-то объяснение...

Но в голове уже всплывали разоблачительные мысли. Вспомнились маленькие странности в отношениях с любовницей, особенно ее неудержимая тяга к трате денег. Над пылающей сердечной раной потихоньку закипал гнев.

Шед метнулся на другую сторону улицы, юркнул в переулок, ведущий к задней стене дома Гилберта. Окно кабинета было с той стороны. Шед не надеялся, что оно окажется открытым. Удастся что-нибудь подсмотреть — и то хорошо.

Окно оказалось закрытым, но оно пропускало звуки. Их нельзя было спутать ни с чем — в комнате занимались любовью.

Он решил, что покончит с собой. Сделает это прямо под дверью у Сю. На ум пришла еще дюжина театральных жестов. Но Шед понимал: этих подонков ничто не проймет.

Стоны и крики за окном стихли, начался разговор. И эта болтовня рассеяла последние сомнения. Прозвучало имя Маррон Шед.

— Он готов, — сказала женщина. — Я почти довела его до ручки. Еще один кредит — и Шед вспомнит о родственниках.

— Давай заканчивай. Нужно связать его по рукам и ногам и накинуть петлю на шею. Он вырвался из паутины Карра, но со мной этот фокус не пройдет.

Шеда затрясло от ярости.

— Сколько он уже должен?

— Восемнадцать лев. Скоро будет еще десять.

— Я могу раскрутить его еще на пять.

— Действуй. Уже есть покупатель, он ждет.

Шед ушел. Несколько часов он бесцельно шатался по Котурну. Вид у него был настолько мрачный, что встречные спешили перейти на другую сторону улицы. Нет страшнее мести, чем та, которую трус пестует во мгле своей души.

Вечером Шед пришел к Гилберту. Все свои эмоции он запрятал в тайники, о существовании которых узнал в ночь охоты на Карра.

— Мне нужно пятнадцать лев. Срочно.

Гилберт несказанно удивился, аж распахнулся его единственный глаз.

— Пятнадцать? На кой тебе столько?

— Да вот, затеял одно дельце, надо его сегодня закончить. Так и быть, накину тебе пару процентов.

— Шед, ты и так по уши в долгах. Сомневаюсь, что сможешь расплатиться.

— Закончу это дело и отдам все.

Гилберт молчал, глядя на Шеда.

— А что не так?

— Ты чертовски в себе уверен.

И Шед высказал ложь, которая больше всего ранила его сердце:

— Я собираюсь жениться, Гилберт. Сегодня вечером попрошу у женщины руки. «Лилия» должна стать пристойным заведением, для этого надо закончить ремонт.

— Ну ничего себе! — воскликнул процентщик. — Надо же, Маррон Шед затеял жениться! Интересные дела. Ладно, Шед. Это рискованно, но я попытаю счастья. Пятнадцать, говоришь?

— Спасибо, господин Гилберт. Я очень благодарен.

— Уверен, что отдашь?

— Десять лев я верну еще до конца недели. Слово чести. А когда Сью начнет помогать мне в «Лилии», с остатком долга не будет никаких проблем.

Гилберт растянул губы в улыбочку:

— Надеюсь, ты не будешь возражать, если я попрошу оставить здесь что-нибудь более весомое, чем твои слова?

— Что ты имеешь в виду?

— В залог мне нужна «Лилия».

Шед сделал вид, что напряженно думает.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Сью стоит такого риска.

Улыбочка превратилась в оскал голодного людоеда, но в то же время Гилберт сумел изобразить озабоченность.

— Подожди, я напишу закладную и принесу деньги.

Он вышел. Шед проводил его зловещей ухмылкой.

Можжевельник. Прощание с любовью

Шед оставил телегу в переулке, позади жилища Сью. Он бегом обогнул дом и грохнул кулаком в переднюю дверь. Для Котурна это местечко было просто отменным. Изнутри дверь сторожил человек. Здесь жили восемь женщин, каждая в своей комнате, и все они занимались тем же, чем и Сью. Доход был весьма солидным.

— Здравствуйте, господин Шед, — сказал охранник. — Поднимайтесь наверх, она вас ждет.

Шед дал на чай, чего с ним раньше не случалось. Охранник застыл в подобострастной позе. Даже не взглянув на него, Шед поднялся по лестнице.

Сейчас самое сложное — изображать влюбленного болвана, не будучи больше слепым. Но Шед обведет ее вокруг пальца — точно так же, как она поступала с ним.

Во всей своей красе она предстала на пороге, у Шеда аж сердце защемило. Он сунул ей что-то в руки:

— Это тебе.

— О, Маррон, ну зачем?..

Но явись он без дорогого подарка, ему бы даже не переступить порог комнаты.

— Какой странный кулон. Это змеи?

— Чистое серебро, — сказал он. — И рубины. Удивительно: твари жуткие, а работа просто превосходная.

— Это великолепно, Маррон. Сколько стоит?

— Слишком много, — ответил Шед, усмехаясь. — У меня даже язык не поворачивается назвать цену.

Она не настаивала.

— Подойди, Маррон.

Ей наверняка приказано обращаться с ним осторожно. Раньше она долго мучила его, прежде чем уступить.

Сью начала раздеваться. Шед приблизился. Он взял ее грубо, не так, как всегда. Потом взял снова.

— Что с тобой происходит? — спросила она, когда все было кончено.

— У меня для тебя большой сюрприз. Огромный! Уверен, ты будешь в восторге. Можешь выскользнуть отсюда, чтобы никто не заметил?

— Конечно, но зачем?

— Говорю же: сюрприз. Сделай так — и не пожалеешь, обещаю.

— Не понимаю.

— Просто сделай, как я сказал. Выберись отсюда через несколько минут после меня. Встретимся в переулке. Я хочу тебя кое-куда отвезти и кое-что показать. Только надень кулон.

— Что ты задумал? — Она была заинтригована, но ничего плохого не подозревала.

Вот и отлично, подумал Шед. Он оделся.

— Сейчас никаких расспросов, дорогая. Это будет самый большой сюрприз в твоей жизни. Не хочу ничего рассказывать прежде времени. — Он направился к двери.

— Пять минут? — переспросила она.

— Не больше. Я сержусь, когда меня заставляют ждать. И не забудь кулон.

— Хорошо, дорогой.

Шед прождал почти пятнадцать минут. Он нервничал, но был уверен, что жадность выгонит ее из дома. Она заглотила крючок. Просто время тянет, дразнит его.

— Маррон? — Ее голос был мягок и мелодичен.

У него дрогнуло сердце. Как он это сделает?

— Сюда, любимая.

Сью подошла, он обнял ее.

— Ну-ну, хватит. Ты обещал сюрприз, я не могу больше ждать.

Шед глубоко вздохнул.

«Действуй!» — мысленно крикнул он себе.

— Я подсажу тебя.

Она повернулась к нему спиной. Ну! Но его руки налились свинцом.

— Давай, Маррон.

Он толкнул. Сью ударилась об телегу и лишь коротко пискнула. Он толкнул опять, она осела на землю. Шед взял из телеги тряпку

и затолкал женщине в рот, прежде чем та смогла закричать. Потом быстро связал руки. Когда Шед перешел к лодыжкам, Сью начала лягаться. Почти потеряв рассудок от ярости, он со всей силы ударил ее.

Она перестала сопротивляться. Шед закончил с веревками и взгромодил Сью на козлы. В темноте могло показаться, что это муж с женой поздно вечером едут по какому-то делу. Пока они не пересекли порт, Шед не произнес ни слова.

— Ты, наверное, удивлена, дорогая.

Сью хрюкнула. Она была бледна и напугана. Шед забрал у нее свой кулон. Заодно освободил бывшую пассию от всех драгоценностей.

— Сью, я любил тебя. Честное слово. Я бы все для тебя сделал. Когда оскорбляешь такую любовь, она превращается в большую ненависть.

Украшения стоят не меньше двадцати лев, подумал он. Сколько же мужчин она разорила?

— Но работать на Гилберта... пытаться украсть у меня «Лилию»... Я бы все простил, но только не это.

Он говорил все время, пока они ехали в гору. Сью это отвлекало до тех пор, пока Черный замок не вырос настолько, что не заметить его было уже невозможно. Ее глаза округлились. Потеряв над собой всякий контроль, она начала трястись и портить воздух.

— Да, дорогая, — заговорил Шед рассудительным тоном. — Да. Черный замок. Ты хотела отдать меня на растерзание своим кобелям. Ты сделала ход и проиграла. И теперь достанешься моим псам.

Он остановил повозку, слез и подошел к воротам. Они тотчас открылись.

Длинный встречал Шеду, потирая паукообразные кисти рук.

— Хорошо, — сказал он. — Очень хорошо. Твой партнер никогда не доставлял здоровый товар.

Шед содрогнулся. Он только хотел наказать и унижить Сью. Еще не поздно... Нет, поздно. Уже нельзя передумать.

— Прости, Сью. Не надо было тебе так поступать. Не надо было связываться с Гилбертом. Его черед еще настанет. Маррон Шед — не тот, за кого его все принимают.

Сквозь тряпку проник жалобный вой. Шед отвернулся. Надо уезжать. Он стоял перед длинным. Тот отсчитывал монеты, кладя их ему в руки.

Как всегда, Шед не торговался. В этот раз он даже не смотрел на деньги, а просто рассовывал по карманам. Все его внимание занимала темнота позади длинного.

Толпа таких же тварей шипела и колыхалась, будто сдерживаемая какой-то невидимой силой. Шед узнал того низкого, с которым однажды уже имел дело.

Длинный закончил счет. Шед рассеянно положил в карман последнюю монету и вернулся к телеге. Твари вырвались из темноты, схватили Сью — и давай срывать с нее одежду. Кто-то выдернул кляп. Шед начал разворачивать телегу.

— Ради бога, Шед! Не бросай меня!

— Все кончено, женщина. Кончено. — Он хлестнул вожжами. — Вперед, мулы.

Сью вопила, но Шед не оборачивался. Он не хотел ничего слышать.

— Шагайте, мулы.

— Возвращайся поскорее, Маррон Шед! — прокричал вслед длинный.

Можжевельник. Изгнанник

Вызовы Взятых постоянно заставляли меня врасплох. Для ежедневного отчета было еще слишком рано. Мы только что позавтракали. Я понял, что ранний вызов означает новые неприятности.

Моя догадливость меня не разочаровала.

Шепот металась по комнате, как дикий зверь по клетке. Я вошел и застыл по стойке смирно, не желая давать лишних поводов для нахлобучки.

Несколько минут Шепот меня не замечала. Потом умерила гнев, села и задумчиво уставилась на свои руки.

Она подняла глаза. Уже полностью владеет собой. И даже улыбается. Будь она такой же красивой, как Госпожа, эта улыбка растопила бы и гранит. Но она та, кто она есть — старый суровый вояка. А улыбка только самую малость смягчает покрытое шрамами лицо.

— Каково было ночью расположение людей? — спросила она.

— Простите? — озадаченно переспросил я. — Вы имеете в виду их настроение?

— Где они находились?

— А-а...

О том, что это полностью в компетенции Эльмо, упоминать не стоило. Взятые не принимают оправданий, даже весомых.

— Трое — на корабле, который идет на юг.

То, что Шепот отправила их вместе с Волом на поиски Асы, беспокоило меня. Когда я не могу понять действий Взятых, я становлюсь параноиком.

— Пятеро в городе, притворяются иноземными моряками. Еще трое присматривают в Котурне за людьми, которые показались нам интересными. Не мешало бы уточнить у Эльмо, но по крайней мере еще четверо сейчас собирают информацию в разных кварталах го-

рода. Остальные здесь, в замке, ждут распоряжений. Одного человека надо послать в контору тайной стражи герцога и двух — в Выгородку, со сторожами. Я почти всю ночь провел с инквизиторами, хотел узнать, что у них на уме. Наши силы очень рассеяны. Скорей бы прибыл Капитан... Разворачиваются серьезные события, а у нас слишком мало людей. План оккупации разрабатывается, но до конца еще далеко.

Шепот вздохнула, поднялась и снова начала рассказывать по комнате.

— Думаю, тут и моя вина есть, — проговорила она.

Шепот долго смотрела в окно, потом поманила меня. Я подошел. Она указала на Черный замок:

— Все висит на волоске. Они уже пытаются открыть дорогу для Властелина. Срок еще не настал, но они торопятся. Может быть, почувяли наш интерес.

Происходящее в Можжевельнике напоминало громадное, о многих щупальцах чудище из моряцких баек. Куда бы мы ни совались, что бы ни предпринимали, только еще глубже погружались в пучину неприятностей. Работая наперекор Взятым, пытаясь замести становящиеся все более явными следы, мы усложняли начальству задачу по устранению опасности, исходящей от Черного замка. Даже если у нас что-то получалось, этим мы лишь помогали Властелину, который готовился внезапно обрушиться на ничего не подозревающий мир.

И мне не хотелось брать весь этот ужас на свою совесть.

Боюсь, я старался не подавать события в Анналах под тем соусом, будто Черный Отряд столкнулся с моральными проблемами. Просто мы не привычны к таковым. От наемников не требуется каких-то высоконравственных решений. В сущности, наемник вообще отодвигает мораль в сторону или в лучшем случае перестраивает мир вокруг себя так, чтобы тот соответствовал его образу жизни. Хорошо ли он несет службу, верен ли присяге, как относится к товарищам — вот что по-настоящему важно. За пределами непосредственного окружения не существует ничего человеческого. Поэтому все, что наемник делает или чему является свидетелем, теряет свое значение — до тех пор, пока не ставит под угрозу существование нашего братства.

Нас занесло в ловушку, и теперь, похоже, придется делать самый серьезный выбор за всю историю Черного Отряда. Возможно, предстоит разрушить четырехвековой миф о том, что это войско служит не себе, а чему-то великому.

Я понимал, что не могу допустить воскрешения Властелина, даже если таковое окажется единственным способом предотвратить встречу Госпожи с Вороном и Душечкой.

Хотя... Госпожа ненамного лучше Властелина. Мы служим ей верой и правдой, добросовестно уничтожая мятежников, которых удастся поймать. Я не думаю, что большинству наших солдат безразлично, кто их возглавляет. Госпожа кажется меньшим злом, чем Властелин. Но это лишь потому, что она не так сильно проявляет свою сущность. Она более сдержанна и терпелива в своем стремлении к мировому господству.

Еще одна трудность. Способен ли я пожертвовать Душечкой ради того, чтобы предотвратить возвращение Властелина? Хватит ли у меня духу заплатить столь высокую цену?

— У тебя очень задумчивый вид, — прервала мои размышления Шепот.

— Гм... В этом деле слишком много нюансов. Могильные сторожа, герцог, мы. Вол, у которого свои причины вести расследование.

Шепот уже знала, что Вол — выходец из Котурна. Я скормил ей не относящуюся к делу информацию, чтобы запутать и отвлечь.

Она снова указала на Черный замок:

— Разве я не предлагала вам установить наблюдение за этим местом?

— Мы установили, сударыня. Но ничего не происходило, а потом нам велели заняться другими делами...

Я умолк, внезапно пораженный мрачным подозрением. Она угадала мои мысли.

— Да. Этой ночью. И товар был еще живым.

— О боги! — прошептал я. — Кто это сделал? Вы знаете?

— Мы только уловили сопутствующие перемены. Слуги Властелина пытались открыть проход. В этот раз не хватило сил, но они уже очень близки к успеху.

Она опять заметалась по комнате. Я тем временем вспоминал, кто минувшей ночью дежурил в Котурне. Надо будет задать кое-кому несколько вопросов.

— Я связалась с Госпожой напрямую. Она очень обеспокоена, приказывает отложить все второстепенные задачи. Сейчас мы должны сделать так, чтобы в Черный замок больше не попало ни одного трупа. Да, весь ваш Отряд скоро будет здесь. Дней через шесть, самое большее через десять. А до его прихода надо очень много успеть. Как ты сам заметил, дел слишком много, а людей слишком мало. Сейчас самое главное — изолировать Черный замок. Прочее оставь своему Капитану.

— А почему бы не перебросить сюда еще людей по воздуху?
 — Госпожа запретила это делать.
 — Запретила? — Я изобразил озадаченный вид, но в голове вертелось гадкое подозрение, что ответ мне уже известен.

Шепот пожала плечами:

— Она не хочет, чтобы вы теряли время на дурацкие приветствия и введение новичков в курс дела. Лучше иди и выясни, как можно изолировать замок.

— Да, сударыня.

Я покинул комнату, думая, что наша встреча прошла одновременно и лучше и хуже, чем я ожидал. Лучше, потому что с Шепот вопреки обыкновению не приключился приступ ярости. А хуже, потому что она дала понять: солдаты, которые находятся в Можжевельнике, попали под подозрение. И Госпожа не хочет, чтобы наше моральное разложение как зараза перекинулось на весь Отряд.

Жуть!

— Да-а, — сказал Эльмо, когда я описал ему наш разговор. — Это значит, что надо связаться со Стариком.

— Гонец?

— А как еще? Кто может выбраться отсюда незамеченным?

— Кто-нибудь из тех, кто сейчас в Котурне.

— Я займусь этим, — кивнул Эльмо. — А ты работай дальше. Придумай, как с имеющимися в распоряжении людьми изолировать Черный замок.

— Почему бы именно тебе не пойти и не осмотреть этот замок? А я хочу выяснить, что случилось ночью в городе.

— Отставить, Костоправ. Теперь городом буду заниматься я. Это не к тому, что ты плохо делаешь свое дело, просто ты его не довел до конца. Тут, пожалуй, моя вина. Ведь из нас двоих я солдат.

— Это ничего не меняет, Эльмо. Такая работа — не для военных. Это шпионские штучки. Шпиону нужно время, чтобы встроиться в среду, где предстоит работать. У нас же времени почти не было.

— И сейчас его нет совсем. Ты это имел в виду?

— Возможно, — согласился я. — Ладно, я сам осмотрю замок. Но ты должен выяснить, что произошло внизу ночью. Особенно обрати внимание на таверну «Железная лилия». В последнее время это название звучит все чаще. Совсем как имя того парня, Асы.

В течение нашего разговора Эльмо менялся на глазах. Теперь он стал похож на бывшего матроса, слишком старого, чтобы его взяли на корабль, но еще достаточно крепкого, чтобы согдиться для грязной работы. В таком виде ему самое место в Котурне. Я так и сказал.

— Ладно, давай пошевеливайся. И даже не надейся выспаться, пока здесь нет Капитана.

Мы посмотрели друг на друга, ни словом не обмолвившись о мыслях, что затаились у нас в дальних закоулках сознания. Если Взятые не хотят, чтобы мы общались с нашими братьями, что же они будут делать, когда Отряд преодолеет Бедовые горы?

Вот он, Черный замок, совсем близко. Интригующий и тревожащий одновременно. Я несколько раз объехал его вокруг и даже любезно помахал рукой, заметив какое-то движение на вершине стеклянистого крепостного вала.

Позади замка местность была труднопроходимой: каменистая круча, поросшая колючим кустарником с терпким запахом шалфея. С этой стороны никому, особенно с трупом под мышкой, до замка не добраться. Подступы с восточной и западной сторон выглядели ненамного удобнее. Маловероятно, что здесь кто-нибудь пройдет. Люди, способные торговать мертвецами, в жизни всегда ищут легких путей. Это значит, что они поедут по дороге, что тянется от Портовой реки по пологому склону через россыпь купеческих домов и упирается прямо в ворота замка. Кто-то часто ездил этим путем — колея хорошо набита.

Для меня основная трудность заключалась в том, что здесь негде было залечь целому взводу. Его бы сразу заметили с крепостной стены. Поэтому я промаялся до самого вечера, пока план не оформился окончательно.

Немного ниже замка и выше по реке я нашел заброшенный дом. Свою группу я спрячу здесь, а на дороге выставлю двух часовых. Если они что-нибудь заметят, то успеют добежать до нас и предупредить. Мы рванем к дороге и перехватим торговцев покойниками. Телега катится медленно, поэтому у нас будет достаточно времени.

Старина Костоправ — превосходный стратег, уж поверьте. К полуночи все мои люди уже были на местах. Еще до завтрака мы имели две ложные тревоги. С изумлением я обнаружил, что мимо моего поста ночью проезжают и нормальные люди.

Я с моей командой сидел в заброшенном доме и то играл в тонк, то мучился тревожными предчувствиями. И раздумывал, что же сейчас происходит в Котурне и на той стороне долины, в Черепице.

Я молился только о том, чтобы Эльмо смог удержать ситуацию под контролем.

Можжевельник. Лиза

Весь день Шед провел, лежа в своей комнате, тупо глядя в потолок и ненавидя себя. Как же низко он пал! Нет деяний более преступных, чем те, которые он совершил, и невозможно запачкать свою совесть еще больше. Теперь и миллион лев не спасут его в День перехода. Его имя должно быть вписано в Черную Книгу, среди имен самых гнусных злодеев.

— Господин Шед? — позвала утром Лиза, стоя в дверях.

Он собирался провести очередной день, изучая потолок и жалея себя.

— Господин Шед?

— Ну?

— Здесь Бо и Лана.

Бо и Лана, а еще их дочь, — это прислуга матери.

— Что им нужно?

— Плату за этот месяц, похоже.

Охнув, Шед поднялся. На лестнице Лиза остановила его:

— Я была права насчет Сью?

— Да.

— Сожалею. Я бы ни слова не сказала, если бы мы могли себе это позволить.

— Мы? Что ты имеешь в виду под «мы»? А, черт! Не бери в голову. Забудь. Я не желаю ничего об этом слышать.

— Как скажете. Но я хочу напомнить о вашем обещании.

— О каком обещании?

— Что вы мне разрешите управлять «Лилией».

— А-а... Ладно.

В тот момент Шед не придавал значения своему слову. Он забрал счета у прислуги. Хорошие люди — они не задавали лишних вопро-

сов и не плутовали. Пожалуй, даже заслужили небольшое поощрение.

Таверник пошел за деньгами. Лиза озадаченно смотрела, как он поднимается по лестнице. Свою ошибку Шед понял слишком поздно. Теперь она будет ломать голову, откуда у хозяина появились деньги. Вчера-то их не было.

Шед нашел свою грязную одежду и вывернул над кроватью карманы. У него перехватило дыхание.

— Проклятье! — прошептал он. — Что мне делать теперь с тремя золотыми монетами?

Там было и серебро, и даже пригоршня меди, но... Его надули! Подсунули целое состояние, которое невозможно пустить в дело! Законы Можжевельника запрещали простым смертным иметь чеканное золото. Даже иностранцам приходилось обменивать золотые монеты на серебряные. Хотя заграничное серебро имело хождение наравне с местным.

Как теперь избавиться от золота? Продать капитану какого-нибудь судна, направляющегося на юг? Обычно так и делается. Шед запрятал золотые монеты в самый дальний тайник, вместе с кулоном из Черного замка. Бесполезное богатство. Он пересчитал оставшиеся деньги. Двадцать восемь серебряных монет и несколько лев медью. Достаточно, чтобы рассчитаться с прислугой матери и помочь Сал. Но не хватает, чтобы отделаться от Гилберта.

— Эти чертовы долги, — пробормотал он. Но тут вспомнил про украшения Сью, зло усмехнулся и прошептал: — Разберемся и с Гилбертом.

Он разложил деньги по карманам, спустился вниз, заплатил прислуге и обернулся к Лизе:

— Я выйду ненадолго.

Первым делом он устроил дела семьи Дурня, затем двинулся в сторону жилища Гилберта. Вокруг дома, похоже, никто не ошивался. Гилберт не такой, как Карр, — тому требовалось, чтобы под рукой всегда была целая банда. У Гилберта, конечно, тоже найдутся костоломы, но сейчас они отсутствовали. Только в кабинете процентщика горел свет. Шед задумчиво улыбнулся и заторопился назад, в «Лилию».

Он приблизился к дальнему столу, стоявшему в тени рядом с тем, за которым раньше сживал Ворон. Там отдыхала парочка иностранных матросов довольно сурового вида. Шед уже видел их в таверне несколько раз. Они утверждали, будто отстали от своего корабля и теперь ждут другого. Название порта, откуда они пришли, ничего не сказало Шеду.

— Вы, ребята, небось не прочь сшибить легких деньжат?

— А кто откажется? — ответил один из них.

— Излагай, — предложил второй.

— Есть небольшая проблема. Надо уладить дела с одним типом.

А у него дрянной характер.

— Небольшая поддержка?

Шед кивнул.

Второй матрос изучающе посмотрел на тавернщика:

— А кто он?

— Зовут Гилберт. Процентщик. Слыхали?

— Ага.

— Я только что был возле его дома. Похоже, кроме хозяина, там никого.

Матросы переглянулись.

— Вот что, приятель, — сказал тот, что повыше, — давай-ка я сбегаю за нашим парнем.

— Я не могу нанимать целую армию.

— Ну, никаких проблем. Вы сейчас договоритесь, сколько ты заплатишь нам двоим. А он пойдет бесплатно. Просто с ним будет спокойнее.

— Крутой?

Оба матроса оскалились. Один подмигнул другому:

— Ты даже не представляешь насколько.

— Ладно, берите его.

Один ушел. Шед завел упорный торг с оставшимся. С другого конца комнаты на них смотрела Лиза. Выражение ее лица было строгим, почти злым. Шед подумал, что она слишком ретиво влезает в его дела.

Третий парень оказался с жабьей физиономией, едва ли пяти футов ростом. Шед нахмурился.

— Помнишь, что я сказал? — спросил приятель коротышки. — Он правда крут.

— Да-а? Ну что ж, пошли.

С тремя подонками за спиной Шед чувствовал себя несравнимо лучше. Хотя и не был до конца уверен, что от них будет прок, если дело примет нежелательный оборот.

Войдя в переднюю, Шед увидел там пару громил.

— Мне нужно увидеться с Гилбертом, — бросил он.

— А ты уверен, что и ему это нужно?

Обычное хамство крутых парней. Но Шед не знал, что ответить. Его спас один из спутников.

— Ему не приходится выбирать. Разве что под жиром ты причесешь настоящие мышцы.

Он достал нож и принялся чистить им ногти. Это был любимый жест Ворона. Шед даже слегка обалдел.

— Он в кабинете.

Толстый переглянулся с приятелем. Шед догадался, что тот сейчас побежит за подмогой.

Шед двинулся дальше.

— Я пока здесь подожду, — сказал тип с жабьей физиономией.

Наконец незваные гости ввалились в кабинет. На столе у процентщика лежал мешок с левами. Он взвешивал каждую на аптекарских весах, откладывая в сторону наиболее стертые. Гилберт со злостью посмотрел на вошедших:

— Какого черта?

— Парочка моих друзей решила заглянуть к тебе вместе со мной и поинтересоваться, хорошо ли у тебя идут дела.

— Мне не нравится, Шед, как ты говоришь о наших отношениях. Это означает, что ты мне не доверишь.

Шед пожал плечами:

— Ходят некрасивые слухи. О том, как вы со Сью тянете из меня деньги. И пытаетесь выпихнуть меня из «Лилии».

— Сью? А где она, Шед?

— Так, значит, вы и правда снюхались! — Шед изобразил возмущение. — Будь ты проклят! Вот почему она отвергла меня. Негодяй! Теперь даже видеть меня не хочет. Обезьяна у дверей все время отвечает, что ее нет дома. Это твои козни, Гилберт? Знаешь, ты меня разочаровал.

Единственный глаз Гилберта поочередно бросал на незваных гостей лютые взгляды. В какой-то момент показалось, что процентщик оценивает свои шансы. Тут в кабинет ввалился коротышка. Он прислонился к стене, и огромный рот сморщился в ухмылке.

— Ты пришел языком чесать или делом заниматься? — зыркнул на Шеду Гилберт. — Если по делу, то выкладывай. Но я хочу, чтобы эти жабы убрались отсюда. Их присутствие дурно влияет на мою репутацию.

Шед достал кожаный мешочек.

— У тебя и так плохая репутация, Гилберт. Кое-кто уже говорит, что больше никогда не свяжется с тобой. Людям не нравится, что ты пытаешься отнять у других собственность.

— Заткнись и давай сюда деньги, Шед. А если хочешь только поныть, проваливай.

— Грубо разговаривает, — заметил спутник Шеда. — Один против четырех, а хамит.

Второй матрос обратился к своему товарищу на незнакомом языке. Гилберт таращился с таким видом, будто пытался получше запомнить лица. Коротышка оскалился и поманил его пальцем. Процентщик решил не нарываться.

Шед стал отсчитывать деньги. По мере того как росла горка монет, глаз Гилберта все больше округлялся.

— Помнишь, я говорил, что проверну выгодное дельце? — спросил Шед.

В эту же кучку он бросил и драгоценности Сью.

Один из спутников взял в руки браслет, всмотрелся.

— Сколько тебе должен этот тип? — спросил он.

Гилберт буркнул в ответ. Сумма тавернщику показалась заоблачной.

— Ты так в трубу вылетишь, Шед, — заметил матрос.

— Я просто хочу, чтобы этот шакал вернул мне бумагу, в которой написано, что я отдал ему под залог таверну.

Гилберт сидел неподвижно, уставившись на драгоценности. Он сильно побледнел. Облизнув губы, процентщик потянулся за кольцом. Рука тряслась.

Шеда одновременно переполняли страх и злорадство. Гилберт узнал кольцо. Возможно, в следующий раз он хорошенько подумает, стоит ли ловчить с Марроном Шедом. Или уже сейчас размышляет, как перерезать несколько глоток. У Гилберта теперь точно такие же проблемы, какие были у Карра.

— Господин Гилберт, это с лихвой покрывает и долг, и проценты. Верните закладную.

Гилберт оцепенело извлек ее из шкатулки, стоявшей на ближней полке. Его взгляд не отрывался от кольца.

Шед немедленно разорвал документ.

— Наверное, я вам еще что-то должен, господин Гилберт? Думаю, да. Я приложу все усилия, чтобы вы получили сполна.

Гилберт злобно скосил глаз. Помимо ненависти Шед заметил во взгляде процентщика страх. Это понравилось тавернщику. Еще никто и никогда не боялся Маррона Шеда, за исключением разве что Асы. Но Аса не в счет.

Надо поскорее убраться отсюда, пока Гилберт не пришел в себя.

— Спасибо, господин Гилберт. Надеюсь, еще увидимся.

Выйдя в переднюю, Шед был поражен, увидев людей процентщика храпящими. Человек с жабым лицом ухмыльнулся. На улице Шед расплатился со своей охраной.

- Я думал, придется труднее.
- А мы на что? — сказал коротышка. — Пойдем к тебе, выпьем пива.
- Ох и обалдел же он! — заметил другой матрос.
- А как вообще ты ухитрился залезть в такие долги? — спросил коротышка.
- Баба. Я даже собирался жениться на ней. А она просто отдавалась за деньги. В конце концов я прозрел.
- Матросы покачали головами.
- Женщины, — сказал один. — За ними, приятель, глаз да глаз. Обдерут как липку.
- Теперь я ученый... Выпивка за счет заведения. И у меня осталось вино, я его держал для особого клиента. Он уехал, а вино так и стоит.
- Дрянное?
- Отменное! Не всякому по карману.

Весь вечер Шед провел, потягивая вино. Даже когда ушли по своим делам моряки, таверщик не выпустил кружки из рук. И каждый раз, когда он вспоминал реакцию Гилберта на кольцо, расплывался в улыбке.

— А теперь надо поосторожнее, — пробормотал Шед. — Это такой же чокнутый мерзавец, как и Карр.

Но через некоторое время хорошее настроение улетучилось. Остался страх. Что бы ни предпринял Гилберт, придется встречать его в одиночку. Под личиной отчаянного смельчака, которая появилась благодаря Ворону и несколькими приключениям, прячется все тот же старина Шед.

— Придется тащить эту сволочь наверх, в замок, — пробормотал он в кружку. — Проклятье! Я ничуть не лучше Ворона. Даже хуже. Ворон никогда не продавал живых. Интересно, чем этот гад сейчас занимается? Что там с кораблем его мечты и смазливой юной потаскушкой?

Шед очень сильно напился, и ему было ужасно жаль себя.

Последний жилец отправился спать на свою койку. Последний запоздалый посетитель ушел домой. А Шед все сидел, потягивая вино и бросая мрачные взгляды на Лизу, даже не понимая, почему злит на девушку.

«Ее тело, — подумал Шед. — Такое спелое. Но она не захочет, слишком хороша для меня. А как тогда оттолкнула!.. Да-а...»

Закончив приборку, Лиза принялась разглядывать Шеду. Маленькая справная сучка. Даже лучше, чем Душечка, которая хоть

и хорошо работала, но не была такой ловкой и сноровистой. Может быть, Лиза в самом деле стоит того, чтобы доверить ей «Лилию». Сам он никогда столько не работал.

Через некоторое время Шед обнаружил, что Лиза сидит напротив него. Он сделал грозное лицо. Она не ступала. Лихая девчонка, не запугаешь. Ничего не боится. Крутых сучек пестует Котурн. С такой и на неприятности нарвешься.

— В чем дело, господин Шед?

— Ни в чем.

— Я слышала, вы расплатились с Гилбертом. Вернули заем, что взяли под «Лилию». Как вы могли заложить «Лилию»? Она уже несколько поколений принадлежит вашей семье.

— Не корми меня этой сентиментальной чушью. Ты сама в нее не веришь.

— Где взяли деньги?

— По-моему, ты слишком любопытна. И это может плохо отразиться на твоём здоровье.

Шед разговаривал с ней грубо, но он совсем не имел в виду того, что сказал.

— В последнее время вы странно себя ведете.

— Я был влюблен.

— Не поэтому. А что, кстати, произошло? Я слышала, Сью исчезла. Гилберт говорит, это вы ее прикончили.

— Что-то я сделал? Да я ходил к ней сегодня.

— Вы ее видели?

— Нет. Охранник сказал, что ее нет дома. — Шед возмущенно фыркнул. — Я же сказал, что не хочу больше говорить о ней. Понятно?

— Конечно. Но ответьте, откуда у вас деньги.

Шед бросил на Лизу свирепый взгляд:

— С какой стати я должен отвечать?

— Если там, где вы их берете, есть еще, то я хочу войти в долю. Не желаю всю жизнь проторчать в Котурне. Я на все готова, чтобы выбраться отсюда.

Шед ухмыльнулся. Она поняла ухмылку неправильно.

— Здесь я работаю только для того, чтобы не отдать богу душу, пока не найду что-нибудь поприличнее.

— Лиза, тысячи людей рассуждают точно так же. А потом они насмерть замерзают в переулках Котурна.

— Да, везет не всем. Но я не собираюсь проигрывать. Откуда у вас деньги, господин Шед?

Девушка принесла бутылку хорошего вина. А Шеду казалось, что оно должно было уже кончиться.

Он рассказал ей о своем молчаливом компаньоне.

— Это байки. Я здесь достаточно давно, чтобы все знать.

— Поверь мне, девочка, — захихикал Шед. — Будешь так пить, вполне можешь с ним встретиться. Тебе это не понравится. — Он вспомнил, как тот длинный, в замке, просил его приехать поскорее.

— Что случилось со Сью?

Шед попробовал встать. Колени подвели, и он рухнул на скамью.

— Я пьян. Пьянее, чем думал. Теряю форму.

Лиза хмуро кивнула.

— Я любил ее. На самом деле любил. Зря она так... Я бы обращался с ней как с королевой, пошел бы в ад ради нее. Что я чуть было и не сделал. — Он опять захихикал. — Въехал с ней... Ой!..

— А для меня бы вы это сделали, господин Шед?

— Что?

— Вы постоянно пытаетесь заполучить меня. Я чего-нибудь стою?

Шед бросил на девушку плотоядный взгляд:

— Не знаю. Не могу сказать, пока не попробую.

— Вы ничего не можете мне дать, старик.

— Отчего же, могу... Знаю, где взять.

— Где?

Но Шед просто сидел с глупой ухмылкой на лице. Из уголка рта потекла слюна.

— Ладно, сдаюсь. Вы победили. Вставайте, помогу вам подняться наверх, пока я не ушла домой.

Подъем по лестнице оказался сущим подвигом. Шеду не хватило одного глотка, чтобы совсем вырубиться. Когда наконец добрались до комнаты, он упал на кровать.

— Спасибо, — промямлил он. — Что ты делаешь со мной?

— Вам надо раздеться.

— Пожалуй. — Он и пальцем не пошевелил, чтобы помочь. — А теперь ты что делаешь? Чего ты меня так хватаешь?

— Вы же хотите меня, да?

Через секунду Лиза лежала на кровати и терлась об него голым телом. Шед был слишком пьян, чтобы сделать хоть что-нибудь. Он держал девушку за плечи и плакал, изливая душу, без утайки рассказывая обо всех злоключениях. Ради этого она и затеяла игру.

Можжевельник. Расплата

Шед сел так резко, что голова пошла кругом — и тут же превратилась в грохочущий барабан. Таверщик перевалился через край койки и шумно блеванул. А потом ему стало еще хуже. От ужаса.

— Я рассказал ей! Выложил всю проклятую подноготную!

Он кое-как вернулся на кровать. Нужно выбраться из Можжевельника до прихода могильных сторожей. У него есть золото. Какой-нибудь иноземный капитан согласится взять Шеда на борт. На юг! Там можно найти Ворона и Асу...

Он уселся на кровати, слишком подавленный, чтобы немедленно что-то предпринимать.

— Я умираю, — прошептал он. — Если ад существует, то именно таким он и должен быть.

А рассказал ли Шед? Наверняка. И все задаром. Он не получил ничего.

— Маррон Шед, ты родился неудачником! Когда наконец это поймешь?

Он осторожно поднялся на ноги и обшарил тайники. Золото на месте. Должно быть, он не все рассказал. Таверщик взял кулон. Лиза может отправиться следом за Сью. Если не станет держать язык за зубами. Но она теперь настороже, будет трудно заставить ее без свидетелей. Если вообще удастся ее разыскать.

— Как болит голова! О боже! Ничего не соображаю!

Внизу раздался шум.

— Черт, — пробормотал Шед, — Лиза не заперла за собой дверь. Там все разворуют.

По щекам покатались слезы. Как же низко он пал! Может, это Вол со своими громилами вломился в «Лилию»?

Лучше встретить судьбу лицом к лицу. Ругаясь, таверщик кое-как напялил одежду и начал долгий спуск по лестнице.

— Доброе утро, господин Шед, — бодро поприветствовала его Лиза. — Что вам подать на завтрак?

Он устался на нее, разинув рот. Наконец опомнившись, Шед подковылял к столу, сел и обхватил голову руками, не заметив удивленного взгляда одного из участников вчерашнего приключения у Гилберта.

— Небольшое похмелье, господин Шед? — спросила Лиза.

— Да, — ответил он чрезмерно громко.

— Я приготовлю вам кое-что. Меня отец научил. Вы же знаете, он у меня известный пьяница.

Шед слабо кивнул. Даже такое движение вызвало боль. Отец Лизы — одна из причин, по которым таверщик ее нанял. Ей позарез нужна была любая помощь. Еще раз благотворительность вышла Шеду боком.

Лиза подошла с вонючим до невозможности зельем — к такому даже колдун не притронется.

— Пейте быстро. Так легче.

— Верю на слово. — Почти не сомневаясь, что отравится, Шед проглотил мерзкое варево. Когда наконец смог вздохнуть, заговорил: — Сколько у меня времени?

— О чем вы, господин Шед?

— Когда придут инквизиторы? Люди из магистрата?

— А что им здесь делать?

Он поднял страдальческий взгляд на Лизу.

— Я же объяснила, — прошептала девушка. — На все готова, чтобы выбраться из Котурна. Именно такого случая я и ждала. Теперь мы партнеры, Шед. Все пополам.

Шед закрыл лицо руками и застонал. Это не кончится, пока он не подохнет. Таверщик обрушил на Ворона и его близких все ругательства, какие только знал.

Зал для посетителей пустовал, дверь была закрыта.

— Сначала надо разобраться с Гилбертом, — сказала Лиза.

Не поднимая глаз, Шед помотал головой.

— Глупо было отдавать ему драгоценности, которые он мог опознать. Если мы не убьем его, он убьет тебя.

Шед опять помотал головой.

«Почему я? — жалобно воззвал он в пустоту. — Что я такого сделал, чтобы терпеть все это?»

— И не думай, что сможешь избавиться от меня, как избавился от Сью и того шантажиста. У моего отца лежит письмо, оно попадет к Волу, если я исчезну.

— Ты слишком умна для своих лет. — Чуть погодя Шед добавил: — До зимы осталось недолго.

— Да. Но мы не пойдем по стопам Ворона. Слишком рискованно, да и хлопотно чересчур. Мы займемся благотворительностью. Пустим в «Лилию» бездомных. И еженочно один или двое из них могут исчезать.

— Да ты самая настоящая убийца!

— А кто обратит внимание? Никто. Да им же самим будет лучше. Назовем это состраданием.

— Как можно быть такой молодой и такой бессердечной?

— Сердечные в Котурне не выживают, господин Шед. Надо сделать во дворе ледник, чтобы их накапливать, пока не наберется полная телега. А отвозить можно раз в неделю.

— Зима...

— Будет последней из тех, что я проведу в Котурне.

— Я на такое не пойду.

— Пойдешь. Или встретишься с Волом. У тебя нет выбора. Зато есть партнер.

— Боже упаси меня от злодеяний.

— Ты что, невинней меня? Уже пятерых укокошил.

— Четверых, — слабо возразил Шед.

— Думаешь, Сью еще жива? Не мелочись. В любом случае ты виновен в убийстве. Ты сам — настоящий душегуб, такой жадный до денег и глупый, что продолжаешь связываться со всякими Сью и Гилбертами. Господин Шед, однажды они вас просто прикончат.

Разве поспоришь с такими человеконенавистническими рассуждениями? Лиза считает себя центром вселенной. Все остальные люди существуют только для того, чтобы ими манипулировать.

— Кроме Гилберта, есть и другие, о ком мы должны подумать. Например, тот сбежавший человек Карра. Он знает, что тела как-то странно исчезали. Он, правда, не распространялся об этом, иначе бы весь Котурн уже знал. Но в один прекрасный день может что-нибудь ляпнуть. И еще есть человек, которого ты нанимал, чтобы покончить с вымогателем.

Лиза говорила, как генерал, планирующий очередную кампанию. Только она планировала массовые убийства с последующей оптовой продажей тел. Это немыслимо...

— Я не хочу больше пачкаться в крови.

— А что еще тебе остается?

Шед не мог не понимать, что смерть Гилберта — цена его собственного выживания. А что после Гилберта? Еще одна смерть? Не дожидаясь, пока убьют тебя? Улучить момент, когда она не будет настороже, и...

Но это письмо... Проклятье! Наверное, оно у ее отца, значит сначала придется разобраться с ним... Из одной западни в другую, и конца этому не видно.

— Может быть, это мой единственный шанс выбраться отсюда, господин Шед. И не сомневайтесь, я его не упущу.

Тавернщик стряхнул с себя апатию, облокотился о стол, посмотрел на камин. Главная задача — выжить. Гилберт должен исчезнуть — это ясно.

А что с Черным замком? Рассказал ли ей Шед о кулоне? Он не мог вспомнить. Лиза ничего не должна знать о пропуске, не то, чего доброго, эта сучка попытается убить и продать самого Шеда. После осуществления ее замысла тавернщик станет опасен. Да. Как только Лиза познакомится с обитателями замка, она наверняка попытается отделаться от партнера. Значит, добавим еще один пункт в список тех, кто обязан умереть.

Проклятье! Ворон поступил умно, воспользовавшись единственным выходом и покинув Можжевельник.

— Надо отправляться за ним, — пробормотал Шед. — Другого пути нет.

— Что?

— Да так, сам с собой, девочка. Ты победила. Давай займемся Гилбертом.

— Хорошо. Не пей, завтра рано вставать. Тебе придется присмотреть за «Лилией», а я тем временем кое-что разузнаю.

— Ладно.

— А потом ты выполнишь свою часть работы.

— Ну что ж...

Лиза посмотрела на него с подозрением:

— Спокойной ночи, господин Шед.

— Все готово. Сегодня вечером он придет ко мне, один. Ты подъедешь на телеге. Я устрою так, что моего папы не будет.

— Я слышал, Гилберт теперь без охраны никуда.

— Сегодня он явится один. Обещал заплатить мне десять лев за то, что я помогу завладеть «Лилией». Я намекнула, что он может получить кое-что еще.

В животе у Шеда забурлило.

— А если он все поймет?

— Он один, а нас двое. Гляжу на тебя и диву даюсь: как такое дерьмо умудрилось повернуть все те дела?

Тогда было не так страшно. Но Шед решил не высказывать мысли вслух. Нет никакого смысла давать Лизе в руки дополнительные рычаги. Сейчас найти бы способ управиться с ней самой.

— Ты что, ничего не боишься, малышка?

— Бедности боюсь. Ужасно не хочется быть старой и нищей. Меня всю трясет, когда вижу, как могильные сторожа вытаскивают из переулка очередного злосчастного жмурика.

— Прекрасно тебя понимаю. — Шед слабо улыбнулся: начало положено.

Он остановил фургон и посмотрел на задние окна нижнего этажа. Не горит ни один светильник. Лизы еще нет. Шед хлестнул поводьями, проехал немного дальше. Гилберт не должен заметить повозку. Ведь он совсем не дурак, мог выставить охранников на подступах к дому.

Въехав в переулок с другой стороны здания, Шед откинулся на козлах, притворился пьяным. Прошло довольно много времени, прежде чем в окне появился свет. Шед скользнул к задней двери, сердце застучало втрое быстрее.

Дверь была открыта. Как и договаривались. Похоже, зря Шед переоценивал ум Гилберта.

Он осторожно вошел. Внутри у него все завязалось в тугий узел. Руки тряслись, из глотки готов был вырваться дикий вопль.

Это был не тот Маррон Шед, что сражался с Карром и его бандой. Тот Шед оказался в ловушке, ему пришлось бороться за свою жизнь. Тогда у него даже не было времени удариться в панику. А у Шеда нынешнего достаточно времени. Он успел осознать, что влипнет сейчас в такую историю...

Жилище состояло из двух крохотных комнат. Первая, сразу за дверью, была пуста и не освещена. Шед осторожно прошел через нее к дверному проему и отодвинул ветхую занавеску, сквозь которую проникал приглушенный мужской голос.

Гилберт уже разделся, он сидел на краю кровати. Лиза лежала в постели, натянув одеяло до шеи, притворяясь стыдливой. Высохшее, морщинистое, старое тело процентщика, сплошь в синих бороздах вен, сильно контрастировало с молодостью Лизы.

Гилберт злился.

Шед беззвучно выругался. Лизе пора уже прекращать свои игры. Вечно какие-то выкрутасы вместо прямого движения к цели. Она постоянно норовила манипулировать просто так, для собственного удовольствия.

«Скорей бы покончить с этим», — подумал таверщик.

Лиза сделала вид, что прекратила сопротивление, и подвинулась, освобождая место для Гилберта.

По плану Шед должен был напасть на процентщика, когда Лиза обхватит его руками и ногами. Но он решил поступить по-своему. Таверщик не торопился. Ухмыляясь, он стоял и смотрел, как Гилберт взобрался на Лизу, как на ее лице отразилось смутение.

Наконец Шед двинулся вперед.

Три быстрых осторожных шага. Он накинул на тощую шею Гилберта удавку и рванул на себя. Лиза крепко обхватила Гилберта. Каким же жалким ничтожеством оказался этот кровосос! Как не похож на человека, державшего в страхе половину Котурна!

Гилберт вырывался, но безуспешно.

Шеду казалось, это никогда не кончится. Он не думал, что задушить человека — такое долгое дело. Наконец он шагнул назад. Истерика грозила вырваться наружу.

— Убери его! — взвизгнула Лиза.

Шед перевалил труп на бок.

— Одевайся, живее. Надо уходить. Кто-нибудь из его людей может шляться рядом. Я подгоню телегу.

Таверщик подскочил к двери, выглянул наружу. Никого. Шед быстро подвел к дверям фургон.

— Быстрее! — крикнул он, когда вернулся и обнаружил, что Лиза еще не одета. — Давай вытаскивать его.

Она не могла пошевелиться.

Шед сунул ей в руки одежду и шлепнул по голому задку:

— Да очнись ты, черт бы тебя побрал!

Девушка начала медленно одеваться. Шед скользнул к двери, убедился, что в переулке по-прежнему пусто. Шмыгнул назад, подтащил труп к телеге, взвалил наверх и забросал соломой. Забавно, после смерти они становятся такими легкими...

Опять назад.

— Ты будешь шевелиться? А то выволоку прямо в таком виде.

Угроза не возымела никакого действия. Шед схватил Лизу за руку, вытащил за дверь.

— Залезай. — Он усадил ее на козлы и запрыгнул сам.

Хлестнул вожжами. Мулы двинулись вперед. Повозка преодолела мост через Портовую реку. Теперь животные знали, куда идти, и почти не нуждались в управлении.

«Интересно, сколько раз они уже ходили по этой дороге?» — праздно подумал Шед.

Повозка преодолела половину дороги наверх, когда Шед наконец успокоился настолько, что смог посмотреть на Лизу. Она, похоже, была в шоке. Убийство вдруг стало не просто предметом болтовни. И она — соучастница. Сунула голову в петлю.

— Не так просто, как ты думала?

— Я не знала, что так будет. Я его держала и чувствовала, как жизнь уходит из него....

— А ведь ты хочешь сделать на этом состояние. Заруби себе на носу: я своих клиентов не убиваю. Если хочешь этим заниматься, делай все сама.

Из ее уст прозвучала какая-то хилая угроза.

— У тебя нет больше власти надо мной. Пожалуйста, топай к инквизиторам. Они отведут тебя к мастеру пыточных дел... партнер.

Лиза задрожала. Шед помалкивал, пока они не приблизились к замку.

Он уже подумывал, не продать ли ее заодно с Гилбертом, но решил, что на этот раз ему не хватит ненависти и злости. Шед остановил мулов:

— Сиди здесь. И ни в коем случае не слезай с телеги. Понятно?

— Да. — Голос был глухим и слабым.

Перепугана до смерти, подумал таверщик.

Шед постучал в черные ворота. Они распахнулись внутрь. Он уселся на свое место, въехал, прыгнул и вывалил Гилберта на каменные плиты. Длинная тварь подошла, осмотрела тело и повернулась к Лизе.

— Эта — нет, — сказал Шед. — Новый партнер.

Длинный кивнул:

— Тридцать.

— Договорились.

— Нам нужны еще тела, Маррон Шед. Много тел. Наша работа близка к завершению. Мы желаем поскорее закончить.

Шеда передернуло.

— Скоро будут еще.

— Хорошо. Мы ждем. Ты будешь щедро вознагражден.

Таверщика опять передернуло, он огляделся.

— Ты ищешь женщину? — спросил длинный. — Она еще не пошла в стену. — И щелкнул длинными желтыми пальцами.

В темноте зашаркали шаги. Выдвинулись тени. Жители замка держали за руки обнаженную Сью. Шед судорожно сглотнул. Ее вид был ужасен. Она истошала, и кожа была белой как мел там, где ее не покрывали кровоподтеки и ссадины. Одна из тварей схватила Сью за подбородок, заставила посмотреть на Шеда. Взгляд был бессмысленным, невидящим.

— Живой труп, — прошептал он.

— Доволен мстью? — спросил длинный.

— Уберите! Не хочу ее видеть.

Длинный опять щелкнул пальцами. Его подручные отступили в темноту.

— Деньги! — прорычал Шед.

Длинный отсчитал монеты, бросая их к ногам Гилберта и хихикая. Таверщик ссыпал деньги в карман.

— Привези еще живых, Маррон Шед, — сказала тварь. — Нам очень нужны живые.

В темноте разбежалось эхо вопля. Шеду показалось, что это его звали по имени.

— Она узнала тебя, дружище.

У таверщика вырвался вскрик. Шед метнулся к повозке и заревел на мулов.

Длинный рассматривал Лизу с однозначным интересом. Девушка это поняла.

— Давайте уедем отсюда, господин Шед! Пожалуйста!

— Но-о!

Повозка скрипнула, застонала. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем она выехала за ворота. Откуда-то из глубины замка продолжали доноситься крики.

Лиза как-то очень странно посмотрела на Шеда. Похоже, она одновременно испытывала облегчение, страх и отвращение. И облегчения было больше. Лиза осознала, насколько она слаба. Шед загадочно усмехнулся и молча кивнул. В точности как Ворон, припомнил он.

Пусть она подумает, помучится.

Мулы стали.

— Что такое?

Из темноты появились люди. В руках — оружие. Армейское оружие.

— Да чтоб меня! — раздался голос. — Это же хозяин таверны!

Можжевельник. Новые неприятности

Из ночной темноты ввалился Масло:

— Эй! Костоправ! Есть улов.

Я сложил свои карты, но не бросил их на стол.

— Уверен? — Мне чертовски надоели ложные тревоги.

Масло слегка замялся:

— Да, ошибки быть не может.

Что-то здесь не так.

— Где он? Надо посмотреть.

— Они едут в замок.

— Они?

— Мужчина и женщина. Мы не подозревали, что это наши клиенты, пока они не миновали последний дом и не покатались дальше наверх. Было слишком поздно их останавливать.

Я хлопнул картами по столешнице. Мне было страшно. Утром грянет такая буря... Шепот сыта мною по горло, а вот и хороший повод пристроить меня в Катакомбы. Навсегда. Взятые не отличаются терпеливостью.

— Идем, — сказал я как можно спокойнее, прожигая в Масле дырку взглядом.

Тот постарался держаться от меня на безопасном расстоянии. От него не укрылось мое недовольство. Масло знал, что я не в ладах со Взатыми и лучше не давать мне возможности дотянуться до его шеи.

— Если опять выйдет лажа, я точно кое-кому перережу глотку.

Мы схватили оружие и выбежали в ночную тьму.

Позицию заняли в кустарнике, в двухстах ярдах от ворот замка. Как только все наши оказались на местах, за стеной раздались вопли.

— Неприятно звучит, — сказал кто-то из моих людей.

— Попродержи язык, — бросил я.

У меня по спине побежал холодок. Действительно кошмар.

Крики все продолжались и продолжались. Потом я услышал приглушенное звяканье сбруи и скрип давно не смазывавшихся колес. И тихие голоса людей.

Мы выскочили из кустов. Кто-то раскрыл фонарь.

— Да чтоб меня! — сказал я. — Это же хозяин таверны.

Мужчина обмяк. Женщина смотрела на нас круглыми от ужаса глазами. Вдруг она спрыгнула с повозки и побежала.

— Лови ее, Масло! И да помогут тебе Небеса, если не догонишь. Дергач, тащи этого поганца сюда. Косоглазый, бери повозку и поезжай в объезд к нашему дому. Остальные — напрямик.

Мужчина по имени Шед не сопротивлялся, поэтому я отправил еще двоих на помощь Маслу. Они вслед за женщиной продирались через кусты. Беглянка двигалась в направлении небольшого обрыва. Там-то ее и схватят.

Мы отвели Шеду к заброшенному дому. На свету он уже вовсе сник, будто воздух из него выпустили. Но таверщик ничего не говорил. Большинство преступников сразу идут в отказ, хотя бы отрицая наличие повода для их задержания. Шед, судя по его облику и поведению, решил, что с ним непременно должно произойти худшее.

— Присядь, — кивнул я на один из стульев, которые стояли вокруг карточного стола.

Сам я взял другой, развернул и уселся верхом, положив руки на спинку и опустив сверху подбородок.

— Ты попался с поличным, Шед.

Но он лишь молча смотрел на стол. Человек утратил всякую надежду.

— Что скажешь?

— А что тут говорить?

— Ну, есть куча вещей, о которых можно рассказать. Конечно, тебя прихватили за задницу, но ты ведь еще не труп. А вдруг есть шанс, что откровенность поможет тебе выкарабкаться?

Шед слегка прищурился, но затем глаза снова потеряли всякое выражение. Он мне не верил.

— Я не инквизитор, Шед.

На мгновение в его глазах вспыхнула искорка жизни.

— И это чистая правда. Я ходил с Волом, потому что он хорошо знает Котурн. Но у нас совершенно разные задачи. Меня не могло

не заинтересовать ограбление Катакомб. Черный замок тоже интересуется, потому что надвигается катастрофа. Но больше всего меня интересуешь ты. Из-за некоего Ворона.

— Один из твоих людей назвал тебя Костоправом. Ворон до смерти боялся того, кто носит такую кличку. Видел его однажды ночью, когда люди герцога схватили кого-то из друзей Ворона.

Так... Ворон присутствовал при нашей операции. Выходит, я тогда был на волосок от смерти.

— Я и есть Костоправ. И я хочу знать все, что тебе известно о Вороне и о Душечке. И обо всех, кто еще хоть что-то знает.

На лице тавернщика отразилось упорное нежелание говорить и даже вызов.

— Шед, тебя ищет не только Вол, но и еще куча народу. Ты нужен и моему начальству. А мое начальство гораздо хуже Вола. Оно тебе совершенно не понравится. И ты попадешь прямо к нему, если не будешь вести себя правильно.

Я бы лучше отдал его Волу, того не интересовали наши сложные отношения со Взатыми. Но Вола не было в городе.

— И этот Аса. Я хочу услышать о нем все, что ты еще не рассказал.

Вдалеке раздались крики. Женщина. Звучало так, будто Масло с ребятами пытались ее изнасиловать. Но я-то знал: им не до этого. Очень уж здорово они нынче облажались.

— Что за сучка?

— Моя разносчица из «Лилии». Она...

И на меня выплеснулся его рассказ. Начав, Шед уже не мог остановиться.

Вроде я придумал, как выкрутиться из неприятной ситуации.

— Заткните его.

Один из моих ребят зажал тавернщику рот ладонью.

— Вот что мы сделаем, Шед. Полагаю, ты не прочь остаться в живых.

Он ждал продолжения.

— Те, на кого я работаю, скоро узнают, что сегодня ночью в замок попал труп. И за то, что это случилось, спросят с меня. Придется выдать им кого-нибудь. Это можешь быть ты, или девчонка, или вы оба. Но ты знаешь кое-что, о чем бы мне не хотелось ставить в известность Взятых. Единственный способ не выдавать тебя — убить. Я и впрямь могу это сделать. Или ты сам притворишься. Пусть сучка увидит, что тебя прикончили. Улавливаешь?

— Вроде да, — ответил он, дрожа.

— Мне нужно знать все.

— Эта девушка...

Я жестом велел ему умолкнуть и прислушался. Шум раздавался уже совсем близко.

— Она не вернется от Взятых. Поэтому мы вполне можем отпустить тебя, если все пройдет по плану.

Шед мне не верил. Он сознался в преступлениях, за которые полагается самое жестокое наказание. И не понимал, за что его можно пощадить.

— Мы Черный Отряд, Шед. И вскоре весь Можжевельник узнает об этом. Как и о том, что мы держим свои обещания. Но тебя это не должно волновать. Сейчас твоя задача — выжить. Значит, ты очень хорошо постарайся изобразить труп. Будешь выглядеть убедительнее любого из жмуrow, которых возил на гору. И выбора у тебя нет.

— Ладно...

— Тащите его к камину. Сделайте так, чтобы было похоже на серьезные побои.

Люди знали свое дело. Они помяли Шеда, на самом деле не причинив ему вреда. Я разбросал вещи, чтобы создать впечатление недавней борьбы, и закончил как раз вовремя.

Приведенная в движение кулаком Масла, девушка влетела в дверь. Судя по внешности, с этой особой не церемонились. У Масла и остальных вид был не лучше.

— Дикая кошка?

Масло попытался улыбнуться. Из уголка его рта сочилась кровь.

— Не то слово. — Он свалил девушку подсечкой. — А что с парнем?

— Слишком разнервничался. Пришлось всадить в него ножик.

— Понятно.

Мы посмотрели на пленницу. Она глядела в ответ, но без дерзости. С каждым новым взглядом, что бросала девчонка на Шеда, она становилась все смирней.

— Н-да. Ты по уши в дерьме, золотце.

Она выдала нам байку. После беседы с Шедом я ожидал услышать нечто подобное. Мы внимали вполуха, заранее зная, что это полная чушь. Масло вытер физиономию и связал девчонку по рукам и ногам. Он усадил ее на стул. Я позаботился о том, чтобы она сидела спиной к Шеду. Старому мерзавцу нужно дышать.

Я расположился напротив девушки и начал задавать вопросы. Шед говорил, что рассказал ей почти все. Надо было выяснить, зна-

ет ли она что-нибудь о Вороне. И каким образом эти сведения могут повредить нам или ему.

Никаких шансов узнать.

Раздался сильный свист. Ветер взревел, как будто совсем рядом проходил смерч. Последовал треск, похожий на грохот.

— О черт! Взятые! — крикнул Масло.

Дверь рванулась на петлях, распахнулась внутрь.

Я поднялся, обливаясь холодным потом. Сердце молотило как сумасшедшее. Вошла Перо. У нее был такой вид, будто она только что побывала в горящем доме. От одежды поднимались струйки дыма.

— Что за дела? — спросил я.

— Замок. Подобралась слишком близко, меня чуть не сшибли. Что тут у тебя?

Я быстренько доложил, не умолчав и о том, что мы пропустили в замок еще один труп.

— Этот мертв, — указал я на Шеда. — Сопровивлялся. Но эта живая. — Я кивнул на девчонку.

Перо вплотную подошла к ней. Я не заметил колдовской мощи, какую люди обычно ощущают в присутствии Взятых. Видимо, Перу сильно досталось. А она, в свою очередь, не чувствовала жизни, что теплилась в Марроне Шеде.

— Совсем юная. — Она дотронулась до подбородка девушки, приподняла ей голову. — О, какие глаза! Пламя и сталь. Госпожа будет в восторге.

— Нам продолжать наблюдение? — спросил я, ожидая, что Взятая заберет пленницу.

— Конечно. Могут быть и другие. — Перо повернулась ко мне. — Больше ни одного пропущенного трупа. Мы ходим по лезвию. Шепот простит последний. Еще один — и ты сам труп.

— Слушаюсь, сударыня. Только очень трудно торчать здесь, не привлекая внимания местных. Мы не можем просто перекрыть дорогу.

— Почему?

Я объяснил. Она уже осматривала замок, поэтому знала местность.

— Ты прав... на данный момент. Но скоро здесь будет ваш Отряд, тогда отпадет нужда прятаться.

— Да, сударыня.

Перо взяла девушку за руку:

— Пойдем.

Я был изумлен, как покорно наша дикая кошка последовала за Пером. Вышел посмотреть: помятый ковер поднялся в воздух и устремился к Черепице, оставив позади лишь эхо одинокого отчаянного крика.

Развернувшись, чтобы пойти в дом, я увидел в дверях Шеда. Хотелось двинуть ему, но я удержался.

— Кто это был? — спросил он.

— Перо. Одна из Взятых. Мое начальство.

— Колдунья?

— Причем из сильнейших. Давай сядем, поговорим. Мне нужно точно знать, что известно девчонке о Вороне и Душечке.

Интенсивный допрос убедил меня, что Лиза не знала ничего, что могло бы возбудить подозрения у Шепот. Если только та не связывает имя Ворона с человеком, который много лет назад помогал брать ее в плен.

Я мучил Шеда до рассвета. Он рассказал практически все, что представляло хоть малейший интерес. Ему самому хотелось выговориться, он болтал и болтал, вспоминая разнообразные мерзости. Не думаю, что встречал в своей жизни много людей, вызывавших у меня такое отвращение. Более гадких людей — да, встречал. Злодеи почище Шеда попадались на каждом шагу. Но трусливая закваска и привычка жалеть себя низводили тавернщика до полного ничтожества.

Бедный дурак. Ему на роду написано быть игрушкой в чужих руках.

И все же... Была у Маррона Шеда одна интересная черта, проявлявшаяся в его отношениях с матерью, Вороном, Асой, Лизой, Сал и Душечкой, — черта, которая ясно проглядывала из его рассказов. Но сам он эту черту не замечал. У него была тайная склонность к добрым поступкам.

На следующее утро после задержания Шеда я поехал в город на его телеге и разрешил ему открыть «Лилию». Потом вызвал Эльмо и Гоблина — нужно было посоветоваться. Увидев, что мы знаем друг друга, Шед здорово расстроился. Просто чудо, что мы не сцапали его раньше.

Не повезло бедняге — мы поджаривали его на медленном огне. Не повезло и нам — он не знал всего, что нас интересовало.

— Как быть с отцом девчонки? — спросил Эльмо.

— Если письмо существует, надо его перехватить, — ответил я. — Лишний источник проблем нам ни к чему. Гоблин, позаботься

о папочке. При малейших подозрениях с его стороны обеспечить ему сердечный приступ.

Без особого воодушевления кивнув и спросив, где найти папочку, Гоблин отбыл. Чтобы вернуться через полчаса.

— Хорошего мало. Отец не получал письма — девчонка сблефовала. Но он слишком много знал и вряд ли стал бы молчать на допросе. Что-то мне все меньше нравятся нынешние дела. Грязней, чем охота на мятежников. Там хоть знаешь, с кем имеешь дело и на чьей ты стороне.

— Ясно. Пожалуй, мне пора на гору. Взятые могут заинтересоваться, что это я тут делаю. Эльмо, держи кого-нибудь рядом с Шедом.

— Хорошо. Здесь поселится Ростовщик, не даст нашему олуху свалить дурака.

— Стало быть, Ворон купил судно, — задумчиво произнес Гоблин. — Ну и дела! Интересно, что он затеял?

— Наверное, решил двинуть прямо в море, — предположил я. — Говорят, там есть острова, а может, целый континент. Легко спрятаться.

Я поднялся в Черепицу. Два дня бил там баклуши, иногда тайком выскальзывал с целью вытянуть из тавернщика все, что он знал. Больше никто не пытался доставить труп в Черный замок. Похоже, не нашлось дураков, чтобы составить Шеду конкуренцию.

Время от времени я поглядывал на мрачные укрепления и размышлял. Твари, что там засели, едва не сбили Перо. Выходит, им известно, что появление Взятых означает неприятности. Как скоро они сообразят, что путь снабжения перерезан, и придумают новый способ добывать мясо?

Можжевельник. Возвращение

С того времени как Шеда схватили, прошло уже два дня. Но он все еще не мог прийти в себя. Каждый раз, когда смотрел в зал и видел одного из негодяев, что называют себя Черным Отрядом, ему снова становилось тошно.

Теперь таверщик целиком зависел от них. Ему дали пожить в долг, и совершенно неизвестно, как эти люди намерены с ним поступить. Скорее всего, попользуются им и выбросят на помойку. Кое-кто из «опекунов» явно относился к нему как к мусору. И он не мог убедить себя в том, что они не правы.

Он стоял за стойкой и мыл посуду, когда в дверь ввалился Аса. Шед выронил кружку.

Аса лишь на миг встретился с таверщиком взглядом, а затем прошел через зал и начал подниматься по лестнице. Глубоко вздохнув, Шед последовал за ним. Когда достиг верха лестницы, соглядатай по имени Ростовщик уже дышал ему в спину. В руке у него был нож, готовый к применению.

Шед вошел в комнату, где раньше жил Ворон. Ростовщик остался снаружи.

— Какого дьявола ты тут делаешь, Аса? Тебя ищут инквизиторы! Из-за того дельца в Катакомбах! Сам Вол отправился на юг по твою душу.

— Спокойно, Шед, я знаю. Мы его встретили. Была заварушка. Мы немного порезали Вола, но он поправится. И вернется сюда, за тобой. Я пришел, чтобы предупредить. Тебе надо уматывать из Можжевельника.

— О нет! — тихо произнес таверщик. Челюсти судьбы сжимались все плотнее. — Я уже думал об этом. — Ростовщик слушает, ну

и ладно. То, о чем сейчас говорит Шед, для него не новость. — Дела здесь все хуже и хуже. Я подыскиваю покупателя.

Это неправда, но Шед займется поисками сегодня же.

Почему-то возвращение Асы прибавило таверннику смелости. Может быть, потому, что он чувствовал союзника в человеке, делившем с ним одни и те же невзгоды.

Его будто прорвало. Он рассказал обо всех своих злоключениях, упомянув и Ростовщика. Тот, впрочем, не появился.

Аса сильно изменился. Он не выглядел напуганным. Шед спросил почему.

— Потому что я провел с Вороном столько времени... Он рассказывал мне такие истории — ты бы спятил от страха. Все о тех временах, когда он еще не жил в Можжевельнике.

— Ну и как он?

— Мертв.

— Мертв?! — ахнул Шед.

— Что? — В комнату ворвался Ростовщик. — Ты сказал, Ворон мертв?

Аса посмотрел на Ростовщика, потом на Шеду, снова на Ростовщика:

— Шед, сволочь...

— Заткнись, Аса, — перебил его Шед. — Ты и представить себе не можешь, что здесь творилось, пока тебя не было. Ростовщик — друг. Ну вроде того.

— Ростовщик? Тот, что из Черного Отряда?

— Ворон рассказывал? — удивленно поднял брови Ростовщик.

— Да, у него было несколько бак о днях минувших.

— Верно, приятель, это я. Давай-ка теперь о том, что Ворон якобы мертв.

Аса посмотрел на Шеду. Шед кивнул:

— Расскажи.

— Ладно. На самом деле я плохо понял, что произошло. Мы выбирались после стычки с Волом. Бежали. Неожиданно возле города на нас напали головорезы, которых нанял Ворон. Мы прятались в каких-то кустах, и вдруг он завопил — и давай носиться там как бешеный. Что за дела? — Аса покачал головой.

Его лицо было бледным, в каплях пота.

— Продолжай, — аккуратно подтолкнул Асу тавернник.

— Шед, я не знаю.

— Что произошло? — не выдержал Ростовщик.

— Сказал же, не знаю! Я там не задержался.

Шед скорчил гримасу. Сейчас перед ним был тот Аса, которого он знал.

— Ты настоящий друг, парень, — сказал Ростовщик.

— Да пошел ты!..

Таверщик сделал знак замолчать.

— Шед, — сказал Аса, — тебе надо выбираться из Можжевельника. И быстро. Со дня на день может прийти письмо от Вола.

— Но...

— На самом деле там лучше, чем мы думали. Были бы деньги. На юге никого не интересует история с Катакомбами. Местные решили, что мы просто здорово подшутили над могильными сторожами. Поэтому Вол и нашел нас. Все потешались над нашим приключением, а кое-кто даже решил отправиться сюда и полностью вычислить гробницу.

— Но как южане могли узнать о Катакомбах? Это было известно только тебе и Ворону.

Аса сконфузился.

— Ну понятно, — хмыкнул таверщик. — Надо было похвастаться, да?

Шед запутался, ему было страшно, и он начал вываливать все это на Асу. Он не знал, что теперь делать. Аса верно сказал: надо убираться из Можжевельника. Но как ускользнуть от сторожевых псов? Ведь они понимают, что Шед попытается сделать ноги.

— У Тальварской пристани стоит корабль, утром он уходит в Опушку. По моей просьбе капитан держит два места. Сказать ему, что ты будешь?

Ростовщик встал в дверях, загораживая выход.

— Никто из вас туда не отправится. Мои друзья желают с вами поговорить.

— В чем дело, Шед? — запаниковал Аса.

Шед посмотрел на наемника, тот кивнул. Тогда таверщик выложил Асе почти все. Тот ничего не понял. Шеду и самому было невдомек, потому что «опекуны» кое о чем умалчивали, и в общей картине, сложившейся в голове у таверщика, чего-то не хватало.

— Может, мне сходить за Гоблином? — предложил Шед.

— Может, мы просто подождем? — усмехнулся Ростовщик.

— Но...

— Кто-нибудь должен появиться. Пошли вниз. Ты, — острием ножа Ростовщик указал на Асу, — не вздумай шутить.

— Осторожно, Аса, — буркнул Шед. — Этих ребят боялся сам Ворон.

— Угу, я достаточно от него наслушался.

— Жаль, конечно, — заговорил Ростовщик. — Эльмо и Костоправу это навряд ли понравится. Вниз, парни. Шед, ты занимайся своим делом, а мы с твоим приятелем посидим.

— Кто-нибудь может узнать Асу, — предупредил Шед.

— Рискнем. Топайте.

Ростовщик отошел в сторону, пропуская обоих. Внизу он усадил Асу за дальний стол, сам устроился там же и принялся чистить ногти ножом. Аса как зачарованный смотрел на него. Мерещатся привидения, догадался Шед.

Если пожертвовать им, то можно сбежать прямо сейчас. Аса этим людям нужен больше. Шед сейчас пойдет на кухню, и Ростовщик за ним не двинется...

Из кухни, неся в каждой руке по блюду, вышла братаниха.

— Подойди, Сал, когда освободишься.

Вскоре она приблизилась.

— Как думаешь, ты с детьми смогла бы здесь управиться без меня? Несколько недель?

— Конечно, а что? — Она явно удивилась.

А потом быстро взглянула в дальний конец зала.

— Возможно, мне придется уехать на время. На душе будет спокойнее, если за «Лилисей» присмотрит кто-то из родни. Я не доверяю Лизе.

— Что, от нее никаких вестей?

— Никаких. Когда умер ее отец, ты небось ждала, что она объявится?

— Может, просто болтается где-то и еще не слышала?

В голосе Сал не было уверенности. Наверняка подозревает, что Шед имеет какое-то отношение к отсутствию Лизы. Слишком много людей пропало из его окружения. Шед боялся, что Сал в конце концов поймет: в исчезновении Дурня виновен тоже он.

— Ходит слух, что ее арестовали. Позаботься о моей маме. За ней ухаживают хорошие люди, но и за ними нужен пригляд.

— Куда ты собрался, Маррон?

— Еще не знаю.

Он побаивался, что это может быть просто путь наверх, в Выгородку. Но если не туда, то уж всяко подальше от того, что здесь происходит. Подальше от этих жестоких солдат и их еще более жестоких командиров. Надо поспрашивать Асу насчет Взятых. Может, Ворон рассказал ему что-нибудь.

Шеду хотелось выбрать момент и договориться о чем-нибудь с Асой. Например, об их побеге. Но не на том тальварском корабле. Черт, зря коротышка проболтался. На каком-нибудь другом, идущем на юг.

А что стало с огромным новым судном Ворона? И с Душечкой?

Он подошел к столику:

— Аса, что там с Душечкой?

Аса покраснел и устался на свои сцепленные руки:

— Не знаю, Шед. Честно. Я сильно испугался и просто сбежал на север. Уплыл на первой же лохани.

Шед отошел, в отвращении качая головой. Бросить девочку в беде... Да, все-таки Аса не сильно изменился.

Вошел человек из Черного Отряда. Ростовщик не успел ничего сказать, а Гоблин уже направился напрямиком к Асе.

— Ой-ой-ой! — проговорил Гоблин. — Я не обознался, Ростик? Это тот, кто нам нужен?

— Точно. Пресловутый Аса собственной персоной, возвратился с поля брани. И у него есть о чем рассказать.

Гоблин уселся напротив Асы. На физиономии появилась жабья улыбка.

— Итак?

— Он утверждает, что Ворон мертв, — сообщил Ростовщик.

Улыбка исчезла. В мгновение ока Гоблин сделался чертовски серьезен. Он заставил Асу заново рассказать о случившемся на юге. Сам тем временем сидел, уставившись в кружку с вином. Когда наконец поднял голову, на лице было усталое выражение.

— Надо все обсудить с Эльмо и Костоправом. Молодец, Ростовщик. Я забираю его. А ты приглядывай за нашим приятелем Шедом.

Таверщик вздрогнул. У него теплилась надежда, что оба уйдут с Асой.

Он уже решил бежать при первой возможности. Перебраться на юг, сменить имя, на золото купить таверну... Действовать надо осторожно, чтобы никто и никогда не смог его найти.

Аса попытался сопротивляться.

— Черт побери, да кто вы такие? Предположим, я не желаю с вами идти!

Гоблин зловеще улыбнулся. Он что-то пробормотал на одном дыхании, и из кружки выползло облако темно-коричневого дыма. Изнутри оно светилось кроваво-красным. Гоблин в упор смотрел на Асу, а тот испуганно таращился на посудину.

Дым сгустился и принял форму небольшой головы. В тех местах, где должны быть глаза, замерцали красные точки.

— Мой маленький друг, — сказал Гоблин, — будет рад поспорить с тобой. Он питается болью. И он давно ничего не ел. В Можжевельнике ему живется несладко.

Глаза Асы совсем округлились. У Шеда тоже. Колдовство! Он почувствовал его в той твари, во Взятой, но тогда оно не было столь явным и потому не особо его напугало. С Лизой что-то случилось, но не на его глазах. А теперь...

Вообще-то, это слабое колдовство. Всего лишь хитрый фокус. Но в городе есть и другое, недоступное постороннему взгляду. Его наблюдают только те, кто имеет самое прямое отношение к росту Черного замка. В Можжевельнике темные магические искусства не приобрели популярности.

— Ладно, — сказал Аса, — будь по-вашему.

Прозвучало противно, это был почти писк. Аса попытался отодвинуться вместе со стулом назад, но Ростовщик не позволил.

— Ворон упоминал Гоблина, это хорошо, — ухмыльнулся человек с жабым лицом. — Ты будешь паинькой. Идем.

Ростовщик отпустил стул. Аса покорно последовал за Гоблином.

Шед придвинулся и посмотрел в кружку колдуна. Ничего. Он нахмурился. Ростовщик оскалился:

— Ловко, да?

— Да...

Шед пошел с кружкой к мойке. Улучив момент, когда Ростовщик отвлекся, бросил посуду в мусор. Давно он не испытывал такого страха. Разве можно сбежать от колдуна?

В памяти всплыли рассказы, услышанные от южных моряков. Связываться с чародеями — что может быть хуже?

Хотелось плакать.

Можжевельник. Посетители

Гоблин привел ко мне Асу и настоял, чтобы мы дождались Эльмо, прежде чем начнем допрос. Он послал кого-то в Черепицу с поручением найти сержанта, в настоящий момент пытавшегося задобрить Шепот. Ежедневно получая от Госпожи выволочки, она срывала злость на всяком, кто попадался под руку.

То, что выяснил Гоблин, сильно его расстроило. Он не пытался играть в свои обычные игры, не заставлял меня гадать, что же на самом деле происходит.

— Аса сказал, они с Вороном напоролись на Вола, — выпалил Гоблин. — Ворон мертв, Аса сбежал, Душечка там одна.

Уж поверьте, разволновался я не на шутку. Готов был тотчас же приступить к допросу, но удержался.

Вскоре появился Эльмо. Мы с Гоблином уже не находили себе места. Аса едва не спятил от страха.

Наше долгое ожидание оправдало себя: Эльмо пришел не один.

Сначала появился слабый кисловатый запах; как нам показалось, он шел из камина. Я поддерживал там небольшой огонь, просто так, на всякий случай. Рядом лежало несколько металлических прутьев, их в любой момент можно было накаливать. Аса все это хорошо видел и наверняка задавался вопросом, стоит ли ему о чем-то умалчивать.

— Что за запах? — спросил кто-то. — Костоправ, ты опять пустил сюда кота?

— Да я его пинками выгнал, когда он помочился мне на сапоги, — ответил я.

— Вонница, прямо как в этом гнусном Котурне. Может, он и на дрова сходил напоследок?

Запах крепчал. Он не был совсем уж противным, просто раздражал немного. Мы по очереди осмотрели дрова. Вроде чистые.

Я уже в третий раз начал искать источник запаха, когда обратил внимание на огонь. В языках пламени мелькнули очертания лица.

Меня охватила паника. Я живо представил, какими бедами грозит появление этого лица. Либо Взятые наблюдают за нами, либо Госпожа. А может, твари из Черного замка или сам Властелин подглядывает сквозь огонь?..

А затем из глубин моего разума всплыло то, чего я не осознавал, потому как на это не было причины. И я мигом успокоился. У мелькнувшей в огне физиономии был один глаз.

— Одноглазый, — сказал я, не раздумывая больше ни секунды. — Он в Можжевельнике.

С широко раскрытыми глазами Гоблин подскочил ко мне. Он принялся, и его лицо расплылось в знаменитой улыбке.

— Точно, Костоправ. Вся вонь — от этого мелкого поганца. Как я сразу не допер?

Я посмотрел на огонь. Лицо исчезло.

— Надо бы устроить ему достойную встречу, — задумчиво произнес Гоблин.

— Думаешь, его послал Капитан?

— Вероятно. Было бы вполне логично отправить вперед Одноглазого или Молчуна.

— Гоблин, сделай одолжение.

— Какое?

— Давай обойдемся без особых приветствий.

Гоблин сник. Очень уж хотелось ему хорошенько нагадить Одноглазому, по которому он так соскучился.

— Слушай, — сказал я, — он здесь нелегально. Не хочется, чтобы об этом пронюхали Взятые. Зачем им знать лишнее?

Я выбрал не то слово. Как тут можно не пронюхать? Запах такой, что хочется убежать.

— Да уж, — проворчал Гоблин. — Лучше бы Капитан послал Молчуна. А я так ждал встречи. Приготовил сюрприз, какого Одноглазый в жизни не видел.

— Порадуешь его потом. Сможешь донять дружка, просто не обращая на него внимания. А пока почему бы не убрать отсюда эту вонь?

Он обдумал мое предложение. Глаза заблестели.

— Ага, — кивнул Гоблин, и стало ясно, что он уже приспособляет мою идею под свое извращенное чувство юмора.

В дверь замолотили кулаком. Я вздрогнул, хотя и ожидал этого. Эльмо впустили в комнату.

Следом показался малыш Одноглазый, он ухмылялся, как черный мангуст, затеявший проглотить змею. Мы едва удостоили его взглядом, потому что за его спиной стоял Капитан.

Капитан! Вот уж кого я не ожидал здесь увидеть до прибытия Отряда.

— Сударь? — вырвалось у меня. — А вы-то какого черта здесь делаете?

Он тяжело протопал к камину, протянул руки к огню. Лето подходило к концу, но было еще не слишком холодно. Как всегда, Капитан смахивал на медведя, хотя сильно отощал и постарел. Поход дался ему нелегко.

— Аист, — ответил он.

Я нахмурился, взглянул на Эльмо. Тот пожал плечами.

— Я его посылал с донесением, — пояснил Эльмо.

— Аист не сообщил ничего вразумительного, — продолжил Капитан. — Что с Вороном?

Ну да, Ворон был его ближайшим другом, перед тем как сбежал. Кое-что проясняется.

— Этот парень замешан во всем с самого начала, — сказал я, ткнув в Асу пальцем. — Околачивался тут с Вороном. Говорит, что Ворон умер... Как называется то место, Аса?

Аса вытаращился на Капитана и Одноглазого и судорожно сглотнул раз шесть, не в силах ничего произнести.

— Ворон такого о нас наплел, что парень чуть не поседел, — пояснил я.

— Послушаем с самого начала, — хмуро проговорил Капитан.

Он в упор смотрел на Асу. И тот изложил свою историю в третий раз. Все это время Гоблин, напрягая колдовские способности, пытался выловить из нее любой признак неправды. Он игнорировал Одноглазого с таким мастерством, какого я еще в жизни не видел. Но все старания были напрасны.

Капитан оборвал Асу, едва тот закончил говорить по существу. Любимая привычка, подумал я. Капитан хотел переварить информацию, прежде чем приступить к ее анализу. Он заставил меня кратко сообщить обо всем, что здесь произошло с момента моего прибытия в Можжевельник. Я так понял, что Эльмо ему свою часть уже доложил.

— Вы слишком подозрительны насчет Взятых, — подвел он итог, когда я закончил. — Хромой был с нами всю дорогу, и в его поведении не замечено ничего странного.

Если у кого-то и были веские причины поквитаться с нами, так это в первую очередь у Хромого.

— И тем не менее, — возразил я, — здесь одно накладывается на другое, а другое — на третье. И всю эту чехарду устроили Госпожа и Взятые. Может, они ничего не сказали Хромому, опасались, что проболтается.

— Может, — согласился Капитан.

Расхаживая по комнате шаркающей походкой, он озадаченно поглядывал на Асу.

— В любом случае не надо больше давать Шепот поводов для размышления. Работайте аккуратно. Притворяйтесь, будто ни о чем не подозреваете. Одноглазый с его ребятами будет поблизости, прикроет вас в случае чего.

«Ну да, — подумал я, — прикроет он! От Взятых-то!»

— Если Хромой постоянно рядом, то как вам удалось смыться? Едва он узнает, что вас нет, об этом станет известно и Госпоже.

— Он не должен ничего узнать. Мы не общались с ним несколько месяцев. Хромой держится особняком. Скучно ему, похоже.

— А что насчет Курганя?

Я был настроен узнать все, что приключилось с Отрядом в долгом походе, потому что о большинстве моих товарищей еще не написал в Анналах ни строчки. Сейчас не время докапываться до подробностей, но хотя бы в общих чертах надо представлять картину.

— Мы даже не видели его, — сказал Капитан. — По словам Хромого, там работают Бывалый и Госпожа. Как только возьмем Можжевельник под контроль, можно ожидать генерального наступления.

— Здесь еще конь не валялся, — сказал я. — Взятые все время гоняют нас вокруг Черного замка.

— Отвратительное местечко, да? — Капитан оглядел нас всех. — Сдается, вы могли бы сделать гораздо больше, если бы не впали в паранойю.

— Сударь?

— По мне, так все потуги замести следы — пустая трата времени. Это была не ваша проблема, а Ворона, и он решил ее в своей обычной манере, без посторонней помощи. — Помолчав, Капитан зыркнул на Асу. — И вообще, похоже, теперь проблема решена раз и навсегда.

Знал бы Капитан, в каком напряжении мы здесь жили... Но я решил не нарываться.

— Гоблин, как считаешь, Аса говорит правду? — спросил я.

Гоблин угрюмо кивнул.

— А ты, Одноглазый? Заметил какую-нибудь фальшь?

Чернокожий коротышка осторожно покачал головой.

— Аса, Ворон держал при себе кипу бумаг. Он когда-нибудь говорил о них?

Аса недоуменно пожал плечами.

— У него был какой-нибудь багаж? Вещь, к которой он никого не подпускал?

Мои вопросы поставили Асу в тупик, всех остальных тоже. Только Молчун знал о тех бумагах. Молчун и, может быть, Шепот, ведь они когда-то принадлежали ей.

— Аса, напряги память! Он обращался с чем-нибудь как-то необычно?

Коротышку осенило:

— Был ящик размером с гроб. Помню, я пошутил насчет него, а Ворон ответил загадочно: мол, это чей-то пропуск в могилу.

Я улыбнулся. Бумаги все еще существуют.

— И что сделал Ворон с этим ящиком?

— Не знаю.

— Аса!

— Честно не знаю. Я видел его всего пару раз, на судне. И не придал значения.

— К чему ты клонишь, Костоправ? — спросил Капитан.

— У меня есть версия. Она основана на том, что я знаю об Асе и Вороне.

Все заговорчали.

— То, что мы знаем о Вороне, позволяет допустить, что он не взял бы с собой на юг никчему и пустомелю. Но все-таки он прихватил разговорчивого и ненадежного Асу. Зачем? Парни, может, вас это не волнует, зато волнует меня.

— Не уловил, — сказал Капитан.

— Допустим, Ворон решил исчезнуть так, чтобы никому даже в голову не пришло его искать. Один раз он уже попытался убежать и забрался в Можжевельник. Но тут явились мы. Он решил, что по его душу. Как теперь быть? А почему бы на этот раз не умереть при свидетелях? Кто станет охотиться за мертвецом?

— Ты считаешь, — прервал меня Эльмо, — что он инсценировал свою смерть и послал Асу рассказать об этом, чтобы его не вздумали искать?

— Я считаю, что нельзя исключать такую возможность.

Единственным ответом Капитана было задумчивое «гм...».

— Но Аса видел его мертвым, — сказал Гоблин.

— Может быть. А может, ему только показалось.

Все посмотрели на Асу. Тот совсем перетрусил.

— Возьми-ка его, Одноглазый, — сказал Капитан, — и прогони всю историю с самого начала. Шаг за шагом.

Два часа Одноглазый мучил коротышку, но не нашел ни единой зацепки. Аса настаивал, что видел Ворона мертвым, выеденным изнутри какой-то тварью, похожей на змею. И чем больше трещин давала моя версия, тем сильнее я убеждался, что она верна.

— Я сужу по характеру Ворона, — защищался я, когда все до одного ополчились на меня. — Есть ящик, и есть Душечка. А еще есть чертовски дорогой корабль, который он зачем-то построил. Убираясь отсюда, Ворон оставил следы. И он это знал. Так зачем, проплыв несколько сотен миль, ставить судно в гавань, если знаешь, что на тебя ведется охота? Зачем оставлять в живых Шеда, который может рассказать об ограблении Катакомб? И видят боги, я никогда не поверю, что Ворон бросил Душечку на произвол судьбы. Да ни на одну минуту он не оставил бы ее без опеки. Обязательно бы пристроил, и вы все прекрасно это понимаете. — Мои доводы даже для меня звучали слишком натянуто. Я смахивал на священника, пытающегося навязать свою религию. — Аса сказал, что они просто оставили девчонку возле какой-то таверны. Не сомневайтесь, у Ворона был план. Спорим, если вы отправитесь на юг, то не найдете и следа Душечки? И если корабль все еще там, то ящика на борту нет.

— Да при чем тут этот ящик?! — взорвался Одноглазый.

Я пропустил вопрос мимо ушей.

— По-моему, у тебя слишком буйное воображение, Костоправ, — сказал Капитан. — С другой стороны, Ворон достаточно хитер, чтобы выкинуть что-нибудь подобное. Как только у меня появится возможность выпихнуть тебя отсюда, ты отправишься туда и все проверишь.

— Если Ворон настолько хитер, то Взятые, наверное, тоже достаточно коварны, чтобы предпринять что-то против нас?

— Появится проблема — будем ее решать. — Капитан повернулся к Одноглазому. — Я хочу, чтобы вы с Гоблином воздержались от ваших игр. Это понятно? Еще один-два фокуса — и у Взятых проснется любопытство. Костоправ, не упusti этого Асу. Ты, наверное, захочешь, чтобы он показал тебе место, где умер Ворон. Я возвращаюсь. Эльмо, давай-ка поедемся немного вместе...

Небольшое личное дело. Готов поклясться, что оно имеет прямое отношение к моей подозрительности в отношении Взятых. Со временем так привыкаешь к человеку, что практически читаешь его мысли.

Можжевельник. Столкновение

После прибытия Капитана многое изменилось. Солдаты взбодрились, влияние Эльмо возросло, в то время как мое явно уменьшилось. Ушли расхлябанность и панибратство. Повторять распоряжения уже не приходилось.

Прибавилось беготни, тогда как спать удавалось урывками. Ни один из нас и двух часов не действовал сам по себе, без связи с остальными. А Эльмо находил поводы рассылать людей подальше от Черепицы, туда, где Взятым было бы непросто их отыскать. Аса стал моим подопечным.

Напряжение крепло. Мы были как стайка цыплят, готовых броситься врассыпную при виде лисы, забравшейся в курятник. Я пытался одолеть нервозность, приводя в порядок Анналы. До этого долгое время не вел подробных записей, ограничивался лишь короткими заметками.

Когда же нервы угрожали лопнуть, я поднимался на гору, чтобы посмотреть на Черный замок.

Я намеренно шел на риск, как ребенок, который забирается на дерево и выползает на самый конец ветки, рискуя сорваться. Чем ближе подходил к замку, тем сильнее сосредоточивался. На расстоянии в две сотни ярдов все другие мысли уже просто исчезали. Ледяной ужас и чувство смертельной опасности пробирали до самых костей. На этой дистанции я до самых пяток проникался пониманием того, что это значит — дать тени Властелина нависнуть над миром. И догадывался, что испытывает Госпожа, когда думает о возможном возвращении своего мужа. Все мысли гаснут, притупляются эмоции, их сменяет глухое отчаяние.

В каком-то смысле Черный замок был не просто воротами, из которых мог выйти величайший злодей. Он был конкретным вопло-

щением метафорического понятия зла, натуральным его символом. Схожее воздействие производит на человека вид огромного собора. Как и собор, замок был не просто зданием.

Я смотрел на обсидиановые стены и чудовищные украшения; я вспоминал рассказы Шеда. При этом невозможно было не рыться в помойной яме собственной души в поисках добродетелей, которые человек сохраняет на протяжении всей своей взрослой жизни. Если угодно, этот замок был нравственным ориентиром. Для тех, у кого есть голова на плечах и кто вообще способен что-либо чувствовать.

Иногда Одноглазый, Гоблин, Эльмо или кто-нибудь еще составляли мне компанию. И ни один из них не уходил оттуда спокойным. Они могли топтаться рядом со мной, говорить банальности об архитектуре или важно рассуждать о значении замка для Черного Отряда. А в это время там, внутри, постоянно что-то происходило, менялось.

Я не верю в абсолютное зло. Об этом неверии я многократно упоминал в Анналах, оно отразилось на всех записях, внесенных туда мною в качестве хрониста. Я верю, что есть наша сторона и есть чужая. Какая из них добрая и какая злая, будет решать тот, кто выживет, когда все кончится.

Добро и зло в мире людей очень редко определены четко. Так не бывает, чтобы где-то всегда светило солнце, а где-то постоянно царил мрак. Восемь лет назад в войне с мятежниками мы были на стороне, которая считалась плохой, неправой. Хотя приверженцы Белой Розы бывали гораздо коварней и злей, чем Госпожа. По крайней мере, темные силы, которым служили мы, действовали прямо и честно.

Всем ясно, что собой представляет Госпожа. Это у мятежников идеалы и нравственные нормы на каждом шагу противоречат фактам, отчего люди становятся переменчивы, как погода, и гибки, как змеи.

Но я отвлекся. Это Черный замок действует так: он заставляет спотыкаться обо все ошибки и прегрешения, совершенные тобой в жизни. Он вынуждает пересматривать нравственные ценности. Он вызывает желание занять какую-то определенную позицию, хотя бы и на стороне зла. Он делает тебя нетерпимым к твоей податливой, уступчивой морали.

Подозреваю, именно поэтому в Можжевелинике решили сделать вид, что Черного замка в природе не существует. Это место — абсолют, требующий абсолютных решений в мире относительности.

Когда я стоял под черными лоснящимися стенами, мне часто вспоминалась Душечка. Потому что она была полной противоположностью замку; она была несовместима с ним. Белый полюс, идеал, противостоящий тому, что символизирует собой замок. Я нечасто с ней общался с тех пор, как узнал, кто она на самом деле. Но помню, что ее присутствие тоже будоражило мои чувства. Я представлял себе, как бы она подействовала на меня сейчас, через столько лет, будучи уже взрослой.

На Шеда, судя по его словам, присутствие Душечки не производило впечатления, равного по силе впечатлению от Черного замка. Тавернщика интересовало только одно: как бы затащить ее в кровать. Что до Ворона, он тоже не придерживался каких-то строгих правил. Случись что, наш приятель скатился бы еще дальше во мглу. Разница лишь в том, что им двигают самые высокие мотивы.

Возможно, в этом содержится некий послыл. Некая мысль насчет средств и целей. Ворон действует с прагматичным цинизмом князя тьмы, но это дает ему возможность спасти ребенка, который являет собой единственную надежду всего мира. Надежду избавиться от Госпожи и Властелина.

О, как было бы замечательно, если бы все нравственные проблемы делились на черные и белые и если бы можно было расставить их на игровой доске! Строгие правила — и ни единого оттенка серого.

Даже Аса и Шед почувствуют ауру замка, если привести их сюда днем и заставить смотреть на эти беспощадные стены.

Особенно чуток Шед.

Тавернщик достиг той точки, когда человек может себе позволить и совесть, и некоторые колебания. Я имею в виду, что он выкарабкался из нужды, угнетавшей его раньше, и под нашим надзором прекратил рыть себе яму. Это позволило ему оценить содеянное и проникнуться отвращением к самому себе. Не единожды я вел с ним беседу и замечал, как из глубоко запрятанной искры порядочности разгоралось пламя и заставляло тавернщика корчиться в душевных муках.

Не знаю, как Эльмо это удалось. Может, он не спал неделю, а то и не одну. Как бы то ни было, но, когда Черный Отряд спустился с Бедовых гор, у сержанта уже был готов план оккупации. Этот план был весьма грубым, но все же получше, чем мы ожидали.

Я находился в Котурне, когда первые слухи достигли нижних ярусов города. Они вызвали суматоху, какой я не видывал на своем веку. Сосед Шеда, продавец дров, вихрем влетел в «Лилию».

— Сверху спускается целая армия! — заорал он. — Иноземцы! Их тысячи! Говорят...

В течение часа еще несколько человек приносили новости. Каждый раз армия становилась все больше, а ее намерения все загадочнее. Никто не знал, зачем пожаловал Отряд. Многочисленные очевидцы давали противоречивые толкования, сообразно их собственным страхам. Некоторые были недалеки от истины.

Хотя солдаты до крайности устали в долгом походе, они быстро заняли позиции в городе. Подразделениями командовали люди Эльмо. Леденец привел в Котурн усиленную роту. Мы уже давно усвоили, что основными очагами сопротивления становятся самые грязные дыры, трущобы. Здесь произошло несколько серьезных столкновений. Но большинство горожан совершенно не понимали, в чем дело, и не могли взять в толк, с кем и ради чего следует сражаться. Из домов они высывались с единственной целью — удовлетворить любопытство.

Я поспешил назад, к своей команде. Настал срок Взятым вступить в дело. Если они вообще намерены что-то делать.

Ничего не произошло. Насколько я мог догадаться, Взятые инструктировали и направляли вновь прибывших. Поэтому еще в течение двух дней никому не было дела до меня. Наконец удалось усмирить город, в наших руках оказались все ключевые места: арсеналы, укрепления и даже здание Сторожевого департамента в Выгородке. И жизнь пошла своим чередом. Небольшие неприятности нам доставили беглые мятежники, когда попытались учинить беспорядки — под тем предлогом, что это герцог призвал Госпожу в Можжевелник.

Но горожанам было по большому счету все равно.

Еще возникали проблемы в Котурне. Эльмо хотел навести порядок в трущобах, но некоторые их обитатели не нуждались ни в каком порядке. Тогда он натравил Леденца, и тот раздавил местные криминальные группировки. Я не видел в этом необходимости, но умные головы опасались, что банды могут стать эпицентрами волнений. А любая потенциальная возможность сопротивления должна быть немедленно ликвидирована. Думаю, наши начальники рассчитывали такими действиями заработать некоторую популярность.

На третий день после прибытия Отряда Эльмо привел Лейтенанта на склон холма, в мою лачугу.

— Ну как? — спросил я.

Со времени нашей последней встречи Лейтенант ужасно постарел. Поход на запад дался ему недешево.

— В городе все спокойно, — ответил он. — Ну и помойка...

— Вонючая выгребная яма — так будет правильнее. Какие планы?

— Ему надо взглянуть на цель, — сказал Эльмо.

Я удивленно поднял брови.

— Хромой сказал, что нам необходимо взять замок, — пояснил Лейтенант. — Не знаю только когда. Капитан хочет, чтобы я на него взглянул.

— Нахрапом замок не взять, учти, — пробормотал я. — Веселые нас ждут времена.

Я натянул плащ. Наверху было довольно прохладно. Эльмо с Одноглазым пошли с нами. Лейтенант долго и тщательно разглядывал замок.

— Мне не нравится, — наконец сказал он. — Совершенно.

Лейтенант тоже почувствовал могильный холод, который исходил от замка.

— У меня есть человек, он был внутри, — сказал я. — Но Взатым я об этом не докладывал. Считается, что парень врезал дуба.

— И что он может мне рассказать?

— Немного. Он бывал там только ночью, на площадке, сразу за воротами.

— Гм. У Взятых в Черепице тоже есть свидетель, девчонка. Я говорил с ней. От нее толку мало. Была там один-единственный раз и так перепугалась, что боялась даже по сторонам смотреть.

— Она еще жива?

— Это та, что ты поймал? Гнусная сучка... Да, живая. Наверное, Госпожа запретила ее убивать. Ну что, идем дальше?

Мы обогнули замок, достигнув склона, где камни и кручи. Все наше продвижение сопровождалось нытьем Одноглазого.

— С этой стороны не подступиться, — прокомментировал Лейтенант очевидное. — По крайней мере, без помощи Взятых.

— Да с любой стороны не подойти без серьезной подмоги.

Он вопросительно посмотрел на меня.

Я рассказал ему о приключениях Пера в ту ночь, когда мы брали Шеду с девчонкой.

— А с тех пор?

— Тишина. Как и до этого, впрочем. Мой человек, тот, что был внутри, тоже не заметил ничего чересчур необычного. Но черт побери, это место связано с Курганьем. За всем происходящим стоит Властелин. Да ты и сам знаешь, дело не пустячное. Госпожа и Взятые в курсе, что тут называют проблемы.

Одноглазый пискнул.

— Что такое? — дернулся Лейтенант.

Одноглазый ткнул пальцем в сторону стены, возвышавшейся над нами на добрых шестьдесят футов. Я ничего там не увидел, Лейтенант тоже.

— В чем дело? — снова спросил он.

— Кто-то наблюдал за нами. Отвратительная тварь.

— Я тоже заметил, — подтвердил Эльмо. — Длинный, тощий, желтоватый. Змеиные глаза.

Я недоверчиво посмотрел на стену.

— Как ты сумел отсюда разглядеть?

Эльмо пожал плечами:

— Сумел. Он производит неприятное впечатление. Будто хочет укусить.

Мы двинулись дальше, продираясь сквозь кусты и перелезая через валуны. При этом одним глазом приглядывали за стеной, а вторым смотрели себе под ноги.

— Голодный взгляд, — пробормотал Эльмо. — Плотноядный.

Мы вышли на западный склон. Лейтенант остановился:

— Как близко можно подойти?

Я пожал плечами:

— Не выпадало случая проверить.

Лейтенант прошелся туда-сюда, словно что-то искал.

— Надо привести несколько арестантов и выяснить.

Я поцокал языком:

— Никого из местных ты не заставишь приблизиться к стене.

— Уверен? А если в обмен на помилование?

Леденец объявил крестовый поход против преступности и выловил в Котурне половину бандитов. Если на человека поступало три жалобы, он оказывался в кутузке.

— Слишком просто, — сказал я.

Мы огибали замок, чтобы взглянуть на его ворота. Под «просто» я имел в виду незатейливо, а не легко.

Лейтенант рассмеялся. Несколько месяцев тяжелой жизни не ослабили его своеобразного чувства юмора.

— Простота мышления позволяет находить простые решения. Несколько месяцев реформ под управлением Леденца — и герцог станет героем.

Я понимал, о чем речь. Можжевельник — город беззакония. Им управляют с помощью силы, в каждом квартале — свой главарь. И тысячи Шедов, они живут в вечном страхе, над ними постоянно измываются. Любой, кто избавит их от необходимости трястись за

свою шкуру, получит всеобщую благодарность. И если он правильно воспользуется народной поддержкой, ему простят любые перегибы.

Но так ли уж важна поддержка слабаков, подумал я. И можно ли заразить горожан смелостью, не обеспечив себе тем самым новые неприятности?

Я уже видал такое. Маленькому человеку ненависть необходима как пища и воздух, ему нужно обвинять кого-то в своих собственных ошибках.

Но это вопрос не насущный. В данный момент от меня требуется лишь внимание и предельная осторожность.

Как только мы оказались напротив ворот, тяжелые створки распахнулись. Полдюжины диких тварей в черном устремились в нашу сторону. Меня окутал какой-то летаргический туман. Я заметил, что страх, едва успев возникнуть, тут же исчез. К тому времени, когда они преодолели половину расстояния, все, что мне хотелось сделать, — это просто лечь на землю.

Колени пронзила боль, голова раскалывалась, желудок свела судорога. Апатия исчезла.

Одноглазый вытворял нечто несусветное. Он приплясывал, тьякал, как волчонок, махал руками, точно раненая птица крыльями. Ветер сорвал с его головы огромную жуткую шляпу. Она катилась вниз, пока не застряла в кустах.

— Делайте же что-нибудь, идиоты! — прокричал он между двумя тьяканьями. — Я не могу держать их бесконечно!

Эльмо с лязгом выхватил меч из ножен, Лейтенант проделал то же самое. При мне не было оружия, кроме длинного кинжала. Я вытащил его и бросился за товарищами. Твари из замка застыли на месте, в змеиных глазах отражалось удивление. Лейтенант подбежал первым. Он остановился, держа меч обеими руками, замахнулся и нанес яростный удар.

Его меч чертовски похож на оружие палача, а таким ударом можно перерубить сразу три шеи. Однако голова осталась на месте, хотя рана была достаточно велика. Хлынула кровь и забрызгала нас всех троих.

Последовал удар Эльмо, а затем и мой. Меч Эльмо углубился в тело его жертвы на целый фут. У меня было ощущение, что я режу кинжалом мягкое дерево. Мне удалось вбить клинок в тварь не более чем на три дюйма. Наверное, недостаточно, чтобы повредить важный орган.

Я рывком высвободил оружие и выбрал точку для нового удара, сообразуясь со своими знаниями медицины. Эльмо, чтобы выдержать меч, пришлось упереться ногой в грудь монстра.

У Лейтенанта был самый хороший клинок и прекрасная сноровка. Пока мы суетились со своими противниками, он успел снести две головы.

И тут Одноглазый дал маху. Глаза тварей ожили, в них вспыхнула яростная злоба. Я испугался, что те двое, с которыми мы не успели расправиться, разорвут нас на куски. Но последовал еще один дикий удар Лейтенанта, и они отступили. Тот, кого ранил я, заковылял следом. Не доходя до ворот, он упал и пополз. Ворота захлопнулись у него перед носом.

— Так, — сказал Лейтенант. — Значит, там есть ребята, с которыми нам пока не стоит ссориться. Тебе благодарность, Одноглазый. — Он говорил спокойно, но очень высоким голосом, почти фальцетом, и у него тряслись руки.

Нам бы несдобровать, если бы Одноглазый не пошел с нами.

— Пожалуй, на сегодня хватит, — решил Лейтенант. — Сматываемся.

Все мое существо страстно желало пуститься наутек сломя голову. Но внутренний голос сказал, что не следует забывать о деле.

— Давайте прихватим одного из этих уродов. — Слова, слетевшие с пересохших от страха губ, были похожи на кваканье.

— А на черта?! — воскликнул Эльмо.

— Я его вскрою, и посмотрим, что он собой представляет.

— Ага. — Лейтенант опустил на корточки и подхватил тварь под мышки.

Она слабо сопротивлялась. Содрогаясь от отвращения, я взялся за ногу и потянул. Монстр согнулся пополам.

— Не так. — Лейтенант отпустил ношу и подошел ко мне. — Ты за эту ногу, я за ту.

Мы потащили жуткий трофей. Он мотался из стороны в сторону. Мы затеяли спор о том, кому что лучше делать.

— Не довольно ли вам дурью маяться? — зарычал Одноглазый.

Он ткнул черным корявым пальцем. Я оглянулся. На стене появились твари. И тут же я почувствовал, как усилилась жуткая аура, исходящая от замка.

— Сейчас что-то будет! — И я припустил вниз по склону, не отпуская ногу чудовища.

Лейтенант последовал моему примеру. Ноша билась сзади о камни.

Бам-м!

В склон холма что-то ударило. Как будто топнула гигантская нога. Я почувствовал себя тараканом, что убегает от человека, ненавидящего этих насекомых лютой ненавистью. Последовал еще один удар, сильнее предыдущего.

— О черт! — сказал Эльмо.

Он пронесся мимо меня, проворно работая руками и ногами. Одноглазый мчался сразу за ним, низко припадая к земле. Никто из них не предложил нам помощь.

Третий и четвертый удары, примерно через равные промежутки времени, и каждый новый все ближе. При последнем над нашими головами пролетели камни и сухие ветки кустов.

Еще через пятьдесят ярдов Одноглазый остановился, развернулся и сотворил колдовство. Его поднятые руки вспыхнули бледно-голубым. Облако пламени с ревом пронеслось не далее чем в футе от меня и устремилось наверх. Мы с Лейтенантом миновали Одноглазого. Пятый гигантский шаг швырнул нам в спину град камней и веток.

Одноглазый дико завопил и рванул вниз.

— Больше мне стрелять нечем! — прокричал он. — Бросайте эту гадость и драпайте.

Он совершал прыжки, каким позавидовала бы борзая собака в погоне за зайцем.

Долина заполнилась визгом. С южной ее стороны со свистом неслась пара точек. Они двигались так быстро, что трудно было уследить. С низким, глубоким ревом они промчались мимо и грохнули где-то у нас за спиной. И мне показалось, что точки чем-то связаны.

Появилась вторая пара. Точки вращались вокруг общего центра. Я присмотрелся: да, связаны. Они пронеслись мимо и оглушительно бабахнули. Я оглянулся: замок скрылся за цветной стеной. Как будто плеснули краску и та потекла вниз, как по стеклу.

— Это Взятые, — тяжело дыша, сказал Лейтенант.

Выражение его глаз было диким, но он крепко держал нашу добычу.

Проклятая тварь застряла. Мы принялись лихорадочно кромсать одежду, что запуталась в колючих кустах. Я то и дело посматривал наверх: вот сейчас нас размажут по склону.

Появилась еще одна пара шаров, они разбрызгали краску, не причинив никакого вреда замку, но и не дав ему покончить с нами.

Мы отцепили тварь и побежали дальше.

Сверху свалилась пара точек, не таких, как прежние. Я показал пальцем:

— Перо и Шепот.

Взятые устремились к Черному замку. Перед ними, как волна, несясь пронзительный визг. Замок окутался пламенем. Казалось, обсидиан тает и течет, точно воск свечи. При этом уродливые украшения превращались во что-то совсем чудовищное.

Взятые отступили, набрали высоту и приготовились к следующему удару. В это время очередная пара шаров показалась с другой стороны долины и окрасила невидимую стену вокруг замка. Я бы охотно полюбовался, если бы не был так занят спасением собственной шкуры.

Склон горы ответил глухим гулом на удар невидимой гигантской ноги. Образовалась воронка диаметром пятнадцать футов и глубиной пять, разлетелись камни и палки. В этот раз враг промахнулся лишь на дюжину футов. Тряхнуло так сильно, что мы не устояли на ногах. Выше по склону тянулась длинная цепь похожих отпечатков.

Последний удар был хоть и мощным, но все же слабее предыдущих.

Перо и Шепот пошли в атаку, и снова Черный замок потек. Затем небо всколыхнул грохот. Оба Взятых исчезли в клубах дыма. Они отлетели от замка — надо было обуздать ошалевшие ковры. Взятые чадили — вот так же Перо дымилась в ту ночь, когда брали Шеда. Они пытались удержать высоту.

Замок сосредоточил на них все внимание. А мы с Лейтенантом благополучно улизнули.

Можжевельник. Полет

«Лилия» несколько раз вздрогнула. Шед возился с кружками и размышлял, кто из его посетителей подослан Черным Отрядом. Толчки беспокоили его. Затем над головой раздался визг. Тон все повышался, затем пошел на спад, когда источник звука начал удаляться на север. Через мгновение опять тряхнуло, да так сильно, что едва не побилась посуда. Шед выбежал на улицу. При этом он не переставал наблюдать за посетителями, пытаясь выявить соглядатая. С приходом в город Черного Отряда шансы на побег катастрофически уменьшились. Он больше не знал, кто есть кто. Зато его знали все.

Когда со стороны Выгородки опять прилетел визг, Шед побежал. Он посмотрел в ту сторону, куда тыкали пальцами все окружающие. Пара шаров, чем-то соединенных, пронеслась на север. Через несколько секунд весь город был окрашен разноцветным сиянием.

— Черный замок! — выкрикивали люди. — Бьют по Черному замку!

Шед все видел и сам. Замок исчез за цветной завесой. Сердце сжалось от страха. Таверщик не понимал происходящего. Но ведь здесь, внизу, он в безопасности? Или нет?

Отряду помогают могущественные колдуны. Они не дадут замку...

Могучий удар сотряс северные склоны. Шед не увидел, что там случилось, но догадался: это замок не остался в долгу. Может, шарахнул по Костоправу, который блокирует подступы к нему. А может, замок уже пытается открыть проход для Властелина.

Крики толпы заставили Шеду обратить внимание на две точки, падающие из небесной голубизны. Замок окутался пламенем. Обсидиан начал терять форму, потек, но вскоре вернул первоначаль-

ный вид. Атакующие стремительно взмыли, развернулись. Прокувыркалась еще одна пара шаров. По всей видимости, били из Черепицы. Ковры ринулись вниз.

Шед знал, кто сидит на них. «Началось!» — подумал он в ужасе. А вокруг неистовствовал охваченный паникой, ничего не понимающий Котурн.

Тавернщик взял себя в руки и задумался о собственном положении. Повсюду солдаты Черного Отряда сбегались по тревоге. Едва собравшись, взвод спешил занять предназначенную ему позицию. Некоторые солдаты парами вставали на перекрестки, наиболее удобные для предотвращения волнений и грабежей. Среди них Шед не заметил никого из своих «опекунов».

Он метнулся в «Лилию», наверх. Достал из тайника и разложил по карманам золото и серебро, дрожащими руками вынул кулон, повесил на шею, под одежду. Еще раз пробежал глазами по комнате, не увидел ничего, что стоило бы взять с собой, и кинулся вниз. Там, кроме Сал, никого не было. Она стояла в дверях и смотрела на север. Он никогда не видел ее такой спокойной и домашней.

— Сал.

— Маррон? Что, пора?

— Да. Я оставил в ящике двадцать лев. Пока сюда навешиваются солдаты, тебе бояться нечего.

— А что происходит? То, что должно было?

— Да, к этому все шло. Наверное, будет еще хуже. Черный Отряд здесь для того, чтобы разрушить замок. Если получится.

— А ты куда собираешься?

— Не знаю. — Он не кривил душой. — А если бы знал, все равно не сказал бы. Они умеют вытягивать сведения.

— Когда вернешься?

— Может быть, никогда. Но наверняка не раньше, чем они уберутся отсюда.

Он сомневался в том, что Черный Отряд когда-нибудь оставит Котурн. А если и оставит, его заменит кто-нибудь еще.

Госпожа, похоже, не из тех, кто выпускает добычу из рук.

Он чмокнул Сал в щеку:

— Будь здорова. И не отказывай ни в чем себе и детям. Если объявится Лиза, передай, что она уволена. А если вернется Дурень, скажи, что я его прощаю.

Шед направился к задней двери. На другой стороне долины не прекращались вспышки и грохот. Вдруг что-то завывало, приближаясь

к Черепице, но где-то над Выгородкой затихло. Таверник поднял воротник, опустил голову и переулками поспешил к гавани.

Только дважды Шеду встретились патрули, но эти солдаты не знали его. Первый патруль вообще не обратил на него внимания. Капрал, командовавший вторым, велел Шеду топать домой и проследовал дальше.

С Причальной улицы сквозь мачты и снасти бесчисленных кораблей Шед еще раз увидел Черный замок. Казалось, с ним произошли ужасные перемены. Из крепости валил жирный черный дым. Он столбом чуть косо поднимался на добрую тысячу футов, а выше растекался темной дымкой. На склонах вокруг замка была заметна какая-то суета, точно на потревоженном муравейнике. Наверное, в дело вступил Черный Отряд.

В гавани царил хаос. Дюжина кораблей, направившись к выходу, забила фарватер. Все остальные иностранные суда тоже лихорадочно готовились к отправлению. Сама река была странно беспокойна, там гуляли волны и часто менялось течение.

Шед обошел три корабля, прежде чем отыскал капитана, для которого деньги еще что-то значили. Он отдал десять лев судовому казначею, на вид отъявленному пирату, и нашел местечко, где его не могли увидеть с берега.

Когда корабль уже отчалил, на пристани появился Ростовщик. С ним было несколько солдат. Они принялись орать, требуя, чтобы капитан немедленно повернул назад.

Капитан сделал непристойный жест, сказал, куда им проваливать, и положил судно в дрейф по течению. На все отбывающие парусники в этот день не хватало буксиров.

За такое хамство шкипер немедленно получил стрелу в горло. Матросы и офицеры застыли в растерянности. Миг спустя стрелы посыпались градом, убив более дюжины людей, включая первого помощника и боцмана. Трясущийся Шед скорчился в своей закуске, такого дикого ужаса он отродясь не испытывал.

Он знал, что в Черном Отряде служат люди суровые, с ними лучше не шутить. Но до этого момента не осознавал, что они могут быть и беспощадны. Подчиненные герцога просто сдались бы в такой ситуации и, страшно ругаясь, убрались прочь. Они бы не устроили бойню.

А стрелы все летели, правда их становилось меньше. Наконец корабль вышел из зоны досягаемости.

Только теперь Шед решил выглянуть из укрытия и увидел, что город уплывает назад. Ох, как же медленно он удалялся!

К удивлению тавернищика, никто из команды не разозлился на него. Моряки, конечно, были возмущены, но не связывали нападение с пассажиром, поднявшимся на борт в последнюю минуту.

Жив, подумал Шед с облегчением. Но настроение снова испортилось, стоило подумать, куда несет его судьба и чем он займется, высадившись на берег.

— Они погнались за нами на лодке! — закричал матрос.

У Шеда екнуло сердце. Он повернулся к берегу и увидел, как от причала отходит небольшое судно. На лодке торопливо ставили парус. Солдаты Черного Отряда кричали, подгоняя команду.

Шед забился обратно в закуток. После такого избиения моряки наверняка предпочтут отдать пассажира. Стоит им только понять, чего добивается Ростовщик.

Но как преследователи напали на след?

Колдовство. Наверняка.

Значит ли это, что они могут отыскать Шеда где угодно?

Можжевельник. Плохие новости

Суета улеглась. Представление оказалось довольно красочным, хоть я видал и покруче. Например, битву за Лестницу Слез или сражение при Чарах. Все эти вспышки и грохот больше пугали жителей Можжевельника, чем нас или обитателей Черного замка. Мы не понесли никаких потерь, а противнику дороже всего обошлась та вылазка из ворот. Пожар в крепости не причинил серьезного урона. Во всяком случае, так сказали Взятые.

С угрюмым видом Шепот приземлила ковер возле моей хибары и въехала внутрь. Одежда на ней пострадала больше, чем она сама.

— С чего все началось? — спросила Взятая.

Лейтенант рассказал.

— Они встревожились, — сказала Шепот. — А может, и перепугались. Хотели отогнать вас или захватить?

— Конечно захватить, — сказал я. — Прежде чем атаковать, наслали сонные чары.

Одноглазый кивком подтвердил мои слова.

— Почему им это не удалось?

— Одноглазый обратил их колдовство против них же. Трех мы убили.

— Ага! Ничего удивительного, что им это не понравилось! Вы приволокли одного с собой?

— Я решил вскрыть его и посмотреть, как он устроен. Чем больше мы будем знать об этих тварях, тем лучше.

Шепот вошла в транс и связалась с нашей общей хозяйкой. Через некоторое время она вернулась в явь.

— Неплохая мысль. Но вскрывать будем мы с Пером. Где тело? Я увезу его в Черепицу.

Я показал. Труп лежал рядом. Два человека помогли донести его до ковра.

— Не доверяй нам больше никаких дел, — пробормотал я. Шепот услышала, но ничего не сказала.

Когда с погрузкой было покончено, Взятая повернулась к Лейтенанту:

— Немедленно начинай подготовку к осаде. Насыпь вал вокруг замка, Хромой поможет. Похоже, эти твари попробуют вырваться или взять пленных. Возможно и то и другое. Этого нельзя допустить. Дюжина тел позволит им открыть проход, и вы окажетесь лицом к лицу с Властелином. Он не станет миндальничать.

— Понятно, что не станет. — Когда нужно, Лейтенант умеет выглядеть наикрутейшим из парней; такого даже Госпожа не утрашит. — Так почему вы еще здесь? Делайте свое дело и дайте мне заняться моим.

Прозвучало это не в самый подходящий момент, но, похоже, Взятые успели осточертеть ему. Ведь Лейтенанту пришлось несколько месяцев провести в обществе Хромого, возмнившего себя нашим начальником. Может, потому и возникали трения между Отрядом и Взатыми. Капитан тоже не мог терпеть до бесконечности, хотя он действовал более дипломатично, чем Лейтенант. Он просто игнорировал приказы, которые ему не нравились.

Я вышел посмотреть на строительство циркумвальной линии вокруг замка. Из Котурна прибывали толпы рабочих с лопатами на плечах и ужасом в глазах. Наши люди побросали инструменты и приняли роль охранников и десятников. Время от времени Черный замок, как старый затухающий вулкан, просыпался и делал слабую попытку вмешаться. Местные бросались врассыпную, приходилось окружать их и сгонять назад. При этом мы потеряли значительную часть ранее завоеванной поддержки населения.

У Ростовщика был неуверенный, хоть и злой вид. Он шел к моему штабу. Я двинулся к выходу, чтобы встретить его:

— Что плохого?

— Шед, будь он проклят! В суматохе успел смыться.

— В суматохе?

— Пока Взятые кромсали замок, город обезумел. Мы потеряли Шеду из виду. А когда Гоблин его обнаружил, он уже был на корабле, который шел в Опушку. Я попытался задержать судно, но его команда не подчинилась. Мы постреляли, потом погнались на лодке, но они ушли.

Обругав Ростовщика и одолев соблазн его задушить, я сел подумать.

— Что с ним, Ростик? Чего он так боится?

— Всего, Костоправ. Даже собственной тени. Сдается, возомнил, что мы собираемся его прикончить. У Гоблина другая версия, но ты же знаешь, как он любит усложнять.

— Что говорит Гоблин?

— Ну, что Шед хотел сбежать от себя, от прежнего Шеда. И страх, который ему внушали мы, только подтолкнул к бегству.

— Сбежать от себя?

— Ну, ты понял. Избавиться от вины во всем, что он тут натворил. Оказаться подальше от инквизиторов. Вол знает, что Шед был тогда в Катакомбах. По возвращении сразу бы за него взялся.

Я разглядывал гавань: корабли продолжают уходить, прибрежные воды непривычно пусты. Если это бегство не прекратится, мы станем весьма непопулярны. Можжевельник сильно зависит от торговли.

— Найдешь Эльмо, расскажешь ему. Добавишь, что я считаю необходимым отправить тебя за Шедом. Возьми Кеглю с ребятами и верни тавернщика. Когда будешь там, справишься о Душечке и Воле.

У Ростовщика был вид приговоренного, но возражать он не стал. На его счету уже числилось несколько оплошностей. Разлука с приятелями — лишь легкое наказание за его «подвиги».

— Хорошо. — И он энергично потрусил прочь.

Я вернулся к насущным проблемам.

С дезорганизацией было покончено, когда наши люди разбили толпу местных жителей на бригады. В воздухе мелькали заступы, летала земля. Сначала глубокий ров, чтобы твари из замка помучились, выбираясь из него. За рвом — частокол.

Один из Взятых постоянно патрулировал в воздухе, с большой высоты наблюдая за замком.

Из города потянулись повозки с бревнами и камнем. Там, внизу, рабочие разбирали дома на строительные материалы. Хотя здания давно уже не годились для жилья, людей, которые по нашей милости оказались без крова, размещали в других местах.

Одноглазый с сержантом по имени Трясун повели большой отряд рабочих к замку, на самый крутой склон горы. Там принялись копать сапу, чтобы обрушить часть стены. Они и не скрывали своих намерений. Это было бы бесполезно. Твари, с которыми мы столкнулись, способны разгадать любые хитрости.

Я понимал, что попытка докопаться до стены должна стоить огромных усилий. Работа может растянуться на недели, даже с сильной помощью Одноглазого. Придется пробиваться через многие ярды матерой породы.

Эта затея — один из нескольких отвлекающих маневров, задуманных Лейтенантом. Хотя он спланировал осаду так, что отвлекающий маневр мог запросто стать главным ударом. Имея такой резерв рабочей силы, как Можжевельник, можно не скупиться.

Я даже слегка гордился, наблюдая, как растут осадные укрепления. Сколько лет служу в Отряде, но еще никогда мы не брались за столь грандиозное дело.

Я бродил по окрестностям, пока не нашел Лейтенанта.

— А каков вообще план?

До сих пор никто не потрудился посвятить меня в детали.

— Просто обложим их, чтобы не могли вырваться. А потом ими займутся Взятые.

Я хмыкнул, дивясь простоте замысла. Думал, будет похитрее. Эти твари горазды драться. Я подозревал, что Властелин тоже не терпит времени, готовя из своей могилы контрудар.

Должно быть, это адская мука — лежать заживо погребенным, не в силах ничего сделать собственноручно. Можно только надеяться на приспешников. Меня бы тоска и отчаяние прикончили в считанные часы.

Я рассказал Лейтенанту о побеге Шеда. Новость оставила его равнодушным, тавернщик мало для него значил. Лейтенант ничего не знал про Ворона с Душечкой. Для него Ворон был простым дезертиром, а Душечка — сообщницей. Ничего особенного. Я счел нужным сообщить о Шеде, чтобы Лейтенант упомянул потом при Капитане. Возможно, Капитан решит, что необходимы меры более действенные, чем те, которые я посоветовал Эльмо.

Некоторое время я провел с Лейтенантом. Он наблюдал за работами, а я смотрел на вереницу повозок, поднимавшихся в гору. Должно быть, там и наш ужин.

— До чертиков надоела сухомятка, — пробормотал я.

— Я скажу, что тебе надо сделать, Костоправ. Жениться и осесть.

— Конечно, — ответил я с излишним сарказмом. — Но только после тебя.

— Я серьезно. По-моему, место подходящее. Обзаведешься практикой, будешь обслуживать богачей. Скажем, семью герцога. Когда сюда наведается твоя подружка, поставь перед ней вопрос ребром, вряд ли откажет.

Ледяной кинжал вонзился мне в душу.

— Подружка? — каркнул я.

Он осклабился:

— Ага. Никто не говорил тебе? Она прибует к началу концерта. Собирается дирижировать собственноручно. Это твой шанс.

Мой шанс. Только на что?

Он, конечно, говорил о Госпоже. Прошло много лет, но братья по-прежнему издеваются надо мной. Вот же дернул черт написать пару романтических рассказов. А случилось это еще до того, как я увидел Госпожу воочию. Сваляешь однажды дурака, и тебе этого нипочем не забудут. Такие уж традиции у Черного Отряда.

Готов поклясться, сукин сын просто сгорал от нетерпения, желая преподнести мне эту новость с того самого момента, как услышал о ней.

Госпожа. В Можжевельнике.

Я даже подумал о побеге. Пока в гавани еще осталась пара кораблей, не успевших отдать швартовы.

Можжевельник. Фейерверк

Замок усыплял нашу бдительность. Мы внушили себе, что сможем проскользнуть за дверь, не скрипнув. Уже два дня рабочие команды вгрызались в северный склон. Там выдалбливали глубокий ров, возводили частокол и выцарапывали подкоп. А потом твари выразили нам свое неудовольствие.

Поднялась жуткая суматоха, и, оглядываясь на прошлое, я не могу поверить, что начало нашего предприятия казалось таким невинным.

Стояла безлунная ночь, но люди работали при свете костров, факелов и фонарей. Через каждые сто футов готового рва и частокола Лейтенант поставил деревянную башню, а рядом небольшую баллисту; ее надо было поднять наверх. Мне это казалось напрасной тратой времени. Разве устоят эти жалкие сооружения под натиском слуг Властелина?

Но недаром Лейтенант у нас первый специалист по осадным операциям. Он был решительно настроен сделать все правильно, даже если баллисты вообще не понадобятся. В любом случае они должны быть под рукой.

Самые зоркие солдаты Отряда сидели в законченных башнях, пытаясь наблюдать за замком. Один из них засек возле ворот какое-то движение. Не поднимая шума, он сбросил записку. Лейтенант примчался наверх. Он понял: кто-то выбрался из замка, чтобы обогнуть его и выйти на ту сторону, где Одноглазый. Тут же загревели барабаны, взревели трубы и взмыли зажигательные стрелы.

Тревога разбудила меня. Я поспешил наверх — посмотреть, что происходит. Какое-то время не удавалось различить ничего.

На дальнем склоне горы Одноглазый с Трясуном взялись за оружие. Их рабочие запаниковали и кинулись врассыпную. Многие убились или покалечились, пытаясь спуститься по каменным кру-

чам и прорваться через заросли кустарника. Меньшинству хватило здравого смысла сплотиться для обороны.

Твари из замка хотели нанести молниеносный удар, захватить кого-нибудь из людей Одноглазого и утащить внутрь, чтобы закончить свои жуткие приготовления к освобождению Властелина. Будучи замечены и обстреляны, они изменили тактику. С башен закричали, что из ворот выходят новые твари. Лейтенант приказал открыть заградительный огонь. Пара небольших катапулт стала метать в сторону ворот горящие связки хвороста. Он послал за Гоблином и Молчуном, сообразив, что тем проще устроить необходимую иллюминацию.

Гоблин был внизу, в Котурне. Ему понадобится целый час, чтобы добраться до наших позиций. Где Молчун, я мог лишь догадываться. Хотя он провел в Можжевельнике целую неделю, я еще ни разу его не видел.

Лейтенант приказал зажечь сигнальные огни, чтобы предупредить наблюдателей в Черепице.

Наконец с неба спустился Взятый, чтобы выяснить обстановку. Это оказался Хромой. Он собрал охапку копий, что-то с ними сделал, а затем взлетел и сбросил их на склон. Между замком и рвом выросли зеленоватые столбы света.

На дальнем склоне Одноглазый тоже устроил освещение, распустив по ветру фиолетовую лучистую паутину. Сразу стали видны полдюжины черных фигур. Взлетели копыя и стрелы.

Среди тварей появились раненые. Монстрам это не пришлось по вкусу. Вспыхнул свет, который затем превратился в тусклое мерцание вокруг каждого из воинов Властелина. Они атаковали.

На стене замка возникли остальные твари. Они что-то швыряли вниз. Штуковины величиной с человеческую голову катились к сапе. Одноглазый поколдовал, и снаряды изменили направление. Но одна вещица прорвалась. Там, где она катилась, солдаты и рабочие падали без сознания.

Обитатели замка, наверное, предусмотрели все, кроме участия Одноглазого. Готовы были встретить Хромого, но против Одноглазого не припасли ничего.

Он прикрыл своих людей и, когда черные фигуры приблизились, заставил всех сражаться плечом к плечу. Большинство людей погибло, но они отбросили атакующих.

Затем твари предприняли вылазку на ров и стену частокола, akurat в том направлении, где стоял я. Помню, меня это скорее ошарашило, чем испугало.

Сколько их там всего? Шеду казалось, что замок практически пуст. Однако для двадцати пяти тварей, которых поддерживали колдовские чары, наши ров и стена не стали серьезными препятствиями.

Они вышли из ворот. А над стеной поднялось что-то огромное, похожее на пузырь. Этот пузырь ударился о землю, дважды подскокил и навалился на частокол и ров, круша один и заравнивая другой. Чудовища ринулись в брешь. Как же быстро они способны двигаться!

Сверху из ночной тьмы вынырнул Хромой. Он вопил от ярости, его окутывало сияние, по мере продвижения ковра набиравшее яркость. Облако света отделилось от Хромого хлопьями величиной с кленовую сережку. Они кружились за его спиной и медленно опадали. И все, с чем эти хлопья соприкасались, они разъедали. Рухнули четверо или пятеро атакующих.

Лейтенант организовал стремительную контратаку. Он добил несколько раненых тварей, затем вынужден был отойти. Кое-кто из врагов тащил павших солдат к замку, остальные продолжали наступать.

Не претендуя на героизм, я взял руки в ноги и побежал по склону. Это решение оказалось мудрым.

Небо затрещало, засверкало и распахнулось, как окно. Что-то откуда-то повалило. На склон горы обрушился мороз, да такой сильный, что даже воздух превратился в лед. Воздух, окружавший меня, ринулся в разреженную область и тоже замерз. Большинство черных монстров покрылись ледяной коркой. Посланное наудачу копье угодило в одного из них. Тварь разбилась, рассыпалась порошком и осколками. Люди принялись швырять в противника все, что попадало под руку.

Небесное окно закрылось через несколько секунд. Относительно теплый окружающий воздух соприкоснулся с жестоким морозом. Моментально вскипели клубы тумана, на несколько минут прикрыв всю округу. Когда туман рассеялся, от тварей не осталось и следа.

Лишь трое уцелевших мчались по дороге в сторону Можжевельника. Эльмо с целым взводом ринулся в погоню. А Хромой, взлетев на предельную высоту, спикировал в направлении замка. Оттуда выскочила еще одна банда.

Твари схватили мертвецов, до которых смогли добраться, и подались назад. Хромой прицелился и ударил. Половина рухнула на землю. Остальные затащили внутрь по крайней мере дюжину трупов.

Со стороны Черепицы со свистом пронеслась пара уже знакомых мне шаров. Они врезались в стену, разметав во все стороны море краски. Опять образовалась цветная завеса. Над замком появился еще один ковер. Что-то полетело вниз и вспыхнуло так ярко, что люди в радиусе нескольких миль на мгновения ослепли. В это время я смотрел в другую сторону, и все же потребовалось пятнадцать секунд, чтобы я смог опять увидеть охваченный огнем замок.

Это был не тот плавающий огонь, который мы видели раньше. Теперь крепость была охвачена пламенем, выжигающим все, что попадалось на пути. Из замка донеслись дикие вопли и визг; у меня по спине побежали мурашки. Это были крики не боли, а ярости. На стенах появились твари, размахивающие чем-то похожим на девятихвостые плетки. Монстры сбивали пламя. Там, где огонь еще горел, крепостные постройки на глазах съеживались и рушились.

Над долиной ревел непрерывный поток шаров. Я не понимал, зачем они нужны, хотя наверняка в этом был какой-то смысл.

Пока Хромой и другой Взятый поднимались в небо, сверху спикировал третий. За этим тянулось облако пыли. Эффект от нее был такой же, как и от кленовых сережек Хромого, только еще сильнее. Пыль въедалась в любую поверхность. Настигнутые ею воины замка бились в агонии. Некоторые из них, казалось, растворились со всем. Остальные поспешили убраться со стен.

События развивались как будто в нашу пользу, и казалось, уже ничто не спасет Черный замок. Но ведь тварям удалось захватить трупы. Я понимал, что это не сулит нам ничего хорошего.

В суматохе Асе удалось смыться. Я не знал об этом, да и никто другой не заметил побега. Через несколько часов Ростовщик увидел, как Аса направляется к «Лилии». Но Ростовщик находился далеко, а в «Лилии», несмотря на поздний час, была уйма людей, решивших пропустить по кружечке, наблюдая за битвой на противоположной стороне долины. Ростовщик потерял коротышку в толпе. Скорее всего, Аса поговорил с братанихой Шеда и выяснил, что тот еще раньше дал деру. Мы так и не успели расспросить ее.

Между тем Лейтенант уже почти овладел ситуацией. Все раненые были эвакуированы с разгромленного участка циркумвальной линии. Он приготовил баллисты для отражения очередной атаки. Кроме того, были выкопаны ямы-ловушки. Лейтенант послал к Одноглазому рабочих, чтобы заменить убитых.

Взятые продолжали атаковать замок, но теперь в неспешном темпе. Лучшие их возможности уже были продемонстрированы.

Со стороны Черепицы прилетела случайная пара шаров. Позднее я узнал, что их посылал Молчун. Этому фокусу его обучили Взятые.

Казалось, худшее позади. Если не считать трех сбежавших тварей, за которыми пустился вдогонку Эльмо, мы отразили нападение. Хромой отбыл, чтобы тоже поохотиться на прорвавшихся монстров. Шепот вернулась в Черепицу — пополнить запас ее зловещих трюков. Перо патрулировала над замком, пикируя всякий раз, когда его обитатели выходили, чтобы погасить последние очаги огня. Установилось относительное спокойствие.

Однако об отдыхе не стоило и мечтать. В замок попали новые трупы. Нас всех занимала одна мысль: достаточно ли такой добычи, чтобы открыть дорогу Властелину?

Но там готовилось кое-что еще.

На стене появилось несколько фигур. Они устанавливали какое-то устройство, направленное вниз, по линии падения склона. С неба к замку устремилась Пера.

Бабах! Вокруг нее вскипели подсвеченные изнутри клубы дыма. Раскачиваясь, ковер шатнулся в сторону. И снова — бабах! Бабах! И еще трижды. Она не удержалась. Пламенная комета кинулась вверх, затем в сторону и наконец по дуге помчалась к городу. Там выросло фиолетовое облако взрыва. Через несколько мгновений на берегу бушевал пожар. Он быстро охватывал тесно стоящие домишки.

Через несколько минут Шепот обрушила на замок ужасную жгучую пыль. Свирепый этот натиск показывал, как сильно огорчило Взятую падение Пера.

Хромой тем временем прервал охоту, чтобы помочь городу в борьбе с пожаром. С его помощью спустя несколько часов огонь был остановлен. Без Хромого выгорел бы целый квартал.

Эльмо догнал двоих беглецов, третий исчез. Когда к поискам вновь подключился Взятый, никаких следов обнаружить не удалось.

Шепот продолжала атаки до полного истощения своих ресурсов. Это произошло уже после восхода солнца. Замок больше смахивал на гору шлака, чем на крепость. Но он остался непобежденным. Одноглазый, когда пришел к нам в поисках шанцевых инструментов, сказал, что внутри сооружения идет бурная деятельность.

Можжевельник. Тишина

Мне удалось пару часиков вздремнуть. Половине солдат и рабочих Лейтенант разрешил отдых, потом другой половине. К моему пробуждению почти ничего не изменилось, за исключением того, что Капитан приказал Карману организовать полевой госпиталь. До этого Карман побывал в городе, где пытался завоевать расположение людей, предлагая бесплатное лечение. Я заглянул к нему, обнаружил там лишь горстку пациентов, понял, что все нормально, и отправился наблюдать за осадой.

Лейтенант уже восстановил разрушенную часть частокола и рва. Он решил продлить и то и другое, намереваясь полностью обнести замок укреплениями, несмотря на высоту и крутизну склонов. Сопоружались новые, более солидные метательные орудия.

Лейтенант не особенно надеялся на Взятых. Не верил, что они способны достаточно ослабить оборону замка.

Пока я спал, пригнали арестантов от Леденца. Но Лейтенант не отпустил гражданских. Выбрав место для насыпи, заставил их носить землю.

— Ты бы вздремнул, — предложил я.

— Стаду нужен пастух, — ответил он.

Лейтенант был специалистом. Ему нравилась такая работа. Много лет его талант оставался невостребованным. Подозреваю, он считал Взятых досадной помехой — даже в зловещем присутствии Черного замка.

— Дело хозяйское, — сказал я. — Но будет не очень хорошо, если твари ударят снова, а у тебя от усталости откажут мозги.

Мы общались уже на таком уровне, когда словами всего не сказать. Изнеможение сделало нас лаконичными и нервными. Ни мысли, ни речь, ни поступки не подчинялись уже никакой логике.

— Ты прав, — коротко кивнул Лейтенант и обвел взглядом склон. — Вроде пока все идет нормально. Я — вниз, в госпиталь. Если что, пошли за мной.

Госпитальная палатка — ближайшее место, где можно укрыться от солнца. Стоял прозрачный, яркий день, обещавший стать не по сезону теплым. По крайней мере, я на это надеялся. Ужасно надоело трястись от холода.

— Не беспокойся.

Насчет того, что все шло нормально, Лейтенант был прав. Так обычно и бывает, когда люди знают, что надо делать.

Должно быть, Хромому, опять барражировавшему над замком, наши позиции казались похожими на переворошенный муравейник. Шестьсот человек из Черного Отряда присматривали за работами, которые велись вдесятеро большим числом горожан. Дорога в гору эксплуатировалась так интенсивно, что от нее уже почти ничего не осталось. Несмотря на ночной переполох и недостаток сна, боевой дух у солдат был высок.

Поход продолжался так долго и был таким однообразным, что у Отряда накопился огромный запас энергии. И теперь эта энергия неистово хлынула наружу. Солдаты заражали своим рвением рабочих. Это было весьма полезно, если учесть, что для выполнения нашей задачи требовалось сосредоточение усилий тысяч людей. Кто-то правильно подметил, что здешним людям уже несколько поколений не приходилось трудиться сообща, — наверное, поэтому город и пришел в такой упадок. Хотелось верить, что война Черного Отряда с замком и станет тем лекарством, что исцелит медленно умирающий Можжевельник.

Однако большинство его жителей придерживалось другого мнения. Особенно подопечные Леденца возмущались тем, что их используют как бесплатную рабочую силу. Арестанты могли доставить нам серьезные неприятности.

Обо мне говорят, что я всегда вижу будущее только в мрачном свете. Но ведь в этом случае человека ожидает меньше разочарований.

Несколько дней назревающие события не давали о себе знать. Твари, казалось, плотно засели в своей норе. Мы слегка ослабили темп и приостановили некоторые работы — создавали видимость, что к завтрашнему дню приготовления будут закончены.

Лейтенанту удалось завершить оборудование боевых позиций, включая и те, что пролегли с обратной стороны замка, петлей охва-

тывая сапу Одноглазого. Затем он разобрал часть палисада и принялся за возведение насыпи. Мантилеты при этом почти не использовались — растущий земляной вал служил достаточным укрытием для людей. Склон с нашей стороны был крут, на нем выкладывались ступени — рабочие в Котурне разбирали завалы и пожарища, образовавшиеся при падении Пера, так что камней для строительства хватало с лихвой. Тот материал, что получше, команда Леденца откладывала для возведения новых домов на освободившихся местах.

Вал будет расти, пока не окажется на двадцать футов выше крепостной стены.

Дело шло быстрее, чем я ожидал. Это касалось и Одноглазого. Он подобрал комбинацию заклинаний, которая размягчала камень, и вскоре достиг замка.

Тут колдун наткнулся на материал, похожий на обсидиан. Дальше Одноглазый продвинуться не смог и начал копать в стороны.

Появился Капитан. Я недоумевал, что он тут делает, и в конце концов спросил его об этом.

— Смотрю, чтобы все были при деле, — ответил он.

Капитан рассеянно бродил вокруг. Мы почти не обращали на него внимания, пока он, неожиданно развернувшись, не шел вдруг инспектировать какую-нибудь ерунду. Это приводило нас в растерянность.

— Шепот, чертовка, хочет превратить меня в военного коменданта.

— А поподробней?

— Зачем тебе, Костоправ?

— Я летописец, если помните. Должен все записывать для истории.

Он заворчал и воззрился на бочку с водой, поставленную в отдалении для рабочего скота. С водой были проблемы. Приходилось возить ее из города, пополняя небольшой запас, который удавалось собрать во время редких дождей.

— Она заставила меня управлять городом. Заниматься тем, что положено герцогу и магистрату. — Он пнул камень и молча проводил его взглядом. — Но я вроде справляюсь. В Котурне работают все, хоть мы им и не платим, только кормим, чтобы с голоду не подохли. Кстати, дельцам и чиновникам это по нраву — к нам уже очередь выстроилась, все с грандиозными прожектами, всем подавай бесплатный труд. А тут еще эти сторожа... просто с ума сводят. Никак не решусь им сказать, что все их усилия по расчистке Выгородки могут пойти прахом.

Я уловил в его голосе странные нотки. У меня давно возникло подозрение, что Капитан подавлен происходящим.

— Прахом? Почему?

Капитан огляделся. Никого из местных поблизости не было.

— Просто догадка. Никто об этом не говорит, но, мне кажется, Госпожа хочет ограбить Катакомбы.

— Жителей это не обрадует.

— Я понимаю. Даже Шепот и Хромой понимают. Но решаем не мы. Ходят слухи, что у Госпожи туго с финансами.

Все те годы, которые мы провели у нее на службе, жалование выдавалось день в день. Госпожа всегда была добросовестна и аккуратна, войска получали денежное довольствие, и без разницы, наемные они или регулярные. Если и случались в некоторых частях задержки, то лишь потому, что у командиров есть обычай поправлять свои дела за счет подчиненных.

Вообще-то, для большинства из нас деньги мало что значили. Мы привыкли к простой и экономной жизни. Но если оставить нас совсем без жалования, кто знает, чем все обернется.

— Слишком много вооруженного народу, слишком много границ, — ворчал Капитан. — Слишком большие территории захвачены за слишком короткое время. Империя не выдерживает такого напряжения, Курганье пожирает ее ресурсы. Это не может продолжаться вечно. Если Госпожа одолеет Властелина, нас ждут большие перемены.

— А может, мы сделали ошибку?

— Целую кучу ошибок. Ты о какой из них говоришь?

— Пошли на север, за Пыточное море.

— Да. Я это понял несколько лет назад.

— И что дальше?

— А ничего. Мы увязли. Надеюсь, однажды выберемся отсюда. Может, нам прикажут возвращаться в Драгоценные города. Или нас перебросят на другой край империи, и оттуда мы переберемся в какую-нибудь цивилизованную страну. — В его голосе звучала бездонная тоска. — Чем дольше живу на севере, тем меньше хочется закончить здесь свои дни. Запиши это в свои Анналы, Костоправ.

Разговорить Капитана — редкая удача. Я что-то промышал, надеясь на дальнейшие откровения. Он меня не разочаровал.

— Нас затягивает тьма, Костоправ. Я знаю, нам не надо переживать по этому поводу. Простая логика говорит: мы — Черный Отряд, мы не добрые и не злые — всего лишь солдаты, наемные мечи. Но я устал делать только грязные дела. Если Катакомбы будут ограблены,

пожалуй, дальше я пойду собственным путем. Тогда в Чарах Ворон принял мудрое решение. Послал все к черту — и правильно сделал.

Тут я высказал мысль, которая уже давно таилась на задворках моего разума. Мысль, которую я никогда не принимал всерьез, прекрасно зная, что это чистое мечтательство.

— Это ничего не решит, Капитан. А как же мы? У нас тоже есть выбор. Право на собственный путь.

— Что? — Он оторвался от раздумий и в упор посмотрел на меня. — Не дури, Костоправ. Это все пустые разговоры. Любого, кто попытается уйти, Госпожа раздавит. — Он воткнул каблук в землю. — Как таракана.

— Ну да...

И впрямь дурацкая идея, по нескольким причинам. Хотя бы по той, что чужой стороне мы просто не по карману. И вообще, мне трудно представить себя в роли мятежника. Большинство из них просто безумцы, глупцы или честолюбивые подонки, которые надеются отхватить ломоть пожирнее от богатства, принадлежащего Госпоже. Душечка — исключение. Она скорее символ, нежели реальная сила. К тому же тайный символ.

— Восемь лет назад мы видели комету, — сказал Капитан. — Тебе известны легенды: Госпожа не падет, пока Великая комета не появится снова. И ты надеешься выжить, двадцать девять лет бегая от Взятых? Нет, Костоправ. Даже если в душе мы с Белой Розой, такой путь не для нас. Это самоубийство. Единственный вариант — убраться за пределы империи.

— Но ведь Госпожа пойдет за нами.

— Чего ради? Почему бы ей не удовлетвориться тем, что мы для нее сделали за эти десять лет? Мы ей не опасны.

Однако это не так. Совершенно не так. Уже хотя бы потому, что мы знаем о существовании Белой Розы. Как только Черный Отряд покинет империю, кто-нибудь обязательно проболтается. Может, это сделает Молчун. А может, я сам.

Но Госпожа, конечно, не подозревает, что нам известна тайна.

— Тщетные мечты, — сказал Капитан. — Я не хочу больше об этом говорить.

— Как скажете. А чем мы дальше будем здесь заниматься?

— Сегодня прибывает Госпожа. Шепот говорит: штурм начнется, когда сложатся благоприятные обстоятельства.

Я посмотрел на Черный замок.

— Да, — проворчал Капитан, — задачка не из простых. Может вообще ничего не получиться, даже при поддержке Госпожи.

— Если она спросит обо мне, скажи, что я умер. Или что-нибудь в этом роде.

В ответ появилась улыбка.

— Костоправ, она же твоя...

— Ворон, — оборвал его я. — Я знаю о нем то, что может всем нам стоить головы. Молчун тоже знает. Поскорее отправь его куда-нибудь подальше от Черепицы. Нам обоим не стоит встречаться с Оком.

— Получается, что и мне не стоит. Ведь ты сейчас кое на что намекнул. Придется испытать судьбу, Костоправ.

— Хорошо. Только не надо наводить Госпожу на опасные мысли.

— Должно быть, она давно тебя забыла, Костоправ. Ты же простой солдат.

Можжевельник. Штурм

Чтобы Госпожа да забыла Костоправа? Как бы не так! Сразу после полуночи меня растормошил угрюмый Эльмо:

— Здесь Шепот. По твою душу, Костоправ.

— А?

Я ничего такого не сделал, на что она могла бы рассердиться. По крайней мере, уже несколько недель я не совершал проступков.

— Она доставит тебя в Черепицу. Ты нужен Госпоже.

Видели когда-нибудь, как взрослый мужчина падает в обморок? Я не видел, но в тот момент сам был близок к потере чувств. Давление подскочило до небес, минуты две голова кружилась так, что я не в состоянии был соображать. Сердце тяжело ухало, желудок свело от страха. Я понял: Госпожа хочет устроить мне свидание с Оком, от него не укроется ни один секрет в человеческом мозгу. И я никак не мог этого избежать. Драпать уже поздно. Как же хотелось оказаться на борту судна, идущего в Опушку, вместе с Ростовщиком!

Походкой приговоренного к виселице я подошел к коври Шепот и погрузился в невеселые мысли.

— Слышь, лекарь, ты, наверное, ей чем-то понравился? — прокричала Шепот через плечо, когда мы летели над портом в холодной ночной мгле. — Когда она сюда добралась, сразу спросила о тебе.

Мне хватило выдержки, чтобы спросить:

— Почему?

— Кажется, опять хочет, чтобы были описаны события. Как битва за Чары.

Я оторвал взгляд от своих рук, озадаченно посмотрел на Шепот. Откуда она знает? Почему-то всегда считал, что Госпожа очень мало общается со Взатыми.

Но Шепот сказала правду. Во время битвы за Чары Госпожа таскала меня с собой, заботясь о том, чтобы все происходящее было отражено в Анналах. Она не требовала ничего подчеркивать особо; в сущности, ее устраивало, чтобы я описывал события так, как они мне виделись. Я уловил только один слабый намек. Она предполагала, что когда-нибудь ее власть все же рухнет и, едва это случится, историки начнут поливать ее грязью. Поэтому Госпожа хотела, чтобы осталась объективная хроника.

Я не вспоминал об этом уже много лет.

Госпожу не заботило, что о ней подумают люди. Но она боялась, что ее историю исказят в интересах кого-то из ее недругов.

Вспыхнула искорка надежды. Может, Госпожа в самом деле хочет, чтобы летопись продолжалась? Может, я выйду сухим из воды? Главное — избежать свидания с Оком...

Капитан встретил нас, когда мы высадились на северной стене Черепицы. Целая выставка ковров говорила о том, что все Взятые собрались в замке. Даже Бывалый. По идее, он должен был остаться в Курганье, но ему надо было утолить жажду мести. Перо была его женой.

Я снова взглянул на Капитана и понял: он сочувствует мне и хочет что-то сказать, но не решается. В ответ я пожал плечами, надеясь улучшить для разговора момент. Не тут-то было — Шепот повела меня прямо к Госпоже.

Со времени нашей последней встречи та не изменилась ни на йоту. Все мы ужасно постарели, а Госпожа оставалась вечно двадцатилетней, излучающей великолепии, со сногшибательными черными волосами и глазами, в которых готов утонуть любой мужчина. Я видел перед собой источник волшебства и очарования, какой просто невозможно описать. Любые похвалы не имели бы ни малейшего смысла, ведь то, что я видел, не было настоящей Госпожой. Эта Госпожа выглядела так, будто четырех предшествующих столетий просто не существовало.

Протянув руку, она поднялась мне навстречу. Я не мог оторвать от нее глаз. Госпожа одарила меня чуть насмешливой улыбкой. Улыбкой, которую я так хорошо помнил. Словно у нас был какой-то общий секрет.

Я легко коснулся ее руки и с удивлением обнаружил, что она теплая. Вдали от Госпожи ее образ почти стерся из памяти, он вызывал лишь неясный страх, наподобие страха перед землетрясением; я мог думать о ней только как о чем-то жутком и мертво-хо-

лодном. Безжалостная машина для убийства, а не живой, дышащий, возможно даже уязвимый, человек.

Она опять улыбнулась и предложила сесть. Я так и сделал, с нелепым чувством, будто нахожусь вовсе не в обществе величайших злодеев мира. Властелин тоже незримо присутствовал здесь, прощая на все свою леденящую тень.

Здесь не собираются учинить надо мной расправу, теперь это ясно.

Черный Отряд представляли Капитан и Лейтенант. Герцог и главный сторож Харгадон тоже присутствовали, но их участие едва ли было существеннее моего. Разговор в основном вели Взятые. Они задавали вопросы Капитану и Лейтенанту. Только однажды вопрос был адресован мне, и то он был произнесен Капитаном, поинтересовавшимся моей готовностью к приему раненых.

Собрание, насколько я понял, было устроено по одному-единственному поводу. Штурм начнется послезавтра на рассвете. Он будет продолжаться до тех пор, пока не будет взят замок или не иссякнут наши силы.

— Это место — пробоина в днище корабля империи, — сказала Госпожа. — Ее надо заткнуть, или мы все уйдем на дно.

Она не принимала никаких возражений ни от герцога, ни от Харгадона, уже пожалевших, что попросили ее о помощи. Герцог был теперь бессилен что-либо сделать в своих собственных владениях. У Харгадона дела обстояли ненамного лучше. Главный могильный сторож подозревал: как только с замком будет покончено, он останется без работы. Почти никто из Отряда и ни один из Взятых даже не пытался скрыть свое презрение к нелепой религии Можжевельника. Проведя среди местных жителей довольно долгий срок, я могу сказать, что они сами относятся к ней ровно с той серьезностью, какой в силах добиться от них инквизиторы, могильные сторожа и немногочисленные фанатики.

Однако я надеялся, что Госпожа не будет спешить с реформами и отряд успеет унести из Можжевельника ноги. Влезать в чужие религиозные дела — все равно что играть с огнем. Это касается даже тех, кому сам черт не брат. Религия — гость, который, однажды утром постучавшись в твою дверь, не уйдет уже никогда. Она обладает сверхъестественной силой и толкает людей на совершенно нерациональные поступки.

Близилось утро штурма. Тотальная война! Пан или пропал! Все, чем располагают Госпожа, Взятые, Черный Отряд и Можжевельник, будет возложено на алтарь победы!

Но все пошло совсем не так, как мы рассчитывали. Никто не потруился внушить Властелину, что ему следует подождать, пока мы подготовимся.

Он ударил за шесть часов до назначенного срока, когда почти вся армия и рабочие спали. В воздухе патрулировал единственный Взятый — Бывалый, младший из подручных Госпожи.

Знакомый уже пузырь перевалился через стену и заполнил промежуток, оставленный Лейтенантом между насыпью и крепостной стеной. Из замка хлынула по меньшей мере сотня тварей.

Бывалый был настороже. Уже почувствовав перемены в замке, он ожидал неприятностей. Поэтому сразу же спикировал, густо осыпая атакующих едкой пылью.

Бабах! Бах-бабах! Замок ударил по нему точно так же, как раньше по его жене. Вихляя, Бывалый понесся к земле. Ему удалось избежать худшего, но он сосчитал все бугры на своем пути. Ковер разлетелся в дымящиеся клочья.

Этот грохот разбудил меня. Он разбудил всех, прозвучав одновременно с сигналом тревоги и полностью его заглушив.

Я выбежал из госпитальной палатки и увидел, как чудовища скатываются по ступеням лестницы. Бывалый остановил немногих гадин. Враги были окутаны защитным свечением, с которым уже имел дело Одноглазый. Твари рассредоточились, преодолевая шквал снарядов, которые посылало наше боевое охранение. Упало еще несколько чудовищ. Остальные принялись гасить огни — я предположил, что их глаза лучше приспособлены к темноте, а не к свету.

Повсюду бегали люди. Одни мчались в сторону врага, другие в противоположную. И все на ходу натягивали одежду. Рабочие ударились в панику, они сильно мешали действиям Отряда. Многие были убиты нашими солдатами, попавшись под горячую руку.

Лейтенант пробивался через этот хаос, выкрикивая распоряжения. Сначала он разослал нарочных с приказом всем катапультам и баллистам перенести огонь на насыпь. Мне это казалось странным, но лишь до того момента, когда первая тварь показалась на ступенях, направляясь восвояси с парой мертвецов под мышками. Шквал снарядов разорвал добычу на куски и превратил монстра в бесформенную массу.

Теперь катапульты метали горшки с маслом, которые разбивались на ступенях. Затем последовали зажигательные снаряды. Горючее несло в воздухе непрерывным потоком и вспыхивало на насыпи. Черным гадам не прорваться через огонь.

Вот так. А я считал, что Лейтенант напрасно тратит время, со-
оружая бесполезные машины.

Этот человек знал свое дело. Мастер. То, что он сумел так тща-
тельно подготовиться и так быстро отреагировать, помогло нам
в эту ночь гораздо больше, чем все, что сделали Госпожа и Взятые.
В критический момент Лейтенант удержал оборону.

Когда твари обнаружили, что отрезаны от замка, началась сви-
репая схватка. Они немедленно атаковали, попытавшись уничто-
жить орудия. Лейтенант дал сигнал младшим офицерам и, взяв бой-
цов из резерва, пошел на помощь своим людям. Это был вынужден-
ный шаг. Каждый воин замка стоил по крайней мере двух наших
солдат, вдобавок у тварей было защитное свечение.

То тут, то там наиболее храбрые жители Можжевельника хвата-
ли оружие павших солдат и вступали в бой. Большинство поплати-
лось за это жизнью, но благодаря их самопожертвованию чудовища
не смогли приблизиться к орудиям. Всем было предельно ясно: если
монстры прорвутся и унесут тела, то мы проиграем. И скоро ока-
жемся лицом к лицу с самим повелителем замка.

Со стороны Черепицы полетели пары шаров, разрывая ночь
жуткими красками. Затем из темноты вынырнули Шепот и Хромой.
Они бросили по яйцу, которые лопнули и пролили на замок яркий
огонь. Хромой увернулся от ответного удара, вильнул и приземлил-
ся возле моего госпиталя, уже забитого ранеными. Я не мог бросить
работу, за которую мне платили. Поэтому я просто откинул поло-
г шатра, чтобы можно было наблюдать.

Сойдя со своего волшебного ковра, Хромой зашагал вверх по
холму. В руках у него был длинный, зловеще сверкающий в споло-
хах замка меч. От Взятого исходило сияние, но оно не было похоже
на то, которым защищались твари. Колдовское свечение Хромого
оказалось куда более мощным. Это стало очевидно, когда он ата-
ковал неприятеля. Враги не могли достать его своим оружием, в то
время как он рассекал их, будто они были сделаны из свиного сала.

К тому времени черные воины порубили как минимум пятьсот
человек. В основном это были рабочие, но Черный Отряд тоже нес
большие потери. И нам не стало легче, даже когда в дело вступил
Хромой, ведь он не мог управляться больше чем с одной тварью за-
раз. Наши бойцы пытались удержать неприятеля в плотной толпе,
пока Хромой разбирался с монстрами по одному.

В ответ черные попытались задавить Хромого массой, что им
частично и удалось: в какой-то момент он оказался погребен под

пятнадцать или двадцатью телами. Видя такое дело, Лейтенант приказал перенести огонь орудий на эту колышущуюся кучу. Снаряды плюхались в нее, пока не разметали большинство тварей и Хромой не поднялся на ноги.

Атака захлебнулась, чудовища гурьбой ринулись на запад. Я не знаю, хотели они удрать совсем или вознамерились обойти нас и ударить с тыла. Дюжина тварей, прорвавшая нашу оборону, напоролась на Шепот и плотную завесу едкой пыли. Вместе с каждым монстром от этого колдовства погибало полдюжины рабочих, но цель была достигнута — выжило только пятеро врагов.

Этих пятерых встретило небесное окно, испускавшее ледяное дыхание вечности. Вскоре и с ними было покончено.

Тем временем Шепот пыталась сохранить в полете равновесие. Ее преследовала длинная очередь оглушительных хлопков. Взятая держалась в воздухе лучше Бывалого, но все равно не избежала падений. Она сорвалась в пике и упала где-то за замком.

А в самом замке его обитатели носились с плетками-девятихвостками и тушили пожар, который разожгли Шепот с Хромым. Вся постройка имела теперь жалкий вид, столь сильно пострадала она от налетов Взятых. Из мрачной, внушающей ужас громадины крепость превратилась в темный стеклянистый ком. Казалось невероятным, что там кто-то мог выжить. Однако это было именно так: многие твари продолжали драться. Несколько черных фигур появилось на насыпи. Они там что-то сделали, и в сплошной полосе огня, устроенной Лейтенантом, появились темные провалы. Как будто кто-то выгрыз из нее куски. Все гады, находившиеся на склоне, ринулись к дому, не забывая хватать попадавшиеся трупы.

Снова отворилось ледяное окно. Его дыхание легло на ступени насыпи. Огонь мгновенно потух. Множество чудовищ тоже застыло на месте, а затем снаряды размолотили их в порошок.

Твари, остававшиеся в замке, сделали то, чего я уже давно со страхом ждал. Они применили свое гремучее колдовство против наших солдат. Это было оружие, что преследовало Лейтенанта, Эльмо, Одноглазого и меня, либо нечто весьма похожее. Когда раздавался грохот, я не видел ни вспышек, ни дыма. Но возникали огромные воронки, часто с разбросанными вокруг окровавленными кусками.

Все произошло так быстро, что никто не успел опомниться. Уверен, побежал бы даже Черный Отряд, будь у него время осмыслить ситуацию. Но теперь солдаты были способны лишь на то, к чему их готовили в Можжевельнике. Они стояли намертво. И погибали ежесекундно.

Хромой скакал по склону как сумасшедший. Он охотился за монстрами, не polegшими на ступенях. Их было довольно много, большинство окружено разъяренными солдатами. Некоторых тварей прикончили свои же, для которых толпа, собравшаяся вокруг уцелевшего чудовища, была хорошей целью.

На насыпи враги опять засуетились и забегали, собирая установки вроде той, что уже пытались использовать. В этот раз некому было напасть на них с неба и разнести вдребезги.

Но только до тех пор, пока мимо госпиталя не пробежал ужасно помятый Бывалый. Он стащил ковер у Хромого.

Раньше я думал, что Взятые не могут пользоваться чужими коврами. Но Бывалый поднялся в воздух и снова спикировал на замок, осыпал едкой пылью, сбросил огненное яйцо. Замок снова его сшиб. Несмотря на страшный шум, я услышал вой и ругательства — Хромой проклинал Бывалого.

Видели когда-нибудь, как ребенок рисует прямую линию? Получается не слишком ровно. И вот похожая черта протянулась от Черепицы до Черного замка. Неопределенного цвета, она висела в ночи диковинной веревкой для сушки белья и непрерывно колыхалась. Ее конец высекал искры из обсидиана, как сталь — из кремня, только в десять тысяч раз интенсивней. Жуткий голубоватый свет залил всю округу.

Я отложил инструменты и вышел наружу, чтобы лучше видеть. Чутье подсказывало, что за этим стоит Госпожа, впервые вступившая в дело. Она была здесь главной. Ее мощь превосходила все. И если замок вообще можно уничтожить, то это произойдет благодаря Госпоже.

Лейтенант, должно быть, отвлекся, заградительный огонь ослаб. Немедленно вверх по ступеням полезли черные воины, преследуемые Хромым. Все тащили по два, а то и по три трупа. Толпа их сородичей ринулась навстречу Взятому. Я прикинул, что враги добыли для замка дюжину людей. Причем в некоторых, наверное, еще теплилась жизнь.

Там, где оружие Госпожи касалось замка, от него отлетали здоровенные куски, горящие ослепительным пламенем. На черных стенах появились тонкие темно-красные трещины. Они медленно расползались во все стороны. Монстры, строившие колдовские орудия, отступили. Их сменили другие, которые пытались бороться с последствиями атаки Госпожи. Безуспешно. Несколько гадов было раздавлено снарядами тяжелых орудий Лейтенанта.

Хромой достиг верха насыпи и картинно встал на фоне горящего замка, высоко подняв меч. Исполин-коротышка, да простится мне такой каламбур.

— За мной! — проревел Хромой и ринулся к замку.

К моему неопишуемому удивлению, люди последовали за ним. Много людей. Я видел, как Эльмо с уцелевшей горсткой своих парней взбежал на насыпь. Даже несколько сотен трусоватых горожан решили присоединиться к ним.

Недавно в городе частично всплыла история Шеда. Правда, без всяких имен, но с сильным упором на то, что им с Вороном удалось сказочно обогатиться. Совершенно ясно, что эти слухи распространили с расчетом именно на такой момент, когда потребуется решающая навальная атака. И вот магический зов сокровищ неудержимо повлек обитателей Котурна вверх по ступеням.

По ту сторону замка Шепот наконец добралась до лагеря Одноглазого. Он со своей командой, конечно, был готов к бою, но еще не пошевелил и пальцем. Работа остановилась, когда стало ясно, что стену замка не пробить и до ее нижнего края не добраться.

Надеясь прогрызть подбрюшье вражеской цитадели, Шепот захватила с собой огненное яйцо. Его приложили к оголенному саперами обсидиану.

Как я узнал позже, это предполагалось сделать с самого начала. Правда, Взятой пришлось изрядно потрудиться, чтобы на покaleченном ковре доставить снаряд Одноглазому.

Видя, что людской поток хлынул в замок, что стены крепости покинуты защитниками и разрушены, а пожары уже никто не тушит, я решил: победа близка, осталось лишь последнее усилие. Я вернулся в госпиталь, чтобы резать и латать, и лишь удрученно качал головой, когда уже ничем не мог помочь очередному раненому. Жаль, что рядом нет Одноглазого, моего всегдашнего ассистента. Хоть и нельзя обвинить в неумелости Кармана, у него нет таланта, которым обладает колдун. Толика магии очень часто помогала безнадёжным больным.

Крики и рев возвестили о том, что Бывалый вернулся с места своего нового крушения и опять бросился на врага. Почти следом за ним в бой вступили солдаты Черного Отряда, квартировавшие в Котурне. Встретивший их Лейтенант удержал Леденца от броска на насыпь и рассредоточил людей по укрепленным позициям, одновременно собирая оставшихся поблизости рабочих. Мало-помалу восстанавливался порядок.

До сего момента громовое оружие неприятеля бабахало не переставая. Теперь пошли сбои, промежутки между ударами стали неравномерными. Лейтенант громко выругался по поводу того, что ковров не осталось и некому метать испепеляющий огонь.

Один ковер все-таки был. Принадлежащий Госпоже. Я не сомневался, что она прекрасно понимает ситуацию. Но наша хозяйка не могла выпустить из рук свое оружие, радужную «веревку». Должно быть, чувствовала, что это гораздо важнее.

А в сапе Одноглазого яростный огонь прожигал основание замка. Дыра медленно расширялась, и при этом, как впоследствии рассказывал колдун, практически не выделялось тепла. Как только Шепот решила, что отверстие достаточно велико, она повела своих людей в замок.

Одноглазый уверял, что и сам всерьез намеревался последовать за ней, но у него возникло очень неприятное предчувствие. Он посмотрел, как внутрь хлынули солдаты и рабочие, и двинул в обратную сторону, к нам. Пришел в госпиталь и за работой рассказал мне о случившемся.

Через несколько секунд после его прибытия задняя стена замка обрушилась. Даже у нас под ногами задрожала земля. По дальнему склону горы прокатился долгий грохот. Очень эффектно, но мало пользы. Твари в замке не испытали никакого неудобства.

Под непрерывным напором Госпожи с нашей стороны тоже осыпалась стена.

Из города продолжали прибывать части Черного Отряда, сопровождаемые перепуганными войсками герцога. Лейтенант распределял подкрепление по позициям. Он не разрешил больше ни одному человеку двинуться в сторону замка.

В крепости ревели, грохотало и полыхало, оттуда валил ужасный запах. Я не знаю, что там произошло. А может, и не узнаю никогда. Но вряд ли кто-то выбрался оттуда живым.

Раздался дикий, неестественный, почти на границе слышимости гортанный стон. Еще не осознавая, что происходит, я весь трясся от страха. Звук уверенно набирал высоту, еще быстрее росла его громкость. Под нами вибрировала земля, звук шел сразу отовсюду. Через некоторое время стало казаться, что в нем есть какой-то смысл и ритм. Как будто это чья-то речь, только невероятно замедленная — каждое слово растянуто на несколько минут.

Одна-единственная мысль. Только одна. Властелин. Он идет.

Я даже как будто различал слова: «Ардат, ты сука!» Или мне только казалось?

Но затем это ушло, сменившись страхом.

В палатке возник Гоблин, взглянул на нас и вроде даже вздохнул с облегчением, обнаружив Одноглазого. Он ничего не сказал, а мне недосуг было выяснять, чем он до сих пор занимался. Махнув рукой, он вышел.

Через несколько минут появился Молчун, и был он мрачен. Этого солдата, разделившего со мной запретное знание, я не видел больше года. Мне очень не хватало его в Черепице. Молчун как будто прибавил в росте, похудел и очерствел душой. Кивнув, он быстро заговорил на языке глухонемых:

— *В гавани корабль под красным флагом. Идите туда сейчас же.*

— Что?

— *Идите в порт, садитесь на корабль под красным флагом. Встретите кого из ветеранов Отряда, берите с собой, а больше — никаких задержек. Приказ Капитана. Обсуждению не подлежит.*

— Одноглазый...

— Я понял, Костоправ, — сказал колдун. — Эй, Молчун, какого черта?

— *Будут проблемы со Взятými, — продолжал тот знаками. — Этот корабль отвезет нас в Опушку, там мы обрубим концы. Те, кто слишком много знает, должны исчезнуть. Ступайте. Мы соберем старых братьев — и сразу за вами.*

Мы с Одноглазым пробежались по округе, известив наших стариков — тех немногих, кого смогли найти, — и через пятнадцать минут гурьбой двинулись к порту, все как один в полном недоумении. Я часто оглядывался назад. В замке остался Эльмо, мой лучший друг. Его могут схватить Взятые...

В бегах

На борту девяносто шесть человек. Все, до кого дошел приказ. Еще дюжине этот приказ не предназначался, но мы не могли их прогнать. Не хватало сотни бойцов, служивших в Черном Отряде еще в те времена, когда мы не знали, что окажемся за Пыточным морем. Некоторые из них погибли в сегодняшней битве, некоторых мы не смогли отыскать. Но среди тех, кто отсутствовал, не было обладателей опасного знания. За исключением Эльмо и Капитана.

Я на борту. Молчун, Одноглазый и Гоблин тоже здесь. Лейтенант, сбитый с толку больше всех. Леденец, Масло, Крутой... Список продолжался и продолжался.

Но не было Эльмо, так же как и нашего Старика. И когда Молчун заявил, что мы уходим без них, чуть было не поднялся бунт.

— *Приказ.*

Вот и все, что он изобразил знаками, которых многие не понимали, хотя мы уже давно ими пользовались. Доставшиеся в наследство от покинувшей Отряд Душечки, они были довольно полезным средством общения в различных ситуациях.

В тот момент, когда корабль отчалил от берега, Молчун вынул конверт с личной печатью Капитана. Он собрал всех офицеров в капитанской каюте и велел мне прочитать письмо вслух.

— «Ты оказался прав насчет Взятых, Костоправ, — заговорил я. — У них возникли подозрения, и они хотят пойти против Отряда. Чтобы перехитрить их, я сделал то единственное, что было в моих силах, — нанял корабль. Надеюсь, что большинство моих братьев уйдет на нем от беды. Я не могу присоединиться к вам, потому что мое отсутствие насторожит Взятых. Не теряйте времени. Вряд ли мне удастся долго протянуть, когда они обнаружат ваше исчезновение. Как вы с Гоблином уже могли убедиться, ничто не укроется от

Ока Госпожи. Я не берусь предсказать, что ваш побег закончится благополучно. За вами будет погоня, ведь я знаю достаточно, чтобы навести их на след. И если попадусь к ним в лапы, они сумеют вытащить из меня нужные сведения...»

— Что происходит, черт возьми? — прервал меня Лейтенант. — Все какие-то тайны, секреты... Не довольно ли играть в эти игры?

Я посмотрел на Молчуна:

— Считаю, что надо рассказать. Тогда хоть будет надежда, что тайна не умрет вместе с нами.

Молчун кивнул.

— Дело в том, Лейтенант, что Душечка — Белая Роза.

— Как? Неужели...

— Да. Мы с Молчуном об этом узнали еще в битве за Чары. А первым понял Ворон, потому и сбежал. Хотел спрятать девчонку от Госпожи, увезти как можно дальше. Ты ведь знаешь, как он ее любил. Думаю, некоторые тоже догадывались.

Признание не произвело фурора. Только Лейтенант был сильно удивлен, все остальные уже что-то подозревали.

В письме Капитана больше не было ничего особенного. Слова прощания, потом предложение выбрать вместо него Лейтенанта. И наконец, несколько слов, адресованных лично мне:

«Костоправ, похоже, обстоятельства повернулись так, что с тем выбором, о котором ты говорил, придется подождать. Если только вам не удастся оторваться от Взятых и уйти на юг».

У меня в ушах зазвучал его сардонический смех, которым должны были сопровождаться эти слова.

Одноглазого интересовало, что стало с казной Черного Отряда. Давным-давно, уже на службе у Госпожи, мы заграбастали целое состояние — кучу монет и камней. Набитый ими сундук всегда был с нами, и в плохие времена, и в хорошие, — наша тайная страховка на черный день.

Молчун сказал, что сундук остался в Черепице вместе с Капитаном. Не было никакой возможности вынести его оттуда.

Одноглазый рухнул на пол и зарыдал. Этот сундук значил для него больше, чем все превратности судьбы — былые, нынешние, будущие.

На него набросился Гоблин. Полетели искры. Лейтенант уже был готов приложить руку, когда кто-то просунулся в дверь:

— Парни, вам стоит подняться и взглянуть.

Он исчез прежде, чем мы успели задать хоть один вопрос.

Мы поспешили на верхнюю палубу.

Порт был уже в паре миль позади. Оседлав течение, мы дрейфовали прочь от города. Но яркий свет, шедший со стороны замка, освещал и Можжевельник, и нас, как солнце сквозь облачный покров.

Замок превратился в основание огненного фонтана, бившего в небо на мили. В языках пламени дрожал громадный силуэт человека. Его губы шевелились. Протяжное эхо невероятно растянутых слов разносилось над Можжевельником.

— Ардат!.. Сука!..

Я не ошибся тогда.

Рука медленно, лениво поднялась в направлении Черепицы.

— Им хватило трупов, — пропищал Гоблин. — Старый мерзавец выбрался наружу.

Мы взирали с благоговейным ужасом. У меня была только одна мысль: хорошо, что успели смыться. В этот момент я даже не вспомнил о наших товарищах, оставшихся там. Я мог думать исключительно о себе.

— Ой, смотрите! — негромко сказал кто-то.

Над стенами Черепицы образовался светящийся шар. Переливаясь множеством красок, он быстро набухал — гигантская, медленно вращающаяся луна из цветного стекла. Когда шар отделился от Черепицы и поплыл в сторону замка, в диаметре он имел по меньшей мере двести ярдов. Великан протянул руку, цапнул — но пальцы схватили пустоту.

Я хохотнул.

— Что здесь веселого, черт побери?! — воскликнул Лейтенант.

— Просто подумал, как себя чувствуют жители Можжевельника. Они никогда не сталкивались с колдовством.

Пестрый шар стекла продвигался все дальше. Вот он повернулся, и я увидел то, чего не замечал раньше. Лицо Госпожи. Ее огромные блестящие глаза смотрели прямо на меня. И этот взгляд ранил душу.

— Я не предавал тебя! — Слова вырвались самопроизвольно. — Это ты предала меня.

Готов поклясться чем угодно, мы общались с ней каким-то образом. Глаза сказали мне, что она слышала. В них промелькнули боль и стыд. Затем лицо отвернулось, и больше я его не видел.

Шар вплыл в огненный фонтан и растворился в нем. И как будто я снова услышал протяжный голос:

«Ардат!.. Я доберусь до тебя!..»

— Вон там! Смотрите! — показал тот человек, что позвал нас наверх, и все повернулись к Черепице.

Над стеной, там, откуда Госпожа начала двигаться к своему мужу, появилось еще одно зарево. Некоторое время я не мог ничего разобрать. Свет направлялся в нашу сторону, виляя, поднимаясь и опускаясь.

— *Это ковер Госпожи*, — знаками показал Молчун. — *Я его видел раньше.*

— Но кто?..

Ведь в Черепице не осталось никого из тех, кто мог на нем летать. Все Взятые — у Черного замка.

Ковер разогнался. Вихляющий и скачущий поначалу, полет выравнивался. Но, набирая скорость, летучая снасть теряла высоту.

— Тот, кто управлять не умеет, — предположил Одноглазый. — Он убьется, если...

Ковер несясь прямо на нас, теперь не более чем в пятидесяти футах над водой. Корабль уже разворачивался, чтобы обогнуть последний мыс, преграждавший путь в открытое море.

— Может, его послали для таранного удара? — предположил я. — Чтобы не дать нам уйти?

— Нет, — возразил Одноглазый. — Ковер — слишком дорогая штука, его трудно изготавливать и содержать в исправности. И тот, что принадлежит Госпоже, — последний. Возвращаться домой пешочком она бы не захотела.

Ковер снизился до тридцати футов. Он быстро увеличивался в размерах; уже был слышен его трепет. Скорость — не меньше ста пятидесяти миль в час, прикинул я.

Разрывая такелаж, ковер врезался в мачту и, крутясь, отскочил аж на полмили. Он от ricoшнул от воды, как брошенный плоский камень, ударился о нее снова и затем врезался в береговую скалу. Освободившаяся колдовская энергия родила фиолетовую вспышку.

Никто из нас, братьев Черного Отряда, не произнес ни слова. Ведь когда ковер рвал корабельные снасти, перед нами промелькнуло лицо его седока.

Капитан.

Кто знает, что он хотел сделать? Догнать и присоединиться к нам? Возможно. Подозреваю, он поднялся на стену Черепицы, чтобы испортить ковер. Тогда бы никто не смог погнаться за нами. Наверное, Капитан хотел броситься потом со стены, чтобы не подвергаться допросу. Но... он достаточно часто видел ковры в действии, чтобы возникла соблазнительная мысль о побеге.

Важно другое: на этом ковре наши недоброжелатели не отправятся в погоню. И Капитан не предстанет перед Оком.

Я вспомнил, как не хотелось ему умереть на севере.

Этот полет и гибель товарища надолго отвлекли нас от всего остального. Тем временем корабль не стоял на месте, и вскоре Можжевательник вместе с северным гребнем скрылись за мысом. Черный замок все еще пылал, адское зарево заслоняло звезды, но оно медленно оседало. Надвигающийся рассвет гасил это сияние. И когда над миром, возвещая чье-то поражение, разнесся чудовищный вопль, мы уже не смогли определить победителя.

Но для нас ответ на этот вопрос, в общем-то, не играл никакой роли. И Госпожа, и ее долго почивавший супруг все равно начнут за нами охоту.

Мы вышли в море и повернули на юг. Матросы, ругаясь, меняли порванный такелаж. Все братья Отряда, кто где, сидели наедине со своими мыслями. И только теперь меня охватила тревога за оставшихся в городе товарищей.

После долгой службы выдалось два дня безделья. Мы горевали по всем покинутым братьям и особенно по Капитану. Каждый из нас поминал его добрым словом. Он был главой семейства, патриархом, нашим общим отцом.

Опушка. В поисках выхода

Хорошая погода и попутный ветер позволили нам быстро добраться до Опушки. Капитан корабля был доволен — за хлопоты ему было щедро заплачено вперед. Но он изо всех сил старался не выдавать прекрасного настроения. Мы были не лучшими пассажирами. Одноглазый ужасно боялся воды, его постоянно мучила морская болезнь. Судя по нытью, ему хотелось, чтобы всем вокруг было так же страшно и тошно. Они с Гоблином то и дело цапались, несмотря на угрозы Лейтенанта бросить обоих на съедение акулам. Но сам он пребывал в таком угнетенном состоянии, что эта парочка не принимала его слов всерьез.

В соответствии с волей Капитана мы избрали Лейтенанта командиром, а Леденца — его заместителем. Конечно, Леденцу я бы предпочел Эльмо...

Мы не называли Лейтенанта Капитаном. Для такой жалкой компании это бы звучало смешно. Нас было недостаточно даже для сносной уличной банды.

Последний из Вольных Отрядов Хатовара. Четырехвековое братство, древние традиции — где это все? Кучка разбойников в бегах. Как же это нелепо, неправильно... Великие деяния наших предшественников достойны лучших продолжателей.

Сундук с сокровищами потерян, но Анналы как-то сами собой оказались на корабле. Наверное, их прихватил Молчун. Для него они были почти столь же важны, как и для меня. В ночь перед нашим прибытием в Опушку я читал солдатам из Книги Вога, в которой описана история Черного Отряда после его разгрома в битве за Выпечку, что в Нортселе. В тот раз уцелело только сто четыре человека, но Отряд возродился.

Братья не были расположены слушать. Боль еще не утихла. Я не дочитал и до середины.

Опушка производила приятное впечатление. Настоящий город, а не убожество вроде Можжевельника. Мы сошли с корабля, не имея ничего, кроме своего оружия и тех денег, что оказались при нас в день бегства. Жители смотрели на пришельцев с тревогой и недовольством, но никто не боялся. Нам бы не хватило сил сопротивляться, если бы здешний князь захотел нас прогнать.

Главной нашей ценностью были трое колдунов. Лейтенант и Леденец надеялись, что с их помощью удастся провернуть какое-нибудь выгодное дельце и сесть на другой корабль в надежде вернуться на южное побережье Пыточного моря. Хотя тогда придется идти по землям, принадлежащим Госпоже. Я бы предпочел продвинуться дальше вдоль побережья, запутать следы и поступить к кому-нибудь на службу. Отсидеться хотя бы до тех пор, пока армия Госпожи не окажется слишком близко.

Госпожа... Я не переставал думать о ней. Скорее всего, ее войска сейчас принимают присягу на верность Властелину.

Через несколько часов после высадки мы обнаружили Ростовщика и Кеглю. Ростовщик прибыл всего за два дня до нас — в плаваньи ему не повезло с погодой: Лейтенант тут же набросился на Кеглю:

— Какого черта ты тут застрял?

Должно быть, Кегля превратил свою миссию в затянувшийся отпуск. Чего еще от него ждать?

— Ты должен был сразу отправиться назад...

— Никак нет, сударь. Являюсь свидетелем по делу об убийстве. До окончания судебного процесса не могу покинуть город.

— Убийство?

— Ну да. Ворон мертв. Ростик сказал, вам об этом известно. Ну, мы позаботились о том, чтобы все подозрения пали на этого парня, Вола. Осталось только дожидаться, когда его вздернут.

— Где он? — спросил я.

— В кутузке.

Лейтенант хорошенько пропесочил Кеглю, осыпая угрозами и ругательствами. Случайные прохожие нервно поглядывали на крутых парней, оскорбляющих друг друга на всех существующих языках.

— Надо уйти с улицы, — сказал я. — И давайте потише. У нас хватает неприятностей, ни к чему привлекать лишнее внимание. Лейтенант, если не возражаете, я поболтаю с Кеглей. Может, мы что-ни-

будь придумаем. Кегля, пошли со мной. И вы тоже. — Я ткнул пальцем в Молчуна, Гоблина и Одноглазого.

— Куда идем? — спросил Кегля.

— На твое усмотрение. Туда, где можно поговорить спокойно и серьезно.

— Ладно. — Он повел нас, сразу задав хороший темп, — ему хотелось поскорее расстаться с Лейтенантом. — Это правда? Что Капитан погиб и все остальное?

— Еще какая правда, черт бы ее побрал!

Кегля покачал головой, пораженный известием о разгроме Черного Отряда.

— Что ты хочешь узнать, Костоправ? — наконец спросил он.

— Все, что ты здесь разнюхал. Особенно насчет Ворона. И об этом парне, Асе. И о таверннике.

— Шед? Видел его на днях. Человек показался знакомым, но я только потом сообразил, что это он. Одет необычно. Ростик сказал, что он смотался, и второй тоже. Асу, я думаю, найти можно, а вот Шеда... Вот что, если он тебе и впрямь так нужен, начни искать там, где я его видел.

— Он тебя заметил?

Похоже, эта мысль еще ни разу не возникала у Кегли. Он вообще не слишком сообразителен.

— Вряд ли.

Мы пришли в таверну, полную иностранных матросов, оборванцев вроде нас. Здесь говорили на всех языках. Мы уселись за стол и перешли на язык Драгоценных городов. Кегля плохо говорил на нем, но все понимал. Вряд ли кто-то мог разобрать, о чем мы толковали.

— Ворон, — сказал я. — Вот о ком я хочу знать все, Кегля.

Он рассказал нам историю, которая почти соответствовала тому, что говорил Аса, только не такую гладкую, какую можно ожидать от очевидца.

— Ты все еще думаешь, он это подстроил? — спросил Одноглазый.

— Ага. Это наполовину догадка, и не исключено, что я изменю свое мнение, когда мы осмотрим место. Парни, а вы сейчас можете определить, в городе он или нет?

Колдуны склонили друг к другу головы и через секунду выдали отрицательный ответ.

— Чтобы определить, нужно что-нибудь из его вещей, — объяснил Гоблин. — А у нас ничего нет.

— Кегля, а что насчет Душечки? И корабля Ворона?

— Мм?

— Что стало с Душечкой после предположительной смерти Ворона? Что стало с его кораблем?

— Насчет Душечки не знаю, а корабль в порту.

Мы все переглянулись.

— Это судно нельзя оставлять просто так, если мы хотим убраться за границу. И бумаги, о которых я вам говорил. Аса ничего не смог о них сказать. Они должны быть найдены, это единственный шанс отделаться от Госпожи.

— А она еще жива? — хмыкнул Одноглазый. — Если Властелин вырвался на свободу, бумагам твоим грош цена.

— Даже не думай об этом. — Я был уверен, что победила Госпожа. Уверен без серьезных на то оснований, по той лишь простой причине, что мне так хотелось. — Кегля, сегодня наведемся на корабль. Так что насчет Душечки?

— Сказал же — не знаю!

— Тебе поручали разыскать и ее.

— Да, но она исчезла.

— Исчезла? Как?

— Неправильный вопрос, Костоправ, — сказал Одноглазый, отвечая на энергичные жесты Молчуна. — Сейчас важно не «как», а «когда».

— Ладно. Так когда, Кегля?

— Не знаю. С вечера накануне гибели Ворона ее никто не видел.

— В яблочко! — с благоговением шепнул Гоблин. — Костоправ, интуиция тебя не подвела.

— Ты о чем? — встрепенулся Кегля.

— Она не могла смыться заранее. Если только не знала, что произойдет.

— Кегля, — сказал я, — ты был там, где они жили? Я имею в виду — внутри.

— Ага. Но кто-то забрался туда до меня.

— И?

— Все чисто. Никаких следов. Хозяин сказал, что они не выезжали и не собирались, даже заплатили за месяц вперед. Выглядит так, будто кто-то знал, что Ворон врезал дуба, и решил пошарить в его берлоге. Думаю, Аса. Он пропал сразу после этого.

— А ты что сделал?

— Что я сделал? Да прикинул, что вам, ребята, Вол в Можжевельнике совсем не нужен, и мы повесили на него убийство Ворона.

Их драку видела куча людей. Надеюсь, этого достаточно, чтобы убедить суд.

— А что ты предпринял, чтобы найти Душечку?

Кегле нечего было сказать. Все остальные обменялись раздраженными взглядами.

— Говорил я Эльмо, — проворчал Гоблин, — не надо было его посылать.

— Но почему, Костоправ, тебя вообще все это волнует?! — воскликнул Кегля. — Такие дела творятся — при чем тут Ворон и Душечка?

— Вот что я тебе скажу, Кегля. С недавних пор Взятые — наши враги. Нас вытолкнули на другую сторону. Теперь мы с Белой Розой, нравится нам это или нет. И они погонятся за нами. Белая Роза — единственная надежда мятежников. Так или нет?

— Так. Если она вообще существует.

— Существует. Белая Роза — это Душечка.

— Да ну тебя, Костоправ! Она же глухонемая.

— И она же — источник безмагии, — вставил Одноглазый.

— Чего-чего?

— Колдовство вокруг нее не действует, мы это заметили еще в Чарах. И если ничто не помешает, с годами это свойство будет усиливаться.

Я не помнил ничего странного в поведении Душечки, но благо разумно решил не спорить.

— О чем ты?

— Я тебе уже говорил. Есть особенные колдуны, их талант, так сказать, отрицательного свойства. Никакие чары вблизи них не работают. Только при этом условии есть какой-то смысл в существовании Белой Розы. Как может глухой и немой ребенок победить Госпожу или Властелина на их собственной территории? Держу пари, что и первоначальная Белая Роза не могла этого сделать в одиночку.

Я не знал, что и думать. Исторические документы не содержали ничего заслуживающего внимания как о силе Белой Розы, так и об отсутствии таковой.

— Тем более нужно ее найти.

Одноглазый кивнул.

Кегля был напрочь сбит с толку. Сделать это с ним совсем не трудно, подумал я.

— Если вокруг Душечки не действует колдовство, — объяснил ему я, — надо просто разыскать ее и не отходить ни на шаг. Тогда нам не страшны никакие Взятые.

— Не забудь, у них целая армия, которую пошлют против нас, — сказал Одноглазый.

— Если они решат во что бы то ни стало до нас добраться... А, черт!

— Что такое?

— Эльмо. Ему известно достаточно, чтобы вся империя узнала, где мы. Конечно, если он жив. Теперь нас уж точно не оставят в покое, ведь мы способны привести к Душечке.

— И что же нам делать?

— А чего вы на меня пялитесь?

— Да похоже, Костоправ, только ты один и знаешь, что в мире делается.

— Не знаю, но догадываюсь. Сначала надо выяснить насчет Душечки и Ворона. В особенности насчет Душечки. И снова выловить Шеда с Асой. Может, им что-нибудь известно. А как только с этим разберемся, нужно будет смотреться отсюда, не ждать, когда нас припрут к стенке. И не ссориться с местными. Сядем и обсудим все с Лейтенантом, выложим карты, объясним нашим парням ситуацию, а потом уже разработаем план.

Опушка. Корабль

По всей видимости, наш корабль был последним из тех, которым удалось покинуть Можжевельник. Мы ждали следующего судна, чтобы узнать какие-нибудь новости. Никого. Матросы с нашего корабля подложили нам свинью. Они трепали языками на каждом углу, и вскоре на нас надели и жители, пытаясь выяснить судьбу оставшихся в Можжевельнике родственников, и городское начальство, озабоченное тем, что банда беглецов могла доставить им неприятности. Со всем этим разбирались Лейтенант с Леденцом. На плечи остальных легла борьба за выживание.

После полуночи все трое колдунов, а с ними Масло, Кегля, Ростовщик и я, крались берегом гавани. Встреч с патрулями стражи мы избегали при помощи Одноглазого, Гоблина и Молчуна. Особенно был полезен Гоблин: у него в заглазнике имелось усыпляющее заклинание.

— Вот он, — прошептал Кегля, показав на корабль Ворона.

Я уже пытался выяснить, как оплачивается стоянка этого судна, но не преуспел.

Это был хороший, большой корабль. Даже в темноте видно, что новый. На борту горели только обычные огни: носовой, топовый, бортовые и фонарь на квартердеке, у трапа, где скучал одинокий вахтенный матрос.

— Одноглазый, что скажешь?

Тот лишь отрицательно покачал головой. Я спросил у других колдунов. Молчун и Гоблин тоже не заметили ничего необычного.

— Ну ладно. Гоблин, берись за дело. Заодно и проверим.

Он кивнул. Если Душечка на борту, его заклинание на часового не подействует.

Теперь, когда все стали разделять мои подозрения насчет Ворона, сам я уже сомневался, что он жив. Был бы жив, разве не уплыл бы куда-нибудь на своем дорожном корабле? Хотя бы на острова? Какой смысл держать судно в этом порту?

Острова притягивали меня. Снова и снова я подумывал о том, чтобы захватить какой-нибудь корабль и рвануть туда. Хотя надо иметь проводника. Острова лежат далеко в море, и регулярной торговли с ними нет. Наобум не добраться.

— Все, — сказал Гоблин. — Дрыхнет.

Матрос опустил на складной стул, руки сложил на планшире, а на них пристроил голову.

— Душечки нет, — сказал я.

— Душечки нет.

— А кто есть?

— На ногах — никого.

— Тогда идем. Работаем быстро и не шумим.

Мы пересекли причал и взбежали по трапу. Матрос шевельнулся, но от прикосновения Гоблина вырубился начисто. Затем наш колдун метнулся на корму, убедился, что там все спят на противокрысиных читах. Вернувшись, он сообщил:

— Внизу еще восемь, тоже почивают. Я за ними присмотрю, а вы приступайте.

Мы начали с самой большой каюты. Предположили, что она принадлежит хозяину, и не ошиблись. Она располагалась в корме, там, где обычно находится капитанская каюта, и была разделена на части. В одной я нашел вещи, по которым понял, что ее занимала Душечка. На стороне Ворона мы обнаружили испачканную землей одежду. В каюте было достаточно пыли, чтобы понять: уже несколько недель здесь никто не появлялся.

Бумаг, за которыми пришли, мы не отыскали.

Но обнаружили деньги. И довольно солидную сумму. Они были хитроумно запрятаны, но нюх Одноглазого на такие вещи просто бесподобен. Мы извлекли из тайника сундучок, набитый серебром.

— Я так понимаю: если Ворон мертв, то ему денюжки не нужны, — рассудил Одноглазый. — А если жив, то не должен быть в претензии — его старые друзья поиздержались.

Монеты выглядели странно. Присмотревшись, я понял, в чем заключалась эта странность. Точно такими же твари расплачивались с Шедом.

— Они из Черного замка, — сказал я Одноглазому. — Ну-ка понюхай, не фальшивые ли.

— Абсолютно нормальные, — хихикнул он. — Чистое серебро.

— Гм...

Я не испытывал никаких колебаний, забирая монеты. Ворон до был их преступным путем, такие и стянуть не грех. Деньги родословной не имеют, как говорят в Можжевельнике.

— Все сюда! У меня идея. — Я повернулся к корме, где через стеклянный иллюминатор был виден причал.

Остальные столпились около меня и сундучка.

— Что? — спросил Гоблин.

— Деньги — это, конечно, хорошо, но почему бы не забрать весь чертов корабль? Если Ворон мертв или делает вид, что мертв, как он может помешать? Здесь будет наш штаб.

Гоблину такая идея понравилась, а Одноглазому — нет. Где корабли, там и вода, а воду он недолюбливал.

— Как быть с командой? — спросил он. — С начальником гавани, с его людьми? Закон на их стороне.

— Как-нибудь справимся. Передвинем корабль и запрем всю команду, жаловаться будет некому. А если никто не жалуется, то какое дело начальнику гавани?

— Но на борту не весь экипаж. Кто-то сейчас в городе.

— Спааем, когда вернутся. Черт возьми, лучшей возможности быстро смотаться отсюда в случае чего у нас не будет. Да и где, скорее всего, появится Ворон?

Одноглазый прекратил спорить. Он потрясающе ленив. Кроме того, по блеску в глазах я догадался, о чем он думает.

— Лучше посоветоваться с Лейтенантом, — сказал Одноглазый. — Он разбирается в кораблях.

Зато Гоблин разбирался в Одноглазом.

— Забудь про меня, если решил пиратствовать, — сказал он. — Приключениями я сыт по горло. Хочу домой.

Они завелись, заспорили, и очень громко. Надо было их унять.

— Давайте-ка подумаем, как нам протянуть ближайшую пару дней, — прорычал я. — Более отдаленные перспективы обсудим позже. Так, парни, у нас есть одежда Душечки и Ворона. Теперь вы сможете их найти?

Колдуны соприкоснулись головами. После короткой дискуссии Гоблин заговорил:

— Молчун думает, что сможет. Сложность в том, что ему придется идти по следу, как собаке. Побывать всюду, где был Ворон. Вплоть до места его гибели... или не гибели... Если Ворон жив, надо добраться туда, где он сейчас.

- Черт! Вам понадобится пара месяцев!
- Человек много времени проводит без движения, Костоправ.

Молчун это время сэкономит.

- Все равно долго.
- А иначе никак. Если только Ворон сам не напорется на нас.

Чего, возможно, он просто не в состоянии сделать.

- Хорошо-хорошо. А как насчет корабля?
- Спроси Лейтенанта. Давай попробуем еще поискать твои про-

клятые бумаги.

Бумаг не было. Других тайников Одноглазый не обнаружил. Чтобы пролить свет на судьбу этих бумаг, надо разбираться с командой. Возможно, кто-то из матросов помогал Ворону вынести их на берег.

Мы сошли с корабля. Гоблин с Ростовщиком выбрали хорошее место для наблюдения за ним. Молчун с Масло двинулись по следу Ворона. Остальные вернулись и разбудили Лейтенанта. Тому идея захватить корабль показалась недурной.

Он никогда не симпатизировал Ворону. И сейчас, как мне показалось, им двигали не только практические соображения.

Опушка. Беглец

По Опушке быстро разнеслись слухи и самые невероятные истории. Шед услышал о корабле из Можжевельника через несколько часов после его прибытия. Новость оглушила. Черный Отряд сбежал? Разгромлен собственными хозяевами? Сушая бессмыслица. Да что же, черт побери, там происходит?!

Мама, Сал, друзья — что стало с ними? Если слухи верны хотя бы наполовину, это значит, что в Можжевельнике царит полное разорение. Битва с Черным замком пожрала город.

Отчаянно захотелось отыскать кого-нибудь и расспросить о своих. Но Шед подавил соблазн. Необходимо забыть о своей родине. Он же знает Костоправа и его банду: все это могло быть подстроено с единственной целью выманить беглеца из укрытия.

Целый день он прятался в своей комнате, обдумывая положение, пока не пришел к выводу, что ничего не должен предпринимать. Если Черный Отряд в бегах, то он скоро уберется отсюда, не дожидаясь, когда его настигнут прежние хозяева.

А нужен ли сам Шед Взятым? Нет. Он с ними вроде не ссорился. До его преступлений им нет никакого дела. Остаются только могильные сторожа... Таверщик подумал о гниющем в тюрьме Воле, которого обвинили в убийстве Ворона. Этого он не понимал совершенно, но слишком нервничал, чтобы разобраться получше. Выживание Вола — мелкая проблема по сравнению с выживанием Маррона Шеда

После дневного уединения было решено выйти из дому. Шед искал компаньона среди владельцев таверн в надежде заняться привычным делом.

Надо подыскать заведение получше, чтобы не увязнуть потом в долгах, как было с «Лилией». Каждый раз, когда он вспоминал

о своей «Лилии», им овладевала тоска по дому. Ностальгию усиливало безысходное одиночество. Всю свою жизнь он был один, но не одинок. Изгнание стоило Шеду тяжких душевных мучений.

Узкая темная улица шла на подъем. Шед пробирався по грязи, оставленной ночным дождем, как вдруг какое-то движение, уловленное краем глаза, напугало его до дрожи. Он развернулся так резко, что сбил с ног другого пешехода. Помогая тому подняться и рассыпаясь в извинениях, Шед всмотрелся в темноту переулка.

— Должно быть, воображение шутит, — пробормотал он, расставшись с прохожим.

Но внутренний голос говорил совсем другое. Шед видел. И слышал, как негромко прозвучало его имя.

Таверщик вступил в темный проем между домами. Там его никто не ждал.

Он прошел еще квартал и нервно рассмеялся, пытаясь убедить себя, что все-таки это была игра сознания. Да и какого черта тварям из замка делать в Опушке? Их уничтожили, должно быть... Но солдаты Черного Отряда, сбежавшие сюда, тоже не знают этого наверняка. Они смотались еще до окончания битвы. Они всего лишь надеются, что победили их бывшие хозяева, потому что другая сторона — еще хуже.

Нет, это глупые рассуждения. Ну как твари могли сюда добраться? Ни один капитан не взял бы с собой этаких уродов.

«Шед, ты напрасно изводишь себя. Нет причин бояться».

Он вошел в таверну под названием «Рубиновый кубок». Хозяин гостиницы, где жил Шед, порекомендовал ему обратиться сюда.

Разговор с Селькиром, владельцем «Рубинового кубка», оказался плодотворным. Условились, что завтра вечером Шед зайдет опять.

Шед и его предполагаемый партнер пили пиво. Предложения иноземца показались Селькирку выгодными, и теперь он пытался продать «Рубиновый кубок» целиком.

— Вечерняя выручка увеличится, как только прекратится эта паника.

— Паника?

— Ага. Тут в округе пропало несколько человек. На прошлой неделе — пять или шесть, после наступления темноты. Совсем не похоже на местные банды. Поэтому люди не кажут носа на улицу. Теперь у нас по вечерам гораздо тише обычного.

Шеда бросило в жар. Он сидел прямой как палка, с пустыми глазами. Точно змеи из-под камня, выползали былые страхи. Рука потянулась к кулону, спрятанному под рубашкой.

— Эй, Маррон, в чем дело?

— Все как в Можжевельнике... — Он даже не думал о том, что произносит это вслух. — Но там были только мертвые. И они хотели добыть живых. Надо уходить.

— Шед, да что случилось, черт возьми?

Тут он очнулся:

— О, прости, Селькирк. Да-а. Все хорошо, но сначала мне нужно кое-что сделать. Кое-что проверить.

— В смысле?

— К тебе это не относится. Мы договорились, можно начинать. Завтра я перевезу сюда вещи, мы пригласим законников и оформим сделку. Просто кое-что необходимо уладить немедленно.

Почти бегом Шед покинул таверну. Он совершенно не представлял, что надо делать, куда спешить. И не был уверен, что не помешался на черных тварях.

Но одно знал наверняка: то, что произошло в Можжевельнике, повторится в Опушке. И произойдет это гораздо быстрее, если гады занялись сбором тел самостоятельно.

Он снова ощупал кулон, подумав о том, сколь надежна эта защита. Сохранила ли вещьца какую-нибудь силу?

Он торопился в гостиницу, где снимал комнату. Люди там терпеливо относились к его расспросам, делали скидку на то, что Шед не местный. Он спрашивал о Вороне. Об этом убийстве говорил весь город. Его совершил иностранный блюститель закона. Так сказали помощники этого самого блюстителя. Но никто не знал подробностей. Очевидцев смерти Ворона, за исключением Асы, не было. А Аса — в Можжевельнике. Наверное, уже мертв. Ведь Черному Отряду не нужны лишние свидетели.

Мимолетное желание связаться с остатками Отряда пропало. Солдаты вполне могут разделаться и с Шедом. Так что надо разбираться самому.

И начать с места гибели Ворона. Кто знает, где произошло убийство? Аса. Но Асу не достать. Кто же еще? Как насчет Вола?

Шеда передернуло. Вол был олицетворением ужаса, который изводил Шеда еще дома, в Можжевельнике. Вол сидит за решеткой, но все равно Шед привык его бояться. И скажет ли этот тип что-нибудь полезное?

Найти Вола нетрудно, любой встречный скажет, где главная тюрьма. Вот только хватит ли Шеду смелости разговаривать с арестантом? Должно хватить, ведь сейчас в опасности весь город.

Большая совесть разрывала Шеда на части. Он натворил таких дел, что теперь просто не находил себе места. Совершенные им пре-

ступления не оставляли никакой надежды на прощение. Или он не прав? Вроде нынче представился шанс искупить часть вины...

— Не будь дураком, Маррон Шед, — сказал он себе. — Чего ты так разволновался? Опушка сама о себе позаботится. Надо перебраться дальше, в другой город.

Но что-то гораздо более глубинное, чем трусость, шептало, что он не сможет убежать — ни из этого города, ни от самого себя. В Опушке появились черные твари. И два человека, имевшие отношение к Черному замку, тоже здесь. Это не может быть простым совпадением.

Допустим, он побежит дальше. Что помешает монстрам следовать за ним, куда бы он ни направился?

Он связался с дьяволом. Спинным мозгом Шед чувствовал, что должен нить за нитью распутать сеть, в которую угодил.

Он отодвинул обычного, повседневного, трусливого Шеда в сторону и вывел вперед того Шеда, который принимал участие в охоте на Карра и в результате избавился от своего мучителя.

На следующий день Шед уже не помнил той чуши, которую он нес, чтобы прорваться в тюрьму. Однако этот бред сделал свое дело, проложил ему дорогу к Волу.

Пережитые беды не сломили инквизитора. С дикой бранью он подскочил к решетке, плюнул в Шеда и пообещал ему самую мучительную смерть.

— Да ты больше никого не покараешь, — возразил ему Шед. — Разве что здешних тараканов. Так что заткнись и выслушай. Забудь про то, кем ты был, и подумай, кто ты сейчас. Я твоя единственная надежда выбраться отсюда.

Шед поразился. Нашел бы он в себе хоть половину такой отваги, не будь между ним и Волон решетки?

Лицо инквизитора приняло бесстрастное выражение.

— Говори.

— Не знаю, какие слухи до тебя дошли, — может, вовсе никаких. После того как ты отбыл из Можжевельника, туда пришел Черный Отряд. Он захватил власть. Его Госпожа с подручными тоже появилась в городе. Они штурмовали Черный замок. Я не знаю подробностей сражения, но, похоже, город стерт с лица земли. Не дожидаясь, чем все кончится, солдаты из Отряда захватили корабль и смотались оттуда. Теперь они здесь, ждут, что за ними погонятся их хозяева. Какой в том прок хозяевам, мне неизвестно.

Вол задумчиво рассматривал Шеда:

— Правду говоришь?

— Все из вторых рук.

— Эти сволочи из Черного Отряда упекли меня сюда. Оговорили, улики подтасовали. Я не убивал Ворона, мы только подрались. Проклятье, да он сам чуть меня не прикончил!

— Ворон мертв. — Шед изложил то, что видел Аса. — Я догадываюсь, кто с ним расправился и каким образом. Мне нужно лишь выяснить, где это произошло. Тогда я смогу убедиться. Если расскажешь, я постараюсь вытащить тебя отсюда.

— Я могу указать лишь приблизительно. Знаю, где мы столкнулись и в какую сторону они с Асой убежали. А зачем тебе?

— Мне кажется, твари из замка заразили Ворона. Чем-то вроде семени. Наверное, поэтому он и умер. Как тот человек, что принес в Можжевельник зародыш замка.

Вол нахмурился.

— Понимаю, — кивнул Шед, — звучит неубедительно. Но слушай дальше. Я видел на днях тамошнего монстра. Он стоял совсем рядом и смотрел на меня. Да! Я знаю, как эти твари выглядят, потому что встречался с ними раньше. А еще стали исчезать люди. Пока не много, недостаточно для того, чтобы поднялся шум. Но жители уже боятся.

Вол отошел вглубь камеры и уселся на пол, опершись спиной о стену. Больше минуты он молчал. Шед занервничал.

— Зачем тебе это надо, таверщик?

— Отдаю долг. Вол, я побывал в плену у Черного Отряда и очень многое узнал об этом замке. Никто даже не догадывается, насколько это ужасно. Замок оказался воротами в преисподнюю. И чудовище по имени Властелин пытался проникнуть через них в наш мир. Я помог замку вырасти настолько, что им заинтересовался Черный Отряд и колдуны Госпожи. Если Можжевельник разрушен, то я в этом виноват больше, чем кто-либо еще. А теперь та же судьба угрожает и Опушке. Я смогу как-нибудь остановить тварей. Если найду семя.

Вол захихикал. Хихиканье перешло в смех, а смех — в хохот.

— Тогда будешь гнить здесь! — заорал Шед и двинулся к выходу.

— Стой!

Шед обернулся. Вол справился с весельем:

— Прости. Это так неожиданно. Я имею в виду твою совесть. Но я, конечно, чувствую, что в этот раз ты не соврал. Ладно, Маррон Шед, давай попробайся. И если у тебя получится, возможно, я не потащу тебя обратно в Можжевельник.

— Вол, нет больше Можжевельника, некуда меня тащить. По слухам, Госпожа собиралась обчистить Катакомбы после победы над Черным замком. Ты понимаешь, что это значит? Всеобщее восстание.

Тут Волу стало совсем не до смеха.

— Прямо по Колдобинскому тракту, двенадцатая миля. Налево до первого проселка, мимо сухого дуба. Потом еще миль шесть, за ферму. Там дикие места, лучше вооружиться.

— Вооружиться? — Шед расплылся в застенчивой улыбке. — Маррон Шед так и не научился пользоваться оружием, смелости не хватило. Но за совет спасибо.

— И не забудь обо мне, Шед. Суд начнется на первой неделе следующего месяца.

— Не забуду.

Когда, по прикидкам Шеда, шесть миль от Колдобинского тракта остались позади, он слез с арендованного мула и повел его за собой. Так преодолел еще полмили. Узкая дорога, поросшая жестким кустарником, петляла по пересеченной местности — даже не проселок, а звериная тропа. Непохоже, чтобы ею часто пользовались. Странно. Что здесь делали Аса с Вороном? Ни одна сколько-нибудь внятная версия не приходила в голову. Аса утверждал, что они бежали от Вола. Если так, то почему не направились дальше по Колдобинскому тракту?

Нервы аж гудели от напряжения. Шед потрогал кулон и спрятанный в рукаве клинок. Все-таки он раскошелился на оружие, приобрел два добротных ножа. Один — на пояс, другой — в рукав. Но они несколько не прибавили ему уверенности.

Тропинка повернула вниз, к ручью, и еще несколько сотен ярдов следовала вдоль него. Наконец она вывела путника к широкой поляне.

Шед, горожанин до мозга костей, никогда в жизни не видел местности более дикой, чем Выгородка. Какое-то необъяснимое чувство опасности остановило его на краю поляны. Он опустился на колени, раздвинул кусты и тихо обругал мула, толкнувшего его в спину носом.

Догадка оказалась верна.

На поляне стоял черный камень. Здоровенный, с хижину высотой. Шед вытаращился на лица, застывшие в немом крике ужаса и боли.

Самое подходящее место для таких дел. При столь быстром росте все будет кончено еще до того, как кто-нибудь обнаружит эту

штуковину. Если только не наткнется на нее случайно. И велики шансы, что случайный очевидец сам послужит строительным материалом.

Сердце бухало, как молот. Больше всего Шеду сейчас хотелось бегом вернуться в Опушку и там завопить о близкой беде.

Достаточно. Он узнал все, что хотел узнать. Пора сматываться.

Однако Шед медленно двинулся вперед. Он бросил поводья, но мул, завидев высокую траву, последовал за ним. Осторожно, с остановками Шед приблизился к черной глыбе. Ничего не произошло. Он обошел вокруг.

С этой стороны камень имел четкую и понятную форму. Из него получится крепость, точь-в-точь как та, что нависала над Можжевельником. С одной только разницей — ворота будут смотреть на юг.

К камню вела хорошо натопанная тропа. Еще одно подтверждение догадки.

Откуда тут взялись черные монстры? Означает ли это, что они разбросаны по всему миру, что таятся в потемках и открываются только тому, кто заключает с ними сделку?

Возвращаясь к тому месту, откуда вышел на поляну, Шед обо что-то споткнулся.

Кости. Человеческие. Целый скелет — голова, руки, ноги... На нем лохмотья — эту одежду Шед видел на Вороне сотню раз. Он опустился на колени:

— Ворон, я ненавижу тебя. Но и любил тоже. Я не знал злодея хуже, чем ты. Но не знал и друга лучше. Ты заставил меня почувствовать себя человеком.

Глаза наполнились слезами.

Шед покопался в памяти, нашел заученную в детстве молитву по умершим и запел голосом, не привыкшим выводить мелодий.

Только один раз, почти неслышно, шевельнулась трава. На плечо тавернщику легла рука.

— Маррон Шед, — сказал голос.

Шед взвизгнул и схватился за нож.

Опушка. По свежим следам

После посещения корабля Ворона я провел не слишком хорошую ночь. Проснувшись, никому не сказал об увиденных кошмарах — всем и так хватало страхов и забот.

Во сне ко мне пришла Госпожа, чего не бывало с того далекого дня, когда мятежники перли на Чары, а мы отступали. Золотое сияние могло быть вовсе и не грезой, потому что оно переливалось прямо в комнату, которую я делил с пятью моими товарищами. Оно освещало комнату и всех нас. А я лежал с тяжело бьющимся сердцем, оцепенело наблюдая танец золотых бликов. Никто больше не проснулся, и позднее я уже не был уверен, что мне все это не привиделось. Когда-то давно, в прошлые визиты Госпожи, со мной происходило то же самое.

— Почему ты меня бросил, лекарь? Я плохо с тобой обращалась?

— Ну, вопрос стоял так: либо бежать, либо умереть, — прохрипел я, смущенный и сбитый с толку. — Мы бы не побежали, будь у нас выбор. Мы верно служили тебе, прошли через все тяготы и беды, каких Отряд прежде не знал. Ради тебя мы притащились на другой конец света без единой жалобы. А когда добрались до Можжевельника и потеряли половину людей при штурме замка, выяснилось, что в награду за верную службу нас хотят уничтожить.

В золотом облаке проступили очертания до боли знакомого восхитительного лица. Оно было грустным.

— Этого хотела Шепот. Шепот и Перо, по причинам, мне неизвестным. Но Пера нет, а Шепот я приструнила. В любом случае я бы не допустила такого злодеяния. Вы были моими лучшими орудиями. Я не допущу, чтобы Взятые причинили вам хоть малейший вред. Возвращайтесь.

— Поздно, Госпожа. Жребий брошен. Слишком много хороших людей ушло навсегда. Мы утратили боевой дух, состарились. Все, чего мы хотим, — это уйти на юг, под теплое солнце, и забыть прошлое.

— Возвращайтесь. Осталось много дел. Вы мои лучшие воины. Я награжу вас так, как еще ни один солдат не бывал награжден.

Я не чувствовал в ее словах вероломства. Но какое это имело значение? Она обманула собственного мужа, а того ввести в заблуждение было гораздо труднее, чем меня.

— Слишком поздно, Госпожа.

— Возвращайся. Ты один, если не все. Мне нужны твои записи.

Не знаю, зачем я тогда сказал то, что сказал. Не самый лучший поступок, если и впрямь она сохраняла остатки благосклонности к нам и не проявляла желания немедленно ринуться в погоню.

— Черный Отряд сослужит тебе последнюю службу, Госпожа, потому что мы устали от войн и состарились. Мы не станем твоими врагами, если ты не станешь нашим врагом.

Золотистый ореол лучился грустью.

— Мне очень жаль. Искренне жаль. Вы были моими любимцами. Бабочки-поденки, вы так красиво порхали... Нет, лекарь, это не выход, вам не остаться в стороне. С самого начала бегство было для вас невозможно. Или вы со мной, или против меня. Третьего не дано.

В этот миг золотое облако померкло, и я погрузился в глубокий сон — если меня вообще будили.

Проснулся отдохнувшим, но испуганным. Сначала толком не мог припомнить, что же приснилось, а потом вдруг увидел со всей ясностью. Я торопливо оделся и побежал к начальству.

— Лейтенант, надо удирать. Она победила, и за нами будет погоня.

Он удивленно посмотрел на меня. Я рассказал о ночном разговоре. Лейтенант принял это за бред, но я объяснил, что такое уже бывало раньше, во время нашего долгого отступления, когда после ряда сражений мы притащили на хвосте армию мятежников к самым воротам Чар. Лейтенант не хотел верить, но и не решился отменить предостережение.

— Тогда ступай и найди Асу, — сказал он. — Леденец, сегодня вечером перебираемся на корабль. Костоправ, передай всем: мы уходим через четыре дня, независимо от того, найдем Ворона или нет.

Я бурно запротестовал. Сейчас самое важное — найти Душечку. На нее вся наша надежда.

— А почему именно четыре дня? — спросил я.

— Мы плыли сюда из Можжевельника четыре дня, и это при хорошей погоде. Если Госпожа выступила сразу после того, как ты отверг ее предложение, она не доберется быстрее. Как только закончится этот срок, рванем в море.

— Хорошо. — Мне не очень понравилось, но решения принимал он. Для этого мы его и выбирали. — Крутой, отыщи Кеглю. Пойдем вылавливать Асу.

Крутой выскочил как наскипидаренный и через несколько минут притащил Кеглю, который ругался по поводу того, что не успел поесть и поспать свои положенные восемь часов.

— Заткнись, Кег. Нам припекло задницу. — Я объяснил, в чем дело, хоть и не было особой необходимости. — Прихвати что-нибудь, пожуюшь на ходу. Мы должны разыскать Асу.

Крутой, Кегля, Одноглазый и я вышли на улицу. Как всегда, мы привлекали внимание утренних прохожих. Не только потому, что прибыли из Можжевельника, а в основном из-за Одноглазого. В Опушке никогда не видели черных. А большинство населения даже и не слышало о таких.

Кегля протащил нас около мили по петляющим улицам.

— Полагаю, Аса лег на дно где-то здесь, потому что такие места для него привычны. Вдобавок он не слишком сообразителен и не станет переселяться только потому, что в Опушке появился Черный Отряд. Скорее всего, решил отсидеться, пока мы не свалим отсюда. Он наверняка догадался, что мы вынуждены спешить.

Доводы Кегли звучали убедительно, и они оправдались. Он спросил несколько человек, с которыми познакомился еще раньше, и выяснил, что Аса в самом деле засел где-то в этом квартале. Однако никто не знал, где именно.

— Ничего, сейчас разберемся, — пообещал Одноглазый.

Он взобрался на ближайшее крыльцо и изобразил несколько простеньких трюков, сопровождаемых треском и сполохами. Мгновенно собралась толпа местных пацанов, которые от зари до зари наводняют улицы города.

— Давайте исчезнем, — бросил я остальным.

Своим присутствием мы могли отпугнуть маленьких зрителей. Мы прошли дальше по улице, дав Одноглазому возможность спокойно гипнотизировать толпу.

Он честно заработал признание ребятни и через пятнадцать минут присоединился к нам, окруженный свитой беспризорников.

— Ну вот, — сказал он, — мои новые друзья нас проводят.

Иногда он меня поражает. Я готов был поклясться, что Одноглазый ненавидит детей. Когда вообще о них упоминает, что случается примерно раз в год, то речь идет только о том, как их повкуснее зажарить или сварить.

Аса обитал в трущобах, какие можно найти в любом краю. Настоящий гадюшник. Видимо, даже большим деньгам не удалось изменить привычек этого человека. Как же он не похож на старину Шеда, который моментально терял голову, заимев что-то в кармане.

Вход в эту дыру был только один. Мы вошли. Дети протиснулись за нами. Мне это не понравилось, но что я мог поделать?

Мы ввалились в облюбованную Асой комнату. Он лежал на соломенном тюфяке в углу. Рядом в луже блевотины валялся еще один человек. От него разило перегаром. Аса, свернувшись калачиком, храпел.

— Пора вставать, золотце. — Я нежно потряс Асу за плечо.

Он напрягся под моей рукой и резко открыл глаза.

Его переполнил ужас. Аса попытался вскочить, но я придавил его к тюфяку.

— Ну что, опять попался? — проговорил я.

Он лишь беззвучно разевал рот.

— Спокойно, Аса, никто не причинит тебе вреда. Нам нужен суший пустяк: ты покажешь, где погиб Ворон.

Я потянул его к себе. Он медленно перевалился на другой бок, глядя на нас, как кошка, загнанная собаками в угол.

— Вы, ребята, всегда говорите, что вам нужен пустяк.

— Аса, мы не хотим быть грубыми с тобой, но придется, если не будешь паинькой. У нас на все про все четыре дня, потом сюда заявит Госпожа. И за это время нам нужно разыскать Душечку. Ты нам поможешь, а чем займешься потом, нас не интересует.

Одноглазый тихо фыркнул, представив, чем будет заниматься Аса с перерезанным горлом. По его мнению, коротышка не заслужил ничего другого.

— Поезжайте по Колдобинскому тракту. Потом за двенадцатой милей налево, мимо фермы. Держите все время на восток. Это около семи миль. Дорога там переходит в тропу. Но это нормально, поедете дальше и упретесь в то место. — Он закрыл глаза, отвернулся и сделал вид, что заснул.

Я махнул Крутому и Кегле:

— Поднимите его.

— Эй! — взвизгнул Аса. — Я же все объяснил! Что вам еще от меня нужно?

— Чтобы ты пошел с нами. На всякий случай.
— На какой еще случай?
— На тот случай, если ты соврал. Тогда первым пострадаешь ты.
— Мы не верим, что Ворон мертв, — добавил Одноглазый.
— Но я же видел своими глазами...
— Я не знаю, что ты видел, — возразил я. — И я не думаю, что это была смерть Ворона. Пошли.

Мы схватили Асу за руки. Крутому было приказано раздобыть лошадей и провиант. Кеглю я послал к Лейтенанту — предупредить, что нас не будет до завтра. Я дал Крутому пригоршню серебра из сундучка Ворона. Глаза Асы слегка округлились. Если он и не смекнул, откуда мы взяли деньги, то монеты наверняка узнал.

— Ребята, вы не можете меня принуждать, — заявил он. — У вас тут прав не больше, чем у любого бродяги. Мы выйдем на улицу, и стоит мне только крикнуть...

— Как ты немедленно об этом пожалеешь, — пообещал Одноглазый. Он произвел какие-то манипуляции, и с пальцев заструился неяркий лиловый свет. Он превратился во что-то змееподобное, извиляющееся вокруг рук. — Эта штука заберется тебе в ухо и выест глаза изнутри. Только попробуй вякнуть, и я напущу ее на тебя.

Аса сглотнул и стал более сговорчив. Конечно, он ждал от нас самых неприятных сюрпризов. Слишком много времени провел в обществе злодеев.

Через полчаса Крутой привел лошадей. Еще через полчаса появился Кегля — и где его черти носили? Одноглазый так на него зыркнул, что он побледнел от страха и схватился за меч.

— Двинулись, — прорычал я.

Иной зверь, будучи ранен, кусает себя за бока. Мне не нравилось, когда Черный Отряд уподоблялся такому зверю. Я задал хороший темп, надеясь, что люди быстро устанут и прекратят грызню.

Указания Асы оказались вполне вразумительными, было довольно легко им следовать. Заметив, что я доволен, Аса попросил его отпустить.

— Так неохота приближаться к этому месту? Почему? Там что-то страшное?

Чтобы развязать Асе язык, пришлось немного надавить. Одноглазый опять продемонстрировал змею.

— Я там побывал, когда смотался из Можжевельника. Потому что вы, ребята, не поверили мне насчет Ворона. Я подумал: может, вы все-таки правы и он меня одурачил? Вот и решил сходить и посмотреть. И...

— И?

Он оглядел нас, оценивая наше расположение духа.

— Здесь творится та же чертовщина. Этого не было, когда погиб Ворон. А сейчас есть.

— Чертовщина? — спросил я. — Что за чертовщина?

— Как Черный замок. Аккурат там, где умер Ворон. Посреди поляны.

— Хитрец, — сердито проворчал Одноглазый. — Пытался в ад нас всех спровадить. Я его точно прирежу, Костоправ.

— Не спеши, пусть еще поживет.

На протяжении всей следующей мили я допрашивал Асу с пристрастием. Ничего полезного он больше выдать не смог.

Крутой, прекрасный разведчик, двигался немного впереди. Он вскинул руку. Я подъехал к нему.

— Мы за кем-то идем, — сказал он, показывая на тропу. — Он совсем близко. — Крутой слез с лошади, ткнул палкой в кучку навоза и вразвалку пошел по тропе. — Скотина крупная: мул или конь-тяжеловоз.

— Аса!

— А? — пискнул тот.

— Что там, впереди? Куда направляется этот тип?

— Да ничего там нет вроде. Может быть, это охотник? Они постоянно дичь продают на рынке.

— Может, и охотник.

— Ну конечно, — саркастически произнес Одноглазый, поигрывая с лиловой змеей.

— Как насчет тишины, Одноглазый? По идее, никто не должен нас услышать. Аса, далеко еще?

— Пара миль. Может, все-таки отпустите? Я успею вернуться в город до темноты.

— Нет, ты идешь с нами. — Я взглянул на Одноглазого.

Он выполнил мою просьбу. Теперь можно было разговаривать, не перекикивая его.

— Садись на лошадь, Крутой. Тот ездок один.

— Но кто он, а, Костоправ? Что, если черный гад из замка? Если в Можжевельнике из ниоткуда появился целый батальон тварей, то почему бы им не быть и здесь?

Раздался сдавленный звук, означающий, что Аса думает аналогично. Теперь понятно, почему он так рвется назад.

— Аса, ты кого-нибудь заметил, когда был там?

— Нет. Но видел утопанную траву, — похоже, туда кто-то часто навевается.

— Одноглазый, когда придем, будь повнимательней. Ни к чему нам лишние сюрпризы.

— Почти добрались, — через двадцать минут сказал Аса. — Еще пара сотен ярдов вдоль ручья. Можно мне здесь остаться?

— Прекрати задавать глупые вопросы.

Я посмотрел на Крутого, опять показывающего на следы. Кто-то по-прежнему двигался перед нами.

— Спешиваемся. И прекратить болтовню. Дальше объясняться только знаками. Ты, Аса, не вздумай вообще открывать рот.

Мы спешились, приготовили оружие и под прикрытием магии Одноглазого пошли вперед.

Мы с Крутым первыми достигли поляны. Я усмехнулся, махнул Одноглазому и показал пальцем. Он тоже оскалился. Пару минут я дожидался удобного момента, потом шагнул вперед, встал за спиной человека и схватил его за плечо:

— Маррон Шед.

Он взвизгнул и попытался убежать, одновременно выхватывая нож. Кегля с Крутым поймали его и повалили на землю. Тем временем я присел там, где Шед только что рассматривал разбросанные человеческие кости.

Опушка. Поляна

Я взглянул на Шеда. Он уже перестал трепыхаться.
— Встретились раньше, чем ты рассчитывал?

Он что-то залепетал. Я понимал слабо, потому что Шед говорил о нескольких вещах одновременно. О Вороне, о тварях из замка, о его надеждах на новую жизнь. В общем, все в кучу.

— Успокойся и давай потише. Мы на твоей стороне.

Я объяснил ему ситуацию и добавил, что на поиски Душечки у нас есть четыре дня. Ему оказалось трудновато поверить в то, что девочка, работавшая в «Железной лилии», не кто иная, как Белая Роза, вдохновительница мятежников. Я не спорил, а просто излагал факты.

— Четыре дня, Шед. А потом здесь объявится Госпожа со Взятymi. И не изволь сомневаться, тобой она тоже интересуется. Теперь им известно, что мы их обманули, инсценировав твою смерть. С тех пор они наверняка допросили достаточно знающих людей и выяснили, что происходит. Мы боремся только за свою жизнь, Шед. — Я посмотрел на черную глыбу и добавил, ни к кому конкретно не обращаясь: — А эта пакость ни на йоту не поспособствует нашему спасению.

Я снова взглянул на кости:

— Крутой, иди сюда, попробуй что-нибудь из этого извлечь. Одноглазый, займись Асой, восстанови все, что он видел в тот раз. Кегля, ты для них сыграешь Ворона. Шед, пойдем со мной.

Я был доволен. Шед и Аса делали, что я им велел. Шеда, конечно, наше появление потрясло до глубины души, но он не ударился в панику. Пока Крутой пядь за пядью исследовал землю, я наблюдал за тавернщиком. Казалось, Шед возмужал, найдя в себе что-то такое, чего не могло произрасти на бесплодной почве Можжевельника.

— Послушай, Костопправ, — зашептал он, — я ничего не знаю о ваших разногласиях с Госпожой и не представляю, как вы будете искать Душечку. Меня это не волнует. — Он ткнул пальцем в черную глыбу. — Но что вы собираетесь делать вот с этим?

— Хороший вопрос.

Не надо было объяснять Шеду, что это за камень. Его наличие означало, что Властелин не потерпел в Можжевельнике полного поражения. Он заранее подготовил отступление. Теперь здесь растет еще один портал. И быстро растет. Аса правильно делает, что боится тварей из замка. Властелин понимает: ему надо торопиться. Хотя едва ли он ожидал такого скорого разоблачения.

— По большому счету, от нас тут ничего не зависит, — ответил я Шеду.

— Но вы должны что-нибудь предпринять. Послушай, я знаю их, имел с ними дело. Какую пакость они сотворили со мной, с Вороном и Можжевельником... Черт побери, Костопправ, ты не можешь допустить, чтобы это началось опять.

— Я не говорил, что буду сидеть сложа руки. Только объяснил, что наши возможности более чем скромны. Ты же не потребуешь от мужика с перочинным ножом в руках вырубить лес и отстроить город. Для серьезного дела нужны серьезные инструменты.

— А у кого они имеются?

— У Госпожи.

— Тогда...

— Всему есть предел, дружище. Я не собираюсь подыхать за Опушку. И мои товарищи не полягут тут ради людей, которых мы даже не знаем. Может, у нас и есть перед кем-то нравственный долг, но вряд ли он так уж велик.

Шед заворчал, понимая, но не принимая моих доводов. Я удивился. Даже без слов понятно, что таверщик решил объявить священную войну. Преступник пытается заслужить прощение. Да, Шеду не позавидуешь. Но придется Шеду обойтись без Черного Отряда и без меня.

Я наблюдал за тем, как Одноглазый с Асой и Кеглей повторяли все, что делал в тот день Ворон. Мне не казалось, что в истории Асы концы не сходятся с концами. Может, Одноглазому удастся что-нибудь разнюхать? Если кто и способен обнаружить зацепку, так это он. Все-таки колдун.

Я вспомнил, что Ворон был мастаком на всякие фокусы. Очень интересным был трюк с появляющимся из ниоткуда ножом. Имелись у него и особые приемчики, ими он развлекал Душечку.

— Глянь, Костоправ, — позвал Крутой.

Я посмотрел и не заметил ничего необычного.

— Что такое?

— Да вот же, в траве. Идет в сторону камня. Уже почти незаметно, но все-таки можно разглядеть. Какой-то след. — Он раздвинул стебли.

Некоторое время я безуспешно напрягал глаза. Потом заметил что-то едва поблескивающее, как старый след улитки. При ближайшем рассмотрении стало понятно: он начинается примерно там, где должно было располагаться сердце трупа. Пришлось немного потрудиться, потому что воронье сильно растерзало останки.

Я изучил руку, которая полностью лишилась плоти. На пальцах сохранились кольца. Вокруг лежали металлические детали снаряжения и несколько ножей.

Наконец Одноглазый с Кеглей дошли до костей.

— Ну? — спросил я.

— Может быть, может быть... Ложный след, пара ярмарочных фокусов... Но я не знаю, как он это проделал... Если проделал.

— У нас есть труп. — Я указал на кости.

— Это он, — настаивал Аса. — Смотрите, на нем же кольца. А это пряжка от его ремня. И ножи...

Но в голосе звучала нотка сомнения. Аса все-таки склонялся к моей версии.

А я все ломал голову, почему превосходный новый корабль остался невостребованным.

— Крутой, поищи следы; может, кто-то уходил с поляны в других направлениях. Аса, говоришь, что драпанул, как только увидел, что случилось с Вороном?

— Ага.

— Так... Давайте-ка сосредоточимся и просто попытаемся выяснить, что здесь произошло. Похоже, у этого покойника было при себе кое-что, и оно превратилось вот в это. — Я ткнул пальцем в черную глыбу.

Странно, но было довольно легко не обращать внимания на зловещее сооружение. Я так долго ошивался вокруг его увеличенной копии, что в конце концов стал невосприимчив к леденящему ужасу, который та излучала. Если человек способен привыкнуть к работе забойщика скота или, как я, к профессиям солдата и хирурга, он привыкнет к чему угодно.

— Аса, ты якался с Вороном. Шед, он жил у тебя пару лет, и вы были партнерами. Что за вещь он взял с собой из Можжевельника? Что могло ожить и превратиться вот в это?

Они покачали головами и опять устали на кости.

— Думайте, шевелите мозгами, — приказал я. — Шед, эта вещь наверняка была при Вороне еще до того, как ты с ним спелся. Он перестал ездить в Черный замок задолго до своего бегства на юг.

Прошла минута или две. Крутой обшаривал поляну по периметру. У меня почти не было надежды, что ему удастся обнаружить какие-то следы — слишком уж много времени утекло. Я не был следопытом, но зато хорошо знал Ворона.

Аса вдруг ахнул.

— Что такое? — спросил я.

— Здесь все. Ну, весь металл. Даже пуговицы. Кроме одной вещи.

— Что за вещь?

— Кулон, который он носил. Я видел его всего пару раз... В чем дело, Шед?

Я обернулся. Шед схватился за грудь со стороны сердца. Он издавал нечленораздельное мычание. Его руки теребили рубашку.

Я подумал, что его кто-то ранил. Но когда я подскочил, чтобы помочь, Шед наконец разделся с рубахой и схватился за то, что висело у него на шее. Это была штуковина на цепочке. Он изо всех сил рванул цепь. Та не поддавалась.

Я заставил его снять цепь через голову, с трудом извлек ее из сгущающихся пальцев и передал Асе.

Тот слегка побледнел.

— Да, это он.

— Серебро, — определил Одноглазый и с намеком посмотрел на Крутого.

Для него имеет значение только это. Может, он и прав.

— Крутой! Иди сюда. — Одноглазый повернулся к свету, чтобы рассмотреть вещь получше. — Ручная работа, — пробормотал он.

И тут Одноглазый отшвырнул вещицу, а сам взвизгнул и, как жаба с листа кувшинки, сиганул в другую сторону.

Вспышка. Я крутанулся на месте. Две твари стояли у черной глыбы. Шед разразился проклятиями, Аса заорал, мимо меня пронесся Кегля. Достигнув монстров, он глубоко вогнал меч в одного из них. Я сделал то же самое. Почему-то это оказалось легче, чем в прошлый раз, когда мы столкнулись с ними в Можжевельнике.

Мы продырявили одну и ту же тварь. И тотчас высвободили оружие.

— Шея! — воскликнул я. — Надо вену на шее...

Одноглазый был уже на ногах, готовый к действию.

Позже он объяснил: когда боковым зрением заметил движение, успел отскочить от брошенного предмета. Твари знали, кто из нас наиболее опасен и кого надо обезвредить первым.

Крутой обрушился на чудовище сзади. К моему удивлению, его примеру последовал и Шед. Он подскочил с длинным ножом в руке, пригнулся и принялся сечь монстру поджилки.

Все закончилось быстро. Одноглазый дал нам несколько мгновений, которые были так необходимы. Твари поупирались, но в конце концов подошли. Последняя взглянула на тавернщика и улыбнулась.

— Маррон Шед, — сказала она, — тебя не забудут.

Того затрясло.

— Что, Шед, знакомого встретил? — спросил Аса.

— Это тот, кому я отдавал трупы. Кроме одного раза.

— Постой-ка, — перебил его я. — Из Можжевельника удрала только одна тварь. Сомнительно, что именно та, которая тебя знала...

Я умолк, заметив нечто удивительное.

А именно сходство монстров. Вплоть до шрамов через всю грудь, обнажившихся, когда я задрал черные одежды. У того гада, которого мы с лейтенантом волокли вниз по холму после схватки у ворот замка, был точно такой же шрам.

Пока все унимали дрожь в коленках, Одноглазый подошел к Крутому:

— Нашел что-нибудь серебряное возле костей?

— Гм...

Одноглазый поднял кулон Шеда:

— Вроде этой штучки? Кстати, именно она прикончила беднягу.

Крутой хватанул ртом воздух и полез в карман. Он подал кулон, точно такой же, как у Шеда, только на этом у змей не было глаз.

— Ну да, — протянул Одноглазый и снова повернул кулон Шеда к свету. — Ну да. Все дело в глазах. В урочное время, в урочном месте...

В ту минуту меня больше всего интересовало, чего еще можно ожидать от черного камня. Я кликнул Крутого, обогнул глыбу и обнаружил вход. Больше всего он был похож на лаз в глинобитную лачугу. Наверное, пока глыба не вырастет до размеров настоящего замка, ворота здесь не появятся. Я показал на следы:

— О чем они тебе говорят?

— Они говорят о том, что здесь часто ходят и нам пора убираться. Внутри еще много таких тварей.

— Разумно.

Мы вернулись к остальным. Одноглазый заворачивал кулон Шеда в тряпицу.

— Вернемся в город, я запечатаю это в железную коробку и утоплю в гавани.

— Разломай эту штуку, Одноглазый. Зло всегда найдет щель, чтобы выбраться на свободу. Властелин — отличный пример.

— Да, хорошо. Если смогу.

Готовясь покинуть гнусное место, я вспомнил, как Эльмо провалился в Черный замок. Ох как не хочется остаться здесь на ночь! Еще до темноты мы успеем одолеть больше половины пути до города. В Опушке, как и в Можжевельнике, нет ни городских стен, ни ворот. Так что снаружи мы не останемся.

Мысли об Эльмо лежали где-то на задворках памяти, пока созрели в догадку, поразившую меня.

Дерево обеспечивает продолжение своего рода, производя миллионы семян. Хоть одно наверняка выживет, и на свет появится новое дерево. Перед моими глазами встала картина штурма замка, когда большая толпа хлынула через крепостные ворота внутрь. Я со всей ясностью представил, как бойцы там находят горы серебряных кулонов и набивают добычей карманы...

Наверняка так и случилось. Замок был обречен. Властелин узнал об этом даже раньше самой Госпожи.

Мое уважение к этому дьяволу окрепло. Коварный мерзавец.

И только когда мы выехали обратно на Колдобинский тракт, я вспомнил, что надо спросить у Крутого, обнаружил ли он следы, ведущие с поляны в других направлениях.

— Нет, — ответил Крутой. — Но ведь это ничего не значит.

— Кончайте языками чесать, — проворчал Одноглазый. — Шед, ты бы заставил своего чертова мула шевелиться.

Ему было страшно. А если страшно ему, то мне и подавно.

Опушка. По горячим следам

Мы достигли города. Я готов поклясться, что чуял, как кто-то крадется за нами по пятам, пока мы наконец не въехали на освещенные улицы.

Мы добрались до нашего жилья и обнаружили его совершенно пустым. Где ребята? Захватывают корабль Ворона, понял я.

Я совсем забыл об этом. Да, корабль... А Молчун идет по следу Ворона. Где он сейчас? Черт! Рано или поздно Ворон приведет его на поляну... Хотя это шанс узнать, ушел оттуда Ворон живым или нет.

А еще это риск потерять Молчуна.

— Одноглазый, ты можешь связаться с Молчуном?

Он посмотрел на меня с удивлением. Колдун сильно устал, ему очень хотелось спать.

— Если он повсюду следует за Вороном, то скоро отправится на поляну.

Одноглазый застонал и шумно выразил сугубо отрицательное отношение к происходящему. Затем порылся в своем чародейском мешочке и извлек что-то сильно похожее на высушенный палец. Отошел в угол и забормотал.

— Я найду его, — сказал Одноглазый, вернувшись к нам.

— Спасибо.

— Ага. А ты сволочь. Мне бы заставить тебя пойти со мной.

Я уселся перед камином с большой кружкой пива и погрузился в мысли. Через некоторое время повернулся к Шеду.

— Надо туда вернуться, — сказал я ему.

— Мм?

— С Молчуном.

— А кто такой Молчун?

— Он тоже из Черного Отряда. Колдун, как Одноглазый и Гоблин. Он идет по следу Ворона, повторяя каждое движение, которое

тот совершил с момента прибытия сюда. Молчун надеется разыскать Ворона или, по крайней мере, выяснить, действительно ли он собирался надуть Асу.

— Вернемся, раз надо, — пожал плечами таверщик.

— Гм... Ты меня поражаешь, Шед. Так изменился...

— Может быть, следовало это сделать раньше. Я знаю только одно: то, что случилось со мной в Можжевельнике, не должно повториться ни с кем другим.

— Ты прав.

Я ни слова не сказал о картине, нарисовавшейся в моем воображении: как тысячи людей тащат кулоны из замка. У Шеда была миссия, и я не считал необходимым убеждать старика в ее невыполнимости.

Я спустился вниз и попросил у хозяина еще пива. От пива меня клонит ко сну, и теперь это было кстати. Мне не давала покоя одна мысль, и поделиться ею я ни с кем не мог. Товарищам она бы не понравилась.

Еще через час я сходил до ветра и потащился в свою комнату, больше угнетенный перспективой возвращения на поляну, чем тем делом, которым решил заняться безотлагательно.

Хотелось спать — уж не знаю, из-за пива или нет. Не в силах расслабиться, я продолжал попытки дотянуться до Госпожи. Безрезультатно.

Дурацкая надежда, что Госпожа откликнется, была, конечно, безосновательна. На черта ей откликаться, если я отверг ее покровительство? Проще забыть обо мне до тех пор, пока вассалы не поймут меня и не приведут закованного в цепи.

Наверное, связь на неподвластном осознанию уровне все-таки существует. Решив еще раз проверить, я очнулся от полусна и обнаружил висящее надо мной золотистое облако. Или может быть, я и не просыпался. Никогда не удавалось понять, как это происходит. После все вспоминается как сон.

Я не ждал, пока она начнет разговор. Быстро выложил все, что узнал о черной каменной глыбе в Опушке. Высказал предположение, что войска теперь разносят заразу Черного замка.

— И это говоришь мне ты, решивший стать моим врагом?

— Я не хочу стать твоим врагом. Это случится, если у меня не будет другого выбора. — Чтобы прекратить нелепый спор, я опять перешел к делу. — Заразу надо уничтожить, в мире и так предостаточно зла. Но своими силами нам не справиться. — Не называя имен, я сообщил, что мы нашли кулон у жителя Можжевельника.

И предложил оставить эту штуковину там, где Госпожа по прибытии без труда ее обнаружит.

— По прибытии?

— А ты разве еще не в пути?

Легкая улыбка, говорящая о том, что Госпожа разгадала мой блеф. И никакого ответа. Только вопрос:

— Где вы будете?

— Далеко. Очень далеко, в дороге.

— Ладно, посмотрим. — Золотое сияние погасло.

Было еще кое-что, о чем мне хотелось поведать, но все это не по делу. Были и вопросы, которые я не задал.

— Я в долгу лишь перед тобой одним, лекарь, — раздался тихий шепот, и последний золотой блик исчез.

Вконец измученный Одноглазый приплелся только к восходу солнца. Довольно помятый вид имел и Молчун, пришедший с ним. Продвигаясь по следу Ворона, он не позволил себе ни малейшей передышки.

— Перехватил его как раз вовремя, — сказал Одноглазый. — Еще час — и он ушел бы из города. Я убедил его подождать до утра.

— Ага. Ну что ж, давайте всех будить. Сегодня надо рано выйти, чтобы вернуться до темноты.

— Чего?!

— Разве я не ясно выразился? Мы снова идем туда. Прямо сейчас. Один из отпущенных нам дней уже потерян.

— Костоправ, имей же совесть! Я еле жив от усталости. Помру, если заставишь меня...

— Поспишь в седле. Что-что, а дрыхнуть ты везде горазд.

— О моя больная задница...

Спустя час мы снова двигались по Колдобинскому тракту. Теперь с нами были Молчун и Масло. Шед навязался с нами, хотя я разрешил бы ему остаться. Аса решил, что тоже должен поехать. Возможно, надеялся, что таверник ему прикроет спину. Коротышка даже заговорил о своей миссии в манере Шеда, но даже глухой услышал бы в его словах откровенную фальшь.

На этот раз мы двигались быстрее, погоняя лошадей. Шеда тоже посадили в седло. К полудню уже были на поляне. Пока Молчун исследовал окрестности, я заставил себя подняться на ноги и получше рассмотреть черную глыбу.

Без перемен. За тем исключением, что две мертвые твари исчезли. Их утащили в дыру, — чтобы это увидеть, не требовался зоркий глаз Крутого.

След довел Молчуна до того места, где протоптанная тварями тропа уходила в лес. Он поманил меня, я подбежал, и даже не пришлось разбирать жестикуляцию. Чтобы понять, достаточно было взглянуть на его физиономию.

— Нашел? — спросил я с бодростью в голосе, которой вовсе не испытывал.

А я ведь уже поверил, что Ворон мертв.

Молчун кивнул.

— Эгей! — позвал я. — Мы нашли! Давайте сюда лошадей.

Все собрались. Аса выглядел изрядно обалдевшим.

— И как же он это сделал? — спросил коротышка.

Ему не ответили. Кое-кто из наших недоумевал, чей же тогда скелет лежит на поляне и как получилось, что на нем кулон Ворона. Я же диву давался, насколько совпадали план бегства Ворона и намерение Властелина заложить новый Черный замок.

Только Одноглазый был склонен поговорить, а вернее, поныть всласть:

— Если пойдем по следу, наверняка не вернемся в город до темноты.

Вслед за этим колдун произнес еще много слов, в основном о том, как он устал и как ему все надоело. Никто не обращал на него внимания. Даже те, кому удалось отдохнуть, были порядком измотаны.

— Веди нас, Молчун, — сказал я. — Масло, не хочешь присмотреть за его лошадьё? Одноглазый, будешь прикрывать сзади, чтобы никаких сюрпризов оттуда.

Некоторое время тропу даже и тропой было трудно назвать — всего лишь просвет в зарослях кустарника. Мы уже почти выдохлись, когда наткнулись на более приличную дорожку. Ворон тоже должен был сильно устать. Наверное, поэтому он и перебрался на этот проселок, и пошел по нему через холм, вдоль ручья, потом опять на холм. Затем он свернул на малозаметную тропу, тянувшуюся вдоль опушки в сторону Колдобинского тракта. В последующие два часа нам встретилось несколько развилок, на каждой из которых Ворон выбирал тот путь, что ближе к западному направлению.

— Этот мерзавец пошел обратно к большаку, — сказал Одноглазый. — Надо было сразу догадаться и не продираться через заросли.

Люди зарычали на него. Нытье ужасно раздражало. Даже Аса метнул злобный взгляд через плечо.

Без сомнения, Ворон предпочел длинный путь. По моим прикидкам, мы проехали по крайней мере десять миль, прежде чем пересекли границу леса и вышли на открытую местность, откуда подход к большой дороге более удобен. Справа от нас было несколько

ферм, вдали, прямо, виднелась голубая дымка моря. Вокруг все было окрашено в коричневые тона. В Опушку пришла осень, уже опали листья. Аса показал на кленовую рощицу и пообещал, что через неделю она станет чудо как хороша. Странно. От людей, подобных ему, трудно ожидать проявлений любви к прекрасному.

— Глядите. — Масло показал на группу домишек в миле к югу от нас. — Не похоже на ферму. Держу пари, это придорожный трактир, — сказал он. — И Ворон шел именно туда.

— Молчун?

Тот кивнул, но увильнул от однозначного ответа. Он хотел проследить путь Ворона до конца, чтобы исключить ошибку. Мы уселись на лошадей, предоставив Молчуну прогуляться пешком по следу. Лично мне эти шатания по округе уже осточертели.

— Может, там и заночуем? — спросил Одноглазый.

Я посмотрел на солнце:

— Сам об этом думаю. Как считаешь, там не опасно?

Он пожал плечами:

— Дым из труб идет, с виду все спокойно.

Прямо-таки мои мысли читает.

Проезжая мимо ферм, я рассматривал хозяйственные постройки, искал признаки пребывания гадов из замка. Ничего подозрительного; жизнь здесь, похоже, течет своим чередом. Вероятно, твари предпочитали орудовать в городе, где их присутствие вызывало меньше паники.

След Ворона выходил на дорогу в полумиле от построек, которые Масло принял за трактир. Осмотревшись, я не смог определить, как далеко мы ушли от двенадцатой мили. Молчун дал понять, что Ворон повернул на юг. Мы двинулись в ту сторону и вскоре миновали шестнадцатимильную веху.

— Долго ты еще собираешься нас мучить, Костоправ? — спросил Одноглазый. — Говорю тебе, он встретился здесь с Душечкой и просто двинул дальше.

— Да, похоже на то. Сколько отсюда до Колдобинского тракта, кто-нибудь знает?

— Двести сорок семь миль, — ответил Кегля.

— И все по дикой местности? Похоже, на легкую прогулку рассчитывать не приходится. Бандиты и все такое прочее.

— Ну, я о них никогда не слышал, — сказал Кегля, — хотя там есть горы, и довольно крутые. Через них долго будем перебираться.

Я прикинул в уме. Скажем, требуется три недели, чтобы преодолеть это расстояние, не особо напрягаясь. А Ворон не может гнать, потому что с ним Душечка и бумаги.

— Повозка! У него должна быть повозка.

Молчун уже был в седле. Мы быстро достигли построек и убедились, что Масло прав: это самый настоящий трактир. Когда спешили, из дома вышла девочка. Посмотрела на нас и с круглыми от страха глазами кинулась обратно. Если мы и не смахивали на настоящих головорезов, то все равно выглядели достаточно зловеще.

Одергивая фартук, из дома вышел толстяк. Его озабоченная физиономия явно колебалась в выборе: то ли еще пуще покраснеть, то ли, наоборот, побледнеть.

— Добрый день, — сказал я. — Здесь найдется какой-нибудь корм для нас и для наших лошадей?

— И вино, — добавил Одноглазый, расстегивая подпругу. — Я проглочу целый галлон. И пуховая перина.

— Пожалуй, найдется.

Понять речь трактирщика было непросто. У Опушки и Можжевельника общий язык, и в городе изъясняться достаточно просто — по причине тесных торговых связей. Но этот мужик говорил на сельском диалекте, и его речь имела совсем иной ритм.

— И заплатить можете?

Я сунул ему пару серебряных монет.

— Если этого не хватит, скажешь. — Я накинул повод на перила крыльца, взобрался по ступеням и похлопал хозяина по руке. — Не беспокойся, мы не бандиты, а солдаты. Тут кое-кто недавно проходил, вот мы и идем по следу.

Он недоверчиво надулся. Было ясно как божий день, что мы не служим князю Опушки.

Трактир оказался вполне уютным, и, хотя у толстяка было несколько дочек, ребята вели себя прилично. Когда мы поели и большинство отправилось отдыхать, хозяин слегка успокоился.

— Ответишь на пару вопросов? — Я положил на стол серебряную монету.

Он уселся напротив и упер в меня подозрительный взгляд над огромной пивной кружкой. С момента нашего прибытия трактирщик осушил ее по крайней мере шесть раз. Понятно, откуда у него такая талия.

— Что ты хочешь знать?

— Вон тот длинный ищет свою дочь.

— Гм?

Я указал. Молчун устроился как дома, усевшись на полу перед камином. И даже задремал.

— Глухонемая девочка. Недавно она проходила по этой дороге. Или ехала в телеге. Возможно, встречалась здесь с парнем.

Я описал Ворона.

Лицо трактирщика застыло. Он вспомнил. И конечно не захотел об этом говорить.

— Молчун!

Тот подскочил как ужаленный. Я объяснил знаками. Молчун зловеще оскалился.

— Может, и не сильно похож мой приятель на колдуна, но он колдун, самый настоящий. Теперь слушай и решай. Парень, который здесь побывал, вероятно, сказал тебе, что вернется и перережет глотку, если ты кому-нибудь про него расскажешь. Но он сейчас далеко. Зато здесь Молчун, и у него есть пара заклинаний. Твои коровы перестанут давать молоко, поля станут бесплодными, прокиснет все вино и пиво.

Молчун показал простенький фокус из тех, которыми они с Гоблином и Одноглазым обычно забавляются. По залу поплыл светящийся шар, тычась во все подряд, как любопытный щенок.

Это убедило хозяина, он даже не обвинил меня в шарлатанстве.

— Ладно-ладно! Все верно, они здесь были. Нынешним летом посетителей у меня хватало, так что этих двух я бы и не запомнил, если б девочка, как ты говоришь, не была глухонемой, а тот парень чересчур резким. Она появилась утром, будто всю ночь была в пути. Приехала на повозке. Парень пришел вечером. Переночевали, а наутро отправились дальше. — Он посмотрел на мою монету. — Гляди-ка: они платили такими же странными деньгами.

— Ага.

— Наверное, издалека путь держат?

— Угу. А куда направились?

— На юг. По дороге. Судя по вопросам, что задавал тот парень, они направлялись в Дымоход.

Я удивленно поднял бровь. Никогда не слышал такого названия.

— Это на побережье, за Колдобиной. Из Колдобины надо ехать по Иголкину тракту до Иглы. Оттуда — к Тяглу. Где-то южнее Тягла есть развилка, там нужно повернуть на запад. Дымоход на Соленом полуострове; где точно — не скажу, знаю о нем только по слухам.

— Гм... Ничего себе прогулка. Как думаешь, сколько дотуда?

— Сейчас... Двести двадцать четыре мили до Колдобины. Еще примерно двести до Иглы. Тягло миль на восемьдесят дальше. А может, и на двести восемьдесят, плохо помню. Та развилка должна быть в сотне миль за Тяглом. Потом до самого Дымохода... Даже не представляю, сколько это. Ну, по крайней мере еще сотня. А может, и две или три. Я как-то видел карту. Тот парень показывал. Полуостров выпирает в море, как большой палец.

К нам присоединился Молчун. Он достал остро заточенный огрызок карандаша, клочок бумаги и заставил хозяина все повто-

речь еще раз. Молчун нарисовал грубую карту и откорректировал ее, опираясь на рассказ толстяка. Затем принялся выписывать колонку цифр. В результате приблизительное расстояние от Опушки получилось около девятисот миль. Нацарапав последнюю цифру, Молчун поставил знак «плюс» и вывел слово «дни». Я кивнул.

— Это займет у них не менее четырех месяцев, — сказал я. — Даже побольше, если они будут останавливаться в каждом городе на отдых.

Молчун провел прямую линию от Опушки до кончика Соленого полуострова и написал: «Прибл. 600 миль, 6 миль в час — 100 часов».

— Да, — сказал я. — Да. Вот почему корабль здесь. Он ждет. Надо будет завтра поговорить с командой. Спасибо, хозяин. — Я придвинул к нему монету. — Здесь в последнее время ничего странного не происходило?

На его лице появилась кривая улыбка.

— До сегодняшнего дня — нет.

— Понятно. Но я имею в виду что-нибудь вроде исчезновения соседей.

Он покачал головой:

— Ничего такого. Правда, я уже давно не видел Кротодера, но это еще ничего не значит.

— Кротодера?

— Охотник. Промышляет в лесах к востоку отсюда. В основном пушнина. Заглядывает ко мне, когда нужна соль или еще что-нибудь. Он появляется от случая к случаю, но в этот раз что-то долго его нет. Обычно он в начале листопада запасается у меня на зиму. Я было подумал, что это он, когда ваш приятель ввалился в дверь.

— Что? Какой приятель?

— Ну тот, за кем вы охотитесь. Который увел дочку этого парня...

Мы с Молчуном переглянулись.

— Не рассчитывай больше на встречу с Кротодером, — сказал я. — Наверняка он уже мертв.

— С чего ты взял?

Я вкратце поведал ему историю о том, как Ворон инсценировал собственную смерть и для убедительности оставил труп.

— Нехорошо... Ох, плохо так поступать. Надеюсь, вы спасаете его. — Хозяин таверны хитро сощурился. — А вы, ребята, случайно не из той банды, что заявила из Можжевельника? Всяк, кто идет на юг, рассказывает, как вы...

Мрачный взгляд Молчуна заставил его заткнуться.

— Пойду вздремну, — сказал я. — Если никто из моих людей не встанет, разбудись меня на рассвете.

— Да, сударь, — пообещал хозяин. — И завтрак будет отменным.

Опушка. Беда

Завтрак действительно был неплох. Я отблагодарил хозяина еще одной серебряной монетой. Наверняка он принял меня за сумасшедшего.

Проехав полмили по дороге, Одноглазый обратился ко мне.

— Вот так просто и оставишь их? — спросил он.

— Кого?

— Этих людей. Первый же Взятый, решивший прогуляться по этой дороге, немедленно узнает все, что мы тут делали.

У меня сжалось сердце. Было ясно, к чему клонит Одноглазый. Я и сам уже ломал голову над этой проблемой, но не пришел ни к какому решению.

— Ну узнает, и что? — спросил я. — Все равно мы уходим из Опушки.

— Но в Опушке-то никому не известно, куда мы направляемся... Слушай, Костоправ, мне эта мысль нравится не больше, чем тебе. Но где-то нам придется оборвать след. Ворон этого не сделал, а мы идем за ним.

— Да... Понимаю.

Я взглянул на Асу и Шеда. Им тоже не слишком нравился такой расклад. Аса уж точно считал, что следующим будет он.

— Мы не можем их взять с собой, Костоправ.

— Знаю.

Он развернулся и поскакал назад. Один. Даже Масло, никогда не испытывавший угрызений совести, не пошел с ним.

— Что он затеял? — спросил Аса.

— При помощи магии заставит их все забыть, — соврал я. — Поехали, он догонит.

Шед упер в меня дикий взгляд. Таким же он, наверное, одарил Ворона, когда узнал, что тот занимается трупным промыслом. Но вслух ничего не сказал.

Одноглазый появился часом позже. Он взорвался смехом.

— Их там нет, — сказал колдун. — Исчезли все, до последней собаки и коровы. Ушли в лес. Чертовы крестьяне!

Он засмеялся опять, почти истерически. Похоже, ему здорово полегчало.

— Осталось меньше двух дней, — сказал я. — Надо поднажать. Чем больше у нас будет форы из Опушки, тем лучше.

Спустя пять часов мы достигли окраин. Не так скоро, как мне хотелось. Углубившись в город, сбавили темп. Наверное, не только я, но и все остальные почувствовали: что-то не так.

Наконец я остановился:

— Кегля, вы с Асой пройдите по округе и узнайте, что слышно. Мыгподождем вон там, у фонтана.

На улицах не было детей. Взрослые казались растерянными. Прохожие обходили нас самой дальней стороной.

Кегля вернулся через две минуты. И без своей обычной дурацкой болтовни. Хихоньки да хахоньки кончились.

— Беда, Костоправ. Утром здесь объявились двое Взятых. В порту большая заваруха.

Я посмотрел в сторону порта. Размазанная дымка, как после большого пожара. И на западе, в том направлении, куда дует ветер, небо грязного цвета.

Аса появился минутой позже. Он принес те же вести и еще кое-что.

— Они сцепились с князем. И похоже, драка еще не кончилась.

— Да с чего бы им драться? — удивился Одноглазый.

— Не знаю, — ответил я. — Даже Госпожа не может быть повсюду одновременно. Но как, черт возьми, Взятые добрались сюда так быстро? У них же ни одного ковра.

— По суше, — сказал Шед.

— По суше? Но...

— Этот путь короче, чем по морю. Дорога прямая. Если гнать лошадей днем и ночью, можно уложиться в два дня. В моем детстве здесь часто устраивали конные бега. Пока не пришел к власти новый герцог.

— Сейчас это уже не важно. Так что дальше?

— Надо выяснить, что произошло, — сказал Одноглазый. — Если Гоблин дал себя прикончить, я ему, придурку, шею сверну, — мрачно пообещал он.

— Хорошо. Но как мы это сделаем? Взятые нас знают.

— Я пойду.

Невозможно представить более суровых взглядов, чем те, которыми мы одарили Маррона Шеда. Он даже струсил на мгновение. Но заговорил опять:

— Я не дамся им в руки. К тому же они меня никогда не видели. Даже внимания не обратят.

— Ладно, — сказал я, — двигай.

— Костоправ...

— Придется поверить ему, Одноглазый. А иначе пойдешь ты.

— Ну уж нет! Шед, если обманешь, я до тебя доберусь, даже если придется восстать ради этого из могилы.

Шед слабо улыбнулся и тронулся в путь. На своих двоих — по улицам Опушки мало ездят на лошадях.

Мы нашли таверну и устроились там, оставив на улице двоих караулить. Шед вернулся уже после захода солнца.

— Ну? — спросил я, дав знак, чтобы принесли еще кружку пива.

— Ничего хорошего. Влипли вы, ребята. Лейтенант увел корабль в море. Десятка два, два с половиной ваших убито, остальные уплыли. Князь потерял...

— Нет, не все уплыли, — ткнул в Шеда пальцем Одноглазый. — Кое-кого ты привел за собой.

Шед в ужасе подскочил и обернулся.

В дверях стояли Гоблин с Ростовщиком, при этом Ростовщик был порядком изранен. Он ввалился в таверну и рухнул на стул. Я осмотрел его раны. Гоблин с Одноглазым обменялись взглядами, которые могли означать что угодно, но, скорее всего, колдуны были рады снова видеть друг друга.

Прочие посетители стали потихоньку испаряться.

До местных жителей доходило, кто мы такие. И они уже знали, что на нас идет охота.

— Садись, Гоблин, — сказал я. — Кегля, вы с Масло идите и добудьте свежих лошадей. — Я отдал им почти все оставшиеся деньги. — Этого должно хватить и на провиант. Похоже, нам предстоит долгая дорога. Так, Гоблин?

Он кивнул.

— Ну, давай говори.

— Сегодня появились Шепот и Хромой, с ними пятьдесят человек. Они принялись нас разыскивать, но чересчур шумели, так что мы их заметили. Лейтенант созвал всех, кто был на берегу. Некоторые не успели вернуться, и Отряду пришлось уйти без них. Мы потеряли девятнадцать человек.

— А что вы-то здесь делаете?

— Я сам вызвался. Прыгнул за борт, доплыл до берега и стал ждать. Мне поручили сказать вам, куда ушел корабль. На Ростовщика наткнулся случайно. Как раз пытался залатать его раны, когда увидел Шеда. Мы пошли за ним.

Я тяжело вздохнул:

— Они отправились в Дымоход?

Он здорово удивился:

— Да. А откуда ты знаешь?

Я коротко объяснил ситуацию.

— Ростик, расскажи-ка теперь ты. Он отстал от корабля и застрял на берегу. Единственный, кого я нашел живым.

— Это самодеятельность Взятых. Их послали в какое-то другое место, а они, верно, решили, что это неплохой шанс поквитаться с нами. Не ходить нам больше в любимчиках у Госпожи.

— Она не знает, что ее вассалы здесь?

— Не знает.

Несмотря на всю трагичность нашего положения, я не удержался от смеха.

— Тогда их ожидает хороший сюрприз. Старая сучка вскоре сама прибудет сюда. У нас тут завелся Черный замок.

Некоторые вопросительно посмотрели на меня: откуда мне известны намерения Госпожи? Никому, кроме Лейтенанта, я не рассказывал о своих снах.

— Дорогу ты выдержишь, — сказал я, зашив последнюю рану Ростовщика, — только будь поаккуратнее. И как ты все это узнал?

— От Трясуна. Мы немного потолковали, прежде чем он попытался меня пришить.

— Трясун?! — взревел Одноглазый. — Пришить?! Какого черта?

— Не знаю, что Взятые нагородили нашим парням, но те будто с цепи сорвались. Приспичило же им схватить нас за задницу. И все новички... Правда, их уже немного осталось.

— Перебили?

— Князь возмутился, что Взятые хозяйничают тут как у себя дома. Завязалась серьезная потасовка при участии Хромого и наших

ребят. Сопляки почти все полегли. Может, у них бы лучше получилось, если бы отдохнули с дороги.

Забавно. Мы говорим об этих людях сочувственно, будто они не стали в одночасье нашими смертельными врагами. Если я на кого и злюсь, то только на Взятых, которые натравили на нас новичков и тем самым обрекли их на гибель.

— Трясун говорил что-нибудь о Можжевельнике?

— Ага. Кровавая баня в лучшем виде. Город почти полностью уничтожен. К тому моменту, когда Госпожа покончила с замком, Отряд потерял шестьсот человек, включая нас. И еще больше погибло, когда начались волнения. Госпожа обчистила Катакомбы. Весь чертов город мигом взбесился, а Харгадон возглавил восстание. Он осадил наших в Черепице. Тогда уже Госпожа вышла из себя. Она снесла то небольшое, что еще оставалось от Можжевельника.

— Капитан верно угадал насчет Катакомб, — вздохнул я.

— То, что осталось от Черного Отряда, возглавил Бывалый, — сказал Гоблин. — Они собирались уйти, как только закончат грабеж. Город лежит в руинах, там уже нечего делать.

Я посмотрел на Шеда. Мрачнее лица не представить. Боль и мучительные вопросы отражались в его глазах. Он хотел разузнать про своих, но не спрашивал — боялся, что его обвинят во всех смертных грехах.

— Это не твоя вина, — сказал ему я. — Герцог позвал Госпожу еще до того, как ты оказался вовлечен в эту историю. Что бы ты ни делал, все равно не удалось бы избежать катастрофы.

— Но как могут люди совершать такие злодеяния?

Аса снисходительно посмотрел на приятеля:

— Шед, что за глупые вопросы? Сам-то как смог натворить там все, что натворил? Отчаяние — вот причина. Оно толкает на безумные поступки. Все отчаялись и спятили.

Одноглазый выразительно глянул на меня, словно спрашивая: «Каково?» Даже Аса способен иногда мыслить.

— Ростовщик, Трясун говорил что-нибудь об Эльмо?

Больше всего я жалел о потере сержанта.

— Нет. А я не спрашивал. У нас было не так уж много времени.

— Что будем делать? — спросил Гоблин.

— Двинем на юг, как только Кегля с Масло достанут лошадей и провизию. — Вдох. — Тяжельно придется. У меня осталось около двух лев. А у вас, ребята?

Мы пересчитали все, что у нас нашлось.

— Плохо, — сказал я.

— Лейтенант передал вот это. — Гоблин протянул мешочек.

В нем было пятьдесят лев из запасов Ворона.

— Лучше. Но все равно долго не протянем.

— У меня есть деньги, — заявил Шед. — Совсем немного. Там, где я поселился.

Я пристально посмотрел на него:

— Тебя это все не касается, приятель. Не твоя война.

— Нет, касается!

— Сколько знаю тебя, ты постоянно норовил сбежать.

— А теперь я должен отомстить, Костоправ. За то, что они сделали с Можжевельником. Я не могу остаться в стороне.

— И я тоже, — сказал Аса. — У меня целы почти все деньги, что дал Ворон после дельца в Катакомбах.

Я вопросительно посмотрел на товарищей. Никто ничего не сказал. Оставили на мое усмотрение.

— Ладно. Идите за деньгами, и поспешите. Мы выступим, как только сможем.

— Я догоню вас, — сказал Шед. — И Аса, наверное, догонит.

Он поднялся и робко протянул мне руку. Я колебался только одно мгновение.

— Добро пожаловать в Черный Отряд, Шед.

Аса не решился последовать примеру Шеда.

— Вернутся? — спросил Одноглазый, когда они ушли.

— А ты как думаешь?

— Никак. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, Костоправ. Если они попадутся, то наведут на нас Взятых.

— Да, возможно. — На самом деле я на это и рассчитывал. Мне в голову пришла дикая мысль. — Давайте-ка еще по пивку. Не скоро еще нам удастся вот так посидеть.

Трактир. Бегство

К моему великому изумлению, Шед нагнал нас в десяти милях к югу от Опушки. И он был не один.

— О черт! — раздался за моей спиной возглас Одноглазого. — Костоправ, ты только посмотри!

Я развернул коня. И увидел Шеда в компании Вола, грязного и оборванного.

— Обещал выручить его, если смогу. Пришлось кое-кому дать на лапу, но это оказалось нетрудно. Там сейчас каждый сам за себя.

Я взглянул на Вола. А он уставился на меня.

— Ну? — спросил я.

— Шед все рассказал, Костоправ. И похоже, я теперь с вами, парни. Если возьмете. Мне больше некуда идти.

— Проклятье! Если еще и Аса притащится, я усомнюсь в моем знании человеческой натуры. И заодно в выполнимости моей затеи. Хорошо, Вол, оставайся. Но только заруби себе на носу: мы не в Можжевельнике, мы бежим от Взятых. Нет у нас времени разбираться, кто кому насыпал соли на хвост. Хочешь помахать кулаками, побереги их для наших недрогов.

— Как скажешь, начальник. Если будет шанс, я покажу, чего стою. — Он последовал за мной в голову колонны. — Не очень-то ваша Госпожа отличается от Карра, бандитского главаря.

— В каком-то смысле они похожи, но есть разница в масштабах, — сказал я. — Возможно, у тебя появится шанс даже раньше, чем ты думаешь.

Из темноты показались Молчун с Маслом. Они трусцой подбежали к нам.

— Хорошая работа, — сказал я. — Ни одна псина не гавкнула.

Молчуна я послал именно по той причине, что он умел обращаться с животными.

— Все уже вернулись из леса, сейчас спят, — доложил Масло.

— Отлично. Пошли, только тихо. И не вздумайте кого-нибудь пристукнуть. Одноглазый?

— Слышу-слышу.

— Гоблин, Ростовщик, Шед, остаетесь с лошадьми. Я посигналю фонарем.

Захватить трактир оказалось даже проще, чем спланировать операцию. Мы застали всех спящими, потому что Молчун не дал залазать собакам. Будучи разбужен, хозяин дико перепугался. Пока Одноглазый присматривал за остальными, включая нескольких постояльцев, я отвел трактирщика вниз.

— Сядь, — сказал я толстяку. — Ты по утрам что пьешь, чай или пиво?

— Чай, — прохрипел он.

— Будет тебе чай. Видишь, мы вернулись. Не собирались, но обстоятельства сложились так, что придется путешествовать по суше. Хотим погостить тут пару дней. Нам с тобой надо договориться.

Крутой принес убойной крепости чай. Толстяк моментально осушил посудину размером с ту, из которой он обычно пил пиво.

— Мы не хотим причинять вам вреда, — продолжил я, отхлебнув из своей кружки. — И за все будет заплачено. Если такой вариант устраивает, изволь пойти мне навстречу.

Он хрюкнул.

— Никто не должен узнать, что мы здесь. Это значит, отсюда не выйдет ни один постоялец. Люди, которые будут проходить мимо по дороге, пусть видят, что здесь все в порядке. Понятно излагаю?

— Ты кого-то ждешь.

Вряд ли даже кто-то из моих людей догадывался об этом. Трактирщик был умнее, чем выглядел.

— Да. И этот кто-то сделает с тобой то, чего ты ждешь от меня. Всего лишь по той причине, что ты здесь находишься. Если только я не устрою ему хорошую встречу.

У меня появилась безумная идея. Но она отпадет, если Аса все-таки объявится.

Кажется, трактирщик поверил обещанию не причинять вреда его семье.

— Этот кто-то — тот самый, который устроил вчера в городе заваруху? — спросил он.

— Быстро новости разлетаются.

— Особенно плохие.

— Да. Тот самый. Вернее, те самые. Они убили почти двадцать моих людей. И город здорово переворошили.

— Среди тех, кого они убили, мой брат. Служил в гвардии князя сержантом. В нашей семье он единственный чего-то достиг. По слухам, его погубило какое-то колдовство.

— Да. Тот колдун — сущий поганец. Мой друг Молчун совсем на него не похож.

Я не знал, кто из Взятых погонится за нами. Просто рассчитывал, что один из них поймает Асу и заставит его показать дорогу. Я также понимал, что все это должно произойти достаточно скоро. Аса непременно проболтается, что Госпожа уже на пути в Опушку.

Толстяк осторожно разглядывал меня. В глазах угадывалась ненависть. Я попытался направить ее в нужное русло.

— Хочу его прикончить.

— Понятно. Как пытался мой брат?

— Конечно, если мы будем действовать слишком медленно и не очень хитро, колдун победит. Или колдунья. Их там, вообще-то, двое, и я не знаю, кто явится сюда.

Я полагал, что мы выиграем необходимое время, выведя из строя Взятого. Госпожа увязнет в борьбе с Черными замками, если у нее останется только один помощник. А еще мне надо было отдать личный должок и отправить недвусмысленное послание.

— Мне нужно убрать отсюда жену и детей, — сказал трактирщик. — Сам останусь.

Я быстро перевел взгляд на Молчуна. Тот едва заметно кивнул.

— Договорились. А что твои гости?

— Я их всех знаю. Они не будут дергаться.

— Хорошо. Тогда займись семьей.

Он ушел. А мы обсудили все с Молчуном и остальными. Меня никто не выбирал командиром. Просто в тот момент я был старшим по званию. Наш разговор несколько раз переходил на повышенные тона, но своего я добился.

Страх — прекрасная движущая сила. На Гоблина и Одноглазого он действовал, как ничто другое. Да и на остальных тоже. Они прибегли ко всем ухищрениям, какие только могли вообразить. Ловушки, укрытия и все такое прочее, подкрепленное колдовскими чарами. Оружие готовилось с поистине фанатичным усердием.

Взятые не бессмертны. Просто их трудно убить, особенно если они ждут нападения. А тот, с кем нам предстоит иметь дело, будет начеку.

Молчун пошел в лес с семьей толстяка, а вернулся с ястребом, которого приручил в рекордное время. Теперь эта птица наблюдала за дорогой на Опушку. Нас не застанут врасплох.

Хозяин смазал ядом тарелки, хотя я сказал ему, что Взятые едят очень редко. Затем он обратился к Молчуну за советом относительно собак. Толстяк держал целую свору злющих мастифов и хотел пустить их в дело. Молчун отвел им роль в нашей операции. Мы сделали все, что могли, оставалось только ждать. Когда меня сменили с караула, я не упустил возможности немного отдохнуть.

Пришла Госпожа. Кажется, в тот самый момент, как я закрыл глаза. На мгновение я запаниковал, пытаюсь выбросить из головы мысли о трактире, забыть, где я нахожусь. Но какой в этом смысл? Ведь она уже разыскала меня. Что надо скрывать, так это план нашей засады.

— Лекарь, ты не передумал? — спросила она. — Тебе не скрыться от меня. Настигну рано или поздно.

— Для этого ты и послала Шепот с Хромым? Они убили половину наших людей, потеряли почти всех своих, разрушили город и не приобрели ни единого союзника. Так ты пытаешься вернуть нас на службу?

Госпожа, конечно, не имела к этому отношения. Ростовщик сказал, что Взятые действовали на свой страх и риск. Я лишь хотел ее рассердить и сбить с толку.

— Они должны были возвратиться в Курганье, — сказала Госпожа.

— Несомненно. А они просто творят что хотят, пытаются свести счета десятилетней давности.

— Они знают, где ты?

— Пока нет. — Мне показалось, что она все-таки не сумела точно определить мое местонахождение. — Я за городом, затаился.

— Где?

Я решил слегка уточнить:

— Недалеко от места, где растет новый замок. Это ближайший ориентир.

Я подумал, что небольшая доля правды не повредит. В любом случае Госпожа должна найти подарочек, который я собираюсь ей оставить.

— Не покидай этого места. Не привлекай к себе внимания. Я скоро буду.

— Гм...

— Не испытывай судьбу, лекарь. Ты забавляешь меня, но не более того. И ты не бессмертен. Мое терпение и так уже на исходе. Шепот с Хромым слишком часто шли мне наперекор.

Отворилась дверь в комнату.

— Ты с кем разговариваешь, Костоправ? — спросил Одноглазый.

Я вздрогнул. Он стоял по другую сторону золотистого облака и не видел его. Я уже очнулся.

— Со своей подружкой, — ответил я и хихикнул.

И тут нахлынула тошнота, что-то вышло из меня, отделилось, оставив след — легкое веселье пополам с раздражением. Я пришел в себя и обнаружил, что Одноглазый стоит на четвереньках и ругается.

— Что за дьявольщина?! — вскричал он.

Я потряс головой:

— Такое ощущение, будто башку развернули кругом. Не надо было пить здешнее пиво. А что такое?

Он подозрительно сощурился:

— Вернулся ястреб Молчуна. Они идут. Пошли вниз, надо менять план.

— Они?

— Хромой и с ним девять человек. Поэтому и надо пересмотреть план. Я бы не назвал наше положение выгодным.

— Согласен.

Наверняка это парни из Отряда. Значит, на таверну они не клюнут. Такие заведения — средоточия жизни в глубинке, и Капитан часто их использовал, чтобы приманить мятежников.

Молчун ничего не добавил к этому, лишь сказал, что у нас в запасе ровно столько времени, сколько требуется преследователям, чтобы пройти оставшиеся шесть миль.

Озарение всегда приходит слишком поздно. Я вдруг понял, зачем Взятые подались в Опушку.

— У тебя есть телега? — спросил я хозяина.

Я до сих пор не узнал его имени.

— Ну есть. Я вожу припасы из города, с мельницы и от пивоваров. А что?

— Да то, что Взатым нужны бумаги, о которых я говорил. Теперь придется объяснить их происхождение.

— Те самые, что мы откопали в Облачном лесу? — спросил Одноглазый.

— Да. Однажды Душелов сказала мне, что в них упомянуто истинное имя Хромого. Там еще тайные записи колдуна Боманца, якобы содержащие истинное имя самой Госпожи.

— Ого! — воскликнул Гоблин.

— То-то и оно.

— Ну а мы здесь при чем? — недовольно спросил Одноглазый.

— Хромой хочет заполучить свое истинное имя. Теперь прикинь: он видит, как горстка людей садится на телегу и рвет отсюда когти. Что он подумает? Аса растрезвонил, что бумаги были у Ворона. Он же не знает, что мы не нашли их на корабле.

— Аса — с *Хромым*, — прервал нас жестами Молчун.

— Прекрасно. Он сделал все, как я хотел. Хромой решит, что это мы пытаемся удрать вместе с бумагами. Особенно если вокруг ветер будет носить какие-нибудь исписанные клочки.

— Понял, — сказал Одноглазый. — Только нас слишком мало, чтобы все это проделать. Вол да трактирщик, о котором Аса не знает.

— А не хватит ли тебе чесать языком? — спросил Гоблин. — Не пора ли заняться делом? Они уже близко.

Я подозвал толстяка:

— Твоим друзьям с юга придется оказать нам услугу. Скажи им, что это единственный шанс выбраться отсюда живыми.

Трактир. Засада

Четверо южан обливались холодным потом и тряслись. Они не понимали, что происходит, но то, что видели, им явно не нравилось. Впрочем, до них быстро дошло, что помочь нам — это единственный способ выжить.

— Гоблин! — крикнул я засевшему наверху колдуну. — Еще не видишь их?

— Уже почти. Сосчитай до пятидесяти — и давай.

Я принялся считать — медленно, не давая себе ускориться. Мне было страшно ничуть не меньше, чем этим южанам.

— Есть!

Гоблин скатился вниз. Мы выбежали из трактира и рванули к сараю, где уже ждала запряженная повозка, и с криками помчались по дороге на юг, изображая команду из восьми солдат, едва не застигнутую врасплох. Преследователи остановились, быстро обсудили ситуацию и двинули за нами. Я заметил, что Хромому приходится подгонять своих. Вот и хорошо, что эти люди не торопятся выяснять отношения с бывшими приятелями.

Я занял место в хвосте кавалькады, за Гоблином и Одноглазым, который правил упряжкой. Гоблин держал свою лошадь бок о бок с телегой.

Мы достигли того изгиба дороги, где она начинала взбираться по лесистому холму к югу от трактира. Хозяин говорил, что леса тянутся на многие мили. Сам он ушел вперед вместе с Молчуном, Воллом и южанами.

— Эгей! — закричал кто-то сзади.

Мимо промелькнул клочок красной материи. Одноглазый встал на телеге и, не выпуская вожжей, изготовился для прыжка. Гоблин

пришпорил лошадь, та поскакала впритирку с повозкой. Одноглазый прыгнул.

На какой-то миг я испугался за него. Он едва не промахнулся. Ноги Одноглазого волоклись по дорожной пыли, но вот он подтянулся и, уже лежа на животе позади своего друга, обернулся ко мне, ожидая моей улыбки.

Я улыбнулся.

Телега налетела на заранее подготовленное бревно, подскочила, перевернулась. Лошади страшно заржали, сиюсь удержаться, но не смогли. С громом и треском повозка слетела с дороги, ударилась о деревья и под хрип и отчаянное ржание лошадей развалилась на куски. Люди, опрокинувшие ее, немедленно скрылись.

Я бросил своего коня вперед, обогнал Ростовщика и Гоблина с Одноглазым и закричал южанам, чтобы убирались к чертовой матери.

Черёз четверть мили я резко свернул на тропу, о которой говорил трактирщик, и углубился в лес, чтобы меня не могли увидеть с дороги. Здесь надо было дожидаться Одноглазого. Наконец он появился, и мы быстро поскакали обратно к трактиру.

Сверху над нами Хромой и его банда прогрохотали к тому месту, где лежала развалившаяся телега. Лошади все еще ржали от боли и ужаса.

Началось.

Крики, визг, смерть. Шипение и рев колдовских заклятий. Я и не чаял, что у Молчуна есть какие-то шансы, но он вызвался сам. Телега предназначалась для того, чтобы отвлечь Хромого и дать моим товарищам возможность дружно атаковать его.

Когда мы выскочили на открытую местность, сзади все еще доносился приглушенный расстоянием шум драки.

— Все не так плохо, — прокричал я. — Иначе бы кончилось гораздо быстрее.

На самом деле я не испытывал оптимизма, который пытался изобразить. Мне не хотелось, чтобы продолжалась эта драка. Я бы предпочел, чтобы наши нанесли мощный удар и отскочили, а Хромой отошел бы к трактиру — зализывать раны.

Мы загнали лошадей в сарай и направились в свое укрытие.

— Знаешь, — пробормотал я, — нас бы тут не было сейчас, если бы Ворон его прикончил.

Давным-давно я участвовал в захвате Шепот, когда она пыталась переманить Хромого на свою сторону. Так вот, у Ворона была фан-

тастическая возможность расправиться с ним. Ворон не смог, хоть и имел счеты с этим Взятым. А теперь по милости бывшего приятеля нам никак не отделаться от опаснейшего врага.

Ростовщик зашел в свинарник, где в соответствии с первоначальным замыслом мы установили наскоро сработанную легкую баллисту. Гоблин произнес простенькое заклинание и уподобился борову, неотличимому от прочих обитателей свинарника. Я, вообще-то, хотел, чтобы он держался от баллисты подальше. Сомневался, что она нам понадобится.

Мы с Гоблином взбежали наверх, чтобы наблюдать за дорогой и кромкой леса на востоке. По плану Молчун должен был помчаться в том же направлении, что и южане (чего он своевременно не сделал), потом лесом пробраться к опушке и посмотреть, что творится в трактире. Я надеялся, что кто-нибудь из людей Хромого повиснет на хвосте у южан. Парням на этот счет не было сказано ни слова, но я молил Бога, чтобы у них хватило здравомыслия не останавливаться ни на секунду.

— А вот и Молчун! — сказал Гоблин. — У него получилось.

Вскоре показались люди. А кто они — мне было не разглядеть.

— Только трое, — пробормотал я. Значит, четверо остались там. — Проклятье!

— Сработало, — сказал Гоблин. — Иначе бы они вообще не появились.

Это меня не успокоило. Мне нечасто приходилось командовать в бою, и я не набрался опыта в этом деле. Не научился преодолевать ощущения, которые возникают, когда погибают люди, выполняя твои приказы.

— А вот и эти.

Из леса выехали всадники. Они двигались по Колдобинскому тракту среди удлиняющихся теней.

— Шестеро, — сказал я. — Нет, семеро. Должно быть, не погнались за теми ребятами.

— Похоже, им сильно досталось.

— Эффект внезапности. Хромой с ними? Можешь сказать?

— Нет. Вон тот... Аса! Черт, да это же старина Шед, на третьей лошади, а следом — хозяин трактира.

Что ж, уже малость легче. Они потеряли половину своих, а я — только двух человек.

— А что будем делать, если Хромой не с ними? — спросил Гоблин.

— Что-нибудь придумаем.

Молчун уже исчез с дальней опушки.

— Он там, Костоправ. Рядом с хозяином трактира. И вроде без сознания.

На такое я и надеяться не смел. Хотя действительно было похоже, что Взятый в отключке.

— Спускаемся.

Через трещину в ставне я увидел, как они въехали на двор. Единственным целым и невредимым среди них был Аса: руки привязаны к седлу, а ноги — к стремянам. Один из людей слез с лошади, развязал Асу и приставил к боку нож. Коротышка намек понял и помог спешиться остальным. Да, все они изрядно пострадали. Шед вообще непонятно каким чудом был еще жив. Толстый трактирщик выглядел немного лучше, его просто сильно поколотили.

Подчиняясь команде, Аса и толстяк сняли Хромого с лошади. Тут я чуть не вскрикнул. Взятый почти полностью лишился правой руки, у него было еще несколько серьезных ран. Но он, без сомнения, оклемается, если сможет отлеживаться под охраной своих людей. Взятые — народ живучий.

Аса с толстяком направились к двери. Хромой обвис, как мокрая тряпка. Человек с ножом толкнул дверь.

Хромой очнулся.

— Нет! — пискнул он. — Ловушка!

Аса с толстяком бросили Хромого на землю. Закрыв глаза, Аса метнулся в сторону. Трактирщик резко свистнул, и свора его собак с шумом выскочила из сарая.

Гоблин с Одноглазым выпрыгнули на улицу. Я рванул к Хромому, пытавшемуся подняться на ноги.

Мой клинок вонзился в культю Взятых. В воздухе мелькнул его оставшийся кулак — и я получил удар в живот.

Из меня разом вышел весь воздух, я едва не лишился чувств. Осел на землю, держась за живот и почти не воспринимая окружающую обстановку.

Мастифы, добравшись до людей Хромого, с дикой яростью принялись их терзать. Несколько псов бросилось на Взятых. Хромой наносил кулаком удары, каждый из которых оказывался для очередной собаки смертельным.

Одноглазый с Гоблином обрушили на Хромого все, что у них было. Но тому их колдовство оказалось не страшнее летнего дождика. Взятый без труда отбил атаку и, вмазав Одноглазому, развернулся к Гоблину.

Гоблин побежал. Хромой поковылял за ним. Уцелевшие мастифы повисли у него на заднице.

Гоблин метнулся к загону для свиней, но не добрался и растянулся в грязи, поскользнувшись. Хромой навис над ним, занес убийственный кулак.

Копье Ростовщика пробило ему грудную клетку и на три фута вышло из спины. И вот он стоит, шатаясь, маленький истерзанный человек в коричневом, держится рукой за древко. Казалось, все его внимание сосредоточилось на этом копье. Гоблин откатился в сторону. А Ростик в сарае снова зарядил баллисту, и из ворот вылетел новый снаряд.

Бац! На этот раз копье пробило Хромого и полетело дальше. Удар сбил Взятую с ног. Собаки добрались до его глотки.

Мне удалось наконец вздохнуть. Я поискал глазами свой меч. И тут услышал визг, он доносился футов с двухсот, из канавы, заросшей ежевикой. Возле кустов с рычанием носилась собака.

Аса. Не нашел себе другого укрытия.

Я кое-как поднялся. Толстяк помог встать на ноги Одноглазому, потом подхватил чей-то меч, и втроем мы окружили Хромого. Он вяло корчился в грязи. Маска сбилась набок, и нашему взору открылось обезображенное лицо. Взятый не мог поверить в случившееся. Он слабо отмахивался от мастифов.

— Все напрасно, — сказал я ему. — Бумаг здесь давно нет.

— А это за моего брата, — произнес толстяк и взмахнул оружием.

Но от побоев трактирщик был еле жив, он практически не нанес вреда Взтому.

Хромой попытался ответить, но у него тоже не осталось сил. Он понимал, что умирает. После стольких веков. Тот, кто пережил Белую Розу и спасся от гнева Госпожи, преданной им в битве при Розах и в Облачном лесу.

Глаза закатились, и я догадался, что он умоляет мамочку о помощи.

— Добейте его скорее, — сказал я. — Он зовет Госпожу.

Мы рубили и кололи, собаки рычали и рвали мясо зубами. Но Хромой упорно не хотел умирать. Даже когда мы совсем выбились из сил, колдун все еще подавал признаки жизни.

— Давайте оттащим его на задний двор.

Мы так и сделали, и там я обнаружил Шеда, который лежал на земле рядом с теми, кто раньше служил в Черном Отряде. Я поднял взгляд на заходящее солнце и увидел, что к нам приближается Молчун. За ним следовали Крутой с Маслом. Эти двое выжили — все

легче на душе. Сколько я помню, они были друзьями неразлейвода. Невозможно себе представить, чтобы один уцелел, а другой — нет.

— А Вол — все?

— Да, — сказал толстяк. — И Шед. Это надо было видеть. Они выскочили на дорогу и стащили колдуна с лошади. Вол оттяпал ему руку. Вдвоем уложили четверых.

— Вол?

— Кто-то развалил ему череп. Как дыню.

— Кегля?

— Затоптали до смерти. Но и он тоже постарался.

Я тяжело опустился подле Шеда. Одноглазый тоже присел рядом.

— Как же ты не уберегся? — спросил я тавернщика.

— Слишком растолстел, чтобы быстро бегать. — Он с усилием улыбнулся. — Никогда не чувствовал себя солдатом.

— Что скажешь, Одноглазый?

Одного взгляда на Шеда было достаточно, чтобы понять: я здесь бессилен.

Одноглазый покачал головой.

— Двое чужих еще живы, Костоправ, — сказал Гоблин. — Что с ними делать?

— Несите внутрь, я залатаю.

Они были нам братьями. То, что Взятые превратили их в наших врагов, еще не означало, что я не обязан им помочь.

Рядом возник силуэт Молчуна, в неверном сумеречном свете казавшийся еще выше.

— *Маневр, достойный Капитана, Костоправ*, — показал он знаками.

— Да уж...

Я смотрел на Шеда. Случившееся тронуло меня даже больше, чем можно было ожидать.

Передо мной лежал человек. Он опустился на самое дно, но потом пробил себе дорогу назад, к свету, и заслужил уважение. И теперь этот человек гораздо достойнее меня. Потому что, определив себе нравственные ориентиры, он держался их до конца, даже ценой собственной жизни. И часть своей вины — пусть и малую — он купил.

Погибнув на войне, которая, в сущности, была для него чужой, он сделал еще одно доброе дело. Стал для меня своего рода священным символом, примером до конца моих дней.

Перед смертью Шед открыл глаза.

- Все получилось? — спросил он.
- Получилось, Шед. Благодаря тебе и Волу.
- Хорошо. — Улыбаясь, он смежил веки.
- Эй, Костоправ, — окликнул меня Крутой. — Что думаешь делать с этим вертлявым гаденышем?

Аса все еще торчал в кустах смородины, взывая о помощи. Вокруг рыскали собаки.

- Кинь в него пару дротиков, — проворчал Одноглазый.
- Нет, — еле слышно прошептал таверщик. — Отпустите его. Он был моим другом. Хотел вернуться к вам, но его схватили. Отпустите.

— Будь по-твоему, Шед. Крутой! Вытащи его оттуда, и пускай катится на все четыре стороны.

- Что?
- Я все сказал. — Я снова повернулся к Шеду. — Ты доволен? Он ничего не ответил. Уже не мог. Но старина Шед улыбался.
- По крайней мере, — сказал я, поднявшись, — хоть кто-то погиб так, как хотел. Масло, достань лопату.

- Но, Костоправ...
- Найди чертов заступ — и за работу. Молчун, Одноглазый, Гоблин — в дом. Надо решить, что делать дальше.

Снаружи почти стемнело. По прикидкам Лейтенанта, через несколько часов Госпожа будет в Опушке.

Переход

— **Н**адо отдохнуть, — нудил Одноглазый. — Отдохнешь теперь только в могиле, — огрызнулся я. — Мы уже на другой стороне. Мы сделали то, что не удалось мятежникам, — прикончили Хромого, последнего из настоящих, изначальных Взятых. Госпожа помчится за нами, как только разделается с Черным замком. Если она не достанет нас в ближайшее время, все мятежники в пяти тысячах миль окрест воодушевятся и попробуют что-нибудь учинить. Осталось всего двое Взятых, из них только Шепот чего-то стоит.

— Ну да. Понимаю. Мечтать не вредно, Костоправ.

Я смотрел на кулон, который был у Шеда. Надо бы оставить его Госпоже, хотя серебро может здорово пригодиться в долгом походе. Я собрался с духом и принялся выковыривать змеиные глаза.

— Какого черта ты затеял?

— Оставлю Хромому. Скормлю ему. Вылупятся у него в брюхе.

— Ха! — сказал Гоблин. — Забавно! Годится.

— Думаю, это будет ему достойным наказанием. Вернем его Властелину.

— А Госпоже придется разорвать его на кусочки. Правда смешно. Одноглазый нехотя согласился с Гоблином.

— Так и знал, что вам понравится. Ступайте посмотрите, всех ли похоронили.

— Да они начали десять минут назад.

— Вот и поможете.

Я с трудом поднялся и пошел осмотреть людей, чьи раны недавно зашил. Не знаю, все ли солдаты, которых Крутой и Масло приволокли с места засады, были уже мертвы, когда эта парочка до них

добралась. Но теперь-то они точно были покойниками. Доставили ко мне и Кеглю, чтобы я его осмотрел, но он уже давно перестал дышать.

Мои пациенты чувствовали себя сносно. Один уже настолько пришел в себя, что смог испугаться. Я перевязал ему руку и заковылял на улицу.

Кеглю уже зарыли рядом с Шедом, Волом и парнем Хромого, похороненным еще раньше. Оставалось только два тела. Аса уносил ноги от собак. Все стояли и любовались этой гонкой, пока я не зарычал на них.

— Как добыча? — спросил я толстяка.

Ему было велено пошарить по карманам мертвецов.

— Не густо. — Он протянул шляпу, наполненную всякой всячиной.

— Возьми себе на покрытие убытков.

— Да вам это нужнее.

— У тебя накрылась телега с упряжкой и собаки погибли. Возьми, сколько нужно. Я-то всегда могу ограбить кого-нибудь, кто мне не понравится. — Никто не знал, что я припрятал кошелек Шеда. Его вес удивил меня. Это будет мой неприкосновенный запас. — Оставим тебе пару лошадей.

Он покачал головой:

— Не хочу попасться с чужими лошадьми, когда уляжется пыль и князь начнет искать козлов отпущения. — Он выудил из шляпы несколько серебряных монет. — Вот все, что мне нужно.

— Хорошо. Но тебе лучше посидеть в лесу некоторое время. Здесь обязательно появится Госпожа, а она гораздо круче Хромого.

— Так и сделаю.

— Крутой, если не собираешься копать, готовь коней. Шевелись!

Я подозвал Молчуна. Мы с ним оттащили Хромого под раскидистое дерево. Молчун перекинул через сук веревку. Я затолкал змеиные глаза поглубже в глотку Взятому, и мы вздернули его. Тело покачивалось в холодном лунном свете. Я удовлетворенно потер руки и произнес напутствие:

— Еще немного, приятель, и кто-нибудь тебя заберет.

Десять лет я мечтал увидеть его труп. Это был самый жестокий из Взятых.

Ко мне подошел Аса:

— Всех зарыли, Костоправ.

— Хорошо. Спасибо за помощь. — Я двинулся к сараю.

— А можно мне с вами, парни?

Я заржал.

— Ну, Костоправ, пожалуйста. Не бросайте меня здесь...

— Я не гоню тебя, Аса. Но не рассчитывай, что буду все время бегать за тобой и оберегать. И не вздумай выкидывать фокусы. Глазом не успеешь моргнуть, как отправишься на тот свет.

— Спасибо, Костоправ. — Он потрусил к лошади и торопливо забрался в седло.

Одноглазый взглянул на меня и укоризненно покачал головой.

— По коням, господа. Найдем Ворона.

Хоть мы гнали во весь опор, но не успели отъехать от трактира и двадцати миль, как что-то врезало мне по мозгам, словно кулаком, и тут же возникло золотое свечение. На сей раз оно было гневным.

— Мое терпение на исходе, лекарь.

— А мое кончилось уже давно.

— Ты пожалеешь об этом убийстве.

— Черта с два! Я буду гордиться! Это единственное доброе дело, которое я совершил по эту сторону Пыточного моря. Poiщи-ка лучше личинки своего Черного замка. И оставь меня в покое. Мы квиты.

— О нет, ты еще обо мне услышишь. Как только я перекрою мужу последнюю лазейку.

— Не искушай судьбу, старая дрянь. Сейчас я готов выйти из игры. Но стоит тебе надавить — и я выучу телектуру.

Это застало ее врасплох.

— Спроси Шепот, что она потеряла в Облачном лесу и пыталась заполучить обратно в Опушку. А после прикинь, что мог бы сотворить рассерженный Костоправ, если бы знал, где это лежит.

Когда сияние исчезло и перестала кружиться голова, я обнаружил, что все смотрят на меня как-то странно.

— Просто попрощался со своей девочкой, — объяснил я ребятам.

А су мы потеряли в Колдобине. Остановились там на день, чтобы подготовиться к следующему переходу, а когда настало время трогаться в путь, коротышка так и не появился. Никто не порывался его искать. Я тоже решил оставить его в покое и, выполняя последнюю просьбу Шеда, мысленно пожелал ему удачи. Судя по всему, с удачей коротышке никогда не везло.

Мои прощальные слова не подействовали на Госпожу. Через три месяца после смерти Хромого, на привале перед штурмом последней гряды холмов, отделявшей нас от Дымохода, меня вновь посетило золотое облако. На этот раз Госпожа была настроена не столь кровожадно. Если на то пошло, она была даже немного игривой.

— Приветствую тебя, лекарь. Вот подумала, что тебе пригодится для Анналов: угрозы Черного замка больше не существует. Все зародыши обнаружены и уничтожены. — И еще веселей: — Мой муж не восстанет из могилы. Он полностью обложен, лишен всякой возможности связаться с союзниками. В Курганье теперь постоянный гарнизон.

Мне нечего было на это сказать. Я от Госпожи ничего другого не ожидал и даже надеялся, что она добьется своего. Госпожа была меньшим из зол; как я надеялся, она все еще сохраняла ту искорку, что не давала ей погрузиться в крошечный мрак. Не раз она сдерживала норы в ситуации, когда никто бы ее не упрекнул за жестокость. Возможно, не испытывая больше страха перед Властелином, она будет постепенно подниматься к свету, а не скатываться в черную пропасть.

— Я допросила Шепот с помощью Ока. Теперь мне все ясно, Костоправ.

Никогда еще Госпожа не называла меня по имени. Я привстал. Веселья в ее тоне больше не было.

— Все ясно?

— С теми бумагами. И с девчонкой.

— С девчонкой? Ты о ком?

— Не изображай невинность. Я все знаю. Ты наследил больше, чем тебе кажется. А тому, кто умеет добывать правду, ее рассказывают даже мертвецы. Когда я вернулась в Можжевельник, кое-кто из вашего Отряда поведал мне почти все. Если хочешь спокойно прожить остаток своих дней, убей ее. Иначе я сама это сделаю. И тогда не поздоровится и всем, кто окажется рядом с ней.

— Не понимаю, о чем ты.

Опять веселье, но уже другое. Зловещее.

— Храни свои Анналы, лекарь. Я свяжусь с тобой и расскажу, как идут дела в империи.

— Зачем? — озадаченно спросил я.

— Развлечения ради. Будь здоров.

Она исчезла.

В Дымоход мы приволоклись в полумертвом состоянии. Там нашли Лейтенанта с кораблем и — ого! — Душечку, которая тоже жила на борту, вместе со всеми. Лейтенант уже подрядился работать в частной охране и, как только мы восстановили силы, занес в списки и нас.

Ворона мы не нашли. Он опять нас надул, избежав необходимости выбирать между примирением со старыми товарищами и дальнейшей враждой.

Судьба — коварная сучка, нередко она бывает полна горькой иронии. В то самое утро, когда Лейтенант прибыл в город, Ворон умер. После всего, что он пережил, через что прошел, его угораздило в общественной бане поскользнуться на мокром мраморе, разбить голову о борт бассейна, свалиться в воду и захлебнуться.

Помня о том, что он вытворял на севере, я отказывался поверить. Это просто не могло быть правдой. Я бегал по округе, выспрашивал, допытывался. Но куча народа видела труп. И самый надежный свидетель, Душечка, была тоже абсолютно уверена. В конце концов пришлось сдаться. На этот раз уже никто не станет слушать о моих сомнениях.

Сам Лейтенант утверждал, что узнал покойника, когда того уже лизали языки погребального костра. Это было в то утро, когда корабль пристал к берегу. Там же, у костра, Лейтенант встретил Душечку. И принял ее под защиту Черного Отряда.

Что мне оставалось делать? Если поверила даже Душечка? Ворон никогда бы не обманул ее.

Объявился еще кое-кто. Через девятнадцать дней после нашего прибытия в Дымоход стал понятен туманный намек Госпожи на то, что она нашла и допросила в Можжевельнике кого-то живого.

В город въехал Эльмо и еще семнадцать человек. Многие из них были нашими старыми братьями. Воспользовавшись тем, что из Можжевельника драпанули все Взятые, кроме Бывалого, Эльмо сумел вывести уцелевших солдат, в основном «стариков», из Можжевельника и двинул берегом вслед за мной. Бывалый же был настолько сбит с панталыку противоречивыми приказами Госпожи, что даже не посмел сообщить ей о подлинном положении дел в Опушке.

Итак, за эти два года Черный Отряд пересек мир с востока до крайнего запада, покрыв почти четыре тысячи миль, достигнув грани полного исчезновения и обретя новую цель и новую жизнь. Теперь мы принадлежим Белой Розе, жалкая кучка, призванная стать ядром армии, которая должна победить Госпожу.

Я совершенно не верю в успех этой миссии. Но Ворон рассказал Душечке, кто она на самом деле. И теперь девушка готова сыграть свою роль. А это уже кое-что.

Нам ничего не остается, как попытаться.

Мы сидели в капитанской каюте. Я поднял кубок с вином. Эльмо, Одноглазый, Гоблин, Лейтенант и Душечка подняли свои. Наверху готовились к отправлению. Эльмо все-таки прихватил сундук с казной Отряда, и теперь нам не надо вкалывать самим.

— За двадцать девять лет, — провозгласил я тост.

Двадцать девять лет. Согласно легенде, именно через этот срок в небе появится Великая комета и судьба улыбнется Белой Розе.

— За двадцать девять лет, — ответили мои братья.

И вроде бы самым краешком глаза я уловил в этот миг веселое золотое мерцание.

БЕЛАЯ РОЗА

Для Нэнси Эдвардс, просто так

Равнина Страха

Неподвижный воздух пустыни действовал как линза. Всадники казались застывшими во времени: двигаются, но не приближаются. Мы пересчитывали их по очереди, и никому не удавалось получить одно и то же число два раза подряд.

Легкий ветерок простонал в кораллах, шевельнул листья Пратца-Дерева, и те зазвенели эоловыми колокольцами. За северным горизонтом полыхнула молния перемен — точно отблеск дальней схватки богов. Хрустнул песок. Я обернулся. Молчун изумленно пялился на появившийся пару секунд назад говорящий менгир. Каменюки подлые! Им бы все веселиться.

— Чужаки на равнине, — сказал менгир.

Я подскочил. Камень хихикнул. Жутче менгиров только сказочные бесы хихикают. Тихо рыча, я спрятался в тень камня.

— Жарко. — И добавил: — Это Гоблин и Одноглазый, возвращаются из Кожемяк.

Камень был прав, ошибался я. Слишком узко я смотрел. Но патруль задерживался почти на месяц, и мы все волновались. В последнее время войска Госпожи все чаще вторгались на равнину Страха, Каменный столб хохотнул снова. Он возвышался надо мной — все тринадцать футов. Средненький. Те, в ком побольше пятнадцати, движутся редко.

Всадники скакали к нам, не приближаясь. Нервы, конечно; мерещится. Для Черного Отряда наступили тяжелые времена. Жертв мы не можем себе позволить. Любой погибший окажется давним другом. Я вновь пересчитал конников. Вроде бы столько, сколько было. Но один конь — без седока... Несмотря на жару, я поежился.

Спрятавшись внутри огромного рифа, мы наблюдали, как Отряд спускался по тропе к ручью, футам в трехстах. Бродячие деревья близ брода зашелестели, хотя ветра не было.

Всадники погоняли усталых коней. Те упрямылись, даже зная, что дом уже близок. Они вошли в ручей — заплескала вода. Я ухмыльнулся, хлопнул Молчуна по спине. Все на месте, все до одного — и еще один. Молчун отбросил обычную сдержанность, улыбнулся в ответ. Эльмо выбрался из кораллов, пошел встречать наших собратьев. Мы с Маслом и Молчуном поспешили за ним. Утреннее солнце висело за нашими спинами огромным кровавым шаром.

Ухмыляясь, солдаты спешили. Но выглядели они невеселыми, особенно Гоблин и Одноглазый. Впрочем, они вступили на землю, где их колдовская сила бесполезна. Так близко от Душечки они ничем не сильнее нас.

Я обернулся. Душечка стояла на выходе из тоннеля, похожая на белый призрак в тени.

Наши люди обнимались недолго; старая привычка взяла вверх, и все прикинулись, будто ничего не случилось.

— Тяжело пришлось? — спросил я Одноглазого, рассматривая прибывшего с ними незнакомого парня.

— Да. — Тощий, низкорослый негр усох за время поездки еще больше, чем мне показалось поначалу.

— Ты в порядке?

— Стрелу поймал. — Он потер бок. — Между ребрами.

— Нас едва не взяли, — пискнул Гоблин за спиной Одноглазого. — Месяц гнали, а мы их никак стряхнуть не могли.

— Пошли в Нору, — приказал я.

— Нет там заражения. Я прочистил.

— Все равно хочу глянуть.

Он был моим помощником с тех пор, как я стал отрядным лекарем. Его суждениям я верю. Но здоровье каждого бойца — все же моя ответственность.

— Нас ждали, Костоправ.

Душечка скрылась в тоннеле, ведущем вглубь нашей подземной крепости. Восходящее солнце оставалось багровым — наследство проходящей бури перемен; что-то большое проплыло по его диску. Летучий кит?

— Засада?

Я взглянул на патрульный отряд.

— Специально нас не подстерегали. Просто ждали неприятностей.

Отряд получил двойное задание: связаться с сочувствующими в Кожемяках, чтобы выяснить, не начинают ли войска Госпожи после долгого перерыва активные действия, и совершить налет на гар-

низон, дабы доказать, что в наших силах нанести удар по империи, подмявшей под себя полмира.

— Чужаки на равнине, Костоправ, — повторил менгир, когда мы проходили мимо.

Ну почему это всегда случается со мной? Со мной и камни говорят чаще, чем с остальными. Но дважды? Я призадумался. Чтобы менгир повторился, он должен считать свою весть исключительно важной.

— Погоня есть? — спросил я Одноглазого.

Тот пожал плечами:

— Не сдаются.

— Что в мире творится? — Прячась на равнине, я с таким же успехом мог бы похоронить себя заживо.

Лицо Одноглазого оставалось непроницаемым.

— Шпагат расскажет.

— Шпагат? Тот парень, которого вы привезли? — Имя я слышал, но его носителя видел впервые. Один из наших лучших шпионов.

— Да.

— Не лучшие новости?

— Вот-вот.

Мы нырнули в тоннель, ведущий в наше логово, в вонючую, сырую, тесную, осыпающуюся кроличью нору, носящую название крепости. Мерзкая дыра, душа и сердце восстания новой Белой Розы. Надежда-Насмешка, как шепотом кличут ее покоренные. Насмешка над надеждой для нас, живущих здесь. В Норе не лучше, чем в любом кишасе крысами подземелье, — хотя выйти отсюда можно. Если ты согласен вернуться в мир, где на тебя готова обрушиться вся мощь империи.

Равнина Страха

Шпагат был в Кожемяках нашими глазами и ушами. У него везде связные, а против Госпожи он воюет уже несколько десятилетий. Он был среди тех, кто избежал ее гнева при Чарах, где она подавила прежнее восстание. Немалую долю ответственности за тот разгром нес Отряд. В те дни мы были ее правой рукой. И загнали ее врагов в ловушку.

В битве при Чарах погибло четверть миллиона человек. Никогда прежде не бывало сражений столь страшных и великих — и столь много решающих. Даже кровавый разгром Властелина в Древнем лесу пожрал вполосину меньше жизней.

Судьба заставила нас сменить лагерь — когда мы поняли, что нам больше не поможет никто.

Рана Одноглазого оказалась чистой, как он и утверждал. Я отпустил его и поковылял к себе.

Прошел слух, что Душечка, прежде чем выслушать доклад патрульных, заставила их отдохнуть. Я поежился в нехорошем предвкушении дурных известий.

Усталый старик — вот кто я теперь. Куда делись огонь, воля, амбиции? Когда-то у меня были мечты, почти позабытые теперь. В приступах грусти я стряхиваю с них пыль и ностальгически любуюсь, снисходительно удивляясь их юношеской наивности.

Древность пропитывает мою комнату. Мой великий проект — восемьдесят фунтов старинных бумаг, отбитых у Шепот в те времена, когда она была полководцем у мятежников, а мы служили Госпоже. В них якобы содержится ключ к поражению Госпожи и ее Взятых. Уже шесть лет они лежат у меня. И за шесть лет я не нашел ничего. Сплошной провал. Теперь бумаги нагоняют на меня такую тоску, что я все чаще просто перебираю их, а потом сажусь за Анналы.

Со времени нашего бегства из Можжевельника Анналы превратились в мой личный дневник. То, что осталось от нашего Отряда, не вызывает энтузиазма, а новости извне так редки и ненадежны, что я не часто утруждаюсь их записыванием. Кроме того, после победы над своим супругом у Можжевельника Госпожа, по-моему, катится по наклонной плоскости еще шибче, чем мы.

Конечно, внешность обманчива. Суть Госпожи — иллюзия.

— Костоправ!

Я оторвал взгляд от сотню раз перечитанной странички на древнем теллекурре. В дверях стоял Гоблин, похожий на старую жабу.

— Ну?

— Там наверху что-то заваривается. Меч бери.

Я взял лук и кожаную кирасу. Староват я для рукопашной. Если уж приходится воевать, предпочитаю стоять в сторонке и пускать стрелы. Следуя за Гоблином, я вспоминал историю этого лука: его подарила мне сама Госпожа во время битвы при Чарах. Ох, моя память... Этим луком я помог убить Взятую по имени Душелов, которая привела Отряд на службу Госпоже. Те времена уже почти отошли для нас в область преданий.

Мы вылетели на свет. За нами бежали остальные, прячась в кактусах и кораллах. Всадник на тропе — а она в здешних местах одна — никого не заметит.

Всадник был один, безоружный; ехал он на побитом молю муле.

— И весь шум из-за старика на ишаке? — осведомился я.

Среди кактусов и кораллов сновали наши люди, производя немислимый шум, — даже этот старец не мог их не заметить.

— Лучше бы нам потренироваться не галдеть.

— Вот-вот.

Я подскочил, оборачиваясь. За моей спиной, прикрыв глаза от солнца, стоял Эльмо, такой же старый и усталый, каким чувствовал себя я. Каждый день напоминает мне, что мы уже немолоды. Черт, мы все были немолоды, уже когда явились на север, переплыв Пыточное море.

— Нам нужна свежая кровь, Эльмо.

Он фыркнул.

Да, к тому времени как все это закончится, мы станем намного старше. Если доживем. Ведь мы выкупаем время. Если повезет — десятки лет.

Всадник пересек ручей, остановился. Поднял руки. Вокруг него из пустоты вынырнули наши люди, небрежно помахивая оружием.

Одиноким старик в самом центре Душечкиной безмагии не может быть опасен.

Мы с Гоблином и Эльмо начали спускаться.

— Как вы с Одноглазым — развлеклись в отлучке?

Эти двое враждуют издавна, но тут присутствие Душечки не дает им пользоваться колдовскими штучками.

Гоблин ухмыльнулся. Улыбка раскалывает его голову напополам, от уха до уха.

— Я его расслабил.

Мы подошли к всаднику.

— Потом расскажешь.

Гоблин пискляво хихикнул — точно вода булькнула в чайнике:

— Ага.

— Ты кто? — спросил Эльмо старика.

— Фишки.

Это было не имя. Это был пароль посыльного с западных окраин. Давно мы не получали оттуда вестей. Вестникам с запада приходилось добираться до равнины через наиболее прирученные Госпожей провинции.

— Да? — переспросил Эльмо. — Ну так и что? Слезай.

Старик сполз с ишака, предъявил свои верительные грамоты — Эльмо признал их подлинными, — потом объявил:

— Двадцать фунтов приволок. — Он похлопал по седельной сумке. — Каждый городишко норовит добавить.

— Всю дорогу сам проделал? — спросил я.

— Каждый фут, от самого Весла.

— Весла? Но это...

Больше тысячи миль. Я и понятия не имел, что у нас там кто-то есть. Впрочем, я многого не знаю об организации, которую создала Душечка. Я трачу все свое время, выдавливая из чертовых этих бумаг то, чего там, может, и вовсе нет.

Старик посмотрел на меня, точно взвешивая мои грехи:

— Ты лекарь? Костоправ?

— Да, а что?

— Есть для тебя. Личное. — Он открыл курьерскую сумку.

На мгновение все напряглись — мало ли что. Но старик вытащил посылку, завернутую в промасленную кожу так, что и конец мира ей нипочем.

— Вечно там моросит, — объяснил он, отдавая пакет мне.

Я взвесил сверток в руке: если не считать кожи, легкий.

— От кого?

Старик пожал плечами.

— Где ты его взял?

— У капитана ячейки.

Само собой. Душечка действовала с осторожностью, так организовав своих подчиненных, что Госпожа не могла уничтожить больше малой доли подпольщиков. Гениальная девочка.

Эльмо взял остальное.

— Отведи его вниз и найди камеру, — приказал он Маслу. — А ты, старик, отдохни. Белая Роза поговорит с тобой позже.

Интересный получится вечер, если докладывать будут и Шпагат, и этот старикан.

— Пойду гляну, что там, — сказал я Эльмо, взвешивая пакет в руке.

Кто бы мог его послать? За пределами равнины у меня знакомых нет. Разве что... Но Госпожа не отправила бы письмо в подполье. Или отправила бы?

Укол страха. Пусть давно это было, но она обещала держать связь.

Говорящий менгир, предупредивший нас о гонце, все еще торчал у тропы.

— Чужаки на равнине, Костоправ, — сказал менгир, когда я проходил мимо.

Я замер:

— Что? Еще?

Но камень, как обычно, промолчал.

Никогда не пойму эти древние каменюки. Черт, да я все еще не понимаю, почему они на нашей стороне. Чужаков они ненавидят по-разному, но всех с равной силой. Как и прочие диковые разумные твари равнины.

Я тихонько вернулся к себе, снял тетиву с лука и прислонил его к стене. Потом сел за стол и развернул пакет.

Почерка я не узнал, а подписи в конце не было. Я начал читать.

Прошлогодний рассказ (Из послания)

Снова эта баба орет. Боманц потер виски. Пульсирующая боль не стихала.

— Сайта, сайита, сата, — пробормотал он, прикрыв глаза; согласные зло шипели, как змеи.

Он прикусил язык. Не стоит насыщать чары на собственную жену. Последствия юношеской глупости следует переносить с достоинством и смирением. Но какое искушение И повод какой!

«Хватит, дурак! Займись проклятой картой».

Ни Жасмин, ни головная боль не унимались.

— Да чтоб тебе провалиться! — Боманц смахнул грузики с уголков карты, намотал тонкий шелк на стеклянный стержень, а тот спрятал в древке поддельного антикварного копья. Древко блестело от долгого обращения.

— Бесанд в минуту бы учуял, — пробормотал он.

Боманц заскрипел зубами — язва куснула желудок. Чем ближе конец, тем больше опасность. Нервы на пределе. Он боялся, что сломается перед последним препятствием, что трусость одолеет его и жизнь окажется прожитой напрасно.

Тридцать семь лет кажутся очень долгими, если прожиты в тени секиры палача.

— Жасмин, — пробормотал он. — Все равно что свинья Красотка. — Он откинул дверную занавесь. — Что тебе еще? — крикнул он вниз.

Как всегда. Мелочное зудение, не достигающее до сути ее недовольства. Она заставляет его платить временем занятий за погубленную, по ее мнению, жизнь.

Он ведь мог стать важным человеком в Весле. Он мог подарить ей огромный домик, полный лстивых слуг. Он мог одевать ее в парчу и золото. Он мог кормить ее до отвала мясом и салом. А вместо этого он избрал жизнь ученого, скрывая свое имя и профессию, затащив ее в эту уродливую, духами засиженную развалюху в Древнем лесу. Он не дал ей ничего, кроме нищеты, зимних морозов и унижений со стороны Вечной Стражи.

Боманц протопал по узкой скрипучей неустойчивой лестнице. Он обругал жену, плюнул на пол, сунул ей в иссохшую ладонь серебряную монету, выгнал с требованием подать наконец что-нибудь съедобное на ужин. «Унижения? — подумал он. — Я тебе покажу унижения, старая карга! Я тебе покажу, что значит жить с вечной плакальщицей, с жутким, дряхлым мешком, полным нелепых детских мечтаний...»

— Хватит, Боманц, — пробормотал он. — Она мать твоего сына. Отдай ей должное. Она тебя не предавала.

У них еще оставалось кое-что общее — карта, нарисованная на шелке. Ей тоже нелегко — ждать, не видя хода событий, зная только, что почти четыре десятилетия не принесли пока никаких зримых результатов.

Звякнул колокольчик у входной двери. Боманц поспешно натянул личину лавочника и поспешил открывать — маленький лысый толстячок, сложенные на груди ручки синеют венами.

— Токар! — Он слегка поклонился. — Я не ожидал тебя так скоро.

Токар был торговцем из Весла и приятелем сына Боманца, Камня. Боманц старательно обманывал себя, видя в непочтительной прямоте и честности торговца призрак собственной юности.

— А я не рассчитывал так быстро вернуться, Бо. Но антиквариат сейчас идет на ура. Просто невероятно.

— Что, нужна еще партия? Уже? Да ты меня обчистишь. — Еще одна невысказанная жалоба: — Боманц, тебе придется пополнять запасы. Отрывать время от изысканий.

— Эпоха Владычества сейчас в моде. Кончай тянуть, Бо. Делай деньги. В следующем году рынок может сдохнуть, как Взятые.

— Они не... Наверное, старею, Токар. Перепалки с Бесандом уже не приносят мне радости. Черт, ведь десять лет назад я его искал, чтобы развеять скуку добрым скандалом! Да и землекопом работать нелегко. Я выдохся. Хочу просто сидеть на крылечке и смотреть, как жизнь проходит мимо.

Болтая, Боманц выкладывал на прилавок лучшие старинные мечи, части доспехов, солдатские амулеты, почти отлично сохранив-

шийся щит. Ящик наконечников от стрел с выгравированными ро-
зами. Пара копий с широкими клинками — старинные наконечники,
насаженные на новые древки.

— Могу прислать тебе пару человек. Покажешь им, где копать.
Я тебе комиссионные выплачу. И делать ничего не надо. Отличная
у тебя секира, Бо. Теллекурре? Оружия теллекурре я хоть баржу мо-
гу продать

— Вообще-то, юкителле. — Укол язвы. — Нет, помощников не
надо.

Только этого ему и недостает. Чтобы банда молодых оболтусов
копала, а он делал съемку местности.

— Была бы честь предложена.

— Извини. Не обращай внимания. На меня Жасмин утром
взъелась.

— Ничего связанного со Взатыми не находил? — тихо спросил
Токар.

Боманц вскинулся, изображая ужас, как делал это на протяже-
нии десятилетий.

— Взатыми? Я что, идиот? Я не притронулся бы к такой наход-
ке, даже если бы смог пронести ее мимо надсмотрщика.

Токар заговорщицки улыбнулся:

— Конечно. Мы же не хотим оскорбить Вечную Стражу. Тем не
менее... Есть в Весле один человек, который хорошо заплатил бы за
вещь, которая могла принадлежать Взатым. А за вещь Госпожи он
продал бы душу. Он в нее влюблен.

— Да уж, известная сердцеедка.

Боманц старался не встречаться взглядом со своим молодым то-
варищем. Что ему наболтал Камень? Или Бесанд на рыбалке под-
смотрел? Чем старше Боманц, тем меньше ему нравится эта игра.
Нервы не выдерживают двойной жизни. Одолевает соблазн сознать-
ся во всем, просто чтобы облегчить душу.

Нет, проклятье! Он вложил слишком много. Тридцать семь лет.
Без сна и отдыха копая и отскребая. Выкручиваясь и привирая.
В крайней нищете. Нет, он не сдастся. Только не сейчас, когда цель
так близка.

— Я тоже ее по-своему люблю, — признался он. — Но мне хвата-
ет здравого смысла. Если бы я нашел что-нибудь, то позвал бы Бесан-
да, да так громко — в Весле услышали бы.

— Ладно, как скажешь. — Токар ухмыльнулся. — Хватит дер-
жать тебя в напряжении. — Он вытащил кожаный мешочек. — Пись-
ма от Камня.

Боманц вцепился в мешочек.

— Я от него не получал известий с тех пор, как ты последний раз заезжал.

— Могу я загружаться, Бо?

— Конечно. Давай. — Боманц рассеянно вытащил из ящика стола текущий список товаров. — Пометь, что будешь брать.

Токар хохотнул:

— В этот раз — все. Только назови цену, Бо.

— Все? Да тут половина — сущий мусор.

— Я тебе говорил — эпоха Владычества в большой моде.

— Ты видел Камня? Как он?

Боманц добрался уже до середины первого письма. Ничего существенного сын не сообщал — его послание переполняли будничные мелочи. Письма по обязанности. Весточки родителям от сына, неспособные пересечь бездну времени.

— Здоров до омерзения. Скучает в университете. Читай дальше. Там будет сюрприз.

— Токар заезжал, — сообщил Боманц и ухмыльнулся, переминаясь с ноги на ногу.

— Этот ворюга? — Жасмин скорчила гримасу. — Ты деньги у него не забыл получить?

Ее полное, оплывающее лицо застыло в вечном неодобрении. Рот ее обычно бывал недовольно сжат.

— Привез письма от Камня. Вот. — Он протянул ей пакет, но не сумел сдержаться: — Камень едет домой.

— Домой? Не может быть. У него же работа в университете.

— Он взял академический отпуск. Приезжает на лето.

— Зачем?

— Нас повидать. В лавке помочь. Диссертацию закончить в тишине.

Жасмин проворчала что-то. Писем читать она не стала. Она так и не простила сына за то, что он, как и отец, интересовался эпохой Владычества.

— Он приезжает, чтобы помочь тебе совать нос туда, куда нос совать не положено, так ведь?

Боманц украдкой глянул на окна. В его положении параноя вполне простительна.

— Приходит Год кометы. Духи Взятых восстанут, чтобы оплакать падение Владычества.

Этим летом комета, явившаяся в час падения Властелина, вернется в десятый раз. Десять Взятых проявят себя сильно.

Боманц уже наблюдал одно прохождение — в то лето, когда он поселился в Древнем лесу, задолго до рождения Камня. Духи, шагающие по Курганью, очень впечатляли.

От предвкушения засосало под ложечкой. Жасмин может не понять, но это лето — последнее. Конец долгим поискам. Не хватает только одного ключа. Найдя его, он сможет установить связь и брать, вместо того чтобы отдавать.

— Зачем я только в это влезла? — фыркнула Жасмин. — Мама ведь предупреждала.

— Мы говорим о Камне, женщина. О нашем сыне.

— Ох, Бо, только не называй меня жестокой старухой. Конечно, я буду рада его увидеть. Я ведь тоже его люблю.

— Неплохо бы это показывать иногда. — Боманц осмотрел остатки товара. — Самая дрянь осталась. От одной мысли о том, сколько придется копать, ноют мои старые кости.

Кости ныли, но дух рвался вперед. Пополнение запасов — достойный предлог побродить по окраинам Курганья.

— Хоть сейчас начинай.

— Пытаешься меня из дома выставить?

— Не огорчусь.

Вдохнув, Боманц оглядел лавку. Несколько кусков изъеденной временем брони, сломанное оружие, череп — непонятно чей, потому что характерной для офицеров Властелина треугольной вмятины на нем нет. Собиратели не интересовались останками простых солдат или последователей Белой Розы.

«Интересно, почему нас так привлекает зло?» — подумал он.

Белая Роза проявила больше героизма, чем Властелин или Взятые. Но ее забыли все, кроме людей надсмотрщика. А любой крестьянин может назвать половину Взятых. Курганье, где непрерывно шевелится зло, обходит Стража, а могила Белой Розы утеряна.

— Ни там ни здесь, — пробормотал Боманц. — Пора в поле.

Вот-вот. Лопата. Волшебный жезл. Мешки... Может, прав был Токар? Может, стоит помощника найти? Кисточки. Чтобы помогал таскать все это. Теодолит. Карта. Это бы не забыть. Что еще? Заявочные ленточки. Конечно. Этот паршивец Мен-Фу...

Он запихал, что мог, в сумку, а остальным обвешался. Взял на плечо лопату, грабли и теодолит.

— Жасмин! Жасмин! Отвори проклятую дверь!

Жена выглянула из-за занавески, отгораживавшей жилую комнату.

— Надо было отпереть ее сначала, придурок. — Она проковыляла через лавку. — Когда-нибудь, Бо, тебе придется лечиться от безалаберности. Наверное, после моей смерти.

— После твоей смерти, — бурчал он, бредя по улице. — Это ты точно сказала. Я тебя быстренько закопаю, чтоб не передумала и не встала.

Недавнее прошлое. Грай

Курганье лежит далеко к северу от Чар, в Древнем лесу, столь прославленном в легендах о Белой Розе. Грай пришел в город на следующее лето после того, как Властелин едва не сбежал из могилы через Можжевельник. Соратников Госпожи он нашел в прекрасном расположении духа. Великого зла из Великого кургана можно не опасаться. Последних мятежников отлавливают в лесах. У империи не осталось более серьезных врагов. И Великая комета, предвестница всех катастроф, не вернется еще десятки лет.

Оставался лишь единственный очаг сопротивления — дитя, якобы воплощающее Белую Розу. Но оно сбежало вместе с остатками предателей из Черного Отряда. Не стоит бояться беглецов. Превосходящие силы Госпожи сметут их.

Грай прихромал в город по дороге из Весла в одиночку, с мешком на спине, крепко сжимая посох.

Он назвался ветераном, раненным в Форсбергской кампании Хромого. Ему хотелось работать. Для человека, не обремененного гордостью, работы хватало. Вечной Страже платили хорошо. А ее обязанности нередко выполняли наемные слуги.

В то время гарнизон стоял в Курганье. Вокруг казарм без счета роились гражданские. Грай затерялся среди них, и, когда отряды и батальоны разъехались, он уже стал частью ландшафта.

Он мыл тарелки, обихаживал лошадей, выгребал навоз из конюшен, разносил письма, драил полы, чистил овощи, брался за всякое дело, которым мог заработать пару медяков. То был высокий молчаливый мрачный тип; ни с кем не сближался и ни с кем не враждовал. И почти ни с кем не общался.

Через пару месяцев он попросил — и получил — разрешение занять развалюху, принадлежавшую некогда колдуну из Весла и от-

того никому не нужную. По мере сил и возможностей он отстроил дом заново. И, как колдун до него, работал ради того, что привело его на север.

Десять, двенадцать, четырнадцать часов в день Грай работал в городе, а потом приходил домой и работал снова. Люди удивлялись: когда же он спит?

Если что-то и умаляло достоинства Грая, так это его неспособность принять роль полностью. Большая часть чернорабочих подвергалась немалым унижениям. Грай унижений не терпел. Оскорби его — и глаза станут холодными, как сталь зимой. Только один человек попытался задеть его, после того как Грай на него глянул вот так. И был избит — безжалостно, сильно и умело.

Никто не подозревал, что Грай ведет двойную жизнь. Вне дома он был Граем-поденщиком, и не более того. Эту роль он играл превосходно. Дома, когда за ним могли следить, он был Граем-обновителем, создающим новый дом из старого. И только в самые глухие часы, когда не спит лишь ночной патруль, он становился Граем — человеком с миссией.

Грай-обновитель обнаружил в стене колдуновой кухни сокровище. И отнес его наверх, где вышел из глубин Грай-одержимый.

На клочке бумаги красовалась дюжина выведенных дрожащей рукой слов. Ключ к шифру.

На тощем мрачном, не улыбчивом лице пошел ледоход. Вспыхнули темные глаза. Руки зажгли лампу. Грай сел за стол и почти час смотрел в пустоту. Потом, все еще улыбаясь, спустился по лестнице и вышел в ночь. Повстречав ночной патруль, приветствовал его взмахом руки.

Теперь его знали. И никто не мешал ему хромать по окрестностям и наблюдать за движением светил.

Когда нервы его успокоились, он вернулся домой. Но не лег спать. Он разложил бумаги и принялся изучать, расшифровывать, переводить, писать длинное письмо, которое не достигнет адресата еще долгие годы.

Равнина Страха

Заглянул ко мне Одноглазый, сказал, что Душечка собирается допросить Шпагата и гонца.

— Совсем она взвинтилась, Костоправ, — заметил он. — Ты ее видел?

— Видел. Давал советы. Она не слушает. Что еще я могу сделать?

— До появления кометы еще двадцать два года. Зачем ей загонять себя до смерти?

— Ты это у нее спроси. Мне она просто твердит, что все решится задолго до прихода кометы. Это гонка со временем. Она верит в это. Но остальные не могут вспыхнуть ее огнем. Мы здесь, на равнине Страха, отрезаны от мира, и борьба с Госпожой порой отходит на второй план — нас слишком занимает сама равнина.

Я поймал себя на том, что обгоняю Одноглазого. Эти похороны прежде смерти плохо на него повлияли. Без своей магии он слабеет и физически. Возраст сказывается. Я притормозил.

— Как вы с Гоблином — развлеклись по дороге всласть?

Одноглазый не то усмехнулся, не то скривился.

— Опять он тебя достал?

Их вражда тянется с незапамятных времен. Начинает каждую стычку Одноглазый, а выигрывает обычно Гоблин.

Он пробормотал что-то.

— Что? — переспросил я.

— Эй! — вскричал кто-то. — Свистать всех наверх! Тревога! Тревога!

— Второй раз за день? Какого беса?! — Одноглазый сплюнул.

Я понял, к чему он клонит. За последние два года тревогу не объявляли и двадцати раз. А теперь две за день? Невероятно!

Я кинулся за своим луком.

В этот раз мы рассыпались по кустам с меньшим шумом. Эльмо высказал свое крайне болезненное неудовлетворение в нескольких личных беседах.

Снова солнце. Как удар. Вход в Нору обращен на запад, и, когда мы выходили, свет бил в глаза.

— Ах ты, раздолбай проклятый! — орал Эльмо. — Что ты, твою мать, тут творишь?

На поляне стоял молодой солдатик, указывая в небо. Я поднял глаза.

— Проклятье! — прошептал я. — Дважды проклятье!

Одноглазый тоже увидел:

— Взятые.

Точка в небесах поднялась повыше, сделала круг над нашим укрытием, по спирали пошла на снижение. Внезапно качнулась.

— Да. Взятые. Шепот или Бывалый?

— Приятно видеть старых друзей, — заметил Гоблин, присоединяясь к нам.

Мы не видели Взятых с той поры, как достигли равнины. А до того они постоянно висели на хвосте, гоня нас все четыре года пути от самого Можжевельника.

Они прислужники Госпожи, постигшие ее науку ужаса. Некогда их было десять. Во времена Владычества Госпожа со своим мужем поработила величайших из своих современников, сделав их своими орудиями: то были Десять Взятых. Когда четыре века назад Белая Роза победила Властелина, они легли в могилу вместе с ним, а два оборота кометы назад восстали вместе с Госпожой. И в сражениях друг с другом — поскольку часть из них осталась верна Властелину — почти все погибли.

Но Госпожа создала новых рабов. Перо. Шепот. Бывалый. Перо и последний из прежних, Хромой, пали при Можжевельнике, когда мы сорвали попытку Властелина вернуться к жизни. Остались двое: Шепот и Бывалый.

Летучий ковер вздыбился, достигнув границы, за которой безмагия Душечки могла разрушить способность летать. Взятый развернулся, отвалил от препятствия достаточно далеко, чтобы вновь подчинить себе ковер.

— Жаль, что не двинул напролом, — сказал я. — И не рухнул камнем.

— Они не так глупы, — возразил Гоблин. — Это всего лишь разведка. — Колдун покачал головой, передернул плечами.

Он знал что-то, чего не знал я. Наверное, выяснил во время путешествия за пределы равнины.

— Назревает кампания? — спросил я.

— Ну да, — ответил он и рывкнул на Одноглазого: — А ты что там делаешь, филин слепой?! В небо гляди!

Чернокожий карлик не обращал внимания на Взятого. Он вглядывался в путаницу выточенных ветром утесов к югу от Норы.

— Наша задача — выжить, — заявил Одноглазый так самодовольно, что ясно было: он собирается поддеть Гоблина. — А это значит, что не следует отвлекаться на первый же цирковой трюк, который тебе покажут.

— Какого беса ты имеешь в виду?

— Имею в виду, что, пока вы рты разевали на того клоуна, другой проскользнул за утесами и кого-то ссадил на землю.

Мы с Гоблином поглядели в сторону красных скал. Никого.

— Слишком поздно, — сказал Одноглазый. — Улетел. Но кому-то придется ловить лазутчика.

Одноглазому я верил.

— Эльмо! Иди сюда!

Я объяснил ему, в чем дело.

— Зашевелились, — пробормотал Эльмо. — А я только начал надеяться, что про нас забыли.

— Нет, не забыли, — возразил Гоблин. — Никак уж не забыли.

И снова я почувствовал: что-то у него на уме. Эльмо оглядел пространство между нами и утесом. Он хорошо знал эти места. Как и все мы. В один прекрасный день наши жизни будут зависеть от того, кто знает их лучше — мы или противник.

— Ладно, — сказал он себе. — Посмотрим. Четверых возьму. Только с Лейтенантом посоветуюсь.

Лейтенанта по тревоге не гнали. Он и еще двое стояли на страже у входа в жилище Душечки. Если враг и доберется до нее, то лишь через их трупы.

Летучий ковер умчался на запад. Я удивился: почему твари равнины его не преследуют? Подойдя к менгиру, который заговорил со мной утром, я спросил об этом. Но вместо ответа менгир произнес:

— Начинается, Костоправ. Запомни этот день.

— Ладно. Запомню.

И я называю этот день Началом, хотя часть излагаемой истории произошла много лет назад. Это был день первого письма, день Взя-

того, день, когда пришли Следопыт и пес Жабодав. Последнее слово менгир оставил за собой:

— Чужаки на равнине.

Защищать летающих тварей за то, что они не напали на Взятого, камень не стал.

Вернулся Эльмо.

— Менгир говорит, — сказал я, — что к нам могут пожаловать новые гости.

Эльмо поднял брови:

— Следующие часовые — ты и Молчун?

— Ага.

— Будь внимательнее. Гоблин, Одноглазый — ко мне!

Они пошептались втроем, потом Эльмо взял с собой четверых юнцов и пошел на охоту.

Равнина Страха

Когда наступила моя вахта, я вышел наверх. Эльмо и его людей я не заметил. Солнце стояло низко, менгир исчез, и тишину нарушал только шепот ветра.

Молчун сидел в тени тысячекораллового рифа; солнечные лучи, пробиваясь сквозь переплетение ветвей, усеивали его пятнами. Коралл служит хорошим укрытием. Редкий обитатель равнины не опасается его яда. Для часовых местная экзотика опаснее врагов.

Я прополз, пригибаясь, между смертоносными колючками, чтобы присоединиться к Молчуну. Это высокий тощий немолодой мужчина; казалось, его черные глаза видят мертвые сны. Я отложил оружие:

— Есть что-то?

Он отрицательно качнул головой. Я разложил принесенные подстилки. Вокруг нас изгибались и карабкались на двадцатифутовую высоту коралловые ветви и веера. Видели мы только брод через ручей, несколько мертвых менгиров да бродячие деревья на дальнем склоне. Одно стояло у ручья, опустив в воду насосный корень; словно почувствовав мой взгляд, оно медленно отступило.

С виду равнина совершенно голая. Есть обычные пустынные обитатели — лишайники и саксаул, змеи и ящерицы, скорпионы и пауки, дикие псы и земляные белки, — но их не много. Встречаются они, как правило, там, где меньше всего нужны. Это относится и к другим обитателям равнины. По-настоящему странные вещи происходят именно в самый неподходящий момент. Лейтенант утверждает, что человек, затеявший самоубийство, может годами здесь жить без малейших неудобств.

Основными цветами являются красный и коричневый — песчаниковые утесы раскрашены во все оттенки ржавого, охряного, кро-

вавого и винного, с редкими оранжевыми слоями. Там и сям разбросаны белые и розовые коралловые рифы. Настоящей зелени нет — листья бродячих деревьев и саксаула имеют серо-зеленый цвет, в котором от зеленого осталось одно название. Менгиры, как живые, так и мертвые, в отличие от всех прочих камней равнины, имеют мрачную серо-бурую окраску.

По заросшей осыпи, огибая утесы, скользнула тень, огромная — много акров — и слишком темная для облака.

— Летучий кит?

Молчун кивнул.

Кит пролетел высоко, со стороны солнца, и я так и не разглядел его. Я уже много лет ни одного не видел. В прошлый раз мы с Эльмо пересекали равнину вместе с Шепот, по приказу Госпожи. Так давно? Время летит и радости не приносит.

— Странны воды под мостом, друг мой. Странны воды под мостом.

Он кивнул, но ничего не сказал. Он — Молчун.

За все годы, что я его знаю, он не произнес ни слова. И за все годы службы в Отряде — тоже. Но и Одноглазый, и мой предшественник-хронист утверждают, что он отнюдь не нем. Сведя воедино накопившиеся за долгие годы намеки, я пришел к твердому убеждению, что в юности, еще до прихода в Отряд, он дал великую клятву молчания. Но в Отряде действует железное правило — не лезть в прошлое вступившего; и почему он принял такое решение — я до сих пор и не смог выяснить.

Я видел, как с его губ едва не срывались слова, когда что-то злило или веселило его, но всякий раз он останавливал себя в последний момент. Его долго пробовали подловить, спровоцировать, чтобы нарушил клятву, но большинство быстро оставило попытки. У Молчуна находилась сотня способов отбить охоту к шуткам — например, поселить клопов в постельной скатке шутника.

Тени удлинялись. Расползались пятна темноты. Наконец Молчун встал, перешагнул через меня и вернулся в Нору, двигаясь во мраке одетой в тьму тенью. Станный человек Молчун. Он не просто не говорит — он не сплетничает. Как к такому подступиться?

Однако он один из самых старых и близких моих друзей. Почему — непонятно.

— Эй, Костоправ. — Голос был гулок, как у призрака.

Я дернулся, и в кораллах раскатился злобный смех. Ко мне опять подкрался менгир. Я повернулся. Камень стоял на тропе, которой ушел Молчун, — все двенадцать футов уродства. Недоделок.

— Привет, каменюка.

Повеселившись за мой счет, менгир теперь меня игнорировал. Молчит как камень. Ха-ха.

Менгиры — основные наши союзники на равнине. Они ведут переговоры с другими разумными существами. Но о том, что творится вокруг, сообщают нам, только если это им выгодно.

— Как там Эльмо? — спросил я.

Никакого ответа.

Волшебные ли они? Нет, наверное. Иначе не выживали бы среди безмагии, которую излучает Душечка. Но что они тогда? Тайна. Как и большая часть здешних дивных тварей.

— Чужаки на равнине.

— Знаю, знаю.

Появились ночные звери. Порхали и мерцали над головой светящиеся точки. Летучий кит, чью тень я видел на закате, проскользил высоко на востоке, и я смог рассмотреть только его светящееся брюхо. Скоро кит снизится, выпустит щупальца — и давай ловить все, что попадаете на пути.

Поднялся ветерок. Ноздри мне щекотали пряные запахи. Ветер посвистывал, хихикал, шептал и бормотал в кораллах. Издалека доносился звон ветровых колокольников Праотца-Дерева.

Праотец-Дерево — единственный в своем роде, первый ли, последний, не знаю. Но вот он стоит, двадцать футов в высоту и десять — в объёме, хмурится у ручья, вызывая чувство, близкое к страху; корни его впились в самый центр равнины. Молчун, Гоблин и Одноглазый пытались понять, что же он такое. И никому это не удалось. Дикари из немногочисленных племен равнины обожествляют его. Они говорят, что он стоит тут с начала времен. Глядя на него, можно в это поверить.

Встала луна, легла на горизонт, ленивая и брюхатая. Мне показалось, что ее диск пересекло что-то. Взятый? Или одна из тварей равнины?

У входа в Нору послышался шум. Я застонал. Гоблин и Одноглазый. Только их мне и не хватало. С полминуты я злобно мечтал, чтобы они убрались.

— Заткнитесь. Слышать не хочу вашего бреда.

Из-за рифа показался Гоблин, ухмыльнулся, подначивая меня. Выглядел он отдохнувшим и набравшимся сил.

— Дергаешься, Костоправ? — спросил Одноглазый.

— Еще как! Вы-то тут что делаете?

— Свежим воздухом дышим. — Он склонил голову к плечу, глянул на контуры дальних утесов.

Ясно. Беспокоится за Эльмо.

— Все с ним будет в порядке, — сказал я.

— Знаю, — ответил Одноглазый. — Соврал я. Душечка нас послала. Она чувствует, как что-то ворочается на западной окраине безмагии.

— И?

— Не знаю я, что это, Костоправ.

Внезапно тон его стал извиняющимся. Горьким. Если б не Душечка, он знал бы. Он чувствует то же, что ощущал бы я, оставшись без своих медицинских инструментов, не способный заниматься тем, чему учился всю жизнь.

— И что делать будете?

— Костер разложим.

— Что?

...Костер ревел. Одноглазый расстарался: добытого им сушняка хватило бы, чтобы обогреть пол-легиона. Пламя оттеснило темноту на пятьдесят футов в стороны, до самого ручья. Последние бродячие деревья сгнули. Наверное, учуяли Одноглазого.

Они с Гоблином приволокли упавшее дерево — обычное. Бродячих мы не трогаем, разве что ставим вертикально тех, кто от неуклюжести споткнулся на собственных корнях. Но это бывает редко. Они нечасто путешествуют.

Колдуны скандалили, выясняя, кто из них отлынивает от работы, а потом и вовсе уронили дерево.

— Исчезаем, — скомандовал Гоблин, и через секунду обоих колдунов и след простыл.

Я ошарашенно поглядел в темноту, но ничего не увидел. И ничего не услышал.

Я изо всех сил старался не заснуть и, чтобы не скучать, занялся колкой дров. А потом ощутил нечто странное.

Я замер с занесенным топором. Давно ли на границе освещенного круга собираются менгиры? Я насчитал четырнадцать. Их тени были длинны и черны.

— В чем дело? — спросил я.

Нервы мои были изрядно напряжены.

— Чужаки на равнине.

Что ж они все одну песню тянут? Я пристроился спиной к огню, кинул за спину пару поленьев, подкармливая пламя. Круг света расширился. Я насчитал еще десяток менгиров.

— Это уже не новость, — произнес я наконец.

— Один идет.

А вот это новость. И сказано таким тоном, какого я у менгиров еще не слышал.

Пару раз мне мерещилось слабое движение, но сказать, что это, я не мог — свет костра обманчив. Я подкинул еще дров. В самом деле движение. За ручьем. Ко мне медленно приближалась человеческая фигура. Устало. Я устроился поудобнее, изображая скуку. Незнакомец подошел поближе. На правом плече он нес седло, в левой руке — одеяло, а в правой сжимал длинный, отполированный до блеска деревянный ящик, семи футов длиной и четыре на восемь дюймов в поперечнике. Забавно.

Когда незнакомец пересек ручей, я заметил собаку. Дворняга, потрепанная, грязная, белого цвета, за исключением черного круга под глазом и нескольких черных пятен. Пес хромал на переднюю лапу. В его глазах я поймал кровавый отблеск пламени костра.

Незнакомцу я бы дал лет тридцать, а росту в нем было футов шесть. Двигался он, несмотря на усталость, легко. И мышцы завидные. Порванная рубашка открывала иссеченные шрамами руки и грудь. Лицо было совершенно лишено выражения. Подойдя к костру, он посмотрел мне в глаза — без улыбки, но и без враждебности.

Меня пробрала дрожь. Крутой парень, но недостаточно крутой, чтобы в одиночку преодолеть равнину Страха.

Первое, чем следует заняться, — задержать его. Скоро меня сменит Масло. Мой костер его встревожит. Потом он заметит чужака и поднимет всю Нору на ноги.

— Привет, — сказал я.

Незнакомец остановился, переглянулся с дворнягой. Та медленно вышла вперед, понюхала воздух, вглядываясь в обступившую нас ночь. В нескольких футах от меня пес остановился, встряхнулся и лег на брюхо. Незнакомец подошел к нему.

— Плечи пожалей, — заметил я.

Парень скинул с плеча седло, опустил на землю ящик, сел сам. Ему свело ноги, и он с трудом поджал их под себя.

— Коня потерял?

— Конь сломал ногу, — кивнул незнакомец. — К западу отсюда, милях в пяти-шести. Я с тропы сбился.

На равнине есть тропы. Некоторые из них равнина почитает безопасными. Иногда. В соответствии с формулой, известной только жителям равнины. И только отчаянный человек или дурак пойдет по тропе один. А этот человек не смахивал на идиота.

Пес фыркнул, и хозяин почесал его за ухом.

— Куда путь держишь?

— В Крепость. Так называют Нору в легендах и пропаганде.

Хорошо рассчитанная приманка для привлечения далеких сторонников.

— Звать как?

— Следопыт. А это пес Жабодав.

— Рад познакомиться, Следопыт. Привет, Жабодав.

Пес заворчал.

— Называй его полным именем, — предупредил Следопыт. — Пес Жабодав.

Сохранить серьезность мне удалось только потому, что собеседник попался крупный, мрачный и к веселью не склонный.

— А где эта Крепость? — спросил я. — Первый раз слышу.

Следопыт оторвал тяжелый, недобрый взгляд от псины и усмехнулся:

— Да говорят, где-то близ Фишек.

Второй раз за день? Или сегодня все дважды случается? Нет, вряд ли. И человек этот мне не нравился. Слишком он напоминал нашего бывшего друга Ворона — лед и сталь. Я нагнулся, чтобы скрыть ошеломление.

— Фишки? Что-то не припомню такого. Должно быть, это гораздо восточнее. Кстати, а что у тебя там за дело?

Следопыт снова усмехнулся, псина открыла один глаз и злобно глянула на меня. Мне явно не поверили.

— Письмо везу.

— Понятно.

— И посылку. Парню по прозвищу Костоправ.

Я втянул воздух сквозь зубы, неторопливо взгляделся во тьму. Круг света сжался, но менгиры не уходили. Я недоумевал: где же Одноглазый с Гоблином?

— А вот это имя мне знакомо, — произнес я. — Лекаришка.

Пес снова глянул на меня — на сей раз, как мне показалось, саркастически.

Из темноты за спиной Следопыта выступил Одноглазый, меч его был занесен для удара. Проклятье! Я даже не заметил, как он подкрался. И без всякого колдовства.

Я выдал Одноглазого, дернувшись от изумления, — Следопыт и его псина обернулись. Обоих появление колдуна удивило. Пес вскочил, вздыбив шерсть, потом повернулся так, чтобы держать нас обоих в поле зрения, и снова опустился на землю.

Но тут столь же незаметно появился Гоблин. Я улыбнулся. Следопыт глянул через плечо, глаза его задумчиво сузились, как у че-

ловека, сообразившего, что шулеры, с которыми он сел играть, хитрее, чем ему казалось.

— Очень хочет к нам, Костоправ, — хихикнул Гоблин. — Повели его вниз.

Рука Следопыта дернулась к сумке. Псина зарычала. Следопыт закрыл глаза, а когда открыл, то уже полностью овладел собой. Улыбка вернулась.

— Костоправ, да? Так я нашел Крепость?

— Нашел, приятель.

Медленно, чтобы никого не встревожить, Следопыт вытащил из сумки сверток — двойник того, который я получил утром, — и протянул мне. Я засунул сверток за пазуху:

— Где ты его взял?

— В Весле.

Он рассказал такую же историю, как и первый вестник. Я кивнул:

— Не близкий свет.

— Верно.

— Придется его вести вниз, — сказал я Одноглазому.

Тот понял меня. Мы столкнем вестников лицом к лицу и посмотрим, не полетят ли искры. Одноглазый ухмыльнулся. Я взглянул на Гоблина. Тот не возражал.

Никому из нас Следопыт не понравился. Не знаю почему.

— Пошли, — сказал я.

Вставая, я оперся на руку, которой держал лук. Следопыт глянул на мое оружие, открыл было рот, но от реплики удержался — словно узнал его. Я усмехнулся, отворачиваясь. Может, он подумал, что попал к Госпоже в лапы?

— Иди за мной.

Следопыт пошел. Гоблин и Одноглазый следовали за нами, но вещей новоприбывшего они не взяли. Пес ковылял рядом, уткнувшись носом в землю. Прежде чем зайти в пещеру, я озабоченно глянул на юг: когда же вернется Эльмо?

Следопыта и дворнягу мы посадили в камеру и приставили охрану. Они не возражали. Растолкав дрыхнувшего без задних ног Масло, я отправился к себе, попытался заснуть, но проклятый пакет беззвучно вопил на столе.

Я вовсе не был уверен, что хочу прочесть его содержимое, но пакет победил.

Второе письмо (Из послания)

Боманц глянул в прорези теодолита, навел диоптр на верхушку Великого кургана. Потом отступил, заметил угол, развернул одну из приблизительных полевых карт. Именно в этом месте он откопал секиру теллекурре.

Если бы только описания Оккула были не столь туманны. Тут, вероятно, стоял фланг их строя. Ось строя должна быть параллельна остальным — значит Меняющий и его рыцари должны были стоять вон там. Проклятье!

Земля в этом месте чуть бугрилась. Это хорошо — грунтовые воды меньше повредят погребенные предметы. Но вот подлесок... Падуб. Шиповник. Ядовитый плющ. Особенно ядовитый плющ. Боманц ненавидел это вездесущее растение. От одной мысли о нем волшебник начинал чесаться.

— Боманц!

— Что? — Он обернулся, поднимая грабли.

— Эй, спокойно! Не бушуй, Бо.

— Да что с тобой такое? Что за привычка подкрадываться? Это не смешно, Бесанд. Или мне граблями с твоей морды идиотскую ухмылку содрать?

— Ой какие мы сегодня злые!

Бесанд был тощим стариком, примерно ровесником Боманца. Плечи его горбились, голова выдавалась вперед, точно он вынюхивал след. По рукам змеились толстые синие вены, кожу испещряли печеночные пятна.

— А ты чего ожидал? Кидаешься на людей из кустов...

— Кустов? Каких кустов? Тебя, часом, не совесть мучает, Бо?

— Бесанд, ты пытаешься подловить меня с незапамятных времен. Что бы тебе не бросить эту затею? Сперва меня пропесочила Жасмин, потом Токар скупил у меня все, что мог, так что мне придется откапывать новый запас, а теперь я еще с тобой любезничать должен? Сгинь, я не в настроении.

Бесанд ухмыльнулся широко и криво, обнажив частокол гнилых зубов:

— То, что я тебя не поймал, Бо, не значит, что ты невиновен. Это значит только, что я тебя не разоблачил.

— Если я виновен, то ты, должно быть, полный кретин, раз за сорок лет не поймал меня за руку. Ну какого черта ты не можешь облегчить жизнь нам обоим?

— Скоро я у тебя с шеи слезу, — хохотнул Бесанд. — Меня выгоняют на пенсию.

Боманц оперся на грабли и внимательно поглядел на стражника. Бесанд исходил кислой вонью боли.

— Правда? Сочувствую.

— Верю. Может, у моего сменщика хватит ума взять тебя за жабры.

— Расслабься. Хочешь знать, что я делаю? Прикидываю, где полегли рыцари теллекурре. Токар требует шикарных вещей, а это лучшее, что я могу для него добыть, не забираясь на курганы и не давая тебе повода меня повесить. Подкинь-ка лозу.

Бесанд протянул ему раздвоенный ивовый прут.

— Курганы грабить, да? Это не Токар ли тебе предложил?

В позвоночник Боманца вонзились ледяные иглы. Это был не простой вопрос.

— Никак остановиться не можем? После долгого приятельства, может, хватит уже играть в кошки-мышки?

— Я развлекаюсь, Бо.

Бесанд тащился за ним аж до заросшего пригорка.

— Надо будет тут все расчистить. Руки никак не доходят. Людей нет, денег тоже нет.

— Не можешь расчистить сейчас? Я покопаться хочу. А тут плющ ядовитый.

— Ох, обходил бы ты стороной плющи, Бо, — съехидничал Бесанд. Каждое лето Боманц с проклятьями прокладывал себе дорогу сквозь многочисленные ботанические бедствия. — Так насчет Токара...

— Я не веду дел с нарушителями закона. Это мое твердое правило. Ко мне уже больше никто не подкатывает.

— Уклончиво, но принимаю.

Лоза в руках Боманца дернулась.

— Я увяз в бараньем дерьме. По самые уши.

— Точно?

— Гляди, как прыгает. Наверное, их всех в одну яму свалили.

— Так насчет Токара...

— Ну что насчет него, будь ты проклят? Хочешь повесить его — вперед! Только предупреди, чтобы я мог найти себе перекупщика не хуже.

— Не хочу я никого вешать, Бо. Я тебя хочу предупредить. В Весе ходят слухи, что он из воскресителей.

Боманц выронил лозу и со всхлипом вдохнул:

— Правда, что ли? Воскреситель?

Надсмотрщик смерил его внимательным взглядом:

— Просто слух. Болтают всякое. Я подумал, тебе будет интересно. Мы вроде как не чужие друг другу люди.

Боманц поднял оливковую ветвь.

— Да вроде как. Честно говоря, мне он и намеком не обмолвился. О-ох! Обвинение-то тяжелое. — И обдумать его нужно хорошенько. — Только не говори никому, что я нашел. Этот ворюга Мен-Фу...

Бесанд снова хохотнул. Его веселье имело могильный привкус.

— Любишь свою работу, да? Изводить людей, которые не могут дать сдачи?

— Поосторожнее, Бо. А то загребу для допроса.

Бесанд развернулся и пошел прочь. Боманц соорудил рожу ему вслед. Конечно, Бесанду нравилась работа — она позволяла корчить из себя диктатора. Можно делать что угодно и с кем угодно, не неся никакой ответственности.

После того как Властелин и его приспешники пали и были погребены в Курганье за барьерами, которые возвели величайшие из чудотворцев своего времени, указом Белой Розы на границе могильника поставили Вечную Стражу, неподотчетную никому. В обязанность ей вменялось предотвратить воскрешение не-мертвого зла в Курганье. Белая Роза знала людскую натуру. Всегда найдутся те, кто увидит выгоду в служении Властелину или попробует его использовать. Всегда найдутся поклонники зла, стремящиеся освободить своего героя.

Воскресители появились едва ли не раньше, чем проросла трава на курганах.

«Токар — воскреситель? — подумал Боманц. — Словно других забот мне мало. Теперь Бесанд разобьет лагерь у меня на шее».

Боманц не хотел будить древнее зло. Он просто намеревался связаться с одним из лежащих под курганами, чтобы пролить свет на кое-какие из древних тайн.

Бесанд уже скрылся из виду. Теперь утащится к себе в хибару. Так что будет время провести несколько запретных наблюдений. Боманц установил теодолит на новом месте.

Курганье выглядело не особенно страшным — только очень заброшенным. За четыре сотни лет погода и растительность перестроили некогда замечательное сооружение. Курганы и жуткий ландшафт вокруг них почти скрылись под кустарником. У Вечной Стражи уже не хватало сил на поддержание порядка. Надсмотрщик Бесанд вел отчаянный арьергардный бой с самим временем. На Курганье ничего толком не росло. Кустарник был корявым и низким, но очертания курганов таяли в нем, как менгиры и фетиши, скрывавшие Взятых.

Боманц потратил всю свою жизнь, определяя, кто в каком кургане лежит, чей курган где стоит и где расположены менгиры и фетиши. Главная карта, его шелковое сокровище, была почти завершена. Он почти мог пройти лабиринт. Он подошел так близко к разгадке, что одолевало искушение попробовать еще до того, как все будет полностью готово. Но Боманц не глупец. Он собирается подоить очень брыкучую корову, и ошибки быть не должно. С одной стороны ему угрожает Бесанд, с другой — ядовитое древнее зло.

Но если ему удастся... О, если бы ему удалось связаться и вывести тайны!.. Человеческий кругозор расширился бы необозримо.

Он станет величайшим из живущих магов. Его слава разнесется по всему миру. Жасмин получит все, за отсутствие чего бранила мужа. Если он сумеет связаться.

Сумеет, черт возьми! Ни страх, ни старческая немощь уже не остановят его. Еще несколько месяцев — и последний ключ будет у него в руках.

Боманц так долго жил своей ложью, что нередко лгал сам себе. Даже в минуты особой искренности он никогда не признавал, что самым важным мотивом была его интеллектуальная привязанность к Госпоже. Именно она заинтриговала его с самого начала, та, с кем он хотел связаться, та, что делала бесконечно интересными старые книги. Из всех повелителей времен Владычества она самая загадочная, самая легендарная, наименее историчная. Некоторые ученые называли ее величайшей красавицей в мире, утверждая, что, раз увидев эту женщину, человек становился ее рабом до смерти. Кое-кто

говорил, что именно она была движущей силой Владычества. Некоторые признавались, что их источники — не более чем романтические бредни. Остальные не признавались ни в чем, хотя явно прикидывались. И еще студентом Боманц был очарован Госпожой.

Забравшись к себе на чердак, он развернул шелковую карту. День прошел не совсем пустую — обнаружен неизвестный дотоле менгир и определено, какие заклятия он крепил. И найдено захоронение теллекурре.

Он буравил глазами карту, точно пытаясь силой воли выжать из нее нужные сведения.

Диаграмм было две. Верхняя представляла собой пятиконечную звезду, вписанную в круг. Так выглядело Курганье сразу после постройки. Звезда возвышалась над окружающей местностью на высоту человеческого роста; ее поддерживали известняковые стены. Кругом был изображен наружный берег рва, выброшенная из которого земля составляла курганы, звезду и пятиугольник внутри звезды. Ныне от рва осталась только топкая полоса — предшественники Бесанда не могли держаться наравне с природой.

Внутри звезды располагался пятиугольник той же высоты; углы его лежали в точках, где стороны звезды сходились. Он также сохранился, но его стены рухнули и заросли. В центре пятиугольника, посередине линии север—юг, лежал Великий курган, где покоился Властелин.

Боманц пронумеровал лучи звезды нечетными числами от одного до девяти, начиная сверху по часовой стрелке. Рядом с каждым числом стояло прозвище: Душелов, Меняющий Облик, Крадущийся в Ночи, Зовущая Бурю, Костоглод. Насельников пяти внешних курганов он установил. Пять внутренних точек нумеровались четными числами, начиная от правой стороны северного луча. Номером четвертым шел Ревун, восьмым — Хромой. Могилы троих Взятых оставались безымянными.

— Ну кто же в этой проклятой шестой могиле? — пробормотал Боманц. — Проклятье! — Он ударил кулаком по столу.

Четыре года, а он и намека не нашел на это имя. Маска, скрывавшая прозвище лежащего там, оставалась последним серьезным препятствием. Все остальное было делом техники — отключить охранные заклятия и войти в контакт с тем, кто лежит в Срединном кургане.

Маги Белой Розы исписали много томов, похваляясь своими успехами в колдовском искусстве, но ни единого слова не сказали о том, где же лежат их жертвы. Такова человеческая природа. Бесанд

хвастал, какую рыбу и на какую наживку он поймал, но редко демонстрировал соответствующий чешуйчатый трофей.

Под звездой Боманц нарисовал крупным планом Срединный курган — вытянутый с севера на юг прямоугольник, окруженный и заполненный рядами значков. У каждого угла стояли символы менгиров — двадцатифутовых колонн, увенчанных головами двуликих сов. Один лик глядел внутрь, второй — наружу. Угловые менгиры замыкали первый круг заклятий, ограждавших Великий курган.

Вдоль его сторон располагались ряды кружков, обозначавших деревянные шесты — бóльшая часть из них уже сгнила и рухнула, а вместе с ними и заклятия. В Вечной Страже не числилось колдуна, способного восстановить или заменить их.

На самом кургане значки образовывали три прямоугольника. Символы внешнего ряда изображали пехотинцев, среднего — рыцарей, а внутреннего — слонов. Гробницу Властелина окружали могилы тех, кто отдал свою жизнь ради его гибели. Их духи были средней линией обороны мира от древнего зла, которое он способен вызвать. Боманц не ожидал от них особенных неприятностей. По его мнению, призраки должны были только пугать обычных гробокопателей.

Внутри третьего прямоугольника Боманц изобразил дракона, кусающего себя за хвост. Легенда гласила, что вокруг могилы свил-ся кольцом великий дракон, более живой, чем сгинувшая Госпожа или Властелин, дремлющий многие века в ожидании попытки воскресить пойманное в ловушку зло.

Боманц не знал способа справиться с драконом и не нуждался в нем. Он собирался установить связь с обитателем могилы, а не выпускать его.

Проклятье! Если бы только ему удалось заполучить амулет старого стражника... Когда-то Вечная Стража имела амулеты, позволявшие проникать на Курганье для наведения порядка. Амулеты все еще существовали, хотя давно не использовались. Один из них Бесанд носил при себе, а остальные спрятал.

Бесанд. Этот безумец. Этот садист.

Боманц считал надсмотрщика своим ближайшим приятелем — но не другом. Нет, ни в коем случае не другом. Печальный итог жизни — самый близкий человек только и ждет шанса запытать или повесить тебя.

Что он там болтал об отставке? Неужто о Курганье вспомнили за пределами этого богами забытого леса?

— Боманц! Жрать будешь?!

Боманц выцедил несколько проклятий и свернул карту.

Той ночью к нему пришел сон. Боманц слышал зов сирены. Он снова был молод и холост; он шел по дорожке мимо своего дома. Его окликнула женщина. Кто она? Он не знал. Все равно. Он любил ее. Смеясь, побежал к ней... Полетел. Шаги не приближали его к женщине. Ее лицо помрачнело, и она растаяла... «Не уходи! — воскликнул он. — Пожалуйста!» Но она исчезла и унесла с собой его солнце.

Беспросветная тьма поглотила его сон. Боманц колыхался в воздухе — на поляне в невидимом лесу. Медленно, очень медленно над деревьями взошло нечто серебристое. Большая звезда с огромной серебристой гривой. На его глазах она росла, заполняя небо.

Укол неуверенности. Тень страха. «Она падает на меня!» Он скорчился, закрывая лицо рукой. Серебристый шар заполнил небо, и у этого шара было лицо. Женское лицо...

— Бо! Прекрати! — Жасмин пихнула его снова.

— А? Что? — Он сел на постели.

— Ты кричал. Опять тот кошмар?

Боманц прислушался, как гремит в груди сердце, вздохнул. Долго ли еще терпеть? Он стар.

— Тот самый.

Повторяющийся через неопределенные промежутки времени.

— В этот раз намного сильнее.

— Может, тебе сходить к толкователю снов?

— К здешнему, что ли? — Боманц с отвращением фыркнул. — Не нужны мне никакие шаманы.

— Точно не нужны? Тебя небось совесть заела. За то, что выманил Камня из Весла.

— Не выманивал я его... Спи.

К его изумлению, супруга повернулась на другой бок, не желая продолжать спор.

Боманц глядел в темноту. Этот сон был намного ярче. Даже не слишком ярок и понятен. Не таится ли второй смысл за предупреждением не соваться в курганы?

Так же медленно вернулось чувство, с которого начался сон: ощущение, что его зовут, что до исполнения заветных желаний всего один шаг. Сладкое чувство. Боманц расслабился и заснул с улыбкой.

Бесанд и Боманц наблюдали, как стражники выкорчевывают кустарник на будущем месте раскопок.

— Да не жги, идиот! — Боманц внезапно сплюнул. — Останови его, Бесанд.

Стражник с факелом отшатнулся от кучи веток. Бесанд покачал головой:

— Сынок, ядовитый плющ не жгут. Яд с дымом расходится.

Боманц уже чесался. И размышлял, почему это его спутник так сговорчив.

— От одной мысли зуд пробирает, да? — ухмыльнулся Бесанд.

— Да.

— Ну так позуди еще. — Надсмотрщик указал пальцем, и Боманц увидел наблюдающего с безопасного расстояния Мен-Фу, своего давнего конкурента.

— Я никогда и никого не ненавидел, — прорычал он, — но этот тип вводит меня в искушение. У него ни морали, ни совести, ни сомнений. Вор и лжец.

— Знаю я его. К твоему счастью.

— Скажи-ка ты мне, Бесанд, надсмотрщик Бесанд, почему ты ему на пятки не наступаешь, как мне? И что значит — к моему счастью?

— Он обвинил тебя в воскресительских настроениях. А не преследую я его потому, что его многочисленные добродетели включают трусость. У него наглости не хватит откапывать запретные вещи.

— А у меня, значит, хватит? И этот прыщ на меня доносит? Уголовщину приписывает? Да не будь я стариком...

— Он свое получит, Бо. А у тебя смелости бы хватило. Только на умысле я тебя еще не поймал.

— Ну вот, опять! — Боманц поднял очи горе. — Скрытые обвинения...

— Не такие уж скрытые, дружище. Есть в тебе попустительство, нежелание признать существование зла. Оно не хуже мертвяка смердит. Дай ему волю — и я тебя поймаю, Бо. Злодеи хитры, но в конце концов предают сами себя.

На мгновение Боманцу показалось, что мир вокруг него распадается. Потом он понял, что Бесанд закидывает удочку. Надсмотрщик был заядлым рыбаком.

— У меня в глотке твой садизм стоит! — резко ответил Боманц, дрожа. — Если бы ты и вправду что-то заподозрил, то набросился бы на меня, как муха на дерьмо. Закон всегда был не про вас, стражников, писан. И насчет Мен-Фу ты, наверное, соврал. Ты бы собственную мать посадил по доносу такого мерзавца. Ты псих, Бесанд. Сам-то хоть это знаешь? Больной. Вот тут. — Он постучал пальцем по виску. — Ты не можешь обходиться без жестокости.

— Напрасно испытываешь удачу, Бо.

Боманц попятился. Сейчас им владели страх и ярость. Бесанд по-своему выказывал ему особое снисхождение. Словно он, Боманц,

был необходим для душевного здоровья надсмотрщика. Бесанду требовался хоть один человек, помимо стражников, кого бы он не преследовал. Кто-то, чья неприкосновенность подтверждала нечто... Может быть, он, Боманц, олицетворяет для надсмотрщика всех их, защищаемых? Колдун фыркнул. Жирно будет.

«И этот разговор об отставке. Не сказал ли он больше, чем я слышал? Может, уезжая, он сворачивает все дела? Может, у него тяга к шикарным концовкам? Может, он хочет увековечить свой уход на пенсию?»

И кто его сменщик? Еще одно чудовище, которое не ослепить той паутиной, которой я заплел Бесанду глаза? И тогда новичок кинется на меня, точно бык на арене? И Токар — предполагаемый воскреситель... Это как понимать?»

— В чем дело? — озабоченно спросил Бесанд.

— Язва беспокоит. — Боманц потерял виски, надеясь, что хоть мигрень не проявит себя.

— Поставь вешки. Иначе Мен-Фу тут же набросится.

— Ага.

Боманц вытащил из мешка полдюжины колышков. К каждому привязана полоска желтой ткани. Он воткнул их в землю. Согласно обычаю, участок, огороженный подобным образом, переходил к нему для раскопок.

Мен-Фу, однако, все равно стал бы копать тут и ночью и днем, и Боманц не мог привлечь его к ответственности. Заявки не признавались законом — только обычаем. У искателей древностей были собственные способы убеждения. А Мен-Фу понимал из всех способов только грубую силу. Его воровские повадки ничто не меняло.

— Жаль, Камня нет, — произнес Боманц. — Он бы ночами сторожил.

— Я прикрикну на паршивца. На пару дней это его остановит. Слышал, Камень возвращается домой?

— Да, на лето. Мы так рады! Четыре года его не видели.

— Он, кажется, с Токаром дружен?

— Будь ты проклят! — Боманц развернулся кругом. — Никогда не сдаешься, да?

Он говорил без воплей, ругани и заламывания рук, как обычно в напускном гневе, а тихо, в настоящей ярости.

— Ладно, Бо. Сдаюсь.

— Хорошо бы. Очень хорошо бы. Я тебе не позволю за ним ползать все лето. Не позволю, слышишь?

— Я же сказал, что сдаюсь.

Курганье

По казармам Стражи Грай гулял, когда ему вздумается. На стенах в здании штаба десятками красовались старые картины Курганья. За мытьем полов Грай часто поглядывал на них и вздрагивал — и не он один. Попытка Властелина сбежать через Можжевельник сотрясла всю империю Госпожи. А рассказы о его жестокости кормились сами собой, они разжигали за века, прошедшие с тех пор, как Белая Роза сокрушила его.

Курганье молчало. Надзиравшие за ним не замечали ничего необычного. Боевой дух поднимался. Древнее зло потратило выстрел впустую.

Но оно ждало.

Если понадобится, оно будет ждать вечно. Ему не умереть. Последняя его надежда оказалась тщетной — Госпожа тоже бессмертна. И она никому не позволит открыть могилу своего мужа.

Картины изображали стадии разложения. Последнюю рисовали вскоре после воскрешения Госпожи. Даже тогда Курганье выглядело намного лучше.

Порой Грай подходил к окраине городка и, глядя на Великий курган, покачивал головой.

Некогда существовали амулеты, позволявшие стражникам проникать за границу смертельных заклятий, ограждавших курганы, чтобы поддерживать там порядок. Но они исчезли. И Стража теперь могла только смотреть и ждать.

Ковыляло время. Медлительный, бесцветный, хромой Грай стал городской достопримечательностью. Говорил он редко, но иной раз оживлял посиделки в «Синем хрене» несуразными байками времен Форсбергской кампании. В те минуты у него в глазах вспыхивал

огонь, и никто не сомневался, что Грай на самом деле там бывал, хотя рассказы свои изрядно приукрашивал.

Друзей у него не было. Ходили слухи, что Грай поигрывал в шахматы с надсмотрщиком, полковником Сластью, которому оказывал некоторые услуги личного свойства. И конечно, был еще рекрут Горшок, жадно выслушивавший все побасенки Грая и сопровождавший его на прогулках. Ходил слух, что Грай умеет читать, и Горшок тоже хотел научиться.

На второй этаж своего дома Грай не пускал никого. Глухими ночами именно там он распутывал предательскую паутину истории, которую время и ложь исказили до полной потери связей с истиной.

Лишь малая ее часть была зашифрована. Остальное составляли торопливые каракули на теллекурре, основном языке времен Владычества. А некоторые абзацы писались на юкителле, местном диалекте теллекурре. Иной раз сражающийся с абзацами Грай мрачно улыбался. Возможно, он единственный из живущих мог разгадать смысл этих, порой обрывочных, фраз. «Преимущества классического образования», — бормотал он не без сарказма. А потом вдруг задумывался, вспоминал и уходил на полночную прогулку, чтобы отогнать непрощенные воспоминания. Собственное прошлое — это дух, который не желает изгоняться. Единственный экзорцизм для него — смерть.

Грай казался себе ремесленником. Кузнецом. Оружейником, бережно кующим смертоносный меч. Как и прежний обитатель дома, он всю свою жизнь посвятил поискам осколков знания.

Зима выдалась жестокая. Первый снег выпал рано, после столь же ранней и необычайно сырой осени. Снег валил часто и густо. А весна пришла не скоро.

В лесах к северу от Курганья, где обитали лишь разрозненные кланы, жизнь стала невыносима. Лесовики приходили менять шкуры на еду. Обосновавшиеся в Весле торговцы мехами плясали от радости.

Старики говорили, что такая зима не к добру, но старикам нынешняя погода всегда кажется суровой, чем в прежние дни. Или мягче. Но такой же она никогда не бывает.

Проклюнулась весна. Резкая оттепель привела в бешенство ручьи и реки. Река Великая Скорбь, протекавшая в трех милях от Курганья, разлилась на много миль, похитив десятки и сотни тысяч деревьев. Половодье выдалось такое примечательное, что горожане десятками выходили поглазеть на разлив с вершины холма.

Большинству новшество вскоре наскучило. Но Грай ковылял туда каждый день, когда Горшок мог сопровождать его. Горшок еще не разучился мечтать. Грай потакал ему в этом.

— Чем тебя так река тянет, Грай?

— Не знаю. Может быть, величавостью.

— Чем-чем?

Грай повел рукой:

— Размером. Неутихающей яростью. Видишь, как много мы на самом деле значим?

Бурая вода бешено вгрызалась в холм, перебирая груды плавника. Менее бурные протоки обнимали холм, шупали лес за ним.

Горшок кивнул:

— Вроде того как я на звезды гляжу.

— Да. Да. Но это — более личное. Ближе к дому. Разве нет?

— Может быть. — Голос Горшка прозвучал неуверенно, и Грай улыбнулся.

Наследство крестьянской юности.

— Пошли домой. Вроде унимается, но с этими облаками я ни за что не поручусь.

Дождь и в самом деле грозил пролиться. Если река поднимется еще, то холм превратится в остров. Горшок помог Граю перебраться через топкие места и залезть на гребень невысокой насыпи, не позволявшей разливу добраться до расчисток. Большая часть поля тем не менее превратилась в озеро, достаточно мелкое, чтобы его мог перейти вброд осмелившийся на это дурак. Под серыми небесами громоздился Великий курган, темной тушей отражаясь в воде. Грая передернуло.

— Горшок, он еще там.

Юноша оперся на копые, оглянувшись только потому, что это было интересно Граю. Сам он хотел побыстрее забраться под крышу.

— Властелин там, парень. И все, что сбежать не успело. Ждут. И копят ненависть к живущим.

Горшок глянул на старика. Грай весь напрягся — кажется, от страха.

— Если он вырвется — горе нашему миру.

— Но разве в битве при Можжевельнике Госпожа его не прикончила?

— Она его остановила. Но не уничтожила. Это может быть и во все нереально... Нет, должно быть у него уязвимое место. Но если Белая Роза не смогла повредить ему...

— Роза не так уж сильна, Грай. Она и Взятым-то не навредила. Или их прислужникам. У нее хватило сил только связать их и похоронить. Госпожа и мятежники вместе...

— Мятежники? Сомневаюсь. Это сделала она.

Грай двинулся вперед, вдоль берега, привлекая ногу и не отрывая взгляда от Великого кургана.

Горшок боялся, что Курганье зачарует Грая. Как стражника, его это не могло не волновать. Хотя Госпожа истребила всех воскресителей во времена его деда, курган еще не потерял мрачной притягательности. Надсмотрщик Сласть дрожал при мысли о том, что кому-то придет в голову возродить эту глупость. Горшок хотел предупредить Грая, но не смог составить достаточно вежливую фразу.

На озеро набежал ветер, со стороны кургана покатились рябь. Грай и Горшок вздрогнули.

— И чего б этой погоде не кончиться? — пробормотал Грай. — Чай пить не пора?

— Пора.

Сырость и холодá продолжались. Лето пришло поздно, а осень — рано. Когда Великая Скорбь вернулась наконец в свои берега, она оставила грязную равнину, усеянную обломками вековых деревьев. Русло реки сместилось на полмили к западу.

А лесовики продолжали продавать меха.

Находишь то, чего не ищешь. Грай почти закончил ремонт. Теперь он восстанавливал шкаф. Снимая деревянную вешалку, он выронил ее. Ударившись об пол, шест разломился надвое.

Грай нагнулся. Грай посмотрел. Сердце заколотилось. На свет показался узкий рулон белого шелка... Медленно, нежно Грай сложил половники шеста и отнес их наверх.

С предельной осторожностью он вытащил и развернул шелковое полотнище. Желудок сжался в комок.

То была составленная Боманцем карта Курганья, со всеми пометками — где лежали Взятые, где и почему стояли фетиши, какова мощь защитных заклятий, — с известными местами вечного упокоения тех прислужников Взятых, что полегли вместе с хозяевами. Очень детальная карта. С надписями в основном на теллекурре.

Помечены были и захоронения вне Курганья. Бóльшая часть погибших легла в общие могилы.

Битва захватила воображение Грая. На мгновение он увидел, как держатся и гибнут до последнего человека войска Властелина. Он

увидел, как волна за волной орда Белой Розы отдает жизни, чтобы загнать мрак в ловушку. Над головой пламенным ятаганом сияла Великая комета.

Он мог только воображать. Достоверных источников не сохранилось.

Грай посочувствовал Боманцу. Бедный дурачок — мечтатель, искатель истины. Он не заслужил дурной славы.

Всю ночь Грай просидел над картой, позволяя ей пропитать тело и душу. Перевод надписей в этом не очень помог, зато прояснил кое-что в отношении Курганья. И очень многое — в отношении колдуна, столь преданного своему делу, что он всю жизнь провел в изучении этой местности.

Утренний свет пробудил старика. На мгновение Грай засомневался в самом себе. Не станет ли и он жертвой той же губительной страсти?

Равнина Страха

Поднял меня Лейтенант. Лично.
— Эльмо вернулся, Костоправ. Перекуси и дуй в зал совещаний.

Мрачный он человек, и с каждым днем все мрачнее. Иной раз я жалею, что голосовал за него, когда Капитан погиб в Можжевельнике. Но так пожелал Капитан. Это была его последняя просьба.

— Как только, так сразу, — ответил я, выкарабкиваясь из постели без обычных стонов.

Сгрел одежду, пошелестел бумагами, неслышно посмеялся над собой. Мало ли я жалел, что голосовал за Капитана? А ведь когда он хотел уйти на покой, мы ему не позволили.

Комната моя вовсе не похожа на берлогу лекаря. У стен до самого потолка навалены книги. Большую часть я прочел — изучив предварительно языки, на которых они написаны. Некоторые — ровесники самого Отряда, летописи древних времен. Иные — генеалогии благородных семейств, украденные из старых храмов и чиновничьих гнезд разных стран. А самые редкие и интересные повествуют о взлете и падении Владычества.

Самые редкие — те, что написаны на теллекурре. Последователи Белой Розы оказались не слишком снисходительны к побежденным. Они сжигали книги и города, вывозили женщин и детей, оскверняли знаменитые святилища и великие произведения искусства. Обычный след великих событий.

Так что осталось мало ключей к языку, истории, образу мыслей побежденных. Некоторые из наиболее четко написанных документов в моей библиотеке остаются совершенно непонятными.

Как я хотел бы, чтоб Ворон был с нами, а не в могиле. Он свободно читал на теллекурре. Немногие, помимо ближайших соратников Госпожи, могут похвастаться этим.

В дверь просунул голову Гоблин:

— Ты идешь или нет?

Я начал ему жаловаться. Не первый раз. И никакого проку. Он только посмеялся:

— У своей подружки поплачь на груди. Вдруг да поможет.

— Когда ж вы уйметесь, ребята?

Прошло пятнадцать лет с тех пор, как я написал последний простодушно-романтический рассказ о Госпоже. Это было перед долгим отступлением, приведшим мятежников к разгрому у Башни в Чарах. Но старые друзья ничего не забывают.

— Никогда, Костоправ, никогда. Кто еще из нас провел с ней ночь? Или прокатился на ковре по небу?

Я предпочел бы об этом забыть. То были минуты скорее ужасные, а не романтические. Госпожа узнала о моих исторических потугах и попросила описать и ее сторону. Более-менее. Она не указывала и не сокращала; настаивала только, чтобы я держался фактов и оставался беспристрастным. Я тогда думал, что она ожидает поражения и хочет, чтобы где-то сохранилась история, не зараженная предассудками.

Гоблин глянул на гору пергаментов:

— Все еще никакой зацепки?

— Я уже не уверен, что она есть вообще. Что ни переведу — все пустышки. Чей-то перечень расходов. Календарь встреч. Список кандидатов на повышение. Письмо какого-то офицера приятелю-придворному. И все намного старше, чем то, что я ищу.

Гоблин вопросительно поднял бровь.

— Но я буду искать. Ведь что-то там есть! Мы захватили эти бумаги у Шепот, когда она была мятежницей. Она очень дорожила ими. И наш тогдашний патрон Душелов была убеждена, что эти документы способны поколебать империю.

— Иногда целое больше суммы частей, — глубокомысленно произнес Гоблин. — Может, тебе стоит искать то, что связывает эти бумаги.

Эта мысль мне тоже приходила в голову. Имя, повторяющееся то здесь, то там, вскрывающее чье-то прошлое. Может, я его и найду. Комета не вернется еще долго.

Но я сомневался в этом.

Душечка еще молода — чуть старше двадцати. Но цвет ее юности уже облетел. Суровые годы громоздились на не менее суровые. Женственного в ней не много — не было случая развиваться в этом

отношении. Даже проведя два года посреди равнины, никто из нас не воспринимал ее как женщину.

Душечка высока — до шести футов ей не хватает пары дюймов. Глаза имеют блекло-голубой цвет и нередко кажутся пустыми, но когда Душечка встречает препятствие, они превращаются в ледяные клинки. Светлые, точно выцветшие на солнце волосы сбиваются в лохмы и колтуны, если за ними не приглядывать, поэтому лишенная тщеславия Душечка остригает их короче обычного. Да и одевается она подчеркнуто практично. Многих посетителей по первому разу оскорбляет ее мужской костюм, но скоро они убеждаются: дело она знает.

Роль пришла к ней против желания, но Душечка примирилась с ней, вошла в нее с упрямой убежденностью. Она выказывает мудрость, необычную для своих лет и при ее немоте. Ворон хорошо учил ее в те немногие годы, когда приглядывал за ней.

Когда я вошел, она прохаживалась взад и вперед. Земляные стены зала совещаний продымлены, — даже пустой, он кажется переполненным. В нем стоит застарелая вонь множества немых тел. Был там старик из Весла. Были Следопыт, Шпагат и еще несколько пришлых. И большая часть Отряда. Я сделал жест приветствия. Душечка обняла меня по-сестрински, спросила, как продвигаются мои исследования.

— Я уверен, — произнес я для всех и показал знаками ей, — что в Облачном лесу мы обнаружили не все документы. Уверен не только потому, что не могу найти то, что ишу. Все они слишком старые.

Черты лица Душечки правильны, нет в них ничего выдающегося. Но все же ощущаются в этой женщине характер, воля, несгибаемость. Ребенком она побывала в аду, и он не затронул ее. Не трогал он ее и теперь.

Но услышанное ей не понравилось.

— *У нас не будет времени, на которое мы рассчитывали,* — прожестикულიровала она.

Я отвлекся немного. Я ждал, что между Следопытом и вторым вестником с запада полетят искры. В глубине души Следопыт мне очень не нравился. Я бессознательно надеялся найти подтверждение своей неприязни.

Ничего.

И ничего удивительного. Система ячеек надежно ограждает наших последователей друг от друга.

Следующими Душечка пожелала выслушать Гоблина и Одноглазого.

— Все, что мы слышали, — правда, — пропищал Гоблин. — Они усиливают гарнизоны. Но про это лучше Шпагат расскажет. А наша миссия провалилась. Они ждали нас. И гнали по всей равнине. Нам повезло, что смогли оторваться. И помощи никакой.

Менгиры и их жутковатые приятели считаются нашими союзниками. Но по-моему, они слишком непредсказуемы. Они помогают нам или не помогают, следуя каким-то своим правилам.

Детали провалившегося рейда Душечку не интересовали. Она перешла к Шпагату.

— По обе стороны равнины собираются армии, — сообщил тот. — Под водительством Взятых.

— Взятых? — переспросил я.

Я знал только двоих. А Шпагат говорил о многих. Тогда страшно. Давно уже ходят слухи, что Госпожа лишь потому оставила нас в покое, что собирала новый урожай Взятых. Я в это не верил. Наш век до скорбного лишен личностей, наделенных той великолепной и злобной силой, что и Взятые Властелином во время оно: Душелов, Висельник, Крадущийся в Ночи, Меняющий Облик, Хромой и прочие. То были злодеи эпического масштаба, почти столь же буйные в своем коварстве, что и Госпожа с Властелином. Наши слабосильные времена породили лишь Душечку и Шепот.

— Слухи оказались верны, мой господин, — стыдливо ответил Шпагат.

Господин. Я. Только потому, что стою у истоков мечты. Ненавижу это, но проглатываю.

— Продолжай.

— Эти новые Взятые, конечно, не Ревуны или Зовущие Бурю. — Шпагат чуть заметно улыбнулся. — Лорд Зануда заметил, что прежние Взятые были непредсказуемы и опасны, как молния, а новые — предсказуемый ручной гром бюрократии, если вы меня понимаете.

— Понимаю. Продолжай.

— Считают, что новых шестеро, господин. Лорд Зануда полагает, что их вот-вот спустят с цепи. Потому и накапливаются войска вокруг равнины. Лорд Зануда думает, что Госпожа сделала соревнование из нашей гибели.

Зануда. Наш самый верный лазутчик. Один из немногих, переживших долгую осаду Ржи. Ненависть его не знает границ.

Вид у Шпагата был странный. Многозначительный такой. Сказано было явно не все, худшее осталось напоследок.

— Давай, — приказал я. — Колись.

— Прозвища Взятых начертаны на звездах, установленных над их ставками. Во Рже командует Бенефиций. Звезду поставили после того, как ночью прилетел ковер. Но самого Бенефиция никто не видел.

Это требовало выяснения. Только Взятый может управиться с ковром. Но никакой ковер не долетит до Ржи, не миновав равнины Страха. А менгиры нам ни о чем не докладывали.

— Бенефиций? Интересное прозвище. А другие?

— В Стуке на звезде начертано: «Волдырь».

Смешки.

— Прежние, образно-выразительные прозвища мне нравились больше, — сказал я. — Вроде Хромого, Луногрыза или Безликого.

— В Стуже сидит некто Аспид.

— Уже лучше.

Душечка косо глянула на меня.

— В Руте появился Ученый. А в Лузге — Ехидный

— Ехидный? Это мне тоже нравится.

— Западную границу равнины держат Шепот и Бывалый, ставки обоих в деревушке Плевке.

Я, как вундеркинд-математик, подвел итог:

— Двое старых и пятеро новых. А где еще один?

— Не знаю, — ответил Шпагат. — Кроме этих, есть только главнокомандующий. Его звезда установлена в воинской части подо Ржой.

Его слова били мне по нервам. Шпагат побледнел и затрясся. Мной овладело нехорошее предчувствие. Я понял, что следующие его слова мне очень не понравятся. Но:

— Ну?

— На стеле стоит знак Хромого.

Как же я был прав! Это мне совсем не нравится. И не только мне.

— Ой! — взвизгнул Гоблин.

— Твою мать!.. — произнес Одноглазый.

Сдержанность его голоса передавала больше, чем крик.

Я сел. Посреди комнаты. На пол. И обхватил голову руками. Мне хотелось плакать.

— Невозможно, — пробормотал я. — Я убил его. Собственными руками. — И, сказав, я уже не верил в это, хотя многие годы не сомневался. — Но как же?..

— Хорошего парня легко не убьешь, — проворчал Эльмо.

Реплика эта свидетельствовала о том, что Эльмо потрясен. Без причины он и слова не вымолвит.

Хромой враждует с Отрядом еще с той поры, когда мы прибыли на север через Пыточное море. Именно тогда к нам записался Ворон, таинственный уроженец Опала, когда-то очень влиятельный человек, лишенный титула и имущества приспешниками Хромого. Но Ворон был человек бешеный и совершенно бесстрашный. Взятый там или нет — Ворон ответил ударом на удар, убив своих обидчиков, в том числе самых умелых помощников Хромого. Так мы впервые перешли Взятому дорожку. И каждая наша встреча только ухудшала дело...

В сумятице после битвы при Можжевельнике Хромой решил свести с нами счеты. Я устроил ему ловушку. Он в нее влез.

— На что угодно ставлю — я убил его!

Так жутко я себя еще никогда не чувствовал. Словно на краю обрыва стою.

— Истерик не закатывай, Костоправ, — посоветовал Одноглазый. — Мы от него и раньше живыми уходили.

— Он — один из старых, придурок! Из настоящих Взятых! Из тех времен, когда были еще истинные колдуны. Ему пока ни разу не позволяли взяться за нас со всей силой. Да еще помощников...

Восемь Взятых и пять армий атакуют равнину Страха. А нас в Норе редко бывало больше семи десятков. Перед моими глазами проносились чудовищные видения. Пусть это второсортные Взятые, но их слишком много. Их ярость выжжет пустыню. Шепот и Хромой уже вели здесь бои, они знают об опасностях равнины. Собственно, Шепот дралась тут и против Взятых, и против мятежников. Она выиграла большую часть знаменитых битв восточной кампании.

Потом рассудок взял свое, но будущее осталось мрачным. Подумав, я пришел к неизбежному выводу, что Шепот знает равнину слишком хорошо. Возможно, у нее даже остались тут союзники.

Душечка коснулась моего плеча, и это успокоило меня лучше, чем слова друзей. Ее уверенность заразительна.

— *Теперь мы знаем*, — показала она и улыбнулась.

Но время тем не менее готово было опуститься молотом. Долгое ожидание кометы потеряло смысл. Выжить надо здесь и сейчас.

— *Где-то в моей груди пергаментов было истинное имя Хромого*, — сказал я, пытаясь найти в ситуации хоть что-нибудь хорошее. И опять пришла на ум проблема. — *Но, Душечка, там нет того, что я ищу.*

Она подняла бровь. Из-за немоты ей пришлось обзавестись одним из самых выразительных лиц, какие мне доводилось видеть.

— Нам надо сесть и поговорить, когда у тебя будет время. И объяснить точно, что случилось с этими бумагами, пока они были у Ворона. Некоторых пергаментов не хватает. Когда я передал документы Душелову они там были. Когда я получил бумаги обратно, они там были. Я уверен, что они были там, когда бумаги взял Ворон. Что с ними случилось потом?

— Вечером, — показала Душечка. — Время будет.

Казалось, она внезапно потеряла интерес к разговору. Из-за Ворона? Он много значил для нее, но за такой срок боль могла и уйти. Если только я не пропустил чего-то в их истории. А это вполне возможно. Понятия не имею, во что вылились их отношения после того, как Ворон ушел из Отряда. Его смерть ее явно еще мучит. Своей бессмысленностью. Пережив все, что обрушивали на него Тени, он утонул в общественной бане.

Лейтенант говорит, что по ночам она плачет во сне. Он не знает почему, но подозревает, что дело в Вороне.

Я расспрашивал ее о тех годах, что они провели без нас, но она не отвечает. У меня сложилось впечатление, что она испытала печаль и жестокое разочарование.

Теперь она отбросила старые заботы и обернулась к Следопыту и его дворняге. За ними ежились в предвкушении те, кого Эльмо поймал у обрыва. Их очередь была следующей, а репутацию Черного Отряда они знали.

Но мы не дошли до них. Даже до Следопыта с псом Жабодавом. Дозорный опять завопил, объявляя тревогу.

Это начинало надоедать.

Когда я заходил в кораллы, всадник уже пересекал ручей. Плескалась вода под копытами загнанного, взмыленного коня. Эта лошадь уже никогда не будет бегать как прежде. Мне жаль было видеть, как губят скакуна, но у всадника была на то веская причина.

На самой границе безмагии метались двое Взятых. Один швырнул лиловый разряд, который растаял, не достигнув земли. Одноглазый кудахтнул и сделал непристойный жест.

— Всю жизнь об этом мечтал, — пояснил он.

— Ох, чудо чудное! — пискнул Гоблин, глядя в другую сторону.

С розовых утесов сорвалась и ушла ввысь стая огромных исчерна-синих скатов — около дюжины, хотя сосчитать их было трудно: они постоянно маневрировали, чтобы не отнять у соседа ветер. То были великаны своей породы — футов сто в размахе крыльев.

Поднявшись достаточно высоко, они начали парами пикировать на Взятых.

Всадник остановился, упал. В спине торчала стрела.

— Фишки! — выдохнул он и потерял сознание.

Первая пара скатов, двигаясь, казалось, медленно и величаво, — хотя на самом деле летят они вдесятеро быстрее бегущего человека — проплыла мимо ближайшего Взятых, едва не выскользнув за границы Душечкиной безмагии, и каждый пустил по сверкающей молнии. Молния может лететь там, где тает колдовство Взятых.

Один разряд попал в цель. Ковер со Взатым качнулся, коротко вспыхнул; пошел дым. Затем ковер дернулся и косо пошел к земле. Мы осторожно возликовали. Потом Взятый восстановил равновесие, неуклюже поднялся и улетел.

Я опустился на колени рядом с гонцом. Молодой, почти мальчишка. Жив. Если я возьмусь за него — еще не все потеряно.

— Одноглазый, помоги.

Скаты парами плыли по внутренней границе безмагии, швыряя молнии во второго Взятых. Тот легко уклонялся, не предпринимая ответных мер.

— Это Шепот, — сказал Эльмо.

— Ага, — согласился я.

Она свое дело знает.

— Ты мне будешь помогать или нет? — хмыкнул Одноглазый.

— Ладно-ладно.

Жалко пропускать представление. Первый раз вижу так много скатов. И в первый раз они нам помогают. Хочется посмотреть еще.

— Ну вот, — проговорил Эльмо, утихомиривая лошадь мальчишки и одновременно шаря по седельным сумкам, — еще одно письмишко нашему достопочтенному летописцу.

Он протянул мне пакет из промасленной кожи. Я ошарашенно сунул его под мышку и вместе с Одноглазым поволок гонца в Нору.

История Боманца (Из послания)

— Боманц! — От визга Жасмин звенели окна и скрипели двери. — Слезай! Слезай немедленно, ты меня слышишь?!

Боманц вздохнул. Пять минут нельзя побыть в одиночестве. Зачем он только женился? Зачем это вообще делают? После свадьбы уже не жизнь, а каторга: делаешь не то, что хочешь ты, а то, чего хотят другие.

— Боманц!

— Иду, черт тебя дери! — И вполголоса: — Проклятая дура высморгаться не может без того, чтоб я ей платок не подержал.

Боманц вообще часто говорил вполголоса. Чувства нужно выпускать, а мир — поддерживать. Он шел на компромисс. Всегда шел на компромисс.

Он протопал по лестнице, каждым шагом выражая раздражение. «Когда тебя все бесит, — посмеялся он над собой, — понимаешь, что ты стар».

— Чего тебе? Где ты есть?

— В лавке. — В голосе Жасмин звучали странные ноты. Кажется, подавленное возбуждение.

В лавку Боманц ступил очень осторожно.

— Сюрприз!

Мир ожил. Ворчливость сгинула.

— Камень!

Боманц кинулся к Камню, могучие руки сына сдавили его.

— Уже здесь? Мы ожидали тебя только на следующей неделе.

— Я рано уехал. А ты толстеешь, пап. — Камень включил и Жасмин в тройное объятие.

— Все стряпня твоей мамы. Времена хорошие, едим регулярно. Токар был... — Мелькнула блеклая уродливая тень. — А как ты? Отойди-ка, дай на тебя глянуть. Когда уезжал, ты был еще мальчишкой.

И Жасмин:

— Ну разве он не красавец? Такой высокий и здоровый! А одежка-то, ух! — Насмешливая обеспокоенность: — В темные дела часом не впутался?

— Мама! Ну куда может впутаться младший преподаватель? — Камень встретился взглядом с отцом и улыбнулся, как бы говоря: «А мама все та же».

Двадцатипятилетний Камень был на четыре дюйма выше отца и, несмотря на свою профессию, сложен хорошо — скорее авантюрист, чем будущий профессор, как показалось Боманцу. Конечно, времена меняются. С его университетских дней прошли эпохи. Быть может, нравы и обычаи теперь совсем другие.

Боманц вспомнил смех, и шутки, и ужасно серьезные полночные диспуты о значении всего на свете, и бес тоски укусил его. Что стало с тем хитроумным, лукавым юнцом? Какой-то незримый стражник рассудка заключил его в кургане на задворках мозга, и там он лежит в мертвом сне, пока его место занимает лысый, мрачный, толстобрюхий гном... «У нас крадут юность и не оставляют нам иной, кроме юности наших детей...»

— Ну пойдём. Расскажешь нам о своих исследованиях. — «Кончай лить слезы над собой, Боманц, старый ты дурак». — Четыре года, а в письмах одни прачечные да споры в «Дельфине на берегу». Еще бы не на берегу — в Весле-то! Хотел бы я перед смертью увидеть море. Никогда не видал. — «Старый дурак. И это все, на что ты способен, — мечтать вслух? Небось поднимут на смех, если скажешь им, что в глубине души ты еще молод».

— Заговаривается, — пояснила Жасмин.

— Ты кого назвала маразматиком?! — возмутился Боманц.

— Папа, мама, дайте мне передохнуть. Я только что приехал.

Боманц глубоко вдохнул:

— Он прав. Мир. Тишина. Перерыв. Камень, ты судья. Знаешь, боевых коней вроде нас не отучишь от привычного аллюра.

— Камень обещал мне сюрприз, прежде чем ты спустился, — сказала Жасмин.

— Ну? — осведомился Боманц.

— Я помолвлен. Скоро женюсь.

«Как так? Это мой сын. Мое дитя. На прошлой неделе я менял ему пеленки... Время, ты безжалостный убийца, я чувю твое ледяное дыхание, слышу гром железных копыт...»

— Гм... Юный глупец. Извини. Ну так Расскажи о ней, раз больше ни о чем говорить не можешь.

— Расскажу, если смогу вставить хоть слово.

— Помолчи, Боманц. Расскажи о ней, Камень.

— Да вы уже кое-что знаете, наверное. Она сестра Токара, Слава. Желудок Боманца рухнул куда-то в пятки. Сестра Токара. Токара, возможного воскресителя.

— В чем дело, пап?

— Сестрица Токара, да? Что ты знаешь о его семье?

— А в чем дело?

— Ни в чем. Я спросил, что ты о них знаешь.

— Достаточно, чтобы понимать: я хочу жениться на Славе. Достаточно, чтобы считать Токара своим лучшим другом.

— Достаточно?! А если они воскресители?

На лавку обрушилась тишина.

Боманц глядел на сына. Камень смотрел на отца. Дважды пытался ответить, но молчал. В воздухе повисло напряжение.

— Папа...

— Так думает Бесанд. Стража следит за Токаром. И за мной. Пришло время кометы, Камень. Десятое возвращение. Бесанд чует большой заговор воскресителей. И давит на меня. После этой истории с Токаром будет давить еще больше.

Камень втянул воздух сквозь зубы. Выдохнул.

— Наверное, мне не стоило возвращаться домой. Вряд ли я чего-то добьюсь, уворачиваясь от Бесанда и ссорясь с тобой.

— Нет, Камень, — возразила Жасмин. — Твой отец не будет ссориться. Бо, ты не будешь ссориться. Не будешь.

— Гм...

«Мой сын помолвлен с воскресительницей?» Боманц отвернулся, глубоко вдохнул, тихо выбралил себя. «Делаем поспешные выводы? Из чьих слов — Бесанда?»

— Извини, сынок. Он меня просто замучил.

Боманц покосился на Жасмин. Бесанд был не единственным его проклятием.

— Спасибо, пап. Как твои исследования?

Жасмин что-то бормотала.

— Сумасшедший какой-то разговор, — заметил Боманц. — Все задают вопросы, и никто на них не отвечает.

— Дай денег, Бо, — потребовала Жасмин.

— Зачем?

— Вы друг другу «здрате» не скажете, пока не обговорите свои научные дела. А я пока на рынок схожу.

Боманц подождал. В этот раз Жасмин обошлась без обычного арсенала ядовитых фразочек о горькой женской судьбе. Боманц пожал плечами и высыпал горсть монет в ладонь жены.

— Пошли наверх, Камень.

— Мама стала мягче, — заметил Камень, когда они поднялись на чердак.

— Я что-то не заметил.

— Ты тоже стал мягче. А дом совсем не изменился.

Боманц зажег лампу.

— Все так же тесно, — посетовал он, берясь за копьё-тайник. — Надо будет новую сделать. Эта уже потерлась. — Он разложил карту на маленьком столике.

— Добавлений не много.

— А ты попробуй избавиться от Бесанда. — Боманц постучал по шестому кургану. — Вот. Единственное препятствие у меня на пути.

— Это единственный возможный путь, папа? Может, легче взять верхние два? Или даже один? Тогда у тебя будет пятьдесят шансов из ста угадать два оставшихся.

— Я не гадаю. Мы же не в карты играем. Если при первой сдаче сыграешь неправильно — второй не будет.

Камень подтащил табурет, глянул на карту. Побарабанил по столу пальцами. Боманца передернуло.

Прошла неделя. Семейство приспособилось к новому ритму жизни — и это была жизнь под все более внимательным взглядом надсмотрщика.

Боманц чистил секиру из захоронения теллекурре. Сокровищница. Самый настоящий клад. Общая могила, прекрасно сохранившиеся оружие и доспехи. В лавку вошел Камень.

— Трудная была ночь? — Боманц поднял глаза.

— Не слишком. Он, кажется, готов сдаться.

— Мен-Фу или Бесанд?

— Мен-Фу. Бесанд раз шесть заглядывал.

Сторожили отец с сыном посменно. Оправданием служил ворюга Мен-Фу, но на самом деле Боманц надеялся вымотать Бесанда еще до появления кометы. Трюк не срабатывал.

— Мама приготовила завтрак. — Боманц принялся укладывать вещи в мешок.

— Подожди, папа. Я с тобой.

— Отдохнул бы.

— Да ладно. Охота мне в земле поковыряться.

— Ну давай.

Что-то мучит парня. Может, он готов поговорить? Они редко беседовали. До университета их отношения были одним сплошным скандалом, причем Камень всегда только защищался. За эти четыре года он вырос, но в глубине души оставался мальчишкой. Он не был еще готов говорить с отцом как мужчина с мужчиной. А Боманц недостаточно постарел, чтобы не видеть в Камне того мальчишку. Так постареть нелегко. Когда-нибудь его сын посмотрит на своего сына и подумает: «Как же он вырос...»

Продолжая очищать булавку от наростов грязи, Боманц криво усмехнулся собственным мыслям. «Об отношениях он думает. Разве это на тебя похоже, старый ты пень?»

— Эй, пап! — позвал Камень из кухни. — Чуть не забыл. Ночью я видел комету.

Когтистая лапа вцепилась Боманцу в живот. Комета! Нет, не может быть. Не сейчас! Он еще не готов!

— **Н**аглый мелкий подонок! — Боманц сплюнул. Он и Камень сидели в кустах, наблюдая, как Мен-Фу выбрасывает из раскопа находки. — Я ему ногу сломаю!

— Подожди минутку. Я обойду кругом и перехвачу его, когда бежит.

— Нечего руки марать. — Боманц фыркнул.

— Очень хочется, папа. Пора счеты с ним свести.

— Ладно.

Мен-Фу высунул из ямы уродливую головку, нервно огляделся и снова ушел в землю. Боманц двинулся вперед.

Подойдя поближе, он услышал, как вор разговаривает сам с собой:

— Ох, чудненько. Чудненько. Каменное сокровище. Каменное сокровище. Эта жирная мартышка его не заслуживает. Все к Бесанду подлизывается, ничтожество.

— Мартышка, говоришь, жирная? Ну погоди. — Боманц сбросил с плеч мешок и инструменты, крепче взялся за лопату.

Мен-Фу выбрался из раскопа, держа в руках охапку древностей. Его глаза широко распахнулись, губы беззвучно зашевелились. Боманц размахнулся.

— Ну, Бо, только не...

Боманц ударил. Мен-Фу отпрыгнул, получил лопатой по ноге, взвыл, уронил свою ношу, замахал руками, свалился в раскоп и вылез с дальней стороны ямы, привизгивая, как недорезанная свинья. Боманц проковылял за ним, нанес могучий удар по ягодицам, и Мен-Фу побежал. Подняв лопату, Боманц метнулся за ним с воплем:

— Стой, ворюга, сукин сын! Будь мужиком, ты!

Он нанес последний мощный удар и, промахнувшись, не удержался на ногах. Боманц вскочил и, воздев лопату, продолжил погоню.

На Мен-Фу кинулся Камень, но вор протаранил его и исчез в кустах. Боманц врезался в сына, и они вместе покатались по земле.

— К черту, — пропыхтел Боманц. — Все равно сбежал.

Он расprostерся на спине, тяжело дыша. Камень захохотал.

— Что смешного, черт тебя дерит?

— Ну и рожа у него...

Боманц упрекнул:

— Не много же от тебя было помощи.

И они оба расхохотались.

— Пойду лопату свою отыщу, — выдавил наконец Боманц.

Камень помог отцу встать.

— Если бы ты мог себя видеть, пап!

— Хорошо, что не видел. А то меня удар бы хватил. — Боманц снова захихикал.

— Ты в порядке, пап?

— Да. Просто... не могу одновременно смеяться и переводить дыхание. О-хо-хо... Если сейчас сяду, то уже не встану.

— Пошли копать. Это тебе поможет. Ты вроде тут лопату обронил?

— Вот она.

Все утро, стоило вспомнить позорное бегство Мен-Фу, Боманц не мог удержаться от хохота.

— Пап! — Камень работал на дальнем краю раскопа. — Глянь сюда. Наверное, поэтому он нас и не заметил.

Подхромав поближе, Боманц увидел, что Камень счищает землю с превосходно сохранившегося нагрудника, черного и блестящего, как полированный оникс. В центре сверкал серебром сложный узор.

— Угу. — Боманц выглянул из ямы. Никого не видно. — Получеловек-полузверь. Это Меняющий Облик.

— Он возглавлял теллекурре.

— Но его не могли похоронить здесь.

- Это его доспехи, папа.
- Черт, я и сам вижу. — Боманц снова высунулся, как любопытный еж. Никого. — Сиди тут и сторожи. А я его откопаю.
- Ты сиди, папа.
- Ты всю ночь здесь провел.
- Я намного моложе тебя.
- Я себя превосходно чувствую, спасибо.
- Какого цвета небо?
- Голубое. Что за идиотский...
- Урра-а! Мы хоть в чем-то согласны. Ты самый упрямый старый козел...
- Камень!
- Извини, пап. Копать будем по очереди. На первую кинем монетку.

Боманц проиграл и устроился на краю раскопа, подложив котомку под спину.

— Надо расширить раскоп. Если мы и дальше будем идти вглубь, первый же хороший дождь все зальет.

— Да, грязищи будет немало. Стоило бы и дренажную канаву сделать. Эй, пап, в этих доспехах никого нет. Зато есть и остальные части. — Камень извлек латную перчатку и часть поножи.

— Да? Придется сдавать.

— Сдавать? Почему? Токар даст за это целое состояние!

— Может быть. А если наш друг Мен-Фу заметит? Он же нас из вредности сдаст Бесанду. А с Бесандом надо оставаться друзьями. Эта штука нам не нужна.

— Не говоря уже о том, что он мог сам ее и подложить.

— Что?

— Ну, ее тут не должно быть, верно? И тела в доспехах нет. И почва рыхлая.

Боманц помычал. Бесанд вполне способен на обман.

— Оставь все как есть. Я пойду приволоку его.

— Кисломордый старый придурок, — пробормотал Камень, когда надсмотрщик отбыл. — Об заклад бьюсь, он сам эту штуку подсунул.

— Что толку ругаться, если сделать мы ничего не можем. — Боманц опять прислонился к котомке.

— Что ты делаешь?

— Бью баклуши. Расхотелось мне копать. — У старика ныло все тело.

Утро выдалось тяжелое.

— Надо сделать сколько сможем, пока погода не испортилась.

— Вперед

— Папа... — Камень замялся, потом начал снова: — Почему вы с мамой все время ругаетесь?

Боманц задумался. Истина слишком хрупка, а Камень не застал их лучших лет...

— Наверное, потому, что люди меняются, а никто не хочет этого. — Он не мог выразиться точнее. — Ты видишь женщину: прелестную, удивительную, волшебную, как в песне. Потом ты узнаешь ее поближе, и восхищение проходит. Его место занимает привычка. Потом исчезает и она. Женщина оплывает, седеет, покрывается морщинами, и ты чувствуешь, что тебя обманули. Ты ведь помнишь ту озорную скромницу, с которой ты встречался и болтал, пока ее отец не пригрозил вышвырнуть тебя пинком. Ты чураться этой незнакомки — и начинаешь скандалить. У твоей мамы, наверное, похожие мысли. В душе мне все еще двадцать, Камень. Я сознаю, что постарел, лишь когда заглядываю в зеркало или когда тело не подчиняется мне. Я не замечаю брюха, и варикозных вен, и остатков седых волос. А ей со мной жить. Каждый раз, смотрясь в зеркало, я поражаюсь. Задаюсь вопросом: что за чужак отнял мое лицо? Судя по виду — гнусный старый козел. Из тех, над которыми я так издевался в двадцать лет. Он пугает меня, Камень. Он вот-вот помрет. Я у него в плену, но я еще не готов уходить.

Камень присел. Его отец редко говорил о своих чувствах.

— И так должно быть всегда?

«Может, и не должно, но бывает всегда...»

— Думаешь о Славе, Камень? Не знаю. От старости не сбежишь. И от перемен в отношениях — тоже.

— А вдруг теперь все будет иначе? Если нам удастся...

— Не говори мне «а вдруг», Камень. Я тридцать лет жил этим «а вдруг». — Язва попробовала желудок на зуб. — Может, Бесанд и прав. Насчет ложных причин.

— Папа! О чем ты? Ты отдал этому всю жизнь!

— Камень, я хочу сказать, что боюсь. Преследовать мечту — это одно. Поймать — совсем другое. Того, что ожидал, никогда не получаешь. Я предчувствую несчастье. Может, это мертворожденная мечта.

На лице Камня сменилось несколько выражений.

— Но ты должен...

— Я не должен ничего, кроме как быть антикваром Боманцем. Мы с твоей мамой долго не протянем. Эта яма обеспечит нас до конца.

— Если сейчас не остановишься, то проживешь еще много лет, и это будут...

— Я боюсь, Камень. Боюсь сдвинуться с места. В старости такое бывает. Страх перемен.

— Папа...

— Мечты умирают, сынок. Те немыслимые, дикие сказки, которые заставляют жить, — невозможные, неисполнимые. Мои светлые чаяния мертвы. Все, что я вижу, — это гнилозубая ухмылка убийцы.

Камень выкарабкался из раскопа. Сорвал стебелек сладкой травы, пососал.

— Пап, как ты себя чувствовал, когда женился на маме?

— Обалдевшим.

Камень рассмеялся:

— Ладно, а когда шел просить ее руки? По дороге?

— Думал, что на месте обмочусь. Ты своего дедушку не видывал. Из-за таких, как он, и рассказывают в сказках про троллей.

— Что-то вроде того, как ты себя чувствуешь сейчас?

— Да. Но не совсем. Я был моложе, и меня ждала награда.

— А теперь — разве нет? Ставки повысились.

— В обе стороны. И на выигрыш, и на проигрыш.

— Знаешь что? У тебя просто кризис самоуверенности. И все. Через пару дней ты снова будешь бить копытом.

Тем вечером, когда Камень ушел, Боманц сказал Жасмин:

— У нас с тобой умный сын. Мы с ним поговорили сегодня. По-настоящему, в первый раз. Он удивил меня.

— С чего бы? Он же твой сын.

Сон был ярче, чем когда-либо, и пришел он раньше. Боманц просыпался дважды за ночь. Больше заснуть он не пытался. Вышел на улицу, присел на ступеньках, залитых лунным светом. Ночь выдалась ясная. По обе стороны грязной улочки виднелись неуклюжие дома.

«Ничего себе городок, — подумал Боманц, вспомнив красоты Весла. — Стража, мы — гробокопатели — и еще пара человек, кормящих нас да путников. Последних тут и не бывает почти, несмотря на всю моду на времена Владычества. У Курганья такая паршивая репутация, что на него никто и глядеть не хочет».

Послышались шаги. Надвинулась тень.

— Бо?
— Бесанд?
— Угу. — Надсмотрщик опустил на ступеньку. — Что делаешь?
— Заснуть не могу. Думаю, как Курганье ухитрилось превратиться в такую дыру, что даже уважающий себя воскреситель сюда не полезет. А ты? Не в ночной же дозор ходишь?

— Тоже бессонница. Комета проклятая.

Боманц пошарил взглядом по небу:

— Отсюда не видно. Надо обойти дом. Ты прав. Все о нас забыли. О нас и о тех, кто лежит в земле. Не знаю, что хуже. Запустение или просто глупость.

— Мм? — Надсмотрщика явно что-то мучило.

— Бо, меня снимают не потому, что я стар или неловок, хотя, думаю, так и есть. Меня снимают, чтобы освободить пост для чьего-то там племянника. Ссылка для паршивой овцы. Вот от этого тошно, Бо. Они забыли, что это за место. Мне говорят, что я угробил всю жизнь на работе, где любой идиот может просто отлеживать бока.

— Мир полон глупцов.

— Глупцы умирают.

— Ты о чем?

— Они смеются, когда я говорю о комете или воскресительском перевороте, что будет этим летом. Их не убедить, что в курганах кто-то лежит. Кто-то живой.

— А ты приведи их сюда. Пусть прогуляются по Курганью после заката.

— Я пытался. Говорят: «Прекрати ныть, а то лишим пенсии».

— Ну, ты сделал все, что мог. Остальное на их совести.

— Я дал клятву, Бо. Я давал ее серьезно и держу до сих пор. Эта работа — все, что у меня есть. У тебя есть Жасмин и Камень. А я жил монахом. И теперь они вышвырнули меня ради какого-то сопливого...

Бесанд издал странный звук.

«Всхлип?» — подумал Боманц. Надсмотрщик плачет? Человек с каменным сердцем и милосердием акулы?

— Пошли глянем на комету. — Он тронул Бесанда за плечо. — Я ее еще не видел.

Бесанд взял себя в руки:

— Действительно? Трудно поверить.

— Почему? Я допоздна не сижу. Ночные смены берет Камень.

— Не важно. Это я по привычке подкапываюсь. Нам с тобой следовало стать адвокатами. Мы прирожденные спорщики.

— Может, ты и прав. Я в последнее время много размышлял, чем же я тут занимаюсь.

— И чем же ты тут занимаешься, Бо?

— Собирался разбогатеть. Хотел порыться в старых книгах, раскопать пару богатых могил, вернуться в Весло и купить дядюшкино извозное дело.

Боманц лениво раздумывал, какие части вымышленного прошлого убедят Бесанда. Сам он так долго жил выдумкой, что некоторые ложные детали казались ему реальными, если только он не напрягал память.

— И что случилось?

— Ленъ. Старая добрая ленъ. Я обнаружил, что между мечтой и ее исполнением — большая разница. Было намного проще откапывать ровно столько, чтобы хватало на жизнь, а остальное время бездельничать.

Боманц скривился. Это была почти правда. Все его исследования в определенном смысле лишь предлог, чтобы ни с кем не соперничать. В нем просто не было энергии Токара.

— Ну, не так плохо ты и жил. Пара суровых зим, когда Камень был еще щенком. Но через это мы все прошли. Немного помощи — и человек выживает. — Бесанд ткнул пальцем в небо. — Вот она.

Боманц ахнул. Точно такая, как он видел во сне.

— Зрелище еще то, да?

— Подожди, скоро приблизится и займет полнеба.

— Красиво.

— Я бы сказал «потрясающе». Но она еще и предвестник. Дурной знак. Древние писатели говорят, что она будет возвращаться, пока Властелин не восстанет.

— Слышу это, сколько себя помню, Бесанд, и даже мне трудно поверить, что это не просто болтовня. Да, есть предчувствие. Курганы давят мне на душу. Но просто в голове не укладывается, что эти твари, пролежавшие в могиле четыреста лет, способны восстать.

— Бо, может, ты и честный человек. Если так, держи совет. Когда уйду я — беги. Хватай теллекурские штучки и дуй в Весло.

— Говоришь, как мой Камень.

— Я серьезно. Если тут возьмет власть какой-нибудь неверующий идиот, ад вырвется на свободу. В буквальном смысле. Уноси ноги, пока это возможно.

— Может, ты и прав. Я подумывал вернуться. Но что я там буду делать? Весло я позабыл. Судя по рассказам Камня, я там просто

потеряюсь. Черт, да здесь теперь мой дом. В душе я никак не мог с этим смириться. Такая жуткая помойка — мой дом.

— Я тебя понимаю.

Боманц поглядел в небо, на громадный серебристый клинок...

— Кто там? — донеслось со стороны черного хода. — А ну уматывай! Сейчас стражу позову!

— Это я, Жасмин.

Бесанд рассмеялся:

— И надсмотрщик, хозяйка. Стража уже на посту.

— Что ты делаешь, Бо?

— Болтаю. Гляжу на звезды.

— Я пойду, — сказал Бесанд. — Завтра увидимся.

По его тону Боманц понял: завтра будет очередное преследование.

— Поосторожнее.

Боманц устроился на мокрой от росы черной ступеньке, и прохладная ночь омыла его. В Древнем лесу кричала одинокая птица. Весело заверещал сверчок. Влажный ветерок едва пошевеливал остатки волос на лысине. Жасмин вышла и присела рядом с мужем.

— Не могу заснуть, — сказал он.

— Я тоже.

— Это все она. — Боманц глянул на комету, вздрогнул от нахлынувших воспоминаний. — Помнишь то лето, когда мы приехали сюда? Когда остались посмотреть на комету? Была такая же ночь.

Жасмин взяла его за руку, их пальцы переплелись.

— Ты читаешь мои мысли. Наш первый месяц. Мы были такими глупыми детьми.

— В душе мы такими же и остались.

Курганье

Теперь Граю разгадка давалась легко. Когда он занимался делом. Но старая шелковая карта притягивала его все больше и больше. Эти странные древние имена. На теллекурре они звучали сочнее, чем на современных языках. Душелов. Зовущая Бурю. Луногрыз. Висельник. На древнем наречии они казались куда мощнее.

Но они мертвы. Из всех великих остались только Госпожа да то чудовище под землей, которое и заварило кашу.

Он часто подходил к окошку, смотрел на Курганье. Дьявол под землей. Зовет, наверное. Окруженный защитниками — не многие из них упомянуты в легендах, и еще меньше тех, чьи прозвища определил старый колдун. Боманца интересовала только Госпожа.

Столько фетишей. И дракон. И павшие рыцари Белой Розы, чьи духи поставлены вечно охранять курган. Все это казалось куда серьезнее нынешней борьбы.

Грай рассмеялся. Прошлое всегда интереснее настоящего. Тем, кто пережил первое великое противостояние, оно тоже, наверное, казалось ужасающе медлительным. Лишь о последней битве сложены легенды и предания. О нескольких днях из десятилетий.

Теперь Грай работал меньше — у него были добрый кров и кое-какие припасы. Он мог больше гулять, особенно ночами.

Как-то утром, прежде чем Грай проснулся окончательно, пришел Горшок. Грай выпустил юношу.

- Чаю?
- Давай.
- Нервничаешь. Что случилось?
- Тебя требует полковник Сласть.
- Опять шахматы? Или работа?

— Ни то ни другое. Его беспокоят твои ночные прогулки. Я ему сказал, что гуляю с тобой и что тебя интересуют только звезды да всякая ерунда. По-моему, он параноик.

Грай натянуто улыбнулся:

— Просто делает свое дело. Наверное, я кажусь странным. Не от мира сего. Выжившим из ума. Я и правда веду себя как маразматик? Сахару?

— Пожалуйста.

Сахар был деликатесом. Стража его себе позволить не могла.

— Торопишься? Я не завтракал еще.

— Ну он вроде не подгонял.

— Хорошо.

«Больше времени на подготовку. Дурак. Следовало догадаться, что твои прогулки привлекут внимание. Стражник — по профессии параноик».

Грай приготовил овсянку с беконом, поделился с Горшком. Как бы хорошо ни платили стражникам, питались они скверно. Из-за дождей дорогу на Весло развезло напрочь. Армейские фуражиры сражались с дорогой мужественно, но обеспечить всех не могли.

— Ну, пойдём повидаемся с ним, — сказал наконец Грай. — Кстати, этот бекон — последний. Полковнику стоило бы подумать о том, чтобы кормиться самим.

— Говорили уже об этом.

Грай подружился с Горшком отчасти и потому, что тот служил при штабе. Полковник Сласть играл с Граем в шахматы и вспоминал хорошие старые времена, но планов не раскрывал.

— И?

— Земли недостаточно. И фуража.

— Свины и на желудях жиреют.

— Свинопасы нужны. Иначе лесовики растащат.

— Да, пожалуй.

Полковник принял Грая в личном кабинете.

— Когда же вы работаете, сударь? — пошутил Грай.

— Работа сама движется. Как двигалась прежде веками. У меня проблема, Грай.

Грай сморщился:

— Проблема?

— Обличья, Грай. Мир живет восприятиями. А ты не соответствуешь своему облику.

— Сударь?

- В прошлом месяце у нас был гость. Из Чар.
- Я не знал.
- И никто не знал. Кроме меня. Это можно назвать внезапно-постоянной проверкой. Такое бывает.

Сласть уселся за стол, отодвинул в сторону шахматную доску, на которой они так долго соревновались. Он извлек из укромного местечка за правой ножкой стола длинный лист бумаги. Грай заметил паучий почерк.

- Взятый? Сударь.

Грай почти всегда забывал добавить «сударь», и привычка эта полковника очень беспокоила.

— Да. От Госпожи, со всеми полномочиями. Он не пережимал, нет. Но рекомендации делал. И упоминал людей, чье поведение кажется ему неприемлемым. Твое имя стояло в списке первым. Какого беса ты шляешься по округе всю ночь?

— Думаю. Заснуть не могу. Война сделала что-то... Я многое видел. Мятужники. Мы не ложились спать из страха, что они атакуют. А если уснешь — во сне видишь кровь. Горящие дома и поля. Визг скотины и детей. Это было хуже всего. Плачущие дети. Я все еще слышу их плач.

Грай почти не преувеличивал. Каждый раз, ложась в постель, он слышал детский плач.

Он говорил правду, вплетая в нее ложь. Детский плач. Дети, чьи голоса преследовали его, были его собственными невинными младенцами, брошенными из боязни ответственности.

— Знаю, — ответил Сласть. — Знаю. Во Рже убивали детей, чтобы те не попали к нам в руки. Самые жестокие из солдат плакали, видя, как матери бросают со стены младенцев и кидаются вслед за ними. Я никогда не был женат, и детей у меня нет. Но я понимаю, что ты имеешь в виду. У тебя дети были?

— Сын, — ответил Грай тихо и сдавленно, едва не вздрагивая от боли, — и дочь. Двойняшки. Давно и далеко отсюда.

- И что стало с ними?

— Не знаю. Надеюсь, еще живы. Они примерно ровесники Горшку.

Сласть поднял бровь, но промолчал.

- А их мать?

Глаза Грая стали железом. Раскаленным клеймом.

- Умерла.

- Мне жаль.

Грай промолчал; выражение лица его наводило на мысль, что ему вовсе не жаль.

— Ты понимаешь, что я говорю, Грай? — спросил Сласть. — Тебя приметил Взятый. А это не здорово.

— Понял. А кто из них?

— Не знаю. Кто у нас из Взятых интересуется мятежниками?

— Какими мятежниками? — фыркнул Грай. — Мы их при Чарах стерли с лица земли.

— Может быть. Но есть еще эта Белая Роза.

— Я думал, ее вот-вот возьмут.

— Да, поговаривают, что ее еще до конца месяца закуют в кандалы. С тех пор как мы о ней впервые услышали, слух все так и ходит. Она быстро бегает. Может быть, достаточно быстро. — Улыбка Сласти померкла. — Ну, когда комета вернется, меня тут уже не будет. Бренди?

— Да.

— Шахматишки? Или на работу спешишь?

— Да пока нет. Одну партию.

На середине игры Сласть напомнил:

— Не забудь мои слова. Взятый сказал, что улетает. Но это его слова. Может, он тут за кустами прячется.

— Буду осторожен.

Еще бы! Граю только внимания Взятого не хватало! Он слишком далеко забрался, чтобы рисковать по пустякам.

Равнина Страха

Была моя вахта. В желудке стояла гложущая свинцовая тяжесть. Высоко в небе весь день кружили точки. Вот и сейчас там пагурлировала парочка. Постоянное присутствие Взятых было недобрым знаком.

Чуть ниже планировали в послеполуденных небесах две пары скатов. На восходящих потоках они поднимались, потом, кружа, опускались, поддразнивая Взятых, пытаясь подманить их поближе к границе. Они недолюбливали пришельцев вообще, а этих — особенно, потому что те раздавили бы скатов, если бы не другой чужак, Душечка.

За ручьем прохаживались бродячие деревья. Блестели мертвые менгиры, пробужденные каким-то образом от обычной спячки. Что-то назревало на равнине — то, чего ни один чужак не поймет.

За пустыню зацепилась огромная тень. В вышине плыл, бросая вызов Взятым, одинокий летучий кит. Порой до земли долетал едва слышный низкий рев. Первый раз слышу, чтобы кит говорил. Для них это признак ярости.

Забормотал, зашептался в кораллах ветер. Праотец-Дерево пропел возражение киту.

— Скоро придут твои враги, — произнес менгир рядом со мной.

Я вздрогнул. Его слова напомнили о недавнем ночном кошмаре, не запечатлевшемся в деталях, но полном ужаса.

Я не позволил себе испугаться подлой каменюки. Сильно испугаться.

Кто они? Откуда пришли? Почему отличаются от обычных камней? И если уж на то пошло — почему равнина так дико отличается от всего мира? Почему она так жестока? Покамест нас терпят как

союзников против более серьезного врага. Но посмотрим, сколько продержится эта дружба, когда Госпожа падет.

— Когда?

— Когда будут готовы.

— Великолечно, каменюка. Объяснил.

Мой сарказм не прошел незамеченным — просто его не откомментировали. Менгиры сами славятся сарказмом и ядовитым языком.

— Пять армий, — пояснил голос. — Долго ждать не будут.

Я ткнул пальцем в небо:

— А Взятые летают как хотят. Беспрепятственно.

— Они не провоцируют нас.

Сушая правда. Но слабое оправдание. Союзники должны действовать как союзники. Летучие киты и скаты обычно считают само появление чужака на равнине достаточной провокацией. Мне пришло в голову, что Взятые могли их подкупить.

— Неправда. — Менгир подвинулся.

Теперь его тень падала мне на ноги. Я наконец оглянулся. В нем было каких-то десять футов. Недоросль.

Он прочитал мои мысли. Черт!

Менгир продолжал сообщать мне то, что я и без него знал.

— Не всегда можно вести дела с позиции силы. Будь осторожен. Народы собрались, чтобы переоценить целесообразность вашего присутствия на равнине.

Ах вот как! Этот булыжник-трепач, оказывается, посланник. Местные напуганы. И некоторые думают, что избавятся от неприятностей, выставив нас за дверь.

— Понятно.

Слово «народы» не слишком точно описывает межвидовой парламент, что принимает тут решения, но лучшего не подобрать.

Если верить менгирам — а они лгут только путем умолчания или обобщений, — то равнину Страха населяют более сорока разумных видов. В число известных мне входят менгиры, ходячие деревья, летучие киты и скаты, горстка людей (как дикари, так и отшельники), два вида ящериц, птица вроде сарыча, большая белая летучая мышь и исключительно редкая тварь, наподобие перевернутого верблюдокентавра. Я имею в виду, что человеческая часть у него задняя. Бегаёт он вперед тем местом, которое у всех других существ называется задницей. Наверное, я встречал и иных, но не узнавал. Гоблин утверждает, что среди больших коралловых рифов живет маленькая

мартышка, в точности уменьшенная копия Одноглазого, — но когда речь заходит об Одноглазом, Гоблину верить нельзя.

— Я обязан принести весть, — сказал менгир. — Чужаки на равнине.

Я задал вопросы. Не получив ответа, раздраженно обернулся. Менгир уже исчез.

— Чертова каменюка...

У входа в Нору стояли, наблюдая за Взатыми, Следопыт и пес Жабодав. Мне говорили, что Душечка тщательно допросила Следопыта — я-то пропустил эту часть — и допрос ее удовлетворил.

Я тогда поспорил с Эльмо, которому Следопыт понравился.

— Напоминает мне Ворона, — заявил Эльмо. — Пара сотен Воронов нам бы пригодилась.

— Мне он тоже напоминает Ворона. Именно это и беспокоит.

Но что толку спорить? Так не бывает, чтобы человек всем нравился. Душечка полагает, что с ним все в порядке. Эльмо с ней согласен. Лейтенант его принял. Почему я дергаюсь? Черт, если он слеплен из того же теста, что и Ворон, то у Госпожи большие неприятности.

Скоро его проверят. Что-то у Душечки на уме. Подозреваю, упреждающий удар. Вероятно, по Рже.

Ржа. Где поднял свою звезду Хромой.

Хромой. Восставший из мертвых. Я сделал с ним все, что можно, только что тела не сжег. А надо было, наверное. Проклятье!

Самое страшное — подумать: «А один ли он?» Не избежали ли прочие верной смерти? Не прячутся ли где-то, чтобы изумить мир своим появлением?

На ноги мне упала тень. Я очнулся от раздумий. Рядом стоял Следопыт.

— У тебя расстроенный вид, — сказал он.

Должен признать, был он отменно вежлив. Я глянул на кружащие в небе напоминания о битве.

— Я солдат, — ответил я, — старый, усталый и запутавшийся. Я сражаюсь дольше, чем ты живешь на свете. И все жду, когда мы чего-нибудь добьемся.

Он улыбнулся — слабо, почти скрытно. Мне стало неудобно. Мне было неудобно от всего, что он делал. Даже от его проклятой собаки, хотя она почти непрестанно дрыхла. Как она одолела дорогу от Весла при такой лени? Работа-то нелегкая. А этот пес — клянусь! — даже жрать не торопится.

— Можешь быть уверен, Костоправ, — ответил Следопыт, — она падет. — Он говорил абсолютно убежденно. — У нее не хватит сил приручить весь мир.

И снова мне стало не по себе. Прав он или нет, но фразу построил жутковато.

— Мы сокрушим их всех. — Он указал на Взятых. — Это самозванцы, не то что прежние.

Пес Жабодав обчихал Следопыту ботинок. Следопыт посмотрел вниз — я думал, что пнет дворнягу. Но он нагнулся и почесал ей за ухом.

— Пес Жабодав. Что за имя такое?

— О, это старая шутка из тех времен, когда мы были намного моложе. Ему понравилось. Теперь он на этом имени настаивает.

Казалось, что Следопыт со мной только наполовину. Глаза были пусты, взгляд блуждал где-то, хотя он продолжал смотреть в сторону Взятых. Странно.

По крайней мере, он признал, что был когда-то молод. Есть в этом намек на человеческую уязвимость. В таких, как Ворон и Следопыт, меня бесит именно то, что их задеть невозможно.

Равнина Страха

— Эй, Костоправ! — Из Норы вылез Лейтенант.
— Что?

— Пусть Следопыт тебя сменил. — До конца моей вахты оставалось еще несколько минут. — Тебя зовет Душечка.

Я глянул на Следопыта. Тот пожал плечами:

— Давай.

Он повернулся лицом на запад и принял стойку. Клянусь, выглядело это так, словно он включил бдительность, в одно мгновение сделавшись идеальным стражем.

Даже пес Жабодав приоткрыл глаз и принялся наблюдать.

Я почесал псине темя, надеясь, что жест будет принят за дружеский. Пес заворчал.

— Счастливо оставаться. — И я последовал за Лейтенантом.

Обычно бесстрастный, Лейтенант показался мне взволнованным.

— В чем дело?

— У нее очередная дикая идея. Охохонюшки.

— Куда теперь?

— Во Ржу.

— Ну чудно! Прекрасно! Давай выкладывай. Я-то подумал, что ты треплешься. Отговорить ее ты, надеюсь, пытался?

Можно подумать, что после стольких лет вонь должна бы казаться приемлемой, но, когда мы спустились в Нору, мой нос задергался. Я невольно задержал дыхание. Как можно набить подземелье людьми и не проветривать его! Вообще-то, проветривали, но нечасто.

— Пытался. Она говорит: «Грузи фургон, а то, что мул слепой, — это моя забота».

— Обычно она права.

— Она военный гений, ядрена вошь! Но это не значит, что она может провернуть каждый из примерещившихся ей недоделанных планов! Мало ли что примерещится?.. Черт, Костоправ, — там же Хромой!

В зале совещаний с этого и начали. Ношу взяли на себя мы с Молчуном — как Душечкины любимцы. Редко приходилось видеть такое единодушие среди моих братьев. Даже Гоблин и Одноглазый сошлись — а уж эти двое в полдень могут спорить, ночь на дворе или день.

Душечка расхаживала по комнате, как дикий зверь. Она сомневалась. Сомнения изводили ее.

— *Во Рже двое Взятых*, — доказывал я. — *Это по словам Шпагата. И один из них — наш самый старый и опасный враг.*

— *Если сломить этих двоих, весь план их кампании рухнет*, — возразила Душечка.

— *Сломить? Девочка, мы о Хромом говорим. Я уже доказал, что он непобедим.*

— *Нет. Ты доказал, что Хромой выживает, если не добить его. Мог бы сжечь тело.*

Точно. Или разрезать на кусочки и скормить рыбам, или отправить в плавание по котлу с кислотой, или засыпать негашеной известью. Но дело не быстрое, а на нас надвигалась сама Госпожа. Хорошо, хоть ноги в тот раз унесли.

— *Предположим, что нам удалось пробраться туда незамеченными — во что я ни на грош не верю — и застать их врасплох. Долго ли всем Взатым собраться и нас прихлопнуть?*

Я отчаянно жестикулировал, более рассерженный, чем испуганный. Никогда еще не отказывал Душечке. Но в этот раз я был готов и на такое.

Ее глаза вспыхнули. Впервые в жизни я увидел, что она не справилась с собой.

— *Если ты не хочешь подчиняться приказам*, — показала она наконец, — *тебе нечего здесь делать. Я не Госпожа. Я не жертвую пешками ради малой выгоды. Согласна, этот налет очень рискован. Но гораздо меньше, чем ты полагаешь. И результаты его могут быть намного серьезнее, чем тебе кажется.*

— *Убеди меня.*

— *Не могу. Ты не должен знать — на случай, если тебя схватят.*

Я уже завелся:

— *То есть ты хочешь сказать, что Взатым этого хватит, чтобы сесть нам на хвост?*

Может, я был испуган сильнее, чем мог себе сознаться. А может, в меня просто вселился бес противоречия.

— *Нет*, — ответила она.

Хотела сообщить что-то еще, но удержалась.

Молчун положил мне руку на плечо. Он сдался. Лейтенант присоединился к нему:

— Перегибашь, Костоправ.

— *Если ты не будешь исполнять приказ, Костоправ, — уходи*, — повторила Душечка.

Она говорила серьезно. Совершенно! У меня от удивления отвисла челюсть.

— *Ладно!* — Я вышел, стуча каблуками, отправился к себе, пошелестел упрямыми старыми бумагами и, конечно, ничего нового не обнаружил.

На время меня оставили в покое. Потом явился Эльмо. Вошел не стучась — просто я поднял глаза, а он уже в дверях. К тому времени я и сам почти устыдился своей выходки.

— Ну?

— Почта пришла. — Он кинул мне очередной пакет из промасленной кожи.

Я ловко поймал. Эльмо ушел, ничего не объяснив, откуда пакет. Я положил сверток на стол и долго глядел на него. Откуда? Я же никого в Весле не знаю.

Или в этом есть какой-то подвох?

Госпожа терпелива и умна. Не следует сбрасывать со счетов некий великий план, в котором для меня отведено местечко.

Кажется, я раздумывал об этом с час, прежде чем неохотно развернул пакет.

История Боманца (Из послания)

Боманц и Токар стояли в углу лавки.

— Ну как тебе? — спросил Боманц. — Дорого дадут?

Токар посмотрел на шедевр новой коллекции Боманца — скелет воина теллекурре в полностью отреставрированных доспехах.

— Просто чудо, Бо. Как ты это сделал?

— Скрутил сочленения проволокой. Видишь драгоценный камень на лбу? Я не знаток геральдики времен Владычества, но рубин вроде бы знак именитых людей?

— Царей. Возможно, это череп царя Босого.

— И кости его. И броня.

— Ты богач, Бо. С этого я возьму только комиссионные. Подарок всей семье на помолвку. А ты серьезно воспринял мою просьбу расстараться.

— Лучшее конфисковал надсмотрщик. Мы откопали доспехи Меняющего Облик.

В этот раз Токар привез помощников — пара мрачных обезьяноподобных громил перетаскивала древности в фургоны. Наблюдая, как они спуют, Боманц занервничал.

— Правда? Проклятье! Я бы левую руку за это отдал.

— А что я мог поделаться? — оправдывался Боманц. — Бесанд меня держит на коротком поводке. И ты же знаешь, как я вынужден поступать. Чтобы иметь дело с братом будущей невестки, приходится чем-то жертвовать.

— Это как?

«Вот я и вляпался», — подумал Боманц. И кинулся в омут.

— Бесанд прослышал, что ты воскреситель. Совсем нас с Камнем извел.

— Ах ты ж, погань! Извини, Бо. Воскреситель! Много лет назад я не уследил за своим языком и ляпнул, что даже Властелин правил бы в Весле лучше, чем наш клоун-мэр. Одна идиотская фраза! Но эти же не забывают. Мало им того, что они отца моего в могилу свели, теперь еще надо меня и моих друзей мучить!

Боманц понятия не имел, о чем говорит Токар. Надо будет спросить Камня. Но Токар успокоил его подозрения — а это главное.

— Оставь прибыль с этой штуки себе, Токар. Для Камня и Славы. Как свадебный подарок. Они уже назначили день?

— Точно — еще нет. Поженятся после его отпуска и защиты Зимой, наверное. Собираешься приехать?

— Собираюсь вообще переселиться в Весло. У меня нет сил бороться с новым надсмотрщиком.

— Да следующим летом мода на времена Владычества и без того сойдет на нет... — Токар хихикнул. — Попробую присмотреть тебе местечко. Если ты все будешь делать так же блестяще, как собрал этого короля, то нигде не пропадешь.

— Тебе правда нравится? Я подумывал: а не посадить ли его на коня? — Боманц почувствовал прилив гордости за свое мастерство.

— На коня? Точно? Его похоронили вместе с конем?

— С доспехами и всем прочим. Не знаю, кто хоронил теллекурре, но мародеров там не было. У меня целый ящик монет, драгоценностей и гербов.

— Монеты Владычества? Вот это самый шик! Их же по большей части переплавили. Хорошо сохранившаяся монета времен Владычества стоит в пятьдесят раз больше номинала.

— Ну так оставь этого царя имярек у меня. Я сделаю лошадь, а ты заберешь их в следующий раз.

— Долго тебе ждать не придется. Разгрузюсь и сразу назад. Кстати, где Камень? Я хотел ему привет передать. — Токар потряс очередным кожаным пакетом.

— Слава?

— Слава. Ей бы романы писать. Разорит меня на бумаге.

— Камень копает. Пошли. Жасмин! Я повел Токара на раскопки.

На улице Боманц часто поглядывал через плечо. Комета стала такой яркой, что была видна и днем.

— Чертовски красивый будет вид, когда она достигнет пика, — предсказал он.

— Да уж наверное.

От улыбки Токара у Боманца по спине побежали мурашки. «Мерещится», — подумал он.

Дверь лавки Камень открыл спиной и сбросил на пол грудю оружия.

— Похоже, рудник истощился, пап. Сегодня один мусор.

Боманц отогнул медную проволоку, выпутался из каркаса, подерживавшего конский скелет.

— Так пусть Мен-Фу этим займется. Всяко уже в доме места нет.

По лавке действительно было не пройти. Боманц мог не работать годами, будь у него такое желание.

— Хорошо смотрится, — одобрил Камень коня, прежде чем отправиться за очередным грузом оружия из одолженной тачки. — Придется тебе показать, как взгромоздить нашего короля наверх, чтобы я смог его собрать, когда вернусь.

— Я и сам могу.

— Думал, ты остаешься.

— Может быть. Не знаю. Когда ты диссертацию-то начнешь?

— Я уже работаю. Делаю заметки. Как только соберусь, в два счета управлюсь! — Камень щелкнул пальцами. — Не беспокойся, времени у меня предостаточно. — Он снова вышел.

Жасмин принесла чай.

— Я думала, тут Камень.

— На улице. — Боманц мотнул головой.

Жасмин оглянулась в поисках места для чайника и чашек:

— Надо бы здесь прибраться.

— Я это себе давно говорю.

Вернулся Камень:

— Тут хватит целых частей и обломков, чтобы собрать все доспехи. Только носить их нельзя будет.

— Чаю? — спросила мать.

— Конечно. Пап, я проходил мимо штаба — прибыл новый надсмотрщик.

— Уже?

— Тебе он понравится. Пригнал экипаж и три фургона с одеждой для своей любовницы. И взвод слуг.

— Что? Ха! Он сдохнет, когда Бесанд покажет ему квартиру.

Надсмотрщик жил в келье, более подходившей монаху, чем самому могущественному человеку в провинции.

— Он того заслуживает.

— Ты его знаешь?

— Понаслышке. Вежливые люди называют его Шакалом. Если б я знал, что это он... Ну что я мог сделать? Ничего. Ему повезло, что

семья отослала его сюда. Останься он в городе, его бы кто-нибудь прирезал.

— Не слишком популярен, да?

— Сам узнаешь, если останешься. Возвращайся, папа.

— У меня есть дело, Камень.

— И надолго?

— Пара дней. Или вечность. Ты же знаешь. Я доберусь до этого имени.

— Мы могли бы попытаться сейчас, папа. Воспользоваться смятением.

— Без экспериментов, Камень. Только наверняка. Я не желаю играть со Взятými в кости.

Камень явно хотел еще поспорить, но вместо этого глотнул чаю. Потом снова вышел к тачке.

— Токар должен уже появиться, — сказал он, вернувшись. — Может, он пригонит не два фургона.

Боманц хихикнул:

— Может, явится не только с фургонами, но и с сестренкой?

— Да, я и об этом думал...

— Как же ты будешь диссертацию писать?

— Ну, выпадают минуты...

Боманц протер тряпочкой драгоценность на упряжи коня мертвого царя.

— Ладно, хватит на сегодня. Пошли к раскопу.

— Сделаем крюк, поглядим на суету? — предложил Камень.

— Не пропушу ни за какие деньги.

Ближе к вечеру к раскопу пришел Бесанд. Боманца он застал дремлющим.

— Что такое? — спросил он. — Спим на работе?

Боманц выпрямился:

— Ты же меня знаешь. Я только из дома вышел. Говоря, новенький приехал.

Бесанд плюнул:

— Не напоминай.

— Плохо?

— Хуже, чем я ожидал. Попомни мои слова, Бо, — сегодня начинается конец света. Эти дураки еще пожалеют.

— Ты уже решил, что будешь делать дальше?

— Рыбачить. Рыбачить, мать его за ногу! В самой глухой глуши.

На день задержусь, чтоб этого типа в курс ввести, и двину на юг.

— Я всю жизнь мечтал осесть в одном из Драгоценных городов. Никогда не видел моря. Так ты уезжаешь, да?

— Только не надо с такой радостью, хорошо? Ты с твоими дружками-воскресителями победил, но я-то знаю, что меня побили на чужой земле.

— Последнее время мы не слишком много спорили. Не стоит навешивать упущенное.

— Ладно-ладно. Само собой вылетело. Извини. Это от разочарования. Все вокруг рассыпается, а я ничего не могу поделать.

— Ну, не настолько же все плохо.

— Насколько. У меня свои источники, Бо. Я же не псих-одиночка. В Весле хватает умных людей, которые разделяют мои страхи. Говорят, воскресители что-то готовят. Ты еще увидишь. Если только не унесешь ноги.

— Наверное, унесу. Камень этого типа знает. Но я не могу уйти, пока не закончу раскопки.

Бесанд, прищурившись, глянул на приятеля:

— Бо, мне бы следовало заставить тебя все здесь убрать. Словно черти блевали.

Боманц не был аккуратным работником. На сотню футов вокруг раскопа землю усеивали кости, обломки древних доспехов и прочий мусор. Жуткое зрелище. А он и не замечал.

— К чему мучиться? За год все зарастет. Да и не хочется мне, чтобы Мен-Фу перетрудился.

— Бо, ты сама сердечность.

— Стараюсь.

— Еще увидимся.

— Ладно.

Боманц попытался сообразить, что он сделал не так, зачем приходил Бесанд и чего не нашел. Потом пожал плечами, улегся на траву и закрыл глаза.

Женщина манила его. Никогда еще сон не был так ярок. И так упоителен. Поначалу. Боманц подошел к женщине, взял за руку, и она повела его тенистой тропинкой между деревьями. Тонкие лучики солнечного света пронзали кроны, в них плясали золотые пылинки. Женщина говорила, но слов было не разобрать. Ему было все равно. Покой.

Золото стало серебром. Серебро отлилось в громадный тупой клинок, что пробивал ночное небо, затмевая слабые звезды. Комета

снижалась, снижалась... Великанское лицо женщины глянуло на него. Она кричала. Зло кричала. А он не слышал...

Комета исчезла. Полная луна скользила по усеянному алмазами небу. Тень закрыла звезды, смела Млечный Путь. Голова, разобрал Боманц. Силуэт головы. Волк, глотающий луну... И тень исчезла. Снова рядом с ним была женщина, снова он шел по лесной тропе, спотыкаясь о солнечные зайчики. Она обещала ему что-то...

Он проснулся: Жасмин трясла его за плечи.

— Бо! У тебя снова кошмар. Проснись.

— Я... в порядке, — пробормотал он. — Не так уж и страшно.

— Не надо было лопать столько лука. В твоём возрасте и при твоей язве...

Боманц сел, похлопал себя по животу. В последнее время язва его не беспокоила. Может, дела отвлекали от хворей? Он спустил ноги с кровати и уставился в темноту.

— Ты что?

— Думаю пойти к Камню.

— Отдохнул бы.

— Чушь. В моем-то возрасте? Старикам отдых не нужен. Я не могу так тратить время. — Он нашарил ботинки.

Жасмин по привычке пробормотала что-то нехорошее. Боманц не обратил внимания. Равнодушие он довел до степени искусства.

— Поосторожнее, — добавила она.

— А?

— Поберегись, говорю. Что-то не по себе мне, раз Бесанда нет.

— Так он только утром уехал.

— Да, но...

Боманц вышел из дома, бормоча под нос что-то о суеверных старухах, которые боятся любых перемен.

Путь он выбрал кружной, по временам останавливался, глядя на комету. Удивительное зрелище. Полотнище блеска. Интересно, что может означать тот сон? Тень, пожирающая луну. Не слишком много, решил он.

На околице Боманц услышал голоса. Он пошел потише — обычно в такой час люди по улице не бродят.

Голоса доносились из заброшенного сарая. Внутри мерцала свеча. Паломники, предположил Боманц. Он пристроился к щели, но увидел только чью-то спину. Что-то в этих сутулых плечах... Бесанд? Нет, слишком широкие. Скорее уж, один из Токаровых гримил...

Голосов он тоже не узнал — в сарае больше перешептывались, — но один был подозрительно похож на вечное нытье Мен-Фу. Слова, однако, Боманц слышал вполне отчетливо.

— Слушай, мы сделали все, что могли. Когда у мужика отбирают дом и работу, он мог бы и понять, что ему тут не место. Но ведь не уходит же!

Второй голос:

— Значит, пришло время серьезных мер.

Нытик:

— Это уже слишком.

— Трус. — Презрительное фыркание. — Я сам все сделаю. Где он?

— Забрался на старую конюшню. На чердак. Устроил себе там подстилку, как старый пес в углу.

Кто-то, ворча, встал. Шаги. Боманц схватился за живот и поспешно отсеменял в тень. Дорогу пересекла сутулая фигура. Сияние кометы отразилось от обнаженного клинка.

Боманц перебрался в тень подальше и принялся думать.

Что все это значит? Убийство, само собой. Но чье? И зачем? Кто поселился в заброшенной конюшне? Паломники и просто путники спокон веку ночуют в пустых строениях... И кто эти заговорщики?

На ум приходили разные варианты, но Боманц отбросил все — слишком уж они были мрачные. Когда самообладание вернулось к нему, он побежал к раскопу.

Лампа Камня стояла на месте, но самого парня не было видно.

— Камень? — Нет ответа. — Камень! Где ты? — Опять нет ответа. — Камень! — вскрикнул Боманц почти панически.

— Пап, это ты?

— Где ты?

— Облегчаюсь.

Боманц со вздохом сел. Секундой позже вылез из кустов сын, утирая пот со лба. Странно: ночь прохладная.

— Камень, неужели Бесанд передумал? Этим утром он вроде уехал. А я только что слышал, как несколько мужиков сговаривались убить кого-то, и вроде бы его.

— Убить? Кто?

— Не знаю. Трое или четверо. Одним из них мог быть Мен-Фу. Он не возвращался?

— Тебе не примерещилось, часом? Что ты вообще тут делаешь посреди ночи?

— Опять кошмары. Не мог заснуть. И мне не примерещилось. Эти типы собирались убить кого-то, потому что он не уехал.

— Это ж бессмыслица, пап.

— Да мне пле...

Боманц резко развернулся. Что-то зашуршало за его спиной. В круг света вышла, пошатываясь, фигура, сделала три шага и упала.

— Бесанд! Это Бесанд. А я что тебе говорил!

Грудь бывшего надсмотрщика пересекала кровавая рана.

— Я в порядке, — прошептал он. — В порядке. Просто шок. Не так страшно... как кажется.

— Что случилось?

— Пытались меня убить. Я же говорил — скоро начнется. Говорил, что они играют по-крупному. Но в этот раз я их надул. И убийцу срезал.

— Ты же говорил, что уезжаешь. Я своими глазами видел...

— Передумал. Не могу уехать. Я клятву дал, Бо. Работу у меня отняли, но не совесть же. Я должен их остановить.

Боманц посмотрел сыну в глаза. Камень покачал головой:

— Пап, глянь на его запястье.

Боманц посмотрел:

— Ничего не вижу.

— В том-то и дело. Амулет.

— Он же его сдал, когда уходил. Разве нет?

— Нет, — ответил Бесанд. — Потерял в драке. И в темноте не смог найти. — Он снова издал тот странный звук.

— Папа, он серьезно ранен. Я сбегаю в казарму.

— Камень, — выдохнул Бесанд, — только ему не говори. Скажи капралу Детине.

— Ладно. — Камень умчался.

Свет кометы наполнял ночь призраками. Курганье, казалось, корчится и ползет. Тени проскальзывали среди кустов. Боманц ежил-ся и пытался убедить себя, что это лишь игра воображения.

Близилось утро. Бесанд вышел из шока и теперь прихлебывал присланный Жасмин супчик. Пришел капрал Детина, доложил результаты расследования.

— Ничего не обнаружил, сударь. Ни тела, ни амулета. Даже следов драки нет. Словно и не было ничего.

— Ну не сам же я себя порезал!

Боманц призадумался. Если бы он не подслушал заговорщиков, то просто не поверил бы Бесанду. Этот человек способен организовать покушение на себя, чтобы вызвать сочувствие.

— Я вам верю, сударь. Я только рассказываю, что нашел.

— Они потеряли свой лучший шанс. Теперь мы предупреждены. Будьте внимательны.

— И не забывайте, кто ваш новый начальник, — встрял Боманц. — Не наступайте ему на мозоли.

— Этот недоумок! Сделай что можешь, Дитина. И не шарь вокруг курганов.

— Слушаюсь. — Капрал отбыл.

— Возвращайся домой, папа, — предложил Камень. — Ты весь серый.

Боманц поднялся.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Отлично, — ответил Бесанд. — Не беспокойся обо мне. Солнце-то встало. Эти твари при дневном свете ни на что не годятся.

«Не слишком на это рассчитывай, — подумал Боманц. — Если они истинные почитатели Властелина, то и ясный полдень могут превратить в ночь».

— Я тут думал этой ночью, пап, — произнес Камень, как только они отошли. — До начала заварушки. О твоей проблеме с прозвищами. И меня осенило. Есть в Весле такой старый камень — здоровый, с рунами и резьбой. Черт знает, сколько он там торчит. Никто не помнит, кто его ставил или зачем. Всем наплевать.

— Ну и?

— Давай покажу, что на нем нарисовано. — Камень подобрал веточку, расчистил клочок земли, начал рисовать. — На верхушке — неровная звезда в круге. Потом несколько строк — руны, которые никто прочесть не может. Их я не помню. Потом картинки. — Он поспешно чертил линии.

— Довольно грубо.

— Они такие и есть. Но посмотри. Вот этот. Человечек со сломанной ногой. Здесь. Червь? Тут — человек поверх контура зверя. Тут — человек с молнией. Понимаешь? Хромой. Крадущийся в Ночи. Меняющий Облик. Зовущая Бурю.

— Может быть. А может быть, ты торопишься с выводами.

— Пускай. — Камень продолжал рисовать. — Вот так они расположены на камне. Четверо, кого я назвал. В том же порядке, что у тебя на карте. Смотри сюда, на твои пустые места. Это могут быть те Взятые, чьи могилы мы еще не определили. — Он указал на пустой кружок, на человечка со склоненной набок головой, на башку зверя с кругом во рту.

— Позиции сходятся, — признал Боманц.

— И?

— Что «и»?

— Папа, ты прикидываешься идиотом. Круг — это может быть ноль. А может быть знак прозывавшегося Безликим или Безымянным. Этот — Висельник. А тут — Луногрыз... или Лунный Пес?

— Вижу, Камень. Но не уверен, что хочу видеть. — Боманц рассказал Камню свой сон: огромная волчья пасть, заглатывающая луну.

— Вот видишь! — сказал сын. — Тебе собственное сознание подсказывает. Проверь свидетельства. И посмотри, все ли сходится.

— Не стоит.

— Почему?

— А я их наизусть помню. Сходится.

— Так в чем дело?

— Я уже не уверен, что хочу это сделать.

— Папа... Папа, если не ты, то я это сделаю. Я не позволю тебе выбросить на свалку тридцать семь лет. Что изменилось? Ты отдал почти все, чтобы попасть сюда. Неужели можешь все это просто списать?

— Я привык к такой жизни. Меня она не тяготит.

— Папа... Я ведь встречался с твоими знакомыми по прежней жизни. Все говорят, что ты мог бы стать великим волшебником. Они изумлялись: что с тобой произошло? Знают, что у тебя был какой-то тайный великий план и ты отправился его исполнять. Они думают, что ты мертв, потому что иначе о человеке твоих способностей было бы известно. И теперь я начинаю подумывать, что они правы.

Боманц вздохнул. Камень никогда не поймет его. Пока не постареет в тени виселицы.

— Я серьезно, пап. Я сделаю это.

— Нет, не сделаешь. Тебе не хватит ни знаний, ни мастерства. Я сделаю это сам. Так, наверное, предreshено.

— Пошли!

— Да куда ж ты торопишься? Мы не на посиделки собрались. Это опасно. Мне нужен отдых и время, чтобы прийти в соответствующее состояние. Собрать оборудование, приготовить сцену.

— Пап...

— Камень, кто тут специалист? Кто этим займется — ты или я?

— Ты, наверное.

— Тогда заткнись. И держи язык за зубами. Самое раннее — завтра ночью. Если твое расположение прозвищ меня удовлетворит.

Камень глянул на него обиженно и нетерпеливо.

- В чем дело? Что у тебя за спешка?
- Да просто... я думаю, что вместе с Токаром приедет Слава. Хотелось бы, чтобы она приехала уже к завершению.

Боманц в отчаянии заломил брови.

- Пошли домой. Я с ног валюсь. — Он обернулся. Бесанд, напугавшись от ярости, глядел в сторону Курганья. — И держи его от меня подальше.

- Пару дней ему будет не встать.

Чуть позже Боманц пробормотал:

- Что это все может значить? Неужели и вправду воскресители?
- Воскресители — это миф, на котором наживается Бесандова банда, — ответил Камень.

Боманц вспомнил некоторых университетских знакомых.

- Не будь так в этом уверен.

Дома Камень сразу пошел на чердак — изучать карту. Боманц перекусил и, прежде чем лечь, сказал Жасмин:

- Приглядывай за Камнем. Что-то он странно себя ведет.
- Странно? Это как?
- Не знаю. Просто странно. Слишком его Курганье интересует. Не давай ему отыскать мои вещи. Он может попытаться сам открыть путь.
- Он не станет.
- Я очень на это надеюсь... но все же приглядывай за ним.

Курганье

Услыхав, что Грай вернулся, Горшок немедля побежал к старику домой. Грай обнял его:

— Как поживаешь, парень?

— Мы уж думали, что ты сгинул. — Грая не было дома восемь месяцев.

— Пытался вернуться, но тут у вас дорог совсем не осталось.

— Знаю. Полковник попросил Взятых сбрасывать припасы с ковра.

— Слыхал. Военный губернатор в Весле на дыбы встал, как это услышал. Целый полк отправил на строительство новой дороги. Уже на треть сделана. Я по ней сюда и шел.

Горшок посерьезнел:

— Это действительно была твоя дочь?

— Нет, — ответил Грай.

Уходя, он заявил, что хочет встретиться с женщиной, назвавшей-ся его дочерью. Он заявил, что отдаст все свои сбережения человеку, который найдет его детей и приведет в Весло.

— Ты, кажется, разочарован.

Так оно и есть. Исследования не дали почти ничего. Слишком многих летописей не хватает.

— Как перезимовали, Горшок?

— Плохо.

— Там, внизу, тоже было не лучше. Я за вас беспокоился.

— У нас с племенами были неприятности. Самое худшее из всего. Знаешь, можно долго сидеть в доме, приперев дверь бревном. Но когда воры забрались в твой погреб, есть уже нечего.

— Я так и думал, что до этого дойдет.

— Мы присматривали за твоим домом. Лесовики разграбили пару пустующих.

— Спасибо. — Глаза Грая сузились.

Чужие в его доме? Насколько внимательно они смотрели? Если хорошо поискать, можно найти достаточно, чтобы повесить его.

Грай выглянул из окна:

— Кажется, дождь.

— Да тут всегда дождь, кроме тех дней, когда идет снег. Зимой на двенадцать футов насыпало. Люди волнуются. Что с погодой случилось?

— Старики рассказывают, что после Великой кометы всегда так — пара очень суровых зим. В Весле таких холодов не было, но снегопадов — изрядно.

— Сильных морозов и у нас не бывало. Только снегу так навалило, что из дому не выйти. Я чуть с ума не сошел. Курганье — ровно озеро замерзшее. Даже Великого кургана не видеть.

— Да? Ну, мне еще мешок разобрать надо. Так что ступай, расскажи всем, что я вернулся. Деньги порастратил. И работа мне нужна срочно.

— Ладно, расскажу.

Грай смотрел из окна, как Горшок бредет к казармам стражников по настилу, положенному уже после отъезда Грая. Понятно, почему положенному, — под настилом хлюпала грязь. Кроме того, полковник Сласть не позволял своим людям бездельничать. Когда Горшок исчез из виду, Грай поднялся на второй этаж.

Ничего не тронут. Отлично. Он посмотрел через окошко на Курганье.

Как оно изменилось за какую-то пару лет! Еще немного — и его вовсе будет не разглядеть.

Грай фыркнул, пригляделся внимательнее. Вытащил из тайника шелковую карту, посмотрел на нее, потом снова на Курганье. Затем выудил из-за пазухи намокшие от пота бумаги, те, что таскал с собой с того момента, как украл их из университета в Весле. Разложил поверх карты.

Ближе к вечеру он встал из-за стола, накинул плащ и, взяв палку, с которой теперь не разлучался, вышел. Ковыляя по грязи и лужам, он добрался до холма над Великой Скорбью.

Река, как всегда, разлилась. Ее русло продолжало петлять. Через некоторое время Грай выругался, врезал тростью по старому дубу и повернул к дому.

Спустились серые сумерки. До темноты он домой не успеет.

— Черт, как же все сложно! — пробормотал Грай. — Я никогда на это не рассчитывал. Что же мне теперь делать?

Рискнуть. Сделать шаг, которого он надеялся избежать, хотя именно в предчувствии его и зимовал в Весле.

В первый раз за многие годы Грай подумал: а стоит ли игра свеч?

Но что бы он ни решил, до темноты ему домой не успеть.

Равнина Страха

Если с перепугу накричать на Душечку, можно много чего пропустить. Эльмо, Одноглазый, Гоблин, Масло — вся компания обожают подкалывать старину Костоправа. И посвящать меня в подробности они не собирались, нет! Вовлекли в свою затею всех — даже Следопыт, который вроде бы очень привязался ко мне и болтал со мной больше всех остальных, вместе взятых, не обмолвился ни словечком. Так что назначенный день я встретил в торжествующем невежестве.

Я собрал полную боевую выкладку. Мы, вообще-то, согласно традиции, тяжелая пехота, хотя в последнее время предпочитаем ездить верхом. Большинство из нас слишком стары, чтобы таскать восемьдесят фунтов барахла на горбу. Я отволок свои сумы в пещеру, которая служит у нас конюшней и воняет, как прабабушка всех хлевов, — и не нашел там ни одного оседланного коня. Впрочем, кроме коня Душечки.

Мальчишка-конюший только ухмыльнулся, когда я спросил его, что творится.

— Поднимитесь наверх, — посоветовал он. — Сударь.

— Да? Мерзавцы вонючие! Я им покажу, как в игрушки со мной играть. Я им напому, кто тут ведет Анналы.

Я ругался и стenal, пока не выбрался в сплетение слабых лунных теней вокруг входа в тоннель. Там собралась вся честная компания — с облегченной выкладкой. У каждого только оружие и мешок сушеной жратвы.

— Ты куда собрался, Костоправ? — осведомился Одноглазый, с трудом сдерживая смех. — Похоже, все свое барахло в мешок увязал. В черепаху превращаешься? Носишь домик на спине?

— Мы не переезжать собрались. — Это Эльмо. — Просто отправляемся в налет.

— Да вы просто шайка садистов!

Я вышел в полосу тусклого света. Луна через полчаса должна сесть. Вдалеке плыли в ночи Взятые. Эти сукины дети серьезно относились к своему дозору. А чуть поближе к нам собралась целая толпа менгиров. Их было столько, что равнина походила на пустынное кладбище. И бродячих деревьев немало.

Больше того — несмотря на полное безветрие, я слышал звон Праотца-Дерева. Это явно что-то значило. Менгир мог бы объяснить мне, но каменюки очень молчаливы, когда дело касается их самих и братьев по разуму. Особенно Праотца-Дерева. Многие из них даже не признаются, что он существует.

— Лучше разгрузись, Костоправ, — приказал Лейтенант, но объяснять тоже ничего не стал.

— И ты с нами? — удивленно спросил я его.

— Ага. Пошевеливайся. Времени у нас не много. Оставь только оружие и сумку с лекарствами. И быстрее — одна нога здесь, другая там.

Спускаясь, я столкнулся с Душечкой. Она улыбнулась. Как я ни был зол, а все же улыбнулся в ответ. Не могу на нее сердиться. Я ведь ее знаю с той поры, когда она была во-от такусенькая. Когда Ворон спас ее от головорезов Хромого в Форсбергской кампании. И я не могу смотреть на эту женщину, не видя в ней того ребенка. Сентиментален я становлюсь и мягок.

Поговаривают, что я страдаю романтическим параличом мысли. Вспоминая прошлое, я почти готов с этим согласиться. Все эти глупости, что я писал о Госпоже...

Когда я вернулся наверх, луна касалась горизонта. По толпе гулял возбужденный шепоток. Была там и Душечка на своей белой кобыле, гарцевавшая вокруг и объяснявшаяся с теми, кто понимал язык знаков. А в небе плыли невиданно низко сияющие пятна, какие встречаются только на щупальцах летучих китов. Как в страшных легендах об изголодавшихся китах, которые спускают щупальца до самой земли и пожирают каждое растение и животное на своем пути.

— Эй! — окликнул я наших. — Поосторожнее там! Эта тварюга снижается.

Огромная тень затмевала тысячи звезд. И расползалась. Вокруг нее вились скаты. Большие, маленькие, средние — столько я никогда не видел.

Мое предупреждение вызвало только смех. Я снова помрачнел и принялся обходить ударную группу, изводя товарищей проверкой

наличия обязательных пакетов первой помощи. К концу смотра почувствовал себя намного лучше — пакеты были у всех.

Летучий кит спускался.

Луна села, и в тот же миг менгиры начали двигаться. И светиться — той стороной, что повернута к нам и не видна Взятым.

Душечка проехала по отмеченной менгирами дороге. Когда она миновала менгира, тот гас и, как я полагаю, передвигался к дальнему концу шеренги.

Времени проверять у меня не было. Эльмо и Лейтенант построили нас в колонну. Ночь над нашими головами полнилась хлопанием крыльев и писком теснящихся в воздухе скатов.

Летучий кит оседлал ручей.

Мой бог, он был огромен! Исполин! Я и не подозревал... Он на пару сотен ярдов уходил в кораллы на дальней стороне ручья. А всего в нем было четыреста-пятьсот ярдов. И в ширину от семидесяти до сотни.

Менгир сказал что-то, но я не разобрал. Колонна двинулась вперед.

Через минуту мои худшие подозрения подтвердились. Мы карабкались по огромному боку на спину кита, туда, где обычно сидят скаты.

Кит пах, и сильно. Запах этот не походил ни на что мне знакомое. Мощный, я бы сказал. Не то чтобы неприятный, но очень сильный. И спина кита... странная на ощупь. Не мохнатая, не чешуйчатая, не роговая. Не слизистая по-настоящему, но гладкая и упругая, точно переполненная кишка. Ухватиться было за что. Наши башмаки и пальцы не беспокоили зверя.

Менгир ворчал, как старый сержант, одновременно передавая приказы и китовые жалобы. У меня создалось впечатление, что летучий кит был от природы брюзглив и процедура нравилась ему не больше, чем мне. Не могу его за это винить.

Наверху нас ждали неуклюже взгромоздившиеся на китовую спину другие менгиры. Когда я поднялся, камень отправил меня к одному из своих братьев, а тот указал, где сесть. Через пару минут к нам присоединились последние ребята.

Менгиры исчезли.

Мне стало нехорошо. Поначалу я подумал, что это оттого, что кит поднимается; когда я летал с Госпожой, Шепот или Душелов, мой желудок протестовал постоянно. Но нынешняя болезнь была иного рода...

Безмагия слабела. Душечка так долго была со мной, что стала частью моей жизни...

В чем дело?

Мы поднимались. Я чувствовал, как меняется ветер. Торжественно вращались звезды. И внезапно весь север вспыхнул.

Скаты атаковали Взятых. Вся стая. Удар был неожиданным, хотя Взятые не могли не ощущать их присутствия. Но скаты поступили не так, как я предполагал...

«О черт! — подумал я. — Они гонят Взятых в нашу сторону...»

Я усмехнулся. Не к нам. К Душечке и ее безмагии, в ловушку.

В ту же секунду я увидел вспышку бесплодного колдовства, увидел, как кренится и уходит к земле ковер. За ним устремилась стая скатов.

Может, Душечка не так поглупела, как мне казалось. Может, от этих Взятых мы и отделаемся. И то утешение, даже если все остальное провалится с треском.

Но мы-то чем занимаемся? Вспышка молнии осветила моих спутников. Ближе всех ко мне сидели Следопыт и пес Жабодав. Следопыт, похоже, скучал, но пес Жабодав насторожился небывало, обозревая пейзаж. Дотоле я видел его сидящим только за едой.

Пес высунул язык. Тяжело дышал. Будь он человеком, я сказал бы — ухмыляется.

Второй Взятый попытался показать скатам свою силу. Но его превосходили числом. А Душечка внизу двигалась. Взятый неожиданно вошел в безмагию. И рухнул. За ним устремились скаты.

Падение, конечно, Взятые переживут. Но окажутся они при этом в самом центре настороженной равнины. И вряд ли оттуда выберутся.

Летучий кит поднялся уже на пару тысяч футов и двигался на северо-восток, набирая скорость. Сколько до ближайшего ко Рже края равнины? Миль двести? Отлично. До рассвета мы, может быть, и доберемся туда. Но как насчет последних тридцати миль, за пределами равнины?

Следопыт запел, сначала тихо. Песня была старая. Солдаты северных стран пели ее уже много поколений. То был гимн, предсмертная песнь в память о готовых пасть. Я слышал, как в Форсберге ее пели обе стороны. Потом песню подхватил новый голос. И еще один, и еще. Из сорока солдат ее знали человек пятнадцать.

Летучий кит мчался на север. Далеко-далеко внизу проплывала невидимая равнина Страха.

Хотя наверху было прохладно, меня прошиб пот.

Ржа

Первый раз я ошибся, подумав, что Хромой будет дома, когда мы нанесем ему визит. На это намекал и Душечкин маневр со Взятыми. Мне следовало бы припомнить, что Взятые способны связываться друг с другом на расстоянии — разум с разумом. Хромой и Бенефиций промелькнули мимо нас, когда мы мчались на север.

— Ложись! — взвизгнул Гоблин, когда до окраины равнины оставалось миль пятьдесят. — Взятые! Всем лежать.

Старый Костоправ, как всегда, посчитал, что для него закон не писан. Все ради Анналов. Я подполз поближе к боку нашего ездового чудовища, глянул в ночную мглу. Чуть ниже и позади нас неслись две тени. Когда они скрылись, я получил хороший выговор от Эльмо, Лейтенанта, Гоблина, Одноглазого и всех, кто удосужился открыть рот. Я вновь сел рядом со Следопытом. Тот ухмыльнулся и промолчал.

Чем ближе к бою, тем живее он становился.

Второй раз я ошибся, предположив, что летучий кит высадит нас на краю равнины. Когда мы приблизились к границе, я снова поднялся, игнорируя ехидные реплики в свой адрес. Но кит не опускался еще довольно долго. Вновь усевшись на свое место, я начал тихонько бредить.

Следопыт открыл свой таинственный сундучок. Там содержался небольшой арсенал. Следопыт проверил клинки. Один длинный нож его не удовлетворил, и он взялся за точильный камень.

Сколько раз так же поступал Ворон в тот краткий год, что он провел с Отрядом?

Кит сел внезапно. Эльмо и Лейтенант передали приказ быстро слезть.

— Держись за мной, Костоправ, — бросил Эльмо. — И ты, Следопыт. Одноглазый, есть там, внизу, что-нибудь?

— Нет. У Гоблина сонное заклятие наготове. Когда мы спустимся, их часовые будут дрыхнуть.

— Если не проснутся и не поднимут тревогу, — пробурчал я. Черт, ну почему я такой пессимист?

Никаких проблем. Мы сели. Солдаты покатались с китовых боков и рассыпались, точно на учениях. Может, пока я дулся, они тренировались?

А я мог делать только то, что приказал Эльмо.

Поначалу мне это все напомнило другой налет — случившийся давным-давно, к югу от Пыточного моря, прежде чем мы нанялись на службу к Госпоже. Мы вырезали городские когорты Драгоценного города Берилла, пока те храпели под чарами наших колдунов. Не скажу, чтобы мне нравилась такая работа. Большинство этих парней — мальчишки, поступившие на службу, чтобы избежать худшей участи. Но они были врагами, а мы делали широкий жест. Более широкий, чем я мог ожидать от Душечки.

Небо начало светлеть. Этой ночи не пережил ни один из солдат гарнизона, кроме разве что пары самовольщиков. С главного плаца казарм, располагавшихся далеко за городской чертой, доносились крики Эльмо и Лейтенанта: «Быстро, быстро, дел по горло! Этот взвод — сломать звезды Взятых! Этот — разграбить местный штаб! Еще один — приготовить казармы к поджогу! И еще один — обыскать личные покои Хромого на предмет документов. Быстро, быстро! Закончить надо, пока Взятые не вернулись. Душечка не может их вечно за нос водить».

Кто-то, естественно, лопухнулся. Так всегда бывает. Слишком рано подпалил казармы. Поднялся дым.

Тотчас выяснилось, что в самой Рже стоит еще один полк. Через минуту к нам уже скакал конный эскадрон. И опять кто-то лопухнулся. Ворота были не заперты. Всадники навалились на нас почти без предупреждения.

Кричали люди. Звенели клинки. Летели стрелы. Ржали кони. Солдаты Госпожи откатились, оставив половину своих.

Вот теперь Эльмо и Лейтенант действительно заторопились. Всадники вернутся с подмогой.

Покуда мы расшвыривали противников, летучий кит взлетел. Забраться на него успело с полдюжины солдат. Кит поднялся над крышами и направился на юг. В сумерках его никто не заметил.

Можете представить, сколько шума и ругани последовало за этим. Даже пес Жабодав нашел в себе силы зарычать. Я обмяк, чувствуя наше поражение. Пристроился на коновязи и помотал головой. Несколько человек пустили стрелы вслед киту. Тот даже не заметил.

Рядом со мной оперся на коновязь Следопыт.

— Кто мог знать, что такая здоровая тварь струсит, — проворчал я. Я хочу сказать — летучий кит город может снести.

— Не приписывай свои мотивы существу, которого не понимаешь. Посмотри с его точки зрения.

— Ну и?

— Даже не зрения... Слова не подберу. — Следопыт напоминал четырехлетнего малыша, сражающегося с трудным понятием. — Он на чужой земле. За границами, которые, как полагают враги, удерживают его. Он бежал из страха, что его заметят и раскроют его тайну. Он никогда не сотрудничал с людьми. Куда ж ему вспомнить о них в отчаянную минуту?

Возможно, Следопыт был прав. Но в тот момент он сам интересовал меня куда больше, чем его версия. Версию я и сам придумал бы, посидев немного. Но у него эта мысль выглядела необычайно сложной и важной.

Я призадумался о его рассудке. А не полудурок ли он? Может, его вороноподобное поведение — продукт не индивидуальности, а скудоумия?

Лейтенант стоял на плацу, уперев кулаки в бедра, и смотрел, как уплывает летучий кит, оставляя нас в руках врага.

— Офицеры! — гаркнул он через минуту. — Собраться!

— Нам конец, — заявил он, когда мы собрались. — Я вижу только один шанс. Может, этот здоровый болван свяжется с менгирами, когда вернется, а те решат, что нас стоит спасти. Так что нам надо продержаться до заката. И надеяться.

— А по-моему, пора ноги уносить. — Одноглазый издал непристойный звук.

— Да? Чтобы имперцы нас выследили? Сколько до дома добираться? Сможешь ты дойти, если Хромой и его парни повиснут у нас на хвосте?

— Они и здесь нам будут головы откручивать.

— Возможно. А возможно, мы им сами все пооткручиваем. По крайней мере, здесь они нас сразу найдут. Эльмо, осмотри стены. Прикинь, сможем ли мы обороняться. Гоблин, Молчун, погасите

огонь. Остальным — собрать документы Взятых. Эльмо! Караулы расставь. Одноглазый, выясни, как мы можем получить помощь из Ржи. Костоправ, помоги ему. Ты знаешь, кто у нас тут есть. Давайте шевелиться!

Лейтенант — хороший воин. Он сохраняет спокойствие, даже когда ему, как и нам всем, хочется бегать кругами и вопить.

На самом деле у нас не было ни одного шанса. Нам пришел конец. Даже если сдержим городские войска, остаются Бенефиций и Хромой. Гоблин, Одноглазый и Молчун против них не подмога. Лейтенант это тоже знал. Потому-то и разделил колдунов — чтобы думали поменьше.

Унять огонь мы не смогли. Казармы сгорели дотла. Пока я оказывал помощь двоим раненым, остальные приводили гарнизон в пригодное для обороны состояние. Покончив с лекарскими делами, я проглядел бумаги Хромого, но ничего интересного не нашел.

— Сотня солдат идет к нам из Ржи! — закричал дозорный.

— Делаем вид, что никого нет! — рявкнул Лейтенант.

Солдаты закопошились, выполняя распоряжение.

Я глянул со стены на кустарник к северу от нас. Там полз к городу Одноглазый, надеясь связаться с кем-нибудь из друзей Шпагата.

Даже после трех великих осад, опустошавших город, и долгих лет оккупации Ржа оставалась непоколебима в своей ненависти к Госпоже.

Имперцы попались предусмотрительные. Они послали к стене небольшой отряд. Разведчики обстреляли нас, мы не ответили. И только через час осторожных маневров они вошли в полуоткрытые ворота.

Прежде чем уронить решетку, Лейтенант впустил пятнадцать человек, тут же polegших под градом стрел. Потом мы кинулись на стену и принялись стрелять в тех, кто остался снаружи. Упала еще дюжина. Остальные отступили за пределы досягаемости. Там они кружили, ругались и решали, что делать дальше.

Все это время Следопыт оставался рядом со мной. Он выпустил только четыре стрелы. И каждая пробила насквозь вражеского солдата. Может, он и не мудрец, но с луком обращаться умеет.

— Будь у них ума побольше, — пояснил я ему, — они выставили бы оцепление и стали ждать Хромого. Нет смысла гибнуть, если он с нами расправится без труда.

Следопыт хмыкнул. Пес Жабодав приоткрыл один глаз и что-то басисто проворчал. Неподалеку сидели на корточках Гоблин с Мол-

чуном, переговаривались, по временам выглядывая из-за парапета. Наверное, строили планы.

Следопыт встал, снова хмыкнул. Я глянул сам. Из Ржи выдвигались новые подразделения. Несколько сот человек.

В течение часа ничего не происходило — только прибывали войска. Нас окружали.

Гоблин и Молчун принялись колдовать. Их чары приняли облик тучи мошкары. Откуда насекомые появлялись, я не разобрал, — просто кружили вокруг наших колдунов. Потом, когда их набралось с тысячу, улетели.

За стеной некоторое время раздавались дикие вопли. Когда они стихли, я подошел к помрачневшему Гоблину и спросил:

— Что случилось?

— У кого-то из них есть талант, — пропищал колдун. — Почти нам ровня.

— У нас неприятности?

— Неприятности? У нас? Да мы их надрали, Костоправ. В хвост и в гриву. Только они этого еще не знают.

— Я имел в виду...

— Он не ответит. Не хочет себя выдавать, Нас-то двое, а он один.

Имперцы подтягивали пушки. Военный городок не строился с расчетом на артобстрел.

Время шло. Солнце ползло по небу. Мы все смотрели вверх. Когда же прилетит на ковре наша погибель?

Лейтенант, уверенный, что имперцы не нападут немедленно, послал несколько человек перенести все награбленное на плац, подготовить к погрузке на кита. Верил Лейтенант сам в это или нет, но он упорно обещал, что нас вывезут после заката. Той возможности, что первыми прилетят Взятые, он даже не рассматривал.

Боевой дух он поддерживал прекрасно.

Первый снаряд прилетел через час после полудня. Огненный шар шлепнулся оземь в двадцати футах от стены. Следующий перемахнул через стену и приземлился на плацу, шипя и разбрасывая искры.

— Хотят нас выкурить, — пробормотал я.

Упал третий снаряд и радостно заполыхал — тоже на плацу.

Следопыт и пес Жабодав встали и глянули через парапет — псу для этого пришлось подняться на задние лапы. Потом Следопыт сел, открыл свой ящик, вынул полдюжины очень длинных стрел. Снова встал, глянул на пушки, положил стрелу на тетиву.

Даже из собственного лука я добил бы до пушек. Но я мог бы пускать стрелы хоть весь день и не попасть.

Следопыт так сосредоточился, что почти впал в транс. Он поднял лук, натянул тетиву до уха и отпустил.

По склону раскатился вопль. Артиллеристы собрались вокруг павшего товарища.

Следопыт стрелял быстро и ловко. Казалось, он выпускает чуть ли не по четыре стрелы зараз. И каждая находила цель.

Потом он сел:

— Все.

— Что-что?

— Стрел больше нет хороших.

— Может, этого хватило, чтобы их отпугнуть.

Хватило — но ненадолго. Ровно настолько, чтобы отступить и вернуться со щитами. Потом снаряды посыпались снова. Один из них попал в здание. Жар глодал кожу.

Лейтенант непрерывно прохаживался по стене. Я присоединился к его молчаливой молитве — только бы имперцы не раздухарились и не кинулись на штурм. Потому что остановить их мы не сможем.

Осада

Солнце садилось. Мы были еще живы. Ковры Взятых пока не пикировали на нас со стороны равнины. Нам хотелось верить, что еще есть шанс.

Кто-то заколотил в ворота, да так громко, словно гремел молот рока.

— Впустите, мать вашу за ногу! — послышался вопль Одноглазого.

Солдат сбежал вниз и отпер ему. Одноглазый взобрался на стену.

— Ну? — осведомился Гоблин.

— Порадовать особо нечем. Слишком много имперцев. Слишком мало мятежников. Хотят все обдумать.

— Как ты добрался? — спросил я.

— Пешком! — рявкнул Одноглазый и добавил помягче: — Тайна ремесла, Костоправ.

Колдовство. Ну конечно.

Лейтенант остановился, чтобы выслушать доклад Одноглазого, потом возобновил свое хождение. Я наблюдал за войсками противника. По всем признакам, они теряли терпение.

Одноглазый подтвердил мое подозрение фактами. Они с Гоблином и Молчуном тут же сели разрабатывать план атаки.

Я не совсем понял, что они сотворили. Не мошек, но результат примерно тот же. Быстро стихающие дикие вопли. Но теперь на нас работали трое шаманов. Третий следил за имперцем, нейтрализовавшим заклятие.

В сторону города кинулся горящий человек. Гоблин с Одноглазым победно взвыли. И двух минут не прошло, как взорвалась пушка. Потом еще одна.

Я внимательно наблюдал за нашими колдунами. Молчун вел себя по-деловому, а Гоблина и Одноглазого понесло. Они веселились вовсю. Я испугался, что они зайдут слишком далеко и имперцы начнут штурм — в надежде смести нас.

Атака действительно началась, но позже, чем я ожидал. Противник дождался ночи. И даже тогда он вел себя осторожнее, чем следовало.

А пока над полуразваленными стенами Ржи за клубился дымок. Миссия Одноглазого увенчалась успехом. Кто-то за что-то взялся. Часть войск Госпожи снялась с места и поспешила в город.

— Думаю, мы скоро узнаем, прав ли Лейтенант, — сказал я Следопыту, когда на небе проступили звезды.

Он только брови удивленно поднял.

Запели рога. Войска двинулись на приступ. Мы со Следопытом взялись за луки, пытаясь целиться почти в полной темноте, при свете тонкого месяца.

— А какая она, Костоправ? — спросил он из пустоты.

— Что? Кто? — Я спустил тетиву.

— Госпожа. Говорят, ты с ней встречался.

— Да. Давно.

— Ну и какая она?

Следопыт выпустил стрелу. Звону тетивы вторил чей-то крик. Следопыт казался совершенно спокойным. Точно не он мог умереть через пару минут. Это меня тревожило.

— Такая, как ты и ожидаешь, — ответил я. А что еще можно сказать? От той нашей встречи у меня остались только смутные воспоминания. — Жестокая и прекрасная.

Ответ его не удовлетворил. Он никого не удовлетворяет. Но это лучший ответ, какой я могу дать.

— Как она выглядит?

— Не знаю, Следопыт. Я перепугался до чертиков. И она что-то сотворила с моим рассудком. Я видел молодую красивую женщину. Но таких везде полно.

Звякнула тетива его лука, ответил еще один вопль. Следопыт пожал плечами:

— Просто интересно.

Он стрелял все чаще. Имперцы подошли совсем близко.

Я готов поклясться, что он ни разу не промахнулся. Сам я пускал стрелы туда, где мне что-то мерещилось, а Следопыт... Глаза у него как у совы. Я не видел ничего, кроме теней на фоне теней.

Гоблин, Одноглазый и Молчун делали все, что могли. Их колдовство испещрило поле боя краткими вспышками и воплями. Но они сделали слишком мало. Лестницы ударялись о стену. Большая часть отскакивала, но по нескольким уже карабкались люди. Потом прибавилась еще дюжина лестниц. Я выпустил в темноту все стрелы почти наугад — так быстро, как мог, и вытащил меч.

Так же поступили и остальные.

— Вот он! — вскричал Лейтенант.

Я бросил взгляд в небо. Да. Огромная тень затмила звезды. Она снижалась. Лейтенант оказался прав. Теперь осталось только залезть на кита.

Некоторые из молодых солдат кинулись на плац. Проклятия Лейтенанта их не остановили. Как и угрозы и крики Эльмо. Лейтенант приказал остальным следовать за бегущими.

Гоблин и Одноглазый сотворили что-то особенно мерзкое. На мгновение показалось, что они призвали какого-то злобного демона. Выглядело это прежутко. Имперцев оно задержало. По обыкновению, в чарах наших колдунов материального было не много — больше для отвода глаз. Враг вскоре это понял.

Но мы получили передышку и достигли плаца, прежде чем имперцы опомнились. Те взревели, думая, что наконец-то поймали нас.

Я метнулся к опускающемуся летучему киту, попытался взобраться ему на спину. Молчун дернул меня за рукав и показал на разбросанные бумаги.

— О черт! Не время!

Пока я раздумывал, кто-то уже вскарабкался на кита. Я закинул наверх лук и меч и принялся подавать связки бумаг Молчуну, который перебрасывал их кому-то на спине кита.

На нас ринулся взвод имперцев. Я прыгнул было к брошенному мечу, понял, что не успею, подумал: «О черт! Не здесь, не сейчас...» Дорогу им заступил Следопыт. Словно вышел из легенды. Он убил троих в мгновение ока и ранил еще троих, прежде чем имперцы наконец решили, что встретились с явлением сверхъестественным. Несмотря на численное превосходство врага, Следопыт атаковал. Никогда я не видел, чтобы мечом работали с таким искусством, с такой легкостью и изяществом. Меч был частью его тела и продолжением мысли. Не устоял никто. Как тут не поверить в мифы о волшебных мечах?

Молчун пнул меня в зад, показал:

— *Кончай пялиться, шевелись.*

Я швырнул последние два тюка и полез на спину чудовища.

К противникам Следопыта прибыло подкрепление. Он отступил. Сверху кто-то пустил несколько стрел. Но я не думал, что Следопыт прорвется. Я пнул карабкавшегося за ним имперца. На его месте появился другой, бросился на меня...

Из ниоткуда возник пес Жабодав. Он сомкнул челюсти на горле нападавшего, и тот булькнул, словно не дворняга в него вцепилась, а бульдог. Не продержался и секунды.

Пес Жабодав рухнул вместе с ним. Я вскарабкался на несколько футов, стараясь прикрывать Следопыту спину. Тот подтянулся, я схватил его за руку и затащил наверх.

В темноте нестройно загомонили, заверещали имперцы. Полагаю, это Гоблин, Молчун и Одноглазый отрабатывали свой хлеб.

Следопыт прополз мимо меня, уцепился покрепче, помог мне. Я одолел еще пару футов, глянул вниз.

До земли было футов пятнадцать. Кит быстро поднимался в небо. Имперцы, разинув рты, стояли на плацу. Я пробрался наверх.

Я глянул вниз еще раз — когда кит поднялся повыше. Под нами в нескольких сотнях футов полыхали пожары во Рже. Поднимались мы быстро. Неудивительно, что у меня мерзли руки.

Но не от холода я дрожал, опустившись на спину кита.

— Есть раненные? — спросил я, оправившись немного от страха. — И где моя сумка с лекарствами?

И где Взятые? Как это мы провели день без нашего драгоценного врага Хромого?

На обратном пути я видел больше, чем по дороге на север. Я ощущал под собой жизнь, гул и рокот внутри летучего зверя. Видел, как выглядывают детеныши скатов из гнезд, скрытых между отростками, частично покрывавшими китовую спину. И в лунном свете я поиному увидел равнину.

Это был другой мир, казавшийся то хрустальным, то сияющим, то сверкающим, то лучезарным. На западе виднелось нечто похожее на лавовые озера. За ними горизонт озаряли вспышки и проблески бури перемен. Думаю, мы пересекали ее след. Потом, когда мы углубились в равнину, пустыня стала более привычной.

Нашим конем послужил в этот раз не тот трусоватый кит, а другой, поменьше и не такой пахучий. Был он, кроме того, полегче и поживее.

Милях в двадцати от дома Гоблин пискнул: «Взятые!» — и все легли. Кит набрал высоту. Я глянул вниз.

Да, Взятые, но нами они вовсе не интересовались. Внизу гремело и вспыхивало. Часть пустыни горела. Я видел длинные тени бродя-

чих деревьев на марше, силуэты скатов на фоне огня. Сами Взятые уже спешили, кроме отчаянного одиночки, сражавшегося со ска-
тами. То был не Хромой — его бурые лохмотья я узнал бы даже с
такого расстояния.

Шепот, конечно. Пытается вывести остальных с вражеской тер-
ритории. Отлично. На пару дней это их займет.

Кит начал снижаться. (Ради этих Анналов хотел бы я, чтобы мы
летели днем, — тогда бы удалось заметить побольше деталей.) Вско-
ре он коснулся земли.

— Спускайтесь, быстро! — приказал менгир.

Слезть оказалось сложнее, чем забраться. Раненые сообразили,
что им больно. Все устали, руки и ноги затекли. А Следопыт не ше-
велился.

Он упал в кататонию. Пробудить его не удавалось. Он просто си-
дел, глядя в пустоту.

— Что за черт? — спросил Эльмо. — Что с ним случилось?

— Не знаю. Может, его ранило?

Я был совершенно ошеломлен. И изумился еще больше, когда
мы перенесли Следопыта на свет, где я осмотрел его. Физически он
был в полном порядке. Ни единого синяка.

Из Норы вышла Душечка.

— *Ты был прав*, — показала она мне. — *Извини. Я думала, что та-
ким смелым ударом мы воспламеним весь мир. Какие потери?* —
спросила она у Эльмо.

— Четверо. Не знаю, убиты они или просто потерялись.

В его голосе звучал стыд. Черный Отряд своих братьев не остав-
ляет.

— Пес Жабодав, — произнес Следопыт. — Мы бросили пса Жа-
бодава.

Одноглазый обматерил дворнягу. Рассерженный Следопыт под-
нялся. У него не осталось ничего, кроме меча. Замечательный сунду-
чок с арсеналом брошен во Рже вместе с дворнягой.

— Эй, вы! — рявкнул Лейтенант. — Хватит! Одноглазый, пошел
вниз! Костопправ, приглядывай за Следопытом. Эльмо, спроси Ду-
шечку, вернулись ли те, что сбежали вчера.

Спросили мы с Эльмо вдвоем.

Ответ ее нас не обнадежил. По словам менгиров, огромный тру-
соватый кит оставил их в сотне миль к северу. Спасибо, хоть сни-
зился, прежде чем их высадить.

Солдаты возвращались домой пешком. Менгиры обещали защи-
тить их от естественных опасностей равнины.

Мы спустились в Нору, переругиваясь. Ничто так не подогревает страсти, как хорошее поражение.

Поражение само по себе относительное. Мы нанесли значительный ущерб врагу. Отголоски нашего рейда не затихнут еще долго. Взятых изрядно потрепали. Мы захватили столько документов, что им придется переделывать наново весь план операции. Но миссия все равно провалилась. Теперь Взятые знают, что летучие киты способны залетать за свои традиционные границы. Что у нас есть иные ресурсы, кроме тех, о существовании которых подозревал враг.

А когда играешь, карты на стол до последней ставки не выкладываешь.

Я побродил вокруг, нашел захваченные бумаги, отволок к себе. Не очень-то хотелось участвовать в собрании. Там будет невесело — даже если все придут к единому мнению.

Я убрал оружие, запалил лампу, подхватил тючок документов, повернулся к столу. Там лежал еще один пакет с запада.

История Боманца (Из послания)

Боманц бродил по царству сна вместе с женщиной. Она что-то говорила, но он не понимал слов. Зеленая тропа надежд вела мимо гложущих луну псов, висельников и безликих стражей. Сквозь разрывы в листве он видел распростершуюся на все небо комету.

Спал он плохо. Стоило задремать, как начинались сновидения. Боманц не понимал, почему не может спать без них.

Нынче кошмар выдался не сказать, что страшный. Бóльшая часть символов была знакома Боманцу, но он не желал в них вникать.

Уже настала ночь, когда Жасмин принесла чай, спросив при этом:

- Всю неделю решил тут проваляться?
- Возможно.
- Спать-то будешь сегодня?
- Я лягу поздно. Поработаю в лавке. Где Камень?
- Подремал немного, приволок с раскопа кучу барахла, поел. Потом кто-то прибежал, сказал, что Мен-Фу опять к вам залез, и Камень туда отправился.
- Как Бесанд?
- Весь город гудит. Новый надсмотрщик ярится, что Бесанд не ушел. Говорит, что ничего не может поделать. Стражники его прозвали Конской Задницей и приказов не исполняют. Так что он только с ума сходит.
- Может, хоть чему-то научится. Спасибо за чай. Поесть ничего не осталось?
- Только курица. Возьми сам. Я спать пошла.

Боманц, ворча, обглодал холодные жирные куриные крылья, запив тепловатым пивом. Он обдумывал сон. Желудок куснула язва. Заболела голова.

— Начинается, — пробормотал он и потащился вверх.

Он провел несколько часов, обновляя ритуалы, с помощью которых собирался покинуть тело и проскользнуть мимо многочисленных опасностей Курганья... Будет ли проблемой дракон? Судя по указаниям, тот предназначался для охраны от физического вторжения. И наконец:

— Сработает. Если только в шестом кургане Лунный Пес.

Боманц вздохнул, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Пришел сон. И не успел он дойти до середины, как Боманц обнаружил, что смотрит в зеленые змеиные глаза. Мудрые, жестокие, насмешливые глаза. И проснулся.

— Пап? Ты тут?

— Да. Заходи.

В комнату протиснулся Камень. Выглядел он ужасно.

— Что случилось?

— Курганье... Призраки ходят.

— Да, так бывает, когда приближается комета. Я не ожидал их так рано. Наверное, на сей раз будет красиво. Это не повод тревожиться.

— Да не в этом дело. С кометой все понятно. Нет, я о Бесанде и Мен-Фу.

— Что?!

— Мен-Фу попытался залезть в Курганье с амулетом Бесанда.

— Я был прав! Этот мелкий... Ну продолжай!

— Он был у раскопа. И нашел амулет. Перепугался до смерти. Увидел, что я иду, и припустил по склону. Когда он добежал до того места, где должен был находиться ров, выскочил откуда-то Бесанд, крича и размахивая мечом. Мен-Фу дал деру, Бесанд — за ним. Луна светит ярко, но, когда они забежали за курган Ревуна, я потерял их из виду. Должно быть, Бесанд его поймал. Я слышал, как они орут и возятся в кустах. А потом раздались вопли.

Камень замолк. Боманц ждал.

— Не знаю, как описать... Не слышал прежде ни о чем подобном. Все духи собрались на кургане Ревуна. И это длилось долго. Потом вопли начали приближаться.

Боманцу показалось, что Камень потрясен. Выбит из колеи, как человек, чья вера разрушена. Странно.

— Что дальше?

— Я увидел Бесанда. Он отобрал амулет, но это не помогло. Он не перешел рва. Уронил амулет, и духи на него набросились. Все стражники были там... И ничего не могли сделать, только смотрели. Надсмотрщик не дал им амулетов, чтобы они могли его вытащить.

Боманц сложил руки на столе, глянул на сына:

— Теперь у нас два трупа. Три, если считать того типа, убитого прошлой ночью. Сколько их будет завтра? Может, мне придется отбиваться от полка новых призраков?

— Ты готов к завтрашнему вечеру?

— Да. Теперь Бесанда нет, нет и причин откладывать.

— Папа... может быть, не стоит? Может, оставим это знание в земле?

— Что-о? Мой сын повторяет мои сомнения?

— Пац, давай не будем цапаться. Допустим, я и вправду перегнул палку. Допустим, я был не прав. Ты лучше меня знаешь Курганье.

Боманц посмотрел на сына.

— Я это сделаю, — произнес он, вложив в слова больше отваги, чем чувствовал. — Пора отбросить сомнения и покончить с этим делом. Вот список. Просмотри и скажи, не забыл ли я чего.

— Пап...

— Не спорь со мной, мальчик.

Он угробил весь вечер, чтобы сбросить личину Боманца и вывести на поверхность так давно и тщательно скрываемого колдуна. Теперь колдун вырвался.

Боманц отошел в угол, где валялось несколько невинных на первый взгляд вещей. Он стал выше ростом, двигался точнее, быстрее. Принялся громоздить вещи на стол.

— Когда вернешься в Весло, расскажешь моим однокашникам, что со мной стало.

Он слабо улыбнулся. Еще и сейчас он мог припомнить кое-кого, кто содрогнется от ужаса, узнав, что Боманц учился на лоне Госпожи. Он ничего не забывал и не прощал. И это знали.

С лица Камня сошла бледность. Теперь он казался неуверенным. Этой стороны своей натуры отец не проявлял с тех пор, как родился сын. Камню такого видеть не доводилось.

— Хочешь сходить туда, папа?

— Главное ты рассказал. Бесанд мертв. Мен-Фу мертв. Стража не забеспокоится.

— Я думал, он был твоим другом.

— Бесанд? — У него не было друзей. У него было дело... — На что ты там пилишься?

— Человек с миссией?

— Возможно. Что-то же его здесь держало. Отнеси все это вниз. Работать будем в лавке.

— Куда положить?

— Куда хочешь. Бесанд единственный смог бы отличить это от мусора.

Камень вышел. Закончив серию мысленных упражнений, Боманц чуть удивился: где же мальчик? Камень так и не вернулся. Он пожал плечами и продолжил умственную гимнастику.

И улыбнулся. Он готов. Все будет просто.

Город бурлил. Стражники пытались убить нового надсмотрщика. Тот, изумленный и перепуганный, заперся у себя. Множились безумные слухи.

Боманц шел по городу с таким спокойным достоинством, что люди, знавшие его годами, поражались перемене. Он достиг окраины Курганья, посмотрел на своего давнего противника. Бесанд лежал на том же месте, где и умер. Над ним клубились мухи. Боманц бросил горсть земли, и насекомые разлетелись. Колдун задумчиво кивнул. Амулет Бесанда снова исчез.

Боманц отыскал капрала Детину.

— Если не сможете его вытащить, забросайте землей.

— Слушаюсь, — ответил капрал и только потом запоздало удивился собственной покорности.

Боманц обошел границы Курганья. Солнечный свет странно пробивался сквозь хвост кометы. Цвета менялись. Но духов колдун не заметил. Нет причин откладывать попытку связи. Он вернулся в деревню.

Перед лавкой стояли фургоны. Грузчики проворно кидали туда товар. В доме верещала Жасмин, проклиная кого-то, ухватившегося за не подлежащую продаже вещь. «Будь ты проклят, Токар, — пробормотал Боманц. — Ну почему именно сегодня? Почему ты не мог до завтра подождать?» На минуту это озаботило его. Нельзя полагаться на Камня, когда у того мысли блуждают боги знают где. Боманц вошел в лавку.

— Великолепно! — Токар ткнул пальцем в коня. — Поистине удивительно! Бо, ты гений.

— А ты заноза в заднице. Что тут творится? И кто, мать твою, эти люди?

— Мои возницы. Мой брат Ждан. Моя сестра Слава. Камнева Слава. И наша младшая сестренка Проныра. Мы ее так зовем, потому что она за нами всегда подглядывает.

— Рад познакомиться. Где Камень?

— Я его послала купить что-нибудь на ужин, — ответила Жасмин. — На такую ораву готовить нужно долго, лучше начать пораньше.

Боманц вздохнул. Полный дом гостей. Только этого нынче и не хватало!

— Ты, положи откуда взял! Ты... Проныра?.. Не трогай руками.

— Что с тобой, Бо? — спросил Токар. Боманц поднял бровь, посмотрел торговцу в глаза и не ответил.

— Где тот широкоплечий возница?

— Он у меня больше не работает. — Токар нахмурился.

— Я так и думал. Если что-то случится — зовите меня, я наверху.

Боманц протопал через лавку, взобрался по лестнице, устроился в кресле и заставил себя заснуть. Сон был неровен. Боманцу казалось, что наконец звучит голос, но, проснувшись, он забыл все, что слышал.

На чердак поднялся Камень.

— Ну и что нам делать? — осведомился Боманц. — Эта толпа нам все испортит.

— Много тебе понадобится времени, папа?

— Если получится один раз — пусть хоть каждую ночь тут шляются, из недели в неделю. — Боманца обрадовало, что к Камню вернулась смелость.

— Не можем же мы их выгнать!

— И сами уйти не можем.

Стражники нынче не в настроении, подумал Боманц.

— Шуметь ты сильно будешь, пап? Нельзя ли нам все тут и сделать?

— Думаю, стоит попробовать. Тесно только. Принеси вещи из лавки. А я приберусь.

Когда Камень вышел, у Боманца опустились плечи. Он нервничал. Не из-за того, что собирался сделать, а из-за собственного предвидения. Постоянно казалось, будто он что-то забыл. Но он просмотрел записи, сделанные за сорок лет, и не нашел изъянов в выбранном подходе. В его формулах разберется любой мало-мальски способный ученик.

Боманц сплонул в угол.

— Трусость антиквара, — пробормотал он. — Вечный страх перед неизвестным.

Вернулся Камень:

— Мама заняла их игрой в металки.

— А я-то думал, почему Проныра так визжит. Все принес?

— Да.

— Отлично. Спускайся вниз и веселись. Я тут все подготовлю и тоже приду. Начнем, когда они улягутся.

— Ладно.

— Камень! Ты готов?

— Вполне, пап. Вчера вечером у меня просто истерика была. Не каждый день видишь, как человека убивают призраки.

— Привыкай к подобным зрелищам. Чего только не бывает на свете.

Лицо Камня потеряло всякое выражение.

— Учился ведь украдкой в Черной Школе?

Черной Школой называли подпольное отделение, где постигали свое ремесло колдуны. С точки зрения закона она была невозможна. И тем не менее существовала. Боманц окончил ее с отличием.

Камень коротко кивнул и вышел.

— Так я и думал, — прошептал Боманц и мысленно спросил: «И насколько же тебя зачернили, сынок?» Он возился до тех пор, пока не перепроверил все трижды и не понял, что просто ищет предлог не выходить к гостям.

— Ну ты даешь!.. — пробормотал он.

Последний взгляд. Карта развернута. Свечи. Чаша ртути. Серебряные ножи. Травы. Курильницы... Неуверенность все еще мучила его. «Что, черт поberi, мог я пропустить?»

Металки — это, по сути, шашки на четверых. Доска тоже вчетверо больше обычной. Каждый играет сам за себя. Элемент случайности заключается в том, что перед каждым ходом игрок бросает кость. Если выпадает шесть очков, то можно передвинуть любую свою шашку на шесть клеток. В остальном действуют правила обычных шашек, если не считать того, что шашку противника можно не брать.

— Они меня бьют вместе! — возвала к Боманцу Проныра в тот миг, когда колдун спустился с чердака.

Она сидела напротив Жасмин, между Славой и Токаром. Боманц последил немного за игрой. Токар и старшая сестра явно играли на пару. Обычная тактика выживания.

Поддавшись порыву, Боманц заставил игральную кость лечь для Проныры шестеркой кверху. Девочка радостно взвизгнула и приня-

лась двигать шашку. Боманц попытался вспомнить, было ли когда-то в нем самом столько же энтузиазма и оптимизма. Он искоса посмотрел на девчонку. Сколько ей лет? Четырнадцать?

Он заставил Токара выбросить единицу, позволил Жасмин и Славе взять то, что подала удача, потом опять подсунул Проныре шестерку, а Токару — опять единицу. На третий раз Токар буркнул:

— Это уже смешно.

Равновесие игры нарушилось. Слава была готова оставить Токара и объединиться с сестрой против Жасмин.

Когда Проныра выбросила еще одну шестерку, Жасмин косо посмотрела на мужа. Боманц моргнул и оставил Токара в покое. Выпала двойка.

— Удача возвращается, — проворчал Токар.

Боманц зашел на кухню, нацедил себе кружку пива. Вернувшись, он вновь обнаружил Проныру на грани поражения. Играла она так отчаянно, что для выживания ей требовалось выбрасывать всякий раз не меньше четверки.

Токар же был игроком консервативным, наступал только колоннами, пытаясь занять центральные ряды клеток соседних игроков. Боманцу почудилось сходство с самим собой — сначала удостовериться, что не проиграешь, а потом уже пытаться выиграть.

Токар выбросил шесть очков и пустил шашки гулять замысловатыми кренделями, оттяпав по дороге три шашки у Славы, своего номинального союзника.

«Склонен к предательству, — подумал Боманц. — Это тоже стоит иметь в виду».

— Где Ждан? — спросил он Камня.

— Решил остаться с грузчиками, — ответил ему Токар. — Думает, что мы тебя очень стесняем.

— Понятно.

Эту партию выиграла Жасмин, а следующую — Токар, после чего заявил:

— С меня хватит. Садись на мое место, Бо. Увидимся утром.

— С меня тоже хватит, — поддержала его Слава. — Пойдем гуляем, а, Камень?

Камень покосился на отца. Тот кивнул:

— Далеко не заходите. Стража ярится.

— Не зайдем, — ответил Камень.

Боманц усмехнулся, видя нетерпение сына. Такими же были и они с Жасмин, давным-давно.

— Милая девочка, — сказала Жасмин. — Повезло Камню.

— Спасибо, — ответил Токар. — Нам кажется, что ей тоже повезло. Проньра скорчила рожицу. Боманц позволил себе кривую усмешку. Кому-то в этой комнате Камень тоже нравится.

— Сыграем на троих? — предложил Боманц. — За «болвана» — по очереди, пока кто-нибудь не вылетит.

Игрокам он позволил кидать как кидается, а «болвану» подворачивал шестерки и пятерки. Проньра пересела на свободное место. Жасмин это позабавило. Выиграв, Проньра радостно завизжала.

— Слава, я выиграла! — поделилась она радостью с сестрой, когда та и Камень вернулись с прогулки. — Я их побила!

Камень глянул на доску, потом на отца:

— Пап...

— Я сражался как мог. Но ей с костями везет.

Камень недоверчиво улыбнулся.

— Хватит, Проньра, — сказала Слава. — Пора спать. Мы не в городе. Тут ложатся рано.

— У-у-у... — Пусть с жалобами, но спать Проньра пошла.

Боманц вздохнул. Тяжелая работа — общение. Сердце забилося в предвкушении ночного труда.

Камень по третьему разу прочел свои инструкции.

— Все понял? — спросил Боманц.

— Наверное.

— Время тут большой роли не играет. Только торопиться нельзя. Вот если бы мы какого-нибудь идиотского демона вызывали, ты бы у меня свою роль неделю зубрил.

— Роль? — Камню полагалось только зажигать свечи и смотреть.

И помогать, если отец попадет в беду.

Последние два часа Боманц провел, нейтрализуя заклятия вдоль избранной им тропы. Имя Лунного Пса стало золотой жилой.

— Открыто? — спросил Камень.

— Настежь. Почти втягивает. К концу недели сам попробуешь.

Боманц глубоко вдохнул, выдохнул. Оглядел комнату. Его не покидало гложущее чувство, что он что-то забыл. И намека нет, что именно.

— Ладно. — Он устроился в кресле, закрыл глаза. — Дамни, — пробормотал он. — Ум муджи дамни. Хайкон. Дамни. Ум муджи дамни.

Камень бросил травы на угли крошечной курильницы. Комнату наполнил ароматный дым. Боманц расслабился, отдался во власть

летаргии. Разделился с телом он легко, всплыл, повисел под потолочными балками, наблюдая за Камнем. Многообещающий паренек.

Боманц проверил связь с телом. Хорошо. Отлично! Он слышит как физическими, так и духовными ушами. Сплывая по лестнице, колдун попутно проверял собственную двоичность. Каждый произведенный Камнем звук доносился до него все так же ясно.

В лавке он задержался, глядя на Славу и Проныру. Завидуя их юности и невинности.

Снаружи ночь полнилась кометным светом. Боманц ощущал, как мощь сотрясает землю. Какой же великолепной станет комета, когда мир окунется в ее гриву!

Внезапно появилась женщина, нетерпеливо поманила. Боманц перепроверил свою связь с плотью. «Да. Все еще в трансе. Не сплю». Он ощущал смутное беспокойство.

Она провела его к Курганью открытой им же тропой. Боманца шатало от захороненной тут могучей силы, от излучаемой менгирами и фетишами мощи. С его духовной точки зрения они казались жуткими, кровожадными чудовищами, прикованными на коротких цепях.

По Курганью бродили призраки, выли за спиной Боманца, пытались прорвать его заклятия. Сила кометы и могущество охранных заклинаний слились в единый гром, пронизывавший все существо Боманца. «Как же могучи были древние, — подумал он, — если все это продержалось столько лет».

Они приближались к мертвым воинам, тем, что на карте обозначались пешками. Боманц как будто слышал шаги за спиной... Он обернулся — никого — и понял, что это Камень ходит в доме.

Перед ним предстал дух рыцаря. Его ненависть была безвременной и неустанной, как удары прибоя о холодный голый берег. Боманц обошел призрака боком.

Он уперся взглядом в огромные зеленые глаза. Древние, мудрые, безжалостные, наглые, насмешливые, презрительные. Дракон в усмешке обнажил зубы.

«Вот так, — подумал Боманц. — Это я и пропустил...» Но нет. Дракон не коснется его. Боманц ощутил раздражение зверя, убежденного, что во плоти человек стал бы лакомым кусочком. Волшебник поспешил за спутницей.

Никакого сомнения, это Госпожа. Она тоже пыталась достичь его. Лучше поостеречься. Ей нужен не просто благодарный собеседник.

Они вошли в гробницу — огромную, забитую мишурой, что и в жизни принадлежала Властелину. И жизнь эта была отнюдь не спартанской.

Боманц последовал за женщиной, обогнул гору мебели — и не нашел своей спутницы.

— Где?..

Он увидел их. Бок о бок на каменных плитах. Скованные. Окутанные потрескивающим, звенящим пологом. Не заметно дыхания, но нет и смертной бледности. Застывшие, скользящие мимо времени.

Легенда почти не преувеличивала. Даже в нынешнем состоянии Госпожа выглядела неимоверно потрясающей. «Бо, у тебя же взрослый сын!» Душа требовала встать на задние лапки и выть, как подросток в гоне.

Снова шаги. Черт бы побрал Камня! Он что, постоять спокойно не может? Шумит за троих.

Глаза женщины открылись. На губах заиграла торжествующая улыбка. Боманц забыл о Камне.

«Добро пожаловать, — произнес голос в его голове. — Мы долго ждали, да?»

Он только кивнул ошеломленно.

«Я следила за тобой. Да, я вижу все в этой всеми забытой глуши. Я пыталась помочь. Слишком много барьеров, слишком прочны они. Эта проклятая Белая Роза была отнюдь не глупа».

Боманц глянул на Властелина. Огромный прекрасный царь-воитель спал. Боманц позавидовал его физическому совершенству.

«Его сон глубже моего».

Послышалась ли насмешка? Выражения женского лица он не мог понять. Слишком много красоты. Боманц подозревал, что не он один так думал и что она воистину была движущей силой Владычества.

«Так и было. И в следующий раз...»

— В следующий раз?

Веселье окутало его, как звон колокольных на слабом ветерке.

«Ты пришел учиться, о колдун. Как отплатишь своей учительнице?»

Ради этой минуты он жил. Его ждал триумф. Еще один шаг..

«Ты искусен. Ты был так осторожен, так терпелив, что даже надсмотрщик сбросил тебя со счетов. Я аплодирую тебе, колдун».

Самое сложное — подчинить это создание.

Смех колокольных.

«Ты не хочешь поторговаться, колдун? Ты собираешься при-
нуждать?»

— Если придется.

«И ничего не дашь мне?»

— Я не могу дать то, чего ты желаешь.

Снова веселье и серебряный звон.

«Тебе не под силу подчинить меня».

Боманц пожал воображаемыми плечами. Она не права. У него есть рычаг. Он наткнулся на него еще в юности, тут же осознал его значение и вступил на долгий, только сейчас завершившийся путь.

Он нашел шифр, раскрыл его и узнал отчество Госпожи — вполне обычное для времен до эпохи Владычества. Обстоятельства подсказывали, что одна из дочерей этой семьи стала Госпожой. Пустяковые исторические розыски завершили дело.

Вот так он разгадал тайну, перед которой останавливались тысячи в течение столетий.

Зная истинное имя, он может принудить Госпожу к чему угодно, ибо в колдовстве истинное имя суть предмет...

Я чуть не заорал. Мой корреспондент, похоже, закончил письмо на самой грани того откровения, которое я искал многие годы. Будь проклято его черное сердце!

В этот раз к письму прилагался постскрипtum — куда меньше самого рассказа. Писавший добавил в конце какие-то каракули. Осмысленные — в этом я не сомневался. Но расшифровать их я не мог. И как всегда, ни подписи, ни печати.

Курганье

Дождь не утихал. Бóльшую часть времени это была легкая морось, а в хорошую погоду — едва ли больше, чем медленно оседающий туман. Но полностью он не прекращался никогда. Грай все равно гулял, хотя часто жаловался на боли в ноге.

— Если тебя так погода беспокоит, что ты тут делаешь? — спросил Горшок. — Ты же говорил, что у тебя вроде бы дети живут в Опале. Почему бы не отправиться туда и не выяснить? По крайней мере, там погода приличная.

Вопрос сложный. Грай еще не придумал на него убедительного ответа. То, что приходило в голову, и его самого-то не убеждало, не говоря уже о врагах, которые могли бы этот вопрос задать.

Грай не боялся ничего. В иной жизни, под иным именем, он бесстрашно выступил против самих творцов ада. Ни сталь, ни колдовство, ни смерть не могли остановить его. Боялся он только людей и любви.

— По привычке я тут, наверное, — пробормотал он. — Может, мог бы жить в Весле. Может быть... Я плохо схожусь с людьми, Горшок. Я их не настолько люблю. Не выношу Драгоценных городов. Я не говорил, что уже бывал там?

Эту историю Горшок слышал уже несколько раз. Он подозревал, что Грай не просто бывал там. Он полагал, что один из Драгоценных городов был родиной Грая.

— Да. Когда мятежники начали большое наступление в Форсберге. Ты еще говорил, что на обратном пути видел Башню.

— Правильно. Видел. Память слабеет. Города. Не люблю я их, парень. Слишком людно. И здесь-то их, на мой вкус, многовато. То есть было многовато, когда я сюда пришел. Теперь-то в самый раз. Может, просто из-за мертвяков столько суеты. — Он указал подбо-

родком в сторону Курганья. — А в остальном все в порядке. С тобой и еще парой ребят поболтать можно. А больше мне никто на дороге не попадается.

Горшок кивнул. Он думал, что понимает, хотя ничего не понял. Он знал других ветеранов. У большинства из них были свои странности.

— Слышь, Грай, а ты с Черным Отрядом сталкивался, когда был на севере?

Грай застыл, уставился на своего спутника с таким вниманием, что молодой солдат раскраснелся.

— Э... в чем дело, Грай? Я что-то не то сказал?

Грай продолжал идти, хромота не замедляла его гневно-резких шагов.

— Странно. Ты словно мысли мои читаешь. Да. Сталкивался. Плохие люди. Очень плохие.

— Отец мне рассказывал о них. Он был с ними во время отступления к Чарам. Лорды, Ветреный край, Лестница Слез — все битвы. После сражения при Чарах он вернулся домой. И рассказывал об Отряде страшные истории.

— Эту часть я пропустил. Остался в Розах, когда Меняющий Облик и Хромой проиграли битву. А с кем был твой отец? Ты о нем что-то не много рассказывал.

— С Крадущимся в Ночи. А рассказывал мало потому, что мы с папашей не слишком ладим.

Грай улыбнулся:

— Сыновья редко ладят с отцами. Это говорит голос опыта.

— А кем был твой отец?

Тут Грай расхохотался:

— Вроде как крестьянином. Но о нем я бы предпочел умолчать.

— Что мы тут делаем, Грай?

«Перепроверяем обмеры Боманца». Но этого Грай сказать парню не мог. И придумать убедительной лжи — тоже.

— Гуляем под дождем.

— Грай...

— Давай помолчим немного, а, Горшок? Пожалуйста.

— Ладно.

Хромая, Грай обошел все Курганье на почтительном расстоянии, так, чтобы это не бросалось в глаза. Инструментов он не использовал, иначе полковник Сласть прибежал бы сломя голову. Вместо этого он сверялся с заученной наизусть картой колдуна. Карта сияла в его мозгу, таинственные знаки теллекурре мерцали собственной

дикой и опасной жизнью. Изучая остатки Курганья, Грай нашел едва ли треть отмеченного на карте. Остальное смели время и погода.

Обычно Грая нервы не беспокоили. Но теперь он боялся.

— Горшок, хочу попросить тебя об услуге, — сказал он в конце прогулки. — А может, о двух.

— Сударь?

— Сударь? Ты же звал меня Граем?

— Ты так серьезно говоришь.

— Дело и впрямь серьезное.

— Тогда продолжай.

— Ты умеешь держать язык за зубами?

— Если надо.

— Нужно, чтобы ты дал мне клятву молчания.

— Не понимаю.

— Горшок, я хочу сказать тебе кое-что. На случай, если со мной что-нибудь случится.

— Грай!

— Я уже немолод, Горшок. И изрядно болен. Немало пережил. Это все сказывается. Я не ожидаю смерти так скоро, но... всякое бывает. Если что-то случится, ни к чему, чтобы моя тайна умерла со мной.

— Ладно, Грай.

— Если я предложу кое-что, ты сможешь оставить это при себе? Даже если и не стоило бы? Сможешь кое-что для меня сделать?

— Ты бы лучше сказал, о чем речь.

— Знаю, это нечестно. Но, кроме тебя, я могу довериться только полковнику Сласти. А в его положении такие клятвы давать невозможно.

— Это незаконно?

— Вообще-то, да.

— Так я и подумал.

— Лучше не думай, Горшок.

— Ну ладно. Даю слово.

— Хорошо. Спасибо. Я очень тебе признателен, не сомневайся. Итак, две вещи. Первое: если со мной что-то случится, подымись в комнату на втором этаже моего дома. Если я оставляю там пакет из промасленной кожи, проследи, чтобы его отправили в Весло, кузнецу по имени Песок.

Горшок выглядел растерянным и сомневающимся.

— И второе. После того как сделаешь это — только после того, — скажи полковнику, что не-мертвые пробуждаются.

Парень замер.

— Горшок! — В голосе Грая проскользнула приказная нотка, которой юноша раньше не замечал.

— Ладно...

— Вот и все.

— Грай...

— Пока никаких вопросов. Через несколько недель я, наверное, все объясню. Хорошо?

— Хорошо.

— А пока ни слова. И запомни. Пакет — кузнецу Песку в Весле. Потом сообщение полковнику. И вот что еще. Если успею, я и полковнику письмо напишу.

Горшок только кивнул.

Грай глубоко вздохнул. Двадцать лет прошло с той поры, как он накладывал простейшее предсказательное заклятие. Ничего подобного тому, что предстояло сейчас, он в жизни не делал. В те древние времена, когда он был другим человеком, мальчишкой, волшебство служило развлечением. Богатые юнцы предпочитали играть в чародеев, а не учиться этому делу законным образом.

Все готово. Необходимые колдовские инструменты разложены на столе — в комнате на втором этаже, в доме, который построил Боманц. Казалось подходящим идти по стопам предшественника.

Грай потрогал пакет из промасленной кожи — для Песка, запечатанное письмо — для Сласти. Помолился, чтобы рука юноши не коснулась их; но если его подозрения верны, то лучше пусть узнает враг, чем зло застанет весь мир врасплох.

Не оставалось ничего иного, кроме как приступить. Грай выпил полчашки холодного чая, уселся в кресло. Закрыв глаза, принялся повторять заклятие, которое выучил, еще когда был моложе Горшка. Его способ отличался от способов Боманца, но был не менее эффективен.

Тело отказывалось расслабиться, упорно отвлекало его. Но наконец летаргия охватила Грая. Его *ка* отцепило десять тысяч крючьев от его плоти.

Часть рассудка твердила, что он поступает безумно: нельзя браться за подобное дело, не обладая искусством мастера. Но у него не было времени учиться, как учился Боманц. Все, что смог, он выучил за время отлучки из Древнего леса.

Свободный от плоти, но в то же время соединенный с нею невидимыми нитями, что притянут его обратно. Это если повезет. Двигался он очень осторожно. Тщательно придерживался правила тел.

Воспользовался лестницей, дверью, положенными Стражей настилами. Поддерживай иллюзию плоти, и тебе будет труднее позабыть о ней.

Мир выглядел по-иному. У каждого предмета появилась своя аура. Было все трудней сосредоточиться на главной задаче.

Грай добрался до окраин Курганья. Вздрыгнул под ударом звенящих древних заклятий, которые еще связывали Властелина и нескольких его прислужников. Что за мощь! Он осторожно обошел границу, пока не обнаружил открытый Боманцем путь — еще не полностью затянувшийся. Перешагнул черту. Мгновенно обратили на него внимание все духи, добрые и злые, скованные в пределах Курганья. Их было куда больше, чем ожидал Грай. Больше, чем указывала карта. Фигурки пешек, окружавшие Великий курган... Это не статуи. Это люди, солдаты Белой Розы, оставленные духами-хранителями между миром и тварью, готовой этот мир сожрать. Какой же волей обладали они! Какой преданностью своему делу!

Тропа петляла, огибая прежние места упокоения Взятых, внешний круг и внутренний. Во внутреннем круге Грай различил истинные обличья нескольких чудовищ поменьше, из слуг Властелина. Тропа тянулась струйкой серебристого тумана. За спиной Грая туман густел, шаги укрепляли путь.

Заклятия впереди были сильнее. И люди, легшие в землю вкруг Властелина. И за ними — великий страх. Тот дракон, на Боманцевой карте, свернувшийся вокруг гробницы в центре Великого кургана.

Духи кричали на теллекурре и юкителле — на языках, которых он не знал, и языках, смутно напоминавших нынешние. И все они проклинали его. А он не обращал внимания на них. Там, в пещере под величайшим из курганов, лежит чудовищная тварь. И он должен выяснить, так ли беспокоен ее сон, как ему кажется.

Дракон. О да, во имя всех небывших богов, дракон настоящий. Настоящий, живой, во плоти; но он чувствует и видит Грая. Серебристая тропа ведет мимо гигантских челюстей, в разрыв между хвостом и головой. Дракон хлестнул его своей ощутимой волей. Но Грай не остановился.

Нет больше стражей. Только гробница. И чудовище, томящееся внутри. Худшее он пережил...

Древний дьявол, должно быть, спит. Разве не победила его Госпожа, когда он попытался бежать через Можжевельник? Разве не загнала его обратно?

Просто гробница, как многие другие. Может, побогаче. Белая Роза шикарно хоронила своих противников. Саркофагов, однако, не было. Вот. Пустой стол, на котором, видно, покоилась Госпожа.

На втором столе красовался спящий. Крупный красивый мужчина, но даже в безмятежном его лице проступал зверь. Лицо, полное жаркой ненависти или бессильного гнева.

Значит, подозрения Грая беспочвенны. Чудовище все же спит...

Властелин сел. И усмехнулся. Улыбка эта была самой жуткой из всех, виденных Граем в жизни. Не-мертвый приветственно протянул руку. И Грай побежал.

Насмешливый хохот преследовал его.

Паника была почти незнакома Граю — слишком редко он испытывал ее. И бороться с нею тоже не умел. Он едва заметил, что пробегает мимо дракона, мимо напоенных ненавистью теней солдат Белой Розы. Едва ощущал, как воют радостно твари Властелина за спиной.

Даже в панике Грай держался туманной тропы. Он сделал лишь один неверный шаг...

Но этого хватило.

Над Курганьем разразилась буря — самая страшная на памяти ныне живущих. Молнии сверкали с яростью небесных воинств: огненные молоты, и копыя, и мечи, раскалывающие небо и землю. Шел дождь, непрерывный и непроглядный.

Одна могучая молния ударила в Курганье. На сотни ярдов разлетелись земля и кусты.

Вечная Стража в ужасе бросилась к оружию, уверенная, что древнее зло сломало свои оковы.

А на Курганье в гаснущем свете молнии проявились две тени — одна двуногая, а другая четвероногая. Через секунду они уже мчались по извилистой тропе, не оставляя следа на жидкой грязи. Они пересекли границу Курганья и скрылись в лесу.

Никто не видел их. Когда Курганья достигла Стража — с оружием и фонарями, обьятая страхом, — буря утихла. Молнии прекратили похвастаться своими подвигами. Но дождь все еще продолжался.

Полковник Сласть и его люди несколько часов обыскивали окрестности Курганья. Никто ничего не нашел.

Проклиная погоду и всех богов, Вечная Стража вернулась в казармы.

На втором этаже бывшего Боманцева дома тело Грая продолжало дышать — один вздох в пять минут. Сердце едва билось. Оно еще долго будет умирать, лишенное души.

Равнина Страха

Я потребовал встречи с Душечкой и аудиенцию получил немедленно. Она ожидала, что я подниму хай насчет плохо спланированных военных действий в условиях, когда потери недопустимы. Она ожидала наставлений о важности работы с кадрами и дисциплины. Я удивил ее — воздержался и от того и от другого. Она была готова вынести худшие упреки, перетерпеть и вернуться к делу; я обманул ее ожидания.

Я подал ей письма из Весла, содержанием которых не делился еще ни с кем. Душечка показала:

— *Любопытно.*

— *Прочти,* — предложил я.

Времени на чтение ушло немало. В комнату заглядывал Лейтенант, раз от разу все нетерпеливее. Душечка закончила, посмотрела на меня:

— *Ну?*

— *Эта история — самое сердце тех документов, которых мне не хватает. Именно за этой историей я охочусь и еще кое за чем. Душелов дала мне понять, что секрет оружия, которое мы ищем, скрыт в этом рассказе.*

— *Рассказ не закончен.*

— *Да. Но разве подумать над ним не стоит?*

— *У тебя есть какие-нибудь мысли насчет того, кто писал их?*

— *Нет. И никакого способа выяснить. Разве что отправиться на поиски этого писателя. Или писательницы.* — На самом деле у меня имелись кое-какие подозрения, но... одно невероятнее другого.

— *Письма поступают регулярно и быстро,* — заметила Душечка. — *После стольких лет.*

Мне показалось, что одно из моих подозрений пришло в голову и ей — «после стольких лет».

— *Гонцы полагают, что писались эти послания в течение долгого времени, а отправлялись одно за другим.*

— *Интересно, но не слишком полезно. Пока мы не получили остальных писем.*

— *Но поразмыслить над ними не мешает. Особенно над концовкой последнего. Не могу ничего разобрать. А понять надо. Это может оказаться важным. Если только эта белиберда предназначена не для того, чтобы сбить с толку тех, кому письмо может попасть в руки.*

Душечка вытащила последний лист, глянула на него. Лицо внезапно озарилось.

— *Это язык жестов, Костоправ, —* объяснила она. — *Буквы. Видишь? Говорящая рука показывает буквы.*

Я глянул через ее плечо. Теперь я увидел — и ощутил себя неимоверным идиотом, что не догадался сам. Как только появился ключ, слова прочитались легко.

Это мое письмо может оказаться последним, Костоправ. Я должен сделать кое-что, и риск очень велик. Шансы против меня, но я обязан попытаться. Если вы не получите завершающего письма, о последних днях Боманца, вам придется забрать его самим. Один экземпляр я спрячу в доме колдуна, как написано здесь. Второй — вы найдете в Весле, у кузнеца по имени Песок.

Пожелайте мне удачи. К нынешнему времени вы, должно быть, нашли уже безопасное убежище. Я не пытался бы выгнать вас отсюда, если бы от этого не зависела судьба всего мира!

Подписи опять не было.

Мы с Душечкой воззрились друг на друга.

— *Какие мысли?* — спросил я. — *Что мне делать?*

— *Ждать.*

— *А если следующих писем не будет?*

— *Идти и искать.*

— *Гм...*

Ужас. Весь мир ополчился против нас. Налет на Ржу привел Взятых в состояние мстительной ярости.

— *Это великая надежда, Костоправ.*

— *Курганье, Душечка. Только Башня может быть опаснее.*

— *Отправимся вместе?*

— Нет! Тобой мы рисковать не можем. Ни при каких обстоятельствах. Восстание переживет потерю одного старого лекаришки. Без Белой Розы ему кранты!

Душечка крепко обняла меня, отстранилась, вздохнула:

— Я не Белая Роза, Костоправ. Та уже четыре века мертва. Я Душечка.

— Наши враги зовут тебя Белой Розой. Наши друзья зовут тебя Белой Розой. В имени есть сила. — Я изобразил несколько букв. — В этом все дело. В имени. Ты должна быть тем, кем тебя зовут.

— Я Душечка, — настаивала она.

— Для меня — может быть. Для Молчуна. Еще для нескольких наших. Но для всего мира ты Белая Роза, надежда и спасение.

Мне пришло в голову, что имени-то у нее и нет. Того, что носила Душечка, прежде чем прибилась к Отряду. Для нас она осталась Душечкой, потому что так ее звал Ворон. Знает ли она свое истинное имя? Если и так, это уже не важно. Она в безопасности. Она последняя из живущих, кто его помнит. В разграбленной войсками Хромого деревушке, где мы нашли ее, вряд ли велись записи рождений.

— Иди, — велела она. — Смотри. Думай. И надейся. Скоро ты где-нибудь отыщешь нить.

Равнина Страха

Пришли наконец те, кто бежал из Ржи на трусливом летучем ките. Мы выяснили, что Взятые с равнины все же выбрались и буйствуют теперь из-за того, что уцелел лишь один ковер. Атака будет отложена до той поры, пока ковры не заменят. А из всех волшебных предметов ковер — едва ли не самый сложный и дорогостоящий. Наверное, Хромой долго будет объясняться перед Госпожой.

Я привлек к разросшемуся проекту Одноглазого, Гоблина и Молчуна. Я переводил. Они выискивали подлинные имена, сводили их в таблицы. Зайти в мою комнату стало почти невозможно. А жить в ней — уж и вовсе никак, потому что Гоблин и Одноглазый здорово поцапались за пределами Душечкиной безмагии. И теперь постоянно держали друг друга за глотку.

У меня начались кошмары.

Как-то вечером я поставил перед колдунами задачу. Отчасти потому, что нового гонца так и не было, отчасти — чтобы они не свели меня с ума.

— Возможно, мне придется покинуть равнину, — сказал я. — Вы можете что-нибудь сотворить, чтобы я не привлекал особого внимания?

Меня засыпали вопросами. Я отвечал честнейшим образом. Они так хотели отправиться со мной, словно поход на запад уже был делом решенным.

— Черта с два вы со мной пойдете, — отрубил я. — Тысяча миль с таким грузом дерьма? Да я покончу с собой, еще не выбравшись с равнины. Или кого-то из вас пришибу.

Гоблин пискнул, изображая смертельный ужас.

— Подойдешь хоть на десять футов, — предупредил Одноглазый, — в ящерицу превращу.

Я фыркнул:

— Ты еду в дерьмо едва превращаешь.

Гоблин закудаhtал:

— У коров и цыплят получается лучше. Пользуйся их навозом.

— Откуда в тебе столько слов, недомерок? — рявкнул я.

— Склочным он стал к старости, — заметил Одноглазый. — Рюматизм, наверно. Есть у тебя рюматизм, Костоправ?

— Если он не уймется, то будет мечтать о ревматизме, — пообещал Гоблин. — Мало мне с тобой разбираться. Но ты хоть предскажем.

— Предскажем?

— Как времена года.

Они опять взялись за свое. Я бросил на Молчуна умоляющий взгляд. Сукин сын не обратил внимания.

На следующий день ко мне приковылял самодовольно ухмыляющийся Гоблин:

— Мы кое-что придумали, Костоправ. На случай, если ты надумаешь прогуляться.

— И что?

— Нам твои амулеты понадобятся.

Два амулета они подарили мне еще давно. Один служил, чтобы предупреждать о приближении Взятых. Работал он надежно. Вторым амулет был, естественно, защитным, но он еще и позволял нашим колдунам определять на расстоянии, где я нахожусь. По нему следил за мной Молчун, когда Душелов послала нас с Вороном устроить засаду Хрому и Шепот в Облачном лесу, в то время как Хромой пытался перейти на сторону мятежников. Давно, далеко. Воспоминания юного Костоправа.

— Хотим внести несколько исправлений. Чтобы тебя нельзя было обнаружить магически. Давай сюда. Потом придется выйти наружу, проверить их.

Я прищурился.

— Ты пойдешь с нами, — объяснил он, — и мы попробуем тебя найти.

— Да? А мне кажется, это просто попытка выбраться за пределы безмагии.

— Может быть. — Он ухмыльнулся.

Душечке эта идея, однако, понравилась. На следующий вечер мы с колдунами брели вверх по ручью, обходя Праотца-Дерево.

— Что-то он выглядит встревоженным, — заметил я.

— Во время стычки его задело заклятие Взятого, — пояснил Одноглазый. — Ему очень не понравилось.

Дерево зазвенело. Я остановился, оглядел его. Должно быть, ему несколько тысяч лет. На равнине деревья растут медленно. Что за истории он мог бы поведать!

— Пошли, Костоправ! — позвал Гоблин. — Старик не разговаривает. — Он скривился в своей лягушачьей улыбке.

Слишком хорошо они меня знают. Знают: когда я вижу нечто древнее, тут же принимаюсь гадать, сколько оно повидало. Ну их всех к бесам!

В пяти милях от Нору мы свернули от ручья на запад, в пустыню, где кораллы особенно густы и опасны. Я полагаю, их там до полутысячи разновидностей, сросшихся в почти непролазные пестрые рифы. Выступы, выросты, ветви кораллов взмывали ввысь футов на тридцать. Я всегда поражался, как их ветер не ломает.

Одноглазый объявил привал на окруженном кораллами песчаном пятачке.

— Достаточно. Здесь мы будем в безопасности.

Меня он не убедил. По дороге за нами следили скаты и стервятникиобразные. А этим тварям я никогда не доверюсь полностью.

Давным-давно, после битвы при Чарах, Отряд пересек равнину с запада на восток. Я видел тогда ужасные вещи. И не могу избавиться от воспоминаний.

Гоблин с Одноглазым то склочничали, то занимались делом. Мне они напоминали веселых ребяташек. Постоянно что-то ковыряют, лишь бы руки занять. Я лег на спину и принялся глядеть на облака. И вскоре заснул.

Разбудил меня Гоблин. Он вернул мне амулеты.

— Теперь поиграем в прятки, — заявил он. — Мы тебе дадим фору. Если все в порядке, то найти тебя не сможем.

— Замечательно! — возмутился я. — И долго мне тут бродить, неприкаянному? — Но я просто скандалил. Нору я найти сумею. Мелькнула идея жестоко разыграть колдунов, двинув напрямик туда.

Но мы не в игрушки играем.

Я пошел на юго-запад, к утесам, и за западной тропой спрятался в роще неподвижных бродячих деревьев. Вылез только после темноты и пошел в Нору, раздумывая, что же случилось с моими спутниками.

Придя на место, я перепугал часового:

— Гоблин и Одноглазый пришли?

— Нет. Я думал, они с тобой.

— Были. — Озабоченный, я спустился вниз, чтобы посоветоваться с Лейтенантом.

— Пойди и отыщи их, — приказал он.

— Как?

Он посмотрел на меня точно на недоумка.

— Оставь амулеты здесь, выйди за границу безмагии и жди.

— А... Ладно.

Я снова вышел и, чертыхаясь, побрел вдоль ручья. Ноги болели. Не привык к долгим прогулкам. Вот и хорошо, надо привести себя в форму, на случай если судьба заставит в Весло пешком идти.

Я добрался до окраин коралловых рифов.

— Гоблин! Одноглазый! Где вы?!

Нет ответа. Искать их я не собирался. Кораллы убьют меня.

Я двинулся на север, рассчитывая, что колдуны пошли в сторону от Норы. Каждые несколько минут опускался на колени, надеясь засечь силуэт менгира. Камни должны знать, куда эта парочка запропастилась.

В какой-то момент краем глаза я вроде заметил блеск молний, и я не раздумывая метнулся туда, решив, что это скандалят Гоблин с Одноглазым. Но, присмотревшись, понял, что это ярится буря перемен.

Я запоздало остановился, вспомнив, что ночью на равнине торопится только смерть.

Мне повезло. Через несколько шагов песок стал рыхлым, неверным. Я присел на корточки, понюхал горстку. Пахло древней смертью. Я осторожно отступил. Мало ли кто может поджидать там, в глубине.

Лучше остановиться где-нибудь и подождать рассвета — решил я, крайне слабо представляя себе, куда меня занесло.

Я нашел несколько скал, чтобы защититься от ветра, немного сушняка и развел огонь. Костер нужен был не для тепла — ночь не принесла прохлады, — а чтобы звери не приближались.

На равнине огонь имеет символическое значение.

Когда костер разгорелся, я обнаружил, что это место использовали и до меня. Скалы почернели от копоти. Вероятно, местные дикари. Они кочуют небольшими группами. Мы с ними почти не общаемся — битвы мира их не интересуют.

На втором часу меня, не защищенного безмагией и амулетами, сморил сон.

Явилась она.

Столько лет прошло. В последний раз она объявила мне об окончательном поражении своего мужа под Можжевельником.

Золотое облако — как пылинки, танцующие в солнечном луче. Кажется, что ты бодрствуешь во сне. Спокойствие и одновременно страх. Невозможность пошевелиться. Знакомые симптомы.

В облаке показалась прекрасная женщина, женщина-мечта. Та, которую надеешься встретить когда-нибудь, зная, что не встретишь. Не припомню, что было на ней надето, да и было ли хоть что-то. Мой мир сжался до ее лица и ужаса, им внушаемого.

Ее улыбка не была холодной. Давным-давно по каким-то своим причинам она заинтересовалась мной. Подозреваю, что часть этой привязанности сохранилась с течением лет, как любовь к давно сдохшей собаке.

— Лекарь.

Шепот камышей у реки вечности. Шепот ангелов. Но она ни разу не заставила меня забыть реальность, рождавшую этот голос.

И соблазнить меня — обещаниями или собой — у нее тоже не хватало дерзости. Возможно, поэтому я полагаю, что она привязана ко мне. Используя меня, Госпожа говорила об этом прямо.

Я не мог ответить.

— Ты в безопасности. Давно, по твоим меркам целую вечность назад, я обещала, что буду поддерживать с тобой связь. Но я не могла. Ты отрезал меня. Я пытаюсь уже несколько недель.

Вот и объяснение кошмарам.

— Что? — пискнул я, как Гоблин.

— Приди ко мне в Чары. Будь моим летописцем.

Как всегда при разговоре с ней, я смутился. Казалось, она воспринимает меня не только как участника борьбы, но и как стороннего наблюдателя. На Лестнице Слез, перед самой страшной колдовской битвой, которую мне только довелось наблюдать, Госпожа пришла, чтобы обещать мне безопасность. Казалось, ее занимало мое побочное ремесло хрониста. Тогда она потребовала, чтобы я записывал события в точности так, как они происходили, а не ради чьего-то одобрения. Так я и делал, с поправкой на свои предубеждения.

— Вздыхается жар на перекрестке, лекарь. Твоя Белая Роза кусна. Ее атака на Хромого — сильный удар. Но незаметный в больших масштабах. Ты не согласен?

Как тут поспоришь? Я молча кивнул.

— Без сомнения, ваши шпионы сообщили, что пять армий стоят лагерем, готовые очистить равнину Страха. Эта земля необычна и непредсказуема, но моего натиска она не выдержит.

И снова я не мог спорить — я ей верил. Я мог только подчиниться многократно повторенному приказу Душечки — выигрывать время.

— Ты будешь удивлена.

— Возможно. В мой план включены и неожиданности. Выходи из своих холодных пустошей, Костоправ. Приди в Башню. Стань моим летописцем.

Большого соблазна в общении со мной она никогда еще себе не позволяла. Она обращалась к той части Костоправа, которую я и сам не понимал, к части, готовой предать давних друзей. Если я пойду, то так много узнаю. Получу столько ответов.

— Вы бежали от меня к мосту Королевы.

У меня горела шея. За время нашего многолетнего бегства войска Госпожи несколько раз настигали Отряд. У моста Королевы нам пришлось хуже всего. Там полегла сотня наших братьев. И к стыду своему, я оставил там Анналы, зарытые на речном берегу. Бросил четыре сотни лет истории Отряда.

Мы не могли унести все. Те бумаги, что лежат сейчас в Норе, были ключом к выживанию. И вместо Анналов я взял с собой их. Но я часто испытываю приступы вины. Я должен ответить перед духами давно ушедших братьев. Анналы и есть Черный Отряд. Пока существуют они, Отряд жив.

— Бежали, сбежали и будем убегать. Так предрешено.

Она улыбнулась — я позабавил ее.

— Я читала твои Анналы, Костоправ. И новые, и старые.

Я подкинул сушняка на угли костра. Не сплю...

— Они у тебя?

До сих пор я подавлял вину обещаниями когда-нибудь их вернуть.

— Их нашли после боя. Они попали в мои руки. Мне понравилось. Ты честен, как подобает историку.

— Спасибо. Я стараюсь.

— Приди в Чары. В Башне для тебя найдется место. Оттуда ты сможешь видеть всю картину мира.

— Я не приду.

— Я не сумею защитить тебя здесь. Если останешься, с тобой случится то же, что и с твоими друзьями-мятежниками. Эту кампа-

нию ведет Хромой. Я не вмешиваюсь. Он уже не тот, что был. Ты причинил ему боль. А потом он претерпел боль снова, чтобы спастись. Он не простил тебе этого, Костоправ.

— Знаю. — Сколько раз она употребила мое прозвище? Единжды за все время нашего знакомства.

— Не дай ему схватить тебя.

В глубине моей души блеснул осколок чувства юмора.

— Ты неудачница, Госпожа моя.

Она отшатнулась.

— Я, дурак, записывал в Анналы свой романтический бред. Ты их читала. Знаешь, что я никогда не называл тебя черной, как назвал бы, наверное, твоего супруга. Подозреваю, что под этой романтической ерундой лежит неосознанно воспринятая истина.

— Вот как?

— Я не думаю, что ты зла по природе. Просто очень стараешься. Думаю, несмотря на все твои преступления, ребенок в твоей душе остался жив. Огонек теплится, и потушить его тебе не под силу.

Возражений не последовало, и я осмелел:

— Наверное, меня ты избрала, чтобы я символически поддерживал этот огонек. Я призван удовлетворить твою тайную жажду чести, подобно тому как мой друг Ворон подобрал ребенка, ставшего Белой Розой. Ты читала Анналы. Ты помнишь, до чего опустился Ворон, слив всю свою честь в одну чашу. Лучше бы он был бесчестен изначально. Возможно, уцелел бы Можжевельник. А Ворон остался бы жив.

— Можжевельник был язвой, которую давно следовало выжечь. Я пришла не для того, чтобы меня высмеивали, лекарь. Не позволю себе выглядеть слабой, даже перед аудиторией из одного человека.

Я начал было протестовать.

— Насколько я тебя знаю, этот разговор тоже останется в твоих Анналах.

Она меня знала. Впрочем, именно она провела меня перед Оком.

— Приди в Башню, Костоправ. Я не требую клятвы.

— Госпожа...

— Даже Взятые налагают на себя страшные клятвы. Ты можешь быть свободен. Лишь делай то, что делаешь. Исцеляй и записывай правду. Совершай то, что ты и так совершаешь. Ты слишком ценен, чтобы губить свои таланты здесь.

Вот с этим я готов был согласиться. Взять бы эту фразу да ткнуть в нее кое-кого носом.

— Что там?

Госпожа начала было отвечать. Я предупреждающе поднял руку. Говорил я сам с собой. Шаги? Да. Что-то большое. Медлительное и усталое.

Госпожа тоже ощутила приближение. Миг — и она исчезла, забрав что-то из моих мыслей, и я уже не был уверен, что мне не привиделась эта встреча, пусть даже каждое слово женщины осталось высеченным в камне моей памяти.

Я подкинул веток в костер, забился в трещину, выставив вперед кинжал — единственное оружие, которое догадался захватить с собой.

Он приблизился. Остановился. Снова двинулся вперед. Мое сердце заколотилось. Кто-то вышел из темноты на свет костра.

— Пес Жабодав! Эй, какого черта?! Ты что тут делаешь? Давай сюда, ложись, грейся. — Слова посыпались из меня, унося страх. — Как Следопыт-то обрадуется! Что с тобой случилось?

Пес осторожно приблизился. Был он вдвое потрепанней обычного. Лег на брюхо, положил морду на лапы и прикрыл один глаз.

— Еды у меня нет. Я, знаешь, сам вроде как потерялся. Но тебе чертовски повезло, что ты добрался сюда. Равнина — не лучшее место для прогулок в одиночестве.

Пес, казалось, был со мной согласен. Язык позы, если хотите. Он выжил, но далось ему это нелегко.

— Как солнце встанет, — сказал я ему, — пойдем домой. Гоблин с Одноглазым тоже потерялись, но это уже их проблема.

После прихода пса Жабодава я расслабился. Наверное, люди тоже помнят былую верность. Я не сомневался, что пес предупредит меня в случае опасности.

Утром мы отыскиали ручей и направились к Норе. Я, как делаю нередко, подошел к Праотцу-Дереву, поболтать немного в одностороннем порядке о том, чего он навидался за годы своего дозора. Пес за мной не пошел. Странно. Ну и что? Странности на равнине в порядке вещей.

Гоблина и Одноглазого я обнаружил спящими. И храпящими. В Нору они вернулись вскоре после того, как я отправился их искать. Подонки. Я с ними еще поквитаюсь.

Я их чуть с ума не свел — ни словом не обмолвился о проведенной в пустыне ночи.

— Сработало? — осведомился я.

Внизу, в тоннеле, Следопыт шумно приветствовал свою псину.

— Почти, — ответил Гоблин без особого энтузиазма.
— Почти? Что значит — почти? Работает или нет?
— Ну, у нас небольшая сложность. Защитить тебя, чтобы Взятые не засекли, мы можем. Так сказать, платочком прикрыть.

Многословие у этого типа — верный знак неприятностей.

— Но...

— Только без «но», Гоблин.

— Если покидаешь безмагию, невозможно скрыть, что ты снаружи.

— Чудесно. Прекрасно. На кой бес вы, ребята, вообще нужны?

— Ну не настолько же все плохо, — встрял Одноглазый. — Ты не привлечешь ничего внимания, если только они не узнают из других источников о твоём уходе. Тебя же не будут специально искать, верно? Причины нет. Так что мы получили почти все, чего желали.

— Бред! Лучше молитесь, чтобы пришло следующее письмо. Потому что, если я уйду и меня там прикончат, — угадайте с трех раз, к кому мой призрак будет являться?

— Душечка тебя не пошлет.

— Спорим? Да, она будет терзаться совестью дня три-четыре, но пошлет. Потому что последнее письмо даст нам ключ.

Внезапный страх. А не прочла ли Госпожа мои мысли?

— В чем дело, Костоправ?

От лжи меня избавил подошедший Следопыт. Он тряс и тискал мою руку как ошалелый.

— Спасибо, Костоправ! Спасибо, что вернул его! — воскликнул он и отошел.

— Что за черт? — спросил Гоблин.

— Я привел его собаку.

— Странно.

Одноглазый подавился.

— Чайник кастрюлю черной назвал.

— Да-а? Дерьмо ящериное! Рассказать тебе кое-что о странно-стях?

— Хватит, — приказал я. — Если меня пошлют в поход, я хочу до отбытия привести в порядок этот развал. Эх, был бы у нас человек, способный это прочесть.

— Может, я помогу? — Это вернулся Следопыт.

Здоровый безмозглый обалдуй. С мечом он суший волшебник, но имя свое вряд ли сумеет записать.

— Как это?

— Прочитаю кое-что. Я знаю некоторые древние языки. Отец научил.

Он ухмыльнулся, будто сказал невесть что смешное. Взял документ на теллекурре и прочел вслух. Древние слова слетали с его губ естественно, так говорили на нем прежние Взятые. Потом он перевел. Это оказалась записка дворцовому повару — приготовить обед заезжим вельможам. Я с мучениями продрался через текст. Перевод был безупречен. Лучше моего. Я трети слов просто не понимал.

— Н-ну... добро пожаловать в команду. Я скажу Душечке. — Под этим предлогом я ускользнул, обменявшись за спиной Следопыта удивленным взглядом с Одноглазым.

Все загадочней и загадочней. Что он за человек? Помимо того что странный. При первой встрече он напомнил мне Ворона и вполне годился на эту роль. Когда я стал считать его могучим, медлительным и неуклюжим, он опять же соответствовал. Неужели он таков, каким мы его себе рисуем?

Но добрый боец, благослови его боги. Лучше десяти наших.

Равнина Страха

Пришло время ежемесячного собрания. Общего сборища, которое ничего не решает. Каждый носится со своим любимым проектом, осуществить который невозможно. Через шесть-восемь часов болтовни Душечка прекращает прения и объясняет, что нам делать.

Как всегда, на стенах висели карты. На одной отмечено, где, по мнению наших лазутчиков, сейчас находятся Взятые. На другой — указанные менгирами места вторжений. На обеих огромные белые пятна — неизвестные нам области равнины. Третья карта — любимый проект Лейтенанта — с бурями перемен за этот месяц. Он искал закономерности. Как обычно, бури бушевали на окраинах. В этом месяце их было необычайно много, и больше обычного — в центральных областях. Сезонные колебания? Действительно сдвиг?

Кто знает? Мы недостаточно долго наблюдаем за ними. А менгиры такие мелочи объяснять не удосуживаются.

Душечка немедленно кинулась в атаку.

— Налет на Ржу, — показала она, — возымел действие, на которое я надеялась. Наши люди сообщают о повсеместных антиимперских выступлениях. Это отвлекает внимание властей от нас. Но армии Взятых продолжают усиливаться. Особенно агрессивна в своих вторжениях Шепот.

Имперские войска входят на равнину почти каждый день, пытаются вызвать контратаку и подготовить солдат к опасностям равнины. Шепот, как всегда, действует очень профессионально. С военной точки зрения ее стоит бояться куда больше, чем Хромого.

Хромой — неудачник. В основном не по своей вине; однако ярлык прилип к нему намертво. Но, неудачник или победитель, он против нас.

Этим утром пришло сообщение, что Шепот оставила гарнизон в дне пути от границы. Она возводит укрепления в ожидании нашего ответа.

Стратегия Шепот была ясна. Создать на равнине сеть поддерживающих друг друга крепостей; надстраивать ее медленно, пока не покроет всю равнину. Опасная женщина. Особенно если она подсказала эту стратегию Хрому и другим военачальникам.

Эта стратегия уходит корнями в незапамятные времена и применяется снова и снова каждый раз, когда регулярная армия сталкивается с партизанами в диких местах. Она рассчитана на длительный срок и требует от победителя большого упорства. Если оно есть, стратегия оправдывает себя; если его нет — терпит провал.

В нашем случае она сработает. У врага было двадцать с лишним лет на подготовку. И ему не надо удерживать равнину, разделившись с нами.

С нами? Лучше сказать — с Душечкой. Остальные в уравнение не включены. Если Душечка потерпит поражение, восстания не будет.

— *Они отнимают наше время, — продолжала Душечка. — Нам нужны десятилетия. Надо что-то делать.*

«Вот мы и приехали», — подумал я. Читаю на ее лице: сейчас выйдут на свет результаты долгих угрызений совести.

Так что я не был особенно удивлен, когда она сообщила:

— *Я посылаю Костоправа добыть завершение рассказа, который содержится в полученных им посланиях. — О письмах уже знали, Душечка растрезвонила. — С ним пойдут двое помощников: Гоблин и Одноглазый.*

— *Что? Да никогда...*

— *Костоправ!*

— *Не буду молчать! Посмотри на меня. Я никто. Меня и не замечают — так, бродит себе старикан. Таких на свете полно. Но трое! Один из них негр! Другой карлик с...*

Гоблин и Одноглазый окинули меня испепеляющими взорами.

Я хихикнул. Моя выходка поставила их в неловкое положение. Идти они хотели не больше, чем я иметь их под боком, но согласиться со мной на людях им не позволяла гордость. Хуже того — им пришлось бы согласиться друг с другом. Самолюбие!

Но я был прав. Гоблин и Одноглазый — фигуры известные. Я, впрочем, тоже, но меня, как я верно сказал, трудно приметить.

— *Опасность заставит их сотрудничать, — показала Душечка.*

Я отступил на последний рубеж обороны:

— *В ту ночь, когда я был один в пустыне, со мной связалась Госпожа. Она ждет меня.*

Душечка подумала секунду.

— *Это ничего не меняет. Мы должны получить остаток рассказа, прежде чем Взятые доберутся до нас.*

Она была права. Но...

— *Пойдете вы трое,* — прожестикнула она. — *Будьте осторожны.*

Следопыту наш спор переводил Масло.

— Я пойду, — предложил Следопыт. — Я знаю север. Особенно Великий лес. Там я получил свое имя.

Пес Жабодав у его ног зевнул.

— *Костоправ?* — спросила Душечка.

Я еще не примирился со своим уходом. Я взвалил решение на нее:

— *Как решишь, так и будет.*

— *Тебе пригодится боец,* — показала она. — *Скажи, что ты его берешь.*

Я хмыкнул, побурчал под нос и повернулся к Следопыту:

— Она говорит, что ты тоже пойдешь.

Его это порадовало.

Душечка сочла вопрос закрытым. Собрание переключилось на доклад Шпагата, намекавшего, что Кожемякам не повредил бы налет вроде пережитого Ржой.

Я исходил злостью и паром, и никто не обращал на меня внимания, кроме Гоблина и Одноглазого. По их взорам я понял, что еще пожалею о своих оскорблениях.

В путь отправились очень скоро, четырнадцать часов спустя. Все для нас уже было готово. Из постели меня выволокли чуть за полночь, и вскоре я уже прятался в кораллах, наблюдая, как спускается небольшой летучий кит. Позади меня лопотал менгир, учил обихаживать болезненное китовое самолюбие. Я не обращал внимания. Слишком быстро все происходит. Меня усадили в седло, прежде чем я решился ехать. Я отстал от событий.

Оружие, амулеты, деньги, провизия — все, что могло мне понадобиться, уже было собрано. Гоблин и Одноглазый, помимо такой же клади, волокли целый арсенал тавматургической мишуры. После того как кит высадит нас за вражескими позициями, мы постараемся купить фургон.

— Чтобы везти все это барахло, — ворчал я, — потребуются два фургона.

Следопыт путешествовал налегке. Еда, набор оружия из того, что нашлось в арсенале, и дворняга.

Кит взлетел. Нас окутала ночь. Я ощутил себя потерявшимся. Меня даже не обняли на прощание.

Кит поднимался до тех пор, пока воздух не стал холодным и разреженным. На востоке, юге и северо-западе я различил блеск бурь перемен. Они действительно участились.

Полеты на китах меня совершенно пресытили. Я скорчился, дрожа. И, не обращая внимания на непрерывно болтающего о каких-то мелочах Следопыта, заснул.

В себя я пришел оттого, что кто-то тряс меня за плечо. Ко мне нагнул Следопыт.

— Проснись, Костоправ, — повторял он. — Проснись. Одноглазый говорит, что у нас неприятности.

Я вскочил, ожидая увидеть кружащих за бортом Взятых.

Нас и вправду окружали — четыре летучих кита и пара десятков скатов.

— Откуда эти взялись?

— Прилетели, пока ты дрыхнул.

— Так в чем проблема?

Следопыт ткнул пальцем в сторону того, что на корабле было бы штирбортом.

Буря перемен. Проявляется.

— Просто вынырнула ниоткуда. — Ко мне подошел Гоблин. Он слишком нервничал, чтобы злиться. — Серьезная, если судить по скорости роста.

Сейчас буря имела в поперечнике не больше четырехсот ярдов, но ярость пастельных молний в ее сердцевине предсказывала: расти буря будет быстро и страшно. Похуже обычного кошмара. Многоцветные вспышки раскрашивали скатов и китов в немыслимые тона. Наш конвой поменял курс. На летучих китов бури влияют меньше, чем на людей, но киты предпочитают все же избегать опасности. Ясно было, однако, что хоть краем, но буря нас заденет.

Пока я додумывался до такой мысли, буря росла. Шестьсот ярдов в поперечнике. Восемьсот. Цвета кипели и бурлили в чем-то похожем на черный дым. Молнии, беззвучно шипя, змеями кидались друг на друга.

Нижний край бури коснулся земли.

Молнии обрели голос. А буря разрасталась все быстрее, расплескивая во все стороны тот прирост, что должен был уйти в землю. Сила ее была невероятна.

Бури перемен редко приближались больше чем на восемь миль. Даже на таком расстоянии они весьма внушительны — так что искры трещат в волосах и рвутся нервы. В те времена, когда мы еще служили Госпоже, я беседовал с ветеранами кампаний Шепот, и те рассказывали о своих мучениях в этих бурях. Я никогда не верил их байкам до конца.

Когда край бури настиг нас, я поверил каждому слову.

Одного из скатов захлестнуло. Он стал прозрачным, забелели в накатившей тьме кости. Потом он изменился.

Изменялось все. Камни и деревья поплыли. Надоедавшие нам мелкие тварюшки оборачивались чем-то еще...

По одной из гипотез, удивительные твари равнины обязаны своим происхождением бурям перемен.

Считалось также, что бури создали и саму равнину. Что каждая из них оттяпывает еще один кусочек нормального мира.

Киты уже не пытались обогнать бурю. Они опустились к земле, к границе бури, чтобы, если их превратит в нечто к полету неспособное, падение было не слишком долгим. Наилучшая тактика при любой буре перемен. Лежи и не рыпайся.

Ветераны Шепот поговаривали о ящерицах, вырастающих со слона, о пауках-чудовищах, о появляющихся у удивительных змей крыльях, о разумных существах, теряющих рассудок и убивающих все, что попадаетеся им на глаза.

Я испугался.

Впрочем, не настолько, чтобы не смотреть по сторонам. Показав нам косточки, скат обрел нормальный облик, но он вырос. Как и второй, когда буря захлестнула его. Не свидетельствует ли это о тенденции к росту на границах бури?

Перемена достигла нашего кита — тот спускался медленнее остальных. Несмотря на молодость, кит старался удержать нас на спине. Мои волосы звенели. Казалось, вот-вот окончательно откажут нервы. Взгляд, брошенный на Следопыта, подтвердил, что сейчас разразится эпидемия паники.

Кто-то из колдунов — то ли Гоблин, то ли Одноглазый — попытался поиграть в героя и остановить бурю. Проще остановить морской прилив. Грохот и рев заклания сгинули в гневных стихиях.

Когда край бури настиг нас, на мгновение наступила тишина. А потом — адский рев. Бушевавший внутри ветер поражал своей

яростью. Мне хотелось только одного — вцепиться во что-нибудь и держаться. Вокруг летали вещи, превращаясь друг в друга по пути. Потом я бросил взгляд на Гоблина. Меня едва не стошнило.

Действительно Гоблин. Его голова раздулась вдесятеро. А все остальное точно наизнанку вывернулось. Вокруг кишела орда паразитов, из тех, что живут на спинах летучих китов, некоторые размером с голубя.

Следопыт и пес Жабодав выглядели еще хуже. Дворняга стала со слоненка ростом, клыки вытянулись, глаза светились лютой злобой. На меня пес смотрел с леденящей душу голодной страстью. А Следопыт стал чем-то вроде демона, напоминающего обезьяну, но много разумнее. Оба походили на самый жуткий кошмар художника или колдуна.

Меньше всего изменился Одноглазый. Раздулся немного, но остался Одноглазым. Может быть, это оттого, что он за свои годы слишком укоренился в этом мире. По слухам, ему скоро полтора века стукнет.

Тварь, что была псом Жабодавом, двинулась ко мне, скаля зубы... Летучий кит коснулся земли, и от толчка все мы полетели вверх тормашками. Вокруг завывал ветер. Необычная молния сковала небо и землю. Сама почва, которой мы касались, плыла. Ползли камни. Корчились деревья. Обитатели этой части равнины все выбрались наружу и заметались, теряя облик; жертва кидалась на хищника. Жуткое действо освещалось переменчивым призрачным светом.

Потом нас окутала пустота в сердце бури. Все застыло в той форме, которую только что приобрело. Ничто не двигалось. Следопыт и пес Жабодав, сброшенные толчком, валялись на земле. Одноглазый и Гоблин сидели нос к носу, готовые позволить своей вражде выйти за пределы обычных перебранок. Прочие киты, с виду не изменившиеся, лежали невдалеке. Из цветных лент в небе вылетел скат, упал и разбился.

Пауза продолжалась минуты три. В тишине рассудок вернулся к нам. Потом буря перемен начала сворачиваться.

Распад бури происходил медленнее, чем рост, но и спокойнее. Терпеть пришлось несколько часов. Потом все сгинуло. Единственной жертвой оказался разбившийся скат. Но боги, как же мы все были потрясены!

— Нам чертовски повезло, — заметил я, пока мы перебирали багаж. — Могло и вовсе убить.

— Удача тут ни при чем, Костоправ, — ответил Одноглазый. — Как только наши чудовища почуяли бурю, они тут же направились

в безопасное место. Туда, где ничто не сможет прикончить нас. Или их.

Гоблин кивнул. Что-то часто они друг с другом соглашались в последнее время. Но мы все помнили, как они только что едва не растерзали друг друга.

— А на что я походил? — спросил я. — Сам никаких перемен не почувствовал, только нервничал очень. Вроде как напился, накурился и умом тронулся одновременно.

— Очень было похоже на Костоправа, — задумчиво ответил Одноглазый. — Только вдвое уродливее.

— И скучнее, — добавил Гоблин. — Ты произнес очень вдохновляющую речь о доблести Черного Отряда в сражениях с харчами.

Я расхохотался:

— Бросьте!

— Нет, правда. Ты так и остался Костоправом. Может, от тех амулетов и есть толк.

Следопыт перебирал оружие. Пес Жабодав дрыхнул у его ног. Я показал на него пальцем и вопросительно посмотрел на Одноглазого.

— *Не видел*, — прожестикнул тот.

— Он вымахал, — вставил Гоблин, — и когти отрастил.

Их это, кажется, не беспокоило. Я решил последовать примеру колдунов. В конце концов, китовые виши были не многим лучше дворяги.

Летучие киты остались на земле — вставало солнце. Их спины приобрели бурый, с охряными пятнами цвет, и мы стали ждать ночи. Скаты пристроились на спинах остальных четырех китов. К нам они не приближались. Похоже, люди вызывали у них неприязнь.

Мир вокруг

Вечно мне ничего не рассказывают. И стоит ли жаловаться? Тайна — наша броня. Без нее никак, и все такое прочее. В наших условиях это железное правило выживания.

Наш эскорт не просто должен был проводить нас до границ равнины. У охраны было свое задание — то, о котором мне не сказали. Атаковать штаб Шепот.

Та ни о чем не подозревала. На границе равнины наши киты-спутники медленно спустились к земле. Скаты последовали за ними. Ловя попутный ветер, они медленно продвигались вперед. А мы забирались все выше, дрожа и хватая ртом воздух.

Скаты нанесли удар первыми. По два, по три они проскальзывали над верхушками деревьев, пуская молнии в расположение войска Шепот. Бревна и камни летели, как пыль из-под копыт. Вспыхнул огонь.

А воздушные чудовища плыли следом, чтобы обрушить новый шквал молний, когда на улицы высыпали солдаты и горожане. Но страшнее всего были щупальца.

Киты набивали пасти людьми и животными. Они рушили дома и укрепления. Вырывали с корнем деревья. И молотили по Шепот своими разрядами.

Тем временем скаты поднялись на тысячу футов и снова парами и тройками пикировали, атакуя наносящую ответный удар Шепот.

Этот удар, хоть и выжег широкую полосу в боку летучего кита, позволил скатам обнаружить Взятую и хорошенько отделать ее. Одного ската та все же сбила.

Мы пролетали над полем боя, вспышки и пожары освещали брюхо нашего кита. Если кто-то и увидел чудовище с земли, то вряд ли

заметил нас на его спине. Гоблин и Одноглазый не обнаружили ничего, кроме инстинкта выживания.

Мы пролетели над городом, а бой все продолжался. Гоблин заявил, что Шепот сбежала, слишком озабоченная собственным спасением, чтобы помогать подчиненным.

— Хорошо, что на нашу долю боя не досталось, — заметил я.

— Это трюк одноразовый, — возразил Гоблин. — В следующий раз они подготовятся.

— После Ржи — могли бы и сейчас быть готовы.

— Может, у Шепот проблемы с самолюбием?

Не «может», а «совершенно точно». Я с ней встречался. Самолюбие — слабое место. Она не была готова к атаке, полагая, что мы ее слишком боимся. Как-никак она самая талантливая из Взятых.

Наш могучий скакун вспахивал ночь, отметая назад звезды, гудя, булькая, шевелясь. Я становился оптимистом.

На заре мы приземлились в каньоне посреди Ветреного края, еще одной пустыни — в отличие от равнины Страха, нормальной. Продутый ветрами простор. Мы поели и отоспались, а с наступлением ночи продолжили путь.

Пустыню покинули южнее Лордов, свернули к северу над Облачным лесом, избегая человеческого жилья. За Облачным лесом кит нас высадил. Дальше пошли пешком.

Жаль, что мы не могли проделать по воздуху весь путь. Но ни Душечка, ни киты не соглашались рисковать больше необходимого. Впереди лежали густонаселенные края, мы не смогли бы незамеченными переждать день. Отсюда нам предстояло путешествовать по старинке.

В пятнадцати милях впереди лежал свободный город Розы.

На протяжении всей своей истории Розы были плутократической республикой. Даже Госпожа решила не нарушать традиции. Во время нашей северной кампании невдалеке разразилась великая битва, но место выбирали мятежники, не мы. Мы тогда проиграли, а Розы на несколько месяцев потеряли независимость. Потом победа Госпожи при Чарах покончила с властью мятежников. Так что в общем и целом Розы относились к Госпоже дружелюбно.

Хитрая сука.

Добирались мы на попутных. Угробили целый день. Мы с Гоблином и Одноглазым были не в лучшей форме. Слишком долго бездельничали. И постарели.

— Глупо это все, — сказал я, когда мы подходили к воротам в красноватой от заката городской стене Роз. — Мы тут все бывали прежде. Вас двоих точно припомнят, вы ж полгорода обобрали.

— Обобрали? — возмутился Одноглазый. — Кто обобрали?

— Вы, шуты гороховые. Продавали безотказные амулеты, когда мы охотились за Загребушим.

Загребуший был когда-то полководцем мятежников. На севере он выпил у Хромого немало крови; потом Отряд с небольшой помощью Душелов устроил ему в Розах западню. На горожанах тогда нажились и Гоблин, и Одноглазый; последний особенно преуспел. На юге, когда мы еще служили на берегах Пыточного моря, он участвовал в каждом сомнительном деле, какое только мог найти. И бо́льшую часть грязных денег тут же проигрывал в карты. Он, по моему, худший картежник в мире.

Уж за пятьдесят один-то год можно научиться очки считать.

Планировали мы остановиться на каком-нибудь паршивом постоялом дворе, где лишних вопросов не задают. На следующий день мы со Следопытом должны были купить фургон и упряжку. А потом подъехать к месту высадки, забрать те вещи, которые не смогли утащить на спинах, и обогнуть город по пути на север.

Это был план. Но Гоблина с Одноглазым он не стеснил.

Первое правило солдата — выполняй приказ. Задание прежде всего.

Гоблин и Одноглазый полагают, что все правила созданы, чтобы их нарушать. Вернулись мы со Следопытом (пес Жабодав лениво тащился следом) ближе к вечеру. Фургон оставили перед входом; Следопыт вызвался сторожить, а я поднялся наверх.

Ни Гоблина, ни Одноглазого.

Содержатель постоялого двора сообщил, что колдуны ушли вскоре после нас, обсуждая, где бы найти баб.

Моя вина. Я тут главный. Следовало предусмотреть. Слишком долго мы пробыли в пустыне. Я заплатил за две ночи вперед — на всякий случай. Потом отогнал фургон с упряжкой в конюшню, поужинал с молчаливым Следопытом и отправился в комнату с несколькими квартами пива. Вылакали мы его вместе — я, Следопыт и пес Жабодав.

— Будешь их искать? — спросил Следопыт.

— Нет. Если не вернутся через два дня или не устроят в городе погром, отправимся без них. Не хочу, чтобы меня с ними видели. Слишком многие тут их помнят.

Мы уже были здорово навеселе. Жабодав под столом хлестал пиво наравне с нами. Ох и обожала же эта псина пиво! Даже вскакивала, когда пустела его посудина, и бегала вокруг нас, требуя налить.

На следующее утро Гоблин так и не пришел. Как и Одноглазый. Зато слухов ходило изрядно. В общий зал мы спустились поздно, между утренним и обеденным столпотворением. Разносчику больше не с кем было точить ласы.

— Эй, парни, не слыхали, что вчера вечером приключилось на восточной окраине?

Я застонал, прежде чем он перешел к сути дела. Уж мне-то можно и не рассказывать.

— Понятно. Сущая война. Пожары, колдовство, буйные толпы. Такого в старом городе не видавали со времен того вожака... как бишь его?.. за которым Госпожа охотилась.

Когда разносчик отошел доводить следующего клиента, я сказал Следопыту:

— Пора уносить ноги.

— А что с Гоблином и Одноглазым?

— Сами о себе позаботятся. Если нарвались на самосуд — очень хорошо, а я ради них башкой рисковать не намерен. Если выкрутились — план они знают. Догонят.

— Я думал, Черный Отряд не оставляет своих мертвецов.

— Так и есть, — ответил я, но не уступил.

Пусть наши волшебники варятся в том зелье, которое сами сварганили. Я не сомневался — выживут. Они уже попадали в переделки тысячу раз. Долгий пеший переход должен благотворно повлиять на их отношение к дисциплине.

Покончив с завтраком, я сообщил хозяину, что мы со Следопытом уезжаем, а друзья наши задержатся. Потом оттащил протестующего Следопыта к фургону, запихал внутрь и, когда мальчишка отвязал поводья, двинул к западным воротам.

Ехали мы долго, по извилистым улочкам, через дюжину горбатых мостиков через каналы, но от вчерашних глупостей все же удалялись. По пути я рассказывал Следопыту, как мы травили Загребущего. Ему понравилось.

— Это торговая марка Отряда, — заключил я. — Заставить врага совершить ошибку. В бою мы были лучшими, но дрались, только когда ничто другое не помогало.

— Так ведь вам платили, чтобы дрались.

Все для него черно-белое. По-моему, он слишком долго жил в лесах.

— Нам платили за результат. Если мы могли добиться его без боя, тем лучше. Нужно только изучить своего врага. Найти слабость и воспользоваться ею. Душечка в таких делах дока. Хотя со Взятymi в этом отношении проще, чем кажется. У них у всех самолюбие болезненное.

— А Госпожа?

— Сказать не решусь. Не нашел я у нее слабостей. Немного тщеславия, но не знаю, как за него зацепиться. Может, ее желание властвовать. Норовит захватить больше, чем может удержать... Не знаю. Она осторожна. И умна. Вспомни, как разделалась с мятежниками при Чарах. Убила одним камнем трех птичек. Госпожа не просто избавилась от мятежников; она выявила ненадежных Взятых и подавила попытку Властелина выбраться с их помощью.

— А как с ним?

— Пока это не проблема. Но он, вероятно, уязвимее Госпожи. Он не мыслитель. Он вроде быка. Так силен, что ума не надо. Ну, немного хитрости, как под Можжевельником, но большей частью — прямой удар кувалдой.

Следопыт задумчиво кивнул:

— А в этом, наверное, что-то есть.

Курганье

Грай просчитался. Он забыл, что не только Горшка заинтересует его судьба.

Искать его начали, когда он не появился на работе. Колотили в дверь, стучали в окна — ответа не было. Кто-то подергал за дверную ручку. Заперто. Тут забеспокоились всерьез.

Одни предлагали пойти к высокому начальству, другие — действовать решительно. Последние победили. Замок был выломан, и собравшиеся очутились в доме.

Меблировка оказалась скудной, а чистота — почти противоестественной.

— Вот он! — заорал первый, кто поднялся на чердак. — У него вроде удар!

Толпа набилась в чердачную комнату. Грай сидел за столом; перед ним лежали пакет из промасленной кожи и книга.

— Книга! — удивился кто-то. — Ну как есть странный тип!

Кто-то пощупал горло Грая, обнаружил, что слабенький пульс есть, что Грай дышит, — но куда реже и поверхностней, чем у спящего.

— Да, наверное, удар. Сидел тут, почитывал, а его и скрутило.

— С моим дядей так было, — поддержал другой мужик. — Когда я пацаном был. Сидел, сказку баял, потом побелел и скопытился.

— Да он жив еще. Надо сделать что-то. Может, поправится.

Все, спотыкаясь и толкаясь, ринулись вниз.

Горшок узнал о случившемся, когда толпа ввалилась в штаб. Был он в тот момент на дежурстве, и новости поставили его в безвыходное положение. Он дал слово Граю, но и уйти с поста не мог. Сласть интересовался Граем лично, и оттого новости достигли

его тут же. Полковник вышел из кабинета, углядел потрясенного Горшка.

— Слышал? Пошли глянем. А вы цирюльника приведите. И коновала.

Стоит задуматься о ценности человеческой жизни, когда в армии числятся коновалы, но нет врачей.

Начинался тот день знаменательно — редкостно ясным небом. Теперь набежали тучи, на деревянных настилах оставили пятнышки первые дождевые капли. Следуя вместе с дюжиной солдат за полковником, Горшок едва слышал замечания Сласти о необходимости их починки.

Дом Грая окружала толпа.

— Дурные вести не сидят на месте, сударь, — заметил Горшок.

— Да ну? Посторожите, ребята. Заходим. — Внутри полковник задержался. — У него всегда было так чисто?

— Всегда. У него был пунктик насчет порядка и распорядка.

— Странно. Его ночные прогулки как-то плохо вяжутся с порядком.

Горшок пожевал губу и подумал, не стоит ли передать полковнику послание Грая. Решил, что еще не время.

— На чердаке? — спросил полковник одного из тех, кто нашел Грая.

— Да, сударь.

Горшок уже взлетел вверх. Заметил пакет из промасленной кожи и не раздумывая сунул за пазуху.

— Сынок...

Горшок обернулся. В дверях стоял нахмуренный Сласть.

— Ты что делаешь?

Полковник был самой грозной фигурой, какую мог себе вообразить Горшок, — даже страшнее жестокого и требовательного отца. Юноша не нашелся с ответом. Он стоял и трясся.

Полковник протянул руку. Горшок отдал ему пакет.

— Так что ты делал, сынок?

— Э... сударь... однажды...

— Ну? — Полковник осмотрел Грая, не прикасаясь к телу. — Давай рассказывай.

— Грай попросил меня отправить письмо, если с ним что-нибудь случится. Ему казалось, что его время на исходе. И он сказал, что письмо будет упаковано в кожу — на случай дождя и все такое... Сударь.

— Понимаю.

Сласть пальцами приподнял подбородок Грая. Пакет он положил на стол, потом задрал старику веко. Зрачок был не больше булавочной головки.

— Гм... — Полковник пощупал лоб пострадавшего. — Гм... — Он нажал на несколько рефлекторных точек. Никакой реакции. — Странно. На удар не похоже.

— А что же это такое, сударь?

Полковник Сласть выпрямился:

— Может, ты мне подскажешь?

— Простите?

— Ты говорил, будто Грай чего-то ждал.

— Не совсем. Он чего-то боялся. Говорил, что стар и что его время вышло. Может, у него была какая-то болезнь, а он никому не признавался?

— Может быть. А, Хват. — Явился коновал.

Проделав те же манипуляции, что и Сласть, он выпрямился и пожал плечами:

— Не по моей части, полковник.

— Лучше перенести его туда, где за ним присмотреть можно. Этим ты и займешься, сынок, — приказал полковник Горшку. — Если он вскоре не придет в себя, придется кормить его насильно. — Он побродил по комнате, глянул на корешки томов. — Ученый человек. Так я и думал. Гора контрастов. Я все раздумывал, кто же он на самом деле.

Горшка кольнула тревога за Грая.

— Мне кажется, сударь, он когда-то был важной персоной в одном из Драгоценных городов, но потерял все и был вынужден вступить в армию.

— Об этом поговорим, когда перенесем его. Пошли.

Горшок последовал за очень задумчивым полковником. Может, все-таки стоило передать предупреждение Грая?

По дороге

К исходу третьего дня мы со Следопытом успели вернуться к месту высадки, загрузить фургон и двинуться на север по дороге на Клин. И тут я призадумался — а не подвела ли меня логика?

Ни Гоблина, ни Одноглазого.

А беспокоиться не стоило. Настигли они нас близ Мейстрикта, крепости в Клину, которую Отряд, будучи на службе у Госпожи, когда-то удерживал. Съехав с дороги в рощу, мы готовились к ужину, когда услышали перебранку.

— А я настаиваю, что ты во всем виноват, — верещал голос, принадлежащий, несомненно, Гоблину, — ты, червеобразный заменитель рыбацкой наживки! Да я бы тебе мозги в кисель превратил за то, что ты втравил меня в это дело, если бы только у тебя были мозги!

— Я виноват? Я виноват?! О боги, да он даже себе не способен сказать правду! Это я его втравил в им затеянную авантюру? Слушай, ты, пожиратель навоза, за этим холмом — Мейстрикт. Там нас помнят еще лучше, чем в Розах. А теперь спрашиваю еще раз: как пройти через город, чтобы нам не перерезали глотки?

Сдержав понятное облегчение, я не кинулся к дороге.

— Верхом едут, — сообщил я Следопыту. — Как по-твоему, где они взяли коней? — Я попытался отыскать хоть что-то светлое. — Может, выиграли в карты, шулера несчастные? Если Одноглазый не лез Гоблину под руку.

Шулер из Одноглазого такой же паршивый, как и честный игрок. Иногда мне кажется, что он склонен к самоубийству.

— А все ты с твоим проклятым амулетом! — пискнул Гоблин. — Госпожа не сможет его найти! Отлично! Так и мы не можем.

— Мой амулет? Мой амулет?! Да кто, чтоб ты сдох, вообще говоря, ему амулет подарил?

- А нынешнее заклятие кто придумал?
- А накладывал кто? Ну скажи мне, жабий сын, скажи?

Я выбрался к опушке. Колдуны уже миновали нас. Следопыт полз за мной. Ради такого зрелища с места сдвинулся даже пес Жабодав.

— Стоять, мятежники! — взревел я. — Первый, кто двинется, — мертвец!

Глупо, Костоправ. Очень глупо. Ответили они быстро и радостно. Чуть меня не прикончили.

Колдуны исчезли в сияющих облаках. А вокруг нас со Следопытом возник гнус. Оказывается, на свете намного больше жучков, чем я себе представлял, и каждый из них стремится мной пообедать.

Пес Жабодав зарычал и защелкал челюстями.

— Хватит, шуты базарные! — взвыл я. — Это я, Костоправ!

— Что еще за Костоправ? — спросил Одноглазый у Гоблина. — Ты знаешь какого-нибудь Костоправа?

— Да, но прекращать не стоит, — ответил Гоблин, высунувшись из облачка и найдя меня. — Он заслужил.

— Точно, — согласился Одноглазый. — Но Следопыт-то ни при чем. А я не могу перенести чары на одного Костоправа.

Гнус вернулся к своим гнусным делишкам — наверное, принялся жрать сам себя. Я сдержал гнев и поприветствовал колдунов. Оба изобразили оскорбленных невинных овечек.

— Ну что скажете в свое оправдание, ребята? Хорошие у вас лошадки. Интересно, а хозяева их не хватаются?

— погоди! — пискнул Гоблин. — Ты нас обвиняешь...

— Я вас знаю. Слезайте с коней и пошли есть. Завтра решим, что с ними делать.

Я повернулся к колдунам спиной. Следопыт уже возвратился к походному костру. Он раскладывал по тарелкам ужин; я взялся помогать, внутренне все еще бушуя. Придурки, конокрады! Мало им того шума, что они уже подняли... У Госпожи везде свои люди. Мы, может быть, и не худшие из ее врагов, но уж какие есть. Кто-то обязательно придет к выводу: Черный Отряд вернулся на север.

Заснул я с мыслью о возвращении. Меньше всего нас будут искать на дороге к равнине Страха. Но я не мог наплевать на приказ. Слишком многое от нас зависело. Хотя первоначальный мой оптимизм подвергался серьезной опасности.

Чертовы безответственные клоуны.

Наверное, когда-то сгинувший под Можжевельником Капитан чувствовал то же самое. У него хватало для этого причин.

Я приготовился к золотым снам. Дремал беспокойно, но видения так и не пришли.

Следующим утром я запихал Гоблина и Одноглазого в фургон, под мешки с той ерундой, что мы сочли жизненно важной в экспедиции, отвязал их коней и двинул в Мейстрикт. Пес Жабодав трусил под колесами, Следопыт шел рядом. Я правил. Гоблин и Одноглазый шипели и бранились под мешками. Стража в крепости поинтересовалась, куда мы направляемся, с такой скукой в голосе, что я понял: им на все наплевать.

Эти земли были замирены еще в те времена, когда мы проходили тут с Отрядом. Здешний гарнизон и помыслить не мог, что беда вновь поднимет голову.

Успокоившись, я свернул на дорогу, которая вела к Вязу и Веслу. И к Великому лесу за ними.

Весло

— Уймется эта погода когда-нибудь? — проныл Одноглазый. Уже неделю мы тащились на север, ежедневно поливаемые дождями. Дороги развезло, и обещало размыть совсем. Поправившись в форсбергском диалекте на встречах крестьян, я выяснил, что такая погода стоит в здешних краях годами. Урожай трудно доставить в город, а пуще того — вырастить. В Весле уже случилась вспышка огненной пляски — болезни, связанной с поражением зерна головней. И мошкары прибавилось, комарья в особенности.

Зимы же, пусть снежные и слякотные, были мягче, чем когда Отряд стоял тут лагерем. А мягкие зимы обещают плохой урожай. С другой стороны, меньше стало и дичи — звери не могли кормиться в глубоком снегу.

Циклы. Просто циклы, так учат нас древние. После прохождения Великой кометы наступают плохие зимы. Но этот цикл — всем прочим цикл.

А сегодня погода была особенно впечатляющей.

— Сделка, — объявил Гоблин. Он ничем не торговал — впереди громоздилась крепость, давным-давно отбитая Отрядом у мятежников. Дорога петляла под ее ухмыльчивыми стенами. Меня мучили предчувствия, как обычно, стоило нам оказаться вблизи имперского бастиона. Но в этот раз для беспокойства не было причин. Госпожа была столь уверена в Форсберге, что огромная крепость осталась без гарнизона. Следовало бы сказать — заброшена. Соседи, как это в обычае крестьян по всему миру, растаскивали ее по кусочку. Полагаю, это единственное, что они получали в обмен на свои налоги.

— Завтра в Весло, — сказал я, когда мы вылезали из фургона у постоянного двора в паре миль от Сделки. — И в этот раз чтоб никаких выходов. Все слышали?

У Одноглазого хватило совести изобразить смущение. Но Гоблин полез в бутылку.

— Поговори-поговори мне, — посоветовал я. — А Следопыт тебя тем временем оглушит и свяжет. Мы не в игры играем.

— Жизнь — это игра, Костоправ, — ответил Одноглазый. — Ты слишком серьезно ее воспринимаешь.

Тем не менее они вели себя прилично — как той ночью, так и на следующий день, когда мы въехали в Весло.

Я нашел постоянный двор для мелких торговцев и путешественников в квартале, куда мы прежде не заглядывали. Внимания не привлекли. Мы со Следопытом присматривали за колдунами, но те вроде бы не собирались делать глупости.

На следующий день мы со Следопытом отправились искать кузнеца по имени Песок. Гоблин и Одноглазый остались при имуществе под угрозой самых страшных кар, какие я только мог придумать.

Найти заведение Песка оказалось несложно. В своем деле он был давно известен и снискал уважение. Мы следовали полученным указаниям. Проходили по знакомым мне улицам. Тут Отряд претерпел немало приключений.

По дороге я обсуждал те приключения со Следопытом.

— Появилось немало новых домов, — заметил я. — Мы тут изрядно накуролесили.

Пес Жабодав шел с нами — последнее время у него случались приступы активности. Внезапно он остановился, подозрительно огляделся, сделал несколько осторожных шажков и опустился на брюхо.

— Неприятности, — перевел Следопыт.

— Какие?

На вид — ничего особенного.

— Не знаю. Говорить-то он не умеет. Просто показывает: «Поберегись».

— Ладно, осторожность денег не просит.

Мы свернули в лавочку, где торговали и чинили упряжь. Следопыт поболтал с приказчиком — якобы нужно ему охотничье седло, собрался на крупного зверя. Я стоял в дверях и осматривал улицу.

Опять-таки ничего примечательного. Люди, как обычно, носятся по своим делам. Но чуть погода я заметил, что у лавки Песка не

толпится народ. И звона кузнечного не слышать — а ведь Песку полагалось бы присматривать за толпой подмастерьев и учеников.

— Эй, хозяин! А что у того кузнеца случилось? В последний раз, как мы заглядывали, он нам кой-какую работенку делал. А сейчас пусто вроде.

— Серые парни за него взялись. — Шорник явно чувствовал себя не в своей тарелке.

Серые парни — это имперцы. На севере они носят серые мундиры.

— Не пошла дураку впрок наука. Мятежник он.

— Паршиво. Кузнец-то хороший был. И что нормальных мужиков на политику тянет? Нам бы хоть на жизнь заработать.

— Да я понимаю, приятель. — Шорник помотал башкой. — Вот что скажу. Если вам к кузнецу, идите-ка вы со своими делами отсюда подальше. Серые тут все время ошиваются, кто ни спросит — много забирают.

В этот самый момент из-за кузни вышел имперец и пристроился рядом с торговцем пирожками.

— Как невежливо, — упрекнул я.

Ремесленник глянул на меня косо, но Следопыт поспешил отвлечь его. Не так и туп мой спутник, как мне показалось сперва. Просто необщителен.

Потом Следопыт сказал, что подумает над предложением шорника, и мы отошли.

— Что теперь? — спросил Следопыт вполголоса.

— Можно после заката привести Гоблина с Одноглазым, чтобы наложили сонное заклятие, зайти и посмотреть. Но вряд ли имперцы оставили что-то интересное. Можно выяснить, что случилось с Песком, и попытаться на него выйти. Или можно отправиться в Курганье.

— Самый безопасный вариант.

— С другой стороны, мы не будем знать, что нас ждет. Мало ли почему арестовали Песка. Лучше обсудить с остальными. Одна голова — хорошо...

Следопыт хмыкнул:

— Много ли времени пройдет, прежде чем этот торгош нас заподозрит? Чем дольше он думает, тем вернее приходит к мысли, что интересовались мы кузнецом неспроста.

— Может быть. Но сон из-за этого я терять не собираюсь.

Весло — город немалых размеров. Перенаселенный. Полный соблазнов. Теперь я понимал, чем Розы соблазнили Гоблина и Одноглазого. Последним крупным городом, который Отряд осмелился

посетить, был Дымоход. Случилось это шесть лет назад, и с той поры только глушь и деревни. Я с трудом справлялся с собственными искушениями. Я знал в Весле пару местечек.

На прямой линии меня удерживал Следопыт. Никогда раньше не встречал человека, так мало интересующегося обычными ловушками на людей.

Гоблин считал, что нам следует имперцев усыпить и допросить. Одноглазый хотел срочно убраться из города. Их солидарность исчезла, как мороз на ясном солнышке.

— Логика подсказывает, — рассуждал я, — что ночью охрана должна быть сильнее. Но если вы туда сейчас заявитесь, кто-нибудь непременно вас узнает.

— Тогда надо отыскать старца, что привез первое письмо, — не сдавался Гоблин.

— Хорошая мысль. Но подумай: даже если этому старцу очень повезло, ему до здешних мест еще ой как далеко. Его-то не подбирали по пути, как нас. Не-ет. Уходим. Нервничаю я в Весле.

Слишком много искушений, слишком много шансов быть узнаваемыми. И слишком много народу. На равнине я привык к одиночеству.

Гоблин еще пытался спорить. Он-де слышал, что северные дороги отвратительны.

— Знаю, — парировал я. — А еще я знаю, что армия строит новый тракт на Курганье. И провела его на север достаточно далеко, чтобы торговцы могли им пользоваться.

Споров больше не было. Выбраться из города колдунам хотелось не меньше, чем мне. Неохотно согласился лишь Следопыт — тот самый, кто первым предложил уходить.

Курганье

Погода и в Весле не вызывала восторга, а к северу от города она испакостилась вконец. Лишь одно служило нам утешением: имперские инженеры сделали все, чтобы дорога оставалась проходимой. Большая часть тракта была выстлана просмоленными досками. В местах, где снега бывали особенно высоки, виднелись каркасы для снегозащитных щитов.

— Размах впечатляет, — признал Одноглазый.

— Угу.

Предполагалось, что после триумфа Госпожи при Можжевельнике на Властелина можно наплевать. Не слишком ли много чести — поддерживать тракт в таком состоянии?

Новая дорога проходила намного западнее прежней — река Великая Скорбь обожала менять русло. В результате путь от Весла до Курганья стал на пятнадцать миль длиннее. Последние сорок пять миль дороги оставались недостроены, и там нам пришлось несладко.

Порой попадались торговцы — все едущие на юг. Они качали головами и говорили, что мы тратим время зря. Сказочные сокровища испарились. Дикари выбили всю пушную дичь.

С момента нашего отъезда из Весла Следопыт был не в себе, и я не мог понять отчего. Может, суеверие? Для форсбергского простонародья Курганье остается символом ужаса. Властелином матери пугают ребятишек. Четыреста лет его нет на свете, но печать не стерта до сих пор.

Последние сорок пять миль мы преодолевали неделю. Меня одолевало беспокойство: этак можно не вернуться домой до зимы.

Мы только что выехали из леса на окружающую курганы равнину. Я остановил фургон.

— Тут все поменялось.

Из-за моей спины выползли Гоблин и Одноглазый.

— Тьфу! — плюнул Гоблин. — Вот уж точно.

Место казалось заброшенным. Просто болото, хотя самые высокие точки прежнего Курганья оставались заметны. Во время нашего последнего посещения орда имперцев неутомимо и непрестанно расчищала, чинила, осматривала все вокруг. Теперь здесь правила тишина. Она тревожила меня еще больше, чем упадок Курганья. Неторопливый, неутихающий дождь моросит с темно-серого неба. Холод. И тишина.

Дорога тут тоже была исправна. Мы покатали вперед. До самого города, где краска слезала с рассыпающихся домов, не встретили ни единой живой души.

— Стойте и назовитесь! — окликнул нас кто-то.

Я остановил фургон:

— А ты где?

Необычайно активный пес Жабодав прохромал к одной из развалюх и принялся. На дождь вышел бурчащий стражник:

— Тут.

— Ох, напугал! Фитиль я, из товарищества «Фитиль, Кузнец, Кузнец, Портной и сыновья». Торговцы мы.

— Да? И эти тоже?

— Кузнец и Портной — в фургоне. А это Следопыт. Он на нас работает. Мы из Роз. Прослышали, что дорога на север опять открыта.

— Теперь-то разобрались, что к чему? — Стражник фыркнул.

Я выяснил, что в хорошем настроении он пребывал по случаю погоды. День, по тутошним меркам, выдался ясный.

— Как у вас дела делаются? — спросил я. — Нам где-то в определенном месте надо останавливаться?

— Кроме «Синего хрена», приткнуться негде. Там посетителям рады будут. Устраивайтесь. Завтра к утру доложите в штабе.

— Хорошо. А где «Синий хрен»?

Стражник объяснил. Я дернул вожжи, фургон тронулся.

— Не слишком строго, — заметил я.

— А куда бежать-то? — возразил Одноглазый. — Они знают, что мы здесь. Путь отсюда только один. Не станем играть по их правилам — заткнут горлышко, и все.

Ощущение возникало именно такое.

И еще погода вносила свою лепту. Мрачность. Уныние. Улыбки были редки, да и те по большей части дежурные.

Трактирщик в «Синем хрене» даже имен не спросил — только деньги вперед. Другие купцы на нас не обращали внимания, хотя торговля мехами традиционно была монополией Весла.

На следующий день несколько местных явились поглазеть на наши товары. Загрузились мы тем, что, как я слышал, пользуется тут спросом, но покупателей было не много. Расходилось только спиртное. Я спросил, как связаться с лесовиками.

— Ждать, — ответили мне. — Когда захотят, придут.

Разобравшись с этим, я направился в штаб Вечной Стражи. Само здание не изменилось, хотя окружавшие его казармы малость подразвалились.

Первым, кого я встретил, был приветствовавший нас накануне стражник. С ним мне и предстояло вести дела.

— Фитиль меня зовут, — повторил я. — Из товарищества «Фитиль, Кузнец, Кузнец, Портной и сыновья», из Роз. Торговцы мы. Мне велено тут доложиться.

Стражник странно глянул на меня, точно пытался что-то припомнить. Что-то его беспокоило. Как дырка в зубе. Я не хотел, чтобы стражник беспокоился. Еще вспомнит, не дай бог.

— С тех пор как я отслужил свое, тут многое переменилось.

— Все к псам катится, — проворчал стражник. — К псам. С каждым днем хуже. Ты думаешь, кому-то не наплевать? Да мы сгнием тут. Сколько твоих?

— Четверо. И собака.

Неверно. Стражник скривился. Чувства юмора нет.

— Как прозывают?

— Фитиль. Один из Кузнецов. Портной. Следопыт. Он на нас работает. И пес Жабодав. Этого надо звать полным именем, а то обижается.

— Да ты у нас шутник?

— Эй, не бери в голову. Уж больно у вас тут мрачно.

— Ага. Читать умеешь?

Я кивнул.

— Правила вывешены во-он там. У тебя есть выбор: подчиняться им — или сдохнуть. Горшок!

Из соседней комнаты выбежал солдат:

— Да, сержант?

— Новый торгаш. Проверь его. Ты в «Синем хрене», Фитиль?

— Да.

Правила не изменились. Даже лист пергамента тот же, выцветший настолько, что едва можно прочесть. Но посыл был ясен: «Не лезь в Курганье, — если оно тебя не прикончит, это сделаем мы».

- Сударь, — спросил рядовой, — когда вы будете готовы?
- Да я уже готов.

Мы вернулись в «Синий хрен». Солдат перебрал наши вещи. Единственное, что заинтересовало его, — мой лук и оружие в фургоне.

- Зачем столько оружия?
- Говорят, тут случаются стычки с дикарями.
- Брешут да заливают. Дикарь только воровать горазд.

Гоблин и Одноглазый особого внимания не привлекли. Вот и отлично.

- Правила вы читали. Их и держитесь.
- Я их давно знаю, — ответил я. — Когда в армии служил, мы тут стояли гарнизоном.

Солдат прищурился на меня, кивнул и ушел. Все мы облегченно вздохнули. Гоблин снял скрывающее заклятие с колдовских принадлежностей, которые они с Одноглазым привезли. Пустой угол за спиной Следопыта наполнился вещами.

- Он может вернуться, — запротестовал я.
- Не стоит держать заклятие дольше необходимого, — пояснил Одноглазый. — Кто-нибудь может ощутить его присутствие.
- Согласен. — Я захлопнул ставни на единственном окне. За скрипели петли. — Смазать бы, — сказал я, глядя на город.

Мы находились на третьем этаже самого высокого здания в городе, если не считать казарм Стражи. Я увидел дом Боманца.

- Ребята, а ну-ка гляньте.

Они глянули.

- Он в чертовски хорошем состоянии. — Когда я последний раз видел этот дом, его впору было сносить. Суеверный страх отваживал жильцов. Помнится, я туда пару раз заглядывал. — А не пройтись ли нам, Следопыт?

- Нет.

— Ну как хочешь. — Интересно, есть ли у него тут враги? — Но мне было бы спокойнее с тобой.

Он пристегнул ножны к перевязи. Вместе мы вышли на улицу — если так можно назвать ту лужу грязи. Дорожный настил доходил только до казарм, с веткой на «Синий хрен». По всему же городу имелись лишь пешеходные дорожки.

Мы изображали зевак. Я рассказывал Следопыту о прежних своих визитах сюда — почти правдивые истории. Пытался натянуть на себя личину говорливого и веселого парня. Интересно, а не трачу ли я время зря? Речи мои явно никого не интересуют.

Дом Боманца был любовно восстановлен, но жилым не выглядел. И охраняемым тоже. И на музей не смахивал. Странно. За ужином я спросил об этом у хозяина — тот уже принял меня за ностальгирующего придурка.

— Какой-то мужик туда переехал лет пять назад. Калека. Подрабатывал в Страже. А в свободное время привел дом в порядок.

— И что с ним случилось?

— Ну, месяца четыре назад, если меня память не подводит, его вроде удар хватил. Нашли его еще живым, но вроде овоща. Отвезли в казарму — он, как я слышал, и посейчас там. Кормят будто младенца. Лучше того парнишку, что с тобой приходил, спросить. Они с Граем большие друзья были.

— С Граем? Спасибо. Еще кувшин.

— Пошли, Костоправ, — прошептал Одноглазый. — Плюнь ты на пиво. Он его сам варит. Вкус премерзкий.

Колдун был прав. А я начал привыкать к напряженным раздумьям.

Мы обязаны попасть в дом Грая. А это значит — ночь и колдовские штучки. И самый большой риск после той эскапады в Розах.

— Как полагаешь, это не овладение? — спросил дружка Одноглазый.

Гоблин пососал губу:

— Подумать надо.

— Вы о чем? — осведомился я.

— Чтобы быть уверенным, мне надо посмотреть самому, Костоправ, но то, что случилось с этим Граем, на удар не похоже.

Гоблин кивнул.

— Вроде как его из тела выдернули и поймали.

— Может, получится устроить с ним встречу. Так как насчет дома?

— Для начала надо удостовериться, что там нет серьезного овладения. Духом Боманца, к примеру.

От таких разговоров у меня мурашки по коже бегали. Не верю я в духов. Или не хочу верить.

— Если его схватили или выдернули, нам придется выяснить, как это было сделано и зачем. Стоит иметь в виду, что раньше там жил Боманц. Любая оставшаяся с тех времен вещь могла овладеть Граем. И с нами может то же приключиться, если полезем очертя голову.

— Сложности, — пробурчал я. — Вечно сложности.

Гоблин хихикнул.

— Нишкни, — предупредил я. — А то с торгов пушу.

Часом позже поднялась настоящая буря. Она выла и молотила в стены. Под напором ливня протекала крыша. Когда я намекнул на это хозяину, тот закатил истерику. Чинить что бы то ни было в нынешних условиях непросто, но необходимо — иначе дом просто развалится.

— Хуже всего с этими проклятыми дровами на зиму, — жаловался он. — На улице-то их оставить нельзя: или снегом занесет, или так промочит, что высушить невозможно. Через месяц тут до потолка дрова будут навалены. По крайней мере, чем меньше места, тем легче его прогреть.

Около полуночи, когда ночная смена Вечной Стражи уже успела утомиться и клевала носом, мы вышли на улицу. Гоблин проверил — вся гостиница спала.

Впереди трусил пес Жабодав, высматривал ненужных свидетелей. Одного нашел, но о нем тоже позаботился Гоблин. В такую ночь никто на улицу не выйдет. Кроме нас, дураков.

— Удостоверьтесь, что с улицы не увидят света, — приказал я, когда мы проскользнули внутрь. — Я полагаю, надо подняться наверх.

— А я полагаю, — возразил Одноглазый, — что надо проверить, нет ли там ловушек или духов.

Я глянул на дверь. Когда ее открывал, мне это и в голову не пришло.

Курганье. В прошлом

Явившийся по приказу полковника Горшок трясся как осиновый лист.

— Придется тебе ответить на пару вопросов, малыш, — сказал Сласть. — Начни с того, что знаешь об этом Грае.

Горшок сглотнул:

— Слушаюсь, господин полковник.

Он рассказал. И рассказал еще раз, когда Сласть потребовал вспомнить каждое услышанное слово. Горшок умолчал только о сообщении и пакете.

— Загадочно, — промолвил полковник. — Весьма. Ты ничего не забыл?

Горшок нервно переступил с ноги на ногу.

— А к чему это все, господин полковник?

— Скажем так: письмо в пакете оказалось очень интересным.

— Простите, сударь?

— Очень длинное, хотя прочесть его никому не удалось. Совершенно незнакомые письмена. Возможно, язык Драгоценных городов. Интересует меня другое — кому предназначалось письмо? Оно единственное или их было несколько? Горшок, наш приятель в большой беде. Если придет в себя, у него будут неприятности. Серьезные. Потому что настоящие бродяги писем не пишут.

— Но, как я говорил, он пытался найти своих детей. И он мог быть родом из Опала...

— Знаю. Этому есть кое-какие свидетельства. Возможно, он сумеет убедить меня в этом, когда очнется. С другой стороны, мы в Курганье, где все необычное — подозрительно. А теперь вопрос, сынок. И ответь на него правильно, или у тебя тоже будут неприятности. Почему ты пытался спрятать пакет?

Момент истины. От которого нет спасения. Горшок молился, чтобы этот момент не наступил. И теперь понял, что его верности Граю недостаточно.

— Грай просил меня, если с ним что-то случится, отправить письмо в Весло. Письмо в пакете из промасленной кожи.

— Так он ожидал чего-то?

— Не знаю. И что было в письме, и зачем Грай его приготовил, — тоже не знаю. Он просто назвал мне имя. И просил, когда я отошлю пакет, кое-что сообщить вам.

— И?

— Я не припомню точных его слов. Но он хотел, чтобы вы знали: тварь в Великом кургане уже не спит.

Сласть взвился со стула как ужаленный:

— Ах так? Откуда он узнал? Не важно. Имя! Немедленно! Кому следовало отправить пакет?

— Кузнецу по имени Песок. В Весло. Это все, что я знаю, сударь. Клянусь.

— Хорошо. — Казалось, Сласть не обратил внимания на последние слова. — Возвращайся на свой пост, парень. И вызови ко мне майора Клифа.

— Слушаюсь.

На следующее утро Горшок наблюдал, как конный отряд под предводительством майора Клифа отправился арестовывать кузнеца Песка. Юноша чувствовал себя очень виноватым. Но он же никого не предал, верно? Если бы Грай оказался шпионом, Горшок мог предать сам себя.

Он пытался сгладить вину, ухаживая за Граем с почти религиозной самоотверженностью. Большой всегда был сыт и чист.

Курганье. Ночью

Гоблин и Одноглазый осмотрели дом за пару минут.
— Ловушек нет, — объявил Одноглазый. — И призраков. Старые отголоски волшебья накладываются на свежие. Пошли наверх.

Я вытащил клочок бумаги, где были нацарапаны выдержки из истории Боманца. Мы поднялись по лестнице. При всей своей уверенности Гоблин и Одноглазый пустили вперед меня. Товарищи, называется.

Прежде чем зажечь огонь, я удостоверился, что ставни закрыты.

— Приступайте. А я осмотрюсь.

Следопыт и пес Жабодав остались на лестнице. Комната была очень маленькая.

Прежде чем приступить к поискам, я глянул на корешки книг. У этого парня эклектичные вкусы. Или он просто собирал что подешевле.

Никаких бумаг. И нет следов обыска.

— Одноглазый, ты можешь узнать, побывали ли тут ищейки?

— Вряд ли. А зачем?

— Бумаг нет.

— Ты смотрел в тайниках? В тех, что он упоминал?

— Во всех, кроме одного.

Копье стояло в углу. Стоило мне повернуть древко, как верхняя часть отвалилась, открыв полость. Вывалилась не раз упомянутая карта. Мы разложили ее на столе.

По спине у меня побежали мурашки.

Это была сама история. Эта карта создала наш нынешний мир. Несмотря на весьма слабое знание телекурре и еще более ограни-

ченное — колдовских символов, я ощутил обрисованную ею силу. То, что излучала эта карта, поставило меня на зыбкую грань, отделяющую страх от ужаса.

Гоблин и Одноглазый не ощутили ничего. Или были слишком заинтригованы. Склонившись над картой, они изучали путь, которым Боманц прошел к Госпоже.

— Тридцать семь лет работы, — произнес я.

— Ты о чем?

— Чтобы собрать эти сведения, ему потребовалось тридцать семь лет. — И тут я кое-что заметил. — Это еще что? — Судя по рассказу, этого знака тут быть не должно. — А, понял. Наш писатель добавил кое-что от себя.

Одноглазый посмотрел на меня. Потом на карту. Потом снова на меня. Нагнулся к карте, чтобы разглядеть тропу.

— Вот так оно и было. Никаких вариантов.

— В смысле?

— Я знаю, что случилось.

Следопыт нервно вздрогнул:

— Ну?

— Он попытался пройти туда. Единственным путем. И не смог выбраться.

В письме говорилось, что автор собирается предпринять нечто очень опасное. Неужели Одноглазый прав?

Храбрец.

И никаких бумаг. Если только они не спрятаны лучше, чем я мог предположить. Хорошо бы заставить наших колдунов поискать. Вместо этого я велел им сложить и вернуть карту на место, а потом сказал:

— Какие будут предложения?

— Насчет чего? — пискнул Гоблин.

— Насчет того, как нам утащить этого парня у Вечной Стражи.

И как вернуть ему душу, чтобы задать пару вопросов.

Я их не вдохновил.

— Кому-то придется отправиться туда и выяснить, что пошло не так, — заметил Одноглазый. — Потом выдернуть парня и отвести домой за ручку.

— Понимаю.

— Чудно. Сначала нам нужно заполучить тело.

— Обшарьте тут все сверху донизу. Может, найдете что-нибудь.

На поиски мы утробили полчаса. Я чуть истерику не закатил.

— Слишком долго, слишком долго, — повторял я.

На меня не обращали внимания.

Поиски позволили обнаружить в одной из книг старый клочок бумаги с шифром — не слишком-то надежно спрятанный. Я прихватил его с собой. Попробую прочесть с его помощью бумаги в Норе.

Мы вышли из дома. До «Синего хрена» добрались незамеченными. Закрывшись в комнате, хором вздохнули от облегчения.

— Что теперь? — спросил Гоблин.

— Спать. Волноваться начнем завтра.

Я ошибался, конечно. Я уже начал волноваться.

С каждым шагом все сложнее и сложнее.

Курганье. Ночью

Громы и молнии не унимались, шум проникал сквозь стены, как сквозь бумагу. Спал я беспокойно — слишком уж сильно пострадали в тот день мои нервы. Остальные дрыхли как убитые. Почему я дергаюсь?

Это началось как укол света, как появление золотой мошки в углу. Мошка росла. Я хотел кинуться к колдунам и измолотить их в фарш, обозвав лжецами. Предполагалось, что амулет сделает меня невидимым...

Слабый, призрачный шепот, как вопль привидения в огромной темной пещере:

— Лекарь, где ты?

Я не ответил. Хотелось залезть под одеяло с головой, но пошевелиться я не мог. Фигура Госпожи оставалась расплывчатой, неопределенной, смутной. Быть может, ей сложно обнаружить меня? Когда ее лицо на мгновение материализовалось полностью, на меня она не глянула. Смотрела, точно слепая.

— Ты ушел с равнины Страха, — произнесла она тем же далеким голосом. — Ты где-то на севере. Ты оставил заметный след. Ты поступаешь глупо, друг мой. Я найду тебя. Разве ты не понял этого? Тебе не скрыться. Даже пустоту можно увидеть.

Она не знает, где я. Значит, я правильно делаю, что молчу. Она хочет, чтобы я выдал себя.

— Мое терпение небезгранично, Костоправ. Но ты еще можешь прийти в Башню. Торопись же. Твоей Белой Розе осталось жить недолго.

Я ухитрился наконец дотянуть одеяло до подбородка. Ну и зрелище же я собой представлял — теперь мне кажется, что забавное. Как мальчишка, боящийся призраков. Сияние медленно угас-

ло. А с ним исчезла и нервность, мучившая меня с той минуты, как мы покинули дом Боманца.

Укладываясь спать, я бросил взгляд на пса Жабодава. Молния отразилась в его единственном открытом глазу.

Вот так. В первый раз у меня появился свидетель посещения. Пси́на.

Мне ведь никто не верил, когда я рассказывал о снах, пока то, что я говорил, не начинало сбываться.

Потом я заснул.

Разбудил меня Гоблин:

— Завтрак.

Мы поели. Потом устроили целое представление — искали рынок сбыта своих товаров и постоянных покупателей на будущее. Дела шли паскудно, только хозяин постоялого двора регулярно предлагал привезти ему спирта. Вечная Стража потребляла его в больших количествах — что еще делать солдатам, как не пьянствовать?

Обед. Пока мы жевали и готовились к предстоящему совещанию, на постоялый двор пришли солдаты. Спрашивали хозяина, не выходил ли кто из постояльцев ночью. Бравый старикан отверг такую возможность с ходу. Заявил, что спит на редкость чутко и непременно услышал бы.

Солдаты этим удовлетворились и ушли, а я спросил у хозяина, когда тот пробегал мимо:

— Что случилось-то?

— Ночью кто-то залез в дом Грая, — ответил тот, и его глаза сузились.

Он вспомнил остальные мои вопросы. Я сделал ошибку.

— Странно, — бросил я. — Кому это надо?

— Да, действительно. — Хозяин отошел по своим делам, но задумчивости в нем не убавилось.

Я тоже задумался. Как Стража узнала о нашем визите? Мы же старались не оставлять следов. Гоблин и Одноглазый тоже забеспокоились. Только Следопыт сидел как ни в чем не бывало. Неуверенно он чувствовал себя только близ Курганья.

— Что делать будем? — спросил я. — Мы окружены, нас превосходят числом и вдобавок, кажется, подозревают. Как добыть Грая?

— Это не проблема, — ответил Одноглазый. — Проблема — после уйти живыми. Если бы мы могли вызвать к нужному времени летучего кита...

— Ну так скажи мне, почему это так просто?

— В полночь залезаем в казарму, накладываем сонное заклятие, забираем и парня, и его бумаги, вызываем его душу и выводим тело. А вот что потом? А, Костоправ? Потом-то что?

— Куда бежать? — задумчиво пробормотал я. — И как?

— Один ответ, — вмешался Следопыт. — В лес. В лесу стражники нас не найдут. Если сумеем переправиться через Великую Скорбь, мы в безопасности. На большую охоту у них сил не хватит.

Я начал грызть ноготь. В чем-то Следопыт прав. Наверное, лес и лесные племена он знает достаточно, чтобы мы смогли выжить там, даже с паралитиком на руках. Но потом опять начнутся проблемы.

До равнины Страха останется еще тысяча миль. И вся империя будет нас разыскивать.

— Подождите меня, — приказал я и вышел.

Добежав до имперских казарм, вошел в комнату, где меня принимали в первый раз, отряхнулся и принялся изучать карту на стене. Тотчас подошел парнишка, проверявший нас на предмет контрбанды.

— Могу я чем-то помочь?

— Вряд ли. Я просто хочу свериться с картой. Она довольно точная, да?

— Уже нет. Речное русло сместилось здесь почти на милю. И на большей части равнины леса уже нет. Смыло.

— Гм... — Я прикинул на пальцах.

— А для чего вам это нужно?

— Для дела, — соврал я. — Слыхал, что возле Орлиных Скал можно торговать с одним из крупных племен.

— Да это в сорока пяти милях. Не доберетесь. Убьют и ограбят. Стражу и дорогу они оставили в покое только потому, что мы под защитой Госпожи. Но если следующая зима будет не лучше нескольких предыдущих, их и это не остановит.

— Гм... Ну, это была только идея. Ты, часом, не Горшок?

— Да, это я. — Его глаза подозрительно сощурились.

— Слыхал, ты тут ухаживаешь за одним. — Я осекся. Не ожидал я такой реакции. — В городке поговаривают. Спасибо за совет.

Я вышел с неприятным ощущением, что прокололся. Вскоре я убедился в этом. Через пару минут после моего возвращения в гостиницу заявился взвод под командованием майора. Мы и глазом моргнуть не успели, как оказались под арестом. Гоблин с Одноглазым чудом ухитрились наложить скрывающее заклятие на свои прищипки.

Мы валяли дурочку. Ругались, и ворчали, и ныли. Безрезультатно. Наши конвоиры знали о причине ареста меньше нас самих. Они просто выполняли приказ.

По глазам хозяина я понял, кто на нас настучал. Должно быть, сообщение Горшка о моем визите стало последней каплей. Как бы там ни было, мы направлялись в тюрьму.

Через десять минут после того, как захлопнулась дверь камеры, нас посетил лично командир Вечной Стражи. Я вздохнул с облегчением. Раньше он тут не служил. По крайней мере, мы его не знали. И он нас, вероятно, тоже.

У нас было время договориться на языке глухонемых. Следопыт, естественно, исключался, но он и без того сидел как пришибленный. Его разлучили с любимой псиной. Он очень злился. Солдат, что пришли нас арестовывать, Следопыт перепугал до смерти. Я уже был готов драться с ним.

Начальник присмотрелся к нам, потом представился:

— Я полковник Сласть. Командую Вечной Стражей. — За его спиной маячил нервный Горшок. — Сюда вас доставить приказал потому, что вы вели себя весьма необычно.

— Быть может, мы случайно нарушили какое-то неизвестное приезжим правило? — осведомился я.

— Никоим образом. Речь идет о сущем пустяке. Я бы назвал его сокрытием намерений.

— Не понимаю вас.

Полковник принялся расхаживать взад и вперед по коридору за порогом камеры. Взад-вперед.

— Есть старая пословица про дела, которые говорят громче слов. Ко мне поступили сведения из нескольких источников. О вашей избыточной любознательности в вопросах, с торговлей отнюдь не связанных.

Я по мере сил изобразил изумление:

— А что необычного в том, что люди задают вопросы в незнакомых местах? Мои компаньоны тут не бывали вовсе. Сам я в последний раз гостил здесь много лет назад. С тех пор немало изменилось. Да и вообще, это одно из самых интересных мест в империи.

— И самых опасных, торговцев... э-э, Фитиль, так? Господин Фитиль, вы служили в наших краях. В каком подразделении?

На этот вопрос я мог ответить без колебаний:

— «Драконий гребень», второй батальон полковника Удела.

Я там действительно служил.

— Да. Бригада наемников из Роз. Каков был любимый напиток полковника?

Ох, боги!

— Я был простым копейщиком, полковник. С офицерами не пил.

— Так-так. — Полковник продолжал расхаживать.

Я не понял, сошел ли мой ответ за правду. «Драконий гребень» — это же не элитное, шикарное подразделение вроде Черного Отряда. Кто сейчас о нем помнит? Столько лет прошло.

— Поймите и мое положение. Когда там покоится эта тварь, паранойя становится профессиональной болезнью. — Он ткнул в направлении Великого кургана.

И ушел.

— Да что это за черт? — спросил Гоблин.

— Не знаю. И не хочу знать. Но мы ухитрились влезть в большие неприятности.

Это для слухачей.

Гоблин принял предложенную роль.

— Черт, Фитиль, я тебе говорил — не надо сюда переться. Я тебе говорил, что у местных со Стражей все схвачено!

Тут влез Одноглазый, и вдвоем они меня пропесочили дай боже. Тем временем на языке знаков мы обсудили положение и решили подождать, что решит полковник.

Единственная альтернатива — положить карты на стол.

Курганье. Пленники

Плохо. Намного хуже, чем мы думали. У этих стражников поголовно паранойя. Я хочу сказать, они понятия не имели, кто мы такие, но это их ни в малейшей степени не смущало.

Внезапно примчалось ползвода. Звон и грохот под дверь. Никаких разговоров. Мрачные лица. Плохи наши дела.

— Вряд ли нас отпустят, — с тоской произнес Гоблин.

— На выход! — рявкнул сержант.

Мы вышли. Все, кроме Следопыта. Он так и остался сидеть в камере.

— По дворняге своей скучает, — попытался схохмить я.

Никто не рассмеялся.

Один из стражников двинул Следопыта в плечо. Следопыт медленно повернулся к нему, глянул совершенно невыразительно.

— Вот этого делать не надо было, — заметил я.

— Заткнись, — бросил сержант. — Взять его.

Парень, ударивший Следопыта, захотел повторить свой подвиг. Но двигался слишком медленно для Следопыта — будто не врезать хотел со всей силы, а нежно погладить. Следопыт обернулся, выбросил руку навстречу кулаку, поймал и сломал стражнику запястье. Тот заорал. Следопыт отшвырнул его. Лицо нашего приятеля осталось совершенно бесстрастным. Взгляд запоздало упал на отлетевшего стражника. Казалось, происходящее Следопыта очень удивляет.

Прочие конвоиры разинули рты. Потом пара смельчаков кинулась на Следопыта, обнажив мечи.

— Эй! Спокойно! — заорал я. — Следопыт!..

Следопыт, не выходя из прострации, отобрал у них оружие, кинул в угол и чуть не вышиб из обоих дух. Сержант разрывался между гневом и восхищением.

Я попытался успокоить его:

— Он, знаете, не слишком умен. Нельзя на него так бросаться. Ему все нужно объяснять спокойно, по два-три раза.

— Я ему сейчас объясню! — Сержант собрался было послать в камеру остальных стражников.

— Если он разозлится, то кого-нибудь пришибет, — поспешил предостеречь я, дивясь взаимоотношениям Следопыта с его псом. Стоило дворняге отойти, как Следопыт превращался в дебила. С навыками профессионального убийцы.

Сержант позволил здравому смыслу возобладать над гневом.

— Вот ты его и успокой.

Я постарался. Понимал, что солдаты вряд ли будут относиться к нам мягко, но не слишком волновался на этот счет. Гоблин и Одноглазый что-нибудь придумают. А пока надо сохранить здравый смысл — и головы на плечах.

Я хотел было помочь троим пострадавшим, но не осмелился. Одного Гоблина или Одноглазого хватит, чтобы навести стражников на догадку о том, кто мы на самом деле. Ни к чему давать лишние улики.

Я сосредоточился на Следопыте. Стоило привлечь его внимание, как остальное оказалось несложно — успокоить его, объяснить, что мы идем вместе с солдатами.

— Не надо им было так со мной поступать, Костоправ, — сказал Следопыт тоном обиженного ребенка.

Я поморщился, но стражники, кажется, не обратили внимания.

Нас тут же окружили, хватаясь за мечи, — исключение составили те, кто относил травмированных товарищей к коновалу, служившему у стражников и лекарем. Некоторым явно хотелось сквитаться. Я старательно успокаивал Следопыта.

Место, куда нас привели, энтузиазма у меня не вызвало. То был сырой подвал штаба, пародирующий камеру пыток. Полагаю, что камере следовало внушать ужас. Я видывал настоящие пытки и пыточные приспособления, а потому сразу определил: тут почти сплошь бутафория и антикварная рухлядь. Имелись, правда, и пригодные к употреблению железки. Мы с колдунами переглянулись.

— Не нравится мне тут, — сообщил Следопыт. — Наружу хочу. К псу Жабодаву.

— Стой спокойно. Мы здесь ненадолго.

Гоблин улыбнулся своей знаменитой кривой улыбкой.

— Да. Скоро мы отсюда выберемся. Возможно, ногами вперед, но выберемся.

Был там и полковник Сласть. Наша реакция его не обрадовала.

— Я хочу поговорить с вами, — сказал он. — В прошлый раз вы были не слишком расположены к беседе. Возможно, здешняя обстановка вам нравится больше.

— Отнюдь нет. Зато навевает мысли. Это что, наказание дерзнувшим наступить на пятки господам торговцам из Весла? А я и не знал, что Стража охраняет их монополию.

— Игры? Не надо юлить, господин Фитиль. Отвечайте прямо. И сейчас. Иначе следующие несколько часов станут для вас исключительно неприятными.

— Задавайте вопросы. Но у меня нехорошее предчувствие, что я не смогу дать те ответы, которые вы хотите услышать.

— Вам же хуже.

Я глянул на Гоблина. Тот впал в транс.

— Я не верю, что вы просто торговцы, — продолжал полковник. — Ваши расспросы выдают необычный интерес к человеку по имени Грай и к его дому. Следует заметить, что Грай подозревается либо в мятеже, либо в воскресительстве. Вот о нем и расскажите.

— Я об этом Грае никогда не слышал до приезда сюда, — сказал я правду — почти всю.

Вероятно, полковник мне поверил. Но он медленно покачал головой.

— Видите? Вы не верите, даже когда знаете, что я не вру.

— Но говорите ли правду? В этом весь вопрос. Организация Белой Розы разделена на ячейки. Вы можете представления не иметь, кто такой Грай, и все же искать именно его. Он что, давно вестей не посылал?

Хитрый, гад.

Наверное, я слишком перестарался с безразличием. Полковник кивнул сам себе, оглядел нашу четверку, сосредоточился на Одноглазом.

— Негр. Немолод уже, да?

Меня удивило, что цвет кожи Одноглазого не привлек внимания раньше. Негры очень редко попадают в краях севернее Пыточно-го моря. Полковник, скорее всего, первый раз сталкивался с чернокожим. А то, что одним из столпов Черного Отряда является очень старый негр, уж никак не тайна.

Я не ответил.

— С него и начнем. Он, пожалуй, послабее остальных.

— Убить его, Костоправ? — спросил Следопыт.

— Закрой рот и стой смирно, вот и все.

Черт! Но Сласть не обратил внимания на мое имя. Или я не такая известная персона, какой себя возомнил, и нуждаюсь в усекновении самолюбия.

А вот самоуверенность Следопыта полковника поразила.

— На дыбу его, — приказал он, ткнув пальцем в Одноглазого.

Одноглазый хохотнул и подставил подошедшим стражникам запястья. Гоблин хихикнул. Их веселье тревожило всех, не исключая и меня, — я-то знаю, какое у них чувство юмора.

— Им это кажется забавным? — Сласть посмотрел мне в глаза. — Почему?

— Если вам не взбрдет в голову вести себя цивилизованно, узнаете сами.

Полковник преодолел искушение отступить, решив очевидно, что мы просто блефуем по-крупному.

Одноглазого повели на дыбу. Он, ухмыляясь, полез на нее сам.

— Тридцать лет ждал, чтобы ты на дыбе оказался, — пискнул Гоблин. — Что за незадача — дождался, а вóрота не повернуть!

— Еще посмотрим, кто кому будет крутить, яблоко ты конское! — огрызнулся Одноглазый.

Колдуны скандалили, мы со Следопытом стояли как столбы, а имперцы беспокоились все сильнее. Сласть явно раздумывал, не снять ли ему с дыбы Одноглазого и не взяться ли за меня.

Одноглазого раздели. Гоблин кудахтал и танцевал джигу.

— Растяните его футов на десять, парни, — советовал он. — Мозги-то все равно комариные!

Кто-то попытался отвесить Гоблину оплеуху. Тот едва заметно отклонился. Стражник промахнулся совершенно, даже рука обороняющегося Гоблина едва задела его, но когда солдат поднес ладонь к лицу...

Десять тысяч кровавых точек. Складывавшихся в узор. Почти татуировку. Две сплетенные змеи, впившиеся друг другу в шею. Если у змеи есть шея — это место сразу за головой.

Отвлечение. Я-то сразу понял. Через мгновение я перевел взгляд на Одноглазого. Тот ухмылялся.

Стражники, которым полагалось его растягивать, после грозного рыка полковника вернулись к своему занятию. Сласть чувствовал

себя исключительно неудобно. У него уже зародилось подозрение, что дело тут нечисто, но пугаться он отказывался.

Палачи подступили к Одноглазому. Живот негра вспучился. И из пупка показался здоровенный премерзкий паук. Он подтянулся на двух лапках, потом вылез и расправил остальные. Его брюшко было с фалангу моего большого пальца. Паук отошел в сторонку, и на свет вылез еще один. Первый тем временем проковылял по ноге Одноглазого к стражнику, державшему ворот, к которому были прикреплены ноги колдуна. Глаза у солдата вылезли из орбит. Он повернулся к начальнику.

В подвале воцарилась гробовая тишина. Имперцы забыли даже, как дышать.

Из раздувшегося брюха Одноглазого вылез еще один паук. И еще. С каждой новой тварью колдун чуть заметно уменьшался в размерах. Его лицо менялось, медленно превращаясь в морду паука, каким тот видится вблизи, — если у вас хватит духу посмотреть.

Гоблин хихикнул.

— Крути ворот! — взревел Сласть.

Стражник в ногах Одноглазого попытался. Паук вскарабкался по рычагу ему на руку. Стражник заорал и отшвырнул восьминогое в тень.

— Полковник, — проговорил я самым обыденным голосом, на какой был способен, — это уже зашло достаточно далеко. Не стоит доводить до травм.

Стражников была целая толпа, а нас — только четверо, и Сласти очень хотелось на это положиться. Но несколько его людей уже двинулись к выходу. Большинство отступило от нас. И все смотрели на полковника.

Проклятый болван Гоблин. Его понесло.

— Притормози, Костоправ, — пискнул он. — Это же такой шанс. Пусть еще чуток растянут Одноглазого.

Я заметил, как зажглись пониманием глаза Сласти, хоть тот и попытался это скрыть.

— Чтоб ты провалился, Гоблин! Ты же нас выдал! Ну, поговорим мы еще с тобой! Так что, полковник? Убедились, что мы сильнее?

Похоже, Сласть знал пословицу «Осторожность — лучшая часть доблести».

— Освободить его, — приказал он палачу.

Одноглазый был весь покрыт пауками. Теперь они лезли у него изо рта и ушей. От избытка энтузиазма он порождал самые яркие

разновидности — охотников, прыгунов, плетельщиков паутины. Все как один большие и гнусные. Стражники к нему подходить отказывались.

— Постой в дверях, — велел я Следопыту. — Никого не выпускай.

Это он понял без труда. Я отвязал колдуна. Пришлось напоминать себе, что пауки — всего лишь иллюзия.

Ничего себе миражик! Я ощущал этих тварей... С некоторым запозданием сообразил, что легионы Одноглазого пошли в наступление на Гоблина.

— Черт побери! Одноглазый! Ты когда-нибудь повзрослееешь? — Мало этому сукину сыну имперцам головы дурить, он еще с Гоблином должен в игрушки играть. Я повернулся к Гоблину. — Если хоть что-нибудь сейчас учинишь, хрен ты мне еще из Норы вылезешь! Полковник Сласть, не могу сказать, что ваше гостеприимство меня порадовало. Не соизволите ли отойти в сторону? И мы вас покинем.

Сласть неохотно махнул рукой. Половина его людей не рискнула пройти мимо пауков.

— Одноглазый, шутки кончились. Сейчас ноги уносим. Ну?

Колдун сделал жест. Его восьминогие войска метнулись в тень под дыбой и сгнули в той безумной бездне, откуда подобные твари вылезают. Сам Одноглазый встал рядом со Следопытом. Вид у него был петушиный. Мы теперь неделями будем слушать, как он нас спас. Если выживем.

Я отправил к стражникам Гоблина, потом подошел сам.

— Хочу покинуть эту комнату бесшумно, — сказал я колдунам. — И чтобы дверь стала частью глухой стены. А потом нужно будет найти пресловутого Грая.

— Ладно, — ответил Гоблин и с бесовским блеском в глазах добавил: — Пока, полковник. Очень было весело.

Сласть не стал сыпать угрозами. Очень разумно с его стороны.

Колдуны запечатывали комнату минут десять — на мой взгляд, слишком долго. У меня зародились подозрения, но тут же исчезли, когда Гоблин с Одноглазым заявили, что дело сделано, а нужный нам человек — в соседнем здании.

Напрасно я не внял моим подозрениям.

Через пять минут мы стояли на пороге дома, где предположительно находился Грай. Добрались туда без всяких трудностей.

— Секундочку, Костоправ, — бросил Одноглазый.

Он повернулся к дому, откуда мы вышли, и щелкнул пальцами.

Дом рухнул.

— Ах ты гад! — прошептал я. — Какого беса это сделал?

— Теперь никто не знает, кто мы.

— А по чьей милости они узнали?

— Мы отрубили змее голову. В такой суматохе мы могли бы украсть и драгоценности самой Госпожи.

— Да? — Обязательно найдется кто-то, видевший, как нас привели. И, повстречав нас на свободе, этот кто-то очень удивится. — Скажи, о гений, нашел ли ты нужные мне бумаги, прежде чем разносить халупу? Если они там, руками будешь откапывать.

У Одноглазого вытянулась физиономия. Я оказался прав. Такое уж мое невезение. А у Одноглазого такой характер. Этот колдун всегда сначала делает, а потом думает.

— Сперва разберемся с Граем, — сказал я. — Пошли.

Когда ломали дверь, на шум выбежал Горшок.

Пропавший

— Эй, приятель, — сказал Одноглазый, тыча пальцем в грудь Горшку.

Тот отступил.

— Да-да, это твои старые друзья.

Следопыт за моей спиной пялился во двор. Штаб лежал в руинах, под обломками бился и трещал огонь. Из-за угла выскочил пес Жабодав.

— Ты только посмотри. — Я хлопнул Гоблина по плечу. — Кто это к нам бежит? — Я повернулся к Горшку. — Веди нас к твоему другу Граю.

Парню очень не хотелось подчиняться.

— Спорить не надо. Мы не в настроении. Шевелись — или пройдем по твоим костям.

Двор заполняли оружие солдаты. Нас никто не замечал. Пес Жабодав обнюхал Следопытовы лодыжки и басисто рыкнул. Следопыт просиял.

Мы протолкались мимо Горшка в казарму.

— К Граю, — напомнил я ему.

Солдатик провел нас в комнату, где единственная масляная лампа освещала лицо лежащего на аккуратно застеленной кровати. Горшок подкрутил лампу.

— Ох, твою же мать! — пробормотал я и плюхнулся на край кровати. — Это невозможно. Одноглазый?

Но Одноглазый впал в транс. Он так и стоял разинув рот. Как и Гоблин.

— Но он же мертв! — пискнул наконец Гоблин. — Он умер шесть лет назад.

Грай оказался Вороном. Тем самым, что сыграл очень важную роль в прошлом Отряда. Тем Вороном, что направил Душечку по ее пути.

Даже я был убежден, что Ворон мертв, а я изначально относился к нему с подозрением. Он уже выделял подобные номера.

— Девять жизней, — заметил Одноглазый.

— Нам следовало заподозрить, как только мы услышали имя «Грай», — сказал я.

— Почему?

— Шуточка в его духе. Вороны что делают? Каркают, сиречь грают. Он нам под нос разгадку подsunул.

Увидев его, я раскрыл тайну, мучившую меня все эти годы. Теперь я знал, почему спасенные мной бумаги не складывались. Самые важные Ворон перед своей мнимой смертью изъял.

— В этот раз не знала даже Душечка, — пробормотал я.

Изумление несколько схлынуло. Я припомнил: когда пошли письма, мне несколько раз приходило в голову, что Ворон жив.

Тут же возникли вопросы. Душечка не знала. Почему? На Ворона не похоже. И больше того: зачем оставлять ее на наше попечение, если прежде он так долго старался охранить ее от нас?

Что-то тут нечисто. Не может быть, что Ворон просто сбежал, чтобы покопаться в тайнах Курганья. К сожалению, ни одного свидетеля допросить я не мог.

— Давно он так? — осведомился Одноглазый у Горшка.

Глаза у солдата были как блюдца. Он уже понял, кто мы. Может, мое самолюбие не такое уж и раздутое.

— Несколько месяцев.

— Было письмо. Бумаги, — произнес я. — Где они?

— У полковника.

— И что с ними сделал полковник? Сообщил Взятым? Или самой Госпоже?

Солдату захотелось поупрямиться.

— Малыш, мы не желаем тебе вреда. Ты был добр к нашему другу. Говори, а то худо будет!

— Полковник никому не сообщал, это точно. Он не мог их прочесть. Ждал, когда Грай очнется.

— Долго бы ему пришлось ждать, — проговорил Одноглазый. — Подвисься, Костоправ. Первым делом надо найти Ворона.

— Есть в здании кто-нибудь в такой час? — спросил я Горшка.

— Разве что пекари за мукой приехали. Но мука хранится в подвалах с другой стороны. Сюда не заглянут.

— Хорошо. — Интересно, насколько можно доверять его словам? — Следопыт, вы с псом Жабодавом стойте на страже.

— Одна проблема, — встрял Одноглазый. — Чтобы начать, нам нужна карта Боманца.

— О черт!

Я вышел в коридор, выглянул за дверь. Штаб неохотно горел под дождем. Большая часть стражников сражалась с огнем. Я вздрогнул. Там наши бумаги. Если Госпоже повезет, там они и сгорят. Я вернулся в комнату:

— У тебя есть более срочное задание, Одноглазый. Мои бумаги. Отправляйся за ними. А я доставлю карту. Следопыт, смотри за дверью. Мальчишку не выпускай, никого не впускай. Ясно?

Следопыт кивнул. Когда пес Жабодав находился рядом, уговаривать его не требовалось.

Я выскользнул наружу, в суматоху. Никто не обратил внимания. Быть может, стоит, пользуясь случаем, вынести Ворона? Из казармы я вышел беспрепятственно, кинулся по слякоти в «Синий хрен». Хозяин, кажется, был очень удивлен моим появлением. Я не задержался и не сообщил, что думаю о его гостеприимстве, а сразу взбежал наверх, пошарил в скрывающем заклитии, пока не нашупал полое копье. И обратно. Один убийственный взгляд хозяину — и снова под дождь.

Когда я вернулся, пожар уже погас. Солдаты разбирали обломки. Меня еще никто не останавливал. Я проскользнул в дом, где лежал Ворон, передал Одноглазому копье.

— Бумаги добыл?

— Еще нет.

— Чтоб тебя!..

— Они в коробке, в кабинете полковника. Какого еще беса тебе надо, Костоправ?

— Тьфу! Следопыт, выведи парня в коридор. Вы двое, мне нужно такое заклятие, чтобы он делал все, что прикажут, нравится ему это или нет.

— Что-что? — переспросил Одноглазый.

— Я хочу послать его за этими бумагами. Можете сделать так, чтобы он еще и вернулся?

Горшок стоял в дверях и тупо слушал.

— Без проблем.

— Приступайте. Понял, сынок? Одноглазый наложит на тебя чары. Будешь расчищать там завалы, пока не наткнешься на коробку. Принеси ее сюда, и мы снимем чары.

Он не выказал желания подчиниться.

— У тебя, конечно, есть выбор. Можно умереть крайне мучительной смертью.

— По-моему, он тебе не верит, Костоправ. Показать ему?

Выражение лица Горшка убедило меня, что он верит каждому слову. Чем больше он думал о том, кто мы, тем сильнее пугался.

Неужели мы заработали такую жуткую репутацию? Наверное, истории в пересказе обрастают подробностями.

— Надеюсь, он будет сотрудничать. Правильно, сынок?

Упрямство сдохло, и Горшок кивнул. Хороший парень. Жаль, что он верен нашим противникам.

— Начинай, Одноглазый. Чем быстрее, тем лучше.

— Что будем делать, когда закончим с этим? — спросил Гоблин, пока Одноглазый трудился.

— Черт, не знаю. Будем действовать по обстоятельствам. О конях пока не думаем, главное — фургон загрузить. Делаем шаг за шагом.

— Готово, — объявил Одноглазый.

Я поманил юношу, отворил входную дверь:

— Иди и принеси эту штуку, малыш. — Я шлепнул его по ягодице.

Горшок отбыл, метнув в меня смертоубийственный взгляд.

— Он тобой недоволен, Костоправ.

— Плевать на его недовольство. Иди к Ворону и займись своим делом. Не трать время. После рассвета тут станет более оживленно.

Я следил за Горшком, Следопыт караулил дверь в комнату. Никто нам не мешал. Горшок нашел то, за чем его послали, и воздержался от рассказа о том, как ему это удалось.

— Молодец, малыш, — похвалил я, забирая коробку. — А теперь марш к своему другу в комнату.

Мы появились за несколько секунд до того, как Одноглазый вышел из транса.

— Ну? — спросил я.

Колдун сориентировался не сразу.

— Будет сложнее, чем я ожидал. Но думаю, вытащим. — Он показал на карту, разложенную Гоблином на груди Ворона. — Он вот тут, застрял у внутреннего круга. — Колдун покачал головой. — Он никогда не говорил, что у него есть опыт?

— Нет. Но мне так казалось иногда. Помнишь тот случай в Розах, когда он выследил Загребущего в снежной буре?

— Он где-то кое-чему научился. То, что он сделал, — не базарные трюки. Но сил не хватило. — Колдун ненадолго задумался. — Жут-

кое это место, Костоправ. Правда жуткое — и ни на что не похожее. Он ведь не один там. В деталях рассказывать не стану, пока сами не побываем, но...

— Стой! Что значит — пока сами не побываем?

— Я думал, ты сообразишь. Нам с Гоблином придется туда лезть. Чтобы его вытащить.

— Почему обоим?

— Чтобы один мог прикрыть второго, если тот попадет в передрягу.

Гоблин кивнул. Настроение у них было деловое — это значит, что перепугались они до смерти.

— И много времени это займет?

— Понятия не имею. Немало. Сначала надо отсюда выбраться. Уйти в лес.

Хотелось спорить, но я не стал. Вместо этого вышел во двор.

Из-под завалов вытаскивали тела. Я поглазел немного, потом возникла мысль. Через пять минут мы с Горшком вышли из дома с носилками. Одеяло скрывало нечто похожее на изуродованное тело великана. С одной стороны высывалась голова Гоблина, старательно изображавшего труп, с другой — ноги Одноглазого. Следопыт нес Ворона.

Бумаги лежали под одеялом вместе с колдунами.

Я и не надеялся с легкостью проскользнуть. Но мрачная кутерьма вокруг развалин слишком занимала стражников. Они как раз добрались до подвала.

Остановили нас только у ворот казармы, но Гоблин применил свое сонное заклятие. Сомневаюсь, что нас запомнили. Гражданские сновали взад и вперед, то помогая, то мешая спасателям.

Была и плохая новость. В подвале остались живые.

— Гоблин, вы с Одноглазым заберите наши вещи. И парня возьмите. Мы со Следопытом подгоним фургон.

Все шло хорошо. Даже слишком, подумал я, будучи пессимистом от рождения. Мы погрузили Ворона в фургон и направились на юг.

— Ну вот мы и выбрались, — произнес Одноглазый, как только въехали в лес. — Как быть с Вороном?

Я понятия не имел, как быть с Вороном.

— Тебе видней. Насколько близко ты подошел?

— Очень близко. — Он понял: я раздумываю, как бы нам поскорее выбраться из здешних краев.

— Душечка?

Я мог бы и не напоминать.

Нельзя сказать, что Ворон — центр ее мира. Она не говорит о нем иначе как вскользь. Но иногда Душечка плачет ночью во сне. Если из-за гибели Ворона, то мы не можем привезти его домой в таком виде. Это разобьет ей сердце.

В любом случае нужно поскорее вернуть его. Он лучше нас разбирается в происходящем.

Я обратился за помощью к Следопыту — никаких предложений. Его вообще не устраивал наш план действий. Будто он опасался соперничества со стороны Ворона.

— У нас есть он. — Одноглазый указал на Горшка, которого мы прихватили, чтобы не оставлять на верную гибель. — Его и используем.

Хорошая мысль.

За двадцать минут мы оттащили фургон с дороги на каменистую осыпь, чтобы не утонул в грязи. Колдуны сплели вокруг скрывающее заклатие и закидали фургон ветками. Вещи рассовали по котомкам. Ворона уложили на носилки, которые тащили мы с Горшком. Следопыт и пес Жабодав вели нас по лесу.

Пройти надо было не больше трех миль, но к концу пути у меня болело все, что может болеть. Слишком я стар. И потерял форму. Да и погода в высшей степени мерзопакостная. Я на всю жизнь напил-ся дождя.

Следопыт провел нас к самой восточной окраине Курганья. Сто ярдов вниз по склону — и я оказался бы на его остатках. Сто ярдов в другую сторону — и я очутился бы в виду Великой Скорби. От Курганья ее отделяла только узкая полоска земли.

Мы поставили палатки и накидали внутрь веток, чтобы не сидеть на сырой земле. В меньшей палатке корпели Гоблин с Одноглазым; все остальные залезли во вторую. Поскольку дождь на меня не капал, я решил просмотреть добытые документы. Первым, на что наткнулся, был пакет из промасленной кожи.

— Горшок, это письмо просил тебя доставить Ворон?

Парень мрачно кивнул. С нами он не разговаривал.

Бедняга. Убежден, что совершает предательство. Надеюсь, приступ героизма его минует.

Что ж, пока колдуны занимаются своим делом, я займусь своим. Начну с самого простого.

История Боманца (Из послания)

Боманц глянул на Госпожу под иным углом, заметил страх на ее несравненном лице.

— Ардат, — произнес он и увидел, как страх сменяется покорностью.

«Ардат была моей сестрой».

— У тебя была сестра-близнец. Ты убила ее и приняла ее имя. Твое истинное имя — Ардат.

«Ты пожалеешь об этом. Я найду твое имя...»

— Зачем угрожаешь? Я не желаю тебе зла.

«Зло уже в том, что ты удерживаешь меня. Дай мне свободу».

— Ну-ну, не будем ребячиться. Зачем заставлять меня? Мы зря потратим время и силы. Я хочу только восстановить знания, похороненные с тобой. Если обучишь меня, это ничего не будет тебе стоить и не повредит. Зато, возможно, мир подготовится к твоему возвращению.

«Мир уже готовится, Боманц!»

Он хихикнул.

— Это лишь маска, как и торговец древностями. Это не мое имя, Ардат. Будем сражаться?

«Мудрецы говорят, что неизбежность следует встречать с изяществом. Что ж, попробую быть изящной».

«И свиньи летают», — подумал Боманц.

Госпожа усмехнулась.

Послала что-то — Боманц не уловил что. Иные голоса наполнили его разум.

На мгновение померещилось, что просыпается Властелин, но голоса звучали в физическом мире, у него дома.

— О черт!

Веселье колокольцев.

— **Ж**дан на месте. — Голос принадлежал Токару. Присутствие торговца на чердаке взбесило Боманца, и тот пустился бегом.

Раздался голос Камня:

— Помоги мне вытащить его из кресла, Слава.

— А не разбудишь?

— Его дух в Курганье. Он ничего не узнает, если только мы не столкнемся там.

«Врешь, — подумал Боманц. — Врешь, ты, подлый, неблагодарный прыщ. Твой старик не так глуп. Он отзывается даже на то, на что закрывает глаза».

Дракон повернул голову ему вслед, окатив насмешкой. Ненависть павших рыцарей молотами била Боманца, когда он пробегал мимо.

— Оттащи его в угол. Токар, амулет в горке мусора под очагом. Чума на голову этого Мен-Фу! Он едва не завалил все. Придушить бы прикурка, что послал его сюда. Этот жадюга только о себе и думал.

— По крайней мере, он забрал с собой надсмотрщика, — произнесла Слава.

— Чистая случайность. Удача.

— Время, время, — напомнил Токар. — Люди Ждана напали на казармы.

— Тогда выматывайся. Слава, ну не пялся ты на старика, сделай что-нибудь. Мне надо добраться дотуда прежде, чем Токар доберется до Курганья. Нужно сообщить Великим, что мы делаем.

Боманц подбежал к кургану Лунного Пса. Ощутил шевеление внутри. Промчался мимо.

Призрак танцевал рядом с ним, сутулый злобный призрак, проклинавший его на тысячу ладов. «Нет времени, Бесанд. Но ты был прав».

Боманц пробежал мимо старого рва, мимо своего раскопа. Чужаки усеивали равнину. Воскресители. Откуда они взялись? Прятались в Древнем лесу?

«Быстрее. Надо торопиться, — повторял он себе. — Этот дурак Камень собирается пойти вслед за мной».

Он бежал как угорелый, и каждый шаг, казалось, длился вечность. Сверкала комета, отбрасывая ясные тени.

— Перечитай указания, чтобы убедиться, — говорил Камень. — Время тут большой роли не играет. Только торопиться нельзя.

— Может, связать его? На всякий случай.

— Времени нет. Не беспокойся ты о нем. Он не очнется, пока не будет уже поздно.

— Он мне действует на нервы.

— Так накрой его ковриком и иди сюда. И говори потише. Маму разбудишь.

Боманц достиг городских огней... Тут возникла мысль, что в этом состоянии ему вовсе не обязательно быть коротконогим одышливым толстячком. Он изменил самовосприятие, и скорость увеличилась. Вскоре он наткнулся на Токара, трусящего к Курганью с Бесандовым амулетом. По его кажущейся медлительности Боманц оценил собственную скорость. Он двигался очень быстро.

Штаб пылал. Вокруг казарм кипел бой. Нападавших вели грузчики Токара. Несколько стражников выскользнули из кольца. Бой распространялся на город.

Боманц достиг лавки.

— Начинаем, — сказал Славе Камень и, когда Боманц взлетел по лестнице, завел: — Дамни. Ум муджи дамни.

Боманц вломился в собственное тело. Принял управление всеми мышцами, рывком поднялся с пола.

Взвизгнула Слава.

Боманц швырнул ее к стене. В падении она разбила несколько бесценных древностей.

Боманц пискнул от боли — все хвори дряхлого тела достигли сознания. Черт! Опять язва грызет кишки!

Развернувшись, он схватил сына за горло, прервав незавершенное заклинание.

Камень был сильнее и моложе. Он вырвался. Слава кинулась на Боманца. Колдун отпрыгнул назад.

— Всем стоять! — рявкнул он.

Камень потерял шею и что-то прохрипел.

— Не думал, что я на такое способен? Попробуй еще раз. Мне плевать, кто ты. Тебе не выпустить в мир эту тварь.

— Как узнал? — выдавил Камень.

— Ты странно себя вел. У тебя странные друзья. Я надеялся, что ошибаюсь, но я не полагаюсь на случай. Тебе следовало бы помнить.

Камень вытащил нож. Его взгляд похолодел.

— Извини, пап. Есть вещи важнее, чем люди.

В висках у Боманца заныло.

— Сиди тихо. У меня нет на тебя времени. Я должен остановить Токара.

Слава тоже вытащила нож, сделала шаг вперед.

— Ты испытываешь мое терпение, сынок.

Девушка прыгнула. Боманц произнес слово силы. Слава врезалась в стол, соскользнула на пол с почти противоестественной гибкостью. В следующее мгновение она стала еще гибче. И мякнула, как раненый котенок.

Камень упал на колени:

— Прости, Слава! Прости!

Боманц не обращал внимания даже на собственную душевную боль. Он собрал расплесканную по столу ртуть обратно в чашу, произнес слова, превращающие жидкий металл в зеркало далеких событий.

Токар прошел две трети пути до курганов.

— Ты убил ее, — прошептал Камень. — Убил...

— Я предупреждал — это не шутки. Ты сделал ставку и проиграл. Так что сиди и не рыпайся.

— Убил...

Раскаяние ударило Боманца еще до того, как Камень вынудил его действовать. Старик пытался смягчить удар, но растворение костей — это все или ничего.

Камень упал на тело своей возлюбленной.

И его отец упал на колени рядом:

— Зачем вы заставили меня? Дураки! Проклятые дураки! Вы меня использовали. У вас не хватило ума убедиться в моей безопасности, а вы вздумали с Госпожой торговаться? Что я теперь скажу Жасмин? Как объясню? — Он оглянулся, точно загнанный зверь. — Покончить с собой. Вот все, что мне остается. Пусть она не узнает, что ее сын был... Не могу. Я должен остановить Токара.

На улице шел бой. Боманц не обращал внимания. Он глядел в ртуть.

Токар стоял на краю рва, смотрел на Курганье. Боманц ощущал его страх и неуверенность.

Но Токар нашел в себе силы. Вцепившись в амулет, он пересек черту.

Боманц начал выстраивать смертную насылку.

Он бросил взгляд на дверь, заметил в темноте перепуганную Проныру.

— Ох, детка... Иди отсюда, маленькая.

— Я боюсь. Там снаружи люди убивают друг друга.

«Мы внутри — тоже, — подумал колдун. — Уходи, пожалуйста».

— Найди Жасмин.

Из лавки донесся жуткий треск. Проклятия. Звон стали о сталь. Голос одного из Токаровых грузчиков, который организовывал оборону дома.

Стража нанесла ответный удар.

Проныра всхлипнула.

— Держись отсюда подальше, малышка. Иди лучше к Жасмин.

— Я боюсь.

— Я тоже. И я ничего не смогу сделать, если ты будешь путаться под ногами. Иди вниз, пожалуйста.

Девочка скрипнула зубами и скатилась по ступенькам. Боманц вздохнул. Чуть не сорвалось. Если бы она заметила Камня и Славу...

Шум усилился. Люди кричали. Боманц услышал, как отдает приказы капрал Дитина. Он обернулся к чаше. Токар исчез. Найти его колдун не мог. Он бегло осмотрел все пространство между городом и Курганьем. Несколько воскресителей торопились к месту схватки, явно на помощь своим. Остальные отступали с боем. Их преследовали остатки Стражи.

Протопали по лестнице сапоги. Снова Боманц прервал насылку. В дверях стоял Дитина. Боманц попытался было выставить капрала, но тот был не в настроении спорить — поднял огромный окровавленный меч...

Боманц метнул в него слово силы. И вновь человеческие кости обратились в желе. Потом снова и снова пытались отомстить за своего командира рядовые. Боманц уложил четверых, прежде чем атака прекратилась.

Он попытался вернуться к насылке... В этот раз его прервало не физическое явление, а вибрация, пришедшая по тропе, что вела в гробницу Госпожи. Токар вошел в Великий курган и связался с обитающим там созданием.

— Слишком поздно, — пробормотал Боманц. — Слишком поздно, проклятье!

Он все равно послал смерть. Вдруг Токар скончается, прежде чем успеет выпустить чудовищ.

Выругалась Жасмин. Завизжала Проныра. Боманц прошел по мертвым стражникам, кинулся вниз по лестнице. Проныра не унималась.

Бо вбежал в спальню. Один из людей Токара держал нож у горла Жасмин. Двое стражников пытались обойти его сбоку.

Терпение Боманца лопнуло. Он убил всех троих.

Дом сотрясся. Зазвенели чашки на кухне. Несильная дрожь, но Боманц распознал в ней предвестницу...

Его насылка опоздала.

— Выходите из дома, — приказал он, смирившись. — Будет землетрясение.

Жасмин косо глянула на него, сжимая в объятиях бьющуюся в истерике девочку.

— Потом объясню. Если выживем. А пока вон отсюда!

Он развернулся и выбежал на улицу. И помчался к Курганью.

Теперь бесполезно воображать себя высоким, стройным и быстроногим. Он был Боманцем во плоти, невысоким, старым, толстым и склонным к одышке. Дважды падал, когда город сотрясала дрожь, с каждым разом все сильнее.

Пожары еще полыхали, но бои прекратились. Выжившие с обеих сторон поняли, что решать спор мечами поздно. Они глядели на Курганье, ожидая развития событий.

Боманц присоединился к смотрящим.

Комета сияла так ярко, что Курганье было залито ее светом.

Жуткая судорога рванула землю. Боманца шатнуло. В Курганье раскололся холм, где покоилась Душелов. Изнутри струился неестественный свет. Из развалин поднялась фигура — силуэт на сверкающем фоне.

Люди молились или ругались — кому что больше по душе.

Судороги продолжались. Открывался курган за курганом. Один за другим выходили в ночь Десять Взятых.

— Токар, — пробормотал Боманц, — чтоб ты сгнил в аду!

Оставался только один шанс. Один немыслимый шанс. Мир покоился на согбенных временах плечах растерявшего свои силы маленького старичка.

Боманц вспомнил мощнейшие свои заклятия, величайшие чары, все колдовские трюки, разработанные за тридцать семь лет одиноких ночей. И шагнул в сторону Курганья.

Протянулись руки — остановить его. Они не могли ухватиться.

— Нет, Бо! Пожалуйста! — крикнула старуха из толпы.

Он продолжал идти.

Курганье кипело. Выли среди руин духи. Потрясал горбом Великий курган. Земля взрывалась и плевала огнем. В ночь взмыл огромный крылатый змей, страшно вскричав, и потоки драконьего пламени окатили Курганье.

Мудрые зеленые глаза следили за Боманцем.

В этот ад шагнул невысокий толстяк, выплеснув весь арсенал своих чар. И пламя поглотило его.

Курганье. Чем дальше в лес...

Сунув письмо Ворона обратно в пакет, я разлегся на куче веток и расслабился. Как красиво рассказывал обо всем этом Ворон. Интересно, откуда он сведения-то брал? Жена? Кто-то ведь должен был записать конец истории и спрятать так, чтобы потом нашли. Что вообще случилось с его женой? В легенде о ней не упоминалось. Как, кстати, и о сыне. Всеобщую известность получило только имя Боманца.

Но было там что-то... что я пропустил? А, да. Кое-что из моего личного опыта. Имя, на которое рассчитывал Боманц. И которое оказалось недостаточно могучим.

Я его уже слышал. При равно бурных обстоятельствах.

В Можжевельнике, когда борьба Госпожи и Властелина близилась к завершению — она засела в башне на одном краю города, а Властелин пытался сбежать через вторую башню, на другом конце, — мы выяснили, что Взятые намерены избавиться от Отряда, как только минует кризис. Мы дезертировали — по приказу Капитана. Захватили корабль. Сражение дошло до решающей точки в тот миг, когда мы отчаливали. Супруги схватились над пылающим городом, и Госпожа оказалась сильнее.

Глас Властелина потрясал мир, выплескивая последние капли отчаяния. Он назвал Госпожу именем, которое полагал властительным и Боманц. Как оказалось, даже Властелин не застрахован от ошибок.

Одна сестра убила другую и — может быть — заняла ее место. Как выяснилось в битве при Чарах, еще одной сестрой была Душелов, наша учительница, пытавшаяся занять место Госпожи. Три сестрички. Минимум три. Одну звали Ардат, но явно не ту, что стала Госпожой.

Может, тут и кроется ключ. Все те списки, лежащие дома, в Норе. Генеалогия. Найти женщину по имени Ардат. Выяснить, кто были ее сестры.

— Это ключ, — пробормотал я. — Сомнительный, но ключ.

— Что?

Я и забыл про Горшка. Мальчишка не пытался воспользоваться этим. Наверное, слишком перепугался.

— Ничего.

Снаружи темнело. Дождь не утихал. Над Курганьем плыли призрачные огни. Что-то в них было не то. Интересно, как там Гоблин с Одноглазым? Идти и выяснять я не осмеливался. В углу похрапывал Следопыт. Пес Жабодав положил башку ему на живот, изображая дрыхнущую дворнягу, но, уловив блеск в его глазах, я понял, что пес не спит.

Я перенес внимание на Горшка. Паренек трясся, и не только от холода. Он уверен, что мы его прикончим. Я положил руку ему на плечо:

— Все нормально, сынок. Не надо бояться. Мы обязаны тебе, ведь ты присмотрел за Вороном.

— Он правда Ворон? Тот самый Ворон, отец Белой Розы?

Наслушался парень легенд.

— Именно. Только приемный отец.

— Тогда не все, что он говорил, ложь. Он все-таки был под Форсбергом.

Это меня почему-то позабавило.

— Сколько я знаю Ворона, — ответил я, хихикнув, — он вообще почти не лгал. Только придерживал правду.

— Вы меня отпустите?

— Когда окажемся в безопасности.

— Угу. — Это его не обнадежило.

— Скажем так — когда доберемся до равнины Страха. Там много твоих приятелей собралось.

Паренек хотел завести со мной политическую дискуссию: почему это мы идем против Госпожи? Я отказался. Я не миссионер, обращением в свою веру не занимаюсь. Слишком занят самокопаниями и самоуглублениями. Может, Ворон ему объяснит, когда Гоблин и Одноглазый приведут нашего старого друга в чувства.

Ночь казалась бесконечной, но через три вечности, тянувшиеся до полуночи, я услышал неровные шаги.

— Костоправ?

— Заходи, — ответил я.

Это был Гоблин. В темноте я не мог различить выражения его лица, но понял: новости неутешительные.

— Проблемы?

— Да. Нам его не вытащить.

— Ты что такое лопочешь? Какого черта?

— У нас мастерства не хватит. Таланта. Тут нужен кто-то сильнее нас. Мы ведь не великие маги, Костоправ. Мы фокусники. С парой заклятий в рукаве. Может, Молчун смог бы пособить. У него иная магия.

— Сядь, а то упадешь. Одноглазый где?

— Отдыхает. Ему тяжело пришлось. То, что он там увидел, его чуть не доконало.

— Что именно?

— Не знаю. Я его только подстраховывал, чтобы он тоже не застрял там. Одно знаю: своими силами нам Ворона не вытащить.

— Дерьмо! — произнес я. — Сраное, вонючее, говенное дерьмо! Гоблин, без Ворона нам не победить. У меня тоже не хватит сил. Половину тех документов я не переведу никогда.

— Даже с помощью Следопыта?

— Он читает на теллекурре. И все. Это и я могу, только хуже. А Ворон знал диалекты. Кое-что из переведенного им писалось именно на них. И еще: мы так и не выяснили, чем он тут занимался. Зачем притворился мертвым и сбежал. Почему оставил Душечку.

Может быть, я делал поспешные выводы. Со мной случается. Или поддался обычной человеческой слабости упрощения: вот вернется Ворон — и все встанет на свои места.

— Что же нам теперь делать? — спросил я.

— Не знаю, Костоправ. — Гоблин встал. — Пусть Одноглазый очухается и расскажет, с чем мы столкнулись. Оттуда и начнем.

— Ладно.

Колдун вышел. Я лег и попытался заснуть.

Стоило отключиться, как начинался кошмар. Появлялась тварь, барахтающаяся в оставшемся от Курганья болоте.

Трудные времена

Смотрелся Одноглазый жутко.

— Тяжело пришлось, — сказал он. — Давай карту, Костоправ.

Я подчинился. Колдун ткнул в карту пальцем:

— Вот тут он застрял. Похоже, что он прошел путь до самой середины, по следу Боманца, а возвращаясь, влип.

— Как влип? Я вообще не понимаю, что там творится.

— Жаль, что тебе там не побывать. Царство жутких Теней... Наверное, и к лучшему, что не для тебя это. Ты бы сунулся.

— Это шутка?

— Я к тому, что ты слишком любишь совать нос куда не следует. Как старина Боманц. Нет. Стой. — Он помолчал секунду. — Костоправ, около тропы Боманца покоилась какая-то тварь, из прислужников Взятых. Колдун ей был не по зубам. Но Ворон-то дилетант. Думаю, мы с Гоблином и Молчуном едва справились бы с этой тварью, а мы поискуснее Ворона будем. Он недооценил опасность и переоценил себя. Когда уходил, эта тварь заняла его место, и он остался там.

Я нахмурился, не совсем понимая.

— Она использовала его, чтобы сохранить равновесие старых заклятий, — объяснил Одноглазый. — Ворон застрял в сети очень древнего колдовства. А тварь теперь среди нас.

Мое сердце ушло в пятки. Это было почти отчаяние.

— Она вышла? И вы не знаете...

— Не знаем. Карта ничего не показывает. Боманц не обращал внимания на лиходейскую мелочь. Дюжину он точно не отметил; может, их там несколько десятков. Судя по летописям, так и есть.

— Что он тебе сказал? Смогли вы с ним связаться?

— Нет. Он заметил нас, но он в колдовской яме. Я не мог бы связаться с ним, не угодив туда сам. Похоже, то, что вышло наружу, чуть больше того, кто остался, и я попробовал этим воспользоваться. И Гоблину пришлось потом меня вытаскивать. Я ощутил дикий ужас Ворона. Ужас, причина которому — не то положение, в котором Ворон оказался; оно вызывало в нем только гнев. Думаю, он попался только потому, что слишком торопился и не обращал внимания на происходящее вокруг. Я понял! Он был в центре — и дрался. Что находится в центре?

— Ты полагаешь, тварь, которая выползла, попыталась открыть Великий курган?

— Возможно, она пыталась это устроить.

Я напряженно работал мозгами.

— Что, если доставить сюда Душечку? Она попробует...

Одноглазый выразительно посмотрел на меня. Дескать, не дури. Правильно. В безмагии освободится не только Ворон.

— Тому типу очень понравится, — хихикнул Гоблин.

— Мы тут ничего для Ворона сделать не можем, — произнес Одноглазый. — Надеюсь, когда-нибудь найдется колдун, который на это способен. А пока... — Он пожал плечами. — Предлагаю держать языки за зубами. Если об этом узнает Душечка, она может и позабыть о своей миссии.

— Согласен, — ответил я. — Но...

— Что «но»?

— Я вот что думаю: Ворон и Душечка... Чего-то мы не понимаем. Ну, вы знаете его, верно? Так почему он сбегал тайком и явился сюда? Якобы хотел обойти Госпожу и ее банду с тылу. Но почему оставил Душечку в неведении? Понимаете намек? Может, она не так уж сильно разволнуется. Или у Ворона могли быть какие-то другие причины.

На лице Одноглазого отразилось сомнение. Гоблин кивнул. Следопыт, как всегда, ничего не понял.

— Что с телом? — спросил я.

— Сущее бремя, — ответил Одноглазый. — Я, конечно, не уверен, но, если потащим его на равнину, связь тела и души может порваться.

— Стой!

Я посмотрел на Горшка. Тот глянул на меня. Вот и еще одна двойная связь.

Есть радикальный способ решить проблему с телом Ворона. И с его вывозом. Выдать тело Госпоже. Это решит сразу несколько проблем.

В том числе проблему той беглой твари и попыток Властелина освободиться. И даст Душечке время, пока внимание Госпожи отвлечено.

Но что тогда станет с Вороном?

Он может быть ключом к нашему успеху... или провалу.

Выдать или спасти. Сыграть в расчете на тот невероятный случай, что мы сможем заполучить его назад, прежде чем его знания окажутся применены против нас.

Опять сложности. Вечно сложности.

— Давайте попробуем еще раз, — предложил Гоблин. — Теперь я пойду вперед, а Одноглазый меня прикроет.

По кислой роже Одноглазого я понял, что этот спор у них уже возникал. Я не вмешивался. Они знатоки, им и решать.

— Ну? — потребовал ответа Гоблин.

— Если думаешь, что тебе удастся...

— Думаю. И терять нам нечего. Может, следует посмотреть на всю проблему с новой точки зрения? Вдруг Одноглазый чего-то не заметил.

— Я одноглазый, а не слепой! — рявкнул второй колдун.

Гоблин скривился. Этот спор тоже возникал не раз.

— Не тратьте времени, — приказал я. — Мы не можем торчать здесь вечно.

Иногда решения принимают за тебя. Глухая ночь. Ветер в ветвях. Холод просачивался в палатку, я просыпался, дрожа, и засыпал снова. Мерно барабанил по крыше дождь, но его шум не успокаивал. Боги, до чего же я устал от дождя! Как только стражникам удастся не свихнуться окончательно?

Кто-то потряс меня за плечо. Следопыт.

— У нас гости, — прошептал он. — Неприятные.

Пес Жабодав стоял у входа, вздыбив шерсть. Я прислушался. Ничего. Но я предпочел поверить Следопыту. Лучше быть трусом, чем трупом.

— Как Гоблин с Одноглазым?

— Еще не закончили.

— Ох-хо. — Я нашарил одежду, оружие.

— Пойду разыщу их, — пробормотал Следопыт, — попытаюсь сбить со следа или увести подальше. А ты предупреди остальных. И готовьтесь бежать.

Он выскользнул из палатки вслед за дворнягой. Вот теперь эта псина зашевелилась!

Наш шепот разбудил Горшка. Мы оба молчали. Интересно, на что он отважится? Я набросил одеяло на голову и вышел. Каждому дню хватает своих забот.

В соседней палатке колдуны еще не вышли из транса.

Проклятье! И что теперь? Рискнуть и разбудить Одноглазого?

Очень тихо:

— Одноглазый, это Костоправ. Плохи наши дела.

Ага. Здоровый глаз открылся. Мгновение колдун не мог прийти в себя, потом шепотом гаркнул:

— Ты о чем?

— Следопыт говорит, в лесу кто-то есть.

Сквозь пелену дождя донесся вопль. Одноглазый взвился.

— О боги! — рявкнул он. — Какого дьявола?!

— Что такое?

— Кто-то только что метнул заклятие, достойное Взятого.

— Сможешь вытащить Гоблина? Срочно?

— Могу...

Очередной вопль длился, как мне почудилось, целую вечность и нес боль и отчаяние.

— Вытащить.

Казалось, Одноглазый потерял всякую надежду.

Взятые. Несомненно. Напали на наш след. И приближаются. Но крики... Первый — кого Следопыт застал врасплох. А второй? Застали врасплох Следопыта? Нет, не его это голос.

Одноглазый лег, прикрыл глаз и через несколько секунд вновь погрузился в транс, несмотря на отражавшийся на его лице ужас. А он силен — войти в транс при таком нервном напряжении.

Донесся третий вопль. Я высунулся под дождь и растерянно огляделся. Ничего не видно. Через несколько секунд зашевелился Гоблин.

Он был жутко вымотан, но Одноглазый уже просветил его, и маленький колдун упорно пытался встать, хотя ясно было, что ему это еще не по силам. Гоблин открывал и закрывал рот, будто пытался что-то мне сказать.

Одноглазый вышел из транса вслед за ним, но оправился намного быстрее.

— Что нового? — спросил он.

Еще один вопль.

— Бросаем все и уносим ноги?

— Мы не можем. Кое-что необходимо доставить на равнину. Иначе можно уже сдаваться прямо здесь.

— Ты прав. Собирайся. А я займусь вещами. Собраться-то не сложно, я ведь и мешков не разбираю...

Кто-то взревел в лесу. Я замер.

— Что за дьявол?

Казалось, эта тварь больше четырех львов.

А мгновением позже слышались крики.

Бессмыслица. Полный бред. Я мог представить, как Следопыт отвлекает стражников шумом, — но не в том случае, когда со стражниками идет Взятый.

Колдуны выбрались наружу, я начал сворачивать палатку. Гоблин выглядел как восставший мертвец, и половину его барахла волок Одноглазый.

— Где мальчишка? — спросил он.

Я не обратил внимания на отсутствие Горшка — оно меня не слишком удивило.

— Удрал. Как мы Ворона понесем?

Ответ явился из леса. Следопыт. Несколько потрепанный, но живой. Пес Жабодав был в крови по самый хвост и казался небывало деятельным.

— Сматываемся, — сказал Следопыт и взялся за носилки.

— А твои вещи?

— Времени нет.

— А фургон? — Я взялся за носилки с другой стороны.

— Забудь. Его наверняка нашли. Вперед.

Мы двинулись. Следопыт показывал путь.

— Что это был за шум? — спросил я.

— Я застал их врасплох.

— Но...

— Врасплох можно застать даже Взятого. Побереги дыхание. Он еще жив.

Несколько часов мы, не оборачиваясь, месили грязь. Следопыт гнал нас нещадно. Надсмотрщик в дальнем уголке моего рассудка отметил, что пес Жабодав с легкостью держится наравне с ним.

Первым рухнул Гоблин. Пару раз он пытался догнать меня и сказать что-то, но у него просто не хватало сил. Когда колдун упал, Следопыт остановился, оглянулся раздраженно. Пес Жабодав, ворча, улегся на мокрые листья. Следопыт пожал плечами и опустил свой конец носилок.

Для меня это послужило сигналом. Я рухнул. Как подпиленный столб. И плевать на дождь и грязь — мокрее, чем есть, я уже не стану.

Боги, как болели мои руки и плечи! Уколы раскаленных иголок в мышцы подбирались к шее.

— Так не пойдет, — пробормотал я чуть отдышавшись. — Слишком мы стары и слабы.

Следопыт вглядывался в лес. Пес Жабодав поднялся, понюхал ветер. Я нашел в себе силы привстать и глянуть вдоль тропы, по которой мы шли, чтобы прикинуть, куда же нам бежать теперь.

На юг, конечно. На север — бессмысленно, на западе или востоке мы упремся либо в реку, либо в курганы. Но, направляясь на юг, выйдем на старый Весельный тракт там, где он сворачивает к Великой Скорби. И этот участок непременно будет под наблюдением.

Немного придя в себя — дыхание уже не отдавалось в ушах громом, — я услышал, как булькает и плещется река. До нее было не больше сотни ярдов.

— Хитрость, Костоправ. — Следопыт встряхнулся. — Хитрость.

— Жрать хочу, — сообщил Одноглазый, и я был вполне с ним солидарен. — И скоро захочу еще больше. — Он слабо улыбнулся. У него хватило сил осмотреть Гоблина. — Костоправ, иди сюда. С ним все в порядке?

Интересно, как они забывают свою вражду, стоит запахнуть жареным.

Лес и за лесом

Прежде чем мы смогли поесть (Следопыт добыл дичи), прошло два дня. Два дня мы бегали от патрулей. Следопыт знал эти леса превосходно. Мы исчезли в чаще и уже менее торопливо двинулись на юг. Через два дня Следопыт почувствовал себя достаточно уверенно и позволил нам разжечь костер. Тот получился совсем невеличка — найти способное гореть дерево удалось с трудом. Костер грел не столько наши тела, сколько души.

Теперь, когда появилась надежда, неудобства переносились легче. По Древнему лесу мы топали две недели. Будь я проклят, если по пересеченной местности двигались не быстрее, чем, направляясь сюда, — по дороге. Достигнув южной опушки, мы испытывали без преувеличения оптимизм.

Мне, однако, хотелось остаться в болоте. Мы спорили о Вороне. И Гоблин, и Одноглазый утверждали, что мы только вредим ему, но не могли предложить ничего иного, кроме как нести Ворона с собой.

И еще один холодный комок поселился у меня в брюхе.

Той второй ночью, пока Следопыт и пес Жабодав охотились, ко мне подполз Гоблин.

— Я забрался дальше, чем Одноглазый, — прошептал он. — Почти к самому центру. Знаю, почему Ворон остался там.

— Ну?

— Слишком много увидел. Наверное, именно за этим он и отправился. Властелин не спит. Я... — Его передернуло, и он помолчал секунду, приходя в себя. — Я видел его, Костоправ. И он видел меня. И смеялся. Если бы не Одноглазый, я попался бы, как Ворон.

— О боги! — прошептал я едва слышно. Выводы зудели в мозгу. — Жив? И действует?

— Да. И молчи об этом. Никому не говори, пока мы не сообщим Душечке.

Я ощутил в нем некий фатализм. Гоблин сомневался, что проживет долго. Это меня испугало.

— Одноглазый знает?

— Я ему скажу. Надо, чтобы эту весть кто-то принес домой.

— Почему не сообщить всем?

— Только не Следопыту. Что-то в нем не то... И еще, Костоправ. Этот древний колдун — он еще там!

— Боманц?

— Да. И он жив. Словно заморожен. Не мертв, но бессилён. Дракон... — Колдун замолк.

Из кустов вышел Следопыт с охапкой белок. Мы сожрали их почти сырыми.

Прежде чем пересекать границу освоенных земель, мы день отдыхали. Отныне придется перебежками кидаться от одного жалкого убежища к другому, ночами, по-мышинному.

«Какого дьявола мы суетимся?» — подумал я. Равнина Страха с тем же успехом могла бы находиться в другой вселенной.

И той же ночью был золотой сон. Я не запомнил ничего, кроме одной вещи, — она касалась меня, пыталась предупредить о чем-то. Думаю, связь получилась слабой не из-за амулета, а из-за моей усталости. До меня не доходило ничего. Я проснулся со смутным чувством, будто упустил какие-то безумно важные сведения.

Финиш. Конец игры. Через два часа после выхода из Великого леса я понял, что наше время на исходе. Темнота оказалась недостаточным прикрытием. И мои амулеты тоже.

В воздухе кружили Взятые. Я ощутил их присутствие, как только возвращаться в лес стало поздно. И они знали: добыча идет пешком. Издалека доносилось бряцание металла — батальоны перекрывали нам путь отступления в лес.

Амулет предупреждал меня, когда Взятые пролетали над нами. Если он оказывался бессильным — а это случалось нередко, так как, видимо, новые Взятые на него не действовали, — нам подсказывал пес Жабодав. Он этих мерзавцев чуял за милю.

Помогал и второй амулет. А еще способность Следопыта замечать следы.

Но круг сужался. И быстро: еще немного — и не останется щели, чтобы проскользнуть.

— Что нам делать, Костоправ? — спросил Одноглазый дрожащим голосом.

Он знал, что делать, но предпочитал услышать это из моих уст. А я не мог ни отдать роковой приказ, ни исполнить.

Эти люди — мои друзья. С ними я провел всю свою сознательную жизнь. Я не потребую, чтобы они совершили самоубийство. И сам не подниму на них руку.

Но и отдать их в руки врага тоже нельзя.

В моем мозгу начала выкристаллизовываться идея. Не слишком умная — порождение отчаяния, а не рассудка. Но отчего бы не попробовать?

Потом что-то коснулось меня, и я всхлипнул. Остальные тоже ощутили прикосновение. Даже Следопыт с его псиной взвились точно ужаленные.

— Здесь она, здесь, — всхлипнул я снова. — О черт!

И тогда я решил. Я смогу выиграть немного времени для друзей.

Прежде чем успел все обдумать и как следует перетрусить, я сорвал амулеты, сунул их Гоблину, а драгоценные бумаги кинул Одноглазому.

— Спасибо, ребята. Не поминайте лихом. Может, увидимся.

— Какого беса ты задумал?!

Я сжал в руке лук — тот самый, что подарила она так давно, — и кинулся во тьму, слыша за спиной слабые протесты. Кажется, Следопыт требовал объяснить, что происходит. Потом звуки стихли.

Невдалеке проходила дорога, а над головой мерцал осколок луны. При свете последнего я выбрался на тракт и побрел, выжимая последние капли сил из измученного тела, пытаюсь как можно дальше отойти от своих товарищей, прежде чем произойдет неизбежное.

Она защитит меня — так я надеялся. И, пойманный, я смогу как-то помочь остальным.

Мне было очень жаль их. У колдунов не хватит сил тащить Ворона. Следопыт один с носилками не справится. Если и доберутся до равнины Страха, им придется объяснять случившееся Душечке.

Интересно, хватит ли у них духа прикончить Ворона?.. К горлу подступила желчь. Ноги подкашивались. Я попытался очистить рассудок от мыслей, сосредоточился на дороге в трех шагах от собственных ног, которыми перебирал, тяжело дыша. Считаю шаги. Сотнями, снова и снова.

Конь. Можно украсть коня, повторял я себе, медитировал на этой мысли, проклиная колотье в боку, пока впереди не замаячили

тени и не слышались вопли имперцев. Тогда я нырнул в пшеничное поле, а гончие Госпожи лаяли мне вслед.

Я чуть не ушел от них. Чуть-чуть. Но с небес обрушилась тень, засвистел вокруг ковра ветер, и мгновением позже тьма поглотила меня.

Я обрадовался: она избавит меня от мучений — как я надеялся, навсегда.

Когда я пришел в себя, было светло. И холодно — но на севере Квообще тепло не бывает. Зато сухо. В первый раз за много недель — сухо. Я припомнил свой бег и луну над головой. Небо очистилось достаточно, чтобы появилась луна. Чудо из чудес.

Я приоткрыл один глаз. Комната с каменными стенами. Похоже на тюремную камеру. Поверхность подо мной казалась сухой и мягкой. Когда же я последний раз лежал в сухой постели? В «Синем хрене», перед нашим побегом, вот когда!

Я ощутил запах. Запах еды! Что-то горячее в тарелке, а тарелка на подставке в нескольких дюймах от моей головы. Вроде разварившейся похлебки. Боги, какой аромат!

Я вскочил так поспешно, что закружилась голова и я едва не потерял сознание. Еда! И к дьяволу все остальное! Я жрал, как изголодавшийся зверь, которым себя и чувствовал.

Я еще не закончил, когда дверь отворилась. Нет, взорвалась внутрь, с грохотом ударившись о стену. В помещение протопал кто-то огромный, темный. Я так и замер, не донеся ложку до рта. И это чудище — человек?

Чудище отошло в сторону, подняв меч. За ним последовали четверо имперцев, но я едва заметил их — так заморозил меня великан. Это все же был человек, но самый могучий из всех, кого я видывал. И двигался он при всем своем весе легко, как эльф.

Имперцы встали парами по обе стороны двери, взяли «на караул».

— Что? — возмутился я, намереваясь смеяться гадам в лицо. — А где фанфары? И барабаны?

Я предположил, что сейчас встречу со своим тюремщиком. Так оно и оказалось. В камеру вошла Шепот.

Ее появление поразило меня еще больше, чем торжественный вход великана-телохранителя. Предполагалось, что она удерживает западную границу равнины... если только... Нет, это невысказанно!

Но червь сомнения все же глодал мою душу. Новостей я не слышал давно.

— Где бумаги? — осведомилась она безо всяких предисловий.

По моей физиономии расплзлась улыбка. Я преуспел. Остальных еще не поймали... Но возбуждение тут же схлынуло. Вслед за Шепот вошли еще несколько имперцев. На носилках они несли Ворона. И грубо свалили его на койку напротив моей.

Гостей тут принимают знатно. Очень шикарная клетка. Есть даже где ноги размять.

Я восстановил ухмылку.

— Ну не надо сразу такие вопросы задавать. А то мамочка рассердится. Помнишь, что случилось в последний раз?

Шепот всегда была очень спокойна. Даже ведя войска мятежников, она никогда не проявляла своих чувств.

— Твоя смерть может оказаться очень неприятной, — посулила она.

— Мертвому все равно.

Ее бесцветные губы медленно изогнулись в улыбке. Шепот и так-то была не слишком симпатична, а гнусная улыбочка делала ее сущей уродиной.

Ее мысль я уловил. В глубине моего рассудка что-то верещало и билось, как обезьяна на костре. Я сопротивлялся голосу ужаса. Вот теперь самое время действовать как настоящему брату Черного Отряда. Тянуть время. Пусть остальные уйдут подальше.

Похоже, Шепот читала мои мысли.

— Далеко они не уйдут, — сообщила она, все так же улыбаясь. — От колдовства могут спрятаться, а вот от гончих — вряд ли.

Я упал духом.

Гонец появился точно по волшебству. Он сообщил что-то Шепот, та кивнула и повернулась ко мне:

— Сейчас я пойду их ловить. А ты в мое отсутствие вспомни о Хромом. Когда получу от тебя все, что хочу, можно будет сделать ему подарок.

И снова эта улыбка.

— Да уж, человечной ты никогда не была, — проговорил я, правда дрожащим голосом и в удаляющуюся спину.

За хозяйкой последовал и ее зверинец.

Я проверил состояние Ворона. Без изменений.

Лег на койку, закрыл глаза, попытался очистить рассудок от мыслей. Один раз, когда мне требовалось связаться с Госпожой, этот прием уже сработал.

Где она? Я знал, что недалеко, — ночью ощутил ее присутствие. Но сейчас? Что за игру она затеяла?

Она сказала, что не уделяет этому внимания... но внимание вниманию рознь.

Сделка. Крепость

Бамм! Опять эта дверь. На сей раз, услышав, как человек-гора топчет по коридору, я лишь вяло спросил:

— Тебя стучаться не учили, невежа?

Никакого ответа. В комнату вошла Шепот:

— Вставай, лекарь.

Я бы сдохмил, но что-то в ее голосе превратило прохладу камеры в мороз.

Шепот выглядела ужасно. Не то чтобы она сильно изменилась внешне. Но что-то внутри ее стало мертвым, холодным... испуганным.

— Что это за тварь? — резко спросила она.

— Какая еще тварь? — ошарашенно переспросил я.

— С которой вы путешествовали. Говори.

Я молчал, не понимая, о чем она.

— Мы нагнали ее. Вернее, мои люди. Я успела только пересчитать их трупы. Что за тварь раздирает двадцать собак и сотню латников за несколько минут и исчезает без следа?

Боги! Гоблин с Одноглазым превзошли себя.

Я все еще молчал.

— Вы пришли с Курганья. Где над чем-то колдовали. Что-то вызвали из могилы. — Кажется, она разговаривала сама с собой. — Сейчас мы это выясним. И выясним, насколько ты на самом деле стоек, солдат. — Она повернулась к великану. — Взять его.

Я очень старался вести себя скверно. Паинькой я прикидывался только для того, чтобы усыпить бдительность великана. Теперь же наступил ему на ногу, проехавшись ребром подошвы по голени. Потом вывернулся и пнул в пах.

Старею я, не та уже реакция. А великан оказался намного проворнее, чем положено при его весе. Он отшатнулся, поймал меня за ногу и швырнул через комнату. Двое имперцев подошли, подняли меня и поволокли. Я с удовлетворением заметил, что великан хромает.

Я пытался вытворить еще несколько грязных трюков — для того лишь, чтобы не сразу за меня взялись. Били несильно. Меня затащили в комнату, где Шепот обычно практиковалась в ведовстве, и привязали к деревянному креслу с высокой спинкой. Ничего особенно пыточного я не заметил, и поэтому ожидание стало совершенно невыносимым.

Из меня уже выжали два-три отменных вопля и собирались взяться за дело всерьез, когда идиллия оказалась нарушена. Имперцы сдернули меня со стула, торопливо поволокли в камеру. Было так тошно, что я ничему не удивлялся...

...Пока в коридоре у самых дверей камеры мы не натолкнулись на Госпожу.

Вот, значит, как! Моя весточка попала по назначению. А я-то думал, что ответ мне примерещился от большого желания.

Имперцы убежали. Неужели она так пугает собственных людей? Шепот осталась.

Все, что они хотели сказать друг другу, так и не прозвучало. Шепот подняла меня на ноги, втолкнула в камеру. Ее лицо оставалось каменным, но глаза полыхали.

— Черт, опять меня одолели, — прохрипел я и рухнул на койку.

Когда дверь захлопнулась, был день. Когда я проснулся, была ночь. Надо мной стояла Госпожа в прекраснейшем из своих обличий.

— Я предупреждала тебя, — сказала она.

— Ага. — Я попытался встать.

Все тело болело — как от пыток, так и от перенапряжения перед поимкой.

— Лежи. Я не пришла бы, не требуй этого мои собственные интересы.

— Иначе я бы и не позвал.

— Снова ты оказываешь мне услугу.

— Только в интересах самосохранения.

— Ты, как это у вас говорится, попал в костер со сковородки. Шепот потеряла сегодня немало людей. Как это случилось?

— Не знаю. Гоблин и Одноглазый... — Я заткнулся.

Чертово головокружение! Чертов ее участливый голос! Я и так слишком много сказал.

— Это были не они. У них сил не хватит призвать нечто подобное. Я-то видела трупы.

— Тогда и я не знаю.

— Верю тебе. Но... я видела такие раны прежде. Я покажу тебе, прежде чем мы отправимся в Башню.

Можно подумать, я сомневался.

— И когда будешь смотреть, помни, что последний раз люди умирали так в те времена, когда миром правил мой супруг.

Ничего не стыкуется. Но меня беспокоило не это, а мое собственное будущее.

— Он уже зашевелился. Гораздо раньше, чем я надеялась. Неужели он никогда не успокоится и не даст мне заняться своим делом?

А вот и стыкуется. Одноглазый говорил, что выбралась какая-то тварь. Из-за этого в ловушке оказался Ворон.

— Гад ты ползучий, Ворон! Опять за свое. — Из-за его своеволия Властелин чуть не вырвался на свободу при Можжевельнике. Ворон тогда решил позаботиться о Душечке. — Что ты натворил?

Но почему «оно» последовало за нами и защищало Гоблина с Одноглазым?

— Так это Ворон?

Ошибка номер два. Стареешь, Костоправ. Ну почему ты не можешь держать на замке свой болтливый язык?!

Госпожа наклонилась, положила ладонь ему на лоб. Я глядел на нее исподлобья, сбоку. Смотреть прямо не рисковал. Она действительно могла очаровать даже камень.

— Я скоро вернусь, — пообещала она, направляясь к двери. — Не бойся. В мое отсутствие тебе не причинят вреда.

Дверь закрылась.

— Вот-вот, — прошептал я. — Шепот не причинит. А ты?

Я огляделся. Неужели я закончу свои дни в этой клетке?

Шепот вывезла меня посмотреть на место бойни — где имперцы с собаками догнали Гоблина и Одноглазого. Очень, доложу вам, неприятное зрелище. Последний раз я видел нечто подобное, когда мы схватились с форвалакой в Берилле, прежде чем присоединились к Госпоже. Неужели тварь добралась до нас и теперь опять гоняется за Одноглазым? Но он же убил ее в битве при Чарах. Или нет?

Ведь Хромой-то выжил...

О да, без всяких сомнений. Он явился ко мне на второй день после отбытия Госпожи — держали меня, как я узнал, в старой крепости, в Сделке. Милый дружеский визит, прямо как в старые добрые времена.

Его присутствие я ощутил еще до того, как увидел Взятого. И ужас едва не отнял у меня разум.

Как он узнал?.. Шепот. Почти наверняка Шепот.

Он всплыл в мою камеру на маленьком ковре. Своему прозвищу Хромой уже не соответствовал. Он и передвигаться-то мог лишь на своем ковре. Он стал тенью живого существа, человеческим обломком, который поддерживали лишь колдовство и безумная пылающая воля.

Он всплыл в мою камеру, повисел, разглядывая меня. Я, как мог, изобразил безразличие — не получилось.

— Твое время истекло, — прошелестел призрачный голос. — Конец твоей повести станет долгим и мучительным. Я буду наслаждаться каждым его мгновением.

— Сомневаюсь. — Надо держаться выбранной роли. — Мамочке не понравится, что ты портишь ее имущество.

— Ее тут нет, лекарь. — Хромой отплыл назад. — Мы скоро начнем. Но прежде нам нужно кое-что обдумать.

Это сопровождалось безумным хохотком. Но я не уверен, что смеялся Хромой, или Шепот, или кто-нибудь из их подручных в коридоре.

— Но она здесь, — произнес голос.

Взятые застыли. Шепот побледнела. Хромой как будто скукожился.

Госпожа материализовалась из ниоткуда... нет, из облака золотой пыли. Она молчала. Взятые тоже не произнесли ни слова — что они могли сказать?

Я хотел было схохмить, но лучшая часть доблести возобладала. Тогда я попробовал сделаться совсем маленьким. Как таракан. Чтобы не заметили.

Правда, таракана можно раздавить, даже не заметив...

— Хромой, — произнесла наконец Госпожа, — тебе дали задание. И ты не получаешь разрешения покинуть пост. Но ты его покинул. Снова. С тем же результатом, что и в тот раз, когда отправился в Розы, чтобы напакостить Душелов.

Хромой сжался еще сильнее.

Это было чертовски давно. Одна из наших атак на тогдашних мятежников. А получилось, что мятежники напали на штаб Хромого, когда тот отлучился, пытаясь подложить Душелов свинью.

Значит, Душечка победила на равнине.

Настроение резко улучшилось. Теперь я знал, что восстание не подавлено.

— Иди, — приказала Госпожа. — И помни: больше прощения не будет. Отныне мы живем по тем жестким правилам, что установил мой муж. Следующий раз будет для тебя последним. И для тебя, и для любого из моих слуг. Поняли? Шепот? Хромой?

Они поняли. И очень многословно заверили ее в этом.

Видимо, был еще один уровень разговора, в слова не облеченный и оттого мне недоступный, потому что вышли Взятые совершенно убежденными, что их жизнь зависят от безусловного и беспрекословного выполнения не только буквы, но и духа приказов. Они потерпели поражение.

Госпожа пропала в тот самый миг, когда захлопнулась дверь камеры.

Во плоти она появилась незадолго до заката. Ее гнев еще не улегся. Из болтовни стражников я узнал, что Шепот тоже отослали на равнину. Там шли серьезные бои. Остальные Взятые справиться не могли.

— Покажи им, Душечка, — бормотал я. — Устрой кровавую баню.

Я старательно готовился встретить любую судьбу, какую бы для меня ни приготовили на складе ужасов рока.

Сразу после заката стражники вытащили меня из камеры. Ворона тоже. Вопросов я не задавал — все равно не ответят.

На центральном дворе крепости ждал ковер Госпожи. Солдаты положили на него Ворона, привязали. Мрачный сержант взмахом руки приказал мне залезть. Я послушался, удивив его тем, что знал, как это делать. Сердце трепыхалось в пятках. Я догадывался, куда мы полетим.

В Башню.

Ждал я полчаса. Наконец Госпожа пришла. Она показалась мне задумчивой. Я бы даже сказал, взволнованной и неуверенной. Она расположилась на ковре впереди, и мы взлетели.

Путешествие на ките намного удобнее и меньше треплет нервы. Летучий кит обладает массой, размерами.

Мы поднялись на тысячу футов и двинулись на юг, делая вряд ли больше тридцати миль в час. Перелет будет долгим, если только не намечены остановки.

Примерно через час Госпожа обернулась ко мне. В темноте я едва мог различить черты ее лица.

— Я побывала в Курганье, Костоправ, — сказала она.

Я промолчал, не зная, чего от меня ждут.

— Что вы сделали? Кого освободили ваши колдуны?

— Никого.

Она посмотрела на Ворона:

— Возможно, путь есть. — И после паузы: — Я знаю того, кто вырвался на свободу.. Спи, лекарь. Поговорим в другой раз.

И я заснул. А проснулся уже в другой камере. По мундирам стражников понял, что новой моей тюрьмой стала Башня в Чарах.

Чары. Гость

За мной пришел полковник из личной охраны Госпожи. Он был почти вежлив. Ее слуги постоянно затруднялись определить мой статус. Бедняги. В их иерархический порядок я никак не вписывался.

— Она требует вас, — сообщил полковник.

С ним была дюжина солдат. На почетную гвардию мало похоже. Но и на палачей не смахивают.

Впрочем, какая разница? Я пойду, иначе им пришлось бы меня тащить.

Выходя из комнаты, я обернулся. Ворон был еще жив. Полковник проводил меня до дверей во внутренней Башне, которая стоит в недрах Башни наружной. Немногие бывали здесь, и уж совсем единицы отсюда возвращались.

— Идите, — сказал он. — Я слышал, вам тут доводилось бывать. Вот и ступайте.

Я шагнул за порог. Обернувшись, увидел только глухую стену. Закружилась голова, потом это прошло, и я оказался совсем в другом месте. Женский силуэт вырисовывался на фоне окна, хотя покой Госпожи находятся в самой середине Башни.

— Подойди.

Я повиновался. Госпожа указала в не-окно. Я выглянул, там полыхал город. Над ним парили Взятые, метали тут же гаснущие ряды в фалангу опустошавших город летучих китов. На одном из китов летела Душечка. Пока чудовища оставались в ее безмагии, они были неуязвимы.

— Они еще не победили, — напомнила Госпожа, прочтя мои мысли. — Оружие смертных достигает их. И твою бандитку. Я тоже. Но это не важно. Я решила приостановить боевые действия.

Я рассмеялся:

— Тогда мы выиграли!

В первый раз мне удалось задеть ее своей болтовней. Большая ошибка — смеяться над Госпожой. Чувства могут заставить ее пересмотреть решение, принятое рассудком.

— Вы не выиграли ничего. Если смена приоритетов производит такое впечатление, я не стану отводить войска. Я изменю направление основного удара.

Чтоб ты сдох, Костопправ! Научишься когда-нибудь держать пасть на замке? Да ты любого уговоришь пропустить тебя через мясорубку.

Взяв себя в руки, она повернулась ко мне. Госпожа в двух шагах от меня.

— Сарказм оставь для своих летописей. А в разговоре со мной будь готов заплатить цену.

— Понимаю.

— Так я и думала.

Она снова глянула в не-окно. На далекий город — похоже, на Стужу — рухнул, полыхая, летучий кит, попавший под залп невиданно огромных баллист. Сюрпризы могут устраивать и двое.

— Как продвигается перевод?

— Что?

— Документы, которые ты нашел в Облачном лесу, отдал моей покойной сестре, по прозвищу Душелов, потом отнял у нее, вручил своему приятелю Ворону, а теперь забрал и у него. Те бумаги, в которых, как ты полагаешь, скрыт ключ к вашей победе.

— Ах, те документы? Плохо движется перевод. Почти никак.

— И не продвинется. Того, что ты ищешь, там нет.

— Но..

— Ты пошел по ложному следу. Да-да, я знаю: бумаги собрал Боманц, значит в них непременно должно быть мое истинное имя. Так? Но мое имя стерто везде — кроме, возможно, памяти моего супруга. — Она внезапно отдалилась. — Победа при Можжевельнике обошлась дорого.

— Он слишком поздно усвоил урок Боманца.

— Так ты заметил? У него достаточно сил, чтобы извлечь сведения из случившегося... Нет моего имени в бумагах. А вот его имя есть. Потому-то они так привлекали мою сестру. Она увидела возможность свергнуть нас обоих. Она знала меня. Мы ведь с ней росли вместе. И друг от друга нас спасала только тщательно сплетенная

охранная сеть. Нанимая вас в Берилле, она хотела всего лишь одолеть меня. Но когда ты добыл эти документы...

Она не столько объясняла, сколько размышляла вслух.

Меня озарило.

— Ты не знаешь его имени!

— Этот союз не был браком по любви, лекарь. Всего лишь неустойчивое перемирие. Скажи, как мне получить эти документы?

— Никак.

— Тогда проиграем мы все. Это правда, Костоправ. Пока мы тут спорим, пока наши с тобой сторонники режут друг другу глотки, общий наш враг стряхивает цепи. Все смерти, что ты видишь, будут напрасны, если Властелин вырвется на свободу.

— Уничтожь его.

— Это невозможно.

— В городке, где я родился, ходит легенда о человеке столь могучем, что он осмелился потешаться над богами. Но в конце его мощь оказалась всего лишь гордыней, ибо есть сила, перед которой склоняются даже боги.

— Так в чем суть?

— Смерть побеждает всех, если переиначить старинную поговорку. Даже Властелин не может каждый раз побеждать в борьбе со смертью.

— Есть способы, — признала Госпожа. — Но не без этих бумаг. А сейчас возвращаясь к себе и поразмысли. Мы еще поговорим.

Как-то внезапно меня выставили. Госпожа повернулась к горящему городу, и я вдруг понял, где тут выход. Непреодолимая сила погнала меня к двери. Секунда головокружения — и я снаружи.

Припыхтел полковник, провел меня в камеру.

Я плюхнулся на койку и, как было приказано, стал размышлять.

Властелин шевелится, тому свидетельств достаточно, но... Слишком потрясло меня, что бумаги не содержат того рычага, на который мы так надеялись. Эту новость я должен либо проглотить, либо отвергнуть, и мой выбор будет иметь серьезные последствия.

Госпожа пользовалась мной в своих целях. Конечно. Мне представилось несколько возможностей — все малоприятные и все вполне осмысленные...

Она сама сказала: если Властелин вырвется — нам всем конец, что хорошим ребятам, что плохим.

Я заснул. И видел сны, но не запомнил. Проснувшись, я обнаружил еще горячий обед на столике, которого прежде не было. А еще на столике имелся полный набор письменных принадлежностей.

Она ожидает, что я продолжу вести Анналы.

Я умял половину обеда, прежде чем заметил отсутствие Ворона. Беспокойство впилося в меня с новой силой. Куда его унесли? За-чем? Для чего он мог понадобиться Госпоже? Как рычаг?

Странно течет время в Башне.

Когда я покончил с обедом, явился давешний полковник. Все с теми же солдатами.

— Она требует вас снова, — объявил он.

— Опять? Я же только что оттуда.

— Четыре дня назад.

Я потрогал щеку. В последнее время я носил только небольшую бородку. А теперь весь зарос. Вот так. Заснул, называется.

— Бритву нельзя ли одолжить?

Полковник чуть заметно улыбнулся:

— А как вы думаете? Позовем цирюльника. Идете?

Можно подумать, у меня есть выбор. Лучше идти самому, пока не потащили.

Процедура та же. Госпожа вновь стояла у окна. Теперь там виднелись осажденные укрепления Шепот в каком-то углу равнины. Тяжелых баллист не было. Летучий кит заставлял гарнизон держаться в укрытиях, в то время как бродячие деревья разбирали внешнюю стену простейшим способом — прорастая в нее до полного ее разрушения. Так джунгли ломают покинутый город, только этот лес сносил постройки в десять тысяч раз быстрее обычного.

— Вся пустыня поднялась против меня, — сказала она. — Атаки на форпосты Шепот до неприятного разнообразны.

— Подозреваю, что твое присутствие вызывает там недовольство. Я думал, ты собираешься выйти из боя.

— Я пыталась. Твоя глухая крестьянка не хочет мне помочь. Подумал?

— Я спал, а не думал. И тебе об этом известно.

— Да-да. У меня были неотложные дела. Теперь я могу посвятить внимание этой проблеме.

Ее взгляд вызывал желание бежать подальше... Она махнула рукой. Я застыл. Она приказала мне отойти и сесть в кресло. Я подчинился, не способный стряхнуть чары, хотя знал, что последует за этим.

Госпожа встала передо мной, закрыв один глаз. Открытый становился все больше и больше. Вот он надвинулся, поглотил меня...

Кажется, я завизжал.

Это стало неизбежностью с того момента, как меня схватили, пусть я и тешил себя надеждами. Теперь она выпьет мой разум, как паук высасывает муху...

Очнулся я в камере, чувствуя себя так, точно побывал в аду. Голова раскалывалась. Чтобы встать и проковылять к сумке с лекарствами (которую мне вернули, изъяв ядовитые снадобья), потребовались героические усилия. Я приготовил себе настой ивовый коры — это заняло небольшую вечность, огня-то у меня не было.

Когда я, матерясь, посасывал горьковатую бурду, пришел какой-то тип. Незнакомый. Типа, кажется, удивило, что я уже встал.

— Добрый день, — сказал тип. — Быстро вы оправились.

— А ты кто такой, твою мать?

— Лекарь. Обязан вас проверять ежечасно. Мы ожидали, что вы еще долго не очнетесь. Голова болит?

— Охрененно.

— Злитесь. Это хорошо. — Он поставил свой мешок рядом с моей сумкой, куда не преминул заглянуть. — Что принимали?

Я объяснил и поинтересовался:

— Почему хорошо-то?

— Иногда наступает полное безразличие. Так и угасают.

— Да-а?

А не вышибить ли мне из него дух, просто развлечения ради? Сплин разогнать. А толку? Обязательно влетит громила-стражник, и мне станет еще больнее. Да и труд этот слишком тяжелый.

— Вы тут на особом положении?

— Надеюсь, что да.

Слабая улыбка.

— Выпейте. Это лучше настоя из коры.

Я выхлебал предложенную микстуру.

— Она очень волнуется. Первый раз вижу, чтобы она беспокоилась из-за подвергнутого глубокой проверке.

— Даже так? — Дурное настроение как-то улетучилось. Микстура подействовала быстро и сильно. — Что это за зелье? Мне пригодилась бы пара бочек.

— Вызывает привыкание. Его получают из сока верхних четырех листьев травы парсифаль.

— Первый раз слышу.

— Редкое растение, — ответил лекарь, продолжая меня осматривать. — Растет в каких-то Полых холмах. Туземцы используют его как наркотик.

Отряд проходил когда-то через эти жуткие места.

— Я и не знал, что там есть туземцы.

— Их еще меньше, чем этой травы. В совете поговаривают, что после войны траву будут выращивать на плантациях. Как лекарство. — Он пощелкал языком, чем очень напомнил мне беззубого старца, у которого я учился лекарскому ремеслу. Странно. Я столько лет не вспоминал о нем. И еще более странно — на поверхность сознания выплывали, как глубинные рыбы на свет, давние воспоминания. Госпожа хорошо взболтала мои мозги.

Я не стал расспрашивать о коммерческом выращивании лекарственных трав, хотя эта идея решительно не соответствовала сложившемуся у меня образу Госпожи. Злодеи обычно не стремятся унимать чужую боль.

— Как вы к ней относитесь?

— К Госпоже? Сейчас — не слишком ласково. А ты?

Он не ответил на вопрос.

— Она желает увидеться с вами, как только придете в себя.

— Ожидает — значит приказывает, — сказал я. — Мне уже кажется, что я не совсем пленник. Как насчет выпустить меня на прогулку по крыше? Оттуда я вряд ли убегу.

— Я выясню, разрешено ли это. А пока можете размяться здесь.

Ха-ха. Единственная моя разминка — кувырки извилин. Просто хочется выбраться из четырех стен.

— Ну что, я еще жив? — спросил я, когда лекарь завершил осмотр.

— Пока — да. Хотя я очень удивлен, как вы при вашем отношении к делу выжили в таком подразделении, как Черный Отряд.

— Там меня любят. Боготворят. Волоска на моей голове не тронут. — Настроение опять ухудшилось, когда он помянул Отряд. — Ты не знаешь, давно ли я тут торчу?

— Нет. Полагаю, не меньше недели. Возможно, дольше.

Так. Подозреваю, не меньше десяти дней. Если наши колдуны, путешествуя налегке, очень поторопятся и если их путь останется неизвестен... За это время они могли пройти миль четыреста. Просто очередной великанский шаг, один из великого множества. Проклятье!

Тянуть время уже бесполезно, Госпожа знает все, что знаю я. Интересно, пригодится ли это ей? И удивит ли?

— Как там мой друг? — спросил я во внезапном приступе вины.

— Не знаю. Его перевезли на север, потому что связь с его душой готова была порваться. Я уверен, при следующей вашей встрече Госпожа поднимет этот вопрос. Я закончил. Счастливо оставаться.

— Весельчак ублюдочный.

Он вышел, ухмыляясь.

Профессионал.

Через пару минут явился полковник:

— Мне передали, что вы хотите выйти на крышу.

— Ага.

— Когда надумаете прогуляться, скажите охраннику. — Что-то его еще томило. — В вашем отряде дисциплина какая-нибудь есть? — спросил он после короткой паузы.

Его раздражало, что я не обращаюсь к нему «сударь». Мне пришлось в голову несколько хамских ответов, но я подавил желание их высказать. Мой статус не долго может оставаться загадочным.

— Да. Хотя и слабее, чем в прежние времена. После Можжевельника нас осталось слишком мало, чтобы такой порядок окупался.

Хороший ход, Костоправ. Пусть оправдываются. Напомни им, что в нынешнее жалкое состояние Отряд пришел, сражаясь за Госпожу. И напомни, что первыми сдавались сатрапы империи. Офицеры должны это знать. И думать об этом хоть иногда.

— Жаль, — сказал полковник.

— Вы мой личный сторожевой пес?

— Да. Она почему-то очень вас ценит.

— Я когда-то посвятил ей поэму, — соврал я. — И поставлял кое-какие товары.

Полковник нахмурился, решив, что я над ним издеваюсь.

— Спасибо. — Я предложил оливковую ветвь мира. — Прежде чем идти на крышу, я поработаю немного.

Здорово я отстал. С тех пор как мы покинули равнину, я набросал лишь несколько заметок в «Синем хрене».

Я писал, пока руку не скрутила судорога. Потом поел — стражник принес снесь как раз в тот момент, когда я посыпал песком последний лист. Заглотив еду, я постучал в дверь и сказал охраннику, что готов пойти наверх. Когда дверь открылась, я обнаружил, что ее не запирали.

Даже если выйду из комнаты, куда податься? О побеге и думать глупо.

У меня появилось чувство, что я готов принять пост официального историка. Нравится или нет, но это меньшее из многих зол.

Мне предстояло принять немало тяжелых решений. Я хотел обдумать все как следует. Госпожа понимала — у нее хватит таланта и силы, чтобы обскакать по части предвидения старого лекаря, шесть лет просидевшего в глуши.

Закат. Пламенеет запад, полыхают облака. Небо расцвечено необычайными красками. Холодный и свежий северный ветерок заставляет ежиться. Охранник держался в отдалении, создавая иллюзию свободы. Я подошел к северному парапету.

Следов бушевавшей тут великой битвы почти не осталось. Там, где прежде пылали и рушились палисады и осадные машины, где люди гибли десятками тысяч, теперь был парк. Передовую отмечала черная каменная звезда в пятистах ярдах от Башни.

Мне почудились рев и грохот, я вспомнил орду мятежников, что накатывалась неумоимо, как море, волна за волной, разбиваясь о неподатливые ряды защитников. Я вспомнил Взятых, их жуткую смерть, их колдовство, безумное, бешеное...

— То была битва битв, не так ли?

Я не обернулся к ней:

— О да. Я никогда не отдавал ей должного.

— О ней еще споют.

Госпожа глянула вверх. Уже появлялись звезды. В сумерках ее лицо казалось бледным и взволнованным. Прежде я не видел на нем ничего, кроме самодовольства.

— Что случилось? — Вот теперь я обернулся.

Группка солдат стояла в отдалении, глядя на нас — не то потрясенные, не то очарованные.

— Мне было прозрение. Несколько прозрений, с первого раза я не смогла получить удовлетворительного результата.

— И?

— Возможно, результата нет вовсе.

Я ждал. Не стоит торопить самое могущественное существо в мире. Достаточно поразительно уже то, что она намерена довериться смертному.

— Все течет. Я видела три варианта будущего. Надвигается кризис, исторический миг.

Я глянул на нее почти в упор. Лиловые сумерки пали на ее лицо. Прядка темных волос лежала на щеке — не нарочно; желание прикоснуться, обнять, может, даже утешить затопило меня.

— Три варианта?

— Три. И ни в одном из них мне нет места.

Что можно сказать в такой момент? Что это может быть ошибка? Сами говорите Госпоже, что она своего дела не знает.

— В одном будущем победит твое глухое дитя. Но это наименее вероятный исход, она погибнет в борьбе вместе со всеми соратниками. В другом — мой супруг разорвет могильные оковы и восстано-

вит свое Владычество. И тьма опустится на десять тысяч лет. А в третьем он сокрушен навеки. Это самое сильное, самое завораживающее видение... но цена высока. Скажи, Костоправ, есть ли боги? Я никогда не верила в богов.

— Не знаю, Госпожа. Я еще не встречал осмысленной религии. Они обычно непоследовательны. Боги, судя по описаниям их поклонников, большей частью психопаты с манией величия и паранойей. Не знаю, как они живут со своей одержимостью. Возможно, впрочем, что люди просто неспособны правильно интерпретировать действия существа, безмерно их превосходящего. Может быть, каждая вера — это уродливый и грязный осколок истины. Может быть, и есть силы, лепящие наш мир. Но я никогда не мог понять, зачем богам в столь громадном мире волноваться из-за человеческих судеб или молитв.

— В детстве... у нас с сестрами был учитель.

Заметил ли я? Да я весь обратился в слух, от макушки до пят.

— Учитель?

— Да. Он утверждал, что мы и есть боги, что мы творим собственную судьбу. И только мы определяем, что станет с нами. Проще говоря, сами себя загоняем в ловушку.

— Интересно...

— Именно. Но есть и бог на свете, Костоправ. Не из сотрясателей тверди, нет. Он — отрицатель. Он завершает все повести. Его глад неутолим, и все вселенная соскользнет когда-нибудь в его пасть.

— Смерть?

— Я не хочу умирать, Костоправ. Все, что есть во мне, вопиет против несправедливости смерти. Все, что я есть, чем была и, наверное, буду, вылеплено стремлением избежать конца. — Она тихо рассмеялась, сдерживая истерику. — Я построила бы себе мир, где мне не грозит никакая опасность. И краеугольным камнем его стала бы смерть.

Близился конец мечтаний. Я тоже не мог представить себе мир, в котором нет меня. И мое сердце гневало. Очень легко вообразить, как страх смерти становится манией.

— Я понимаю.

— Возможно. Перед вратами тьмы мы все равны, верно? Песок струится для всех. Жизнь — только миг, вопящий в челюстях вечности. Но как же это все нечестно!

Я вспомнил Праотца-Дерево. Даже он сгинет когда-нибудь. Да, смерть жестока и ненасытна.

— Обдумал ли ты? — спросила Госпожа.

— Пожалуй. Я не некромант. Но я видел пути, которыми идти не желаю.

— Что ж, Костоправ, ты свободен.

Шок. Недоверие пронзило меня до самых пят.

— Что, простите?

— Ты свободен. Ворота Башни открыты. Достаточно пройти через них. Но ты можешь и остаться, занять свое место в борьбе, объединяющей нас всех.

Закат почти погас, только высокие облака еще озарялись снизу солнцем. По индиговому восточному небу плыл на запад эскадрон ярких точек. Направлялись они, кажется, к Башне.

Я пробормотал что-то невнятное.

— Желает она того или нет, Госпожа снова должна сразиться со своим супругом, — произнесла она. — И до тех пор, пока не завершится эта борьба, иной не будет. Ты видишь, как возвращаются Взятые. Армии с востока движутся к Курганью. Войска за границами равнины получили приказ отступить на восточные позиции. Твое глухое дитя в безопасности, если только оно не придет к нам с мечом. Наступает перемирие. А может, и вечный мир. — Слабая улыбка. — С кем станет сражаться Белая Роза, если не будет Госпожи?

С этими словами она оставила меня в полной растерянности и отошла поприветствовать своих ратоборцев. Ковры падали из темноты, как осенние листья. Я двинулся было туда, но мой личный охранник напомнил: у меня не настолько высокий статус, чтобы подслушивать Госпожу.

Северный ветер становился все холоднее. Не наша ли приходит осень?

Принимая решение

Госпожа ничего у меня не требовала. Даже ее намеки были столь тонки, что додумываться до всего приходилось самостоятельно. Через два дня после нашего разговора на крыше я спросил полковника, могу ли повидаться с ней. Полковник пообещал выяснить. Подзреваю, что он действовал по приказу, иначе стал бы спорить. Прошел еще день; полковник явился и сказал, что Госпожа нашла время принять меня.

Я закрыл чернильницу, очистил перо, встал:

— Спасибо.

Он странно на меня покосился.

— Что-то не так?

— Нет-нет. Только...

Я его понял.

— Тоже не знаю. Но уверен, она хочет кое-что мне поручить.

Полковник просиял. Этот довод был ему понятен.

Обычная процедура. Когда я в очередной раз вступил в обиталище Госпожи, она стояла у окна, открытого в сырые сумерки. Серый дождь, бурливые коричневые воды, налево — едва различимы тени опасливо цепляющихся за высокий речной берег деревьев. Пейзаж сочился промозглым холодом. Очень знакомая картина.

— Великая Скорбь, — произнесла Госпожа, — в разливе. Она всегда в разливе, верно?

Госпожа поманила меня. Я подошел. Со времени моего последнего визита к обстановке добавился большой стол. На нем красовалась модель Курганья, выполненная с жуткой достоверностью: кажется, сейчас из казарм выбегут крошечные стражники.

— Видишь? — спросила она.

— Я почти не знаю тех мест, хотя был там дважды, — только город и казармы. Что я должен увидеть?

— Реку. Твой друг Ворон, видимо, осознал ее значение. — Тонкий палец описал дугу далеко к востоку от речного русла, вгрызавшегося в гребень, на котором мы устроили тогда привал. — Когда я сражалась при Можжевельнике, река протекала здесь. На следующий год климат изменился. Постоянные разливы смещали русло сюда. Сегодня она гложет вот этот гребень. Я осматривала его лично — земля, в нем нет каменного остова. Он не продержится долго. Когда гребень исчезнет, река начнет подмывать курганы. Даже все заклания Белой Розы не помешают ей срыть Великий курган. И с каждым фетишем, который унесет течением, моему супругу все легче будет выбираться.

Я хмыкнул:

— Против природы не попрешь.

— Ну почему же? Надо только предвидеть. Белая Роза не предусмотрела этого. И я тоже, когда попыталась связать его понадежнее. Теперь уже слишком поздно. Итак, ты собирался поговорить со мной?

— Да. Я должен покинуть Башню.

— Что ж. Тебе не надо было приходить ко мне. Ты свободен, можешь идти или остаться.

— Я ухожу, так как должен кое-что сделать. И тебе это отлично известно. Но пешком я не успею дойти вовремя. И даже, скорее всего, сдохну по дороге. Я прошу перевезти меня.

Госпожа улыбнулась, и улыбка была искренней, светлой, чуть иной, чем прежние.

— Отлично. Так и думала, что ты поймешь, где твое место. Когда будешь готов?

— Через пять минут. И есть один вопрос. Ворон.

— Его лечат в казармах Курганья. Пока мы ничем не можем ему помочь. Как только появится возможность, приложим все усилия. Достаточно?

Не спорить же мне с ней.

— Хорошо. Тебя перевезут. У тебя будет единственный в своем роде пилот. Сама Госпожа.

— Я...

— Я тоже раздумывала. Лучший для меня шаг — встретиться с твоей Белой Розой. Я отправляюсь с тобой.

— Тебя сомнут, — выдавил я, похватав немного воздух ртом.

— Нет, если не узнают. И не узнают, если им никто не скажет.

Ну, в лицо ее и впрямь не знает никто. Я единственный из Отряда, кто видел ее и остался жив, чтобы этим хвастать. Но... Проклятье, этих «но» целая гора.

— Если ты войдешь в безмагию, все твои заклатья спадут.

— Нет. Не работают новые чары. Постоянные сохраняются.

Я не понял ее. Так и заявил.

— При входе в безмагию спадет только мое очарование, потому что оно поддерживается активно. Но заклятие, которое изменяет и оставляет измененным, зато не работает в момент входа в безмагию, не спадет.

На задворках моей памяти что-то зашевелилось. Я не мог отбросить назойливой мысли.

— Если ты превратишься в лягушку и прискачешь в Крепость, то останешься лягушкой?

— Если превращение было истинным, а не иллюзорным — да.

— Понимаю. — Я отметил эту мысль закладкой и решил позднее вволю поломать над ней голову.

— Я стану твоей спутницей, подобранной по дороге. Скажем, помогла тебе раздобыть документы.

Есть тут какой-то подвох. Или два. Не представляю, чтобы она доверила мне свою жизнь. У меня отпала челюсть.

— Начинаешь понимать, — кивнула она.

— Ты слишком мне доверяешь.

— Я знаю тебя лучше, чем ты сам. По собственным меркам ты человек чести и достаточно циничен, чтобы признать существование меньшего зла. Мое Око видело тебя.

Меня передернуло.

Она не извинялась. Мы оба знали, что извинения были бы пустыми.

— Ну? — спросила Госпожа.

— Я никак не пойму, зачем это тебе. Бессмысленно же.

— Мир изменился. Раньше существовали два полюса — я и эта твоя крестьяночка. Война шла между нами. Но то, что шевелится теперь на севере, — это новый полюс. Продолжение линии, в которой я середина или вершина треугольника. Я хочу сказать, что мой супруг намерен уничтожить как меня, так и твою Белую Розу. И я думаю, что нам с ней следует избавиться от общей угрозы, прежде чем...

— Достаточно, я понял. Но Душечка вряд ли настолько же прагматична. Слишком много в ней ненависти.

— Возможно. Но попробовать стоит. Поможешь?

Побывав в нескольких шагах от древнего мрака, повидав шляющихся по Курганью призраков, — о да, я готов на все, чтобы тот жуткий дух не сбросил могильные оковы. Но как, как, как поверить ей?

То ли она прочла мои мысли, что для колдунов дело обычное, то ли догадалась.

— Я буду в пределах безмагии.

— Мне надо подумать.

— Сколько угодно. Я пока не могу вылететь. Подозреваю, не успела принять все меры предосторожности против дворцового переворота.

Городок Лошадь

Две недели прошло, прежде чем мы отправились наконец в Лошадь, скромный городок между Ветреным краем и равниной Страха, в сотне миль от западных границ последней. Лошадь служит перевалочным пунктом для тех чокнутых купцов, что пытаются пересечь две пустыни. А недавно в городе расположился штаб тылового снабжения войск Шепот. Все подразделения, что еще не отправились в Курганье, разместились здесь.

Ох и промокнут же на севере эти придурки! Бесконечный перелет завершился, и мы тихо спланировали на землю. У меня глаза вылезали из орбит. Несмотря на то что несколько армий были уже выведены, база Шепот кишела, точно муравейник, новосотворенными коврами.

Ковры оказались дюжины разновидностей. На одном поле я видел пять штук чудовищного размера — сотню ярдов в длину и сорок в ширину, и каждый покрыт металлическими и деревянными зарослями. На выровненных площадках валялись ковры необычной формы — вытянутые и довольно большие. Все с какими-то приспособлениями, и каждый заключен в клетку из тонкой медной сетки.

— Зачем это все? — спросил я.

— Мы приспособляемся к тактике врага. Твоя крестьянка не единственная, кто может воевать не по учебнику.

Госпожа сошла с ковра и потянулась. Я сделал то же самое. В полете за три часа затекают все мышцы.

— Возможно, у нас появится шанс испытать их в деле, несмотря на то что я отступила с равнины.

— Что?

— К Лошади движется крупный отряд мятежников. Несколько тысяч солдат и все, что может дать пустыня.

Несколько тысяч? Откуда они взялись? Неужели все так изменилось?

— Именно. — Опять это проклятое мозгокопание! — Оставленные мною города обеспечивают ее войско солдатами.

— А что значит «испытать в деле»?

— Я хочу остановить войну. Но я не избегаю сражений. Если твоя глухонемая продолжит движение на запад, она убедится, что даже безмагия не спасает от разгрома.

Мы стояли недалеко от нового ковра. Я проковылял к нему. Он скорее походил на очень большую лодку. С настоящими сиденьями: два впереди и одно на корме. На носу небольшая баллиста, на корме — другая, покрупнее. К бортам и днищу прикреплены восемь тридцатифутовых копий. У каждого в пяти футах за наконечником утолщение размером с бочонок для гвоздей. И каждое чернее, чем сердце Властелина. У ковra-лодки имелись плавники, а какой-то шутник нарисовал на носу глаза и зубы.

Соседние ковры, то бишь летающие лодки, строились явно по тому же образцу, хотя разные ремесленники явно вдохновлялись разными музами. Одна лодка имела вместо плавников нечто похожее на круглые, прозрачные, паутинно-тонкие, сухие стручки футов пятнадцати в поперечнике.

Госпожа не располагала временем, чтобы показывать мне новейшее оборудование, и не желала, чтобы я разгуливал без присмотра. Не столько из недоверия исходила, сколько из соображений моей безопасности. Если я не буду всегда у нее под боком, со мной может произойти несчастный случай.

В Лошади собрались все Взятые. Даже самые старые мои друзья.

Смелая девочка Душечка. Отвага — ее вторая натура. Вся мощь Сравнины стояла в двадцати милях от Лошади, и кольцо смыкалось. Наступление, однако, оказалось медленным — приходилось принаравливаться к бродячим деревьям.

Вслед за Госпожой я вышел на поле, где вокруг замеченных мною утром чудовищ лежали в ряд прочие ковры.

— Я планировала провести показательный налет на ваш штаб, — заметила Госпожа, — но это, как мне кажется, будет убедительнее.

Вокруг ковров суетились люди, грузили на небесные лодки что-то глиняное, вроде урн с очень узкими горловинами. Каждая урна имела футов пятнадцать высоты; горловина залита воском, а из днища торчит длиннющий шест с перекладиной на конце. Укладывали их штабелями.

Я быстренько пересчитал — ковров больше, чем Взятых.

— Но как они все взлетят?

— С большими управится Бенефиций. У него, как прежде у Ревуна, замечательные способности в управлении коврами. Четыре свободных будут управляться им синхронно. Пойдем. Этот — наш.

Я произнес что-то очень мудрое — кажется, «глк?!!».

— Хочу, чтобы ты это видел.

— Нас могут узнать.

Кружили на узких коврах-лодках Взятые. На втором-третьем рядах сидений суетились солдаты; те, что на корме, проверяли механизмы заряджания баллист и запасы снарядов. Средний ряд вроде ничем особенным не занимался.

— А для чего клетка?

— Скоро узнаешь.

— Но...

— Взгляни на мир свежим взглядом, Костоправ. Без предвзятости.

Мы с Госпожой обошли наш ковер кругом. Не знаю, что она проверяла, но осталась довольна. Солдаты, готовившие ковер к взлету, просияли от ее кивка.

— Залезай, Костоправ. На второе сиденье. И привяжись покрепче. Скоро придется туго.

Ну-ну.

— Мы прокладываем путь, — пояснила Госпожа, пристегиваясь к переднему сиденью.

Сзади уселся старый опытный сержант; с сомнением глянул на меня, но промолчал. Передние места на каждом ковре занимали Взятые. На больших коврах экипаж состоял из четырех человек. Бенефиций расположился посередине двойного клина.

— Готовы? — окликнула нас Госпожа.

— Да.

— Так точно. — Это сержант.

Ковер начал движение.

Первые несколько секунд были, мягко говоря, тряскими. Тяжелый ковер не хотел подниматься, не протавившись немного по земле.

Когда земля ушла вниз, Госпожа с улыбкой обернулась. Она наслаждалась полетом.

Через некоторое время она попыталась объяснить назначение окружавшего меня немислимого букета рычагов и педалей.

Потянуть и дернуть эти два — ковер начнет поворачиваться по продольной оси. Повернуть — и ковер свернет направо или налево. Суть состояла в том, что при помощи рычагов ковром можно было управлять.

— А зачем? — крикнул я.

Наши глаза были защищены очками, но лица оставались открытыми. Наверное, до конца полета ветер сожжет нам кожу.

Мы находились в двух тысячах миль над землей, в пяти милях от Лошади, намного оторвавшись от Взятых. Внизу пылила Душечкина армия.

— Так зачем? — прокричал я снова.

Дно ушло из-под ног. Госпожа сняла летательные чары?

— Вот зачем. Поведешь лодку, когда мы войдем в безмагию.

Какого дьявола?!

После полудюжины проб я немного освоился, сообразил, что мы намерены сделать, и Госпожа ринулась на армию Душечки.

Мы промчались по кругу, раздирая воздух, далеко за пределами безмагии. Меня потрясло, сколько сил накопила Душечка. Полсотни летучих китов, включая несколько тысячефутовых чудовищ. Сотни скатов. Громадный клин бродячих деревьев. Батальоны солдат-людей. Сотни менгиров мерцают огоньками, окружив защитным кольцом бродячие деревья. Тысячи тварей — и прыгающих, и ползущих, и переваливающихся, и летящих. Зрелище мерзостное и величественное.

Когда мы пролетали над западным флангом, я заметил имперский отряд числом две тысячи воинов на склоне холма в миле от первых рядов повстанческой армии. Смешно даже думать, что они устоят против Душечки.

Несколько скатов посмелее кружили на границах безмагии, плевались молниями, пролетавшими мимо нас или гаснувшими по пути. Я прикинул, что Душечка находится на спине летучего кита примерно в тысяче футов над землей. За время моего отсутствия она стала сильнее — сфера безмагии заметно расширилась. Вся ошеломительная повстанческая армия маршировала под ее прикрытием.

Госпожа назвала нас группой наведения. Наш ковер был оборудован иначе, чем остальные, но я сначала не понял, что она имеет в виду. Пока она не начала действовать.

Мы взмыли вертикально. Старый сержант торопливо швырял за борт черные шарики, за которыми тянулись струйки красного или синего дыма. Сотни три, наверное. Дымовые шарики рассыпались,

зависали на самой границе безмагии. Буйки, по которым могут лететь Взятые.

Те появились как по волшебству. Выше нас, двойной клин больших ковров в окружении стайки меньших.

Солдаты на больших коврах принялись сбрасывать великанские горшки — десятками. Мы следовали за эскадрой, стараясь не попасть под глиняный град. Горшки в полете переворачивались шестью вниз. Скаты и летучие киты уклонялись от них.

При ударе о землю шест сдвигал поршень. Жидкость выбивала восковую пробку. Поршень высекал искру, жидкость вспыхивала. Фонтан огня. И когда огонь достигал чего-то внутри горшков, те взрывались. Осколки выкашивали и людей, и чудовищ.

Я в ужасе наблюдал, как расцветают бутоны пламени. Наверху Взятые делали второй заход. В огне чародейства нет. Безмагия тут бесполезна.

На втором круге киты и скаты засыпали снаряды молниями, но первые же несколько попаданий отучили их от этой повадки. Горшки от разрядов взрывались в воздухе. Падали скаты. Один кит едва не вспыхнул, но другие, поднявшись над ним, залили его балластной водой.

Третий заход. Своими горшками Взятые могут растереть Душечкино войско в пыль, если она ничего не предпримет.

Она пошла в атаку.

Дымные буйки заскользили по границе безмагии, обрисовывая ее полностью.

Рассекая ветер, Госпожа повела ковер вверх.

Двойной клин больших ковров отступил, летуны поменьше просто набирали высоту. Мы оказались позади Шепот и Хромого. Госпожа явно предугадала реакцию Душечки.

Чувства мои были, мягко говоря, смешанными.

Ковер Шепот накренился вперед. Потом — ковер Хромого. За ним — наш. И остальных Взятых.

Шепот устремила к особенно громадному летучему киту — все быстрее, быстрее. В трехстах футах от границы безмагии колдовские чары сорвали с ее ковра тридцатифутовые копы и метнули вперед, так что, проникнув в безмагию, они летели по обычной баллистической траектории.

Шепот даже не пыталась уклониться от безмагии и нырнула прямо в нее. Падение ковра замедлил, управляя рыбьими плавниками, солдат на втором сиденье.

Копья Шепот вонзились в голову кита. И вспыхнули.

Пламя для этих чудовищ хуже чумы — наполняющий их газ исключительно горюч.

Хромой не отставал от Шепот. Он выпустил два копьа за границей безмагии и еще два — в ее пределах, просто сбросив их, пока человек на втором сиденье разворачивал ковер в нескольких дюймах от китовой спины.

Мимо цели пролетело только одно копье.

На спине летучего кита горело пять костров. Вокруг Шепот и Хромого трещали молнии.

Потом в безмагию вошли мы. Подъемные заклęcia отказали. Меня охватила паника. Теперь я должен действовать?

Мы мчались к полыхающему киту. Я дергал, тянул и пинал рычаги.

— Не так сильно! — прокричала Госпожа. — Мягче! Спокойнее!

Лодка подчинилась мне за секунду до того, как кит промчался мимо.

Треснула молния — мимо. Мы пролетали между двумя китами поменьше. Госпожа дернула за спуск маленькой баллисты. В одного из монстров вонзился дрот. «За каким бесом?» — вяло изумился я. Для такой громады это даже не комариный укус.

Но к стреле крепилась проволока, разматывавшаяся с катушки...
Дзиннь!

На мгновение меня ослепила вспышка. Зашевелились волосы. Прямое попадание разряда ската... «Да нам конец», — подумал я.

Металлическая сетка поглотила энергию, сбросив ее по разматывающейся проволоке.

Скат пристроился к нам в кильватер. Сержант метнул копье, попав нашему преследователю под мышку. Скат дернулся и забился, как бабочка со сломанным крылом.

— Смотри, куда летишь! — вскричала Госпожа.

Я обернулся. На нас мчался летучий кит, окруженный стайкой перепуганных детенышей ската. Лучники мятежников выпустили тучу стрел.

Я успел дернуть каждый рычаг, нажать каждую педаль и обмочиться. Помогло, наверное, последнее — мы задели бок чудовища, но не врезались.

Но чертов ковер принялся выписывать кренделя. Вокруг нас кувыркались земля, небо и киты. На какое-то мгновение мне удалось разглядеть, как взрывается бок летучего кита, как огромный зверь складывается пополам, извергая потоки огня. Еще двое китов дымилась... Но эта картина тут же исчезла. Когда ковер снова перевер-

нулся, найти их взглядом я уже не мог. Наше падение началось достаточно высоко, чтобы я успел прийти в себя. Я подергал за рычаги и педали, чуть притормозил кувыркание...

А потом это потеряло всякое значение. Мы вылетели из безмагии, и управление взяла на себя Госпожа.

Я обернулся глянуть на сержанта. Тот нехорошо зыркнул на меня и мрачно помотал головой.

Взгляд, брошенный в мою сторону Госпожой, тоже было трудно назвать ободряющим.

Мы набрали высоту и двинулись на запад, туда, где собрались Взятые, чтобы полюбоваться результатом трудов своих.

Уничтожен был только один кит. Остальных подранков товарищи залили балластной водой. Но все же нападающие были деморализованы. Взятые не понесли вообще никаких потерь.

И тем не менее мятежники наступали.

В этот раз Взятые атаковали снизу. На протяжении нескольких миль разгонялись над самой землей, чтобы перед самой границей безмагии резко взять вверх. Теперь я двигался между китами более осторожно, но близость земли действовала мне на нервы.

— Зачем мы это делаем? — проорал я.

Мы не атаковали, просто следовали за Шепот и Хромым.

— Ради острых ощущений. И чтобы ты смог написать об этом.

— Я предпочел бы придумать.

Госпожа рассмеялась.

Мы поднялись и описали полный круг. Душечка опустила китов. Вторая атака уничтожила еще двух. На такой малой высоте Взятые не могли проноситься через безмагию насквозь. Кроме Хромого. Тот решил показать себя. Он отлетел на пять миль и набрал огромную скорость, прежде чем вломиться в безмагию.

А с больших ковров тем временем метали последние горшки.

Мне не приходилось видеть, чтобы Душечка совершала глупости. Не изменила она этому обычаю и сейчас.

Несмотря на шум и суматоху, очевидно было, что при желании она и теперь может захватить Лошадь. Взятые расстреляли большую часть боеприпасов. Хромой и большие ковры улетели вооружаться. Остальные кружили высоко... Душечка овладела бы городом, запла-ти она сколько нужно.

Но цена была слишком велика.

Душечка сделала верный выбор. Победа стоила бы ей, по моим прикидкам, половины армии. А летучие киты — слишком большая

ценность, чтобы расставаться с ними ради столь ничтожного приобретения.

Душечка отступила.

Госпожа отвела свои войска и позволила противнице уйти, хотя могла бы продолжать атаки почти бесконечно.

Мы сели. Я перелез через борт намного раньше Госпожи и нарочито мелодраматически поцеловал землю. Госпожа расхохоталась.

Она прекрасно провела время.

— Ты отпустила их.

— Я преподала им урок.

— Она сменит тактику.

— Разумеется. Но пока сила на моей стороне. Я не использую ее, и это кое о чем говорит. К тому времени, когда мы доберемся, твоя крестьянка хорошо обдумает все последствия.

— Мне тоже так кажется.

— Ты неплохо себя вел для новичка. А теперь пойд и напейся, или что-нибудь в этом духе. Только подальше от Хромого.

— Слушаюсь.

Я отправился в отведенную мне комнату и попытался унять дрожь.

Возвращение

В пределы равнины мы с Госпожой вступили через двенадцать дней после воздушного сражения над Лошадью. Ехали верхом на полудохлых клячах по старой тропе, право свободного прохода по которой обитатели равнины обычно уважают. В обтрепанной дорожной одежде Госпожа уже не была красавицей. Не старая карга, конечно, но и внимания особого она не привлекала.

Мы двигались по равнине. По самой пессимистической оценке, Великая Скорбь подмоет Великий курган через три месяца.

Менгиры обнаружили наше присутствие. Я ощутил их взгляды почти сразу же, а Госпожа ничего не замечала, пришлось показывать ей камни. Ради этой поездки она решила отключить все области своего восприятия, кроме чисто физических. За время путешествия ей предстоит вспомнить, как живут смертные. Это нужно, чтобы не наделать ошибок в Норе.

Смелая женщина.

Надо быть смелым, чтобы сыграть с Властелином на его собственном поле.

Маячащих в отдалении менгиров я игнорировал, сосредоточившись на обычной жизни равнины, вскрывая тысячи крохотных ловушек, которые могли бы выдать Госпожу в женщине, что ехала рядом со мной. Так всегда делают, когда на равнину приходит посторонний. Ничего необычного.

На третий день нас едва не застала буря перемен. Госпожу буря потрясла.

— Что это? — спросила она.

Я, как мог, объяснил. Приплел теории, какие только слышал. Она, разумеется, знала все это и без меня, но... лучше один раз увидеть.

Вскоре после этого мы наткнулись на первый коралловый риф. Это значило, что мы забрались в самое сердце равнины, в гущу кошмаров.

— Каким именем ты воспользуешься? — спросил я. — Мне бы к нему привыкнуть.

— Думаю, Ардат. — Она усмехнулась.

— У тебя жестокое чувство юмора.

— Возможно.

Казалось, изображать обычную женщину доставляет ей удовольствие. Точно любовница вельможи, гуляющая по кабакам. Мы даже готовили с ней по очереди — к вящей скорби моего желудка.

Интересно, что думали о наших отношениях менгиры? Несмотря на все усилия, холод формальности растопить было не так-то легко. Самое большее, что мы могли изобразить, — товарищество, и уж этому менгиры точно удивлялись. С каких это пор мужчина и женщина путешествуют вместе, а спят врозь?

Вопрос о том, чтобы довести достоверность роли до такой степени, пока не вставал — к счастью. При одной мысли об этом меня охватывал такой ужас, что встать мог разве что вопрос.

Вскарабкавшись на гребень холма в десяти милях от Норы, мы наткнулись на очередного менгира. Тот стоял себе у дороги и ничего не делал — двадцать футов ненормальной горной породы.

— Это и есть говорящий камень? — спросила Госпожа тоном усталой туристки.

— Ага. Эй, валун, я вернулся.

Менгир промолчал. Мы прошли мимо. Когда я оглянулся, камня уже не было.

Изменилось не многое. Однако, перевалив через гребень последнего холма, я обнаружил у ручья лес бродячих деревьев. Брод охраняла толпа менгиров, как живых, так и мертвых; среди них носились вывернутые верблюдокозентавры. Праотец-Дерево стоял в гордом одиночестве и звенел, хотя был полнейший штиль. Под клочковатыми облачками одиноко парила сарычеобразная птаха — возможно, та самая, что уже несколько дней следила за нами. Но человеческого присутствия — ни следа. Куда Душечка дела свою армию? Не в Нору же запихнула?

На мгновение меня охватил страх, что крепость оставлена. Но когда мы переехали через ручей, из кораллов вышли Эльмо и Молчун.

Я ласточкой слетел с коня и сграбастал их обоих в охапку. Обнимались молча. Ни единого вопроса — в лучших традициях Черного Отряда.

— Проклятье! — прошептал я. — Проклятье, как же хорошо снова видеть ваши рожи. Я слышал, что вас на западе в порошок стерли.

Эльмо с легким любопытством глянул на Госпожу.

— Ох... Эльмо, Молчун, — это Ардат.

Она улыбнулась:

— Очень приятно познакомиться. Костоправ так много о вас рассказывал.

На самом деле я ни слова не промолвил. Правда, она-то читала мои Анналы. Спешившись, она протянула руку, и мои товарищи обалдело пожали ее, — по их понятиям, обращаться на равных можно было только с Душечкой.

— Ну, пошли вниз, — сказал я. — Мне тысячу новостей надо сообщить.

— Да-а? — произнес Эльмо.

В сочетании со взглядом на дорогу за моей спиной это подразумевало многое. Кое-кто из ушедших со мной не вернулся.

— За нами гналась половина Взятых. Нас разметало, я так и не смог никого отыскать. Но об их поимке тоже не слышал. Пошли вниз. Надо доложить Душечке. Новости невероятные. И дайте пожрать чего-нибудь. Приходилось есть стряпню друг друга, а из моей спутницы повар еще хуже, чем из меня.

— Брр. — Эльмо вздрогнул и огрел меня по спине. — И ты жив?

— Да, я крепкий старый стервятник, Эльмо. Пора бы запомнить. Черт, я... — Я понял, что несу уже полный бред, и ухмыльнулся.

— *Добро пожаловать домой, Костоправ*, — прожестикуюлировал Молчун.

— Давай, — подбодрил я Госпожу, когда мы достигли входа в Нору, и взял ее за руку. — Пока глаза не привыкнут; темно тут, как в могиле. И приготовься к воню.

О боги, какая мерзость! Тут и навозный червь задохнется.

Внизу бурлила жизнь. Когда мы проходили мимо, наступала внимательная тишина, за нашими спинами шум возобновлялся. Молчун вел нас прямо в зал совещаний. Эльмо откололся по дороге — пошел добывать нам обед.

Когда мы входили, я заметил, что все еще цепляюсь за руку Госпожи. Та улыбнулась мне, но в улыбке было больше нервного ожидания. Говорите мне теперь про поход в логово дракона. Я слегка пожал ей руку — такой уж я смелый.

Душечка выглядела измотанной. Как и Лейтенант. Было там еще с дюжину человек, почти все незнакомые. Видимо, они явились после того, как имперцы эвакуировали войска с периметра равнины.

Душечка надолго припала ко мне. Так надолго, что я покраснел. Мы с ней, вообще-то, к излияниям чувств не склонны. Наконец она отпустила меня и глянула на Госпожу с некоторой ревностью.

— *Это Ардат*, — показал я. — *Она поможет мне переводить. Хорошо знает древние языки.*

Душечка кивнула, не задавая вопросов. Уж настолько мне тут доверяют.

Принесли еду. Эльмо приволок стол и табуреты, выгнал всех, кроме меня, Лейтенанта, Молчуна и Госпожи, — да еще сам остался. Госпожу он тоже хотел отослать, но не решился.

Пока мы ели, я урывками, когда рот и руки были свободны, рассказывал свою историю. Было несколько трудных моментов, особенно когда я сообщил Душечке, что Ворон еще жив. Теперь, задним числом, я полагаю, что для меня это было тяжелее, чем для нее. Я ожидал, что она разволнуется или сорвется в истерику. Ничего подобного не случилось.

Вначале она просто отказалась мне верить. Я понимал — Ворон до своего исчезновения был центром ее мира. Она не могла представить, чтобы он включил ее в величайший спектакль своей жизни ради того, чтобы пошарить вокруг Курганья. Это казалось бессмысленным — Ворон никогда не лгал ей.

Я тоже не видел тут смысла. Но, как я уже отмечал, у меня возникало подозрение, что в этой истории есть двойное дно. Я догадывался, что Ворон бежал не к чему-то, а от чего-то.

Спорила Душечка недолго. Она не из тех, кто неспособен признать неприятную истину. С этой болью она справилась лучше, чем я ожидал, — возможно, худшее уже отболело много лет назад.

Однако нынешнее состояние Ворона ничуть Душечку не успокаивало, а она и без того находилась в расстроенных чувствах после поражения под Лошадью — предвестника поражений более серьезных. Она уже подозревала, что ей придется сражаться против имперцев без помощи тех сведений, за которыми меня посылали.

Всеобщее уныние я вызвал, объявив о провале миссии и добавив:

— Из достоверных источников мне известно: того, что мы искали, в бумагах просто нет. Хотя я не могу быть уверен, пока мы с Ардат не закончим наше дело.

Зато я кратко пересказал то, что вычитал в бумагах Ворона перед тем, как потерять их.

Прямой лжи я не допускал. Потом, когда правда раскроется — а она раскроется, — обмана мне не простят. Я только опустил некоторые детали. Даже рассказал о плене, допросе и заключении.

— Так какого дьявола ты делаешь здесь? — осведомился Эльмо. — Почему ты вообще жив?

— Нас отпустили. Меня и Ардат. После той заварушки под Лошадью. Это было сообщение. Со мной передали другое.

— И какое?

— Если только вы не глупы и не слепы, то должны были заметить, что вас не атакуют. Госпожа приказала прекратить все боевые действия против мятежников.

— Почему?

— Не хочет тратить силы. Властелин снова зашевелился.

— Кончай, Костоправ. Мы с ним разделились еще под Можжевельником.

— Я был в Курганье. Видел сам. Лейтенант, эта тварь скоро вырвется. Одно из ее созданий уже на свободе и, возможно, гоняется сейчас за Одноглазым с товарищами. Меня Госпожа убедила. Властелин вот-вот сорвется с цепи — и это будет страшнее Можжевельника. — Я повернулся к Госпоже. — Ардат, как мы там считали? Я сбился со счета на равнине. Когда мы выезжали, оставалось девяносто дней.

— Сюда вы добирались восемь, — подсказал Эльмо.

Я поднял бровь.

— Менгиры.

— Ну да, конечно. Восемь дней. Из девяноста — это в худшем случае. Через восемьдесят два дня Великий курган откроется. — И я подробно рассказал, как разливается река Великая Скорбь.

Лейтенанта я не убедил. Эльмо — тоже. И я не винил их. Госпожа коварна, и замыслы ее хитроумны. А наши поганцы всех судят по себе. Я не входил в миссионерский раж — я и сам не до конца верил в грядущую катастрофу.

Верят мне эти двое или нет — не важно. Решения принимает Душечка.

Она потребовала, чтобы вышли все, кроме меня. Я попросил Эльмо показать Ардат подземелье и подыскать ей комнату. Он глянул на меня искоса, — как и все остальные, он подумал, что я подружку домой приволок.

Мне с трудом удалось удержаться от улыбки. Столько лет меня изводили из-за романтической чепухи, что я кропал, когда мы только-только поступили к Госпоже на службу. А теперь я привел Госпожу в свой дом.

Мне казалось, что Душечка захочет поговорить о Вороне. Я не ошибся, но меня здорово удивило, когда пальцы ее показали:

— Она прислала тебя, чтобы заключить союз?

Сообразительная чертовка.

— *Не совсем, но в сущности да.*

Я постарался описать все подробности, как известные, так и домысленные. Язык знаков — очень медленное дело, но Душечка оставалась спокойна и терпелива — то, что творилось в ее душе, никак не проявлялось внешне. Мы перешли к ценности вороха бумаг, лежащего в моей комнате. Вернее, к отсутствию таковой. О Вороне она не сказала ни слова. Как и об Ардат, хотя моя спутница явно не выходила у нее из головы.

— *Госпожа права в том, — показала Душечка, — что, когда Властелин готов восстать, старые свары отступают. Меня беспокоит другое: реальна ли угроза? Или это всего лишь хитроумная интрига, на которую, как мы знаем, Госпожа способна?*

— *Реальна, — ответил я. — Меня убедил Ворон. Он был уверен в этом задолго до того, как у слуг Госпожи появились первые подозрения. Насколько я знаю, их убедили именно собранные им свидетельства.*

— *Гоблин и Одноглазый — они живы?*

— *Я не слыхал, чтобы их поймали.*

— *Они должны быть где-то недалеко. Документы. Ключ все же в них.*

— *Даже если в них нет имени Госпожи, а только имя ее супруга?*

— *Она желала их видеть?*

— *Подозреваю, да. Меня отпустили по определенному поводу, но причины за этим поводом я не вижу.*

— *Так я и думала. — Душечка кивнула.*

— *Но я убежден — она искренна. Властелин представляет опасность более грозную и близкую. А предусмотреть, каким способом она может предать нас, несложно.*

— *Остается Ворон. Вот мы и приехали.*

— *Да.*

— *Я подумую, Костоправ.*

— *У нас мало времени.*

— *У нас все время в мире. Я подумую. А вы с подружкой пока переводите.*

Я понял: меня отсылают еще до того, как мы добрались до причины этой приватной беседы. Лицо у Душечки было каменное. Что творится за камнем — не разберешь. Я медленно двинулся к дверям.

— *Костоправ, постой, — показала она.*

Я остановился. Начинается.

— *Кто она, Костоправ?*

Проклятье! Опять меня обошли. Холодок по спине. Чувство вины. Я не хотел врать Душечке в лицо.

— *Просто женщина.*

— *Значит, ничего особенного? А может быть, близкий друг?*

— *Кое-что особенное в ней есть. На свой лад.*

— *Понимаю. Попроси Молчуна зайти.*

Я снова поднялся, молча кивая. Она не задерживала меня, пока я не начал открывать дверь.

Она приказала сесть — я подчинился. Душечка осталась на ногах.

— *Ты думаешь, что я холодно отношусь к новостям, —* показала она, расхаживая по комнате. — *Тебе неприятно, что я встретила весть о том, что Ворон жив, без особенной радости.*

— *Нет. Я думал, это потрясет тебя. Взволнует.*

— *Не потрясло. Я ожидала чего-то в этом роде. Расстроило — да. Когда открываются старые раны, очень больно.*

Я изумленно смотрел, как она мечется.

— *Наш Ворон. Он так и не вырос. Неколебим как скала. Лишен малейших следов обезволивающей совести. Силен. Хитер. Жёсток. Жесток. Все это, и сверх того. Так? Так. И трус.*

— *Что? Как ты можешь...*

— *Он сбежал. Много лет назад его жена оказалась замешана в каких-то махинациях с Хромым. Думаешь, он попытался узнать правду, во всем разобраться? Нет, он убивал. И записался в Черный Отряд, чтобы убивать. Он бросил двух младенцев на произвол судьбы.*

Душечка кипела. Она раскрывала тайны, выплескивая наружу то, что я знал прежде лишь по смутным, расплывчатым намекам.

— *Не защищай его, —* говорила она. — *Я не преминула выяснить. Он бежал из Черного Отряда. Ради меня? Это был повод, а не причина. Он боялся привязанности. Почему он подобрал меня в той деревне? Чувствовал себя виноватым оттого, что бросил собственных детей. Я была безопасным ребенком. И, оставаясь ребенком, я оставалась безопасной — вклад капитала чувств. Но я выросла, Костоправ. И все эти годы для меня не существовало другого мужчины.*

А мне следовало догадаться. Я ведь видела, как он отталкивал людей, едва те пытались сблизиться с ним не на его условиях. Но после того кошмара, что он сотворил в Можжевельнике, показалось, что я смогу вернуть его. Когда мы бежали на юг от Госпожи и Отряда, я призналась ему в своих чувствах. Открыла копилку, где хранила мечты с тех самых пор, как начала думать о мужчинах.

И он переменялся. Он походил на перепуганного зверя в клетке. Когда появился с остатком Отряда Лейтенант, Ворон тут же успокоился. А через пару часов был уже «мертв».

У меня уже тогда возникли подозрения. В глубине души я все знала. Только поэтому я сейчас не превратилась в тряпку, как ты ожидал. Ты знаешь, что иногда по ночам я плачу. Я плачу по детским мечтам. Потому что они не умирают, хотя я бессильна воплотить их. Я плачу, потому что не могу осуществить единственное свое настоящее желание. Понимаешь?

Я вспомнил Госпожу, вспомнил ее судьбу и кивнул. Ответить было нечего.

— *Я сейчас снова расплачусь. Уходи. Пожалуйста. И пришли сюда Молчуна.*

Искать Молчуна не понадобилось — он ждал в зале совещаний. Я посмотрел заходящему в ее комнату колдуну в спину, раздумывая, мерещится мне или это предвидение.

Душечка дала мне немало поводов для размышлений.

Пикник

Стоит установить крайний срок — и время летит к нему стремительно, как будто лопнула перетянутая пружина в часах Вселенной. Четыре дня коту под хвост — фьють! А ведь я почти не тратил времени на сон.

Мы с Ардат трудились как проклятые. Она читала вслух, переводя с листа. Я записывал, пока руки не сводила судорога. Иногда меня сменял Молчун.

Ради проверки я подсовывал ей уже переведенные документы, особенно те, над которыми мы работали со Следопытом. Нередко встречались расхождения.

На четвертое утро я напал на след. Мы возились с одним из списков. Званный вечер с такими гостями в наше время назывался бы подготовкой к войне или самое меньшее к бунту. Имя за именем. Господин Такой-то из Оттуда-то, с госпожой Такой-то, шестнадцать титулов, из них действительности соответствуют четыре. К тому времени, когда герольды объявляли последнее имя, гости должны были скончаться от старости.

И где-то в середине списка Госпожа на мгновение сбилась.

«Ага! — сказал я себе. — Что-то близко». Я наострил уши.

Чтение продолжалось как ни в чем не бывало. Через несколько минут я уже не был уверен, что не померещилось. Разумно предположить, что насторожившее ее имя — не то, что она произносила в тот момент. Она вынуждена была подстраиваться под скорость моего письма. Ее глаза далеко обгоняли мою руку.

Но ни одно из имен в списке не показалось мне знакомым.

Я собрался позже просмотреть список еще раз, в одиночестве, надеясь, что Госпожа что-то пропустила.

Но не вышло.

— Перерыв, — сказала Госпожа после полудня. — Я хочу чаю. Костоправ, ты будешь?

— Обязательно. И хлеба ломоть.

Я царапал бумагу еще с полминуты, прежде чем сообразил, что произошло.

Что? Сама Госпожа подает мне чай? А я ей машинально приказываю? Меня перекосило. Насколько же она вжилась в роль? И насколько ее играет? Она небось уже который век не заваривает себе чай. Если вообще это когда-то делала.

Я встал, собираясь пойти за ней, но у выхода замер.

В пятнадцати шагах по коридору, под слабой до скарденности лампой, Госпожу прижал к стенке Масло. Нес какую-то ерунду. Почему я не предусмотрел этого — понятия не имею. Сомневаюсь, что и Госпожа предусмотрела. Вряд ли с ней обходились подобным образом.

Масло был настойчив. Я хотел было развести их, потом раздумал. Не рассердить бы ее своим вмешательством.

Тихие шаги с другой стороны. Эльмо. Застыл. Масло был слишком занят, чтобы нас заметить.

— Надо что-то сделать, — прошептал Эльмо. — На кой нам такие проблемы?

Госпожа не проявляла ни беспокойства, ни испуга.

— Думаю, она справится сама.

Масло получил однозначное «нет». Но не принял отрицательно-го ответа. Попытался лапнуть.

Получил за наглость мягкий шлепок. Это его только разозлило. Он решил взять желаемое силой. Мы с Эльмо уже двинулись вперед, когда Масло исчез в водовороте пинков и тумачков, из которого тут же вывалился на грязный пол, правой рукой держась за живот, а левой — за правую. Ардат двинулась дальше, нимало не смутившись.

— Я говорил, что она справится.

— Напомни, чтобы я не переходил границы. — Эльмо ухмыльнулся и похлопал меня по плечу. — Но лежа она хороша, нет?

Будь я проклят, если не покраснел. Моя глупая ухмылка только подтвердила подозрения Эльмо. Да ну его к бесу — все равно не переубедить.

Масло мы затащили ко мне в комнату. Я думал, его стошнит, но он удержался. Я проверил кости — не сломаны ли; нашел лишь несколько ушибов.

— Он твой, Эльмо, — сказал я, заметив, что старый сержант уже готовится к выступлению.

Эльмо взял Масло под локоток и проговорил:

— А пройдем-ка ко мне в кабинет, рядовой.

Когда Эльмо начинает учить уму-разуму, с потолка земля сыплется.

Вернувшись, Ардат вела себя так, точно ничего и не случилось. Возможно, она не заметила, что при инциденте присутствовали мы с Эльмо.

— Может, устроим перерыв? — спросила она через полчаса. — Выйдем на свежий воздух? Прогуляемся?

— Хочешь, чтобы я пошел с тобой?

Она кивнула:

— Надо поговорить. Без свидетелей.

— Ладно.

Честно говоря, когда я отрывал нос от бумаги, меня охватывала клаустрофобия. Путешествие на запад напомнило мне о прелести пеших прогулок.

— Ты голодна? — спросил я. — Или дело слишком серьезно, чтобы устроить пикник?

Идея ее сначала удивила, а потом очаровала.

— Отлично. Идем.

Мы отправились на кухню и в пекарню, набили припасами корзину и вышли наверх. Не знаю, как Госпожа, а я прекрасно видел ухмылки приятелей.

На всю Нору приходится одна дверь. В зал совещаний, за которым расположены личные покои Душечки. Ни у меня, ни у Ардат не было даже занавески в дверном проеме. Все решили, что мы ищем уединения на просторах. Как же! Наверху соглядатаев не меньше, чем под землей. Просто они не люди.

Когда мы вышли, до заката оставалось часа три, и солнце ударило нам в глаза. Жестоко. Но я ожидал этого. А вот Госпожу следовало предупредить.

Мы побрели вдоль ручья молча, наслаждаясь чуть терпким воздухом. Пустыня молчала. Даже Праотец-Дерево не издал ни звука. Даже ветерок не вздыхал в кораллах.

— Ну? — выговорил я наконец.

— Мне надо было выйти. Стены смыкались. А от безмагии только хуже. Я чувствовала себя беспомощной. Это гложет разум.

— Понятно.

Мы обогнули мозговой коралл и наткнулись на менгира. Наверное, один из моих старых приятелей, потому что он отрапортовал:

- Чужаки на равнине, Костоправ.
- Правда? Какие чужаки, каменюга?

Менгир промолчал.

- Они всегда такие? — спросила Госпожа.
- Бывают хуже. Ну, безмагия слабее. Тебе лучше?
- Мне стало лучше, как только мы поднялись наверх. Это место — врата ада. Как только вы можете жить здесь?

— Тут, конечно, паршиво, но это — дом.

Мы вышли на прогалину. Госпожа замерла.

- Что это?
- Праотец-Дерево. Ты знаешь, что о нас думают там, внизу?
- Знаю. Пусть думают. Назовем это защитной окраской. Это и есть твой Праотец-Дерево? — указала она.

— Он самый. — Я подошел к нему вплотную. — Как поживаешь, старик?

Я задавал этот вопрос уже полсотни раз. Дерево, даже такое примечательное, остается деревом, разве нет? На ответ я не рассчитывал, но листья зазвенели в ту самую секунду, когда отзвучало последнее слово.

— Вернись, Костоправ! — Требование Госпожи прозвучало властно, жестко и немного нервно.

Я развернулся и промаршировал к ней.

— Выходишь из роли?

Уголком глаза я заметил движение, скользящую тень в стороне Норы, и принялся сосредоточенно разглядывать кусты и кораллы.

— Говори потише. Нас подслушивают.

— Ничего удивительного. — Она расстелила прихваченное нами драное одеяло и уселась; пальцы ног оказались на самой границе прогалины. Потом сняла тряпку с корзины.

Я сел рядом — так, чтобы видеть ползучую тень.

— Знаешь, что это такое? — спросила Госпожа, указывая на Дерево.

— Никто не знает. Просто Праотец-Дерево. Племена пустыни его почитают как бога. Мы не нашли этому подтверждений. Одноглазого с Гоблином, впрочем, впечатлил тот факт, что стоит Праотец точно в центре равнины.

— Да... Столь многое кануло во мглу времен... Пожалуй, мне следовало догадаться, что мой супруг не первый в своем роде, Костоправ, как и Белая Роза — в своем. Сдается, это великий круг.

— Не понимаю.

— Давным-давно, даже по моим меркам давно, случилась война, подобная войне Властелина и Белой Розы. Свет превозмог тьму, но, как всегда, тьма оставила на победителях свой след. Чтобы завершить борьбу навеки, они призвали существо из другого мира, или плоскости, или измерения, — суть не в терминах. Призвали, как Гоблин призывает демонов, только это был молодой бог. Или почти бог. В облике ростка. Уже во времена моей юности это была всего лишь легенда, а тогда еще сохранялось многое из прошлого. Так что о деталях можно спорить, но, чтобы призвать это существо, гибли тысячи, опустошались целые края. Призвавшие посадили пленного бога на могиле своего великого врага, чтобы держал его в земле. Этот древесный бог проживет миллион лет.

— То есть... Праотец сидит на чем-то вроде Великого кургана?!

— Я не связывала легенды с равниной, пока не увидела Дерево. Да. В этой земле лежит некто не лучше моего супруга. Теперь многое проявляется. Все сходится. Звери. Немыслимые говорящие камни. Коралловые рифы в тысяче миль от моря. Все это просочилось из иного мира. Бури перемен — это сны Дерева.

Она говорила долго, не столько объясняя, сколько осозная. Я, разинув рот, вспоминал бурю перемен, захлестнувшую нас по пути на запад. Что за проклятие — попасть в кошмар бога!

— Это безумие, — прошептал я и в то же мгновение рассмотрел тень, которую так старался отделить от теней кустов и кораллов.

Молчун. Сидит на корточках. Тихо, как змея в засаде. Молчун, который в последние три дня оказывался всюду, куда бы я ни сунулся, незаметный, потому что он все время молчит. Ну-ну. Вот вам и уверенность, что моя спутница не вызвала подозрений.

— Это дурное место, Костоправ. Очень дурное. Скажи своей глухой крестьянке, чтобы убиралась отсюда.

— Чтобы это сделать, мне придется объяснить причину, а заодно рассказать, кто мне дает такие советы. Вряд ли ее это убедит.

— Наверное, ты прав. Что ж, это ненадолго. Давай поедим.

Развернув сверток, Госпожа достала оттуда нечто очень похожее на жареного кролика. На равнине кролики не водятся.

— Пусть нам и задали трепку у Лошади, в кладовых прибавилось снеди.

Я вгрызся в свою долю.

Молчун, за которым я искоса следил, сидел неподвижно. «Вот же гад! — подумал я. — Чтоб ты слюнями истек!»

Умыв третий кусок кролика, я сумел оторваться от еды и задать вопрос:

— Эта древняя история, конечно, любопытна, но к нам-то она имеет отношение или нет?

Праотец-Дерево звенел как заведенный. Интересно почему?

— Ты боишься его?

Госпожа не ответила. Я смахнул обглоданные кости с берега в воду, встал.

— Секундочку. — Я подковылял к Праотцу-Дереву. — Старик, у тебя семена есть? Или отводки? Что-нибудь, что мы могли бы посадить в Курганье на могиле нашего собственного врага?

За столько лет я привык играть в беседы с Деревом. Его возраст вызывал во мне почти религиозное почтение, но я не верил ни племена пустыни, ни Госпоже. Просто старая-престарая скрюченная лесина с необычными листьями и дурным характером.

С характером?

Я прикоснулся к стволу, намереваясь поискать в диковинной листве какие-нибудь плоды, и Дерево меня укусило. Не зубами, конечно. Но искры полетели. Когда я вынул пальцы изо рта, на кончиках виднелись ожоги.

— Твою мать! — пробормотал я, отступив на пару шагов. — Не твою, конечно. Я-то думал, ты поможешь.

Я даже не заметил, что рядом с укрытием Молчуна теперь стоит менгир. Еще несколько появилось на границах прогалины.

Что-то ударило меня по темени, как балласт, сброшенный летучим китом с изрядной высоты. Я упал. Меня колотили волны силы, волны мысли.

Я всхлипывал, пытаясь подползти к Госпоже. Она протянула мне руку, но не смогла пересечь границу...

Краешек этой силы стал мне понятен. Словно в меня втиснулись полсотни разумов, разбросанных по всему миру. Нет. По всей равнине. И не полсотни — больше. Они сплетались все плотнее, все туже... Я коснулся сознаний менгиров. И все исчезло. Кувалда прекратила барабанить по наковальне моего черепа. Я ползком добрался до края прогалины, хотя знал, что безопаснее там не будет. Забрался на одеяло, перевел дыхание и наконец повернулся к Дереву лицом. Листья возмущенно звенели.

— Что случилось?

— Попросту говоря, он сказал мне: «Делаю, что могу, и не для вас, а для своих созданий. Иди, мол, к бесу, оставь меня в покое, не чуди, а то окажешься в дерьме по уши». О-ох!

Я обернулся посмотреть, как воспринял мою выходку Молчун.

— Я предупреждала... — Госпожа тоже обернулась.

— Кажется, у нас неприятности. Возможно, тебя узнали.

По тропе к нам приближалось почти все население Норы. И менгиров — больше, чем людей. Вокруг нас смыкалось кольцо бродячих деревьев. И мы были безоружны — к нам приближалась Душечка. Нас окутала безмагия.

Сияли белые шелка Душечки. Она обогнала Эльмо и Лейтенанта, двинулась ко мне. Рядом с ней возник Молчун. А позади шли Одноглазый, Гоблин, Следопыт и пес Жабодав. Все еще в дорожной пыли.

Они уже несколько дней брели по равнине. А мне никто ни словом...

Говорят, что люк под повешенным открывается всегда неожиданно. Секунд пятнадцать я просто стоял, раскрыв рот, потом тихо выдавил:

— И что нам делать?

Удивительно, но Госпожа стиснула мою руку:

— Я проиграла. Не знаю. Это твои люди. Блеф. О-о! — Глаза ее сузились, взгляд напряженно застыл. Потом губы растянулись в тонкой усмешке. — Я вижу.

— Что?

— Ответы. Некоторые.. Тень намерений моего супруга. Тобой вертели куда больше, чем ты думаешь. Он понимал, что о речных разливах догадуются. Когда заполучил Ворона, решил привести к себе и твою крестьянку. Да, похоже... Идем.

На лицах моих старых товарищей не было враждебности — только недоумение.

Круг смыкался.

Госпожа вновь взяла меня за руку, подвела к стволу Праотца Деревя:

— Да будет мир между нами, пока чтишь ты его, о Древний. Идет тот, кого ты помнишь издревле! — И мне: — В мире много старых Теней. Некоторые родились еще в начале времен. Они слабы и редко привлекают к себе внимание так, как мой супруг или Взятые. Но в свите Душелов были те, кто старше этого Деревя. Они спали вместе с ней в могиле. Поверь, я знаю, каким способом были растерзаны те трупы.

Я стоял в кровавом свете заходящего солнца и ничего не понимал. Она с тем же успехом могла изъясняться на юкителле.

Вплотную к нам подошли только Душечка, Молчун, Одноглазый и Гоблин. Эльмо и Лейтенант остановились на расстоянии броска. А вот Следопыт со своей дворнягой растворились в толпе.

— *Что происходит?* — показал я Душечке.

Мне было страшно.

— *Это мы и хотим выяснить. С тех пор как Гоблин, Одноглазый и Следопыт достигли равнины, донесения менгиров стали отрывочными и бессмысленными. С одной стороны, Гоблин и Одноглазый подтверждают твои слова — до того момента, как вы расстались.*

Я покосился на друзей — я не нашел отзвука дружбы. Их глаза были стеклянно-холодны. Казалось, их вела чья-то исполинская рука.

— Отряд! — выкрикнул Эльмо негромко.

В отдалении пролетели на коврах-лодках двое Взятых, но приближаться не стали. Пальцы Госпожи дрогнули, в остальном же она держалась спокойно. Узнать летевших с такого расстояния было невозможно.

— Это варево помешивает не один повар, — заметил я. — Переходи к делу, Молчун. Пока что ты меня только пугаешь до смерти.

— *В империи ходит слух, —* показал он, — *будто ты продался. Будто ты привел сюда кого-то очень важного, чтобы убить Душечку. Может, даже одного из новых Взятых.*

Я не удержался от ухмылки. Тот, кто распространял слухи, не осмелился сказать всю правду.

Ухмылка Молчуна убедила. Он меня знал. Поэтому, наверное, и следил за нами.

Душечка тоже расслабилась. Но не Гоблин с Одноглазым.

— Что с парнями, Молчун? Они похожи на зомби.

— *Говорят, что ты их продал. Что Следопыт тебя видел. Что если...*

— Что за чепуха?! Да кто такой этот Следопыт? Давай сюда этого безмозглого сукина сына, пусть он скажет все мне в лицо!

Свет мерк, разбухший помидор солнца катился за холмы. Скоро совсем стемнеет. По спине у меня побежали мурашки. Будет это проклятое Дерево действовать или нет?

Стоило подумать о Праотце-Дереве, как я ощутил его пронзительное внимание. И сгущающийся смутный гнев...

Внезапно повсюду замерцали менгиры, даже за ручьем, в густом кустарнике. Визгнула собака. Молчун показал что-то Эльмо, но он стоял спиной ко мне, и я не разобрал что. Эльмо потрусил на шум.

Менгиры двигались к нам стеной, загоняя... Ага! Следопыт и пес Жабодав! На физиономии Следопыта застыло тупое удивление. Дворняга все пыталась проскользнуть между менгирами. Те не пускали. Наши люди отскакивали, чтобы камни в спешке им не отдавили ноги.

Менгиры вытолкнули Следопыта и пса Жабодава на прогалину. Дворняга взвыла отчаянно и протяжно, потом, поджав хвост, спряталась в тени Следопыта. Они стояли в десяти футах от Душечки.

— О боги! — прошептала Госпожа, так сжав мою руку, что я едва не взвыл сам.

В спутанной шевелюре Праотца-Дерева вспыхнуло ядро бури перемен.

Огромной. Ужасной. Буйной.

Буря поглотила нас, набросившись с такой яростью, что оставалось лишь терпеть. Облики плыли, менялись, текли; неизменным оставалось лишь пространство вокруг Душечки.

Следопыт взвизгнул. Пес Жабодав испустил вой, расплывшийся метастазами ужаса, как раковая опухоль. Они изменялись сильнее всего, превращаясь в тех бешеных и гнусных тварей, которых я видел по пути на запад.

Госпожа крикнула что-то; буря унесла слова, но я уловил в голосе торжествующие нотки. Она помнила эти обличья.

Я воззрился на нее.

Она не менялась.

Невозможно. Создание, по которому я вздыхал пятнадцать лет, не может быть настоящей женщиной.

Обнажив жуткие клыки, пес Жабодав кинулся в сердце бури, чтобы добраться до Госпожи. Он тоже узнал ее. Он собирался покончить с ней, пока она беспомощна вблизи Душечки. Следопыт ковылял за ним, такой же обалделый, как и в человеческом облике.

Хлестнула ветвь Праотца-Дерева, смахнув пса Жабодава, как человек отшвырнул бы нападающего щенка. Трижды пес отважно кидался на него и трижды был сметен. На четвертый раз в морду ему ударила праматерь всех молний, и дымящаяся туша отлетела к самому ручью, где она с минуту лежала, подергиваясь. Потом пес с воем ухромал в пустыню.

В то же время зверь Следопыт кинулся на Душечку. Перекинув ее через плечо, он бросился на запад. И когда бестия, бывшая псом Жабодавом, выбыла из игры, все взгляды обратились на Следопыта.

Может, Праотец и не бог, но голос у него подходящий. Когда он заговорил, начали рушиться коралловые рифы. Те, кто стоял за гра-

ницей прогалины, вопили, зажав уши. Нам, оказавшимся ближе, было почему-то легче.

Не знаю, что говорил этот голос. Я не то что не понимал языка — я не мог его узнать. Но Следопыт понял. Он отпустил Душечку, вернулся, чтобы встать в самом сердце бури, перед лицом бога, пока его терзал могучий глас и бешенство лиловых молний перемывало его уродливые кости. Он поклонился Дереву, и пал ниц, и изменился по-настоящему.

Буря унялась так же неожиданно, как и возникла. Все рухнуло на землю. Даже Госпожа. Но сознания мы не потеряли. В тусклом свете заката я увидел Взятых. Они решили, что настал их час.

Отступив, они набрали скорость, пронесли по баллистической траектории через безмагию, и каждый выпустил четыре тридцатифутовых гарпуна для охоты на летучих китов. А я сидел на земле, держа за руку их мишень, и пускал слюни.

— Они читают будущее не хуже меня, — прошептала Госпожа — как мне показалось, с громадным усилием. — Я забыла об этом.

Тогда я не понимал, что она имеет в виду.

Восемь копий летели вниз.

Праотец-Дерево обратил на них внимание.

Ковры рассыпались под седоками.

Копья взорвались так высоко, что горящие обломки даже не долетели до земли.

Взятые, впрочем, долетели. Спикировали по крутой дуге в плотные заросли кораллов на востоке. Потом меня объяло забытье. Последнее, что я запомнил, — что пустота покинула три глаза наших колдунов.

Пробуждение

И были сны. Бесконечные кошмары. Когда-нибудь, если я проживу достаточно долго, если переживу кошмар грядущий, я, может быть, запишу их, ибо в них — история бога, Праотца-Дерева, и твари, скованной его корнями. Нет. Наверное, нет. Достаточно описать одну жизнь, полную борьбы и ужаса. Мою собственную.

Первой пошевелилась Госпожа. Потянулась и ущипнула меня. От боли встрепенились нервы.

— Встань, — выдохнула она едва слышно. — Помоги мне. Надо перенести твою Белую Розу.

Ничего не понимаю.

— Безмагия.

Меня трясло. Я предположил, что это реакция на то, что нас сразило.

— Тварь внизу — от нашего мира. Дерево — нет.

Трясло не меня. Трясло землю. Тихой и частой дрожью. Теперь я услышал звук. Далеко-далеко внизу.

Я начал понимать.

Страх — удивительная сила. Ноги подняли меня сами. Над головой заходилась звонком Праотец-Дерево. В голосе ветряных колокольцев звучала паника.

Госпожа тоже поднялась. Мы заковыляли к Душечке, поддерживая друг яруга. Каждый неуверенный шаг разгонял медлительную кровь. Я посмотрел Душечке в глаза — она была в сознании, но парализована. Лицо застыло маской страха и недоверия. Мы подняли ее, держа под мышки. Госпожа начала отсчитывать шаги. Не припомню, чтобы я когда-нибудь так надрывался. И не припомню, чтобы такой подвиг я совершил благодаря только силе воли.

Земная тряска быстро переросла в дробь конского галопа, потом в грохот лавины, потом в землетрясение. Почва вокруг Праотца-Дерева зашевелилась, вздыбилась. В небо ударил фонтан огня и пыли. Дерево вызвонило вопль. Синие молнии бились в его кроне. Мы все быстрее отступали по ручью.

За нашей спиной кто-то завизжал.

Образы в моем сознании. Боль того, что ползло из глубины. Праотец подвергал его мукам ада. Но оно стремилось к свободе.

Я не оборачивался. Мне было слишком страшно. Не хотелось увидеть, на что похож Властелин прежних лет.

Мы успели. Слава богам. Мы с Госпожой как-то ухитрились оттащить Душечку достаточно далеко от Праотца-Дерева, чтобы тот обрел в полной мере свою иномировую мощь.

Вопль налился силой и яростью, заставив меня упасть, зажимая уши, — и сгинул.

— Костоправ, — прошептала Госпожа немного спустя. — Пойди посмотри, не нужна ли помощь остальным. Мы в безопасности. Дерево победило.

Так быстро? После такого представления?

Чтобы встать, мне потребовалось немыслимое усилие.

В ветвях Праотца-Дерева все еще мерцал голубой нимб. Я с двухсот ярдов чувствовал раздражение. По мере приближения это ощущение крепло.

Земля вокруг ствола почти не изменилась, несмотря на недавнее буйство. Только казалась свежевспаханной и проборощенной. Некоторых моих товарищей присыпало землей, но раненых не было. Все хоть слабо, но шевелились. У каждого на лице полное ошеломление. Кроме Следопыта. Уродливое создание так и не обрело своего прежнего облика.

Поднявшись одним из первых, он спокойно помогал остальным, вытряхивал пыль из одежды дружескими шлепками. И не подумаешь, что миг назад он был нам смертельным врагом. Чудеса, да и только.

Помощь требовалась разве что бродячим деревьям и менгирам. Деревья оказались повалены, менгиры... в основном тоже. И подняться они не могли.

Я вздрогнул.

И вздрогнул еще раз — подойдя к древнему Дереву.

Из земли, цепляясь за корень Праотца, торчала человеческая рука до локтя — длинная, кожистая, зеленоватая, вместо ногтей — обломанные кровоточащие когти. Таких рук не было ни у кого в Норе.

Рука чуть подергивалась.

Наверху еще потрескивали синие искры.

Что-то в этой руке будило во мне животный страх. Хотелось бежать от нее с воплями. Или взять топор и изрубить ее. Ни того ни другого я не сделал. У меня сложилось впечатление, что Праотец-Дерево наблюдает за мной, сильно хмурясь и, возможно, даже обвиняя меня в том, что я разбудил обладателя руки.

— Я пойду, — сказал я. — Понимаю, что ты чувствуешь. Мне надо своего собственного гада утихомирить.

Я отступил, кланяясь через каждые три шага.

— Это еще что за спектакль?

Я обернулся. На меня пялился Одноглазый. Явно решил, что у старика Костоправа в очередной раз поехала крыша.

— Так, с Деревом болтаю.

Я оглянулся. Все уже встали, хотя многих здорово пошатывало. Наименее пострадавшие отправились помогать бродячим деревьям. Упавшим менгирам уже не помочь. Они уходят за воздаянием, которое полагается разумным камням. Потом их найдут у ручья стоящими прямо среди других мертвых менгиров.

Я вернулся к Госпоже и Душечке. Душечка приходила в себя медленно и была слишком ошеломлена, чтобы вступать в разговор.

— Все в порядке? — спросила Госпожа.

— Да, обошлось. Еще немного — и тот парень выбрался бы из-под земли.

Я описал руку. Госпожа кивнула:

— Эту ошибку повторяют не скоро.

Вокруг уже собралось несколько человек во главе с Молчуном, поэтому почти все, что мы могли сказать, прозвучало бы подозрительно.

— И что теперь? — все же прошептал я.

Неподалеку Эльмо с Лейтенантом вопили, что надо принести факелы и работать при свете. Госпожа пожала плечами:

— Что со Взятыми?

— Хочешь их поискать?

— Конечно нет! Но мы же не можем позволить, чтобы они разгуливали по нашему двору.

— Разве менгиры не проследят за ними?

— Зависит от того, насколько зол старик. Может, он теперь готов отправить нас всех в ад курьерской почтой.

— Тогда выясни.

— Я пойду, — пискнул Гоблин.

Ему требовался повод, чтобы очутиться как можно дальше от Древа.

— Только не на всю ночь, — предупредил я. — А вы что стоите? Помогите Эльмо с Лейтенантом.

От большинства я избавился. Но не от Молчуна. Отогнать Молчуна от Душечки мне не удастся, хоть в лепешку расшибись. У него сохранялись подозрения.

Я растирал Душечке запястья, делал прочие глупости, в то время как лечило ее время.

— Семьдесят восемь дней, — пробормотал я через несколько минут.

— Вскоре станет слишком поздно, — ответила Госпожа.

Я поднял бровь:

— Без нее нам его не одолеть. Близок срок, когда она никаким способом не сможет добраться до места вовремя.

Не знаю, что уяснил Молчун из этого диалога. Знаю только, что Госпожа подняла на него взгляд и чуть улыбнулась — как всегда, читая чьи-то мысли.

— Нам нужно Древо, — сказала она, ни к кому не обращаясь. И мне: — Мы не закончили наш пикник.

— А?

Она отошла на пару минут. Вернулась с измызганными одеялами и корзиной.

— Смотри за ловушками, — посоветовала она, увлекая меня за руку в ночную мглу.

Что за игру она затеяла?

Сделка заключена

Обломком лодки вошла луна. До этого мы не рисковали уходить далеко — звездный свет был слишком слаб. Под луной Госпожа повела меня в обход к тому месту, где упали Взятые. Остановились мы на безопасной песчаной прогалине. Госпожа расстелила одеяло. Мы находилось вне безмагии.

— Садись.

Я сел. Села и она.

— Что?..

— Молчи.

Она закрыла глаза и ушла в себя.

Интересно, покинул ли Молчун Душечку ради слезки за нами? И отпускают ли о нас грязные шуточки мои товарищи, поднимая бродячие деревья? И в какую адову игру я впутался?

Ну, кое-чему ты научился, Костоправ.

Потом я заметил, что Госпожа вышла из транса.

— Удивительно, — прошептала она. — Кто бы мог подумать, что у них хватит смелости?

— Что?

— Наши летучие друзья. Я ожидала увидеть Шепот и Хромого, помня их старые грехи. Но это Ехидный и Волдырь. Хотя ее мне следовало подозревать. У нее большие способности к некромантии.

Она снова размышляла вслух. Часто ли с ней такое бывает? Если часто, то она не привыкла иметь под боком свидетелей.

— О чем ты?

Она пропустила мой вопрос мимо ушей.

— Но сказали ли они остальным?

Я вслушался и сложил кое-что вместе. Прозрение Госпожи: три варианта будущего — и ни в одном нет для нее места. Быть может,

это значит, что и ее колдунам там места нет. Быть может, они решили взять будущее в свои руки, избавившись от повелительницы.

Легкие шаги удивили меня, но не слишком. Я решил, что это Молчун решил за нами пошпионить. И оказался потрясен, когда рядом с нами села Душечка. Одна.

Как я не заметил возвращения безмагии? Отвлекся, наверное.

— Они еще не выбрались из кораллов, — продолжала Госпожа, словно не замечая Душечки. — Это дело небыстрое, а они оба ранены. Коралл, конечно, не может их убить, но доставляет сильную боль. Пока они лежат и ждут рассвета.

— И?

— Они могут не уйти с равнины.

— Душечка читает по губам.

— Она уже знает.

Ну так я же тысячу раз повторял, что девочка — умница.

Думаю, именно это знание побудило Душечку занять место по другую сторону от меня.

О да!

Оказалось, что я играю роль переводчика.

Проблема в том, что восстановить эту беседу я не в состоянии. Кто-то потом подправил мою память. Я мог делать лишь обрывочные записи, но теперь и они выглядят совершенно бессмысленными.

Шли какие-то переговоры. Сохранилось чувство глубокого изумления — Душечка желала заключить сделку. Госпожа — тоже.

Они достигли соглашения. Хрупкого, конечно, потому что после в пределах безмагии Госпожа все время держалась со мной рядом, чаще за моей спиной. Очень мило — служить живым щитом... А Душечка держалась рядом с Госпожой, чтобы та не воспользовалась своей силой.

Один раз Душечка ее все же отпустила.

Но я чуть забегаю вперед. Вначале мы вернулись, никому не сказав о встрече. Мы с Госпожой пришли чуть позже Душечки, стараясь изобразить последствия сердечного и бурного свидания. Завистливые взгляды доводили меня до смеха.

На следующее утро мы с Госпожой вышли из безмагии. Душечка отвлекла Молчуна, Одноглазого и Гоблина, отправив их торговаться с менгирами.

Праотец-Дерево никак не мог решиться. А мы пошли в противоположном направлении. Искать Взятых.

Собственно говоря, их и искать не пришлось. Они еще не выбрались из кораллов. Госпожа воззвала к власти, которую имела над ними, и они перестали быть Взатыми.

Ее терпение истощилось. А может, она решила преподать другим наглядный урок... Как бы то ни было, когда мы возвращались в Нору, в небе кружили стервятники — настоящие стервятники.

«Проще пареной репы, — подумал я, вспомнив, как пытался убить Хромого и как на моем пути вставали проклятые твари. — Для нее. А для меня — за гранью возможного».

Мы вернулись к переводам. Так замотались, что и не следили за новостями. Вдобавок у меня звенело в голове — Госпожа промыла мне мозги после беседы с Душечкой.

А тем временем Белая Роза смогла как-то договориться с Праотцем-Деревом. Хрупкий союз окреп.

Еще я заметил, что менгиры перестали надоедать мне «чужаками на равнине».

Все это время они имели в виду Следопыта и пса Жабодава. И Госпожу. Двое из трех перестали быть чужаками. Что случилось с псом Жабодавом, не знал никто. Даже менгиры не сумели за ним проследить.

Я попросил Следопыта объяснить, откуда взялось имя, но тот не помнил. И самого пса Жабодава тоже не помнил. Чудеса, да и только.

Теперь Следопыт был просто детищем Древа.

Сын Дерева

Я нервничал. У меня началась бессонница. Дни утекали один за другим. Где-то на западе Великая Скорбь подтачивала свой берег. Четвероногое чудовище мчалось к хозяину с вестью о том, что план раскрыт. Душечка и Госпожа не делали ничего.

Ворон оставался в ловушке. Боманц все шел через неугасимый огонь, который и вызвал сам себе на горе. Приближался конец света. И никто пальцем о палец не ударил.

Я закончил перевод. Мне это не помогло. Так казалось. Хотя Молчун, Гоблин и Одноглазый продолжали возиться со списками имен, с перекрестными ссылками в поисках системы. Госпожа заглядывала им через плечо чаще, чем я. Я кропал Анналы. И маялся: как же попросить, чтобы она вернула те, что я потерял у моста Королевы?

Я нервничал. Изводил себя и других. На меня уже злились. Чтобы успокоиться, я стал гулять при луне.

Той ночью было полнолуние, над восточными холмами взошел толстый оранжевый пузырь. Величественное зрелище, особенно когда на фоне пузыря пролетает стая скатов. Горизонт почему-то светился сиреневым. На холодном ветру металась выпавшая днем тонкая пыль. Далеко на севере поблескивала буря перемен.

Рядом со мной возник менгир. Я подпрыгнул фута на три.

— Опять чужаки на равнине? — спросил я.

— Не больше чужаки, чем ты, Костоправ.

— Шутник нашелся. Чего тебе надо?

— Мне — ничего. Тебя хочет видеть Праотец-Дерево.

— Да? До скорого.

Я двинулся к Норе. Сердце мое заходило.

Дорогу мне заступил другой менгир.

— Ну, раз вы так... — Я изобразил на лице героизм и пошел вверх по ручью.

Они все равно привели бы меня. Лучше избежать унижений.

Вокруг пустоши гулял ветер, но стоило пересечь границу, как вступил в лето. Полный штиль, хотя листва звенит. И жара как в горне.

Луна поднялась достаточно, чтобы затопить прогалину серебристым светом. Вот и Дерево. Я не мог оторвать взгляда от руки, все еще торчащей, сжимая корень, все еще, как мне казалось, живой. Но корень разросся и обволок руку, как живое дерево обволакивает намотанную на него проволоку. Я остановился в пяти шагах от ствола.

— Подойди ближе, — сказал Праотец.

Нормальным голосом. Обычным тоном.

Я икнул и поискал глазами выход. Прогалину окружала тьматмущая менгиров. Беги, коли охота.

— Стой спокойно, однодневка.

Мои ноги примерзли к земле. Однодневка, да?

— Ты просил помощи. Ты требовал помощи. Ты ныл, и клянчил, и молил о помощи. Стой спокойно и прими ее. Подойди.

— Решился?

Я сделал два шага. Еще один — и я ему на корни наступлю.

— Я обдумал проблему. То, чего вы, однодневки, так боитесь, то, что спит в земле далеко отсюда, станет угрозой моим детям, если оно пробудится. Я не вижу силы в тех, кто противостоит ему. Поэтому...

Я не люблю прерывать собеседника, но не заорать не мог. Кто-то вцепился мне в лодыжку. Так сильно, что хрустнула кость.

Ну, старикашка, ты еще пожалеешь об этом.

Мир посинел. На меня обрушился ураган боли. В ветвях Праотца-Дерева засверкали молнии. Над пустыней прокатился гром. Я поорал еще немного.

Вокруг мелькали синие разряды, едва не задевая меня заодно с моим учителем. Но наконец рука разжалась.

Я попытался сбегать.

Упал на первом же шаге. И продолжал ползти, пока Праотец-Дерево извинялся и пытался меня вернуть.

К дьяволу! Я менгир насквозь пробью, если придется...

В сознании возникла картина. Праотец-Дерево передавал сообщение напрямую. И наступила тишина: только — фьють! — исчезли менгиры.

Со стороны Норы неся гомон. Чтобы выяснить, кто устроил представление, высыпал весь Отряд.

Первым добежал Молчун.

— Одноглазый, — выдавил я. — Одноглазого сюда.

Кроме меня, он единственный что-то смыслит в медицине. И, не смотря на склочность, указания мои выполнит.

Тут же явился Одноглазый, а с ним еще человек двадцать. Дозорные не оплошали.

— Лодыжка, — сказал я. — Видимо, сломана. Дайте свет. И лопату, мать ее!

— Лопату? Головой ударился? — переспросил Одноглазый.

— Я сказал — принеси. И что-нибудь против боли.

Материализовался Эльмо, застегиваясь на ходу.

— Костоправ, что случилось?

— Старик захотел поболтать и послал за мной каменюги. Говорит, что решил нам помочь. Только я уши развесил, эта лапа как вцепится! Чуть ногу не оторвала. А шум — это Дерево говорило: «Не хулигань».

— Закончишь с ногой, оттяпай ему язык, — приказал Одноглазому Эльмо. — Что нужно Дереву, Костоправ?

— Уши в Норе забыл? Праотец решил помочь нам справиться с Властелином. Говорит, мол, покумекал и решил, что в его собственных интересах оставить Властелина под землей. Помогите встать.

Усилия Одноглазого начали приносить плоды. Он прилепил к моей лодыжке, раздувшейся к этому времени втрое, травяной шарик из своих запасов, и боль спала.

Эльмо покачал головой.

— Если не сможешь встать, — процедил я, — я тебе самому ногу сломаю.

Эльмо с Молчуном подхватили меня под мышки и поставили.

— Лопаты принесите, — приказал я.

Мне тут же подали с полдюжины. Солдатских, конечно, — не аступов.

— Раз уж вы собрались помочь, волоките меня к Дереву.

Эльмо зарычал. На мгновение показалось, что заговорит Молчун. Я посмотрел на него с выжидающей улыбкой. Двадцать с гаком лет жду.

И ничего. Что бы ни происходило, на челюстях Молчуна висел стальной замок. Я видел его таким злым, что он готов был глотать гвозди, и таким возбужденным, что он терял контроль над сфинктером. Но чтобы нарушил молчание — никогда.

В ветвях Дерева еще металась синие искры. Звенели листья. Свет луны и отблески факелов смешивались, от каждого сполоха пускались в пляс немыслимые тени...

— На другой стороне, — указал я своим носильщикам.

Раз не вижу его отсюда, значит он по ту сторону ствола.

Ага, вот и он, в двадцати футах от комля. Росток. Немного выше человека.

Одноглазый, Молчун, Гоблин — все наши выпучили на него глаза, как стая обезьян. Кроме старины Эльмо.

— Притащите пару ведер воды и хорошо промочите землю, — приказал он. — И найдите старое одеяло, чтобы обмотать им корни вместе с землей.

Все правильно. Крестьянин, чтоб его!

— А меня опустите, — потребовал я. — Хочу сам посмотреть лодыжку, при свете.

На обратном пути мы с тащившими меня Эльмо и Молчуном повстречали Госпожу. Она изобразила трогательную заботу — все хлопотала вокруг моей персоны. Пришлось вытерпеть уйму многозначительных ухмылок.

Даже тогда правду знала только Душечка. И может быть, догадывался Молчун.

Тени в стране теней

В Курганье не было времени — только пламя и тень, бессолнечный свет, страх и отчаяние без конца. С того места, где он стоял, пойманный в собственной паутине, Ворон различал два десятка тварей Властелина. Он видел людей и зверей, захороненных во времена Белой Розы, чтобы зло не смогло вырваться. Он видел силуэт колдуна Боманца на фоне замерзшего драконьего пламени. Старый колдун все еще пытался сделать хоть шаг к сердцу Великого кургана. Разве он не знает, что проиграл много поколений назад?

Ворон пытался представить, давно ли пойман он сам. Достигли ли его письма адресата? Придет ли помощь? Или он всего лишь коротает время, пока не выплеснулась тьма?

Единственной мерой времени служило растущее беспокойство тех, кто был поставлен стеречь могильник тьмы.

Река подкрадывалась все ближе. Они ничего не могли поделать — управлять стихией было не в их власти.

Если бы он, Ворон, занимался тогда курганами, он бы все сделал иначе.

Он смутно вспоминал проскальзывавшие мимо тени, чем-то сходные с ним самим. Но он не взялся бы сказать, давно ли это случилось или кому тени принадлежат. Все менялось; здесь не существовало ничего постоянного. С этой точки зрения мир выглядит совсем иначе.

Прежде он никогда не был так беспомощен, так напуган. Это бесило его. Он всегда был хозяином собственной судьбы, ни от кого не зависел...

В этом мире бездействия оставалось лишь думать. Слишком часто мысли возвращались к тому, что значит быть Вороном, к тому,

что Ворон сделал, и не сделал, и должен был сделать по-другому. Достаточно времени, чтобы разобраться со всеми страхами, и слабостями, и болью скрытого в нем человека, все, что создавало обращенную к миру маску изо льда, и стали, и бесстрашия. То, что стоило ему всего, что он ценил, что раз за разом загоняло его в пасть смерти, в состояние самобичевания...

Слишком поздно. Слишком поздно.

Когда мысли обрели кристальную ясность и Ворон окончательно поверил, что все кончено, вопль ярости разнесся по миру призраков. И те, кто окружал его и ненавидел за то, чему он помог начать-ся, хохотали, радуясь его муке.

Полет на запад

Свой прежний статус среди товарищей я так и не восстановил, не смотря на то что был оправдан Деревом. Оставалась некоторая отчужденность — не только из-за медленно возвращающегося доверия, но и в результате якобы подвалившего мне женского общества. Признаюсь, происходящее меня не радовало. С этими парнями я жил с юности. Они — моя семья.

Само собой, меня пытались подковырнуть: дескать, взгромоздился на костыли, только бы поотлынивать. Но свою работу я мог делать и вовсе без ног.

Чертовы бумаги. Я их наизусть выучил, на музыку положил и все равно не находил вожака или даже того, что искала Госпожа. Каждая перекрестная ссылка отнимала целую вечность. Во времена Владычества и еще раньше имена писались как бог на душу положит. Теллекурре — один из тех языков, в которых разные сочетания букв обозначают одни и те же звуки.

Сплошная боль, простите, в седалище.

Не знаю, многое ли Душечка объяснила остальным. На общем собрании меня не было. И Госпожи тоже. Но нам передали, что Отряд готовится выступить.

На следующий день.

Близился закат; я стоял на костылях у входа в Нору и смотрел, как прибывают летучие киты. Восемнадцать штук призвал Праотец-Дерево. Со своими скатами и всей когортой разумных существ равнины. Трое китов спустились к самой земле, и Нору стошнило ее жителями.

Мы начали посадку. Старину Костоправа пропустили без очереди, потому что его пришлось поднимать на руках, вместе с бумага-

ми, барахлом и костылями. Кит был маленький, и соседей у меня оказалось не много. Госпожа — само собой, кто же нас теперь разлучит! И Гоблин. И Одноглазый. И Молчун, выдержавший серьезный беззвучный спор с Душечкой, — он очень не хотел с ней расставаться. И Следопыт. И сын Дерева, которому Следопыт служил телохранителем, а я — нянькой. Подозреваю, что колдуны получили наказ присматривать за нами, хотя в случае неприятностей помощи от них все равно никакой.

Душечка, Лейтенант, Эльмо и прочая братия сели на второго кита. На третьего погрузили несколько солдат и уйму всяческого снаряжения.

Мы поднялись, чтобы присоединиться к воздушной эскадре.

Закат с высоты пяти тысяч футов не похож ни на что, видимое с земли. Ну разве что если взгромоздиться на одинокий пик и взирать оттуда. Великолепно.

Стемнело, мы заснули. Одноглазому пришлось меня зачаровывать — опухшая нога здорово беспокоила.

Да. Мы находились за пределами безмагии. Наш кит летел на изрядном расстоянии от Душечкиного. Специально ради Госпожи.

Пусть даже та себя и не выдавала.

Ветры нам благоприятствовали, и с благословения Праотца-Дерева рассвет мы встретили над Лошадью. Там-то правда и выплыла наружу.

К нам ринулись на своих рыбообразных коврах Взятые, вооруженные до самых жабр. Паника меня и разбудила. Следопыт помог мне встать. Мельком глянув на костер восходящего солнца, я рассмотрел Взятых, летевших конвоем вокруг нас. Гоблин ожидал нападения и выл в голос. Одноглазый нашел повод обвинить во всем Гоблина, и они опять сцепились.

А время шло, и ничего не происходило. К моему удивлению, Взятые просто летели рядом. Я покосился на Госпожу. Та подмигнула — я чуть не сел.

— Приходится сотрудничать, несмотря на разногласия, — произнесла она.

Гоблин услышал. Он в мгновение ока забыл о ругани Одноглазого, зыркнул на Взятых, потом — на Госпожу. И присмотрелся.

Я увидел, как до него дошло.

— Я вас помню, — пропищал он пронзительнее обычного.

Рожа у него была ошалелая. Помнил он тот единственный раз, когда имел с Госпожой нечто вроде личной встречи. Много лет назад,

пытаясь связаться с Душелов, он застал Взятую в Башне, в присутствии Госпожи.

Она улыбнулась своей очаровательнейшей улыбкой. Той, от которой статуи плавают.

Гоблин отвернулся, прикрыв глаза ладонью. Потом открыл их и совершенно диким взглядом посмотрел на меня. Я не выдержал, рассмеялся:

— Ты всегда меня обвинял...

— Но я же не просил тебя это делать, Костоправ! — Голос Гоблина взвился ввысь, к полной неслышимости. Колдун хлопнулся на задницу.

Молния не размазала его по небу. Через несколько минут он поднял глаза, заявил: «Эльмо обгадится!» — и идиотски хихикнул.

Эльмо наиболее рьяно напоминал мне о романтических бреднях в отношении Госпожи.

Потом, когда юмор поулетучился, уgomонился Одноглазый и подтвердились худшие опасения Молчуна, я задумался о своих товарищах.

Вообще-то, они двинулись на запад по Душечкиному приказу. Им ни словечка не сказали о союзе с нашим бывшим врагом.

Дурачье. Или слупила Душечка? Что случится, когда Властелин будет повержен и мы вновь сможем вцепиться друг другу в глотки?

Осади, Костоправ. Душечка училась играть в карты у Ворона. А Ворон мог любого раздеть.

К закату мы достигли Облачного леса. Интересно, что о нас подумали в Лордах? Мы пролетели над самым городом. Зеваки так и высыпали на улицы.

Розы миновали ночью. И другие города, знакомые по молодым годам, проведенным нами на севере. Разговоров было немного. Мы с Госпожой держались вместе; по мере того как необычайный флот приближался к месту назначения, напряжение наше росло, а ключи так и не находились.

— Долго еще осталось? — Я потерял счет времени.

— Сорок два дня, — ответила она.

— Мы так много времени провели в пустыне?

— Когда счастлив, время летит незаметно.

Я вскинулся. Шутка? Да еще такая затрепанная? От нее?

Ненавижу, когда враги становятся людьми. Не положено им этого.

Госпожа вела себя со мной как человек уже два месяца. Как я мог ее ненавидеть?

До Форсберга погода оставалась почти пристойной. Потом началась тухлая гнусь.

Зима вступила в свои права. Освежающие ледяные ветры, заряженные снежной картечью.

Превосходный наждак для моего нежного личика. Под этой бомбардировкой передохли даже вши на спинах летучих китов. Мы ругались, и ворчали, и проклинали все на свете, и жались друг к другу в поисках тепла, которого не осмеливались получить от давнего союзника человека — огня. Только Следопыту все было нипочем.

— Его хоть что-нибудь беспокоит? — спросил я.

— Одиночество, — ответила Госпожа самым странным тоном, какой я когда-либо слышал из ее уст. — Если хочешь с легкостью прикончить Следопыта, запри его в одиночке, а сам уйди.

Меня пробрал до костей мороз, который ничего общего не имел с погодой. Кто из моих знакомых был в одиночестве чудовищно долго? Кто, возможно — только лишь возможно, — начал сомневаться: а стоит ли абсолютная власть такой цены?

Я нисколько не сомневался: она наслаждалась каждой секундой нашего спектакля на равнине. Даже в минуты опасности. Я знал, что, достань у меня наглости, я мог бы стать ей не только мнимым любовником. По мере того как приближался срок вновь становиться Госпожой, в ней росло тихое отчаяние.

Я мог бы объяснить это чувство напряжением: ей предстояли тяжелые времена — и она знала нашего врага. Но дело было не только в напряжении. По-моему, я ей по-человечески нравился.

— У меня к тебе просьба, — тихо произнес я, стараясь не думать о том, какая женщина прижимается ко мне.

— Что?

— Анналы. Это все, что осталось от Черного Отряда. Много веков назад, когда создавались Вольные Отряды Хатовара, была дана клятва. Если хоть один из нас переживет гибель Отряда, он должен вернуть Анналы в Хатовар.

Не знаю, поняла ли она. Но ответила:

— Они твои.

Я хотел объяснить, но не мог. Зачем возвращать Анналы? Я не знаю толком, куда их возвращать. Четыре столетия Отряд продвигался на север, то набирая, то теряя силы, меняя бойцов. Я не знаю даже, существует ли еще Хатовар и что это такое — город, страна, человек или бог? Анналы начальных лет или сгинули в боях, или вернулись домой. Первое столетие известно мне только по выдержкам и обрывкам летописей...

Не важно. Долг летописца — возвратить Анналы в Хатовар, если Отряд прекратит существование.

Погода неуклонно портилась. Над Веслом она стала откровенно враждебной. Может, это не метафора. Тварь в земле знала о нашем походе.

Севернее Весла Взятые разом, как камни, рухнули к земле.

— Что за черт?

— Пес Жабодав, — ответила Госпожа. — Мы его догнали. Он еще не добрался до своего хозяина.

— Им под силу остановить его?

— Да.

Я перегнулся через «борт» кита. Не знаю, что я там ожидал увидеть, — мы летели в снежной туче.

Внизу несколько раз вспыхнуло. Потом вернулись Взятые. Госпожа поморщилась.

— В чем дело? — спросил я.

— Он хитер. Забежал в безмагию там, где она касается земли. Теперь его там не достать, слишком плохая видимость.

— Это так важно?

— Нет. — Но прозвучало это неуверенно.

Дрянная погода китам была нипочем. Достигнув Курганья, мы с товарищами отправились в казармы Стражи, а Душечка остановилась в «Синем хрене». Граница безмагии проходила как раз по стенам казарм.

Встречал нас полковник Сласть собственной персоной. Славный добряк Сласть! Я-то думал, мы его прихлопнули, но он только прихрамывал. Не могу сказать, что он был само радушие, — обстановка не способствовала.

А нашим ординарцем был назначен мой старый знакомец Горшок.

Невидимый лабиринт

При нашем появлении Горшок чуть не запаниковал. Не успокоили его и мои манеры доброго дядюшки. Лицеизражение Госпожи во всей ее силе едва не довело беднягу до истерики, да и вид Следопыта не способствовал укреплению нервов. Утихомирил парня, как ни странно, Одноглазый, переведя разговор на Ворона и его нынешнее состояние. Это решило дело.

А у меня появился собственный повод трястись от ужаса. Через пару часов после высадки — я еще вещи не успел разобрать — Госпожа привела Шепот и Хромого, чтобы те проверили наши переводы.

Предполагалось, что Шепот выяснит, все ли бумаги на месте, а Хромой — вспомнит старые деньки, на случай если мы упустили какую-либо связь. В первые века Владычества он явно вел бурную общественную жизнь.

Потрясающе. Я и не подумал бы, что этот ошметок ненависти и уродства мог быть чем-то еще, кроме воплощения гнусности.

Гоблин присматривал за этой парочкой, пока я выходил навеситить Ворона. Все остальные у него уже побывали.

Там была и Госпожа. Прислонившись к стене, она грызла ноготь и совсем не походила на ту великолепную суку, что столько лет терзала мир. Я уже говорил: ненавижу, когда враги выглядят людьми. А она была человеком. Перепуганным до смерти.

— Как он? — спросил я, когда увидел, в каком она состоянии. — Что случилось?

— С ним все по-прежнему. О нем хорошо заботятся. Ничего такого, с чем не справится парочка чудес.

Я осмелился вопросительно поднять бровь.

— Все пути к бегству отрезаны. Я словно ухожу в подземелье — все меньше для меня открытых путей, и каждый — хуже предыдущего.

Я присел на стул, откуда обычно наблюдал за Вороном Горшок, и принялся изображать лекаря. Необходимости в этом не было, но я привык все делать добросовестно.

— Наверное, очень одиноко — быть королевой мира, — пробормотал я про себя.

Тихий вздох.

— Ты слишком осмелел.

— Да ну?

— Извини. Думаю вслух. Нездоровая привычка, вызывает синяки и массивные кровотечения. Выглядит вполне здоровым. Думаешь, Хромой или Шепот нам помогут?

— Нет. Но испробовать следует все способы.

— Как насчет Боманца?

— Какого Боманца?

Я поднял глаза. Она действительно удивилась.

— Колдуна, который тебя освободил.

— Ах этот? А что Боманц? Чем может нам помочь мертвец? От своего некроманта я избавилась... Или ты знаешь что-то, чего не знаю я?

Как же! Побывав перед ее Оком. Но все же...

С полминуты я спорил, не желая раскрывать крошечное свое преимущество, потом сдался.

— Гоблин и Одноглазый говорили, что Боманц здоровехонек. Он пойман Курганьем. Как Ворон, только вместе с телом.

— Да разве такое возможно?

Неужели она не узнала об этом во время допроса? Наверное, не задавая нужных вопросов, не получишь и нужных ответов. Я постарался припомнить все, что мы с Госпожой делали вместе. Отчеты Ворона я ей пересказывал, но самих писем она не читала. Оригиналы, с которых Ворон и писал свой рассказ, лежали в моей комнате. Гоблин с Одноглазым волокни их на равнину только ради того, чтобы теперь бумаги вернулись на место. Никто даже не заглядывал в них, потому что они лишь повторяли уже рассказанную историю...

— Посиди здесь, — произнес я, вставая. — Сейчас вернусь.

Когда я ворвался в комнату, Гоблин одарил меня недобрый взглядом.

— Я на секундочку, — пробормотал я. — Кое-что наклеивается.

Я порылся в ящике, где лежали раньше документы Ворона, — теперь там валялась только рукопись самого Боманца — и вылетел из комнаты. Взятые меня не заметили.

Пьянящее чувство — когда Взятые тебя не замечают. Плохо лишь, что причиной тому одно — они борются за жизнь. Как и мы.

— Вот... оригинал рукописи. Я просмотрел ее только один раз, бегло, проверяя перевод Ворона. Довольно точно, хотя он слишком драматизировал, а беседы просто придумал. Но факты, характеры — это все от Боманца.

Госпожа читала с немислимой быстротой.

— Принеси вариант Ворона.

Туда и обратно; Гоблин скривился и проворчал мне вслед:

— Это у тебя называется «секундочка», Костопправ?

Сквозь вторую порцию бумаг Госпожа пронеслась в том же темпе, а дочитав, призадумалась.

— Ну? — спросил я.

— В этом кое-что есть. Вернее сказать, кое-чего нет. Два вопроса. Кто это написал? И где упомянутый его сыном камень из Весла?

— Полагаю, большую часть оригинала сделал сам Боманц. А закончила его жена.

— Он писал бы от первого лица.

— Необязательно. Может, это запрещали условности тогдашней литературы. Ворон часто стыдил меня, что я слишком много отсебятины вкладываю в Анналы. Он привык к иным традициям.

— Примем это за рабочую гипотезу. Следующий вопрос. Что стало с его женой?

— Ее семья жила в Весле. Я бы на ее месте туда и вернулся.

— На месте жены человека, который меня выпустил?

— А кто об этом знал? Боманц — не настоящее имя.

Госпожа отмела мои возражения:

— Шепот нашла эти бумаги в Лордах. Одной кипой. Кроме расказа, Боманца ничего с ними не связывает. Мне кажется, что вместе их собрали намного позже. Но бумаги — его. Где же они могли находиться между тем, как исчезли отсюда, и тем, как их нашла Шепот? Не потерялись ли какие-то документы? Нам пора посоветоваться с Шепот.

Ее королевское «нам» меня явно не включало.

Но искра разожгла пламя. Вскоре Взятые уже разлетались во все стороны. Через два дня Бенефиций доставил упомянутый сыном Боманца камень, оказавшийся бесполезным. Камень присвоили стражники — казарменному крыльцу не хватало ступеньки.

До меня доходили отдельные слухи — южнее Весла искали путь, которым бежала из Курганья овдовевшая и ославленная Жасмин. Нелегко идти по столь старому следу, но Взятые многое доступно.

Искали и в Лордах.

На мою долю выпало сомнительное удовольствие болтаться вокруг Хромого, пока тот помечал ошибки, сделанные нами при переводе имен с юкителле и теллекурре. Оказалось, что в те времена различались не только написания, но даже алфавиты. А некоторые из упомянутых были не теллекурре или юкителле, а иноземцами, приспособившими свои имена к местному произношению. Хромой разматывал этот клубок изнутри.

И однажды Молчун подал мне знак. Он заглядывал Хромому через плечо еще старательнее меня.

Он нашел ключ.

Четыре дочери

Самообладание Душечки меня потрясает. Она довольно долго пробыла в «Синем хрене» и ни разу не поддалась желанию увидеть Ворона. Каждый раз, когда произносилось его имя, в глазах Душечки проглядывала боль. Но она терпела месяц.

Но все же она пришла — мы знали, это неизбежно, — пришла с разрешения Госпожи. Я постарался не обращать внимания на ее визит. И заставил колдунов держаться от нее подальше. Труднее всего было уговорить Молчуна, но в конце концов согласился и он — это было ее дело, личное, и не в его интересах совать туда нос.

Я не пошел к ней — она пришла ко мне. Ненадолго, пока все остальные были заняты. Чтобы обнять меня, чтобы я напомнил ей, что мы заботимся о ней. Чтобы я поддержал ее, пока она обдумывает решение.

— *Теперь мне не отпереться, да?* — показала она. И через пару минут: — *Все еще мое слабое место. Но чтобы вернуться, ему придется это право заслужить.* — Так она думает «вслух».

Молчуна я в тот миг сочувствовал больше, чем Ворону. Ворона я всегда уважал за бесстрашие и силу, но не мог заставить себя полюбить этого человека. А Молчуна я любил и желал ему только добра.

— *Надеюсь, твое сердце не разобьется, если он окажется слишком стар, чтобы измениться,* — показал я.

Слабая улыбка.

— *Мое сердце разбилось давным-давно. Нет, я ничего не жду. Мы живем не в сказке.*

Больше Душечка не сказала ни слова. И я не воспринимал сказанного ею всерьез — до тех пор, пока не рассмотрел в его свете случившееся потом.

И пришла она, и ушла, скорбя по мертвым мечтам, и не приходила более.

В те минуты, когда Хромой отлучался по своим делам, мы переписали все, оставленное им на столе, сравнили с собственными чертежами.

— О-хо-хо! — выдохнул я. — М-да.

Жил в некотором далеком западном царстве некий барон Сеньяк, и четыре его дочери, как гласила рукопись, соперничали друг с другом в красоте. Одну из них звали Ардат.

— Она солгала, — прошептал Гоблин.

— Может быть, — согласился я. — Или не знала сама — на это похоже больше. Не могла знать. И никто другой не мог. Я все ломаю голову: отчего Душелов была уверена, что тут скрыто истинное имя Властелина.

— Желаемое за действительное? — предположил Одноглазый.

— Нет, — возразил я. — Видно было — знала она, что держит в руках. Только не могла отыскать нужное.

— Как и мы.

— Ардат мертва, — напомнил я. — Остаются три варианта. Но если припрет, выстрел будет один.

— Подытожь-ка все, что мы знаем.

— Одной из сестер была Душелов. Имени ее мы так и не выяснили. Ардат могла быть близнецом Госпожи. Думаю, та старше, чем Душелов, хотя росли они вместе и много лет не разлучались. О четвертой сестре мы вообще ничего не знаем.

— *У нас есть все четыре имени и фамилия. Проверьте генеалогии,* — посоветовал Молчун. — *Найдите, кто за кого вышел замуж.*

Я застонал. Генеалогии лежали в «Синем хрене». Душечка погрузила их на кита вместе с прочим барахлом.

Времени не хватало. Объем работы доводил меня до судорог. В эти генеалогии не сунешься с женским именем. Нет, искать приходится мужчине, который женился на нужной нам особе, и надеяться, что летописец упомянет хоть ее имя.

— Как же мы с этим справимся? — взвыл я. — Я же единственный, кто разбирается в этих куриных следах! — И тут мне пришла в голову, простите за нескромность, гениальная идея. — Следопыт. Засадим Следопыта. Ему все равно нечего делать, кроме как за де-

ревцем ухаживать. Пусть занимается этим в «Синем хрене» и одновременно почитывает книжки.

Сказать легче, чем сделать. Следопыт находился очень далеко от своего нового хозяина. Втолковать что-либо этой безмозглой сущности — великий подвиг. Но если задание ясно, его не остановить.

Однажды ночью, когда я ежился под горкой одеял, в комнату вошла Госпожа.

— Вставай, Костоправ.

— А?

— Мы отправляемся в полет.

— А?.. Прошу прощения, но сейчас же середина ночи! У меня был тяжелый день...

— Подъем!

Приказы Госпожи не обсуждаются.

Знак

Дождь замерзал на лету, покрывая все вокруг ломкой ледяной глазурью.

— Оттепель, надо полагать, — заметил я.

Той ночью у Госпожи было плохо с чувством юмора. Мое замечание она проглотила с трудом. Ковер, к которому она провела меня, имел хрустальный купол над передними сиденьями — новое приобретение Хромого.

Чтобы снять лед, Госпоже пришлось применить волшебство.

— Проверь, плотно ли закрыто, — приказала она.

— По-моему, в порядке.

Мы взлетели.

Меня швырнуло на спину. Рыбий нос нацелился на невидимые звезды. Мы поднимались с ужасающей быстротой. Казалось, взлетим на такую огромную высоту, что я не смогу дышать.

Именно это мы и сделали. И еще выше взлетели, проломившись сквозь облака. Тогда я понял, для чего нужен купол.

Чтобы удерживать воздух. Это значит, летучие киты больше не смогут укрываться от Взятых на высоте. Госпожа и ее банда всегда что-нибудь придумают.

Но какого черта мы тут делаем?!

— Смотри.

Вздох разочарования. Тень, омрачившая надежду. Госпожа показала.

Я увидел. И узнал, потому что уже видел это долгими ночами отступления, завершившегося битвой перед Башней. Великая комета. Маленькая — но не узнать этот серебристый ятаган невозможно.

— Этого не может быть. До нее еще двадцать лет. Небесные тела не сходят со своих путей.

— Не сходят. Это аксиома. Значит, ошиблись те, кто ее установил.

Госпожа направила ковер вниз.

— Отметь это в своих Анналах, но людям не говори. Они и без того слишком встревожены.

— Согласен. — Одно лишь упоминание о комете помрачает умы.

Возвращение в слякоть ночи. Мы пролетели над Великим курганом в каких-то сорока футах. Проклятая река подобралась совсем близко. Призраки танцевали под дождем.

Я доковылял по грязи до барака, сверился с календарем.

Осталось двенадцать дней.

Старый мерзавец, наверное, хохочет сейчас от души вместе со своей любимой гончей — псом Жабодавом.

Ничего удивительного

Меня не оставляло нечто, сидящее обычно под сознанием. Я ворочался, засыпал и просыпался, и только перед самым рассветом меня осенило. Я вскочил и принялся рыться в бумагах.

Я нашел тот список, на котором Госпожа задержала дыхание. И перепахивал бесконечный список гостей, пока не обнаружил барона Сеньяка и его дочерей Ардат, Криденс и Сайлит. Младшая, Доротея, как отметил писец, прибыть не смогла.

— Ага! — каркнул я. — Поле поисков сужается.

Никаких иных сведений я добыть не смог, но и это был триумф. Предполагая, что у Госпожи была сестра-близнец, зная, что Ардат мертва, а Доротея — младшая... Шанс пятьдесят на пятьдесят. Женщина по имени Сайлит и женщина по имени Криденс. Вера — так это переводится.

Я до того разволновался, что заснуть больше не смог. Даже забыл о комете вне расписания.

Но возбуждение стерлось в жерновах времени. Взятые, отслеживавшие жену Боманца по сохранившимся документам, молчали. Я предложил Госпоже обратиться к первоисточнику. Но она еще не была готова рискнуть. Пока.

Через четыре дня после того, как я исключил сестренку Доротею, наш скудоумный дружище Следопыт добыл еще одну жемчужину. Великан корпел над генеалогиями день и ночь.

Молчун вернулся из «Синего хрена» с такой рожей, что мне стало ясно — новости у него хорошие. Он выволок меня на улицу, в город, в безмагию, и сунул отсыревший лист бумаги.

«Три сестры были замужем, — гласила запись, сделанная четким почерком Следопыта. — Ардат сочеталась браком дважды. Первым супругом был барон Кэйден Каменный Дротик, павший в бою. На

шестом году после его смерти Ардат вышла замуж за Эрина Безотчего из города Пращник в земле Вай, странствующего жреца бога Болотника. Криденс была супругой известного колдуна Бартельма Вояжского. Мнится мне, что сказанный Бартельм Вояжский стал одним из Взятых, но память моя в сем ненадежна».

А ведь чистая правда.

«Доротeya вышла замуж за Плота, наследного принца Начала. Сайлит же оставалась в безбрачии».

Тут Следопыт доказал, что, несмотря на тугодумие, иной раз в его умишке появлялись полезные мысли.

«Книги смертей показывают, что Ардат и муж ее Эрин Безотчий из города Пращник в земле Вай, странствующий жрец бога Болотника, были убиты разбойниками в пути между Резцом и Яйцом. Ненадежная моя память подсказывает, что случилось сие за несколько месяцев до того, как Властелин провозгласил себя.

Сайлит утонула при разливе Сонной реки несколькими годами ранее и при множестве свидетелей унесена была течением. Однако тела так и не нашли».

У нас тоже был свидетель. Хотя мне никогда не приходило в голову воспринимать Следопыта в этом качестве. В его умишке хранятся все эти сведения; знать бы только, как их оттуда добыть.

«Криденс погибла в бою, когда Властелин и Госпожа захватили Вояж в первые годы своих завоеваний. О смерти Доротеи свидетельств не сохранилось».

— Черт! — вырвалось у меня. — Значит, старина Следопыт еще на что-то годится.

— *Выглядит довольно запутанно*, — показал Молчун, — *но, поразмыслив, можно разобраться*.

Даже не рисуя схем, связывающих четырех сестер, я мог уверенно заявить:

— Мы знаем, что Доротeya стала Душелов. Мы знаем, что Госпожа — не Ардат. Я предположил бы, что сестра, устроившая ту засаду, в которой Ардат погибла...

Не хватало какой-то мелочи. Если бы только я знал, которые из них двойняшки...

— *Следопыт роется в записях рождений*, — ответил Молчун на мой невысказанный вопрос.

Вряд ли он что-то найдет. Барон Сеньяк не был теллекурре.

— Одна из признанных мертвыми не погибла. Я поставил бы на Сайлит. Предполагая, что Криденс была убита, потому что узнала якобы погибшую сестру, когда Властелин и Госпожа брали Вояж.

— *Боманц упоминал легенду о том, что Госпожа убила свою сестру-близнеца. В той засаде? Или нечто более явное?*

— Кто знает? — ответил я.

Очень уж запутанно.

«Интересно, — возникла трусливая мысль, — а пригодится ли нам это все?»

Госпожа объявила общее собрание, чтобы сообщить, что наша первоначальная оценка оказалась излишне оптимистической.

— Мы были введены в заблуждение, — сказала она. — В бумагах Костоправа нет ничего, указывающего на истинное имя моего супруга. Что навело Душелов на эту мысль — нам уже не узнать. Мы не можем быть уверены, что ничего из документов не пропало. Если только в ближайшее время из Лордов или Весла не придут вести, будем считать этот путь закрытым и искать новый.

Я нацарапал записку, попросил Шепот передать Госпоже. Та прочла ее и, задумчиво прищурившись, глянула на меня.

— Эрин Безотчий, — прочла она вслух. — Странствующий жрец из Пращника в царстве Вай. Это от нашего историка-любителя. То, что ты нашел, Костоправ, не так интересно, как то, что ты это нашел. Новости пять веков, и уже тогда она была бесполезной. Кем бы ни был Эрин Безотчий до ухода из Вая, следы он замел мастерски. К тому времени как его дела затронули окружающих настолько, что происхождением жреца заинтересовались, он стер с лица земли не только Пращник, но и всех, кто жил в этом городишке с момента его рождения. Позднее он пошел так далеко, что опустошил весь Вай. Потому-то так удивило нас предположение, что в этих бумагах записано истинное имя Властелина.

Я ощутил себя карликом-кретином. Следовало бы догадаться, что имя Властелина пытались найти и раньше. И я сдуру отдал слабое наше преимущество. Вот вам и дух сотрудничества.

Вскоре прибыл один из новых Взятых — я их вечно путаю, они все на одно лицо — и передал(а?) Госпоже резной сундучок. Открыв его, Госпожа улыбнулась:

— Бумаги не уцелели. Зато у нас есть это. — Она вытряхнула на стол несколько необычного вида браслетов. — Завтра отправляемся за Боманцем.

Все поняли. А мне пришлось спрашивать:

— Это что?

— Амулеты, изготовленные для Вечной Стражи во времена Белой Розы. Чтобы стражники могли безбоязненно заходить в Курганье.

Я не мог взять в толк, почему все так разволновались.

— Его жена, должно быть, унесла их. Хотя как они попали к ней в руки — загадка. А теперь разойдитесь. Мне надо подумать. — Госпожа выгнала нас, как крестьянка — цыплят.

Я вернулся к себе. За мной в комнату вплыл Хромой. Не сказав ни слова, он зарылся в бумаги. Я из любопытства заглянул ему через плечо. Он сводил в список все найденные нами имена, записывая их теми письменами, которыми пользовались в соответствующих странах, и, кажется, играл одновременно с подстановочными шифрами и нумерологией. Я недоуменно покачал головой, лег, повернулся к нему спиной и прикинулся, что сплю.

Уснешь тут, как же, когда он рядом.

Воскрешение

Той ночью опять пошел снег. Настоящий, полфута за час, и никаких просветов. Меня-то и разбудил шум, поднятый сгребающими снег с ковров и дорожек стражниками.

Несмотря на Хромого, я все же задремал.

Миг ужаса. Я вскинулся — Взятый по-прежнему корпел над бумагами.

В бараке было жарко — тепло не уходило, потому что снега навалило едва ли не до крыши.

Несмотря на погоду, жизнь продолжалась. Пока я спал, прибыли несколько Взятых. Стражники не только копали, но и чем-то еще занимались.

За скудным завтраком ко мне подсел Одноглазый.

— Она собирается идти туда, — проговорил я. — В такую метель.

— Погода лучше не станет, Костоправ. Тот парень знает, что тут творится.

Колдун был мрачен.

— В чем дело?

— Я умею считать, Костоправ. Чего ты хочешь от человека, которому осталась неделя жизни?

У меня засосало под ложечкой. Да. Я старался гнать от себя подобные мысли, но...

— Мы уже бывали в безвыходных ситуациях. Лестница Слез. Можжевельник. Берилл. Мы выкручивались.

— Я и сам это себе повторяю.

— Как Душечка?

— Беспокоится. А ты что думал? Она же как кошка между молотом и наковальней.

— Госпожа о ней и забыла.

Он фыркнул:

— Не позволяй ее милостям разжесть твой здравый смысл, Костоправ.

— Хороший совет, — признал я. — Но ненужный. Никто не стережется ее так, как я.

— Тоже пойдешь?

— Чтобы я да пропустил? Не знаешь, где тут можно снегоступы достать?

Одноглазый ухмыльнулся. На мгновение в нем проснулся прежний бес.

— Некоторые — не стану называть имен, всякое бывает — этой ночью сперли со складов Стражи полдюжины пар. Часовые заснули — с кем не бывает.

Я подмигнул и ухмыльнулся в ответ. Отрядные колдуны в своем репертуаре. Я не мог приглядывать за ними постоянно, но времени они не теряли.

— Пару мы Душечке отнесли, так, на всякий случай. Осталось четыре пары. И ма-аленький такой планчик.

— Да?

— Да. Увидишь. Блистательный, если можно так выразиться.

— Где снегоступы? Куда вы собрались?

— Встретимся в копильне, как только Взятые поднимутся в воздух.

Заглянули перекусить несколько стражников, усталые и злые. Одноглазый ушел, оставив меня в глубоком раздумье. Что они там замышляют?

Самые тщательно разработанные планы... ну, вы знаете.

В столовую вступила Госпожа:

— Бери тулуп и варежки, Костоправ. Пора.

У меня отпала челюсть.

— Ты идешь или нет?

— Но... — Я судорожно поискал оправданий. — Если полечу, кому-то не хватит ковра.

Госпожа как-то странно на меня посмотрела:

— Хромой остается. Пошли. Одеться не забудь.

Я не забыл, как меня ни огорошило. По пути на улицу наткнулся на Гоблина; обалдело помотал головой, чтобы тот заметил.

Как только мы взлетели, Госпожа протянула мне что-то.

— Что это?

— Советую надеть, если не хочешь без защиты отправиться в Курганье.

— О!

Не слишком внушительно. Дешевка: жад и яшма на ломком кожаном шнурке. Но, застегнув пряжку на запястье, я ощутил силу амулета.

Мы пролетали над самыми крышами — единственными нашими ориентирами. За городской чертой не было и их. Но у Госпожи имелись и другие средства.

Мы описали круг над границей Курганья, у реки снизились. Вода текла в ярде под нами.

— Льда много, — заметил я неуверенно.

Госпожа не ответила. Она изучала берег. Река уже въелась в Курганье. Вот рухнул сырой обрывчик, обнажив дюжину скелетов. Я поморщился. Через минуту скелеты прикрыл снег или унесла вода.

— Аккурат по расписанию, — произнес я.

— Ммм. — Госпожа повела ковер вокруг окружности курганов.

Пару раз мне удавалось заметить другие ковры. Потом что-то привлекло мое внимание.

— Внизу!

— Что?

— Вроде следы.

— Возможно. Пес Жабодав близко.

О боги!..

— Пора, — бросила Госпожа, и мы повернули к Великому кургану.

Высадились у подножия кургана — сначала Госпожа, за ней я. Вокруг опускались другие ковры. Вскоре рядом стояли четверо Взятых, Госпожа и старый перепуганный лекарь, — стояли в нескольких шагах от ужаса мира.

Один из Взятых привез лопаты. Полетел снег. Мы копали по очереди, не исключая никого. Собачья работа. Когда добрались до засыпанного снегом кустарника, стало еще хуже. А когда пошла мерзлая земля — совсем паршиво. Копать приходилось осторожно. Госпожа сказала, что Боманца едва засыпало землей.

Казалось, это длится вечно. Копай, и копай, и копай. Но мы нашли сморщенное человекоподобное нечто, и Госпожа завершила меня, что это Боманц.

В последнюю — мою — очередь лопата наткнулась на что-то твердое. Я нагнулся посмотреть, решив, что это камень, отгреб мерзлую землю...

И с воплем вылетел из ямы, тыча в нее пальцем. Госпожа спустилась туда. Обратно взмыл ее смех.

— Костоправ нашел дракона. По крайней мере, его челюсть. Я продолжал пятиться к нашему коврику..

Там громоздилось что-то огромное, басовито рычащее. Я метнулся в сторону, утонул в снегу. Послышались крики, рев... Когда я вылез, все уже кончалось. Израненный пес Жабодав умчался.

Госпожа и Взятые ждали его.

— Почему меня никто не предупредил? — проныл я.

— Он мог тебя прочесть. Жаль, что мы не сильно его задели.

Двое Взятых, наверное мужского пола, подхватили Боманца. Тот был тверд, как статуя, но что-то в нем ощущал даже я — некую искру жизни... или не жизни, а чего-то иного? За мертвого его никто бы не принял.

Колдуна погрузили на ковер.

Гнев внутри кургана был едва ощутимым, как жужжание мухи в другом углу комнаты. Но теперь он обрушился на нас, как молот безумия. Один удар. Ни капли страха не было в нем. Полная уверенность в конечной победе. Мы были для него лишь надоедливой помехой.

Поднялся ковер с телом Боманца. Потом еще один. Я устроился на своем месте и принялся молиться, чтобы мы поскорее взлетели.

Со стороны города донеслись рычание и вопли. Сквозь стену снегопада пробилась вспышка света.

— Так я и знал, — проворчал я.

Один из моих страхов претворился в жизнь — пес Жабодав нашел-таки Гоблина и Одноглазого.

Поднялся еще один ковер. Госпожа заняла свое место, закрыла купол.

— Глупцы, — сказала она. — Что они там делали?

Я промолчал.

Она не заметила. Все ее внимание поглощал непокорный ковер. Что-то тянуло нас к Великому кургану. Но я видел. На уровне глаз промелькнуло уродливое лицо Следопыта. Он нес сына Деревя.

Потом появился пес Жабодав. Он шел по пятам за Следопытом. Ему снесло полморды и ногу, но оставшегося хватило бы, чтобы раздрать Следопыта в клочья. Пса Жабодава Госпожа заметила. Она развернула ковер и одно за другим выпустила восемь тридцатифутовых копий. Она не промахнулась. И все же, волоча за собой копы, окутанный пламенем, пес Жабодав нырнул в Великую Скорбь. Нырнул и больше не всплывал.

— Это его на какое-то время займет.

В двадцати шагах, не обращая ни на что внимания, Следопыт расчищал верхушку Великого кургана, чтобы посадить деревце.

— Идиоты, — пробормотала Госпожа. — Я окружена идиотами. Даже Дерево это дебильное.

Объяснять она не стала. Вмешиваться — тоже.

По пути домой я высматривал следы Гоблина и Одноглазого. Ничего не нашел. В казармах их не было. Само собой. Не успели бы они вернуться на снегоступах. Но когда колдуны не вернулись и часом позже, я уже с трудом мог сосредоточиться на оживлении Боманца.

Процесс начался горячими ваннами — чтобы прогреть и очистить его плоть. Предварительных этапов я не видел — Госпожа держала меня при себе и не заглядывала туда, пока Взятые не объявили, что все готово к окончательному пробуждению. Оказалось совсем не впечатляюще. Госпожа сделала над Боманцем — изрядно побитым молью — несколько пассов и произнесла пару слов на непонятном мне языке. Почему это колдуны всегда используют непонятные языки? Даже Гоблин с Одноглазым. Оба признавались мне, что не понимают слов, употребляемых соперником. Может, они эти слова придумывают?

Но ее заклинание сработало. Старая развалина вернулась к жизни и с мрачным упорством попыталась продвинуться вперед, будто сражаясь с жестоким ветром. Боманц прошел три шага, прежде чем понял, что ветра нет.

Он замер. Медленно обернулся — на лице отразилось отчаяние. Взгляд уперся в Госпожу. Прошла пара минут, прежде чем Боманц осмотрел всех нас, а потом комнату.

— Объясняй, Костоправ.

— А он говорит...

— Форсбергский не изменился.

Я повернулся к Боманцу — к ожившей легенде:

— Меня зовут Костоправ. Род занятий — армейский лекарь.

Ты — Боманц...

— Его зовут Сет Мел, Костоправ. Давай установим это сразу.

— Ты — Боманц, чье истинное имя, возможно, Сет Мел, колдун из Весла. С тех пор как ты попытался связаться с Госпожой, прошло почти сто лет.

— Расскажи ему все. — Госпожа пользовалась диалектом Драгоценных городов, вряд ли знакомым Боманцу.

Я говорил, пока не охрип. О взлете империи Госпожи. Об угрозе поражения и победе при Чарах. Об угрозе поражения и победе при

Можжевельнике. И об угрозе нынешней. Колдун за все это время не промолвил ни словечка. Порой в нем проглядывал описанный в рассказе толстый, почти раболепствующий лавочник.

Первыми его словами были:

— Значит, я не совсем потерпел неудачу. — Он повернулся к Госпоже. — И тебя оскверняет свет, не-Ардат. — И снова повернувшись ко мне: — Отведешь меня к вашей Белой Розе. Когда я поем.

Госпожа ни единым словом не одернула его.

Ел он как толстый мелкий лавочник. Госпожа лично помогла мне натянуть мокрый тулуп.

— И не мешкай, — предостерегла она.

Стоило нам выйти за порог, как Боманц словно сжался.

— Я слишком стар, — произнес он. — Не позволяй моим выходкам обмануть тебя. Когда играешь с теми, кто сильнее, нужно прикидываться слабее, чем ты есть. Что мне еще осталось? Сто лет... и меньше недели, чтобы обелить себя. Как я успею что-то сделать? Единственное знакомое лицо — Госпожа.

— Почему ты думал, что ее имя Ардат? Почему не другая из сестер?

— А их было несколько?

— Четыре. — Я перечислил. — По твоим бумагам мы установили, что Доротея — это Душелов...

— По моим бумагам?

— Так называемым. Они посвящены большей частью тому, как ты пробудил Госпожу. До последних дней предполагалось, что собрал их ты, а твоя жена унесла их из города, думая, что ты погиб.

— Надо будет разобраться. Не собирал я никаких бумаг. И не писал. У меня не было ничего, кроме карты Курганья.

— Карту я хорошо помню.

— Я должен увидеть эти бумаги. Но сначала — Белую Розу. Расскажи о Госпоже.

Трудно было следить за его мыслями — слишком они петляли, расплескивая идеи.

— А что рассказать о Госпоже?

— Между вами заметно напряжение. Враги — и одновременно друзья. Или любовники и одновременно враги? В общем, противники, хорошо знающие друг друга и глубоко уважающие. Если ты уважаешь ее, тому есть причина. Истинное зло уважать невозможно. Оно и само-то себя не уважает.

О-хо-хо! А он прав. Я действительно уважаю ее.

Так что я рассказал ему кое-что. Не сразу заметив, что тема была одна — Госпожа осквернена светом.

— Она пыталась быть злодейкой, очень старалась. Но в столкновении с истинной тьмой — той, что под курганом, — проявляется ее слабость.

— Нам почти так же нелегко погасить в себе свет, как победить тьму. Властелин рождается раз в сто поколений. Прочие же, вроде Взятых, — только подделки.

— Ты сможешь выстоять против Госпожи?

— Вряд ли. Подозреваю, что мне уготовано стать одним из Взятых, когда она выкроит время. — Старик, как кот, всегда приземлялся на ноги. — Боги! — Он споткнулся. — Однако она сильна!

— Кто?

— Твоя Душечка. Невероятное поглощение. Я беспомощен, как младенец.

В «Синий хрен» мы забирались через окно второго этажа — столько насыпало снега.

Одноглазый, Гоблин и Молчун сидели с Душечкой в общем зале. Неразлучную парочку изрядно потрепало.

— Ну-ну, — произнес я. — Выбрались, значит. А я думал, пес Жабодав вами закусит.

— Никаких сложностей, — отмахнулся Одноглазый. — Мы...

— Что значит «мы»? — возмутился Гоблин. — От тебя толку было как от кабаньих сосков. Молчун...

— Заткнись. Это Боманц. Он хочет поговорить с Душечкой.

— Тот самый Боманц? — пискнул Гоблин.

— Тот самый.

Весь разговор уложился в три вопроса. Вела его Душечка, а как только колдун это понял, он ловко свернул беседу.

— Следующий шаг, — сказал он мне. — Я должен прочесть якобы автобиографию.

— Так ее писал не ты?

— Нет. Если только память мне совсем не отказывает.

В бараки мы возвращались в молчании. Боманц пребывал в задумчивости. После первой встречи с Душечкой такое в порядке вещей. Это для нас, тех, кто с самого начала ее знал, она Душечка.

Боманц продрался сквозь манускрипт, по временам уточняя перевод некоторых абзацев. Он не владел юкителе.

— Так это не твоих рук дело?

— Нет. Но главным рассказчиком послужила моя жена. Вопрос: выследили ли девчонку, Проныру?

— Нет.

— А надо бы. Она единственная из оставшихся в живых, кто имеет значение.

— Я передам Госпоже. Но сейчас не время. Через пару дней тут будет суший ад.

Интересно, посадил ли Следопыт свой саженец? Хотя что толку, если Великая Скорбь смоев курган. Храбро, Следопыт, но очень глупо.

Однако последствия его усилий проявились очень быстро.

— Ты обратил внимание на погоду? — спросила Госпожа, когда я явился передать ей слова Боманца относительно Проныры.

— Нет.

— Улучшается. Саженец ослабил способность моего мужа влиять на климат. Слишком поздно, конечно. Вода не спадет и через несколько месяцев.

Госпожа выглядела подавленной. Когда я сообщил, чего хочет Боманц, она только кивнула.

— Так плохо? Или мы потерпели поражение, еще не вступив в бой?

— Нет. Но цена победы все растет. Я не хочу платить так дорого. И не знаю, смогу ли.

Я стоял, немного ошарашенный, и ожидал разъяснений. Которых не последовало.

— Сядь, Костопправ, — произнесла она чуть погодя.

Я опустился в указанное ею кресло, у гудящего камина, куда верный Горшок постоянно подбрасывал дрова. Потом она отослала Горшка. И все молчала.

— Время затягивает петлю, — прошептала она лишь раз. — И я боюсь ослабить ее.

Домашний вечер

Дни шли. Никто не добился хоть мало-мальски заметного успеха. Госпожа свернула все исследования. Она часто совещалась со Взятыми, но меня на эти совещания не приглашали. Как и Боманца. Хромой участвовал в них, только если его приказом выгоняли из моей комнаты.

Я оставил надежду заснуть у себя и перебрался к Гоблину с Одноглазым. Это показывает, насколько пугало меня присутствие Взятого. Жить с этой парочкой — все равно что обитать посреди небольшого мятежа.

Состояние Ворона по-прежнему не менялось, и о нем позабыли все, кроме верного Горшка. Иногда еще по Душечкиному поручению заглядывал Молчун, но без особого энтузиазма.

Только в те дни я понял, что Молчун испытывал к Душечке не только верность и преданность, но не умел выразить свои чувства. Не только клятва заставляла его держать язык за зубами.

Я так и не узнал, кто из сестер были двойняшки. Следопыт, как я и предполагал, ничего не обнаружил в генеалогиях. Колдуны мастера замечать свои следы — удивительно, как он вообще что-то обнаружил.

Гоблин с Одноглазым пытались его загипнотизировать в надежде докопаться до самых старых воспоминаний. Все равно что гоняться за привидениями в тумане.

Взятые силились усмирить Великую Скорбь. Вдоль западного берега начал громоздиться лед, отворачивая течение в сторону. Но колдуны переборщили, и образовался затор, грозивший поднять уровень воды. Два дня попыток дали нам часов десять форы, не больше.

Порой вокруг Курганья появлялись гигантские следы, скоро исчезающие под снегом. Небо расчистилось, но воздух становился все холоднее. Благодаря усилиям Взятых снег не таял и не покрывался настом. Восточный ветер постоянно шевелил сугробы.

— Госпожа желает вас видеть, сударь, — сообщил мне пробежавший Горшок. — Немедленно.

Я оторвался от тонка на троих — то есть с Гоблином и Одноглазым. Это помогало убивать лениво ползущее время. А что нам еще оставалось?

— И будьте осторожны, сударь, — предупредил Горшок, когда мы отошли достаточно далеко.

— Гм?

— У нее дурное настроение.

— Спасибо.

Я сбавил шаг. У меня самого на душе кошки скребли. Не хватало еще мне чужих горестей.

В комнатах Госпожи сменили обстановку. Принесли ковры, завесили гобеленами стены. Близ уютно потрескивавшего камина стоял диванчик. Точно рассчитанная атмосфера. Дом, каким он нам мнится, а не какой он есть на деле.

Госпожа сидела на диване.

— Присаживайся, — произнесла она, даже не глянув, кто пришел.

Я начал опускаться на стул.

— Нет. Здесь, со мной.

Я пристроился на краешке дивана:

— Что случилось?

Ее взгляд сосредоточился на чем-то невообразимо далеком. На лице отражалась боль.

— Я решила.

— И?

Я нервно поежился, не совсем понимая, что она имеет в виду, и чувствуя, что мне здесь не место.

— Выбор невелик. Я могу сдать и стать одной из Взятых.

Наказание менее жестокое, чем я ожидал.

— Или?

— Или вступить в бой, который невозможно выиграть.

— Если не можешь победить, зачем драться?

Никому из своих я не задал бы такого вопроса. Как ответили бы наши, я и так знаю.

Но она не из наших.

— Я могу повлиять на исход боя. Мне не победить, но я могу решить, кому достанется победа.

— Или хотя бы не отдать победу ему?

Медленный кивок.

Я начал понимать причину ее мук. Я видел такие лица на поле боя, у тех, кто идет на смерть, помогая выжить другим.

Пытаясь скрыть свои чувства, я сполз с диванчика и бросил в огонь три полешка. Если бы не наша грызущая тоска, в комнате было бы уютно — в хрустком тепле и пляшущем свете огня.

Мы посидели немного. Я нутром чуял, что болтать не стоит.

— Начнем с рассветом, — проговорила Госпожа наконец.

— Что начнем?

— Последний бой. Смейся, Костоправ. Я попытаюсь убить Тень. И не надеюсь выжить.

Смеяться? Никогда. Восхищаться. Уважать. Враг мой, не способный погасить в себе последнюю искру света и умереть иначе.

Все это время она сидела очень прямо, сложив руки на коленях, глядя в огонь, словно надеялась узреть в нем разгадку некой тайны. Теперь она задрожала.

Женщина, испытывавшая перед смертью такой невыносимый ужас, предпочла смерть капитуляции.

Как это повлияло на мою уверенность? Плохо. Паршиво. Если бы я получил то же прозрение, что и она, мне было бы легче. Но о прозрении Госпожа не рассказывала.

— Костоправ, — попросила она очень-очень тихо, почти робко, — обними меня.

Что-о?!

Нет, этого я не сказал, но определенно подумал.

Ничего я не сказал. Просто сделал, как просили, неуклюже и неуверенно. Госпожа расплакалась у меня на плече, тихо, почти неслышно, как пойманный крольчонок.

Прошло немало времени, прежде чем она заговорила вновь. Я сидел едва дыша.

— Никто не обнимал меня так с детства. Моя няня...

Снова долгое молчание.

— У меня никогда не было друзей.

Снова долгая пауза.

— Мне страшно, Костоправ. И одиноко.

— Нет. Мы все с тобой.

— Но не все по одной причине.

Она замолчала совсем. Я долго держал ее в объятиях. Поленья в камине прогорели, свет померк. За окнами завыв ветер.

Когда я, решив, что она наконец заснула, попытался отпустить ее. Госпожа только вцепилась в меня еще крепче. Я замер, продолжая обнимать ее и стараясь не обращать внимания на боль во всем теле.

В конце концов она все же отстранилась от меня, встала, вновь разожгла камин. Я сидел. Она постояла немного за моей спиной, глядя на огонь, потом положила мне руку на плечо и отрешенно пробормотала:

— Доброй ночи.

Госпожа вышла в соседнюю комнату. А я еще минут десять-пятнадцать посидел, прежде чем кинуть в огонь последнее полено и вернуться в реальный мир.

Наверное, у меня было очень странное выражение лица, потому что ни Гоблин, ни Одноглазый ко мне не приставали. Я расстелил скатку, улегся, повернулся к ним спиной и долго еще ворочался, прежде чем заснуть.

Первый раунд

Проснулся я как от толчка. Безмагия! Я так давно не заходил в нее, что ее присутствие меня тревожило. Я поспешно свернул мешок, обнаружил, что в комнате один. Потом оказалось, что не только в комнате. Барак почти опустел. Только несколько стражников сидели в общем зале. Солнце еще не встало. За стенами завывал ветер. Несмотря на бушевавшее в печах пламя, в воздухе пахло морозом. Я глотал овсянку и раздумывал, что же успел пропустить.

Я уже покончил с завтраком, когда явилась Госпожа.

— А вот и ты. Я уж думала, что придется лететь без тебя.

Что бы ни случилось прошлой ночью, сейчас Госпожа выглядела уверенной, сильной, готовой ко всему. Пока я натягивал плащ, безмагия схлынула. У дверей своей комнаты я задержался. Хромой был там. Я задумчиво нахмурился.

Сегодня каждый ковер был полностью оснащен и экипажи укомплектованы. Но меня больше заинтересовало полное отсутствие снега между городом и Курганьем. Воюющий ветер унес его. Мы взлетели, как только достаточно рассвело. Госпожа поднимала ковер, пока Курганье уподоблялось карте, проявляющейся по мере того, как отступали сумерки. Мы облетали могильники кругом. Ветер, как я заметил, стих.

Великий курган готов был обрушиться в реку.

— Сто часов, — произнесла Госпожа, словно отвечая моим мыслям.

Вот как. Теперь мы считаем часы. Я провел взглядом по горизонту. Вон там!

— Комета.

— С земли ее не видно. Но ночью. . придется нагнать облаков.

Внизу крохотные фигурки копошились на расчищенном участке. Госпожа развернула копию с карты Боманца.

- Ворон, — напомнил я.
- Сегодня. Если повезет.
- Что они там делают?
- Обследуют.

И не только. На Курганье дугой наступали стражники в полных доспехах. За ними двигались легкие осадные машины. Но некоторые и впрямь что-то обследовали, оставляя за собой вонзенные в землю копыя. На копьях развевались разноцветные выпелы. Я не просил объяснений. Все равно бы не получил.

На востоке за рекой парили киты, с дюжину. Я-то думал, что они давно улетели.

Небо за ними полыхало зарей.

— Первая проверка, — сказала Госпожа. — Мелкая тварь.

Она сосредоточенно нахмурилась, и наш ковер засветился.

Из города выехала белая всадница на белом коне. Душечка. В сопровождении Молчуна и Лейтенанта. Душечка продвигалась по проходу, отмеченному выпелами. У последнего копыя она остановилась.

Лопнула земля. На свет божий вырвалась тварь явно из числа родственников осьминога с одной стороны и пса Жабодава — с другой. Тварь промчалась по Курганью к реке, подальше от безмагии.

Душечка поскакала к городу.

Ковры плеснули колдовской злобой. Через секунду от твари только пепел остался.

— Один есть, — заметила Госпожа.

Внизу разведчики уже устанавливали следующий проход из выпелов. Так продолжалось весь день — медленная и неотвратимая охота. Большая часть тварей Властелина прорывалась к реке. Те немногие, что кидались в противоположную сторону, наталкивались на стену стрел, прежде чем погибнуть от рук Взятых.

— Хватит ли времени уничтожить всех? — спросил я, когда солнце уже опускалось.

От сидения на одном месте у меня затекла каждая мышца.

— С избытком. Но не все будет так просто.

Я попросил объяснить, но Госпожа не ответила.

Мне все казалось не слишком сложным. Уделать монстров по одному, а когда они кончатся, взяться за главного злодея. Как он ни силен, но что сможет сделать в безмагии?

Проковыляв по бараку в свою комнату, я обнаружил, что Хро- мой еще корпит над бумагами. Взятый требуется меньше отдыха, чем смертным, но этот скоро рухнет. Какого беса он копается?

И еще Боманц. Нынче о нем ни слуху ни духу. Он-то что пы- тается проверить втихаря?

Я уминал ужин, ничем не отличающийся от завтрака, когда ря- дом возник Молчун и устроился напротив, сжимая миску с овсян- кой, точно нищий — шапку. Он был бледен.

— Как Душечка? — спросил я.

— *Ей почти понравилось*, — показал он. — *Рисковала без нужды. Одна из тварей едва не добралась до нее. Пока тварь отгоняли, ра- нили Масло.*

— Ему нужна моя помощь?

— *Одноглазый справился.*

— А ты что тут делаешь?

— *Сегодня ночью возвращаем Ворона.*

— Ох!

Я снова забыл про Ворона. Как я могу считать себя его другом, проявляя к его судьбе такое безразличие?

Молчун проводил меня до комнаты, где я поселился с Гоблином и Одноглазым. Те вскоре подошли.

Вид у обоих был мрачный. В воскрешении нашего старого друга им отводились главные роли.

Молчун беспокоил меня больше. Его осенила Тень. Он боролся с ней. Но хватит ли у него сил победить?

Часть его души не желает возвращения Ворона.

Как и часть моей.

Ко мне заглянула очень усталая Госпожа:

— Ты примешь участие?

Я покачал головой:

— Только под ногами буду путаться. Лучше поднимите меня, когда все кончится.

Госпожа сурово посмотрела на меня, потом пожала плечами и ушла.

Поздно вечером меня разбудил Одноглазый. Он еле стоял на но- гах. Я подскочил на кровати:

— Ну?

— Мы справились. Не знаю, насколько удачно. Но он вернулся.

— Как все прошло?

— Тяжело.

Одноглазый заполз в спальный мешок. Гоблин уже храпел в своем. Пришедший с ними Молчун сидел у стены, завернувшись в одолженное одеяло, и издавал лесопильные звуки. К тому времени как я проснулся окончательно, Одноглазый дрыхнул вместе с остальными.

В комнате Ворона не было никого, кроме храпящего Ворона и взволнованного Горшка. От толпы колдунов осталась только вонь.

— Он в порядке? — спросил я.

— Я же не лекарь. — Горшок пожал плечами.

— Зато я лекарь. Дай осмотреть его.

Пульс достаточно сильный. Дыхание слишком частое для спящего, но не настолько, чтобы беспокоиться по этому поводу. Зрачки расширены. Мышцы в тонусе. Кожа влажная.

— Особых поводов для беспокойства не вижу. Продолжай кормить его бульоном. Как только заговорит, немедленно зови меня. Вставать не позволяй. У него мышцы как глина, упадет еще ненароком.

Горшок послушно кивал.

Я вернулся в свою кровать, долго лежал, с тревогой думая попеременно о Вороне и о Хромом. В моей бывшей комнате все еще горела лампа. Последний из прежних Взятых продолжал свои маниакальные поиски.

Но больше я беспокоился из-за Ворона. Тот потребует от нас отчета, как мы заботились о Душечке. А я был настроен оспорить его право на это.

Время истекает

Когда хочешь, чтобы ночь длилась вечно, заря наступает на глаза. Когда хочешь, чтобы часы тянулись, они летят.

Следующий день — опять истребление чудовищ. Только одно было необычно — Хромой вышел посмотреть. Кажется, наши успехи его удовлетворили. Он вернулся в мою комнату и задрях — на моей койке, к слову. Состояние Ворона не менялось. Вечером я пришел его проведать, и Горшок сообщил, что его подопечный несколько раз был на грани пробуждения и бормотал во сне.

— Продолжай накачивать его похлебкой, — посоветовал я. — Если я понадобится — кричи, не бойся.

Заснуть я не мог. Пытался бродить по казармам, но там царила тишина. В общем зале маялись бессонницей несколько стражников, но при моем приближении замолкли. Я подумал было пойти в «Синий хрен», но знал, что лучшего приема не дождусь и там. Я уже меченый.

И будет только хуже.

Я понимал, что Госпожа подразумевала под словом «одиночество».

Если бы только хватило храбрости прийти к ней, когда мне требовалось дружеское объятие...

Но я вернулся в постель.

И заснул, да так, что поутру меня подняли только угрозой физической расправы.

К полудню мы разделились с последними из зверюшек Властелина. Госпожа объявила отдых до вечера. На следующее утро нам предстояла репетиция главного представления. По оценке Госпожи, река вскрыет Великий курган через сорок восемь часов. Времени

хватает, чтобы отдохнуть, попрактиковаться и нанести упреждающий удар.

После обеда Хромой решил полетать. Он был в отменном настроении. Я воспользовался случаем посетить свою комнату и поискать улики, но обнаружил только пару стружек эбенового дерева и серебряную пыль — и того и другого едва хватало, чтобы я вообще что-то заметил. Хромой успел второпях прибраться. Я ничего не тронул — мало ли что случится — и больше ничего не выяснил.

Подготовка к сражению проходила в весьма напряженной обстановке. Явились все, даже Хромой и Боманц, который держался так незаметно, что про него все забыли. Над рекой висели летучие киты, вокруг них кружили и парили скаты. Душечка ринулась на Великий курган по заранее подготовленному проходу, остановилась на самой границе безопасной зоны. Взятые и стражники держали оружие на изготовку.

Выглядело все превосходно. Должно сработать. Так отчего же мне кажется, что нас ждут серьезные неприятности?

Стоило нашему ковроу коснуться земли, как подскочил Горшок.

— Нужна ваша помощь! — прокричал он мне, не обращая внимания на Госпожу. — Он меня не слушается. Пытается встать. Уже два раза падал.

Я покосился на Госпожу. Та кивнула: иди, мол. Когда я вошел в комнату, Ворон сидел на краю кровати.

— Я слышал, ты парню житья не даешь. Спрашивается, зачем мы тащили твою задницу из Курганья, если ты вознамерился с собой покончить?

Голова Ворона медленно повернулась, но он меня не узнавал.

«Ох черт! — подумал я. — Лишился рассудка».

— Он говорил, Горшок?

— Немного. И не всегда разумно. По-моему, не понимает, сколько прошло времени.

— Может, стоит связать его?

— Нет.

Мы удивленно обернулись к Ворону. Теперь его взор был ясен.

— Без веревок, Костоправ. Буду вести себя хорошо. — Он повалился на спину и улыбнулся. — Давно не виделись, Горшок!

— Расскажи ему все, — сказал я. — А я пока микстуру сварганю.

Я просто хотел убраться от Ворона подальше. После того как душа вернулась к нему, он стал выглядеть намного хуже. Точно покой-

ник. Слишком доходчивое напоминание о том, что я тоже смертен. Мне об этом и без того многое напоминало.

Я намешал две микстуры. Одна — чтобы у Ворона не тряслись руки. А вторая — чтобы вырубить его, если Горшок не справится сам.

Когда я возвратился, Ворон посмотрел на меня мрачновато. Не знаю, насколько далеко забрался в своем рассказе Горшок.

— Не выпендривайся, — бросил я. — Ты понятия не имеешь о том, что случилось после Можжевельника. Да и вообще со времени битвы при Чарах. Твои выходки героя-одиночки никому не нужны. Пей. Это против дрожи.

Вторую микстуру я сунул Горшку, шепотом объяснив для чего.

— Это правда? — спросил Ворон едва слышно. — Душечка и Госпожа завтра выступят против Властелина? Вместе?

— Да. Победить или умереть. Всем.

— Я хочу...

— Будешь лежать. И ты, Горшок, не высовывайся. Нечего отвлекать Душечку.

До сих пор я как-то ухитрялся не думать о безбожно запутанных последствиях завтрашнего боя. Теперь они навалились на меня разом. Властелином дело не ограничится. Если только мы не проиграем. А коли падет он, война с Госпожой тотчас разгорится с новой силой.

Мне мучительно хотелось поговорить с Душечкой, узнать, что она планирует. Но я не осмеливался. Госпожа держит меня на коротком поводке. В любой момент может допросить.

Одиноко. Как же одиноко!

Горшок продолжил рассказ. Потом заглянули Гоблин с Одноглазым и изложили то же самое, но со своей точки зрения. Зашла Госпожа, поманила меня.

— Да? — спросил я.

— Пошли.

Я последовал за ней в ее комнаты. Уже наступила ночь. Примерно через восемнадцать часов Великий курган откроется сам. Если мы последуем плану — раньше.

— Садись.

Я сел.

— Меня заклинило, — признался я. — На бабочках размером с лошадь — ни о чем другом думать не могу.

— Понимаю. Надеюсь отвлечься, поговорив с тобой, но ты — больше чем просто развлечение.

Ну, зато меня она отвлекла.

— Быть может, твои снадобья...

Я покачал головой:

— Лекарства от страха у меня нет. Я слышал, колдуны...

— Эти противоядия слишком дорого обходятся. Нам потребуются ясные мозги. Не все пойдет так гладко, как на репетиции.

Я поднял бровь. Госпожа разьяснять не стала. Подозреваю, ожидала от своих союзников импровизаций.

Явились кухари, вкатили столик на колесиках с роскошным ужином. Последнее желание приговоренного?

— Я приказала подать все лучшее, — пояснила Госпожа, когда толпа рассосалась. — И нам, и твоим друзьям в городе. И на завтрак — тоже.

Она казалась спокойной. Впрочем, эта женщина привыкла к рискованным схваткам...

Привыкла, как же! Я фыркнул про себя. Не меня ли она просила обнять ее? Госпожа боится не меньше нашего.

Она заметила, но ничего не сказала — верный признак того, что ушла в себя.

Ужин был чудесный — если учесть, из чего поварам приходилось готовить. А так ничего особенного. За столом мы не обменялись и словом. Я закончил первым и задумался, облокотившись на стол. Госпожа последовала моему примеру. Я заметил, что съела она очень мало. Через пару минут она поднялась и ушла в спальню, чтобы вернуться с тремя черными стрелами. На каждой — серебряные письмена теллекурре. Я уже видел такие стрелы. Душелов дала одну из них Ворону, когда мы ждали в засаде Хромого и Шепот.

— Стреляй из моего лука, — наказала Госпожа. — И держись рядом со мной.

Стрелы были одинаковые.

— Это для кого?

— Для моего супруга. Убить его им не под силу — на них нет его истинного имени. Но они его остановят.

— Думаешь, план не сработает?

— Все возможно. Рассмотреть следует все возможности.

Наши взгляды встретились. Что-то было в ее глазах... Она отвернулась.

— Лучше уходи. Доброй ночи. Я хочу, чтобы завтра утром ты был в форме.

Я расхохотался:

— Как?

— Я обо всех позабочусь. Кроме часовых, конечно.

— А-а...

Колдовство. Нас усыпит кто-то из Взятых. Я встал, помешкал пару секунд, подкинул поленьев в огонь. Поблагодарил за ужин. Наконец выжал из себя то, что думал:

— Хочу пожелать тебе удачи. Но... не от всего сердца.

Госпожа слабо улыбнулась:

— Знаю.

Она проводила меня до дверей. Прежде чем выйти, я поддался порыву, обернулся — она стояла за моей спиной, ожидая...

Мы обнимались с полминуты.

Будь она проклята за свою человечность!.. Но мне тоже помогло.

Последний день

Нам разрешили выспаться, потом дали еще час — позавтракать, примириться с богами, или что там еще делают перед смертным боем. Великий курган должен был продержаться до полудня. Торопиться некуда.

Интересно, что поделывает в земле эта тварь?

К бою протрубили в восемь. Отсутствующих не было. Хромой порхал вокруг на своем коврике, причем его путь подозрительно часто пересекался с траекторией Шепот. О чем-то они шушукались. Боманц старался не попадаться лишний раз на глаза. Оно и понятно: на его месте я бежал бы до самого Весла.

На его месте? Да чем мое-то лучше?

Этот человек пал жертвой своей чести. Он верил, что необходимо отдать долг.

Забили барабаны — пора по местам. Я последовал за Госпожой, заметив по дороге, что последние гражданские уходят в направлении Весла, прихватив все пожитки, какие можно унести на спине. На дороге, поди, сущий ужас творится. Многотысячные войска, призванные Госпожой, уже добрались, судя по донесениям, до Весла и теперь продвигаются к нам. Они опоздают. А остановить их никому не пришлось в голову.

Круг внимания сузился. Внешний мир исчез. Глядя на гражданских, я задумался на мгновение, сколько трудностей придется преодолеть, чтобы сбежать отсюда. Задумался ненадолго. После боя с Властелином беспокоиться будет уже не о чем.

Летучие киты заняли места над рекой. Скаты рыскали в поисках восходящих воздушных потоков. Поднимались ковры Взятых. Но мои ноги сегодня останутся на земле. Госпожа собиралась встретить своего мужа лицом к лицу.

Спасибо, подруга.

А в ее тени притаился Костоправ с лучком и стрелочками.

Стражники уже на позициях — за заграждениями, в окопах, у осадных машин. Вымпелы выются, направляя тщательно выверенную скачку Душечки. Напряжение нарастает.

Что еще можем мы сделать?

— Держись за мной, — напомнила Госпожа. — Стрелы пусть будут наготове.

— Так точно. Удачи. Если победим, угощу тебя ужином в садах Опала.

Не знаю, что меня дернуло за язык. Судорожная попытка отвлечься? Несмотря на утренний холод, я взмок.

Госпожа сначала удивилась, потом улыбнулась:

— Если победим, я тебе об этом напомню.

Улыбка вышла вымученная. У Госпожи не было причин полагать, что она переживет следующий час.

Она шагнула к Великому кургану. А я, как верный пес, потащился за ней. Последняя искра света не угасла. Она не станет спасать себя, сдаваясь.

Боманц вначале обогнал нас, потом приотстал. Хромой — тоже. В плане такие фортели не предусматривались.

Госпожа не обращала внимания. Я волей-неволей — тоже.

Ковры Взятых начали снижаться кругами. Летучие киты и скакты искали ветер слишком нервно.

Край Курганья. Кожу под амулетом уже не покалывает. Все фе-тиши вокруг сердца Курганья сняты. Мертвые покоятся с миром. Сырая земля хватает за башмаки.

Я с трудом держал равновесие, прилаживая стрелу на тетиву. Две другие прижимал к луку.

Госпожа остановилась в нескольких футах от ямы, из которой мы вытащили Боманца. Казалось, что окружающее совершенно не трогает ее, что она говорит с тварью из могилы. Обернувшись, я увидел, как Боманц остановился чуть севернее, в полусотне футов. Руки он засунул в карманы, всем видом предлагая мне повозмущаться его присутствием. Хромой опустил на землю в том месте, где когда-то окружал Курганье ров, — Взятый не хотел упасть, когда его захлестнет безмагия.

Я глянул на солнце. Около девяти. Три часа форы — если мы захотим ее использовать.

Сердце трепыхалось как бешеное. Руки тряслись так, что, казалось, сейчас загремят кости. Вряд ли я смог бы всадить стрелу в сло-

на с пяти шагов. Я припомнил все свои грехи. И за что мне такое наказание — быть ее оруженосцем? Столько раз можно было сделать иной выбор...

— ...Что?

— Готов? — переспросила она.

— Никогда. — Я выдавил блеклую улыбку.

Госпожа попыталась ответить тем же, но она была испугана по-сильней моего. Она знала, против кого пошла. И думала, что жить ей осталось несколько минут.

Сколько же отваги в этой женщине, чтобы идти вперед, когда невозможно выиграть ничего, кроме, может быть, искупления в глазах мира?

В мозгу моем мелькали имена. Сайлит. Криденс. Кто? Через несколько мгновений это станет жизненно важным.

Я человек неверующий. Но помолился про себя богам моей юности, чтобы не мне привелось завершать ритуал ее именования.

Госпожа повернулась к городу и подняла руку. Заныли трубы. Будто без них никто не заметит.

Рука опустилась.

Стук копыт. Душечка в белых одеждах проскакала между рядами выпелов, за ней Эльмо, Молчун и Лейтенант. Безмагия должна накатиться неожиданно и не отступать. Мы позволяли Властелину выбраться, но лишали его сил.

Я так отвык от безмагии, что она ударила меня весьма ощутимо. Госпожа тоже пошатнулась, с губ слетел крик страха. Она не желала расставаться с оружием.

Но иного пути не было.

Земля мягко дрогнула, потом гейзером рванула вверх. Я отшатнулся, с ужасом наблюдая за фонтаном грязи... и очень удивился, узрев дракона вместо человека.

Проклятый дракон! Я про него и забыл совсем.

Голова змеи колыхалась в пятидесяти футах над землей, в облаке пламени. Дракон взревел. И что теперь? В безмагии Госпожа нас не прикроет. Властелин окончательно вылетел у меня из головы.

Я натянул тетиву, прицелился в разверстую пасть змея...

Меня остановил чей-то голос. Я обернулся. Боманц приплясывал и кривлялся, выкрикивая оскорбления на теллекурре. Дракон обозрел его с высоты. И вспомнил, что у них осталось неоконченное дело.

Он метнулся, подобно змее, и плюнул в нас пламенем. Огонь окутал Боманца, не опалия. Колдун стоял за границей безмагии.

Госпожа сделала несколько шагов вправо, заглянула за спину дракона. Передние лапы зверя уже выдрались из земли и теперь рыли ее в попытках вытянуть из могилы огромное тело. Нашей цели я не видел, но Взятые в небе вышли на траектории атаки. Сорвались с креплений тяжелые огненосные копыя, с ревом устремились вниз, взорвались.

— Направляется к реке! — возгласил громовой глас.

Госпожа кинулась вперед. Душечка тоже, сдвигая безмагию к воде. Вокруг меня плясали и сквернословили призраки. Я не обращал внимания — не до них.

Скаты стремительно пикировали парами, проскальзывая среди молний летучих китов. Воздух наполнился треском, запахом сухим и странным.

Откуда-то вынырнул Следопыт, бормоча, что надо спасти дерево.

Взревели рога. Я увернулся от дергающейся драконьей лапы, проскочил под бьющим землю крылом, обернулся.

Из леса вырвались десятки одетых в рванье живых скелетов, следуя за хромым псом Жабодавом. Так и знал, что он нам еще подгадит.

Я попытался привлечь внимание Госпожи:

— Лесовики! Они напали на Стражу.

Властелин все-таки держал туза в рукаве.

Госпожа не слышала.

Схватка лесовиков и Стражи на нас пока не отражалась никак. Добыча пыталась ускользнуть, и мы не осмеливались оторваться от погони.

— В воде! — прогремел голос в небе.

Душечка продвинулась еще.

Мы с Госпожой карабкались по содрогающейся от драконьих корч земле. Змей не замечал нас. Его внимание приковывал Боманц. К земле спикировал летучий кит. Щупальца пошарили в реке, что-то схватили, кит сбросил балластную воду.

В китовых щупальцах корчилась, визжа, человеческая фигурка. У меня поднялось настроение. Мы все же сделали это...

Кит поднялся слишком высоко. На мгновение его щупальца вынесли Властелина из безмагии.

Смертельная ошибка.

Гром. Молнии. Ужас в перестуке копыт. Половина города и пустошь за границей безмагии лопнули, разметались, вспыхнули и почернели.

Кит взорвался.

Властелин рухнул. И, падая в воду и безмагию, проревел:

— Сайлит! Я именую тебя!

Я выпустил стрелу.

В яблочко. Лучший выстрел навскидку за всю мою жизнь. Стрела попала в бок. Властелин с воплем схватился за древко. В этот миг он упал в реку. От молний скатов вскипели воды Великой Скорби. Еще один кит, снизившись, пошарил щупальцами по дну. На бесконечную секунду меня охватил ужас, что Властелин останется под водой и сбежит.

Но он показался снова — в китовых объятиях. Этот кит сделал ту же ошибку. И заплатил тем же, хотя магия Властелина сильно ослабела — от моей стрелы, вероятно. Он успел выпустить только одно заклятие, да и то пошло вкривь, спалив казармы Стражи. Стражники дрались с лесовиками в окрестностях казарм, и заклятие унесло десятки жизней с обеих сторон.

Второй стрелы я не выпустил. Я застыл. Я был совершенно уверен, что, если все ритуалы соблюдены, именование действует и в безмагии. Однако Госпожа даже не пошатнулась. Она стояла на берегу, глядя на тварь, бывшую ее супругом. Имя Сайлит не повредило ей ни в малейшей степени.

Не Сайлит! Властелин дважды ошибся, именую ее!.. Осталась одна попытка. Но ухмылка моя вышла невеселой. Я назвал бы Госпожу Сайлит.

Третий кит схватил Властелина. Этот ошибки не сделал. Он вынес врага на берег, к Душечке и ее спутникам. Властелин яростно боролся. Боги! Что за силы в этом существе!

За нашими спинами кричали люди и звенели мечи. Стражники поразились меньше, чем я. Они держали позиции. Взятые спешили им на выручку, осыпая противника градом губительных заклятий. Метили они в пса Жабодава.

Эльмо, Лейтенант и Молчун кинулись на Властелина в ту же секунду, когда летучий кит бросил его. Все равно что кидаться на тигра. Он отшвырнул Эльмо на три десятка футов. Я услышал треск, когда он переломил Лейтенанту позвоночник. Молчун отскочил. Я всадил во Властелина вторую стрелу. Тот пошатнулся, но не упал, а заковылял к нам с Госпожой.

Следопыт остановил его на полдороге. Он бросил саженец и вцепился в восставшего из могилы, устроив поединок, достойный войти в легенду. Оба орали, как проклятые души в аду.

Я хотел было кинуться на помощь Эльмо и Лейтенанту, но Госпожа движением руки приказала остаться. Ее взгляд шарил по полю. Она чего-то ждала.

Страшный вопль потряс землю. В небо рванулся ком маслянистого пламени. Дракон корчился, как полураздавленный червь, и визжал. Боманц куда-то пропал.

Смотреть надо было на Хромого. Каким-то образом он ухитрился подползти к нам незамеченным футов на десять. Я перепугался до того, что чуть не обгадился на месте. Хромой сбросил маску. Выжженная пустошь его лица сияла злорадством. Вот сейчас он расквитается со мной за все!

Он поднял маленький арбалет, ухмыльнулся, потом прицелился — не в меня. Арбалетный болт в точности походил на стрелы, данные мне Госпожой.

Это вывело меня наконец из транса. Я натянул тетиву.

— Криденс, ритуал завершен! — взвизгнул Хромой. — Я именую тебя! — И он спустил крючок.

Я послал стрелу в тот же миг. Черт, ну не мог я наложить ее на тетиву быстрее! Острие вонзилось в черное сердце Хромого, и он упал. Но слишком поздно. Слишком поздно.

Госпожа закричала.

Ужас мой обратился в безрассудный гнев. Я кинулся на Хромого, бросив лук и схватившись за меч. Взятый даже не обернулся, чтобы встретить мою атаку. Он просто лежал, опершись на локоть, и пялился на Госпожу.

Я по-настоящему обезумел... Наверное, такое со всяким может случиться при определенных обстоятельствах. Но я уже много лет в армии. Я давно понял, что бешенство не продлевает жизнь.

Хромой лежал в безмагии. А значит, едва цеплялся за жизнь, едва мог существовать и был совершенно не способен защищаться. И он расплатился за годы моего страха.

Первый удар наполовину рассек его шею. Я продолжал кромсать, пока не оттяпал голову совсем, потом отрубал конечности кусками, пока не затупилась сталь, не отхлынула ярость и не прояснился рассудок. Я кинулся посмотреть, что стало с Госпожой.

Она опустила на колено, пытаясь вытащить стрелу Хромого. Я бросился к ней, отстранил ее руку:

— Нет. Позволь мне. Потом.

В этот раз я меньше удивился, что именование не сработало. Я поверил, что Госпожу ничто не берет.

Проклятье! Она давно должна была умереть!

Меня начало неудержимо трясти.

Косившие лесовиков Взятые добились своего. Некоторые из дикарей уже бежали. Пса Жабодава окутывали разрушительные заклятия.

— Держись, — шептал я Госпоже. — Победа близко. Мы это сделаем. — Не знаю, верил ли собственным словам, но именно это ей нужно было слышать.

Следопыт с Властелином продолжали кататься по земле, рыча и ругаясь. Вокруг них приплясывал вооруженный копьем Молчун, всаживая наконечник в тело врага, как только появлялась возможность. Ни одна тварь не способна выносить это бесконечно. Душечка наблюдала, держась поблизости, но все же вне досягаемости Властелина. Я побежал к останкам Хромого, выдернул стрелу, которую всадил в него. Взятый злобно глянул на меня. Его мозг все еще жил. Я спихнул его голову в ров, оставленный выползшим драконом.

Змей прекратил биться. Боманца исчез бесследно. Со второй попытки он нашел судьбу, которой так боялся. Он убил чудовище — изнутри.

Не надо думать, что Боманц не совершил ничего выдающегося, раз он держался в стороне от главной схватки. Думаю, Властелин ожидал, что дракон займет Госпожу и Душечку на мгновения, которые требовались ему, чтобы вырваться за пределы безмагии. Боманц отвел эту угрозу. С тем же упорством и достоинством, что и Госпожа, он встретил свою судьбу.

Я вернулся к Госпоже. Мои руки вновь обрели необходимую для боя твердость. Как жаль, что нет при мне сумки. обойдусь и ножом.

Я уложил ее на спину, потянул из раны арбалетный болт. Если его не вытащить, он будет грызть Госпожу изнутри. Несмотря на боль, моя пациентка ответила благодарной улыбкой.

Следопыта и Властелина окружила дюжина солдат; они рьяно кололи копьями. Похоже, не каждый из них понимал, кого он убивает.

С древним злом было почти покончено. Я затампонировал и перевязал рану Госпожи обрывками ее собственной одежды.

— Сменю, как только смогу, — пояснил я.

Лесовиков разбили наголову. Пес Жабодав удрал в холмы. Эту тварь убить не легче, чем ее хозяина. Вышедшие из боя стражники спешили к нам, неся дрова для погребального костра Властелина.

Финал

И тут я заметил Ворона. Проклятый придурок! Ковыляет, опираясь на Горшка. С мечом наголо. И с упрямством на роже. Плохо будет, точно. Не так уж у него ноги подкашиваются, как он изображал.

Не надо быть гением, чтобы сообразить, на кого он нацелился. Ворон по простоте душевной решил обелить себя в Душечкиных глазах, разделившись с ее главным врагом. Меня снова затрясло — и уже не от страха. Если кто-нибудь чего-нибудь не сделает прямо сейчас, разбираться со всем придется старине Костоправу. Я буду вынужден решать и действовать, а лучше от моих действий никому не станет.

Я попытался отвлечься, проверяя у Госпожи повязку.

На нас упала тень. Подняв глаза, я уперся взглядом в холодные зрачки Молчуна. И в чуть более снисходительное лицо Душечки. Молчун покосился на Ворона. Им тоже придется разбираться. Госпожа вцепилась в мою руку.

— Подними меня, — приказала она.

Я подчинился. Она была слаба, как молодое вино, — приходилось ее поддерживать.

— Еще не все, — сказала она Душечке, словно та могла ее слышать. — С ним еще не покончено.

У Властелина уже отрубили ногу и руку, швырнули в костер. Следопыт держал его так, чтобы можно было добраться до шеи. Гоблин с Одноглазым ждали поблизости, готовые чуть что дать деру. Несколько стражников сажали сына Дерева. В небе парили летучие киты и скаты. Остальные вместе со Взятыми гнали по лесам пса Жабодава с его дикарями.

Ворон приближался. А я все не мог понять, что же мне делать.

Властелин, эта погань, был силен. Прежде чем его разделили на кусочки, он прикончил еще с дюжину человек. И даже тогда не умер. Его голова жила, как голова Хромого.

Пришел час Гоблина и Одноглазого. Гоблин схватил башку, сел, зажав ее между коленями, и Одноглазый вбил Властелину в переносицу шестидюймовый серебряный клин. Прямо в мозг. Губы мертвеца продолжали неслышно сыпать проклятия.

Клин удержит его черную душу. А голова отправится в костер. Когда уймется пламя, клин найдут и вгонят в ствол сына Дерева. И еще один темный дух будет скован на миллион лет.

Стражники сволокли в кострище и останки Хромого. Не нашли только головы. Ее засыпали обвалившиеся стенки сырой траншеи, откуда восстал дракон.

Гоблин и Одноглазый подожгли костер.

Взметнулось пламя, будто радуясь порученному делу.

Стрела Хромого попала Госпоже в четырех дюймах от сердца, между левой грудью и ключицей. Признаюсь, я горжусь тем, что извлек наконечник в такой жуткой обстановке, не лишив жизни пациентку. Но левую руку ей надо было обездвижить.

Теперь Госпожа подняла эту руку, потянулась к Душечке. Мы с Молчуном стояли мгновение недоуменно...

Госпожа притянула Душечку к себе. Она была так слаба, что, думаю, Душечка сама приблизилась к ней.

— Ритуал завершен, — прошептала она. — Я именую тебя, Тони Фиск.

Душечка беззвучно завизжала.

Безмагия заколебалась.

Лицо Молчуна почернело от видимой муки. Бесконечный миг он стоял, раздираемый обетом, любовью и ненавистью и, быть может, высшим долгом. По его щекам потекли слезы. А потом исполнилось мое давнее желание, и я готов был расплакаться сам.

Молчун заговорил:

— Ритуал завершен. — Ему трудно было произносить слова. — Я именую тебя, Доротея Сеньяк. Истинно именую тебя, Доротея Сеньяк.

Казалось, что сейчас он упадет в обморок. Но этого не случилось. Упала Госпожа.

Ворон приближался. Словно мало мне боли.

Мы с Молчуном смотрели друг на друга. Думаю, я выглядел не менее измученным, чем он. Потом он кивнул со слезами на глазах. Между нами был мир. Стоя на коленях, мы расплели тела наших женщин. Я прощупал шею Душечки; Молчун нервно наблюдал.

— С ней все будет в порядке, — успокоил я его.

С Госпожой тоже, но ему это неинтересно.

Я до сих пор не знаю, чего обе женщины ожидали в тот момент. Сколько каждая из них отдала року. В ту минуту кончилась их власть над миром. Душечка лишилась безмагии. Госпожа лишилась волшебства. Они нейтрализовали друг друга.

До меня доносились вопли. Падали наземь ковры. Всех этих Взятых Госпожа брала сама, и после случившегося на равнине она позаботилась о том, чтобы ее судьба стала их судьбой. Скоро к ним придет смерть.

На поле боя почти не осталось волшебства. Умирал Следопыт, забитый Властелином до смерти. Надеюсь, он уходит счастливым.

Но это был еще не конец. Нет. Оставался Ворон. Когда нас разделяло всего полсотни футов, он перестал цепляться за Горшка и пошел самостоятельно, грозный, точно воплощенное возмездие. Его взгляд не отрывался от Госпожи, но по походке было видно, что это представление, что он сейчас будет совершать подвиг во имя Душечки.

Ну, Костоправ? Позволишь?

Рука Госпожи вздрогнула в моих ладонях. Пульс слабый, но есть. Может быть...

Может быть, обойдется блефом.

Я подобрал свой лук и стрелу Хромого.

— Стой, Ворон.

Он не послушался. Наверное, не слышал. О черт! Если он не... все пойдет вразнос.

— Ворон! — Я натянул тетиву.

Он остановился. Воззрился на меня, точно пытаюсь припомнить, кто я такой.

На поле боя воцарилась тишина. Все взгляды устремились на нас. Молчун опустил на землю Душечку, которую понес было в город, обнажил меч, держась между ней и источником угрозы. Почти забавно было наблюдать, как мы, точно близнецы, защищали женщин, чьи сердца нам не завоевать.

Гоблин и Одноглазый осторожно двинулись к нам. Я не знал, на чьей они стороне, но всяко не хотел их впутывать. Это должна быть дуэль: Костоправ против Ворона.

Черт! Черт! Черт! Ну почему бы ему просто не уйти?

— Все кончено, Ворон. Убийств больше не будет. — Кажется, мой голос дал петуха. — Слышишь? Все потеряно — и все выиграно.

Он смотрел не на меня, а на Молчуна и Душечку. И сделал шаг.

— Хочешь стать еще одним покойником?

Проклятье, переблефовать Ворона еще никому не удавалось. Смогу ли я? Придется.

Одноглазый благоразумно остановился в десяти футах от нас:

— Что ты делаешь, Костоправ?

Меня трясло. Трясло все тело, кроме рук, хотя плечи ныли от напряжения, — так я натягивал тетиву.

— Что с Эльмо? — спросил я. У меня перехватило горло — я уже знал, что услышу в ответ. — Что с Лейтенантом?

— Оба мертвы. Опусти лук.

— Не раньше, чем он бросит меч. — Эльмо был моим лучшим другом столько лет, что и не сосчитать. Слезы застили мне слезы. — Они мертвы. Значит, я остаюсь командиром? Старший по званию из выживших, так? Мой первый приказ: мир! Немедля! Все это сделала она! Она отдала свою силу ради этого мира! И никто не посмеет ее коснуться. Пока я жив!

— Тогда мы это изменим, — проговорил Ворон.

И двинулся вперед.

— Чертов упрямый осел! — взвизгнул Одноглазый, бросаясь к Ворону.

За моей спиной послышались шаги Гоблина. Слишком поздно. В Вороне было куда больше сил, чем мы подозревали. И его подстегивало безумие.

— Нет! — заорал я.

И спустил тетиву. Стрела пронзила бедро Ворона. Ту самую ногу, на которую он якобы хромал. Он упал с изумленным видом. Меч отлетел футов на восемь. Лежа в грязи, Ворон смотрел на меня, не в силах поверить, что я в кои-то веки не блефовал.

Мне и самому трудно было в это поверить. Горшок завопил и попытался кинуться на меня. Я, не глядя, огрел его луком по голове. Мальчишка отбежал и захлопотал над Вороном. Снова тишина и молчание. Все смотрели на меня. Я закинул лук за спину.

— Заштопай его, Одноглазый.

Я прохромал к Госпоже, опустился на колени, взял ее на руки — для владычицы мира она была поразительно легкой и хрупкой — и последовал за Молчуном к городским руинам. Казармы еще горели. Странное зрелище мы представляли, с женщинами на руках.

— Вечером отрядный сбор! — рявкнул я оставшимся в живых братьям. — Явиться всем.

Я нес Госпожу на руках до самого «Синего хрена» — раньше и не поверил бы, что способен на такое. И пока не опустил ее наземь, лодыжка меня не беспокоила.

Последнее голосование

Прихрамывая и опираясь на лук, поддерживая плечом Госпожу, я вошел в то, что осталось от общего зала «Синего хрена». Страшно болела лодыжка. А я-то думал, что все давно зажило.

Госпожу я опустил в кресло. Она была слаба, бледна и, несмотря на все наши с Одноглазым усилия, едва держалась в сознании. Я твердо решил не выпускать ее из виду. Опасность не миновала. У ее подчиненных больше нет причин миндальничать с остатками Черного Отряда. Да и сама Госпожа в опасности — исходящей не столько от Ворона или моих товарищей, сколько от нее самой. Она впала в глубочайшее отчаяние.

— Все пришли? — спросил я.

Присутствовали Молчун, Гоблин и Одноглазый, бессмертный Масло, в очередной раз раненный, и его постоянный спутник Крутой. Мальчишка-знаменосец Мурген. Еще трое из Отряда. И конечно, Душечка у Молчуна под боком. На Госпожу она старалась не смотреть.

Ворон с Горшком высовывались из-за стойки — пришли без приглашения. Ворон оставался мрачен, но, кажется, он взял себя в руки. Его взгляд не отрывался от Душечки.

Та выглядела страшно. Ее ударило сильнее, чем Госпожу. Но она победила. Ворона она игнорировала еще старательнее, чем свою противницу.

Между этой парой случилась стычка, и я кое-что подслушал, а именно реплики Ворона. Душечка очень явно выразила свое недовольство неумением Ворона привязываться к людям. Она не выгнала его — ни из своего войска, ни из сердца. Но он не смог обелить себя в ее глазах.

Тогда Ворон сказал несколько гнусностей о Молчуне, хотя и дураку ясно, что Душечка испытывала к тому лишь дружеские чувства.

Вот тут она действительно взъерилась. Я не удержался, подглядел. Душечка долго и бурно объясняла жестами, что она не приз в мужских играх и не принцесса из идиотских сказок, вокруг которой должны виться рыцари и совершать кретинские подвиги в ее честь.

Как и Госпожа, она слишком долго правила, чтобы стать теперь обычной женщиной. В глубине души Душечка оставалась Белой Розой.

Так что Ворон себя чувствовал неуютно. Ему позволили остаться, но дали ясный намек: чтобы вернуть право голоса, придется потрудиться.

Первой задачей, которую поставила перед ним Душечка, было наладить отношения с его детьми.

Мне было даже маленько жаль его. Он знал только одну роль — крутого парня. И сейчас эту роль у него отняли.

— Это все, Костоправ, — прервал ход моих мыслей Одноглазый. — Все. Большие будут похороны.

Большие.

— Мне вести собрание, как единственному офицеру в Отряде, или желаешь воспользоваться правом старшего из братьев?

— Давай ты.

Одноглазому хотелось тихо страдать. Мне тоже. Но нас оставалось еще десятеро в окружении возможных врагов. Следовало принимать решения.

— Ладно. Это официальный сбор Черного Отряда, последнего из Вольных Отрядов Хатовара. Мы потеряли командира, и первое, что должны теперь сделать, — избрать нового. Потом надо будет решить, как нам действовать дальше. Кандидаты есть?

— Ты, — отвечивал Масло.

— Я лекарь.

— Ты последний офицер, что у нас остался.

Ворон начал было подниматься со своего места.

— А ты сиди и молчи! — рывкнул я на него. — Тебя тут вообще нет. Ты дезертировал пятнадцать лет назад, или забыл? Ладно, ребята, проехали. Кто еще?

Молчание. Добровольцев нет. И в глаза мне никто не смотрит. Все знают, что я не хочу в капитаны.

— Есть кто против Костоправа? — пропищал Гоблин.

Ни одного голоса. Как чудесно быть всеми любимым. А быть меньшим из зол и вовсе замечательно. Я и рад бы отказаться, но устав этого не предусматривает.

— Ладно. Следующий пункт повестки дня — как ноги унести. Мы в котле, ребята. Стража опомнится очень скоро. Надо смыться, прежде чем они начнут искать козла отпущения. Выберемся мы — а что потом?

Никаких предложений. Мои братья были потрясены не меньше, чем стражники.

— Ладно. Знаю, что сделал бы я. С незапамятных времен одна из обязанностей хрониста — возвратить Анналы в Хатовар, если Отряд будет распущен или уничтожен. Нас уничтожили. Я предлагаю самораспуститься. Некоторые братья взяли на себя обязательства, которые заставят нас рвать глотки друг другу, как только минет общая угроза.

Я посмотрел на Молчуна. Он встретил мой взгляд твердо. Только подвинул табурет, чтобы оказаться между Душечкой и Вороном. Смысл поняли все, кроме самого Ворона.

Я назначил себя временным охранником Госпожи. Удержать этих женщин в одном войске надолго — дело невозможное. Нам бы хоть до Весла вместе дотянуть. До опушки леса, и то счастье. Пригодится каждая пара рук. В худшем положении мы просто не могли оказаться.

— Кто за роспуск? — осведомился я.

Это вызвало оживление. Все, кроме Молчуна, оказались против.

— Формальная мера, — встрял я. — Я хочу, чтобы те, кто выбрал собственный путь, ушли без клейма дезертирства. Это не значит, что мы обязаны разойтись. Предлагаю лишь официально оставить имя Черного Отряда. Я направляюсь с Анналами на юг, искать Хатовар. Все желающие могут идти со мной. Соблюдая устав.

Но никто не хотел отбрасывать имя. Все равно что избавиться от фамилии, которой тридцать поколений.

— Значит, название остается. Кто не желает искать Хатовар?

Поднялись три руки. Все рядовые, записавшиеся к северу от Пыточного моря. Молчун воздержался, хотя ему хотелось идти своим путем, в поисках собственной недостижимой мечты.

Потом поднялась еще одна рука — Гоблин запоздало сообразил, что Одноглазый не возражает. Колдуны начали перебранку, и я оборвал их:

— Я не настаиваю на том, чтобы большинство тащило за собой меньшинство. Как командир, я имею право отпустить со службы любого, кто намерен идти другим путем. Молчун?

Он был братом Черного Отряда еще дольше моего. Мы его друзья и семья. У него разрывалось сердце.

Но наконец Молчун кивнул. Он пойдет своей дорогой, пусть даже Душечка ничего ему не обещала. Кивнули и те трое, что не хотели идти в Хатовар. Я занес факт их увольнения в Анналы.

— Вы вышли из Отряда, — сказал я им. — Когда доберемся до южной опушки леса, я выделю вам положенное денежное и вещевое довольствие. До тех пор будем держаться вместе.

Я не стал объяснять подробнее, иначе через минуту повис бы у Молчуна на шее, рыдая в голос. Слишком уж многое мы пережили вместе.

— Ну? — Я обернулся к Гоблину, угрожающе воздев перо. — Тебя вычеркивать?

— Давай, — посоветовал Одноглазый, — избавься от него, и побыстрее. Не нужен он нам. Толку с него как с козла молока.

Гоблин оскалился:

— Вот поэтому я и не ухожу. Останусь, и еще тебя переживу, и отравлю остаток твоих дней — чтоб ты сто лет мучился!

Я и не ждал, что они расстанутся.

— Ладно, — пробормотал я, пряча ухмылку. — Крутой, возьми пару человек и пригони лошадей. Остальные — соберите все, что может пригодиться. Вроде денег, что еще остались.

Братья смотрели на меня, все еще пребывая в тупом ошеломлении от случившегося.

— Уходим, парни. Как только лошадей наберем. Прежде чем на нас опять беды навалятся. Крутой, не скупись, бери побольше вьючных. Я хочу унести все, что не прибито гвоздями.

Потом были еще споры, разговоры, треп, но официальные дебаты я на этом закрыл.

Я, вообще-то, хитрый бес — заставил Стражу похоронить наших братьев. Мы с Молчуном пролили немало слез, стоя над могилами Отряда.

— Никогда не думал, что Эльмо... Он был моим лучшим другом. — Теперь я осознал это. Наконец. Тяжело. Я раздал все долги, и ничто больше не удерживало боли. — Он поддержал меня, когда я пришел в Отряд.

Молчун мягко сжал мою руку, выказав больше сочувствия, чем я мог ожидать.

Стражники отдавали последние почести своим павшим. Они уже почти пришли в себя, скоро начнут задумываться, что делать дальше. Могут спросить об этом у Госпожи. Они ведь, по сути дела, остались без работы.

Они еще не знают, что их хозяйка обезоружена. И я молился, чтобы не узнали, — я-то намеревался использовать ее имя вместо обратного билета.

Страшно даже подумать, что случится, когда разнесется весть о ее потере. В больших масштабах — раздирающие мир гражданские войны. В малых — попытки личной мести.

Когда-нибудь кто-нибудь заподозрит истину. Я хотел держать ее в секрете лишь до тех пор, пока мы не доберемся до границ империи.

Молчун взял меня за руку, собираясь уходить.

— погоди минуту, — остановил я его.

Обнажив меч, я отсалютовал могилам и произнес древние слова расставания. А потом последовал за Молчуном к поджидавшим нас товарищам.

Отряд Молчуна отправляется с нами, как я и хотел. Наши пути разойдутся, когда нам перестанет угрожать Стража. Подальше бы оттянуть этот миг, но он неизбежен. Как удержать рядом Госпожу и Душечку, когда опасность не объединяет их?

Проклиная ноющую лодыжку, я взгромоздился в седло. Госпожа мрачно обозрела меня.

— Ну вот, — заметил я, — уже показываешь зубки.

— Похищаешь меня?

— Хочешь остаться наедине с твоими ребятами? И поддерживать порядок кинжальчиком? — Я выдавил ухмылку. — И у нас свидание. Забыла? Ужин в садах Опала.

На мгновение за пеленой отчаяния в ее глазах промелькнул хитрый огонек. И отблеск придорожного костра. Потом тень вернулась.

Я нагнулся к ней и прошептал:

— И мне потребуется твоя помощь, чтобы вытащить Анналы из Башни.

От этой мысли меня передернуло. Я еще никому не сказал, что Анналов у меня пока нет.

Тень рассеялась.

— Ужин? Обещаешь?

Эта ведьма может посулить все на свете одним только взглядом.

— Да, — хрипло ответил я. — В садах.

И подал традиционный сигнал. Колонну возглавил Крутой, за ним следовали пререкающиеся, как обычно, Гоблин с Одноглазым. Потом Мурген со знаменем, потом Госпожа и я. За нами — все остальные и выючные лошади. Замыкали колонну Молчун и Душечка, на благоразумном удалении от нас с Госпожой.

Погоняя коня, я обернулся. Ворон стоял на обочине, опираясь на палку, необычайно одинокий, потерянный. Горшок все пытался втолковать ему, что случилось. Мальчишка-то понял. Наверное, поймет и Ворон, когда оправится от потрясения, что не все рады повиновать ему и что старый Костоправ, в конце концов, не блефовал.

— Прости, — прошептал я, сам не зная зачем.

Потом я повернулся к лесу и больше не оборачивался.

Думаю, что скоро Ворон отправится в путь и сам. Если Душечка действительно так много значит для него, как он пытался показать.

В ту ночь небо над северными землями расчистилось — впервые за много лет. Великая комета озаряла наш путь. Теперь север знал то, о чем остальной империи было известно уже несколько недель.

Комета меркнет. Роковой час прошел. И империя в страхе ожидает предвещенных событий.

Север. Три дня спустя. Во тьме безлунной ночи трехногий зверь выбредает из Великого леса. На остатках Курганья садится он и скребет землю единственной передней лапой. Выплескивает бурю перемен сын Дерева.

Тварь убегает.

Но она вернется следующей ночью, и следующей, и следующей...

Содержание

ХРОНИКИ ЧЕРНОГО ОТРЯДА

Черный Отряд. <i>Перевод А. Новикова</i>	5
Замок Теней. <i>Перевод М. Шведова</i>	279
Белая Роза. <i>Перевод Д. Смушковича</i>	573

Кук Г.

К 89 Хроники Черного Отряда. Черный Отряд ; Замок Теней ; Белая Роза : романы / Глен Кук ; пер. с англ. А. Новикова, Д. Смушковича, М. Шведова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 896 с. — (Звезды новой фэнтези).

ISBN 978-5-389-11477-7

Тьма сражается с тьмой, а Черный Отряд кочует из страны в страну и нанимается к тем, кто готов платить — хоть за доблестную битву, хоть за кровавую расправу. В целом мире не сыщется равных этим суровым, закаленным воинам, привыкшим свои сомнения хоронить вместе со своими павшими братьями. Уже не счесть, который раз они сменили хозяина. Теперь их в бой посылает чудовищная Госпожа, а в подручных у нее самые могущественные колдуны — Десять Взятых.

Но сильны и враги, поднявшие мятеж против Госпожи. Их войска неисчислимы, и они верят, что сбывается древнее пророчество: где-то уже родилась Белая Роза, которая приведет их к победе.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

ГЛЕН КУК

ХРОНИКИ ЧЕРНОГО ОТРЯДА
ЧЕРНЫЙ ОТРЯД
ЗАМОК ТЕНЕЙ
БЕЛАЯ РОЗА

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Валерий Камендо
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 14.07.2021. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 56. Заказ № 4557/21.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-ZNF-19586-05-R

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

АЗБУКА-АТТИКУС

В состав Издательской Группы
входят известнейшие российские издательства:
«Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри».

Наши книги — это русская и зарубежная классика,
современная отечественная и переводная
художественная литература, детективы, фэнтези,
фантастика, non-fiction, художественные
и развивающие книги для детей,
иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям
знаний, историко-биографические издания.

Узнать подробнее о наших сериях и новинках
вы можете на сайте

www.atticus-group.ru

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг,
узнать о различных мероприятиях и акциях,
а также заказать наши книги через интернет-магазины.

и ИНОСТРАНКА

А
АЗБУКА

КоЛибри

Махаон

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В М О С К В Е

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В С А Н К Т - П Е Т Е Р Б У Р Г Е

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В К И Е В Е

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new.authors/

ЛУЧШАЯ ТЕМНАЯ ФЭНТЕЗИ ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ ЖАНРА

Своим циклом о Черном Отряде Глен Кук в одиночку изменил лик фэнтези, хотя тогда очень многие этого не поняли, а возможно, не понимают и сейчас. Он опустил жанр на человеческий уровень, обильно наполняя свои романы архетипическими образами принцев, королей и злых чародеев. Его книги дают тот же эффект, что и проза о вьетнамской войне в сочетании с мескалином.

Стивен Эриксон, автор «Садов луны»

Хотя Кук не спешит делать поблажки тем, кто читает его впервые, поклонники могут насладиться схватками на мечах и могущественной магией, и все это на фоне напряженной и сложной борьбы за власть.

Publishers Weekly

• ЧЕРНЫЙ ОТРЯД • ЗАМОК ТЕНЕЙ •
• БЕЛАЯ РОЗА •

Cover illustration © Raymond Swanland

